Кир БУЛЫЧЁВ

ВЕЛИКИЙ ГУСЛЯР

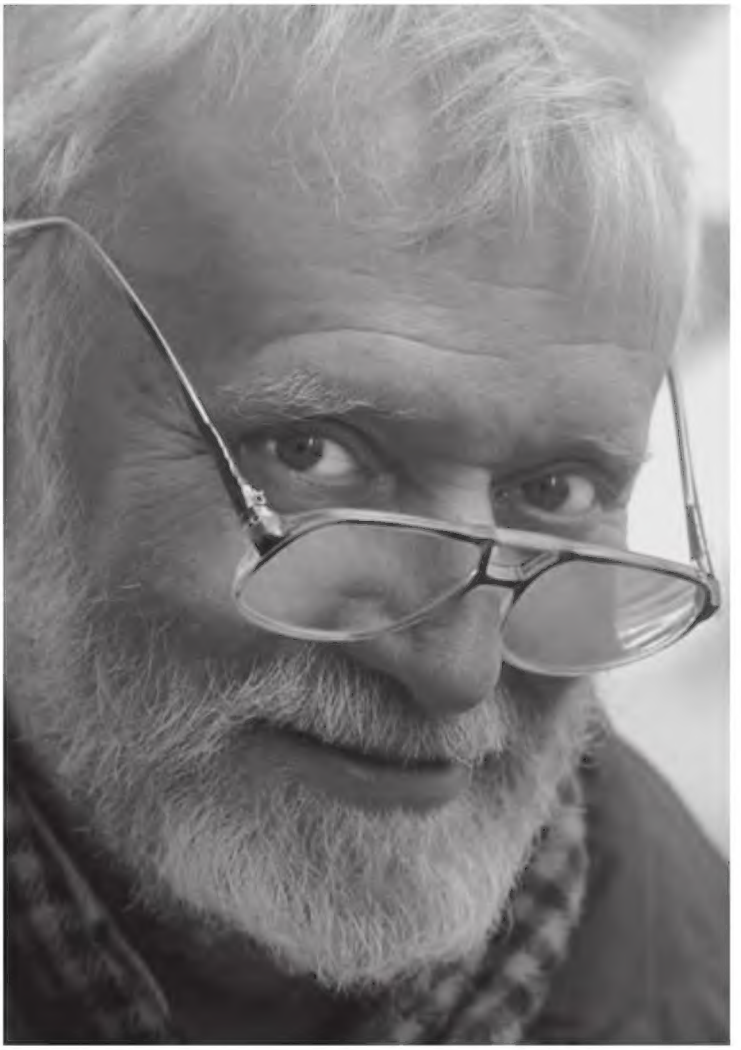
Том II

Свыше шестидесяти иллюстраций Евгения Мигунова, Киры Сошинской и Виктора Минеева ко второму тому полного цикла рассказов и повестей «Великий Гусляр»

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БМЛ

Кир Булычев



Кир Булычёв
(1934–2003)

Кир Булычёв

Великий Гусляр

Сборник рассказов

ТОМ II

Иллюстрации
Евгения Мигунова
Киры Сошинской
Виктора Минеева

Алькор

Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплетной компании
ООО «Творческое объединение «Алькор»

Санкт-Петербург
СЗКЭО

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Б90

Первые 100 пронумерованных экземпляров
от общего тиража данного издания переплетены мастерами
ручного переплета ООО «Творческое объединение «Алькор»

Классический переплет выполнен
из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.
Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.
Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.
6 бинтов на корешке ручной обработки.
Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи,
форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги
с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока
с трех сторон методом механического торшонирования
с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.
Оформление обложки пронумерованных экземпляров
разработано в ООО «Творческое объединение «Алькор»

Б90 **Булычёв К. Великий Гусляр. Том II.** — Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2024. — 1088 с.: ил.
Текст

© СЗКЭО, 2024
© К. Булычёв, наследники, 2024
© К. Сошинская, наследники, 2024
© Е. Т. Мигунов, наследники, 2024
© В. Минеев, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-9603-1152-6 (7БЦ)
ISBN 978-5-9603-1153-3 (Кожаный переплет)

Том II

ПЛОДЫ ВНУШЕНИЯ

Лето прошло, а сыграть в домино все не могли собраться. Меняются времена, меняются люди. Раньше, как вечер наступит, со двора слышен гром – мастера долбят по столу костяшками. А теперь, кто уехал, кто занят, кто разлюбил эту рыцарскую игру.

В октябре, вечер выдался мягким, теплым, почти летним, старик Ложкин вынес во двор заслуженную коробку, рассыпал по влажной от утреннего дождя столешнице черные костяшки. И стал ждать.

Сначала появился Корнелий Удалов. С женой повздорил. Потом выглянул из своего окошка Саша Грубин, увидел людей, подошел, сел на скамью, смахнув прилипший желтый лист. Последним появился профессор Минц, Лев Христофорович.

– Трудный день, – сказал он. – Газеты читал, а еще и работать нужно.

Все согласились, что трудный день.

– И времена трудные, – сказал Ложкин.

– Да, трудные, – сказал Минц. – Не успеваешь прессу читать. Центральные газеты, областные газеты, городская пресса...

– Шумим, – сказал Ложкин. – Шумим.

Старик был в оппозиции. Грустно ему было смотреть на активность молодого поколения.

Удалов размешал костяшки, тщательно, как в старые времена. Но никто не спешил забрать свои.

– Тебе бы Пупыкина вернуть, – сказал Грубин Ложкину. – Чтобы был порядок и спокойствие.

– Молчи, кооператор, – ответил с презрением Ложкин.

Ложкину было противно считать, сколько Грубин заработал за последний месяц, делая мелодичные дверные звонки для жителей Великого Гусляра. Звонки исполняли любую мелодию, а в случае нужды говорили ласковым голосом, что хозяина нет дома. Звонки пользовались спросом. А когда Ложкин сказал, что такой звонок ему не по карману, то Грубин сделал ему в подарок звонок с негромким колокольным перезвоном, в котором угадывался «Марш энтузиастов». Подарок Ложкина возмутил, потому что укрепил в мысли, что Саша Грубин бесстыдно обогатился, раз может позволить делать такие подарки.

– При Пупыкине, – сказал Ложкин, – мы тоже немалого добились. Переходящих знамен завоевали штук шестьдесят. Мне звание почетного гражданина дали, семь юбилейных значков... Организованно жили. Солидно. А вот я недавно пришел к Белосельскому с жалобой на Гаврилова, а у Белосельского дверь в кабинет раскрыта. Заходи любой. Так можно и без авторитета остаться.

С Ложкиным спорить не стали.

– Ну, начнем? – спросил Удалов.

– Движение вперед, – сказал Минц, не делая попыток забрать костяшки. – Вот главный закон природы. Новые люди, новая инициатива. Смотрите, сколько перемен вокруг!

– Что же получается, движение ради движения? – спросил Удалов.

– Любое движение, – ответил Минц, – подразумевает перемены. А нам нужнее всего перемены.

– Да здравствуют перемены! – воскликнул Грубин.

Наступила пауза. Слышно было, как в соседнем дворе заскрипела калитка. Захлопала крыльями ворона, опускаясь на крышу.

– Нет, – сказал Удалов. – Любые перемены – это опасно. Некоторые так думают, что изобрел, отрапортовал, выдвинулся, а какой ценой – неважно. Есть такая тенденция.

– Есть, – сразу согласился Ложкин. – Устал я от этого.

– Значит ты против прогресса? – спросил Грубин.

– Я за прогресс, но без лишнего изобретательства. Хотите историю расскажу?

– Только не выдумывай, – предупредил Грубин.

– Чистая правда, – сказал Удалов.

И он поведал соседям историю, что приключилась с ним на одной планете во время последнего космического путешествия. Название планеты он не запомнил, да и неважно это – сколько их разбросано по просторам Галактики! И на каждой свои проблемы, свои трудности. Имен действующих лиц и их должностей Удалову также узнать не довелось. Поэтому тамошние к-армины он называл городами, а вкушера Крисловиа именовал просто начальником. Это мы с вами знаем, что вкушер Крисловиа – плакорисс к-армины Пр. А Удалов не знал. Зато он был свидетелем тех событий и излагал их правдиво.

– Попал я туда проездом, – начал Удалов. – Остановился в гостинице. Вечером делать было нечего, включил телевизор. Круглый такой,

в воздухе висит, как раз над кроватью. Передавали про ихнего врача-психолога. Женщине делали операцию, а он внушил ей, что никакого наркоза ей не надо. Такая у него была сила внушения.

– Это я тоже видел, – сказал Ложкин. – У нас передавали.

– Погоди, не перебивай, – сказал Удалов. – Сидит, значит, этот психолог в своем кабинете, вокруг телевизионная аппаратура. И говорит той женщине: расслабься, сейчас в тебя ножик войдет, как в хлеб с маслом, а ты ничего не почувствуешь. Она улыбается, закрывает глаза и подтверждает: ничего не чувствую, только режут меня как хлеб с маслом. А врачи тем временем кромсают ее своими скальпелями. Вырезали все, что надо, а психолог по телевизору приказывает: открой глаза и признайся, хорошо ли тебе? Ой, хорошо! говорит та женщина. И психолог ей объявляет: все, теперь десять дней ты ничего чувствовать не будешь, а потом все заживет.

– Гипноз, – сказал Минц.

– Ясное дело, что гипноз, – согласился Грубин.

– По нашему телевизору он тоже про хлеб с маслом говорил. Неужели такое совпадение?

– А они такие слова во всех Галактиках говорят, – догадался Грубин.

– Может быть, – сказал Удалов. – Главное, что потом произошло. Вернулся тот психолог домой, и тут же ему телефонный звонок, от городского начальника. Прибыть на ковер. Психолог отвечает: я устал от нервного напряжения, не пойду! Только лег спать – стук в дверь и появляется начальник. Начальник был новый, активный, все искал, как бы выделиться, как бы соответствовать новым веяниям. Просто извелся от желания себя показать. Увидел он по телевизору передачу и сердце у него забилось: понял, что есть у него шанс. Вошел начальник к психологу и вежливо говорит:

– Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе.

– У них и Магомет был? – спросил Ложкин, ухмыльнувшись.

– Условно, условно! – отмахнулся Удалов. – Пришел, значит, к психологу начальник и говорит: – Наша великая борьба с алкоголизмом идет с переменным успехом. То мы пьянство потесним, то оно нас.

– А я тут при чем? – спрашивает психолог. – Я непьющий.

– А ты скажи – на одного человека можешь влиять по телевизору или на коллектив замахнешься?

– Можно и на коллектив.

– Тогда выступи, внуши людям о вреде спиртных напитков. Сделаешь, улучшим тебе жилищные условия. Не сделаешь – разоблачим в фельетоне.

Делать нечего, психолог согласился. Условия у него оставляли желать лучшего.

В назначенный час местное телевидение объявило, чтобы все спешили к голубым экранам, потому что будет чрезвычайное сообщение. Все поспешили, экраны включились, психолог посмотрел в глаза горожанам и сказал:

– Дорогие товарищи зрители. С сегодняшнего дня вы больше не хотите пить водку и даже пиво. Вызывают они в вас отвращение. И склонности к этому вы больше не имеете.

Сделал он свое дело и пошел спать.

А городской начальник спать не пошел. Он сначала на себе проверил, достал из бара бутылку коньяка, покрутил в руках и подумал: зачем же люди свое здоровье губят? Но начальство – это еще не весь народ. Так что начальник к открытию винного отдела затаился поблизости и стал наблюдать.

Магазин открылся, но никакой очереди не было. За первый час зашло в него человека два-три, из тех, у кого телевизора нет. Купили они по бутылке, а распить не с кем.

С чистым сердцем поехал начальник в область. Там на совещании отрапортовал: наш город трезвый на девяносто девять и девять десятых процента. Не верите – проверьте! И можете нашей торговле плана по водке не спускать.

В зале зашумели, даже засмеялись. Но прошел месяц, везут из того города в область непроданную водку. И ни одной жалобы на нехватку спиртного. Пришлось поверить.

Больше всего это сообщение встревожило начальника соседнего города. Они давно с первым городом соревновались, а тут такое событие! А надо сказать, что у начальника второго города сестра жены в первом городе жила. Так что тайна открылась скоро.

И задумал второй начальник диверсию, потому был молод, полон сил и выдумки. Он сказал своей секретарше:

– У моего соседа золотой петушок в руках, а он им гвозди забивает.

Тем же вечером перед новой квартирой врача-психолога остановилась машина. Из нее вышел помощник второго начальника и внес в квартиру фирменный торт и букет алых гвоздик.

– Это от ваших почитателей, – сказал он. – Из нашего города.

– Спасибо, – сказал врач-психолог. – Я очень тронут.

– Скажите, – спросил помощник начальника. – За какой гонорар вы согласитесь выступить по нашему городскому телевидению с лекцией о вреде алкоголя? У нас тоже еще остались некоторые пьяницы и нам очень нужно их перевоспитать.

Не хотелось психологу ехать в незнакомый город, но его убедили, что он послужит благородному делу. Так что он согласился.

Там, на городском телевидении, он провел успешную борьбу с алкоголизмом, а начальник, который при том присутствовал, сказал ему задушевно:

– Дорогой ты наш психолог. Есть у нас для тебя задание. Только ты не возражай, руками не махай, не сопротивляйся, потому что ты у нас в руках. Беда у нас в городе – совсем нет мяса и сахара.

– Ну и что? – спросил психолог, который был далеко не такой сообразительный, как начальник. Может, поэтому и не стал начальником. – Я вот вспоминаю, какой случай был у нас в Гусляре...

– Не отвлекайся! – сказал Ложкин. – Говори по делу. Без лирики.

Удалов извинился и продолжал.

– Ты, – сказал второй начальник, – должен выступить по нашему городскому телевизору и убедить народ, что он не любит сахара и совсем не выносит мяса.

Психолог возмутился, стал возражать. А ему – гонорар! Он от гонорара отказался, тогда его арестовали и посадили в отделение за нарушение общественного порядка.

– Хорошо, что не на нашей планете, – сказал Грубин. – А то бы мы тебе, Удалов, не поверили.

– Я и говорю, что не на нашей, – сказал Удалов и продолжал: – Трое суток сопротивлялся психолог. Сломили его в конце концов. Выступил. И такая у него была сила гипноза, что на следующий день перестали жители того города покупать сахар и мясо. И сразу прекратился дефицит.

– Безобразие! – сказал Ложкин. – За такие вещи следует судить!

– А надо сказать, – продолжал Удалов, – что первый начальник сразу хватился, что его психолог пропал. Подняли на ноги милицию, подсуетились и обнаружили, что в соседнем городе не только пить водку перестали, но люди сахара и мяса не покупают. Тут первый начальник начал на себе волосы рвать, что сам не догадался и потребовал от соседа: «Верни психолога!». Тот психолога не вернул, только смеялся. Он готовил своего пленника к следующей акции – к отказу от масла.

Но не успел. Первый начальник уже добрался до области и поднял там страшный бум. Пробился к областному начальнику и выложил ему всю правду – себя не пожалел, но уж своего соседа разоблачил.

Вызывает область по вертушке второго городского начальника. И приходится тому везти психолога в область.

– Его домой не вернули? – спросил Грубин.

– Нет, в область перевезли. В области тоже проблемы. И областной начальник там новый, энергичный, с идеями.

Как ни крутился психолог, как ни просил отпустить его к научной и лечебной деятельности, пришлось ему по областному телевизору выступать, отучать людей от пьянства в масштабе области. А потом... – тут Удалов сделал долгую паузу, а его друзья терпели, потому что им не терпелось узнать, чем же кончилась та история.

– Уже на следующий день психолог выступил по телевизору и убедил жителей области выйти на субботник по уборке города, а в воскресенье уехать добровольно в пригородные хозяйства на прополку.

– Ну это ты хватил! – возмутился Ложкин. – Откуда на далекой планете субботники?

– Ну может это четверговиками называлось? Разве так важно? – сказал Удалов. – Главное, что пропололи. С энтузиазмом. И область отрапортовала. И это был последний день работы психолога в той области.

– Возмутился? – спросил Грубин.

Удалов отрицательно покачал головой.

– А что ему возмущаться? – спросил Ложкин. – Он делал хорошее дело. Разве по доброй воле народ на прополку поднимешь? Я помню, в сорок седьмом, на заем подписывал. В размере двухмесячного заработка. Ох, как сопротивлялись. До принятия мер.

– Ложкин, – сказал Грубин. – Ты нам когда-нибудь о своей общественной деятельности в эпоху культа личности отдельно расскажешь.

– А я что? – Ложкин уловил опасное в голосе Грубина. – Я был рядовым бухгалтером. В профкоме. Как все, так и я.

– Нет, – продолжил Удалов. – Не возмутился психолог. А если возмутился, то не показал виду. Оробел. После отсидки в ихнем отделении. Но случилось так, что в ту же ночь его отвезли в столицу.

– Правильно, – сказал Ложкин. – Если бороться с пьянством, то в масштабе всей планеты. Одним ударом.

– Вряд ли, – сказал задумчиво профессор Минц, – на центральном телевидении разговор шел о пьянстве.

– Почему? – вскинулся Ложкин.

– Бороться с ним нужно, но если совсем прекратить, то встанут серьезные финансовые проблемы. Это закон Галактики.

– Правильно, – сказал Удалов. – О пьянстве речи не было. Были среди столичных начальников такие, что ставили интересы ведомства выше народных и хотели выполнить свои планы и задумки одним ударом. Первым психолога схватил министр текстильной и обувной промышленности, фабрики которого совершенно не справлялись со своими обязательствами. Психолог по его приказу внушил населению полное презрение к одежде. Тогда, помню, стояло лето и все пошли по улицам в купальниках или трусиках, а то и вовсе обнаженные.

– А ты сам? – спросил Грубин. – Разделся?

– Я не разделся, потому что ихнего языка не знал.

– Продолжай, – сказал Ложкин. – Ври дальше.

– На следующий день до психолога добрался министр транспорта, который никак не мог решить проблему топлива. Пришлось психологу внушать народу, что ходить пешком куда приятнее, чем ездить на автомобилях и в автобусах. От этого, конечно, разладилась работа на заводах и в учреждениях, так как многие стали опаздывать. Пришлось вмешаться в дело министру труда. Он приказал психологу, чтобы тот внушил народу любовь к труду такого масштаба, что многие вообще перестали уходить с рабочих мест, только бы не отрываться от дела.

– Славно! – воскликнул Ложкин, но никто его не поддержал.

– Начались голодные обмороки и болезненные осложнения, – продолжал Удалов. – И обеспокоились в первую очередь министр идеологии и министр культуры. Один, потому что опустели все лектории и библиотеки, второй, потому что люди перестали ходить в театры и в цирк. Обиженные министры посадили психолога перед камерами,

встали за его спиной, следили, как он внушал народу любовь к изящному искусству и духовной пище. Но когда передача была в разгаре, в студию ворвался министр торговли. Экономия – экономией, а магазины прогорают. В студии начался кровавый бой между министрами и психолог постарался ускользнуть. Он очень устал от выступлений.

У выхода с телевидения психолога поджидала черная бронированная машина. В машине сидел почти голый министр обороны.

– Подожди, – сказал он, – съешь бутерброд, выпей чарку солдатской наливки. Сейчас мои молодцы возьмут студию штурмом и тогда ты скажешь народу то, что ему в самом деле пора услышать.

– А что? – спросил психолог упавшим голосом.

– Наш народ, – сказал министр обороны, – никак не проникнется чувством справедливой ненависти к пултянам, которые двести лет назад предательски оттяпали кусок нашего исконного болота. Ты должен внушить народу единое желание взять в руки винтовки и показать презренным врагам, где раки зимуют.

Психолог с грустью смотрел, как пробегают по улицам дрожащие, голодные, охваченные трудовым энтузиазмом жители столицы и представил себе как завтра они будут корчиться и умирать под пулями. И тогда он сказал:

– Я согласен сотрудничать с вами, но при одном условии. Я должен быть уверен, что мою последнюю передачу будут слышать все жители государства без исключения.

– Разумеется, – сказал министр обороны.

– Но для того, чтобы я был в этом уверен, вы должны будете приставить людей даже к министрам и прочим высоким чинам государства. Я не хочу, чтобы кто-нибудь из них хоть на мгновение отвернулся от экрана.

– Справедливое требование, – согласился министр. – Мне тоже не нужна оппозиция. Боевым энтузиазмом надо охватить всех.

И он отдал соответствующие приказания.

Психолог вошел в студию, подождал, пока включатся камеры и сказал, глядя пронзительным взором на зрителей:

– Уважаемые зрители... – тут Удалов прервал рассказ и поглядел на замерших соседей. – Что он сказал?

– Не тяни! – воскликнул Ложкин. – Хоть и врешь, но захватывает.

– Позвал всех на фронт? – спросил Грубин.

– Погодите, – Лев Христофорович почесал лысину. – Все не так просто. Этот психолог по натуре был наверняка интеллигентом, а по призванию – гуманистом. Значит он... призвал к миру!

– И его тут же пристрелили, – сказал Грубин.

– Может и нет, – возразил Минц. – Если он внушил им всем, включая министра обороны, крайнее миролюбие, то солдаты не стали бы в него стрелять. Но тогда бы он не решил остальных проблем.

– Вот именно! – сказал Удалов. – А он хотел с ними покончить. Ведь надвигалась осень. И раздетые, усталые, голодные жители наверняка бы погибли. Вот что он сказал: «Господа министры и заместители министров, господа высокие бюрократы и столоначальники! Господа, думающие о сохранении своего места, а не о собственном народе – сейчас вас всех охватило страстное желание немедленно уйти в отставку! И никогда не возвращаться к руководящей деятельности. А прочие жители государства – живите, как жили до моих гипнотических сеансов, но пожалуйста, поумнейте!»

– И удалось? – спросил с надеждой Грубин.

– Начальники тут же написали заявления об отставке. Они так спешили, что той же ночью собрали вещички из кабинетов и потом даже удивлялись – что это их тянуло командовать человечеством? А психолог вернулся в свой город.

– И квартиру сохранил? – спросил Ложкин.

– Квартиру он получил законно. Так что сохранил, – сказал Удалов. И добавил: – Надеюсь, что сохранил...

– Не было этого, – сказал Ложкин, складывая костяшки домино в коробку. – И быть не могло. Даже на отдаленной планете.

Удалов пожал плечами и пошел к себе, мириться с женой.

Так они и не сыграли в домино.

НОВЫЙ СУСАНИН

В лесах под городом Великий Гусляр таится озеро Копенгаген, окутанное тайнами и легендами, заветная Мекка гуслярских рыболовов.

Многие десятилетия оставалось загадкой название озера, непривычное для здешних мест. Рассказывают, что в тридцать седьмом году покойный отец старика Ложкина поехал в Вологду продавать метровую щуку, выловленную им в том озере. На вологодском рынке к нему

подошёл один человек, одетый в штатское, и спросил, где Ложкин выудил такую рыбину. Ложкин честно признался, что в Копенгагене, и после многих допросов и неправедного суда отправился в лагерь как датский шпион, а Николай Ложкин дождался папу только через восемнадцать лет.

Лишь лет двадцать назад директорша краеведческого музея Елена Сергеевна выудила в городском архиве информацию, что озеро получило своё название случайно. Оказывается, в начале прошлого века в тех краях построил свой охотничий замок англоман Архип Гулькин, велевший именовать его просто Гулем. Как-то приехавший к Гулю на рыбалку либерально настроенный гуслярский мировой посредник пошутил, что Копенгаген – английский вице-адмирал. Гуль был потрясён звучностью адмиральского имени и велел переименовать озеро Тёмное в озеро Копенгаген. Название окрестным мужикам понравилось, хотя казалось ругательным. Гуль пытался разводить в озере крокодилов, крокодилы прижились, но мужики их выловили и пустили крокодилью шкуру на подошвы валенок.

Уже в почтенном возрасте Гуль влюбился по переписке в проживавшую на Украине госпожу Ганскую, представительницу старого шляхетского рода. Но, несмотря на переписку, тёплые слова и даже обещания, госпожа Ганская вышла замуж за француза Бальзака. Помещик Гуль не выдержал такого расстройства и утопился в Копенгагене. Его охотничий замок, разграбленный поселянами, превратился в руины. И люди обо всём забыли.

Елена Сергеевна послала заметку о помещике Гуле в «Вестник Вологодского пединститута», но заметку не напечатали, как лишённую актуальности. Зато в Великом Гусляре об открытии Елены Сергеевны некоторые люди узнали, потому что она провела беседу на эту тему в лектории музея.

Несмотря на то что Великий Гусляр лежит в стороне от основных коммуникаций государства, а население в нём обитает консервативное, новые веяния долетают и до его площадей и переулков. В Гусляре есть свои демократы, коммунисты, сторонники парламента, поклонники президента и даже представители капитализма. И, как положено российской глубинке, в недрах её таятся такие социальные движения и водовороты, что порой и Москва бы позавидовала прыти нашего городка.

Поджарый Салисов и грузный Ахмет Собачко пришли в газету «Гуслярское знамя» к её корреспонденту Михаилу Стендалю и изложили свою позицию. Тот, желая им помочь, повёл их на бывшую Пушкинскую, ныне, в результате кампании за возвращение исторических названий, переименованную в Старокривоколенную, в дом № 16, где проживает его старый друг, а также заядлый рыболов Корнелий Иванович Удалов.

В то субботнее утро Корнелий страдал радикулитом, отчего не смог пойти на рыбалку и даже спуститься вниз сыграть в домино. Правда, и в домино он играть не очень стремился – пришло новое поколение, которое привнесло в игру денежный интерес. Раньше люди собирались вокруг стола, чтобы как следует стукнуть по столешнице, сделать «рыбу», а то и просто поговорить с соседом. Молодёжь, занявшая стол, играла теперь на деньги, причём порой с улицы Софьи Перовской приходили сущие террористы, а играли они на «зелёные», или баксы, сам вид которых Корнелию Ивановичу, как человеку старой закваски, был неприятен. Ведь во времена его молодости такими «зелёными» агенты США расплачивались с отщепенцами за измену Родине.

Корнелий Иванович стоял у окна, глядел во двор и рассуждал, соберётся ли дождик или обойдёт стороной. Он увидел, как осторожно, словно катафалк, влекущий тело члена Политбюро, в ворота вполз «мерседес», замер и из него вылез помятый и встрёпанный корреспондент газеты «Гуслярское знамя» Михаил Стендаль, а за ним два закованных в кожу молодых человека. Мода, осчастливившая революцию кожаными куртками, сделала странный исторический виток и вновь призвала кожаные куртки в период контрреволюции.

Один молодой человек был бородатеньким, маленьким и тщедушным, а второй – внушительным и полным, но куртки скрадывали различия в комплекции.

Стендаль поднял голову, угадал за стеклом Корнелия и сделал жест рукой, означавший просьбу отворить дверь.

Корнелий обернулся и крикнул:

– Ксюша, открой, пришли!

Никто не откликнулся, и Корнелий вспомнил, что Ксения ушла на рынок.

– Максим! – позвал тогда Удалов.

Но сын тоже не откликнулся, потому что с утра забрал гитару и смылся из дома, чтобы не готовиться к экзаменам в училище парикмахеров.

Пришлось Удалову, припадая на левую ногу и держась за позвоночник, брести к двери.

У двери Удалов выпрямился и принял бодрый вид. И даже улыбнулся гостям.

Гости вежливо поздоровались и сразу проникли в комнату, причём сделали это так ловко, что Удалов со Стендалем далеко отстали от них и оказались в комнате, когда молодые люди уже заканчивали поверхностный обыск.

– Всё в порядке, заходите, – пригласил Удалова худой и злой на вид человек, утонувший в кожаной куртке и заросший густым чёрным волосом. – Располагайтесь.

После этого гости уселись в кресла, а Стендалю и Удалову достались стулья. Впрочем, когда у тебя приступ радикулита, то лучше сидеть на стуле.

– Наши гости, – сдавленным голосом сообщил Стендаль, – приехали из Москвы. У них есть сенсационная информация, связанная с Великим Гусляром, и они просят нашего содействия.

– Не так громко, – предупредил худенький гость.

– Разрешите, я вам их представлю, – сказал Стендаль. – Товарищ Салисов – аквалангист и экстрасенс.

– С мировым именем, – добавил бородатый и чуть наклонил остроносую голову. – И предупреждаю: все ваши мысли мне известны.

Помолчали. Видно, экстрасенс читал мысли Удалова, а Удалов удивлялся, почему же это у него с утра ни одной мысли в голове не было. А сейчас мысли появились и были связаны с ненормальным взвинченным состоянием корреспондента.

– А вот, познакомьтесь, – продолжал Стендаль, – господин Ахмет Собачко.

– Не господин, а товарищ, – поправил Стендаля грузный, лысый, украшенный лишь длинными висячими усами человек. – Не люблю этих модных штучек.

Выждав деликатную паузу, Стендаль сообщил:

– Наши гости смогли сделать важное открытие. Они приехали, чтобы поделиться им с нами.

– Не продаст? – спросил Салисов.

Михаил Артурович совсем смутился.

– Ну как можно! – сказал он.

– А это вопрос суммы, – сообщил Собачко. У него был высокий девичий голос и очень красные губы.

– Удалов молчалив как могила, – сказал Стендаль, смущённый ролью, которую ему пришлось играть.

Могилой Корнелий себя не считал, но спорить не осмелился. Ждал.

– Знаете ли вы, в каких местах совершал свои подвиги Иван Сусанин? – резко спросил Салисов. Его чёрные глаза горели отчаянным нутряным огнём.

– В отдалённых отсюда, – послушно ответил Удалов. – В костромских лесах, если не ошибаюсь. Я в Костроме ему памятник видел – рукой за речку показывает, куда идти не следует.

Удалов хихикнул, приглашая остальных присоединиться. Никто не присоединился.

Удалов осёкся. Здесь никто не собирался шутить.

– Подскажите мне, – произнёс Салисов, – чем прославился Иван Сусанин в памяти русского народа?

– Он завёл поляков в лес, – послушно ответил Удалов, – где не было видно ни зги. Сусанину с сердцем вскричали враги: «Куда ты завёл нас – не видно ни зги!»

– Хватит! – оборвал Удалова Салисов. – Не пытайтесь показаться глупее, чем вы есть.

В комнате воцарилось молчание. С каждой секундой оно всё тяжелее ложилось на плечи присутствовавших.

Наконец Удалов не выдержал и пискнул:

– Ну?

– Стендаль сказал, что вам можно доверять, – произнёс Собачко с некоторым удивлением, словно хотел показать всему миру, что на самом деле Удалову лучше не доверять.

– Выхода нет, – помог гостям Стендаль.

– Историческая правда, – строго сказал Собачко, – заключается в том, что поляки, которых завёл Сусанин, несли с собой большой и важный груз – награбленные в Вологде ценности.

– Золото, драгоценности, мебель, бусы, янтарь, жемчуг, – подытожил Салисов.

Он вытащил из кармана чёрный лаковый бумажник, раскрыл его, вынул листок, исписанный мелко и густо, и проверил по нему, правильно ли перечислил награбленное поляками.

– По нашим сведениям, – продолжал Салисов, – оставленные в глуши Сусаниным поляки, в отчаянии перед гибелью, прорубили полынью в озере Тёмном в окрестностях города Великий Гусляр, а потом замёрзли в чаще леса.

– Исторический факт! – воскликнул Собачко и погладил себя по животу, радуясь тому, что ему сытно, тепло и не грозит смерть от холода.

– Всё это обнаружено нами в архивах КГБ, – сказал Салисов. – Большевики скрывали эти сведения от народа, надеясь самим отыскать сокровища. Но не вышло, потому что документы были утеряны в годы великих чисток. Вы понимаете?

– Но мы теперь знаем, – продолжил Собачко. – Озеро Тёмное! Мы должны отыскать это озеро и нырнуть в его глубины. Сокровища, которым нет цены, лежат на его дне. В тине. И вы нам поможете.

– Почему? – спросил Удалов.

– Потому что это ваш гражданский и нравственный долг, – сказал Собачко.

Стендаль в отчаянии глядел на Удалова.

– Сокровища, говорите... – протянул Удалов, поглаживая лысину, обрамлённую пегими вьющимися кудрями. – Тогда вам, товарищи, следует обратиться в наш музей. Он и заботится о сокровищах.

– Ах оставьте! – отмахнулся Салисов. – В музее сидят некомпетентные, ограниченные люди.

Удалов укоризненно покачал головой. Стендаль взволнованно вмешался в разговор:

– Корнелий Иванович, эти господа просят им помочь.

– В чём?

– Проведите нас к Тёмному озеру, – жёстко произнёс Собачко. – Мы вам заплатим.

– Я бы рад, – сказал Удалов, которому эти люди страшно не нравились. – Но, к сожалению, такого озера в наших краях не существует.

– Ложь! – отрезал Собачко. – Такое озеро у вас есть, хотя, может быть, под другим названием. Так что вы, Корнелий Иванович, не манкируйте. Иначе нам придётся принять меры.

– Корнелий Иванович! – Голос Стендаля дрожал от волнения и страха. – Корнелий, помоги им!

Произнося эти отчаянные слова, Стендаль старался незаметно для приезжих подмигивать Удалову.

Удалов и без подмигивания знал, что положение критическое. К озеру Копенгаген, которое ранее звалось Тёмным, тайных троп нет. Лесом по шоссейке районного значения доезжаешь автобусом до шестнадцатого километра, потом тропинкой, довольно исхоженной, идёшь ещё километр с небольшим. Вот ты и на месте. Эту дорогу знает каждый пятый житель Великого Гусляра. Секрет лишь в том, что мало кому известно прежнее название озера Копенгаген. Если ты не был на памятной беседе Елены Сергеевны в позапрошлом году и не читал опубликованной тогда же заметки Стендаля в «Гуслярском знамени», то сочетание слов «Тёмное озеро» ничего тебе не скажет. Впрочем, если подозрительные молодые люди выйдут на улицу, покажут десяти прохожим зелёную купюру, то наверняка отыщут хотя бы одного проводника в гуслярские леса.

– И как же вы намереваетесь искать этот клад? – спросил Удалов, глядя на Собачко проникновенно и целеустремлённо.

Тот принял этот взгляд за чистую монету и ответил:

– Оборудование на подходе. Летит вертолётами. Батискаф, катер, надувной плот, скафандры.

Собачко загибал пальцы. Салисов добавил, глядя на его пальцы:

– Акваланги, сухой паёк, гранатомёт.

– Базилио! – оборвал спутника Собачко.

– Имеется в виду гарпуномёт, – поправился Салисов и тонко усмехнулся под бородой.

– А потом? – спросил Удалов.

– У нас есть фонд. Международный фонд – пострадавшим от землетрясения детям Ашхабада.

– В каком же году было там землетрясение? – удивился Стендаль.

– Важен факт, – отрезал Собачко.

– У тех детей уже внуки, – заметил Удалов, но никто его не услышал.

– Выходим сейчас, – сказал Салисов. – Берём удочки, резиновые сапоги.

– Кепку! – подсказал Собачко.

– Стендаля берём? – спросил Удалов.

– Обойдётся! – ответил Собачко.

Говорил Собачко тонким пронзительным голосом с какой-то странной бабской кухонной интонацией, будто бранился.

– А чего я без Миши пойду? – сказал Удалов. – Что вы меня, купили, что ли?

– Наш фонд людей не покупает. Они добровольно ходят, – проворчал в бороду субтильный Салисов.

Удалов стоял как небольшая круглая скала. Непоколебимо.

– Иди, Корнелий, – прошептал Стендаль. – Понятно же!

Корнелий понимал, что сопротивляться бесполезно, но упрямство было его второй натурой. Он повторил:

– Вы меня купили, да?

Салисов был обижен.

– Корнелий Иванович, уважаемый человек, а не понимаете простых вещей. У вас дачный участок с летней постройкой есть?

– Ну?

– А то ну, что сгорит ваше строение сегодня ночью вместе с запасённой на зиму семенной картошкой.

– А на вашего сына Максимку нападут злые парни, сломают ему гитару и нижнюю челюсть, – добавил Собачко. – Так что, ты идёшь, падла, или как?

– Иди, иди! – умолял Стендаль.

– Видите, и товарищ из газеты подсказывает, – обрадовался Салисов. – А ведь мы его почти не пугали.

Собачко ступил в прихожую, сорвал с вешалки брезентовую куртку Удалова, которую тот использовал для рыбачьих походов, кинул под ноги Корнелию резиновые сапоги.

И Удалов перестал сопротивляться. Радикулит почти прошёл.

Они сели в «мерседес». Собачко за руль, Салисов на заднее сиденье рядом с Удаловым. Салисов тут же развязал рюкзак, лежавший на сиденье. Там была маскировочная одежда для туристов-рыболовов. Искатели кладов тоже намеревались переодеться.

Своим спутникам Удалов не верил. Против этого был его жизненный опыт и школьные знания. Ведь Ивану Сусанину от родных костромских мест добираться сюда лесами недели две. Неужели ему достались такие живучие поляки? Быть не может. Сейчас бы какой-нибудь учебник или знающего человека, чтобы подсказал: а доходили ли поляки до Вологды? Если не доходили, то и грабить не могли.

– Правильно едем? – спросил Салисов.

Удалов поглядел на его лицо и подумал: в таком узком лобике никакому уму или чувству не уместиться. Только злость удержится. Несчастный человек!

Удалов не знал, какую информацию эти люди получили заранее. По крайней мере, направление, притом правильное, они выбрали без его совета, значит, были осведомлены. Так что Удалов, как и Сусанин за четыре века ранее, постарался не вызывать подозрения у незнакомцев, а вместо ответа спросил:

– Какое я получу вознаграждение?

– Покажешь – поговорим.

– Нет, – возразил Удалов, – так не пойдёт. Вам жемчуга и золото, а мне сапогом под зад, правильно?

– Правильно! – злобно ответил Салисов.

– Ты к нам хорошо, и мы к тебе хорошо, – исправил грубость своего товарища Собачко. – Не обидим.

– Сколько? – спросил Удалов.

Внимание Собачко и Салисова было приковано к Удалову, и, конечно же, они просмотрели тропинку, которая углублялась в лес от автобусной остановки.

– А сколько ты хочешь? – спросил Салисов, не скрывая злобы.

– Миллион, – ответил Удалов.

Собачко даже тормознул.

– Ты что, – спросил он, – с луны свалился?

– Каждая жемчужина, погребённая в озере, – наставительно сообщил Удалов, – стоит не меньше миллиона. А их там целый сундук, правда?

– А ты откуда знаешь? – спросил Собачко.

– У нас свои местные легенды, – сказал Удалов.

Собачко промолчал, по его круглой кожаной спине видно было, как сильно он думает.

Салисов больно ткнул Удалова в бок кулачком.

– Кончай придуриваться! – рявкнул он. – Какой ещё клад? Какой ещё сундук?

Теперь настала очередь Удалова промолчать. Тропу на озеро Копенгаген они уже миновали, скоро надо будет высаживаться. И если раньше, перед отъездом, у Удалова оставались какие-то сомнения, то теперь было совершенно ясно: эти люди – жулики и бандиты, нужно им на озере Копенгаген что-то иное, нежели клад, и Удалов, разумеется, подозревал, что и зачем им нужно. И потому был готов сыграть благородную, но рискованную роль патриота Ивана Сусанина.

– Останавливай машину, – приказал Удалов.

– Зачем?

– Дальше идём пешком. По чаще. Лишнего с собой не брать, проверить обувь!

Собачко проехал чуть дальше, где был удобный съезд с дороги на лужайку, и загнал «мерседес» под одиноко стоящий могучий дуб.

Потом они вылезли из машины.

В лесу было мирно. Не боясь пришельцев, пели птицы, грибы выглядывали из-за пней, кузнечики сигали из травы, стараясь долететь до солнца. Чудесное время, чтобы гулять по лесу!

Удалов пошёл первым, «поляки» за ним.

Видно было, что они не приспособлены для дальних походов, так как шли суетливо, тратя много сил. Удалов знал, что впереди их ждёт обширное болото, и заранее злорадствовал.

Он на ходу рассуждал, и его рассуждения были пессимистическими. Сусанину было куда легче, потому что тогда стояла зима и был жгучий мороз. Так что заблудившиеся поляки вскоре замёрзли до смерти. Собачко и Салисову смерть от охлаждения не грозила, следовательно, их надо уничтожить другим способом, а если способа не было, то завести в глухие дебри без возможности выхода. В таких глухих дебрях самому Удалову бывать не приходилось и, ясное дело, самому оттуда тоже не выбраться.

Не читая удаловских мыслей, но постепенно проникаясь тревожным чувством, которое навевали тесно стоящие вековые ели, искатели кладов нервно задавали вопросы.

– А вы-то сами на том озере бывали? – спросил Собачко.

Удалов заметил, что толстяк перешёл на цивилизованную форму обращения, значит, в себе не уверен.

Когда такие люди в себе уверены, они обязательно тыкают.

– Как-то приходилось, – ответил Удалов, раздвигая удочкой еловые лапы. Зря он согласился взять с собой удочки – явная помеха в глухом лесу.

– Там опасно? – спросил Салисов.

Тут он запутался своей удочкой в ветвях и принялся тупо дёргать её, вместо того чтобы распутать леску.

– У нас тут везде опасно, – признался Удалов.

– А каких-нибудь редких животных на озере не замечали? – спросил Салисов, кидая свои удочки в кусты.

Хорошие, импортные, бамбуковые удочки. Надо бы запомнить место, чтобы на обратном пути подобрать.

– Я повторяю свой вопрос! – строго сказал Салисов. – Редких животных на Тёмном озере не встречалось?

Вот он, роковой вопрос! Его Удалов ждал и боялся. А как его боялся Стендаль – подумать страшно! Удалов взял левее, к болоту.

– Был случай, – отозвался он. – Сам я не присутствовал. Но Ложкин рассказывал. Только вы не поверите.

– Погодите! – позвал сзади Собачко. Он вырвался из еловых объятий и прыгал через корни и ветви. – Вы признавайтесь, – попросил Собачко. – А наше дело – верить или не верить.

– Была одна, – сказал Удалов, останавливаясь и поджидая Салисова. – Крупного размера.

– Крупного?

– Метра два по крайней мере.

– Таких не бывает, – сказал Собачко.

– Наши мерили.

– И какая она? – крикнул Салисов. Он догнал спутников и тяжело дышал.

– Зелёная, тиной воняет, – сообщил Удалов.

– Говорящая?

– Сказок начитались? – рассмеялся Удалов. – Разве щуки бывают говорящие? Они даже в цирке молчат, ей-богу!

Удалов счастливо смеялся, а Салисов, высоко прыгая через корни, догнал его и как следует врезал ботинком по заду.

– За что?! – закричал Удалов.

– Тоже мне хохмач нашёлся! – ответил Салисов. – Щука, говорит.

– А что я должен говорить? Дельфин, да? Акула? Кашалот? Что я должен говорить?

Сейчас бы самое время бежать от этих мерзавцев, но, вернее всего, они догонят и убьют. Сусанина ведь тоже убили.

Эта мысль Корнелия огорчила. Он как-то об этом не подумал. Знал о древнем подвиге, помнил памятник Сусанину в городе Костроме, но начисто забыл, что Сусанин сначала принял мученическую кончину, а уж потом его почтили как могли. Кто-то этому был свидетелем. Кто-то бежал за ним по лесной чаще, скрываясь за тёмными стволами. А потом доложил о подвиге в партизанском штабе. А то бы никто ничего не узнал о Сусанине. Думали бы, что тот честно отрабатывал свой предательский хлеб, да заблудился.

В надежде на объективного свидетеля своего подвига Удалов внимательно обозрел окрестные кусты. Ему показалось, что он видит неясное шевеление за одним из них, но это мог быть какой-нибудь лесной зверёк. На всякий случай Удалов подмигнул животному и побрёл дальше в чащу.

– Ты над нами не издевайся, – бормотал злобный Салисов. – Щука!

Он так произнёс это слово, будто Удалов и был вонючей скользкой щукой.

Удалов пожал плечами. Чего спорить с жуликами! Всё Удалову было ясно: откуда-то Собачко и Салисову, а вернее всего, тому спонсору, которому они служат, попала в лапы ценная информация о фауне озера Копенгаген. Информация неполная, настолько неполная, что даже современное название озера, к счастью, им неизвестно. Как же это могло случиться? Впрочем, сейчас не время и не место заниматься расследованием. Важнее зайти в болото так, чтобы и их загубить, и в живых остаться.

Болото, известное всем грибникам, окружало истоки ручья Комсомольского, который, зародившись в тростниках, питаемый ключами, протекал с километр по густой чащобе и давал жизнь затем самому озеру Копенгаген. Надо сказать, что Удалов, как и Михаил Стендаль, не надеялся, что пришельцы из Москвы навсегда сгинут в зыбучих глубинах болота – не было там таких глубин. Главное было оттянуть

время, дать возможность Стендалю предупредить своих на озере, эвакуировать кого успеется.

Так что Удалов с каждым шагом сбивался всё левее, и, по его расчётам, они уже были близки к цели.

Под ногами уже начало всхлипывать, почва теряла свою изначальную твёрдость, и это смутило чуткого Салисова, который спросил:

– А правильно идём, а?

– Видишь, мокрее стало, – откликнулся Удалов. – Значит, приближаемся к водному резервуару.

– Не завязнуть бы в этом резервуаре! – передразнил Удалова Собачко.

– Не завязнете, – серьёзно ответил Удалов. – Вы же мягкий.

Нельзя сказать, что Собачко воспринял слова Удалова как комплимент, но выругался он сдержанно, без истерики – приходилось смотреть под ноги, чтобы не провалиться между кочек.

Теперь надо было уже подумывать об отступлении, ведь кладоискатели добровольно не сдадутся. Но для этого следовало завести их поглубже в болото.

– Я дальше не пойду, – заявил Салисов.

– И не надо, – откликнулся Удалов. – Пошли обратно.

– Помолчи! – рявкнул Собачко.

Он вышел вперёд и начал продвигаться сквозь тростники, с каждым шагом поднимая фонтаны брызг.

Попискивая от страха, махонький Салисов следовал за ним, быстро промокнув до пояса. Удалов замыкал шествие, стараясь отыскивать глазами и ногами незаметные для посторонних кочки. Но всё равно промок.

Чтобы не было так страшно, Собачко начал петь бодрую песню прежних эпох:

Сердце моё ты отыщешь всегда
Там, за облаками, там, за облаками,
Там, та-та-там, та-та-там!

Под этот шум и плеск Удалов затормозил.

Громкое пение Собачко удалялось к непроходимому центру болота. Салисов пытался подтягивать, но голос его срывался на хриплый визг. Удалова тянуло за язык крикнуть кладоискателям, что им не повезло,

так как они встретили на своём пути современного Ивана Сусанина в лице Корнелия Ивановича. Конечно, приятно кинуть врагам в лицо описание их ужасного будущего, но опасно, что в таком случае они кинутся к Удалову, догонят его и побьют. Не оставалось ничего иного, как незаметно отстать от кладоискателей и тропкой вдоль Комсомольского ручья, порой проваливаясь в грязь, побежать в сторону озера Копенгаген.

Вскоре Удалова догнали возмущённые крики заведённых им в трясину неприятелей, но он взял себя в руки, не поворачивал назад, не давая жалости овладеть собою.

Пробежав с полкилометра, Удалов услышал встречное хлюпанье по грязи и увидел, что сквозь кусты и камыши пробивается к нему Михаил Стендаль в сопровождении молодой девушки в скромном синем сарафане и платочке.

– Ну и что? – крикнул запыхавшийся Стендаль.

– Поляки заплутались в глубоких снегах, – с облегчением ответил Удалов, который устал от своего приключения. – Можете брать их голыми руками, товарищ Минин-Пожарский.

– А если без шуток? – спросила молодая девушка.

Она была привлекательна собой, хоть и бледна в прозелень, глаза у неё были завлекательного болотного цвета, губы полные и светло-розовые.

– Где они?

В ответ издалека донёсся крик о помощи.

– Ясно, – отсекла девушка возможные пояснения. – Пока они выбираются из Куриной лужи, ими займётся дедушка Водограй, я уже попросила.

– Вот и ладушки, – заметил Удалов. – Надеюсь, он их не утопит?

– Гарантирую, что к темноте они снова будут на шоссе, – сказала девушка.

– Какая ты у меня умница! – восторженно произнёс Стендаль, глядя на девушку нежным взором.

– А как на озере? – спросил Удалов. – Меры приняты?

– Тётя всё сделает, – ответила девушка. – Наша задача – не пропустить их на Копенгаген с этой стороны.

– Я бы к вам зашёл погреться, – сказал Удалов.

– Правильно, – сказал Стендаль. – Не дай бог, простудишься.

Они поспешили к озеру, полагая, что им удалось отвлечь кладоискателей от цели. Они весело разговаривали и даже смеялись, представляя, как их противники возятся в жидкой грязи, марая импортные кожаные куртки.

Но на самом деле никаких оснований для радости у них не было – никогда нельзя недооценивать противника.

Читатели историй о Великом Гусляре привыкли к их оптимизму, к тому, что пришельцы, как правило, оказываются доброжелательными или по крайней мере миролюбивыми созданиями, изобретения идут на благо человечеству, негодяи раскаиваются и перевоспитываются или послушно уходят со сцены.

К сожалению, в реальной жизни такое случается всё реже и реже.

В том числе и в Великом Гусляре.

История, которую я рассказываю, начавшаяся на тревожной ноте, закончится, предупреждаю, на ноте грустной. Так что не желающие встречаться с горькой правдой жизни прекратите, пожалуйста, чтение. Возьмите в руки «Тома Сойера» или «Дэвида Копперфилда».

Молодая женщина, которую Стендаль называл Машенькой, а Удалов – Марией, вывела друзей не к самому озеру, а, миновав его, к непроходимой чаще леса, где в зелёных ветвях открылся туннель, приведший их к заросшим листвой и опутанным корнями развалинам погибшего ещё в революцию имения помещика Гуля.

Раздвинув ветви малины, Мария толкнула деревянную дверцу, и та послушно, хоть и со скрипом, отворилась. В низком кое-как освещённом помещении – некогда винном погребе имения Гуля – стоял большой бак, наполовину налитый водой.

Пришедшие первым делом кинулись к этому баку и заглянули внутрь.

Михаил Стендаль шевелил губами и загибал пальцы, Удалов улыбался. Послышались шаги. В погребе появилась женщина средних лет, похожая на Марию. Она несла ведро.

– Вроде всё, – сказала она Марии, а потом поздоровалась с Удаловым и вылила ведро в бак.

– Поосторожнее, тётя Поля, – сказала Мария.

Она подошла поближе к баку и склонилась над ним, помешивая в нём пальцем. Удалов последовал её примеру.

– Агу! – произнёс он. – Агусеньки!

В баке плавали друг за дружкой, взволнованные необычной обстановкой, шустрые головастики крупного размера.

– Осторожнее, – предупредила молодая женщина. – Для них это большая душевная травма.

– Это так, – согласился вошедший в погреб известный в Европе ветеринар-ихтиолог, член Ганноверской академии болезней рыб и лягушек Иван Шлотфельдт. – Я тут привёз витамины для малышей.

Пока женщины вместе с ихтиологом занимались подготовкой к уколам, Стендаль метался по погребу, заламывая руки и взывая к небу.

– Что делать? – кричал он. – Куда эвакуироваться?

Женщина, которую называли тётей Полей, заметила:

– Не иначе как у них есть осведомитель в нашей среде.

– Наверняка, и не один! – воскликнул Удалов. Он разулся и сушил сапоги над железной печкой-буржуйкой, стоявшей рядом с баком. – Я никогда не доверял женским коллективам. В них всегда найдутся сладострастные или корыстные особы.

– Ну, ты, Корнелий, поосторожнее, – оборвала его тётя Поля. – Дурные люди и в Гусляре водятся.

Корнелий не ответил. Он глядел, как ветеринар Иван Андреевич вытащил из воды головастика. Тот был размером с пол-литровую бутылку, снабжён зелёным хвостиком, и в облике его была одна необычная черта – совершенно человеческие ручки и девичья, хоть ещё и не до конца оформившаяся головка с короткими чёрными волосами. То есть, судя по всему, ветеринар держал в руке маленькую русалочку, которая ещё жила под водой и не сбросила хвоста.

– Боже мой, осторожнее, Иван Андреевич! – воскликнул Стендаль.

– Ох уж эти мне молодые папаши! – в сердцах ответил ихтиолог. – Вы, наверное, не представляете, сколько русалочек я перехватал в жизни.

– Наверное, чаще взрослых, – сказал уже частично обсохший Удалов, за что был награждён негодующим взглядом Маши, которая тоже подошла к ветеринару и любовалась маленьким земноводным созданием.

Удалов заглянул в бак. Там кружилось десятка три русалочек. Посторонний взгляд наверняка спутал бы их с крупными головастиками, что, впрочем, и помогает русалкам выжить в наших отдалённых речках и озёрах, иначе браконьеры давно бы их истребили.

Иван Андреевич делал русалочкам витаминные уколы, а Удалов дивился тому, как они похожи. Впрочем, что в этом удивительного, ведь они все вылупились из икринок, снесённых чудесной девушкой Машей.

За десять месяцев до описываемых событий редактор газеты «Гуслярское знамя» Малюжкин вызвал с утра Михаила Стендаля в свой кабинет, обшитый фанерными панелями под дуб.

– Тираж падает, – сказал Малюжкин. – Накладные расходы растут. Мы на краю краха.

Малюжкин являл собой внушительное зрелище – большую, благородных линий голову украшала буйная седая шевелюра, взгляд был пронзительный, орлиный. Однако редактор не любил вставать из-за стола – приходил в газету раньше всех, садился за стол и сидел до тех пор, пока все не разойдутся. Малюжкин стеснялся своего малого роста и коротких ног.

Стендаль покорно стоял, как царевич Алексей перед своим грозным отцом Петром Великим на картине художника Ге, и не понимал, куда клонит шеф.

– Вот наши коллеги в «Тотемской правде», – продолжал редактор, подвигая по столу газетный лист в сторону Стендаля, – идут на постыдные меры для привлечения подписчиков. Видишь – утверждают, что их газета заряжена взглядом великого колдуна Эпикурея и излечивает от геморроя.

– Вы же знаете, – вздохнул Стендаль, понимая, что разговор перешёл в привычное и даже надоевшее русло, – что этого Эпикурея два месяца назад выпустили из нашей тюрьмы, куда посадили за злостное уклонение от алиментов и воровство в детском саду.

– К сожалению, верующих этим не убедишь. Они что нам ответят? Они ответят, что их родного Эпикурея оболгали завистники. А ты сам читал эту газету?

– У меня нет геморроя, – сухо ответил Стендаль, поправляя указательным пальцем очки на переносице.

– Я и говорю – шарлатаны! Куда деваться? Белый маг Тапочкин по имени Азерналий Третий предлагает нам рекламу. Шестнадцать тысяч рублей. А нам деньги нужны.

Малюжкин принялся задумчиво катать по столу карандаш, а Стендаль наблюдал за ним и ждал, когда беседа кончится.

– Надо что-то делать, – сказал наконец Малюжкин. – Если мы не привлечём читателей чем-то необыкновенным, можно закрывать газету. Ты согласен?

– Так вы будете объявление Тапочкина печатать?

– А почему нет? – вскинулся Малюжкин. – Разве мы живём не в свободной стране? Одни рекламируют сигареты и вино – бич человечества, а мы – народную медицину.

– Мне можно идти? – спросил Стендаль.

– Какие мы гордые и принципиальные! Погоди. Мы тоже принципиальные. И я обещаю тебе, что ни Тапочкина, ни Эпикурея в «Гуслярское знамя» не допущу, если ты сделаешь мне такой материал, чтобы газету из рук рвали. Чтобы с мистикой и загадкой.

– Где я его возьму?

– А вот это твоё профессиональное мастерство.

Стендаль хотел было уйти, решив, что дело ограничилось пожеланиями и теперь, очистив совесть, Малюжкин откроет страницы всем колдунам и экстрасенсам области, но редактор, оказывается, ещё не закончил.

– Погоди, – сказал он. – Есть идея. Мне тут как-то Савич рассказывал, что в озере Копенгаген русалки водятся или заплывают туда. Ну, бред, в общем, а всё-таки и тайна, и народная мудрость.

– Я слышал, – сказал Стендаль, – там налимы крупные, вот их и принимают за русалок.

– И всё-таки я бы на твоём месте не отмахивался. Поезжай туда, поищи русалок. Найдёшь – твоё счастье, не найдёшь – сделаешь материал о том, что найдёшь их завтра. Лады?

И Малюжкин счастливо расхохотался.

Днём в столовой № 2 Стендаль встретил Корнелия Удалова. И так, между делом, со смехом рассказал ему о задании редактора.

Но Удалов смеяться не стал. Ведь Стендаль был здесь приезжим, он после Ленинградского университета получил сюда распределение, вот и остался в Гусляре, живёт много лет. Совсем свой, да не местный. А Удалов местный. Его дедушка на озеро Копенгаген ходил, когда оно ещё Тёмным озером называлось, у дедушки были до революции отношения с одной русалкой, а чем они кончились – семейная тайна. Ничего хорошего, говорят, не вышло. А Панкрат Сивов, купец второй гильдии, и вообще сгинул в озере. Говорили, но шёпотом, что и сам Гуль имел с русалками соглашение, но какое – никто не запомнил.

Так что в отличие от Стендаля Удалов в русалок на озере верил. Но посоветовать Стендалю отправиться на озеро с целью выследить водяных жительниц он не имел морального права. Это было рискованное дело и могло плохо кончиться для Стендаля.

Но чем больше Удалов отговаривал Михаила Артуровича от похода, тем сильнее тот стремился на озеро. И вот, сказав дома, что уезжает в командировку в Тотьму, в тёплый июльский вечер он выбрался на Копенгаген, взяв с собой лишь записную книжку и бутерброды.

Полагая, что русалки вряд ли выходят на истоптанный, близкий к шоссе берег озера, он за час обогнул водоём и оказался в местах нехоженых, топких, комариных и явно русалочьих.

Отбиваясь от комаров, он затаился за кустом. Совсем стемнело, вышла луна. Прошло полчаса, и Стендаль уже готов был бежать из леса, пока всю его кровь не выпили комары, как услышал мелодичный девичий голос:

– Простите, что вы здесь делаете?

Обернувшись, Стендаль увидел невысокую худенькую стройную девушку с длинными прямыми волосами, которые представляли единственный предмет её одежды. Даже при слабом свете луны было видно, что её ноги от бёдер до щиколоток покрыты мелкой чешуёй. Это была русалка.

В первый момент Стендаль смутился из-за наготы девушки, но её доверчивые глазищи, её робкая и чистая улыбка развеяли его смущение. И уже через десять минут они разговаривали, не обращая внимания на комаров, так, словно были давно знакомы.

Русалку, которая влюбилась в Стендаля с первого взгляда, звали Машей. В отличие от большинства своих сверстниц, она была от природы умна, умела читать и писать, знала географию. Всем этим она была обязана своей тёте Поле – дочери одного волжского водолаза.

И нет ничего удивительного в том, что уже к полуночи Маша и Михаил, несмотря на двукратную разницу в возрасте, обнялись и принялись целоваться. Ведь издавна известно, что, несмотря на примесь рыбьей крови, русалки – существа страстные и их соблазну поддавались многие железные люди. Романы с русалками были у Александра Македонского, Вольтера и командарма Фрунзе.

Когда другие русалки узнали о том, что Маша стала возлюбленной земного корреспондента, они тут же стали завлекать Стендаля в хо-

ровод в надежде заманить его в озеро и утопить, как и положено поступать с мужчинами, уже выполнившими свой генетический долг перед русалочьим племенем. Но за Стендаля вступилась тётя Поля – представительница новых тенденций в этом обществе. Да и Маша так полюбила Мишу, что готова была сама утонуть, только не погубить возлюбленного.

Маша старалась быть достойной своего избранника, она читала книжки, которые Миша приносил ей, слушала радиоприёмник, а когда вылезала из воды, то обязательно надевала сарафанчик, который ей купил Стендаль. В будущем она намеревалась поступить в речной техникум, хотя побаивалась, что над ней будут смеяться из-за её чешуйчатых ног.

А потом старые русалки по известным лишь им признакам догадались, что Маша уже с икрой.

Значит, скоро вылупятся на свет девчушки, мальки-русалочки. К сожалению, а может, к счастью, русалки устроены так, что мальчики из икринок не вылупляются, только девочки, будущие русалочки. Так распорядилась мудрая природа. Распорядись она иначе, весь фольклор полетел бы к чёртовой бабушке – что бы вы стали делать с мускулистыми русалами, которые бы утаскивали в камыши проходящих доярок или туристок?

Издавна известно, что, полюбив мужчину и понеся от него, русалка мечет икру – крупные, с лесной орех, икринки, которые попадают в стоячую воду. Из икринок, избежавших зубов щуки или жвал жука-плавунца, выводятся десять, двадцать, тридцать головастиков-русалочек, идеально одинаковых, как две капли воды похожих на маму, а изредка на папу. Дочки Стендаля были похожи на него – те же серые близорукие выпуклые глаза, тот же короткий прямой нос и полные, хорошо очерченные губы. Если для мужчины облик Стендаля был излишне мягок, то в женском варианте это лицо было очаровательным.

Когда множество одинаковых русалочек вывелось в озере, сладостная весть об этом событии разнеслась по всем лесам, речкам и озёрам, где ещё сохранились русалки.

Русалочек берегли всем миром – не только водяные жители, но и друзья Михаила Стендаля. Некоторые старые русалки готовы были держать детей в аквариуме, но выписанный специально из Ганновера Иван Андреевич Шлотфельдт приказал аквариум разбить, потому что детям нужно движение воды и её естественное перемешивание.

Несмотря на все меры и круглосуточное дежурство, всех детей вывести не удалось. Десяток икринок погибли, ещё двадцать пропали без вести, но двадцать шесть вылупились, подросли и шустро плавали по озеру.

Нельзя сказать, что Стендалю легко жилось. Он всё время разрывался. Разрывался между любовью к Маше и невозможностью построить с ней настоящую дружную семью, разрывался между любовью к дочкам и невозможностью играть с ними на лужайке или кормить их кефиром из соски. Да и как это сделаешь, если, только вылупившись из икринок, его доченьки кинулись на охоту за жуками, лягушками и прочей озёрной мелочью.

Тяжело было Стендалю и на службе. Ну не мог он стать источником нездоровой сенсации. Представляете заголовок статьи: «Молодой журналист ждёт, когда его двадцать шестая дочь вылупится из икринки», «Нам с милой уютно под водой!», «Где твой хвост, невеста?» Эти заголовки снились Стендалю, и он вскакивал в поту с криком: «Мама, что они со мной сделали!» Его мама Раиса Фёдоровна, которая не знала точно, что происходит с сыном, но понимала, что происходит неладное, утешала Мишу как могла, приносила холодный чай с мятой и поила на сон грядущий отваром из столетника.

Лишь близкие друзья – Удалов, Минц и Грубин – знали о тайне Стендаля и даже надеялись, что всё образуется. И хоть формально Стендаль оставался холостяком, а русалка Маша, как и все русалки, пребывала в девках, для друзей они составляли молодую семью, о которой следовало заботиться.

Кто, кроме профессора Минца, мог бы вызвать из Ганновера тамошнюю ихтиологическую знаменитость, выходца из рода Шереметевых, ветеринара Шлотфельдта? Кто, кроме Саши Грубина, смог бы изобрести автоматическую кормушку для девочек, которая выдавала им строго отмеренные порции пищи и витаминов, разработанных профессором Минцем? А кто застолбил весь южный низменный болотистый берег озера надписями «Купание и ловля рыбы запрещены!», «Внимание! Повышенное содержание технеция и калифорния!», «Вход и распитие воспрещены по причине энцефалитного клеща!»? Разумеется, это сделал трудолюбивый Удалов и этим отпугнул от озера рыболовов.

Теперь, когда читатель полностью в курсе необычных событий, имевших место на берегу и в глубинах озера Копенгаген, он поймёт, почему Михаил Стендаль так испугался «мерседеса», нагло затормозившего возле редакции газеты «Гуслярское знамя», и почему он срочно повёл кладоискателей к Удалову – старшему находчивому другу.

Ни Стендаль, ни Удалов ни на секунду не поверили в историю с подводным кладом. Нечего здесь было делать Ивану Сусанину и ведомым им полякам – в эти места в семнадцатом веке даже бурые медведи не осмеливались совать носы.

Было очевидно, что Собачко и Салисов откуда-то пронюхали о местных русалках и возжелали на них заработать, а может быть, запланировали нечто ещё более страшное.

О погребе в руинах замка помещика Гуля знали единицы, даже среди русалок, но, как сказал по-немецки Иван Андреевич, молодую поросль следовало бы эвакуировать в более надёжное место. А такого в лесу не было.

– Отвезём их ко мне домой, – молил Стендаль. – Моя мама так хотела, чтобы у меня были дети.

– Только не двадцать шесть, – отрезал Удалов. – Как она их будет отличать?

Стендаль только махнул рукой – он и сам понимал, что его предложение относится к разряду платонических. Исход встречи с внучками для нервной мамы мог быть только трагическим.

Снаружи доносился некий неясный шум, встревоживший Удалова. Он решил, что должен немедленно выбраться наверх и посмотреть, что там творится, и, если опасность реальна, попытаться ещё раз изобразить Сусанина и отвести её в сторону. Стендаль вызвался сопровождать его, так же как и тётя-русалка. Маша осталась с ихтиологом стеречь бак, который они принялись забрасывать сухими ветвями.

Как и следовало ожидать, шум производили выбравшиеся из болота Собачко и Салисов, грязные, мокрые, злые, но в то же время торжествующие.

– Чёрт побери, какая трагическая ошибка! – вырвалось у Стендаля.

Проследив за его взглядом, Удалов понял, что произошло.

Оказывается, кладоискателей сопровождал, медленно вплывая в озеро из ручья, сам пан Водограй – личность отвратительная, вредная, но почти никому лично не известная.

Ещё со времен помещика Гуля он каким-то образом перебрался в эти края из Волги, где его не терпели, и обосновался в болоте, страшно завидуя русалкам, плескавшимся в чистых озёрных водах. Почему-то эта хитрая злобная бестия полагала себя поляком и требовала, чтобы его именовали паном, на что не имела никаких прав. Но, кстати, водяной не имел прав и на то, чтобы носить пришитые к голому голубому телу генеральские эполеты французского Иностранного легиона и лампасы от генеральских брюк.

Водограй, которого на Копенгагене все звали просто водяным, неоднократно пытался сблизиться с кем-нибудь из русалок для продолжения рода, но даже самые некрасивые и одинокие из них этого себе не позволяли.

Так он и вековал в болоте, нападал на лягушек, порой ловил и пожирал нутрию или кролика, если тот лез выкупаться в самую жару. Рассказывали, что он утопил двух маленьких девочек, которые пошли за грибами и пропали без вести. Но это было ещё до войны, и факт этот теперь трудно проверить.

Хоть его не любили, но давно уже привыкли к нему, звали то дядей, то дедушкой, пользуясь его глупостью, устраивали розыгрыши, а то со скуки водили вокруг него хороводы.

Внешность пана Водограя оставляла желать лучшего не только с человеческой, но и с рыбьей точки зрения. Водограй являл собой желеобразный студенистый шар, к которому снизу были прикреплены короткие лапы с перепонками, с боков были приделаны руки, тоже с перепонками между пальцев, а венчала это сооружение круглая нашлёпка с белыми глазами, которую условно называли головой.

Водограй порой выбирался на берег, ворошил добро, брошенное на берегу туристами выходного дня, и если находил там газету, то прочитывал её от корки до корки. Так что он знал о переменах в стране, о падении Варшавского Договора, отделении Прибалтийских республик и даже Украины. Когда же он узнал о желании Польши вступить в НАТО, он назло ей объявил о своём вступлении в Коммунистическую партию СССР, потому что лишь она одна могла вернуть империю, без которой Водограю жить далее не хотелось.

Будучи водяным немолодым, Водограй знал грамоту и держал на болоте под пнём много бумаги и карандашей из трофеев, собранных за столетия, – то подберёт нужную вещь на берегу, то снимет с утопленника, то сам кого утопит за авторучку или хороший блокнот. Высушит потом на солнышке – и в дело.

Никто не знал в лесу, что Водограй – графоман-кляузник. За свою жизнь он написал тысячи злобных анонимных писем на всевозможные темы. Но обратного адреса он никогда не указывал, поэтому никто не мог принять мер против птиц, которые слишком громко поют, против комаров, которые слишком тонко пищат, против людей, которые топчут траву, против лесника, который срубил ель, против русалки Поли, которая грубо разговаривала с Водограем.

Так и прошла бы жизнь, но, ощутив свежий ветер перемен, водяной понял, что пора выходить в люди.

Поэтому он написал письмо в Москву, в акционерное общество «Секстрансинвест», которое рекламировало казино с эротическими услугами. В письме коряво, неубедительно водяной сообщил, что на озере Тёмном под городом Великий Гусляр скрывается целая банда русалок, которые могут оказывать эротические услуги кому угодно, а он, пан Водограй, за эту информацию требует себе пост директора. И приписал обратный адрес. Только вместо слова «Копенгаген» по старческому убеждению обозвал озеро Тёмным, как было в дни его молодости.

Долго не было ответа из Москвы. И вдруг сегодня к нему прибежала эта шлюха Машка и велела идти на болото и придержать там двух бандитов, которые хотят пробраться на озеро.

Тут-то Водограй и понял, что пробил его звёздный час.

И он был прав.

Приехали по его письму.

Поэтому, вместо того чтобы придерживать незваных гостей, водяной торжественно привёл их на озеро.

Ещё не увидав Удалова, который пригнулся за кустом, Водограй визгливым голосом закричал, распугав уток и встревожив далёких, кажущихся муравьями рыболовов, которые коротали время на том, близком к шоссе и удобном для рыбалки берегу озера.

– Уголовное дело! – вопил он. – Попытка убийства отечественных бизнесменов! Страшное преступление! Где милиция?

Из озера неподалеку от берега, таясь в густых камышах, выглядывали русалки. Не все знали, что происходит, ведь некоторые из русалок глупы, как рыбы, но любопытны, как кошки.

– Сиди, – прошептал Удалову Стендаль и не спеша вышел на открытое место. – С прибытием, – сказал он. – Что случилось?

– Это он, – прошипел злобный, мелкий, бородатый и промокший Салисов. – Это он нас к Удалову привёл, это он организовал наше потопление.

– Кстати, – спросил Стендаль, снимая и протирая очки, – а где же Корнелий Иванович? Вы его не кинули в лесу?

Стендаль нервничал и переигрывал. Врать он не умел, врал обычно только маме и главному редактору Малюжкину. Но друзья Водограя не ожидали такой наглости от Стендаля и даже опешили.

– Вы что, не видели его? – спросил дискантом толстый Собачко. С него свисали водоросли.

– И где мы будем искать сокровище Вологодского кремля? – спросил Стендаль.

– Чего? – удивился Водограй, существо подозрительное и жадное.

– Наши друзья приехали сюда за кладом, который спрятали поляки в начале семнадцатого века.

Водограй всем телом медленно развернулся к кладоискателям.

– Какой такой клад? – спросил он визгливо, но тем не менее грозно.

– Ах, это тактический приём! – отмахнулся Собачко. – Не обращайте внимания.

– Какой клад, я спрашиваю!

Старый бездельник был подозрителен и всю жизнь мечтал отыскать клад. Любая русалка, любой карась в окрестных лесах знали, что Водограй перерыл всю тину в окрестных болотах, надеясь сказочно разбогатеть. Отыскал старую шину, остов зонта, танк времён Гражданской войны, случайно потерянный англичанами, неоткрытую банку сгущёнки и, говорят, скелет утопившейся жены помещика Гуля. С зонтиком Водограй почти не расставался, шутил, что ждёт дождя. А если дождь начинался, то водяной нырял в воду, а зонтик оставлял снаружи.

– Да погоди ты! – возмутился Собачко. – Не буду же я этому Стендалю рассказывать, что мы озеро в аренду взяли. Что мы тут клуб интересных встреч устраиваем. Так бы он нас сюда и привёл!

– Спросили бы кого-нибудь другого!

– Спрашивали. Никто не знает, что за озеро – Тёмное. Сказал бы ты с самого начала, что это и есть озеро Копенгаген, мы бы давно здесь оказались.

– Забыл я, забыл, чего уж там! – рассердился Водограй. – Старый стал, вот и забыл.

– Какой ещё клуб интересных встреч? – не выдержал и вмешался Стендаль. – Кто с кем будет встречаться?

Не удостоив его ответом, Собачко достал из кармана переносную рацию, вытер её о рубаху и начал бормотать. Это тем более встревожило Удалова. Они, конечно же, имели дело с мафиозной организацией. Но что значат слова о клубе?

Салисов уже малость обсох и обнаглел.

Он стал прохаживаться по берегу и громко вещать в расчёте на обитателей озера:

– Живут некоторые в тишине, бедности и полном отрыве от цивилизации. Нигде не бывают. А вокруг творятся удивительные вещи. Американцы ходят по Луне, машины играют в шахматы, а в разных странах уже укрепилась свободная любовь.

При последних словах в камышах произошло оживление, так как некоторые русалки уже слышали о свободной любви, но не умели отличить её от несвободной.

Под влиянием слухов многие русалки решили, что им всё дозволено. Были совершены даже две попытки эмиграции – нет, не на соседнее озеро и даже не в реку, а в город Гусляр. А совсем уж тупую русалку Прасковью Филипповну Удалов с тётей Полей выловили у самой станции – она подалась в Америку.

Будто там своих русалок нет! А как такой дуре объяснишь, что без регулярного купания в настоящей лесной воде русалки умирают, как птицы в стратосфере?

Слова Салисова падали на благодатную почву. До появления здесь Салисова с Собачко русалки действовали по собственной неумной инициативе. Теперь же появились вожди. И возможности для бунта.

– Ты говори, говори, любезный! – закричала из камышей перезревшая в девках русалка Римма. Она всюду распространяла сплетни, будто живёт с лешим, но так как каждому разумному человеку известно, что леших на свете не бывает, то ясное дело – Римма томилась в девках.

– Мы пришли дать вам свободу! – закричал Салисов басом. – Теперь каждая русалка получит столько мужчин, сколько пожелает, и, самое интересное, – любого цвета.

– Это ещё что значит – любого цвета? – удивился Стендаль.

– А у нас уже создано, молодой человек, – заявил Собачко, – акционерное общество по эксплуатации вашего озера. Теперь, когда мы с вашей помощью обнаружили его и нанесли на карту, сообщили его координаты в область, проходит приватизация озера его трудовым коллективом.

– Каким ещё трудовым коллективом?

– Вы задаёте слишком много вопросов, молодой человек, – оборвал Стендаля Салисов. – Трудовой коллектив – это наши отечественные русалки, гордость советских лесов и рек.

Из камышей выглядывали глупые хорошенькие русалочьи физиономии.

Блестящий мир приключений и чувственных наслаждений сверкал ожиданием в их зелёных глазах.

– Да вылезайте, вылезайте! – торопил их Салисов, который не был до конца уверен в своей правоте. – Покажитесь вашим сопредседателям!

– Девочки! – закричала тётя Поля. – Остановитесь! Честь русалке даётся единожды. Лишь раз в жизни можно метать икру. И надо выметать её так, чтобы не было мучительно больно за пустые хлопоты!

Но её мало кто слушал.

Из камышей, из прибрежного тростника, а то и прямо из глубины поднимались всё новые стройные девичьи фигуры. И вот уже первая из них – известная нам Римма – вышла из воды и замерла по щиколотку в озере, совершенно обнажённая, если не считать занавески длинных волос, прикрывавших правую грудь. Но её живот и бёдра, плавно и изящно покрытые мелкой зелёной чешуёй, были открыты и представлены для всеобщего обозрения.

Удалов со Стендалем эту чешую не раз видали, к ней привыкли, находя в том свою прелесть. Но Салисов с Собачко были поражены. Пожалуй, им легче было бы увидеть не обычные девичьи ноги зелёного цвета, а настоящие рыбьи хвосты, как изображалось на средневековых картинках.

– Вот это да! – закричал Собачко, восторженно принявший такое зрелище.

– Закройся! – закричал громче и басовитее Салисов.

Однако русалкам нечего было закрываться в собственном доме, да и не привыкли они это делать. Единственная приемлемая одежда для диких русалок – речные водоросли да ночной туман.

Шорох камышей, куда отступили испуганные окриком русалки, был не слышен из-за шума вертолёта, который снизился над озером, пустив по нему концентрические волны. Вертолёт сместился к берегу и замер у самой земли. Из него выскочил кавалерийского вида человек в милицейской фуражке и розовом аргентинском плаще. Он держал в руках стопку бумаг.

– Это документы! – кричал он, стараясь перекрыть шум вертолёта. – До-ку-менты!

Приказывая жестами вертолёту убираться, Салисов развернул бумаги и принялся проглядывать их.

Вертолёт покрутился над озером, отлетел в сторону и завис над соснами.

– Тут мне прислали план местности, утверждённый райисполкомом, – объявил Салисов. – Можете полюбоваться, Стендаль.

Стендаль подошёл к Салисову, они стали смотреть на чертёж, а водяной, которому было тоскливо и которого мучили подозрения, как бы его не обманули сообщники, постарался вползти на берег, но тело его было таким мягким и скользким, что пришлось оставаться наполовину в воде.

– Видите, что здесь обозначено? – спросил Салисов, указав пальцем на квадрат неподалеку от озера. – Читайте.

– Развалины усадьбы помещика Гулькина, – прочёл Стендаль.

– Показывайте, где развалины.

– А зачем они вам?

– А затем, что там будет построен нами дом отдыха и развлечений для трудящихся из-за рубежа. Именно в этом культурном заведении девушки-русалки получат заодно и среднее образование, они будут плодотворно трудиться и хорошо отдыхать.

– Как трудиться? – Нехорошее предчувствие охватило Стендаля.

– Они будут оказывать нашим клиентам сексуальные услуги, – улыбнулся Собачко. – За валюту.

Тут кусты у берега раздвинулись, и оттуда вылетел кипящий справедливым гневом Удалов.

– Какие ещё сексуальные услуги! – кричал он. – Это же невинные дети лесов и морей! Я в милицию заявлю, я до Москвы дойду!

– А вот и явление третье, – сказал Собачко. – Мелкий преступник Корнелий Удалов, взявшийся за восемьдесят долларов отвести нас на ваше озеро, дорогие русалки. Деньги он взял, прикарманил, а нас завёл в болото. Как это называется?

Русалки отозвались из камышей отдельными негромкими возгласами ужаса и отвращения, а Удалов принялся выворачивать карманы и кричать:

– Да я доллара в жизни не видал! Нужны мне ваши доллары!

Салисов провёл пальцем воображаемую линию и последовал по ней – воображаемая линия вела к спрятанным в лесу руинам замка Гуля.

Стендаль попытался преградить ему дорогу, но человек в милицейской фуражке ловко отбросил несчастного молодого отца приёмом карате. Такая же судьба постигла и Удалова.

Вертолёт спустился пониже, как бы страхуя своих хозяев. Русалки вышли из озера и любопытствующей и даже сочувственно настроенной к соблазнителям толпой робко последовали за Собачко. Собачко отстал немного, приблизился к Римме и легонько провёл ладонью по её бедру. Ощущение чешуи ему не понравилось, и он сказал:

– Во, блин, экзотика!

Римма громко рассмеялась. Маленькие изящные жабры, похожие на вторые ушки, затрепетали.

– Ах ты, мой налим! – проговорила она.

Тётя Поля, которая присоединилась к процессии, выругалась сквозь зубы. Среди русалок бытовало убеждение, что у Риммы завязался неприличный роман с налимом двухметрового размера. Это не было сплетней, хоть любовники и уединялись в камышах, ведь в озере Копенгаген все стены прозрачные. Но одно дело, когда о связи русалки с налимом говорят свои, озёрные, другое – когда такая весть вырывается наружу. К счастью, налим погиб в прошлом году, когда на озере проходили соревнования по ловле рыбы на банан. Налим пожадничал и погиб.

С шумом и треском прорвавшись на прогалину перед руинами, Салисов остановился, не скрывая торжества.

– Вот тут, – сказал он, – мы воздвигнем дворец-казино под названием Салисания! Сюда будут прилетать денежные мешки.

– Мешки? – удивилась одна из молодых русалок, что следовали за Салисовым. – Зачем нам мешки? Мы хотим любви.

– Помолчите, вы мешаете мне думать! – оборвал её Салисов. – Ну, где же техника и живая сила? Почему не завозят кирпич?

– Вы когда же строить будете? – упавшим голосом спросил Удалов.

Чувство неминуемого поражения охватило его. Он понимал, что с появлением казино не только погибнет озеро, не только будут совращены и пойдут по рукам невинные русалки, но рухнет и весь мир Великого Гусляра. Неумолимые законы рыночной экономики в их самом худшем выражении взяли родной Удалову город в свои безжалостные тиски.

– Строить будем немедленно. Вот постановление городской администрации, вот документы на акционирование, приватизацию и ваучеризацию.

Документы выглядели совершенно настоящими. Загадочно было, когда дельцы успели получить их, если ещё час назад и не подозревали, как добраться до озера с русалками?

Но надежды на подлог и последующее разоблачение были тут же развеяны. Из окошка низко спустившегося вертолёта высунулся недавно пробившийся в председатели комиссии по приватизации Пупыкин. Он грозил сверху Удалову и пронзительным голосом, перекрывая шум винтов, кричал:

– Всё законно! Всё законно! Я проверял! Не сметь препятствовать!

– Ты лучше технику сюда гони! – крикнул Собачко. – Давай!

Спешил Собачко, волновался. Не был уверен в себе. Но и Удалов не мог придумать, как бы противостоять этой агрессии. Он был как отсталая Абиссиния в войне с Италией в тридцатых годах нашего века, когда против стрел и копий защитников свободы выступали итальянские танки и тяжёлые мортиры.

Салисов подошёл к заросшему лазу, ведущему в развалины, и спросил:

– А там что?

– А там ничего! – слишком громко откликнулся Стендаль и этим выдал себя.

– А мы посмотрим, – сказал Салисов, подзывая жестом человека в милицейской фуражке и вторым жестом кидая его внутрь развалин.

Стендаль кинулся перекрывать дорогу к убежищу, где скрывались его дочери, но новое развитие событий остановило его.

Из чёрного лаза, согнувшись втрое, но не потеряв при этом гордого достоинства потомка одновременно германской и русской аристократии, вышел, сверкая моноклем в левом глазу, граф Шереметев по матери, а по отцу великий ихтиолог Нижней Саксонии Иван Андреевич Шлотфельдт.

– Прошу остановиться, – сказал ихтиолог, и все послушно остановились.

Стендаль, Удалов и русалки остановились потому, что были знакомы с Иваном Андреевичем, приехавшим в Гусляр, чтобы оказывать

гуманную помощь русалкам, а Салисов и его сообщники потому, что почувствовали в голосе, акценте и движениях Ивана Андреевича настоящего европейского джентльмена. Перед такими наши мошенники почему-то до сих пор тушуются.

– Видите? – спросил Иван Андреевич, поднимая над головой объёмистую книгу, которую Удалов поначалу принял за Библию и решил, что Шлотфельдт хочет обратиться к богу как к последнему защитнику русалок.

Никто не ответил. Все понимали, что ихтиолог задаёт риторический вопрос.

Ростом ихтиолог был очень высок, носил бороду и усы, как Николай II, и было в его повадках нечто строевое и даже конногвардейское.

– У меня в руках есть Красная бух! Вы понимаете?

Все, кроме русалок, понимали, что значит Красная бух. Это означает Красная книга, куда записывают всех редких и вымирающих животных.

– В этой бух записано следующее: русалка есть легендарное существо, которое уже есть вымереть во всём мире, и если не вымирать, то последний экземпляр охранять в настоящий заповедник, а никакой частный сектор ни-ни! Ферботен!

– Ну, это мы ещё посмотрим, – нагло ответил Салисов, который уже пришёл в себя от первого шока. – Это, может, в вашей Бенилюксе русалок не осталось, а мы ещё с ними побалуемся. Побалуемся, девочки? – обратился он к столпившимся сзади русалкам.

Их зелёная нагота казалась жалкой и превращала их в часть леса. Русалки дрожали, потому что не привыкли стоять на холодном ветру.

– Летят! – закричал человек в милицейской фуражке. – Наши летят!

И впрямь, со стороны Вологды строем шли грузовые вертолёты, к которым были привязаны балки и швеллеры, стропила, сетки с кирпичом.

Небо усеяли белые пятнышки парашютов – спускались архитекторы, сметчики, счётчики, бухгалтеры и прочие работники проектных организаций, которые, приземлившись на берегу и не обращая внимания на обнажённых зеленоногих русалок, тут же принялись раскладывать столы, разбивать палатки и платить профсоюзные взносы.

– О, найн! – воскликнул граф Шереметев. – Так далеко не пойдёт!

И тут всем пришлось стать свидетелями зрелища, подобного которому никому ещё видеть не приходилось. Вверх по речке Скагеррак, со стороны большой реки Гусь, видно, проникнув во внутренние воды России посредством Северной Двины или через Мариинскую водную систему, поднимая носом белый бурун, ворвался с песнями и гудками сверкающий белой краской, стройный и решительный корабль международного общества «Гринпис», что для непонятливых русалок можно перевести как «Зелёный мир». Эти отважные люди, невзирая на опасности, побои и даже уничтожение, самоотверженно охраняют животный и растительный мир нашей планеты. Для этих людей Красная книга всегда лежит рядом с Библией. Известно даже, что в штаб-квартире организации «Гринпис» есть древний свиток на еврейском языке, где подробно перечислены все особи, вывезенные Ноем на ковчеге, и как только на Земле вымирает очередная пара, спасённая Ноем, но погубленная современным человечеством, по всем местным организациям «Гринпис» объявляется трёхдневный траур. А так как на Земле каждый день исчезает какой-нибудь вид птиц или насекомых, то патриоты и сотрудники «Гринписа» траура не снимают.

– Спасибо, – тихо произнёс Иван Андреевич Шлотфельдт, – вы приплыли даже быстрее, чем я ожидал. Ни одна из русалок ещё не обесчещена, никто не успел умереть, хотя эта судьба всем грозила.

С этими словами тайный резидент «Гринписа» по Российской Федерации сбросил белый халат и твидовый пиджак, и обнаружилось, что он облачён в скромный траурный костюм, который он не снимал с того дня, как в экологически грязной речке погибла последняя говорящая золотая рыбка.

Испуганные появлением корабля, проектанты во главе с Салисовым и Собачко погрузились в вертолёты и умчались в областной центр, чтобы там с помощью интриг, подкупа и угроз добиваться строительства казино и публичного дома с русалками.

– Мы ещё вернёмся, сионисты проклятые! – кричал с неба Салисов.

Некоторые русалки были разочарованы, потому что ждали любви и приключений. Что поделаешь – примитивные создания! Другие, поумнее, радовались сохранению привычного образа жизни. Хотя всем было понятно, что даже создание заповедника для русалок не спасёт их от порочного влияния цивилизации.

К счастью, русалки не были разочарованы и обижены тем, что их не возьмут в публичный дом, так как были потрясены видом корабля и его экипажа – молодых людей в траурных одеждах, словно чёрных рыцарей возмездия. Русалки призывно улыбались молодым людям и звали их купаться. Тем временем более взрослые и разумные представительницы русалочьего племени проводили краткое совещание с профессором Шлотфельдтом. Всем было ясно, что даже создание заповедника для русалок в озере Копенгаген не решает проблемы – слишком уж близко и доступно озеро для подозрительных личностей. Единственный выход заключался в срочной эвакуации племени в дикое, нехоженое место. Рассматривалось несколько вариантов: бразильская сельва, озеро Лох-Несс, склоны горы Килиманджаро, а также заповедные леса к востоку от Архангельска.

Пока кипел горячий спор, Удалов, заметивший отсутствие Стендаля, решил заглянуть в погреб помещика Гуля и узнать, как себя чувствуют Стендаль и двадцать шесть его дочек.

Погреб встретил его пустотой и тревожной тишиной.

– Миша, где ты?

Никакого ответа.

– Маша, отзовись!

Тишина.

Удалов ощупью добрался до тёмного угла, где только что, скрытый ветками и тряпьём, стоял бак с мальками-близняшками. Но и бака не было – лишь мокрая щебёнка под ногами.

Впереди был подземный сумрак. Удалов сделал несколько осторожных шагов, ступая по кирпичам и пыли, отодвинул доску – и в глаза ударил зелёный свет лесной чащи. К свету вели стёсанные кривые ступени. На ступенях темнели пятна – пролитая вода. Кто-то волочил здесь бак, понял Удалов. Хорошо бы не враги – Миша этого не переживёт.

Мокрые следы вывели Удалова к заросшей нехоженой тропинке, а та, через полсотни метров, к речке Скагеррак, той самой, что вытекает из озера Копенгаген и впадает в реку Гусь.

На берегу сидела и рыдала Маша. Возле неё валялся опрокинутый бак.

На коленях возле Маши стоял Стендаль, нежно и как-то неумело гладил её тёмные зеленоватые волосы и тоже плакал.

Удалов подождал с минуту – не хотел прерывать горе друзей. Но потом всё же поинтересовался:

– Что за беда стряслась?

– Я хотела... – ответила сквозь слёзы молодая русалочка, – я хотела дочек спасти. Они же... эти... работорговцы, они бы их захватили.

– И что же ты сделала? – в ужасе спросил Удалов, уже догадываясь о страшном ответе. – Ты их убила, чтобы не достались врагам?

– Да ты что, Корнелий Иваныч, – испугалась русалочка, даже плакать перестала. – Да разве мать на такое пойдёт? Разве можно собственную икру уничтожить?

– Она их в речку выплеснула, – печально ответил Стендаль. – Уплыли мои девочки.

– Но они же могут заблудиться, простудиться, попасть в зубы щуке!

– Не терзайте мою душу, – ответила русалочка. – Я же думала, что лучше смерть на свободе, чем жизнь в зоопарке.

– Этой фразе я её научил, – горько, но не скрывая гордости за возлюбленную, ответил Стендаль. – У человека должны быть высокие принципы.

Они замолчали и стали смотреть на быструю весёлую воду узкой речушки.

– Может, их выловят, – сказал Удалов. – Ты скажи своим подругам, чтобы поискали.

– Нет, туда нельзя! – закричал Стендаль. – Там её поймают и отдадут в вертеп разврата!

– Дурак, ты не заметил, что наши временно победили. Сейчас обсуждается проблема, куда эвакуировать русалок, чтобы скрыть их от коммерческих структур.

– Неужели... – тут Стендаль оборвал себя.

Он-то знал, что в нашей действительности справедливость если и восторжествует, то лишь на время, а потом за это приходится дорого расплачиваться.

– Ну, может, сколько-нибудь поймаете, – сказал Удалов. – Всё лучше, чем ничего.

– Правильно! – К Стендалю постепенно возвращалось умение владеть собой. – Ты возьмёшь тех дочек, кого удастся отловить! Я останусь здесь, и мы с Удаловым будем каждый день ходить с бреднем. Правильно, Корнелий?

– Только не каждый день, – робко возразил Удалов, но Стендаль его не слышал. Он был готов нестись в город покупать бредень для ловли мальков-русалочек.

– Ой! – прервал его мысли отчаянный крик Маши.

Удалов со Стендалем обратили взоры на середину речки, где из воды высунулась голубая пришлёпка – студенистая голова пана Водограя. Его белёсые глаза смотрели бессмысленно и нагло, в открытой пасти желтели щучьи зубы. В толстой блестящей конечности он держал маленькую русалочку, которую только что поймал, и, не скрывая торжества, подносил её ко рту, чтобы сожрать.

Маша стрелой кинулась к воде и нырнула, подняв фонтан до неба. А так как речушка была всего метров шесть шириной, то вода в ней покачнулась и оголила сизое пузо водяного. Тот потерял равновесие и промахнулся мимо пасти – русалочка ударилась о его ухо, и в тот же момент русалка Маша, в обычных условиях опасающаяся водяного, так ударила Водограя, что тот окунулся с головой в воду, вырвала дочку, а когда водяной выскочил, чтобы погнаться за ускользнувшей добычей, подоспевший Стендаль долбанул его по студенистой голове осиновым дрыном так, что голова его ушла в плечи и на её месте образовалась круглая впадина, подобная небольшому лунному кратеру.

В таком виде водяной, как заснувшая медуза, медленно и безвольно поплыл по течению. Удалов крикнул с берега:

– Ты его не до смерти?

Маша, которая нежила, гладила, ласкала дочку, ответила за Стендаля:

– А он бессмертный. К сожалению.

Оставив дочку Стендалю, Маша нырнула в речку и поплыла по течению, надеясь догнать и перехватить хоть сколько-нибудь из дочерей, а Удалов отправился обратно к озеру, где уже началась погрузка русалок на белый корабль союза «Гринпис». Некоторые русалочки, поднимаясь на борт, сразу же начинали соблазнять экологов, но капитан строго осаживал пассажирок. Удалов понял, что устал от всей этой колготни. Незамеченный, он пошёл по тропинке обратно к городу. Роль Ивана Сусанина оказалась ему не по нутру, и выполнил он её неудачно.

И настроение было плохое. Ведь история не знает обратных дорог.

НОВОЕ ПЛАТЬЕ РЭКЕТИРА

Все началось с того, что Колю Гаврилова бросила Тамарка по прозвищу Томи-Томи, финалистка городского конкурса «Лучший бюст», и ушла к лавочнику Ахмету. Любопытно, что Ахмет раньше был Василием, жил на Пролетарской, но не мог пробиться в люди, так как не имел связей и друзей. Объявив себя Ахметом, он хотя и вызвал к себе настороженное отношение соседей, но зато нашел друзей в области.

Видя, как гибнет ее сын, мать Гаврилова пришла к профессору Минцу, который все еще обитал в доме № 16 по Пушкинской улице. Профессор, к сожалению, состарился, что не повлияло на его научный гений, но резко ослабило тормоза и ограничители. Раньше, прежде чем изобрести что-нибудь, профессор трижды отмерял, а потом, может, даже и не резал (хотя, если вспомнить, и тогда случались накладки). Теперь же профессор потерял способность предвидеть, чем закончится очередное его вторжение в цивилизацию.

– Лев Христофорович, – взмолилась госпожа Гаврилова, что она в последние годы проделывала не раз. – Помогите!

Профессор повернул к Гавриловой крутолобую лысую голову и спросил:

– Опять Николай?

– Нет ему дороги в новой жизни! – возопила Гаврилова. – Погибнет, как есть погибнет!

Гаврилов, как и все жильцы дома, для Льва Христофоровича не чужой. Сколько лет вместе прожито, сколько бед пережито!

– Ничего не понимаю, – удивился профессор. – Ведь паренек, кажется, вполне приличный.

– Да вот как раз такой никому не нужен, – всхлипнула Гаврилова.

– Попрошу конкретнее, – помрачнел Минц.

– Вы тут сидите в своей изоляции, – сказала Гаврилова, – а не видите, кто у нас правит миром. Негодяи у нас правят миром! Бандиты и капиталисты.

– А раньше? – спросил профессор.

– А раньше правили душевные люди, – ответила Гаврилова. – Если что – в райком! А теперь только вы и остались.

– Чего же вы хотите? – спросил Минц, задумываясь над тем, зачем же раньше, чуть что, Гаврилова бегала в райком?

– Дайте Коле шанс! Сделайте так, чтобы перестал он дорогу уступать, извиняться, милость к падшим проявлять.

– А как же я узнаю, какие качества ему мешают, а какие помогают?

– А мы пойдем вместе гулять, – предложила Гаврилова, – и как только я увижу лишнее качество, вы его тут же уберете.

– То есть блокирую? – идея показалась профессору интересной. К сожалению, если профессору идея покажется интересной, он забывает о ее моральном аспекте. И, как назло, он недавно смастерил биоблокатор, правда, с целью лечения шизофрении. В политике.

– Вот именно! – согласилась Гаврилова и побежала одеваться.

Коля собрался послушно, благо все равно делать было нечего – он лежал на диване и предавался тоске и унынию. Он думал о том, что жизнь прошла зря, что он не сделал в ней ничего красивого, а наступающая смерть – закономерный итог.

Профессор Минц представляет в науке искреннюю школу. Эта школа говорит больному или подопытному всю правду. Так что Лев Христофорович уже у подъезда сообщил Гаврилову:

– Сейчас мы с тобой будем избавляться от лишних качеств и чувств, потому что твоя мать считает их вредными.

– А как избавимся, – сказала Гаврилова, – сходим в кафе, угостим Льва Христофоровича мороженым и начнем новую жизнь.

В этот момент мимо пробегал котенок. Имени у него не было, но Колю он знал и выделял.

Коля, увидев представителя бродячей природы, полез в карман за припасенной котлетой.

– Лев Христофорович, видите! – закричала Гаврилова. – Немедленно уберите!

Гаврилов отыскал кусок котлеты, завернутый в бумажку, котенок кинулся к нему и встал на задние лапки, опершись передними о колины ноги. В этот момент Минц вытащил свой блокатор и нажал кнопку.

Эффект был мгновенным. Гаврилов больше не видел котенка. Глаза его потухли, и он сделал шаг к воротам, стряхнув по пути зверька. Но, к счастью, котенок этого не заметил, потому что пытался развернуть бумажку с котлетой. Минц остановился, нагнулся, несмотря на свой тугой живот, и помог котенку. А с улицы уже несся призыв госпожи Гавриловой:

– Лев Христофорович, скорее!

Выйдя за ворота, Лев Христофорович увидел, как Коля бережно перевязывает галстуком надломленную ветку липы.

– Идиот! – кричала ему любящая мать. – Ну кто тебя после этого уважать будет!

Профессор Минц был иного мнения, но в нем зрело желание показать этой наивной женщине, что человека любят именно за слабости, поэтому он не стал возражать и отключил в Коле чувство жалости.

Подопытный рванул за конец галстука, ветвь окончательно обломилась, а Коля на ходу принялся прилаживать деталь туалета на свойственное ей место.

И тут они встретили Тамарку по прозвищу Томи-Томи, которая шла по улице вся в слезах, потому что потерпела жизненное крушение. Несколько минут назад Ахмет поменял ее на Риммку, которая была старше Ахмета лет на десять и бюстом уступала Томи-Томи, зато была умела в любви и соблазнении мужчин.

– Оу, Николя! – кинулась она к бывшему возлюбленному.

Коля замер. Его любовь к этой женщине еще не миновала, и лицо озарилось робкой улыбкой.

– Лев Христофорович, отключайте! – зашипела Гаврилова.

Минц послушался.

И тут же, вместо того чтобы раскрыть свои объятия грешной, но раскаявшейся подруге, Коля прорычал что-то грозное и поднял кулак, чтобы взамен вектора любви ввести в дело вектор мести.

Но Гаврилова и тут решительно вмешалась.

– Лев Христофорович, ненависть слишком близко расположена от любви, – сообщила она профессору. – Ненависть нам не нужна.

И вот щелкнул блокатор, опустилась рука Николая, и он прошел мимо рыдающей девушки, словно не было между ними ничего, и не соблазняли его знаменитый на весь город бюст и эти прекрасные телячьи глаза.

На следующей улице чуть не произошла трагедия.

Навстречу им бежал взбешенный Ахмет-Василий, который при виде Коли истошно заорал:

– Где Риммка? Куда дел? Убью!

Николай побледнел. Ахмета и его дружков боялись. Он стал отступать, и Минц тихо спросил Гаврилову:

– Блокировать или как?

– Блокируй! – воскликнула мать древнегреческим голосом.

В тот же момент Коля остановился, подобрался, сжал пальцы в кулаки, и все увидели, что он на полголовы выше Ахмета, а уж о кулаках и говорить не приходится. И Коля спокойно пошел к Ахмету, а Ахмет с той же скоростью пошел задом наперед – что-то испугало его в глазах Коли Гаврилова.

Это «что-то» уже на пути домой увидел и профессор Минц: глаза Коли были спокойными, равнодушными и чуть сонными.

Во дворе, у подъезда, он оттолкнул профессора, который мешал ему открыть дверь, а когда увидел, что мама задержалась возле Льва Христофоровича, выражая ему благодарность, позвал ее:

– Обедать пора, – чувство стыда он тоже потерял за эту прогулку.

И Гавриловы скрылись в своей квартире.

* * *

Черная звезда Коли Гаврилова взошла над Великим Гусляром быстро, грозно, но уже в отсутствие Льва Христофоровича, который отбыл на конгресс биофизиков в Утрехте, а оттуда в гости к Жаку-Иву Кусто с которым решил побывать на острове Пасхи.

– Удалов, – сказал он перед отъездом, – я никогда в жизни не был на острове Пасхи. Я боюсь, что там случится землетрясение, и удивительные скульптуры меня не дождутся, и тогда никто не догадается, кто и зачем их изваял. Так что ради человечества я обязан там побывать.

В тот момент они стояли на автобусной остановке. Профессор прошептал Удалову на прощание:

– И кто его знает – чилийцы могут закрыть остров Пасхи, особенно для евреев. А я всю жизнь мечтал.

– Я думаю, – ответил Удалов, – что специально евреями теперь заниматься не станут. Слишком мало их осталось. Вот для лиц кавказской национальности остров Пасхи закрыть могут.

Постояли. Помолчали. Больше Минца никто не пришел провожать, потому что все были заняты своими делами. Раньше бы весь дом сбежался...

– Как у тебя в мастерской? – спросил Минц.

– Спрос есть, но больше среди приезжих, – ответил Удалов. – У нас народ консервативный.

Мастерская также была изобретением профессора Минца. Он как-то натолкнулся на любопытную идею: а что если сконструировать одежду, которая сама бы подгоняла себя по фигуре. Это же такой прогресс для легкой промышленности! Изобретя одежду, Минц сразу пошел на швейную фабрику имени Клары Цеткин. Профессора там знали, а некоторые женщины любили – многим успел помочь Лев Христофорович за годы жизни в Великом Гусляре. Поэтому, когда профессор предложил руководству фабрики свое новое изобретение, в кабинет к Варваре Ипполитовне набились все свободные работницы.

– Дайте мне образец вашей продукции, – попросил профессор.

– Стандартный или выставочный вариант? – спросила Варвара Ипполитовна.

– Самый обычный.

– Размер какой?

– Да как на вас!

Наступила неловкая пауза, потому что Варвара Ипполитовна была женщиной внушительной. И не было на фабрике платья, способного удовлетворить ее телесные потребности.

– Как на меня, нельзя, – сказала директорша.

Никто не рассмеялся. Все знали, что директорша уже истратила триста долларов на иностранное средство гербалайф, но в результате поправилась килограммов на пятьдесят.

– А мы попробуем! – радостно сказал Минц, потирая крепкие короткие руки. – Несите средний размер.

Раздался визг и женская суета. С хихиканьем швеи притащили сразу три платья. Модели «Красная шапочка», «Просто Мария» и «Орлица».

Минц выбрал серую обвислую «орлицу» и предложил ее надеть Кларе Анапко, стройной, как ивушка, робкой, как тушканчик, швее-мотористке второго разряда. Анапко стала отнекиваться, сопротивляться, потому что сама мысль о том, что она окажется женщиной-«орлицей» была столь ужасна, что девушка была готова на самоубийство. Но тогда вперед выступила Дарья Шейлоковна, художник-модельер фабрики, и сказала, что готова пожертвовать собой и примерить любую модель бесплатно.

Но суровые работницы иглы и ниток все же настояли на том, чтобы платье надела Клара.

Обливаясь слезами, та подчинилась, и платье повисло на ней, как дряхлая гигантская медуза, оседлавшая плавающую в море соломинку для коктейля.

– А теперь смотрите, – заявил Минц.

Он провел рукой над плечом Кларочки, нечто маленькое и плоское прикрепилось к платью – и, повинуясь невероятному закону совершенства, платье резко уменьшилось в размерах, силуэт его точно улегся на тонкую фигурку швеи-мотористки, вытачки и пуговички также кинулись куда надо, и через минутку директриса фабрики Варвара Ипполитовна погрозила кулаком Шейлоковне, а та рухнула в обморок, так как контраст был непереносим.

Профессор Минц не стал делать секрета из своего нового изобретения. Он вообще не любил тайн. Оказывается, ему удалось изготовить микрокомпьютер-закройщик, который работает только тогда, когда уже готовое изделие соприкасается с человеческим телом. И тогда этот микрокомпьютер превращает изделие или материю в оптимальную одежду, которую хотел бы носить объект эксперимента, в соответствии, конечно, с современной парижской модой, но без ее закидонов.

Тогда же профессор Минц предложил свое изобретение фабрике № 1 имени Клары Цеткин, полагая, что в расчеты ее коллектива и руководства входит превращение фабрики в центр мировой моды. Но на деле получилось иначе.

Сначала все согласились. И даже выпустили пробную партию и передали ее на реализацию в универмаг Ванде Савич. Женщины примеряли, удивлялись и возвращали платья и пальто. А когда Ванда Казимировна спрашивала их, что же не понравилось в изделии, клиентки отвечали:

– Если такое, то уж лучше от Кардена, чем свое.

И переубедить жительниц Великого Гусляра не удалось.

Словом, коллектив фабрики отказался от изобретения Минца: предприятие катастрофически теряло лицо, мощный отдел конструирования во главе с Дарьей Шейлоковной терял работу, особенно когда обнаружилось, что достаточно задрапировать себя отрезом ткани нужной длины – и он превращается в элегантное платье без помощи тени Клары Цеткин.

Не сказав даже спасибо, Минцу возвратили аппаратик для изготовления микрокомпьютеров. Махнув рукой, Лев Христофорович отдал

его Ксении Удаловой и старухе Ложкиной, которые на двоих открыли в подвале, выходившем на улицу, «Ателье-молнию». Без всяких объяснений они обещали изготавливать платья в течение десяти минут на теле заказчика. И клиентура нашлась. Немного, но нашлась. Одна девушка спешила в загс и прожгла свое платье утюгом, а жених упал за день до свадьбы в лужу. У Барыкиных сгорел шкаф, а Барыкину надо было на следующий день в командировку. Риммка шила себе платья у Удаловой, а наклейки привозила из Вологды – многие думали, что платья импортные.

Вот об этой мастерской и спросил Минц, когда прощался с Удаловым перед отъездом на остров Пасхи.

– Нормально, – сказал Удалов. – Завтра приезжает делегация из Южной Кореи.

– Вы с ними осторожнее, – предупредил Минц. – Очень хитрые господа.

– Знаем, – согласился Удалов. – Да и моя баба не лыком шита. Сказала, что без предоплаты пускай не появляется. Пускай открывают счет в нашем городском «Гуснепорочбанке». Нужны деньги на строительство нового роддома и машины времени.

– Ты прав, – согласился Лев Христофорович и нежно обнял Корнелия на прощание.

А Корнелий смотрел вслед автобусу, махал рукой и при этом представлял, как готовятся женщины к встрече иностранных гостей и испытывают новую модель работы Минца.

* * *

Проводив автобус, Корнелий Иванович пошел домой и по дороге увидал Колю Гаврилова. Коля ехал в своем новом «Москвиче», который был замаскирован под «мерседес» специфическим кольцом на радиаторе. Добродушный Удалов поднял руку, подумав: вот, проходит жизнь, одни уступают дорогу, другие растут и, может, составят нашему городу мировую известность... Коля Гаврилов на Удалова внимания не обратил, вернее, это Удалову показалось, что не обратил, а на самом деле он чуть притормозил, дожидаясь, пока Удалов поравняется с океанической лужей, и тогда, не жалея своей собственности, дал газ так, что облил мутной водой пожилого соседа с ног до головы. И позволил себе лишь снисходительно улыбнуться, не оборачиваясь, но кося взглядом.

– Ах ты, мерзавец! – воскликнул Удалов, который был прямым человеком и гонял этого Гаврилова крапивой, еще когда тот был в нежном возрасте.

Но Гаврилов уже мчался дальше по улице и, увидев впереди милую девушку Клару Анапко с швейной фабрики, направил машину прямо на нее, перепугав девушку до полусмерти. А Удалов уже так отстал, что догнать и высказаться был не в состоянии.

Во дворе дома Удалов снова увидел псевдомерседес Коли Гаврилова. Тот стоял посреди двора, подмяв и поломав любимый всеми сиреневый куст, а самого Гаврилова нигде не было видно.

Удалов заходить домой не стал, а постучал в окно Саше Грубину и, когда тот выглянул, предложил:

– Двинем?

Грубин так давно дружил с Удаловым, что понимал его с четверти слова. Он вышел во двор и присоединился к Корнелию. Рядом уже стоял пенсионер Ложкин.

– С Колей надо что-то делать, – сказал Ложкин. – Он стыд потерял, честь и всякие человеческие качества.

Из окна второго этажа высунулась мама Гаврилова и громко прошептала:

– Это я виновата. Я попросила Льва Христофоровича у Коли лишние качества отменить, чтобы ему в современной жизни легче было.

– Ты своего не защищай, – махнул рукой Грубин.

– Тшш! – Гаврилова захлопнула окно, видно, испугавшись, что услышит сын.

Удалов обернулся к окну Гавриловых и сказал громко, зная, что через летнюю раму его слова проникнут в квартиру.

– Николай, я тебя предупреждаю! Мы сейчас твой «мерседес» отодвинем, и это тебе будет первое предупреждение. Сирень оберегается законом и экологией.

Удалов поплевал на ладони, и они втроем взялись за задок «Москвича» и оттащили его в сторону. Правда, в этой операции мерседесовский кружок, что был прикреплен к самому носу машины, упал и покатился по земле.

И тут, подобно пулеметной очереди, раздался стрекот каблуков Николая по лестнице, хлопнула дверь, и тот выскочил на улицу, сжимая в руке газовый баллончик и сверкая глазами, как Александр Македонский.

– Да я вас сейчас! – закричал он. – Да я вам сейчас...

– Обратите внимание, – заметил Грубин, – одно чувство Лев Христофорович снять забыл – чувство собственности.

– И чувство злости, – добавил Ложкин.

– Это не чувство, а постоянное состояние людей, у которых других чувств не осталось, – поправил его Корнелий.

Коля грозно махал газовым баллончиком, а Удалов сказал ему:

– Коля, ты случайно не нажми, а то выпорем тебя по-соседски!

Открылось окно, и Гаврилова стала умолять соседей:

– Пожалуйста, не надо! Он еще фактически мальчик и обязательно исправится. Вот как разбогатеет, так сразу исправится.

Коля пробежал на корточках по двору, подхватил мерседесовское кольцо и, ругаясь сквозь зубы, стал прилаживать его к «Москвичу». Взрослые соседи бить его не стали. Поглядели, покачали головами, имея в виду общее падение нравов, и разошлись.

В четыре часа ночи вдребезги разлетелось окно Грубина. Была повреждена и недостроенная машина времени. На следующий день кто-то разбил стекло у Ложкиных. При этом пострадал аквариум, и бесценных рыбок пришлось срочно депортировать в трехлитровые банки. В машине Васи-Ахмета были проколоты шины. Вася-Ахмет пошел к Гаврилову. Но не дошел. Его остановили два приезжих «качка» в камуфляже, и остаток недели Вася провел в больнице.

Город был встревожен, на Колю смотрели косо, а он все ждал, когда же у него будет настоящий «мерседес». Для этого недоставало лишь двадцати тысяч баксов.

* * *

Южные корейцы посетили мастерскую Удаловой «Ателье-молния». Манекенщицы Тамарка Томи-Томи и Клара Анапко демонстрировали одежду, которая сама себя подгоняла по заказчику. Более того, они поделились с корейцами некоторыми задумками, полученными для перспективных разработок от Льва Христофоровича. Больше всего потенциальным заказчикам понравилась модель «Сними-наденься» «для тех, кто всегда спешит». Сначала модель вела себя как обычная – подгонялась по фигуре, но потом, если нужно, сама снималась с тела и возносилась на вешалку или возвращалась к заказчику по условному сигналу. Ты ее кликнешь, а она отзовется коротким пти-

чьим посвистом, как иномарка, стоящая на электронной охране, – и летит к тебе большим крылом.

Ксения с Ложкиной перед сном остались в мастерской, чтобы договориться, как они завтра будут требовать деньги – франками на текущий счет или сразу оборудованием для роддома? Тут в ателье ввалился Коля Гаврилов и заявил:

– Слушайте, бабки! Чтобы завтра подготовили в пакете двадцать тысяч баксов. Иначе ваши уши будут доставлены вашим мужикам, усекли?

– Каких баксов, Колечка? – спросила Ксения, которая с детства привечала этого мальчонку.

– Молчать! – рявкнул Коля. – Двадцать тысяч. Или уши.

Первой опомнилась старуха Ложкина.

– Коля, а тебя давно никто не порол? – спросила она. – Постыдись!

– Чувства стыда я не знаю, – ответил Коля. – Я теперь, как Терминатор-3. Такой вот я человек.

Ксения Удалова очень осерчала и пошла гнать Колю из мастерской. Но Коля словно ждал этого. Он швырнул женщину на диван, оттолкнул старуху Ложкину к стенке, свистнул – и в ателье вошли два мужика в камуфляже и с мешками, куда они стали складывать, срывая с вешалок, международные туалеты.

– Дурак, – сказала Ксения, опомнившись, – если ты платья возьмешь, за что нам деньги заплатят? – это означало, что жена Корнелия уже пришла в себя и принимала меры.

Ее аргумент подействовал. Они взяли по костюму себе да Риммке пару платьев, потому что Риммка теперь сошлась с Колей, несмотря на превышение в возрасте.

– Двадцать тысяч завтра – как стемнеет, – приказал Коля, – у памятника Первопроходцам. И если кому-нибудь проговоритесь, хоть вздохом, тетя Ксения, то вашему Максимке не жить, а Корнелию Ивановичу тоже, не говоря о Николае Николаевиче.

* * *

Стеная и хромая, несчастные предпринимательницы поплелись домой. Уже на подходе они услышали отдельные дикие крики: во дворе их ждали мужчины, встревоженные долгим отсутствием. Сразу хотели

звонить в милицию, арестовывать Колю, но потом Удалов увел всех к себе, чтобы обсудить вопрос.

Дома Удалов сказал так:

– Нам его сейчас не достать. Доказательств – никаких. А вот положим ему деньги, тут его и возьмем с поличным.

* * *

Утром Удалов дал факс на остров Пасхи, и с острова ответили, что профессор Минц в последние дни был задумчив, встревожен, на статуи почти не смотрел. А вчера он сел на попутный самолет и вылетел в Дели с пересадкой в Джакарте.

В тот же день для корейцев упаковали контейнер, а они выписали чек на швейцарский банк и генеральное соглашение. А меж тем из разных концов города в дом № 16 стекались неприятные новости. Преступная троица сожгла табачный киоск у станции, угнала и бросила трактор, устроила драку в станционном буфете.

Когда стемнело, то на «Москвиче» с мерседесовским кружочком рэкетиры подъехали к памятнику Первопроходцам.

Надо сказать, что к тому времени все уже знали, что в городе завелись собственные жестокие рэкетиры, и сегодня возможна разборка. Сержант Пилипенко взял бюллетень по поводу катара верхних дыхательных путей, но не от страха, а потому что так попросил его Удалов.

– Дело соседское, – сказал он. – Чего нам стрелять. Ты же понимаешь.

Пилипенко понимал.

Многие люди, которые в это время гуляли по набережной и площади Первопроходцев, на этот раз отошли подальше к домам или выглядывали из-за старых лип у гостиного двора. А у памятника стояли лишь Удаловы – так было решено – Корнелий и Ксения. А между ними на постаменте лежал пакет. В синей пластиковой обертке.

В девять часов «Москвич» с мерседесовским кружком выехал на площадь и, сделав круг, остановился у памятника, представляющего собой нос ладьи землепроходцев. На носу, прислонив ладошки к козырькам шлемов, стояли Ермак, Дежнев и Крузенштерн, уроженцы этих мест.

– Давай «капусту», – приказал Коля Гаврилов, спокойно вылезая из машины и подходя к Удаловым.

Его спутники целились в чету из пистолетов, может, газовых, а может, и боевых.

– Коля, – сказал Корнелий, в последней попытке урезонить соседского юношу и спасти его от позора. – Опомнись.

– Быстро! – скомандовал Коля. – Гони «капусту». И еще: будешь отстегивать по десять лимонов в месяц. У меня весь город схвачен.

– Коля, подумай о маме, – произнесла Ксения металлическим голосом.

Гаврилов насторожился.

Он направил пушку на Удаловых. Телохранители – тоже. Их кожаные куртки блестели под фонарями.

– Все на колени! – зарычал Гаврилов нечеловеческим голосом. – Весь город на колени!

– Мне тоже? – спросила его мать, которая пришла на площадь.

– Тебе в первую очередь. Забыла, как в детстве меня порола?

Гаврилова пала на колени. Остальные не подчинились. Более того, повинуясь жесту Ксении, пустившей микрокомпьютер по обратной программе, одежда бандитов превратилась в бесформенные хламиды, которые тут же стреножили их по рукам и ногам. Пистолеты грохнулись на землю, а сами негодяи стали бороться и выпутываться из одежд, словно жрец Лаокоон и его сыновья с античной скульптуры.

К тому времени, когда им это удалось, Корнелий подобрал пистолеты, и, видя неминуемую гибель, телохранители, подобно голым королям, осознавшим весь ужас своего положения, убежали в ближайший лес. Одежда же рэкетиров таинственным образом взлетела кверху и облегла широкие плечи каменных землепроходцев.

Единственным, кто не потерял присутствия духа, был Коля. Он спокойно забрал пакет с долларами и пошел прочь с площади, заявив на прощание Удалову, который стоял с пистолетами в обеих руках:

– Ты стреляй, дядя Корнелий, стреляй в ребенка!

Но тут на площадь ворвался и замер междугородный автобус, откуда выскочил профессор Минц.

– Ах, как я виноват! – воскликнул он и вытащил деблокатор, изобретенный им на острове Пасхи. Он направил его на уходящую голую фигуру.

Пистолеты грохнулись на землю, а сами негодяи стали бороться и выпутываться из одежд.

Голубая молния догнала Колю и пронзила его.

– Возьми обратно стыд! – громовым голосом вскричал профессор.

Коля попытался прикрыться пакетом с деньгами. Он с ужасом оглядывался.

– Жалость! – сказал профессор,

Коля увидел Ксению и робко протянул ей пачку с деньгами.

– Доброту...

Коля рухнул на колени.

Его мать подбежала к нему и обняла молодого человека. Он стоял, прижавшись к ней, как блудный сын на полотне Рембрандта.

– Страх! – продолжал Минц.

Колю охватила дрожь.

– Любовь! – громовым голосом воскликнул Минц.

Безумный взор Коли отыскал в полутьме фигурку Томи-Томи. И они оба зарыдали...

Домой жильцы возвращались вместе. Только Гавриловы с Томи-Томи шли чуть поотстав. На Коле был ладный костюм, вернувшийся с памятника.

– Вот мы и победили! – сказала старуха Ложкина.

– Ага, – согласилась Ксения. – Надо бы нам теперь железные двери заказать.

– Наука поможет нам исправить нравы! – Минц был настроен оптимистично. – На каждое безобразие мы придумаем противоядие.

– А они – новое безобразие, – вздохнул Удалов.

Так они и не пришли к единому мнению.

ПРИШЕЛЬЦЫ НЕ К НАМ

Старик Ложкин, почетный пенсионер Великого Гусляра, постучал к Корнелию Ивановичу, когда тот доедал компот «Дары Гонолулу», купленный обленившейся Ксенией в магазине «Альмавива», открытом супругами Савичами на площади Землепроходцев. С прошлого года этой площади возвратили историческое наименование Скотский выгон, однако жители Гусляра все еще редко его употребляют. Нелегко проходит реинкарнация исконных ценностей!

– Корнелий, – сказал Ложкин, – опять прилетели.

– Кто прилетел? – спросил Корнелий.

– Пришельцы.

– Какого вида?

– Не знаю.

– Почему? Невидимые?

– Нет, что-то они не опускаются. Уже полчаса как над площадью кружат, а не опускаются.

– А чем я тебе могу помочь? – спросил Корнелий.

– Ты не мне должен помочь, а всему человечеству. Как нам с ними в контакт войти? Может, надо предотвратить конфликт? Может быть, они готовятся нас истребить?

Корнелий тяжело вздохнул, отложил ложку и отмахнулся от экзотического аромата.

– Зря ты иностранными продуктами себя балуешь, – заметил Ложкин. – Когда они кончатся, тосковать будешь.

Корнелий не ответил соседу, а крикнул жене:

– Ксюша, я на минутку, на небо взгляну и обратно.

Выйдя во двор, Корнелий закинул лицо к небу. И в самом деле, над желтеющей кроной липы виднелся край висящего над городом космического корабля.

– Значительный корабль, – сказал Удалов. – Давно таких не видал.

– Может, завоевывать будут, – ответил Ложкин.

– Зови Грубина, – приказал Корнелий. В трудные моменты жизни в этом немолодом полном лысом человеке пробуждался Наполеон, который всегда готов вызвать огонь на себя.

Ложкин подбежал к приоткрытому окну на первом этаже и принялся звать Александра Грубина – для друзей все еще Сашу. Тот долго не отзывался. Оказалось, у него были в гостях благодетели, те, которых в больших городах, подверженных иностранным влияниям, называют спонсорами. В благодетелях состояли бывший редактор городской газеты Малюжкин и кожушовка Глаша – посол немногочисленного лесного народа кожухов, обитающего в окрестностях Великого Гусляра. Совместно они создали горнодобывающее предприятие, но не о нем сейчас речь. Главное заключалось в том, что это предприятие «НедраГусь» субсидировало будущий кругосветный полет Саши Грубина на воздушном шаре, на котором руками девушек из текстильного техни-

кума было вышито метровыми буквами: «Недра-Гусь! Повезет, за что ни возьмусь!»

– Что случилось? – спросил Саша Грубин, высовывая в окно поседевшую, но еще буйную шевелюру. – Что могло привести сюда моих друзей во время обеденного перерыва?

Все засмеялись веселой шутке Грубина, но тут Удалов оборвал смех, сказав:

– А вот на небо поглядеть – это вам чуждо!

– Что случилось? – С этим вопросом благодетели и Грубин выбежали во двор и тоже увидели космический корабль пришельцев.

– Пришельцы, однако, – сказала скуластая Глаша.

– Если это, конечно, пришельцы, а не замаскированная налоговая инспекция, – ответил осторожный и подозрительный Малюжкин.

– Пришельцы, – уверенно произнес Удалов. – Таких кораблей в налоговой инспекции пока нет.

– Я сам видел, как они опустились! – поддержал Удалова старик Ложкин. – Сначала была звездочка, потом она превратилась в тарелочку.

Беседуя, они отошли на середину двора, чтобы лучше разглядеть корабль.

Он представлял собой диск, очевидно, огромных размеров, что подчеркивалось тремя рядами из сотен круглых иллюминаторов, а также различными надстройками поверх диска.

– Ну что ж, – сказал Удалов, – давай, Саша, выходи на связь на галактической волне.

Галактический передатчик стоял у Саши на письменном столе, и, если возникала необходимость о чем-то поговорить с Космосом, Саша никогда никому не отказывал.

Сам Удалов сопровождал Сашу на переговоры, но остальных попросил подождать во дворе, не создавать толкотни. И никто не посмел возразить Удалову, хотя, конечно, хотелось послушать инопланетян – зачем прилетели, что за намерения у них, будут ли завоевывать или, наоборот, предложат дружить.

В большой комнате Грубина, набитой приборами и книгами, было неопрятно и полутемно, к тому же зрители торчали у окна, застя свет.

Грубин быстро отыскал на экране пульсацию, соответствующую инопланетному гостю, и, когда она сформировалась, вызвал корабль на нужной волне.

– Отзовитесь! – сказал он. – Зачем прилетели?

Корабль не ответил.

– Повторяю! – настаивал Грубин. – Мы, жители свободной планеты Земля, настаиваем на вашем ответе.

– Нужно будет – ответим, – послышался в динамике грубый голос с неизвестным акцентом. – Сначала надо разобраться.

– В чем будете разбираться? – спросил Удалов.

В ответ царило молчание.

Больше ни слова от визитера добиться не удалось.

Отчаявшись наладить контакт, Грубин с Удаловым вышли наружу. Остальные настороженно молчали, не смея нарушать ход мыслей Корнелия Ивановича.

– Придется подниматься, – сообщил он наконец.

– Да, – согласился Грубин. – Придется подниматься.

Глаша заголосила, сообразив, что подниматься придется на рекламном шаре, но Малюжкин ее остановил.

– В интересах человечества, – сказал он. – Придется рискнуть.

– А если собьют? – спросила Глаша.

– Вся Галактика увидит нашу фирму, – ответил Малюжкин. – Большими буквами в языках пламени.

– Окстись! – осерчал Ложкин. – Там же на борту наш человек, а ты – в языках пламени.

– Значит, обойдется, – сразу же поправился Малюжкин и бессмысленно улыбнулся. Так всегда улыбаются миллионеры, когда их уличают в обмане трудящихся.

Все вместе пошли на поле за церковь Параскевы-Пятницы, где в пустом гараже хранился воздушный шар. Корабль пришельцев все также висел посреди неба, ничего не излучая и не выказывая признаков жизни. У многих жителей города возникало от этого паршивое ощущение, будто ходишь под плохо привязанной связкой арматуры или нависшей скалой, готовой рухнуть от слабого движения воздуха. Но люди в Великом Гусляре ко многому привыкли, они продолжали ходить по улицам, дети бежали в школу, а матери готовились рожать.

Воздушный шар резво разложили на траве, разогнав гуляющих там собачников, затем принесли горелку и принялись надувать. Шар уже не был новостью для гуслярцев, и на него обращали внимания не многим больше, чем на летающую тарелку.

В открытую корзину шара забрались Удалов с Грубиным. Хотел забраться и Ложкин, но ему не разрешили из-за пожилого возраста.

* * *

Осень была ранняя, теплая, именуемая в наших краях бабьим летом. Даже на высоте было не холодно.

Удалов глядел вниз, на родной город, панорама которого, постепенно расширяясь, разворачивалась под ногами. Улицы с каждой секундой становились уже, дома – ниже и теснее друг к дружке, к городу приблизились леса и заречные заросли...

– Нет, ты только погляди! – услышал задумавшийся об относительности жизненных ценностей Удалов удивленный голос Грубина.

Он обернулся на крик и поразился не менее своего спутника.

Оказалось, что они достигли корабля пришельцев куда быстрее, чем рассчитывали. Висел он не под самыми облаками, как казалось наблюдателю с земли, а немного повыше церковной колокольни. И лишь по причине отсутствия в небе предметов, с которыми его можно было сравнить, казался таким гигантом. Правда, он был все равно раза в три побольше, чем воздушный шар фирмы «Недра-Гусь». Но если бы полчаса назад Удалова спросили о размерах корабля, он сказал бы, что тот в несколько раз больше футбольного поля.

Стоя в корзине воздушного шара, Удалов попытался привлечь к себе внимание пришельцев, размахивая руками и подавая сигналы голосом. Однако ответных сигналов с корабля не поступало, хотя Грубин уверял, что видит в иллюминаторах миниатюрные головки космонавтов, которые глядят на воздушный шар и даже двигаются.

Воздушный шар имеет малые возможности для маневра, и поэтому толком облететь пришельцев не удалось. Поднялись повыше, поглядели сверху на антенны и оборонительные системы корабля в надежде на то, что действия воздушного шара не будут сочтены враждебными, – хоть ракеты и пушки корабля были невелики, убить можно и иголкой.

Покружившись возле таинственного пришельца, воздушный шар пошел вниз. И вскоре без особых приключений опустился на поле, где его поджидали остальные.

– Ну как? Вы живы? – с таким криком кинулась к шару кожушовка Глаша и стала гладить его корзину, видно, уж и не надеялась дождаться свою собственность обратно.

– Что они сказали? – спросил Ложкин.

– Отмалчиваются, – ответил Удалов.

– Плохо дело, – сказал Ложкин. – Надо ПВО вызывать.

– Погоди с ПВО, – ответил Удалов. – Тут неувязка с размерами получается.

И он рассказал, что корабль рассчитан не на людей, а на существ малого размера, судя по приблизительным измерениям, на существ двух- или трехсантиметровых, меньше мышки, ну примерно как небольшие оловянные солдатики.

Эта информация заставила всех задуматься. Разумеется, Космос полон тайн и загадок, но раньше таких лилипутов в окрестностях Земли не встречалось.

– И что же будем делать? – спросил Малюжкин.

– Ждать, – твердо ответил Удалов, в голове которого уже созрел план, подсказанный ему жизненным опытом.

Удалов поделился своим планом только с Грубиным, потому что ему нужен был помощник.

– Саша, – объяснил он ситуацию Грубину, – ведь они не просто так прилетели. Если просто так прилетают, то покружат, поснимают, поглазеют – и домой. А эти уже вторые сутки висят, многим даже надоели. Значит, планируют.

– Ты прав, Корнелий, – согласился Грубин.

– А раз планируют – значит, выйдут на связь.

– Точно.

– И наша с тобой задача – узнать, кто с ними на связи. Мало ли какие опасности могут исходить для нашего с тобой города от такого странного союза...

Сойдясь на этом, друзья взяли бинокль и, разделившись на шестичасовые смены, стали вести наблюдение за кораблем с крыши дома № 16, надеясь, что долго это дежурство не продлится, по крайней мере не до осенних холодов, а главное – не до того, как истощится терпение ревнивой Ксении.

Идея Удалова дала плоды на вторую ночь. Отбив очередную проверку Ксении, которая была в глубине души уверена, что к Удалову на крышу лазает на свидание небезызвестная Римка, Корнелий вновь взялся за бинокль и увидел, как от корабля отделился небольшой предмет круглой формы и медленно спланировал к земле.

Корнелий вновь взялся за бинокль и увидел, как от корабля отделился небольшой предмет круглой формы.

Поднаторевший в космических делах, Удалов тут же определил предмет как посадочный катер. Он оказался прав! Пришельцы вышли на связь!

Корнелий проследил место, куда спустился катер, – продовольственный магазин № 2 «Гастроном» и, спустившись по пожарной лестнице, стукнул кулаком в окно Грубину.

Грубин спал одетым и потому тут же выскочил в окно и побежал следом за Удаловым.

Но, как ни спешили друзья, они опоздали.

Магазин был, разумеется, закрыт, сторож крепко спал, и будить его не имело смысла. Удалов решил обойти вокруг магазина, надеясь отыскать катер в непосредственной близости от гастронома либо найти место, через которое он мог проникнуть внутрь.

Первая версия принесла результат.

На заднем, хозяйственном дворе гастронома в одном из деревянных без крышки ящиков, что были раскиданы по асфальту, и находился искомый катер. Однако Удалов не сразу догадался о ящике как о возможном месте укрытия и потерял минуту или две. Он стоял посреди хозяйственного двора и крутил головой, когда из ящика поднялся матовый шар и, набирая скорость, помчался в небо.

– Стой! – крикнул вслед катеру Грубин.

А Удалов молча бросился к ящику, надеясь увидеть связников.

Но и тут опоздал.

Ящик был пуст. Только два или три таракана разбежались по щелям под грозным взглядом Корнелия Ивановича.

Несолоно хлебавши Грубин с Удаловым вернулись домой. Больше сидеть на крыше не было смысла. Пришельцы уже сделали свое дело, но что это было за дело, осталось неизвестным.

* * *

Ясность в ситуацию внесла Ксения Удалова, когда на следующее утро кормила мужа яичницей. Она уже побывала на рынке и в магазине, так что в городе от нее секретов не оставалось.

– Ну что, зря сидел на крыше? – спросила она ехидно.

– Не совсем так, – ответил невыспавшийся Удалов. – Односторонний контакт все же произошел – мы за ними наблюдали и проследили место посадки. Во дворе гастронома.

Удалов никогда ничего не скрывал от Ксении. И хотя ее мало волновали космические проблемы, для средней гуслярской женщины она была в них достаточно информирована.

– Никого не увидели?

– Кроме тараканов, никого, – признался Корнелий. – Пустой номер.

– Вот именно, – сказала Ксения. – Люди то же самое говорят.

– Что говорят люди? – насторожился Удалов. Его всегда интересовало общественное мнение. У общественного мнения, которое, конечно, склонно преувеличивать всякую чепуховину, есть свои законы, и, следуя им, оно порой удивляет прозрениями.

– А люди врать не будут, – ответила Ксения. – Они с тобой согласны.

– А я ничего такого не сказал, чтобы со мной соглашаться.

– Сказал, ангел мой, сказал, – ответила Ксения. – Сказал, что твои пришельцы, – тут она показала пальцем в потолок, напоминая, что корабль мелких пришельцев все еще висит над городом, – к тараканам прилетали.

– Что?

– Весь народ уже знает.

– Да ты с ума сошла! На что им тараканы?

– Родственники им, – ответила Ксения. – Из одной расы. Так сказать, из одной весовой категории.

– Нет! – закричал Удалов. – Быть того не может, потому что тараканы неразумные, отсталые, безмозглые насекомые!

– Ты так думаешь? А если это так, почему они за наш счет живут и ничем их вывести нельзя? Почему люди всегда терпят поражение в борьбе с тараканами?

Ксения говорила, встав в позу оратора, и текст у нее получился торжественным.

– Ну уж поражение... – неуверенно возразил Удалов.

– А вот теперь сомнений у тебя не будет. Эти, что наверху, прилетели специально, чтобы защитить тараканов от наших нападок, от истребления. По тараканьей жалобе.

– Ну уж... – И тут взгляд Корнелия упал на небольшое черное существо, которое стояло на диванной подушке и поводило в воздухе передними лапками. Это был крупный таракан-прусак, таких Удалов

даже на кухне редко видел, а уж чтобы такое неприятное существо осмелилось выйти на свет днем – такое было немыслимо.

– Это еще что? – Корнелий стал искать глазами, чем бы смахнуть на пол и раздавить вечного человеческого противника, но Ксения, догадавшись, схватила его за руку.

– Корнюша, опомнись! – закричала она. – Внуков пожалей.

Ксения висела на руке Удалова, и тот, удивившись, спросил:

– Ты-то чего испугалась?

Ему почудилось, что таракан, которого резкие движения Удалова вовсе не испугали и не заставили спрятаться, слегка улыбается. Он даже пригладил усы передней лапкой!

– Дай я его хоть с дивана сгоню, – сказал, сдаваясь, Корнелий.

– Захотят, сами уйдут, – сказала Ксения о таракане, как говорят о сумасбродном барине, которого нельзя раздражать и дразнить.

– Откуда ты набралась этой чепухи? – грозно спросил Удалов, отворачиваясь от дивана и нахального таракана.

– Люди говорят, – ответила Ксения. – Люди врать не будут.

– И что же еще они говорят?

– А то говорят, что тараканы объединились и направили к своим собратьям послание, что мы, люди, их угнетаем и уничтожаем. И потому они просят помощи.

– А эти прилетели! – Сарказм бушевал в голосе Удалова.

– А эти прилетели, – ответила Ксения мирно, собирая крошки на блюдечко и капая туда же варенья. – И не только в Гусляр. Говорят, что уже над всеми городами Земли они повисли. И скоро выйдет приказ, чтобы люди отдали всю власть тараканам и подчинялись им во всем. Чтобы любили, кормили и так далее.

– Что такое «так далее»? – подавленно спросил Удалов.

– А это нам тараканы сами скажут, – пояснила Ксения. – Говорят, что будут девушек наших брать в гаремы, что запрягать нас будут в ихние кареты, а еще положено будет спать с тараканами, потому что тараканы уважают человеческое тепло.

– Еще чего не хватало! – Удалов в гневе обернулся к прусаку, но тот уже был не один – на подушке сидело и стояло штук двадцать тараканов.

Удалов не успел даже дотронуться до них, как Ксения ласковым голосом заблеяла:

– Миленькие мои, голодненькие, идите, покушайте, подкрепитесь.

И с ужасом Удалов наблюдал за тем, как тараканы вереницей пересекли пол, поднимаясь по ножке стола, окружили блюдце с едой и принялись дружно питаться.

В отвращении Удалов погрозил тараканам кулаком и увидел, как самый крупный из тараканов погрозил ему лапкой в ответ.

Тараканы, почувствовавшие, что наконец-то историческая справедливость, как они ее, паразиты, понимали, восторжествовала и теперь они с людьми поменялись местами, в течение нескольких минут вылезли из всех укрытий и темных мест. Они и в самом деле нагло заходили в места общественного питания, в столовые, ресторан «Золотой гусь», в коммерческие кафе и даже служебные буфеты, всюду требуя лучшей еды, и были совершенно ненасытны. К тому же они умудрялись хапать куда больше, чем были в состоянии сожрать, и разбрасывали объедки по всему городу.

Удалов как раз пришел к городскому голове Коле Белосельскому, чтобы спросить его совета – что делать, как жить дальше под тараканами и нельзя ли вызвать из центра ракетную дивизию, когда делегация из нескольких крупных тараканов выставила Белосельского из кабинета, сказав, что он числится в главных тараканьих врагах и потому отныне ему вход в помещение запрещен.

– На что я надеюсь, – сказал Белосельский, стоя на лестнице, – так это на их внутренние дрязги. Мне звонили из райпищеторга, что отмечен первый конфликт между рыжими и черными тараканами.

– Дай-то Бог! – ответил Удалов.

Они помолчали. Из оставленного кабинета доносилось шуршание. Тараканы уничтожали неприятные им бумаги.

Прибежал Савич. Он был разорен. Магазин супругов Савичей подвергся нападению. Наиболее нахальные тараканы потребовали, чтобы его жена Ванда открывала для них консервные банки, в ином случае грозились обесчестить.

Но наибольшая сенсация ожидала Удалова, когда он добрался до дома. Это путешествие заняло куда больше времени, чем обычно, потому что по улицам семьями фланировали тараканы и приходилось их пропускать. Сенсация заключалась в том, что пресловутая Римма сделала предложение руки и тела старшему таракану их дома и получила милостивое согласие. Церемония была назначена на ближайшее время...

* * *

– Черт знает что! – мрачно сказал Грубин, стоя у стола для домино во дворе их дома. – Может быть, эвакуировать население? У нас же воздушный шар есть.

– Куда бежать, – вздохнул Удалов, – если над каждым городом планеты по такому кораблю висит. Они же все продумали и, пока мы ушами болтали, подготовили переворот со всей тщательностью. Что ты будешь делать – на земле каждый наш шаг контролируется тараканами, а в небе висят враждебные космические корабли тараканьих покровителей. И как только мы допустили, чтобы они связались между собой?

– Я слышал, – сказал Грубин, – что какой-то таракан пробрался на земной космический корабль. Может, даже с семьей. А дальше все дело техники.

– Интересно, они людей потом начнут истреблять или нет?

– В их среде на этот счет нет согласия, – ответил Грубин. – Но если сегодня они этого не планируют, то через год-другой бесконтрольного размножения обязательно возьмутся за уничтожение людей.

Они помолчали.

Корабль тараканьих союзников висел над ними как дамоклов меч.

– Да, – сказал незаметно подошедший Ложкин, – не следовало нам так их уничтожать. В чем-то по большому счету мы сами виноваты.

Небольшой, но строгого вида рыжий таракан сидел у него на ухе и, видно, осуществлял цензуру высказываний почетного пенсионера.

– Нет, – сказал Удалов. – Вы как хотите, а я не сдамся. Я в леса уйду. В лес они не сунутся. В шалаше буду жить.

Остальные молчали. План Удалова показался им наивным.

Сила силу ломит.

Из дома доносилась музыка, бухал барабан, взвизгивала скрипка – свадьба Риммы была в полном разгаре.

Ночью тараканы набились к Удаловым в постель – им нравилось ночевать на простынях и жаться к человеческим телам. Удаловы сбежали и сидели кое-как одетые на лестнице, благо еще было не холодно. Другие соседи разделяли их изгнание.

Не спалось. Было стыдно и больно за человечество.

– И чего мы их раньше не передавили! – прошептала жена Ложкина.

– Тише, – попросил ее муж. – Они же с тарелочки подслушивают.

– Вот именно, – сказал проходивший мимо таракан.

И тогда над плохо спавшей встревоженной Землей разнесся, казалось бы, негромкий, но всепроникающий голос с корабля пришельцев:

– Тараканы Великого Гусляра! Ваш час пробил. Просим всех вас собраться на поляне за церковью Параскевы-Пятницы для торжественного посещения корабля ваших братьев и союзников. Гарантируются бесплатные подарки и питание.

И тут по всему городу пошло шуршание – в путь двинулись миллионы тараканов. Пьяный Малюжкин, проходивший в то время по площади, был потрясен зрелищем сплошного шевелящегося покрова, на несколько сантиметров покрывшего траву. В ужасе Малюжкин застыл, не сделав следующего шага, и увидел, как на космическом корабле раскрылись широкие по его масштабам ворота и оттуда к земле протянулся плоский яркий зеленый луч. По лучу, как по пандусу, широким потоком потекли счастливые победители – тараканы. Один из последних, ожидавших своей очереди, заметил несчастного Малюжкина и пискнул ему:

– Историческая справедливость рано или поздно всегда торжествует. Угнетенные массы поднимаются против угнетателей, и нашим врагам становится страшно, что они родились на свет.

– Я в жизни не раздавил ни одного таракана, – возразил ему Малюжкин.

– Из отвращения, а не из гуманизма! – рявкнул таракан. – А другие, даже дети – они нас сотнями уничтожали. И учтите, что когда мы вернемся с подарками и инструкциями, то возьмемся за вас всерьез.

С этими словами последний таракан поспешил вверх по зеленому лучу и вскоре скрылся в чреве корабля пришельцев. Люк закрылся. Наступила тишина.

Люди начали выходить из домов и смотреть наверх. Что-то будет, когда возвратятся тараканы? Постепенно уныние все более охватывало людей.

И тут, когда напряженное ожидание беды полностью охватило жителей Великого Гусляра, рядом с кораблем образовалось светящееся пятнышко, которое превратилось в небольшой посадочный катер, помчавшийся к земле. На полпути к ней он, видный из любого окна и с любой улицы, замер.

Свечение вокруг шарообразного катера становилось все ярче, распространялось во все стороны, пока не превратилось в овальный вогнутый экран в несколько метров диаметром.

И тогда все жители города впервые увидели пришельца, который решил лично обратиться к людям.

Обитатель корабля и в самом деле был отдаленно похож на таракана, вернее, скажем, на насекомое тараканьего семейства. Но надо признать, что было и множество отличий – например, у пришельца была куда более крупная голова, выразительные глаза, передние лапы заканчивались несколькими пальцами, в одной руке он даже держал сигарету. И самое главное заключалось в том, что пришелец был одет. Скудно, но со вкусом.

– Господа! – обратился пришелец к замершим людям. – Простите, что заставили вас поволноваться. Но нашей вины в том нет. Вы сами придумали и распространяли лживые слухи. И сами стали их жертвой. Нам трудно понять, как вы могли попасться на такую дешевую уловку. К сожалению, мы не могли вас успокоить раньше, так как тогда рухнула бы схема, столь тщательно продуманная и не раз опробованная нами. На самом деле наш корабль – один из эскадры кораблей, направленных на Землю для истребления наглых тараканов, которые стали просто стихийным бедствием. Простите нас за то, что из-за необходимости соблюдения тайны вы вынуждены были терпеть, как распустились и обнаглели тараканы, всерьез поверившие в сплетню о том, что если мы с ними одного размера и несколько схожего вида, то обязаны быть их друзьями и покровителями. Но теперь ваши мучения кончились. Тараканы завлечены на наш корабль и уже сожжены в печке. Больше тараканов на Земле нет! Спите спокойно.

На этих словах экран потускнел и погас, катер возвратился к кораблю и растворился в нем.

Люди не могли поверить своему счастью.

На этот раз обошлось!

Были предприняты попытки отыскать виновного за распространение страшной сплетни, но, конечно же, никого не нашли.

Несмотря на поздний час, людям не хотелось расходиться.

Молодой Гаврилов принес магнитофон, и все танцевали на площади под его музыку. Некоторые торговцы открыли свои магазины и бесплатно или задешево раздавали свои товары. Это была чудесная, славная, дружная ночь.

Когда шли домой. Удалов спросил Грубина:

– И чего же они на тараканов взъелись?

– Я думаю, что им за них стыдно. Как бы существа одного племени, но одни – интеллигентные и гуманные, а другие – ну просто мелкие хищники!

Удалов согласно кивнул головой.

– Улетает, улетает! – крикнул кто-то в толпе.

И в самом деле, темное округлое тело корабля пришельцев растворилось в черном небе.

Ксения взяла мужа под руку.

– Вот оно – счастье, – сказала она. – А ведь мы живем и не чувствуем его, пока не случится беда.

Так, прижавшись друг к другу, словно в молодости, они поднялись на второй этаж.

Попили чаю.

Перед сном Удалов пошел мыться.

На краю рукомойника сидел похожий на таракана, но куда более приятный на вид пришелец из корабля и шевелил усами.

– Ты чего? – удивился Удалов. – Опоздал вернуться?

– Я теперь здесь буду жить, – сказал пришелец. – Вместо таракана.

– Как так? Вы же сами сказали...

– А крошки будешь оставлять мне на кухонном столе, – приказал пришелец.

ПЕРЕРОЖДЕНЕЦ

Удаловы купили дешевый круиз, в межсезонье. Над Средиземным морем хлестали дожди, непогодило даже над островом Капри, где творил когда-то писатель Горький, у которого, говорят, недавно отняли в

Москве улицу и передали гражданке Тверской. Удалов о такой революционерке даже и не слыхал.

Ксения ждала, когда будет мальтийский порт Ла-Валетта, потому что там есть кожаные куртки, – сыну и внучку нужны качественные изделия. Удалов дождливые дни просиживал в салоне или у пустого бассейна. Изредка позволял себе пропустить по маленькой с Василием Борисовичем, который отдыхал в каюте-полулюкс. Василия Борисовича конкуренты звали Питончиком и все ждали когда его пристрелят. Может, потому он и потянулся к простому пенсионеру из города Великий Гусляр.

Сидя у бассейна, они переговорили на многие темы. Питончик все больше ругал демократов. За что – непонятно, потому что при коммунистах был таким мелким чиновником, что брал трешки в подворотне, а в демократическую эпоху смог завести себе женщину-референта с ногами, которые начинались от бюста, а о ее бюсте один певец сочинил песню «Как я трогал горы Гималаи».

Удалов, налетавшись по галактикам, тяготел к демократам, так как полагал, что демократы ратуют за демос. Питончику он о своем тайном убеждении не говорил – зачем расстраивать руководящего человека?

На теплоходе «Память «Нахимова» было пустынно, как на пляже в Сухуми в разгар сезона. В бассейне резвилась только Дилемма Кофанова – известная рок-певица, которую Удалов раньше не знал. Все думали, что ее имя – псевдоним. Только Питончик, который знал все про всех, почему и оставался до сих пор в живых, сообщил Удалову, что Дилемма – ее настоящее имя. А вот фамилия ее – Вагончик. Именно фамилию она и скрывала.

Василий Борисович долго смеялся, спрятав губы под мышку, – он был человеком смешливым, но знал, как это опасно. Имея телохранителя, Дилемма тем не менее тянулась к Питончику, потому что у нее была замечательная интуиция, которая подсказывала, что Питончик при желании может заглотать всех ее поклонников не поморщившись.

И такой человек, по мановению руки которого к борту подъезжал «мерседес», и которому послы бывшего Советского Союза наносили визиты в черных фраках, имел слабость! Он был жертвой современных суеверий – верил в астрологию, летающие тарелочки, телепатию, колдовство, черную и белую магию, заряженную воду и переселение душ. Переселение душ занимало Питончика более всего. Вытянув впе-

ред волосатые ножки, так что чистые пяточки нависали над бассейном, и потягивая сок гуайявы, Василий Борисович рассуждал:

– Оказывается, подумай, Корнелий, мы с тобой уже жили на этом свете, но совсем в другом качестве. Может, был ты рабом при постройке древнеегипетских пирамид, а я, скажем, советником фараона. И все время приходилось мне тебя, прости, пороть за нерадивость.

Василий Борисович раздул ноздри и смежил махонькие желтые глазки. Видно, у него было своеобразное воображение: в нем жил несостоявшийся тиран и диктатор.

– А рассказывают, – произнесла Дилемма Кофанова, – что человек при перерождении сохраняет свои способности.

Она подплыла к бортику бассейна. Ее купальная шапочка была оклеена небольшими резиновыми райскими птичками, а лицо почти лишено грима, отчего только очень близкие знакомые могли бы угадать, с кем имеют дело.

– На этом основан принцип выбора далай-ламы, – развил тему Василий Борисович. – По самым отдаленным населенным пунктам Тибета рассылают курьеров, чтобы выяснить, не родился ли там мальчик в момент смерти предыдущего далай-ламы. Причем он должен обладать рядом особенностей.

– Родинкой на лбу, – сказала Дилемма.

– Родинкой, размерами, формой носа и так далее. Если все совпало, то мальчика берут в монастырь и воспитывают. Пока не подойдет время его настоящей коронации. Понятно?

Василий Борисович спрашивал строго, как с подчиненного, и потому Удалов отвечал покорно, как подчиненный.

– Понятно, – сказал он. – Мальчика воспитывают.

– Конечно, не все тебе понятно, – вздохнул Питончик. – Это уже не мальчик, а новое перерождение далай-ламы.

– Главное не это, – сказала Дилемма и подплыла так близко, что Удалов испугался, как бы Питончик не ткнул ее пяткой в лобик. – Главное, – сказала она, – в том, что каждый из нас уже жил и наслаждался природой и различными ласками.

– В прошлом ты сидела дома и не каталась по морям, – строго сказал Дилемме Питончик.

– О нет! Я была маркизой! За мою честь благородные люди, дворяне, графы обнажали шпаги, лилась кровь... Море крови!

Пришел бармен, черненький, завитой. Спросил, что принести. Даже у Корнелия спросил, ибо был выучен в новых традициях, когда деньги решают все. Так как было прохладно, заказали согревающих напитков, и Василий Борисович продолжил интересный разговор:

– У меня есть знакомый, директор института, не будем говорить какого...

Он сделал паузу, и остальные поняли, насколько секретный этот институт.

– Он мне точно сказал, что там открыли, как угадать, кем человек был раньше.

– Ой! – сказала Дилемма и чуть не выронила бокал в бассейн.

– Но это теория? – спросил Удалов.

– Что я, на теоретика похож, что ли? – обиделся Василий Борисович. – Точно уже разработано. Закладывают все данные в машину, считают двадцать секунд, и вот тебе ответ: настоящий тип уже проживал триста лет назад и провел свою жизнь в тюрьме «Кресты» за карманные кражи и грабежи приютов.

– Это вы о ком? – испугалась Дилемма. Она даже оглянулась, опасаясь, что этот жулик-перерожденец пробрался в бассейн.

– Уже есть программа опытов, – сообщил Василий Борисович полушепотом. – Для ведущих государственных чиновников. В Японии это принимает массовый характер.

– Говорите, говорите! – умоляла его Дилемма.

– Больше ни слова, – ответил Питончик, как отрезал. – Здесь все имеют уши.

Бармен тут же высунулся из своей дверцы – уши у него были тонкие, прозрачные. Но имелись в виду другие уши.

Разговор продолжился тем же вечером, когда Дилемма отпела три песни в концерте для немногочисленных обитателей салона «Малахов редут», отмахнулась от липучих поклонников и велела телохранителю принять водки и идти в каюту. Так что они остались в углу салона втроем, сильно выпимши, и Василий Борисович был весел. Кошачьи глазки Питончика сверкали непринужденным весельем, и, предвкушая неудержимый интерес собеседников к его тайне, он заранее наслаждался тем, как помучает их, прежде чем раскроет ее...

Сдался он только в половине двенадцатого.

– Ребята из ФСБ мне нашептали, – сказал Питончик. – Есть новые результаты. Опровергают все самые неожиданные ожидания... Хуже не придумаешь.

– Василий Борисович, – посмел перебить Удалов, – а с какой целью проводится эта государственная программа? Ведь кто есть, тот есть. Не сажать же его в тюрьму за преступления его предыдущей оболочки?

– Ах, как сказал! – обрадовалась Дилемма. – Предыдущая оболочка! У меня тоже была.

– У тебя была шкура, – грубо ответил Василий Борисович, потому что чувствовал свою силу и мог поизгаляться над ближними. – А программа проводится с понятной целью. Чтобы знать, чего в будущем ждать от ответственного товарища.

– Все равно я не понимаю, – вставила Дилемма. – Мало ли у кого какой характер?

– На большом посту последствия могут быть роковые.

– И как же комиссия...

– Вот в этом вся штука. – Питончик налил из бутылки «Белой лошади» себе в фужер, добавил шампанского, потому что любил гулять изысканно, хлопнул и заел омарчиком. – Комиссия на самом высоком уровне. Если наш перерожденец неуправляемый, опасный, то его стараются тихо подвинуть, пока парламентская дума не узнала и не предложила в президенты. Вы омаров пробовали? Очень советую, велите принести, если с валютой свободно.

– Я могу себе позволить! – окрысилась Дилемма.

Люди познаются в мелочах. А в мелочах Василий Борисович производил впечатление прижимистого гражданина.

– Простите, – спросил Удалов. – А какой-нибудь пример можно узнать?

– Я тебе пример, а ты – в «МК», и там сенсация. А потом меня нечаянно машиной инкассатора переедут. Это бывает...

– А мы – никому! – сказала Дилемма. – Ни слова.

– Вы имен личных не употребляйте. Так, чтобы только пример, – просил Удалов. – Например, один товарищ или одна гражданка...

– Эх, все равно рискую, ох, рискую...

Питончик помолчал. Хлопнул еще стаканчик виски с шампанским. Золотой перстень с изумрудом загадочно сверкнул, кинув лазерный

луч по салону. Дилемма подобралась, как пантера – за таким изумрудом можно прыгнуть и с десятого этажа.

– Привожу пример, – сказал Питончик негромко. – Есть один человек в столице. На руководящем посту. И стал он вызывать опасения специалистов своей гигантоманией.

– Как так? – удивилась Дилемма, которой такое выражение было неизвестно.

– В масштабах столицы он начал баловаться Днепрогэсами. И чем дальше, тем больше. За пределами разумного. Ну, допустим, есть в столице триста разрушенных церквей. А он строит на пустом месте собор выше Эйфелевой башни. Гору сроет – поставит на ее месте пику, которая пронзает Луну. Даже зоопарк превратил в бетонный готический замок на десять кварталов. А в центре города сделал яму...

– Знаю, знаю, – сказала Дилемма. – Вы имеете в виду...

– Ни слова! – прошептал злобно Питончик. – Мне за клевету попадать не хочется.

Он собственноручно влил в глотку певицы стакан виски с пивом. «Конотопская лукавая» – так именуется этот коктейль в кругах теневого бизнеса. А Удалов, чтобы замять неловкую паузу, спросил:

– Ну, и какие результаты?

– Собралась комиссия, взяли у него волосок. И обнаружили, что он и на самом деле перерожденец...

– А кем он был раньше? – задохнулась от нетерпения Дилемма.

– Фараоном Хеопсом, – ответил Питончик, глядя в потолок, по которому бегали цветные пятна от прожектора.

– Кем? – спросила еще раз Дилемма.

– Египетским фараоном. Соорудил пирамиду рабским трудом сограждан, не обращая внимания на царившую вокруг нищету и угнетение трудящихся.

– Он врет, да? – спросила Дилемма у Удалова. Но Корнелий Иванович не был в том убежден и потому с сомнением покачал головой. Где-то он слышал про такого жестокого фараона.

– Вы не отвлекайтесь, – приказал Питончик. – Что от меня узнали, больше нигде не скажут. Топ-сикрет!

– Ну и что? – спросил Удалов. – Предположили...

– Дурак! Не предположили, а доказали! Убедительно доказали. Теперь эти разработки японцы у себя пускают. У них даже дворни-

ка не возьмут на службу, пока не выяснят, кем он был в предыдущем рождении.

– А конкретно? – спросила Дилемма.

– Конкретно собрали Совет Безопасности, вызвали туда человека и сказали: «Ты можешь храмы и автостоянки сооружать, крупнейшие в мире. Но учти, что мы ждем от тебя угрозы. Так что отныне тебе, товарищ хороший, запрещено возводить в Москве пирамиды и усыпальницы. Чуть что – мы тебя, как Хеопса, замуруем в твою пирамиду, и доживай там свой срок».

– И что? Что? – карие глаза Дилеммы ярко пылали.

– Поплакал он. Все же натура у него хеопсовская. Потом смирился. Важнее должность сохранить. Ей соответствует погребение на Новодевичьем.

Василий Борисович помахал пальцами, призвал официанта и заказал еще бутылку виски и побольше пепси-колы.

– А кого еще проверяли? – спросила Дилемма.

– Мы политиков не трогали, – сказал Питончик с лукавой пьяной усмешкой.

– А если из правительства? – спросила Дилемма.

Но Питончик повернулся, захватив недопитую бутылку, потому что не могло быть у него такого пьяного состояния, чтобы он своего не взял, и побрел к себе в каюту. Так что Удалов узнал в тот вечер много, но недостаточно.

Больше к разговору о перерождениях не возвращались, так как у Питончика появились интересы, связанные с дочкой одного министра из соседнего полулюкса, которая спала с телохранителем Дилеммы. В результате разразился скандал с мордобоем, а Удалова никто больше не замечал, и с ним почти не здоровались.

Корнелий верил и не верил информации, сообщенной ему Питончиком, и в нем роились дополнительные вопросы. Только задать их было невозможно.

До самого последнего дня.

В последний же день, когда лайнер гордо подошел к причалу Одесского порта, судьба в последний раз столкнула бывших собеседников на трапе. Как в трагедии, где в последней сцене выходят все жертвы и мерзавцы, чтобы выяснить отношения.

Первой спускалась Дилемма в оранжевых волосах и зеленом плаще. Пограничники при виде ее сделали под козырек. Телохранитель пронзил их волчьим взглядом. Затем спускался Удалов с супругой. Уже на набережной он догнал Дилемму и негромко сказал ей вслед:

– До свидания, Дилемма Матвеевна. Рад был с вами познакомиться. Спасибо от публики за ваш талант.

Дилемма обернулась на голос. В момент расставания что-то дрогнуло в ее сердце. Она улыбнулась, сверкнула карими глазами, взмахнула ресницами и сказала:

– А славно мы с вами надрались в тот вечер!

Ксения ахнула: Удалов ей не во всем признается.

– Не бойтесь, мамаша, – сказала ей Дилемма. – У нас с вашим мужем доверительные отношения, но не интим.

– Вот именно! – раздался голос сверху. Там спускался Василий Борисович. Сам Питончик. – Мы славно посидели.

Оказывается, и он мог быть сентиментальным. Удалов расплылся в улыбке.

– Рад с вами попрощаться, – крикнул он.

Они все остановились у трапа, на причале. Синий «мерседес» медленно двигался вдоль борта.

– Ну вот, за мной уже приехали, – с некоторой ностальгией в голосе сказал Питончик.

– Тогда скажите скорее, а то всю жизнь буду мучаться, – страстно взмолилась Дилемма. – Скажите, чей перерожденец тот человек, который так грубо с женщинами обращается? Я буквально торчу, когда его по телеку показывают!

– Все в жизни не так просто, кошечка, – сказал Василий Борисович, ласково, но твердо хватая короткими пальцами эстрадную звезду за подбородок и поворачивая ее к себе с намерением, видно, впиться на прощанье губами в розовые губки гражданки Вагончик. – Ты думаешь, если человек заявляет, что намерен вымыть свои сапоги в Индийском океане, значит, он в предыдущем рождении был Александром Македонским?

– Да, – прошептала Дилемма, не пытаясь вырваться.

– А когда проверили на генетическом уровне, оказалось, что в предыдущем рождении наш с тобой герой был чукчей!

– Ах! – вырвалось у Удалова.

– Вот именно. И этот товарищ чукча всю жизнь мечтал вымыть ноги в теплой воде. А так как советская власть дала чукче начальное образование и поведала о стране Индии, а вот горячую воду в те края не провела, то и образовалась у чукчи мечта, не реализованная ввиду ранней гибели чукчи на клыках моржа.

Сказав так, Питончик страстно впился устами в губы певицы, и Ксения Удалова резким движением оттащила мужа к таможне и пограничному контролю.

А синий «мерседес», на котором, как подумал Питончик, приехали за ним, притормозил возле целующихся на прощанье Дилеммы с Питончиком, бесшумно и быстро опустились тонированные стекла, и изнутри засверкали ярко-белые вспышки. Оказывается – стреляли.

Оказывается, за Василием Борисовичем приехали не друзья, а враги.

Питончик опустился на мокрый холодный асфальт, увлекая за собой Дилемму. Которой, впрочем, было все равно, потому что погибла и она.

Закричала Ксения, ахнул Удалов – к счастью, в тот момент они уже были в нескольких шагах от места трагедии.

На похороны Удаловы не попали, потому что у них уже были заказаны на тот день билеты до Вологды.

У Корнелия осталась на сердце тяжесть.

Многое пришлось ему в жизни видеть, но такого зверства – ни разу.

Поэтому можно понять, почему он ни с кем из друзей не поделился сведениями о перерожденцах. Как бы возникла черная шторка в памяти – а за ней прятались беседы, которые он вел на теплоходе.

А приподнялась эта шторка в тот неприятный день, когда Усищев предложил гражданам Великого Гусляра избрать в каждом подъезде по доносчику, чтобы он информировал правительство города о настроениях и неправильных словах.

В тот день Удалов пошел с профессором Минцем погулять по набережной. Многие жители города пошли в тот день погулять по набережной или даже в парк. Наиболее осторожные уехали в лес, к озеру Копенгаген. Усищева все принимали всерьез.

Удалов с Минцем гуляли себе по набережной, раскланивались со знакомыми, но разговаривали вполголоса. И тут Минц неожиданно дал толчок размышлениям своего друга.

– Иногда мне кажется, что Усищев в прошлой жизни был унтером Пришибеевым. Был такой герой в сатирическом рассказе Чехова. Любил все запрещать и пресекать. А при том – жулик и пройдоха, если я не путаю его с каким-то другим унтером.

– Ты хочешь сказать, что он жил раньше? – вырвалось у Корнелия, и тут же с хрустальной ясностью перед его внутренним взором предстала сцена в салоне теплохода «Память «Нахимова», пьяный взгляд Василия Борисовича и горящие карие глаза несчастной Дилеммы.

– Есть такая теория, – сказал Минц и запустил в речку Гусь плоский камешек. Надвигалась зима, и ближе к берегу река уже начала покрываться ледком, отчего камешек подпрыгнул, звякнул по льду и только потом сгинул в черной ноябрьской воде. – Но научно не подкрепленная.

– Значит, может, мы с тобой уже пожили свое?

– Не исключено, – улыбнулся печально профессор. – И даже померли.

– А мне один покойный человек говорил, что в одном нашем институте уже измерительная аппаратура работает, а японцы даже на работу без проверки не берут.

– Какой еще проверки? – воскликнул Минц.

– Чтобы избежать опасности. Если человек в предыдущем рождении был партизаном, то его ни за что нельзя брать на работу стрелочником. Рано или поздно происхождение скажет свое, и он подорвет вверенный ему поезд.

– Где ты набрался этой чепухи?

– Я же говорю – целые институты этим занимаются. А мы здесь прозябаем!

Удалов не хотел обидеть профессора, но, конечно, обидел. Тот замолчал и стал смотреть на седые облака.

– В Москве даже опыт с одним большим начальником провели, – сказал Удалов, дотрагиваясь до рукава своего друга. – Он отличается гигантизмом за народный счет. То собор, то монумент, а людям жрать нечего...

– И что же? – спросил Минц.

– А то, что он оказался перерожденцем египетского фараона Хеопса.

– Маловероятно!

– Что маловероятно? Есть постановление правительства – ему запрещено впредь возводить на территории России пирамиды и обелиски.

Минц усмехнулся. Он все еще был настроен скептически.

– А еще один человек, который хотел ноги в Индийском океане вымыть, оказался... – заговорил Удалов.

– Только не говори, что он перерожденец Александра Македонского.

– Нет, он перерожденец чукчи, который по теплой воде тосковал.

– Почти смешно.

– А вы проверьте. Вы ученые, вам все карты в руки.

– А что? Вот я направлюсь на той неделе в Барселону на конгресс по генной инженерии, там и поговорю с кем надо.

На том они и расстались, а ночью Удалову кошмарно снилась несчастная Дилемма Кофанова, распростертая у его ног на мокром и холодном асфальте одесского причала.

Возвратившись вскоре из Барселоны, профессор Минц сразу заглянул к Удалову. Он был возбужден, капельки пота блестели на склонах лысины, дыхание было неглубоким, но частым.

– Идем ко мне! – повелительно сказал он, еле поздоровавшись.

Ксения хотела было велеть Удалову сначала доесть компот, но по виду соседа поняла, что случилось Нечто. И промолчала.

Внизу Минц, раскрыв портфель, вывалил из него не только бумаги, кассеты и перфокарты, но и несколько разного вида приборов.

– Мы живем в утробной глуши! – закричал он тонким голосом. – Вокруг люди открывают и закрывают Америки, а мы не знаем, кто из нас перерожденец!

– А они знают?

– Ты был прав, Корнелий, и мне стыдно, что я так провинциален.

– Значит, он и впрямь из Хеопсов? – спросил Корнелий.

Минц не сразу вспомнил, потом хлопнул себя по лысине и засмеялся.

– Хеопс, точно Хеопс. Но это еще цветочки...

– Лев Христофорович, а как о других?

– Корнелий, возьми себя в руки. Конференция международная. Их интересуют свои персонажи. Мадам Тэтчер, например...

– И кто она?

– Ну, сам должен был догадаться. Конечно же, королева Елизавета Первая.

– Ага, – согласился Удалов, который не представлял себе, чем прославилась королева Елизавета Первая. – А другие?

– Скажем, президент Клинтон...

– Да плевал я на президента Клинтона... в переносном смысле.

– А больше не помню... Да, мне говорили о режиссере Михалкове.

– И что?

– Забыл. Что-то иностранное, но – забыл.

– Сейчас ты скажешь, что и Аллу Пугачеву забыл?

– Нет сведений. Да отстань ты от меня с мелкими конкретными примерами! Ты, видно, не до конца осознал суть открытия. Ведь каждый человек может рождаться не один раз и не два, а, может, даже десять. В истории человечества был не один Наполеон. Но в большинстве своем они не успевали взобраться на вершину власти, и их кушали другие соперники. Так что и пирамида у нас одна, а не сто...

– Понял, – сказал Удалов. – Первую Аллу Пугачеву надо искать в образе Шахразады.

– Умница! – похвалил его Минц. – А теперь скажи, как у нас в Гусляре. Что нового, что плохого?

– Ой, не говори! Боюсь, что до выборов не доживем. Лютует Усищев, забирает власть. А как его выберем – сожрет.

Минц сочувственно кивал головой.

Потом он положил на стол тяжелый черный шар с крупное яблоко размером.

– Это генератор, – сообщил он. – От него исходит энергия, соединяющая поля.

– Какие поля?

– Между перерожденцами существует общее поле. Чтобы отыскать его и расположить в нем перерожденцев, требуется этот шарик.

– Понятно, – сказал Удалов. – Значит, ты раздобыл ту самую машинку?

– Ту самую, – согласился Минц. – Вот ее вторая часть.

Вторая часть представляла собой конус, с широкой стороны которого помещался овальный экран чуть больше ладони; на узкой части горел зеленый огонек.

– А вот это, – сказал Минц, – способ увидеть того, чьим перерожденцем ты, Удалов, являешься.

– Меня не трожь! Ничего интересного, – возразил Удалов.

– А я и не надеялся увидеть в твоем прошлом еще одного путешественника по Галактике, обыкновенного героя Вселенной.

Видно, Минц шутил. Во всяком случае, Удалов предпочел счесть его слова за шутку.

– Значит, будем разыскивать, чей вы перерожденец, Лев Христофорович, – нашелся Удалов.

– Ах, оставь, Корнелий, – отмахнулся профессор.

– Почему же, вы личность известная, можно сказать, гениальная.

– Это все в прошлом.

– А мы прошлым и интересуемся.

– Нет, нет, от меня проку не будет, – взъярился профессор.

– Но может быть, вы перерожденец самого Леонардо да Винчи! У меня на этот счет почти нет сомнений, если не считать шишки.

И Удалов не без лукавства, хотя и безобидного, указал на небольшую шишку, которая испокон веку виднелась над правым ухом профессора.

– Я тебя не понял, – насторожился профессор.

– В это самое место, как говорит наука, – ответил Удалов, – Исааку Ньютону угодило яблоком.

Минц попытался рассмеяться, но получилось неубедительно. И Корнелий понял, что себя профессор Минц проверять на перерожденчество не станет. А если и станет, то тайком от общественности. Потому что после своей неудачной шутки Минцем овладел ужас: а вдруг он – перерожденец какого-то совершенно неизвестного и даже неинтересного человека, как бы подкидыш Истории?

– А вот какая проблема меня волнует, – сказал неожиданно Минц, – так это будущее родного нашего городка.

Удалов даже рот открыл от удивления. Будущее родного городка к проблеме перерожденцев отношения вроде бы не имело.

– Удалов, Удалов! – вздохнул профессор. – Несмотря на твои подвиги и жизненный опыт, дальше собственного носа ты посмотреть не в состоянии. А я мыслю масштабно. Меня сейчас не интересует, кем были в прежней жизни Франсуа Миттеран или Алла Пугачева. Это банально. Мне не столь важно, падало ли яблоко на голову мне

или другому Ньютону. Это тоже лежит на поверхности. Это подобно старой детской шутке.

– Какой?

– Назови часть лица.

– Нос.

– Поэт?

– Пушкин.

– Девяносто шесть процентов людей отвечают точно так же – берут то, что лежит на поверхности мозга, и предлагают человечеству. Моя же гениальность заключается в том, чтобы отыскать новые пути.

– И сказать «ухо» и «Лермонтов»? – спросил Удалов.

– Нет, голубчик. Чтобы сказать «бровь» и «Сафо».

Тут Удалову пришлось сложить оружие, потому что он не знал, кто такой Сафо.

– Каждое изобретение, – продолжал Минц, расхаживая по тесному кабинету, заложив руки за спину и выпятив и без того круглый живот, – должно служить человечеству. И если мы с тобой сейчас увидим в этом приборе, что я – перерожденец Ломоносова, это ничего нового никому не даст. Я и без того известный ученый. Однако если нам удастся заглянуть в прошлое товарища Усищева, то это может спасти наш город.

– Конечно, – прошептал Удалов и кинул опасливый взгляд на окно.

Для тех, кто не в курсе, можно пояснить, что до выборов в Великом Гусляре оставалось шесть дней. А на власть в городе претендовал некто Усищев, существо, рожденное новой жизнью – возникшее в городе неизвестно откуда в качестве владельца ларька у базара, затем проникшее в городскую управу, а оттуда оказавшееся во главе «Гуслярнеустройбанка», основателями которого стали некоторые из отцов и матерей города, а вкладчиками – обитатели. Собрав все деньги, Усищев заявил, что расплачиваться не в состоянии ввиду антинародной политики московского правительства в Боснии и Герцеговине. Народ Гусляра сильно шумел и писал на Усищева письма в разные инстанции. Но местные инстанции в большинстве случаев свои деньги не потеряли, а возместили их с прибылью, что же касается горожан попроще, то Усищев придумал для них достойное развлечение. Он доступно объяснил народу по радио, что во всем виноваты демократы

и когда мы с ними окончательно расправимся, доходы всех жителей Гусляра утроятся. И все на радостях забыли о том, что их доходы лежат в сейфе у товарища Усищева.

Как и в каждом русском сообществе, не все дружно выступали за то, чтобы Усищев стал господином Великого Гусляра. Некоторые даже возмущались и называли его жуликом. Так что товарищу Усищеву пришлось выписать охрану из подмосковных Люберец, чтобы оградить себя от демократического террора, а кроме того – перетянуть на свою сторону городскую милицию, обещав построить для милиционеров плавательный бассейн, а для их детей школу фигурного катания. Не говоря уж о материальной поддержке. К тому же в город прибыли, но пока затаились шестнадцать воров в законе кавказской национальности, которые должны были помочь в день выборов, чтобы не допустить к урнам провокаторов.

Усищев, конечно же, не шутил. Корреспондент «Гуслярского знамени» Миша Стендаль напечатал статью «Если ты украл железную дорогу...» В ней говорилось о нравах в США, где большие бандиты неподвластны закону. И вот уже третий день Миша лежит в больнице с переломанными ребрами, а Усищев в той же газете «Гуслярское знамя» выступил с отповедью одному хулигану, который поднял руку на нечто святое...

Из города началась эмиграция. Но эмиграцию Усищев пресекал – он не желал править пустым городом. Для этого он мобилизовал посты ГАИ.

Вот в какую обстановку попал Удалов по возвращении из круиза по Средиземному морю, а Минц – с барселонского конгресса.

– Для меня твое сообщение, Корнелий, – сказал Минц, – стало важным толчком. Оно возродило во мне надежду на то, что мы сможем разузнать, чей же перерожденец наш бандит, грабитель и будущий уничтожитель города Великий Гусляр.

– Ты с ума сошел! Он же нас в зубной порошок сотрет.

– Если народ себя спасать не может и не хочет, в дело вступают друзья народа. Мне нужен волос Усищева.

– От усов?

– С любого места.

Удалов задумался. Задание было невыполнимым, если бы не одна тонкость, вспомнившаяся Корнелию: выходя по утрам из «мерседе-

са» у здания «Гуслярнеустройбанка», занимавшего бывшую детскую музыкальную школу имени Римского-Корсакова (он проходил некогда в этих краях морскую практику и за это соорудил крепкое двухэтажное здание на свои кровные деньги), господин Усищев, прежде чем приступить к своим обязанностям, заходил в парикмахерскую № 1, расположенную в соседнем доме, и брился с одеколоном «Кристиан-бруталь» у старого мастера Терзибашьянца.

– Иди, отдыхай, набирайся сил перед акцией, – посоветовал Минц.

Но Удалову не хотелось отдыхать. К себе-то он пошел, но не спать, а думать: вот, к примеру, удастся им узнать, что в предыдущем рождении товарищ Усищев был Иваном Грозным. А дальше что? Обнародовать? Или в Москву писать? А из Москвы возьмут и ответят: «Срочно направляйте. Нужен Родине»!..

На следующий день в 10.25 Удалов без стука вбежал в лабораторию профессора.

Вбежав, он раскрыл ладонь. На ней лежала парикмахерская бумажная салфетка, в которой содержалось немного подсохшей пены со щетиной.

Минц, занятый подготовкой визита к Усищеву, спросил:

– Ошибки быть не могло?

– Наблюдал из угла, – ответил Удалов. – Лично подобрал в бумажку.

– Ну тогда иди на улицу, гуляй, а я попытаюсь узнать, с кем мы имеем дело.

Удалов погулял по соседству, дошел до музея, вернулся, посидел на скамеечке и тут услышал голос друга:

– Сколько времени?

– Половина третьего.

– Я почти догадался! – крикнул профессор.

– Так из каких он будет?

– Не могу сказать. Слишком страшно.

– Неужели Гитлер?

– Интереснее... Но и страшнее.

– А что делать будем? – Удалов не был трусом, но тут его тело охватила предстартовая дрожь.

– Если не боишься, пойдем со мной, – предложил Минц.

– Пошли.

Через минуту вышел Минц со своим толстым портфелем. Он шутил, что возьмет его с собой, когда поедет за Нобелевской премией.

По дороге Удалов несколько раз пытался выпытать у профессора, что за тайну тот несет в себе, но профессор был загадочен, задумчив и печален.

– Ужасно! – повторял он время от времени. – Ужасно!

Мурашки пробегали по телу Удалова.

Они так решительно подошли к «Гуслярнеустройбанку», что люберецкие молодцы, которые охраняли вход, еле успели скрестить перед пришельцами автоматы.

Удалов в удивлении посмотрел на фасад.

Фасад школы был такой же, как прежде, только профиль Римского-Корсакова сбили, а вместо него поместили профиль Усищева. Подпись же пока оставили старую: «Великий русский композитор».

– Нам к товарищу Усищеву, – строго сказал Минц.

Люберецкие потому и приехали на охрану Усищева, что не знали никого в Гусляре. Неужели в городе нашелся бы житель, который осмелился бы остановить, не пустить Минца и Удалова? Не было такого жителя...

– Гуляй, папаша, – сказал охранник.

Возмущенный Минц, которого никогда еще не встречали так в Гусляре, рассердился и хлопнул хама портфелем по руке. Автомат упал, а второй охранник развернулся, чтобы прошить очередью двух старых хулиганов.

К счастью, тут на шум распахнулось окно на втором этаже, выглянула усатая рожа главного разбойника и сказала:

– Отставить пальбу! Пропустить ко мне глубокоуважаемых товарищей-ветеранов, моих дорогих избирателей. А вот ты, Василий, считай себя уволенным. Если любой старый еврей может у тебя автомат вышибить – твое место на кладбище...

– Шеф, я же не ожидал!

– Тогда твое место на помойке, – сказал Усищев и выстрелил в своего охранника со второго этажа. Охранник упал бездыханным, и его алая кровь оросила автомат, а также ботинки Удалова, который кинулся внутрь музыкальной школы.

Потрясенные случившимся, старики поднялись на второй этаж. Усищев их не встретил, но они узнали, что он всегда сидит в голубой

гостиной, в классе арф. Большинство арф уникальной работы было уже продано им в Бангладеш, но одна, правда, без струн, осталась для интеллигентного антуража.

Толстый, гладкий, усатый, тонкорукий Усищев сидел за столом, уставленным его коллекцией – изображениями обнаженных девушек работы советских фарфоровых заводов.

Присесть гостям Усищев не предложил, но Минц, уже преодолев потрясение, подошел к столу, поставил на угол портфель и сказал:

– У нас к вам, товарищ Усищев, важная проблема, которая касается вашего происхождения.

– Мое происхождение не обсуждаем! – вдруг испугался Усищев.

– Вы меня неправильно поняли, – сказал Минц. – Мы знаем, что такая выдающаяся личность, как вы, уже жила на свете...

И он популярно изложил завтрашнему диктатору Великого Гусляра теорию перерождения душ. О перерождении душ диктатор раньше не слышал, и, если бы не солидность профессора Минца, он бы в нее не поверил. Но когда Минц произнес: «Может, среди ваших предшественников и Наполеон попадется», – Усищев клюнул на это заявление, расплылся и спросил:

– А что, можно уточнить?

– Это непросто, – ответил Минц.

– Сколько просите за Наполеона? – спросил Усищев.

– Аппаратура зарубежная, настройка тонкая...

– Сто баксов? – спросил Усищев.

– Послушайте, Усищев, – рассердился Минц, – мы с вами не на базаре. Какие могут быть сто баксов, если вы получите с завтрашнего дня право писать на табличке: «Бывший Наполеон, а ныне товарищ Усищев»?

– Ладно, можно и без товарища, – смирился Усищев. – А сколько?

– Завтра всероссийское телевидение сообщит: «Городом Великий Гусляр с недавнего времени руководит новый Наполеон». Как вы думаете, не появятся ли здесь руководители некоторых партий с предложением вам баллотироваться в президенты?

– Да ладно! – отмахнулся тонкой рукой Усищев. Его руки, неловко приделанные к тугому телу, были тонкими и ломкими, а пальцы словно когтистыми.

– Так что обойдется это вам в двенадцать тысяч долларов чеком на швейцарский банк, а также по новой квартире нам с Удаловым, как только вас изберут всеобщим благодетелем.

– Не пойдет!

Начался торг. Он продолжался минут десять. Минц и Усищев вспотели. Спорили они искренне, отчаянно, а Удалову все хотелось крикнуть: «Лев Христофорович, да обдурит он вас, по глазам видно! Посмотрите в эти черные точечки! Ни копейки не даст!»

Наконец, сошлись на трех тысячах и двух квартирах.

Минц вынул из портфеля и расставил на столе приборы. Усищев смотрел со смешанным чувством страха и надежды. Ему хотелось быть Наполеоном, но он опасался подвоха и боялся, не слишком ли много обещал заплатить за сомнительную тайну.

Середину стола занял черный шар. Ближе к себе Минц поставил конус, обратив его острым концом к Усищеву, а экранчиком к себе.

– А это не опасно для здоровья? – спросил Усищев.

– К здоровью ваша наследственность отношения не имеет, – отрезал Минц. – Но должен предупредить, что у перерожденца существует тесная внутренняя связь с его предшественником. Насколько тесная, мы еще не знаем.

– А что я Наполеон, это уже точно?

– Проверим – будет точно.

– Ну, давайте! – приказал Усищев и поправил буденновские усы. – Время не ждет. Чем черт не шутит... Может, и Александр Македонский... Чувствую я в себе иногда Александра, прости, Македонского.

– Замрите, закройте глаза, – велел Минц.

На экране конуса Удалов увидел вовсе не Усищева и даже не Наполеона... там было нечто туманное.

– А нельзя так сделать, чтобы я и из себя стал, как Наполеон? – спросил Усищев, не раскрывая глаз. – Мне это по телевизору хотелось бы показать. Постарайся, накину!

– Это мы и постараемся сделать. Если есть ваше желание.

– Ясное дело – хочу, чтобы стал как этот самый... с которого я произошел.

Изображение на экранчике стало принимать все более отчетливую и устрашающую форму.

Середину стола занял черный шар. Ближе к себе Минц поставил конус, обратив его острым концом к Усищеву, а экранчиком к себе.

Удалов открыл рот, чтобы закричать, но Минц зашипел на него, как кобра.

Жужжание в конусе и черном шаре усилилось.

И тут Усищев начал приподниматься над столом, упершись в него тонкими лапами. Притом он уменьшался, причем скорее прочего уменьшалась голова, вернее, уже головка... Черные точки глаз сверкали отчаянно и злобно, и все более ссыхался он, все быстрее уменьшался...

– Он этого хотел, – мрачно сказал Минц.

Большой черный таракан немного постоял, озираясь, в центре стола, а потом кинулся в атаку на Минца. Нападение было столь яростным, что Минц с Удаловым прыгнули в стороны, а таракан Усищев, не рассчитав сил, упал со стола и, осознав, видно, что придется переносить свою деятельность в иной мир, шустро кинулся в угол.

– Вот и все, – сказал Минц, отключая приборы. – Человеком меньше, тараканом больше...

– Что ты наделал! – закричал Удалов. – Ты же убил городского руководителя!

– Никто не погиб, ничто не погибло. Сейчас он организует выборы в тараканьем царстве... А мы с тобой давай поспешим отсюда, а то какой-нибудь лакей с «Калашниковым» заглянет и удивится.

Они вышли из музыкальной школы беспрепятственно. И пошли домой.

А по дороге Удалов попросил объяснений. Он не все понял.

– Мы все, все ученые, допустили ошибку, о которой нас уже предупреждал Будда, – сказал Минц. – Мы почему-то решили, что перерожденцы всегда были людьми. Был Наполеон – стал Гитлер. Был Ломоносов – стал Капица. А почему? Любая живая тварь может переродиться в иное существо... Вот и я попался. Несколько часов изучал волоски – щетинку кандидата Усищева, но никакой человек из них не получался. Молчит экран и показывает какие-то полоски...

Минц остановился, поглядел, как летят с криками на ночной покой вороны, раскачивая голые ветви деревьев и роняя на землю снег.

– К счастью, я гениален, – продолжил Минц. – А раз так, я решил посмотреть, а точно ли мы имеем дело с перерождением человека? Но тут одного волоска было недостаточно. Мне пришлось усовершенствовать установку, наладить более тесную связь между перерожденцем и оригиналом, чтобы исключить любую ошибку... Остальное ты видел.

– Но почему он превратился в таракана?

– Ах, Удалов, наука имеет еще столько тайн! Но он так хотел стать Наполеоном, что я не смог отказать ему в этой мечте. Кто мог подумать, что он – Наполеон, но среди тараканов?

Они дошли до ворот.

Попрощались.

– Ты что-то печален, друг мой, – сказал Минц.

– Да нет, пустяки...

– Лучше откройся мне.

– Тараканов жалко. Жили они, размножались – и тут получили тирана. Представляешь, какой он там среди них порядок наведет?

– Удалов, ты меня удивляешь. А людей тебе не жалко?

– Жалко, но бессловесных тварей больше.

– Не печалься, – сказал на прощание Минц. – Вырастет у нас еще другой диктатор. Похуже прежнего. Так что – потерпи...

ОТЦЫ И ДЕТИ

Преимущества новой жизни в Великом Гусляре пожирала инфляция.

– Словно чёрная пасть, – произнёс Николай Белосельский, расхаживая по своему кабинету и не глядя на собеседников. – Мы подняли пенсию, и тут же подорожал хлеб. А что я могу поделать, если муку присылают из области по новым ценам?

– Пенсионерам трудно, – сказал Удалов, которому скоро уже было пора на пенсию, а так хотелось ещё пожить и даже съездить на Канарские острова. Не исключено, что, если дальше так будет продолжаться, закроют заграницу, как при Сталине, и прозеваешь жизненный шанс.

– Вот мы и решили обратиться к вам, Лев Христофорович, – продолжал Белосельский, не услышав реплики Удалова. – Изобретите что-нибудь кардинальное.

– Новую пищу? – спросил профессор Минц.

– А из чего её делать будете?

– Из органики, – неуверенно ответил Минц и замолчал.

– Это может пройти в больших городах, – сказал тогда умный Белосельский. – А у нас завтра все будут знать, откуда вы взяли эту самую органику.

– Мы не космический корабль, где всё оборачивается по сто раз, – поддержал Белосельского Удалов.

Его пригласили на беседу Минца с Белосельским как представителя общественности и третейского судью, потому что трезвое мнение Корнелия Ивановича было важно для собеседников. Даже если он его не высказывал.

– Что-то из ничего не бывает, – сказал Минц, будто был в том виноват. Хотя закон сохранения энергии и иных вещей придумали задолго до него.

– Вы думайте, профессор, думайте! – приказал Белосельский. – Люди не могут поддерживать достойное существование.

– Будем думать, – сказал профессор.

Он был серьёзен. Никогда в жизни перед ним ещё не ставили такой глобальной проблемы – спасти государство от кризиса.

– Майские праздники у нас с Пасхой совпадают – людям хочется сесть за стол и на свои средства досыта наесться и напиться, – закончил беседу Белосельский.

Он надеялся на Минца. Не раз профессор находил парадоксальные выходы из безвыходных положений.

Профессор Минц разбудил Удалова на следующую ночь, часа в три.

Удалов открыл на нерешительный звонок, полагая спросонья, что сын Максим пришёл с очередного приключения и боится потрево-

жить маму. Но это был Минц в пижаме. Остатки волос торчали как крылышки над ушами, очки были забыты высоко на лбу.

– Корнелий, прости, но надо поделиться, – громко прошептал Лев Христофорович.

– Неужели «эврика»? – спросил тоже шёпотом Удалов. – Неужели так скоро?

– Вижу свет в конце туннеля, – сообщил Минц. – Спустись ко мне, а то на лестнице зябко.

Когда они спустились к профессору, Минц поставил перед Удаловым лафитничек с фирменной настойкой сложного лесного состава и предложил глотнуть.

– Спасибо, – сказал Удалов. – Горю желанием узнать первым.

– Вот именно! – обрадовался профессор. – Дружба для меня стоит выше прочих привязанностей. От твоей реакции на моё очередное изобретение зависит судьба страны.

– Спасибо, – потупился Удалов, потом налил себе глоток из лафитничка. Всё-таки исторический момент.

– Какая была поставлена задача городскими властями? – задал Минц риторический вопрос. И сам, разумеется, ответил: – Накормить на праздники, а потом и вообще городское население при условии, что ни зарплата, ни пенсии, ни другие доходы не увеличатся. Полагаю, что любой другой учёный в мире, исключая Ньютона и Эйнштейна...

– А они померли, – вмешался Удалов.

– ...а они скончались, не смог бы решить такую проблему. А я её, кажется, решил именно потому, что мыслю оригинально. Наоборот. Казалось бы, что надо сделать?

На этот раз вопрос был обращён к Удалову, и надо было отвечать.

– Надо пенсии прибавить.

– Чепуха. Денег на это нет.

– Надо... аппетиты уменьшить.

– Удалов, ты гений. Так проблему мог бы поставить лишь выдающийся ум современности.

Удалов смутился и налил из лафитничка в рюмку.

Настойка была крепка и душиста.

– А как уменьшить аппетиты?

– Таблетки от аппетита, да? – попробовал догадаться Удалов.

– А как уменьшить ткани на одеяла и простыни? На пелёнки? Как разместить в автобусе пятьсот человек, когда с трудом помещается сто? Ну? Один шаг остался, Удалов! Таблетки тут не помогут.

Удалов этого шага сделать не смог.

Тогда Минц взял со стола коробку из-под ботинок. В ней шуршало.

– Смотри! – приказал он.

На дне коробки лежала кошка с двумя котятами. Кошка была размером с мышку, а котята – с мышат.

– О нет! – воскликнул Удалов. – Только не это!

– Не бойся, всё не так трагично, – улыбнулся Минц. – Я не намереваюсь превращать людей в мышей. Мы уменьшим нас лишь в два раза. В тебе сколько сейчас?

– Метр шестьдесят шесть.

– Будет восемьдесят сантиметров. И тогда аппетит у тебя вдвое уменьшится, и в автобус тебя вдвое влезет. А так как все остальные будут такие же, то разницы никто не заметит. Зато благосостояние возрастёт вдвое!

– А стулья? – спросил Удалов.

– Подпилим ножки, – ответил профессор.

Всё было не так просто, как можно подумать. Времена у нас демократические. Компартия собрала митинг протеста, хотел было приехать один депутат Думы, но в последний момент испугался уменьшиться вместе со всеми. Именно со всеми, потому что референдум дал 78 процентов голосов за минимизацию, 9 процентов были против, а остальные мнения не имели.

Внесено было одно уточнение. Его сформулировал старик Ложкин, который перед референдумом сказал:

– Детей жалко. Мы-то своё отжили, нам бы покушать, а вдруг они расти перестанут?

Минц согласился с мнением Ложкина, поддержанным всем городом: хоть ты, Минц, и обещаешь нас вернуть в обычное состояние, как только инфляция закончится, рисковать здоровьем детей детсадовского и младшего школьного возраста, которые, считай, много не съедят, народ не намерен.

Ночью над городом поднялся воздушный шар, и Грубин с Минцем опылили спящие дома, а детям перед сном дали таблетки, чтобы с ними чего не случилось.

Сделав дело, Минц, всё ещё в противогазе, попрощался с Грубиным за руку и сел за руль своего «москвича». Его ждали в области на конференции по благосостоянию.

Грубин махал ему вслед, уменьшаясь на глазах. Отъехав от города, Минц снял противогаз. На следующий день жители Великого Гусляра проснулись уменьшенными в два раза.

На конференции доклад Минца вызвал страстные споры. Некоторые отвергали его с порога, защищая права человека, другие просили поделиться опытом и самим средством.

Так что Минцу пришлось задержаться в области на несколько дней, а затем вылететь в Москву для переговоров на высоком уровне.

И возвратился он домой только перед самыми майскими праздниками.

С тревожным чувством подъезжал профессор к Гусляру. Он боялся, не вызвало ли его изобретение побочных эффектов, а главное – смогут ли им достойно распорядиться в центре, где сталкиваются интересы могучих ведомств.

Странная тишина встретила Минца на въезде в Великий Гусляр.

Улицы были пустынны, нигде ни души.

Пушкинская улица недалеко от центра была перекрыта баррикадой из ящиков. Минц вышел и негромко крикнул:

– Есть кто живой?

Отозвался только утренний ветер, что нёс по улицам мусор.

Вот и продовольственный магазин. Витрины разбиты, внутри тоже разорение. Больше всего досталось кондитерскому отделу – от него остались только осколки и груды ярких обёрток. Винный отдел сохранился лучше прочих, и хоть часть бутылок была разбита, но ни одна не почата.

Махонькая, уменьшенная вдвое мышка пробежала, как паучок, по полу и исчезла в углу.

Минц пошёл по улице дальше, прижимаясь к стенам домов. Чувство ужаса овладело им.

Когда он проходил мимо подвала магазина сельхозтехники, он услышал стон.

Вровень с тротуаром было окошко, забранное решёткой. Стон доносился оттуда.

– Кто там? – спросил Минц.

– Это мы, люди.

Минцу показалось, что он узнал голос Удалова.

В несколько секунд Минц сбежал вниз по ступенькам, откинул засов, и из тёмного подвала стали выползать ослабевшие, измождённые, несчастные люди. Некоторые из них были избиты и исцарапаны. Можно было подумать, что на город в отсутствие Минца напала стая пантер.

Среди теней, в которые превратились гуслярцы, Минц встретил Удалова и самого Белосельского. Махонькие, не достающие до пояса профессору, они столпились, пошатываясь, и пищали, требуя внимания, пищи и обвиняя Минца в предательстве. Перебивая друг друга, пигмеи поведали Минцу страшную историю о гибели Гусляра, подготовленную необдуманным открытием профессора.

Когда утром жители Гусляра проснулись уменьшенными, сразу возникло множество проблем. Одни стали пилить ножки у стульев, другие не доставали до верхней полки на кухне, третьи не могли почистить зубы. Но морально шокирующей и, главное, совершенно неучтённой оказалась встреча с детьми. Представьте себе положение ребёнка, который намерен идти в детский садик, но его будит не мама, а как бы мамина кукла, ростом меньше самого дошкольника. А в соседней квартире папа пытается отправить в школу первоклассницу, которая на голову выше его. Сначала родители попытались подтвердить своё право распоряжаться детскими судьбами с позиции силы, и надо сказать, что растерянные дети покорно разошлись по детским садам, школам и всяким площадкам. Но затем, по мере того как родители прибегали ко всё более репрессивным мерам и даже телесным наказаниям, чтобы удержать детей в руках, те стали объединяться. На третий день они выбрали вождя – второклассницу и второгодницу по прозвищу Дылда, самую высокую теперь жительницу города. От имени детей Дылда потребовала открыть кондитерские магазины и выдать детям бесплатно все жвачки и конфеты, затем закрыть школы и отменить умывание и суп.

Тут нашла коса на камень. Родители встали как один, пытаясь остановить детей, но у родителей нет такого опыта рукопашных, как у младшеклассников, а им хочется порядка и уважения к личности, тогда как дети не знают, что такое уважаемая личность. Таким образом, исход сражения, охватившего город, был предрешён. На четвёртый

день родителей безжалостно заточили в подвалы, и началась вольница: грабежи кондитерских и игрушечных отделов, разгром магазина «Кукла Барби» и ещё многое другое, о чём и упоминать в цивилизованном обществе не пристало. Не говоря уже о том, что за три последних дня ни один ребёнок ни разу не почистил зубы. Даже те, кто хотел это сделать, не смели показаться паиньками в глазах зачинщиков переворота...

Минц отослал друзей открывать другие подвалы и узилища, а сам перебежками спешил к своему дому, надеясь, что новые господа Гусляра не добрались до его лаборатории.

Первое массовое скопление детей он увидал на площади Землепроходцев.

Там шёл весёлый бой яйцами, вывезенными из ближайшего продовольственного магазина. В стороне стояло несколько ящиков из-под шоколада – детишки дрались, роясь в обёртках в надежде отыскать забытую плитку.

– Эй! – услышал Минц пронзительный детский голос. – Шпион!

Он обернулся. К нему неслась толпа детей во главе с длинноногой прыщавой девочкой, очевидно Дылдой. Они были вооружены игрушечными и настоящими пистолетами из магазина «Охотник».

Несмотря на свой вес, возраст и живот, Минц помчался так, как не бегал с десятого класса. Ему удалось юркнуть во двор и промчаться к себе, оторвавшись от преследователей настолько, что они потеряли его из виду.

Переведя дух, Минц открыл последний баллон с антигазом и включил газовый насос. Облако газа заполнило город, вновь превращая взрослых во взрослых. И когда Минц подошёл к телефону, он уже слышал, как с улицы несётся детский плач – выросшие взрослые взялись за воспитание неблагодарных отпрысков всерьёз.

Под отдалённый и близкий рёв детей Минц набрал телефон области. Он хотел срочно предупредить руководство об опасности, грозящей последователям гуслярцев.

В области никто не отвечал.

Тогда Минц положил в свой «москвич» баллоны с антигазом, позвал на помощь Удалова, и они помчались в область.

Город встретил их молчанием.

Сначала Минц решил, что там тоже произошла детская революция.

Но магазины были не тронуты. Даже кондитерские отделы.

Минц стоял посреди гастронома и прислушивался, не донесётся ли человеческий голос.

Голос донёсся, но был таким тонким, что Минц сначала не сообразил, откуда он прилетел.

– Это же надо! – закричал Удалов и, как молодой, кинулся туда. Падая, он поймал жирного магазинного кота.

Кот завопил и выпустил из зубов махонькую обнажённую толстушку – как оказалось впоследствии, заведующую молочным отделом того гастронома.

Нежно держа несчастную женщину в кулаке, Удалов выбрался на улицу.

В тени цветущей сирени он увидел шевеление.

Минц доставал из машины баллоны с антигазом.

Удалов раздвинул листья – несколько человечков, размером в полспички каждый, пытались спастись от курицы, которая деловито склёвывала их.

– Скорее! – закричал Удалов, отгоняя курицу.

Через полчаса немногочисленные жители области, которые смогли пережить эти дни, скрываясь под крылечками и в щелях в асфальте, поведали им страшную историю. Оказывается, городское начальство посчитало идею Минца половинчатой. И решило продовольственную проблему одним ударом – дали стократную концентрацию газа. Оказав услугу населению, чиновники разъехались по дачам. Так что многие остались целы.

Когда друзья возвращались в Гусляр, они молчали. Только у въезда в город Минц прошептал словно самому себе:

– А там, на совещании, ведь разные хозяйственники были.

– И что? – спросил Удалов.

– Не исключено, – ответил Минц, – что в некоторых городах население без микроскопа не отыщешь...

ОТРАЖЕНИЕ РОЖИ

Разговор начался банально – с собак. Минц с Удаловым сидели на лавочке у дома № 16, чувствуя себя старичками, хотя, конечно, в душе ими не были. И смотрели, как внучка Ложкина Дашенька, приехавшая в Гусляр на каникулы, гуляла со своей стройной, поджарой, почти породистой собачкой, и вся была под стать ей поджарая, стройная, почти породистая.

– Любопытно, – сказал профессор, – каков механизм подбора людьми собак?

Удалов, который понимал Льва Христофоровича с полуслова, возразил:

– Но может, это собаки подбирают себе хозяев, похожих на них?

Так как разговор происходил в сентябре и окна были открыты, с первого этажа откликнулся Грубин:

– Я думаю, что собаке и хозяину надо пожить вместе, тогда они становятся на одно лицо.

Спорить с Грубиным не стали. Тем более что в подтверждение общих мыслей из-за угла вышел хулиган Корочкин, крутой качок, как называла его с придыханием Дашенька, мелкий рэкетир и террорист, который недавно приобрёл в Вологде за баксы настоящего бультерьера – существо, более всего похожее на большую жирную корявую крысу. Говорили, что Корочкин, известный в уголовном мире Великого Гусляра под кликухой Крыс, в память о популярном в детстве мультфильме, ходит со своим булем на операции и тот уже задушил двух или трёх лоточников. Может, и не в самом Гусляре, но на станции или в Тотьме. В любом случае хозяин и собака были похожи, и, только когда они прошли, пугнув по пути Дашеньку Ложкину, Удалов несмело произнёс вслед кожаной спине Корочкина:

– При взгляде на собаку понимаешь суть хозяина. А вы говорили!..

Удалов ждал возражений, но не дождался. Через некоторое время Грубин сказал из открытого окна:

– Это даже неплохо.

Удалов, который прожил с Грубиным больше двадцати лет в одном доме, всё понял и возразил:

– В тех случаях, когда облик соответствует содержанию, собака может многое поведать о своём хозяине. Но бывает множество исключений. Идёт болонка, ведёт болонку, а внутри бульдог-душитель.

Все помолчали.

На втором этаже открылось окно, и старик Ложкин позвал:

– Даша, ужинать пора.

Даша застучала каблучками, собака – коготками. И скрылись в подъезде за хлопнувшей дверью. Ложкин сказал:

– Главная беда человечества – несовпадение облика и содержания.

Значит, он весь разговор о собаках слышал.

– Я сейчас по телевизору министра слушал, не буду называть его фамилии. Он врёт, улыбается, дикторшу по заднице гладит, а я знаю – врёт!

– Ну уж и гладит! – засмеялся Грубин.

– Морально гладит. А она хвостиком виляет.

– Он, наверное, сам себя со стороны не видит, – сказал Удалов. – Это часто бывает с людьми. Даже удивляешься порой – ну как же ты не видишь, что ты скотина!

– А что делать? – спросил напряжённо молчавший Минц, что свидетельствовало о бурной работе его мысли. – Как открыть истинное лицо? По собаке?

– Чудесная мысль! – донёсся сверху голос Ложкина. – Вижу волкодава – и сразу владельца в тюрягу!

– Я же не о действиях, – возразил Минц. – Я хотел обратить ваше внимание на неточность выводов, которые можно сделать из нашего наблюдения. Не раз человечество пыталось найти способ определить наклонности и способности человека по формальным признакам. Одни искали преступников по форме черепа, другие – гениев по почерку, третьи определяли характер с помощью звёзд.

– Хорошо вам говорить, учёным, – откликнулся Ложкин.

Сказал он так, чтобы его опровергли, потому что считал себя человеком грамотным и в своё время, пока ещё перо рука держала, сочинил немало кляуз в журнал «Знание – сила». Даже печатали их порой.

Но никто Ложкина не опроверг, никто не закричал: «Ты у нас первый учёный, дедушка Николай!»

– Конечно, – сказал Удалов, – легко было бы жить, если бы каждому человеку выдать по лицу, которое бы соответствовало его поступкам и душевному состоянию. Посмотрел на человека – и сразу на другую сторону улицы. Потому что видишь не лицо, а убийственную рожу.

– Интересная задача, – задумчиво произнёс Минц. Словно задачу эту задали ему и он готовился её разрешить.

– А как этого добьёшься? – подумал вслух Грубин, который и сам был не последним изобретателем.

– Впрыснуть! – не выдержал Ложкин. – Каждому впрыснуть средство от лжи. А то идёт, видите ли, улыбается, красавчик! А сам только что тётеньку задушил.

– Не получится, – сказал Минц, подумавши. – Люди куда сложнее, чем вам кажется. Человек – это целый мир. Он может быть сейчас грабителем, а через полчаса вытащит ребёнка из проруби или в горящую избу войдёт.

– Но всё равно, – подзуживал соседа Удалов, который подумал, как будет славно, если он придёт домой, а у Ксении всё на лице написано и не надо гадать. Успеешь принять меры против семейного конфликта. – Эта задача по плечу только гению.

– Если вы имеете в виду меня, то я не претендую на уникальность, – скромно возразил Лев Христофорович. – Я всегда с благодарностью вспоминаю своих учителей – Ньютона и Эйнштейна.

– Их с нами нет, – сказал Грубин.

– В самом деле? – рассеянно спросил Минц и, неожиданно поднявшись, быстрыми шагами пошёл в подъезд, к себе. Думать. Творить. Пробовать. На горе или на счастье человечества.

Дня три Минца никто не видел. Соседи, зная о том, какие научные «запои» бывают у профессора, ставили у двери молоко, хлеб и пепси-колу. Минц инстинктивно отворял дверь и брал приношения. Не замечая этого.

На четвёртый день весёлый Минц с утра включил оживлённую музыку Гайдна, отворил окно, потопал немного, изображая зарядку, выпил принесённое Ксенией молоко, а потом отправился к Удалову. Корнелий только что вышел из ванной, побритый и добрый.

– Корнелий, кажется, я решил проблему, – сказал Минц.

– Истинной рожи? – догадался Удалов.

– Или истинного лица.

– Вы проходите, проходите. Ксюша, принесёшь каши Льву Христофоровичу?

– Несу! – откликнулась Ксения. – Вам с молочком или с вареньем?

– С мёдом, – ответил профессор и продолжал, обращаясь к Удалову: – Мы с вами пошли по неправильному пути. По пути, лишённому парадоксов. Мы хотим увидеть истинное лицо человека. Но зачем?

– Чтобы он стал лучше, – без запинки ответил Удалов. – Или чтобы задержать его и сдать в милицию.

– Именно твой первый ответ, Корнелий, меня порадовал. А второй огорчил. Мы хотим увидеть истинное лицо человека, чтобы уменьшить на планете число преступлений и злых дел, изжить несправедливость и жестокость. А для этого надо, чтобы человек увидел самого себя!

– Не понимаю, – сказал Удалов.

Минц не спеша поскрёб ложкой по тарелке, собрал с каши мёд и сунул в рот.

– А когда человек увидит собственное лицо таким, каков есть его внутренний облик, он ужаснётся и скажет: что я наделал! Каждый из нас живёт с самим собой, и воспитание человечества я переношу на индивидуальный уровень.

Удалов ничего не понимал.

– Сиди здесь, я тебя позову, – приказал Минц.

Он поднялся из-за стола, подошёл к платяному шкафу, узкая створка которого была зеркальной, вынул из кармана пузырёк с какой-то мазью и ватку. И, потряхивая пузырьком, чтобы мазь попадала на ватку, он стал возить ваткой по зеркалу.

Когда работа была завершена, Минц сказал:

– Теперь подождём, пока просохнет.

Удалов сделал вид, что ничему не удивляется, хотя не переставал удивляться гениальности Минца, и принялся за чай.

Но не успели они допить чай, как Лев Христофорович, кинув взгляд на зеркало, произнёс:

– Ну вот, всё готово.

– Что готово?

– Истина, Корнелий. Подойди к зеркалу.

Корнелий послушно поднялся и подошёл к зеркалу. И ничего особенного не увидел. Полчаса назад это же лицо он лицезрел в ванной, в тамошнее зеркало.

– Ничего особенного не вижу, – сообщил он. – Наверное, эксперимент провалился.

– Что и следовало доказать! – ответил профессор. – Потому что ты, Удалов, полностью соответствуешь сейчас своему внутреннему содержанию.

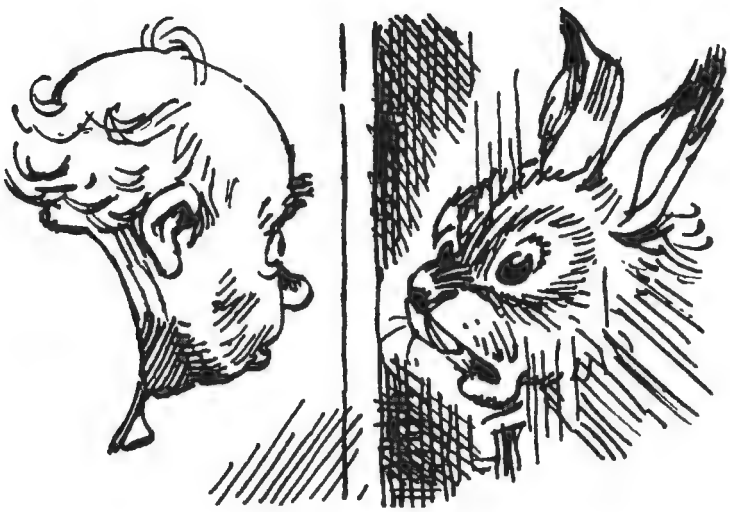
– А что дальше?

– Дальше я хотел тебе сказать, что видел вчера на улице Батыева. Вернулся он к нам в Гусляр, ходят слухи, что назначат его главгором вместо Коли Белосельского.

– Что?! – воскликнул Удалов. – Не может быть!

– Посмотри на себя в зеркало! – приказал Минц.

Удалов обернулся к зеркалу и был поражён тем, что из зеркала на него глядело странное животное, похожее во многом на Удалова – например, лысиной и цветом венчика волос вокруг лысины. Но уши его стояли высоко, на лице почему-то росла шерсть, верхняя губа была



раздвоена – Удалов увидел себя в образе зайца, правда, зубы у зайца были хищные, оскаленные, и это нарушало полноту образа.

– Кто это? – спросил Удалов.

– Кто это? – откликнулся зверь в зеркале.

– Это ты сам, Корнелий, – ответил Минц. – Это твоя истинная сущность на настоящий момент. Моё сообщение о Батыеве испугало тебя, превратило внутри в дрожащего зайчишку, а всё сильное в тебе сконцентрировалось в зубах, так что получился заяц, который будет кусаться до последнего патрона.

– Это я?

Но на вопрос Корнелия и не стоило отвечать, потому что изображение зайца на глазах расплывалось, возвращаясь к привычному образу Корнелия Удалова.

– А теперь сам покажись, – попросил Удалов профессора. Ему нужно было время, чтобы осознать величие изобретения.

Минц безропотно подошёл к зеркалу.

Корнелий увидел Минца. Но вокруг его головы сияли яркие лучи, отчего в комнате Зазеркалья было куда светлее, чем в комнате Удалова.

– А это что? – спросил Удалов.

– Думаю, что отблеск моей гениальности, – сказал профессор и начал в зеркале надуваться, превращаясь в гигантский воздушный шар, и даже стал покачиваться, намереваясь оторваться от земли.

– Высокого мнения о себе? – спросил Удалов, догадавшийся о причине метаморфозы.

– В сущности, я ничего особенного не изобрёл, – быстро ответил профессор и принял первоначальный вид. Даже нимб вокруг его головы потускнел.

– Спасибо, Лев Христофорович, – сказал тогда Удалов. – Я думаю, что человечество отныне начнёт новую жизнь. У вас найдётся ещё мазь?

– Я хочу сделать её побольше. Чем больше истинных зеркал, тем выше моральный облик жителей города.

И с этими словами профессор помазал зеркало в ванной, трюмо в спальне и ещё зеркало в прихожей.

Когда он возвратился в комнату, друзья принялись обсуждать возможности великого изобретения.

– Надо в общественных местах намазать, – подумал вслух Удалов.

– В общественных местах у нас зеркал нету, – усомнился Минц. – Трудно отыскать такое, чтобы все в него смотрели.

– А что, если установить? – спросил Удалов. – Ты пришёл куда-нибудь, допустим, на собрание пенсионеров, посмотрись сначала в зеркало. Если увидел что-то непотребное, поворачивай и иди домой, не порти людям настроение. Пусть везде будут зеркала!

И тут из ванной донёсся дикий крик.

Кинувшись туда, мужчины столкнулись в дверях с Ксенией Удаловой. Она была бледна как мел, руки её тряслись, а сама она старалась через плечо показать на зеркало, висевшее в ванной.

– Там... – бормотала несчастная женщина. – Там чудовище...

Удалов всё понял.

– О чём ты думала, когда в зеркало смотрела?

– Я... Да я ни о чём не думаю, когда в зеркало смотрюсь! – Ксения нервным движением поправила упавшую прядь волос.

– А сейчас думала?..

– Ну только об этой...

– О ком?

– О Ванде, вот о ком! Вчера к ним аргентинскую индюшатину привезли, дешёвую, под соусом. Она мне оставила? Нет, ты мне скажи, почему она мне не оставила?

– Всё ясно, – сказал Удалов. – Работает наше изобретение.

И он рассказал поражённой Ксении о волшебной мази.

Ксения встретила известие с искренним восторгом. Правда, восторг был эгоистического свойства. Суть его сводилась к фразе: «Вот теперь я их всех выведу на чистую воду!»

Николай Белосельский использовал изобретение практически. Во-первых, приказал милиции установить зеркала на автобусной станции, в ресторане «Золотой Гусь» и у входа в парк культуры. Возле зеркал распорядился поставить милиционеров с записными книжками, которые должны были фиксировать особо неприятные отражения. Милиционеры, конечно же, поставили ещё одно зеркало у себя в отделении, а Белосельский – на столе в приёмной, так что в ближайшие два дня раскрылось множество преступлений, дурных замыслов и планов.

На третий день обычный поток посетителей к Белосельскому иссяк. Оказалось, что людям не так уж и приятно оглядываться на зеркало, которое строит тебе рожи.

Кризис наступил, когда к Белосельскому пришла Маша Дюшина, человек тихий, невзрачный и безвредный. Она просила помочь с пособием ей как матери-одиночке, а Белосельский, прежде чем начать беседу, нажал на кнопку, связался с секретаршей, и та сказала условным шифром:

– Катастрофа!

Это означало крайнюю степень озверелости на лице Маши Дюшиной.

Так что, руководствуясь объективным средством заглядывания в душу, Белосельский сразу внутренне сжался, готовясь отказать женщине. На все его вопросы Маша отвечала робко, ласково и беззлобно. Но Белосельский понимал, что имеет дело с крайне хитрой и замкнутой стервой. Отказав, он проводил плачущую Дюшину до приёмной и поглядел, что же отразится в зеркале.

В зеркале отразилось существо махонькое, бабочка с обломанными крыльями, которая беспомощно ползла по лужайке...

– Стойте! – вскричал Белосельский, понимая, что трагически ошибся.

И в этот момент картинка в зеркале изменилась. Страшное лицо женщины-убийцы заняло всё зеркало.

– Стой! – повторил Белосельский. Но уже другим тоном: – О чём вы сейчас подумали?

– Я их ненавижу, – произнесла Маша Дюшина, – я их всех перебить готова. – И она показала на таракана, который мирно полз по плинтусу.

Тогда Белосельский пригласил Дюшину снова в кабинет, выписал ей чек на материальную помощь, а сам задумался. И понял, что к изобретению Минца следует относиться с осторожностью. Не исключено, что в городе из-за этого могут произойти трагические ошибки и неприятные недоразумения.

Сам он попросил секретаршу зеркало убрать, а после работы подъехал к своему приятелю, семью которого любил за уют и взаимную любовь.

Когда он вошёл в дом к приятелю, то увидел, что зеркало в прихожей разбито, а осколки его сметены в угол.

– Здравствуй, – сказал Белосельский, делая вид, что не заметил погрома. – А Белла где?

– А Белла твоей милостью уехала к маме, – ответил его приятель.

– Что такое?

– Она в зеркало заглянула, когда я брился и думал о палестинских экстремистах, которые вчера самолёт с заложниками захватили.

– И что?

– Она сказала, что с убийцей жить не может.

– А кто зеркало в гостиной разбил? – спросил Белосельский, входя в комнату.

– А это уже сегодня утром, – ответил приятель. – Она собиралась к маме, а телевизор был включён. Там в сериале этот самый играл... усатый Педро!

– И что?

– Я смотрю, а она в зеркале уже голая и к кровати бежит. Тогда я ей и сказал, что она правильно делает, что к маме уезжает.

К рассвету четвёртого дня все зеркала в Великом Гусляре были разбиты. Даже в милиции – с помощью кулака начальника отделения майора Пронина, увидевшего себя при входе в отделение в тот момент, когда переживал за судьбу футбольной команды «Гусляр», которой грозил переход в нижнюю областную лигу.

Минц так сказал Удалову, когда они обсуждали эту проблему:

– Само моё изобретение гениально. Но оно не учитывает того, что человек внутренне может реагировать на события неадекватно. Он может показаться страшилищем, хотя подумал всего-навсего о соседской собаке, которая лает во дворе, и равнодушно отнестись к землетрясению в соседнем городе, из-за чего тот провалился под землю. Понимаешь?

– Что же делать?

– Передать зеркала следователям с предупреждением быть осторожными.

– А в городе?

– В городе мы придумаем что-нибудь другое.

Удалов вернулся к себе. У него, конечно же, тоже все зеркала были разбиты: большое – сыном Максимом, а туалетное – Ксенией.

Но тут Удалов вспомнил, что в чулане должно оставаться старое зеркало, намазанное профессором Минцем на всякий случай.

Он открыл чулан. Там было пыльно и пусто. Лишь низкое рычание донеслось из того угла, где стояло на полу, прислонённое к стене,

зеркало. Удалов прищурился, приглядываясь к полутьме, и не мог не рассмеяться.

Перед зеркалом сидел кот Васька. У его ног лежала придушенная мышь.

В зеркале отражался могучий бенгальский тигр, а у его ног лежала дрожащая Ксения Удалова с половой щёткой в руке.

ЛЕКАРСТВО ОТ ВСЕГО

В последние годы Лев Христофорович Минц, профессор, проживающий в городе Великий Гусляр, сделал несколько бытовых открытий из разряда тех, что публикуются в журналах для сельских жителей под рубрикой «Сделай сам». С той лишь разницей, что в журналах помещают плоды деятельности практичного, но банального ума, тогда как ум профессора отличается гениальностью и непрактичностью. Стремление ходить лишь нехожеными тропами не раз приводило гения на край пропасти.

В отличие от иных изобретений и открытий Минца, нижеследующие не нашли житейского применения. Может быть, к счастью для всех нас. Но в истории Великого Гусляра они остались как яркие страницы.

Идеальная крыса

Дело в том, что многие свои гениальные шаги Лев Христофорович совершает во сне, когда ничто не мешает его утомленному дневными делами мозгу творить в свое удовольствие.

Примерно между тремя и четырьмя ночи восемнадцатого октября прошлого года Лев Христофорович сделал одно великое изобретение.

Суть его состояла в следующем: профессор нашел способ изготовить средство, которое излечивает человека от всех болезней. Да-да, вот такой пустячок! Но смеяться может лишь тот, кто не знаком с другими изобретениями профессора и не знает, что профессор давно уже как без пяти минут лауреат Нобелевской премии.

В половине четвертого мозг Льва Христофоровича поставил точку. Теперь осталось лишь запустить средство в серию.

И тогда прозвучал Голос:

– Остановись, профессор!

– Вы кто такой? – спросил профессор.

– Я – сама Судьба. Я Голос вечности и в то же время я – твой внутренний голос.

– Почему я должен остановиться?

Профессор оглянулся. Он отлично понимал, что находится во сне, но, тем не менее, вокруг расстилался незнакомый пейзаж, а освещение было неярким, без источника. Тело профессора не отбрасывало тени, хотя он пребывал в стоячем положении. Было прохладно, но не дуло.

– Ты намерен завтра утром поделиться со своими друзьями средством от всех болезней? – спросил Голос.

– Да, я собирался так поступить.

– Знаешь ли ты, что обрекаешь этим друзей на смерть?

– Еще чего не хватало! Я же первым отведаю это средство!

– Тогда первым погибнешь ты, а уж потом твои друзья, которым ты успеешь разлить по восемь капель.

– Но в чем дело? Я все просчитал. Мое средство безошибочно излечивает от всех недугов.

– В этом его главное ужасное свойство! – сообщил Голос и растворился в бледном тумане.

Минц не стал просыпаться сразу, а поспал еще до семи часов, потом поднялся, попил кофе и надолго задумался. Как он ни крутил, получалось, что он прав, а Голос не прав.

И все же профессор не стал рисковать. Он достал из угла клетку с белой подопытной крысой и влил ей три капли средства от всех болезней.

Когда утром по просьбе Минца к нему пришли его друзья Удалов и Грубин, Минц сидел за столом, а у его ног на полу лежал лист белой бумаги. На листе покоилась дохлая крыса.

Удивленным друзьям Минц предложил кофе, а когда они отказались, поведал о своем приключении.

– Как видите, – сказал он, завершив рассказ о Голосе, – я проверил его предупреждение. Крыса умерла.

– Сразу? – спросил Саша Грубин.

– Нет, – ответил Минц. – Сначала крыса совершила несколько бодрых и веселых прыжков, побегала по кругу, попросила у меня пищи, но не приняла ее, а глубоко вздохнула и померла.

– Так что же случилось? – спросил Корнелий Удалов.

– Я усиленно думал и догадался, – ответил Минц. – Ведь раз это был внутренний голос, значит, внутри меня эта догадка уже существовала. Но мне было жаль отказываться от великого изобретения, каждому хочется примерить тогу спасителя человечества.

– Короче! – взмолился Грубин. – Я на автобус опаздываю.

– Крыса подохла потому, что нормальное состояние любого человека, включая крыс, – ненормальное, болезненное! Не может живой организм существовать без аномалий. Ты влюбился – у тебя началась лихорадка, ты скучаешь – тобой овладевает меланхолия или понос, ты испугался – у тебя страдает мочевой пузырь. Любое действие организма – ненормальность. Потому что для него ненормальны желания, страсти, потери, достижения! Значит, как только я даю вам средство от всего, ваш организм лишается всего ненормального. А сам процесс жизни – это хождение по проволоке, и организму не остается ничего, кроме как умереть от общего счастья и совершенства.

Тут все увидели, что крыса пошевелила головой, повела усами и медленно поползла прочь.

– Чего же она, не померла? – удивился Удалов, который поверил было профессору, а теперь усомнился.

– Она даже помереть толком не может, – сказал профессор, – настолько ей плохо.

– Вспомнил научный термин! – воскликнул Грубин. – Это называется нирвана! Ну, я побежал на автобус!

– Не наступи на крысу, – предупредил его Удалов, – она, счастливая, где-то ползает.

Компромисс

Провал смелой попытки изобрести универсальное лекарство поверг профессора во временную депрессию. По выходным он перестал ездить на рыбалку с Корнелием Удаловым, а просиживал часами на любимой лавочке над речкой Гусь. Он глядел, как облетали березы на том берегу, и не чувствовал холодного северного ветра, прилетавшего с реки.

И вот однажды профессор рано возвратился домой и столкнулся в воротах с Корнелием Удаловым. Удалов кутался в плащ, надвинул на нос кепку, а профессор несся, как на свидание, и лысина его блестела от испарины.

– Новая идея? – спросил Удалов.

– Гениальная идея, скажу я тебе! – ответил профессор.

Удалов весь вечер ходил на цыпочках, чтобы не помешать соседу снизу. Ведь там рождается открытие.

Открытие родилось опять же ночью, но на этот раз оно обошлось без внутреннего голоса. В семь утра профессор, плохо разбиравшийся во времени суток, громко постучал к Удаловым, чем всех перебудил.

Удалов смог обогнать рванувшуюся с перепугу к двери Ксению.

– Удалось? – прошептал он, увидев объемистую фигуру в китайском халате.

– Пошли! – приказал Минц.

– Я буду жаловаться! – заявила из глубины коридора Ксения. – Мне эта научная коммуналка надоела.

Игнорируя ее угрозу, друзья спустились к Минцу, и там торжествующий ученый показал Удалову скромный пузырек, в каких держат валерьянку.

– Я нашел выход, – сообщил Минц. – Бился, бился, но нашел. Дело было в принципе. Лекарство от всего бесполезно и смертельно. Но если разделить универсальность на части?

– Получаются разные лекарства от разных болезней, – сказал сонный Удалов, который еще не осознал величия соседа.

– А если снова обобщить?

– Не томи, признайся! – потребовал Удалов.

– Я обобщил по революционному принципу, – сказал Минц. – Лекарства от отдельных болезней неэкономичны. Я же соединил их по буквам алфавита.

– Не понял.

– Ты сейчас держишь в руке лекарство, которое излечивает от всех болезней на букву «а». Понял? Завтра я примусь за лекарство от всех болезней на букву «б» и так далее.

– Та-ак, – сказал Удалов, стараясь переварить информацию. – А если эта болезнь тебе неизвестна?

– Во-первых, я просмотрел справочники и медицинскую энциклопедию. И сомневаюсь, что пропустил какую-нибудь серьезную болезнь. Но даже если пропустил, лекарство само справится. Не беспокойся, вылечит. Ну, предложи мне какой-нибудь недуг, и мы проверим.

– Ангина.

– А она у тебя есть? Нет? Тогда приходи, когда будет. Не могу же я лечить несуществующую. Еще?

– Артрит... Анестезия...

– Это не болезнь. Давай дальше!

– А у тебя от геморроя нет чего-нибудь?

– Лекарство на «г» будет готово на той неделе, – сообщил Минц.

В тот день Удалов ушел досыпать, так и не вылечившись от аритмии, потому что аритмии у него не обнаружилось. Но в ближайшие дни, пока Минц еще не послал в Москву свое средство на испытания, он не отказывал соседям в помощи. Больше всех повезло Гавриловой, которую одним лекарством вылечили от зубной боли, зуда и запора.

Но в последний день перед отправкой образцов и документации в Главное фармакологическое управление случилась неприятность, которая, следует признаться, в конечном счете загубила открытие Минца.

К Минцу пришел Погосян, который мучился давлением и которому все, от врача до мамы, велели сбросить вес.

И надо же было так случиться, что именно в этот момент Минц бежал через двор, чтобы успеть к междугородному автобусу, которым к нему приезжал господин Арман Сингх, друг и коллега.

– Ты постой, Лев Христофорович! – закричал Погосян. – Ты мой живот видишь? До какого я ожирения дошел – вот-вот рожу, понимаешь? А сегодня меня в гости к директору рынка позвали. Если я пойду, то еще килограмма два ожирения прибавлю. Мое сердце сделает чик-чик – и готов! Весь город говорит, что у тебя лекарство по буквам дают.

– Вот что, – сказал тогда Минц, который не имел времени вернуться домой и снабдить Погосяна нужным пузырьком. – Дверь ко мне открыта, лекарства стоят на полке справа, все подряд, на каждой бутылочке буква. Ясно? Возьми бутылочку с первой буквой твоей болезни, накапай себе восемь капель и поставь бутылочку на место, понял?

– Все понял, – ответил Погосян. – Спасибо тебе, Лев Христофорович, приходи в гости, всей семьей будем рады.

На этом они и расстались.

На следующее утро, совсем еще рано, Погосян подошел к окну Минца и постучал сурово, как судьба.

Минц, ежась, отворил окно.

– Ты убийца, – сказал Погосян.

Под глазом у него желтело, на виске багровела ссадина, нос был слишком красным.

– Господи! – испугался Минц. – Кто это вас так?

– Ты мне какое вредное лекарство дал! Я за столом хозяина обидел, а хозяйские родственники потом меня коллективно обидели.

– Погодите, погодите, – оборвал стенания Погосяна Лев Христофорович. – Вы в окно можете влезть?

В окно Погосян влез, не прекращая стенать, потому что у него болело все тело.

– Рассказывайте! – велел Минц, а сам тем временем накапал пострадавшему несколько капель лекарства на «у» от ушибов и на букву «ц» от царапин.

– Я в гости пришел, костюм надел, – признался Погосян, – сижу за столом, культурно. Никто на меня внимания не обращает. Только в рюмку налили. Потом Джуликадзе, уважаемый человек, тамада, говорит тост за здоровье уважаемого директора рынка товарища-господина Попийвода. Все, конечно, выпивают, а я не выпиваю.

– Почему? – спросил Минц, протягивая гостю лекарство.

– Потому что не хочется, – признался Погосян. – Кушать зверски хочется, а пить не хочется. Я покушал немножко, а тут второй тост за хозяйку дома. Я кушать хочу, а пить не могу. Кушаю, а люди на меня смотрят очень подозрительно. А уважаемый товарищ Джуликадзе громко говорит: «Был один французский человек граф Монте-Кристо, он в дом приходил к кровникам, ничего не пил, только кушал. А потом мстил. Скажите мне, почему этот самый Погосян хочет мстить нашему товарищу-господину Попийвода?!»

– И что же?

– Потом меня бить стали, – закончил Погосян.

Лекарство на буквы «у» и «ц» уже помогало. Царапины и ушибы исчезали с кожи.

– Дорогой Погосян, – вежливо сказал Минц, – вы не будете любезны показать мне на полке, какую бутылочку брали и пили из нее капли?

– Какую сказал, из такой и пил, – ответил Погосян.

Но поднялся, кряхтя, подошел к полке, взял с нее бутылочку и показал профессору.

– Эх, это я виноват! – сказал профессор. – Вкупе с отечественной системой образования. Плохо мы учимся в школе, ой как плохо! Признайся, на какую букву начинается слово «ожирение»?!

– Ясно на какую! – обиделся недоверию Погосян. – На букву «а»!

– Вот именно. – Минц отобрал у Погосяна бутылочку с лекарством от болезней на букву «а». – Тебя мы вылечили от алкоголизма. Ты теперь никогда пить не захочешь.

– Ай-ай-ай! – завопил несчастный Погосян. – А как же презентации? А как же общественная деятельность?

Смерть в зеркале

Третье из неудачных изобретений Минца было связано со стариком Ложкиным, человеком вздорным и пожилым.

Хоть и не хотелось Ложкину идти к Минцу на поклон, ввиду того что Минц был лицом еврейской национальности, почти чеченом, но склероз замучил. Старуха смеялась и издевалась, пенсионеры не брали в лото играть, да и сам чувствовал, что теряет хватку. А Ложкин занимался общественной и непримиримой политической деятельностью. Ему была нужна память.

Так он и заявил Минцу. Со всей прямотой.

Минц сказал:

– Любопытно. А вы не пробовали записную книжку завести?

– Пробовал, три раза в автобусе забывал, остальные разы дома или на скамейке.

– Значит, вам нужно такое напоминание, которое нельзя забыть?

– Ну хоть разовое! – взмолился Ложкин. – Чтобы я, из дома когда ухожу, вспомнил, куда ухожу.

– Это можно сделать, – ответил Минц. – Я завтра к вам зайду.

Когда Минц назавтра зашел, Ложкин не сразу вспомнил, зачем это лицо к нему явилось, и сначала решил, что Минц пришел сдаваться. Минц напомнил, Ложкин смутился.

– Покажите, – попросил Лев Христофорович, – как вы покидаете квартиру.

– А просто, – ответил Ложкин. – Галоши надеваю, причесываюсь перед зеркалом.

– Всегда?

– А как же непричесанным на улицу выйдешь?

– Замечательно. На это я и рассчитывал. – Минц достал из кармана тюбик и тряпицу. Выжал из тюбика немного мази.

На голоса вышла Матрена Ложкина. Спросила, чего мужики расшумелись.

– Сейчас я сделаю для вашего супруга антисклерозник, – сказал Минц. – Но нам нужна ваша помощь. Это зеркало будет теперь работать по принципу записной книжки. Вечером или с утра, не важно когда, вы этому зеркалу будете сообщать, куда вашему супругу надо идти, с кем встречаться. А когда он будет перед зеркалом причесываться на предмет ухода из дома, лицо, к которому он идет, будет появляться в зеркале и сообщать. Впрочем, к чему лишние слова! Смотрите.

Минц смазал из тюбика большое зеркало и сказал:

– Сегодня Ложкин должен пойти в универмаг и купить пасту.

– Зачем мне паста? – рассердился Ложкин.

– Это условность, – сообразила его жена. – Ты иди, иди к зеркалу, проверять будем.

Ложкин подошел к зеркалу, автоматически вынул расческу и стал приводить в порядок редкую седую поросль. И тут же в зеркале возникло, как живое, изображение Ванды Казимировны из универмага, которая сказала: «Ждем, ждем, паста „Сигнал“ уже приготовлена».

– Ясно? – спросил Минц. Он спрятал тюбик и ушел.

Два дня жизнь Ложкиных протекала спокойно. По сведениям, сообщенным Матреной, Ложкин стал другим человеком. Никуда без совета с зеркалом не выходил. Матрена лишь боялась, что мазь кончится, но Минц обещал, что мазь стойкая.

На третий день случилась беда.

Минц возвращался домой и увидел у подъезда «скорую помощь». Оказалось, она приехала к Ложкину. Ложкина вынесли из дома на носилках, при виде Минца он принялся ругаться, отчего Минц понял, что жизнь Ложкина вне опасности.

Профессор поднялся к Матрене Ложкиной. И первое, что он увидел, – из зеркала на него таращилось страшненькое изображение смерти с косой в руке.

– Что? Почему? Откуда? – накинулся перепуганный Минц на Матрену.

– Сам ее и спрашивай! – гневно ответила Матрена.

Смерть в зеркале повторяла, словно испорченная пластинка:

– Жду тебя в три, Николай Ложкин. Не забудь, Николай Ложкин!

Минц присмотрелся к смерти и крикнул:

– Сними маску, глупец!

Смерть послушно сняла маску. Под маской было молодое, прыщавое, розовое лицо Раечки, воспитательницы детского садика.

– Куда вы его ждете? – грозно спросил Минц.

– На репетицию детского утренника, – ответила Раечка. – По мотивам сказок. Он у нас обещал консультантом быть.

– На репетицию его не ждите, – сказал Минц. – Если Ложкин пробился в больницу, его оттуда не выжить, пока он все лекарства не попробует.

– Так это Раиса! – спохватилась Матрена. – А он-то решил, что его туда, наверх, к трем часам вызывают! Побегу в больницу, разъясню дураку.

ШКУРКА ВРЕМЕНИ

Лев Христофорович пригласил к себе Удалова на чашку кофе. Ксения не разрешала Корнелию Ивановичу пить настоящий крепкий кофе, к которому он пристрастился за время своих космических странствий, полагала его вредным для удаловского сердца, а Минц сам был кофейным любителем, умел выбирать, молоть, обжаривать и варить в старинных армянских турках такой напиток, что его запахом пропитывался весь дом, и жильцы – кто с завистью, а кто с негодованием – нюхали воздух и покачивали головами. Впрочем, любой из обитателей дома № 16 по Пушкинской улице мог заглянуть к Минцу на чашечку, если тот, конечно, не был занят изобретательством или научно-теоретическими размышлениями. Но Минц большую часть суток был занят.

Старые друзья пили кофе маленькими глотками, чтобы лучше прочувствовать, и запивали его из бокалов добрым французским коньяком, присланным профессору из Сорбонны, где он в прошлом году делал доклад, а заодно походя решил проблему протекавших крыш старинного университета, окружив их силовым полем. Вот и благодарили его коллеги, не забывали.

– Странно, – произнес Корнелий Иванович, – я тут под Новый год купил французского коньяка, в такой же почти бутылке, только золота было больше на этикетке. А вкус оказался хуже, чем у трех звездочек мелитопольского разлива.

– Ничего странного в этом нет, – возразил профессор. – Типичный пример несоответствия вывески и содержания.

– Это грустно, – сказал Удалов, – всю жизнь я с этим сталкиваюсь. Еще на пионерской линейке рапортовал, помню, о сборе двух тонн макулатуры, а было ее три кило. Помню, такая была добрая девочка, Ириной звали. – Удалов вздохнул и задумался.

– Ты о ком, Корнелий? – спросил Минц.

– Это во втором классе было. Я ей все фантики отдал. И марки потом тоже. А когда была контрольная по арифметике, она списать не дала.

– Обидно, – согласился Минц. – Очень обидно. Печенья хочешь?

– Нет, не хочу. У меня в школе и другие печальные случаи были.

– Какой период жизни у тебя ярче всего стоит в памяти? – спросил Минц.

– Школьные годы, особенно школьные каникулы, – без колебания ответил Удалов.

– Я так и думал, – согласился Минц. – А вот о себе я этого не скажу. Не знаю, не помню, не участвовал.

Они помолчали. Когда ты сжился с человеком, сблизился с ним, пережил немало приключений, то можно посидеть молча, это не мешает общению.

– Как мы можем разбираться в других людях, – неожиданно для себя сказал Удалов, – если сами себя не знаем.

– Правильно, – ответил Минц. – Потому что наш облик вовсе не отвечает внутреннему содержанию. Об этом писали еще древние. Я старался решить эту задачу, ответить на вызов, который мне бросила природа, но понапрасну. Ты же знаешь.

Удалов кивнул. Он понял, что Минц имеет в виду свое последнее не совсем удачное, хотя и гениальное изобретение. Лев Христофорович изготовил мазь, которой можно было покрыть зеркало. И тогда зеркало отражало не видимость, не зрительный образ человека, а его истинную сущность. Однако это изобретение имело недостаток: ведь состояние человеческой души непрестанно меняется. Сейчас вы дья-

вол, потому что общаетесь со своим начальником, а через две минуты – вы сущий ангел, так как увидели его секретаршу Ларису.

В зеркале Минца один и тот же человек мог последовательно увидеть десять своих лиц и рож, в зависимости от обстоятельств.

– Ты же знаешь, – повторил Минц, – что нельзя упрощать обыкновенного человека, нашего с тобой современника. Он многообразен.

– Вот я – точно многообразен, – согласился Удалов.

Они еще помолчали.

– Жизнь слишком быстро проходит, – продолжал Удалов. – Если в отпуске или командировке, то еще терпимо. Но если в будние дни, то просто катастрофически несется.

Кофе чуть остыл, но не потерял насыщенности и сочного вкуса. Удалов пил его маленькими глотками, а Минц смотрел на друга и покачивал головой, как китайский болванчик.

– Порой мне легче увидеть то, что было сорок лет назад, тогда как прошлогоднее забывается. И я задаю вопрос небу: «Кто я такой? Сколько прожил на земле? Сколько мне еще суждено прожить?» – размышлял вслух Лев Христофорович.

Пожилой кот Мурзик, который приходил к Минцу через форточку подкрепиться или подремать на коврике у плиты, уставши слушать разговор стариков, стал играть с катушкой ниток.

– И он туда же, – вздохнул Удалов. – Как будто котенок. Тоже не заметил, как жизнь пролетела мимо. А ты говоришь – люди себя знают.

– Я не говорил такого. Я повторяю, что наблюдаю видимость людей, маски. Мои попытки сорвать маски и увидеть истинные лица моих сограждан пока не приносили результата.

– А ты подумай, Лев, – попросил Удалов. – Изобрети что-нибудь. А то совсем старый станешь, истратишься. – Удалов улыбнулся.

– Сколько тебе лет? – спросил Минц.

– Я уже на пенсии.

– Трудно поверить, – сказал Минц. – Трудно поверить.

И словно отключился, словно забыл, что в гостях у него сидит дорогой друг и давнишний сосед. Но Удалов не обиделся. Он знал момент начала творческого процесса в профессоре Минце. Не раз его наблюдал. Теперь, пока изобретение не совершится, профессора лучше не трогать. Бесполезно. Он находится в ином мире, в мире буйного воображения и трезвых математических расчетов.

Удалов собрал чашки, вымыл их на кухне, попрощался, на что Минц кивнул, словно заметил уход друга.

У Минца был один верный способ внедрять свои изобретения в жизнь. Для этого надо было забраться на колокольню церкви Параскевы Пятницы и, если нужно, опылить или обрызгать город чем следует. И тогда в Великом Гусляре начинались очередные волшебные изменения.

– Пойдем побрызгаем, – говорил Минц в таком случае своему верному Удалову, а Корнелий в ответ спрашивал:

– А жертв среди мирного населения не будет?

– Пока не будет, – заявлял Минц. Он отвечал за последствия эксперимента, но никогда не брал на себя ответственность за последствия последствий.

Стоял нежный осенний день, словно мороз-террорист, намеревавшийся совершить революцию в природе, позволил еще несколько дней пожить в квартире милой и робкой старушке, которая нежно опускала на землю золотые листья кленов и тянула, поддерживая дыханием, тонкие осенние паутинки. Небо над колокольней в тот день было сиреневым, чистым и хрупким, гудок речного пароходика от пристани показался Корнелию трубным гласом оленя. Канистра с очередным зельем, снабженная распылителем, стояла на перилах колокольни.

– Так что же мы сегодня сеем? – спросил Корнелий Иванович.

– Помнишь наш вчерашний разговор? – произнес Минц.

Последний разговор между друзьями состоялся больше недели назад, но, как известно, в глазах Минца время – фактор крайне относительный. Видно, неделя показалась ему несколькими часами.

– Помню.

– Ты задел во мне больную струну.

Минц проверил, хорошо ли работает пульверизатор, прозрачное облачко вещества вырвалось из него и улетело вдаль.

– Ты открыл мне глаза, насколько бессмысленно я провел жизнь, если при моих гениальных способностях так и не смог решить главную задачу науки – как открыть истинного человека? Каков он? Не в тот момент, когда поглядел в зеркало, не в тот момент, когда ссорится с женой или подает доллар нищему. Нет! Я хочу, чтобы с человека слезла привычная шкура и мы увидели его голеньким!

С этими словами Минц сильно нажал на рычаг, и вскоре невесомая кисея окутала весь город.

– Надеюсь, ты не в прямом смысле? – спросил Удалов.

– Не понял!

– Надеюсь, не в смысле всех раздеть, как в банный день!

– Одежды спадут сами! – туманно воскликнул Минц.

Опустевшую канистру Удалов донес до дома. По дороге он спросил:

– Уже начало действовать?

– Начнет в ближайшем будущем.

Удалову показалось, что в голове у него что-то стрекочет. Он сообщил профессору о стрекотании, выясняя, не результат ли это опыления.

– Пускай стрекочет, – сказал Минц равнодушно.

По улице шли люди. Все были такими же, как прежде, и в основном знакомыми. Никаких перемен в них не наблюдалось.

– Утром, – пообещал Минц на прощание. – Утром сам поймешь.

Ксения встретила мужа сердито – почему надо ждать его к обеду? Тут пришла Маргарита, невестка, жена Максима. Привела младшего Максимку. Отношения Удалова с невесткой были прохладными, на грани холодной войны. Это происходило оттого, что Маргарита была серьезным образованным человеком, который попал в мещанскую семью. За мещанство сильно попадало Максиму, доставалась толика презрения Корнелию Ивановичу. Только Ксению Маргарита не смела презирать, потому что с Ксенией такие номера не проходили. Тут живо вернешься в общежитие речного техникума, откуда взял себе невесту Максим Удалов, плененный ею на стадионе, где крепкая брюнетка стала призером района по толканию ядра.

Вскоре пришел и Максим, который второй год работал парикмахером, перейдя на заочный. А что будешь делать, если надо воспитывать ребенка в лицее, чтобы он не стал мещанином?

Удалов хотел было поцеловать внука, но тот знал, кто правит домом, и уклонился от поцелуя.

– Твои поцелуи отдают пошлостью, – заметил он.

Удалову стало горько. Он понял, что, несмотря на определенный авторитет в Галактике, он с годами потерял в семье остатки прежнего значения и скоро ему уже будут ставить миску с едой в углу, рядом с кошачьим блюдцем.

– Подучили, – догадался Удалов.

– Я сам, – возразил Максимка. – Я сам подслушал, как мама говорила.

Вошел усталый Максим Корнелиевич. От него пахло одеколоном. Начался обед. Удалов оглядывал свою семью и думал: «Скоро я распознаю вашу истинную сущность. Не ведаю еще, каким образом, но Минц свое дело знает. Он снимет с вас шкуры».

И тут же Удалова охватила жалость. Нельзя вот так, без предупреждения, раздевать родственников. Удалов откашлялся и хрипло произнес:

– Минц проводит опыт.

Маргарита конечно же только наморщила крупный нос, свела поближе к переносице черные брови – она Минца знала мало, лишь по рассказам мужа, и ни одному слову в них не верила. Но Максим с Ксенией встревожились.

– Что еще дядя Лева задумал? – спросил Максим, с детства испытывавший пиетет перед Львом Христофоровичем.

– Опять какую-нибудь дрянь? – заранее возмутилась Ксения, которой казалось, что Минц когда-то чуть было не разрушил ее семейное счастье.

Она уже не помнила, при каких обстоятельствах это случилось и почему ее семья все же пережила кризис, но Минц для нее был отрицательным раздражителем. Что не мешало ей бегать к нему, когда дома возникали проблемы, которые не решить без нового открытия в физике.

– Лев Христофорович решил показать нас, какие мы есть, – сказал Удалов.

– В каком смысле? – удивилась Ксения.

– Сам не знаю, – признался Корнелий, – только знаю, что опыт уже произведен, препарат рассеян над городом и мы его вдохнули. Так что к утру все будет понятно.

– Что будет? – угрожающим голосом произнесла Маргарита, поднимая над столом массивную фигуру и сдвигая черные брови. – Травить будете?

– Да не бойся, Марго, – вмешался Максим. – Дядя Лева, может, и ошибается, но сознательно еще никого не отравил.

– Ух, сионист татарский! – выдохнула Маргарита придуманное или подслушанное проклятие.

После этого она направилась к телевизору – начинался первый из ее обычных вечерних сериалов.

Удалов пошел спать с тревогой на сердце. Все в жизни непредсказуемо! И стареющий Минц, и толстеющая Марго, и глупейшие приятели. Жизнь пролетела. Где она? И что продемонстрирует она завтра?

Похожее с Удаловым уже было.

Много лет назад. Ему уже приходилось временно превращаться в мальчика. Сейчас было иначе.

Удалов проснулся от странного, свежего и счастливого чувства внутренней гармонии. Не открывая глаз, он уже понял, что в нем все прекрасно – и мысли, и дела, и тело.

Удалов потянулся, но не достал ногами до спинки кровати, что раньше всегда ему удавалось. Что-то мешало ему открыть глаза – словно он попал в лесу в большую паутину и теперь должен ее с себя стряхнуть.

С легким шорохом почти невесомая оболочка слезла, разрываясь, с Удалова, он отбросил ее и открыл глаза.

Привычное округлое пятно на протекшем потолке приветствовало его, как каждое утро. Рядом тяжело дышала Ксения.

Солнце бросало косые лучи бабьего лета в окно, в лучах плавали пылинки. Жужжала поздняя муха. Солнце лишь всходило.

Ксения спала, отвернувшись от Корнелия, он видел ее округлую спину в ночной рубашке и крашеные волосы с сединой у корней. Собственная рука попала в поле зрения Корнелия Ивановича, и он сначала поразился перемене, происшедшей в ней, а потом решил не удивляться: рука была не очень толстой, мальчишеской, покрытой редким пушком и уж никак не седеющим волосяным покровом, как у вчерашнего Корнелия.

Он провел ладонью по животу. Живот, выпуклый все последние десятилетия, оказался впалым.

Осторожно, чтобы не разбудить Ксению, Удалов опустил детские ноги с кровати и ступил в шлепанцы. Пижамные штаны сразу свалились на пол, и пришлось идти в ванную, придерживая их рукой.

Удалов обратил внимание на тонкую, прозрачную шкурку, валявшуюся рядом с кроватью. Каким-то шестым чувством он понял, что это – его собственная шкурка. Сбросив ее подобно змее, он помолодел.

В ванной Удалов стал смотреть в зеркало. Он себя узнал. С поправкой на много лет. Сейчас Удалову было лет двенадцать – тринадцать. Скорее отрок, чем подросток. Романтически настроенный, лохматый, голубоглазый, круглолицый Корнюша, добрая душа. Вот ты какой, Корнелий! Добро пожаловать!

Умываясь, Корнелий рассуждал о том, что его превращение, без сомнения, следствие эксперимента – опыления, в котором он сам вчера принимал участие. Неясно только, зачем надо было молодить Корнелия на столько лет, если ты хочешь докопаться до сути людей нашего города. Что-то неладно! Опять Минц ошибся.

Корнелий Иванович натянул брюки, завернул их снизу, затянул ремень на последнюю дырку. Ботинки болтались на ногах, но шнурки, намотанные на щиколотки, держали их. Пришлось закатать рукава рубашки.

Совершая туалет, Корнелий продолжал ломать голову над причинами превращения. Тревоги, правда, не было, потому что он знал: если будет плохо, Минц всегда изобретет антивещество, которое снимет отрицательный эффект. А впрочем, Корнелию и не хотелось пока возвращаться в прежний облик, потому что в нем жило ощущение гармонии.

Ксения продрала глаза и сидела в постели, пытаясь очистить себя от невесомой шкурки – своего прежнего облика. Сейчас она, хоть и изменилась, скинула с себя лет десять, все равно оставалась узнаваемой. Ну ладно, стала помоложе, покрепче, позлее. А так мы наблюдаем прежнюю жену – несчастье всей жизни. Вот американцы или москвичи, подумал Удалов, умеют же подобрать себе жен из красивых, длинноногих, а главное, покорных и интеллигентных женщин. А вот в Великом Гусляре таких жен почти нет, а если и есть, то давно разобраны иногородними.

– Ты чего! – крикнула Ксения с осуждением. – Ты с ума сошел, что ли? Опять за свои штучки взялся?

– Ксения, – сказал Удалов ломким детским голосом, – возьми себя в руки. Зачем-то нас изменили. И я думаю, что скоро Лев Христофорович зайдет и даст разъяснения.

– Как так изменили? Всех изменили или опять тебя, горемычного, морскую свинку, макаку резуса изменили?

В ванной Удалов стал смотреть в зеркало. Он себя узнал. С поправкой на много лет.

– Ты тоже помолодела, – заметил Удалов, и его жена, как только поняла, что он сказал, опрометью кинулась в ванную – смотреться в зеркало.

Не успела закрыться за Ксенией дверь, как распахнулась другая – в комнату молодых. И тут Корнелий испытал удивление, которого не испытывал давно. Из комнаты вышли три человека: пожилая женщина грузного вида и брюнетного облика, по бровям которой можно было узнать Маргариту. За ней несмело брели двое: мальчик лет десяти, в котором Удалов узнал сына Максима, и сердце его дрогнуло от отцовских чувств, а также карлик без возраста, но с бородкой – повзрослевший внук Максимка.

– Какой телефон милиции? – басом спросила Марго.

Не успел Удалов ответить, как его сын бросился к нему на грудь.

– Папа! – кричал он. – Папочка! Какое счастье, что мы с тобой теперь одинаковые! Ты меня от нее защитишь!

А внук, который так и не вырос, остановился в дверях, сунул палец в рот и замер в такой позе.

– Что все это значит? – спросила Ксения, выходя из ванной и обозревая преобразившееся семейство.

– Сейчас узнаю! – откликнулся Удалов и, прежде чем его успели остановить, кинулся прочь из квартиры, чуть не сбив по пути старика Ложкина, который в трусах и майке спешил вниз, на улицу, чтобы совершить пробежку. Он каждое утро совершал пробег до набережной и обратно.

– Ты кто такой? – спросил он мальчишку, пробежавшего мимо. – Ты зачем в наш дом залез? Воруешь?

– Не до тебя, Николай Иванович! – откликнулся мальчишка и принялся барабанить в дверь к Минцу.

Изнутри долго не открывали, и раньше открылась соседняя дверь к Саше Грубину. Из нее выглянул подросток Саша с пышной шевелюрой.

Саша все сразу понял и сказал:

– Заходи, Корнелий. Дело серьезнее, чем ты предполагаешь.

Корнелий покорно прошел к Грубину, волоча большие ботинки.

– Я все знаю, – сказал подросток Грубин. – Я тебя узнал, и ты меня тоже?

– Да, Саша, я тебя тоже узнал, но считаю, что пора будить Минца.

– Не надо будить Минца, – ответил Грубин. – Он спит. Он всю ночь со мной проговорил, а потом я его спать уложил.

– Тогда ты мне, может, объяснишь? Как друг!

– Я тебе объясню. Мысль у Минца была простая. Он хотел открыть истинные лица жителей Великого Гусляра. Истинные. Он хотел понять, что же таится за фасадом каждого из нас. Но, как всегда, при гениальности эксперимента имела место непродуманность концепции. Средство Минца действует лишь на физиологическую сторону наших организмов.

– Говори яснее, Саша!

– Куда уж яснее. Каждый человек с возрастом вступает в противоречие с самим собой. Один всю жизнь прожил, состарился, а на самом деле у него сохраняется душа или внутреннее содержание мальчишки. А другой родился уже стариком, хотя на вид он младенец. Из-за противоречия между формальным возрастом человека и возрастом истинным происходят различные внутренние конфликты, и некоторые лица даже сходят с ума.

– Значит, какой тебе возраст задан...

– Генетически задан!

– Какой возраст задан, такое у тебя и поведение?

– Вот именно! Человечество давно уже заметило это противоречие. В народном фольклоре это отмечено, в песнях и пословицах осмеяно. Вспомни: «Седина в бороду – бес в ребро», «Маленькая собачка до старости щенок».

– «Как волка ни корми, он все в лес смотрит»! – дополнил фольклор Корнелий Иванович.

Грубин поднял бровь, но спорить не стал. А Удалов продолжил:

– Значит, пока мы спали, с нас слезла шкурка.

– С тебя тоже?

– Разумеется. А под ней, как под шкурой змеи, оказались мы, в полном соответствии со своим истинным возрастом. – Удалов согнал с лица счастливую улыбку и спросил: – Только все не так просто. Ты знаешь, сколько лет Ксении?

– Могу догадаться, – ответил Грубин. – Она должна быть женщиной пожилой. Она так и родилась пожилой женщиной.

Удалов кивнул.

– Но хуже всего с Марго, – сказал он.

– Маргарита должна быть в вашей семье самой старшей, – сказал наблюдательный Грубин.

– Вот именно.

Дверь распахнулась – в нее влетел удаловский сынишка Максим.

– Папочка! – закричал он. – Меня Марго бьет!

– Это еще почему? – взъярился Удалов, но не успел броситься к двери, как в проеме показалась грузная немолодая Маргарита, держащая на согнутой руке своего старообразного сына.

– Я звонила в милицию! – сообщила она. – Я их всех разгоню!

– И что в милиции?

Марго хотела было игнорировать вопрос незнакомого юноши, но язык помимо ее воли сказал:

– Там черт знает что! К телефону мальчишка подошел и велел мне катиться куда подальше. Мальчишка!

– Не исключено, – заметил Грубин. – Ведь это случилось со всем городом.

– Надо будить Минца и останавливать, – предложил Удалов. – Ты же понимаешь, какие могут быть недоразумения!

– Погоди, – ушел от ответа Грубин. – Может быть, мы того... поглядим, погуляем. Ведь уникальный случай. Когда ты еще своих знакомых встретишь в их истинном возрасте и облике?

Удалов понял, что Саша говорит дело. Проверяет, есть ли у соседа любопытство или уже исчерпалось.

Максимка увязался за взрослыми, в которых никто бы и не признал взрослых, и втроем они отправились в утренний город, пораженный в самое сердце открытием самого себя.

Это был счастливый город, хотя далеко не каждый сообразил бы, что это именно так, потому что некоторые люди передвигались по улицам с проклятиями и сопротивлением судьбе. И это неудивительно: ведь когда вам откроют глаза на вашу истинную суть, это совсем не значит, что вы будете счастливы. С самим собой еще надо сжиться, свыкнуться, а может, и примириться.

Встревоженные происходящими в себе переменами, гуслярцы вышли на улицы, словно было Первое мая.

Удалов почему-то думал, что город большей частью постареет, но оказалось наоборот. Можно было подумать, что они попали не на пло-

щадь Землепроходцев, а во двор городской школы – столько детей всевозможного возраста, одетых странно и нелепо, в кое-как подобранных одеждах со взрослого плеча, ходили, бегали, перекликались, узнавали друг дружку, как вернувшиеся после каникул сорванцы, хотя каникулы для многих протянулись на десятки лет.

Кое-где валялись шкурки людей.

По улице бежал толстый мальчик, подгоняя перед собой футбольный кожимитовый мяч. «Господи, так этим мячом мы выиграли у шестого „Б“!» – сообразил Удалов и закричал:

– Савич, пасуй сюда!

А толстый Савич даже завопил от радости, что встретил одноклассника, спутника по самым сладким временам их жизни. Он пасанул Корню, а Корень отбросил мяч Сашке Версте, но тут на площадь вбежала юная, рано расцветшая красотка Ванда, по которой сох весь десятый класс второй школы. Ванда казалась лет на десять старше Савича, но при виде мужа, гоняющего мяч по площади Землепроходцев, она ринулась к нему и схватила за руку.

– Ты с ума сошел! – закричала она с нежностью. – Разве не понимаешь, что на тебя люди смотрят?

Сын и отец Удаловы, а также Грубин продолжали, увлекшись, гонять мяч, забыв, зачем они сюда пришли. Но мало кто обращал на них внимание. А Ванда Казимировна, вчера еще директор универмага, гладила по головке любимого малолетнего мужа.

– Атас! – раздался чей-то детский крик. – Спасайся кто может!

Из-за угла гостиного двора выскочил мальчонка – от горшка два вершка, в полковничьем кителе, который волочился за ним по земле, стуча карманами по голым ногам. В руках мальчонка держал автомат Калашникова и тратататакал языком, изображая бой. Вдруг мальчишка кинулся к колоннам гостиного двора, а следом за ним на площадь вбежал другой паренек, чуть постарше. У него тоже был в руках автомат. И он из него стрелял по-настоящему – пули отбивали куски штукатурки.

Народ кинулся с площади, некоторые залегли за колоннами или кустами.

– Кто это? – спросил Удалов.

– Не узнал? – ответил Грубин. – Это же наш полковник Остапюк из ДОСААФ, или как там он теперь называется!

– А другой?

– Другой – полковник Исмаилов, военком. У него автомат с дыркой в стволе, чтобы учащиеся друг дружку не перестреляли. А вот досаафовец настоящую пушку достал.

– Неужто такие ответственные офицеры на деле тоже дети? – ужаснулся Удалов.

– Странно рассуждаешь, – ответил Грубин. – Как раз в армию чаще всего идут те, кто не может никак из детства вылезти, школьные хулиганы.

– А мы с тобой?

– А мы с тобой – школьные романтики.

Стрельба на площади утихла, но спокойствие не вернулось.

Снова пробежал мальчишка с предупреждающим криком.

Издали, из центра города, шло нечто грозное.

Уже видна была черная стена людей, перекрывшая всю улицу. Над толпой реяли красные флаги.

– Коммунисты идут! – закричала Ванда Казимировна и потащила домой Никитку Савича.

Другие жены, которые, как правило, оказались втрое старше своих мужей, тоже поволокли их с площади. Но Грубин и Удаловы остались в числе зрителей – Марго и Ксения их еще не отыскали.

Все ближе подходила колонна. Над ней реяли стяги. Из глоток вырывался Гимн Советского Союза.

Все эти люди были как на подбор семидесятилетние, крепкие, седые мускулистые старики и старухи. Те, кто с портретами Сталина, – постарше, а те, кто с портретами Ленина, – чуть помоложе.

И разновозрастное разрозненное население Великого Гусляра понимало, что настал миг прозрения.

Колонна коммунистов ступила на площадь.

Удалов узнавал среди этих суровых и неподкупных людей своих сверстников из стройуправления, из бывшего райкома комсомола и горкома партии, узнавал пенсионеров городского и даже областного значения, но самое удивительное, что и Максимка узнавал и показывал отцу своих сверстников и даже младших товарищей по речному техникуму. Сейчас все они пребывали в расцвете старческих сил и были едины в суровости – пришел их час! В мире мальчишек и юнцов они хозяева!

– Срочно! – проговорил Грубин. – Срочно домой! Надо сказать Минцу.

– Правильно! – Удалов первым помчался к дому. Грубин с сыном – за ним.

По мере того как они приближались к дому, бег Грубина терял уверенность, ноги все более заплетались, а перед воротами юноша и вовсе остановился.

– Что случилось? – спросил Удалов.

– Понимаете, ребята, – сказал Саша, – вы сейчас только не удивляйтесь. Я совсем забыл. Может быть, положение наше не такое уж и хорошее.

Удалову чудилось, что шаги колонны коммунистов уже настигают его, как какого-то распутника – шаги Командора.

– А что с дядей Левой? – догадался спросить Максимка.

– Сейчас увидишь.

Грубин открыл дверь.

В тот момент, когда решалась судьба демократии в Великом Гусляре, обнаружилось, что попавший под каток собственного эксперимента Минц превратился в пятилетнего карапуза, довольного собой, доедающего остатки килограммового торта, который сам Минц купил на той неделе к приезду своего кузена из Монтевидео, да забыл в морозилке.

Толстый мальчик хрустел замороженным тортом, когда в комнату ворвались юные соседи.

– Лев Христофорович! – крикнул с порога Грубин. – Эксперимент надо отменить.

Лев Христофорович отлично узнал соседей и, несмотря на столь нежный возраст, отдавал себе отчет в происходящем, но ответил решительно:

– Нет, нет и еще раз нет!

– Почему же, Лев Христофорович?

– Почему, дядя Лева? – взмолился Максимка.

– Потому что торт очень вкусный, – ответил гений.

И Минц продолжил вгрызаться в торт.

За окном раздался шум.

Удалов кинулся к окну, потом метнулся обратно, подхватил мальчика Минца, который все хрустел ледяным тортом, поднес к окну и прикрикнул на него:

– Любуйся, что ты наделал!

По Пушкинской шел небольшой – шесть в ряд, три ряда – патруль усатых седовласых ветеранов. Каждый нес по красному флагу. Перед некоторыми воротами они останавливались, вешали на ворота красное знамя и рисовали красную звезду. Перед другими домами они флагов не вешали, зато ставили на воротах черный крест.

– Скоро, – сказал Удалов, – начнется красный террор. Вы этого хотели?

– До ночи много времени, – капризничал Минц. – Когда торт доем, тогда поговорим.

Малыш попытался вырваться и вернуться к торту, но Удалов не отпускал его.

– Расколдовывай город! – кричал он на Минца. – С меня хватит!

Неизвестно, чем кончилась бы борьба между обжорой Левочкой и его соседями, но тут в комнату вошли две грузные пожилые женщины.

– А ну по домам! – приказали они своим мужьям.

И после короткой схватки на сцене остались лишь Грубин с Минцем.

– Видишь, – сказал Грубин, – для этих мальчишек достаточно старых жен. А для нашего города достаточно старых ветеранов.

– Откуда их столько? – спросил мальчик, все еще обкусывая торт.

– В сердцах сидели, в душах, – сказал Грубин.

Минц оторвался на секунду от торта и сказал:

– Послушай, Саша, давай уйдем с тобой отсюда! В лес, в Вологду. Ты меня в детский сад сдашь, и я буду каждый день добавку компота получать.

Грубин смотрел в окно. На дом № 16 флаг не повесили. Зато на воротах поставили крест.

Правда, красный флаг высунулся из открытого окна второго этажа – его вывесил пенсионер Ложкин.

– Когда на ликвидацию придете, – крикнул он старикам, – сначала ко мне постучите. Я вас по нужным квартирам проведу.

– Спасибо, товарищ! – отозвались с улицы.

– Ну теперь вы поняли, что тортов больше не будет? – спросил Грубин у маленького профессора.

За окном послышался шум мотора. Грубин снова выглянул наружу.

На этот раз он был искренне изумлен, потому что на улицу въехал и теперь тормозил перед его домом старый – времен Первой мировой войны – броневик. Броневик остановился и повернул в сторону окон Минца башенку с пулеметом.

С помощью товарищей на броневик взобрался ветеран с бородкой клинышком.

– Друзья! – закричал он. – Соратники! Ни для кого не секрет, товарищи, где свили гнездо наймиты Запада, масоны и демократы всех мастей! Один раз им удалось развалить Советский Союз! Во второй раз мы сами их развалим.

Ветеран упал с броневика, потому что был очень стар. Но башня броневика пришла в движение и со зловещим скрипом принялась поворачиваться в сторону дома № 16.

Этот звук мгновенно развеял детские настроения профессора Минца.

– Эксперимент провалился, – сообщил он. – Подсади меня, Саша.

Лев Христофорович указал на пульверизатор, который стоял на верхней полке.

Грубин кинулся было за стулом, но опоздал.

Броневик выпустил по окнам пулеметную очередь.

Звеня и лопаясь, полетели на пол пробирки и склянки. Грубин упал в лужу химикалиев, прикрыв телом малыша Минца. С потолка сыпалась штукатурка.

– Демократов на плаху! – радостно кричали с улицы ветераны.

– Что будем делать? – спросил Грубин.

– Ума не приложу, – ответил Минц, выбираясь из-под товарища. – Вся надежда на то, что мое средство скоро выдохнется. А пока, может, укроемся в детском саду?

– Нет ничего глупее, – ответил Саша. – По детским садам они и будут в первую очередь демократов искать.

Шум на улице утихал.

– Слушай, – сказал мальчик Минц, – а что, если нам пойти на площадь погонять в футбол?

– Но власть в городе перейдет в руки ветеранов!

– Им этого хочется, а нам с тобой чего хочется?

– Мне лично... – Грубин вдруг покраснел.
– Не стесняйся, – попросил Минц.
– Мне бы сейчас на улицу! Я бы гильзы собирал!
– А дальше?
– Я бы их в металлолом сдал.
– А дальше?
– Получил бы много денег.
– А дальше?
– Купил бы десять порций мороженого.

Минц помолчал, переваривая идею. А потом громко сказал:

– Жизнь продолжается! Почему бы нам с тобой не прожить ее еще раз при коммунизме? Когда мороженое было дешевым.

И, пригибаясь, чтобы не попасть под случайную пулю, мальчики побежали на улицу собирать гильзы.

РОКОВАЯ СВАДЬБА

Август завершался солидно, как в старые времена. Листва еще не пожелтела, но помутнела и пожухла, зато небо было бирюзовым, нежным, а по нему плыли облака пастельных тонов.

В понедельник Удалов возвращался с садового участка, вез сумку огурцов, два кабачка, банку собственноручно засоленных помидоров. Еще на конечной автобус заполнился такими же огородниками, у рынка многие сошли, вместо них втекал городской, в основном молодой, народ. Этот народ не обращал внимания на прелести августа и не хотел единения с природой, он хотел единения друг с дружкой.

Мускулистый от щиколоток до шеи парень ограждал свою спутницу от других пассажиров. Девица ему досталась фарфоровая, ясноглазая, вроде бы задумчивая, хотя ясно было, что задумываться ей нечем.

В годы удаловской молодости таких девиц еще не рожали и не разводили. Главной частью девицы были ноги, сооружения архитектурной ценности. На них уже можно было вешать дощечку: «Памятник архитектуры конца XX века. Охраняется общественностью». Над ногами, на уровне удаловского подбородка начинались прочие детали тела – талия, наглая грудь, а потом нечто розовое, голубое и золотистое.

Удалова покачнуло на девицу, и парень на него зарычал. Он был коротко стрижен, и, наверно, в стрижке отрезали ему затылок, но обошлось без кровотечения, там была сплошная кость.

Автобус остановился у парка. Парень подтолкнул девицу, та спрыгнула с подножки, пошатнулась на своих колоннах, но устояла. Парень тут же подхватил ее за талию и прижал к себе. Так они и ушли.

Удалов сошел на следующей остановке.

Навстречу шагал соседский мальчонка. Он вырос на глазах, два раза уже развелся. Так быстро бежит время. Было бы преувеличением назвать Колю Гаврилова умственно отсталым, но у него было в жизни одно желание – постоянно доставлять себе удовольствие. Это сужало его горизонты.

Сейчас Гаврилов получал удовольствие. Даже усы шевелились. Он вел под руку длинноногую блондинку. В ее прозрачных голубых глазах отражалось небо. Удалов представил ее на освещенной сцене с лентой через плечо: «Мисс Кандалакша».

Где-то Удалов эту блондинку уже видел.

Ага, в автобусе. Только на ней должна быть другая надпись. Что-то о памятнике архитектуры. Когда же она успела перебежать к Гаврилову от мускулистого парня?

При виде Удалова Гаврилов покрепче прижал к себе блондинку, а та потерлась грудью о плечо кавалера. Красиво потерлась. У нее все получалось красиво.

Наверное, она близняшка той, что была в автобусе.

Удалов хотел было свернуть во двор, но тут его внимание привлекло зрелище куда необычнее прежнего.

По той стороне гулял старик Ложкин, пенсионер районного значения, на поводке он вел тигра средних размеров. Тигр был настоящий – иначе бы с его пути не разбегались нечаянные кошки и собаки. Удалов хотел было поздороваться, но раздумал, потому что понимал: если Ложкин отзовется своим пронзительным голосом, тигр обязательно сорвется с поводка и набросится на Удалова.

Удалов обратил взор к облакам и принялся бочком-бочком продвигаться к воротам дома № 16.

И тут пронзительный голос Ложкина все же догнал Корнелия Ивановича.

– Куси его! – кричал Ложкин. – Пришел Удалову конец!

Удалов оглянулся и в ужасе присел. Потому что тигр был готов к прыжку.

Длинное осиное тело хищника прижалось к пыльному асфальту, глаза сузились, пасть была чуть приоткрыта, чтобы розовому языку было сподручнее облизывать клыки.

Тигр усмехался. Тигр уже представлял себе, как он разорвет пополам, растерзает тело Корнелия Ивановича.

– Ты чего, охренел, что ли, сосед? – послышался голос с неба. Словно архангел Гавриил затрубил в медные трубы.

И в самом деле – сверху пришло спасение.

Супруга Корнелия Удалова Ксения спускалась оттуда медленно и неотвратимо.

Радость спасенного Удалова была столь велика, что он не сразу сообразил, каким же образом его жена научилась летать, причем не махая руками, так как в руках у нее были сумки с покупками.

Ксения опустилась как раз между тигром и мужем.

– Кыш! – приказала она ужасному хищнику.

Тигр пополз задом наперед, норовя спрятаться за Ложкина.

– Ксения, – сказал Ложкин, – ты не права. Я же только пошутил.

– Он сожрать меня хотел, – сказал Удалов.

Он увидел наконец, как же летает его жена, – оказывается, у нее к спине был прикреплен небольшой пропеллер. Где-то он читал о таком средстве. Но где – забыл.

– Найдется на тебя правый суд, наперсник разврата, – пригрозила Ксения.

– Но кто же мог подумать, что он испугается? – оправдывался Ложкин.

– Мой Корнелий возвращается с приусадебного участка, – сообщила Ксения. – Мой Корнелий не совсем в курсе, как у нас развиваются события. Ты что, не заметил? Его же неделю как не было.

Тигр лежал за Ложкиным, отвернувшись к стене, и делал вид, что его там и не лежало.

– Пошли, – приказала Ксения мужу.

Корнелий пошел за женой. Он не оборачивался, хотя тигр мог и прыгнуть. Но тигр не прыгнул. И Ложкин больше не смеялся. Ксению он побаивался. Да кто Ксению не побаивается?

Во дворе никого не было. Перед дверью Ксения завела руку назад и отстегнула пропеллер. Не дожидаясь вопроса, пояснила:

– Называется «Малыш Карлсон».

– Ага! – вспомнил Удалов. – Не страшно?

– Третий день летаю. Привыкла. Удобно. Сумки таскать не надо.

Только дома, разувшись, Удалов собрался с духом и спросил жену:

– Докладывай, Ксения, что без меня происходило?

– Да как тебе сказать...

Удалов прошел на кухню за женой. На кухне стояла новая машина, видно комбайн. Правда, Ксения раньше такими вещами не баловалась.

– Это еще что такое? – спросил Удалов.

– А ты руки мой, не спрашивай, – ответила Ксения резко, словно чувствовала себя виноватой.

– Это же, наверное, бешеных денег стоит, – сказал Удалов.

Ксения не ответила. Она открыла сверху этой хромированной машины отверстие чуть побольше среднего размера кастрюли. Кинула внутрь несколько нечищеных картофелин. Машина уютно заурчала.

– Иди, иди, – сказала Ксения.

Удалов не шел, смотрел.

В нижней части кастрюли распахнулась стенка, и изнутри одна за другой выехали две тарелки с супом. Суп был наваристый, густой, от него пахло мясом.

– Когда ты руки, наконец, вымоешь?! – закричала Ксения, и Удалов пошел в ванную, ломая голову над тем, где в кастрюле скрывались другие продукты.

– Я видел, – сказал он, возвратясь, – что ты клала картофель.

– Остальное синтезировалось, – ответила Ксения.

– И мясо?

– И мясо.

– Из картошки?

– Конечно из картошки. Не из капусты же!

Ксения даже покраснела от гнева. Вот-вот сорвется с орбиты.

Удалов поспешил сменить тон.

– Ксюша, – попросил он, – ты мне расскажи, если можешь, что в городе случилось, пока меня не было?

Ксения посмотрела на мужа недоверчиво. Почему не сражается? Почему не укоряет за траты?

– Меня многое удивляет, Ксюша, – продолжал в том же духе Удалов. – Наличие девушек, тигров и пропеллеров. А вот теперь и эта... картофелечистка.

Ксения подобрела. Пошла в прихожую, принесла оттуда газету «Гуслярское знамя».

– На, смотри.

Удалов прочел объявление:

«ДЕЛОВОЙ ОТДЫХ В СВЕТЛОМ БУДУЩЕМ!

Туристическое агентство «Голден гууз» организует шоп-туры с отдыхом в Великий Гусляр светлого будущего. Автобусные экскурсии, полупансион, осмотр достижений, обед в трехзвездочном ресторане. Посещение собственной могилы, а также мест погребения ближайших родственников за отдельное вознаграждение. Стоимость краткого тура 100 долларов США или по эквиваленту. Удовлетворение гарантируется. Звонить по телефону 2-34-57 с 10 до 17, кроме субботы и воскресенья. Адрес агентства: ул. Шарлотты Корде (бывшая Большая Маратская), 2».

– Этого быть не может! – воскликнул Удалов. – Путешествие в будущее недопустимо!

– Почему же недопустимо? – спросила Ксения.

– Потому что будущего еще нет. Куда ты полетишь?

– Они лучше знают. Организаторы.

– Что-то ты путаешь, Ксения.

– Корнелий, ты меня не раздражай. То тебе расскажи, то ты верить не желаешь. А что я по небу летаю, это нормально? А бабы надувные – это нормально? А тигр надувной – это нормально?

– Как так надувные?

Такого удара Корнелий вынести не смог. Пошатываясь, он добрел до двери и спустился к соседу, профессору Минцу, за консультацией. Ксения его не удерживала.

Минц сидел дома, решал головоломку – как сложить из тысячи кусочков латиноамериканский пейзаж. Третьи сутки сидел не разгибаясь.

– Лев Христофорович, – позвал его Удалов, войдя в незапертую дверь. – Что происходит? Дай мне объяснение.

Минц кивнул, но внимание его оставалось прикованным к облачному небу на головоломке. В пальцах он держал кусочек облака и примерял его к разным местам.

– Лев Христофорович, – продолжал Удалов, – ты знаешь, что в нашем городе шоп-туры в будущее продают?

– Да, читал, – ответил Минц. – Но это антинаучно. В будущее путешествовать нельзя. В прошлое – пожалуйста. В будущее – нельзя.

И он положил на место кусочек облака.

– Но если нельзя, – сказал Удалов, – тогда почему надувные существа? И вообще, разве это возможно? Я сам видел, как они обнимались.

Другой, может, и не понял бы Удалова, но Минц умеет читать в душах между строк.

– Меня это тоже смутило, – сказал Минц. – Я наблюдал. И твоя жена на базар сегодня летала. А девушки производят впечатление, но уж про Ложкина с тигром я и не говорю.

– Нельзя город на неделю оставить! – рассердился Удалов. – Совершенно распустились. А не может это оказаться провокацией?

– И чьей же провокацией, коллега?

– Есть враги у свободной России. От Латвии до НАТО.

– И они нам надувных женщин подсовывают?

– Вот именно!

– Говорят, много предметов оттуда привезли. На площади Землепроходцев толкучка образовалась.

– Ты думаешь, что Ксения там не была?

– И Ксения не была, и Ложкин ста долларов свободных не имеет. Тигры и прочие копии хищников и других животных по полсотни идут, девушки подороже. Погоди, Удалов, давай я президенту Академии наук позвоню.

– А поможет?

– Вряд ли.

– А если тряхнуть стариной?

– Сами разберемся?

– Сами.

Минц совершил было движение к двери, но остановился.

– Нет, – сказал он. – У меня головоломка не догадана.

– Из-за головоломки ты отказываешься от научного расследования?

– Но ведь путешествие в будущее невозможно!

– Тогда я пойду один, – сказал Удалов.

Уже во дворе Удалов услышал сзади тяжелую поступь грузного Минца.

– Не беги так! – окликнул Минц Удалова. – В мои годы приходится быть солидным.

Удалов улыбнулся. Нет, его друг еще не потерян для науки и для человечества. Странная и подозрительная история будет раскрыта.

Они вышли на улицу.

– Куда сначала? – спросил Удалов. – В туристическое агентство?

– Нет, – ответил Минц. – Гуси подождут.

– Какие гуси?

– У агентства, что характерно, английское название, – сказал профессор. – И означает оно – «Золотой гусь». Подозрительно?

– Не знаю, – сказал Удалов.

Они направились на площадь Землепроходцев, где, по словам Ксении, располагалась толкучка товаров из будущего.

Но опоздали.

Площадь была почти пуста, лишь у гостиных рядов таился в прохладной тени мужик с большим полосатым баулом. Перед ним стояли, принимая красивые позы, две девицы – те самые. У ног лежал крокодил. Несколько мальчишек глазели на крокодила, а пенсионер Пупыкин норовил заглянуть девушкам под туники, чем их веселил.

– Вы из будущего? – спросил Удалов.

– А что, не видно? – обиделся мужик. – Купи женщину. У меня последний автобус уходит.

– Я там куплю, – сказал Удалов. – Завтра отправлюсь и куплю.

– Блондинок там уже не осталось, – уверенно сказал мужик. – Там только брюнетки. Блондиночек еще вчера разобрали.

– Послушай, сто рублей дам! – взвыл пенсионер Пупыкин.

– Она мне самому в двести обошлась, – отмахнулся мужик. – Бывают же такие скопидомы!

Пупыкин протянул руку к бедру девушки. Та хихикнула, но отодвинулась.

– А крокодилы почем? – спросил Удалов.

– Крокодилов по полсотни баксов отдаю. А вы животными интересуетесь? У меня слон есть, недорого. Если у вас садово-огородный участок, то оказывает большую помощь. Хотите посмотреть?

– Хочу, – сказал Удалов и огляделся – где же мужик прячет слона?

Мужик вытащил из полосатой сумки темный шарик размером с теннисный мяч.

– Посторонись! – велел он зрителям.

Все послушно отшатнулись.

Мужик уронил шарик на землю, возникло дрожание воздуха. Оно сгустилось и посерело. Потом оказалось, что перед ними стоит средних размеров слон, очень грустный, неподвижный, лишь кончик хобота покачивается над упавшей на землю надувной девушкой, которая не успела или не сообразила отскочить.

Пупыкин и Удалов кинулись поднимать девушку, хотя, конечно, опасались слона. Но мужик слона потянул за хобот, и тот легко и послушно отошел в сторону и встал над крокодилом.

– Ну что, берешь слона? – спросил мужик.

– И почем у вас теперь слоны? – спросил Минц.

– Триста рублей, за такие деньги вы теперь курицу не купите.

К ним спешил милиционер.

– Гражданин, гражданин! – укоризненно кричал он. – Ну что же мне с вас штраф, что ли, брать? Сказано же, что рынок закрыт, а слонов водить не разрешается.

Мужик щелкнул пальцами, слон растворился в воздухе и покатился мячиком под ноги Минца.

– И правда, – сказал мужик. – Последний автобус уйдет, я до своей деревни не поспею.

– Сто двадцать, – сказал Пупыкин. Он вытащил из кармана несколько десяток и тряс ими перед носом у мужика.

– Эх, себе в убыток торгую! – закручинился мужик, но деньги взял и стал пересчитывать, словно это играло роль. А Пупыкин начал метаться между двумя одинаковыми девушками, не зная, какую выбрать.

– Быстрее соображай, пенсионер, – сказал мужик. – Ты левую бери, она постарше.

Мужик засмеялся и щелкнул пальцами. Одна из девушек превратилась в мячик.

– Мою тоже упакуйте, – потребовал Пупыкин. – Я же не могу прийти в свой дом в такой компании.

– Это дело пустяковое. Ты сам учись.

Мужик показал Пупыкину, как щелкать пальцами. Удалов тайком тоже щелкнул и, сам того не желая, превратил в мячик чужого крокодила. Пупыкин побежал прочь, пошатываясь на кривых ножках.

Тогда Минц с Удаловым пошли в бывший Маратовский переулок. И в самом деле, над одной из дверей двухэтажного барака была приколота картонка с надписью: «Голден гууз».

Молодая женщина с невыразительным длинным лицом и ярко нарисованными губами сказала:

– А я уж закрываться хотела. Вы насчет круиза?

– Мы хотели бы побывать в будущем, – сказал профессор Минц. – Согласно объявлению.

Женщина громко вздохнула, опускаясь на стул.

– Паспорта с собой?

– Нет. А можно без паспорта?

– Ну подумайте: пожилой человек, а такую ахинею несет! Вы же отправляетесь за рубеж, за вас обязуются. Вам известно, что в будущее допускаются лишь лица с гуслярской пропиской?

– А из района можно? – спросил Удалов, вспомнив мужика.

– Из района можно. Попрошу явиться завтра к десяти. Паспорт, сто долларов наличными, одеться прилично, но скромно. Вот список товаров, допущенных к вывозу.

Женщина протянула Удалову отпечатанный на машинке лист бумаги.

– А теперь идите, – сказала она. – Мы закрываемся.

* * *

Вернувшись домой, Минц все же позвонил президенту Академии наук.

Президент как раз ехал с совещания и говорил из машины по радиотелефону.

– Толя, – сказал Минц, – здравствуй, тебя Лев беспокоит.

– Узнаю, узнаю, беспокойное сердце, взволнованный голос! Что тебя сегодня тревожит, старый конь?

– Скажи мне, Толя, только честно, – попросил Минц, – путешествие в будущее возможно?

– Теоретически?

– И практически.

– Вряд ли, – сказал президент Академии, – а что, у тебя уже получилось?

– Значит, ты ничего не знаешь?

– А что я должен знать?

– А то, что у нас в Великом Гусляре туристическая контора организует туры в будущее.

– Смешно, – сказал президент. Но голос у него был серьезный.

– Причем это не просто туры, – сказал Минц. – Это шоп-туры. Понимаешь?

– Теперь уже с трудом, – признался президент.

– Я сегодня наблюдал, какие товары привозят из будущего мои земляки. И это впечатляет.

– Ты меня пугаешь, Лев.

– Толя, неужели в других городах это явление не наблюдается?

– Не только в других городах, но и в других странах. Нигде в мире.

– Провокация?

– Но чья? Кому выгодно отправлять в будущее жителей Великого Гусляра?

– Может быть, нас хотят отравить? – произнес Минц, но тут же сам себе возразил: «Если они нас отравят, то как же они родятся на свет?»

– Что за товары? – спросил президент.

– Странный набор. Надувные женщины.

– С какой целью?

– Может, с эротической.

– Для мастурбации?

– Прости, Толя, но они такие убедительные, что даже разговаривают. Кроме того, в нашем городе появились надувные слоны и тигры.

– Прости, но это какой-то детский сад.

– Индивидуальные средства для полетов под кодовым названием «Малыш Карлсон».

– Кухонные комбайны, которые картошку в мясо превращают, – подсказал Удалов.

– Кухонные комбайны, – повторил Минц. – И многое другое, о чем мы еще не успели узнать.

– Ясно, – сказал президент. – А что им нужно?

– Молодец, – одобрил вопрос президента Минц. – Нас тут снабдили списком вещей, которые рекомендуется брать с собой в шоп-тур для обменных операций. Погоди, погоди. «Фрукты и овощи свежие, кедровые орешки... ткани хлопчатобумажные и шелковые...» Не вру я! Слушай, не перебивай. «Драгоценные и полудрагоценные камни, янтарь, нефрит, агат...» Хорошо, пойдем дальше: «Книги с иллюстрациями в хорошем состоянии, выпуска до 1945 года, изделия из натурального меха...» Да тут больше ста позиций!

– Любопытно, – заметил президент. – Судя по твоему чтению, практически каждый житель города, независимо от благосостояния, может набрать дома материалов для шопа... для обмена, для бартера! Лев, ты должен будешь сделать для меня лично и для науки одну вещь.

– Мы с моим другом Корнелием Ивановичем Удаловым завтра с утра берем паспорта и отправляемся.

– И сколько стоит путевка?

– Не надо, Толя, я знаю, что на науку у нас дают скудно.

– На науку – скудно, а на разведку – сколько надо. У меня есть один академик во внешней разведке.

– По сто долларов, – сказал Минц.

– Двести долларов перевожу сегодня телеграфом, тебе и товарищу Удалову. Завтра жду от тебя звонка. На всякий случай с утра будем держать в боевой готовности парашютную бригаду.

– Только не это! – взмолился Минц. – Мы не знаем, кого спугнем и во сколько это нам обойдется.

– В зависимости от твоего доклада, Лева, – сказал президент. – Россия не забудет твоего подвига.

– Пока еще я ничего не совершил, – скромно ответил Минц.

Он попрощался с президентом и объяснил Удалову, что был у Толи научным руководителем на кандидатской диссертации. Много лет назад.

Вечером Удалов отведал пищи из кухонного комбайна. На этот раз Ксения набрала на кнопках рагу из зайца под бургундским вином и омаров под майонезом. И все из той же картошки.

Омары Удалову понравились. Наевшись, он взял у Ксении пропеллер, попробовал полетать по квартире, ушиб голову о люстру – к счастью, люстра осталась цела. Удалов упал, но не огорчился. Только сказал:

– К Максимкиному приезду спрячь эту штуку.

Ксения не ответила, но поняла, что Удалов беспокоится, как бы «Малыш Карлсон» не попал в руки внуку, который отдыхал с родителями на острове Кипр.

Удалов долго не засыпал, сидел у окна. По улице брели парочки, возвращались из парка. Удалову казалось, что многие девицы не настоящие, а надувные, но из-за плохого освещения он не был уверен в своих наблюдениях.

Ксения мирно спала – русские женщины быстрее привыкают к необычностям судьбы. Ну где бы вы увидели в Европе, чтобы женщина на шестом десятке, купив на толкучке пропеллер, стала бы летать с ним над городом? А у нас это бывает.

Взгляд Удалова упал на хозяйственную сумку, которую Ксения собрала ему в шоп-тур. Когда она узнала, что Удалов отправляется в будущее с государственным заданием и на государственные деньги, как бы в командировку, она обрадовалась и надавала ему поручений, записала их под номерами на бумажке – оказывается, Ксении было отлично известно состояние рынка будущего и знакомы цены. Она еще и не побывала там – и может, не побывает, – но разбиралась в особенностях экономики будущего лучше любого футуролога.

Удалов старался следить за ее инструкциями, но голова была переполнена информацией, и потому он мало что запомнил из поучений жены. Даже бумажку затерял. А Ксения так старалась! Сложила в сумку отрез крепдешина, палехскую шкатулку, хохломские ложки, пепельницу из малахита, янтарные бусы и множество вещей, которые не очень нужны дома, но выбрасывать их нельзя.

Заснул Удалов перед рассветом и во сне высоко летал, погружаясь в облака.

Минц вышел с портфелем.

– Боюсь, – сказал он, – что у меня никуда не годный бартер.

– Я поделюсь, – пообещал Удалов.

Перед агентством «Голден гууз» было людно. Отправляли группу. Вчерашняя женщина проверяла сумки, а нервный кавказец, сидевший в конторе, собирал деньги и шустро прятал их в сейф. На паспорта Минца и Удалова он взглянул мельком, словно они его на самом деле не интересовали.

– На улице ожидай, – говорил каждому кавказец. – На улице ожидай.

Получалось словно песня.

Выходя, они столкнулись с Мишей Стендалем.

Миша Стендаль – сотрудник газеты «Гуслярское знамя», раньше органа горкома, а теперь – владения коллектива редакции из шести человек во главе с товарищем Малюжкиным.

Миша склонился к уху Удалова и громко прошептал:

– Никому ни слова. Я выполняю редакционное задание.

– Слушаюсь, – ответил Удалов.

– Миша! – воскликнул Минц. – А вы что здесь делаете?

– Конспирация! – прошептал Удалов. – Он тоже на задании.

Женщина со скучным лицом появилась рядом, хотела о чем-то спросить, но Минц ее опередил своим вопросом:

– В какой год вы намерены нас отправить?

– В отдаленное будущее! – ответила женщина так, словно ее обидели.

– А год вам неизвестен?

– Говорят, что лет через сто, – сказала женщина. – Точнее меня не информировали. И попрошу на улицу, на построение!

На улице, у дверей в агентство, женщина выстроила всех шоп-туристов. Одиннадцать человек. Два или три лица Удалову были знакомы, не более того.

Женщина прошла вдоль строя.

– Участники шоп-тура, – сообщила она, – должны строго соблюдать правила поведения в чужом обществе. Запрещается вступать в разговоры с жителями будущего, навязывать им свои товары и услуги за пределами вещевого рынка. Любая попытка остаться в будущем или продлить срок своего тура будет наказываться денежным штрафом в десятикратном размере. Всем ясно?

– Простите, – сказал профессор Минц, вытирая платком вдруг взопревшую лысину, – а в десятикратном размере от чего?

– От максимума, – ответила женщина.

Алый рот ее совершал куда больше движений, чем следовало или было необходимо.

Кавказец выглянул из дверей и сказал:

– Можно запускать, Чикита.

– В какой год нас отправляют? – спросил у него Минц.

– Главное, – ответил кавказец, – живым вернуться, не заблудиться. Будешь слушаться, будешь живой и богатый.

Удалов тем временем смотрел на своих спутников. Семь мужчин, четыре женщины. Женщины все деловые и профессиональные на вид. Это было видно по джинсам и крепким объемистым сумкам. Из мужчин трое были молоды, Миша Стендаль в расцвете сил, а трое, включая Удалова и Минца, приближались к закату жизни.

Больше разглядеть Удалов не успел, они быстро шли по полутемному коридору, кавказец возглавлял шествие, а длиннолицая дама его замыкала. Потом в глаза ударил свет – они оказались в зале, похожем на актовый зал типовой школы. В углу были свалены стулья. Они были покрыты красным ситцем с выцветшими белыми буквами лозунгов.

Посреди зала стоял автобус Павловского завода. Кавказец занял место за рулем, женщина подталкивала, торопила туристов, повторяя, что времени в обрез, если опоздаем, придется возвращаться несолоно.

Обшивка с сидений была сорвана, некоторые сели на пружины, другие на голую фанеру.

– Крепче держитесь, – приказал кавказец.

Женщина с красным ртом прошла к двери в зал, возле которой был выключатель. Она повернула его, и свет в зале погас. Стало почти совсем темно. Автобус взревел и начал покачиваться. Поехал. Иногда его подбрасывало на колдобинах.

Удалов с трудом удерживался на сиденье, так что вглядываться в темноту не было возможности.

Затем стало светло, даже ярко. Оказалось, автобус выехал на залитый солнцем луг. Ласковое солнце катилось по бирюзовому небу. Пели птицы, хотя в августе они у нас молчат.

– Вылезаем! – приказал кавказец.

Женщина с длинным лицом ждала их внизу, снаружи.

От этого создавалось ощущение какого-то розыгрыша, дурной шутки. Правда, перемену с окружающим пейзажем объяснить было нелегко.

– Скорее, товарищи, скорее, господа! – звала женщина. – Мы теряем драгоценное время.

– Корнелий, запоминай, все запоминай! – прошипел Минц.

– Говорят, американским шпионам выдают кинокамеры размером с горошину, – сказал Миша Стендаль. – Жалко, что я не шпион.

Туристы, волоча сумки, поспешили за женщиной по утоптанной тропинке, которая провела их сквозь кусты и влилась в улицу. Улица была чистой, широкой, дома прятались в зелени. По мостовой неслись машины неизвестной конструкции, по тротуарам шли люди, большей частью в широкополых шляпах, в длинных плащах или халатах.

Удалов рассматривал этих людей, жителей отдаленного будущего, но жители не обращали на него никакого внимания.

Он обратился к встречному жителю будущего и спросил:

– Вы не скажете мне, какой сегодня у нас год?

– Две тысячи ноль девяносто шестой, – ответил житель и прошел, не останавливаясь.

– Запрещено! Запрещено задавать вопросы! – шипела Чикита. – Вы что, хотите, чтобы всю программу нам прикрыли? Вы не представляете, с каким трудом мы на этот контракт вышли! И никто раньше вопросов не задавал. Сказано – не задавать, и не задавали. А вы почему задаете?

– Потому что я любознательный.

– Без пяти минут любознательный? – съязвила Чикита, которой к тому времени удалось оттеснить Минца внутрь группы, и по ее знаку остальные шоп-туристы взяли Минца и Удалова в кольцо, чтобы скрыть от встречных и облегчить экзекуцию.

– Но почему нельзя спрашивать? – вел арьергардный бой Удалов.

– А потому, что сейчас ты про год спрашиваешь, а потом спросишь, чего нельзя.

– А чего нельзя?

– Нельзя узнавать, будет война или не будет, когда ты помрешь и какой смертью. Мы...

– Но вы же сами в проспекте обещали нам могилы показать!

– Там проведена соответствующая подготовка. Там все схвачено. А вот самодеятельности мы не допустим.

– Не допустим, – поддержал Чикиту ее помощник.

Впрочем, и туристы были солидарны с начальством, потому что конечно же приехали сюда не из-за места на кладбище, а за товаром.

– И какая вам радость, – сказала уже спокойнее Чикита, чувствуя, что бунт на борту утихает, – какая радость узнать, что помрете через три дня?

– Почему я умру через три дня? – заинтересовался Минц.

– Да не вы, Минц, а обыкновенный без пяти минут человек!

Но Минц тут закручинился и отошел на последнее место в группе, опустив голову, словно услышал смертный приговор. Удалов счел необходимым ободрить его.

– Крепись, друг, наша кукушка еще продолжает куковать, – сказал он.

Постепенно Минц успокоился, и группа восстановила темп движения.

Улица становилась оживленнее и уже. Народу встречалось много, некоторые искоса поглядывали на туристов.

– Впрочем, можно понять, – сказал Минц, и Удалов услышал его. – Мы им надоели. Если путешествие во времени такое обычное дело, что уже проводят шоп-туры, то, значит, местные жители этих туристов видели тысячами!

– Минц, разговорчики! – прикрикнула женщина.

– По-моему, она в охране служила, – сказал Удалов.

Кавказец свернул на узкую грязную улицу. Здесь дома сдвинулись тесно, кое-где через улицу тянулись провода и шнуры. Наполовину надутый слон сидел, прислонившись к стене дома. Перед туристами раскрылась небольшая площадь. Площадь была пуста, на ней стояло множество столиков.

– Можете расхватывать, – сказала женщина. – И раскладывайте свое барахло.

На площади появились три человека в униформе, вернее всего милиция. Удалову захотелось спрятаться или сдаться властям. Но милиционеры не обратили на него внимания. Они прошли вдоль столов, глядя, что выкладывают на них туристы. Подобно прочим прохожим, милиционеры были одеты в длинные, до земли, плащи, на головах – широкие шляпы конусом, закрывающие не только голову, но и плечи.

Некоторые предметы милиционеры брали в руки, разглядывали, проверяли непонятными приборчиками, прикрепленными к их пальцам. С крайнего стола милиционер схватил нечто темное и заявил:

– Конфискуется.

– Как конфискуется? – возмутилась владелица. – Это же в списке было!

– Выдать компенсацию, – сказал милиционер семенившей за ним красногубой женщине.

– Будет сделано, – откликнулась та. Потом погрозила кулаком шумевшей туристке.

Удалов разложил на столике свой товар. Минц смог подложить в общий котел лишь янтарные запонки и банку маринованных грибов.

Когда проверка и раскладка завершились, появились и покупатели.

Покупали в основном мужчины, одетые в различного рода форменные мундиры. Были они деловиты, словно пришли не на базар, а на тактические учения. Впрочем, обнаружилось, что и наши туристы готовы к такому разговору и знают не только набор товаров, которые можно получить, но и их ценность. Так что споров и не возникало.

За шелковый халат с драконами, который Ксения почти не надевала, Удалову сразу предложили надувную девушку – на выбор.

Удалову стало любопытно. Не то чтобы он хотел получить девицу – вы же представляете, что бы случилось, если бы он привел такую домой, – но все же сама возможность обзавестись юной красавицей была соблазнительна.

– Посмотреть можно? – спросил он.

Покупатель бросил на землю несколько мячиков, из них, как в сказке, выросли три брюнетки, все три полногрудые, с ямочками на щеках, курчавые.

Они одинаково улыбались Удалову.

Одежды на брюнетках почти не было – так, нечто вроде купальников цыганского образца.

Конечно, Удалов хотел получить брюнетку. Он все же был мужчиной. Конечно, он немного завидовал холостяку Пупыкину, который отнес домой мячик и играет теперь им в меру своих сил. Но брюнетку брать нельзя. Ни в коем случае.

Удалов краем глаза уловил усмешку, посетившую лицо его друга, и неожиданно для себя спросил:

– А мужчины у вас есть?

– Такие же? – удивился покупатель.

– О нет! – хором воскликнули брюнетки и полезли к Удалову обниматься. – Мы лучше! – уверяли они. – Не нужны тебе мальчики, наш повелитель.

– Эй! – крикнул покупатель своему знакомому, который торговался возле столика, где держали оборону две гуслярские женщины. – У тебя тринадцатого-бис не найдется?

Когда проверка и раскладка завершились, появились и покупатели.

Тут Удалов увидел, что возле того столика стоит мускулистый спортсмен в одних трусиках. Гуслярка критически осматривает его.

– Нет! – остановил покупателя Удалов. – Это я так, узнать хотел. Мне бы лучше чего-нибудь из животного мира.

– А мы? – спросила брюнетка. Она нежно погладила Удалова по руке.

– Богом прошу, – обратился Удалов к покупателю, – убери их, а то соблазнюсь.

– Соблазнись.

– Нельзя. Жена убьет. У нас в семье с этим строго.

– Почему строго?

Покупатель так удивился, что в мгновение ока превратил галдящих девиц в черные мячики. И так ловко, что мячики подпрыгнули по очереди точно ему в руки. Рассовывая их по карманам френча, покупатель повторил вопрос:

– Почему строго?

– Да потому что ревнует она. Не поверите, шестой десяток разменяла, а все равно ревнует. Ей кажется, что я еще ой-ой-ой!

– А вы не ой-ой-ой? – спросил покупатель.

– Свое в основном отлетал, – признался Удалов.

– Господин! – окликнул покупателя Миша Стендаль. – Вы ко мне не подойдете?

– Сейчас, минутку, – ответил тот. Шелковый халат притягивал его, как магнит. – А удава вы не желаете? Есть крупный удав очень красивой расцветки. Последний экземпляр наблюдается в Лондонском зоопарке.

Удалов не успел ответить, как услышал сверху голос:

– Как там Ксения? Все еще ревнует тебя к каждой березке?

Он поднял голову.

На фоне серого неба, пользуясь пропеллерами системы Карлсона, летали отдельные горожане. Одна из женщин помахала Удалову рукой и тут же пропала за коньком крыши.

Покупатель в форме забыл об удаве. Он вытащил из кармана портативную рацию и начал в нее шептать.

Буквально через четыре секунды над площадью возник милиционер на реактивном стуле. Милиционер принялся барражировать на небольшой высоте.

– Чего вы испугались? – спросил Удалов.

– Да поймите вы, чудак-человек, – задушевно заговорил милиционер. – Нельзя нашим людям с вами общаться. Каждая минута пребывания вас здесь ставит под угрозу нашу цивилизацию. Что, если вы повредитесь или погибнете? Что за судьба ждет тогда ваших нерожденных внуков?

– А кто со мной оттуда разговаривал?

– Наверное, кто-то из правнуков. Мы проверим и примем строгие меры.

И он улетел – видно, принимать меры.

– Возьмем удава? – спросил Удалов.

– А что ты с ним будешь делать?

– Вместо собаки пускай дом охраняет. Тихо. Стремительно.

– Ох, загадит он тебе квартиру, – предупредил Минц.

– Обижаете, – сказал покупатель. – Удав тоже надувной, синтетический. У нас окружающая экология больше не гадит.

Удалов отдал халат, а Минц заодно спросил у покупателя:

– И давно у вас путешественники во времени появились?

– Да уж вторую неделю, – ответил покупатель.

– И раньше не было?

– Раньше возможностей к этому не имелось.

– Тогда странно мне, – заметил Минц, – равнодушие, с которым ваши жители к нам относятся. Словно давно привыкли.

– Это наши проблемы, – отрезал покупатель. Почему-то отвечать на этот вопрос ему не хотелось.

– Не совсем ваши, – возразил Минц. – По сути дела, вы – наши потомки. Не чужие люди.

– Не знаю, не слышал, – отмахнулся покупатель.

– Мне нужен настоящий информант, – сказал Минц шепотом. – Пока что я вижу в этом заговор. Но чей?

– Эй! – окликнул уходящего покупателя Удалов, желая помочь профессору. – Скажите, вас Америка, случайно, не покорила?

– Это еще почему? – удивился покупатель.

– Ну, может быть, покорила вас Америка и теперь через вас хочет нас покорить.

– И что же она будет тогда с вами делать? – отозвался другой покупатель, пожилой, с заостренной бородкой и в черных очках.

– Угнетать, – сказал Удалов. – Высасывать соки.

– А что, дома этим заняться некому? – спросил старик.

– Дома желающие есть, – согласился Удалов. – Но мы к ним привыкли.

Старик предложил Удалову купить у него конусообразную шляпу. Сказал, что очень помогает от озоновых дыр. Удалов сказал, что в Великом Гусляре дыр пока не замечено.

– Не сегодня завтра, – пообещал старик.

Ему хотелось приобрести у Корнелия палехскую шкатулку, и потому он отдал ему очередной мячик. На этот раз мячик превращался в палатку с надувным матрасом и подушкой. Идеальное средство отдохнуть на рыбалке.

Тем временем центр событий переместился к Мише Стендалю. А так как его столик стоял совсем рядом, то Удалов был в курсе дел.

Миша принес с собой бочонок меда, но отдавать его дешево не намеревался. Уже несколько человек подходили к нему, предлагали животных, технику и девушек, но Миша сказал, что ему требуется флаер, то есть летательный аппарат из фантастического фильма.

К его меду приценивались разные люди, но флаера они предложить не могли, может, и не было у них флаеров. И тут к Мише подошла пожилая женщина, скромно одетая, без шляпы. Она сказала, что мед ей нужен как лекарство, но флаера у нее отродясь не было, единственное, чем она может пожертвовать, это своей служанкой. Она вынула из сумочки очередной мячик, и тот, стукнувшись о мостовую, превратился в скромного вида девушку. Она была не столь красива и длинноногa, как те близняшки, что уже шастали по Великому Гусляру, но ее тихое очарование не осталось незамеченным Удаловым.

– Вот это совсем другое дело, – сказал Удалов. – Такую и я бы взял, в служанки.

– Ты что несешь! – возмутился Минц. – Ты подумал о реакции твоей семьи?

Миша хлопал голубыми глазами. Снял очки, протер их. Девушка глядела на него робко и преданно.

– Боюсь, что он провалит редакционное задание, – сказал Минц.

– Интересно, а каким оно было? Неужели он обещал Малюжкину самолет привезти?

Пожилая женщина, которая намеревалась расстаться со служанкой, была сообразительна. Она перехватила взгляды Стендаля.

– Конечно, – сказала она, – Галочка мне все равно как дочка. Я только пошутила, что с ней расстаюсь.

– Я готов отдать вам мед! – воскликнул Миша.

– Вашего меда не хватит на один ноготок Галочки, – произнесла подлая старуха.

И не успел Стендаль возразить, как старуха жестко и решительно щелкнула пальцами, Галочка ахнула и превратилась в мячик. Стендаль ринулся было за мячиком, но мячик отпрыгнул от него и покатился в руки к владелице.

– Но, может быть, вы возьмете что-нибудь еще? – спросил Стендаль.

– Ах, что мне у тебя взять, молодой человек? – спросила старуха. – Нечем тебе меня соблазнить.

– Но у меня есть оренбургский платок из чистой шерсти, можете его в обручальное кольцо продеть.

– Не поняла, – сказала старуха. – Где вы увидели на мне кольцо?

– А вот моржовый клык с вырезанным на нем узором охоты на полярных медведей в исполнении неизвестного чукотского мастера.

– Ах, оставьте! – И старуха пошла прочь.

– Погодите!

Тут в дело вмешался Минц. Он широко шагнул и схватил Стендаля за рукав.

– Миша, – сказал он, – эта женщина более тебя заинтересована в сделке. Не спеши и не суетись.

– А если она уйдет домой? – Миша весь дрожал и был бледен.

– Потерпи. Она вернется, если ты не будешь за ней носиться.

Старуха дошла до конца рынка, притормозила и посмотрела на Мишу через плечо. Миша тянулся к ней, но Минц держал его крепко.

Старуха остановилась, словно в нерешительности. Тут появился один из милиционеров, только переодетый в штатское. Удалов узнал его по родинке на правой ноздре. Переодетый милиционер сказал Стендалю:

– Могу помочь.

– Сколько? – спросил Минц, не отпуская Стендаля.

– Моржовый клык, – ответил милиционер. – Собираю моржовые клыки.

– Согласен! – воскликнул Стендаль раньше, чем профессор успел его остановить.

– Эй, госпожа Аникина! – воскликнул милиционер. – Пожалуйте назад.

Старуха резко подбежала к Стендалю и, словно все было оговорено заранее, схватила бочонок с медом, кинула в Стендаля мячиком, а милиционер унес моржовый клык, расписанный охотничьими сценами из жизни чукчей.

– Ну что ж, давай возвращай красотку к жизни, – сказал Удалов, видя, как робеет, внутренне дрожит Миша Стендаль. – Пальцами сможешь щелкнуть?

С другой стороны, где за столиком стоял человек с лицом отставного полковника ДОСААФ, донесся хриплый голос:

– Если бы не возраст, сам бы женился и всем посоветовал. Это же надо жену иметь, которую можно двумя пальцами на полку отправить, а когда соскучился или проголодался, так же вернуть.

– Это неэтично, – отозвалась женщина, стоявшая через стол, – мы вам не мячики, чтобы в кармане носить.

– Так то ж игрушка надувная! – откликнулся молодой парень, бритый, в черной майке. – А нам, русским людям, подавай женщину мясную, плотную, энергичную.

В этой дискуссии никто не заметил, как Стендаль щелкнул пальцами и служанка Галочка материализовалась рядом с ним. Не только материализовалась, но вступила в разговор, так как явно отличалась умом и сообразительностью, не то что девицы для утех, которых привезли в Гусляр раньше.

Она быстро освоилась и подошла к профессору Минцу.

– Мне приятно познакомиться с моими будущими современниками, – звучным глубоким голосом произнесла она. – И вы, в частности, производите на меня благоприятное впечатление. Мне хотелось бы сблизиться с вами на интеллектуальной почве. Я надеюсь многое у вас почерпнуть.

Стендаль сначала побледнел от ревности, потом покраснел от стыда.

– Ты ее недооцениваешь, – прошептал ему Удалов. – Можно сказать, что тебе наконец повезло.

У девушки оказался замечательный слух.

– Я согласна с вами, уважаемый...

– Корнелий Иванович.

– Вот именно! Корнелий Иванович! Мне хочется надеяться, что моему потенциальному возлюбленному и даже, не боюсь этого слова, супругу со мной повезло. Но я должна предупредить заранее – других жен я в доме не потерплю. Даром что меня считают надувной.

Эта тирада одних заставила улыбнуться, других рассердила.

– Вот именно что надувная! – воскликнула одна из шоп-туристок. – Надувают нашего брата почем зря. Потом захватят у нас власть и будут помыкать. Смотреть на них противно!

Торговка сплюнула, но надувная девушка не обиделась, а возразила ей:

– Скажите, пожалуйста, чем я хуже вас? Или очи мои не сияют, словно звезды? Или груди мои не округлы и упруги, словно антоновские яблоки? Или бедра мои не столь круты, как хотелось бы моему возлюбленному? Или лоно мое не привлекает взоров? Или ноги мои не прямые, как у скаковой лошади?

Торговка была толстой, корявой, неухоженной женщиной, и потому она сразу обиделась.

– Кукла надувная, за десять копеек! – возопила она. – Вы только поглядите, люди добрые, кто на меня нападает! Кто меня, мать двоих детей, оскорбляет при людях! Ты хоть знаешь, что такое ребенок?

– Если мой будущий муж или возлюбленный захочет, – скромно возразила Галочка, – я немедленно рожу ему богатыря.

– Синтетического! – догадалась торговка. – Пластмассового!

Галочка отвернулась от противницы и положила руку на плечо Мише:

– Миша, не слушай наветов. В нашем времени все равны. Не важно, как человек произошел на свет, главное, чтобы он был хорошим человеком и достойным членом общества. Ты меня понимаешь?

– Еще как понимаю, – ответил Миша.

Галочка потянулась к щеке Миши и ласково, нежно поцеловала его.

Миша даже побледнел от счастья.

– И если ты хочешь, – прошептала надувная девушка так громко, что слышал весь рынок, – то пойдем со мной в трехзвездочный отель

«Гусь», потому что я страстно мечтаю тебя любить и ласкать! – Девушка часто дышала.

Миша позволил увести себя. Минц пытался было окликнуть его, но Удалов сказал:

– Пускай идет. Его счастье или его беда. Он взрослый. Вышел из комсомольского возраста.

Торговка громко издевалась и хохотала вслед влюбленным. В конце концов к ней подошел местный милиционер и предупредил о правилах поведения в общественных местах. Торговка замолчала.

– Она свое дома возьмет, – сказал Удалов.

Местный народ лениво заходил на рынок, лениво бродил от столика к столику, кое-что брали. Милиционеры – те, что сначала приходили, – теперь уже все переоделись в штатское. Ходили как покупатели, как бы направляли действие, помогали вести чендж, то есть обмен.

Удалов выменял себе зонтик, который становился меньше грецкого ореха, у Минца хорошо ушел однотомник Белинского издания начала века с золотым тиснением по переплету. Стендаль не возвращался – интересно, куда его повела надувная кукла?

Минц старался заговорить с покупателями и зеваками из будущего, но люди отвечали ему односложно, словно побаивались гостя. Но, тем не менее, даже такие скупые ответы представляли интерес.

– Скажите, пожалуйста, какой у вас общественный строй? – слышал Удалов голос профессора.

– Свободный, – отвечал один покупатель.

– Демократический, – отвечал второй.

– Меня он устраивает.

– Сколько было мировых войн? – спрашивал Минц.

– На провокационные вопросы не отвечаем, – говорил покупатель.

День приближался к обеду.

Бритый молодой парень из шоп-группы долго выбирал себе подругу, наконец ему понравилась губастая, глазастая, рыжая, курчавая, она его возбудила. Он даже не стал доторговывать, а понес купленный мячик в гостиницу.

Без пяти два на площади появился милицейский командир. За ним двигалась повозка, нагруженная разного цвета и размера мячиками и шариками.

За повозкой шествовали вереницей милиционеры, переодетые покупателями. Командир загребал с повозки несколько мячиков, вываливал их на стол продавцу, в обмен безмолвно забирал привезенный товар. Все молчали. Во-первых, с местной милицией не спорят, это закон шоп-туриста, во-вторых, каждый понимал, что любой обмен в пользу гостей. Десять мячиков – это десять солидных предметов из далекого будущего. Каждый можно толкнуть в Вологде долларов за двести как минимум. Поездка окупилась.

Вываливая на столик мячики, командир говорил каждому продавцу одинаково:

– Благодарю за визит. Попрошу в гостиницу, где вас ждет вкусный обед с прохладительными напитками.

Туристы потянулись к автобусу. Они оживленно беседовали и сговаривались в гостинице обменяться товарами, если кому чего не подходит.

Дама с красным ртом уже ждала в автобусе.

– После обеда полчаса личного времени, – сообщила она, – затем экскурсия на кладбище. Для желающих.

– Зачем? – не понял Минц.

– Посмотреть на свое захоронение и захоронения ближайших родственников и соседей.

Удалов закручинился. Ему не хотелось смотреть на свою могилу, но отказаться от визита он не посмел.

– У нас не хватает одного молодого человека, – сказал Минц. – Но вернее всего, он ушел в гостиницу поиграть с мячиком.

– Ничего с ним не случится, – равнодушно ответила дама. – Здесь нет преступности.

Обед оказался сытным, но скучным, недосоленным и пресным. Прохладительные напитки были чуть теплыми, чай – просто теплым.

Потом они поднялись в двойной номер. Удалов вывалил мячики и шарики на кровать.

– Может, не стоит их сейчас оживлять? – спросил Минц. – Если тебе достался слон, то получится трагедия.

– Но на удава я могу полюбоваться? – спросил Удалов.

– Любуйся, – согласился Минц. – Только осторожно.

Удалов стал рассматривать шарики в надежде угадать, какой из них содержит в сложенном виде удава. Даже легонько мял их руками. Шарики были тяжелыми, словно сделанными из каучука. Один прохладнее прочих. Может, в нем змея?

Под дверь в комнату вполз листочек бумаги.

– Смотри, – сказал Корнелий. – Выходят на связь. Может, это Миша Стендаль просит помощи?

– Осторожнее, – предупредил Минц. – Мы в чужой стране.

– В своей, – возразил Удалов. – Но изменившейся.

– И мы знаем о ней не больше, чем о Бангладеш, – сказал Минц.

– Прочтем? – Удалов сделал шаг к листку бумаги.

– Давай, – согласился Минц. – Читай вслух.

Сам отошел к окну и стал выглядывать наружу – но что увидишь с шестого этажа, кроме зеленого парка и пролетающих над землей средств передвижения неясного вида?

Удалов подобрал листок.

– «Могу поговорить за умеренное вознаграждение, – прочел он вслух, – расскажу тайны. Если согласны, то на кладбище у могилы Корнелия Удалова буду стоять за деревом. Доброжелатель».

– Ох, не нравится мне это, – сказал Удалов, в сердцах отбрасывая листок, который полетел над кроватью и приземлился в руки Минцу. – И на кладбище я идти не хотел. Зачем мне смотреть на свою могилу? Ну кто в наши дни смотрит на свои могилы?

– А я пойду, – сказал Минц. – Я думал убежать от них, пройти по улицам, заглянуть тайком в библиотеку. Для этого и шляпу выменял. Чтобы от них не отличаться. Но боюсь, что моя акция была обречена на провал, так как мы окружены их агентами и переодетыми милиционерами. Теперь же у меня появилась надежда. Что у тебя осталось из ценных вещей?

– Янтарное ожерелье, – сказал Удалов. – Я его припрятал.

– А у меня... – Минц залез двумя пальцами в верхний карман пиджака, – где же мамино колечко? Ага, здесь! И царская десятка! Думаю, что этого хватит, чтобы узнать все, что нужно.

– Иди без меня, – упрямился Удалов. – Мне еще пожить хочется.

Но, конечно же, Минц его уговорил. Да и есть в каждом человеке любопытство перед лицом собственной смерти. Скажите мне: хочешь

ли узнать, какого числа и какого года ты умрешь, и я закричу: ни в коем случае! Подарите мне неизвестность! А скажут: подглядеть хочешь? Я ничего не отвечу, но, внутренне содрогаясь, пойду и стану подглядывать в замочную скважину.

Удалов сказал себе, что только дойдет до кладбища, погуляет там, посмотрит на могилы соседей, может, даже им поклонится... хоть это и не очень красиво. Живут твои соседи, зла против тебя не таят, а ты цветок несешь к ним на могилу...

Вошел кавказский человек Георгий и велел начинать спецэкскурсию. Удалов положил в карман мячик с зонтиком и спустился вниз.

Остальные уже стояли у автобуса и были настроены мрачно, бледны и смущены неправильностью своего поведения перед лицом вечности. А когда подошла Чикита и стала раздавать букетики из искусственных цветов, все брали их со смущением.

– А где Стендаль? – спросил Удалов. – С ним все в порядке?

– А что может быть не в порядке с молодым человеком, который купается в море любви? – искренне удивилась Чикита.

– А когда выкупается? – спросил Минц.

– Присоединится к группе в установленный срок.

Залезли в автобус.

Минц велел внимательно смотреть по сторонам в пользу Академии наук, но Удалов смотреть забывал, потому что мысли возвращались к скорой встрече с собственной кончиной.

Дорога на кладбище вела через городские окраины. Кое-где сохранились старые гуслярские дома – ведь сто лет для хорошего дома не срок. Кое-где поднимались дома новые, но странно, они производили впечатление заброшенных. И народу было немного, и дети не шалили на улицах.»Может быть, – подумал Удалов, – эти люди отвезли с утра малышей по детским садикам, а сами углубились в созидательный труд?»

Минц впился глазами в окно автобуса и непрестанно шептал что-то верхнему карману пиджака, в котором прятал мини-диктофон японской работы.

– По моим наблюдениям, – сказал Лев Христофорович Удалову, – наш с тобой родной городок значительно вырос за последние сто лет, но затем пришел в упадок.

– Вы тоже так думаете?

– Посмотри на дорожки. Лишайники между плит. Взгляни на стены домов. Когда их красили в последний раз? Обрати внимание на детскую площадку – она заросла крапивой. Сомнений нет – эта цивилизация переживает упадок.

– Но как же тогда их достижения? – спросил Удалов.

– Достижения... а ты уверен, что это достижения современные, а не успехи вчерашнего дня?

Удалов не был уверен.

Автобус остановился у ворот кладбища. Ворота были приоткрыты. Туристам велели слезать и расписываться в книжечке кавказца. Каждый должен будет возместить агентству «Голден гууз» десять долларов в рублевом эквиваленте за посещение кладбища и ознакомление с родными могилами.

Расписывались без споров, и каждый думал: черта с два я тебе отдам эти деньги, грабитель проклятый!

У ворот стоял сторож в черном фраке и конической шляпе.

– Из какого года прибыли, граждане? – спросил он, блеснув глазом из-под шляпы.

– Разве не видишь? – озлобилась Чикита и задергала красными губами. – Плановая группа.

– В списке нету, – сказал сторож.

– А разве не всем сюда можно ходить? – спросил Удалов.

– Туристы из прошлого – только в организованном порядке в составе групп с сопровождающими, – ответил сторож. Он отыскал в своей черной потрепанной книге группу из Великого Гусляра, осень, 1996 год. Но что удивило Удалова, отыскал ее не в конце, а где-то в недрах книги, и до, и после списка шли другие фамилии, другие группы. Можно подумать, что гуслярцев записали заранее. Минц тоже обратил на это внимание.

– Возможно, все предопределено, – сказал он тихо, – только мы с тобой остаемся лопухами.

Столь крепкое словцо для Минца – исключение. Но он тоже оказался взволнован и если бы... – Если бы не встреча с информантом, – произнес он грустно, – никогда бы на кладбище не поперся.

Эти слова примирили Удалова.

Первой шла Чикита. Она повторяла:

– Участок тридцать четыре и далее, до тридцать восьмого, второй поворот налево, а оттуда направо до большой аллеи.

К счастью, день был приятным, не жарким, солнце катилось к закату, золотые косые лучи резали редкую жухлую листву и замирали на верхушках крестов и звезд. Сначала от запустения и подурневшей природы кладбище показалось Удалову незнакомым, но оказалось, – это свое, родное, городское кладбище, засеянное предками, только бестолково разросшееся за последние сто лет.

Через двадцать минут они перешли и к погребениям начала XXI века.

Здесь стояли мертвые дубы и чуть живые осинки.

Но в целом царило пренебрежение к покойникам, словно некому было заходить сюда с цветами или просто посидеть... Удалов миновал ряд незнакомых могил и вдруг ощутил болезненный удар.

Он стоял над небольшой каменной серой гранитной плитой. На ней было вырезано имя:

«Удалов Максим Корнелиевич».

А чуть дальше – как взгляд метнулся! – словно за грибами пошел Удалов, чуть дальше, рядом, две могилы:

«Удалова Ксения Сергеевна»...

А неподалеку кто-то завопил, как изрезанный, – это был отставной полковник ДОСААФ.

– Брат мой! – кричал он. – Братишка Василий! На кого ты меня оставил!

Этот крик заставил Удалова отрезветь и прийти в себя.

«Ничего особенного, – сказал он себе. – На самом деле Ксения жива, и я к ней вернусь... Но где же место моего погребения? Что случилось со мной?»

– Простите, – Минц обратился к сторожу. – Вы не посмотрите в своем списке, есть ли здесь моя могила? Меня зовут Минц, профессор Минц, Лев Христофорович.

– Не может быть! – откликнулся сторож. – Неужели мне довелось лично увидеть нашего знаменитого земляка? Разрешите пожать вашу руку!

Сторож снял коническую шляпу и склонился к руке Минца. Тот смутился, руку вырвал, вдруг испугавшись, что сторож вздумает ее поцеловать.

– Ну как можно! – отвечал он багровея, – я же обыкновенный естествоиспытатель. Не более великий, чем Павлов или Менделеев.

На звук взволнованного голоса шоп-туристы оборачивались, отрываясь от поиска собственных могил.

Удалов с торжеством смотрел на Чикиту. Та молча кривила красные губы. На нее произвели впечатление слова сторожа.

– О нет! – громыхал сторож. – Берите выше! Не скромничайте! – Вы – наш родной Фарадей!

– Еще чего не хватало! – обиделся Минц. – Только не Фарадей. Если вам хочется меня обязательно сравнивать, ну возьмите, к примеру, Гумбольдта или Аристотеля.

Тут Минц осекся, понял, что стал центром внимания современников, и полушепотом спросил:

– Так где же мое погребение?

– В пантеоне. Разумеется, в Московском пантеоне! – сообщил сторож. – Не здесь же, на этом заброшенном провинциальном кладбище...

– А я? – спросил Удалов.

– А вы кто, простите, будете?

– Удалов, Корнелий Иванович.

Сторож принялся водить пальцем по странице, перевернул. И Удалов вдруг воспылал странной тщеславной надеждой: сейчас сторож сообщит, что захоронения Корнелия Удалова на этом кладбище не наблюдается, а похоронен он в Галактическом центре, в районе звезды Сириус, как ведущий специалист Вселенной по межпланетным отношениям... Должны ведь в конце концов отметить его прошлые заслуги перед Галактикой!

– Есть. Удалов Корнелий Иванович, – обрадовался сторож, – вон там, за кустами. Вы пошуруйте палочкой.

Удалов огорчился. Не с чего было огорчаться, а огорчился.

Он продрался сквозь кусты и увидел свою могилу.

– А когда я умер? – крикнул он сторожу.

– Ну как вам не стыдно об этом спрашивать? – откликнулся тот. – Мы же все даты заклеили, как только узнали, что путешествие во времени к нам открыто. Неужели мы имеем право выступать в роли Господа Бога?

И тут Удалов понял, что сторож не лжет – под фамилией была наклейка, замазанная затем под цвет плиты.

Тут, видно, не выдержали нервы у полковника. Он тоже догадался, что самую жгучую тайну от него скрывают, потому рванулся к своему скромному, с красной звездой над профилем, черно-мраморному памятнику и стал сдирать ногтями наклейку. Но начал не с той стороны – слева. Из-за этого показались даты его рождения, а узнать о смерти турист не успел. Из-за кустов выскочили два стража. Видно, затаились там в ожидании подобного инцидента. Полковнику заломили руки назад – не грубо, но уверенно – и потащили к выходу. Полковник сопротивлялся. Как военный человек он догадался, что сражение проиграно, но сдаваться не любил.

Остальные, уже посмотревшие на свои могилы, стояли пассивными свидетелями.

Минц прошептал Удалову:

– Пошли, самое время затеряться.

И они согласно шагнули в кусты.

Их исчезновения не сразу хватились – внимание отвлекал полковник.

Минц с Удаловым сначала быстро шли по тропинке, потом Минц углядел проход в кустах, за старым монументом, с детства знакомым Удалову, только сильно одряхлевшим, который принадлежал жене купца Якимова. Собственный же монумент Якимова бы снесен еще в 30-е годы XX века.

– Ты думаешь, он нас найдет? – спросил Удалов.

– Он должен за нами наблюдать.

– Я и наблюдаю, – сказал кладбищенский сторож. Как это он успел их обогнать и спрятаться за кустом?.. – Времени у нас в обрез. Показывайте, что можете предложить. Я ведь страшно продажный.

Минц и Удалов показали остатки сокровищ.

– Мало, – сказал сторож. – Пиджаки тоже отдадите.

– Если ваш рассказ нас заинтересует, – сказал Минц.

– А как же не заинтересовать? – удивился старый сторож. – Я же головой рискую.

Они присели за памятником, так чтобы их не видно было с дорожки.

Сторож рассматривал трофеи, но отвечал охотно. Хотя неизвестно, насколько правдиво и насколько исчерпывающе.

Первый вопрос Минца прозвучал для Удалова странно:

– Когда появились путешествия во времени, кто их устроил и кому они нужны?

– Путешествие во времени существует только в городе Великий Гусляр, – ответил сторож, – начались путешествия на той неделе, и не сегодня-завтра их прикроют. А устроили их наши городские власти.

– Почему? Почему их прикроют?

– Потому что путешествия во времени категорически запрещены и, если бы не крайняя нужда, наш город никогда бы не пошел на нарушение запрета.

– Но путешествовать в будущее нельзя! – повысил голос Минц.

Сторож прижал палец к губам и ответил шепотом:

– А кто сказал, что это путешествия в будущее?

– Я. Потому что еще вчера я жил за сто лет до вас.

– Чепуха. Эти путешествия организованы нами, проводятся нами, значит, они – путешествия из будущего в прошлое, что, как известно, и теоретически, и практически возможно и даже широко практиковалось в городе Великий Гусляр.

– Значит, они нам только кажутся путешествиями в будущее, – произнес Минц.

– Интересная мысль...

– Так и доложите президенту Академии наук, – заметил сторож, чуть усмехнувшись.

– А вы откуда знаете?..

– Из вашей желтой и продажной прессы. Со страниц ваших газет, сообщивших о якобы имевших место в Великом Гусляре контактах с будущим. Но учтите, что вы будете разоблачены и поставлены на место.

– В это я верю, – сказал Минц. – Так зачем вам нужны путешествия во времени? Зачем было устраивать эти шоп-туры?

– Объясняю, – усталым голосом произнес сторож. Он снял темные очки и его лицо показалось Удалову знакомым.

– Не смотрите на меня так, – сказал сторож. – Вы помните председателя Белосельского? Считается, что мы с ним очень похожи. Я прихожусь ему правнучатым племянником.

– Верно, – воскликнул Удалов. Он обрадовался, словно встретил знакомого в пустыне американского универмага.

– Вы нам нужны для компенсации. Не известно, дадут ли плоды наши усилия, но должен сказать, что наша попытка – отчаянная попытка. Мы рискуем всем. Наш город могут попросту закрыть... и будут правы.

На глазах сторож изменился. Не сторож это был, а государственный муж, который печется о судьбе своей земли.

– Граждане предки, подумайте, что же вы, неразумные, жадные и грязные, наделали с нашей родимой Землей! – голос сторожа дрогнул. – И хуже всего досталось моей родине. Большевики гнали план и воровали, капиталисты и «новые русские» воровали и хапали, чиновник получал взятки за то, что дозволял хапать и уничтожать... Америка и Германия спохватились, развели у себя «зеленых», начали бороться... они сейчас почти все восстановили. Если не считать озоновых дыр – нашего общего несчастья! Мы же не только забыли о естественных продуктах, о натуральной пище, мы – генетические обломки прошлого. Вы видели, насколько равнодушны ко всему мои немногочисленные современники? Когда инициативная группа Великого Гусляра в составе... – тут Белосельский вытащил из кармана плаща смятую бумажку и начал зачитывать список инициативной группы, – в составе Белосельского, Ираклия Удалова, Теодора Стендаля, Хосе-Марии Ложкиной и других граждан решилась на нарушение закона о временных путешествиях исключительно для того, чтобы обеспечить единовременное снабжение Великого Гусляра натуральными продуктами и генофондом, – мы понимали, на что идем!

Сторож замолчал, а Удалов подумал: никогда мне не увидеть этого самого Ираклия Удалова. Почему Ираклия? Неужели кто-то из его потомков на грузинке женится?

– Почему Ираклий? – спросил Корнелий.

– Не отвлекайтесь, – сказал сторож. – Откуда мне знать, почему Ираклий? Пробыл шесть лет в плену на Кавказе, вернулся Ираклием. Мы не задаем лишних вопросов.

– Значит, понадобились натуральные продукты? – спросил Минц.

– Я рассказал все, что мог.

– И генофонд?

– Больше я говорить не вправе.

– И долго это будет продолжаться?

– Завтра закрываем.

– Неужели так удачно? Получили все, что хотели?

– Энергии не хватает.

– А еще дальше в будущее можно заглянуть?

– Нет. Там загородка. Ведь путешествия в будущее невозможны, а оттуда никакого привета. Живем в полной неизвестности...

– Вам можно только посочувствовать, – сказал Минц. – Возьмите ваш гонорар, – он протянул сторожу колечко и монетку.

– Спасибо, не надо. Все ваши товары после окончания тура свозятся в горсовет. А в покупателях состоят только сотрудники местных органов.

– И вы не допускаете жителей?

– Конечно, нет. Мы ведь и так нарушили запрет.

– А эти... агентство «Голден гууз», тоже ваши? – спросил Удалов.

– Нет, это настоящие посредники, корыстные люди, не более того.

– Значит, ваш эксперимент подошел к концу? – спросил Минц.

– Вы совершенно правы. Это тоже будет небезынтересно узнать господину президенту Академии наук и всем вашим спецслужбам, которые, Лев Христофорович, после вашего необдуманного звонка в Москву вот уже сутки обсуждают, чего ждать: то ли третьей мировой войны, то ли всеобщего и полного разоружения.

– Но этого не произойдет?

– Ни того, ни другого.

Удалов старался не слушать голосов и шуршания в кустах. Шум приближался с разных сторон. Видно, их хватились и искали.

– Минц, – сказал он профессору, – задавай последний вопрос и будем сдаваться – нас уже почти настигли.

Минц улыбнулся... Сторож напялил черные очки и стал похож на навозную муху.

– Были ли вы до конца искренни с нами? – задал Минц свой последний вопрос.

– Почти... – неопределенно ответил сторож, – остались мелкие детали.

– Такие ли уж мелкие?

Сторож рассмеялся:

– Все они поместятся в моей конической шляпе!

На смех из-за памятников выпрыгнули стражи. При виде сторожа вытянулись во фрунт, и первый из них сказал:

– Простите, гражданин председатель, мы искали сбежавших шоптуристов из прошлого.

– Ничего страшного, – с доброй улыбкой ответил кладбищенский сторож, – получайте моих милых гостей, пускай отдыхают и возвращаются к себе домой. Удовлетворенными и обеспеченными синтетическим товаром. К сожалению, мы не смогли сохранить многие дары природы, но в имитации природы мы достигли больших высот. Все у нас имеется в копиях. Практически все. Иначе бы не выжить...

Сторож грустно усмехнулся, и стражи стояли вокруг в скорбном молчании.

* * *

С кладбища заехали в гостиницу за молодыми людьми.

Те вышли усталые, но довольные, как туристы после выходного дня. Их спутницы – рыжая хохотушка бритого парня и очаровательная скромница Миши Стендаля шли рядом, как стреноженные и усмиренные кобылки. Рядом и на полшага сзади. Очень выразительно. Остальные туристы встретили их шутками, но шутки были незлыми, потому что все были удовлетворены путешествием.

Автобус провожали несколько покупателей в штатском, в том числе бабушка, расставшаяся со своей служанкой Галочкой.

Кавказец сидел за рулем. Чикита уселась на свободное место рядом с Удаловым и принялась красить губы.

– Устали? – спросил он сочувственно.

– Да нет, день был спокойный, – ответила женщина, – без скандала.

Удалов смотрел на Стендаля и Галочку. Они сидели по ту сторону прохода, нежно обнявшись. Стендаль учил Галочку песне о желтой подводной лодке.

Галочка преданно внимала. «Как грустно сознавать, – подумал Удалов, – что она всего-навсего надувная кукла. И Мише никогда на ней не жениться».

– И надолго у вас контракт? – спросил Минц у Чикиты из агентства «Голден гууз».

– Завтра кончается, – призналась женщина. – А жалко. Я сама бы кое-что себе приобрела, но с вами разве успеешь? Столько времени на кладбище потеряли...

Минц, сидевший сзади, вздохнул так тяжело, что звук донесся, до Удалова.

– Думаешь о том, что сказать президенту? – спросил Удалов обернувшись.

– Посоветую не вмешиваться, – ответил Минц.

– Чувствую, что наш поезд ушел.

– А что этот сторож про шляпу говорил?

– Его слова требуют внимательного анализа, – ответил Минц.

Отставник запел песню «Все выше, и выше, и выше, стремим мы полет наших птиц». Песня была бравая, военная, может, даже довоенная.

Некоторые стали подпевать. Кавказец Георгий, который сидел за рулем, тоже стал подпевать, но на грузинском языке.

Сошли у агентства. Было уже темно.

* * *

Удалова охватила тревога.

Нечто чуждое, как при инопланетном вторжении, присутствовало в воздухе Великого Гусляра. Пошатывались тени за заборами и кустами, пробежала собака служебной масти, далеко-далеко послышался шум танкового мотора...

Когда Удалов с Минцем отошли от агентства шагов на пятьдесят и распрощались на углу с отставником и бритым парнем, который увлек за собой рыженькую девицу, в щели штакетника блеснул фонарь, уперся лучом в лицо Удалова, переметнулся к Минцу.

– Сдаемся, – сказал Удалов. – Желательно получить пощаду.

– Получите, – засмеялся президент Академии наук, выходя из-за фонарного столба. Он был в маскхалате, на голове фуражка с государственным орлом. – Как дела, ребята? А то нас тут комары зажрали.

– У вас машина есть? – спросил Минц.

– Я бы хотел сначала задержаться на минутку здесь, – строго сказал президент.

– Зачем, Толя? – спросил Минц. – Мне уже все ясно.

– Мне хотелось бы сначала изолировать всех, кто там побывал, и особенно организаторов.

– Организаторы ничего не знают, – ответил Минц. – Работали на проценте. Туристы тем более не информированы.

– Надо изъять товары, – сказал президент. – Мы привезли сюда комплекс экспресс-лабораторий.

– Погоди до завтра, Толя, – попросил Минц.

– Ты можешь ошибаться, Лев, а мне уже три раза из Минобороны звонили, аппарат президента покоя не дает.

– Если ты веришь в мою гениальность, – скромно сказал Минц, – то придется тебе отозвать своих опричников. Пускай отдыхают.

Президент заскрипел зубами.

Потом сказал:

– Выходите, молодцы.

Из разных щелей и укрытий выскочили молодцы в черных чулках на рожах и в бронежилетах.

Из-за церкви Параскевы-Пятницы выехал бронетранспортер, в который попрыгали черные чулки, а президент Академии наук рывком втащил Минца в джип «чероки», который выскочил из недавно выкопанного блиндажа.

– Мы вдвоем с товарищем, – решительно сказал Минц.

– Товарищ погуляет, – ответил президент. – Есть вопросы, которые я не имею права обсуждать даже с лучшими твоими друзьями.

Минц успел высунуться из дверцы и крикнуть Удалову:

– Побеседуй с Мишей Стендалем. Это обязательно! Не упусти его.

Удалову хотелось домой. Он устал путешествовать на автобусе времени, стоять на базаре и глядеть на собственную могилу с заклеенной датой. Он хотел домой, хотел присесть на лавочку посреди двора и посмотреть, что таится в тех мячиках и шариках, которые ему подсунуло будущее.

Но Удалов не стал возражать. Если Минц просит, да еще так сильно просит, значит, беседа с Мишей Стендалем может открыть глаза на какие-то важные детали, которые Удалов в простоте своей не заметил.

Так что Удалов с тоской поглядел, как уносятся по улице огоньки машины, и стал ждать.

Ждать пришлось совсем недолго. Через минуту вышел Стендаль. Он вел под руку робеющую Галочку.

– Что за шум? – спросил он.

– Академия наук нами интересуется, – ответил Удалов.

Это Стендаля не удивило и не испугало.

– А мы задержались, – сказал Стендаль. – Мы в подъезде целовались.

– Я не могла оторваться, – призналась Галочка. – Мужчины вашего времени – это просто открытие!

– Простите, конечно, – сказал Удалов. – Но мне давно уже хочется спросить: вот у вас много разных... женщин и животных. Вас что, в компьютерах выводят или как?

– Или как, – лукаво улыбнулась Галочка. – Все у нас по-честному, все копируется. И даже моя копия где-то живет.

– Но можно сделать много копий?

– Разве это так важно?

– Это неважно, – поддержал Галочку Миша. – Я полюбил одну женщину. Только одну. Завтра я женюсь!

– О нет! – вырвалось у Корнелия. – Нельзя же так...

– Почему? – спросила Галочка, и голос ее зазвенел, как лист кровельного железа.

– Потому что вы ненастоящая! Вы надувная... вы кукла, в конце концов!

– А вам не приходило в голову, гражданин Удалов, – сказала Галочка, – что вы тоже надувная кукла? Как вас надули при советской власти, так и забыли выпустить воздух после ее конца.

– Галочка! – упрекнул невесту Миша.

– Молчи! Ты бы только посмотрел, как ваши мужчины расхватывали бесплатных девушек! Потому что все вы стремитесь к дешевым удовольствиям. Если не удастся затащить во двор слона или бегемота, то дайте мне крокодила! Но учтите, что крокодилы кусаются, а мы, надувные куклы, можем подарить радость, но можем и дать пощечину! Вы забываете, дорогой Корнелий Иванович...

«Откуда она знает, как меня зовут? Неужели это все Миша? Глупый, глупый Миша, ты попал в руки к провокаторше из будущего».

– Не отворачивайтесь, Корнелий Иванович! Я и мои подруги – детища высокой цивилизации, не вашему пещерному уровню чета. Даже в копиях мы дадим сто очков вперед самой распрекрасной вашей красавице! И учтите, Миша будет со мной счастлив, и я рожу ему много детей – сколько он захочет. У меня внутри все для этого предусмотрено.

– Вот так-то, Корнелий Иванович, – сказал Миша. – Приглашаю вас завтра на свадьбу.

– Миша!

– Вот именно. В двенадцать!

– Адье, – сказала Галочка и умудрилась лизнуть Удалова в щеку. Язык у нее оказался в меру шершавым и в меру мокрым. А черт их знает, может, и рожать будут...

Удалов пошел домой.

У Минца горел свет. Перед подъездом в кустах таились два бойца в черных чулках на рожах, но Удалов не стал их замечать. Только сказал:

– Спокойной ночи, ребята.

Те кашлянули в ответ, в разговор вступать им было, наверное, не положено.

Удалов пошел спать – все равно в темноте трофеи на дворе не испытаешь. А завтра могут и конфисковать. Так что Удалов тщательно запрятал шарик и мячики в нижний ящик Максимкиного письменного стола, которым сын ни разу не пользовался с тех пор как окончил школу.

На столе стояла тарелка, кружка простокваши и лежала записка:

«Котлеты в холодильнике. Ушибла ногу о колокольню. К.»

В доме царила тишина, во всем мире царила тишина, только слышно было, как далеко и таинственно прогреваются танковые моторы, как дышат в кустах и на крыше сотрудники Академии наук, а снизу, из кабинета Минца, доносятся голоса. Идет совещание...

* * *

Утром все обошлось.

Минцу каким-то образом удалось уговорить президента и сотрудников покинуть город, или затаиться так, чтобы их не стало слышно и видно.

Правда, Удалов проспал, и, если техника двигалась по улицам до десяти утра, он мог пропустить.

В одиннадцать он встал, покормился из кухонного комбайна, к которому уже стал привыкать, потом спустился к Минцу, рассказать и послушать.

Минц встретил его в халате. Он тоже не спал ночью, уговаривал президента потерпеть, не принимать мер, потому что сегодня вот-вот все должно решиться.

Минц спросил:

– Что же ты свои трофеи из будущего не притащил? Может, испытаем?

– Не хотел при Ксении. А вдруг там девушка?

– Если девушка, отдашь Ксении, пускай на рынок снесет.

– Стыдно девушками торговать. Среди них такие интеллигентные встречаются! – возразил Удалов.

И Удалов рассказал Минцу о вчерашней беседе с Мишей и о приглашении на свадьбу.

– Когда? – встревожился Минц.

– В двенадцать.

– Тогда я предлагаю тебе, Корнелий, не спешить с игрушками и трофеями. Сходим на свадьбу, посмотрим, как она пройдет. У меня с ней связаны особые ожидания.

– Черный костюм надевать? – спросил Удалов.

– Не думаю. Мише будет приятнее, если свадьба пройдет в непринужденной обстановке.

Так, не переодевшись, они пошли к загсу, чтобы присутствовать на торжестве.

Удалову ясно было, что Минц не случайно повел его на свадьбу. Эта свадьба была связана с тайнами и ночными перемещениями войск в районе Гусляра. Поэтому он спросил напрямик:

– Лев, что вы решили с президентом?

– По моим расчетам, через час все утрясется, – сказал Минц. – И если я прав, то все наши попытки воспользоваться путешествием во времени в интересах государства или человечества бессмысленны.

– Не понимаю.

– А вот дойдем до загса, поймешь.

Они дошли до государственного особняка без десяти двенадцать, чуть раньше новобрачных.

Вскоре появились и молодые. Галочка была в белом платье. Жених – в своем единственном выходном костюме. За Мишей шел кудрявый редактор «Гуслярского знамени» Малюжкин, который и отправил Стендаля в счастливую командировку, а также секретарша редакции Эльвира – она с трудом сдерживала слезы и желание растерзать невесту из будущего.

Вдруг с другой стороны переулка появилась иная процессия.

Шел бритый парень, его рыжая подружка, их мамаша, отец, друзья, только не было, естественно, родителей невесты. За ними медленно следовал слон с нарисованными на боках двумя обручальными кольцами.

Послышался рев мотора. Обогнав процессию, приехал Николай Гаврилов, бывший подросток из дома шестнадцать. Он привез свою невесту на мотоцикле. За мотоциклом бежала мать Гаврилова, которая была недовольна очередным браком сына, потому что после каждого развода приходилось оставлять бывшей жене одну из комнат или покупать кооператив. Из-за этого Гавриловы жили в постоянной бедности.

Если кроме Удалова и Минца (не говоря о женихах) кто-то и знал, что эти невесты вовсе не люди, а надувной синтетический товар из будущего, никто и виду не подавал.

К загсу подошла заведующая Мария Тихоновна, яркая блондинка неопределенного возраста, разговорчивая и доброжелательная.

– Ого! – воскликнула она. – У нас большой день! Полна горница людей.

Улица заполнялась народом. С обоих концов подтягивались зрители, привлеченные слухами и пересудами.

В толпе зевак Удалов увидел и президента Академии наук, переодетого цыганкой, а также двух его охранников, изображавших сенегальскую правительственную делегацию.

Значит, все же подглядывают, хоть и затаились. Впрочем, так и надо.

Мария Тихоновна сняла замок с дверей, зашла первой, остальным велела ждать в приемной, а пока заполнять анкеты.

Все расселись за столы и принялись писать.

Правда, как выяснилось, невестам пришлось придумывать фамилии, но это сделали быстро и с шутками. Только мать Гаврилова плакала. То ли от предчувствия, что скоро придется снова разменивать квартиру, то ли огорчилась тем, что молодежь придумала невесте фамилию Рабинович.

Невесты заразительно смеялись. Галочка шутила, а у обеих Эльвир шутки не получались, и они смеялись просто так.

Кого-то послали за шампанским, кто-то спохватился, что нет цветов. Цветы нарвали в саду у Савичей, за что заплатили крикливой Ванде в долларах и взяли ее в свидетельницы.

В помещение загса набилось человек тридцать.

Подошел торжественный момент, когда анкеты сданы, взносы уплачены, в зале наступает момент тишины и даже перешептывания смолкают.

Три пары стояли перед столом регистраторши Марии Тихоновны.

– Сегодня выдающийся день в жизни Великого Гусляра, граждане, – сказала Мария Тихоновна. – Сразу три очаровательные пары подошли к моему так называемому алтарю... – тут она смутилась, потому что в наши дни шутки с религией вряд ли уместны.

По душному помещению пронеслось шуршание голосов, согласных с ней гостей и новобрачных.

– Но закон есть закон! – продолжала Мария Тихоновна. – И я попрошу брачующихся подходить ко мне по алфавиту. Первыми к столу подойдите Гаврилов с гражданкой Рабинович и их свидетели.

Мать Гаврилова продолжала тихо плакать.

Профессор Минц вытащил видеокамеру и снимал церемонию.

Камера была японская, маленькая. Точно такой же камерой снимал и президент академии в образе цыганки. Только он стоял в другой точке зала.

Слон сунул хобот в открытое окно и затрубил «Свадебный марш» Мендельсона.

Никогда еще Удалову не приходилось слышать, как трубят слоны. Все засмеялись, благодаря слона за участие в церемонии.

– По доброй ли воле вы вступаете в брак? – спросила Мария Тихоновна у Гаврилова и длинноногой красавицы.

– По доброй, – сказал Гаврилов.

– Ой, по доброй! – воскликнула красавица Рабинович. – Вы не представляете, вы просто не представляете, как он умеет меня любить!

Стало уже так душно, что хотелось скорее перейти в просторную церковь или за свадебный стол.

– Тогда я вас попрошу поставить свои подписи под этим документом, – сказала Мария Тихоновна, широко улыбаясь.

Гаврилов предоставил право сделать это своей невесте.

– А можно я сразу «Гаврилова» напишу? – спросила та.

Часы над головой Марии Тихоновны, которые занимали теперь место сменявших друг дружку портретов разных государственных деятелей прошлого, пробили час.

И тут девушка Рабинович, такая красивая и воздушная, сказала:

– Ах, мне дурно... не надо...

И на глазах она стала съеживаться, уменьшаться, но не так, как раньше, когда надувная девушка превращалась в мячик, а как-то более грустно и натуралистично – из нее словно и на самом деле выпускали воздух, оставляя лишь оболочку. А ведь нет ничего более ничтожного и прискорбного, чем оболочка красивой девушки ростом метр восемьдесят.

– Ты что, погоди! – закричал Гаврилов.

Расталкивая зрителей, Минц рванулся к девушке, но не помогал, а только снимал эту трагедию на пленку.

– Мама! – закричал Гаврилов. – Верни мне невесту! Я люблю ее!

– Не надо было выбирать девушку с такой фамилией, – ответила мама, глядя в пол. Она была человеком старых, реакционных взглядов.

Миша Стендаль, заподозрив неладное, вцепился в руку своей невесты и крикнул ей:

– Бежим отсюда!

– Куда бежать? – зарыдала невеста. – Мы с тобой жертвы гадкой политики!

И дрожащим пальчиком она показала на вторую длинноногую блондинку-невесту, которая покорно упала и превратилась в тряпочку с белыми волосами. Лишь ее туфли, купленные утром в Гусляре, да белое подвенечное платье, вытащенное из семейного шкафа, остались нетронутыми этим ужасным превращением.

Ноги бритого жениха подкосились, и он упал на колени перед своей несбывшейся женой.

«Этого и следовало ожидать, – думал Удалов. – Наверное, и Минц догадался о том, что все подарки из будущего не более как фикция. Они получили от нас то, что хотели, и не пожелали делиться с прошлым передовыми технологиями.

Исторический эгоизм, можно даже сказать – цинизм, столь свойственный любой развитой цивилизации. Но почему я, со всем моим житейским и космическим опытом, при всем моем незаурядном уме так и не смог догадаться, что же надо от нас будущему?

Мы – время неопределенности. Мы не знаем, от чего избавились и не знаем, к какому берегу пристать. Даже не исключено, что к берегу, от которого мы отплыли, нас тянет еще сильнее, чем в открытое бур-

ное море. Подкинули нам девиц – взяли девиц и стали придумывать, куда их приспособить.

Пожертвовали нам слона – взяли слона. Даже с будущим мы общаемся на авось... Так заслуживаем ли мы снисхождения... Ведь даже я, человек в принципе честный и бескорыстный, так и не удосужился проверить, что хранится в шариках и мячиках, полученных в будущем. Я откладывал это, якобы боясь, что там окажется слон или крокодил и он повредит мне мебель и обстановку, хотя никто не мешал мне выйти для испытаний во двор... На самом-то деле я боялся неожиданности. Я боялся получить девушку или женщину средних лет, в которую я влюблюсь или которая влюбится в меня, я боялся получить нечто невообразимое, что принесет нашей планете чесотку или кариес. Но почему я должен ждать чесотку от собственных внуков? Зачем они станут делать нам гадости?..

Гадостей они не сделают, но и помогать не будут. Мы, русские люди, предками только и гордимся».

Удалов задумался глубоко и, как всегда, не вовремя. Пока он витал в облаках, исчезла и Галочка. Затем из-за окна донеслись крики, и те, кто был ближе к окну и смогли выглянуть наружу, сообщили, что могучий слон превратился в серую шкуру. И ребятишки начали резать шкуру и растаскивать по домам, но тут из-за угла выскочили люди в черных чулках на рожах и унесли шкуру слона в свой танк, который таился в кустах.

«Ну что ж», – вздохнул Удалов, стараясь не слушать страшных криков и причитаний толпы. Он решил увести рыдающего Мишу Стендаля, который только что потерял смысл жизни...

Он сделал шаг к корреспонденту и даже протянул руку, но сказать ничего не успел...

– О Боже! – раздался чей-то возглас. Но возгласом не остановить неизбежности...

Миша Стендаль начал съеживаться, уменьшаться, и через несколько секунд обнаружилось, что Удалов смотрит на лежащий возле его ног костюм, рубашку, галстук... Десантники из окружения президента уже прибежали с лопатой и носилками. На эти носилки они положили тела Миши, Гаврилова и бритого жениха – из чего следует догадаться, что пока Удалов глазел на гибель Миши Стендаля, остальные женихи тоже сдулись.

– Это выше моего понимания, – сказал Удалов. – Куда выше.

Вокруг выли, кричали и ругались родственники. Требовали прокурора и намеревались жаловаться в газету.

Удалов же пробился к Минцу, который как раз закончил съемку. Он засунул камеру в сумку, что висела на плече, и пошел к президенту, отступавшему к выходу. Путь ему прокладывали могучие десантники.

А когда все они вышли на улицу, то Удалов увидел, что оболочки, шкурки людей и слона постепенно исчезли, словно испарились. И хотя президент приказал взять на анализ одежду погибших, ясно было, что он не надеется поживиться ради науки.

– Пленку отдашь? – спросил президент, когда они уже стояли на свободе под августовским, одновременно жгучим и прохладным солнцем...

– Сам сначала просмотрю, – сказал Минц.

– Только копий не снимать, – велел президент.

– Ты думаешь, что все забудется?

– И скоро, – ответил президент.

Он снял черный лохматый парик и вытер им потное лицо.

– А как же матери, – вмешался Удалов, – друзья, родственники? А ведь я поверил кладбищенскому сторожу, что они не желают нам зла...

– Никто не желает нам зла! – крикнул Минц. – Неужели ты ничего не понял?

– Я понял, что произошло убийство! – громко возразил Удалов.

– Тише, тише, – постарался успокоить друзей президент. Голос его звучал глухо, потому что он стаскивал через голову цыганскую юбку. – Трагедия – тоже понятие субъективное. Минцу кажется, что трагедии нет, а Удалову кажется, что трагедия есть. Я же как истинный ученый и государственный деятель обдумываю, как компенсировать нанесенный ущерб. То есть примирить ваши несовместимые точки зрения – трагедия была и ее не было.

– И что же ты намерен для этого сделать, Толя? – спросил Минц.

– Уехать. Ты прав, Лев, ты прав, – согласился президент, – я просто уеду отсюда.

– Значит, ты поверил мне, что заговора против нас не было? Что это попытка разрешить их собственные проблемы...

– Если они для этого могли убить наших парней, – не выдержал Удалов, – значит, они наши враги!

– Погодите, Удалов! – рассердился президент. – Дайте мне уехать.

– От ответственности?

– Минц, уведи этого маньяка!

– Уведу, если ты поклянешься мне, что никто в городе не пострадает.

– Я не буду проводить конфискаций, – усмехнулся президент. – И ты знаешь, почему.

И Удалов с горечью догадался – почему. Да потому что никаких предметов и покупок из будущего уже нет, не существует, они растворились в воздухе.

– И ты не боишься, что в нас вживили жучки, что нас отравили вирусом шпионажа? – Минц ехидно усмехался.

– Не нужны им ваши души и головы! – закричал президент.

Прокричав это, президент полез в машину.

Джип умчался к столице, к большим делам. За ним, показавшись на мгновение из тучи подсвеченной уличным фонарем пыли, вылетел танк сопровождения и скрылся в другой туче.

– С наукой покончено, – сказал Минц. – Осталась лишь человеческая трагедия. Скоро домой из загса вернется мать Гаврилова...

– Какая ужасная судьба! – сказал Удалов.

Он последовал за Минцем в кабинет. Не хотелось идти домой и отвечать на вопросы Ксении. Все равно хорошим все это уже не кончится.

– Даром ничего не дается, – сказал Минц, словно подслушав мысли Удалова.

– Нельзя быть таким жестоким, – упрекнул друга Удалов. – Дети погибли, молодые мужчины... на пороге семейного счастья.

– Да? – Минц поставил на плиту чайник. – Тогда ответь мне, что надо путешественнику во времени? Если он едет из прошлого в будущее – то достижения человеческого разума, вещи, предметы, радости жизни, которые в конце концов обернутся не радостями, а испытаниями, если вторгнутся в жалкую цивилизацию, подобную нашей. А если он отправился из будущего в прошлое?

– Я знаю, – сказал Удалов, – я думал. Им нужны естественные предметы, шелк и хлопок, янтарь и огурцы, мед и кедровые орешки – они истратили все, что есть на Земле, и теперь тоскуют.

– А тебе не кажется, что это наша вина? Что это мы истратили то, что есть на Земле, а им оставили только озоновые дыры и необходимость всюду ходить в широких шляпах и плащах, чтобы меньше подвергаться действию космических лучей.

– Ты хочешь сказать, – испугался Удалов, – что, убив юношей, они нам отомстили за погубленные леса и нивы, опороченные реки и испоганенный воздух?

– Корнелий, перестань! – отмахнулся Минц. – С какой стати внуки будут мстить дедушкам? Истреблять их, чтобы самим не родиться на свет?

– Но они же их убили!

– Обрати внимание – они не тронули ни одного женатого мужчины. Исчезли лишь холостяки.

– Ну и что?

– Ты так и не ответил на вопрос: что нужно человеку будущего от своего прадеда? Чего он не имеет?

– Не знаю!

– Им нужны молодые силы. Понимаешь, им нужны здоровые отцы для своих детей.

– Какие еще отцы?

– Сегодня наш город недосчитался шестнадцати молодых людей.

– Шестнадцать мертвецов!

– Нет, не мертвецов! Наши с тобой земляки: и Стендаль, и Гаврилов, и неизвестные нам люди – все они живы и сегодня празднуют свои свадьбы с оригиналами тех кукол, которые исчезли сегодня у нас.

– Они там? В будущем?

– Как же ты не догадался? Они получили от нашего времени то, чего были лишены из-за экологической катастрофы. Неужели ты не заметил, что в будущем нет детей?

– Я думал, что они в школе.

– Будущее – трагическое общество, и виноваты в этом мы с тобой, потому что губили Землю, а Земля отомстила человеку. Теперь пора платить по счетам. Подобно тому, как самых прекрасных греческих девушек отправляли в лабиринт к Минотавру, так и мы отправили, сами того не подозревая, своих молодых людей в будущее, чтобы они стали отцами нового и, может быть, славного поколения гуслярцев.

– Значит, провели нас на куклах?

– Это был тонкий эксперимент. Сначала они подсылали к нам копии, так чтобы молодые люди могли выбрать себе девушку по вкусу. Затем во время визита в будущее девушка уводила молодого человека в спальню. Если у них зарождалось настоящее чувство, юношу оставляли там, а нам возвращали копию девицы вместе с копией жениха.

– Значит, мы здесь женили копию на копии?

– Точно. А настоящие сейчас гуляют на свадьбе в конце двадцать первого века.

* * *

Вроде бы не стоило расстраиваться, но Удалов ушел к себе удрученный.

Ксения встретила его неласково: почему-то она решила, что Удалов замешан в похищении ее покупок из будущего. Пропеллер, кухонный комбайн – все исчезло.

Удалов, как смог, объяснил Ксении, что виноваты в том правнуки.

Ксения не до конца поверила, но ушла спать.

Дождавшись, пока он останется один, Удалов выдвинул нижний ящик Максимкиного письменного стола. Понимал, конечно, что ничего там нет и быть не может, но все же полез – обидно было, что халат отдал, а зонтика нет.

Ящик был пуст.

Удалов запустил руку вглубь. И вдруг его пальцы натолкнулись на мячик. У него захолонуло сердце. Неужели забыли? Забыли отобрать?

Но что это?

А вдруг это провокация? Удалов вышел на улицу и прошел до сквера. Не хотел, чтобы кто-нибудь увидел, какое у него сохранилось сокровище.

Там, где собирались курильщики из стоявшего неподалеку туберкулезного диспансера, он положил мячик на горку окурков и щелкнул пальцами.

Из мячика не получился ни слон, ни девушка, ни зонтик.

Там был конверт официального вида, толстый, тугой и гладкий.

Когда Удалов все прочел, он отнес бумаги из конверта Минцу, а тот сдал их президенту академии. В конверте находились документы на выплату пенсии в швейцарских франках родителям и близким всех

молодых людей, которые остались в будущем, чтобы цепь поколений человечества, вернее, той части его, что обитает в Великом Гусляре, никогда не прерывалась.

РАЗЛЮБИТЕ ЛОЖКИНА!

История, рассказанная здесь, относится к моральным неудачам профессора Минца, несмотря на то что с научной точки зрения здесь и комар носа не подточил бы. Минц о ней не вспоминает, любое поражение, даже маленькое, он попросту выбрасывает из памяти. Случилось это вскоре после переезда в Великий Гусляр известного учёного, без пяти минут лауреата Нобелевской премии Льва Христофоровича Минца. Он бежал из Москвы от забот и славы, от международных конгрессов и торжественных собраний. Он выбрал Великий Гусляр местом постоянного пребывания, потому что из этого города была родом его мама и когда-то в детстве она возила Лёвушку к родственникам. Минцу запомнилась торжественная просторная тишь этого вольного городка, синева неба и реки, покорно ждущие разрушения церкви и церквушки. Город пребывал в запустении, в немилости у области, но в этом была прелесть тихого увядания, происходившего от отсутствия какой-либо промышленности.

Минц переехал в Великий Гусляр и временно поселился в доме № 16 по Пушкинской улице. Встревоженные его появлением и полные подозрений, городские власти тут же предложили Минцу переехать в трёхкомнатную квартиру в Заречной слободе, в новом доме. Но Минц от квартиры отказался, ибо узнал, что лишает жилья очередницу с четырьмя детьми и неблагополучным мужем.

– Мне многого не надо, – сообщил Минц в гордоме. – Две комнатки на первом этаже – мечта одинокого мужчины.

Вскоре Минц завалил обе комнаты книгами, рукописями и научными журналами, которые приходили к нему со всего света. Районный почтовый проверяльщик извёлся, пытаясь разобраться в экзотических языках, и в конце концов сдался, пришёл к Минцу и попросил того переводить хотя бы названия журналов и книг – для чекистской отчётности. Что Минц и делал. Они выпивали с проверяльщиком по две кружки пива, доставать которое приходилось сотруднику органов.

Для городка от Минца была прямая выгода. Он с удовольствием решал неразрешимые задачи городского быта и пригородного сельского хозяйства. На общественных началах.

Никогда не отказывал Минц и своим соседям по дому. Но тут не всё выходило у него удачно.

Порой просьба была связана с неожиданным изобретением, которое приводило к последствиям, никем не предусмотренным. В доме к Минцу относились тепло, но настороженно. И шли к нему за помощью только в крайних случаях.

Так случилось и в тот приятный октябрьский день, когда «бабье лето» уже отпело, полоса дождей тоже миновала и установилась прохладная, с ночными заморозками, свежая и чистая погода и лишь набегавший из Сибири ветер легонько снимал с деревьев золотые листья и раскладывал их на чёрных мокрых тротуарах.

В тот день Минц долго гулял по берегу реки, размышляя о путешествии во времени, которое намеревался изобрести, хотя знал, что изобрести его невозможно. Попутно он доказал теорему Ферма, но встретил Удалова, соседа по дому, и забыл гениальное доказательство.

Беседуя о погоде и шахматах, Минц с Удаловым, в то время ещё средних лет крепким мужчиной с лысинкой, добродушно окаймлённой пшеничными кудряшками, вошли во двор дома и увидели, что за крепким столом для игры в домино томятся в ожидании партнёров Саша Грубин с Василь Васильичем.

– К нам, к нам! – позвал Василь Васильич. – Ты, Христофорыч, козла забивать умеешь?

– Не выношу вида крови, – начал было Минц, но тут же сообразил, что здешний козёл не имеет отношения к животному миру, лукаво улыбнулся и закончил фразу: – Простите, вы, очевидно, имели в виду игру?

– Да вы когда-нибудь в домино играли? – спросил Удалов.

– Сам не играл, но видел, как играют другие. И понял, что это несложно.

– Тогда сидайте!

Минц с трудом втиснул тугой живот в щель между столом и скамейкой, достал из портфеля синий козырёк на резинке и натянул на лысину, потому что эта часть двора была залита вечерним солнцем.

Минц сидел напротив Удалова и потому должен был играть вместе с ним против Грубина и Василь Васильича. Удалов был этим несколько огорчён, потому что хотя и верил в замечательные научные способности Минца, но в игре предпочитал иметь дело с надёжными партнёрами.

– Шесть к шести, а два к двум? – спросил Минц, выражая в этих словах всю сущность игры в домино.

– Это так, но в жизни всё сложнее, – заметил Грубин и рассказал Минцу о рыбе и дублях.

Минц послушно кивал козырьком. Он был заинтересован.

Разобрали кости. Началась игра. Удалов следил за Минцем во все глаза, потому что понимал – придётся всю игру брать на себя. И когда Минц на втором ходу ошибся, Удалов сказал ему не без ехидства:

– Проигравшие лезут под стол. Это вам известно, Лев Христофорович?

– Очень любопытно, – ответил учёный. – Но нам с вами это не грозит.

После четвёртого хода Минц надолго задумался. Будь на его месте кто другой, игроки бы такого мыслителя заклевали. Но Минца перебивать не посмели.

Вдруг Минц положил свои кости на стол и сказал:

– Удалов сделает рыбу находящейся у него фишкой с пятью и тремя точками.

Хоть терминологически профессор высказался неправильно, слова его произвели впечатление. Игра была ещё в самой середине, и такие предсказания делать было рано.

Удалов поглядел в свои кости. Три-пять у него была.

– Если не верите, давайте доиграем, – сказал Лев Христофорович. – Можно даже с открытыми фишками.

Когда предсказание Минца полностью подтвердилось, он встал из-за стола и сказал:

– Полагаю, что больше меня приглашать не будут. Да я и сам не хотел бы портить вам игру. Понимаете, у меня фантастическая математическая интуиция. А правила домино для человека, знакомого с теорией игр, не представляют трудностей.

Всем стало грустно, тем более что возразить Минцу было нечем. Ясно, что приглашать его более нельзя.

Минц выбрался из-за стола и выпрямился. Освещённая солнцем, его полная фигура производила странное, двойственное впечатление. С одной стороны, он казался толстым человеком. С другой – может, оттого что головка у него была маленькая, похожая на птичью, – он казался человеком худым.

Тут в ворота вошёл старик Ложкин.

Ложкин был на пенсии, но два месяца в году трудился на старом месте. Сейчас истекал первый месяц его пенсионной службы. Ложкин был помят, зол и пропитан пылью.

– И что меня понесло? – пожаловался он соседям. – Сидел бы дома, пенсия, слава богу, нормальная, никто меня за руку не тянет.

– Что у тебя случилось? – спросил Василь Васильич.

– Разучился в городском транспорте ездить в часы пик, – сказал печально Ложкин. Его гвардейские усы поникли, как у Тараса Бульбы. – Все лезут, все толкаются, все злобятся. Совершенно забывают, что я пенсионер и ветеран. На службе никакой радости по поводу моего прихода. Год меня не было, а даже никакого поздравления. Молодёжь совершенно обнаглела. Я больше скажу: приду сейчас домой, а Матрёна вместо «здравствуйте, обедать садитесь» и так далее начнёт меня пилить.

Как будто в ответ на слова Ложкина, на втором этаже распахнулось окно и высунулась голова старухи Ложкиной.

– Супостат! – воскликнула она с чувством. – Масло купил?

Ложкин готов был заплакать, и другие мужчины ему сочувствовали. А Минц настолько растрогался, что сказал уходящему старику вслед:

– Как освободитесь, зайдите ко мне. Может, что-нибудь мы с вами придумаем.

Вскоре и Минц ушёл к себе, а Василь Васильич задумчиво произнёс:

– Не стал бы я на месте Ложкина соглашаться на услуги Христофорыча. Сначала вроде бы и выгодно, а потом оборачивается другим концом.

Удалов кивнул, соглашаясь с соседом.

Вернувшийся Ложкин сел вместо Минца, и они поиграли ещё минут сорок. Потом все пошли по домам, а Ложкин к Минцу.

При виде Ложкина, несмело остановившегося у двери, Минц, который сидел за столом и читал книгу в своей обычной манере – быстро перелистывая страницы и запоминая при этом всё написанное до последней запятой, широко улыбнулся.

– Вы не боитесь последствий? – спросил Лев Христофорович.

– Я в жизни через многое прошёл, – осторожно заметил Ложкин. Он чуял приближение удачи.

– Отлично! – Из ящика стола Минц вытащил часы «Полёт» с одной стрелкой. – Наденьте и пользуйтесь!

– Разъясните! – потребовал Ложкин. Но застегнул на левой руке чёрный ремешок.

– Всё просто, – сказал Минц, которому не терпелось вернуться к чтению. – Сейчас вы надели регулятор окружающего эмоционального фона. Это вовсе не часы, но из соображений безопасности пользователя и удобства в обращении регулятор замаскирован под часы. Если вы начнёте поворачивать головку так, чтобы стрелка двигалась вперёд, то уровень положительного эмоционального фона будет расти. Если нужда в нём пропадёт, поставьте головку часов на исходную – ноль часов. И эмоциональный фон станет нейтральным.

– А я ничего не понимаю! – с вызовом заявил Ложкин. – Я слушаю вашу чепуху и ничего не понимаю.

– Объясняю для вас персонально, – сказал тогда Минц, и Ложкин почувствовал себя умственно отсталым. – Вам надоела человеческая

злоба. Вам надоело, что вас не любят. Как только вы переведёте стрелку вперёд, люди начнут лучше к вам относиться.

– Так просто?

– Так просто. Вы свободны. – Минц сел на стул и открыл книгу.

Ложкин был неглуп. Он тут же повёл стрелку направо, и вдруг Минц вскочил со стула, отбросил книжку, раскрыл объятия и воскликнул:

– Ложкин, я тебя люблю! И если ты не хочешь, чтобы я тебя целовал, а мне хочется тебя целовать, немедленно отведи стрелку назад.

Ложкин быстро отвёл стрелку назад – ему не хотелось целоваться с профессором Минцем.

– А почему так получается? – спросил Ложкин, потому что был доволен и хотел поговорить. На самом деле плевать ему было на науку.

– Внутри этих часов, – сказал Минц, отходя от Ложкина, – тончайший прибор, который сначала улавливает ваши биотоки, а затем посылает нужной длины волны в мозг окружающих людей. Идите, Ложкин, идите к людям, они вас полюбят. Но будьте осторожны. Любовь – рискованное чувство.

Ложкин ничего не ответил. Ни спасибо, ни прощай. Пока прибор ещё не проверен, нечего Минца баловать!

Он поднялся к себе. Жена вязала. Ложкин подошёл поближе и сдвинул стрелку на три часа.

– Откуда новые часы? – спросила жена. – У тебя с утра денег не было.

Ложкин двинул стрелку ещё на три часа. При таком излучении Минц уже лез целоваться.

– Я тебя спрашиваю! – прикрикнула на него жена.

– Что у тебя на обед, Матильда? – спросил Ложкин.

– Я тебе сорок лет как не Матильда, а Матрёна, – огрызнулась жена.

Или прибор никуда не годился, или у жены был сильный иммунитет против Ложкина. Пришлось подвинуть стрелку ещё на три часа.

Матрёна вздохнула и неожиданно спросила:

– Хочешь, картошечки поджарю?

Ложкин чуть не упал – такого он не слышал от Матрёны уже лет пятнадцать.

– Ты чего молчишь, дуралей? – проворчала с нежностью жена. – Сейчас, пока ты лапы моешь, я за сметанкой сбегаю.

Ложкин отмахнулся и, почти уверовав в прибор, поспешил вниз, во двор, где соседи за столом перемешивали костяшки.

Прибор стоял на девяти часах. Но Ложкин не спешил подходить к столу, хотел увеличивать этот самый фон постепенно.

Соседи не заметили Ложкина, они разговаривали между собой.

– Боюсь, – сказал Василь Васильич, – как бы Минц не навредил старику Ложкину.

– Мне даже сходить к нему хочется, – поддержал Василь Васильича Грубин, – предупредить надо Ложкина, чтобы он был осторожнее. Старикан-то хороший.

Это чтобы Грубин о нём доброе слово сказал?.. Такого быть не может. У Ложкина кольнуло в сердце.

– А что, в самом деле славный мужик, – согласился личный неприятель Ложкина Корнелий Удалов. – Я с тобой пойду, может, защищать его придётся.

– И меня не забудьте, – сказал Василь Васильич. – Хочется мне пожать мужественную руку нашего соседа.

Они как по команде встали, даже домино не подобрали. И пошли к Ложкину. Но не домой, а к кусту сирени, за которым тот стоял.

Ложкин хотел было отступить, но соседи накинулись на него с объятиями, хлопали по плечам, даже немного помяли от радости. Так что Ложкин с трудом вырвался от них и быстро ушёл со двора, надеясь испытать прибор на чужих людях. Ведь соседи в глубине души любят его, хотя обычно стесняются это показать.

Ложкин спешил по улице. Некоторые люди, попавшие в сферу действия часов, начинали его любить и кивали или кричали что-нибудь радостное. Чтобы не пожимать чужих рук, Ложкин отвёл стрелку обратно. Стало спокойнее. Любовь имела и недостатки.

На остановке стояла толпа – автобусы в Гусляре ходят редко и нерегулярно. Автобус появился набитый, и Ложкин с трудом в него

втиснулся. Все не любили друг друга и ругали правительство и городской транспорт.

Ложкин с трудом перевёл стрелку на три часа вперёд и приготовился вздохнуть с облегчением. Но ничего из этого не вышло. Вместо того чтобы дать Ложкину воздуха, пассажиры сдвинулись со всех сторон, старались его обнять, пожать ему руку, облобызать. Ложкин решил, что если его не задавят, то он задохнётся.

А в такой атмосфере трудно отвечать взаимностью на любовь. И даже становятся неприятны голоса:

– Отойдите, дайте мне поглядеть на нашего героя!

– Ах, какой он красивый, как славно сохранился!

– Пустите меня к нему, я хочу видеть этого человека!

В автобусе возникла страшная давка, Ложкин задыхался, а женщина рядом с ним упала в обморок, но, к сожалению, осталась стоять. А Ложкин, как назло, не мог никак дотянуться до часов «Полёт», чтобы отодвинуть стрелку назад.

– Умираю! – прохрипел Ложкин.

– Он умирает! – С этими словами окружающие сдвинулись ещё теснее.

Ложкин уж не помнил, как вылез из автобуса, как умудрился, несмотря на возраст, дворами уйти от толпы, и, лишь оказавшись в сквере у Параскевы Пятницы, он опомнился и вернул стрелку назад.

И вовремя, потому что из песочницы стали выскакивать малые дети и с криками: «Наш дедушка приехал!» – бежали к нему.

Отдышавшись на скамейке, Ложкин принялся рассуждать. Он уже понял, что обращаться с человеческой любовью надо осторожно. Оказывается, люди не знают предела своим чувствам, не понимают, что губят любовью невинного прохожего.

Конечно, можно возвратить прибор Минцу, но жалко. Неужели ты, умный человек Ложкин, не догадаешься, как его использовать с выгодой?

И Ложкин почти придумал, как использовать прибор, но тут его попутал бес.

В овощном магазине служит одна кассирша. Ужасно развратное существо. По крайней мере, в глазах Ложкина. Он встречал её на улицах с разными мужчинами, тогда как на Ложкина она внимания не

обращала, и это было обидно, ибо при виде её в Ложкине просыпались желания и даже страсти давно прошедших лет. Ложкин не раз пытался заигрывать с ней, но кассирша отводила карие глаза, являла старому коню свой чеканный толстогубый профиль и чёрные кудри и делала вид, что не слышит его любезностей.

И вот в тот момент, когда Ложкин уже почти придумал, как использовать прибор, он увидел, что по улице сразу за сквером идёт – видно, возвращается со службы – та самая кассирша.

Ложкин вскочил и на прямых, плохо сгибающихся ногах припустил за кассиршей. Услышав шаги, та обернулась и, видно узнав назойливого старика, презрительно поморщилась.

На улице темнело, начали зажигаться окна, вот-вот загорятся фонари, так что кассирша не заметила, как назойливый старик перевёл стрелку наручных часов и прибавил скорости.

Но тут её охватили сомнения.

А почему она убегает от этого товарища? Чем он ей неприятен? Хоть и пожилой, он тем не менее строен и вовсе не толстый. Днём она его заметила у кассы – и лицо было не лишено приятности.

Кассирша обернулась. В свете уходящего дня она поняла, что преследующий её мужчина настолько ей приятен, что стоит разглядеть его получше. Кассирша притормозила.

Ложкин, не рассчитав скорости, врезался в неё. Высокий упругий бюст принял его, как амортизатор. Всё тело кассирши охватила сладкая истома: так вот каков он, её преследователь!

Её полные губы отыскали лоб старичка и стали покрывать его жаркими поцелуями.

Редкие прохожие, видевшие эту сцену на плохо освещённой улице, с умилением кидали взгляды на целующуюся пару, уверенные в том, что наблюдают встречу дедушки и внучки после долгой разлуки.

– Оу! – рычал дедушка.

– Иди ко мне! – отвечала внучка.

И в этот момент старичок ощутил сильный удар по голове жёстким предметом. Как потом выяснилось, этим предметом была хозяйственная сумка его супруги Матрёны Тимофеевны, наполненная пакетами с солью, потому что кто-то ещё с вечера сказал ей, что скоро начнётся война и надо закупать соль.

– Ах ты! – закричала Матрёна Тимофеевна.

Испуг несчастной кассирши – жертвы дьявольского эксперимента – был так велик, что она смогла преодолеть чувство к Ложкину и убежать прочь. И, по мере того как она удалялась от часов «Полёт», в сердце её поднималась волна изумления: «И что на меня нашло? Так я скоро примусь козлов целовать!»

Как следует отдубасив своего мужа, которого давно подозревала в том, что он скрытый сексуальный маньяк, Матрёна Тимофеевна уморилась и потащила домой соль, а Ложкину приказала купить наконец масло и тут же возвращаться, если он не хочет попасть на товарищеский суд в качестве обвиняемого. И ещё добавила, что за то, что остался в живых, он должен быть благодарен чувству любви к нему, что поселилось с недавнего времени в сердце Матрёны Тимофеевны.

Ложкин побрёл в магазин, уже ненавидя Минца и всю его затею. Эта так называемая любовь пока что оборачивалась какой-то странной стороной. Ложкин уже жалел, что согласился на эксперимент. Может, в Москве или в Париже, где народу бесчисленно, с часами «Полёт» можно затеряться и использовать их анонимно. У нас же в Гусляре ты всегда на виду, тебя сразу застукают или ославят в сплетнях. Что делать? Нет ответа.

Ложкин вошёл в гастроном и, к своему ужасу, обнаружил, что перед закрытием в молочный отдел выстроилась очередь. Все беспокоились, что не успеют купить продукты до закрытия, ругались и взаимно друг друга ненавидели.

Стоя в дверях, Ложкин подумал, что, видно, наш национальный характер сформировался под влиянием вечных наших очередей. И потому основными чертами стали страх, что не хватит, и боязнь не успеть вкупе с ненавистью к тем, кто стоит впереди тебя. В этом смысле...

Ну что будешь делать? Без масла домой лучше не возвращаться. Убьют. Но и становиться в хвост очереди тоже нельзя. Не успеешь.

Так что сама судьба снова толкнула Ложкина на использование часов.

Он перевёл стрелку на три часа вперёд, и в очереди люди стали на него посматривать. Среди них были знакомые, они-то просто улыбались.

Ложкин ещё перевёл стрелку вперёд – не было времени на улыбки и сюсюканье. И смело пошёл к прилавку.

И тут очередь забыла о том, что её цель – приобрести молочные продукты. Люди кинулись к Ложкину, принялись его обнимать, лобзать и в экстазе валить на пол.

– Мне масло нужно! – кричал Ложкин. – Только масло! Идите вы все в рай!

Никто его не слушал. За исключением выбежавшей на крик и также охваченной любовью к старику-покупателю директорши Ванды Казимировны. Она принялась метать в Ложкина пачками замороженного масла, чтобы он мог отнести их домой. Пачки ударяли людей по головам, попадало и в Ложкина, он кричал и сопротивлялся, но лишь через несколько минут смог схватиться за часы. В гневе и расстройстве Ложкин перевёл стрелку куда дальше назад, чем было дозволено, – в минусовые деления.

И не сразу сообразил, что любовь к нему сменилась недоброжелательством, отвращением, а затем и ненавистью.

Люди отпрянули от отвратительного старика. Им хотелось поскорее покинуть магазин. Только подальше от этого урода!

Все забыли уже о том, что минуту назад стремились целовать его руки.

– Я его обслуживать не буду! – закричала продавщица, стараясь скрыться в подсобке.

– А вот ты, Ванда Казимировна... – сказал Ложкин, кинувший взгляд на часы и сообразивший, что же произошло. – А вот ты меня обслужишь. В порядке очереди, в которой никого, кроме меня, не осталось.

Ванда швырнула в Ложкина пачкой масла и юркнула в подсобку.

– Вот и отлично, – сказал Ложкин, оставив деньги на тарелочке в кассе, потому что был порядочным человеком. – И нужна ли нам любовь, если она выражается в хватании и обнимании?

Ложкин уже сам забыл о сладком моменте единения с кассиршей. Он думал трезво и холодно. На автобусной остановке стояла толпа. Ложкин держал стрелку в нейтральном положении. Он был спокоен, как космонавт перед взлётом в космос. Сейчас должна была подтвердиться его теория. Тогда он окажется самым умным учёным нашей планеты, куда умнее Минца.

Склоняясь набок, подошёл перегруженный автобус: желавшие вылезти на этой остановке нажимали на правый бок.

Ложкин встал на изготовку. Автобус затормозил. Люди посыпались из него.

Ложкин перевёл стрелку далеко назад и направился к двери автобуса.

Как он и ожидал, все шарахались от него, охваченные нелюбовью к старику.

– Разлюбите Ложкина! – повторял старик, подходя к дверям.

К этому времени народ уже повыскакивал наружу и, стараясь не приближаться к Ложкину, кинулся врассыпную.

Ложкин спокойно ступил в полупустой автобус. Оставшиеся в нём пассажиры ринулись в переднюю дверь. Но не успели, потому что водитель, почувствовав затылком что-то очень неприятное, захлопнул двери, дал газ и помчал машину по улице.

Ложкин спокойно стоял в одиночестве, поглядывая в окна, стараясь понять, где проезжает автобус. И, когда увидел родную улицу, перевёл стрелку в нейтральное положение. Водитель затормозил и открыл дверь. Ложкин вышел из автобуса и пошёл домой.

Когда Ложкин проходил мимо двери Минца, тот услышал, высунул лысую голову и спросил:

– Как дела? Любит ли вас народ?

– Мне не нужна любовь, – ответил Ложкин и перевёл стрелку назад так решительно, что Минц от отвращения к старику захлопнул дверь и запер её на ключ.

Из коридора донёсся удовлетворённый дьявольский смех Ложкина.

С тех пор Ложкин с часами не расстаётся. Никто его не любит, но всюду его пропускают без очереди.

ЖЕНСКОЙ ДОЛЕ ВОПРЕКИ

В девятом классе Кристину Чистову оскорбил Трофим Денисов с задней парты. При всех на большой перемене он дёрнул Кристину за толстую тугую косу и спросил:

– Ну что, крысёнок, пойдёшь со мной на танцверанду?

Кристине было больно и стыдно. Она развернулась, попыталась вырвать косу из пальцев обидчика и ткнула его кулачком в нос. Денисов отклонился, а все стали смеяться.

Этот инцидент переполнил чашу терпения Кристины и ускорил рост её самосознания.

Придя домой, она взяла тайком мамины портновские ножницы и одним движением отрезала свою косу – символ девичьей чистоты и скромности.

Мама увидела свою дочку в новом облике, когда вернулась со службы.

– Не волнуйся, мама, – сказала Кристина. – Я нашла свой путь в жизни. Отныне я стану мстительницей за все унижения и обиды, нанесённые женщинам этими... мужчинами.

– Как же ты будешь мстить? – испугалась мама.

– Я превзойду их во всех начинаниях, которые мужчины считают своими, я заставлю мужчин покорно лечь у моих ног.

– Но сила женщины в её слабости, – сказала разумная мама. – Мужчина готов лечь у ног женщины именно потому, что она слаба и беззащитна.

Но Кристина не приняла этого парадокса. Она уже вышла на тропу войны.

– В жизни женщины всегда найдётся место мужскому подвигу, – сказала она и подняла пылившиеся в углу гантели.

С того дня Кристина перестала улыбаться, перестала общаться с мальчиками иначе как на стадионе или за шахматной доской. Она вставала с петухами, бежала три километра по берегу реки, затем, независимо от температуры воды, ныряла в быстрый поток и трижды переплывала реку туда и обратно. Затем прыгала с шестом, решала шахматные задачи, включала тренажёры и на обед съедала полведра овсяной каши. Кристина не избегала стычек и потасовок, и вскоре молодые люди стали избегать её, чтобы не ходить с расквашенным носом или подбитым глазом. Но больше всех доставалось, конечно же, первому обидчику, из-за которого Кристина лишилась косы. Земля горела у него под ногами, и в результате он убежал наёмником в Приднестровье, полагая, что нет горячей точки горячее, чем вторая средняя школа города Великий Гусляр.

Разумеется, у Кристины появились поклонницы и последовательницы, и она ходила, окружённая стройными боевитыми девчатами.

В десятом классе Кристина без труда выиграла первенство города по шахматам, подводному ориентированию, боксу, поднятию гирь и карате.

Кристина получила золотую медаль за отличное окончание школы, в городе воцарился порядок, так как мужчины перестали сквернословить, не смели поднять руку на слабого, а иначе через пять минут на месте происшествия появлялся летучий отряд «кристинят», и мужчина вылетал из города, а возвратиться туда он мог только на коленях.

Кристина расцвела, она казалась старше своих семнадцати лет, она стала подумывать о спутнике жизни, но объявила родным, что согласится выйти замуж только за принца – при условии, если принц признает её в семье главной.

Программа Кристины была убедительной, но в Великом Гусляре принцев не водится, их даже в области нет.

В ожидании принца Кристина хотела бы совершить ещё несколько подвигов, но для этого в Гусляре также не было возможностей.

И тогда Кристина, оставив город на своих учениц, попрощалась с родителями и отправилась в Москву.

В автобусе она оказалась рядом с Корнелием Ивановичем Удаловым, который в детстве качал её на коленях. Удалов ехал в столицу на конгресс организации «Гринпис», которая занимается охраной экологии от людей. Так что вместе землякам пришлось пробыть более суток.

За это время Кристина немало рассказала о себе, а Удалов внимал её речам. Другому Кристина и не стала бы рассказывать о своих мечтах, но дядя Корнелий был в Гусляре исключением – он много раз летал на другие планеты, был известен в Галактике, хотя преимуществ из своей уникальной судьбы не извлёк.

Ставя себе Корнелия в пример, Кристина говорила:

– Я вижу своё ближайшее будущее как восхождение от подвига к подвигу до тех пор, пока в последнем усилии я не отыщу себе достойного спутника жизни.

– И как же ты себе это конкретно видишь?

– На моём месте сказочный богатырь сначала одолел бы Соловья-разбойника, потом победил в бою Змея Горыныча, наконец убил бы Кощея Бессмертного, чтобы освободить свою суженую. Любой из этих подвигов мне по плечу. Не хватает пустяка – нет драконов, плохо с Кощеями и Соловьями.

– Я так думаю, – сказал Удалов, когда они стояли на платформе станции Дальнебродная в ожидании московского поезда, – что даже в ископаемые времена все эти подвиги совершались в переносном смы-

сле. Иначе нам с тобой пришлось бы верить в сказки. На самом деле богатыри не гонялись за драконами, а сводили счёты между собой.

– Ой, не путайте меня, дядя Корнелий, – рассердилась красавица, – в жизни всегда найдётся место подвигу!

– Твой подвиг заключается в том, чтобы успешно поступить в институт, учиться на «отлично» и стать полезным членом общества. Полезнее, кстати, чем любой мужчина.

Пришёл поезд, они сели в один вагон и ехали в одном купе.

– Куда же мы решили поступать? – спросил Удалов, когда они проезжали Вологду.

– Есть несколько вариантов, – искренне ответила девушка. – Я ещё не решила, где труднее – на боксёрском факультете Института физкультуры, в Воздушно-десантной академии или в училище водолазов. Возможны и другие варианты.

Удалов с трудом сдержал улыбку. Он не посмел сказать Кристине, что одно дело – быть первым парнем в Гусляре, а совсем другое – попасть в первую десятку в столице России.

Утром, перед приездом в Москву, девушка проснулась свежая, бодрая, готовая к испытаниям. На каком-то полустанке она сознательно отстала от поезда и затем бежала рядом со своим вагоном шестьдесят километров до следующей станции. И почти не запыхалась.

Вернувшись в вагон и умывшись, Кристина сказала Корнелию Ивановичу:

– Кажется, я придумала сказочный подвиг, до которого не только не додумался, но и не мог додуматься ни один мужчина.

На все вопросы Удалова девушка лишь загадочно улыбалась и отмалчивалась, что, разумеется, вызывало тревогу в Удалове. Всё-таки он нёс определённую ответственность за девушку и не хотел, чтобы она погибла.

Так что Удалов решил проследить за Кристиной.

Кристина спустилась в метро, Удалов, попрощавшись с ней, тут же вошёл в соседнюю дверь. Кристина сошла на станции «Чистые пруды», Удалов последовал за ней. Несколько раз Кристина заглядывала в путеводитель и в конце концов добралась до магазина «Инструменты» на Мясницкой улице. В магазине она пробыла минут пять, что-то купила, но Удалов дежурил на другой стороне улицы и не смел приблизиться, чтобы не быть замеченным.

Затем Кристина, сверяясь с путеводителем, спустилась к Лубянке, пересекла площадь по подземному переходу, вышла на Никольскую и оттуда проследовала к ГУМу, куда, к удивлению Удалова, заходить не стала, а пошла через Красную площадь, печатая шаг по брусчатке.

Удалов следовал за ней, отстав метров на сто.

Кристина зашла за Исторический музей и там, как увидел Удалов, заняла очередь в Мавзолей Ленина, который был открыт ежедневно до тринадцати часов.

Удалов, недоумевая, зачем Кристине понадобилось побывать в Мавзолее, тогда как она ранее ничем не выказывала своих политических воззрений, встал в очередь в десяти человеках сзади.

Через полчаса они дошли до Мавзолея.

Удалов так и не придумал объяснения нелогичному поступку девушки.

Кристина влилась в Мавзолей следом за другими туристами.

Удалов, шедший сзади, мог за ней наблюдать.

Оказавшись в замкнутом низком помещении центрального склепа, Кристина неожиданно кинулась к хрустальному гробу, подсвеченному изнутри. Владимир Ильич лежал в гробу, закрыв глаза и мирно сложив на груди желтоватые руки.

Неужели Кристина решила отомстить ему как главному мужчине Страны Советов?

Не успел Удалов сообразить, что к чему, как несколькими сильными ударами молотка, купленного в «Инструментах», девушка разбила высокую крышку саркофага.

Вокруг закричали испуганные туристы.

– Всем стоять! – приказала Кристина.

Ошарашенные туристы и караул замерли.

И тогда девушка Кристина семнадцати лет, мечтавшая о сказочном подвиге, способном уничтожить мужское превосходство на планете, а также искавшая себе настоящего принца, склонилась к голове Ильича и уверенно, смачно, чувственно поцеловала мужчину, спящего вечным сном в хрустальном гробу.

И все увидели, как дрогнули ресницы Владимира Ильича, открылись его карие с прищуринкой добрые глаза и как шевельнулись его губы, произнеся:

– Это вы меня целовали, товарищ девушка?

– Я, Владимир Ильич, – ответила Кристина.

– Большое спасибо, товарищ...

– Кристина.

– Вот именно, товарищ Кристина! И долго ли я проспал?

Вокруг люди принялись хлопать в ладоши. Кричали «ура!»

Кристина остановила крики, подняв вверх руку.

– Знаете ли вы, Владимир Ильич, что отныне вы мой жених? – спросила она.

Со всех сторон надвигались люди в штатском и в белых халатах. У них в руках поблёскивало оружие.

– Этого не может быть! – кричал на Ленина бородатый профессор с гранатомётом. – Вы же умерли навсегда!

– А вот с этим мы ещё поспорим, голубчик! – возразил Ильич, садясь в гробу и опуская ноги в чёрных ботиночках. – Если вы хотели вечности, то надо было закапывать меня в землю, как человека. Теперь же мы ещё посмотрим, кто кого, господа-товарищи!

Охрана и медики хотели стрелять, но они не знали, что имеют дело с чемпионом Великого Гусляра по борьбе и карате. Раскидав противников, Кристина протянула Ильичу руку. Он крепко схватился за девушку, и она повела Ильича наружу. Толпа зрителей становилась всё гуще, и многие тянули к Ленину книжки для автографов.

Вышли на улицу.

Кристине пришлось взять Ильича на руки – он был лёгкий, почти невесомый, видно, всё внутри ссохлось, да и ходить отвык.

– К Спасским воротам! – приказал он.

Кристина пронесла его по узкой дорожке вдоль Кремлёвской стены, и Ленин сокрушённо качал головой, дивясь тому, как безжалостно обошлось время с его соратниками по борьбе – от них остались только мраморные плитки с датами жизни.

– Товарищ Кристина, – спросил Владимир Ильич, – скончалась ли моя супруга Надежда Константиновна?

– Давно уже, – ответила Кристина. – Я памятник ей видала.

У Спасских ворот Ленин попросил поставить его на ноги.

– Я должен идти сам, – сказал он. – До свидания, товарищ, спасибо за помощь.

– Но ведь я тебя разбудила поцелуем!

– По личным вопросам попрошу ко мне в четверг в приёмные часы, – отрезал Ильич.

Пошатываясь под ветром, Ленин поспешил в Кремль. Часовые у входа взяли под козырёк. Кристина опечалилась.

Удалов подошёл к ней и положил ладонь на плечо.

– Не грусти, – сказал он. – Ты совершила беспрецедентный поступок.

– Но он даже не заметил. И история человечества пойдёт дальше тем же ходом.

– А вот об этом мы узнаем в ближайшие дни, – сказал Удалов.

ВИРУСЫ НЕ ОТСТИРЫВАЮТСЯ

У профессора Минца было своеобразное чувство юмора.

В прошлом году оно спасло Землю от страшной опасности, хотя с таким же успехом могло её погубить.

Началось это невинно, на стадионе.

С недавнего времени Минц и его друг Корнелий Удалов зачастили на футбол. Начали болеть за команду «Речник» и сами посмеивались над своим увлечением, называя его старческой причудой.

Ксения эти походы не одобряла. Несмотря на солидный возраст, она продолжала ревновать Корнелия. К тому же рыбалка и грибная охота приносили дому прибыль, а стадион – разорение.

– Мы с тобой теперь на хозрасчёте, – объяснила она свою позицию мужу. – Будем жить по замкнутому циклу. Что съел – возврати в хозяйство!

Удалов был поражён такой житейской хваткой Ксении и скромно предложил:

– Давай тогда туалет на дачу перевезём.

– Зачем? – не поняла Ксения.

– Ну, не горшки же полные на автобусе возить! Если приспичило – едем на дачу.

Развить свою мысль он не успел, потому что ему пришлось, прихрамывая от радикулита, бежать прочь из дома от скалки. Впрочем, и это входило в интересы хитроумного Удалова. Он попросил политического убежища в квартире Льва Христофоровича, откуда они потом вместе отправились на стадион.

Именно там на профессора Минца, гениального изобретателя и без пяти минут лауреата Нобелевской премии, снизошло озарение.

Озарение было вызвано опустившимся на стадион туманом, который плавал над полем так, что некоторые игроки бегали по пояс в белой гуще, а от других вообще были видны только ноги.

– Куда ж он бьёт? – кричал Удалов. – Куда же он бьёт, если ворот не видно?

– Так и вратарь его не видит, – ответил разумный Саша Грубин, сидевший рядом с Корнелием. – Они равны. Но на уровне анекдота.

И тут Минц воскликнул:

– Вот так и поступим! То-то будет смешно!

Закричал он громко, но не то, что принято кричать на стадионе. Туда приходят смотреть и просто кричать, а не выступать.

Однако ругаться на Минца никто не стал, люди сидели свои, из тех, что приходят на стадион и в солнце, и в непогоду. Мест на «Речнике» было всего две тысячи, но и половины не заполнялось. Не очень-то

теперь в Великом Гусляре увлекаются футболом. То ли дело в пятидесятые годы!

На крик Минца люди обернулись, но, увидев, что это вопит лысый профессор с Пушкинской улицы, сразу отвернулись. Пусть себе вопит.

– Ты чего? – спросил Удалов.

– Нашёл решение, – просто ответил Минц.

– Отложи его в мозжечок, – посоветовал Удалов. – Футбол кончится, тогда и займёшься наукой. Каждому овощу своё время.

Тут начал накрапывать сентябрьский дождик. Зонтика у друзей не было, они растянули на троих грубинский плащ и смотрели из-под него, как с правительственной трибуны. Слава богу, дождик прибил туман, и стало видно, что происходит на поле и почему наши опять проигрывают.

После матча они медленно побрели с толпой к выходу из парка, потом, так и не опуская плаща, направились к Пушкинской, к дому № 16. Дождь припустил вовсю, и приходилось перепрыгивать через лужи. В такой обстановке не особенно поговоришь, так что дотерпели до дома, где Минц позвал друзей побаловаться чайком.

Ещё чайник не закипел, как Удалов первым спросил:

– Признавайся, Лев Христофорович, что ты на этот раз приготовил человечеству в подарок?

– Не в подарок, а в наказание! – ответил профессор и рассмеялся. – Они ещё пожалеют, что хотели устроить у нас соревнование чекистов!

– Проще, Лев Христофорович, – попросил Грубин. – А то мы, простые труженики, вас не понимаем.

– Куда уж проще! Савичей знаете?

– Ещё бы не знать!

– Они меня рассмешили. Сначала приходит ко мне Ванда и просит... знаете о чём? Просит установить на её любимом муже подслушивающее устройство.

– Это ещё зачем?

– А затем, что он, по её подозрениям, завел себе любовницу из числа продавщиц её супермаркета и даже намеревается улететь с этой продавщицей на Багамские острова.

– И в самом деле смешно, – сказал Грубин. – Савичу уже седьмой десяток.

– Возраст не помеха, мой юный друг, – ответил Минц, и Удалов не сдержал улыбки, потому что Грубину тоже было не двадцать лет.

– Так что же тебя так рассмешило? – настаивал Удалов.

– А то, что муж Ванды, Никита Савич, побывал у меня на следующий день и спросил, не могу ли я установить подслушивающее устройство на его жене.

– Неужели тоже взревновал?

– Хуже! Ему не даёт покоя её богатство. Он уверен, что она заработанные в супермаркете деньги прячет от него и транжирит, устраивая оргии. Смешно?

– Очень смешно, – согласился Удалов, но не засмеялся, и Грубин тоже смеяться не стал.

Минц вздохнул и заметил:

– Чувство юмора у вас плохо развито.

– Не в этом дело, – сказал Грубин.

– Мы их знаем практически с детства, – пояснил Удалов. – Я с Савичем в школу ходил.

– Что вы мне хотите доказать? – удивился Минц. – Что люди не меняются или что все, кто ходил с тобой в школу, застрахованы от ошибок и лишены недостатков?

Удалов не стал спорить. Спор получился бы пустым. Из класса Удалова вышел один полковник, один секретарь обкома в Томске, а двое отсидели в тюрьме. Это о чём-то говорит? Ни о чём.

– Так какая идея посетила вас на стадионе? – спросил Саша Грубин.

– Очень смешная, – признался Минц. – Чудесная идея. Я решил удовлетворить обе просьбы.

– Два магнитофона поставишь? – спросил Удалов.

– Что мы видели на стадионе? Мы видели недостаточно, – начал объяснять Минц. Он стоял перед ними, выставив живот, сплетя пальцы рук за спиной и покачивая лысой головой. – Мы видели туман и части человеческих тел. И я вспомнил, что подобная картина привиделась мне сегодня утром в этом кабинете. Я тогда работал с вирусом «Н-5», генетическим уродцем, который мне удалось выделить во время поездки к небольшому озеру Чистому в районе закрытого города Малаховка-18. В это озеро в течение последних сорока лет сбрасывали атомные отходы несколько секретных заводов и военно-исследовательских институтов. Тем не менее в этом озере смогли выжить три типа вируса «Н-5». Понятно я рассказываю, дорогие друзья?

– Непонятно, зачем ты нам это рассказываешь, – признался Удалов. – А в остальном понятно.

– Сейчас объясню. Обнаружилось, причём совершенно неожиданно для меня, что предметы, обработанные этим вирусом, в значительной степени теряют... теряют... – Минц подошёл к большому рабочему столу и принялся шарить по нему, как слепой. – Так я и думал! – воскликнул профессор, нащупав нечто невидимое и подняв это нечто двумя пальцами. – Видите?

– Нет, – ответил Грубин.

– Что и требовалось доказать! Этот платок сегодня утром был обыкновенным. Днём, когда мы уходили на стадион, он частично потерял видимость, как футболист в тумане. Сейчас же он стал совершенно невидимым.

– Не может быть! – воскликнул Удалов. – Значит, теперь разрешена загадка невидимости, над которой бились несколько тысяч лет лучшие умы планеты?

– Не так громко, мой друг, не так громко. Лучшие умы бились над чем угодно, но не над культурой вируса «Н-5», что означает «Невидимка, пятый штамм». Над ней бился ваш покорный слуга.

– Надо скорее поделиться этим открытием с человечеством!

– Зачем? – Минц приподнял левую бровь. – Зачем, коллега?

– Чтобы невидимость стала... – Удалов осёкся.

Ему в голову приходили различные способы использования невидимости в быту и общественной жизни, но были они в лучшем случае неправильными. В воображении Корнелия возник невидимый шпион, подкрадывающийся к советскому заводу, невидимый враг, переползающий границу, невидимый вор, вторгающийся в мирный дом. Но если наоборот?

– Наоборот? – прочёл мысли Удалова Минц. – Пускай наш вор ползёт в ночи и грабит дома? Пускай наш невидимый шпион или наш невидимый сержант... Так тебе думать приятнее?

– Как патриоту – приятнее, – признался Удалов. – Но как нормальному человеку – не по себе.

– Вот и я не спешу выпустить джинна из бутылки, – сказал Минц. – Надо ещё очень крепко подумать. А пока пускай у меня появятся подопытные кролики.

– Савичи?

– Савичи. По крайней мере, вреда не будет. Вместо магнитофонов предложим им шапки-невидимки.

– А они навсегда останутся невидимыми? – спросил Грубин.

– По моим расчётам, продолжительность жизни вируса на свежем воздухе трое суток. Так что Савичи и испугаться не успеют.

– За трое суток может многое произойти, – тихо промолвил Грубин.

О, как он был прав!

Но, охваченные весельем, представляя себе, в каком смешном положении окажутся подозрительные супруги Савичи, как будут они наказаны за недоверчивость, друзья Грубина не прислушались к предупреждению Кассандры.

На следующий день Минц позвонил Савичу и назначил ему встречу на двенадцать часов дня.

Тот примчался – потный, несмотря на то что день был прохладен, ветер принёс с севера холод наступающей осени, а птицы спешили к югу, летя зигзагами, чтобы не подстрелили.

– Где? – спросил он с порога. – Она опять пришла в двенадцать! И от неё пахло мужскими духами «Арамис»! Где микрофон?

Савич всё ещё работал фармацевтом, и потому у него сохранилось профессиональное обоняние.

– У меня есть для вас средство получше, Никита, – сказал Минц. – У меня есть для вас шапка-невидимка.

И он протянул Савичу пустую раскрытую ладонь.

– Шутки в сторону! – возмутился фармацевт. – Я переживаю душевный излом и не намерен подвергаться...

– Возьмите и наденьте.

В голосе Минца звучала сталь. Савич сразу поскучнел и сдался. Он протянул веснушчатую руку и неожиданно обнаружил, что его пальцы коснулись материи. Невидимой материи!

– Наденьте! – повторил Минц.

Савич расправил невидимую шапку и надел на голову. И тут же обернулся в поисках зеркала.

– Не ищите, – остановил его профессор. – Невидимость наступит через некоторое время. И тогда вы сможете всюду незаметно следовать за своей якобы неверной супругой. Но я вас в последний раз предупреждаю: слежка за близкими людьми ещё никого не доводила до добра. Лучше поговорите с женой, обнимите её, покайтесь.

– Никогда! – отрезал Савич и, забыв поблагодарить профессора, пошёл прочь.

Минц не расстроился. Он знал цену человеческой благодарности. Он лишь печально улыбнулся и начал вырезать из второй половины невидимого платка круг, а затем сшил его в виде ермолки. Он ждал клиентку.

Клиентка, то есть Ванда Казимировна Савич, директор супермаркета, прибежала, как только её магазин закрылся на обед. Она пришла не с пустыми руками – принесла две банки зелёного горошка и пачку жевательной резинки без сахара «Стиморол». И с порога сказала, что жвачка очень помогает от кариеса.

– Слушайте, Ванда Казимировна, – остановил её Минц, – я вам предлагаю средство, с помощью которого вы сможете выслеживать своего неверного мужа, не боясь опознания.

– И какое же?

– А вот наденьте эту шапочку, – Минц протянул к Ванде раскрытую пустую ладонь, – и вскоре вы станете невидимкой.

– А что? – задумалась вслух Ванда. – Это выход!

Она была куда сообразительней Савича, потому, может, и достигла в жизни больших успехов.

Не удивившись, Ванда взяла с ладони Минца невидимую ермолку, надела её на всё ещё густые и даже буйные волосы и сразу направилась к зеркалу, которое отыскала без подсказки хозяина. Она встала перед зеркалом, уперев сильные руки в крутые бока, и спросила:

– И когда это начнёт действовать?

– К вечеру, – ответил Минц.

– Отлично, – сказала Ванда. – Мой как раз намылится. А это не вредно?

– Нет. Невидимость достигается благодаря совершенно безвредному вирусу, которым обрабатывается материя, – пояснил Минц.

– Раньше про СПИД тоже думали, что это безвредный вирус, – сказала Ванда. – Сколько я вам должна, профессор?

– Мне достаточно вашей благодарности.

– Ещё лет десять назад я смогла бы вас отблагодарить, – откровенно призналась Ванда. – Сейчас мои прелести упали в цене до нулевой отметки.

В тот день Савичи возвратились домой пораньше. Каждый из них опасался, что начнёт становиться невидимым на людях. Дома они были друг с другом необыкновенно вежливы. Ванда даже приготовила суп из американского пакетика и пюре «Анкл Бэнс» с негром на этикетке.

– Ты вечером дома? – спросила она мужа за обедом.

– Не знаю, – искренне ответил Савич. – А ты?

– Тоже ещё не знаю, – откликнулась Ванда.

Пока она мыла после обеда посуду, Савич заглянул в ванную и со сладким ужасом увидел, что верхняя часть его головы, там, где располагались пегие волосы, куда-то исчезла.

Начинается.

На глазах происходило его превращение в человека-невидимку. Уже исчез лоб, вот пропадают куда-то глаза. Чем же смотреть теперь?

– Ты ещё долго будешь там сидеть? – крикнула из кухни Ванда.

– Одну минутку! – На всякий случай Савич накинул на голову полотенце и стал похож на бедуина в пустыне Сахара. Он метнулся в прихожую и оттуда неубедительно крикнул жене: – Мне надо на полчасика выйти. Я забыл в аптеке книжку.

Хлопнул дверью и кинулся вниз по лестнице. Полотенце он оставил на столике в коридоре, и оно начало постепенно исчезать: вирус пережил период адаптации и теперь принялся за работу.

Ванда пожала плечами. «Пожалуйста, – подумала она, – бегай в свою аптеку. На свидание тебе ещё рано. Ты ещё вернёшься домой надеть галстук и причесать последние пёрышки. А я пока подготовлюсь...»

Она прошла в ванную и посмотрела на себя в зеркало. Зрелище оказалось ужасным, и, не будь Ванда человеком сильной воли, она упала бы в обморок.

Оказалось, что у неё начисто отсутствует верхняя половина головы. То есть голова начиналась только с середины носа, а сквозь бывший лоб можно было увидеть заднюю стену ванной и приоткрытую дверь.

«Слава богу, – подумала Ванда, – что мой чудак убежал. Хороша бы я была с половиной головы. Он бы точно решил, что я сошла с ума, вызвал бы скорую – вот тут бы началось!»

Ванда смотрела, как постепенно линия невидимости опускается всё ниже. Вирус уже съел щёки, верхнюю губу и зубы. «А ведь даже интересно, – подумала Ванда. – Но не стоять же мне у зеркала! Посмотрю-ка я новости...»

Она уселась у телевизора и, несмотря на то что её подмывало снова вернуться в ванную, продержалась у экрана десять минут.

И только когда заметила, что лишилась рук, Ванда поспешила к большому зеркалу.

Это было бы смешно, если бы не было странно: Ванда существовала только до талии. Выше талии Ванды не оказалось. Какой молодец этот Минц! Надо будет ему сделать подарок.

Ванда зачарованно следила за постепенным своим исчезновением. И тут услышала, как в двери поворачивается ключ: вернулся Никита.

Нет, нельзя, чтобы он увидел её ноги без туловища!

Ванда выбежала из ванной, на цыпочках промчалась на кухню и зашла за стол, так, что теперь её ноги от двери не были видны. Ванде показалось, что Никита уже возится в коридоре. Сейчас он войдёт.

Но Савич не вошёл.

Вроде кто-то вошёл, но Савича не было.

Ванда кинула взгляд вниз. На полу стояли только её туфли, а ног уже не было. Сняв туфли, она осторожно вышла в коридор. Там никого не было, хотя казалось, что кто-то дышит.

Как ни странно, ни в тот момент, ни впоследствии Ванда не подумала о том, что Никита тоже может стать невидимым. И Савичу не пришло в голову, что его жена тоже бегала к профессору.

Ванда испугалась, что в доме кто-то есть, тогда как там никого не было видно. В одних чулках она выскочила наружу и только там вздохнула с облегчением. Она решила, что добежит до аптеки, там или по дороге домой перехватит мужа и начнёт за ним следить.

Тем временем Савич, который, как можно догадаться, стал невидимым на несколько минут раньше Ванды и вернулся в таком виде домой, жены не застал и несколько встревожился. Неужели эта интриганка воспользовалась его отсутствием и убежала по своим развратным делам?

Савич опять вышел на улицу, размышляя, кому из приятельниц или приятелей жена решила нанести визит. Но был так занят своими подозрениями, что не заметил исчезновения столика в прихожей, на который недавно положил полотенце.

Невидимый Никита Савич пошёл по улице, разыскивая супругу.

Невидимая Ванда Савич шла к аптеке, разыскивая своего неверного мужа.

В аптеке Савича не оказалось. И Ванда вдруг подумала, что очень забавно подходить к людям, подслушивать их тихие разговоры, следить, как они встречаются и расстаются. И хоть она не нашла Савича, но вскоре настолько увлеклась исследованиями человеческих характеров, что забыла о муже. Вершиной её приключений было выслеживание собственной заместительницы Раиски, которая побежала на свидание с Колядкиным. Ванда отправилась вслед за возлюбленными к Раиске домой и даже сидела с ними за столом, выслушивая нелестные сплетни о себе самой, но не обижаясь, так как быстро поняла, каким образом теперь возьмёт весь магазин в ежовые рукавицы – ни одна сотрудница, ни один бухгалтер не скроются от её повседневного и поминутного контроля. Даже ночью, даже в постели, даже за семью замками. Тут Колядкин возбудился и стал целовать Раиску, а потом они пошли в спальню, и, что удивительно, Ванда не испытывала никакого стыда, присутствуя при их акте любви, который она рассмотрела во всех деталях.

А Савич тем временем носился по знакомым Ванды. Это оказалось удивительно интересно, поскольку знакомые не подозревали, что на-

ходятся под пристальным наблюдением. На это ушло часа три. Ванду Савич не нашёл, он был удивлён и встревожен тем, что ни в одном из подозрительных мест, ни с одним из подозреваемых лиц он свою жену не застал. Кого только и за чем только он не застал! А Ванды не было.

Так что часам к девяти он собрался домой.

Усталый, раздосадованный, он плёлся по улице.

А с другой стороны к дому приближалась Ванда.

Они сошлись возле своего дома. Дом был собственный, ещё крепкий, в три окна на улицу, с палисадником и сараем.

Никита шёл с юга, Ванда шла с севера. У дома они и должны были встретиться.

Но тут Никита увидел, что на месте их дома ничего нет.

И Ванда, приблизившись с другой стороны, пришла к такому же заключению.

Разумеется, Савич не вспомнил, что он положил заражённое вирусом полотенце на столик в прихожей.

Он лишь кинулся к дому – в ужасе оттого, что дом сгорел или украден подобно автомобилю, но, налетев на забор, вскрикнул от неожиданности и боли.

Ванда, которая стояла рядом и в ужасе глядела на яму, которая образовалась на месте дома, услышала крик мужа и спросила:

– Это ты, Никита?

И тот ответил:

– Да, кажется, это я.

Через полчаса возмущённые супруги были у профессора Минца.

Они метались по кабинету, сталкивались, отчего на пол падала лабораторная посуда, книги и даже опрокидывалась мебель.

– Что вы с нами сделали?! – кричал Никита. – Кто вас просил лишать нас жилища?

– Не для того мой покойный папа возводил наш дом, чтобы вы его разрушили! – поддерживала мужа Ванда.

Отступивший в угол Минц забыл простую истину: супруги могут злиться, ругаться, даже убивать друг друга, но как только они видят общего врага, они обязательно объединяются и уничтожают противника совместно. Это биологический закон Вселенной.

– Ничего с вашим домом не случилось, – пытался защищаться Минц. – Он в норме.

– Его ваш вирус сожрал!

Возмущённые крики разносились по всему дому, и вскоре, открыв дверь без спроса, в профессорском кабинете появился Удалов.

– А чего плохого? – сказал он. – Невидимые хозяева невидимого дома! Сюжет для небольшого романа.

На это последовал взрыв негодования, но Удалов не смутился.

– Никита, Ванда, – обратился он к супругам-невидимкам, – к сожалению, я в курсе дела. Вы хотели друг другу насолить, вы проявляли недостойную подозрительность. Вы наказаны за ваши собственные грехи, и радуйтесь, что наказание такое мягкое.

– Вот именно, – сказал Минц, но из угла не вышел.

– А если это навсегда? – спросила Ванда.

– О нет! – воскликнул Лев Христофорович. – Клянусь вам, мною проведено множество опытов. Вирус погибает на открытом воздухе на третьи сутки.

На этом бой завершился. Удалов принёс большую миску вермишели, чтобы покормить невидимок. Странно было смотреть, как пропадает из миски еда, как двигаются в воздухе вилки. Корнелий вначале думал, что будет видеть, как вермишель спускается по пищеводам, но ничего подобного – она исчезала уже во рту: вирус набрал силу и научился действовать быстро и энергично. Он был в расцвете своих вирусных сил.

После ужина Ванда решила пойти в ванную. Она, конечно, верила Минцу, но сомнения её не оставляли, как не оставляла и надежда. В ванной она разделась и принялась отчаянно стирать платье. От такой стирки кое-где платье приобрело частичную видимость, но пока Ванда отмывала своё тело, вирус восстановил утраченные позиции. И всё снова стало невидимым. И когда Ванда возвратилась в комнату к мужчинам и со слезами в голосе призналась в провале своих попыток, Минц мудро заметил:

– Вирусы не отстирываются.

Никто, конечно, и не подумал тогда, что вирус уплыл во время стирки в городскую канализацию!

С громадным трудом Удалову с профессором удалось уговорить невидимых супругов пойти домой и постараться заснуть. Савичи отказывались, пока виновник их несчастий и Корнелий не согласились проводить пострадавших до родного дома.

Прохожие, возвращавшиеся из кино или из гостей, с удивлением взирали на двух пожилых мужчин, которые, быстро шагая по улице, разговаривали на четыре голоса, причём один из голосов был женским.

Удалов понимал, что сердиться на Савичей не следует, даже если они грубят. Они живут в страхе: а вдруг это уже насовсем? А вдруг вирусы уже никогда не отстираются? Ты идёшь рядом с супругом, которого любил или терпел последние сорок лет, а его на самом деле нет, только голос доносится чёрт знает откуда. Ты спешишь домой, но не уверен, что на самом деле дом существует. Быть невидимым в видимом мире – ещё полдела. А попробуйте побыть невидимым в мире невидимых вещей!

Савич по голосу отыскал жену, провёл пальцами по её плечу и схватил за руку. Так они и шли, взявшись за руки, словно испуганные дети. Профессор с Удаловым об этом не догадывались.

Когда дошли до исчезнувшего дома Савичей, оказалось, что положение куда хуже, чем час назад. Не только дома не было, не существовало более и окружающей растительности, а на месте участка зияла чёрная пропасть, до дна которой не мог достать жалкий свет уличных фонарей. Невидимость подбиралась к соседнему дому, где в освещённых окнах виднелись люди, собравшиеся ужинать. Боковой стены дома уже не существовало, только жильцы, сидевшие за столом, об этом пока не догадывались.

Удалов подавил готовый вырваться крик ужаса, но Ванда такого крика подавить не смогла.

– Пошли, – позвал её Минц. – Не бойтесь. Всё это лишь видимость. Перед вами твёрдая земля, впереди – ваш родной дом. Вперёд без страха и упрёка.

– Нет! – отказалась Ванда.

– Как только мы войдём внутрь, всё станет нормальным, – уговаривал Минц. Он отыскал её в полутьме и подталкивал в широкую горячую спину. Даже странно, что такая горячая спина могла быть невидима! Ванда не расставалась с мужем и тащила его за руку. Удалов замыкал шествие.

Труднее всего дались первые шаги. Корнелий подумал, что путешествие над пропастью подобно ходьбе по стеклянному полу на высоте трёх этажей. Надо привыкнуть, главное – не смотреть под ноги.

И всё же он не выдержал и закрыл глаза. Наверное, все закрыли глаза, потому что одновременно ахнули, ударившись о забор.

После этого стало полегче. Теперь руки ощущали. Теперь ноги чувствовали под собой дорожку, теперь уже пальцы сами отыскали невидимый ключ в невидимом кармане, сунули его в невидимую скважину и толкнули, отперев, невидимую дверь. Дверь реалистически заскрипела.

Когда Савичи вошли в дом, где тесно и приятно сдвинулись стены, где можно было расставить локти в коридоре и ощутить обои, стало легче.

– Ложитесь спать пораньше, – посоветовал Минц. – И поговорите наконец откровенно. Ведь вы бы не попали в дурацкое положение, если бы не стремились выслеживать друг друга.

– Как так? – воскликнула Ванда.

– Как так? – ахнул Савич.

Только сейчас они догадались, как глупо себя вели.

– Ах, прости меня... – произнёс Савич.

– Извинения потом. Нам с Корнелием пора уходить. Ложитесь спать и обменяйтесь впечатлениями.

– Что вы такое говорите? – вдруг обиделась Ванда. – Не хотите же вы, чтобы я стала раздеваться на глазах у всего города!

– Город вас не видит, и ему вообще не до вас! – сказал Минц. – Спокойной ночи!

Они с Удаловым ощупью покинули дом и ощупью вышли через калитку.

– Но вы уверены, что это пройдёт? – крикнула вслед Ванда.

– Послезавтра, – пообещал Минц.

– А нельзя ли пораньше?

– Мы с вами подняли руку на Природу, – ответил Минц. – Это дело не выносит суеты.

Ванда растерялась и замолчала.

Минц потянул Удалова прочь от чёрного провала, который был полон перепуганных голосов, так как невидимость сожрала уже половину соседнего дома и жильцы его, спохватившись, старались выяснить, что же происходит.

Минц и Удалов быстро пошли по улице.

– Я не мог говорить при них, – сказал Минц. – Но я крайне встревожен.

– А я просто напуган, – признался Удалов.

– Не сегодня-завтра наш Гусляр может исчезнуть!

– Люди не готовы, начнётся паника, будут жертвы.

– Не паникуй, Корнелий. Сейчас придём ко мне, сядем и всё обсудим.

К сожалению, сделать этого им не удалось. По очень банальной для Великого Гусляра причине: когда они подошли к дому № 16 по Пушкинской улице, то обнаружили, что дома № 16 нет, а на его месте зияет глубокий провал, захвативший также соседние дома. Более того, Удалов даже не был уверен, куда двигаться, чтобы нащупывать свой дом, на месте которого находилось лишь туманное зарево. Это вначале смутило, хотя потом Корнелий сообразил: ведь оттого, что мир стал невидимым, лампы гореть не перестали.

Минц с Удаловым стояли посреди улицы.

– Там моя семья, – обречённо сказал Удалов. – Они ушибиться могут.

– Тогда надо действовать! – принял решение Минц.

Удалов открыл рот, чтобы выслушать внимательнее, что же предложит Минц, какое противоядие он отыщет, но тут с ужасом обнаружил, что перед ним стоит не Минц, а лишь правая половина Минца – левую уже сожрал вирус.

– Ты тоже, – грустно произнёс Удалов.

– Не отвлекайся на мелочи, – сказал Минц. – Надо бежать на радио – объяснить народу.

Видимого Удалова пускать на радио не хотел вахтёр. Но когда появилась четверть Минца, вахтёр потерял сознание, а Удалов пробежал наверх, к диктору. Диктор тоже немного сопротивлялся. Пока не увидел осьмушку Минца. И тогда в эфир пошло спасительное предупреждение.

Сменяя друг друга, Удалов и Минц провели на радио всю ночь. Именно там был организован штаб по ликвидации последствий невидимости. Именно оттуда разлетались сигналы по всей стране, а потом, когда к утру исчез уже не только Гусляр, но и Вологда и невидимость начала подкрадываться к антиподам, то есть к австралийцам, Гусляр на несколько часов был признан столицей мира. Мира, который исчез.

Но главное не в этом.

Ни Удалов, ни Минц, ни правительство России не знали о том, что по странному, но предопределённому Природой стечению обстоятельств через сутки после первого радиосообщения: «Мы невидимы, но мы остаёмся людьми!» – к Земле приблизилась на громадной скорости эскадра Чёрных Владык с неизвестной на Земле, но немало нашкодившей в Галактике Сизой Планеты Немедленной Смерти, которая поставила себе целью уничтожить Землю как будущего лидера Освобождённой Галактики. Однако злодеи не смогли отыскать Землю.

По всем данным, по всем звёздным картам, по сведениям шпионов, Земля должна была находиться в определённом компьютерами месте. Но сколько ни вглядывались в темноту космоса капитаны Чёрных Владык, никакой Земли они не увидели. Тогда, казнив шпионов и осведомителей, сломав лживый компьютер, уничтожив весь запас спиртного и наркотиков, взбешённые негодяи взяли курс в открытый космос. Будучи в невменяемом состоянии, они влетели в Солнце и сгорели без следа, открыв дорогу миру и прогрессу в масштабах всей Вселенной.

Об этом Удалову сообщили в Галактическом центре, куда он летал года через два после описанных событий.

Савичи живут в мире и согласии. Минц не испытывает никаких угрызений совести. Он передал пробирку с вирусом в ООН, и теперь войны на Земле невозможны. Ну как могут воевать невидимые враги? На ощупь?

...НО СТРАННОЮ ЛЮБОВЬЮ

Корнелий Иванович Удалов шёл со службы домой. День был будничный, прохладный, вокруг города толпились тучи, но над Великим Гусляром ярко светило солнце. Виной тому был космический корабль зефиров, который барражировал над городом, не давая тучам наползать на него.

У продовольственного магазина «Эльдорадо» продрогший зефир из мелких покачивал детскую коляску, чтобы успокоить младенца, которого мамаша оставила на улице, уйдя за покупками. Младенец попискивал, но плакать не смел.

Удалов испугался, что зефир опрокинет коляску.

– Ты поосторожнее, – сказал он.

– Я очень стараюсь, – ответил зефир, – хотя ребёнок выведен из душевного равновесия. Но в любом случае я благодарен вам за совет и внимание, Корнелий Иванович.

«Они всех нас по именам знают. Никуда от них не денешься!» – подумал Удалов.

Свернув на Пушкинскую, он увидел ещё одного зефира, постарше, который собирал пыль и собачий помёт в пластиковый мешок.

– А где дворник? – спросил Корнелий.

– Фатима Максудовна кормит грудью своего младшенького, – ответил зефир. – Я позволил себе ей помочь.

Зефир сам уже был покрыт пылью. Работал он старательно, но неумело.

– Ты что, никогда улиц не подметал? – спросил Удалов.

– Простите, – ответил зефир, – у нас давно нет пыли.

– Ну и тоскливо, наверно, у вас.

– Почему вы так считаете?

– Во всём у вас порядок, всего вы достигли.

– Нет предела совершенству, – возразил зефир.

– И чего тогда к нам примчались?

– Мы несём совершенство во все части Галактики.

– Ну-ну, – вздохнул Удалов.

– А жаль, – сказал зефир, – что мы кое-где порой сталкиваемся с недоверием.

Удалов пошёл дальше и возле двери своего дома обогнал небольшого зефира, который тащил сумки с продуктами.

– Это ещё для кого? – спросил Удалов.

– Надо помочь, – ответил зефир, втаскивая сумки на крылечко и открывая упрямой головкой дверь. – Профессор Минц занемог. Мы встревожены.

Зефир обогнал Удалова в коридоре. Ловко открыл ноготком дверь к Минцу и, подбежав к столу, закинул туда сумки с продуктами и лекарствами.

– Ей-богу, не стоило беспокоиться, – хрипло произнёс Минц.

Он сидел в пижаме на диване. Горло было завязано полотенцем. Профессор читал журнал. Шмыгнув носом, Минц виновато сообщил Удалову:

– Простуда вульгарис. Прогноз благоприятный.

– Это ты его в магазин посылал? – спросил Удалов.

– Не совсем так, – ответил Лев Христофорович. – Один зефир забегал ко мне днём узнать, как выглядит подвенечное платье...

– Чего?

– Подвенечное платье, – повторил Минц. – Они решили сделать подарок невесте Гаврилова.

– Ну, уж это перебор! Гаврилов третий раз женится. Пускай у предыдущей жены позаимствует.

– Ты живёшь старыми ценностями, – возразил Минц. – Нынче молодёжь серьёзнее относится к атрибутике. Они решили венчаться и полагают, что память об этом событии, включая подвенечное платье, сохранится на всю жизнь.

– Значит, этот, – Удалов кивнул на зефира, – получил информацию, потом проникся сочувствием и пошёл в аптеку и в магазин?

– Разумеется, – сказал зефир. – А как бы вы поступили на моём месте, Корнелий Иванович?

– Я бы вызвал врача, – буркнул Удалов.

– Но вы же знаете, Корнелий Иванович, – в голосе зефира прозвучал лёгкий укор, – что скажет врач. А я сделаю всё то же самое, но лучше.

И тут Удалова прорвало:

– Какого чёрта?! Какого чёрта вам нужна вся эта благотворительность?

– Корнелий, – попытался остановить его Минц. – Откуда такая агрессивность?

Зефир подождал, пока в комнате поутихло, и ласково произнёс:

– Мы решили все проблемы у себя на родине и теперь несём добро на другие планеты. Мы всех любим, мы хотим счастья всем существам в Галактике.

Удалов уже не раз слышал эти слова и не мог понять: ну почему же они его так раздражают? Другое дело – был бы в них подвох. Но за последний месяц все жители Великого Гусляра убедились, что подвоха нет. Как назло – нет.

Удалов сдержанно вздохнул, наблюдая за тем, как ловко зефир, взобравшись на стул, режет на тарелке огурчики и помидоры, готовя салат для больного профессора, которому нужны витамины.

Дома у Корнелия тоже было несладко.

Ксения сидела у телевизора, один зефир занимался стиркой, а другой, незнакомый, пылесосил большую комнату.

– Ксения, – сказал Корнелий Иванович. – Ну нельзя так всё пускать на самотёк!

– Я их что, просила, что ли?

– Ты не возражала, – упрекнул Удалов.

Зефир выключил пылесос, чтобы не мешать беседе супругов, и, вскинув лысенькую головку, произнёс:

– Мы же рады помочь.

– Есть мнение, – сказал ему Удалов, – что потом вы предъявите нам счёт за услуги. Такой, что вовек не расплатиться.

– Ах, Корнелий Иванович! – Зефир сложил лапки на пузе. – Вы же взрослый, умный и опытный человек. Ну чем вы смогли бы нам заплатить?

– Сама постановка вопроса некорректна, – послышался другой голос, и, запрокинув голову, Удалов увидел третьего зефира, который, как муха, ползал по потолку, протирая его белоснежной тряпкой.

– Мы давно уже унитазы делаем из золота, – сообщил первый зефир.

– А вот некоторые говорят, – сказала невестка Удалова, вернувшаяся с занятий в речном техникуме, – что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

За невесткой, подобно африканскому невольнику, плёлся зефир, который тащил на голове куль вещей из химчистки.

– Не нагружала бы ты его так, – сказал Удалов. – Ты посмотри, он уже посинел.

– Он сам хотел, – возразила невестка.

– Я сам... – пискнул зефир и упал, придавленный поклажей.

– Меня возмущает, – сказала невестка, – как они нас морально порабощают.

Удалов с трудом поднял куль с вещами. Зефир был неподвижен, из полуоткрытого ротика вырывались приглушённые стоны.

– Этого ещё не хватало! – Ксения оторвалась от телевизора, потому что серия кончилась.

– Я сам... – прошептал зефир.

Его товарищи вынесли из комнаты уже безжизненное тело.

– Эх, нехорошо получилось, – сказал Удалов.

– Нормально, всё нормально, – ответил зефир, который держал сгинувшего собрата за ноги и потому покидал комнату последним. – Когда мы идём делать добро, мы знаем, насколько это опасный и неблагодарный труд.

– Неправда! – крикнула вслед ему Ксения. – Я каждый раз вам спасибо говорю.

Небольшой зефир протиснулся в форточку и, закрыв её за собой, радостно сообщил Ксении:

– Я достал сухую мяту!

– Иди тогда на кухню, там один из ваших обедом занимается.

– Ксения, это эксплуатация! – возмутился Удалов.

– Я только помогаю им выполнять их желания.

Удалов хлопнул дверью и побежал к профессору Минцу.

Там картина изменилась. Хотя Минц всё ещё сидел на диване, теперь перед ним стояла шахматная доска, а напротив него, с другой стороны доски, сидел немолодой зефир.

– Плохи мои дела, – сказал зефир.

– А вы не поддавайтесь мне, – ответил Минц.

– Не поддаваясь, я рискую испортить вам настроение, а в вашем физическом состоянии это недопустимо.

Удалов от двери сказал:

– Слушайте, мне всё это смертельно надоело! – И тут же отпрыгнул в сторону, потому что из коридора подкрался ещё один зефир, который принялся чистить ему ботинки.

– Все прочь! – приказал Удалов. – Вы хоть человеческий язык понимаете?

– Уходим, – ответил зефир-шахматист, и все зефиры немедленно испарились.

Удалов сбросил со стула пачку журналов, уселся и спросил Минца:

– Скажи мне, скажи, что происходит?

– Оптимальный вариант вторжения из космоса, – ответил Лев Христофорович.

– Кто же так вторгается?! – воскликнул Удалов. – Почему они нас не угнетают, не уничтожают? Почему всё происходит наперекосяк? Я о таком не читал!

– Мы настолько привыкли к тому, что наша история состоит из вторжений, уничтожений и угнетений, – ответил Минц, глядя в окошко, где всё ещё летал кругами космический корабль, – что не допускаем мысли об ином поведении и иных целях. Хотя именно об этом много лет назад талдычили советские писатели-фантасты.

– На то они и есть советские фантасты, – возразил Удалов.

– Мы вас воспитываем добрым примером! – приоткрыв дверь, крикнул изгнанный зефир.

– Вы думаете, что нам нужны добрые примеры?

– Они всем нужны.

Удалов сжал виски ладонями. Нет, это не укладывалось у него в голове. И он не был исключением. С тех пор как над Великим Гусляром появились космические корабли зефиров, многие задавались вопросом: «Зачем нам такое счастье?»

В первые дни после высадки инопланетян горожане нарадоваться не могли на гостей – и помощники, и добровольцы, и спасатели! Все помнили о том, как, сорвавшись с высокого тополя, погиб зефир, который пытался снять оттуда глупого котёнка.

– Пожалуй, – заговорил Минц, шмыгая носом и похрипывая, – им надо было брать за всё плату. Хотя бы символическую. Мы бы легче к ним привыкли. Зря они упорствуют в том, что добрые дела – цель их существования. У добра должен быть предел.

Минц имел в виду ужасную историю, случившуюся вчера. Один пенсионер, ветеран, придушил зефира, который принёс ему перед сном шлепанцы. С утра город затаился, опасаясь репрессий. Но репрессий не последовало. Руководство зефиров принесло искренние

извинения пенсионеру за то, что покойный зефир спровоцировал его на резкие действия, и подарило новый холодильник «Филипс» с доставкой на дом.

– Чувствую я, – сказал Удалов, – что надвигается роковой момент.

– Вы уверены? – спросил из коридора зефир-шахматист.

– Улетайте от нас, по-хорошему прошу, – сказал Удалов. – Не можем мы отвечать добром на добро. Не умеем. Не приучены.

– Нет, – возразил шахматист. – Мы согласны на жертвы. Но мы верим в добро.

Удалов вздохнул и вышел на улицу.

Темнело.

За столом сидели несколько соседей Удалова. Они держали в руках костяшки домино, но игру не начинали. Вокруг – на траве, в кустах, на ветках тополя – расположились зефиры-болельщики.

– Давайте, друзья, начинайте! – крикнул один из них.

– Грубин чем-пи-он! – закричал другой зефир из группы поддержки.

– Нет, я так больше не могу! – завопил Грубин и, вскочив, метнул костяшки в своих болельщиков.

– Да гнать их надо в шею! – закричал Синицкий. – Они моему внуку все уроки делают и даже на контрольных подсказывают. Школа уже достигла стопроцентной успеваемости!

И тогда могучий Погосян тоже кинул в пыль костяшки, обернулся, неожиданно подхватил под мышки двух зефиров и выбежал на середину двора. Одного за другим он швырнул их в вечернее небо, где завис космический корабль.

– И чтоб не возвращались! – крикнул Погосян им вслед.

Взлетев на небо, зефиры включили ранцевые двигатели и направились к своему кораблю.

И тут, словно поддавшись единому порыву, все жители города от мала до велика стали хватать зефиров и закидывать их в небо, приговаривая: «И чтобы не смели возвращаться!»

Через полчаса корабль зефиров полыхнул белым огнём из своих дюз и взял курс на неизвестную звезду.

...С тех пор прошло три недели.

Удалов возвращался с работы и в автобусе случайно подслушал такой разговор:

– А может, зря мы их повыкидывали? – спросил один мужчина другого. – Теперь и придраться не к кому.

– Я уж вчера своей благоверной врезал. Так, для порядка, чтобы суп не пересаливала.

– При них суп никто не пересаливал, – вздохнул первый.

Тут в разговор вмешался третий, постарше:

– Хрен с ним, с супом. А вот у меня сосед еврейской национальности, всё на скрипке играет.

– И больше не к чему придраться? – спросили его из другого конца автобуса.

– В том-то и дело, – ответил мужчина.

РАЗГОВОР С УБИЙЦЕЙ

По бескрайней степи, от самого горизонта волной несся горячий ветер. Со склона холма мне было видно, как, клонясь под ветром, трава показывает изнанку листьев, и от этого вся степь голубела.

Подчиняясь движению ветра над степью, медленно парила большая птица с когтями на концах крыльев. Порой она складывала крылья и бомбой стремилась к земле, подхватывая выброшенных ветром насекомых.

Ветер взлетел на холм, в лицо пахнуло жаром.

Птица, заметив меня, испуганно взмыла к раскаленному небу.

Я закинул за плечо забарахлившую фотокамеру и решил, что лучше займусь ее починкой вечером, на биваке. Я ведь собирался провести здесь, в верхнем кайнозое, дней восемь. Спешить мне некуда.

Вопрос, который вы можете мне задать и ответ на который у меня готов, очевиден: почему я, совершив величайшее открытие в истории человечества, осуществив путешествие во времени, отправился в столь отдаленный период истории нашей планеты? Почему меня не заинтересовали битвы седой старины или эпоха великих географических открытий? Что потянуло в дикие времена, когда разум еще не осчастливил своим появлением эти края?

Отвечаю: меня терзала извечная загадка. Как, когда и почему возник человек?

Умоляю, не надо отсылать меня к пухлым трудам изможденных наукой старцев. У них на все найдется неубедительный ответ. Они

знают все закономерности и последовательности. Позвольте же им не поверить.

А верил бы, никогда не стал бы тратить семнадцать лучших лет жизни на столь сомнительное и рискованное предприятие.

Но в тот момент все труды и сомнения были позади. Я у цели!

Я иду по широкой степи, ожидая встречи с нашим прошлым.

Но что это? Быть того не может!

...Вслед за полосой ветра ко мне приближался человек, такой маленький издали.

Он был одет странно, но просто. Сначала я увидел одежду, непривычный цвет и покрой. Только потом разглядел лицо. Лицо было тоже странным.

Оно было шире, чем у обыкновенного человека и цвет его был куда более, скажу, теплым. Такое впечатление, что вены проходили слишком близко к кожному покрову. Я попытаюсь описать цвет его глаз. Его глаза были темными, почти черными по краю радужного круга, светлели к центру, где находился маленький, как точка, совершенно черный зрачок.

Потом я взглянул на его руки.

Он раскрыл ладонь как бы приветствуя меня, и ладонь была испещрена морщинами и полосами как ладонь обезьяны, а большой палец куда больше чем у людей отстоял от четырех остальных. Мне даже показалось, что он не смог бы собрать все пальцы в щепоть.

Через плечо у этого существа висел темный мешок. Простой мешок, если не считать раструба сбоку.

– Здравствуйте! – крикнул он издали. – Как вы сюда попали?

Я подождал, пока он подойдет поближе. Снова поднялся ветер, он относил в сторону слова.

– По всему судя, вы не принадлежите нашему миру, – сказал я.

Он остановился неподалеку от меня, снял с плеча мешок и поставил его на траву.

– Естественно, – сказал он. – Я прилетел с другой звезды. А вы? Из будущего?

– Вы правы, – сказал я. – Я изобрел машину времени и потому очутился здесь. А что вас привело на нашу планету?

Следует заметить, что я, зная в принципе о том, что во Вселенной может находиться множество обитаемых миров, в глубине души ни-

когда этому не верил. Уж слишком много случайностей должно было произойти, уж слишком много объективных факторов должно соединиться, чтобы возник редкий, хрупкий и, в общем невероятный в космосе феномен – разумная жизнь.

Но это существо не было плодом моего воображения. В глазах его, выразительных и чужих, светился ум. Холодный и расчетливый.

– Я сожалею, что вы изобрели машину времени, – сказал он. – И сожалею, что встретили меня.

– Почему? – я сразу встревожился. Я понял, что он не шутит. Он искренне сожалеет.

– Я намерен, – сказал он, – изменить будущее этой планеты. И сделаю это. Никто бы не заподозрил, если бы не ваше прискорбное изобретение.

– Говорите яснее, – сказал я. – Как вы можете изменить будущее, если оно уже свершилось, чему я – доказательство?

– Это выше вашего понимания.

– Вы забываете, что я изобрел машину времени. Следовательно, я не только образован и умен, но и обладаю воображением.

– Мне это ясно, – ответил пришелец. – Иначе бы я не стал с вами разговаривать. Но дело в том, что я намерен изменить ход вашей эволюции. Вы присаживайтесь, здесь сухо.

Мы сели рядом на вершине холма. Со стороны могло бы показаться, что мы – близкие друзья. В самом деле я понимал, что вижу перед собой злейшего врага человечества.

– В этом мешке, – сказал пришелец, – семена растений, присущих нашей флоре. Я намерен рассеять их по этому району вашей планеты. Мои спутники сделают то же самое в других областях ее.

– Зачем?

– Чтобы вытеснить вашу флору.

– Но зачем же?

Пришелец поглядел на меня сверху. Даже сидя, он на голову возвышался надо мной.

– Затем, – сказал он, – чтобы спасти наш род, наше племя.

– Выражайтесь яснее, – попросил я. – Мне непонятно, зачем для спасения своего племени прилетать к нам?

– Я буду искренен с вами, хотя моя искренность вам будет неприятна. Приготовьтесь к худшему.

– Вы говорите как хирург в больнице о неудавшейся операции, – постарался улыбнуться я. Хотя улыбаться мне не хотелось.

– Удача или неудача операции зависит от точки зрения, – ответил пришелец. – Но моя цель заключается в том, чтобы пациент умер, не родившись, и потому не догадавшись, что он умирает.

– Не говорите загадками, – попросил я. Мой собеседник был мне неприятен. Груда мяса, волосы, торчащие из щек и даже из ушей, вывернутые ноздри... Господи, и ведь есть на свете какая-то самка, которая полагает его красивым и называет «моя птичка!»

– Я и не собирался говорить загадками. Мы хотим исправить историческую ошибку. Наша цивилизация, мудрая и древняя, вынуждена дорого платить за ошибки молодости и увлечения зрелости. Иными словами, наша история – это цепь трагических ошибок, что свойственно, впрочем, любой другой цивилизации. Наши леса сведены, почвы истощены, водоемы безнадежно отравлены. Мы вынуждены существовать в искусственной, химической сфере, мы лишены нормального воздуха и даже нормальных пейзажей. Есть опасность вырождения и окончательной гибели...

– Да, – вздохнул я, – подобные проблемы свойственны и для нас. Мы тоже натворили, простите...

– Теперь уже не натворите, – усмехнулся мой собеседник, раздвинув в усмешке тонкие губы. – Мы позаботимся.

– А что? Что вы намерены сделать? – страшное, неясное еще подозрение когтями схватило меня за грудь.

– Мы намерены исправить наши ошибки. Но, как вы понимаете, это невозможно сделать, не принеся ничего в жертву. Мы намерены принести в жертву вас.

– Как так?

– Мы избрали вашу планету, так как состав атмосферы, температурный режим и инсоляция здесь примерно соответствуют условиям на нашей планете. И мы решили заселить планету нашими соотечественниками.

– А мы? – глупо спросил я.

– А вас нет.

– Как так нет?

– Оглянитесь, мой друг. Можете ли вы найти здесь хоть одного разумного жителя?

– А я?

– Вы – та случайность, которая так замечательно подтверждает правило.

– Но мы потом родимся, я вам это гарантирую!

– Ничего подобного. Вы не родитесь. Мы отправились в прошлое, далекое для вас, но не столь далекое для нас. Мы прилетели на вашу планету. Мы засеем ее семенами наших растений и через несколько лет они полностью вытеснят ваши травы и кусты.

– Но зачем?

– Чтобы изменить белковый баланс. Наши растения – это пища для наших животных, наши животные станут пищей для наших предков. Мы заново выведем наш род на чистой и пустой планете. Это будут наши потомки, в то же время это будут наши улучшенные варианты.

– А как же мы?

– Господи, ну сколько же нужно повторять! Животные, которые водятся здесь, постепенно вымрут, отравившись нашими растениями. И тогда мы запустим сюда животных, а затем и людей с нашей планеты. Они будут развиваться в естественной атмосфере, они создадут здесь свою цивилизацию. А уж мы позаботимся, чтобы они не совершали ошибок, которые натворили мы сами.

– Нет, я все же не понимаю! А как же мы?

– Но вас не будет! А раз вас не будет, вы не догадаетесь, что вымерли. Так как вы вымрете до того, как появитесь на свет! На этой планете даже предков ваших не появится! Да закройте вы рот, у вас слюна изо рта капает! Стыдно так распускать слюни! Возьмите себя в руки, имейте смелость вымереть достойно!

– Но, может, вы просто так привезете своих детишек? Пускай они живут, и мы будем жить? – я произносил эти слова и понимал что несу чепуху. Тигр и трепетная лань не могут кушать манную кашу.

А собеседник мне не ответил. Он лишь пожал уродливыми плечами.

Более минуты прошло в молчании. Потом пришелец прихлопнул комара и задумчиво сказал:

– А хорошо, что ваши родственники и не родятся. Наша флора им так враждебна... Они бы вымерли и, может, в мучениях, потому что не сразу.

– А гуманизм? – спросил я.

– Гуманизм? – повторил он без издевки. – Я слышал это слово. А почему вы считаете себя более гуманными, чем мы? Мы не можем изменить биологических законов. Любой вид старается захватить и расширить свою экологическую нишу. И мы по-своему гуманны, потому что разумны. Мы никого не уничтожаем. Вы же не исчезнете. Вы просто не родитесь. Вас нет, не было и не будет.

– Моей жены не будет?

– Она – лишь плод вашего воображения.

– И дети?

– И дети.

– Что же мне делать?

– Полагаю, что лучше всего вам остаться здесь. Пока размножатся наши травы и кустарники, пока изменится воздух и вода, у вас будет время, несколько лет, чтобы пожить в свое удовольствие. Если, конечно, вам нравится ходить с дубиной и кушать лягушек.

Он издевался надо мной!

Только этой откровенной издевкой можно объяснить мой поступок.

Не отдавая себе отчета в том, что делаю, я вскочил на ноги.

– Не суетитесь, – сказал пришелец. – Я вас сильнее.

– Но я защищаю судьбу планеты!

– Защищайте. А я пока займусь распылением семян. – Он поднялся и взял мешок с семенами.

– Я вас убью! Честно предупреждаю.

– Вряд ли, – ответил пришелец. – Судя по всему, вы недостаточно агрессивны. Вы из тех, кто выходит на шумные демонстрации и думает, что демонстрации что-то меняют. Но зато вам приятно, вы как бы пережили сексуальный климакс и теперь можно спать.

– Я убью вас, – сообщил я. – Затем я отправлюсь в будущее, соберу сознательных людей, мы вернемся сюда и оторвем вам головы.

– Не получится. Встанут новые борцы. Мое место займут товарищи по борьбе.

Я лихорадочно думал, чем его убить.

Он был прав – я не склонен к насилию. Шансов победить пришельцев у меня ничтожно мало. Но разве это основание, чтобы отказываться от борьбы?

Я вспомнил, что у меня через плечо висит фотокамера, почему-то вышедшая из строя. Тем более ее не жалко.

Камера была тяжелая, с металлическими уголками.

Я поднял ее и замахнулся.

Сеятель отбежал в сторону.

– Ну-ну, – сказал он, – попрошу без шуток. Вы ведь не умеете убивать, так что с непривычки можете натворить черт знает чего.

Я был неумолим. Мною владело отчаяние. Я должен был убить разумное существо, против чего восставала вся моя натура. Я погнался за ним.

Он бросил мешок, чтобы легче убегать от меня. Я наступил на мягкую округлость мешка и даже наподдал его ногой. Потом помчался следом. Самое странное, что мы на бегу продолжали говорить.

– Вы у нас были? – кричал я. – Вы нас видели? За что вы нас убиваете? Мы, может быть, лучше вас!

– Я у вас не был! – кричал он в ответ. – И не буду. Вас не существует. Вы – исторический нонсенс. Эта планета будет принадлежать моим братьям!

– Постыдитесь! – кричал я, размахивая фотокамерой. – Мы существуем. Ищите себе пустую планету!

– Вы украли у меня мешок! – кричал он. – Эти семена мы собирали по всей планете. У нас экологический кризис.

Я почти догнал его, но тут он, забежав за скалу, скрылся. Когда я последовал за ним, то увидел, как закрывается люк в небольшом летающем блюдце. Я колотил камерой по борту его корабля, но без результата. Потом он взлетел.

Тогда я побежал обратно. Я хотел найти мешок с семенами и сжечь его. А потом нестись в будущее, в мое время, чтобы поднять всех на ноги, чтобы привести сюда с собой моих друзей и уничтожать этих пришельцев всех, до последнего, как вредных насекомых.

Но сколько их? Вроде бы он говорил что-то о бригаде сеятелей? А кто поверит мне?

Я шел по степи, в которой были разбросаны камни и старался вспомнить, где же тот пригорок, на котором пришелец оставил смертельный мешок?

Но камни были одинаковыми, пригорки схожими, трава одинаково сгибалась под настойчивыми порывами ветра.

Он бросил мешок, чтобы легче убегать от меня.

В конце концов я утомился настолько, что мечтал лишь об одном: скорее вернуться домой, отдохнуть, прийти в себя и тогда уж приняться за борьбу против такого странного и безжалостного нашествия.

К счастью, место временного прыжка было отмечено воткнутым в траву шестом с белой тряпкой. Рядом с шестом было углубление, обложенное белыми голышами. Это и есть Пункт времени.

Я вступил в центр круга и совершил необходимые действия для начала переброски.

В глазах у меня потемнело.

Я понесся через века и тысячелетия к себе домой.

Вот и мой год.

Я вышел из круга.

Я должен был оказаться в небольшом парке, который окружает мою загородную резиденцию.

Но это был не мой парк!

Я стоял на опушке леса, представлявшего собой нелепую коллекцию странных сине-зеленых растений многометровой высоты с иглами вместо листьев, между ними носились странные насекомые с прозрачными крыльями и длинными тельцами. Воздух пряно и зловеще пахнул чужими и ядовитыми ароматами, он буквально источал сладковатый запах смерти.

Если бы я не был уверен в силе своего здравого смысла, если бы я не помнил, к сожалению, разговора с сеятелем-пришельцем, я бы решил, что сошел с ума. Сейчас же я не мог утешить себя забвением или даже сумасшествием.

Безумие, спасительное безумие не было мне даровано небесами!

Но надо что-то делать.

Я пошел по краю леса, отмахиваясь от насекомых. Вместо моего дома появился берег реки, на том берегу высились строения совершенно чуждой для меня архитектуры.

По берегу в мою сторону направлялись два живых существа, происхождение которых не вызывало никаких сомнений в том, что это и есть соотечественники моего недавнего оппонента.

Они победили!

Я трагически опоздал.

Жуткий, жестокий эксперимент, поставленный несколько сотен или миллионов лет назад, удался.

Мой славный мир погиб.

Его не существует.

Нет моей жены, нет моих детей, моих друзей и моей библиотеки!

Два существа подошли ближе.

Одеты они были иначе, чем тот давешний пришелец, но те же жестокие глаза, те же странные кисти конечностей.

Мне от них не убежать. Да и стоит ли бежать?

Я не стал убегать. Куда убежишь в чужом мире?

Один из них был пониже ростом и весьма толст, другой – худой, с густой неопрятной растительностью на голове. Словно множество тонких червячков расплодились над его лбом.

При виде меня эти существа заговорили между собой. Их ротовые отверстия, окруженные отвратительного вида алыми полосками кожи, активно шевелились, но ни единого слова я не разобрал.

Ноги мои подкосились, и я устало рухнул на траву.

Мой путь завершен.

Ну почему я не догнал и не задушил того пришельца? Впрочем, сколько их там было? Сколько надо душить? Десять, сто?

– Что же будем делать? – спросил Корнелий Удалов, опуская на траву корзинку с опятами. – Судя по внешнему виду – инопланетный пришелец. От своих отбился, оголодал. Помрет, пожалуй.

– Не дай Бог, Корнелий, – воскликнул Саша Грубин. – Разве можно так говорить о гостях из космоса?

Он склонился к пришельцу, маленькому, худенькому – соломинкой перешибешь, в длинных трусах и свободной рубахе, и произнес:

– Товарищ... господин хороший, мы вам постараемся помочь. Следуйте за нами.

– Нет, не понимает, – сказал Удалов. – Давай я ему медленно скажу, на космолингве, не зря ее учил. Дорогой наш брат по разуму, вы находитесь на Земле, в Вологодской области, в городе Великий Гусляр. Вы среди друзей. Мы вас вылечим и отправим обратно.

– Наверное была катастрофа, – сказал Грубин. – И он выпал из своей тарелочки. Это бывает. Не жилец...

– Плохо одному в чужом мире, – согласился Удалов. – Надо будет его к Льву Христофоровичу вести. Пускай сделает ему анализы и накормит. А то еще отравим невзначай.

– Ты прав, Саша, – согласился Удалов. – Отдых ему требуется и диетическое питание. А пока он у нас приходит в себя, мы ему покажем наш город, а если нужно, то и в Москву свозим. Ему наверное интересно.

Они подошли к пришельцу и склонились над ним.

Они подошли ко мне вплотную.

Они подхватили меня под локти и потащили в плен.

Вернее всего, у них есть приказание уничтожить без следа любого истинного хозяина этой планеты, прежде чем он разоблачит.

Но мне все равно.

Я последний.

Я покорно иду к своей гибели...

ЛЯЛЬКИ

Когда первая лялька появилась в Великом Гусляре, сказать трудно. Но, видно, привез ее из поездки в Японию сын Савича, Аркадий, коммерсант. Ляльки, как известно, неприхотливые, он привез ее в сумке, лялька молчала, не шевелилась, словно понимала, что таможенный контроль пройти непросто.

Потом лялька пропутешествовала через пол-России и оказалась в нашем тихом городке.

Аркаша Савич вошел домой и с порога сказал:

– Индивидуальных подарков прошу не требовать. Есть один подарок на всех – надеюсь, будете довольны.

Он раскрыл «молнию» сумки, и оттуда высунулась очаровательная звериная мордочка. Впрочем, никто не скажет, что у лялек звериные мордочки. Это просто милые мордочки. Мордашки.

Все смотрели на животное, затаив дыхание. Лялька тоже рассматривала новых хозяев, потом высунула мордочку побольше, чтобы оглядеться.

– Вылезай, тут все свои, – сказал Аркаша.

И послушно, как домашний котенок, из дорожной сумки вылезла лялька.

Ляльки ростом побольше кошки, ну, скажем, с бобра, если вам приходилось видеть бобра. А скорее ее можно сравнить с лисичкой. Цвет

у ляльки золотистый, отлив шерсти атласный, глазенки голубые, как пуговицы, но живые и сообразительные. Личико, вернее мордашка, подвижная, передние лапки оканчиваются пальчиками – ручки, как у людей, но задние лапки посильнее и снабжены коготками. Рот у ляльки узкогубый, чуть загнутый в углах, так что она все время улыбается.

Обычно ляльки бегают на четырех лапках, чуть приподняв зад и поводя, как знаменем, пушистым беличьим хвостом. Но порой могут встать на задние лапки и даже ходить на них – зрелище, скажу я вам, уморительное.

Главное их качество – очарование.

Второе главное качество – неприхотливость.

Третье – привязчивость к хозяевам.

Через пять минут после прихода Аркаши с лялькой все Савичи сгрудились вокруг нее – всем хотелось ее погладить, взять на руки, потискать, почесать ей за ушком, и лялька совершенно не возражала.

– А что она ест? – спросила Ванда Казимировна.

– Что и мы, – сказал Аркаша. – В этом был великий смысл эксперимента. Неужели не читали?

Но его родители не читали. Потому что великое открытие, приведшее к появлению на свет лялек, совершилось сравнительно недавно – три года назад. И лялек тогда на свете было еще маловато. О них писали, конечно, о них говорили по телевизору. Но вы ведь знаете, сколько в мире новых игрушек и развлечений!

Хотя, конечно же, ляльки – не игрушки.

Это – живые существа, но выведенные генными инженерами в Японии.

Задача была поставлена простая: хватит нам искусственных игрушек! Создадим по-настоящему живую игрушку для детей всей планеты! Идеальное домашнее животное, которое не гадит, не капризничает, не царапает хозяйского ребенка, красивое, ласковое и общедоступное.

Конечно, опыт удался не с первого раза. Но какое великое изобретение получается сразу? Это только наивные люди думают, что увидел Ньютон, как яблоко с яблони упало, и тут же придумал закон тяготения. Ничего подобного. Ньютон просидел в том саду два года, под дождем, солнцем и даже снегом, ожидая, когда нужное яблоко упадет в нужном месте.

– Как его зовут? – спросил старший Савич. – И вообще это он или она?

– Это – лялька, – сказал Аркаша. И не потому, что ему подсказали так назвать животное, а так, изнутри поднялась волна нежности к этому созданию.

– А где она будет спать? – спросила Ванда Казимировна.

Лялька, которая, конечно же, не понимала русского языка, но была, по выражению профессора, эмфатом, почувствовала, чего от нее хотят, и резво побежала на кухню, оттуда в переднюю – там она отыскала себе место в самом укромном, непрестижном уголке, где никому не могла помешать. И хотя новые хозяева предпочли бы более удобное место, лялька настояла на своем: легла в уголке напротив вешалки, свернулась колечком – будто всю жизнь там провела. Да и прочие свои житейские проблемы лялька решила так же просто – ни одной кошке не догадаться. Пошла на кухню, остановилась, подняв мордашку, выразительно поглядела на Ванду, и той захотелось поставить там мисочку для животного. Что она и сделала. И налила туда молочка. Лялька вежливо похлебала и тут же пошла в туалет, где на глазах у всех прыгнула на унитаз, показав, что и этот человеческий обычай ей не чужд.

Так началась жизнь ляльки в доме Савичей.

Лялька поднималась первой, но хозяев не будила, а усаживалась в головах постели супругов Савичей, которых признала за главных хозяев, и ждала, пока они проявят признаки пробуждения. Тогда лялька поднимала лапку и осторожно гладила мягкими подушечками лапки руку Никиты или Ванды – кто раньше проснется.

Охваченный чувством вины Савич вскакивал с постели и торопился налить молочка в лялькину миску, а потом, уже за завтраком, делился с ней кусочком омлета, яичком или кексом. Лялька и на самом деле была неприхотлива: что ни давали, с благодарностью принимала.

Поев и справив нужду, лялька шла гулять. Благо дом Савичей – индивидуальный, за забором, по двору и палисаднику можно было гулять, не опасаясь проезжего транспорта или злых прохожих.

Лялька так забавно гонялась за насекомыми, что люди смеялись. Однажды она принесла домой мышь-полевку, и Аркаша, который упустил бразды правления в семье, сказал ляльке:

– Это не в образе, старуха.

Старуха склонила головку набок. Она старалась понять, чего же неправильного она сделала, чем вызвала упрек хозяина. Но не поняла. Оставила мышку лежать на полу и, опустив хвост, ушла. Она была сыта. А если лялька ловила птичек, то никогда не приносила их хозяевам, и, только увидев в очередной раз перышки на дворе или на подоконнике, Савичи догадывались, что у ляльки снова была удачная охота.

Избрав Ванду Казимировну любимой и главной хозяйкой, она дожидалась ее у дверей, когда та уходила в магазин, и тихо скулила, если хозяйка задерживалась. При виде Ванды лялька принималась забавно кататься по полу – четыре лапки кверху, и мурлыкала, как котенок.

В поведении ляльки многое переняла у кошек, но, конечно же, она не была кошкой: по развитию своему она где-то между кошкой и обезьянкой, но преданность хозяевам и умение очаровать даже самого ярого ненавистника животных были удивительны и вызывали умиление.

Многие приходили посмотреть на зверька, благо он был в диковинку, даже профессор Минц, большой ученый, посетил Савичей. Лялька терлась о его ноги, но на колени взбираться не стала, словно почувствовала, насколько Минц предубежден против любых близких контактов как с животными, так и с людьми.

Лялька покрутилась возле гостя – видно, надеялась на какой-нибудь вкусный гостинец, но не дождалась. Минц присаживался перед ней на корточки, заглядывал в глаза, вздыхал, но был скучен для ляльки, и она даже не пошла провожать его до двери, как обычно провожала гостей. С лялькиной удивительной памятью она знала в лицо и по запаху всех родных и знакомых своего дома, и для каждого у нее были свои ужимки или прыжки, свое мурлыканье или иной приятный звук, так что визитеров в доме Савичей прибавилось.

Так прошло месяца два, и лялька заскучала. Она стала плохо есть, забывала о своей роли украшения дома, как-то раз даже убежала на улицу, и ее отправились ловить, – правда, она сама нашла дорогу домой раньше, чем ее выловили. Когда Минц об этом узнал, он сказал: «Хорошо, что она не начала размножаться. Добро должно быть дозированным».

Как видите, даже такой крупный ученый не смог предугадать будущего.

Однажды вечером, глядя, как томится, бродит из комнаты в комнату, потягивается, нервно зевает и вздыхает лялька, Никита Савич сказал:

– Я понял.

– Что? – спросила Ванда.

– Ей нужен дружок, – сказал Никита.

При звуке этих слов лялька, которая давно уже научилась понимать человеческую речь, подняла остренькое ушко, удовлетворенно пискнула, а потом бросилась к камину, над которым на полке стояла свадебная фотография Савичей, встала на задние лапки и вытянулась что есть силы, чтобы достать концом мордашки до края фотографии.

Савичи, конечно же, посмеялись догадливости зверька и начали обсуждать проблему, как быть. Аркаша вроде бы в Японию не собирался, по почте такое ценное животное не выпишешь, в газетах объявлений не видать... И тут на счастье пришло письмо из Японии из фирмы «Мицубиси энималз». Письмо было вежливое, даже дружеское, и в нем говорилось, в частности, следующее: «... Дорогой незнакомый русский друг! Вы приобрели чудесного друга – зверька хонки, выведенного нашей фирмой. Мы не сомневаемся, что зверек вам понравился, стал членом вашего семейства, и вы испытываете к нашей фирме законную благодарность. Однако наступает день, когда все живое стремится к любви. Случилось это и с вашим любимцем. Он расстраивает вас, он не столь любезен вашему сердцу, как прежде. Поймите, это не его вина, а его беда. Зная об этой вашей проблеме, мы готовы выслать вам в особой упаковке средство для искусственного осеменения вашей хонки. Это надежное средство нашей фирмы с гарантией положительных результатов. Вы сможете сделать добрый подарок вашим близким или совершить выгодный бизнес. По получении бандероли вы должны будете заплатить небольшую сумму в 98 долларов США, а также подписать петицию о возвращении Японии островов Шикотан и Кунашир».

Письмо вызвало радость в семействе Савичей, однако проблема южнокурильских островов решилась не так быстро. В конце концов, подписала это письмо только Ванда Казимировна – во-первых, потому, что более всех любила зверька, а во-вторых, она не знала, где эти острова находятся.

Посылка была получена, зверек с жадностью проглотил таблетки и через два месяца произвел на свет четверых чудесных детенышей.

И у дома Савичей выстроилась невиданная очередь на получение ляльки. Некоторые радели о своих детях, другие хотели скрасить одиночество старости, а дальний родственник Пупыкин хотел даже создать небольшой питомник и торговать ляльками...

В тот день, когда Савичи вне себя носились по дому – одни помогая ляльке кормить малышей, другие доставая ей витамины, третьи отбиваясь от родственников, – профессор Минц призвал к себе соседа Удалова и показал ему газету «Сенсации недели», выходившую в Вологде. Его внимание привлекло сообщение из американского штата Калифорния, власти которого запретили ввоз из Японии животных хонки, известных в Штатах под именем «долли», так как они вытесняют из сердца людей всех иных живых тварей, заставляют пренебрегать заботой о собственных детях и, не исключено, нарушают экологический баланс в штате.

– Ну, нам это не грозит, – сказал Удалов. – Это как СПИД: пугают им, пугают, а эпидемии у нас не получается.

– Ох, не скажи! – вздохнул Минц.

У Родионовых, которые выпросили ляльку у Савичей, был обожаемый кот Васька. Он не полюбил ляльку, ревновал, шипел и делал вид, что хочет растерзать японского зверька, но так как уступал ему размером и резвостью, то ограничивался угрозами и попытками сожрать все из лялькиной мисочки, прежде чем она успеет к обеду.

Это было поводом для смеха и шуток в семействе, пока Васька не пропал. Вроде из дома не выходил, был осторожный, кастрированный и умудренный. А вот пропал.

Все расстроились, и тетя Шура вдруг сказала, что ей не нравится улыбка этой ляльки. Остальные, конечно, накинулись на тетю Шуру с упреками, а лялька – милая и робкая – от обиды ушла под диван и не выходила до ужина.

Обглоданные кости кота нашли под лестницей. Видно, пошел гулять да встретился с какой-то собакой...

Профессор Минц вырезал заметки о лялька. Эти заметки все чаще мелькали в газетах, хотя лялек в нашей стране было меньше, чем в капиталистически развитой Америке или в Швейцарии. И именно профессор Минц вычитал статью в «Нейчур», где с цифрами в руках

доказывалось, что, будучи идеальным домашним животным, хонки (они же долли, они же ляльки) не выносят никакой конкуренции со стороны иных животных. И потому генетически запрограммированы на их уничтожение. Фирма «Мицубиси энималз» подала на «Нейчур» в суд, но пока суд тянулся, в Великом Гусляре пропал карликовый пудель Бим, живший в одной квартире с новой лялькой. А надо сказать, что к тому времени в городе развелось десятка три лялек – третье и четвертое поколения образовались без помощи японских пилюль, то есть естественным путем.

Ну пропал пудель и пропал – однако хозяйка увидела, вставши на рассвете, что ее любимая лялька что-то копает в палисаднике, на клумбе с флоксами. Она заинтересовалась и очень удивилась, что лялька при виде ее умчалась.

В ямке, полузасыпанный, лежал обглоданный собачий скелетик. Так окончил жизнь пудель Бим...

– Этого следовало ожидать, – сказал профессор Минц и написал статью в газету «Гуслярское знамя», где объяснил, что японские ученые достигли даже лучших результатов, чем те, к которым стремились. Судя по всему, они достигли идеального «эффекта кукушки» – ради сохранения своего места в семействе, в стае, зверек лялька способен на любое преступление, ибо он не воспринимает его как преступление. Ведь кошка, нападая на гнездо малиновки, не думает, что она убийца.

Статью напечатали под странным заголовком «Берегите собак», и никто не принял ее всерьез.

Да и как примешь такую статью всерьез, если ты сидишь в кресле, перед тобой журчит телевизор, а на коленях у тебя пригрелось любимое очаровательное существо, чудо, которое позволяет тебе отдохнуть после отвратительного трудового дня и свары в автобусе?

...Это случилось в английском городке Бромли под Лондоном.

Миссис Мэри Вайкаунт беспокоилась о здоровье своего малыша, который перенес жестокую простуду. Она проводила у его постельки дни и ночи, отрываясь лишь по крайней необходимости. Жила Мэри одна, муж ее служил на Фолклендских островах.

Домашняя долли в это время линяла и на два или три дня могла стать источником аллергии. Понятно, что миссис Вайкаунт не пускала животное в детскую спаленку.

Утром в пятницу Мэри обратила внимание, что долли сердится, отказывается принимать пищу и даже скалится, чего раньше с ней никогда не случалось. А когда, проходя мимо, Мэри рассеянно хотела приласкать зверька, долли отпрыгнула в сторону, чем вызвала лишь улыбку хозяйки, не придавшей этому событию значения.

Покормив малыша, Мэри отправилась на кухню и взяла там мешок с мусором, чтобы отнести его в палисадник к урне. Отсутствовала она не более двух минут, а когда возвратилась в дом, ее насторожил неясный шум наверху. Движимая материнским инстинктом, Мэри кинулась наверх – и вовремя. Она застала свою любимицу долли, когда та, вспрыгнув на кровать, впилась острыми зубками в горло малышу.

Мэри принялась отрывать долли от жертвы, та сопротивлялась, распорола до локтей руки Мэри острыми когтями задних лап, но, когда, оторвав ее от малыша, Мэри с отвращением отбросила долли в угол, та вдруг утратила агрессивность и совсем по-человечески, виновато прикрыла лапкой мордашку и залилась неудержимым плачем.

Когда приехал домой вызванный Мэри муж, он пришел в бешенство. Он хотел немедленно отдать долли в клинику, где бы ее усыпили, но та как будто поняла, что ей грозит, легла на спину, подняв кверху лапки, и стонала от горя. Она лизала пол, пыталась целовать ноги хозяевам, а пришедший ветеринар объяснил поведение зверька ревностью, которая, оказывается, свойственна всем животным, а наиболее ласковым и привязчивым – в наибольшей степени.

Ветеринар согласился увезти с собой несчастную долли, и Мэри, хоть и была согласна с мужем, что нельзя подвергать опасности жизнь ребенка, переживала, наверное, не меньше зверька.

Ветеринар, как стало известно впоследствии из газет, не отдал животное в клинику, а, охваченный симпатией к зверьку, решил отвезти долли домой, чтобы усыпить ее там. Но чем ближе он подъезжал к дому, тем более проникался сочувствием к несчастному зверьку. Ведь долли действовала инстинктивно, она старалась сохранить любовь к себе. В конце концов, люди поступают и хуже.

Привезя долли домой, холостой ветеринар накормил ее и вместо того, чтобы усыпить, разрешил ей улечься у него в ногах, пока смотрел телевизор. Потом они с долли поужинали – долли ластилась, она была благодарна ветеринару, и тот решил оставить зверька себе.

Ночью долли устроилась в ногах ветеринара, и тому было как никогда уютно и спокойно.

Он не мог сказать, покидало ли животное свое ложе, но, когда его разбудил звонок полицейского, долли мирно посапывала в ногах.

Той ночью кто-то загрыз малыша – ребенка миссис Вайкаунт.

По следам зубов и когтей сомнений не оставалось: это могла сделать только долли. А когда ветеринар сознался в том, что не выполнил обещания и пожалел животное, все всем стало ясно.

Эта история, разумеется, попала в газеты и вызвала грандиозный шум, ибо она относится к разряду сенсаций, наиболее близких сердцу альбионца.

Разумеется, всплыли и другие случаи, – правда, они были не столь очевидны и доказуемы, как первый. Но отношение к долли изменилось, и некоторых зверьков изгнали из дома. Они были вынуждены скрываться на пустошах и в перелесках и перешли к полудикому существованию.

Кстати, фирма «Мицубиси энималз» категорически отказалась верить в агрессивность долли, или хонки, ибо таковое качество генетически в них не закладывалось. Фирма была готова компенсировать любой случай документированного нападения хонки на человека или другое животное, но документированно доказать это оказалось нелегко.

История семьи миссис Вайкаунт докатилась до Великого Гусляра, где к тому времени проживало несколько десятков очаровательных лялек. Но надо сказать, что почти все эти животные достались владельцам недешево, а любовь к ним была беспредельна. Так что лишь пара лялек, изгнанных хозяевами, попала в лес, а остальные жили как и прежде, – зачем верить этим англичанам, которые спят и видят, как бы нагадить русскому человеку?

Однажды Минц и Удалов отправились вечером погулять на набережную, а потом Минц повел Удалова в слободу, за Гуслярку. Дело было весной, ближе к лету, вечер выдался теплым. Они гуляли, обсуждали разные проблемы, потом Минц спросил:

– Тебе ничего не кажется странным?

– Ничего.

– И тишина тебя не смущает?

– Какая тишина?

– Подумай. Сейчас самое время заливаться соловьям. Соловьи – гордость гуслярского заречья. Положено котам кричать – у них еще не кончились брачные игры. Положено собакам брехать...

Удалов был умен, он сразу сообразил, куда клонит друг.

– Ты видишь связь между этими явлениями, – спросил он, – и изобилием наших любимиц – лялек? Неужели и собаки от них могут пострадать?

– Собаки... не знаю. Пока, наверное, нет. Но собаки чуют неладное, прячутся в будках – зубы наружу. Не веришь, загляни через забор – ни одна собака не носится вдоль забора, пугая прохожих.

– А коты?

– Боюсь, что котов в городе почти не осталось.

– Как же так? Неужели люди этого не заметили?

– Когда ты получаешь молодую прекрасную женщину, то, может быть, отнесешься к исчезновению жены с определенным облегчением, – произнес Минц. – По крайней мере, меньше будет уходить на питание.

– Но почему? Ведь японцы клянутся, что ляльки безобидны.

– Они безобидны, – ответил Минц, останавливаясь перед большой лужей, которая лежала посреди переулка Текстильщиков и за последние пятьдесят лет обросла по краям камышом, где таились лягушки. – Ляльки безобидны, но их функция... их и вывели для того, чтобы любить хозяина и пользоваться ответной любовью. Это – животные для любви и ради любви. Но ведь любовь – самое эгоистичное из чувств.

– Лев Христофорович! – отмахнулся Удалов. – Ну при чем тут эти лисички? Это же не люди!

– Любовь – чувство вселенское, – торжественно ответил Минц. – Если крошки ляльки любят своих хозяев, они не могут делить эту любовь с другими. И чем дальше, тем больше. Я даже допускаю, что их японские творцы не подозревали, что чувства в ляльках будут усиливаться от поколения к поколению. Полгода назад, когда в Гусляре появилась первая лялька, она была робким, нежным созданием. А сейчас в каждом третьем доме лялька правит бал, а на улицах и в садах оказались никому не нужные ляльки, которые тем не менее тянутся к человеческой любви и инстинктивно понимают, что не получают ее из-за конкурентов. Знаешь что, Корнелий? Я боюсь, что стремление генетиков создать идеальную машинку любви приведет к созданию идеальной машинки смерти.

Удалов не удержался и засмеялся.

Отозвалась, заквакав, лягушка, которая сидела на краю лужи, среди камышей. И тут же что-то блеснуло в свете фонаря, плеснула вода – лягушка не успела прыгнуть в воду, как исчезла в ротике ляльки, сразу же растворившейся в камышах.

– Что? – удивился Удалов. – Что случилось?

– Ничего особенного, очередная сцена ревности. Лялька полюбила тебя, а ты стал смотреть на лягушку.

Удалов отмахнулся, не поверив старому другу. И они пошли домой – в тишине весеннего вечера, когда даже коты молчат, а попискивают лишь противоугонные сигналы на «мерседесах» – но тут уж ляльки ни при чем.

Со всех концов света поступали тревожные сигналы.

Человечество разделилось на две части. Первая часть – владельцы лялек, бескорыстно и нежно привязанные к своим зверькам и готовые ради их сохранения на любые жертвы (их ляльки, кстати, тоже были готовы на все, чтобы сохранить привязанность любимых хозяев). Другая же часть – те, кто полагал, что от этой эпидемии любви исходит опасность для всего человечества.

Разумеется, среди населения оказались и особые группы. Например, число российских граждан, подписавших петиции за возвращение Японии южнокурильских островов, приближалось к 20% численности населения нашей державы.

Следующее тревожное сообщение пришло из Колумбии.

Наркобарон Эскобар Хуанито развел у себя на вилле шестьдесят хуаниточек, как именовали лялек в тех краях. Они ходили за ним стайкой, глядели ему в глаза и любили его куда больше, чем подчиненные. И вот однажды на виллу к Эскобару пожаловал прокурор Боготы, чтобы в спокойной обстановке вручить тому ордер на арест.

Произошел резкий обмен репликами между прокурором и Эскобаром. После чего прокурор отправился к своей машине.

Но дойти до нее не успел. Шестьдесят хуаниточек набросились на него, как стая ос, и в минуту обгрызли прокурора до белых косточек. К несчастью для хозяина виллы, полностью одобрившего действия своих крошек, сцену наблюдали шофер и охранник прокурора, которые заперлись в бронированной машине и смогли вырваться с территории виллы, только преодолев пулеметный огонь охраны.

Вечером виллу штурмовали вертолеты, всех хуаниточек захватили как вещественные доказательства, а сам наркобарон скрылся.

К утру, движимый благодарностью к любимицам, он совершил налет на прокуратуру и скрылся в лесах вместе с хуаниточками.

Банда Эскобара, к которой постепенно примыкали все новые отряды головорезов и приблудных лялек, вскоре превратилась в армию, которая претендовала на власть над Колумбией.

В Гусляре некоторые верили в эту историю, например Минц. А некоторые, как семейство Савичей, считали все это происками ляльконенавистников. Так что когда в прессе начали раздаваться голоса о том, что лялек надо ликвидировать, возмущению мирных владельцев этих крошек не было предела. Они, как говорится, готовы были лечь на рельсы.

Потребовались новые драматические события, чтобы общественное мнение мира начало склоняться к враждебной лялькам позиции.

А события были следующими (хотя их описанию Савичи тоже не верили).

В Болгарии стайка лялек, объединенная нежной любовью к воспитательнице детского сада в Пловдиве, уничтожила младшую группу детей, потому что малыши шумели и не слушались своей воспитательницы.

В Южной Корее три ляльки, принадлежащие командиру полка, сожрали экипаж танка во время учений, ибо члены экипажа нелестно отозвались о душевных качествах полковника Ким Сен Ира.

Пробравшись на американский космический корабль «Атлантис», парочка долли – любимцы астронавтов – убили штурмана Блеки Брауна, который по рассеянности занял спальное место хозяина долли первого лейтенанта Конолли.

Можно не приводить новых примеров – их были тысячи, и с каждым днем они множились. Любовь милых созданий была убийственна, как любая идеальная любовь...

И вот в начале сентября, когда уже не только подмосковные леса, но и джунгли Вьетнама кишели ляльками, не оставившими в лесах ни единого живого существа, ООН большинством голосов при шести воздержавшихся приняла решение о прекращении производства лялек (долли, хонки), а также об истреблении тех, что покуда живы.

О, какие драматические сцены разыгрывались, когда специальные международные команды проходили по домам, извлекая и увозя любимых зверьков! Не обошлось и без вооруженных схваток. Австралиец Бен Костелло держался против полиции шесть суток, и его пришлось разбомбить с вертолета.

Наконец безумно дорогая операция закончилась.

Удалов заглянул к Минцу и сказал с порога:

Так что, когда начали раздаваться в прессе голоса о том, что лялек надо ликвидировать, возмущению мирных владельцев этих крошек не было предела.

– Ну что, пошли в лес, будем слушать птиц?

– Ангел мой, – ответил Минц. – Откуда ты возьмешь птиц? Они вымерли, как динозавры.

– Разведем, – ответил Удалов.

Они пошли гулять. Всюду было тихо. Люди ходили потерянные, мрачные, обездоленные.

Гуляя, дошли до огородных участков, что тянутся вдоль леса.

Там увидели Савича. Он как раз подходил к своему участку. В одной руке он нес лопату, а в другой дорожную сумку.

– Привет, Никита, – сказал Удалов. – Тоскуешь по своей ляльке?

– Ох, тоскую! – ответил Савич и прибавил шагу.

И вдруг Удалов увидел, как сумка в его руке шевельнулась.

– Никита! – закричал Удалов вслед Савичу. – Ну что ты делаешь! Неужели ты не понимаешь, что нельзя оставлять в живых ни одной ляльки?

Никита злобно поднял лопату.

– Если донесете, – сказал этот мирный и робкий провизор, – убью на месте. Мне нужна любовь. Я получаю и дарю ее!

Минц с Удаловым не стали сражаться с Савичем. Именно тогда Минц предположил, что по крайней мере половина лялек осталась у своих хозяев, которые их умело спрятали. А это значит... ну, вы понимаете: или цивилизация, или любовь!

И Минц уселся за изготовление средства против лялек.

Каким-то образом сильно поумневшие и живущие теперь все больше по лесам ляльки прознали про грозящую им опасность, и дом № 16 трижды подвергался штурму, но, к счастью, устоял. Убили только последнего в городе, упорного, могучего, мрачного кота Василия, который на своем боевом счету имел штук двадцать лялек.

Наконец Минцу удалось создать средство от лялек.

Как всегда, ход мыслей ученого был необычным.

Он понимал, что травить лялек или истреблять их иным способом не только антигуманно, но и опасно. Исторических примеров тому в России достаточно. Вы только попробуйте раскритиковать политика, уличить его в мздоимстве и воровстве, а еще пуще – посадите его в тюрьму за то, что он ограбил приют и убил нескольких бабушек. И тут же в сердцах людей поднимется сочувствие, жалость к этому мерзавцу и острое желание избрать его губернатором.

Как только вы напустите на лялек мор, любовь к ним утроится. А к чему это приведет – неизвестно. И не исключено, что через год-два какая-нибудь лялька станет у нас президентом.

Так что Минц придумал способ безболезненный, хоть и очень обидный для ляльковладельцев.

Ему удалось создать безопасный аэрозоль, заполнивший околоземное пространство. Люди ничего не почувствовали, а ляльки почувствовали.

Отвращение к людям.

Включая любимых хозяев.

Лялька просыпалась утром, смотрела, как встает, потягиваясь, хозяин, как он спешит на кухню, чтобы подогреть молоко для возлюбленной ляльки. И вот пока он суетится, лялька вдруг испытывает приступ нелюбви к хозяину и к его домочадцам, к людям вообще. Такой сильный приступ, что кидается в форточку и несется в густой лес, в пустыню, в горы – только чтобы не видеть опостылевшие людские морды.

Это была дудочка крысолова, но как бы наоборот. Ляльки шли не за крысоловом, а бежали от него и его друзей.

Массовое бегство лялек сопровождалось трагедиями, потому что хозяева убегали в леса за своими любимцами, метались по чащобам, взбирались на лавины и кричали:

– Лялька, иди сюда! Лялечка, я тебе морковку принесла! Лялечка, Дашенька и Машенька тоскуют по тебе!

Но никакого ответа. Лишь шуршит сухая листва: это ляльки убегают все глубже в чащу – только бы их глаза на людей не смотрели!

Так завершился акт драмы, чуть не погубившей человечество.

Но за ним, как оказалось, последовал второй акт, так как фирма «Мицубиси энималз», закрытая постановлением японского правительства, сменила вывеску и выдумала новую каверзу.

И свидетельством тому – совсем новая история в нашем Великом Гусляре.

Эдик Гаврилов, недавно разошедшийся с Римкой, сидел у себя дома и думал – то ли спать пойти, то ли про Меченого Бешеного почитать. И вдруг в дверь позвонили.

Эдик доплелся до двери и увидел, что за дверью стоит девушка в темных очках, туго закутанная в платок.

– Эдуард Гаврилов здесь проживает? – спросила она.

– Это буду я, – признался Гаврилов, которому понравился низкий, с хрипотцой голос девушки.

– Холост? – спросила девушка.

– Разведен.

– Тянетесь к настоящей любви? – спросила девушка.

– А то! – сказал Гаврилов.

– Тогда вам письмо от фирмы «Мицубиси лаверс».

Письмо было написано на пишущей машинке, крупным русским шрифтом.

«Дорогой друг! – сообщалось в нем. – Мы узнали о вашей проблеме и решили помочь. Мы посылаем вам на пробу генетически выведенную идеальную любовницу и жену, добрейшее существо, вашу сексуальную мечту Галину Г. Познакомьтесь с ней, поговорите. Если понравится, оставляйте себе. А нам пришлите подписанную вами бумагу о возвращении Японии южнокурильских островов. Получение письма будем считать началом нашего доброго сотрудничества».

Пока Гаврилов, шевеля губами, читал письмо, гостья сняла черные очки, сбросила платок и скромно села на стул в углу комнаты, прикрыв ладонями коленки.

Гаврилов кинул на нее взгляд, потом посмотрел внимательно, опустился перед ней на колени и предложил руку и сердце.

– Я готова быть тебе идеальной любовницей и женой, – сказала Галина на пристойном русском языке. – Но сначала подпиши письмо.

Говорят, что в Гусляре уже появилось около сорока идеальных женщин из Японии.

Они всем хороши, но ходят слухи, что ревнивы.

ЗВЕЗДЫ ЗОВУТ!

На закате, сверкнув в косых лучах солнца, во дворе дома № 16 приземлился антрацитовый вертолет с золотым двуглавым орлом на борту – знак президентской связи.

Детишки, игравшие во дворе, разбежались по углам, но двухметровый фельдъегерь в форме с галунами заметил их и, улыбнувшись, негромко спросил:

– А ну, кто скажет мне, где проживает профессор Лев Христофорович Минц?

Он вынул из верхнего кармана шоколадную конфетку и показал ее детям. Дети наперебой закричали:

– Во второй квартире!

Фельдъегерь кивком поблагодарил детей, спрятал конфету в карман, раскрыл рыжую, давно не крашенную дверь и вошел в дом. На лестнице было темно, потому что опять перегорела лампочка, но фельдъегерь был готов к нестандартным ситуациям и включил фонарик, вмонтированный в козырек фуражки. При ярком свете он отыскал квартиру № 2.

Фельдъегерь позвонил в дверь. Никакого ответа. Он постучал в дверь кулаком в стальной перчатке. Наконец дверь распахнулась.

В проеме стоял пожилой человек. Взгляд его был гневен.

– Сколько можно повторять, – воскликнул он, – что до шестнадцати ноль-ноль я ежедневно думаю.

С этими словами он попытался закрыть дверь, но фельдъегерь успел вставить обшитый титановым сплавом острый носок сапога в щель, и профессор был вынужден сдаться и отступить.

– У меня конверт для профессора Минца Льва Христофоровича, – зайдя в комнату, сообщил фельдъегерь.

– Давайте конверт, – Минц расписался в специальной книжке, неуважительно бросил письмо на кипу журналов, но фельдъегерям не положено давать советы адресатам.

Как только дверь за фельдъегерем закрылась, профессор протянул руку за конвертом, ибо был не лишен любопытства, но тут перед его носом в воздухе столкнулись две осы, и Минц занялся подсчетами вероятности такого столкновения. Так что когда через полчаса к Минцу заглянул его сосед Корнелий Иванович Удалов, то застал профессора углубленным в подсчеты.

– Уже полшестого, – сказал Удалов. – Мы с тобой собирались сходить на выставку цветов в парке. Забыл что ли?

– Я ничего не забываю, – ответил профессор. – Через три минуты я завершу работу над новой теорией столкновений свободно летающих тел и сам буду свободен, как это самое тело.

– Зачем к тебе фельдъегерь заходил? – спросил Удалов. – От Президента, что ли?

Иному может показаться странным спокойствие, с которым обитатели дома № 16 относились к мировой славе профессора Минца. Но в этом не было притворства – Удалов, например, и сам славой не обойден, да и весь Великий Гусляр занимает не последнее место в мировых новостях.

– Давай вскрывай конверт, – сказал Минц, – может, что срочное?

Удалов сломал печать и вытащил лист бумаги.

«Глубокоуважаемый Лев Христофорович! – писал Президент Минцу. – Не откажите в любезности посетить меня в среду, часика в четыре. Заодно и пообедаем, моя жена чудесно готовит котлеты с картошкой. Если соберетесь, возьмите с собой Корнелия Ивановича. Ваш Президент».

– Надо съездить, – сказал Минц, когда Удалов кончил читать письмо. – Не отстанут ведь...

* * *

Президент был не один. В кабинете сидело несколько авиационных генералов и академиков. Удалов оробел. Хоть ему приходилось

в жизни попадать в разные ситуации, но стесняться он не перестал – в отличие от Минца, который давно уже ничему не удивлялся. Он пожал руку Президенту, поздоровался с академиками и генералами.

Некоторые академики радовались встрече с Минцем, другие завидовали ему и не скрывали неприязни. У нас редко любят гениев.

– Садитесь, – попросил Президент и сам уселся во главе длинного стола. – Разговор предстоит серьезный. Надо поговорить о дальнейших космических исследованиях.

В кабинете воцарилась тишина.

– Есть у нас кое-какие трудности, – продолжал Президент. – Поломки, неполадки, раздается зарубежная критика, иные ставят под сомнение тот факт, что мы, понимаешь, великая держава!

Эти слова вызвали возмущение среди генералов и академиков. Они принялись высказывать возмущение открыто, чтобы Президент их услышал. Президент поднял руку и произнес:

– Хватит, я все слышу, все понимаю. И думаю, что мы найдем способы. Не оскудела наша земля талантами. Есть у нас еще камни за пазухой.

Президент сделал знак референтам, тут же открылась дверь, и ввели юношу лет пятнадцати – худенького, лохматого, с серьгой в ухе, в футболке, джинсах и грязных кроссовках.

Некоторые из присутствовавших не смогли сдержать своего негодования из-за того, что наша молодежь оставляет желать.

– Погодите вы, – рассердился Президент. – В молодежь верить надо, а не подножки подставлять. Подножки подставлять – это каждый умеет. Иди сюда, Сережа, расскажи нашим корифеям, чего ты открыл и обнаружил, пока они по заграницам ездили.

Юноша оказался не таким робким, как того ожидал Корнелий Иванович.

– Объяснить, как произошло открытие, или вкратце? – спросил он у Президента.

– А если подробно, мы поймем?

– Боюсь, что пока нет, – смущенно улыбнулся Сережа. – В общем, мне удалось вычислить, что в нашей галактике есть обитаемые планеты. К сожалению, они находятся довольно далеко. Но я точно знаю их координаты, и если кто захочет, могу показать расчеты.

Всем захотелось возмутиться, но заявление Сережи было настолько неожиданным и наглым, что никто не отыскал нужных слов.

И тут, как назло, поднялся академик Кочубей, ведущий наш астрофизик, и сказал:

– Мальчик занимался в моем кружке при планетарии. Я проверял его расчеты. Ошибки нет.

Вот тогда начались споры и даже крики. Словно Президента не было в комнате. Таким сенсационным было событие.

Пошумели, покричали, потом Президент легонько стукнул ладонью по столу, стол вздрогнул, и академики и генералы вспомнили, где они находятся.

– Хочу заметить, – сказал Президент, – информация совершенно секретная, Сережу мы пока изолировали...

– Вот об этом я и хотел сказать, – вмешался Сережа. – Ну сколько можно! Если б знал, никогда бы такого открытия не делал.

– Эх, юноша, юноша, – заметил академик Беневоленский. – Поработали бы со мной при изобретении водородной бомбы, тогда бы не возмущались.

– Кстати, – добавил генерал-полковник с дьявольской бородкой, – всем присутствующим придется дать подписку о неразглашении.

– Ну это ты, понимаешь, поспешил, – остановил ретивого генерала Президент. – Это мы успеем. А знаешь почему? А вот не знаешь, раз мигаешь глазами. До нашего брата по разуму еще долететь надо. А ведь не долететь. Сколько у тебя парсеков получается?

– Шесть, – ответил юноша.

– Вот я и говорю!.. А долететь надо. Так что давайте думайте.

Академики начали допрашивать Сережу с целью его унизить в глазах Президента. Президент понимал и посмеивался. Генералы тоже стали спрашивать о военном потенциале наших братьев по разуму. Удалов же крепко задумался.

Он-то отлично знал, что галактика кишмя кишит разумными цивилизациями. Удалова не раз возили на отдаленные планеты. Но это, разумеется, тайна в пределах Великого Гусляра. Сережа до своего открытия дошел самостоятельно. А раз так – скажите, почему Президент вызвал в Москву именно Минца с Удаловым из Великого Гусляра, а не Рабиновича с Ивановым из Нижнесосенска?

Совещание продолжалось часа полтора, но решение принято не было. Даже если кто и поверил мальчишке, то предложить космическую экспедицию, чтобы утереть нос всем американцам, не мог: нет у России такой возможности.

Наконец уставший Президент поблагодарил всех участников. Когда они стали подниматься, он сказал Минцу:

– Лев Христофорович, останьтесь. И вы, Корнелий Иванович.

Ежась под злыми взглядами некоторых академиков, Удалов с Минцем остались сидеть.

– Ну, что думаете? – спросил Президент.

Профессор Минц поскреб блестящую лысину и произнес:

– Достаточно сложить два и два, чтобы получилось два в квадрате.

– Надо запомнить, – сказал Президент и записал слова профессора. – Смешной, понимаешь, парадокс.

– Вам принесли координаты иноземной цивилизации, – продолжал Минц, – и вы как государственный человек сделали вывод...

– Я сделал вывод – надо лететь! – сказал Президент.

– Это единственный способ сегодня обогнать Америку и показать всему миру, что Россия остается великой страной.

– Ну молодец, ты наш старик! – обрадовался Президент. – Продолжай!

– Но я тоже не представляю, каким образом... – начал было Минц, но тут Удалов его перебил:

– Я думаю, что речь идет о минимизации.

– Об этом неудачном опыте?

– Вот именно! – воскликнул Президент. – Зря вы это изобретение забросили, Лев Христофорович... Зато сейчас оно нам очень пригодится. Если у нас имеется отдаленная цивилизация и если у нас нет денег, чтобы отправить туда космическую экспедицию, то почему бы не уменьшить космонавтов до миниатюрных размеров, и тогда...

– Запасов воздуха и пищи надо в сто раз меньше, вес корабля в сто раз меньше – всего надо в сто раз меньше! – заявил Удалов. – Вы гений!

– О гениальности – это лишнее. У меня есть семья и другие советчики. В коллективе живу, думаем вместе. А решения приходится принимать, понимаешь, в одиночестве. Устал я, ребята. Пошли, что ли, пообедаем. Супруга ждет.

* * *

Все приборы для корабля создавали на станции юных техников и в Институте борьбы с вредными насекомыми. Мебель и прочие вещи поручено было изготовить фабрике Твердой игрушки, которую оцепили автоматчики и сотрудники ФСБ.

В Министерстве обороны об операции «Звезды зовут!» знали три человека. Зато очень многие были в курсе параллельной операции «Галактика». На полигоне в Плесецке готовили к старту настоящий космический корабль, и хоть цель полета держали в тайне, половина населения Земли знала о цели. В США эксперты категорически заявили, что российская экономика такого запуска не выдержит, а если корабль и пролетит несколько миллионов километров, то обязательно рассыплется.

Однако американские агенты и купленные ими мафиози вели поиски юноши Сережи. Но найти не могли, потому что он сдружился с академиком Минцем и уехал с ним на время подготовки экспедиции в Великий Гусляр, где жил на правах внучатого племянника и вел со Львом Христофоровичем бесконечные научные споры.

Присутствие Минца пока не требовалось. Подготовка к полету была взята под президентский контроль.

Дети в доме № 16 уже привыкли, что в семь вечера во дворе опускается черный вертолет с золотым гербом России на борту и из него выходит дюжий фельдъегерь.

Наконец уже осенью, когда трава в городском парке пожухла, а клены стали огненными, подготовка к экспедиции была завершена.

В Гусляр пришло послание от Президента: Удалову и Минцу быть в Плесецке к шести вечера. На том же фельдъегерском вертолете и вылетели.

На космодроме наших знакомых тут же провели в бункер. Там находился Президент. Нет, не инкогнито, а совершенно официально, так как только он мог помахать рукой улетающим космонавтам.

Президент сидел за простым дубовым столом, который остался в наследство от академика Королева. Справа сидел Кочубей, слева генерал с бородкой под Троцкого. Комиссия принимала доклады служб.

Когда выяснилось, что все службы свое дело сделали и корабль к полету готов, Президент отправился на пресс-конференцию.

Журналистов собралось столько, словно Президент только что взял штурмом Кремль.

В коридоре, в тот момент, когда никого рядом не было, Президент по-товарищески обнял Минца и Удалова и спросил:

– Не передумали?

– Нет, – сказал Минц.

– Средство привезли?

Минц похлопал себя по верхнему карману.

– Инкубационный период проверяли?

– И не раз, вы не волнуйтесь, – сказал Удалов. – Короткий у нас инкубационный период.

Президент поспешил на пресс-конференцию. От двери обернулся и громко прошептал:

– Вся надежда на вас, мужики! Если опозоримся, меня скинут, вас – под колесо истории, а удар по репутации России будет такой, что уже не очухаться.

– Не подведем, – заверил Удалов.

В секретной комнате они просидели минут двадцать. Работал маленький телевизор. Они видели, как Президент отбивается от журналистов. Настроение было тревожным. Ответственность – громадной.

В дверь заглянула дочь Президента, доверенное лицо.

Она сделала жест рукой. Дочь была вся в черном, на голове черный платок.

Черной монашкой она повела друзей по коридору.

Они вышли на поле. Дул холодный ветер. Удалов пожалел, что не взял плащ.

Впереди возвышалась громадная башня – космическая ракета.

Дочь Президента легко вспрыгнула на небольшую платформу, Минц с Удаловым последовали ее примеру, и тележка покатилась к кораблю.

Возле корабля было тихо.

Часовые возле башни мирно спали.

– Никто не заметит нашего прихода, – сказала дочь Президента.

Они поднялись на лифте в космический корабль, прикрепленный спереди к ракете-носителю. Ракета была большой, корабль казался маленьким.

– Папа очень на вас рассчитывает, – сказала дочь.

Минц поцеловал руку молодой женщине, а Удалов крепко пожал ее прохладные пальцы.

Минц и Удалов остались одни.

– Что ж, – сказал Удалов, – давай попрощаемся. Мало ли что может случиться?..

– Ничего не случится, – отрезал Минц. – Мои открытия абсолютно надежны.

А тем временем пресс-конференция кое-как закончилась. Президенту не удалось убедить иностранных корреспондентов, что миссия к дальней звезде завершится успешно. Оппозиционные журналисты обвинили его в безжалостном отношении к русским людям. В сознательной попытке убить космонавтов по указке западных спецслужб. Репутация страны и лично Президента была поставлена на карту.

На глазах у сотен телекамер Президент пожал руки космонавтам и пожелал им скорейшего возвращения.

Гедике Петр Матвеевич был высок ростом, у него были курчавые черные волосы и нос с горбинкой. Он отличался безумной храбростью и находчивостью. Еще пять лет назад, до окончания летного училища, он был капитаном команды «Веселых и находчивых» Московской консерватории. Петр Иванов – коренастый, светлоглазый, малоподвижный, с пшеничными волосами, которые спадали на лоб, – был слесарным гением. Он собственными руками построил действующий самолет и пытался улететь на нем в Америку. Его поймали в районе Северного полюса и вместо тюрьмы отправили в отряд космонавтов.

Весь мир глядел на то, как космонавты строевым шагом, поблескивая прозрачными круглыми шлемами, прошагали последние метры до ракеты. Петр Гедике отрапортовал лично Президенту.

– С Богом, – напутствовал Президент.

Патриарх сказал небольшую речь.

Космонавты исчезли внутри космического корабля. Весь мир затаил дыхание.

Начался отсчет времени.

* * *

Космонавты не смогли скрыть изумления, увидев в космическом корабле двух пожилых людей.

– Вы что здесь делаете! – воскликнул командир Петр Гедике. – Сейчас же покиньте корабль.

– Нет, – твердо сказал Минц. – Мы летим с вами.

– Да вы что? – возмутился Петр Иванов. – У нас каждый кусок хлеба на учете.

– Хлеба достаточно! – отрезал Удалов. Он вынул из кармана и протянул космонавту Гедике свой заграничный паспорт с открытой космической визой. Минц также дал космонавтам убедиться в том, что его документы в полном порядке.

– Отныне и до конца полета, – сказал Минц, – я буду научным руководителем экспедиции, а Корнелий Иванович – консультантом по межгалактическим вопросам.

Космонавты пребывали в растерянности, но тут вспыхнул экран телевизора, на котором обнаружилось усталое лицо Президента:

– Как Верховный Главнокомандующий я беру на себя всю ответственность за неожиданные назначения. Я подтверждаю полномочия моих представителей – Минца и Удалова. Космонавтам Гедике и Иванову предписывается во всем слушаться старших товарищей. Счастливого пути и мягкой посадки!

Экран погас.

– Вот блин! – заключил Иванов.

В ответ Минц заявил:

– Ненормативную лексику попрошу оставить при себе!

Петр Иванов надолго замолчал. Почти весь полет он старался придумать фразу без этой самой лексики, но дело продвигалось туго.

– А сейчас, – продолжал Минц, – мы с вами сделаем уколы и отправимся в полет.

– Уколы уже делали, – возразил Петр Гедике. Но его возражения не были приняты во внимание.

За двенадцать минут до старта космонавты заснули. Еще через минуту они стали уменьшаться и уменьшались до тех пор, пока Минц не положил их в спичечный коробок и не отнес в секретный носовой отсек корабля, где помещался такой же космический корабль, только в сто раз меньше настоящего.

Минц сделал уколы и себе с Удаловым. Только из другой склянки – снотворное спасителям России не требовалось.

Друзья уселись у ступенечек, что вели в маленький кораблик, и стали ждать, пока подействует зелье.

– То-то американцы утрутся, – сказал Удалов, – со всей их хваленой техникой. Им до звезд никак не добраться.

– Геополитически важно, – развил его мысль Минц, – то, что некоторые страны Восточной Европы, в первую очередь Польша, откажутся от притязаний на членство в НАТО.

– Вот именно, – согласился Удалов и стал уменьшаться.

Вместе с ним уменьшался и Минц. Так как они делали это одновременно, то уменьшение проходило незаметно, лишь отсек корабля быстро увеличивался.

– Под ложечкой щекочет, – признался Удалов.

Когда уменьшение закончилось, Минц с Удаловым быстро поднялись в миниатюрный кораблик, прикрепленный к носу корабля настоящего. Космонавты спали на полу в гигантском двуспальном гробу. Таким предстал глазам Удалова спичечный коробок.

– Как только мы их вытащим? – удивился он.

– А нам этого не надо делать.

– Как не надо?

– Увидишь, – загадочно ответил Минц и надел на нос какой-то аппаратик, смысл которого Удалов понял буквально через минуту.

Глухой и чуть взволнованный голос руководителя полетов заполнил отсек.

– Готовы ли вы к полету, друзья? – спросил он.

– Готовы! – ответил Минц голосом Гедике. Вот для чего ему понадобилась насадка на носоглотку! Великий человек велик и в мелочах. Удалову бы никогда не догадаться до такой гениальной детали.

– Помните, за вами наблюдает вся наша страна! – сказал руководитель полетов. – Весь мир. Все цивилизованное человечество. Но и наши недруги, закусив губу, не отрываются от телевизионных экранов в надежде на то, что ваш полет сорвется.

– Погоди, понимаешь, – послышался другой голос, голос Президента. – Я вам тоже скажу. Заранее приношу вам благодарность от всего народа и от меня лично.

– Начинаем отсчет последних секунд, – произнес руководитель полетов. – Двадцать... девятнадцать... восемнадцать...

Минц с Удаловым уселись в кресла и привязали себя ремнями. Только успели это сделать, как невероятная сила прижала их к креслам.

– Поехали! – сказал сакраментальное слово профессор Минц.

* * *

Когда завершился взлет и ракета исчерпала свои возможности, первая ступень отлетела и сгорела, как положено, в атмосфере. То же случилось со второй и третьей ступенями. Но в отличие от остальных носителей, звездная ракета имела дополнительную четвертую ступень, при включении которой миниатюрный кораблик отделялся от своего большого брата, а тот оставался на орбите ждать возвращения космонавтов.

Когда это случилось, пришла пора просыпаться Петру Гедике и Петру Иванову. Разумеется, космонавты были крайне обеспокоены тем, что проспали старт, но Минц заверил их, что научные руководители полета будут хранить тайну.

Мастера с фабрики Твердой игрушки потрудились на славу. Даже рояль в три сантиметра длиной почти не фальшивил.

В назначенные часы начинались сеансы связи, и космонавты плавали в воздухе, общаясь с Землей. В эти минуты Удалов с Минцем сидели в туалете, чтобы случайно не попасть на глаза зрителям.

На восьмой или девятый день полета сеансы связи прекратились из-за дальности расстояния.

Кораблик уже покинул пределы Солнечной системы, его скорость приблизилась к скорости света. Время на нем существенно замедлилось, и дни, которые мелькали для землян, словно огоньки пролетающего навстречу поезда, потянулись на корабле, как положено – с трехразовым питанием.

На третий месяц пути Удалов начал узнавать знакомые созвездия и космические маяки. Они влетели в обжитую чуждыми цивилизациями часть галактики.

Но Удалов помалкивал. Его могли неправильно понять. Да, он путешествовал по Вселенной, но на чужих кораблях, капитаны которых не подозревают о существовании Альберта Эйнштейна, а пользуются обычным космическим флопом – то есть прыгают через пространство. Эту технологию Земле знать еще рано, слишком нестабильно ее внутреннее положение, слишком много на ней очагов напряженности и взаимной вражды.

А вот и планета, открытая мальчиком Сережей. Она лежит на краю Космической Федерации, сюда редко залетают корабли.

Наступило время решительных и ответственных действий.

На третий месяц пути Удалов начал узнавать знакомые созвездия и космические маяки.

Минцу предстояло возвратить космонавтам их обычные размеры, чтобы их не растоптали туземцы.

Но сделать это надо было осторожно, уже после посадки. Для этого садиться придется вдали от местного космопорта, если таковой имеется, потом превращаться в людей нормального размера, а уж затем идти на контакт.

* * *

Опустились они на поляне. К счастью, лес был невысоким, к тому же темнело.

Настроение было приподнятым.

Распили бутылочку водочки, взятую для этого случая. Удалов в который раз порадовался таланту российских умельцев. Ведь высотой бутылочка едва достигала трех миллиметров, но в ней оказалась пробка, наклейка и содержимое.

Когда же занялся синий прохладный рассвет и незнакомыми голосами запели инопланетные птицы, Минц растолкал Удалова и сказал:

– Пора.

Удалов с некоторого похмелья помотал головой и спросил:

– Чего пора?

Минц показал на спящих товарищей-космонавтов.

– Вытаскиваем их на поляну и вкалываем увеличитель. Через несколько минут мы все становимся обычного размера.

– Ясно, – согласился Удалов. – А корабль?

– Для корабля мне выдали надувную копию, – Минц перекинул через плечо сумку со сложенным кораблем-гигантом.

С немалым трудом они вытащили крепко спящих космонавтов на лужок. Минц притащил медицинский ящичек.

Только он собрался сделать уколы для увеличения космонавтов, как кусты неподалеку раздвинулись и незнакомый голос произнес на космолингве, к счастью, знакомом Удалову:

– Добро пожаловать на планету Столоки. Мы поисковая партия, наблюдавшая спуск вашего замечательного корабля в наш заповедный лес.

Удалов выпрямился и сделал шаг навстречу дружественно расположенным аборигенам.

«Ну слава Богу, – подумал он. – Они оказались нормального роста».

Он посмотрел на Минца, который так и остался сидеть на корточках возле спящих на траве космонавтов, и увидел на лице профессора выражение крайнего изумления.

Он переводил взор с профессора на скромно, по-походному одетых аборигенов, которые мило улыбались...

Удалов пошел к туземцам, протягивая руку.

Рукопожатие получилось теплым, дружеским, настоящим.

– А это профессор Минц, – сказал Удалов, указывая на друга.

Тот стоял со шприцем в руке, и с иглы капал ценный увеличитель...

И только тогда Удалов понял, что местные жители – это не «нормальные» туземцы, а очень маленькие туземцы, такие же, как Удалов, Минц и космонавты. И нет нужды никого увеличивать.

* * *

Удалов снимал встречу, дабы впоследствии утереть нос американцам, его настроение улучшалось. Куда хуже было бы, окажись братья по разуму скорпионами или гигантами-циклопами. А ведь и те, и другие в галактике существуют, занимаются науками и культурой, ходят на свидания и не подозревают о своем страшном уродстве. Может, даже считают нас, людей, не очень-то красивыми.

Пять дней пребывания на планете Столоки, как называли ее жители крупнейшего из континентов, пролетели, как сон. Космонавты и консультанты питались как на убой, посещали увеселительные заведения, а также школы, фабрики, заводы и фермы. Хозяева были откровенны и доброжелательны. Они предложили установить дипломатические и торговые отношения, обмениваться студентами и попросили оказать им помощь в развитии новой технологии.

Минц с Удаловым взяли на себя официальные мероприятия, а молодые Петры пропадали неизвестно где и даже ночевать на корабль не являлись. Это было грубейшим нарушением дисциплины, Удалов хотел было собрать всю группу и обсудить поведение молодежи, но Минц возразил.

– Зачем, – сказал он, – изображать из себя тоталитаризм.

– Не лежит у меня душа к этим гулянкам. Ох, плохо это кончится.

И вправду, это кончилось не очень хорошо.

На шестой день космонавт Петр Гедике заявился к ужину с молодой зеленоватой особой с небольшим третьим глазом во лбу, но в

остальном простой девушкой. Девушка смущалась и зеленела еще больше.

– Мы полюбили друг друга, – просто сказал Петр.

Девушка потупилась.

– Ну блин! – сказал Иванов.

– И что же вы предлагаете? – спросил профессор Минц.

– Жениться, – сказал Гедике.

– Этого еще не хватало! – воскликнул профессор. – Да вы понимаете, что говорите!

– Понимаю. Но Гругена настаивает.

Минц посмотрел на Удалова. Удалов на Минца.

– А ничего в этом плохого нету, – сказал Гедике. – Ну, привезем мы с собой представительницу другой планеты – нам же за это спасибо скажут. Тогда американцы уж точно утрутся!

– Молодой человек! – строго заметил Минц. – Вы ошибаетесь, если полагаете, что наш полет осуществляется в пику Западу. Он осуществляется с научными целями.

– Во блин! – сказал Петр Иванов.

– А может, мы отложим свадьбу? – спросил Минц. – Вы ведь даже взаимную генетическую совместимость не выяснили!

– Любовь все превозможет, – сообщил Гедике.

Невеста висела на его локте, как спелая груша.

– Но что вас так торопит? – спросил Минц.

– По законам нашего общества, если он не женится, мне придется утопиться, – сообщила невеста.

– Не может быть! – удивился Минц. – Такое гуманное общество...

– Для кого гуманное, а для меня сволочное, – ответила девушка. – Живем здесь, как в четырех стенах, отстаем в прогрессе, даже кино не изобрели, а чтобы из Галактического центра попросить – ни-ни! И все эти проклятые старцы!

И она с неприязнью поглядела на Минца.

– Если ее утопят, я тоже утоплюсь, – заверил Гедике.

Гругена зарыдала, Гедике заплакал, и даже Иванов капнул скупой мужской слезой.

– Придется брать, – сказал Минц. – Но тогда приготовьтесь выслушать горькую правду. Сначала скажите: известно ли вам, что наша страна переживает временные экономические трудности?

– Читали, – ответил Гедике. – Только при чем здесь любовь?

– А при том, что в естественном состоянии ты не смог бы поцеловать свою невесту, потому что случайно проглотил бы ее.

– Во блин! – Петр Иванов даже зажмурился от отвращения. Гедике страшно побледнел.

И тогда, понимая, что отступать некуда, Минц рассказал собратьям по полету всю горькую правду.

Наступила тишина, прерываемая лишь редкими короткими вздохами невесты.

Потом Гедике сказал:

– Могли бы нам довериться с самого начала. Я ведь успел в комсомоле побывать.

– И в пионерах, – добавил Иванов.

– Правительство полагало, что стресс, вызванный страхом остаться в миниатюрном виде, будет слишком сильным...

Экспедиция оказалась в страшном положении.

Можно отвезти Гругену домой, на Землю. Кажется даже, что такой выход устраивает всех. Его одобрит и Президент.

Но подумайте: на Земле космонавт просто обязан стать снова большим, иначе всемирный обман будет разоблачен, и на нашу страну падет тень, а Президент станет посмешищем в реакционных кругах и среди радикалов. Значит, Гедике будет давать пресс-конференции, выступать по телевизору, писать отчеты о полете, а где будет его жена? В спичечном коробке? А где окажется его ребенок, который, по словам невесты, должен родиться уже в этом году?

В том же коробке!

Тут невеста зарыдала. И сказала, что лучше утонет на родине, чем станет насекомым на планете мужа.

– Есть другой вариант, – сказал Минц. – Гедике остается здесь.

– То есть как это я остаюсь здесь? – возмутился космонавт. – Меня товарищи ждут, мне звезду Героя должны дать, очередное звание присвоить, меня за границу, наверное, пошлют... а вместо этого меня будут судить! За дезертирство с космического фронта.

– Дорогой! – взмолилась невеста. – Неужели все это важнее, чем наша любовь? Папа дает нам виллу на берегу моря и яхту. Ты давно хотел иметь яхту, не так ли? Я рожу тебе пять или шесть богатырей...

– Нас ждут, – сказал Минц, который полагал, что ничего хорошего из этого брака не выйдет. – Вся страна приникла к телевизорам. Ведь пленки, на которых снят наш прилет и встреча, уже получены на Земле.

– Придется возвращаться, – печально вздохнул Гедике. – Сначала долг, а потом любовь.

– А если мне придется утопиться? – спросила невеста.

– Полетишь с нами, – сказал Гедике. – Обойдемся без яхты. Нам правительство подарит и виллу, и катер, и верхового коня. Лев Христофорович, у вас найдется еще немного средства, чтобы привести Гругену в крупный человеческий размер?

– Ох, не знаю, получится ли! – развел руками Минц. – Средство испытано только на людях. А вдруг не получится?

Тут зазвонил телефон. Незнакомый голос с иностранным акцентом спросил:

– Здесь ли находится известный космический путешественник Корнелий Удалов?

– Это я. А вы кто?

– Ты что, не узнаешь старых друзей?

Необычный акцент, певучие интонации вызвали в памяти Удалова образ старого знакомца, с которым он общался на Съезде Обыкновенных Существ Галактики несколько лет назад, когда Удалов удостоился почетного звания Самого Среднего Обитателя Галактики. Разумеется, на Земле Удалов об этом не распространялся, да и жена Ксения не одобряла той его поездки, но сейчас он искренне обрадовался, услышав голос кузнечика Тори.

– Надо встретиться, – сказал Тори. – Я для этого специально из Центрального разведуправления сюда флопнул. Даже уменьшиться пришлось. Спускайся на улицу, выйдешь в скверик, садись за розовым кустом на третью скамейку справа. Нас не должны видеть вместе.

Удалов мысленно улыбнулся таинственности, которую так любит напускать на себя кузнечик. Но спорить не стал.

* * *

На улице было пасмурно, дул осенний ветер и нес над мостовой желтую листву. Розовый куст, за которым стояла нужная скамейка, уже отцвел, и лишь последняя алая роза печально осыпала лепестки на жухлую траву.

– Ну, старик, ты совсем не изменился! – раздался пронзительный голос.

К Удалову подбежал, подпрыгивая, зеленый кузнечик, одетый аляповато и ярко. Он уткнулся твердым носом в живот приятелю и всхлипнул от радости. Удалов тоже растрогался.

Они уселись на скамейку.

– Я как увидел в сводке нашего Разведуправления, что на Столоку прибыл миниатюрный кораблик с Земли, то решил, что не иначе как вы с профессором Минцем что-то придумали! Ведь раньше звездных экспедиций Земля не посылала.

– Ты прав, – сказал Удалов. – А ты почему сводки смотрел?

– Я теперь в Разведуправлении Галактического центра. Специалист по России!

– Ну какой же ты специалист?

– Не хуже других, – обиделся кузнечик. – После того как я твоим переводчиком работал, мне полное доверие в Центре.

– Ну спасибо, – сказал Удалов. – Искреннее спасибо, что вспомнил меня, прилетел поздороваться...

– Ты дурак, Удалов, – с грубоватой прямотой возразил ему кузнечик. – Если бы только поздороваться, мы бы с тобой в таверне «Жареный Индюк» встретились. А если я тебя на секретную встречу вызываю, значит, есть обстоятельства.

– Что же, говори, – вздохнул Удалов. Он-то надеялся посидеть с Тори, поговорить, вспомнить молодость. А тот опять о делах...

– Скажи мне, друг, – спросил кузнечик. – Вы уже отослали на Землю кассету с кадрами вашей встречи?

– Отослали, – ответил Удалов.

– Плохо, – сказал кузнечик. Он задумчиво водил носком башмачка по песку, вырисовывая на нем загадочный узор.

– А что случилось? – встревожился Удалов.

– Я тебе этого говорить не должен, – признался кузнечик, поворачиваясь к Удалову и внимательно глядя на него неподвижными выпуклыми глазами. – Но Тори никогда не предавал друзей.

– Не томи! – взмолился Удалов.

– Мы получили по своим каналам информацию. На тайном совещании в верхах принято решение вас ликвидировать.

Кузнечик вздохнул и поднял к небу выпуклые глаза.

– Зачем нас ликвидировать, если мы – гордость нашей необъятной родины?

– Минутку, – сказал Тори и большими прыжками умчался следом за большой разноцветной бабочкой.

Минуты через три он возвратился, стирая платочком с углов рта цветную пыльцу.

– Я только поглядел, – сообщил он, – не занесена ли она в Красную книгу?

– Что ты говорил о секретном совещании? – спросил Удалов.

– Как обычно. Собрались генералы и некоторые секретные академики, а также представители Службы безопасности и решили, что вам придется героически погибнуть на подлете к Земле.

– Но почему же? Мы полностью выполнили задание, даже невесту везем!

– Фильм ваш на Земле. Весь мир знает о вашем полете. Америка, считай, в полном трауре. Польша отказалась в НАТО вступать. Самое время вам героически погибнуть.

– Я все равно ничего не понимаю!

– Скажи, ты иногда выпиваешь? – спросил кузнечик.

– Только за компанию.

– А космонавт Петр Гедике во сне разговаривает?

– Представления не имею.

– А профессор Минц воспоминания не начал писать?

– Вроде что-то такое...

– А инопланетная невеста будет держать язык за зубами?

– К чему ты клонишь?

– Компьютеры подсчитали, что кто-то из вас обязательно проговорится. И довольно скоро. И тогда секрет минимизированного космического полета выплывет наружу. И будет громадный ущерб престижу России. Хуже, чем если бы и не начинали.

– Нет, – заявил Удалов. – Президент этого не допустит!

– Президент уже три дня в отпуске, – сказал кузнечик. – Позже Президенту сообщат неприятные новости. Так и так – героически погиб твой друг Удалов. Президент всплакнет, велит бюсты поставить на родинах героев...

– Как нас уничтожат? – Удалов вдруг поверил кузнечику и ужаснулся.

– На подлете. Ракетой собьют. К тому же должен тебе сказать, что деньги, которые на полномасштабную экспедицию выделили – между прочим, треть годового бюджета, – уже разворовали.

– Нет, я не могу поверить! Я отказываюсь поверить!

– Можешь послушать на досуге запись переговоров о вашей ликвидации. – Тори протянул Удалову кассету.

Удалов собрал товарищей по полету. Он боялся, что они поднимут его на смех, обвинят в трусости или даже в отсутствии патриотизма.

Но космическое путешествие делает людей мудрыми.

Выслушав удаловскую информацию, помолчали.

Петр Гедике крепко сжал руку невесте. Она прильнула к нему.

– Ну и что делать, блин? – задал вопрос космонавт Иванов.

– Мне грустно признавать такой вариант, – сказал Минц, прикинув в уме вероятность предательства, – но все к этому шло, и только такой доверчивый старый дурак, как я, умудрился не предусмотреть самой простой возможности.

– Звони папе, – обратился Петр Гедике к своей невесте, – скажи старику, что я согласен на яхту.

Невеста Гругена счастливо засмеялась и кинулась к телефону.

Космонавт Иванов, как человек военный, вдруг сказал целую речь.

– Корабль, блин, запускаем в режим автоматического полета. В сторону Земли, но без экипажа.

– А экипаж? – спросил Удалов.

– Экипаж в составе Петра Гедике и меня остается на постоянное жительство на планете Столоки, учитывая удовлетворительные жилищные условия.

На прощание все вместе пошли в таверну «Жареный Индюк», пели песни, клялись в вечной дружбе, хмельной Тори приставал к официанткам, повар набил ему физиономию.

На следующий день расстались.

Космонавты остались на Столоке, а консультантов Тори на своем служебном корабле доставил на Землю.

Они успешно миновали космические заслоны и опустились на опушке леса у Великого Гусляра.

– А может, передумаете? – спросил на прощание Тори.

Минц сделал укол себе, Удалову, а Тори остался малюткой.

Пока они увеличивались, Тори сказал:

– Боюсь я за вас.

– Не бойтесь, – возразил Минц. – Ведь для всех, кроме Президента, мы оставались в Великом Гусляре. Нас же нет в списке космонавтов – ни живых, ни погибших.

– Мое дело предупредить, – сказал Тори и улетел в Галактический центр. А Минц с Удаловым пошли к автобусной остановке – им еще минут двадцать надо было ехать до Пушкинской улицы.

СКАНДАЛ

Самый громкий скандал за всю историю города Великий Гусляр случился по причине мягкого характера профессора Минца. Уж кому-кому, но профессору пора знать, что любое изобретение, а тем более великое, влечёт неприятные последствия. Подобно сильному лекарству от чесотки, которое вызывает ангину, гипертонию и глухоту. Мне вообще кажется, что в современной медицине доктор обязан лечить не от болезней, а от лекарств. Продолжительность жизни, может, и не увеличится, но мучиться будут меньше. Иначе получишь кирпичом в окно.

Удаловская жена Ксения нередко пользовалась добротой профессора в корыстных целях. Вот и в тот лазоревый с золотом один из последних дней лета она пришла к нему с тайным умыслом урвать что-нибудь от профессорского таланта. Поэтому, прежде чем постучать к соседу, она натёрла луком глаза.

Профессор играл с компьютером в шахматы и поэтому не сразу сообразил, почему Ксения стоит в дверях, смотрит на него красными глазами, держит в руке детскую курточку и притом от неё сильно несёт луком.

– Что случилось? – спросил профессор. – Что-нибудь с Корнелием? С сыном? С внуком?

– С внучонком, Максимкой, – всхлипнула Ксения. Получилось очень натурально.

– Заходите, что же вы... – Профессор посторонился и убрал с дороги тугой живот. – Рассказывайте.

Ксения втиснулась в дверь, но дальше не пошла, оробела перед компьютером, потому что тот незнакомым басом прорычал:

– Время, профессор! Не сделаешь хода, считай, что у тебя упал флажок.

Минц кинул взгляд на партнёра и снова обернулся к Ксении. Он пребывал в нерешительности.

– Да выключите вы эту железку! – приказала Ксения. – Никуда от них не деться! Скоро власть захватят.

– По крайней мере, порядка будет больше, – огрызнулся компьютер.

Тут Минц его выключил.

– Садитесь, – попросил он Ксению.

– Некогда. У меня проблема, другими словами, беда.

– Говорите! – остановил Минц готовую зарыдать соседку.

– Вот, трагедия моя, – сказала Ксения, протягивая курточку.

– А что в ней плохого? Отлично сшита.

– Отлично. Ясно, что отлично, сама шила. Да мала оказалась! Такой материал подсунули, импортный. Как постирала – курточка сразу в два раза уменьшилась.

– Но чем я могу помочь?

– Максимке вот-вот в школу, – сообщила Ксения. – А курточки нет. Не в чем идти в школу моему малышке, моему сладенькому внучонку.

– Но может, найдёте что-нибудь...

– Убью, – по-соседски предупредила Ксения профессора. – И не думайте увильнуть! Сколько раз спасали, ещё раз спасёте.

– Но я не знаю, как увеличивать куртки.

– Учёный должен всё знать.

И тогда Минц сдался. Он всегда сдавался, если в бой шла Ксения.

– Я придумаю что-нибудь, – сказал он.

– Когда?

– Завтра, послезавтра! – вскипел Минц. – Не могу же я контролировать творческий процесс.

– Хорошо, – смилостивилась Ксения. – После обеда ждите.

Так, наверное, разговаривала статуя Командора со всякими донжуанами.

Ксения покинула профессора и оставила курточку на спинке стула, словно шпиона в лагере врага.

Минц включил компьютер, но быстро проиграл ему. Мысли его так и не вернулись к спокойным играм. Минц получил вызов. Он его принял. Теперь надо было решить задачу.

Решать её придётся неординарно. Ординарно её давно бы решили. Расшивать, расширять, дошивать, ставить заплаты... это всё не для нас.

А что для нас?

Минц шагал по комнате, и пол вздрагивал от его тяжёлых шагов.

– Стоп! – сказал он вслух.

Подошёл к телефону, набрал номер небольшого городка на острове Сулавеси в стране Индонезия. В этом городке жил ботаник и путешественник доктор Сударито, статью которого Минц прочёл в прошлом году, заинтересовался ею, но никак не мог придумать, куда бы приспособить открытие индонезийца. А вот теперь забрезжило...

Ксения пришла вечером. Минц её обнадежил и выгнал. Сказал, что ждёт авиапосылку с острова Сулавеси. Как только произведёт над ней нужные манипуляции, Ксения получит своё средство для исправления неудачных предметов одежды.

Посылка пришла через четыре дня, а последующие сутки Ксения в основном провела под дверью профессора.

Время от времени она спрашивала через дверь:

– Ну как наши дела?

А подученный профессором компьютер отвечал ей:

– Иди спать, соседка!

Наконец Минц впустил женщину.

– Садитесь, Ксения, – велел он. – Я вам сразу расскажу о принципе моего открытия, чтобы вы потом не ссылались на невежество.

Ксения уселась на шатучий стул и схватилась за угол стола, потому что была женщиной полной, тяжёлой и боялась падений.

– На острове Сулавеси в прибрежных мангровых зарослях доктор Сударито отыскал странный лишайник, названный им охролахия пассибулифера. Пассибулифера характерна тем, что у неё имеется выразительный накипной мелкозернистый таллом. Апотеции небольшие,

вогнутые, бледно-жёлтые, слоевищевидный край апотеция тонкий... Вам неинтересно?

– Ой, как интересно! – ответила Ксения.

– Впрочем, я не буду тратить время на ботанику.

– Ну и правильно, бог с ней, с ботаникой.

– Главное то, что пассибулифера обладает удивительной способностью как бы обволакивать растения и затем, в снятом виде, сохранять форму растения. Скорость роста этого лишайника умопомрачительная! Но для нас это лишь полуфабрикат.

Минц достал с полки флакончик из-под духов «Арамис» и поболтал.

– А это, – сказал он, – конечный продукт. Наша с вами революция в швейном деле.

– А как нам её совершить? – спросила Ксения.

– Для этого вам бы неплохо раздеться...

– Чего?!

– Нет, вы не подумайте, Ксения, я понимаю ваше смущение, хотя должен признаться, что как женщина вы не вызываете во мне эмоций.

– Лев Христофорович, я человек терпеливый, но можешь и по роже лица схлопотать! – грубо ответила обиженная Ксения.

Этот возглас не означал, разумеется, какой-либо особой склонности Ксении к соседу.

– Переходим к демонстрации, – быстро сказал Минц и закатал рукав своей рубашки.

Затем он взял со стола лоскуток клетчатой ткани, впрок заготовленный для опыта, и приложил к обнажённому локтю. Потом открыл флакон и капнул несколько раз на ткань.

Тут же на глазах лоскуток стал расти, расползаться по руке, и через минуту изумлённая Ксения увидела, что на руке профессора образовался рукав, как бы третий рукав рубашки. Правда, он был длинноват и продолжал удлиняться, но Минц другой рукой протянул Ксении ножницы.

– Пожалуйста, укоротите!

Ксения – существо сообразительное. Недаром столько лет прожила рядом с Минцем. Она взяла ножницы, хотела было отстричь лишнее, но замерла... и спросила:

– А ей не больно?

– Лишайникам не больно, – ответил Минц.

Тогда Ксения аккуратно отрезала лишнюю ткань и принялась её мять между пальцами и даже нюхать. Но ничего подозрительного не обнаружила.

– Спасибо, – сказала она. – Я всё поняла.

И, не дав профессору отказать в даре или выразить сомнение, она схватила флакон. И пошла к двери.

– Но вы хоть поняли принцип действия пассибулиферы? – крикнул ей вслед Минц.

– Не поняла бы, не стала брать, – ответила Ксения. – Паразит ваш лишайник, Лев Христофорович. Понимаю, что он будет мои соки сосать.

– Ах, как точно! – обрадовался Минц. – Образно и точно в переносном смысле.

– В переносном?

– Разумеется, он паразит, но паразит особенный. Этот лишайник питается энергией других живых существ, их теплом, их эмоциями. Пока пассибулифера обитала в мангровых зарослях Сулавеси, она ограничивалась тем, что высасывала энергию у деревьев, чего они, кстати, и не замечали. Но я здесь пошёл на шаг дальше, чем позволяет эволюция. Я приспособил метаболизм лишайника к тому, чтобы питаться теплом и иными видами энергии представителей фауны, в первую очередь человека. Я далеко двинул вперёд этот лишайник по пути эволюции, в сущности, мы имеем дело не с пассибулиферой, а с её отдалённым потомком. Понятно?

– По мне, что энергия, что соки, что кровушка моя – всё равно. У меня на всех хватит!

И Ксения громко рассмеялась. Она была женщиной широкой в кости, крепкой и не то чтобы толстой, но упитанной.

Но как заблуждались профессор и Ксения!

Они полагали, что подопытным кроликом избрали странный тропический лишайник. На самом-то деле оказалось, что на роль кроликов попали люди.

Если ты ставишь опыты над живыми существами и с помощью генной инженерии толкаешь вперёд их эволюцию, всегда задумайся: не будут ли потомки судить тебя суровым и безжалостным судом?

К счастью, трагедии в масштабе Земли не произошло. Но для Гусляра происшедшее вполне можно назвать трагедией.

Ксения возвратилась домой первой. Остальные члены семьи ещё обретались в других местах. Корнелий Иванович был в конторе, его сын Максим – у себя в парикмахерской, Маргарита пошла погулять с Максимкой-младшим. По-нашему – с Максим Максимычем, по-ихнему – с Максимом-джуниор.

И так как свободного времени было в обрез, Ксения спешно начала проводить эксперименты с затравкой лишайника, обработанного по методу профессора Минца.

Она достала из-под швейной машинки мешок с лоскутами и заплатами и принялась сочинять себе платья.

Получилось буквально с первого раза.

Достаточно было нескольких капель из флакона мужских духов «Арамис», чтобы лоскуток начал превращаться в одежду. Он превращался до тех пор, пока в нём были силы, содержавшиеся в затравке, затем Ксения с помощью ножниц и той же швейной машинки доводила одежду до ума.

Она успела сообразить себе три платья и неплохую кофточку, у которой был один недостаток – слишком прилегала к телу. Но и с этим недостатком Ксения справилась – догадалась, что если оттягивать ткань, пока она растёт, то она оттянутой и останется. Так что можно соорудить себе хламиду или балахон. Была бы мода.

Потом Ксения догадалась, как с помощью лишайника делать плиссе-гофре, и, когда домой пришёл Удалов, Ксения уже утомилась, истощила нервную систему.

Она сидела на стуле, а на трёх стульях, повёрнутых к ней спинками, висели новые платья. Склонив голову набок, Ксения любовалась ими, как кошка новорождёнными котятами. Была бы воля – стала бы их облизывать.

Удалов, как положено глупому мужу, спросил:

– Ты чего платья развесила? Стирала, что ли?

Он и не сообразил, что у жены таких платьев отродясь не было.

Зато когда пришла Максимкина жена, она с порога взвыла.

– Это ещё что такое, мамаша? – кричала она. – Что это вы на старости лет решили деньгами разбрасываться?

На что Ксения ответила с достоинством:

– Не твои деньги трачу!

Не было согласия в семье Удаловых.

Ксения хотела было вообще не рассказывать невестке о своих возможностях, крепилась часа два, только после ужина не выдержала. Пусть знает!

Но Маргарита умела быть овечкой, сусликом, бабочкой, когда ей это было выгодно. Так что ещё через полчаса женщины уже соорудили ей два платья и один модный плащ по выкройке из «Бурды».

Странности с пассибулиферой начали наблюдаться именно тогда.

Женщины трудились в комнате Ксении, а мужчины смотрели телевизор, но в комнату не заглядывали. Максимка крутился возле женщин и радовался, потому что весь пошёл в Корнелия и рос независтливым.

– Ах, мама, – произнесла Маргарита, – как мне нравится вон тот материальчик, на синем платье. У вас ещё лоскутка не найдётся?

– Кончились, – сказала Ксения. – Возьми другой цвет.

– Нет, мне такой же хочется, – возразила Маргарита и подошла к вешалке, на которой висело новое платье свекрови. Капнула на подол из бутылочки в расчёте на то, что платье удлинится и она сможет оттяпать от него лишний лоскут.

Но платье не пожелало расти без человеческого тела. О чём, кстати, Минц Ксению предупреждал.

Догадавшись об этом, Маргарита сладким голосом попросила свекровь:

– Мама, можно я ваше синее платьице немножко примерю?

Ксения была доброй. К тому же она знала, что раз Маргарита в два раза её тоньше, то вряд ли платью будет от неё порча.

Маргарита схватила платье и стала надевать его перед зеркалом.

Платье наделось быстро, словно скользкое, обняло молодую женщину и прильнуло к ней – Маргарита особым женским чутьём поняла, что она понравилась платью.

Она хотела было попрыскать на подол лишайниковым соком, чтобы потом отрезать себе лоскуток, но медлила, словно внутренний голос подсказывал, что лучше платья ей не отыскать. И не надо лоскутки тратить.

И в этот момент Ксения, обернувшись, увидела, что синее платье сидит на невестке в обтяжку, как влитое. Платье-то, оказывается, уменьшилось, а об этом Минц не предупредил.

– Это ещё что такое? – спросила Ксения грозно. Не от жадности, но потому, что любила во всём порядок. – А ну вылазь из моего платья. Оно у меня выходное!

О, как не хотелось Маргарите подчиняться этому приказу, но что поделаешь – она принялась снимать платье.

А платье, как в сказке, – прилипло. Не снимается.

Ксения кинулась к ней на помощь. Женщины с шумом и сопением сдирали платье с Марго. Удалов было сунулся на шум – Ксения его отогнала, как львица от выводка.

Платье треснуло и распоролось.

Только таким образом удалось его снять с Маргариты.

– Как же так?! Ты мне лучшее платье погубила! – сердилась свекровь.

А Маргарита села на стул и принялась плакать и гладить рваную тряпку, которая покорно лежала у неё на коленях.

– Дай-ка, – велела Ксения. Она приложила к себе лоскуты, побрызгала из флакона, платье начало залечивать свои раны, но на полпути словно передумало и, так и не залечившись, соскользнуло на пол.

Перед сном Удалов ещё раз заглянул к Ксении, но атмосфера там была так напряжена, что Удалов стукнулся о неё, словно о стеклянную стенку, и пошёл досматривать передачу для детей-полуночников.

Ах эта деликатность Корнелия Ивановича! Ну что ему стоило преодолеть себя и строго спросить у женщин, что же, наконец, происходит? Они бы признались, Удалов бы встревожился и кинулся к профессору Минцу. Он рассказал бы ему, что эволюция загадочного лишайника продолжается немыслимыми темпами. Что лишайник уже проявляет симпатии и антипатии, а платье хочет сосуществовать с одной носительницей, а другую презирает.

Тогда бы и Минц опомнился.

Взял бы эксперимент под жёсткий контроль...

Я написал эти слова и подумал: а как бы Лев Христофорович это сделал? Велел бы Ксении расстаться с новыми платьями, раздел бы Маргариту? И кто бы его послушался?

Видно, генетическому ускорению было суждено начаться именно в Великом Гусляре. Там же и закончиться...

Когда Маргарита ушла укладывать Максимку, Ксения закрыла к себе дверь и аккуратно развесила все пять сделанных за вечер платьев

в большом шкафу, где уже висел праздничный костюм Корнелия и её собственные вещи. Перед сном ей чудилось, что в шкафу что-то шуршит, словно тараканы или мыши, но Ксения не стала подниматься, потому что уже поняла: даже если мыши сгрызут новое платье, она его тут же восстановит. Теперь оставалась только одна проблема: как заставить этого скрягу Минца дать ей ещё флакончик затравки. Ведь ей предстоит и сына одеть, и мужа, а это непросто. Причём неизвестно, умеет ли этот лишайник делать карманы и подкладку для мужской одежды.

А флакон-то был в тот момент у Маргариты, потому что она изготавливала Максимке костюмчик, завтра в первый класс идти. Бабка-то о внуке за эгоистическими развлечениями, конечно, забыла!

Примерно в два часа ночи Удалов совершил ещё одну непростительную ошибку, но опять же не сообразил, что это – непростительная ошибка.

Он проснулся, потому что его во сне потянуло сходить по-маленькому. Босиком он медленно пошёл к двери, стараясь держать перед собой вытянутую руку, глаза отказывались открываться.

И тут его нога натолкнулась на что-то мягкое, податливое, но вполне подвижное.

Ощущение было настолько необычным и даже пугающим, что Удалов мгновенно открыл глаза и посмотрел себе под ноги.

Свет луны и уличного фонаря, падавший в окно, был вкупе настолько силён, что Удалов мог разглядеть, на что же он чуть не наступил.

И увидел, что по полу медленно ползёт, держась ближе к стенке, о которую Удалов только что опирался, женское платье тёмного цвета с белым воротником и отделкой.

Удалов замер, понимая, что это – сказочный сон, который обязательно нужно досмотреть. И главное – нельзя мешать платью ползти в соседнюю комнату, к молодым. В конце концов, у любого платья могут быть вполне житейские причины ползти в другую комнату. Вот, например, он, Удалов, поднялся же среди ночи, чтобы дойти до сортира!

Чтобы не повредить платье, Удалов остановился и подождал, пока оно втиснется в узкую щель прикрытой двери к молодым. Удалов толкнул дверь, чтобы платью было легче.

Затем сам повернул направо и по коридору пошёл в уборную.

И пока был там, он сообразил, что история с платьем ему лишь приснилась. На всякий случай, возвращаясь к себе, он поглядел на пол – никаких следов платья он не нашёл.

Тогда он вернулся спать. И ночью ему ничего больше не снилось, если не считать деловых рассуждений, связанных с приватизацией. А когда Удалов проснулся рано утром, он уже был убеждён, что история с платьем – странный ночной кошмар, который вытекал из вчерашних разговоров.

Утром был ещё один скандал, и опять Удалов не отреагировал на него должным образом.

Он хотел спать, когда Ксения поднялась с кровати. Ей тревожно не спалось. Сердце требовало ещё раз поглядеть на платья, не случилось ли что-нибудь в шкафу.

Открыв шкаф, Ксения тоненько взвизгнула, как будто вновь превратилась в юную девочку, обнаружившую, что её шоколадные конфеты сожрал потихоньку какой-то гадкий мальчишка.

– Не мешай спать, – сказал Удалов, кладя на повёрнутое к потолку ухо подушку.

– Нет, ты только посмотри! – просила Ксения.

Но Удалов так и не посмотрел.

И не увидел того, что ночью пять новых платьев устроили битву в шкафу с праздничным костюмом Удалова, Ксениным свитером и двумя юбками. Впрочем, надо сказать, что прежние обитатели шкафа не сопротивлялись, ибо не обладали разумом даже на том примитивном уровне, каковой был дан природой лишайнику пассибулифере.

Так что кукушата Ксении растерзали старые вещи в лоскуты и сами заняли весь шкаф, вроде бы даже гордясь своим преступлением.

Ксения же, которой был свойственен антропоморфизм, полагала, что все преступления такого рода могут совершать только люди. Она поняла, что подлая Маргарита, пользуясь темнотой и Ксениным сном, пробралась к шкафу и сама лично разорвала хорошие, качественные носильные вещи из патологической злобы к свекрови.

И самое главное – за ночь исчезло кое-как восстановленное синее платье. И тут уж Ксения не сомневалась, что платье было похищено невесткой.

С желанием разоблачить и уничтожить Маргариту Ксения ворвалась в комнату к молодым, но обнаружила там лишь крепко спяще-

го Максима, который на грозный материнский вопрос, где его жена, пробурчал:

– Мать, не возникай!

Ксения хлопнула дверью. Простучала по лестнице каблуками.

Ей хотелось заглянуть к Минцу, разбудить его и скалкой поблагодарить за сомнительный подарок, но пришлось отложить торжество справедливости на завтра. Сейчас надо было разыскать, догнать и уничтожить невестку – нельзя иметь врага в собственном доме.

Маргарита повела сына Максимку в школу. Максимка был очень хорош в новом синем костюмчике. Его мама шла в синем платье, которое вчера было Ксениным, но не захотело оставаться во владении свекрови. И потому в ночной темноте переползло в комнату к Маргарите, надеясь, что утром его увидят и обрадуются.

Платье было право.

Маргарита мгновенно поняла, что это платье всегда принадлежало ей, и только ей.

Ксения настигла невестку с внуком лишь возле школы.

Как раз начиналось торжество. Праздник знаний, первое сентября, первое сентября, первый день календаря, потому что в этот день все мальчишки и девчонки городов и деревень... Учили в детстве?

Маргарита пробилась в первый ряд. Максима от неё уже увели в общий строй первоклашек, и там он стоял, краснел, поглядывал со страхом на маму, а мама думала, что у сынишки самый лучший костюмчик.

Когда Ксения увидела толпу и вспомнила о празднике, она поняла, что не сможет начать скандал при таком скоплении народа. Она притормозила и стала искать взором внука в шеренге новичков.

Тут заиграл школьный оркестр, и под его звуки вперёд вышла Анна Леонидовна, завуч младших классов и депутат городского парламента, вождь женского движения за равноправие и просто красивая женщина, самая красивая в городе.

– Дорогие друзья! – звонко воскликнула она, и оркестр послушно умолк. – Сегодня у нас праздник!

И вдруг Ксения почувствовала, что платье на ней затрепетало, стараясь соскочить с тела.

Ксения не сразу сообразила, что происходит, и стала вертеть головой в поисках зловредной Маргариты.

Маргариту она не нашла, потому что её невестка в двадцати шагах справа испытывала то же тревожное чувство – синее платье буквально рвалось, ища способ слезть с её тела.

Маргарита решила сначала, что это проделки Ксении, но той не увидела.

Разумеется, обе несчастные женщины не могли подозревать, что лишайник охролахия пассибулифера, не будучи, разумеется, разумным существом, тем не менее развил в себе начатки сильных чувств. Именно это уникальное свойство лишайника позволило ему выжить в лесах острова Сулавеси, ибо в процессе эволюции он научился в считаные секунды обволакивать своими мелкозернистыми талломами наиболее полюбившиеся ему растения. Причём, помимо излучаемой растением теплоты, для пассибулиферы играла роль и форма ствола – лишайник предпочитает растения стройные и нежные на ощупь.

Попав в Россию, лишайник под талантливыми руками профессора Минца перестроился с деревьев на людей и соответственно подсознательно перестроил свои симпатии и антипатии. Но кто мог подумать, что до такой степени!

Первой завершилась трагедия Ксении Удаловой.

Платье покинуло её и, развеваясь, как красное знамя над рейхстагом, взлетело выше толпы.

Мало кто увидел, что Ксения осталась в нижнем белье, – зато все увидели, как летит над головами красное платье.

И тут пронзительный женский крик всколыхнул воздух.

Кричала Маргарита.

Ибо её положение было худшим, чем Ксенино. Ведь с помощью лишайника она не только платье себе изготовила, но и полный комплект нижнего белья.

И это всё улетело...

Над толпой взрослых и детей, над цветами, принесёнными учительницам, и трубами школьного оркестра летели два платья – красное и синее, летели трусики и лифчик, и, догоняя их, взметнулись в небо детская курточка и детские штанишки... А это означало, что и невинный первоклассник Максим Удалов остался без одежды.

Не шарахнулась лишь прекрасная Анна Леонидовна. Она была отважной женщиной, и её железный характер был выкован в борьбе с

учениками младших классов, а жизненной энергии в ней было столько, что от страсти к ней обезумел лишайник пассибулифера.

В мгновение ока на прекрасную Анну Леонидовну наделось платье Ксении Удаловой и нежно облегло фигуру завуча.

Тут же примеру красного платья последовало синее платье, ушедшее от Маргариты, а поверх платья, опоздав к дележу добычи, попытались надеться трусики и прочие интимные предметы. Наконец на Анну Леонидовну набросилась и одежонка Максимки. Всё это смешалось, перепуталось, и в результате Анна Леонидовна, подобно древнегреческой царице, оказалась замотана в разноцветную хламиду, ниспадающую до земли.

Тут выскочила совершенно обнажённая и обезумевшая Маргарита Удалова и попыталась стащить хламиду с Анны Леонидовны, что ей не удалось. Из толпы к Маргарите кинулись мужчины разного возраста и под предлогом спасения дамы от психического расстройства стали хватать её руками и гоготать. Но на помощь невестке прорвалась Ксения, кое-как прикрытая комбинацией и чулками. Ксения подхватила одной рукой ревущего Максимку, второй потянула за собой трясущуюся Маргариту и потащила их домой.

Они бежали, не останавливаясь, до самого дома, а когда вбежали во двор, Ксения подобрала из пыли половинку кирпича и метнула её в окно Минца.

Окно – вдребезги!

Минц высунулся в окно, но ничего не увидел, потому что пострадавшие Удаловы уже скрылись внутри дома.

Анна Леонидовна выставила свою кандидатуру в Государственную думу. Одевается она разнообразно, сдержанно, но необычно. Лишайники не оставляют её лаской и любовью.

МЕЧТА ЗАОЧНИКА

Профессор Минц глядел в окно. За окном сыпал мелкий дождь, не подумаешь, что середина декабря.

Но не очевидные и отрицательные изменения климата тревожили в тот момент Льва Христофоровича, а перемены в общественном сознании.

Как раз напротив деловитый, как жук, бульдозер ровнял с землёй руины чудесного особняка XVII века, занесённого в списки ЮНЕСКО.

В середине того века купец Дениска Перламутров, по происхождению из Любека, разбогатевший на торговле мягкой рухлядью, то есть мехами соболей и куниц, посылавший экспедиции открывать Аляску и Калифорнию, вознамерился построить себе резиденцию, чтобы можно было принимать столичных и заграничных гостей.

Для этой цели Дениска Перламутров послал в Париж своего пасынка Савелия и его гувернёра китайца Ли Бо посмотреть, что нового творится в зодчестве, и принять меры, чтобы самое лучшее внедрить в Великом Гусляре.

Савелий и Ли Бо искренне полюбили недавно отстроенный Версаль, в котором жил французский король. Они прогулялись по паркам и вокруг фонтанов, потом узнали, где проживают создатели Версаля, и одного из них, немолодого Франсуа Леруа, сманили на временную работу авансом вдвое большим, чем тот получил за всю работу от Людовика, а второго мастера, молодого Франсуа д'Орбе, который боялся ехать в ледовые просторы Московии, связали и уложили в длинный ящик на мягкие подушки.

С победой они возвратились в Великий Гусляр.

Леруа с воодушевлением чертил планы и учил гуслярских ребятишек тонкостям западной архитектуры, а д'Орбе, измученный путешествием, бастовал, не принимал никакой пищи, кроме чёрной икры, и ругался по-французски.

В 1666 году началось строительство дворца Дениски Перламутрова, но успели построить лишь небольшой флигель для хранения фарфора. Соседи и конкуренты донесли в Москву о безобразиях Перламутрова, из Москвы приехала комиссия, заковала Перламутрова в железа, вывезла в Пустозёрск, где купца два года томили в грязной холодной яме. Потом его пасынок Савелий, что само по себе является материалом для историко-авантюрного романа, смог подменить отца китайцем Ли Бо, добровольно пожертвовавшим жизнью ради своих добрых русских господ, и вместе с отчимом ушёл через Северный полюс в Америку. Там они возглавили сопротивление апачей американскому вторжению и оставили о себе добрую память среди индейцев.

Всё это дело восьмое, к рассказу отношения не имеет, но является историческим фоном. Во-первых, всегда полезно напомнить, какие чудаки жили в Великом Гусляре в прошлые века, во-вторых, следует протянуть ниточку из прошлого в наши дни.

В конце XVII века местный помещик откупил у казны флигель для фарфора и попытался перевезти чудо французской архитектуры к себе на Сухону. Архитектор д'Орбе, забытый в Гусляре после драматического исчезновения Перламутрова и обитавший на паперти церкви Параскевы Пятницы, при виде армии крепостных, которые уже размотали канаты, чтобы вывозить из города изящный флигель, кинулся им наперерез. Он проклинал крепостных по-французски, и эти проклятия вкупе с видом архитектора привели разрушителей к мысли о том, что перед ними страшное иноземное привидение.

Крепостные разбрелись по лесам и вскоре разделились на разбойничьи шайки. К одной из них примкнул архитектор д'Орбе.

Но помещик, имени которого история не сохранила, не мог расстаться с флигелем и поселился там с любимой цыганкой, которая играла на клавесине и собственноручно порола дворню. Через несколько лет они довели флигель до безобразного состояния, и, может, он бы погиб, если бы не Пётр Великий.

Его величество направлялся в Архангельск строить флот. По дороге он посетил Белозёрск, Вологду, Тотьму и Великий Гусляр.

Предупреждённые о приезде государя и зная о его странной склонности к иноземным предметам, руководители города откупили у цыганских наследников безымянного помещика флигель и привели его в порядок.

Пётр Первый, увидев в Великом Гусляре малый Версаль (а он знал толк в Версалях), пролил скупую мужскую слезу и решил, что город населён искренними сторонниками его реформ. Что было не так.

Пётр на радостях дал Великому Гусляру права вольного города и разрешил ему вступить в Ганзейскую лигу. Отныне гуслярские корабли могли торговать в Европе беспошлинно.

Флот в Гусляре был невелик, но всё же гуслярские ладьи плавали в Лиссабон и Гамбург, а одна из ладей даже открыла Австралию.

Но это тоже дело восьмое, к рассказу отношения не имеет, хотя является историческим фоном.

Далее судьба версальского флигеля складывалась по-разному. Одно время его держали пустым как памятное место в надежде на то, что иной государь решит посетить Великий Гусляр. Государи не появлялись.

В XIX веке во флигеле располагалось епархиальное училище, а с упразднением епископства в Гусляре там пытались устроить городской музей, но отказались от затеи, потому что во флигеле бесчинствовал дух архитектора д'Орбе.

Потом в доме поселился архиерей, который смог постом и молитвами изгнать француза.

В феврале 1930 года городской совет Великого Гусляра постановил снести дом № 19 по Пушкинской улице с целью избавиться от напоминаний о кровавом угнетателе трудящихся Людовике XV, а также о Петре Первом. Но средств на снос не нашлось, хотя в Москву отрапортовали о выполнении решения.

В Москве в каких-то реестрах было записано, что флигель разрушен.

Так прошло много лет.

Однако в конце сороковых годов, когда поднялась волна отечественного патриотизма, из Москвы прибыла экспедиция в поисках фундамента утраченного здания, которое уже было объявлено в газете «Правда» «нашим, русским Версалем», послужившим прототипом французскому дворцу. Ни больше ни меньше.

Экспедиция отыскала по плану место, где некогда стоял флигель, и начала сносить накопившиеся за сто лет ветхие деревянные строения, чтобы приступить к раскопкам.

И каково же было удивление археологов и искусствоведов, когда обнаружилось, что в груде строений скрывается вполне сохранившееся, если не считать колонн, здание русского Версаля.

Было немало статей в газетах, диссертаций и иностранных делегаций. Колонны восстановили, сделали их на две больше, чтобы показать преимущество советского образа жизни. Флигель объявили Домом приёмов, но снова никто не приехал, и тогда его присвоил себе зампред Нытиков. Нытикова отправили на повышение в область, во флигеле остались его родичи, родичи вмешались в борьбу за власть, их посадили, и под влиянием момента флигель отдали под детский

сад. Так прошло ещё десять лет. Они привели к дальнейшему запустению. Каждый новый главгор клялся, что восстановит памятник французской архитектуры, но, когда приходил к власти, как-то становилось недосуг.

До наших дней флигель дожил в виде жалкой дворовой собаки благородного происхождения. А вокруг него располагалась помойка, с одного краю которой гуляли дети, с другого царили бомжи.

Теперь в Великом Гусляре наступило некоторое оживление. Приехал Кара-Мурзаев Николай Ахметович. Основал банк. Купил участок. Строит офис банка в тринадцать этажей с гранёными теремками из чёрного стекла.

И надо же так случиться, что этот самый версальский флигель попал под западный угол банковского небоскрёба.

Общественность с запозданием засуетилась, две бабушки выходили с плакатами, учитель Авдюшкин устроил послеобеденную голодовку. Новый городской голова дал клятву корреспонденту «Гуслярского знамени» Мише Стендалю версальский флигель сохранить для потомства, но потом имел беседу с Николаем Ахметовичем, президентом Гуслярнеустройбанка. После беседы настроение городского головы изменилось, и он стал сторонником прогресса. «Хватит, – сказал он старушкам и Стендалю, – держаться, хвататься за прошлое. Дорогу свежему ветру с океана!»

И вот теперь перед печальным взором Льва Христофоровича бульдозер сгребает в сторону остатки флигеля, который пережил и царский режим, и даже советские годы.

«Этот флигель, – размышлял профессор, – не только свидетель, но и участник русской жизни последних столетий. А что это означало для изысканного иммигранта? Он появляется на нашем балу, надушенный и напомаженный, вокруг слышны голоса восхищения, но и ропот недовольных. И стоит случайному покровителю сгинуть, как начинается эпоха пренебрежения и гонений. Версаль помнит всё – шик и блеск королевского бала, шум революции и музейное благолепие. Жизнь флигеля была жизнью в страхе – вот-вот с тобой что-то сделают, сожгут, загубят, и лучше спрятаться среди хибар и быть такой же хибарой, как остальные. Чем ничтожнее, тем больше шансов выжить!

Ну что же это за страна такая! Как возможен в ней прогресс?»

...По улице прошёл Гаврилов. Колю уже трудно было назвать молодым человеком, но он остался Колькой. И если не займёт в жизни добротного места, то оставаться ему Колькой до алкогольной старости. Мать, что тащила его до тридцати лет, совсем состарилась, а Коля периодически брался за ум и начинал новую жизнь. Вот и сейчас, как слышал Минц от Удалова, он поступил в Заочный университет технико-гуманитарных перспектив имени Миклухо-Маклая. Хотел получить специальное финансовое образование и основать фирму. В Великом Гусляре немало фирм, в основном маленьких, торговых, даже есть свои рэкетиры, всё как у больших.

Коля, проходя мимо окон профессора, кинул равнодушный взгляд на строительство. Судьба соперника Версаля его не беспокоила. Он нёс с почты большой пакет. Интересно, кто же вступил с этим оболтусом в переписку?

Коля пропал, и Минц возвратился к печальным мыслям.

«Раньше, – размышлял он, – наше общество было подобно пирамиде. Наверху находился царь или генсек – неважно, как его называть. А далее в строгой последовательности располагались жильцы государства различных категорий. Была эта пирамида мафиозной, однако жила по строгим правилам. Если ты живёшь в слое секретарей райкомов, то не дай тебе дьявол воровать, как секретарь обкома! Да тебе голову снесут! А вот если некто обижал обитателя нижнего яруса, тот мог пойти в партком, а то и в райком. Неизвестно, получил бы он защиту и опору, но ответ из вышестоящей организации получил бы наверняка. Он был бесправен, боялся воров, но куда больше – властей. А теперь мы живём на поле, покрытом пирамидками – то ли кроты баловались, то ли собак там выгуливали. И каждая пирамидка живёт по своим законам, никто никого не боится, потому что есть соседняя пирамидка, куда можно переметнуться. Всем, но не нижнему слою, который вынужден ждать и терпеть».

Минц подумал, не заморозить ли ему строительство – в буквальном смысле этого слова. Опустить температуру в котловане до минус сорока градусов. Но возраст не позволяет заниматься такими рискованными экспериментами. Ещё заморозишь кого-нибудь живьём! Или получится наводнение. Пора покупать компьютер! Лучший в мире компьютер – мозг Льва Христофоровича – стал сбоить. Уже не может решать одновременно больше шести-семи проблем.

Минц незаметно для себя задремал. Пожилой организм требовал отдыха.

И тут в дверь постучали.

Минц не откликнулся, он продолжал спать.

Дверь раскрылась. Коля Гаврилов, который, как и все в доме, знал, что профессор никогда не запирает двери, вошёл в кабинет, зажёг верхний свет и стал смотреть на профессора. Он думал, что сдал старик за последние годы – и венчик волос вокруг лысины стал совсем белым, живот не таким упругим.

– У тебя трудности с математикой? – спросил профессор.

– Я думал, что вы спите, – сказал Гаврилов.

– Спать – самое непроизводительное занятие. Мхи не спят никогда. А человек – мыслящий мох, лишайник, плесень.

– Лев Христофорович, можно совет получить?

– Это не первый совет, – сказал Минц. – И ты не будешь ему следовать.

– А вдруг последую?

Минца развеселила такая возможность.

– Ну, выкладывай, – сказал он.

– Я тут учиться начал, – сказал Коля.

Он присел на стул и сгорбился, показывая свою печаль.

– Весь дом знает, что ты в очередной раз чего-то начал, – согласился Минц.

– Но на этот раз я всерьёз начал, – признался Гаврилов. – Я два задания выполнил, но ведь надо и деньги зарабатывать.

Гаврилов зарабатывал деньги спасателем на реке Гусь. Он подменял в зимние месяцы по очереди всех остальных четверых спасателей, которые уходили в отпуск. А весной он сам уходил в отпуск до ноября. Вот и сейчас, под Новый год, ему приходилось сидеть на вышке с биноклем, кутаясь в служебную доху.

– А что же случилось с третьим заданием? – спросил профессор.

– Не могу понять, – сказал Коля. – Всё просмотрел, а не понимаю. Ведь считается, что я его написал, а я человек, как понимаете, гордый.

– То есть написал и не понимаешь?

– Вот именно.

– Значит, ты гений, – сказал Минц. – Так только с гениями бывает. Вот, рассказывают, Эйнштейн написал свою бессмертную формулу и два дня думал: «Что же я это накалякал?»

– Вот именно, – сказал Гаврилов. – У меня то же самое.

– Показывай, Эйнштейн.

– Сначала я должен признаться, – сказал Гаврилов и извлёк из кармана мятую газетную вырезку. – Должен признаться, что воспользовался. Ведь я спасателем работаю, времени в обрез.

Минц прочёл объявление, вырезанное из газеты:

«Международный университет экономики и искусства сообщает: проанализировав выполненные курсовые и дипломные работы, предлагаем заочникам, которым не хватает времени или профессионального уровня для грамотного выполнения курсовых и дипломных работ и у которых есть финансовая возможность оплатить выполнение данных услуг:

1. За курсовую работу по учебному плану или по теме, выданной институтом (объём 30 машинописных страниц), – 50 условных единиц США.

2. За дипломную работу в двух экземплярах (объём 60–80 машинописных страниц) – 110 условных единиц.

При этом посещать институт не требуется»*.

– Такого я ещё не видел, – сказал Минц. – Вы только подумайте! За сто баксов – полновесное высшее образование! Неужели ты не соблазнился?

– Я сначала на курсовые соблазнился. По полсотни за раз.

– И как, удалось?

– Засчитали. Я тогда решил – чего тянуть? Закончу университет за год! Как Ленин.

– А Ленин им тоже по полсотни платил? – ахнул Минц.

---

* Это объявление не плод моего воображения. Оно было опубликовано в «Агрономе Поволжья». (*Примеч. автора.*)

– Они в проспекте намекали, что он тоже. Только я сомневаюсь. Он, говорят, давно умер.

– Молодец! А в чём теперь у тебя проблема?

– Мне они следующую курсовую прислали. По математике. Завтра сдавать пойду, а вдруг чего спросят по ней? А я – не секу, кем мне быть – не секу! Я и в школе уравнений не выносил.

– А я при чём?

– Посмотрите, дядя Лёва, а вдруг чепуха?

– А долларами со стариком поделишься? – пошутил Минц.

К сожалению, Гаврилов принял его слова всерьёз.

– Много не отстегну, дядя Лёва. Не больше десятки. Большие расходы, понимаешь.

– Десятка – тоже деньги, – не обиделся Минц. – Истрать их на мороженое, бездельник. Где твоя писулька?

Гаврилов, стесняясь (потому что так и не понял, будет брать профессор с него десятку или пожалеет), протянул папку, на которой было типографским способом напечатано: «ДЕЛО №___».

Минц вздохнул и взялся за чтение, заранее содрогаясь от того бреда, который ему придётся прочесть.

Но когда он пробежал глазами первый абзац, то подумал о другом: видно, аферисты в Международном университете экономики и искусства пошли по наипростейшему пути. Они брали уже опубликованные работы и перепечатывали их на машинке, в расчёте на то, что экзаменаторы в соседнем с ними университете читать ничего не будут.

«Но я их сейчас ухайдакаю, – с тайной радостью подумал профессор. – Они же не думали, что эти копии попадутся на глаза человеку с феноменальной памятью».

Минц прочёл в своей жизни несколько тысяч чужих статей и монографий, и все они лежали в его мозгу, словно выжженные на фанерке.

Профессор принялся читать.

И чем дальше он читал, тем большая растерянность охватывала его.

Да, общая тема статьи была ему чем-то знакома, но не более того. И уравнение, которое пытался решить автор, то есть заочник Гаврилов, гнездилось на периферии памяти. Что такое «$x^n + y^n = z^n$ при $n > 2$»? Почему сердце Минца гложет совершенство этого уравнения? Где, чёрт побери, он его встречал?

– Где же я, чёрт побери, его встречал? – спросил Минц у Гаврилова, уткнув палец в уравнение.

– А где? – спросил Гаврилов.

– Вот именно, – сказал Минц.

И догадался.

Всё оказалось просто.

Речь шла всего-навсего о теореме Ферма.

Триста пятьдесят лет назад французский математик по фамилии Ферма сообщил миру, что это уравнение не имеет целых положительных решений для $n > 2$. «Ну и что?» – ответили ему современники. Равнодушие современников настолько травмировало математика, что он забыл сообщить, как же он дошёл до такой мысли и как можно доказать такую простую и забавную теорему.

Гаврилов даже в носу ковырять перестал, так его испугали перемены в облике профессора. Тот покраснел, лысина запотела и заблестела, на носу тоже выступили капельки пота, губы беззвучно шевелились, а глаза остекленели.

– Что с вами, дядя Лёва? – спросил Гаврилов. – Трудная математика? Не по зубам?

Минц словно не услышал вопроса. Он сурово сдвинул брови и задал вопрос:

– Ты чего натворил?

– А чё? – оробел Гаврилов.

– Если всё это ты сам написал, то лучше сразу сознаться.

– Кем мне быть – не я! Я только баксы отстегнул. Говорю же, что не понимаю этих уравнений! В чём дело, дядя Лёва?

– А в том дело, – торжественно произнёс Лев Христофорович, – что человечество может вздохнуть с облегчением. Теорема Ферма доказана!

– Ну и слава богу, – откликнулся Гаврилов. – Я рад за человечество. Давайте папочку, я пошёл.

– Никуда ты не пошёл. И ничего ты не понял. Ты обязан сообщить мне имя и адрес автора этой работы.

– Откуда мне знать?

– Напрягись!

– А мне это без разницы.

– Ты знаешь, сколько стоит эта курсовая?

– Думаю, что и пятидесяти баксов не стоит.

– Она стоит... – Минц вскочил с кресла, подбежал к книжным стеллажам, вытащил с полки какой-то пузатый справочник на иностранном языке и принялся его листать.

Гаврилов замер. Сейчас что-то случится.

Минц отыскал нужную страницу и перевёл на русский:

– Доказательство теоремы Ферма ныне оценивается с превышением суммы в двести тысяч долларов США. Эту сумму готовы заплатить Американская академия наук, Британское королевское общество, фонд Сороса, а также муниципалитет города Лион во Франции, который также обещает предоставить победителю звание почётного гражданина Лиона.

– Почётного гражданина? – понял Гаврилов. Прочие награды по причине грандиозности не отпечатались в его сознании.

– Не тебе, – сказал Минц. – Не тебе, бездельник.

– А мне? Мне же причитается!

– Молчать! – рявкнул Минц. – Дай-ка мне адрес Международного университета!

Случилось чудо. Теорема, которая не давалась величайшим математикам мира, покорилась безвестному сотруднику сомнительного университета.

Не задавая больше вопросов, но тяжело дыша и даже покашливая, Гаврилов пошёл с Минцем к себе и отдал ему конверт от реферата. С этим пакетом Минц и отправился в университет, который, оказывается, располагался в доме купца Пиренеева, как раз перед речным техникумом.

Университет занимал не всё двухэтажное здание, а только две комнаты в подвале, вход со двора. Дверь разбухла от зимней влаги, звонка на ней не было.

С большим трудом Минц отворил дверь. Она визжала, будто её убивали.

В первой комнате никого не было. Во второй оказалась молодая женщина с наглым советским торговым лицом. Она сидела за ученическим письменным столом и распечатывала письма.

Минц простоял с минуту в дверях, девица его не заметила. Она вынимала из конвертов письма. Если обнаруживала в конверте купюру,

то клала письмо направо, а если денег не было, то кидала в помойную корзину.

– Здравствуйте, – сказал Минц. – Можно ли увидеть вашего ректора?

– Нет у нас лекторов, – ответила девушка, – у нас обучение заочное. – Она накрыла стопку денег широкой ладонью и сдвинула их по столу к себе так, чтобы можно было свалить стопку на колени. – А вам чего? Если поступать, то по пятницам, а можно по переписке.

– Я именно по переписке, – сказал Лев Христофорович.

– Если претензии, то деньги не возвращаются.

Лев Христофорович подпал под влияние этой наглой девицы и говорил с ней так же отрывисто и быстро, как она сама.

– Деньги не нужны, – сказал Минц.

– Что нужно?

– Адрес.

– Адресов не даём.

– Конкурентов боитесь?

– Не говорите! У нас в Гусляре из трёх университетов наш самый клёвый.

– Мне надо поговорить с вашим человеком, – сказал Минц. – С тем, кто заочно курсовые пишет по пятьдесят долларов.

– Ну вот, блин! Придётся гнать его в три шеи! – рассердилась девица, хотя Минц ни сном ни духом не собирался подводить автора курсовых.

– Вы кого имеете в виду? – осторожно спросил Минц.

– Кого-кого? Кого и вы! Бруно Васильевича, чёрта старого! Я ему сколько раз говорила – не умничай! Не выкобенивайся, не будь других умнее! У нас в писателях достойные люди работают. Один кандидат ветеринарных наук, кем мне быть! У всех высшее образование, понимаешь? Третья жалоба за неделю! Нет, я Боре прямо скажу – гнать его, или потеряем клиентуру!

– А может, я другого имею в виду?

– Нет, – твёрдо сказала девица. – Дайте мне фамилию заочника, и вы увидите, что я права. Гнать его будем.

– Заочника?

– Бруно паршивого.

– Гаврилов, – сказал профессор. – Николай Гаврилов. Первый курс.

– А у нас до второго ещё никто не дотянул, – зловеще произнесла девица, словно призналась, что второкурсников приносили в жертву кровавым богам науки.

Толстые, украшенные вишнёвыми ногтями пальцы шустро пробежались по картотеке на углу стола.

– Гаврилов, – сказала она, – послано две курсовых. За одну ещё не плочено. Вы деньги принесли?

Девица вдруг резко обернулась к дверям. Видно, у неё было развито чутьё – ждала удара в спину?

– А вот и он, – сказала она почти радостно. – Явился не запылился. Тебя уже с милицией ищут. Шут гороховый!

В подвале было не очень светло, вошедший не сразу разглядел Минца, да и Минц его разглядеть не успел.

– С милицией? – прошептал голос от двери, и тут же послышались лёгкие неверные шаги, спешившие прочь.

– Сбежал, блин, – сообщила девица. – Даже денег просить не стал. Напугали мы его с вами!

Она дробно рассмеялась, а Минц кинулся вверх по лестнице.

Конечно, консультант Бруно Васильевич далеко не ушёл. Был он немолод, куда старше Минца, худ и плохо одет. На ногах у него были валенки с калошами, совсем уж редкая в наши дни обувь. А выше – чёрное узкое пальто и лыжная шапочка, вроде бы голубая.

– Стойте, – сказал Минц.

Бруно Васильевич припустил прочь.

Пришлось, скользя и чуть не падая, бежать за ним по переулку.

Старик оказался шустрее, чем думалось, но всё же возраст взял своё. Минц, уже разозлённый от прыти беглеца и оттого, что ему не желают подчиниться, разогнался, прижал старика к высокому забору и сердито заговорил:

– Не бегите, я вам вреда не причиню. Только ответьте на один вопрос.

Старик часто дышал.

Он был невелик ростом, расплющенный нос и выпяченные губы выдавали негритянскую кровь – впрочем, каких только кровей не найдёшь у наших соотечественников. Может, потому русский расист всегда не уверен в себе, требует паспорт у идеологического противника, но избегает показывать свой. Ох, не блюли себя наши предки!

– Только один вопрос, – сказал Минц. – Вам говорит что-нибудь имя Ферма, Фер-ма, ударение на последнем слоге?

– Французский математик семнадцатого века, – ответил старик.

Он замолчал и поднял лицо к серому безнадёжному небу, из которого вываливались снежинки и, подлетая к земле, превращались в холодные капельки дождя.

– Правильно, – сказал Минц. – И он, в частности, известен теоремой, названной в его честь. Где бы мы могли поговорить?

– Не о чем нам разговаривать, Лев Христофорович, – сказал старик.

Минц не удивился. Преимущество, как и недостаток, жизни в небольшом городке заключается в том, что тебя знают. И ты обязан всех знать.

– Можем пройти ко мне, – сказал Минц. – На Пушкинскую. Угощу вас чаем с морошкой. Прислали из Норвегии. Мой аспирант всегда присылает бочонок к годовщине смерти Пушкина.

– Нет, – отказался старик. – Мне не о чем с вами говорить. Я устал.

– Мне ничего от вас не надо, – сказал Минц. – Я хотел бы лишь засвидетельствовать вам моё расположение.

– Ах, не надо шуток! – отрезал Бруно Васильевич. – Немало людей в моей жизни обещали расположение и даже деньги. Однако заканчивалось это очередным разочарованием. Вы хотите использовать меня? Не удастся. Я бесполезен.

– А это? – спросил Минц, поднося к носу Бруно Васильевича курсовую работу Гаврилова.

– Это – свидетельство моего бессилия, – уверенно ответил Бруно Васильевич.

– Если вы не хотите идти ко мне, – сказал Минц, – я вас провожу.

– Ах, зачем вам это? – почти плакал старик. – Побалуетесь, посмеётесь над стариком, а мне потом ещё хуже станет! Зачем вам, профессору, к которому академики приезжают, из Норвегии морошку присылают, ну зачем такому человеку марать руки о моё ничтожество?

– Хватит! – прикрикнул Минц, который мог быть решительным и жёстким, если к этому склоняли жизненные обстоятельства. – Вы не идёте ко мне, тогда мы идём к вам.

– Ко мне нельзя, – сказал Бруно Васильевич, – у меня соседка злая.

– Я тоже злой, – сказал Минц.

Бруно Васильевич совсем оробел и более не возражал. Он молчал до самого дома. Минц тоже молчал. Ему было неловко за то, что напал на беззащитного человека.

Они остановились перед чёрным от времени двухэтажным бревенчатым бараком. Когда-то в Великом Гусляре построили целый район этих домов – десятка три. Решили развивать лесную промышленность за счёт ссыльных. Было то в начале тридцатых годов. Район называли Брёвнами.

С тех пор многое изменилось. И народ уехал, и бараки снесли почти все.

– Вы с тех пор здесь живёте? – догадался Минц.

– Нет, – ответил Бруно Васильевич, – мы не местные.

В сенях было совсем темно, Бруно Васильевич шуршал, водил пальцами по стенке, отыскивая ручку своей двери.

– Я не запираю, – сказал он.

В его комнате было полутемно, окно завешено шторой. Из разных тёмных углов к ним двинулись кошки, они не мяукали, а только сверкали глазами.

– Они тоже знают, какое к ним отношение моей соседки Марии Семёновны, – прошептал Бруно Васильевич. – Она уже неоднократно обещала вызвать милицию.

Кошки пропустили людей внутрь комнаты. Они стояли вокруг, подняв мордочки и ударяя по полу хвостами; их было больше полудюжины.

– Вы чувствуете, какие они голодные? – спросил Бруно Васильевич.

– Да, – сказал Минц.

Кошки смотрели на него, как дети в приюте, которые понимают, что плакать – безумие. Побьют и не накормят.

– Я сейчас, – сказал Минц.

Он хотел побежать на угол, там был продуктовый магазин. Но бежать не пришлось, потому что из-под лестницы вышла наглого вида бабка в норковой шубе. Она несла большую коробку, на которой была изображена кошка и написано «Вискас».

– Деньги принёс? – спросила она.

– Познакомьтесь, – сказал Бруно Васильевич. – Мария Семёновна. Наша соседка и спасительница. Однако, к сожалению, я должен вас,

Мария Семёновна, разочаровать. Не дали мне денег в университете. Не дали, просили завтра зайти.

– Сколько стоит? – спросил Минц.

– Плюс пятнадцать процентов, – сказала Мария Семёновна. – Но и меня понять можно – пенсия у меня не человеческая, а кошачья. А желудок, простите, человеческий.

Минц купил коробку с кошачьим кормом, Мария Семёновна ушла, пересчитывая деньги, Бруно Васильевич и кошки смотрели на Минца не отрываясь. Минц почувствовал, что и Бруно Васильевич готов отведать кошачьего корма.

Комната была бедной, захламлённой, заставленной рассыпающимися вещами, как будто её специально сделали такой, чтобы кошкам было удобнее играть в прятки.

Бруно Васильевич поставил коробку на пол, а кошки начали остервенело рвать картон.

Комната была надвое разделена занавеской. Из-за неё донёсся глухой, задыхающийся голос:

– Ты получил гонорар?

И непонятно было, мужской это или женский голос.

Бруно Васильевич обернулся к профессору, приложил палец к губам, а затем сказал:

– Гонорар за лекции обещают заплатить к концу недели. Сегодня в кассе денег не было.

– Ты всегда так! Лентяй! – сердились за занавеской. – Пошёл бы раньше, тебе бы досталось.

Кошки шуршали обёрткой «Вискаса». Шарики рассыпались по полу, кошки подхватывали их и хрумкали.

– Садитесь. – Бруно Васильевич показал на стул, сам сел на продавленный диван.

– Я готов вам одолжить, – сказал Лев Христофорович. – Сколько вам нужно?

Бруно Васильевич не успел ответить, как из-за занавески послышалось:

– Кто там у тебя? Почему незнакомый голос?

– Это мой коллега, мама, – сказал Бруно Васильевич. – Профессор Минц.

– Не имею чести, – сказала мама Бруно Васильевича.

Резким движением она откинула занавеску и выехала к гостю.

Мать Бруно Васильевича, немолодая черноволосая губастая женщина, находилась в инвалидной коляске. Одета она была в чёрное расшитое стеклярусом платье. Колени мамы были покрыты пледом, давно превратившимся в невнятную тряпку. Руки, лежавшие на тряпке, были усыпаны перстнями. Кошки перестали есть и уселись в ряд, демонстрируя уважение к хозяйке.

– Вот так и живём, – сказал Бруно Васильевич.

– Я рад с вами встретиться, – сказал Минц матери консультанта. – К сожалению, я не был знаком с вами раньше.

Мама прикрыла яркие карие глаза.

– Вы состоятельный человек? – спросила она.

– Относительно.

– Распространяется ли ваше благосостояние на бутылку шампанского?

– Разумеется, – сказал Минц.

– Тогда докажите это, – сказала мама.

Минц достал бумажник, открыл его, вытащил купюру с видом концлагеря в Соловках.

– Мама, мне стыдно за вас, – сказал Бруно Васильевич.

Минц подумал, что старик сохранился хуже, чем его мама.

Впрочем, с женщинами восточного типа это случается. Они как бы консервируются.

Мама нажала на кнопку в ручке инвалидного кресла.

Тут же в дверях, словно поджидала сигнала, появилась Мария Семёновна. Она держала поднос с четырьмя бокалами и открытой бутылкой шампанского «Новый свет».

– Отечественное, – сказала она и поставила поднос на овальный столик, для чего пришлось сбросить на пол несколько книг.

Кошки зашипели.

Мама первой подъехала к столу. Остальные тоже взяли бокалы.

– Брют, – сказала мама. – Спасибо тебе, Мария Семёновна. Хоть ты и сволочь, но иногда в тебе что-то просыпается.

– Это от жадности, – призналась Мария Семёновна.

Она вытащила из пальцев Минца купюру и сказала:

– Сдачи не жди, Христофорович.

– Мы знакомы? – спросил профессор.

– Ты соблазнил меня, когда учился на втором курсе, – сказала Мария Семёновна и, звонко расхохотавшись, убежала из комнаты.

Только тут Минц сообразил, что не удосужился рассмотреть соседку.

Мама пила медленно, глоточками. Бруно высосал шампанское, не отрывая губ от бокала.

– Что вас к нам привело? – спросила мама.

– Счастливый случай, – ответил Минц. Шампанское приятно ударило в голову, чего не могло случиться от обычного вина.

– Профессор увидел у одного из заочников статью, то есть курсовую о теореме Ферма, – пояснил Бруно Васильевич.

– Господи, – сказала мама, – это позавчерашний день!

– Мама, вам вредно так много пить, – сказал Бруно.

Мама протянула руку с пустым бокалом. Рука не дрожала.

Бруно отрицательно покачал головой. Минц подумал, что тёзка консультанта так же качал головой на требования инквизиторов отказаться от идеи множественности миров.

Мама повернулась к профессору и протянула бокал в его направлении.

Минц взял со стола бутылку и налил маме шампанского. Бруно Васильевич был недоволен.

– Спасибо, – сказала мама, – но, надеюсь, вы не выдадите нас? Вы производите впечатление порядочного молодого человека.

Минц вопросительно взглянул на Бруно Васильевича.

– Мама, – попросил тот, – допейте до конца и идите отдыхать.

– Ах, – произнесла мама, – покой нам только снится! Если бы я не работала, то давно бы состарилась.

Держа бокал, как флажок на прогулке, мама уехала за занавеску. Бруно Васильевич закрыл дверь в коридор. Коты хрустели шариками корма.

– Моя беда в том, – сказал Бруно Васильевич вполголоса, – что мама здесь не прописана. Эта история берёт начало в том трагическом периоде нашей истории, когда я был выслан сюда как сын врага народа. Папа был расстрелян как враг народа, а мама сидела в лагере как жена врага народа. Я не мог получить образования.

Неожиданно Бруно Васильевич всхлипнул и вытер рукавом щёку.

– Я помню, как принёс своему мастеру изобретение. Тот его одобрил. И велел забыть. «Как только попадёшь на вид, ссылкой не отделаешься».

– Кстати, – послышалось из-за занавески, – я испытала этот страх ещё до революции. Я пришла на кафедру химии к господину Столетову. Ему нечего было сказать по сути дела, но он и не стал читать. «Что может принести немытая цыганка? Где швейцар? Кто пустил её в стены?»

– Мамочка, сколько раз вам говорить! Это был не Столетов, а академик Бах. Столетов никогда бы себе не позволил таких слов.

– Может быть, память играет со мной жестокие шутки. Но Василий Генрихович, бывший анархист, – на какие уловки он ни шёл, чтобы скрыть свои способности! Но ведь не удалось!

– Василий Генрихович – мой папа, – сказал Бруно. – Папа командовал дивизией у командарма Егорова. Он делал вид, что почти неграмотный. Но ведь проговорился...

– А что Васе оставалось делать? Дивизия попала в холеру. Пришлось придумать сыворотку для лечения. Когда все выздоровели, шестьсот больных, не считая гражданских лиц, то конечно же об этом сообщили Троцкому. А Троцкий вызвал Василия в Москву. К счастью, не расстреляли, а дали лабораторию.

– А судьба сыворотки от холеры? – спросил Минц. – Ведь таковой и сегодня не существует.

– Лабораторию Васи чекисты расстреляли из пушек, – послышался голос из-за занавески. – Это совпало с репрессиями против анархистов в армии.

Минц осторожно спросил:

– А кто из вас... Я имею в виду вас или вашего батюшку. Кто из вас интересовался математикой?

– Вы всё о теореме Ферма? – спросила мама из-за занавески.

– В частности.

– Я вам многим обязана, профессор, – сказала мама, – я давно не могла позволить себе даже рюмку этого зелья. Понимаете, мы с Бруно столько лет боялись, столько лет таились, что начали записывать некоторые результаты своих размышлений лишь недавно, с начала девяностых годов. Кое-что осталось от папы...

– Я не получил настоящего образования, – сказал Бруно. – Приходилось самому проходить университеты.

– А ваш отец?

Дверь из коридора открылась, сунулась рожа Марии Семёновны, женщины пожилой и толстолицей.

– Я вам сама скажу, они от страха врать будут, – заявила она. – Василий Генрихович – чистой души человек. Он всегда здесь жил, ещё с тех времен...

Бруно Васильевич кинулся к двери и захлопнул её, чуть не прищемив нос соседке. И уже сквозь дверь закричал:

– И не смейте вмешиваться в нашу жизнь!

– А сколько можно трепетать? – слышалось из-за двери. – Времена у нас другие пошли!

Из-за занавески послышался стрёкот пишущей машинки.

Это настолько удивило Льва Христофоровича, что он сделал шаг и заглянул за занавеску. Он увидел, что мама поставила на колени старинную портативную машинку и строчит на ней.

– Не обращайте внимания, – сказал Бруно. – Это у неё рефлекс. Это у неё от волнения и от шампанского.

– А нельзя ли мне ознакомиться...

– Ничего интересного вы не найдёте, – сказал Бруно Васильевич. – Не надо копаться в прошлом.

Мама оторвалась от машинки.

– Я вечно воюю с мальчиком, – сказала она. – Но он у нас кормилец. Куда мне без него? Возьмут в приют, машинку отнимут. Вот я и помру.

– Времена изменились. – Минц повторил слова соседки. – Чего вы боитесь? При удачном стечении обстоятельств доказательство теоремы Ферма принесёт вам сотни тысяч долларов.

– Вы думаете, что мы – выжившие из ума анахореты! – закричала мама. – Мы не хуже вас знаем, что времена изменились. Мы уже семь лет как посылаем наши статьи и заметки в серьёзные журналы. Нам даже не отвечают.

– Но почему?

– Что бы вы сделали на месте редактора журнала «Природа», если бы получили статью о практических проблемах бессмертия с обрат-

ным адресом «Великий Гусляр, улица Кривобокая»? Не пожимайте плечами, у них там тоже есть мусорная корзина. Так что для нас нет разницы между террором и демократией.

– Вы преувеличиваете! – возмутился Минц. – Я сегодня же напишу письмо главному редактору журнала «Природа», кажется, там Александр Фёдорович. Чудесный человек, большой учёный.

– И подпишетесь: «профессор»?

– Разумеется.

– У вас мафия похлеще уголовной, – вздохнул Бруно.

Из-за занавески донёсся мамин голос:

– Сынуля, напомни постоянную Планка. Совсем склероз заел.

– Мама, не позорь наше семейство! – воскликнул Бруно Васильевич. – Энергия равна аш эф, где эф – частота осциллятора...

– Аш и будет постоянной Планка. – Минц поддержал Бруно Васильевича.

– Спасибо, мальчики, – откликнулась мама.

На этажерке громоздилась кипа машинописных листов.

– Это всё ваши... опусы?

– Никому ни слова! – прошептал Бруно. – У нас отнимут комнату. Мы живём как пенсионеры-инвалиды...

– А меня отдадут в богадельню, – сказала из-за занавески мама. – У меня паспорт просрочен.

– У меня тоже, – сказал сын.

– Отдадут, каждый день жду, когда участковый придёт и освободит помещение. – Мария Семёновна вошла с подносом, на котором стояла вторая бутылка шампанского. – Я уж на них всюду написала. Только теперь все так распустились, что на сигналы не реагируют.

– Маме нельзя больше пить, – сказал Бруно. – Вы же знаете, что в её возрасте...

– Ах, оставь, живём лишь дважды, – ответила мама, выезжая из-за занавески. – Разливайте, профессор.

– Как же это началось? – спросил Минц, отхлёбывая из бокала. – Я имею в виду эти курсовые?

– Это я посоветовала, – сказала Мария Семёновна. – Негде повернуться от бумаги.

– Мы получаем в университете списки адресов, – сказал Бруно. – Раскладываем по конвертам никому не нужные статьи. И рассылаем.

– Значит, Гаврилов не исключение?

– Он один из сотни. Каждая статья приносит нам не меньше двадцати рублей чистого дохода.

– Нужда, – вздохнула мама. – Она чему хочешь научит.

– И вы не боялись разоблачения?

– Ну кто будет читать курсовые заочников, если они напечатаны без правки через два интервала? – спросил Бруно.

– Я замечательная машинистка, – похвалилась мама. – Я даже пыталась зарабатывать так деньги. Но случилась беда: с середины второй страницы я начинала печатать собственный текст. Меня выгнали.

Бруно поставил на стол пустой бокал и обернулся к Минцу:

– Ваше появление – тревожный сигнал. Это должно было случиться. Рано или поздно.

– Моё появление – замечательный сигнал! – возразил Минц. – Ваш талант вернётся к людям.

– Не только людям плевать на наш талант, – отозвалась мама, – но и мы сами в нём разочаровались.

Но Минц был настойчив.

– Я вам гарантирую славу и благополучие! У вас остались вторые экземпляры так называемых курсовых?

– Мы никогда не тратим лишнюю бумагу, – сказал Бруно. – Надо экономить.

Минц подошёл к этажерке и стал по очереди поднимать листы. Он стряхивал с них пыль и моль. Он зачитался.

Через полчаса он произнёс:

– Я не нахожу слов. Каждая строка – шаг человечества в будущее, а вас – в бессмертие.

– Я тебя предупреждала, – сказала мама. – Он нас подведёт под монастырь.

– Он утверждает, что времена изменились!

– Как бы они ни менялись, но вечный закон российской жизни остается прежним: не высовывайся!

Сын с матерью поссорились, в ссору вмешалась Мария Семёновна.

Минц временно раскланялся. Он спешил в Международный университет. Ему нужны были адреса заочников, которые получили свои курсовые и дипломы. Надо было спасать многолетний труд странного семейства.

К сожалению, поход Минца не дал результатов. На двери университета висел амбарный замок, а у входа маялись кредиторы.

Огорчению Минца не было границ. Он ринулся обратно на Кривобокую улицу.

У дверей барака его ждала Мария Семёновна.

– Не спеши, Лев Христофорович, – сказала она. – Только что они собрались и ушли.

– Куда? Зачем? Ведь я же сказал, что эпоха непризнания завершилась.

– А они говорят, что им ещё пожить хочется. Машинку в рюкзак, бумаги в мешок, а кошки за ними сами побежали.

– Вы должны знать, куда они уехали.

– Мне, Лев Христофорович, дорога память об их папе Василии Генриховиче д'Орбе. Не дам тебе их координатов, хоть пытай, хоть убей. Своей любовью ты их погубишь.

– Можно хоть заглянуть в их комнату? – упавшим голосом произнёс Минц.

– Заходи, сделаю для тебя такое одолжение в память о твоих горячих ласках. Но я всё равно её на своё имя перепишу, а что осталось – на помойку.

Минц смутился. Он прищурился, разглядывая Марию Семёновну, но в этой полновесной пожилой женщине не смог угадать своей юношеской жертвы.

Комната была почти пуста. На этажерке лежал забытый конверт с надписью: «Курсовая работа курсанта 2-го года обучения Речного техникума». В нём обнаружилась сжатая скрепкой статья под таким названием: «К вопросу о выведении токсинов из организма».

Минц по привычке заглянул на последнюю страницу. Кончалась статья так:

«Пользуясь нашим методом вывода из организма токсинов с помощью энзима „Ф“, можно продлить человеческую жизнь до бесконечности. К моменту завершения настоящего исследования продолжительность жизни подопытных добровольцев Бруно д'О. и его матери Э. С. достигла соответственно двухсот восьмидесяти лет и трёхсот двух, что, разумеется, не является пределом».

Больше Минц не видел этих людей и не слышал о них. Проблемой выведения токсинов из человеческого организма по методу д'Орбе за-

нимаются два открытых и шесть закрытых институтов. Достигнуты обнадёживающие результаты.

Версальский флигель напротив дома № 16 по Пушкинской снесли окончательно. Здание банка поднялось на тринадцать этажей сплошного чёрного стекла.

ДЕВОЧКА С ЛЕЙКОЙ

Ничего нельзя предсказать.

Поэтому самые лживые люди – футурологи. Они надувают свои умные щеки, морщат свои крутые лбы и сообщают нам, что человечеству грозит гибель от перенаселения. К двухтысячному году на Земле останется мало свободных для жилья мест, люди примутся толкаться локтями, возникнут кровопролитные войны за место в очереди за водкой, и земные ресурсы будут вычерпаны до дна.

Есть и другие прогнозы. Экологические и индустриальные об увеличении озоновой дыры или наступлении зимы из-за замутнения атмосферы.

Вы об этом читали? Вы об этом слышали?

Не верьте!

Разумеется, Земля погибнет. И в ближайшем будущем. Но ни один футуролог не догадается, отчего. Потому что действительная угроза Земле сегодня совершенно неочевидна. Она, можно сказать, путается под ногами, отчего и разглядеть такую мелочь трудно.

Укус каракурта опаснее, чем укус слона!

Ввиду трудностей, переживаемых городом Великий Гусляр вследствие неразумно проведенной ваучеризации, либерализации и приватизации, властям приходилось искать способы раздобыть денег. Тем более, что оставшиеся без зарплаты работники секретного предприятия № 12, о существовании которого в городе стало известно лишь в последние годы, особенно после первой демонстрации его сотрудников, постоянно стоят с красными флагами у Гордома, требуя возвращения старого гимна Советского Союза под названием «Интернационал». Демонстранты даже поют порой первые строки гимна:

Вы жертвою пали в борьбе роковой,
Отмстить неразумным хазарам...

А у окна своего кабинета стоит демократично выбранный новый предгор Леонид Борисович Мощин, патриот, русофил, радикал, глава движения за возвращение Шпицбергена в Великогуслярский район, известный не только в Вологде, но и в Москве.

Денег в городе нет, идеи иссякли, рейтинг падает...

В кабинет вошел пенсионер Ложкин, сохранивший острый критический ум.

– Пора отмечать юбилей, – сказал пенсионер. – Пополним казну, прославимся.

– Ты о чем, хороший мой человечище? – спросил Леонид Борисович.

– Надвигается дата.

– Подскажи, какая, старик, – попросил Мощин, указательным пальцем поправляя очки, съехавшие на кончик острого носа.

– Судя по Андриановской летописи, – продолжал Ложкин, отбивая такт своим словам ортопедической тростью, – в 1222 году от Рождества Христова потемкинский князь Гаврила Незлобивый «пришех и истребих» непокорных обитателей городка Гусляр.

– Так давно? – удивился Мощин.

Он подвинул к себе органайзер и записал в него дату. Потом поинтересовался:

– А он почему потемкинский? Фаворит?

– Это от села Потьма, соседнего района, – объяснил Ложкин. – В те времена Потьма была центром небольшого княжества.

– Любопытно, очень любопытно, – сказал Мощин и занес сведения в органайзер. – И что же дальше?

– Сейчас в разгаре какой год?

– Девяносто седьмой.

– Теперь вычитаем!

Мощин долго шевелил губами, нажимал кнопочки в своем органайзере и родил интересную идею:

– Нашему городу исполняется 775 лет!

– Это юбилей! – убежденно сказал старик Ложкин.

– Какой-такой юбилей? Разве это тысяча лет? Разве это сто лет?

– Москве 850 вон как отпраздновали! Весь Кремль зайками и мишками обставили, – возразил Ложкин. – Нам тоже допустимо. Бейте в

набат! Вызывайте главного редактора городской газеты, давайте интервью кому ни попадя. Ищите спонсоров.

Мощин ходил по кабинету, заложив руки за спину и горбясь от мыслей.

– А в какое время года? – спросил он.

– Князь Гаврила Незлобивый в декабре нас штурмом брал, – ответил Ложкин. – Тогда зимой было легче технику подвозить, летом грязь непролазная.

– Это правильно, – похвалил Мощин наших предков. – Собираем актив.

На следующий день газета «Гуслярское знамя» вышла под шапкой:

«ВЕЛИКОМУ ГУСЛЯРУ 775 ЛЕТ!»
«ДОГОНИМ И ПЕРЕГОНИМ МОСКВУ!»

Корнелий Удалов сказал своему другу Минцу:

– Тоже мне, круглая дата! Через год снова справим, да?

– Народу нужны зрелища, – ответил Минц. – Нужнее хлеба. Не считая колбасы.

Мощин совершил ряд дальних и ближних поездок. Собирал деньги на юбилей. Дали многие, но понемногу: Вологодская администрация, Академия вредителей леса, «Гуснеустройбанк», министерство культуры, ассоциация малых народов Севера и ряд коммерческих структур.

Деньги стекались в Гусляр тонкими ручейками. Их явно было недостаточно.

И тут на прием к Мощину пришел Глеб Неунывных, небольшого росточка дядечка в черном костюме на пять размеров больше, чем надо. Галстук ему тоже был велик.

Посетитель уселся на стул и достал визитку, на которой золотыми буквами было написано:

ГЛЕБ НЕУНЫВНЫХ
Генеральный президент
ООО «Чистюля-онал»

– Зачем пожаловал? – спросил Мощин.

Посетитель был крутой, денежный и опасный.

– Зима наступает, – сказал генеральный президент. – Снегопады, заносы. Катастрофа! Юбилей придется отменить.

– Зачем же отменять? – усмехнулся Мощин. – Народ съедется. Может, даже из дальнего космоса. Спонсоры есть.

– Спонсоры не помогут, – сказал посетитель, и глазенки его злобно сверкнули. – Спонсоры в снегу утопнут. У вас в городе уборка не организована.

– Опять же ошибка! – радостно засмеялся Мощин. – У нас в наличии два уборочных комбайна...

– Без запчастей.

– Три грузовика для вывоза...

– Водку возят.

– Целая армия дворников...

– Пьет ваша армия.

– Может, и пьет, но когда город говорит: «Надо!», они отвечают: «Есть!»

– Будем чистить, – сказал генеральный президент. – Поможем. Обеспечу уборку города на период зимы. Почти бесплатно.

Мощин нашелся и ответил:

– Бесплатный сыр, дорогой мой человек, бывает только в мышеловке.

– Понимаю вашу шутку и отвечаю. Моя фирма имеет завод по производству «розочки». Приходилось слышать? Не приходилось. Безвредно, быстро, ласково. По минимальной отпускной цене, возможны варианты. Закупаете тонну, получаете комиссионные.

– Как так комиссионные? – рассердился Мощин. – Кому какие комиссионные, понимаешь?

– Безвредно, – ответил гость. – Лично в конверте, сто баксов с тонны. Радость всеобщая.

Он положил на стол длинный белый конверт, совершенно пустой на вид. Конверт загадочным образом скользнул к Мощину, хотя тот вяло пытался отбиться.

– Место! – крикнул Неунывных конверту. Потому что вряд ли он мог так крикнуть городскому голове.

Конверт исчез в кармане Мощина, и тот, как ни выковыривал его, ничего не мог сделать. Предгор сказал посетителю:

– Вон отсюда! Чтобы ноги вашей здесь не было.

– Поставка завтра, будете благодарить до конца жизни, – ответил Неунывных и исчез.

Через пять минут взвизгнула в приемной секретарша, а еще через минуту зашуршал шинами белый «мерседес». Мощин выбежал в приемную. Валюша была почти растерзана и сладко стонала.

– Прикройся, – сказал Мощин.

Валюша попыталась прикрыться зелеными купюрами, что лежали стопкой на ее животике.

Через неделю прибыл «КамАЗ», полный пластиковых мешков с изображением роз в натуральных цветах. Мощин подписал накладную и созвал городской актив на полевые испытания.

Как раз прошел снег, площадь Первопроходцев была похожа на степь-да-степь-кругом, заслуженный дворник Рахат Мухитдинов вышел на простор с эмалированным лукошком через плечо и пошел по целине, размахивая правой рукой, как сеятель на агитплакате двадцатых годов. Демонстранты с красными флагами выкрикивали критические замечания. Снег за спиной дворника начал таять, чуть дымясь. На площади образовалась черная блестящая полоса.

Присутствовавший на демонстрации Глеб Неунывных стал хлопать в ладоши.

– А если тридцать градусов мороза? – спросил Ложкин.

– Будет испаряться! – ответил генеральный президент. – И в сорок не замерзнем! Ваш город спасен!

– Сколько придется платить? – спросил Корнелий Удалов.

– По бартеру, – ответил Мощин. – Все утрясено. Город не потеряет ни копейки.

Неунывных умчался на «мерседесе» на базу благоустройства. Оттуда он взял курс на свои края. За «мерседесом» следовали два грузовика и три снегоуборочных комбайна, которые он получил по бартеру как предоплату за «розочку».

В Великом Гусляре началась цивилизованная жизнь. Как в Москве.

При трескучих морозах гуслярцы брели по черным лужам, хлюпали по черной жирной грязи, машины разбрызгивали грязь по стенам домов, вечерами женщины пытались отстирать засоленные брюки и ботинки, а шоферы соскребали с машин белый жгучий налет... Зато было куплено вдоволь кумача на украшение улиц.

Профессор Минц пришел к Мощину в начале декабря, когда до юбилея оставались считанные недели. Мощину не хотелось видеть надоедливого профессора, добра от этой встречи он не ждал, к тому же он спешил: пора было выкупать красный кирпич для завершения строительства дачи. Благо, Глебушка привез вчера две сотни баксов.

– Ну, что у вас, мой дорогой человечище? – спросил Мощин, поправляя очки, которые все сползали на кончик острого носа, удивительно выдававшегося на совершенно круглом и даже пухлом лице.

– Я просчитал возможные последствия, – сказал Минц. – Это может плохо кончиться для города.

– Лишнее, лишнее, вот это лишнее. Не советую слушать злопыхателей. Наверное, опять Корнелий Иванович Удалов под меня копает?

– Вы хоть состав этой «розочки» установили?

– Одобрено. Одобрено ассоциацией фармакологов – мне лично даны гарантии, – быстро сказал Мощин.

– При контакте ног с солью «розочки» могут начаться процессы деформации, – сказал Минц. – Дыхание сопровождается...

– Ах, спрячьте свою записную книжку, дорогой мой дружище, – вздохнул Мощин. – И покиньте мой кабинет. Вы хотите возмущения? Народ вас не поддержит. Раньше мы как жили? Ходили и скользили. А теперь, где ваши дворники? На заслуженном отдыхе!

– Вы тоже не застрахованы, – возразил Минц. – Ваши поставщики везут в Гусляр отходы завода «Льизифосгенпроект-13» имени Клары Цеткин.

Мощин заткнул уши указательными пальцами и начал топать ногами, чтобы не слышать проклятого профессора.

Не могут футурологи предсказать главную опасность. Даже Нострадамус им не помощник. Он ведь что написал в шестьсот тридцатом катрене:

В конце рокового столетия
В стране гипербореев
Город от имени крупной птицы
Будет поражен проклятием, подобно столице.

Каждому ясно, что страна гипербореев – Российская Федерация, а крупная птица – гусь.

После обеда предгор Мощин велел шоферу ехать на строительство объекта номер один – своей дачи. Он ехал и думал, что дачу надо завершить до юбилея. Пригласим из Москвы какого-нибудь великого скульптора, чтобы поставил монумент. Все равно какой. А на даче будет большой банкет – руководители области отведают наших осетров.

Машина неслась по улицам, разбрызгивая черную грязь. Прохожие жались к стенам. Стоял жгучий мороз, у центрального супермаркета стояла очередь за резиновыми сапогами. Детей выпускали на улицу только в марлевых повязках. Поперек улицы рабочие растягивали транспарант:

«СЛАВА НАШЕМУ ГОРОДУ
НА ПУТИ К ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ!»

Второй плакат Мощину попался на выезде из Гусляра:

«ЭКОЛОГИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ ЭКОЛОГИЧНОЙ!»

– Вот именно, – сказал Мощин. – Так держать!

– Вы ко мне? – спросил шофер.

– Я с собой беседовал, – ответил Мощин.

– Это правильно, – согласился шофер. – Всегда лучше с умным человеком поговорить. У меня к вам просьба, Леонид Борисович. Когда будете снова с собой разговаривать, спросите, когда будем новый кар получать?

– А чем тебе наш скромный «ауди» не подходит, Трофимыч? – удивился предгор.

– Беспокоит меня состояние его днища, – сказал шофер.

– Отчего же?

– От этой грязи! От «розочки», блин!

– Не стоило бы тебе слушать бабские сплетни, – сказал Мощин.

Машина съехала с шоссе и пошла, слегка подпрыгивая, по дорожке, что вела к стройке века. Пока еще здесь не было покрытия.

Впереди уже показался возведенный до третьего этажа замок – личная резиденция Леонида Борисовича.

Машина съехала с пригорка, но тут в ней что-то треснуло, и днище ее отвалилось. К счастью, скорость была невелика и, отваливаясь вместе с днищем, шофер успел тормознуть.

Мощин рассердился на шофера, на машину и на интриги.

Он вылез и пошел дальше по снегу пешком, а шофер вел машину сзади, держась за руль и перебирая ногами.

Дальнейшая судьба предгора складывалась драматично.

Отдав деньги за кирпич, Мощин оставил шофера с машиной, а сам побрел обратно к шоссе, чтобы там проголосовать и вернуться в город.

Время было к вечеру, пятница, ни одной машины к городу не встретилось, а те, что встретились, не остановились.

Только к шести часам вечера (вы представляете, в каком состоянии?) Леонид Борисович вступил в Гусляр, который уже издали дал о себе знать легким запахом тления, издаваемым «розочкой». Над городом царил мир. Кое-где в окнах мерцало голубым – работали телевизоры. По мере продвижения руководителя к центру города глубина грязи увеличивалась. Одно дело ездить по Гусляру на персональной машине, совсем другое – оказаться в положении пошлого пешехода.

Мощин был зол на фирму «Ауди», которая выпускает такие негодные автомобили, на глупого шофера, на черную грязь, на плохое освещение на улицах, на проезжавшие мимо и обдававшие его черной грязью машины, на молодежь, которая не уступает дороги, на жену, которая не ждет его обедать...

Жена действительно не ждала его обедать. У жены было горе, и она ждала мужа, чтобы поделиться с ним.

– Герасима Ксюша привезла, – заплакала она, увидев на пороге мокрого, несчастного, осунувшегося мужа. – С утра доктора надо вызвать.

– Что еще? – Мощин уселся на стул в коридоре. Дорогой был стул, из итальянского мебельного гарнитура.

– Сказать нельзя, – ответила жена. – У них в садике эпидемия, но такая страшная, что нельзя даже сообщить...

– Опять бабские сплетни, – досадливо отмахнулся Мощин и пошел на кухню, забыв раздеться. – Покормила бы...

– Ты что не разуваешься! – закричала вслед мужу Мощина. – Опять мне за тобой подтирать. По колени промок!

На крики из комнаты выбежал, постукивая копытцами, милый ребенок Герасик.

– Это что еще за мода? – возмутился Мощин, стягивая мокрый ботинок. – Сейчас же сними!

Ботинок стягивался с трудом, настолько одеревенела, окостенела от мокрого холода нога.

– А у Нинки из младшей группы копыта зеленые, – сообщил Герасик.

Мощин хотел было накричать и на внука, и на жену, и на дочку – на всех, кто занимается чепухой, когда человеку так плохо, но тут наконец его ступня выскочила из мокрого ботинка и оказалось, что она очень похожа на копыто.

– Этого еще не хватало! – сказал Мощин. – Где мои шлепанцы?

Жена кинула ему шлепанцы, она была недовольна.

Мощин решил не говорить жене о своих копытах. Он знал, что она скажет. Поэтому кое-как надел шлепанцы и пошел в туалет, но по дороге один шлепанец потерял, и жена заметила. И крикнула ожидаемое:

– Козел, ну прямо козел!

– Ты на своего внука посмотри! – огрызнулся городской голова. – А потом обзывайся.

Это было несправедливо, и жена зарыдала. Внучок тоже начал плакать.

Открылась дверь, пришла дочка.

– Эй, что за лужа? – закричала она с порога.

Все стали смотреть на лужу – оказалось, что это не лужа, а киселеобразная масса из ботинок и сапог черного цвета.

И запах от этой массы шел фосгенный.

– Нет, – сказал Мощин, – пахнет таллием. Его соли.

– Я тебе сколько раз говорила, оставляй обувь на лестнице! – крикнула жена, хотя говорить этого она не могла, даже в элитном доме все равно бы через две минуты все украли.

– У нас, – сказала дочка, раздевшись, – сегодня первый этаж конторы пополз. Опустился, понимаешь, весь дом на этаж. Кто с первого этажа в живых остались, к нам переселились. Представляешь, какая толкотня началась!

– Почему мне не докладывают! – совсем уже рассердился Мощин. – Сейчас же еду в Гордом. Я им покажу!

Тут зазвонил телефон.

Звонил начальник пожарной команды. Сообщил, что площадь Первопроходцев осела на метр. Что делать?

– Сейчас буду! – крикнул Мощин. – Высылай за мной пожарку!

– Они все без резины стоят, – ответил начальник пожарной охраны. – Резину у них съело.

– Ничего, – упрямо сказал городской начальник, – пешком дойду. Я им покажу! Я все поставлю на место!

Он попытался натянуть на копыта ботинки, но не получилось.

Дочь посмотрела на потуги отца равнодушно.

– У нас, – сказала она, – есть некоторые – потеряли ноги и ползают.

– Как так ползают? – заинтересовался Герасик. – На животиках?

– На санках, – ответила мама.

– А то у нас две девочки в садике на животиках ползали... – Мальчик снова заплакал.

Но взрослым не было до него дела, потому что потухло электричество, и все стали искать свечи. Мощин все грозился уйти на голых копытах, а жена говорила ему:

– Не смей, Леонид, потеряешь ноги, новых не будет! Кости не восстанавливаются, я тебе как учитель начальных классов говорю!

– Папочка, не ходи! – присоединилась к маме дочь. – Мороз двадцать градусов, копыта отморозишь!

Но Мощин не послушался. Он вырвался и побежал, стуча копытами, вниз по лестнице.

К счастью, не он один оказался сознательным гражданином. У дверей в черной грязной речушке покачивалась спасательная надувная лодка желтого цвета. В ней сидел профессор Минц в дождевике.

– Что делать? – крикнул Мощин от дверей.

– Садитесь! Поплывем, будем принимать меры!

Профессор Минц уже не казался Мощину таким отвратительным, как недавно. Приятный профессор, отважный.

– Какие меры? – спросил Мощин.

Надувную лодку понесло вдоль Пушкинской улицы.

– Кружок «Юный химик» имени Петрянова-Соколова, – загадочно ответил Минц, энергично гребя по скользкой дороге.

Но путешествие, начавшееся так славно, чуть не закончилось трагедией.

Лодка попала в поток черной жижи, стремившейся к реке Гусь. Потребовалась вся сила и сноровка немолодого профессора, чтобы не быть смытыми в речку, которая вскрылась ото льда и несла к Белому морю свои черные непрозрачные воды. Тяжко воняло.

– Постарайтесь не дышать! – приказал профессор Мощину, и тот прижал к носу рукав.

Стало немного лучше. Сквозь рукав предгор строго крикнул:

– Смесь совершенно безопасна!

– С чем вас и поздравляю, – отозвался профессор.

– А скажите, откуда у Герасика копыта? – спросил Мощин.

– Оттуда! Помолчите, вы мне мешаете грести!

От реки Гусь, скользя, падая и отчаянно крича, бежали несколько любителей подледного лова. С ужасом Мощин увидел, что из реки к ним тянутся щупальца непонятных чудовищ, напоминающих американский фильм ужасов.

Вот одно из щупальцев дотянулось до старика в дохе. Старик отбивался от чудовища удочкой.

– Что это? – закричал Мощин.

– Возьмите пистолет! – приказал профессор. – Он у вас под ногами!

– Но что это? – повторил вопрос Мощин, шаря под ногами в поисках оружия.

– Стреляйте! Это водоросли! – крикнул профессор.

Мощин стал стрелять, и, стреляя, он все более входил в раж. Водоросли не пострадали от его стрельбы, но нескольких рыбаков ему подстрелить удалось.

Патроны кончились. Мощин запустил пистолетом в щупальце, а профессор укоризненно произнес:

– Не по-хозяйски себя ведете. Пистолеты на улице не валяются.

Он вытащил из кармана маленький, но мощный электромагнит и притянул пистолет к себе в карман.

Они пересекли грязевой поток и взяли курс выше по склону.

Там, на суше, им пришлось бросить надувную лодку, и они побежали задними дворами, где еще лежал снег. Его белизна выгодно отличалась от черной грязи. Даже Мощин наконец проникся этой мыслью и сказал:

– А может, зря мы так чистим, дорогой мой человечище?

– Поздно раскаиваться. Вас предупреждали, а вы не вняли. Теперь вся надежда на петряновцев-соколовцев.

– На кого?

– Не отставайте!

Они подбежали с тыла к трехэтажному кирпичному зданию. Мощин, который никогда не ходил по дворам, не сразу сообразил, что это – средняя школа № 2.

Задняя железная дверь была закрыта.

Минц постучал в нее три раза, потом после паузы еще два.

Дверь приоткрылась. Мощин ожидал увидеть в щели человеческое лицо, но ничего не увидел, потому что, как оказалось, лицо появилось на уровне его пояса. И голос оттуда потребовал:

– Пароль!

– Таблица Менделеева! – послушно ответил Минц. – Отзыв?

– Гафний! – произнес высокий голос.

Железная дверь со скрипом отворилась, и девочка лет десяти в синем халате и респираторе впустила мужчин в темный коридор.

– Следуйте за мной, – строго сказала девчушка. – Смотрите под ноги. Здесь свет вполнакала. На электростанции предохранители летят один за другим. Сначала слизью покрываются, а потом летят к чертовой бабушке.

– Девочка, разве можно так выражаться? – удивился Минц, а Мощин спросил:

– Почему они летят к этой бабушке?

– А вы пробовали действовать солями гафния на медные провода, ну?

– Не пробовал.

– Тогда нагнитесь, – сказала девчушка, – а то лбы расшибете, коллеги.

– Я тебе не коллега, – рассердился Мощин, – я руководитель этого города!

– Кто вас не знает, – вздохнула девочка. – Как говорит моя мама: скорей бы он по этапу загремел.

Мощин хотел спросить адрес мамы, чтобы принять меры, но поостерегся.

Девочка провела их темным коридором до лестницы, затем наверх, мимо школьной раздевалки, в которой в ожидании хозяев смирно стояли ряды резиновых сапог и висели резиновые дождевики. У двери в химический кабинет она остановилась и условно постучала. Из-за двери послышался голос:

– Пароль!

Но вместо положенного ответа девочка сказала:

– Открывай, нас могут в любую минуту засечь! Я привела людей.

Дверь приоткрылась. Взрослые вошли.

В химическом кабинете тревожно пахло. Из нескольких детей, ожидавших там, трое или четверо были в противогазах.

– Садитесь, – предложил мальчишка в красном свитере, – располагайтесь. Вы пришли просить союза?

– Чего просить? – не понял Мощин.

– Да, – сказал Минц. – Мы пришли просить помощи от имени всего города.

– Так не пойдет. – Мощин поправил очки и пошевелил щеками. – Все идет путем. Все под контролем.

– Разуйтесь, – приказал мальчик Мощину.

– Попрошу без выпадов! – рассердился глава города. – Кто твои родители? Давно не пороли?

– Оставь его, Руслан, – сказала девочка, которая привела Мощина и Минца. – Ему нравится ходить на копытах, ездить на машине без дна и покрышек, а когда он придет домой и увидит, что сделали с его квартирой водопроводные удавы, он будет хохотать!

– Какие удавы? – слабым голосом спросил Мощин. – Где удавы?

– Идите, – сказала девочка. – Мы вас не задерживаем.

Мощин, конечно, хотел закончить безобразие, которое обрушилось на Великий Гусляр, он хотел видеть себя и близких красивыми и здоровыми, но его возмущало то, что за спасение города взялись недоросли, двоечники, детишки...

– Пожалейте самолюбие Леонида Борисовича, – попросил детей Минц. – Он нервничает и не понимает, что бормочет. Он же не знает, чем все это грозит...

– А чем? – быстро спросил Мощин.

– Гибелью всего живого, – ответила девчушка. – Возьмите элементарный компьютер, и он вам все экстраполирует.

– И можно все вернуть взад? – спросил предгор.

– Можно, но не сразу, – ответил злой мальчик Руслан, видно, главарь этой банды несовершеннолетних.

– Мне надо посоветоваться, – сказал Мощин.

– С кем? – удивился Лев Христофорович.

– С товарищами, – строго ответил глава города, потому что не знал, с кем бы ему посоветоваться, но точно знал, что советоваться необходимо, это как бы административный ритуал.

– Пускай идет, – безнадежно сказала девочка.

Она так показала на дверь, что на Мощина, который уже направился к этой двери, снизошло прозрение.

«Что я делаю? – подумал он. – Я иду к смерти и толкаю к ней собственную семью. Я уже стал уродом... И чего я боюсь? Кого я презираю?»

Мощин обернулся к детям, которые внимательно смотрели ему вслед, и тихо произнес:

– Простите меня, дети, давайте спасать наш город вместе. К сожалению, я истратил доллары...

– О деньгах ни слова, – сказал Минц. – Нам все известно. Перейдем к делу.

– Нам нужны ваши гарантии, – сказал Руслан. – Во-первых, прибавить зарплату учителям нашей школы.

– И заплатить ее наконец, – добавила девочка.

– Во-вторых, отремонтировать в нашей школе крышу.

– Сделаю, – сказал Мощин.

– И главное – больше никогда не вступать в сделки с грязными типами.

– Но он же из Москвы приехал! – сказал Мощин.

– В Москве тоже в отдельных случаях иногда встречаются не очень хорошие люди, – заметил Минц.

– Забудьте об этой соли, – сказала девочка, – что бы вам ни предлагали.

– Клянусь! – воскликнул Мощин. – Клянусь здоровьем моего внука! – Потом он понизил голос и спросил: – А копыта вы мне исправите?

– Пока копыта появились на ногах сорока двух процентов жителей нашего города, – сообщил Минц.

– А я и не заметил!

– Вы вообще не очень наблюдательны, – сказал профессор. – Так поклянетесь?

В комнату снаружи ворвался глухой шум.

– Что это? – спросил Мощин.

Руслан ответил:

– Как я и предполагал, под землю ушел памятник Первопроходцам.

– Да вы с ума сошли! – закричал Мощин. – Вы забыли, что это – гордость нашего города!

– Спешите, клянитесь! – сказал Руслан. – Иначе с каждой минутой положение будет ухудшаться.

– Клянусь! – сказал Мощин. – Клянусь, клянусь, клянусь!

Руслан стал раздавать детям опрыскиватели, сделанные из садовых леек. Досталось по лейке и Мощину с Минцем.

– Пошли по улицам, – приказал Руслан. – Чтобы ни одного квадратного метра без обработки не осталось! Экономьте дезинтегратор!

Лейка была тяжелой. Мощин наклонялся, неся ее. Детям тоже было нелегко, но они не жаловались.

– Как же они это изобрели? – спросил Мощин у Минца.

– Химическую формулу мы определили вместе, – сказал профессор. – Практическую сторону дела осуществили кружковцы.

– Может, мне разуться? – спросил предгор. – И на ноги попрыскать?

– Всему свое время, – ответил Минц. – Выздоровеем.

– И у вас тоже? – Мощин показал дрогнувшим указательным пальцем на сапоги профессора.

– Нет, – ответил Лев Христофорович. – Я вовремя спохватился.

Когда все дети и взрослые вышли на улицу, мальчик Руслан указал, кому в какую сторону идти. Мощину достался фабричный район в слободе, а Минцу – набережная. Так их развела судьба.

Мощин пошел к фабричному району, прыская по дороге из лейки на черную мостовую, но на четверти дороги остановился. Тревога за судьбу семьи взяла свое. «Тут этих юных химиков, – подумал он, – больше чем достаточно. Они весь город обработают. А меня ждет семья».

Обхватив лейку руками, Мощин засеменил к родному дому.

Когда он, скользя и спотыкаясь на пустынных улицах, добежал до родного подъезда, за дверью его поджидала отвратительная девчонка, дочь невоспитанной матери.

– Мы так и знали, – сказала она, – что вы не станете заботиться о городе, а побежите в свою нору.

Рассерженный Мощин замахнулся лейкой, но девочка каким-то китайским приемом положила его в грязь. А сама передала лейку Мощина его внуку, который и поспешил за девочкой спасать население.

Как оплеванный Мощин побрел к себе и стал ругать жену, что недосмотрела за внуком, а теперь он может погибнуть.

Потом он принялся затыкать все дырки и щели, чтобы не проникли водопроводные удавы.

Тут он устал, и его сморил сон.

Леонид Борисович проснулся на следующее утро.

Светило зимнее скупое солнце и рассыпалось искорками по снежному покрову, который за ночь очистил городские пейзажи.

По улице бегали лыжники и мальчик с санками.

Мощин потряс головой, будто отгоняя дурной сон.

Заглянула жена и спросила, будет ли он завтракать.

Мощин был зверски голоден.

Кушая яичницу с салом, он спросил жену:

– Римма, как наш Герасик?

– Я его уже в садик отвела, – ответила жена.

– А его копыта?

– Окстись, старый богохульник! – испугалась жена. – Откуда у Герасика копыта?

– Откуда и у меня. – Мощин вспомнил о состоянии своих ног и поглядел под скатерть.

Его ноги, упрятанные в шлепанцы, были обыкновенными, человечьими ногами, правда, с мозолями.

И тогда Мощин понял, что все ему приснилось.

Его не убедила в обратном даже лейка с пульверизатором, стоявшая в прихожей, и то, что машина за ним не пришла и он пошел на службу пешком. Его не смутило даже то, что на площади экскаватор и подъемный кран вытаскивали наружу гигантский бронзовый памятник Первопроходцам.

Ему было приятнее думать, что все прошлое лишь плод его плохого пищеварения.

В таком настроении Мощин пришел к себе на службу и поднялся в кабинет. Он поздоровался с Валюшей, потрепал ее по щечке, велел согреть чайку.

Предгор только начал разбирать бумаги, но тут Валюша сунула мордочку в дверь и сказала, что пришел господин Неунывных, Глеб Степанович.

Мощин нахмурился, вспоминая, кто это такой.

Вошел ничтожный человечек в оформлении современного дельца.

– Вижу, у вас весь порошочек вышел, – сказал он радостно. – Так у меня с собой новый самосвал. Победим снежный покров к юбилею родного города, а?

– Нет, нет и еще раз нет! – закричал Мощин.

Он все вспомнил. Значит, это не сон. Значит, пришла смерть Великого Гусляра в человеческом образе.

– Уходи, – сказал Мощин.

– Ты что, старик, как бы охренел, в натуре? – спросил Неунывных. – Ты же контракт с моей фирмой подписал.

– Нельзя! Город гибнет, – твердо сказал Мощин.

– А хрен с ним, с городом!

Неунывных вынул из кармана длинный конверт.

– Здесь пятьсот, на крышу твоего особняка.

– Возьмите их обратно! – приказал Мощин.

– У меня в машине, – сказал на это гость, – два крутых лба. Достойные люди. В городе Котласе демократы чертовы попытались помешать цивилизации. Знаешь они где? В больнице! – И Неунывных принялся пронзительно хохотать.

– Вы не представляете, к чему это приводит! – взмолился Мощин.

– Представляю, как не представить, – ухмыльнулся гость. – На месте Москвы уже грязевые озера. Аромат, скажу тебе, класс! Будем создавать грязевый курорт, блин. Японцы приедут...

– Жалко столицу...

– Ты мне лучше скажи, у тебя продукт кончился или какая-то сволочь формулу разгадала?

– Не скажу! – мужественно ответил Мощин.

Неунывных покачал головой и вынул из внутреннего кармана еще один конверт. Положив его на расстоянии вытянутой руки от главы города, он произнес:

– Я пока пряником тебя обрабатываю. Смотри, возьмусь за кнут, будешь бедный и больной.

– Но у меня копыта отросли!

– А что, плохо? Я сам на копытах, понимаешь, хожу, рога только утром спилил. И что? Говори имена моих врагов, блин!

– Нет, я не могу взять на себя ответственность за гибель города и государства в целом!

– Понимаем, – сказал Неунывных, потянул к себе конверт, а другой рукой подхватил второй конверт, лежавший уже совсем близко от Мощина.

– А сколько тут... всего? – хриплым от страха и волнения голосом спросил глава города.

– Всего кусок – тысяча баксов. Считай, закончишь крышу и еще на ботинки внучку останется.

– У него тоже копытца... – В глазах Мощина блеснула слеза.

– Цивилизация требует эволюции, – туманно заметил делец. – У тебя выбора нет. Или ты остаешься без денег, весь в синяках и переломах, или ты сотрудничаешь с цивилизацией. Проведешь отпуск на Канарских островах, отдышишься. Наши все там отдыхают.

Страшно было Мощину. Но он понимал, что не сможет противостоять организованной цивилизованности, у которой телохранители возле «мерседеса». Бессмысленна борьба с прогрессом.

– Кружок юных химиков, – признался он, – в школе № 2. Петряновцы-соколовцы. Во главе профессор Минц. Старый, но подлый. Стоит на пути цивилизации. А вы мне переизбрание обеспечите?

– Мы за своих героев горой стоим, – заверил Неунывных. – Не дрейфь, кореш!

Разумеется, Мощин никому бы не позволил так к себе обращаться, но в тот момент его охватило сладкое чувство принадлежности к могучему миру организованной цивилизованности.

– Если что, то всегда отмоем, – нежно закончил Неунывных. – Мы таких вытаскивали... По пять трупов на шее и миллиарды долларов. А в результате – все их уважают.

– Но я не хотел бы, чтобы наши отношения...

– Ну, ты и тюфяк, – с добрым юмором ответил гость. – Скажи теперь, как покороче к той школе пройти.

– По Лермонтовской, потом повернете на Советскую... А детям ничего не будет?

– А что им может быть? Не переживай. Ты о себе думай. А Минца мы где возьмем?

– Пушкинская, дом 16, – быстро сказал Мощин и постарался сразу все забыть.

– Все! – подытожил Неунывных. – Начинаем рассыпку! Зови дворников!

Что Мощин и сделал. Хотя ему было душевно тяжело. Он, правда, утешал себя, что с копытами и рогами жить можно, даже интересно.

О приезде в город «мерседеса» и сопровождающего его самосвала юным химикам было известно.

Они, правда, не могли поверить в то, что Мощин сменит свои позиции, но их предупредил об этом профессор Минц.

Дети не хотели вступать в конфликт с приезжими, но когда в школу с переднего входа вошли два телохранителя с резиновыми дубинками в сильных руках и стали допытываться у гардеробщицы тети Дуси о том, где скрываются юные химики, они поняли, что пути к миру нет.

Тетя Дуся сначала пыталась сопротивляться, но ее ударили дубинкой по щеке и кулаком поддых. Тетя Дуся начала плакать, но детей не выдавала.

Малыши разбежались по классам, преподавательницы заперли двери.

На лестничной площадке над гардеробом неожиданно появились юные химики. Впереди совсем маленькая, но талантливая девочка, за ней ее друзья во главе с Русланом.

Все держали в руках пульверизаторы, сделанные на основе обычной садовой лейки.

– Отпустите тетю Дусю, – скомандовала девочка.

– Ага! – закричал Неунывных. – Вот они, юные, блин, химики!

– Последствия будут ужасны, – предупредил Руслан, увидев, что вся троица бежит к нему, размахивая дубинками.

Но что остановит цивилизованного бандита?

Ничто, казалось, их не остановит. И даже профессор Минц, который бежал сверху по лестнице, чтобы встать между детьми и нападавшими, не успел ничего сделать.

За три шага до юных химиков бандиты остановились.

Не по своей воле.

Из распылителей вырвался нейтрализатор химической опасности.

И на глазах у всех Неунывных и его охранники превратились в грязного цвета жидкость.

– Что вы наделали! – воскликнул Минц. – Вы их убили?

– Нет, – скромно ответила девочка. – Они живые, только жидкие.

И все они смотрели, как грязная жидкость шустро стекала по ступенькам и устремлялась в подвал.

Минц посмотрел на жидкость с сожалением и сказал:

– Главное, что мы спасли наш любимый город!

В ответ на его слова здание школы покачнулось. Нет, оно не упало, не рассыпалось, оно просто куда-то поехало.

Все выбежали наружу.

Страшно представить, что творилось с Великим Гусляром!

Как оказалось впоследствии, Леонид Борисович Мощин, возглавив дворников, начал новую кампанию по борьбе со снегом.

Насыщенная жирной слизью земля не выдержала, и весь город, держась на верхнем слое почвы, включая асфальт, пополз, набирая скорость, к реке Гусь.

И поплыл по ней, постепенно погружаясь в черную воду.

Жители города успели, в основном, выбежать из домов и за ними не последовали.

Они стояли на косогоре, который был раньше набережной, смотрели, как проплывают мимо памятники архитектуры, плакали и мерзли.

– Как жалко, – сказала девочка с лейкой. – Придется все начинать сначала.

– Ничего, восстановим, – утешил ее мальчик Руслан. – Главное, мы ликвидировали опасность.

Посреди реки, на крыше Гордома металась человеческая фигурка.

Многие узнавали Мощина.

Мощин просил, требовал, умолял, наконец, чтобы его сняли и переправили на берег.

Но из реки поднялись странные жидкие слизняки, оказавшиеся на поверку переродившимися бандитами. Они тянулись к Мощину.

– Не смотрите, дедушка Минц, – сказал Руслан. – Это зрелище не для пожилых. Вы привыкли жить в мире, где можно договориться. У нас другие законы.

Но Минц не отвернулся. Он увидел в толпе Корнелия Удалова, начальника стройконторы, и крикнул ему:

– Корнелий, пора город из руин поднимать. Ты готов?

– А как же! – ответил Удалов.

КЛИН КЛИНОМ

Петро Поганини унаследовал однокомнатную квартиру после смерти своей бабушки Василисы Поганкиной в двухэтажном каменном доме на Пушкинской улице. А так как квартиру в Виннице ему пришлось оставить второй жене Одарке, а полученная от Союза русских писателей квартира в Москве досталась третьей жене Валерии, то неожиданно обнаружилось, что звезде отечественной литературы придется ночевать на вокзале, так как приятелям и собеседникам писатель надоел настолько, что даже даровая водка, с которой он приходил на очередную ночевку, их с ним не примиряла. Все равно сам все выпьет, а потом будет приставать к жене хозяина дома, бить посуду и кричать, что он Толстого читал и Толстой ему не показался. С деньгами было неладно, потому что за «Схватку на Сатурне» и «Любовницу робота» так и не заплатили.

Они стояли на косогоре, который был раньше набережной, смотрели, как проплывают мимо памятники архитектуры, плакали и мерзли.

Вот тут-то в момент душевного кризиса и безденежья померла его бабушка, и Поганини приехал в Гусляр в надежде продать за доллары квартиру и купить на них квартиру в Москве. Во владение квартирой общей площадью в восемнадцать квадратных метров он успешно вступил, но больше тридцати долларов компенсации за нее получить не сумел. К тому же влюбился в Дарью Гофф, дочь заведующего аптекой, женился на ней и понял, что следующий этап жизни и творчества будет связан с Великим Гусляром.

Утром Петро Поганини надевал по погоде шлепанцы или валенки и шел в молочную и за солеными огурцами. Первое для Даши, которой он подавал кофий в постель, второе для себя – чтобы прочистить мозги перед посадкой за рабочий стол.

Пожалуй, больше о Петре Поганкине ничего не скажешь. Сидит, работает, выпивает, кушает огурцы, пишет роман. Ни пользы, ни вреда от него нет.

А тем временем в Великом Гусляре начали происходить события.

Возвращаясь из школы в осенних сумерках, второклассники и второгодники Семен Лишаев и Ритка Полякова столкнулись с черным драконом, который медленно плыл над улицей, периодически выпуская из ноздрей яркое пламя и белый дым.

Второклассники бросились бежать.

Дракон несся за ними, еле касаясь земли когтями, и так как гонка происходила в полной тишине, детям было еще страшнее, чем ежели бы чудовище рычало, стучало и топало.

Дети выбежали на площадь к Гостиному двору и там были замечены гулявшим с собакой стариком Ложкиным.

Затем Ложкин увидел и самого дракона, который ударился грудью о край крыши Гостиного двора. Но прошел ее насквозь, будто она была нематериальной.

В тот момент Ложкин, подхвативший собачку на руки и убегавший следом за детьми, не подумал, что бестелесным мог быть сам дракон. Уж очень убедительно из него хлестало пламя.

С утра следующего дня город оказался во власти фантомов, о которых далеко не сразу догадались, что они фантомы. Поэтому, когда толпа гномов, вооруженных алебардами, выскочила на мостовую перед автомобилем «Москвич» Миши Стендаля, он так рубанул по тормозам, что врезался в липу, стоявшую на тротуаре. Гномов виде-

ли многие, но куда они делись, не знали. Зато мимо столовой № 1 прошло несколько космонавтов в странных скафандрах. Космонавты устроили отчаянную перестрелку со зловещего вида зелеными существами, которые были буквально обвешаны оружием инопланетного происхождения. Этот бой привлек массу народа, потому что проходил в обеденный перерыв у самого Гордома. Сначала люди смотрели, но когда раздались первые очереди и зеленые лучи смерти стали разить противников, люди кинулись врассыпную. Некоторых помяли, оцарапали и ранили. Но травмы происходили, следует признать, не от оружия космических бойцов, а от страха и давки.

Уже на второй день жители города сообразили, что напавшие на город чудовища повредить человека или вещь не могут. Они были бестелесными и непостоянными. Порой на глазах у перепуганных зрителей с ними происходили удивительные трансформации. Дракон мог лишиться головы, пришелец – ноги, а почти обнаженная красавица с тремя пистолетами за лифчиком вдруг выступала совершенно обнаженной, лишь пистолеты в трех руках заменяли ей одежду.

Но как ты ни размышляй, как ни разубеждай себя, вид этих чудовищ был ужасен, поведение нахально. Беременным женщинам, ста-

рикам и детям смотреть на них было страшно, а некоторым вредно, потому что они обучались на этих образах насилию и враждебной нам эротике.

Нельзя сказать, чтобы профессор Минц, главный ученый города Великий Гусляр, не обратил внимания на феномен, который обрушился на город. Да и как тут не обратишь, если в ванной сидит рогатая жаба размером с тебя самого, из-за кухонной плиты в Ксению Удалову целится одноглазый космический пират, а когда профессор Минц пытается отыскать статью из журнала «Нейчур», он видит, что на его письменном столе сидит истинный дьявол с гранатометом в руках и намеревается выстрелить профессору в лицо, а профессор не до конца уверен, имеет ли он дело с фантомом или уже произошло нашествие из космоса.

– Разумеется, мы столкнулись с персонажами из массовой фантастики, – сказал Минц. – Источник ее – отечественная халтура.

– Почему же отечественная? Говорят, что эту дрянь нам из ЦРУ запустили. Многие так думают, – откликнулся заглянувший к Минцу сосед Удалов.

– ЦРУ, – возразил Минц, – обязательно воздвигло бы американский флаг над нашим сельсоветом. Не могут они без флага.

Тут через стену в комнату вошел мускулистый дикарь в трусах и с пулеметом в руке. Он направил оружие на Минца и выпустил беззвучную очередь. Друзья кинулись под стол. Оттуда были видны лишь босые ноги дикаря.

– Знаешь, как я их отличаю? – спросил Удалов.

– Знаю, – ответил Минц. – Их не слышно. Но лучше сначала спрятаться, а уж потом прислушиваться.

Дикарь пропал в противоположной стене. Друзья поднялись. Было унизительно прятаться в собственном доме.

– Что же ты, профессор, локатора не изобретешь? – спросил Удалов. – Если это не ЦРУ, то источник – в нашем городе!

Минц только махнул рукой...

Сквозь дверь прошла совершенно обнаженная женщина сказочной красоты, облаченная лишь в корону.

– Где-то я читал о подобном феномене... – размышлял Минц. – Там литературный персонаж путешествует по истории литературы и из окошка машины времени наблюдает образы литературных героев...

– Может, братья Стругацкие надумали? – предположил Удалов.

– Почему ты так решил?

– Они все уже придумали, – сказал Удалов. Потом помолчал и добавил: – Им хорошо, у них сказки, а у нас реальная жизнь районного центра!

– Но если мы имеем дело с плодами воображения писателя, – произнес профессор, – то шерше ле экривен, то есть писателя!

– Нет у нас писателей, – вздохнул Удалов. – Не сподобились. Краеведы водятся, литсотрудники в газете, а писателя нет...

– Газета! – подхватил слово Минц. – Звони Мише. Нет ли у нас приезжего писателя?

Миша Стендаль тут же ответил, что в «Гуслярском знамени» готовится интервью с писателем-фантастом Петро Поганини, работающим сейчас над тремя романами в жанре крутой фантастики. Ведущие герои его романов – боевые роботы, телохранители, наемные убийцы драконов и драконы наемных убийц. Опус Поганини «Последняя пуля в дракона» заинтересовал издательство в Сызрани... А настоящее имя автора Петр Поганкин. Адрес его Стендаль предоставил по первому требованию.

Друзья отправились к Поганини сразу. Вокруг дома реяли фантомы. Открыла им Дашенька, которую Удалов знал еще малюткой. Теперь она стала женщиной с пышным бюстом и низким голосом.

– Ой, как я вам рада, дядя Корнелий! – заголосила Дашенька. – Пошли на кухню, я там ленч разогреваю. Мой-то творит, творит, а потом себе ленч требует.

На кухне было тесно, фырчал кофейник, под потолком покачивались полупрозрачные вампиры.

– Над чем работаем? – поинтересовался Минц.

– Вы не поверите, он ей голову отрезал, сделал чашу и пьет пиво любимой женщины.

– Кто же это такой?

– Ах, да это же Корнюшин, понимаете?

– А привидения вам не досаждают? – спросил профессор.

Дашенька побледнела, но ответить не успела.

– Это кто же к нам пожаловал? – звонким дискантом запел от дверей короткий массивный мужчина в черном парике и с нафабренными тараканьими усами. Одет этот мужчина был по-писательски – в

Они пошли к Паганини сразу. Вокруг дома реяли фантомы.

бархатную домашнюю куртку и джинсы. – Вижу, представители общественности пришли пригласить меня на встречу с читателями?

Петро протянул руку. Они познакомились. От писателя пахло одеколоном.

– Мы к вам, – сказал Минц, – по поводу материализации духов.

– Не понял! – Петро отступил в комнату.

Комната была невелика. В ней стояла двуспальная кровать под атласным стеганым одеялом, видно из приданого, а также письменный стол со стоящим перед ним креслом. Разглядеть все это было нелегко, потому что комнату заполняли привидения. Но привидения эти еще не сформировались. Они были почти прозрачны, меняли позы и формы, они только готовились стать фантомами, а пока представляли собой лишь туман...

– Вот, – сказал Петро. – Пишу гусиным пером, как мой учитель Лев Толстой.

Атмосфера в комнате была неприятная. Хоть образы писательского творчества не вошли еще в более плотное состояние, Удалову показалось, что он ступил в воду, полную лягушачьей икры.

– Ну вот, – сказал Минц. – Это мы и имели в виду. Здесь они и зарождаются.

– Не понял, – ответил писатель, приподнимая сбоку парик, чтобы почесать висок. – Что за претензии?

– Вы заполонили весь город своими драконами и роботами! – не выдержал Удалов. – Детей на улицу люди пускать боятся! И мы просим, чтобы вы держали их при себе.

– Это что же такое? – удивился писатель. – Получается, что вы надеваете оковы на мое вдохновение? Ну, это так не пойдет! Я в Пенклуб буду жаловаться!

На этих словах писатель открыл форточку, и привидения потянулись наружу.

– Ну, так получше, – сказал Минц.

Петро окинул взглядом комнату и произнес:

– Да, курить мне надо меньше, туманно как-то становится.

– Или дурак, или притворяется, – прошептал себе под нос Минц, и все сделали вид, что этого отчетливого шепота не слышали.

– Я же честный, но бедный писатель, даже на пишущую машинку денег не хватает. – Усы писателя дрогнули, и по щеке скатилась слеза.

– Они же безвредные! – пискнула из коридора Дашенька.

Петро обернулся, увидел жену, прищурился и гаркнул:

– Мечи ленч на стол! – И обратившись к Минцу с Удаловым, он спросил: – Еще вопросы есть? А то я пойду. Надо силы поддерживать. А вы заходите, не стесняйтесь.

По улице друзья брели удрученные, прошли сквозь полосатого дракона, миновали разбитую летающую тарелочку. Шли и молчали, потому что и в самом деле ничего не могли бы доказать. Сила воображения? Ну и что...

На следующее утро Минц, не говоря ничего Удалову, куда-то побежал, пиджак нараспашку, рубашка не застегнута. Он тащил стопку книг и собственную пишущую машинку.

Удалов открыл окно, высунулся наружу, но Минц отмахнулся и сказал:

– Завтра поговорим. Некогда!

К ночи густота чудовищ и героев стала поменьше. Уже можно было протолкаться. За ночь они и вовсе исчезли с улиц.

Люди выходили из домов, вдыхали свежий воздух, щурились от радости, понимая, что дождик идет для них, солнце светит для них и ветер дует для них, а не для привидений.

Удалов еле дождался, когда Минц встанет.

– Ну что? – спросил он с порога. – Как тебе удалось? Какое средство ты придумал?

– Завтра, – таинственно ответил Минц. – Завтра сам догадаешься.

Удалов обиделся на друга, плюнул и пошел в контору.

Домой он возвращался в пять.

Город был тих, благостен, дети резвились в песочницах и скверах. Незнакомая Удалову красивая бледная молодая женщина в длинном платье бежала навстречу. Удалов посторонился.

Проходя мимо дома, в котором живет писатель Петро Поганини, Удалов поглядел наверх. Оттуда доносился неровный, медленный стук пишущей машинки, словно писатель осваивал ее.

Неожиданно сквозь стену дома вышла на улицу женщина средних лет в амазонке. Она прижимала к глазам платок. За ней выскочил красивый мужчина в костюме для верховой езды. Мужчина прошел сквозь Удалова.

Что за новая напасть!

Еще одна молодая женщина выбросилась из квартиры Петра Поганини. На глазах у Удалова она выхватила из сумочки кинжал и вонзила себе в грудь...

– Эй, Петро! – крикнул Удалов. – Ты поосторожнее!

Петро выглянул в окно.

– Проходи, проходи, не мешай творить! – ответил он.

Удалов сразу направился к Минцу.

– Что творится, сосед? – спросил он строго.

– А то, что мы с тобой избавили город от страшилищ.

– Но к нам какие-то новые лезут!

– Страшные?

– Нет, не страшные, но очень печальные.

– К ним придется привыкать, – сказал Минц и добавил: – Если ты не можешь полностью избавиться от болезни, то постарайся вышибить клин клином!

– Так что за клин?

– Я сказал Петро, что куда выгоднее и быстрее писать женские любовные романы, подарил ему машинку и принес всех классиков жанра. Вот он и пишет...

– Но они кончают с собой...

– Они еще и целоваться будут, – сказал Минц. – Правда, романы эти пристойные. Дальше поцелуя герои не идут. Так что пускай ходят даже по детским садам.

Удалов вздохнул. Он не был до конца согласен с профессором, хотя понял, что метод «клин клином» облегчит жизнь.

Он поднялся к себе.

На кухне сидело молодое рыдающее привидение, а его жена Ксения стояла, скрестив руки и убийственно глядя на гостью. Удалов хотел прошмыгнуть к себе, но Ксения схватила его за рукав:

– Сознавайся, у тебя с ней роман?

– Я ее в первый раз вижу!

– А почему она к нам на кухню рыдать пришла?

– Она привидение, она из романа!

– Врешь ты все, – убежденно сказала Ксения. – Но мы проверим.

Она взяла пустую кастрюлю и метнула ее в плачущую девушку. Кастрюля пролетела сквозь нее и ударилась о стену.

– Все равно не верю! – сказала Ксения.

ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ СЕРИЯ

Удаловы приходят домой в разное время. Раньше всех Ксения – из магазина, с базара, от соседей – и сразу к плите. Затем появляется Максимка Удалов, школьник, садится за уроки, или спешит на двор, или отправляется к соседям играть на соседском компьютере. Последним появляется сам Корнелий Иванович, опять задержался в стройконторе – дела, перемены, борьба за выживание, не то что при победившем социализме. Тогда приходил домой в шесть, если не было партийного собрания.

Удаловы обедают все вместе. Ждут последнего и обедают. Чаще всех запаздывает Корнелий, и тогда все на него сердиты.

После обеда каждый идет смотреть свой сериал.

В Гусляре свои сериалы, не то что в Киеве или Мелитополе.

Корнелий включает свой экран в восемь двадцать – сегодня новая серия. Двухсотая, юбилейная. Сюжет сериала в принципе таков. Треугольник. Он – фармацевт, спокойный человек, подумывающий о пенсии. Она – младше его на несколько лет, сохранившая многочисленные следы недавней красоты, женщина полная, но в самом соку. И новый сосед по лестничной клетке – на двенадцать лет младше ее и на двадцать лет младше, чем он. И конечно же проблема с племянницей, которую подкинули на лето и до сих пор не могут взять обратно, а также неизвестно, отдавать ли маму в дом для престарелых, если в таком случае освобождается ее комната... Словом, небогатые тоже плачут. Так называла этот сериал Ксения Удалова, которая предпочитает другой – о молодоженах, которые снимают комнату, а владелец квартиры влюбляется в молодую жену... Но все происходит в пределах порядочности и без эротики.

Максимка должен смотреть молодежный сериал, о семье с шестью детьми, которые занимаются гимнастикой и проводят много времени на свежем воздухе, но мальчик вышел на запрещенную ему родителями программу об одной рок-группе, вступившей в конфликт с рокерами, так как руководитель рок-группы влюблен в Ирен, которую любит предводитель рокеров. Это крутой фильм! С насилием, металлом и сексом. Для семиклассника Максимки – самый кайф!

Так что в восемь все Удаловы раздельно уходят в мир увлекательных зрелищ.

А когда серии кончаются, Ксения несется в комнату к Максимке и кричит на него диким голосом, потому что застает концовку серии о рок-группе, в финале которой руководитель страстно смотрит на Ирен, а предводитель рокеров крадется к ним с монтировкой в руках.

– Выключаю! – мрачно говорит Максимка. Он знает, что мать не переспоришь.

Еще через час Ксения загоняет сына в постель – завтра контрольная по математике, а голова опять будет несвежая.

Максимка лежит в постели и слышит, как за стенкой отец слушает по радио ночной выпуск новостей о политике и экономическом развале. Потом они собачатся с матерью. Максимка думает не о контрольной, а о горькой судьбе Ирен. Он хотел бы узнать, что будет завтра, но как ускоришь время! Хотя его, как ребенка, даже еще не подростка, страшно беспокоит, не случилось бы чего ночью – уж очень обострились отношения между рок-группой и бандой рокеров. Ему чудится, что под окном пролетают мотоциклы без глушителей, но может быть, это всего лишь папин храп... Максимка представляет себе, как он вмешается в конфликт и тогда Ирен достанется ему. Конечно, целоваться с девчонками глупо и неинтересно, но вот пройтись по Пушкинской за ручку с Ирен было бы большой победой. Весь город лопнул бы от зависти. С этой сладкой мыслью Максимка засыпает.

Назавтра в школе он был рассеян. Даже не смог решить ни одного примера на контрольной – да и бог с ней. Есть в жизни куда более серьезные проблемы. Судьба Ирен была ему важнее. Потому что если ты попадешь между двумя такими типами, как руководитель рок-группы и предводитель рокеров, то вполне можешь лишиться жизни.

Весь день Максимка ждал вечера, а следовательно, новой серии.

И вот, дождавшись, пока отец и мать уселись у себя в комнате смотреть занудную серию об устаревшем фармацевте и его переживаниях, Максимка прикрыл к себе дверь и углубился в события, происходившие в молодежной среде.

То, что должно было произойти, но чего мы боялись, возможно, произошло прошедшей ночью, хотя и за кадром. Об этом можно было только догадываться из яростного спора между руководителем рок-группы и Ирен.

– Я не хотела этого! – кричала Ирен, заламывая тонкие длинные руки. – Он не смог унизить мое человеческое достоинство на темном

пустыре среди сломанных мотоциклов под отдаленный шум магнитофона. Дело ограничилось поцелуями, чтоб мне не жить!

– О нет! – вскричал в ответ руководитель рок-группы. – Не лги, несчастная! Ты добровольно ушла к нему и отдалась этому подонку. Я раззвоню о твоем позоре на весь мир!

– О, только не маме! Мама не должна знать!

Мольба Ирен осталась безответной. Всклокоченный и тоже не спавший всю ночь руководитель рок-группы бросился на нее. Он хотел задушить девушку.

Ирен ускользнула от его хватки, и они начали бегать вокруг ударных инструментов, расставленных на сцене.

Но Ирен недалеко убежала. На помощь руководителю пришел ударник. Вместе они связали Ирен и затолкнули ей кляп в розовую глотку. Потом они потащили ее за кулисы, там было темно, и зрители остались в неведении, куда ее заточили.

За сценой послышался грохот – прямо в зал въехал на своем «харлее» вожак рокеров.

– Где она? Куда вы ее дели, лабухи?! – закричал он.

Но пыльный, просторный зал молчал – никто не ответил рокеру.

Рокер принялся искать свою возлюбленную, но безуспешно. Он плохо ориентировался на сцене – видно, попал туда впервые в жизни.

И тогда Максим понял, что наступает его звездный час...

Он подошел на цыпочках к двери – из-за нее доносился шум голосов – родители были заняты. Их не оторвешь от сериала. У Максимки оставалось примерно полчаса, чтобы выполнить задуманное.

Удалов-младший накинул куртку и по-прежнему на цыпочках прокрался за спинами родителей. В тот момент жена фармацевта убеждала молодого соседа по лестничной клетке:

– Но вы же меня совсем не знаете! Вы не можете понять моих душевных запросов, трепета моей зрелой души.

– Разве это так важно? – страстно шипел в ответ сосед, поглаживая Ванду по гладкому плечу.

Дальнейшее Максимку не интересовало.

Кубарем он скатился по лестнице, придержал входную дверь, и вот он уже на улице.

Вечер был прохладным, осенним, только что прошел дождь, пахло палой листвой и мокрыми заборами. Маленькая фигурка Максимки

проскакивала освещенные редкими фонарями круги мостовой и исчезала в густой полутьме.

Возле Дома культуры речников Максимка на секунду остановился, раздумывая, как лучше проникнуть внутрь. Заметив у главного входа два мотоцикла с курящими рокерами, он понял, что проникнуть ему сподручнее будет через служебный вход.

Он пробежал узким проулком между Домом культуры и баней. Вот и служебный вход. Он приоткрыт. За ним слабый свет. Сегодня в Доме культуры выходной, никого быть не может – только репетирует рок-группа.

Вот раскатилась дробь ударника, взвыл саксофон... Тишина. Издали доносятся приглушенные голоса.

Максимка собрал в кулак всю свою волю и скользнул внутрь Дома культуры. Пыльная темнота закулисья охватила его. Далеко впереди горела одинокая лампочка свечей на десять. Теперь главное – не попасться на глаза негодяям. Они из Максимки сделают котлету. Во-первых, потому что они сильнее его, а во-вторых, потому что он нарушил главный закон сериала...

Максимка примерно представлял, где должна находиться пленница.

Ему пришлось долго пробираться между колосников и свернутых в рулоны занавесов, прежде чем он смог проникнуть в хранилище сундуков, в которых приписанный к Дому культуры народный театр «Анализ» перевозил на гастролях декорации и костюмы. Теперь следовало угадать, в каком из сундуков заперта несчастная девушка.

– Ирина, – негромко позвал Максимка.

Никакого ответа.

– Ирина, я пришел спасти тебя.

– Меня не надо спасать, – прошептала Ирен. Голос ее доносился из дальнего сундука. – И не смей ко мне приближаться. Иначе я буду кричать.

– Ты думаешь, что я рокер, да?

– А ты кто?

– Я зритель, – ответил Максимка. – Я зритель твоего сериала, и я не могу равнодушно отнестись к твоей судьбе.

– Врешь, – сказала Ирен. – Ни один зритель не посмеет вмешаться в действие. За такое по головке не погладят.

– А мне плевать, – решительно ответил Максим.

– Отключат от сериала.

– Мне только спасти тебя – больше ничего не надо.

– Но я не уверена, что хочу, чтобы ты меня спасал, – сказала, подумав, девушка. – Может, мне лучше лежать в сундуке.

– Нет, ты не представляешь, что они задумали! Они не пощадят твоей девичьей чести!

– Кто именно? – деловито спросила Ирен. – Если Вася – я против, но если Коля, то это еще надо обсудить.

– Тише! – прошептал Максимка.

Скрипели старые доски пола. К ним кто-то приближался. Максимка понимал, что ему бы сейчас спрятаться, залечь, замолчать, испариться, но вместо этого он с отчаянием молодости распахнул крышку сундука, в котором руководитель рок-группы заточил девушку Ирен, и потянул ее за руку.

– Бежим! Я тебя спасу!

Был бы Максимка сверстником Ирен, она бы вырвалась от него и снова залегла в сундук, чтобы ожидать решения своей судьбы. Но когда она поняла, что ее спасает парнишка лет на пять ее моложе, она прониклась к нему жалостью. Хотя бы потому, что знала, насколько жестоки бывают рок-музыканты и рокеры.

И она послушно побежала за Максимкой.

– Черт побери! – раздался сзади зловещий голос. – Вы куда?! Я вам головы поотрываю!

Огромными шагами руководитель рок-группы кинулся за беглецами.

Максимка знал несколько малоизвестных проходных огородов и дворов, куда он и увлек Ирен. Правда, Ирен тоже знала эти дворы и огороды. И руководитель Вася их знал. Так что бег по задворкам проходил с переменным успехом.

– Ты куда меня тащишь? – спросила на бегу Ирен.

– К твоим предкам! – ответил Максимка.

– Ты офонарел, что ли? Они же мне косы поотрывают!

Им нужно было пересечь бывшую Базарную, затем Сталинскую, затем Советскую, а ныне площадь Первопроходцев. Посреди площади Ирен стала отчаянно сопротивляться, потому что не хотела домой, а куда хотела, – еще не решила. Тут их и настигла рок-группа в полном

– Ты куда меня тащишь? – спросила на бегу Ирен.

составе – патлатые, неумытые, расхристанные, романтичные музыканты взяли беглецов в полукольцо, но не смогли взять их в кольцо, потому что с другой стороны площади вырвались с диким ревом мотоциклы рокеров, которые тоже хотели заполучить Ирен.

Страшная тишина обрушилась на площадь. У рокеров в руках сверкали начищенные монтировки, у музыкантов – смычки. Враги неумолимо сближались.

– Да, подвел ты меня, – сказала хорошая в принципе девушка Ирен, перебирая пальцами бант на чудесной русой косе. – Ты оказался слишком отважен, и потому меня лажанул. Видно, пришла наша смерть...

Ирен нагнулась к Максимке и запечатлела на его щеке невинный, но горячий поцелуй.

– Йеэээх! – закричали рокеры.

– Бей уродов! – завопили лабухи.

И в этот момент справа раздался крик:

– А ну, прекратить безобразие!

И слева послышался голос:

– Сейчас я вам покажу!

На площади, кое-как освещенной фонарями, показались новые действующие лица драмы. Справа приближалась мать Ирен, слева – Корнелий Удалов, отец Максимки.

Грозные, рычащие звуки издавали противники, но тем не менее мотоциклы начали отъезжать и вскоре покинули площадь, а лабухи спрятали в футляры смычки и также растворились во тьме.

– Я те покажу, как по ночам бегать! – произнесла мама Ирины, крепко схватила ее за руку, дала другой рукой подзатыльник Максимке, чем огорчила Корнелия Удалова, который сам собирался дать подзатыльник сыну, но не успел.

Поэтому Корнелий тычками погнал Максимку домой. А мама Ирины повела домой свою дочку. Максимка вырывался и кричал на всю площадь:

– Я люблю тебя, Ирен! Если надо, я завтра освобожу тебя снова!

– Тоже мне, освободитель... – начала было Ирина, но осеклась, потому что в глубине души ценила мужскую преданность. И громко крикнула, обернувшись к Максимке: – Спасибо, мальчик!

Больше она ничего не смогла произнести, потому что начала рыдать. И в рыданиях оплакивала свою девичью свободу, стремительность не успевших расцвести чувств, приятное своей неожиданностью сидение в пыльном сундуке и сверкание режущих предметов в руках соперников...

– Хорошо, что соседи прибежали, – говорил между тем Удалов, мрачно подгоняя Максимку к дому. – Переключись, говорят, на другую программу, на молодежную. Там твой Максимка в шестьдесят второй серии нелегальное участие принимает. Нет, говорю я им, этого не может быть, потому что Максимка делает уроки в соседней комнате. Но все-таки кинулся я в соседнюю комнату, а ты где? Тебя нет! Кто тебе позволил без спросу в программу лезть? Ты же знаешь, что нас отключат и будут правы. Ты забыл, какие неприятности у Ложкина были в прошлом году?

Максимка ничего не забыл, но не очень переживал из-за неприятностей старика Ложкина. Старик Ложкин смотрел сериал из жизни старшины Пилипенко. Ну, что может быть более обыденного – детектив как детектив, полицейский роман из провинциальной жизни. И тут старику Ложкину показалось, что, когда Пилипенко искал на городском рынке пропавшие колеса от «Жигулей», один из приезжих торговцев дал ему взятку. Ну, может, и дал, да вернее всего, Пилипенко не взял. Ведь не мелочный же он, в конце концов! И знает к тому же, что играет в сериале. А вот Ложкину никто не позволял нарушать правила многосерийной жизни. Никто не разрешал ему писать на Пилипенку письмо в горотдел милиции! С изложением фактов и подозрений. Пилипенку, конечно, сняли и наказали. Но двести сорок семей города Великий Гусляр, которые каждый день смотрели сериал из жизни старшины, остались без зрелища и никогда уже не узнают о том, кто же укатил колеса от «Жигулей» и грабанул пивной ларек. А это немалый удар по культуре.

Так что Ложкина справедливо отключили. Должно же быть наказание – не смешивай зрелище и поганую жизнь!

Все это Удалов на ходу напоминал сыну, а сын выслушивал, мрачно глядя в сторону и спотыкаясь. Плевать сыну было на проблемы Ложкина – в нем вспыхнула первая любовь, а взрослые так упорно и неудачно заливали ее упреками и поучениями.

Худшие опасения Удалова начали сбываться, когда они приблизились к своему дому. В свете одинокого фонаря, горевшего над воротами, стояла тесная черная группа людей.

При приближении Удаловых от группы отделился плотный мужчина в шляпе, надвинутой на уши.

Он загородил Удаловым дорогу и протянул руку ладонью вверх. На ладони лежала черная метка.

– О нет! – воскликнул Корнелий Иванович. – Я буду сам пороть этого бездельника каждый день! Не наказывайте всю нашу семью! Мы не можем остаться без культурного зрелища.

Но человек в шляпе ничего не ответил Удалову. Он повернулся и пошел прочь по улице. За ним – остальные. Улица опустела.

– Ну вот, что ты с нами сделал! Мы теперь неприкасаемые.

Максимка упрямо молчал. Он знал, что даже если бы предвидел все заранее, все равно бы вел себя неразумно. Любовь приходит к человеку неожиданно, как кирпич на голову. И зачастую лишь раз в жизни.

Когда они вошли во двор, из темноты из-за сиреневых кустов, уже частично опавших, выбежали две девочки – дочки Афиногеевых из

соседнего двора. Обе держали в руках по небольшому букету поздних астр.

– Возьми, Максимка, ты настоящий герой, – сказала одна.

А вторая только всхлипнула, чмокнула Максимку в щеку и тоже отдала ему букет.

После этого девочки убежали.

– Это еще что такое? – рассердился Корнелий и хотел было отнять у сына цветы, но тот не дался.

– Это признание, папа, – сказал он отцу. – Тебе, может, никогда не дарили цветов. А мне уже в двенадцать лет начали, понял?

– И где ты рос? И когда мы тебя упустили? – закручинился вслух Корнелий Иванович, но сын не ответил ему на эти вопросы.

Когда они поднялись к себе домой, за столом сидел и пил чай их сосед снизу профессор Минц Лев Христофорович. Ксения хлопотала вокруг профессора. Предлагала ему пышки и печенье собственного изготовления. Но все зря. У Минца не было аппетита.

– Ну вот, – грустно произнес он, увидев вернувшихся Удаловых, – получается, что добрые намерения приводят в ад. Получили черную метку?

– Вот, – сказал Корнелий и протянул ее Минцу.

На черном кружке размером с ладонь было написано мелом: «Отстраняетесь от сериалов сроком на один месяц».

– Месяц, – задумчиво повторил Минц. – Ну и строго они взялись за зрителя.

– За месяц действие так далеко уйдет, что и за год не догонишь, – сказал Удалов.

– А может, они перемрут все, – предположила Ксения.

– Мы будем к ним ходить и смотреть через забор, – сказал Максимка, и все посмотрели на него с осуждением. Это было таким плохим тоном, что впору было отказываться от испорченного ребенка.

Даже добрый Лев Христофорович укоризненно покачал головой.

Он недаром чувствовал себя виноватым и пришел к Удаловым, как только прослышал о беде, постигшей семейство соседей. Ведь именно профессор Минц после того, как в России перестало работать телевидение и вся страна разделилась на шестьсот сорок два независимых государства, предложил великогуслярцам простой и гениальный выход из положения: смотреть друг на друга. С этой целью весь Великий

Гусляр был опутан множеством труб и коробов, так что не осталось дома, не подсоединенного к общей телевизионной сети города. Отныне каждый получил возможность смотреть по вечерам события и даже отсутствие таковых в любом на выбор доме города, в любой семье, в любом общежитии. Но для того, чтобы создать материальные стимулы, было решено: тот, кто смотрит на соседскую жизнь, каждый месяц платит сто рублей по соответствующему адресу. А если ты не хочешь, чтобы за твоей жизнью наблюдали, то имеешь право закрыть заслонки – и живи в тайне от окружающих. Но если подписал документ об участии в сериале – терпи, даже когда хочется опустить заслонку в своей комнате, потому что жена так несправедливо оскорбляет тебя действием.

Главное было оговорено и постановлено городскими властями: даже если тебе очень не понравилось, как ведет себя главный герой или как страдает его несчастная возлюбленная, ты не имеешь права хватать топор и наводить справедливость. А если кто-то из зрителей позабудет, что смотрит не дешевый спектакль, а наблюдает настоящую гуслярскую жизнь, и потому захочет в нее вмешаться и изменить ее течение, пускай пеняет на себя. Наказание одно: тебя встретит у дома Государственная комиссия в черных шляпах и вручит тебе черную метку, а это означает, что на день, два, месяц, год или на всю жизнь у тебя в доме законопачивают входные и выходные смотровые трубы и ты слепнешь. Утром в очереди за хлебом хозяйки станут обсуждать трехсотую серию фильма под условным названием «Семейная драма провизора Савича», а ты, потупившись, будешь обливаться тайными слезами, ибо твоему взору вход в дом Савичей запрещен.

Поначалу все гуслярцы радовались и благодарили изобретателя самого дешевого в мире телевидения Льва Христофоровича Минца. Но вскоре начало зреть тайное, а потом и явное недовольство – и главная беда пришла с неожиданной стороны. Называлась она завистью. Обнаружилось, что наибольшую выгоду от сериалов получают не добропорядочные, честные и рассудительные граждане, а лица сомнительной репутации и низкого морального уровня. Поясняю: никому не хочется смотреть в подробностях на жизнь профсоюзных активистов Ивановых и трех их детей. Зато весь город кипит желанием узнать наконец, задушит ли алкаш Сидоренко свою развратную со-

жительницу Катьку или та сама пырнет его кухонным ножом и уйдет к Кольке Косому.

Зная об этом интересе и пируя на телевизионные гонорары, Сидоренко и его сожительница отлично пользовались славой. Они даже установили дополнительные трубы и дыры возле своей супружеской постели, а ножей разложили по дому несколько десятков. Резать друг дружку они не намеревались, но держали Великий Гусляр в напряжении и каждый вечер пропивали по несколько тысяч рублей.

В этот критический для города момент и случилось чрезвычайное событие – выходка Максима Удалова и получение его папой черной метки...

– Даже я, со всеми моими способностями, не смогу вам помочь, – сказал наконец Минц. – Я не могу, пользуясь дружбой, уговорить городской парламент и лично господина Белосельского сделать для вас исключение.

С этими словами Минц распрощался с Удаловыми.

А вечер в их семье закончился тем, что Удалов попытался выпороть своего наследника, не учитывая того, что мальчик занимается боксом. Встреча между папой и сыном закончилась вничью.

Наутро Удаловы проснулись мрачными и злыми – семья разваливалась.

Ксения приготовила мужчинам подгоревшую кашу. Удалов, уходя на службу, забыл дома портфель. Максимка сделал вид, что пошел в школу, а на самом деле убежал в овраг и там прятался, невзирая на дождик. Но что удивительно – именно в овраге его отыскал Гоша Качиев, председатель акционерного общества «Георгий и К°». Гоша спустился в овраг, раздвинул кусты и спросил:

– Вы не возражаете, господин Удалов-джуниор, если я к вам обращусь?

Максим удивился, но хамить не стал. И оказался прав.

Когда вечером Корнелий Удалов возвратился со службы домой, он был удивлен тем, что возле подъезда стоит небольшая толпа соседей, которая при виде Корнелия молча расступилась.

Корнелий внутренне задрожал. Он понял, что в его семье случилось несчастье.

Перепрыгивая через две ступеньки, он взлетел наверх и распахнул дверь.

И увидел, что посреди комнаты стоят три японских телевизора: «Панасоник», «Сони» и «Акаи». Каждый из телевизоров показывает свою программу – на японском языке, на английском языке и на мексиканском наречии латиноамериканского языка.

И на каждом экране крутится своя программа – одна другой интереснее.

А перед телевизорами сидят Максимка и Ксения и потягивают через соломинку кока-колу.

– Что? – закричал Удалов, подозревая худшее. – Признавайтесь!

– А ты посмотри на балкон, папа, – небрежно ответил сын.

Удалов послушно ринулся к балкону.

И увидел на нем две большие, с человека, белые тарелки, которые для знающего человека были принимающими антеннами спутникового телевидения.

– Откуда это? – Удалов снова ворвался в комнату.

– Папа, – спросил тогда Максимка, – ты как думаешь, сколько могут заплатить все жители города Великий Гусляр, если они одновременно включат одну и ту же внутреннюю программу?

– Ну, по сотне... – произнес Удалов.

– Вот именно!

– А они, – вмешалась в разговор Ксения Удалова, которая вовсе позабыла об обеде, – все без исключения, смотрели вчера вечером шестьдесят вторую серию, где главную роль играл наш мальчик! – И мать погладила мальчика по головке.

– Понимаешь, папа, – сказал повзрослевший сын, – Гоша Качиев нуждается в наличных средствах – будет строить под площадью Первопроходцев подземный гараж. На миллион, который мне подарил народ, он установил вот эту технику – самолетом из Потьмы после обеда доставили. Так что мы месяц без гуслярского телевидения перебьемся.

– Перебьемся, – улыбнулась Ксения, будто не принимала вчера участия в экзекуции сына.

И Удалов, пока суд да дело, уселся в кресло и стал смотреть настоящий мексиканский сериал.

Постепенно толпа зевак и завистников у подъезда рассосалась, все поспешили по домам смотреть внутренние программы. И тут в дверь постучали.

– Войдите, – крикнул Максимка.

В дверь вошла и робко остановилась у порога светловолосая приятная девушка по имени Ирина, которую Максим спас вчера вечером.

– Максим, – спросила она, – можно я тоже погляжу? Твои старики не возражают?

– Мои старики в таких случаях молчат. Они у меня в строгости. Чуть что – отключаю технику, – сказал Максим, как будто ожидал прихода очаровательной гостьи.

Удаловы-старшие смолчали.

Ирен села на диван рядом с Максимкой.

В тот вечер сериал с ее участием в Великом Гусляре не демонстрировался, а рокеры и лабухи напились на берегу реки Гусь и клялись рассчитаться с Удаловым и неверной Иркой. Это им не удалось, о чем будет рассказано в другой истории.

ГОЛОВА НА ГРЕНАДИНЕ

– Корнелий, посмотри в окно! – приказала Ксения. – Вчера этого не было.

Корнелий Иванович Удалов подошел к окну и поглядел во двор.

Двор дома № 16 по Пушкинской улице Великого Гусляра, свидетель стольких событий (некоторые из них мирового значения), смотрелся обыкновенно.

Недавно прошел дождь – обыкновенный майский дождь, столь полезный при посадке овощей, листва на деревьях была еще свежей, сирень только собиралась расцвести, крупные капли, собравшиеся на блестящей поверхности стола для домино, отражали солнечные лучи. Стол был вчера покрашен белой масляной краской, сделал это старик Ложкин, который готовился к своему девяностолетию и думал, что именно за тем столом его будут чествовать.

Поодаль от стола, ближе к сараю, возвышалось неземное растение, напоминавшее небольшой баобаб, с листвой голубого цвета и сиреневыми плодами, схожими с грушами.

– Ну что, это пришелец? – спросила Ксения.

– Вернее всего, пришелец, – согласился Удалов. – Мичурину такого не вывести.

Ксения, которая, как известно, лишена чувства юмора, спросила:

– Это какой Мичурин? Из сельхозуправления?

– Пойду вниз, – сказал Удалов. – Погляжу, зачем они прибыли.

– Странно, что прибыли, – заметила Ксения. – У них же ног нету.

– Все может быть.

– Ты к ним близко не подходи, а то еще какую заразу домой притащишь.

– Скорее всего, они к нам прилетели с добрыми намерениями, – ответил Удалов. – Видишь, на него голубь сел. И хоть бы что.

– А вдруг они, мерзавцы, замедленного действия? Через полчаса подохнет твой голубь.

Удалов не стал спорить с Ксенией. Она ведь женщина неумная, но если начнет спорить, за ней всегда останется последнее слово.

Спустившись на первый этаж, Удалов постучал к профессору Минцу.

Тот уже не спал, делал зарядку.

В последние недели Минц решил сгонять вес. Конечно, он мог изобрести радикальное средство: неделя – и пятьдесят килограммов долой! Но Минц как серьезный исследователь предпочел сначала испробовать испытанные способы похудения, а потом уж изобрести что-нибудь свое.

Так что когда Удалов постучал к Минцу, тот стоял на голове и читал газету.

– Выходи, Лев Христофорович, – позвал Удалов профессора. – К нам опять пришелец залетел. Надо выйти на контакт, понять, в чем цель ихнего визита.

Минц даже не стал задавать ненужных вопросов. Рухнул всем телом на пол, восстановил дыхание и, запахивая халат, присоединился к Удалову.

Они вышли во двор. Было прохладно, даже зябко.

Странное растение по-жестяному шуршало листьями.

– Как оно тебе? – спросил Удалов.

– А как они прилетели, если ног нет? – спросил Минц.

– Опять двадцать пять! – возмутился Удалов. – Что вы, сговорились, что ли?

Он дотронулся до листика. Листик был холодным и скользким.

– Осторожнее! – крикнула из окна Ксения. – Может, он жжется.

– Нет, не жжется, – возразил Удалов.

И хотел сорвать грушу.

Но груша не сорвалась.

– Корнелий! – предупредил его Минц.

И тут груша рассыпалась в руке Удалова, и из нее прыснуло во все стороны облако микроскопических семян.

Минц отскочил.

А Удалов даже и не пытался отскочить.

Махонькие семечки комариными укусами вонзались в его подбородок, щеки и даже небольшой нос.

– Фу ты! – возмутился Корнелий Иванович. – Это еще что за агрессия? Так себя братья по разуму не ведут.

Он интуицией понял, что имеет дело с братьями по разуму, хоть и в растительной форме.

Растение – назовем его космическим гренадином, потому что его как-то надо назвать, а настоящего названия мы не сможем выговорить, – думало примерно так:

«Как приятно попасть на гостеприимную и теплую Землю, как славно увидеть аборигенов, таких здоровеньких и бойких. Как желательно включить их в собственную суть, сделать их одними из нас, чтобы мы вместе могли радоваться наполненности жизни, мирно философствовать и осваивать во благо местного населения все новые и новые космические тела. Вот этот, лысенький, курносенький, с проседью – он уже пронзен нашими стрелами любви, он скоро станет одним из нас, он присоединится к Мировой Яблоне. И счастье, владеющее нами, станет и его счастьем!»

Из этого внутреннего монолога нетрудно сделать вывод, что на Землю действительно угодили братья по разуму, готовые дружить с нашим населением и ждущие взаимопонимания. Сколько раз в ее истории приходилось сталкиваться с агрессорами, извергами, а то и просто скотами, но вот наконец повезло!

Удалов склонен к идеализации космической дружбы, он потянулся к растению, хоть и рассердился на уколы.

Минц устроен иначе. Он ученый, он ищет сути. Он допускает, что под личиной друга может таиться враг.

Поэтому он вытащил свой большой носовой платок, прикрылся им от летучих семян пришельца, а когда тот истощил весь запас, свернул

платок вместе с захваченными орудиями агрессии и понес к себе. В это время во двор вошел новый редактор газеты «Гуслярское знамя» Михаил Стендаль, сменивший ушедшего на пенсию товарища Малюжкина. Он публиковал с продолжением в своей газете мемуары Корнелия Удалова, Гражданина Вселенной. Писал их он сам – благо жизнь Корнелия Ивановича прошла на глазах горожан, а Удалов лишь уточнял детали.

– Что, – спросил он, – к Корнелию Ивановичу гости из космоса?

– Нет, – сказал Минц, который уже почти ушел со двора, – это, боюсь, агрессия.

– А красивое дерево, – заметил Стендаль.

Минц его не слышал. В дверях он столкнулся с некогда персональным, а теперь обыкновенным пенсионером Ложкиным. Тот и в девяносто лет держал себя орлом и строчил кляузы в центральную печать, на которые никто не отвечал.

– Милицию вызвали? – спросил Ложкин, который пришельцев не терпел и к космической дружбе относился враждебно. – Весь двор загадили. – Он подошел к растению и сказал ему в лоб: – Чего расселся! Тебя звали? А ну, собирай манатки и мчись на свой Альдебаран. Небось оттуда тебя метлой выгнали!

Растение мысленно поежилось.

«Странное существо», – подумало оно.

Оно попыталось мысленно дотянуться до Ложкина и поведать ему о вселенской любви, но не дотянулось, потому что до Ложкина еще никто не смог дотянуться.

Ложкин подобрал с земли камень и кинул его в дерево. Дереву не было больно, и оно отнеслось к поступку Ложкина с пониманием, так как увидело в нем мятущуюся душу одинокого старика.

Ложкин выругался нецензурно и пошел домой вызывать милицию.

Он так спешил, что растение не успело выпустить по нему серию острых стрелок-семян.

Михаил Стендаль наблюдал за этой сценой, не скрывая сардонической усмешки. Он подумывал о том, как напишет фельетон о г. Л., который площадно ругался с не понимающими его инопланетянами.

Улыбаясь, он поднялся на второй этаж, не заметив, что ему в затылок вонзилось несколько стрелочек – семян пришельца.

Инопланетное растение огляделось. Оно впервые попало в земную квартиру и было потрясено, как сложно, неудобно и даже бессмысленно живут люди на этой планете.

Глазами Удалова, ставшего уже фактически частью растения, оно осмотрело мебель, столь ненужную разумному существу, посуду, различные вещи и даже жалкие растения на окнах. А одежда – зачем же таскать на себе эти тряпки? Антигигиенично, некрасиво и унизительно!

Ксения спросила:

– Ты чего, Корнелий?

– Думаю, – ответил муж. – Думаю о том, что мы с тобой неправильно прожили жизнь.

– Начинается! Где ты еще этого нахватался?

– Мы мелочились, суетились, куда-то стремились. А зачем?

– А затем, чтобы до зарплаты дотянуть, – разумно ответила Ксения.

– Не опускайся на грязную землю, – попросил Корнелий супругу. – Ничего ты там не найдешь, кроме мелочности. Смотри вдаль.

– Корнелий, не заболел ли?

– Спустись вниз, подойди к посланцу Истины, убедись, насколько ты не права.

– Только этого мне не хватало! А кормить тебя, оболтуса, кто будет, Пушкин?

Удалов вздохнул, но не отчаялся. Как настоящий миссионер, он понимал, что миссии легкими не бывают. Сколько святых людей закончило свои дни на кострах, а то и в желудках каннибалов! Мысль Удалова, хоть и была подсказана растением, частью которого он уже становился, сохранила некоторую земную самобытность, потому что понятия каннибализма среди гренадинов не существовало.

Пришел Стендаль.

Он, конечно, значительно отстал от Удалова в процессе превращения в инопланетное растение, но был на верном пути.

– Будем трудиться? – спросил он.

Удалов посмотрел на него ясным взором и произнес:

– А есть смысл вообще в воспоминаниях? Разве не отвлекают они нас от слияния с Космосом?

– Странно, – ответил Стендаль. – С одной стороны, я положил немало сил для того, чтобы запечатлеть для потомков ваши героические деяния...

– Ах, оставьте! – ответил Корнелий Иванович. – Мне теперь стыдно даже думать о том, на что ушла моя жизнь, вернее, ее первая половина.

– Понимаю вас, понимаю, – согласился Стендаль. – Но жалко, а?

– Нет, не жалко!

Ксения смотрела на мужа и Мишу, не понимая, что с ними случилось. Разумеется, она не связывала это поведение с прилетом во двор инопланетной штуки. Но была встревожена. Тем более что и Корнелий, и Миша категорически отказались поесть.

Тут со двора донеслись голоса.

Внутренним чутьем – а ведь Корнелий был теперь связан невидимыми нитями с главным деревом – Удалов понял, что шум связан с инопланетным гостем.

Оказывается, пришел милиционер Пилипенко-младший, тут же к нему присоединился Ложкин.

Милиционер был в бронежилете, с дубинкой и автоматом.

Это не означает, что такое вооружение ему было необходимо в мирном Гусляре, но раз такое завели в Москве, то мы ведь не хуже? Мы этого достойны?

Милиционер обследовал дерево, не подходя к нему близко, за ним ходил Ложкин и громко ругался на то, что во двор уже выйти стало нельзя, так все загадили, а спросить надо с Удалова, потому что тот приманивает непрошеных гостей.

Дерево конечно же слушало этот разговор и не все понимало, однако ему было неприятно ощущать отрицательные эмоции Ложкина, и потому оно принялось кидать в Ложкина стрелки, не забыв, конечно, и о милиционере.

Ложкин пострадал почти сразу, но не заметил в пылу битвы, а вот сержант Пилипенко-младший устоял, так как был в бронежилете, а его семенами, даже космическими, не пробить.

Вышел Минц.

– Я согласен с Ложкиным в одном, – сказал он милиционеру, – мы не знаем действительных целей этого синего монстра. Хочет ли он нас любить или будет порабощать?

– Любить! – крикнул со второго этажа Корнелий.

– Я согласен с мнением предыдущего товарища! – поддержал его редактор газеты.

– В любом случае пускай знает свое место, – сказал Ложкин, который еще не переменился, а продолжал упорствовать. – Пускай убирается на площадь или к музею, чтобы не создавать угрозы.

– Ну что ты говоришь! – крикнул сверху Удалов. – Ведь оно прилетело к нам, чтобы научить нас любви и покою, а ты говоришь – не создавать угрозы!

– Корнелий! – строго окликнул его профессор. – Что это означает? Ты почему с нами за инопланетянина говоришь?

– Что чувствую, то и говорю, – ответил Корнелий.

– Надо убирать, – согласился Пилипенко.

Растение немного встревожилось и выпустило в него весь запас семян.

А в душе Ложкина шевельнулись сомнения: правильно ли он делает, нападая на это красивое инопланетное создание?

Это значило, что семена пустили корешки и душа Ложкина постепенно проникалась благородными чувствами, свойственными растению гренадин.

Пока сомнения шевелились в Ложкине, приехала пожарная машина. Пожарные были одеты в брезентовые робы, растение не смогло обратить их в свою веру, так что пришлось вмешаться Удалову, а уж потом на помощь к нему пришел Стендаль.

Но Пилипенко-младший был неумолим. Ему давно надоели инопланетяне. Они нарушали порядок в городе. В любой момент могло приехать начальство из области, а кому тогда отвечать? Пилипенке!

Так что пожарники для видимости порубили растение топорами, топоры затупились, а результаты были нулевыми.

Приехал бульдозер.

К тому времени в душе Ложкина произошли перемены, и он полностью перешел в стан защитников инопланетянина. Он кричал на пожарников и бульдозериста, а также грозил написать куда следует.

Вернулась с работы Гаврилова, в нее растение пустило несколько стрел, а заодно попало Ксении, которая пошла в магазин за молоком.

Бульдозер опустил лопату и пошел на растение гренадин штурмом. Растение покачнулось, но выдержало удар. Ему было больно и горько сознавать, что в ответ на любовь и ласку люди стараются сделать больно.

Правда, оно не отчаивалось, так как среди людей у него были верные друзья.

С третьей попытки бульдозер сломал лопату, бульдозерист Кравченко вылез из машины, подошел к растению, поддал по нему сапогом и получил свою порцию семян.

Пилипенко пошел звонить в воинскую часть, чтобы прислали танк с огнеметом, а также вертолеты. По наущению Минца он полагал, что Земля подверглась нашествию хуже Батыева.

Смеркалось. В небе над Великим Гусляром пролетел военный вертолет, подготавливался штурм.

Удалов и его товарищи расставили стулья вокруг инопланетянина, решив провести так всю ночь и, если нужно, закрыть дерево уже не очень нужными телами.

Они молчали, потому что за последние часы научились передавать на расстояние мысли и читать мысли своих товарищей.

И мыслили они едино.

Удалов, а с ним вместе Стендаль, Ксения, Ложкин, Гаврилова, бульдозерист Кравченко, дети из второго подъезда, почтальон и еще восемь человек, включая супругов Савичей, которые вовремя пришли в гости к Минцу, но потом раздумали у него пить чай, размышляли: «Насколько наивны потуги личностей, недовольных той внутренней свободой, гармонией и миром, которые принесли на Землю добрые посланцы Вселенной! Ведь они неизбежно потерпят поражение и станут частью всемирного братства духа и благородства. Что такое буддийская нирвана? Это и есть цель освобождения от чувств и, главное, желаний. Цель – быть одним телом и одной душой. И ничего не хотеть, кроме того, чтобы заполнить мир морем благожелательности. Нужны ли привязанности? Нет конечно! Они нарушают гармонию покоя! Нужна ли сама жизнь? Только постольку, поскольку она не мешает слиянию душ в полном бездействии. Вот, оказывается, к чему должно стремиться человечество! И оно этого достигнет».

Лишь профессор Минц понимал, что терпит поражение, что его друзья и соседи мысленно сдались перед растением и даже готовы отдать ему все, что есть у них дорогого.

Профессор вышел во двор и увидел, как Корнелий Удалов подошел к растению, протянул вперед руки и вошел в его ствол.

– Ах! – воскликнул профессор.

Но ничего не смог поделать. Исчез Удалов. Словно его и не было.

Тут поднялась Ксения Удалова. Она не смотрела по сторонам, да и на нее никто не смотрел. Словно робот, она двинулась следом за мужем.

– Какое счастье, – произнесла она в тот момент, когда ее грудь коснулась ствола растения гренадин.

И так, один за другим, в дерево вошли шестнадцать жителей Великого Гусляра.

Минц ничего не сделал. И не мог ничего сделать. Он понимал, что бессилен победить законы Галактики.

Только немые горькие слезы медленно стекали по его тугим щекам.

Снова затрещал мотор вертолета. Он шел низко, словно собирался пустить ракету.

И тогда, опомнившись, Минц побежал к себе, набрал номер секретного телефона воинской части и потребовал, чтобы приготовления к штурму инопланетного растения были прекращены. Там, в растении, люди.

– Оно их сожрало? – в ужасе спросил дежурный по части.

– Нет, – ответил Минц, глотая слезы, – они сами с ним слились. Теперь мы имеем дело не только – и не столько – с пришельцем, сколько с коллективом, в котором на каждого пришельца приходится больше десятка наших граждан.

Дежурный по части не поверил, и Минцу пришлось дозваниваться до Министерства обороны, благо у него там были друзья.

Бомбардировку Великого Гусляра было решено отложить до утра, а пока выслать квалифицированный десант.

Ах, как сладко и мирно было Удалову в чреве растения. Словно он, прожив на свете больше шести десятков лет, вернулся в утробу матери. Его мысли, слившись с мыслями растения, устремились к совершенству. Он понял, будучи частью Великой Яблони, какова высшая цель овладения Вселенной – всеобщее счастье, лишенное желаний и мелкой житейской суеты.

Удалов знал, что рядом с ним наслаждаются нирваной его соседи и иные жители Гусляра, которые, конечно, уже не жители этого безумного городишки, а атомы, молекулы великого Растения.

Коллективным взором Удалов и прочие молекулы Растения увидели, как с первыми лучами раннего солнца из дома вышел удрученный

профессор Минц. Он был в драповом пальто, надвинутой на глаза шляпе и черных очках – ох и трудно добраться до него нашим семенам!

А Минц, в свою очередь, увидел такое, что чуть не рухнул на землю в беспамятстве.

За ночь дерево обзавелось плодами.

На его ветвях росли плоды, имевшие явное сходство с головами известных Минцу людей. Вот висит груша – головка Корнелия Ивановича. А в том, еще зеленом плоде можно угадать черты старика Ложкина. На лицах – сладкая отрешенность. Глаза закрыты. А улыбки! Улыбки у всех были схожи – это были улыбки небезызвестной Джоконды.

Минц осторожно постучал костяшкой пальца по щеке Удалова.

– Корнелий, ты меня слышишь? – спросил он.

Плод не реагировал.

Минц подергал за грушу. Удалов крепко висел на черенке, который поднимался из его темечка.

Сильнее дергать Минц не решился – а вдруг повредит старому другу.

Тут над двором снизился вертолет, и из него по веревочной лесенке спустились несколько генералов.

Они долго стояли вокруг растения и качали головами. С одной стороны, они признавали, что гуманность требует оставить растение в покое, с другой – что гуманность требует уничтожить растение огнеметами или направленным ядерным взрывом, чтобы оно не поймало в свои сети других российских граждан.

Решено было перенести обсуждение вопроса на Совет безопасности при Президенте, засекретить явление, ввести карантин в пределах домовладения № 16 по Пушкинской улице и подтянуть к Великому Гусляру отдельную парашютную бригаду.

После этого во дворе был накрыт походный стол для генералитета, за который пригласили профессора Минца и замгорпреда Лидию Ли, железную женщину и корейскую мисс Пхеньян, о чем разговор как-нибудь будет особый.

Напившись, генералы попытались сорвать плоды с дерева, но не преуспели, зато (так как гуляли без бронежилетов) к концу пира три генерал-полковника и генерал армии Гремящий были, безусловно, за-

Они долго стояли вокруг растения и качали головами.

ражены сознанием всеобщего мира и покоя и отказались улететь в Москву. Вместо этого они ринулись к дереву и влились в него.

Дерево склоняло ветви под тяжестью земных плодов, а в Министерстве обороны было решено скрыть от общественности и Президента исчезновение ряда руководящих военачальников, благо на их места были желающие.

Генералы, влившиеся в общую песнь счастья, также превратились в плоды Яблони и, покачиваясь под налетевшим ветерком, спокойно и отстраненно размышляли о ненасилии.

Сама же яблоня была преисполнена счастья, потому что еще вчера и мечтать не могла о таком числе и качестве неофитов с Земли.

В этом месте нашего рассказа читатель почти наверняка ждет парадокса. Он понимает, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, а космические яблони прилетают, чтобы завоевать нас и превратить в безгласных рабов. Вот-вот, понимает читатель, Яблоня проявит свою истинную дьявольскую сущность, и лишь профессор Минц с газовым баллончиком в руке будет противостоять страшному нашествию.

Я должен разочаровать читателя.

В глубинах Вселенной существует не только злобный разум, стремящийся всех завоевать и растоптать. Выше его расположен уровень всеобщего счастья и благоденствия. Разумеется, внедрение счастья проходит не всегда гладко, но уже есть положительные сигналы. И не исключено, что в обозримом будущем вся наша Галактика станет великим садом нирваны.

Яблоня, которая стояла во дворе дома № 16 по Пушкинской улице, желала людям только добра.

И те, кто стал ее плодами, осознав это счастье, ни к чему не стремились, не ждали пенсии, не желали купить путевку в Анталью, не хотели окрошки или жениться.

За последующий день в Яблоню влились три кота, собака Жулик, затем ее хозяйка, которая искала Жулика, несколько любопытных прохожих и ворона, севшая нечаянно на голову Ксении Удаловой.

В оцепленном войсками дворе было тихо, на скамеечке сидел последний непревращенный и неэвакуированный жилец – профессор Минц. Ему было жарко в пальто, но осторожность не мешала. И хотя Лев Христофорович уже пришел к тем же выводам, что и мы с вами, его настроение не улучшилось.

Ведь он потерял лучших друзей, он потерял добрых соседей, он был на грани того, чтобы потерять всю нашу планету. Вон они, свежие ростки, что появляются рядом с Яблоней. Ведь ей тоже приходится расширяться, чтобы поглотить население Российской Федерации.

Минц гулял вокруг Яблони, увертываясь от семян, вглядываясь в лица плодов. Нет, они все так же безмятежны. Яблоню можно, наверное, взорвать, выжечь, но это приведет к убийству. И вернее всего, она поглотит человечество раньше, чем оно решится ее уничтожить.

– Детей жалко, – сказал Минц.

Яблоня ответила ему телепатически:

– Вы их не жалейте, радуйтесь за них, профессор. Вместо опостылевшей школы, вместо перспективы унизительных переэкзаменовок в институте, вместо пустых переживаний юных лет они получат покой сразу, без промежуточных ступеней. Они окажутся мудрее вас, Лев Христофорович. Они уже с детства избавятся от желаний и связанных с ними страданий. И человечество не будет знать ни болезней, ни смерти...

– Ни радостей, – вставил Лев Христофорович.

– Каждая радость кончается разочарованием и горем, как каждая любовь завершается разлукой, а жизнь – смертью, – мудро ответила Космическая Яблоня, и все многочисленные плоды на ее ветвях закачались, подтверждая неизбывную мудрость этих слов.

Минц понял, что потерпел поражение.

– А что дальше? – спросил он.

– Дальше – расширение числа счастливых. Добровольное, неспешное, радостное.

– Но начнутся конфликты!

– Мы и это предусмотрели. Ведь ребенок отказывается принимать пилюлю, потому что не понимает, что она принесет избавление от болезни.

– И что же вы придумали?

– Мы думали все вместе, – ответила Яблоня. – И по совету генералитета, что висит на моих ветках, решили принять участие в парламентских выборах в России. Мы приведем к победе партию Счастья. Партию Безмятежности. Партию Изобилия.

– Какое уж тут изобилие!

– Вы не поняли нас, профессор, – ответила терпеливо Яблоня. – Изобилие определяется не абсолютным количеством вещей, а желанием их иметь. Абсолютное изобилие достигается тогда, когда людям ничего не нужно. Нет у них желаний, и всё тут!

– Парламентские выборы... – произнес Минц. – А потом?

– Если они не дадут нам полного охвата счастьем всего населения, выдвинем себя в президенты, – ответила Яблоня.

И тогда Минц махнул рукой и пошел домой.

Он решил присоединиться к друзьям.

Он прошел в свой скромный кабинет, выключил факс, отсоединил компьютер, кинул в корзину неотправленные письма и недописанную статью. Ведь статьи не нужны в мире, где все проблемы решены, а цели достигнуты.

Тут его сморил сон, и он задремал на диване, не снимая драпового пальто.

И он не ведал о том, что происходило во дворе дома № 16.

Если ты находишься в состоянии полного счастья, то тебе не требуются не только окрошка и пальто, но и сон.

Так что все плоды находились в состоянии сладкого полусна и могли бесконечно рассуждать о личном счастье и ненужности движений.

Этим занимался и Корнелий Удалов.

Висел и наслаждался.

Потом вдруг – сам не понял, как это произошло, – его посетила совершенно чужая и ненужная мысль: а как там Ксюша, не дует ли ей?

– О нет! – ответила Яблоня, услышав, разумеется, мысль Корнелия Ивановича. – Ваша бывшая супруга, а ныне равноценный плод Ксения наслаждается нирваной, как и вы сами.

Этот ответ конечно же порадовал Удалова, но тут до него, как сквозь сугробы и большие расстояния, долетела мысль Ксюши:

– А выключила ли я холодильник? Ведь так до конца месяца счет придется платить. – И тут же мысль перетекла в другую: – Как там сын Максимка, который собирался в Томск?

– А какое нам с тобой дело до Максимки, Томска и холодильника? – мысленно сказал бывшей жене, а ныне яблоку Корнелий. – Никакого!

– Никакого! – согласилась Ксения и обеспокоилась: – Ведь кошка не кормлена.

А тут еще все плоды пронзила мысль генерала армии Гремящего:

– Завтра придут мастера делать туалетную комнату на даче! Кто их встретит?

– Кому нужны твои мастера! – почти закричала Яблоня. – Ты же наконец достиг счастья!

– Так точно, – согласился генерал, зато другой генерал, интендантский, пожилой, подумал, что его молодая любовница как-то дурно и подозрительно улыбается адъютанту Смирнову.

Но пока Яблоня гасила эту глупую и ненужную мысль генерала, замельтешили мысли нескольких мальчишек, которым почему-то понадобилось лезть на стрельбище за пульками, а тут еще Гаврилова возмутилась поведением сына, который вознамерился снова жениться и разменивать жилплощадь.

– Ну на что тебе жилплощадь, женщина?! – закричала, мучаясь, Яблоня.

– И то дело, – согласилась Гаврилова. – А где же я жить буду?

И тут свершилось!

Оказывается, все плоды, насладившись счастьем, принялись думать неправильно. Всю жизнь эти люди стремились к счастью и покою, а вот получили – и на тебе!..

Проснувшись на рассвете, профессор Минц сбросил пальто, костюм и даже ботинки и в одних трусах пошел сдаваться Счастью.

Было зябко, и дул пронзительный ветер.

Яблоня съежилась, почернела и дергалась под порывами ветра.

Последние плоды с глухим стуком падали на землю.

И подобно тем, что упали раньше, превращались в сонных жителей Гусляра и других городов.

Люди поднимались, отряхивали с себя пыль и, не глядя на дерево, уходили прочь.

Даже Минца никто не узнал, кроме Корнелия, который, спеша домой, кинул обнаженному профессору:

– Иди, иди в тепло. Простудишься! Космический эксперимент, к счастью, провалился.

– Ты сорвался с Яблони! – догадался Минц.

– Разумеется! – ответил Удалов. – Ведь завтра с утра на рыбалку!

Космическая Яблоня крикнула телепатически:

– Вы еще об этом пожалеете, дикари!

Она подобрала ветви и, превратившись в маленький космический корабль, ринулась к звездам.

Этого тоже никто не заметил.

Да и кому замечать, если все уже ушли со двора.

Даже профессор Минц.

ЦЕНА КРОКОДИЛА

Когда Леве Минцу было шестнадцать, он был худ, лохмат и восторжен, Аллочка Брусилович гуляла его по набережной Москвареки. Они шли вечером мимо Кремля, взявшись за руки. По реке плыли редкие льдины. На одной сидела несчастная кошка, и огни с набережной, от гостиницы «Бухарест», отражались в точках ее глаз, превращая их в бриллиантовые крошки. Рука Аллочки была теплой и послушной.

– Бедное животное, – прошептала Аллочка. – Ты мог бы нырнуть, чтобы спасти ее?

– Если бы это была ты, то нырнул бы, – ответил Левушка, и Аллочка сжала пальчиками его ладонь.

Как я счастлив, думал Минц. Надо запомнить это мгновение. Мы стоим у парапета, на той стороне в гостинице «Бухарест» горят два окна на четвертом этаже, по набережной едет черный ЗИС, у Аллы Брусилович высокая грудь, хотя об этом нельзя думать. Зато можно думать о том, что крутая черная прядь упала на ухо. Ах, как хочется поцеловать Аллочку в ухо!

– Ты о чем думаешь? – спросила Алла. Минцу было неловко признаться в том, что он думает о счастье, завитке над ухом и даже высокой груди Аллочки.

– Интересно, кто в ЗИСе проехал? – сказал Минц. – Может, Сталин?

– Не пугай меня, – прошептала Аллочка Брусилович. У нее был дядя вейсманист-морганист, и они все ждали ареста.

Но Минц все равно был счастлив, никогда еще он не был так счастлив. И никогда больше он не будет так счастлив.

Что такое счастье?

И через полвека Минц сказал себе: счастье – это мгновение, суть и ценность которого можно оценить только по прошествии времени. Но я же отдавал себе отчет в том, что счастлив? И благополучно забыл об этом, как забыл и об Аллочке Брусилович, которую не узнал бы на улице.

А можно ли возвратить мгновение? Можно ли повторить его? В чем трагедия Фауста? Он искал то мгновение, а находил разочарование. Может быть, будучи великим ученым, он понимал, что счастье – лишь сочетание удачно совпавших колебаний молекул? Или химическая реакция организма на запах собеседницы?

Так какого же черта нам выдали разум, если мы хотим первобытного счастья?

Изобретаешь компьютер и колешь им орехи! Но, рассуждая так, Минц не прекращал изобретать соответствующее средство. Потому что он стремился к счастью, и, не надеясь на то, что добьется его на пустом месте, пытался восстановить ситуацию, при которой был счастлив.

Для этого следовало заставить мозг заново пережить тот момент. То есть мозг должен поверить, что этот момент возвратился. Притом не сегодняшний, разочарованный и усталый, не верящий в счастье мозг, а тот, юношеский, смятенный и трепетный.

Такая задача может быть по плечу только очевидному гению.

Удалов сказал:

– Лев Христофорович, такая задача по плечу только настоящему гению.

На что Минц ответил:

– Тогда именно я ее и решу.

В комнате пахло паленым, еще не рассеялся дым от небольшого взрыва, в реторте шумело.

– Это трудно, – сказал Удалов. – Даже тебе.

Удалов имел право так говорить, он прожил вместе с Минцем в одном доме четверть века. То есть, как если бы они встретились в эпоху Павла Первого, а сейчас наступает время восстать декабристам. Или, скажем, Минц въехал в дом № 16 по Пушкинской улице города Великий Гусляр в канун Великой Октябрьской Социалистической революции, а сегодня кипит битва в Сталинграде. Ничего себе исторический промежуток!

– По какому пути идешь, сосед? – опросил Удалов.

– Я решил пойти по пути гипнопедии.

– Конкретнее! – строго сказал Удалов, который не знал, что такое гипнопедия.

– Обучение во сне, – пояснил Минц. – Я тебе предлагаю увидеть сон. Но не просто сон, а сон вещий наоборот.

– Послушай, сосед, ты меня совсем затюкал. Сон вещий наоборот уже не может быть вещим. Что я в нем увижу?

– Ты увидишь то, что с тобой было. Поэтому полнокровно переживешь заново какое-то событие.

– Как же ты этого добьешься?

– Когда добьюсь, постучу тебе.

Так как Удалов жил как раз над Минцем, то Минц, когда была нужда в Корнелии, стучал в потолок щеткой, а Удалов стучал по полу каблуком.

Минц постучал через три недели, – очень долго шла работа над гормоном сна. С наукой это бывает: казалось бы, открытие так и просится в руки, ан нет, – проходят недели, а средство от СПИДа еще не придумано.

Минц постучал, когда Удалов как раз пил компот, придя с собрания общественного совета организации «Зеленый дол». Он оставил стакан и кинулся вниз. Ему не терпелось узнать, достижимо ли счастье в отдельно взятой стране.

Минц сидел за столом в синем махровом халате и пил кофе.

– Не томи! – крикнул от дверей Удалов.

– Испытал, – ответил Минц. – Это было счастье!

– Говори, говори!

– Я заснул, и снился мне конец сороковых годов, и вечер на набережной возле Кремлевской стены. Ты знаешь, с кем рядом я стоял?

– С кем же?

– С Аллочкой Брусилович. Был холодный мартовский вечер. Редкие льдины плыли по Москва-реке. На одной сидела кошка. Глаза ее казались алмазными крошками. А в гостинице «Бухарест», на четвертом этаже горели два или три окна. Рука Аллочки послушно лежала в моей ладони, я смотрел на нее и думал, – как я счастлив видеть, что черная тугая прядь падает на ее маленькое розовое ушко...

– Она без шапки была? – спросил Удалов.

– Чего?

– И как ее мать выпустила? Ведь мороз был?

– Мороз. Но дело не в этом.

– А когда можно попользоваться? – спросил Удалов.

– Как так попользоваться?

– Принять. У каждого свои проблемы.

– А у тебя какие? Со счастьем?

– Может, и со счастьем.

– Но я еще не готов.

– Вот я и думаю, не вообразил ли ты это счастье, Лев Христофорович?

– Обижаешь, – ответил Минц, – А со своей стороны, чтобы унять твой скептицизм, я обещаю, что ты будешь первым, которому я дам испытать сон.

– А скажи, Лев Христофорович, – спросил Удалов, – я так понимаю, что ты можешь внушить сон на определенный момент в прошлой жизни. И не обязательно, чтобы это был счастливый миг.

– Ты прав, Корнелий, – ответил профессор. – Счастья я обещать не могу. Но могу сказать, – во сне ты снова переживешь такой-то день и час своей жизни.

– А мое дело – заказать нужный день.

– И нужный час.

– А если я ошибся?

– Если ошибся – увидишь, чего не желал.

Но Удалову не нужно было счастье. Другая проблема волновала его беспокойный ум.

Минц догадался, что Удалов что-то утаивает от него.

– Зачем тебе понадобился вещий сон? – спросил он.

– Мне нужен сон вещий, чтобы найти вещи, – ответил Удалов. – Когда сделаешь мне укол?

– Не укол – пилюля.

– Еще лучше.

Испытания состоялись через две недели.

Утром Минц казался усталым.

– Опять не спал? – спросил Удалов.

– Там же был, то же снил.

– Опять Аллочка Брусилович на набережной у Кремля?

– И глазки как алмазная крошка.

– Лев Христофорович, а не становишься ли ты наркоманом? – спросил Удалов. – Если тебе вновь и вновь хочется испытать чувство счастья, то потом тебе не захочется возвращаться в нашу действительность. Ты увеличишь дозу... и рехнешься!

– А может, мне хочется остаться там навеки, продлить счастье – от мгновения до вечности.

– Ты обещал, – перебил друга Корнелий, – что дашь первую снотворную пилюлю мне по дружбе. Так ли это? Не передумал ли ты?

– Говори, какое мгновение в прошлом тебе надо мысленно посетить? Что ты хочешь пережить вновь во всей видимости реализма? Первый поцелуй?

– Нет.

– Неужели тот день, когда тебе на шейку повязали красный галстук?

– Нет.

– Последний экзамен в школе?

Удалов отрицательно покачал головой. Минц пожал плечами.

– Ты извращенец, – сказал он.

Удалов и это отрицал.

– Тогда говори!

– Три часа ночи восьмого октября сего года.

– Что? – удивлению Минца не было предела. – Два месяца назад?

– Вот именно.

– Но что же могло произойти?

– Не теребя душу. Мы с тобой взрослые люди и не задаем лишних вопросов. Показывай, как работает твой наркотик?

– Очень просто, – ответил Минц.

Он взял со стола большой будильник с календарем тайваньского производства, который продается в универмаге за сто десять рублей. Стекло с циферблата было снято.

Затем Лев Христофорович вытащил из мензурки оранжевую пилюлю и положил ее на циферблат. Он бормотал вслух:

– Три часа ночи восьмого октября сего года.

Удалов увидел, что циферблат показывал часы, минуты, а также число, день недели и еще – маленькая стрелочка, самодельная – год от Рождества Христова.

Минц набрал нужную дату и время.

– Теперь подождем, – сказал он, – дай прибору зарядиться.

Они сыграли партию в шахматы, потом Минц угостил соседа чаем.

Говорили о событиях последних дней, о разгуле бандитов в масштабе области, об оскудении крокодилов в озере Копенгаген, землетрясении в Гватемале, видах на урожай наркотиков в Золотом треугольнике и даже шансах русского человека Сточасова победить на выборах мэра города Паталипутра на планете того же названия.

Время пролетело незаметно. Будильник щелкнул и сыграл арию Трубадура.

– Все, – сказал Минц, – заряжена твоя пилюля. Перед сном прими и спи спокойно, скоро начнет сниться сон, совершенно реалистический. И ты получишь свое удовольствие... а какое, не скажешь?

– Получится – скажу, – ответил Удалов.

Пилюлю он спрятал среди рыболовных крючков и блесен, не хотел, чтобы ее увидела Ксения, потому что она обязательно подумает что-то неправильное. Может, решит, что Удалов тайком от нее лечится от неприличной болезни, может – что он стал наркоманом.

День тянулся медленно и неинтересно. Удалов даже лег поспать, чтобы убить его. Но когда проснулся, было все также сумрачно и снежно.

Ксения почуяла неладное, когда кормила мужа ужином.

– Опять пил? – спросила она.

Подозрение было необоснованным, потому что Удалов пил редко, понемногу и только в хорошей компании. Но ведь надо мужа в чем-то подозревать! Мужья – это опасная категория домашних животных, которые норовят выскочить на лестничную площадку в поисках приключений. Когда-то один итальянский деятель сказал: «Жена Цезаря выше подозрений».

И после этого выгнал ее из дома, потому что она оказалась ниже подозрений. Но ни одна жена, включая жену того итальянского деятеля, не скажет, что ее муж выше подозрений.

– А что натворил? – спросила Ксения.

– Ничего, – неубедительно ответил Удалов.

Подобно любому мужу, Удалов на семейных допросах сразу чувствовал свою вину, даже если ее и не было. И тянуло в чем-нибудь признаться.

– А ты не красней, не бледней, – сказала Ксения. – Вижу по твоему рылу, что оно в пушку.

Удалову захотелось взглянуть в зеркало, хоть он и понимал, что жена говорит в переносном смысле.

Он стал думать о том, как сейчас заснет и тогда сможет разгадать загадку, которая мучает его уже второй месяц.

Тут по телевизору стали показывать сериал про Петербургские тайны, и Ксения отвлеклась. Чужие проблемы казались ей более актуальными.

Удалов же сослался на головную боль, услышал на прощание язвительную реплику супруги: «Знаем-знаем, почему у тебя голову ломит!», и пошел готовиться ко сну.

И тут случилась беда.

Минц не предупредил, а Удалов не подумал о том, что на человека в нервном ожидательном состоянии духа может навалиться бессонница. Что и случилось.

Удалов лежал в темной комнате, смотрел в потолок, слушал, как рядом похрапывает жена, а сон не шел. Удалов просчитал до десяти тысяч, попытался вспомнить все стихи из школьной программы, но сон не шел. За окном переругивались собаки, прошли пьяные дети с гитарой. Они нестройно пели песню «Спокойной ночи, малыши». В иной ситуации Удалов бы улыбнулся, но сейчас он только сердился.

Уже скоро рассвет...

И тут зажегся свет, и Удалов вошел в комнату.

Хорошо, что Ксения ушла к Гавриловой. Они просидят до полуночи, мало ли проблем у двух пенсионерок, личная жизнь детей не удалась, а внуки растут и требуют новых ботинок.

Перед Корнелием стояла проблема, и немаловажная: надо было спрятать от Ксении шестьдесят долларов. Вот именно!

Мечта Удалова о покупке голландского спиннинга была наконец-то близка к осуществлению. Тридцать лет он мечтал, а сегодня оказался в шаге от свершения. И все объяснялось обычным везением.

Был Удалов на рыбалке, на озере Копенгаген. Ловил на червя, погода была дождливая, рыбаков, считай, никого. Вода взбурлила, на удочку попался небольшой крокодил. Они иногда встречаются на озере Копенгаген, клюют на блесну. Лучше всего крокодила ловить зимой,

на подледном лове, потому что зимой крокодил вялый и покорный. А летом он может и канат перекусить.

Крокодилы водятся в озере еще с дореволюционных времен, когда их развел тамошний помещик Гуль, большой либерал и оригинал.

В последнее время крокодилов осталось мало, их все собираются внести в Красную книгу, но специалисты по красным книгам никак до озера не доберутся.

Считай, Удалову повезло.

Конечно, он предпочел бы поймать крокодилицу с яйцами – известный деликатес, но и малыш сгодится.

И сгодился.

Потому что как только Удалов сошел с автобуса на окраине города, возле Восточного рынка, его встретили два тибетца. Порой тибетцы заезжают в Гусляр, торгуют печенью яков, высокогорными гобийскими и каракорумскими травами и тантрическими рукописями на пальмовых листах.

Внимание тибетцев привлек крокодилий хвост, который свешивался из сумки рыбака, перекинутой через плечо.

– Северный крокодил, однако? – спросил тибетец постарше, одетый в желтую тогу и красную шапку с высоким гребнем.

– Как угадали? – удивился Удалов.

– Давно ищем, – сказал второй тибетец, в полушубке лагерного типа.

– Из хвоста молодого крокодила, выращенного в озерах северной России, добывается крайне редкий препарат, повышающий мужскую потенцию, – сказал старший тибетец.

– Мы присланы сектой Синего Облака в поисках этого снадобья для главы ее Сапраменг-ламы, однако, – добавил второй тибетец.

– Любые деньги платим, – сказал первый тибетец.

И по жадному блеску в глазах тибетцев Удалов понял, что сейчас наступает его звездный час.

– Крокодилы у нас редко встречаются, – сказал он.

Старший тибетец, видно, человек тертый, сразу сообразил, что начинается серьезный торг.

– Десять долларов, – сказал он, – но в китайских юанях.

– Вы с ума сошли! – сказал Удалов и пошел прочь.

Крокодилий хвост покачивался за спиной и ритмично ударял его по бедрам.

Тибетцы бежали вслед и кричали:

– Двадцать пять долларов.

– Тридцать долларов в китайской валюте!

Удалов остановился и произнес:

– Сто долларов и ни копейкой меньше.

– Пятьдесят!

– Семьдесят и только в американских баксах.

Они расстались возле дома Удалова. Тибетцы унесли крокодила, а Удалов стал богаче на шестьдесят долларов.

И вот он стоит посреди комнаты, размышляя, куда можно спрятать это богатство, чтобы Ксения с ее интуицией эти баксы не отыскала.

Под комод? Выметет. В книги на полку? А как запомнишь, в какой книжке они лежат? Нет, место должно быть фантастически необычным. В летние сандалии! Вот куда!

Удалов открыл было шкаф, но замер – нет, кошка может залезть.

А может быть, в папку с грамотами? Сколько их получил Корнелий Иванович за долгую трудовую жизнь! И с портретами, и просто с красными знаменами.

Вряд ли Ксения вздумает в этой папке копаться.

Решившись, Удалов вынул шестьдесят долларов, тремя двадцатками, заложил их в грамоту за победу в социалистическом соревновании в честь XIV съезда КПСС, сунул грамоту в середину папки, положил папку на верхнюю полку книжного шкафа.

Все. Решение принято, теперь можно искать подходящий спиннинг. В жизни снова появился смысл.

...И Удалов проснулся.

Было раннее утро, небо начало синеть, облака умчались восвояси, предутренние звезды холодно мерцали на небе. Собаки все еще гавкали под окном. Потом каркнула ворона.

Ксения мирно спала рядом. Она ни о чем не догадалась.

Все проблемы были решены.

Снадобье Минца подействовало.

Во сне Удалов увидел решение загадки. Теперь он знает, куда спрятал заветную заначку.

Он спрятал ее... А куда он ее спрятал?

Удалов вскочил с кровати. Ксения заворчала во сне и повернулась на бок.

Но ведь он только что видел во сне... он все помнил! Он видел, как вернулся домой, как стоял посреди комнаты и соображал, куда бы спрятать доллары. Сообразил и спрятал.

Куда?

Удалов еле дотерпел до восьми утра, когда сосед снизу загремел сковородкой, – значит, готовит себе омлет.

Удалов ворвался к Минцу.

– Лев Христофорович! – закричал он с порога. – Мы так не договаривались!

– Что? Неужели не подействовало?

– Я не помню.

– Так был сон или не было сна?

– Был он, был.

– И число загаданное совпало?

– Но не в этом дело!

– В чем же дело? – Минц не выспался, лысина была потной, халат разошелся на животе, глаза красные, веки припухли.

– Я не запомнил!

– Момент счастья?

– Какой к черту момент счастья! Не помню, куда шестьдесят баксов спрятал!

И сбивающимся от обиды голосом Удалов признался профессору Минцу в своей мечте о спиннинге и заначке от Ксении.

Минц проникся к Удалову сочувствием, потому что с возрастом его изумительная память все чаще давала сбои. И все чаще терялись в кабинете нужные бумаги и вещи. Казалось бы, только вчера положил книгу на видное место, а сегодня на этом месте книги нет и вообще ее нет в пределах видимости. Ты можешь перерыть всю свою небольшую захламленную квартиру и ничего не найдешь, кроме того, что искал в прошлом году.

Через два месяца эта книга (уже ненужная) отыщется на самом видном месте, и становится непонятно – кого винить в этой дикой издевке судьбы?

– Странно, – сказал Минц, выслушав эпопею Удалова, – я, например, помню все, что я делал в наведенном сне. Каждое слово помню.

– Но ведь ты ничего и не забывал, – ответил Удалов. – А мне надо было вспомнить. Что я помнил, то я помню, а что забыл, то не помню,

– Мало пилюль осталось, – вздохнул Минц.

– А ты еще сделай.

– Не так просто, – ответил Минц и объяснять, в чем трудность, не стал. Но Удалов знал: если Минц сказал, что не просто – значит, невозможно.

– Хоть одну дай, – попросил Удалов.

– А что изменится? – спросил Минц.

– Может, получится, а? Для меня это вопрос принципиальный.

Минц открыл баночку с пилюлями и стал их считать. Потом вытащил одну и протянул Удалову.

Удалов успел кинуть взгляд в баночку и увидел, что там осталось не меньше полудюжины пилюль. Минц догадался, что Удалов успел кинуть взгляд в баночку, и сказал:

– Приходится быть эгоистом. Надо решить морально-этическую проблему.

– Жениться решил? – не подумавши спросил Удалов, но Минц не рассердился, а отмахнулся от его слов, как от незначащих.

– Нельзя жениться на девушке, которая давно стала бабушкой. Но можно постараться свести счеты с собственной совестью.

Удалов его не понял, но ушел, сжимая в кулаке заряженную на тот же злосчастный день пилюлю.

Начавшийся день был подобен месяцу, – так долго и ненужно он тянулся до сумерек. Потом было сидение у телевизора, пустяковая ссора, визит Савичей, что-то еще... и, наконец, можно ложиться спать.

На этот раз Удалов решил рискнуть.

Вы скажете, что его решение было антинаучным? Может быть. Я тогда отвечу вам: само открытие Минца антинаучно. А в ненаучной ситуации антинаучные поступки порой дают положительные результаты. Я не слишком сложно высказываюсь?

В общем, Удалов заснул, сжимая в кулаке штучку – красную метку, пуговицу от пальто первой жены.

...Зажегся свет, и Удалов вошел в комнату.

Перед Корнелием стояла проблема, и немаловажная: надо было спрятать от Ксении шестьдесят долларов.

Тридцать лет Удалов мечтал о покупке голландского спиннинга, сегодня оказался в шаге от свершения.

И вот он стоит посреди комнаты, размышляя, куда можно спрятать свое богатство, чтобы Ксения с ее интуицией эти баксы не отыскала...

Может быть, в папку с грамотами? Сколько их получил Корнелий Иванович за долгую трудовую жизнь! Вряд ли Ксения вздумает копаться в этой папке.

Решившись, Удалов вынул из кармана шестьдесят долларов, заложил их в грамоту за победу в социалистическом соревновании в честь X съезда КПСС, сунул грамоту в середину папки, положив папку на среднюю полку книжного шкафа, а на нее – красную пуговицу.

Все...

И Удалов проснулся.

Ксения уже начала уборку и как раз добралась в своих утренних трудах до книжного шкафа.

Что же связано в памяти с этим шкафом? Что-то важное... Может быть, надо новый шкаф купить?

Удалов сел на кровати и сказал скучным голосом:

– Поменьше бы пыль поднимала, пока человек спит.

– А ты не спи, – ответила Ксения. – Я вся в трудах, а ты дрыхнешь.

Она взмахнула рукой, и красная пуговица упала на пол и покатилась к босым ногам Удалова.

Взор его задержался на секунду на пуговице, затем метнулся к папке с грамотами.

– Не урони! – закричал он и прыгнул к книжной полке!

Ксения от неожиданности отшатнулась и схватилась за папку, чтобы не упасть.

Удалов вырвал папку из ее рук и побежал с ней на кухню.

– Ты куда? Ты зачем хулиганишь? – кричала вслед Ксения.

Но Удалов уже вытащил из грамоты три двадцатидолларовых купюры...

Обошлось, деньги перепрятаны в карман брюк, сегодня же пойдем в «Рыболов-спортсмен». Надо рассказать Минцу об удачном опыте.

Правда, как объяснишь профессору, человеку не склонному к мистике, что красная метка побывала во сне и помогла отыскать деньги. Как она туда попала?

Минца дома не было.

Удалов поднялся вновь к себе. Позавтракал. Минца все не было. Удалов сходил в магазин, присмотрел спиннинг, потрогал его, усомнился, вернулся домой, позвал Сашу Грубина, специалиста по всему, они пошли туда вдвоем, но купить спиннинг не решились.

Посидели, приняли по кружке пива.

Решились.

Купили спиннинг, отнесли его к Грубину, потому что теперь предстояло подготовить Ксению к прибавлению в семействе. Ей будет тяжело это пережить.

Удалов снова постучал к Минцу.

Ответом был хрип.

Встревоженный Удалов вошел к Минцу, благо дверь к нему не запиралась.

Профессор лежал на полу.

Он был мокрый насквозь – от халата до кончика носа, – он дрожал, словно провел сутки в холодильнике, он не мог говорить, и лишь невнятный хрип вырывался из его посиневших уст.

– Лев Христофорович, что с тобой! – воскликнул Удалов. – Вызвать скорую?

– Ты... с ума... сошел, – проскрипел Минц и сделал движение рукой, которое Удалов истолковал положительно. Он открыл лабораторный шкаф и одним махом выхватил оттуда реторту, наполненную спиртом на клюкве. Для особых случаев.

Он налил стакан спирта, пригубил немного, чтобы проверить, не испортился ли напиток от неупотребления, а потом протянул стакан Минцу.

– Может, помочь? – спросил он.

Но Минц уже схватил стакан и вылил его в себя.

Постепенно его лицо приобрело розовый цвет.

Удалов помог профессору перебраться на диван.

– Будешь спать? – спросил он.

Хотя на самом деле его жгло желание поделиться своей радостью и узнать, конечно, что произошло с Минцем за последние сутки.

– Что у тебя с баксами? – спросил профессор.

Даже в тяжелые моменты жизни он помнил о друзьях.

– У меня все в порядке, – сказал Удалов. – Хотя не без мистики. Я во сне метку оставил, она так и осталась там лежать.

– Правильно, – сказал профессор. – Правильно, я тоже об этом догадался.

– Ты тоже метку оставил?

– Своего рода... – профессор долго кашлял, потом закричал петушиным голосом: – Да здравствует мистика!

– Ну скажи, не таи!

– Я был счастлив, Удалов, – сказал хрипло Минц.

Его глаза закрывались, голова склонялась к валику дивана.

– Я был счастлив, потому что открыл секрет счастья.

– В чем же этот секрет? – спросил Удалов и подумал о спиннинге, спрятанном у Грубина.

– В том, чтобы сделать счастливым другого. Того, кого любишь.

– Может быть, – сказал Удалов.

Мысли его были далеко.

– Ты не понял! Я сделал счастливой Аллочку Брусилович. И потому я счастлив тоже.

Профессор зашелся от кашля. Удалов насупился.

– Придется доктора вызывать, – сказал он.

Минц отмахнулся.

– Ты ничего не понимаешь! – воскликнул он. – Потому что не задал главного вопроса.

– Какого вопроса?

- «Почему»? Почему Аллочка счастлива? Почему я счастлив?

– Ну почему?

– Потому что я все-таки, после всех неудачных предыдущих попыток, сегодня ночью прыгнул в речку, доплыл до льдины и снял с нее котенка. Почему я не утонул, не знаю. Но я выбрался на берег, кинул котенка плачущей от страха за меня и радости за животное девушке, я заглянул в ее сияющие глаза... и проснулся, черт побери!

– И хорошо, что проснулся, – сказал Удалов, – а то бы помер в молодости от воспаления легких. Ты лежи, лежи, не вставай, грейся. Если что, постучи мне. А я пошел Ксению готовить. Чтобы она меня вместе со спиннингом не выкинула.

Минц допил спирт и тихо засмеялся.

ШПИОНСКИЙ БУМЕРАНГ

Драматические события, связанные со строительством в Москве нового американского посольства, постепенно уходят в прошлое. А многими уже и забылись.

Так что я их вам напомню.

Ввиду размножения сверх разума посольских чинов, США и СССР согласились построить громадные, вместительные посольства на взаимной основе. Мы – в Вашингтоне, они – в Москве.

Чтобы не ввозить каменщиков и штукатуров, обе высокие стороны решили воспользоваться туземной рабочей силой. Трудилась она под наблюдением сотрудников безопасности враждебной стороны.

Когда возвели стены, Советский Союз выступил с пресс-конференцией, на которой были показаны всяческие «жучки», трубочки и лампочки, которые американцы насовали в кладку.

Американцы ответили неадекватно. Они сказали, что из-за обилия подслушивающих устройств в их посольстве даже кирпича почти не видно.

Пошли взаимные оскорбления и обиды, строительство прервалось, американцы решили строить заново, верхние этажи разобрали. А тут у нас власть сменилась, и стали править страной люди откровенные и честные. И новый министр безопасности Бакатин возьми да и отдай американцам все наши планы: где что воткнуто.

Представляете, что после этого началось в Америке! Американцы решили, что Бакатин дьявольски хитер, и принялись разрушать свое посольство активнее прежнего. А наши сочли поведение министра чрезмерно честным и отправили Бакатина на дачу – разводить розы.

Американцы оставили от посольства только фундамент и на нем воздвигли корпус руками проверенных морских пехотинцев.

Это все история.

Но она имеет продолжение.

В кабинете нового министра Федеральной безопасности раздался телефонный звонок. Звонил прямой телефон начальника контрразведки.

Министр спросил:

– Чего тебе?

Начальник контрразведки ответил:

– Это не телефонный разговор. Спускайся к девятому подъезду. Буду ждать тебя снаружи. Узнаешь меня по красной гвоздике в петлице и газете «Слово и дело».

– Добро, – сказал министр, он по тону угадал, что дело предстоит важное. – Только с цветком измени ситуацию. Нас уже во всем мире по красным гвоздикам расшифровывают. Каких людей на этом потеряли!

Через десять минут, спустившись вниз, министр увидел у подъезда начальника контрразведки с журналом «Плейбой» и белой гвоздикой в петлице. Впрочем, он узнал бы его и без этой маскировки.

– Куда идем? – спросил министр, одетый скромно, но со вкусом.

Начальник контрразведки не ответил, перевел шефа по подземному переходу в кафе-стоячок на месте бывшей пионерской организации.

Заказали по капучино.

– Сегодня, – сказал начальник контрразведки, – в девять сорок две перехвачен разговор между резидентом разведки США советником Робертсом и неизвестным пока агентом.

– Молодцы, – сказал министр. – Но капучино здесь дерьмо.

Они перешли в соседнее кафе. Министр заказал себе эспрессо, а начальник разведки – капучино.

– Где они беседовали? – спросил министр.

– В центральном корпусе нового посольства.

– Да ты что!

– Вот именно. А капучино здесь отменный.

– Они здание разобрали по кирпичику? – спросил министр.

– Разобрали.

– Снова построили?

– Построили.

– Бакатин им документацию отдал?

– Отдал.

– Так как подслушали? Неужели Орнитолог?

Начальник контрразведки отрицательно покачал головой.

Орнитологом прозвали одного настырного изобретателя, который разработал метод впаивания микрофонов в головки ворон. Но оказалось, что снабдить передатчиком всех ворон Москвы технически неосуществимо и дорого, а если ограничиться избранными экземплярами, то они летят подслушивать куда угодно, только не к американцам.

– Говори, – попросил министр.

– Они оставили фундамент. Простучали его, прозвонили, сняли все, что можно, но основу оставили.

– От фундамента до кабинета резидента не добраться, – сказал министр. – Звук не дойдет.

Начальник контрразведки кивнул. Он знал это не хуже министра.

– Так в чем же дело, докладывай!

– Грубин, – назвал начальник контрразведки короткую фамилию.

– Неужели?

– Он самый.

– Буди! – приказал министр.

Грубин для министра был агентом спящим, то есть незадействованным. Вроде бы не мертвым, но и не живым.

Впрочем, его трудно было назвать агентом, потому что он сам считал себя патриотом, но никак не агентом.

Но уже через сорок минут после разговора министра с начальником контрразведки скромный «ауди» начальника городской безопасности Великого Гусляра со страшным скрипом тормозов остановился возле дома № 16 по Пушкинской улице.

Начальник по фамилии Полицеймако, пробегая по двору мимо окна грубинской скромной квартиры, постучал в него условленным стуком: «Спар-так-чем-пи-он».

Шесть лет Грубин не слышал этого стука.

Он вздрогнул.

Собрался с духом и пошел к двери. Открыл дверь. Впустил майора Полицеймако. Поздоровался.

Майор с ним тоже поздоровался.

Городок маленький, все друг друга знают.

– Чай, кофе? – спросил Грубин.

Полицеймако отрицательно покачал головой.

Он смотрел на худого взъерошенного человека средних лет, сутулого и узкогрудого. На Александра Грубина, известного в городе изобретателя и чудака.

Грубин достал из шкафа начатую бутылку «Гуслярского абсолюта».

Они выпили с Полицеймако за встречу, за прошедший Новый год, за День независимости.

– Твоя-то сработала, – сказал Полицеймако.

– Ты откуда знаешь, майор? – спросил Грубин.

– Если я прав, то быть мне генерал-майором, – сказал Полицеймако.

Выпили за это.

Помолчали.

Грубин вспоминал.

Пять или семь лет назад, когда еще строительство посольства только планировалось, профессору Минцу, что проживает в соседней квартире, попалась выпавшая из космоса бактерия. Или, даже вернее, спора.

Профессор по-хорошему заинтересовался пришельцем и стал его изучать.

Что обнаружилось?

Оказалось, эти бактерии носятся в открытом космосе и им трудно отыскать друг дружку. Вот они и научились в процессе эволюции читать мысли, слышать их на диких расстояниях. Иначе как отыскать любимую?

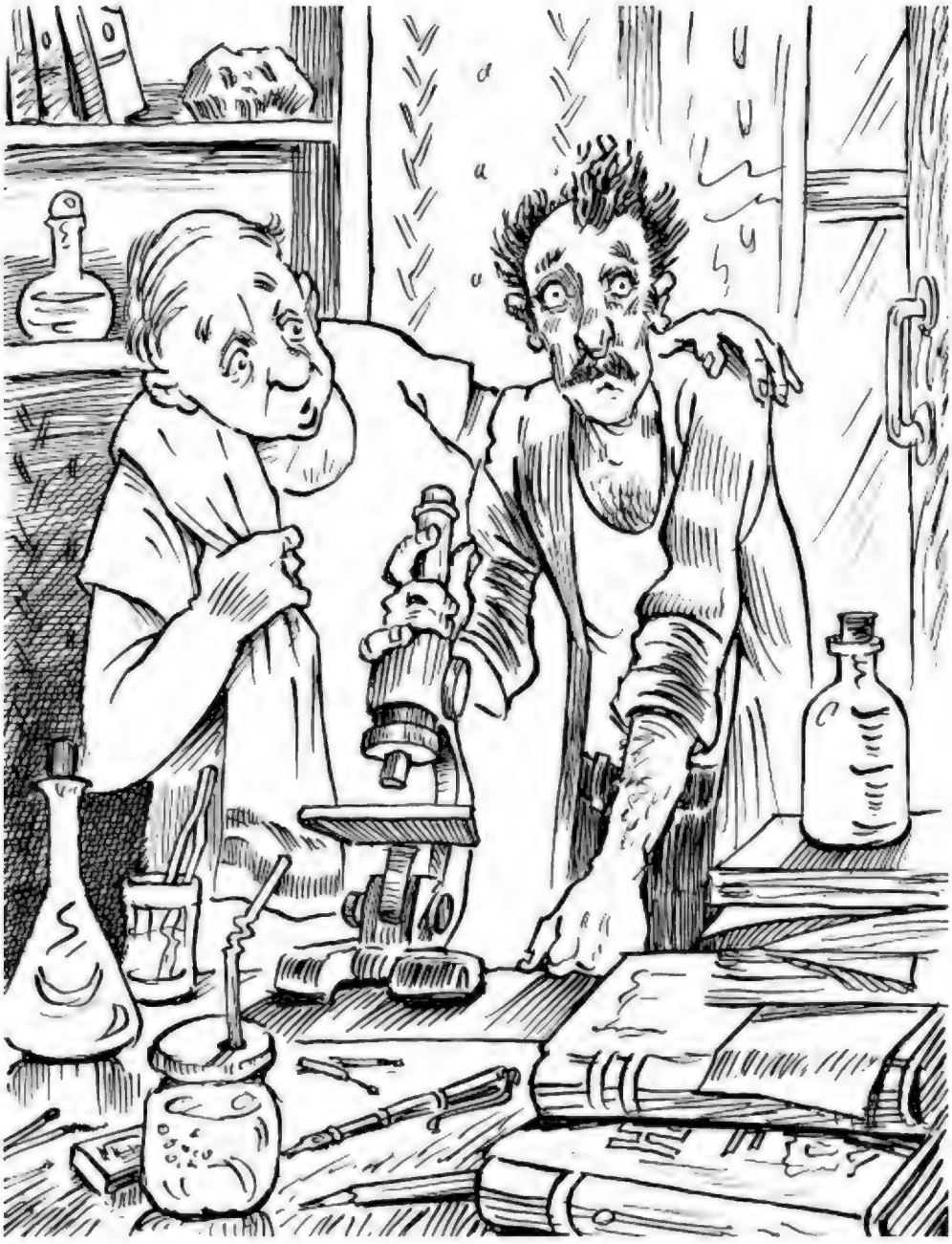
Поделился как-то Минц своим открытием с Грубиным. А Грубин ведь страшный умелец. Еще давно он написал на рисовом зерне «Слово о полку Игореве». Но поэма погибла – кто-то ее склевал.

В Грубине никогда не утихала склонность к блохизму. Блохизм – это качество русского народа, вернее – умение подковать блоху, которая после этого не сможет прыгать. Читали? Типичная русофобия, сочиненная писателем Лесковым.

Когда Грубин увидал у соседа под микроскопом космические бактерии, которые подавали усиками сигналы, а сигналы были такими четкими, что особо чувствительный приемник Минца, переделанный Грубиным из простого «Сони», громко пипикал, откликаясь на призыв минцевских пленников, то у Саши созрел план.

Надо приспособить к бактериям ножки или колесики, чтобы они могли передвигаться по Вселенной и встречаться с подругами не по воле космических струй, а по собственному намерению.

Работа оказалась сложная, не хватало материалов и опыта. Как-то, уставши, Грубин сидел со своим знакомым чекистом Полицеймако и рассказал ему о проблемах. Полицеймако, хоть и был в стельку, профессионально отложил беседу в мозгу и послал отчет о ней в Центр.



Когда Грубин увидал у соседа под микроскопом космические бактерии, которые подавали усиками сигналы, то у Саши созрел план.

В Центре запись попалась на глаза светлой голове (она потом убежала к врагам, но в пути была застрелена на границе проводниками-таджиками). Светлая голова Геннадий отвечал за снабжение аппаратурой стройки американского посольства. «Если, – подумал он, направляясь к начальству, – этот чудак Грубин приделает к бактериям ноги, то не исключено их использование в оперативных целях».

Начальство посмеялось, но встретилось на банкете с начальником контрразведки и, чтобы повеселить генерала, рассказало о чудаке из Великого Гусляра.

Начальник контрразведки отличался от своих подчиненных. Он знал, что великие изобретения появляются из мест, для них не приспособленных. А шпионы попадаются на мелочах.

– Предоставить условия, – приказал начальник контрразведки опешившему полковнику, и на следующий день Грубина взяли прямо в подъезде, привезли в Вологду в «воронке», оттуда – «черным рейсом» в Москву. Там его уже ждали лаборатория и все бактерии, конфискованные у Минца. Минц получил принудительную путевку в ведомственный санаторий Академии наук.

Надо признать, что к тому времени, когда посольство уже было напичкано достойной аппаратурой, Грубин многого не достиг. Если и сделал он бактериям ботинки, то эти ботинки оказались бактериям как кандалы. Они всё норовили стащить их с ножек или даже сожрать. А сдавшиеся передвигались так медленно, что стыдно их было запускать к американцам.

Грубину срезали смету, потом сделали предупреждение о несоответствии. В штат его даже не пригласили, а он был счастлив. Не хотелось ему в штат.

Чтобы совсем уж не кидать на ветер казенные деньги, отступая из посольства, чекисты кинули весь запас бактерий в щель в подвале.

Вот и вся история.

С тех пор прошло лет пять или семь, все остальные средства подслушки были ликвидированы или разоблачены, а бактерия мало-помалу проползла щелями на пятый этаж и распахнула ушки, стараясь услышать, нет ли поблизости самки.

А так как в той организации ничего не выкидывают, даже ваше личное дело с детства там лежит, то сигнал пошел на ленту в Центре.

Начальник контрразведки пригласил погулять министра. Полицей-мако пошел к Грубину. Они с Грубиным напились.

Уже из Москвы, из автомата, Грубин дозвонился до Минца. В трубке шуршало, попискивало и дышало. Ведомственный санаторий плотно контролировался органами.

– Лев Христофорович, – спросил Грубин, – вы тоже думаете, что бактерия доползла до пятого этажа? По моим расчетам, ей еще ползти и ползти.

– А что предполагаешь? – спросил Минц.

– Может, у нее течка началась, так сказать, брачный период.

– Почему такое мнение?

– Интуиция, – сказал Грубин.

Минц понял, что не только интуиция. Но это не телефонный разговор.

Он вышел в санаторский сад, стал гулять и думать. За ним гуляла служба внешнего наблюдения и все время стреляла у Минца спички: свои кончились, да ведь не побежишь за ними в корпус – а вдруг Минц сорвется?

В тот же вечер Грубина вызвал к себе начальник контрразведки.

– Премию тебе выпишем, – сказал он, – в размере десяти зарплат.

– В долларах? – спросил Грубин.

– Постыдись, – сказал начальник контрразведки. – Даже я не каждый день получаю. Ты лучше скажи мне, чего ты Минцу недоговорил? Я весь день пленку крутил. Чую – замысел, а в чем – не понимаю.

Грубин попытался ускользнуть от ответа:

– А как там у противника?

Так они называли американцев.

– Много интересного. Личные беседы. Служебные разговоры. Просто клад! Так будешь признаваться, что тебя тревожит?

И тут Грубин догадался: начальника контрразведки великой державы, генерала с тремя звездочками на погонах тоже что-то тревожит.

Тогда Грубин махнул рукой и сказал:

– Я с бактериями работал, не думал, заразные они или нет. Минц мне сказал, что у них метаболизм инопланетный, мало шансов, что заразные. Я успокоился. И когда под микроскопом ножки им привинчивал, перчаток не надевал, воздух вдыхал и не считал их, сами понимаете.

– Не понимаю, – строго сказал начальник контрразведки.

– Забыл я о них. Пока вы не напомнили. И вдруг вчера слышу... Простите, трудно говорить.

– Мы проверили, – сказал генерал. – У тебя есть увлечение, зовут Вероника, работает кассиром в книжном магазине. Есть соперник...

– Не надо, гражданин генерал, – взмолился Грубин. – Не терзайте.

Генерал отошел к окну. За окном была обыкновенная улица, обыкновенные дома, для любопытных глаз – обыкновенная виртуальная реальность.

– Мне ведь тоже нелегко, – сказал он глухо. – У меня жена молодая. Третья. Хорошо еще, что теперь партии нет, а то могли бы исключить за аморалку. Я вчера задержался – знаешь ведь, какая у нас работа: ни графика, ни расписания – и понесся мыслями к Ларисе. Сижу в кабинете, несусь мыслями, вдруг слышу в сознании: «Отстань, старый козел, разве не видишь, кто на мне лежит?» Мне прямо дурно стало. Все прошел – и Корею, и Афганистан, и Анголу. Думаю – померещилось. Вызываю машину, рву домой... А ее нет. Приходит через полчаса. И говорит: «Только не подозревай меня ни в чем, мы играли в дурака у подруги Люси».

– Значит, был контакт? – спросил Грубин.

Генерал молча кивнул и сплюнул на паркет.

– Ты тоже послал своей привет?

– Нет, получил от нее, – сказал Грубин. – Примерно так: «Мой возлюбленный. Если ты еще будешь в своей командировке торчать, не выдержу и отдамся».

– А моя еще намылилась квартиру разменивать, – сказал генерал. – Вчера я ее любовную мысль перехватил.

– Минца вызывать будем? – спросил Грубин.

– А может, сам подтвердишь мои худшие подозрения?

– Могу подтвердить, – сказал Грубин. – Значит, так, эти споры развиваются. К нам они попадают молоденькими, а через пять-семь лет достигают половой зрелости, понимаешь?

– К сожалению, да.

– Потому они и молчали в американском посольстве. Чего им волны посылать, если еще страсть в организме не накопилась?

– А ты, гад, их руками хватал, – сказал генерал.

– Кто их не хватал!

– Значит, они не только в ихнем посольстве?

– Какой там в посольстве! Подозреваю, что в нас с вами – не говоря о спутницах жизни – их десятки.

– Но ты понимаешь, мерзавец, что это значит?

– Не обзывайтесь, генерал, теперь надо лекарство искать.

В дверь без стука заглянул сотрудник особой секретности. Не глядя на Грубина, он сказал шифром: «456328998776654432198878999976784787767777».

– Ладно, – ответил генерал, – иди.

Он обернулся к Грубину и сказал:

– Только что американский посол говорил с ихним президентом. Завтра на рассвете будут снова бомбить Ирак.

– Наверное, надо министру сказать? Орден получите?

– На хрен нам теперь Ирак?

И точно в ответ на его грустные слова в комнату, опять же без стука, ворвалась секретарша:

– Иван Иеронимыч! – закричала она. – Полковник Вуколов из шестерки кинулся в пролет лестницы с криком: «Я не могу больше слышать, как скрипит твоя койка!»

Генерал вытолкал секретаршу и сказал Грубину:

– А ты – Ирак, Ирак трахнутый!

Грубин понял, что не прав.

Позвонил старый белый телефон с гербом СССР.

– Сомневаюсь, – ответил на звонок начальник контрразведки. – Очень сомневаюсь.

Он повесил трубку и сказал Грубину:

– Министр звонил. Умный он у нас, чертяка! Спросил, не пригласить ли срочно преподавателей языка глухонемых? Умница, но ограниченный.

– Не поможет, – согласился Грубин.

Внутри его что-то засвербило, засосало под ложечкой, и существо его наполнилось далеким голоском Вероники:

– Я не могу, я бегу, я бегущая по волнам... Он ждет меня после работы... Прости, Грубин.

– Отпусти домой, генерал, – взмолился Грубин. – Срочно отпусти.

– Сначала придумаешь противоядие...

– Но ведь теперь не будет войн. Не будет тайн...

– Ты с ума сошел, Грубин! – рассердился генерал. – При ихнем уровне науки они противоядие через месяц сделают, а мы так и останемся даже без семейных секретов.

Тут генерал замер, прислушиваясь к голосу бактерии.

Прислушиваясь к голосу своей молодой жены...

И, не говоря более ни слова, распахнул окно и шагнул в него, как в дверь. С седьмого этажа.

Грубин был спокоен. Он подошел к столу, нашел свой пропуск к генералу. Написал на нем генеральской ручкой время ухода, расписался за генерала, очень похоже. Окно закрывать не стал – снизу уже слышались голоса.

Вышел. Секретарша рыдала – у нее были свои проблемы.

Грубин спустился, вышел, отдав пропуск ошалевшим от тревоги часовым, перебежал площадь, из первого же автомата – слава богу, карточка была – позвонил в Гусляр, на службу Веронике. Сказал ей только:

– Буду дома ночью. Жди и не мечтай!

– Ой, – сказала Вероника. – В самом деле? Ради меня?

– Ради тебя.

– Милый, а то у меня просто страшные мысли...

Второй звонок был в санаторий, Минцу.

– Я заеду за вами на такси, – сказал он. – И сразу к вам в лабораторию.

– Правильно, – сказал Минц, – у меня уже появились кое-какие мысли, как ограничить эти бактерии сферой внутренней политики...

ЧЕГО ДУША ЖЕЛАЕТ

Профессор Минц ждал водопроводчика Кешу, который шел к нему уже вторую неделю. За это время Кешу видели в ресторане «Гусь», где он обмывал новый «мерседес» бывшего Коляна, а нынче президента фонда «Чистые руки» Николая Тиграновича; встречали Кешу на демонстрации либерал-радикалов, где каждому участнику выдавали по бутылке «Клинского»; видали его и в заплыве через реку напротив Краеведческого музея, который освещало Вологодское телевидение. Много было мест, где встречали Кешу, только не на работе.

Профессор Минц, хоть и добрый, гуманитарный (так теперь принято говорить) человек, замыслил уже страшную месть. Где-то у него хранилась бутылочка со средством «Трудолюбин». Принявшего охватывало неудержимое желание трудиться. Двадцать четыре часа без передыху.

Но тут открылась дверь, которая никогда не запиралась, о чем в городе знала любая бродячая кошка, и вошел сантехник – нет, не Кеша, а другой: немолодой, приятный лицом и манерами.

– Вызывали? – спросил он.

– Вы водопроводчик? – спросил Минц.

– Сантехник, – сдержанно поправил его мужчина. Был он одет в скромный комбинезон и кроссовки «адидас». В руке чемоданчик, потертый, но целенький и чистый.

– Заходите, – попросил его Минц.

– Спасибо, Лев Христофорович, – ответил гость и принялся вытирать ноги о коврик у дверей.

Профессора не удивило, что сантехник знает его. Великий Гусляр не столь велик, чтобы в нем мог затеряться ученый с мировым именем. Смущало другое – Минц этого сантехника уже видел, даже, кажется, был с ним знаком.

– На что жалуемся? – спросил водопроводчик.

Профессор провел гостя в ванную, где из крана текла вода струей в палец толщиной, а на полу растекалась лужа.

– Так-с, – сказал сантехник. – Надо менять. И не мешает почистить.

– Только прошу вас, – сказал проницательный Минц, – не говорите мне, что прокладки кончились и достать их можно только за тройную цену, а краны исчезли из продажи...

Сантехник, ничего не ответив, поставил на пол чемоданчик, присел возле него, раскрыл жестом фокусника – и внутри обнаружились разнообразные запасные части, прокладки и даже краны!

– Илья Самуилович! – воскликнул Минц. – Как же я вас сразу не узнал! Вы же наш зубной врач!

– Все в прошлом, – сказал зубной врач.

– Что же случилось? Какая беда?

Илья Самуилович вытащил из чемодана нужные прокладки, самый красивый кран и принялся за работу. Все это время Минц задавал вопросы, а Илья Самуилович на них с готовностью отвечал.

– Если вы считаете, что я потерпел жизненное фиаско, – говорил зубной врач, – то заверяю вас: ничего подобного! Мне сказочно повезло.

– Как так?

– Предложили хорошую работу, и я согласился.

– Разве у вас была плохая работа?

– Мне казалось, что нет, но я ошибался.

– Но вы недурно зарабатывали?

– Не жаловался.

– Вы хотите сказать, что добровольно изменили свою... специальность?

– Говорите прямо – судьбу!

Минц смотрел, как сантехник трудился. Его руки так и летали над ванной. И весь жизненный опыт Минца сообщал ему, что он видит перед собой мастера своего дела, человека талантливого, влюбленного в профессию, пускай скромную и недооцененную современниками, но такую нужную...

– Как же это произошло? – спросил Минц.

– Площадь Землепроходцев, дом два, – загадочно ответил Илья Самуилович.

Быстро и качественно завершив свой труд, зубной врач покинул Минца, решительно отказавшись взять чаевые. Причем Минц не настаивал, потому что его не оставляло ощущение какого-то розыгрыша. Хотя кран работал нормально, не пропуская ни капли воды, а лужу на полу Илья Самуилович сам вытер перед уходом.

Когда дверь за сантехником закрылась, профессор Минц уселся в продавленное кресло и принялся размышлять. Как настоящий мыслитель, он не выносил сомнительных ситуаций. Всему должно быть объяснение. Это и есть принцип гностицизма, который исповедовал Лев Христофорович. А если объяснения нет, значит, либо мы его плохо искали, либо оно недоступно на современном уровне развития нашей науки.

Имеем удачливого, умелого, уверенного в себе зубного врача. Имеем счастливого сантехника. А тайна хранится на площади Землепроходцев.

Профессор Минц натянул пиджак и вышел на улицу.

Послышался рев мотоцикла. Лев Христофорович еле успел отпрянуть к воротам, и ему показалось, что в седле мотоцикла сидит плотная пожилая дама, бывший директор универмага Ванда Савич. Чушь!..

Отдышавшись, Минц направился к площади Землепроходцев, но дойти до нее не успел, потому что столкнулся с фармацевтом Савичем, мужем Ванды. Увидев его, Минц рассмеялся и сказал:

– Ты не поверишь, Савич, если я тебе скажу, что мне сейчас померещилось.

– Поверю, – ответил Савич. – Тебе померещилось, что моя жена Ванда промчалась мимо тебя на гоночном мотоцикле.

– Ерунда, конечно, но это именно так.

– Я это наблюдаю с утра... Моя жена Ванда готовится к первенству Вологодской области по спидвею.

– Хорошее дело, – согласился Минц.

На самом деле он сказал «хорошее дело» только для того, чтобы утешить тронувшегося умом Савича. Но тот вовсе не расстраивался.

– Завтра улетаю, – негромко сообщил Савич.

– Куда?

– В Чандрагупту. На берега Ганга. Меня ждут в амшаре полного безмолвия, именно там я найду покой для достижения нирваны.

– А как же служба? Семья?

– Мою семью вы только что видели, так что можем уже сейчас попрощаться. Больше не встретимся.

И громко распевая гимны на каком-то из индийских языков, провизор Савич направился к туристическому агентству «Мейби».

Минц растерянно смотрел вослед и старался привести в порядок свои мысли. Заподозрить Савича в склонности к индийской философии было не менее удивительным, чем Льва Толстого – в юморе.

Мотоцикл остановился перед Минцем, и Ванда, сорок лет назад красотка, откинула на лоб тяжелые очки и прищурилась.

– Ну как, Лева, не думаешь последовать моему примеру?

– Нет, не думаю, – с душевным трепетом ответил Минц.

– Это может каждый, – сказала мотоциклистка. – Скорость, ветер в лицо, смертельные столкновения!

– Я никогда раньше не подозревал в тебе...

– Сходи на Землепроходцев, два!

Вандочка дала газ и умчалась. Минц долго откашливался от пыли.

Минц зашагал к площади.

И, наверное, он добрался бы до нее, если бы не кролик.

Обыкновенный кролик, довольно упитанный.

Он свалился на Минца с неба, тяжело подпрыгнул и уселся, глядя на профессора.

– Простите, – сказал профессор. – Чем могу служить?

Кролик вытащил из-за спины черный цилиндр и лихо нахлобучил на голову. Уши прижало полями, и они торчали, как крылья моноплана.

– Он дурак, – ответил Саша Грубин, сосед Минца по дому № 16. – Даже странно, что при таком небольшом уме подобные артистические способности.

Саша Грубин присел на четвереньки перед кроликом и положил на асфальт брезентовый мешок.

Кролик послушно прыгнул в мешок, Грубин завязал мешок бечевкой и перекинул через плечо.

– Что с вами, Саша? – спросил профессор.

– Призвание!

Грубин пошел по улице, словно всю жизнь носил кроликов за спиной.

Минц все же старался уговорить себя – ничего особенного не произошло: пятна на солнце, магнитная буря, старайтесь не выходить из дома без головного убора...

Сверху послышался голос:

– Лев Христофорович, прокатить тебя или как?

Господи, этого еще не хватало! Из корзины самодельного воздушного шара свешивалась оживленная физиономия Корнелия Удалова, старого друга и соседа.

– Что с тобой, Корнелий? – крикнул Минц.

– Нашел себя! – откликнулся Корнелий Иванович. – Чего и тебе желаю.

– А куда отбываешь? – спросил Лев Христофорович.

– Говорят, археологи отыскали столицу Александра Македонского в долине Вахша, – ответил Корнелий. – Если ветры будут благоприятствовать, слетаю туда.

Порыв ветра подхватил воздушный шар с большой надписью через всю окружность: «Россия – щедрая душа». И понес к облакам, которые спешили на юго-восток.

И исчез старый друг Удалов.

У Гостиного двора рядом с магазином «Все для вашей буренки» стояла известная своей суровостью к распущенным нравам гуслярок Клара Самойленко, бывшая комсомольская вожатая, а ныне заведующая в гордуме сектором борьбы с асоциальным поведением подростков.

Минц сталкивался с ее принципиальностью на заседании гордумы и даже безуспешно пытался склонить даму к разумному компромиссу. Ведь и в самом деле трудно будет запретить юбки выше колен и отсутствие лифчиков под блузками – бывает такое, что поделаешь!

И вот, представьте себе, Лев Христофорович увидел госпожу Самойленко на углу, с белой гвоздикой в лапке, одетую лишь в кожаный передничек, заимствованный у папуаски, и в золотых туфельках на дециметровой шпильке. А уж что было нарисовано на лице Клары, не поддается переводу на литературный язык.

Но Минц уже смирился с тем, что живет в сумасшедшем доме, и хотя все внутри него перевернулось, он произнес:

– Здравствуйте, Клара Георгиевна. Вам не холодно?

– Привет, мужчина, – ответила заведующая сектором. – Не желаешь ли получить удовольствие?

– В каком смысле? – растерялся профессор.

– В самом прямом, – сказала Клара. – Я такие штучки умею делать, что до завтра в себя не придешь. От меня иных на «скорой» увозят.

– Простите, – сказал Минц. – Немного позже. Мне хотелось сначала заглянуть в дом под номером два.

– Правильно, – согласилась Самойленко легкого поведения. – Давно пора.

В доме номер два на площади Землепроходцев находилось несколько учреждений. В том числе гуслярское отделение ансамбля «Березка», Госприемизвозснаб, салон красоты «Галатея-2», фонд «Малютка и отчим», а сбоку прямо к стене был приклеен лист картона, на котором неровно, но внятно было написано фломастером:

Теперь у нас одно желанье.

И никакого объяснения.

Когда Минц вошел в дверь, то увидел черную стрелу, которая указывала вверх по лестнице. А там в коридоре стояли в ряд стулья, и на стульях сидели смирные люди. И хоть освещение в коридоре было невнятным, горожане узнали Льва Христофоровича, а кто-то в кепке удивился и спросил:

– Тебе-то, профессор, чего неймется?

– У профессора тоже проблемы бывают, – откликнулась Гаврилова, несчастная мать неудачного сына.

– Здесь по очереди или по записи? – спросил Минц.

– Живая очередь, – сказал «кепка». – Я с семи часов записывался.

«Кепка» показал Минцу ладошку с номером «2».

Минц присел на свободный стул рядом с Гавриловой.

– Вы тоже? – спросил он.

– Нет, – сказала Гаврилова. – О сынишке хотела посоветоваться.

Сынишке было под тридцать. Он уже дважды развелся и собирался наняться в какую-нибудь бездействующую армию, чтобы не ранили.

– А как вы узнали об этом?

– Разве вы в «Гуслярском знамени» не читали? Два слова: «Ваш шанс», и адрес. Первым Косолапов пошел. Думал, что угостят. Вы Косолапова знаете?

– Не встречал.

– Бомж. По помойкам ходит и бутылки сдает.

– У нас в городе настоящий бомж есть?

– У нас, говорят, даже группировка есть, – прошептала Гаврилова.

Минц кивнул, но не понял, какая группировка. А Гаврилова продолжала:

– Он пришел, его никто не останавливает, никто не гонит, но и не угощает. Ольга Казимировна спрашивает: на что жалуетесь? Смешно, правда?

– А кто такая Ольга Казимировна?

– Зайдете и увидите.

Человек в кепке нервничал – то вскакивал, старался заглянуть в щелку белой стандартной двери с бумажкой «Без вызова не входить», то бегал по коридору, наступая людям на ноги. А когда дверь открылась, оттуда выдвинулась бородатая физиономия и рявкнула:

– Следующий!

«Кепка» кинулся бежать.

– Кто хочет или никто? – спросила физиономия.

Гражданка Гаврилова широко, как верующий парашютист, перекрестилась и ринулась к двери.

Наступила тишина.

Возвратился человек в кепке и скромно сел на стул.

Открылась другая дверь, напротив, оттуда выглянула очаровательная женщина средних лет и произнесла:

– Лев Христофорович, вас ждет завотделением.

– Мы первые стояли! – закричал было «кепка».

– Вам к другому доктору, – сказала очаровательная женщина.

В кабинете было скромно, тесновато, за белой занавеской стояла койка. Очаровательная женщина средних лет уселась за ученический стол. Ее темные волосы были забраны назад в тяжелый узел. Одна прядь нарочно или случайно падала на лоб.

– А я все думала, – сказала очаровательная женщина, – неужели вы сознательно игнорируете?

– Я газет не читаю, – ответил Минц. – Только Интернет... а как ваше имя-отчество, простите?

– Называйте меня просто Ольгой.

– Польщен, – ответил Минц. – И чем же вы здесь занимаетесь?

– Во-первых, должна вам сказать, что мы не шарлатаны, не волшебники, не колдуны и даже не космические пришельцы.

– Последнее меня очень радует, – улыбнулся Минц, сделав вид, будто о пришельцах и не думал (что было неправдой).

– Более того, – продолжала Ольга, – мы не агенты ЦРУ и даже Моссада.

– Что делать в нашем городке агентам ЦРУ?!

– Не лукавьте, – возразила Ольга. – Они рады бы протянуть свои щупальца в каждую российскую деревню. Мы же являемся опытной лабораторией министерства здравоохранения, которая развернула в Великом Гусляре свой полигон.

– Чем же вы занимаетесь? – спросил Минц.

– Проблема проста. Чаще всего человек ошибается. Потому что у него нет возможности выбрать тот путь в жизни, ради которого он появился на Земле. Условия, воспитание, материальное положение, случай – все объединяется для того, чтобы отрезать человека от его

настоящей судьбы. Только единицам суждено соответствовать предначертанию. Может быть, вам, Лев Христофорович?

– Мама хотела, чтобы я играл на скрипке, – признался Минц.

– А вы?

– Я хотел стоять в воротах нашей городской футбольной команды, но был толстым мальчиком, и меня не брали.

– Представьте себе, что биология добилась того, чтобы соединить, казалось бы, несоединимое – человека и его призвание.

– А если поздно?

– Никогда не поздно, – сказала Ольга.

– Если вы выполняете желания...

– Не совсем так, Лев Христофорович. Мы не можем исполнять желания. Мы можем доказать человеку, к чему лежит его душевная склонность. Ведь каждый из нас рожден осуществить какую-то функцию в муравейнике, именуемом человечеством. И когда он ее реализует, то бывает счастлив. Или почти счастлив. Но знает ли человек об этом? И я вам должна сказать, что величайшее изобретение Гургена Симоновича – проведение черты между тем, что человеку кажется, и тем, к чему он на самом деле предназначен. Вот вы мне сказали, профессор, что хотели стать вратарем. Но разве вы знаете, ради чего родились на свет?

– Значит, – догадался Минц, – если я приду к вам и скажу, что чувствую в себе извечное стремление стать вратарем, вы не обязательно со мной согласитесь?

– В подавляющем большинстве случаев мы с вами не согласимся... Но не будем спорить.

Величие и простота идеи поразили Минца.

– Итак, вы даете человеку возможность проявить себя не в том, что он хочет, а в том, для чего он рожден!

– Гениально! – воскликнула Ольга.

Из-за стены донесся рев.

– А это что?

– Ошибка. В жизни всегда есть место ошибкам.

– Это человек?

– Почти... – Ольга отвернулась к окну. Ей не хотелось отвечать.

– Ну нет, голубушка! – вспыхнул Минц. – Извольте рассказать. Что случилось?

– Давайте посмотрим, – предложила Ольга. Она поднялась и открыла незаметную дверцу за спиной, что вела в соседний кабинет. Половина кабинета была отгорожена крепкой железной решеткой – как в полицейском участке Лос-Анджелеса.

За решеткой метался почти обнаженный растрепанный гражданин, который надрывно лаял и кидался на медбрата, пытавшегося угостить его бутербродом с красной икрой, нанизанным на конец шампура.

– Он полагал, – шепотом сообщила Ольга, – что всю жизнь мечтал стать дрессировщиком диких животных. А оказалось, что у него программа сторожевой собаки. Теперь придется сложным путем превращать его обратно в воспитателя детского садика.

Человек оскалился и зарычал.

– Но он счастлив? – спросил Минц.

– Счастлив, – подтвердила Ольга.

– Может, пускай останется...

– Вы с ума сошли! Он же полгорода перекусает!

Минц с Ольгой вернулись в кабинет.

– Ох, и устала я, – призналась женщина. – У нас уже капсул не хватает, мы с ног валимся...

– Каких капсул?

– За ухо каждому пациенту мы вшиваем капсулу в шесть миллиметров длиной. Она дает постоянное безвредное излучение и вскоре рассасывается в организме. В ней освобождение от комплексов и заблуждений, а также элементарный набор навыков и умений в выбранной области поведения.

– Как же вы способны заранее определить?..

– Если бы вы знали, сколь мало у людей вариантов поведения!

Больной за стеной жалобно тявкал.

– А бывали еще неожиданные превращения? – спросил Минц.

Вместо ответа Ольга бросила на Минца пронизывающий карий взгляд и спросила:

– А не желает ли профессор и почетный член-корреспондент проверить на себе действие нашей капсулы?

– И окажется, что на самом деле я мечтаю разводить золотых рыбок?

– Может быть, имеет смысл попробовать?

– Никогда не соглашусь с вами! – резко возразил Минц. – Моя деятельность приносит пользу миллионам людей. Мои изобретения

занесены во все реестры. Не исключено, что меня вот-вот выдвинут на Нобелевскую премию. А из-за какого-то мелкого генетического дефекта вы лишите меня любимого дела, а народ – моих изобретений?

– Вы не правы, – ответила Ольга, – потому что если открытия и изобретения в мире биологии и есть ваше призвание – никуда оно от вас не уйдет.

– Нет, – сказал Минц, – а то еще начну мяукать.

Ольга улыбнулась. Скорее печально, чем жизнерадостно.

– Мне жаль, что вы отказываетесь с нами сотрудничать, – сказала она. – Но по крайней мере обещайте мне, что будете заходить к нам, помогать добрым советом и делиться опытом.

– С удовольствием, – сказал Минц и задумался.

Прошла минута, а он все не уходил.

Ольга вопросительно подняла брови.

– Хорошо, – сказал Минц. – Давайте свою капсулу. Будем пробовать.

Через два часа Минц вышел на улицу.

За ухом чесалось. Организм еще не растворил чужеродное тело.

Настроение было приподнятое.

Высоко в небе летел воздушный шар. Вдруг от него отделилась черная точка. Затем над ней раскрылся парашют. Удалову надоело летать по небу, он возвращался домой ужинать.

Навстречу шел новый председатель городской думы, человек властный и нахальный. Он толкнул Минца. Он всегда и всех толкал на улицах.

Минц взял его за пуговицу, повернул к себе и тихо сказал:

– Попрошу ключик от кабинета.

– Разумеется, – оробел председатель. – Конечно, Лев Христофорович. Как прикажете...

Минц пошел дальше, крутя на указательном пальце кольцо с ключами.

И тут он увидел провизора Савича, который уже достал где-то розовую скатерть, завернулся в нее и стал похож на Шиву.

– Савич, – сказал Минц. – Беги ко мне домой, захвати мой любимый ноутбук и ночные туфли.

Сжавшись под новым взглядом Льва Христофоровича, кришнаит помчался исполнять приказание.

Сказав так, Лев Христофорович спохватился и как бы кинул на себя взгляд со стороны.

Взгляд встревожил.

Посреди Пушкинской улицы стоял пожилой лысый мужчина с выдающимся животом и обводил окрестности гневным взором. Никогда раньше его эти окрестности не раздражали.

Лысому мужчине почему-то неумолимо хотелось повторить судьбу Наполеона Бонапарта, только без скорбных ошибок завоевателя с Корсики. Лысый мужчина понимал и знал, как следует обходиться с человечеством, чтобы оно жило правильно и плодотворно.

Лев Христофорович Минц, человек крайне добрый, даже робкий, мечты которого никогда не распространялись дальше Нобелевской премии, был потрясен происходившими в себе переменами, но оказался бессилен их предотвратить.

– Вот не предполагал, – произнес вслух Минц, и лицо его на мгновение озарилось доброй улыбкой. – Но ничего не поделаешь. Генетика – это судьба!

Лукавил великий в прошлом ученый, а ныне проклятие человечества. Обнаружив в себе страшную язву, он не сделал и малейшей попытки...

Впрочем, нет!

Беру свои слова обратно.

Громадными шагами Минц кинулся обратно на площадь Землепроходцев. Он ворвался в дом, где таилась лаборатория Минздрава, прошел строевым шагом по коридору, и ждущие очереди вскакивали, вытягивались во фрунт, ибо чувствовали, кто идет.

Ногой распахнув дверь к очаровательной Ольге, Минц вошел в кабинет.

Ольга мерила давление «кепке».

– Ах! – воскликнула Ольга. – Вы передумали?

– Мне нужен пресс-секретарь, – рявкнул Минц. – Читать-писать-врать умеете?

– Как вам сказать...

– Снимать сапоги, греть постель, подавать кофий с коньяком...

Ольга поднялась, одним легким ударом послала в нокаут «кепку», сорвала с себя белый халат, провела розовой ладонью по высокой груди и ответила:

– Яволь, майн дженераль!

И Минц пошел наружу, уверенный в том, что верной собакой, гремучей змеей за ним следует женщина-врач.

Такова сила внушения великих завоевателей.

Поход на Москву Лев Христофорович запланировал на сентябрь, чтобы не повторять ошибок Наполеона. Надо было взять Кремль до первых заморозков. И навести порядок в государстве...

И все же человек бывает непоследователен.

Порой вечерами, после митинга или заседания реквизиционного комитета, Минц приказывал шоферу «мерседеса-600», конфискованного во время рейда в Вологду, вывезти его на высокий берег реки Гусь. Джипы и БТР с охраной полукругом становились сзади, чтобы не пробрался злоумышленник. С тех пор как одна опасная бабуся с петицией от библиотекарей проникла к самому телу Льва Христофоровича, охрана категорически настаивала, чтобы со спины Минца всегда прикрывала бронетехника.

Будущий диктатор Земли опускал стекло в машине, вдыхал свежий, чуть застойный воздух реки, слушал, как на том берегу брешут собаки, гладил послушную коленку Ольги, смотрел, как опускается в мирные облака сельское солнце, и тосковал по прежней, добродушной жизни.

Потом закрывал стекло и говорил:

– К сожалению, больше ни секунды...

– Да, милый, – соглашалась женщина-врач, – ты человек долга.

И они мчались на ночные учения служебных собак.

Резиденция будущего диктатора Земли занимала психлечебницу. Преимущества этого места определялись высоким бетонным забором и крепкими решетками на окнах обоих этажей. Резиденция была окружена парком, оставшимся с дореволюционных времен. В парке щебетали воробьи, так как к осени остальные птицы замолкают.

Минцу не спалось. Наступил день «П», что означает: «Поехали!»

С рассветом Лев Христофорович навсегда покинет этот городок, в котором прошел ряд лет его жизни, и вскоре забудет местных жителей, людей ничтожных, недостойных сожаления, но в чем-то привычных и даже приятных.

Остаток жизни Льву Христофоровичу придется провести на командных пунктах, в походах и бомбоубежищах.

Не в силах сопротивляться сентиментальному душевному порыву, столь опасному для диктаторов, Лев Христофорович тихонько под-

Джипы и БТР с охраной полукругом становились сзади, чтобы не пробрался злоумышленник.

нялся с кровати, раздвинул бронированные шторки, защищавшие от случайного злоумышленника, натянул сапоги, галифе, китель без знаков различия, перекрестился на портрет Калигулы и спустился в сад по водосточной трубе.

Охрана этого не заметила, потому что смотрела наружу и не ждала опасности изнутри.

Неприступных крепостей не бывает.

Минц поднял с травы забытую малярами стремянку, прислонил ее к забору и перебрался на улицу.

Рассвет только подбирался к Великому Гусляру, и воздушная синева была густой, как в чернильнице минцевского детства.

Звук шагов профессора легко пронесся над примолкшими садами и зелеными крышами.

За несколько минут профессор дошел до дома № 16 по Пушкинской улице.

Знакомый двор. Стол для игры в домино под кустом сирени. Куст разросся, стол покосился – увлечение этим видом спорта осталось в прошлом.

У двери в двухэтажный дом сверкала медная доска.

Мемориальная.

На ней были выбиты буквы:

В ЭТОМ ПОДЪЕЗДЕ В КВАРТИРЕ ДВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА
ПРОЖИВАЛ ПОКОРИТЕЛЬ ЗЕМЛИ
ЛЕВ ПЕРВЫЙ НЕСГИБАЕМЫЙ

«Лакеи, челядь, блюдолизы! – с тоской, свойственной великим завоевателям, подумал Минц. – Какая убогая фантазия!»

Минц вошел в общий коридор и остановился перед своей дверью. Он опасался, что здесь уже успели соорудить музей, но, на его счастье, музея пока не было, зато на двери оказалась сургучная печать.

Минц сорвал печать и отворил дверь.

Странное предчувствие опасности охватило его. Настолько, что Минц замер, протянув руку к выключателю. И лишь сделав над собой усилие, смог на него нажать.

В комнате были гости.

Трое сидели в ряд на постели. Один на стуле, один в кресле за этажеркой, еще один стоял у окна.

Минц нащупал пистолет, который был прикреплен под мышкой.

Другая рука потянулась за пазуху, за мобилем.

Гости смотрели на резкие и даже суетливые движения диктатора без страха и удивления.

– Не узнаешь? – спросил один из них.

Единственное знакомое лицо... Корнелий Удалов!

– Что ты здесь делаешь? – строго спросил Минц. И добавил, обводя ледяным взглядом остальных: – А вы все что здесь делаете?

– Лев Христофорович... – Удалов развел руками. Он был в пижаме. Пижама разъехалась на животе. – Ты ж меня с молодости знаешь. Зачем тебе все это?

– Уходите, а то буду стрелять, – приказал Минц.

– Еще неделю назад ему бы такое и в голову не пришло, – заметил мужчина средних лет с величественным лицом римского императора. – Поднять руку на ближних – нет, настоящий ученый так не поступает!

И тогда Минц хладнокровно нажал на курок. Спасенья нет. Его пустое сердце билось ровно, в руке не дрогнул пистолет.

И все-таки в Удалова он стрелять пока не стал – пуля попала в грудь суровому гостю.

Следов на одежде не обнаружилось.

Минц выпустил остатки обоймы в молодую женщину, стройную, как тополь.

– Щекотно, – сказала она.

– Татьяна! – строго произнесла другая женщина, постарше. – Ты не на вечеринке.

Выпустив все пули, Минц со злобой бросил на стол дефектный пистолет. И стал отступать к двери.

– Погодите, Минц, – сказал строгий мужчина. – Что вам нужно от жизни?

– Это я вас должен спросить – что вам нужно?

– Мы испугались за вас, – ответил тот. – Мы испугались за ваш рассудок и за наших читателей. В течение своей жизни в науке и Гусляре вы совершили немало добрых дел. Да и люди, прочитавшие о

ваших делах, стали лучше и добрее. Неужели вы теперь перечеркнете все усилия, которые вложил в вас автор?

– Кто?

Гость указал на пожилого человека с седой бородой и красным лицом гипертоника:

– Вы что, своего автора и создателя не узнаете? Это же Кир Булычев! Писатель!

– Не имею чести, – сказал Минц. – Пули бы на тебя не пожалел. А эти, остальные, кто?

– Таких людей полезно знать в лицо, – сказал Удалов. – Это редакция журнала «Если» почти в полном составе, во главе с редактором!

Суровый мужчина склонил благородную голову.

– Бред какой-то! – возмутился Минц. – Мы, простите, находимся в различных измерениях. Вы – жители Земли, я – существо высшего, литературного порядка. И вообще, не понимаю, кто вас сюда пустил.

– Я! – заметил Кир Булычев. – Когда слухи о перемене в вашем характере достигли нас, мы решили с вами связаться. Остановитесь, профессор! Я вас таким не придумывал, читатели вас таким не знают. Прекратите проявлять инициативу, помогайте людям, не вредите им.

– Не могу, – обреченно сказал профессор. – Пока на Земле остается хоть один жулик, взяточник, убийца, насильник или демократ, я не прекращу борьбы за счастье моего народа. До последнего олигарха! До последнего масона! Огнем и мечом!

– У вас большое и доброе сердце, – с чувством произнесла Елена. – Об этом знают читатели и критики. Неужели вы хотите, чтобы в литературоведении появилась фраза: «В конце жизни профессор Минц переродился в банального злодея»?

– Я не переродился, – ответил Минц. – Я таким родился, только не знал об этом раньше.

– Тогда сделай над собой усилие, – вмешался в разговор Удалов. – Ради людей.

– Это выше меня! Слышишь, как танки разогревают двигатели? Слышишь, как ревут моторы истребителей? Слышишь, как бьются в унисон сердца смелых борцов за мои идеи?

– Ах, у него и идеи есть! – воскликнул тут человек с грубоватыми, но привлекательными чертами лица, по имени Эдуард. – Вы посмотрите на бандита с идеями!

– Да! У меня есть идеи! – прокричал Минц. – Мои идеи – очистить мир от скверны!

– И дальше? – спросил Эдуард.

– А дальше все будут счастливы.

Пока присутствующие, к негодованию профессора Минца, предавали осмеянию его идеи, вошла привлекательная женщина-врач по имени Ольга.

– Лев Христофорович, – сказала она, – войска построены. История ждет у порога.

– Вот видите! – обрадовался подмоге Минц. – А вы говорили!

И тут, когда все, включая автора, поняли, что битва за Минца проиграна, Удалова посетила мысль.

– Простите, доктор Ольга, – произнес он. – Но мне кажется, что вы еще не добрались до истинной сущности Льва Христофоровича. Вижу я в нем некоторую неуверенность и даже внутреннюю слабость...

– Да как ты смеешь! – взревел будущий диктатор.

– А так смею, что ты сюда пришел, на свое моральное пепелище. В свой дом. Значит, осталось в тебе что-то человеческое. И я уверен, что для завершения образа придется тебя еще поглубже копнуть, до самого дна.

Доктор Ольга была человеком строгих логических правил.

– И что вы предлагаете? – спросила она.

– Еще одну капсулу, – ответил Удалов, – и тогда мы посмотрим.

– Ни в коем случае! – закричал Кир Булычев. – Вы нам тогда такого монстра сделаете, что у меня рука не поднимется его описать.

– Ты прав, но истина дороже, – ответил Удалов.

– Истина дороже! – поддержал его Минц. – Хочу быть завершенным, как гранитная плита.

– Что ж, попробуем, – согласилась доктор Ольга и приложила к уху профессора небольшую розовую капсулу.

– Дорогие друзья, – сказал Шалганов. – Я попрошу всех женщин покинуть помещение. Мы не знаем, кто вылупится из бывшего профессора. Даже в людях, нам известных и на вид достойных, таятся порой настоящие монстры. Но кто таится в монстре... Уйдите, женщины!

И женщины покорно, с некоторым внутренним трепетом покинули комнату.

Минц заметно волновался. Он подхватил со стола разряженный пистолет и стал почесывать им за ухом. Кир Булычев взял том энциклопедии и как бы невзначай прикрылся им от возможной пули. Даже доктор Ольга отступила к двери.

Минц положил пистолет на место.

Затем обвел странным, почти детским взглядом комнату и шмыгнул носом.

Далеко-далеко прогревали моторы танки и доносились резкие звуки строевых команд. Наступал рассвет.

– Неловко получается, – произнес Минц. – Людей побеспокоили, шумим, моторы греем. Нехорошо.

– Неужели получилось? – воскликнул Удалов. – Неужели ты к нам вернулся?

Минц сел на свободный стул.

– Твоя идея была верной, – сказал он Удалову. – И на самом деле душа неординарного человека бездонна. Диктаторские замашки были свойственны мне лишь на определенном этапе душевной организации. Теперь я докопался до моей сути.

И Минц задумался, как бы прислушиваясь к внутренним голосам.

Затем в тишине прозвучал его твердый и уверенный голос:

– Никакого насилия. Никаких танков на улицах. Я выставляю свою кандидатуру на пост губернатора, а затем и президента России демократическим путем, в рамках конституции. Мы с вами, друзья, будем строить правовое, дисциплинированное общество. Все для человека, все ради человека! Булычев, Шалганов, Геворкян, останьтесь, вы мне будете нужны в предвыборном штабе. А ты, Удалов, беги, отпусти танки по полигонам, а охрану вызови сюда. Береженого Бог бережет...

АЛИСА В СТРАНЕ ФАНТАЗИЙ

Классная руководительница 6 «б» класса Каролина Павловна сказала:

– Сегодня у нас необыкновенное занятие по литературе. Это внеклассное занятие. Надеюсь, что оно вам понравится.

Все замолчали, даже шевелиться перестали. Если Каролина Павловна обещает интересное занятие, значит, так и будет.

– Вы читаете книжки, – сказала она. – Вернее, я надеюсь, что вы читаете книжки, а не только бегаете купаться в невесомые бассейны или летаете на Марс искать рубины. Так признавайтесь, вы читаете?

– Читаем! – хором ответили ученики.

– И что же вы читали на прошлой неделе? Только честно. Тот, кто меня обманет, жестоко за это поплатится.

Каролина Павловна говорила совершенно серьёзно. Поэтому Пашка Гераскин, который хотел было соврать, что прочёл всю энциклопедию, опустил руку.

Маша Белая сказала:

– Я читала повесть Свифта «Путешествие Гулливера».

– Она так любит своего Гулливера, – добавила её сестра-близняшка Наташа Белая, – что не успеет кончить, начинает читать снова.

– Ладно, – улыбнулась Каролина Павловна. – Не буду вас томить. Сегодня в школу привезут компьютер, который может оживить любую книгу.

– Виртуальная реальность? – спросил Аркаша Сапожников.

Аркаша человек умный, отличник, только очень стеснительный.

– С помощью этого компьютера каждый может побывать в выдуманном мире. И он будет казаться настоящим. А практику по литературе мы проведём так: каждый выберет себе книжку, которая ему по душе, а компьютер отправит вас в эти книги, чтобы вы могли всё воочию увидеть.

– Всё ясно! – воскликнул Пашка Гераскин. – Значит, я смогу сразиться с гвардейцами кардинала! Я только что кончил читать «Трёх мушкетеров». В третий раз.

– Записываем, – улыбнулась Каролина Павловна. – Кто следующий?

– Я вчера дочитал роман Жюля Верна, – откликнулся Джавад Рахимов. – Он называется «Таинственный остров».

– Замечательно, – согласилась Каролина Павловна. – Я бы с удовольствием сама побывала на том острове. Ну а ты, Ван Цицун?

Ван Цицун смущённо пожал плечами и ответил:

– Вы, наверное, не знаете книги, которую я сейчас читаю. Она называется «Цветы в зеркале». Несколько столетий назад её написал Ли Жучжень. А ещё я люблю книжку про мальчика Маугли.

– Кто следующий? – спросила учительница.

Следующими оказались близняшки – Маша и Наташа Белые. Маша прочитала «Путешествие Гулливера» писателя Свифта, а Наташа никак не могла забыть историю первобытного мальчика в книге Рони «Борьба за огонь».

Аркаша Сапожков, оказывается, как раз дочитывал роман Шарля де Костера «Легенда о Тиле Уленшпигеле».

Когда же очередь дошла до Алисы, то она призналась, что недавно прочла книгу про Великий Гусляр.

– Это что ещё за город? – спросил Пашка. – Почему не знаю?

Он не выносил, когда кто-нибудь был умнее его.

– Это фантастический город, – ответила Алиса. – Его придумал писатель Кир Булычев. Он рассказал про обыкновенный городок в Вологодской области, там живут обычные люди, ходят на работу и

играют во дворе в домино. Но там всегда происходят чудеса, и в город прилетают пришельцы со всей Галактики.

– Ты шутишь, да? – спросил Аркаша.

– Нет, я читала, честное слово!

– Знаете, я тоже эту книжку читала, – сказала учительница. – И думаю, что Алиса может туда слетать.

Потом Каролина Павловна составила расписание – кто и когда полетит в страну, выдуманную писателем.

Алисе досталось лететь в Великий Гусляр послезавтра, в двенадцать часов.

А послезавтра как раз – суббота.

Пашке для путешествия в книгу «Три мушкетёра» понадобилось раздобыть в детском театре старинный костюм и сапоги, не говоря уж о шляпе. Ведь никто из книжных героев не должен догадаться, что к ним забрался лазутчик из настоящего будущего.

Пришлось переодеваться и остальным путешественникам, а когда Ван Цицун показал, каким был китайский мальчик в десятом веке, то его даже не сразу узнали – так поработали с ним костюмеры и гримёры.

Одной Алисе почти не пришлось переодеваться.

Дело в том, что девочки сто лет назад одевались также свободно и удобно, как и в конце двадцать первого века, а Алисе к тому же уже приходилось попадать в двадцатый век, когда она помчалась в прошлое, чтобы отнять у пиратов миолофон. Об этом было рассказано в книге «Сто лет тому назад». Она даже в старинной школе училась. Совсем недавно, прошлой осенью.

Так что Алиса облачилась в свою любимые бессмертные джинсы, куртку и гондурасы. Если вы не знаете, что такое гондурасы, то я вам скажу – это самые мягкие, невесомые и пружинистые туфли на свете. В них можно прыгнуть на три метра и пробежать стометровку за одиннадцать секунд.

С собой она ещё захватила пачку «Мастерола», жвачки далекого будущего, которую привозят с планеты Пилагея. Это очень ценная жвачка. Во-первых, её можно жевать две недели и она не становится хуже. А во-вторых, она меняет вкус по вашему желанию. Допустим, ты пожевал её часа три, и все эти три часа она была малиновой или

вишнёвой. А потом настроение у тебя изменилось и тебе захотелось солёненького. И тут же жвачка становится солёной.

Вот вроде и всё, можно отправляться.

Алиса наговорила дома целое письмо родителям и роботу Поле, в котором сказала, что вернётся вечером, и просила не волноваться. Она бы сама сказала об этом родителям и роботу, но проспала, а когда вскочила – никого уже дома не было.

До школы она добежала за пять минут.

Каролина Павловна и техник-смотритель компьютера её ждали.

Техник объяснил Алисе, что с ней будет:

– Ты попадёшь не сразу в город из книжки, а выйдешь из компьютера в пустом пространстве, где ничего нет, ни города, ни леса. Но ты будешь знать, куда идти. Ничего не бойся и ничему не удивляйся.

– А чего я могу испугаться? – спросила Алиса.

– Дело в том, что пространство в том мире занято множеством выдуманных миров, а между ними пустота не совсем пустая. Там встре-

чаются заблудившиеся литературные герои, а также такие, как и ты, Алиса, путешественники в выдуманных мирах. Но они тебе не опасны.

– Хорошо, я не буду бояться.

Алиса подошла к компьютеру, села в кресло, её пристегнули ремнями, надели шлем и включили энергию и просили смотреть на экраны.

Заиграла тихая музыка, Алисе захотелось спать. Она закрыла глаза и слышала, как техник сказал:

– Когда будешь возвращаться, ищи в поле гибкий шест с флажком. На флажке будет написано «Алиса».

Никто не сказал, далеко ли от школьного кабинета до придуманного города и долго ли туда надо ехать. Алиса ничего и не почувствовала.

Хлоп!

Словно лопнул громадный воздушный шар. Тёплым ветром подхватило Алису и понесло над землей.

А потом она упала.

Как будто со стула. Не ушиблась, поднялась и огляделась.

Сразу за ней поднимался длинный прут, метра в три высотой, на его конце трепетал белый флажок с надписью «АЛИСА». Алиса положила шлем около флажка. На земле, гладкой, словно цементный пол, была нарисована мелом стрелка.

Если больше никаких указателей нет, то надо идти по стрелке, подумала Алиса.

Небо было низким, как потолок, но подвижным, по нему мчались облака. Под облаками летели косяком гуси. И хоть летели они высоко, Алиса разглядела на первом, белом гусе мальчишку, который помахал ей рукой; сам-то он был с оловянного солдатика, можете представить, какие маленькие у него были руки!

– Привет! – крикнул он.

– Привет, Нильс! – ответила Алиса, которая догадалась, что это Нильс путешествует с дикими гусями и везёт его гусь Мартин.

Значит, всё правильно – Алиса попала в литературный мир.

Она пошла туда, куда указывала стрелка.

Из тумана доносились далёкие крики, голоса, стук копыт и звон металла. Словно там кипел бой.

Алисе не хотелось попадать на поле боя, тем более она не была вооружена и собиралась совсем в другую книгу.

Из тумана выскочил всадник в шлеме и кольчуге. Он пришпоривал коня, конь тяжело дышал. За ним скакали дикого вида усачи с кривыми мечами в лисьих шапках.

Поравнявшись с Алисой, витязь в шлеме нагнулся с коня и прохрипел:

– Алиса, обмани их. Когда они будут спрашивать, куда я проскакал, скажи, что направо.

И он скрылся в тумане.

Его преследователи окружили Алису.

– Куда поскакал князь Игорь? – спросил самый длинноусый.

– Направо, – ответила Алиса.

– Если солгала, зарубим тебя на обратном пути, – сказал длинноусый и поскакал дальше.

Ясно, решила Алиса, это «Слово о полку Игореве». Но почему они тут скачут, что у них, в поэме места не хватило?

Алиса побежала дальше и наткнулась на прозрачную стенку, словно на пластиковую плёнку.

За плёнкой был виден лес, над лесом поднималась колокольня церкви.

Наверное, это то, что мне нужно, сказала себе Алиса.

Но ей снова пришлось задержаться.

Над головой раздалось громкое стрекотание. К ней спускался очень толстый мужчина в коротких штанишках и в расцвете лет. К его спине был прикреплён пропеллер.

– Здравствуй, Карлсон! – крикнула Алиса.

– У тебя не найдётся варенья, Алиса? – спросил Карлсон.

– Не догадалась взять, – ответила Алиса. – Я же не знала, что тебя встречу.

– Ах, пустая отговорка! – рассердился Карлсон. – Когда пускаешься в путь, надо готовиться к встрече со мной. Значит, у тебя честно нет варенья?

– Нет.

– А может быть, ты ему несёшь?

Карлсон показал толстым пальцем вперёд, и Алиса увидела, что там стоит гном с фонариком в руке.

Алиса припустила со всех ног. Она поняла, что если обращать внимание на всех встречных-поперечных, если со всеми говорить, то никогда не доберёшься до Великого Гусляра.

А литературные герои гонялись за ней, летали и бегали со всех сторон, но не дотрагивались и не дрались.

Алиса хотела постучать в перегородку, но от прикосновения её пальцев перегородка растаяла, и Алиса вступила в лес. В самый обыкновенный лес.

И через несколько шагов лес стал таким густым, что, казалось, никогда не найти дороги обратно.

Над головой пели птицы, из кустов высунулась медвежья морда и тут же скрылась, чтобы не пугать Алису.

Алиса шла по тропинке.

В стороне сквозь деревья она увидела, как блеснула вода – там была река или озеро. Алиса хотела было свернуть туда, но тропинка вела её вперед, так что Алиса раздумала сворачивать.

А ещё через несколько минут она оказалась на шоссе. Нешироком и не очень новом шоссе, но совершенно настоящем.

Там стоял столб с указателем:

«ВЕЛИКИЙ ГУСЛЯР» – 4 км.

На вершине столба сидела ворона.

Алиса остановилась от удивления.

Конечно, она уже почти взрослый человек и понимает, что попала не в настоящий город, а в модель города, которую построил компьютер. Но одно дело понимать, а другое – пощупать.

Алиса не удержалась и постучала пальцами по столбу.

Ворона каркнула и взлетела к облакам.

Что ж, подумала Алиса. Придётся прогуляться.

Только она так подумала, как что-то тёмное закрыло от неё небо и солнечные лучи.

Алиса глянула вверх. Оказывается, тень в небе была совершенно круглой.

Конечно же, это инопланетное летающее блюдце.

Ну вот, улыбнулась Алиса. Всё сбывается. Ведь Великий Гусляр славен тем, что сюда издавна прилетают пришельцы со всех сторон. Поэтому он так хорошо известен в Галактике.

Алиса помахала блюдцу.

А так как никто не помахал ей в ответ, она зашагала к городу.

Но прошла всего шагов сто.

Её схватили за плечи железные пальцы.

Алиса обернулась – это были два робота, небольшие, неизвестной Алисе конструкции, старые, потёртые, исцарапанные и даже помятые, как автомобили, которые побывали в аварии.

– Не хватайте меня руками, – вежливо попросила Алиса. – Я никуда не собираюсь убегать. Скажите лучше, что вам от меня нужно.

– Ты местная? – спросил робот с помятой рукой.

Ответить Алиса не успела, потому что другой робот, с вмятиной на затылке, сказал:

– Без разговорчиков! Считай, что ты в плену. Шаг в сторону – побег! Побег – смерть!

Робот страшно заскрежетал, но не потому, что был такой боевой, а видно ржавчина заела.

Роботы сказали хором:

– Раз-два!

Подняли Алису на руках и побежали обратно в лес. Так Алиса и не успела поглядеть на город Великий Гусляр.

Летающее блюдце нависло над ними и снизилось так, что Алиса могла дотронуться до его днища.

Внизу открылся люк, из люка вывалилась складная лестница, сделанная из стеклопластика.

– Полезай, – приказал робот.

– Не хочу, – сказала Алиса.

– А тебя не спрашивают, – рявкнул робот. – Ты пленная и должна нам беспрекословно повиноваться.

Алиса пригляделась к роботам. Странно, они совсем не кажутся негодяями, разбойниками

и даже боевыми машинами. Как будто стараются, играют роль, но сами толком не знают, как эту роль играть.

Алисе было очень интересно, чего же они от неё хотят? Может, это космические завоеватели? Может, они решили покорить Великий Гусляр? Что-то такого рассказа Алиса не читала.

Алиса ожидала увидеть что угодно, но не пустоту, пыль и полное запустение, словно в корабле никто давным-давно не живёт.

Роботы забрались в блюдце следом за своей пленницей.

– Садись, – сказал один из роботов.

Алиса опустилась в кресло, и кресло чуть не упало.

– Ну и довели вы свой корабль до ручки! – сказала Алиса.

– Это тебя не касается, пленница, – сказал робот.

– Может, чаем угостите? – спросила Алиса.

Она совсем этих роботов не боялась.

Один из роботов протянул Алисе обрывок газетного листа.

– Читать умеешь? – спросил робот с вмятиной на голове.

– Умею, – сказала Алиса. – Сегодня утром ещё умела.

– Без шуток! – рявкнул робот. – Читай вслух.

Алиса прочла.

Крупными буквами там было написано «ГУСЛЯРСКОЕ ЗНАМЯ».

Буквами помельче под этим заголовком было напечатано: «6 августа 1980 года».

– И что всё это значит? – спросил робот с покалеченной рукой.

– Это кусок старой газеты. Где вы его отыскали?

Роботы переглянулись, видно решали, сознаваться или промолчать.

Наконец один из них произнёс:

– В зале ожидания на космодроме планеты Паталипутра.

– Далеко же эта газета улетела! Видно, кто-то из этого города там побывал. И я думаю, что вернее всего это был Корнелий Удалов. Есть такой человек в Великом Гусляре, он там начальник стройконторы, большой сторонник космической дружбы.

– Дальше читай, – приказал робот, словно и не слышал её слов.

Под названием газеты была помещена фотография. На фотографии можно было разглядеть человеческую руку, которая держала какой-то флакон или фляжку.

– Читай! – нервно крикнул второй робот.

Алиса прочла подпись под фотографией:

– «Находка на озере Копенгаген. Многие рыбаки проводят обычно своё свободное время на берегах известного своим изобилием рыбы озера Копенгаген неподалеку от нашего города. Вчера всеобщее изумление вызвал возглас одного из рыбаков. «Эврика! – закричал он. – Смотрите, что я на удочку поймал». Собравшиеся вокруг рыболовы сошлись во мнении, что счастливцу попалась фляжка без опознавательных знаков, наверняка инопланетного происхождения. Почти новая на вид...»

Алиса замолчала.

– Дальше! – крикнул первый робот.

– А дальше ничего нет, – сказала Алиса. – Дальше оторвано.

– А где искать? – спросил второй робот.

– Наверное, в Великом Гусляре, – сказала Алиса. – Я сомневаюсь, что газету «Гуслярское знамя» читают в других городах России.

– Значит, с тобой всё ясно. Ты жить хочешь?

– Очень, – призналась Алиса.

– Тогда ты сейчас спустишься в город, найдёшь там этого рыболова и спросишь его, где фляжка.

– А потом?

– А потом отнимешь у него драгоценный сосуд и принесёшь сюда.

– И не подумаю, – сказала Алиса.

– Тогда мы будем вынуждены тебя растерзать, – сказал робот.

– Если растерзаете, кто вам принесёт фляжку? – спросила Алиса.

Роботы замолчали и задумались. Алисе показалось, что у них даже мозги поскрипывали, хотя, конечно же, мозги роботов не поскрипывают.

Наконец один из роботов произнёс:

– Это наше национальное достояние.

– Тогда всё просто, – сказала Алиса. – Город Великий Гусляр невелик. Спускайтесь и спросите первого же человека на улице, где фляжка. И вам ответят.

– Какая ты, однако, глупая девочка! – возмутился робот. – Ну подойдём мы к аборигену, он нас как увидит – сразу расстреляет или сдаст куда следует.

– А вы издали кричите, что вы не завоеватели, а мирные пришельцы, вам нужна только ваша фляжка.

– Вот они нас издали и расстреляют, – сказал один из роботов, а второй объяснил:

– Мы не можем рисковать, потому что каждый из нас отвечает за три тысячи живых душ. Мы слишком ценные.

– А на вас посмотришь, – сказала Алиса, – никогда не догадаешься.

– Пожалуйста, – робот сменил тон, – Алисочка-кисочка, достань для нас фляжку.

– Тогда убивайте меня, – сказала Алиса. – Только учтите, что я буду визжать как недорезанная и вы меня отпустите, потому что весь город сбежится меня спасать.

– А вот этого не надо, – сказал робот. – Это называется шантаж. Слышала такое слово?

– Какое-то гадкое слово, – сказала Алиса.

– А мы пошутили, – сказал другой робот. – Мы не хотели тебя убивать. Да мы и не можем тебя убить! Нас не для этого делали. Мы можем только спасать, а не губить.

– А я должна вам верить? – спросила Алиса.

– Мы честные роботы! Мы тебе всё расскажем. И если ты найдёшь в Великом Гусляре нашу заветную флягу со средством номер два, то ты получишь в обмен вечную благодарность от всей нашей планеты.

– Я ещё не согласилась, – сказала Алиса.

– Скоро согласишься, – сказал робот. – По нашим сведениям, ты человек добрый и отзывчивый. Послушай, мы тебе всё расскажем.

– Рассказывайте. Только покороче.

– Ты думаешь, что видишь перед собой старых роботов, – начал один из них. – А на самом деле мы вовсе не роботы. Мы – жители планеты Инсектида, которая лежит в стороне от звёздных трасс.

– Мы бедный, но гордый народ! – воскликнул второй робот.

– Бедный, но любознательный народ, – поправил его первый робот.

– Страсть к путешествиям засела глубоко в наших сердцах. Мы освоили свой мир и устремились к звёздам.

– Но ты же знаешь, Алиса, – продолжал первый робот, – как дорого всё стоит в наши дни. Цены безумные, за всё надо раскошеливаться. И тогда...

– Ни слова больше! – закричал второй робот. – Ты уже готов проговориться!

– Я не буду называть имён!

– Тогда говори.

– Мы получили наследство. Неважно от кого, неважно где и почему. Но это было наследство небольшое. Можно сказать, маленькое.

– Но бесценное.

– Это – два флакона. Древних, как сама Вселенная. За ними охотились уже тысячу лет злые и добрые силы Галактики.

– В одном флаконе жидкость, одна капля которой уменьшит тебя в сто раз, – сказал другой робот.

Роботы перебивали друг дружку, спешили, словно давно ждали, кому бы рассказать про несчастья бедной, но гордой планеты Инсектида.

– У вас на планете роботы живут? – спросила Алиса.

– Всё не так просто, – ответил робот. – И не всегда верь своим глазам.

– Хорошо, рассказывайте дальше, – согласилась Алиса. – Что же было во второй фляжке?

– Там было средство номер два. Как примешь его, тут же становишься прежнего размера. Принял средство номер один – ты маленький, принял средство номер два – ты большой!

– Чудесно, – сказала Алиса. – И что же дальше?

– А дальше мы решили проблему.

– Какую?

– Космических путешествий. В самый обыкновенный космический корабль мы помещаем в сто раз больше пассажиров, чем обычно. В сто раз больше туристов, в сто раз больше торговцев, в сто раз больше путешественников. И еды надо в сто раз меньше и воздуха в сто раз меньше!

– Замечательно, я вас поздравляю, – сказала Алиса.

– Зря поздравляешь, – сказал робот. – Ты ещё не всё поняла.

– Представь себе, что наш корабль отправляется в полёт, – сказал второй робот. – При посадке каждому пассажиру дают по капельке средства номер один. И он становится в сто раз меньше. И занимает на корабле своё место. А когда корабль прилетает на место...

– ...тогда каждый маленький пассажирчик принимает по капле средства номер два и становится в сто раз больше.

– Я всё поняла, – сказала Алиса.

– Но всё кончилось плохо! – сказал первый робот.

– Трагически! – воскликнул второй.

– О нашем средстве пронюхали космические пираты.

– Они напали на наш корабль, чтобы отнять у нас фляжки. Одну им удалось схватить, но фляжка номер два им не досталась.

– Капитан нашего корабля выбросил её за борт!

– О, как злились пираты! Они чуть было не перебили всех, кто был на борту. Но пришлось им остаться с одной фляжкой.

– И что же случилось дальше? – спросила Алиса, хотя она догадывалась, каким будет ответ: ведь пассажиры корабля, на который напали пираты, теперь не смогут снова стать большими!

И она оказалась права.

– Мне трудно говорить об этом, – произнёс робот. – Уста мои отказываются поведать о трагедии нашей планеты! Представляешь ли ты, Алиса, что наш корабль, несчастный, ограбленный и повреждённый после встречи с пиратами, вернулся домой? Открылась его дверь. Но наружу не вышел ни один пассажир.

– Наружу вышли все пассажиры, – поправил робота его напарник, – но все шесть тысяч пятьсот пассажиров и членов экипажа были такими маленькими, что главная проблема у тех, кто их встречал, была... Ну, какая проблема?

– Я думала, что они боялись наступить на своих родственников и друзей, – ответила Алиса.

– Ты молодец, девочка, – отозвался робот. – Именно в этом и заключалась проблема. И тем не менее несколько пассажиров были случайно затоптаны.

Роботы опечалились и замолчали.

Алиса тоже опечалилась и замолчала. Это страшно подумать – ты ждёшь своего сына или друга, а прилетает вместо него существо ростом со спичку. Так с ума сойдёшь!

– И что же вы сделали? – спросила Алиса.

– Фляжка со средством номер два – единственная во Вселенной, – сказал робот. – Другой нет. И единственный выход – отыскать её.

– То есть никаких шансов, – сказал второй робот, – у нас не было.

– Но мы искали и искали. Мы искали шесть лет.

– Нам помогали детективы и полицейские с других планет и даже сам комиссар Милодар из Интергалактической полиции оставил все свои дела, чтобы нам помочь.

Второй робот перебил первого:

– Мы сделали двух роботов. То есть меня...

– И меня! – сказал первый робот.

– Внутри мы совсем не пустые, – сказал второй робот. – Внутри меня сидят три тысячи триста путешественников с нашей планеты.

– А во мне две тысячи девятьсот разумных существ. Только уменьшенных в сто раз. Мы не роботы! Мы управляемые оболочки!

– Шесть лет наш корабль носится по Вселенной!

Алисе было очень жалко жителей планеты Инсектиды. Ну за что такая немилость! Шесть лет провести внутри робота!

– Вы хоть наружу выходите?

– Очень редко, – ответил робот. – Порой мы опускаемся на ненаселённую планету и гуляем на свежем воздухе.

Тут взгляд Алисы упал на обрывок гуслярской газеты, которая лежала у её ног.

– Так это и есть нужная вам фляжка?

– Именно в ней спасение нашей планеты! Как только мы примем по капельке средства номер два, то вернёмся в обычный размер.

– А фляжка в Великом Гусляре? – Алиса уже всё поняла.

– Этот обрывок газеты кто-то оставил на диване в зале ожидания космодрома на Паталипутре. И у нас возродилась надежда. Мы в тот же миг полетели сюда. Ты поможешь нам, Алиса? Ты спасёшь нашу планету?

– Я сделаю всё, что могу, – ответила Алиса. – Я вас понимаю. А можно на вас посмотреть?

Роботы подумали немного, потом один из них ответил:

– Нам стыдно, Алиса. Ты подумаешь, какие мы мелкие и ничтожные. Но как только мы вернёмся в нормальный размер, мы тебе покажемся и ты сможешь оценить, какие мы красивые.

А другой робот добавил:

– Ну уж покрасивее будем, чем население Земли.

– Не будем терять времени, – сказала Алиса. – Опускайте меня в город.

Летающее блюдце инсектидинцев медленно поплыло над улицами Великого Гусляра. Некоторые люди, шедшие в то утро по улицам, поднимали головы и смотрели на космический корабль. Но никто не боялся и не убегал, потому в Гусляре к инопланетянам давно привыкли.

Никто не заметил, что другой космический корабль, чёрного цвета с черепом и скрещёнными костями на борту, навис над летающим блюдцем инсектидинцев, потому что он скрывался в облаках.

А стоило бы присмотреться.

Потому что с этого момента над Гусляром и его гостями нависла смертельная опасность.

Корабль инсектидинцев летел на бреющем полете – Алиса высматривала, где лучше опуститься.

Вот городской сквер. Здесь пока никого нет.

Один из роботов открыл нижний люк и выбросил складную лестницу. А второй дал Алисе в руку несколько воздушных шариков.

– Ты не думай, что это простые воздушные шарики, – сказал он. – Хотя это конечно же воздушные шарики. Но они надуты таким лёгким газом, что могут удержать в воздухе целый паровоз.

– К тому же если кто-то увидит тебя с земли, то не испугается, а подумает: вот смешно – с утра пораньше девочки на воздушных шариках к нам прилетели, – добавил его напарник.

Алиса взяла в руку шарики и подошла к краю люка. Ей было немножко боязно – а вдруг шарики не такие уж надёжные? Может быть, на них спускали лишь микроскопические паровозики и махоньких инсектидиков?

Но долго бояться не пришлось.

– Мы на тебя надеемся, – сказал робот.

Алиса отпустила ступеньку лестницы и полетела к городу.

Ветер отнес её в сторону от парка. Под ней оказалась обыкновенная улица.

Шарики летели к центру Великого Гусляра, и Алиса испугалась, как бы ей не зацепиться за колокольню.

Наконец Алиса опустилась на улицу.

Пусто. Никого нет.

Что делать? Надо сначала найти редакцию газеты «Гуслярское знамя».

Алиса отпустила шарики, и они взлетели высоко в небо.

Тут она и увидела странный космический корабль, чем-то ей даже знакомый.

Но на таком расстоянии Алиса не могла разглядеть пиратского черепа и костей. Поэтому не испугалась.

Алиса прошла мимо красивых особняков, мимо гостиного двора, возле которого машины разгружали товары, вышла на площадь, а оттуда к скверу. Она спросила у шофёра грузовика:

– Вы не знаете, где здесь редакция газеты?

Шофёр расхохотался и ответил:

– А мы газет не читаем, мы сериалы смотрим.

Тут Алиса увидела, что по дорожке сквера ей навстречу бежит странный боевой старик. Несмотря на свой солидный возраст, он был одет в трусики и футболку и бежал так быстро, что и молодой бы за ним не угнался.

Алиса сразу догадалась: он бежит за здоровьем, бегом от всех болезней.

Алиса побежала рядом с этим стариком и спросила:

– Простите, как мне пройти в газету «Гуслярское знамя»?

Не переставая бежать, старик откликнулся сердитым голосом:

– И не мечтай!

– Почему? Разве это тайна?

– Для всех не тайна, а для тебя тайна, понятно?

– Непонятно.

Старик остановился, чтобы топнуть ногой. Потом сказал:

– В нашем городе каждая собака знает, где находится редакция газеты «Гуслярское знамя». И вдруг ты прибегаешь и спрашиваешь. Значит, ты кто?

– Кто я?

– Значит, ты злобная шпионка. Думаешь, я не видел, как ты из облаков на воздушных шарах опустилась? Все тебя видели. Лучше сразу признавайся, что тебе нужно в нашей беззащитной газете?

– Мне надо узнать, где фляжка.

Тут старик совсем остановился и присел на лавочку.

– Какая такая фляжка?

Это был очень подозрительный старик.

А звали его Ложкин.

Алиса узнала об этом, потому что прохожие здоровались с ним и говорили:

– Доброе утро, Николай Иванович! Доброе утро, товарищ Ложкин!

Старик никому не отвечал, только махал рукой. Он был строгий человек и ветеран. Ветеран – это человек, который когда-то что-то делал, а теперь выступает с воспоминаниями в детском садике.

Алиса сказала:

– Меня просили отыскать фляжку, которую выловили недавно в озере Копенгаген на удочку. Об этом была фотография в газете «Гуслярское знамя».

– Совсем становится интересным, – сказал старик Ложкин. – И кто же твои хозяева?

– Не хозяева, а надо людям помочь, – ответила Алиса и показала пальцем вверх, где должно было крутиться космическое блюдце с роботами.

Ложкин кинул взгляд в небо и увидел там чёрный пиратский корабль с белым черепом и скрещёнными костями на борту.

– Всё ясно, – сказал он. – Всё ясно. Как Корнелий эту проклятую фляжку нашёл, я его постоянно предупреждал – брось назад! Добра не жди! А он пожадничал. И вот теперь явились по его душу. И ты будешь утверждать, что ты обыкновенная девочка?

– Самая обыкновенная.

– И где же ты живёшь?

– В Москве.

– Значит, тебя в Москву подселили. А как же ты до нас добралась? На пиратском фрегате?

Алиса-то ещё не видела пиратского корабля и потому решила, что старик совсем с ума сошёл, и сказала:

– Простите, пожалуйста, я пойду, хорошо?

– Нет, ты пойдёшь только со мной вместе и только в милицию, – ответил старик Ложкин.

Алиса вскочила со скамейки и кинулась бежать.

– Держите засланку! – С таким странным криком старик Ложкин кинулся за Алисой. Конечно, Алиса бежала быстрее его, но старик ей попался длинноногий и жилистый, тренированный, так ещё неизвестно, удалось бы Алисе убежать или нет.

Но тут Алисе повезло.

Она увидела небольшую дырку в ограде сквера и нырнула в неё. А старик Ложкин никак не мог туда протиснуться и только кричал:

– Люди, славные жители нашего города! Хватайте так называемую девочку! Сорвите с неё шкуру и увидите пиратское чудовище!

Алиса обернулась, пытаясь сообразить, куда бежать дальше, и услышала весёлый голос:

– Неужели ты, Алиса, сбежала от старика Ложкина? Редко кому удаётся вырваться из его когтистых лап.

– Кто вы такой? – спросила Алиса.

Перед ней стоял высокий, худой, лохматый мужчина. Довольно молодой.

– Меня зовут Грубиным, Александром Грубиным, – ответил мужчина. – Если ты читала рассказы о Великом Гусляре, то должна была обо мне слышать.

– А откуда вы обо мне знаете? – спросила Алиса.

– Если ты о нас знаешь, – загадочно ответил Грубин, – то и мы о тебе должны знать.

Старик Ложкин просунул в щель голову и кричал:

– Грубин, ты с ней не разговаривай, может заколдовать!

– В кого? – спросил Грубин.

– Вот заколдует, тогда увидишь, – ответил старик.

Грубин протянул Алисе руку.

– Пойдём отсюда, – предложил он. – А то он весь город переполошит.

Они пошли по дорожке. Деревья склоняли к ним зелёные ветви, а воробьи и малиновки пели свои разнообразные песни.

– Грубин, ты слишком доверчив! Вспомни, как закончил свою биографию пресловутый Отелло, – доносился сзади голос Ложкина.

– А как? – спросил Грубин.

– Его задушила Дездемона.

– Ой! – воскликнула Алиса. – Он пьесу не читал.

– Что надо, то и читал! – откликнулся Ложкин.

Тут дорожка, по которой они шли, повернула, и голос Ложкина уже не добирался до них.

– Итак, – сказал Грубин, – вы опустились к нам на воздушных шарах. Это красиво. С какой целью?

– Мне нужно узнать про фляжку со средством номер два, – ответила Алиса.

– Это что ещё за фляжка?

И тогда Алиса рассказала своему новому знакомому историю несчастных инсектидинцев и показала Грубину обрывок газеты с фотографией.

– Как же, – сказал Грубин. – Знаю. Все в городе знают. Удалову всегда везёт.

Они пошли по дорожке. Деревья склоняли к ним зелёные ветви, а воробьи и малиновки пели свои разнообразные песни.

– Кому?

– Есть у нас такой славный человечище! – сказал Грубин. – Зовут Корнелием Ивановичем Удаловым. Трудится он начальником стройконторы. Широко известен во всей Галактике.

– Я знаю! – сказала Алиса. – Про него кино было и много рассказов.

– Умничка, – сказал Грубин. – Именно этот Удалов ловил как-то рыбу на озере Копенгаген.

– А почему такое странное название?

– Ого-го! – сказал Грубин. – Это древняя история. Жил в нашем городке до революции один помещик и думал он, что Копенгаген – это иностранный адмирал.

– Но это же столица Дании! – сказала Алиса.

– Боюсь, что тот помещик в школу не ходил и телевизора у него не было, – сказал Грубин. – Но с тех пор наше озеро зовётся по-иностранному. А озеро, я тебе скажу, рыбное, чистое, кого только там не водится. Говорят, что как-то крокодилов здесь ловили.

Грубин улыбнулся Алисе, и не было понятно, шутит он или говорит правду.

– По воскресеньям на этом озере не протолкнёшься – даже из Потьмы и Пьяного Бора рыбаки приезжают. А наш Корнелий ни одного воскресенья не пропускает. И тут как-то забросил он удочку и вытащил фляжку. Ну и смеху-то было!

Алиса не заметила, а Грубин уж тем более, что чёрный пиратский корабль вышел из облаков и спустился пониже, чтобы лучше слышать, о чем они беседуют. Ну что бы им посмотреть вверх!

– А вы фляжку видели?

– Ещё бы! Я тоже на озере был. Только я рыбу не ловил, потому что я гуманист. Ведь рыба тоже человек, ей жить хочется. Сидел я на берегу, пил пиво, а тут Удалов фляжку вытащил. А потом корреспондент нашей газеты об этом заметку написал. Повезло твоим инсектидинцам. Так бы век своей фляжки не нашли.

– Скажите, пожалуйста, где я могу сегодня найти Корнелия Ивановича? – спросила Алиса.

– Я думаю, что он снова на озере, – сказал Грубин. – Сегодня же суббота.

– А в какую сторону мне идти?

Грубин засмеялся.

– Хочешь, велосипед из дома привезу? Или пешком?

– Побежали наперегонки! – сказала Алиса.

– Бежать далеко придётся, не выдержишь.

– Ещё неизвестно, кто из нас не выдержит.

Они побежали по улице, потом по шоссе, а потом по лесной дорожке.

Дорожкой они добрались до большого, тёмного, глубокого и загадочного озера Копенгаген, затаившегося в глубине гуслярских лесов.

– Где же наш герой? – спросил Грубин, переведя дух.

Погода была ненастная, облачная, рыбаков на озере немного.

Грубин сказал:

– Дай-ка я тебя на руки подниму. Сверху ты его скорее разглядишь.

Грубин поднял Алису, и она увидела Удалова. Он сидел на лодочке возле дальнего берега. Скорее толстенький, чем худой, скорее лысенький, чем курчавый... Его блестящая лысинка была окружена светлыми кудряшками.

Минут через пять Алиса подошла к Корнелию Ивановичу. Рядом с ней шагал Грубин.

– Здравствуйте, Корнелий Иванович, – сказала Алиса.

Удалов поднял руку и прошептал:

– Минуту спокойствия! У меня, кажется, клюёт.

Поплавок ушёл в воду, удилище изогнулось.

– Солидная добыча, – сказал Грубин. – Наверное, щука.

Удалов потащил удилище на себя, даже встал в лодке и откинулся назад.

Рыба не давалась.

– Помочь? – спросил Грубин.

И в этот момент леска лопнула, вода взбурлила и всё успокоилось.

– Ну вот, – сказал Удалов, – испортили вы мне рыбалку. Из-за вас такой сом сорвался!

– Надо было леску покрепче ставить, – ответил Грубин. – Познакомься.

Удалов отложил удочку, взял другую.

– Эта будет покрепче, – сказал он. – Акулу выдержит.

– Корнелий, к тебе гости! – сказал Грубин. – Ты себя невежливо ведёшь.

– Был бы ты рыбаком, не стал бы меня упрекать, – ответил Удалов.

Он пригляделся к Алисе и сказал:

– Кого я вижу! Алиса, девочка из будущего! Какими судьбами в наш городок?

Алиса удивилась. Второй человек её узнал.

– Вы меня ждали? – спросила она.

– Я сома ждал, а не тебя, – ответил Удалов. – Выкладывай, что за проблемы?

– Мне сказали, что вы выловили в озере фляжку, – сказала Алиса. – Это правда?

– Более того, – сказал Удалов и поднял вверх палец. – Это фляжка без опознавательных знаков и вернее всего инопланетного происхождения. Ещё вопросы есть?

– Вопросы есть, – сказал Грубин. – Хозяева этой фляжки тебя отыскали и очень хотели бы получить обратно своё добро. Они даже прислали Алису за этой фляжкой.

– Так бы и говорили, – сказал Удалов.

Он направил лодку к берегу и, когда её нос ткнулся в песок, добавил:

– Самый клёв начинается. Просто беда.

– Я тебе не помощник, – сказал Грубин. – Ты же знаешь, что я гуманист. Рыба тоже человек, ей жить хочется.

– Я вам помогу, – сказала Алиса. – Давайте я удочку подержу.

– А что будешь делать, если рыба клюнет? – спросил Удалов.

– Если рыба клюнет, я её вытащу, вы не беспокойтесь, – сказала Алиса. – Хоть я сама не ловлю рыбу, но многие мои друзья – рыбаки.

Удалов посмотрел, как Алиса спрыгнула в лодку и закинула удочку.

– Я в три минуты, – сказал он. – Фляжка вон за тем холмиком лежит вместе с моими вещичками. Я их под навесиком держу, а то ещё лодка, не дай бог, перевернётся! – Удалов засмеялся и пошёл к холму, над которым поднималась крыша навеса. Под ним рыбаки прятались от дождя, а их жены в хорошую погоду – от солнца.

Алиса посмотрела им вслед, потом – на удочку, вернее на поплавок, затем снова им вслед.

Вот они поднимаются по склону.

И тут она увидела, как к навесу сбоку бежит старик Ложкин.

Алиса догадалась, что старик подслушивал их разговор и теперь утащит фляжку, чтобы она не досталась Алисе. Не понравилась ему Алиса, ну что ты будешь делать!

– Эй, Ложкин! – крикнул Удалов. – Ну зачем ты совершаешь противоправные действия? В милицию захотел на старости лет?

– Молчи! – крикнул старик. – Я и до тебя доберусь.

Он прыгнул под навес и выскочил быстрее, чем Удалов с Грубиным туда успели.

Алиса увидела, как на пригорке старик прыгает от радости, размахивая драгоценной фляжкой.

И тут Алиса подумала: наверное, Удалов и Грубин давно не бегали на короткие дистанции, а старик – Алиса сама видела – бегает совсем неплохо для своего возраста.

Поэтому она кинула удочку на дно лодки и выпрыгнула на берег. В два счёта она взлетела на пригорок и увидела, что перед ней лежит лужайка. Наверное, она раньше была зелёной и ровной, как газон, но за лето отдыхающие и рыбаки истоптали её и забыли там немало бутылок, банок и оберток от «дирола», «Стиморола» и «демидрола» без сахара.

Старик Ложкин нёсся по дорожке к шоссе. Вот-вот он скроется среди сосен.

И вдруг на его пути встало препятствие.

Это препятствие выглядело как полная, крепкая и сильная на вид женщина средних лет. Она стояла, уперев руки в боки, лицо у неё было грозное, и сразу хотелось в чём-нибудь признаться и попросить прощения.

– Бегаете? – спросила она громким голосом.

Ложкин сразу замедлил свой бег.

– В бутылочку играете?

Удалов с Грубиным тоже притормозили.

– А ну, немедленно отдай мне фляжку. Кто тебе разрешил её брать?

Женщина явно обращалась к Удалову, а Корнелий Иванович развёл руками.

– Я же в последний раз, Ксюшенька, – сказал он.

Ложкин попытался обойти женщину сбоку.

Но она заметила этот манёвр.

– Ложкин! – сказала она громко, потому что негромко она говорить не умела. – Немедленно отдай мне сосуд.

– Нельзя! – взвизгнул старик. – Он попадёт в руки врагов!

– Я те сейчас покажу врагов! – рявкнула женщина.

– О, Ксения! – заверещал было Ложкин, но ловким движением Ксения вывернула ему руку и подхватила фляжку.

«Ну как же! – подумала Алиса. – Ведь это надо вернуть инсектидинцам!»

Но ни Удалов, ни Грубин не делали ничего, чтобы вернуть фляжку. Стояли, будто боялись эту женщину.

Конечно, вы думаете, что Алиса кинулась к Ксении, вырвала у неё фляжку и умчалась в лес!

Ничего подобного. Не забывайте, что Алиса – всего-навсего девочка, и она не кидается на взрослых людей. Она лишь пытается объяснить им, что они не правы. И это не всегда удаётся.

Не глядя на остальных, Ксения повернулась и скрылась в лесу.

Алиса подошла к Удалову.

– Ну как же так? – спросила она. – Это ведь чужая вещь.

– Да помолчи ты! – отмахнулся Удалов. – И без тебя тошно.

– Нехорошо получилось, – сказал Грубин. – Разве можно так свою собственную жену бояться?

– Так уж повелось у человечества, – сказал Удалов. – Недаром ты, Саша, так и не женился. Не смеешь, значит?

Ложкин побрёл по берегу, потом уселся на пенёк и закручинился.

– А зачем ей фляжка? – спросила Алиса.

– Как – зачем? В хозяйство. Масло подсолнечное ей, видите ли, не в чем держать.

– Вы серьёзно?

– Куда уж серьёзней.

– Это ни в коем случае нельзя допускать! – закричала Алиса. – Это катастрофа. Погибнет целая планета.

– А в чём дело? – спросил Удалов. – Ты мне сказала, что фляжку какие-то интексиды ищут, а зачем – не сказала.

– Как только вы её достанете, я всё объясню. Нет ни секунды. Бегите, Корнелий Иванович, отнимите, выпросите, сделайте что угодно, но спасите планету!

Корнелий Иванович посмотрел на Грубина. Будто хотел что-то спросить, да не решался.

Но Грубин ответил на вопрос, который Удалов так и не задал:

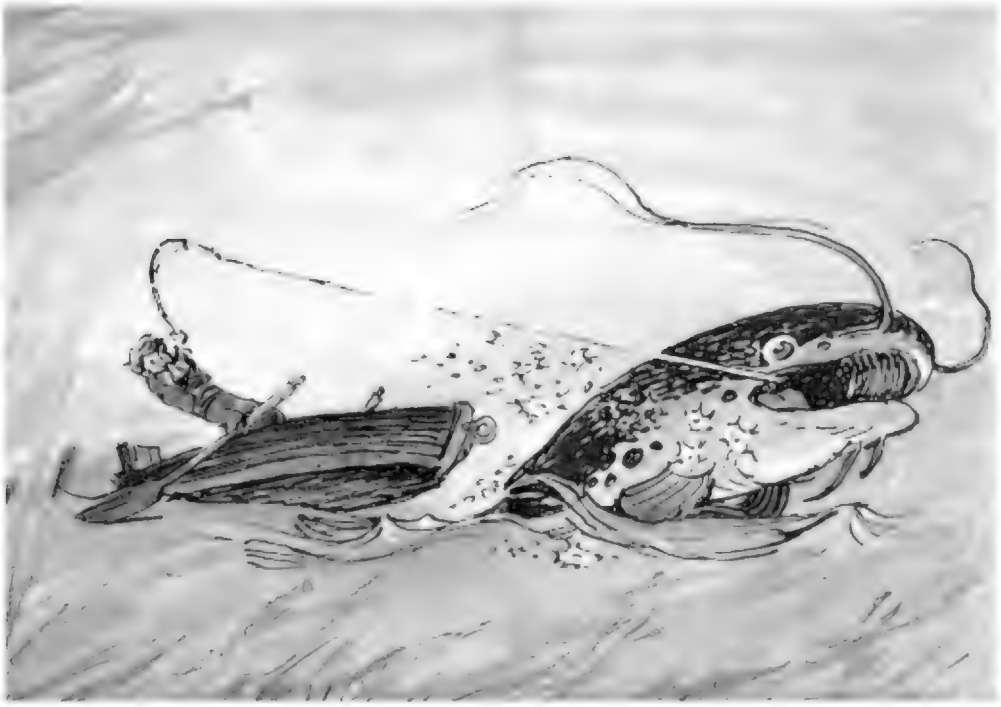
– Эта девочка совершенно нормальная. Беги. Хочешь, я с тобой?

– Давай, не оставляй меня, – сказал Удалов. – При свидетелях она меня пощадит.

Удалов с тоской посмотрел на озеро.

– Я за вас порыбачу, – сказала Алиса. – Не беспокойтесь. Ни одна рыба от меня не уйдёт.

И она побежала обратно к озеру.



Хоть Алисе не хотелось, чтобы рыба лезла на крючок, но если дал слово, надо его держать. Она забралась в лодку и закинула удочку.

А сама поглядывала на берег.

Поэтому, когда какая-то рыбка схватила крючок, Алиса настолько этого не ожидала, что свалилась на дно лодочки и потянула удилище к себе.

Видно, рыба попалась крупная. Она тянула так, что лодку развернуло, стащило с мели, и Алиса отправилась за рыбой на середину озера.

Лодка всё набирала ход.

– Эй! Постой! – крикнула рыбе Алиса, забыв, что рыбы не слышат. – Ты куда? Я тебя не ловила!

Так как Алиса не выпускала удочку – всё-таки чужая вещь, надо беречь, – то рыбе нелегко было тащить сразу и лодку, и Алису. Она даже высунула голову из воды.

Тогда Алиса поняла, что поймала сома размером побольше лодки.

Рыбаки, что сидели на берегу, вскочили и стали бегать вдоль воды и давать Алисе советы.

Сом развернулся, словно ему нравилось катать Алису по озеру, и помчался обратно.

И тут наконец леска на акулу не выдержала, сом ушел в глубину, а лодка с Алисой въехала на берег озера.

А на берегу, глядя на Алису, стояла крепкая, почти толстая, сильная и грубая женщина, уперши руки в боки.

Как две капли воды она была похожа на Ксению Удалову.

Этого быть не может, подумала Алиса. Неужели Ксения Удалова вспомнила, что плохо брать чужие вещи, и вернула фляжку?

– Ты чего на меня уставилась, девочка? – спросила Ксения. – Никогда не видела несчастной женщины? Где мой муж?

– Он за вами побежал, – сказала Алиса.

– Зачем?

– Чтобы взять у вас фляжку.

– Какую такую фляжку?

– Инопланетную, – сказала Алиса. – Которую вы у Ложкина взяли.

– Послушай, Алиса, – сказала Ксения Удалова. – Учти, что я всё терплю, как есть я существо несчастное и тихое. Но одного я не выношу – лжи! Я Ложкина со вчерашнего дня не видела.

– Как же не видели? – Алиса хоть и была воспитанной девочкой, но тоже не выносила лжи. – А я вот собственными глазами видела, как вы взяли у Ложкина фляжку и унесли её домой.

– Тогда зачем же я сюда пришла? – Ксения даже покраснела от гнева. – Получается, что я за одной фляжкой два раза прихожу?

Алиса задумалась. И в самом деле получалось что-то неладное.

В это время к Алисе подбежали рыбаки, которые видели её приключения с гигантским сомом, и начали сочувствовать, что она упустила такое сокровище.

– И хорошо, что упустила, – сказала Ксения Удалова, – а то бы утащил этот сом девочку на дно.

Пока шли все эти разговоры, на пригорке появились усталые и раздосадованные Грубин с Удаловым.

Грубин издали увидел Алису и развёл руками, что означало: прости, Алиса, но нам ничего не удалось сделать.

А Удалов увидел свою жену.

Он ахнул и сел на траву. От удивления.

Ксения обернулась, увидела мужа и спросила грозным голосом:

– Ты зачем, Корнелий, вводишь людей в заблуждение? Ты куда дел фляжку, которую обещал мне оставить, чтобы я в нём подсолнечное масло хранила?

– Ты ли это? – спросил Удалов. – Или я схожу с ума? Мы же за тобой до самого нашего дома гнались, ноги сбили, а не нашли.

– И не могли найти – я же здесь была.

– Но ты же домой отсюда побежала!

Тут все запутались, стали махать руками и ругаться. Алиса даже не могла сообщить Удалову, какого сома она чуть не поймала.

В самый разгар спора с пригорка донёсся громовой женский голос:

– Чего раскричались? Забирайте свою паршивую фляжку!

Все обернулись.

Наверху стояла ещё одна Ксения Удалова, во всём подобная первой. Только она держала в руке фляжку.

– Держите! – крикнула она. – Издеваться над честными космическими разбойниками мы не позволим! Мы вам ещё отомстим!

И она метнула фляжку в озеро.

Но другая Ксения кинулась к ней, как вратарь Яшин, и в мастерском броске перехватила сокровище, прежде чем оно бухнулось в воду.

– Будьте вы прокляты! – воскликнул двойник Ксении.

Она щёлкнула пальцами.

Тут же из облаков выкатился длинный прозрачный шнур, и космический пират взобрался по нему и исчез в недрах чёрного пиратского корабля с черепом и скрещёнными костями на борту.

Первой пришла в себя Алиса.

Она поняла, что нельзя терять ни секунды.

Она кинулась к Ксении, которая стояла с фляжкой в руке, и сказала:

– Отдайте мне, пожалуйста, эту фляжку. Она не наша. Вы видите, какие тут трагедии разыгрываются. В любой момент вас могут убить или похитить. А я вам пришлю десять бутылок для подсолнечного масла, вместе с маслом.

Последние слова Алисы перевесили чашу весов.

– Только чтобы без обману, – сказала Ксения и протянула фляжку Алисе.

– Спасибо от имени планеты Инсектида, – сказала Алиса.

– Не стоит благодарности. Адрес знаешь?

– Какой адрес?

– Мой адрес.

– Великий Гусляр, Пушкинская улица, дом 16 – этот адрес каждый второй читатель в России знает.

– Правильно, – сказала Ксения.

Лёгкая тень упала на озеро.

Спускался корабль с Инсектиды.

Алиса хотела было снять крышку... но по берегу к ней уже бежали два робота, полные маленьких человечков. У Алисы в руках было их спасение – средство номер два, которое может увеличить в сто раз любое живое существо.

– Давай! – кричали роботы. – Скорей!

Алиса протянула инопланетянам фляжку.

– Постойте! – крикнул было Удалов.

Алиса подумала, что ему жалко расставаться с добычей, и огорчилась. Надо думать о братьях по разуму, а не только о рыбалке.

Трясущимися руками робот отвинтил крышку фляжки.

Все, кто был поблизости, вытянули шеи, чтобы заглянуть внутрь. И все как один отпрянули.

Потому что из фляжки полезли розовые, толстые, скользкие дождевые черви...

– Это что такое? – хором спросили роботы. Их голоса дрожали в унисон.

– Это я заготовил, – сказал Удалов виновато. – Если рыбалка обильная будет, лучше запас червя иметь. Я червя у нас за баней нарыл. Хороший червь, качественный.

И остальные рыбаки в один голос подтвердили:

– Червь классный!

– Какой ещё червь! – рыдал робот. – Здесь было средство номер два, которое спасёт планету. Где средство номер два?

– Где средство номер два?

Все стали спрашивать Удалова, где же средство номер два.

Удалов почесал в затылке и сказал:

– Значит, там что-то было?

– Ещё как было!

– Там какая-то жижа была, неприятного запаха, меньше половины. Видно, выдохлась. Я её и вылил в озеро, потом промыл фляжку – стала как новенькая.

У роботов не осталось сил, чтобы уйти, чтобы плакать, чтобы ругать, чтобы убить Удалова.

Они замерли возле воды.

Черви всё лезли из фляжки.

– Теперь я понимаю, – сказала Алиса, – почему пираты нам вернули фляжку. В ней же черви.

– Не может быть! Я готов себя убить! – расстраивался Удалов. – Я всю жизнь посвятил развитию космической дружбы и вот погубил целую планету!

В середине озера плеснула большая рыба.

– Это ещё что такое? – спросил Удалов.

– Наверное, мой сом, – сказала Алиса.

– Что значит – мой сом? – спросил Удалов.

Все рыбаки, что стояли вокруг, стали наперебой рассказывать Удалову, как приезжая девочка чуть не поймала сома в три метра ростом. А может, и все пять метров.

Удалов ахнул от разочарования.

– Надо же, на десять минут отлучился, и уже ребёнку сомы попадаются. Только врёте вы – у нас в Копенгагене таких сомов отродясь не водилось.

И как будто нарочно посреди озера вынырнул пятиметровый сом – до половины поднялся над водой, подпрыгнул как тюлень и скрылся в волнах.

– А вот такого быть не может, – сказал Удалов. – Мы присутствуем при коллективной галлюцинации, а может быть, нам всё это снится. Попрошу всех себя ущипнуть!

Все смотрели на озеро, ждали, когда появится кто-нибудь ещё.

И в этой тишине Саша Грубин спросил:

– Значит, говоришь, вылил ты в озеро средство номер два?

– Что-то вылил. Надо же было червя положить.

– А это средство номер два...

– Увеличивает в сто раз любое существо!

– Я поняла! – крикнула Алиса.

– Что? Что такое? – спрашивал Удалов и другие рыбаки.

– А то, что перед нами не просто озеро Копенгаген, – сказал Грубин, – а раствор средства номер два! Рыба его и пьёт... Вы ещё не таких здесь сомов увидите.

Не попрощавшись, не сказав ни слова, роботы с Инсектиды кинулись прочь.

И сразу же над озером появилось знакомое летающее блюдце.

Нижний люк был открыт.

Из него к воде протянулся шланг.

Все услышали, как заработал насос.

– Сообразили, – сказал Грубин. – Ну что, пошли чай пить?

– Только без меня, – сказал Корнелий Удалов. – Я ещё порыбачу. А ты, Ксюша, не составишь мне компанию?

– Если гарантируешь килограмм сто свежей рыбки, то останусь и даже донести до дома помогу.

Из корабля, который завис над берегом, вывалилась лестница.

Голос инопланетянина произнёс:

– К счастью, ваше средство нам помогло. Мы начали его принимать и сейчас стоим на грани великого перенаселения. Вы представляете, во что превратится наш корабль, когда мы все, шесть тысяч путешественников, увеличимся в сто раз?

– Что же делать? – спросил Грубин.

– Мы спустимся здесь, у озера, и вы нам будете оказывать помощь, пока мы не найдём возможности улететь. Гуманисты вы, в конце концов, или нет?

– Мы гуманисты! – хором откликнулись жители Великого Гусляра.

И тут же из корабля пришельцев, увеличиваясь на глазах, начали спускаться на берег инсектидинцы.

И были они разные!

На людей не похожие, а похожие на жуков, тараканов, блох и прочих насекомых противного облика. Один из самых страшных пришельцев кинулся к Алисе и обнял её своими лапами.

– Ты наша спасительница! – кричал он на весь лес.

Алиса знала, что этот жук – никакой не жук, а очень культурный и несчастный инопланетянин.

Она тоже обняла насекомое.

А прочие подходили и протягивали ей свои лапки. Потом они пытались поблагодарить других землян, но рыбаки поспешили по домам, а Ксения увела Удалова.

Остались на берегу только Алиса с Грубиным. Им пришлось в тот вечер потрудиться. Как ты накормишь, укроешь, устроишь шесть тысяч беженцев ростом с собаку каждый, при виде которых нормальные собаки сразу падают в обморок?!

К тому же пришельцы всё время жаловались Алисе, что уж очень земляне уродливые. Если их уменьшить в сто раз, получатся надоевшие всем на Инсектидине постельные паразиты лопки, которых приходится беспощадно травить.

В общем, когда на следующий день Алиса уходила из Великого Гусляра, его жители были заняты по горло заботой о беженцах.

Но всё же гуслярцы нашли время проводить Алису.

Они пожелали ей счастливого возвращения.

А Алиса спросила, почему нет Корнелия Ивановича.

Но он как раз прибежал, чтобы попрощаться. Он был расстроен и даже зол.

– Что случилось, Корнелий Иванович? – спросила Алиса.

– Озеро, – вздохнул Корнелий. – Озеро Копенгаген. Они его почти осушили! Высасывают из него воду, чтобы добыть из неё средство номер два.

– А потом что с этой водой делают? – спросила Алиса.

– Воду-то они обратно выливают, – признался Удалов. – Им вода не нужна.

– Так что ты расстраиваешься? – спросил Грубин.

– Так ведь теперь вода в озере будет обыкновенной. Обидно. Ещё вчера такой клёв был! Я сам пескаря притащил в метр ростом.

– И хорошо, что озеро будет обыкновенным, – сказала Ксения Удалова. – Хватит с нас вчерашнего случая.

А вчера Гаврилов-младший и его друг прибежали к озеру с тайной целью. Гаврилову не хватало тридцати сантиметров, чтобы стать великим баскетбольным центровым, а его другу хотелось прибавить двадцать сантиметров к своим ста пятидесяти, чтобы его девочки любили.

Несмотря на вывески и предупредительные знаки, молодые люди искупались в Копенгагене. В результате Гаврилов прибавил в росте три сантиметра, а друг его – два с половиной. Зато оба начали заикаться и до сих пор заикаются. Специалисты так и не знают, почему.

Когда Алиса прощалась с гуслярцами у края леса, она спросила Грубина:

– Простите, а почему вы знали с самого начала, как меня зовут?

За Грубина ответил Удалов, который тоже знал имя Алисы заранее.

Он вынул из кармана книжку «Приключения Алисы – девочки из будущего».

– Вот, – сказал он, – почитываем, перечитываем. Мы тоже здесь не лыком шиты. Вы о нас читаете, мы о вас читаем.

– Так что ждите, – сказала Ксения Удалова, – ждите в гости. Вот только беженцев отправим домой...

ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ВУНДЕРКИНДА

Я никогда не ставлю подзаголовка – «фантастический рассказ».

Дело читателя решать, фантастичен ли рассказ или только притворяется. Но сейчас я сделал бы это совершенно сознательно. Потому что в рассказе, в сущности, нет ничего фантастического, кроме поведения героев.

Не исключено, что изобретение, кажущееся маловероятным, на самом деле уже выпускается в серии фабрикой в Осаке или Тайбее. Не говоря уж о планете Марс.

Виновата была, как всегда, Ксения Удалова.

Ей хотелось, чтобы ее внук Максимка воспитывался как аристократ. Но так как денег послать его в Оксфорд у нее не было, она принялась осуществлять аристократизм в пределах Великого Гусляра.

Как-то у Удаловых ночевал один пришелец, которого Корнелий Иванович подобрал в лесу в прискорбном состоянии, почти без чувств от голода и страха перед дикими животными.

Особенно его испугал заяц, который прыгал.

Пришелец спрятался под большой подосиновик и там постепенно умирал.

К счастью, Корнелий пошел в то утро по грибы и срезал именно тот подосиновик.

Когда пришелец увидел, как в ничтожном расстоянии от его головы сверкнул громадный нож, он окончательно потерял сознание.

Удалов перевернул гриб и понял, что он уже червивый.

Он размахнулся, чтобы выбросить его, и тогда заметил, что рядом с пеньком грибной ноги лежит без чувств инопланетный пришелец ростом десять сантиметров, похожий на стройного очаровательного розовенького слоника с мохнатыми ушками и хвостиком таким закрученным, что любой поросенок умер бы от зависти.

– Этого еще не хватало, – вздохнул Удалов. – Теперь, считай, вернусь без грибов. Нельзя же оставлять в лесу брата по разуму, которого любой заяц обидеть может.

Удалов положил беспомощного пришельца в корзину, накрыл свежими листьями, чтобы не дуло, и, чертыхаясь, понес домой.

Дома Ксения тоже сначала поворчала немного – ну что за манеры! Ни дня без пришельца!

Но потом пригляделась к несчастному созданию и занялась его обустройством.

Когда дня через три пришелец пришел окончательно в себя и обжился в доме Удаловых, он признался, что прилетел на Землю по ошибке. Собрался на планету Симля в системе Большого Страуса, а компьютер, который работал в Справочной всего вторую неделю, загнал его на дикую Землю, где даже зайцы представляют опасность для материализатора второго класса.

Когда же подошел срок расставаться, гость спросил Ксению, которую почитал вождем стаи Удаловых, что бы ей подарить.

Ксения попросила сроку до завтрашнего дня.

Она страдала комплексом той самой старухи.

Если получала лужу, просила озеро, если давали озеро, требовала море, а вместе с морем требовала и золотую рыбку, чтобы ее поджарить на оливковом масле.

Это свойство характера часто заводило Ксению в дебри житейских неувязок. Зачастую приходилось выкручиваться с помощью соседа, профессора Минца.

Пока все в доме, включая пришельца, спали, Ксения сидела на кухне, хлестала кружками чай и думала, как бы не продешевить. Ведь

хотя пришельцев в Гусляре бывает немало, редко кто живет в доме и готов за это платить по межпланетному тарифу.

Притом Ксению нельзя назвать слепой эгоисткой. Она всегда о ком-то заботится.

Утром она спросила Тишу – так любовно звали в доме пришельца, настоящего имени которого Удаловым не удалось произнести:

– А ты только мелкие вещи можешь дарить, или размер не играет роли?

– Ах, милая Ксения, – сказал Тиша. – Разве размер играет роли для истинных чувств?

Он сидел на теплых мягких коленях Ксении, а она почесывала его под хоботком.

– Тогда сообрази мне инструмент, – попросила Ксения. – Для внучонка Максимки.

– Интересно, – ответил пришелец. – Инструмент для какая цель, не правда ли? Молоток?

– Не дури мне голову, – огрызнулась Ксения. – Я тебе сейчас покажу молоток!

Она шлепнула пришельца, тот свалился на пол, немного ушибся, но не обиделся, так как решил, что сам виноват.

– Ответь на некоторый вопрос, да? – произнес пришелец. – Для чего есть инструмент твой глупый ребенок-внук?

Я вам говорил, что Тиша – знаменитый у себя на родине филолог?

– Инструмент – это пианино или рояль, только небольшой, – объяснила Ксения. – Чтобы играть на нем. А то в мире продажности и коррупции в наше тяжелое время нам нечего показать товарищам по музыкальной школе, которые понавыписывали себе «Стейнвеев» с Тайваня.

Тиша отнесся к просьбе Ксении внимательно и серьезно. Они сходили с ним в универмаг, в отдел музыкальных инструментов, в библиотеку, где пролистали классический труд фон Браухица «История производства кабинетных роялей в герцогстве Саксен-Веймар в конце XVII века». Правда, труд этот был по-немецки и лишь случайно уцелел, когда крестьяне жгли библиотеку помещика Гулькина, англомана и тевтонофила. Прочесть его смог только слоник Тиша, но страницы за него переворачивала Ксения.

Когда на обратном пути они заглянули к Александру Грубину, недавно собравшему неплохой компьютер из обломков разбившегося в лесу беспилотного космического корабля со Свекарсы, тот позволил полюбившемуся ему Тише проглядеть всю информацию, касающуюся роялей и пианино.

Вечером слоник Тиша спросил Ксению:

– Какова есть цель вашего обучения внука Максимка-джуниор классической музыка, да?

– Ясное дело, люблю мою кровиночку, – призналась Ксения.

– Попрошу не лгать, женщина, – остановил ее пришелец, – говорить истину.

– Ой, Тиша, – вздохнула Ксения, – ну куда деваться ребенку, если вокруг каждый норовит своего сделать или олимпийским чемпионом, или скрипачом Коганом? Мы – общество неравных возможностей. Завтра сын Махмуда с нашего рынка будет с английской принцессой за ручку, а моему придется спину гнуть на макаронной фабрике. Разве такое можно вытерпеть?

– Есть способности у твой внук, да? – спросил прозорливый Тиша.

– Способности у него выдающиеся, – ответила Ксения. – Я по докторам водила, все признались. Но без инструмента разве потянешь? У всех инструменты, а у нас «Красный Октябрь» напрокат, понимаешь разницу?

– Я с тобой морально согласен нет, – сказал Тиша. – Но моя обязательства благодарность заставляют молчать. Твой инструмент должен дать преимущества гениальный заткнутый в угол ребенок.

– Ты совершенно прав, Тиша.

– Инструмент должен быть лучше всех в городе.

– Конечно! Ты только представь, Кругозоровы выписали фортепьяно с Канарских островов. Знаешь почему? Потому что на нем играл писатель Хемингуэй. Ты такого знаешь?

– К сожалению, я не имею счастье.

– Мне тоже не повезло, – сказала Ксения.

– Я пошел, – сказал слоник.

– Куда ты на ночь глядя?

– Буду производить использование возможностей твоего соседа Александр Грубин для материализации.

– Так достанешь инструмент?

– Посмотрим, – сказал пришелец.

Через час посреди гостиной, то есть большой комнаты в квартире Удаловых, стоял скромного вида кабинетный рояль с надписью «Стейнвей» над клавиатурой.

Рояль был таким совершенным в линиях, таким благородно сверкающим, что ясно было – перед внуком Ксении открывается дорога.

– Вот такой муж, как ты, мне и нужен, – сказала в шутку Ксения пришельцу. – Не возьмешь меня?

Слоник сидел на коленях Ксении, прижавшись хвостиком к ее животу. Он не понимал шуток.

– Ты меня сексуально озадачиваешь, – сказал он низким голосом. – Но есть возможность. Подумай! На одной планете, место не называю, есть нелегальная преступная практика, там превращают людей из рас в расу. Можно сделать из тебя мне пару.

– Из меня? – обиделась Ксения. – Такую, как ты, микроуродину? Да ты озверел, Тиша!

– Не я предлагал, мне есть предлагал женщина себя.

– Помолчи, – остановила его Ксения. – Не забывай, что я замужем, и по нашим земным законам мой муж Корнелий имеет право меня задушить, если найдет у меня не тот платочек.

– Задушить! Оу!

Ксения сказала и испугалась. В жизни Удалов на нее палец не поднял, да и попробовал бы только поднять! Мы бы посмотрели, что от него осталось. Но ведь бывают с людьми мистические перемены.

Она погладила блестящий бок рояля. Он был теплым. Теплее, чем обычно бывают рояли.

Потом Тиша протянул Ксении пачку долларов. Небольшую, конечно, но для пришельца тяжелую. Он сгибался под ее тяжестью, словно держал матрас.

– Это еще что? – возмутилась неподкупная Ксения. – Я же в прошлом советский человек! Меня не купишь. А сколько здесь?

– Триста сорок, – ответил Тиша. – Во столько независимая оценочная комиссия оценила ваш старый инструмент, который мне пришлось дематериализовать. Чтобы этот материализовать. Надеюсь, вы окажете мне честь и примете от меня эта сумма, да!

– Поняла, – быстро ответила Ксения и вырвала зеленый матрас у жильца, пока тот не передумал.

Но, спрятав деньги, расстроилась.

– Неужели «Красный Октябрь» со знаком качества так дешево идет?

– Где как, – терпеливо ответил пришелец. – Говорят, на Новой Гвинее на них еще есть спрос.

– Так чего ж ты его дематериализовал? Лучше бы туда перегнал.

– А новый инструмент вам обойдется... – начал пришелец, но Ксения его не стала слушать.

– Дай-ка я попробую. Мало ли что мне подсунули. – Она села за рояль, приоткрыла крышку, провела по клавишам толстыми пальцами. Получилось громко. – Уж больно здоровый, – сказала она, – мальчонке не дотянуться.

– Он немного понимает, – сказал пришелец. – Он будет идет навстречу пожеланиям молодежи.

– Это в каком смысле?

Рояль вздохнул, и звук этот донесся до слуха Ксении.

– Вы его не обижайте, – сказал пришелец. – Он есть биологический инструмент.

– Послушай, – сказала Ксения, – если он живой или что-то такое в этом роде – то лучше возьми его обратно. А то он в один прекрасный день Максимку задушит.

Рояль вздрогнул. Внутри загудело.

– Даже вещь бывает возмущена, – ответил Тиша. – Даже вещь, да!

И он объяснил Ксении, что живых роялей не бывает, так как это противоречит природе. Но некоторую долю сознательности можно придать любой вещи, выходящей на контакт с человеком, потому что все в природе является сложным единством противоположностей и вещь, как дрессированное животное, может вставать фигурально на задние лапы, только не надо понимать этого буквально.

Ксения не поняла этого буквально, потому что совсем не поняла.

Вместо того чтобы понимать, она гладила рояль и ждала, когда этот пришелец уберется восвояси и отстанет со своими разговорами.

Тут пришел Удалов, он собрался в лес, проводить пришельца до спасательного корабля, увидел рояль и удивился.

– Ничего особенного, – сказал пришелец, – есть некоторый сувенир для вашего маленького гений.

– Пора ребенку настоящий инструмент, – сказала Ксения.

Удалов дома не спорил, знал о бесполезности этого занятия. Взял пришельца за пазуху, и они пошли в лес, разговаривая о пустяках, как добрые знакомые. Пришелец не звал Удалова в гости, потому что Удалову на его планете все будет мало, включая туалет.

А тем временем Ксения привела из школы мальчика. Максимке восемь лет, самое время тренироваться на пианиста.

Мальчик при виде рояля оробел, такого он не ожидал. Пианино «Красный Октябрь» было пределом мечтаний. «Стейнвей» стоял только у Махмудовых, Сеньненко и Кругозадовых. Но ведь их детей в музыкальную школу перевозили из теннисного клуба прямо в мерседесах.

– Садись и играй, – сказала Ксения.

Мальчик внешне покорно, но на самом деле внутренне сопротивляясь, как бычок, которого манят на бойню, подошел к инструменту и сел.

– Нравится? – спросила бабушка.

– Чего? – спросил внучек, который думал о том, что Степка Рыжий недостоин того, чтобы быть капитаном футбольной команды, потому что откусил половину мороженого у Верки, все видели.

– Ты не видишь, за кем сидишь? – строго спросила баба Ксения.

Внуку ничего не оставалось, как увидеть и признаться.

– Ты счастлив? – спросила бабушка.

Максимка промолчал, потому что не знал, что выгоднее. Признаешься, что счастлив, заставят играть с утра до вечера, чтобы потом на концерте выступать. Так уже было, только не с Максимкой, а с Гошей Лупманом, его выставили на концерт, он простудился и умер.

Эту легенду рассказывали друг другу первоклассники в музыкальной школе, пугали друг друга, чтобы не учиться изо всех сил.

С другой стороны, скажешь, что несчастлив, накажут за нечуткость.

Максимка развернул ноты надоевшего и непонятного этюда Гедике и принялся тыкать пальцами в клавиши.

Клавиши отзывались нежно и трепетно.

Ксения с любовью смотрела на эти пальчики, не отмытые от варенья, потому что Максимка недавно лазил без ложки в банку, темные от грязи, которую он кидал в проходящую вредную бабку, исцарапанные в драке с Нюркой из соседнего двора, которая слишком много о себе воображает, эти пальчики летали над клавиатурой, как ласточки,

отчего этюд становился изящным, как ноктюрн Шопена, о котором Ксения и представления не имела, хотя любила прекрасное.

– Максим, ты с ума посходил! – закричала с порога его мать. – Отойди от пианины, сломаешь к чёртовой матери!

Она сразу посмотрела в корень и поняла, что ребенок калечит случайно попавший в дом чужой и ценный инструмент.

Ксения сначала захохотала, а потом волчицей бросилась на защиту внука, благо уже была уверена, что купила рояль на свои, кровные, пенсионные деньги. И разубедить ее было некому.

Мальчик тем временем потихоньку слез со стула и убежал во двор играть в футбол. Несмотря на удивительные условия, созданные ему инопланетянином, играть ему не хотелось. Физические упражнения тянули его к себе куда сильнее.

Но его страдания не закончились.

Когда все в доме поняли, что их рояль обошел по классу все рояли состоятельных гуслярских семейств, оказалось, что мальчика надо демонстрировать как чудо.

Ведь не будешь демонстрировать рояль.

В городе говорили так:

– Удаловы-то на все идут. Еще бы, у них Максимка в консерваторию поступает. Прямо из первого класса. Берут. Несмотря на конкурс. Говорят, будет новым Ростроповичем.

– Не дай бог! – отвечали другие. – У него жена такая энергичная!

– Рано, – отвечали первые, – рано ихнему Максимке жениться. Сначала надо образование получить. В армии отслужить, а потом уж на этой женщине жениться.

Такие философские споры никогда не кончаются добром. Гуслярцы лезли драться, но это не решало проблем.

Заглядывали некоторые люди, из богатых. Смотрели на рояль, удивлялись и даже предлагали деньги. Максимкины родители продали бы инструмент, но не могли – Ксения не велела.

А потом случилось такое, что и они расхотели с инструментом расставаться.

В школе были экзамены, а у Максимки – свинка.

Болезнь для детей безопасная, но в школу ходить нельзя. И экзамен перенести нельзя.

Когда все в доме поняли, что их рояль обошел по классу все рояли состоятельных гуслярских семейств, оказалось, что мальчика надо демонстрировать как чудо.

И тогда было принято решение: ввиду того что школа имеет дело с редким дарованием, провести экзамен дома.

В музыкальную школу Максимка ходить перестал. Мотивировал это слабым здоровьем. Бабушка, души в сорванце не чаявшая, конечно же поддержала внука. Родители Максимки в музыке не разбирались, но с нетерпением ждали момента, когда Максимку позовут к себе американцы и они купят себе дом в Калифорнии.

Однажды Удалов решил понаблюдать за внуком – как он готовит себя к великой участи.

Сел за его спиной незамеченный.

Оказалось, что ребенок не всегда успевает за музыкой. А бывает, вместо аккорда ткнет по клавише, а рояль издает пышный благородный аккордный звук. А если Максим промахивается по клавише, она сама ужимается и звенит, старается.

Так что играет не внучек, а играет за него сам рояль. А это неправильно. Так великим Шопеном не станешь.

А затем, когда по незнанию бабушка поставила ребенку на пюпитр ноты немецкого композитора Шуберта, к которому первоклассников и не подпускают, чтобы не отбить навсегда стремление к музыке, он так их выбарабанил, что снизу пришел сосед профессор Минц и спросил, что за пластинку Удаловы поставили. Что играют – он понял, а какой из выдающихся пианистов – не догадался.

После этого мальчонка возгордился, а Удалов встревожился.

Ему не стоило труда сообразить, что успехи Максимки связаны с подарком пришельца. Ведь пришельцы устроены иначе, чем люди. Они и о педагогике думают не по-нашему. Что-то в этом рояле было такое, что помогало Максимке достигать вершин.

А ему что? Он как услышал всякие хвалебные слова, то стал считать себя пианистом, даже в футбол играть прекратил, чтобы почаще стоять рядом с роялем.

Рояль тоже привязался к мальчику. При виде его вздрагивал, сдержанно и гулко гудел всеми струнами и даже немного переступал толстыми деревянными ногами, как трехногий конь в ожидании рыцаря.

Как-то Удалов снова увидал, что Максимка не всегда поспевает за музыкой. А когда ему трудно растягивать пальчики, чтобы изобразить аккорд, он просто тыкает одним пальцем в клавишу, а рояль издает аккордный звук. Удалов сказал мальчику:

– Нехорошо, Максим, старших обманывать.

– Никого я не обманываю! – возразил Максимка лживым голосом.

– Не умеешь ты играть своего Шуберта-Шостаковича.

– Умею.

– Проверим?

Максимка уверенно уселся за инструмент и велел деду открыть ноты. В нотах он немного разбирался, поэтому для начала раза два ударил правильно. А потом – пошла писать губерния! – Максимка барабанил по клавишам как желал, а рояль послушно изображал то, что было написано в нотах, словно у него были дополнительные глаза.

– Ну как, я убедил тебя, дед? – спросил мальчик.

– У меня встречный вопрос: ты намерен всю жизнь со своим роялем выступать?

Мальчик задумался и думал целую минуту. Вы должны простить его, ведь он только начинал творческий путь.

– Пожалуй, я буду выступать со своим роялем, – сказал он. – Я люблю эту машину, и она ко мне тоже неплохо относится.

Рояль покачнулся и притопнул ногой.

– Ох уж эти дары пришельцев! – вздохнул Удалов. – Хочешь, в универмаг сходим?

– А зачем? – спросил мальчик.

– Слышал я, что туда новые автомобильчики из Германии привезли.

Максимка любил автомобильчики куда больше рояля. И конечно же заспешил в магазин вместе с дедом.

Но деду плевать было на автомобильчики. Он провел мальчика через закуток, где стояли музыкальные инструменты.

– Кстати, – сказал Удалов, – хочешь со мной поспорить на пять автомобильчиков, что на этом вот пианино ты не сыграешь?

– Почему? – Мальчик возгордился, а возгордившийся человек склонен переоценивать свои возможности.

– Потому что за тебя рояль играет, детка, – сказал Удалов. – Я видел, как он это делает.

– Дед, ты жалкий завистник, – сказал мальчик. – Семь автомобильчиков!

– Шесть.

На этом порешили.

Удалов пошел к продавщице, что томилась в углу над романом Сидни Шелдона о красивой жизни на Багамах, и она сказала:

– Пробуйте, только чего не отломайте.

Максимка мельком взглянул на ноты и начал бить по клавишам.

Он бил, а они издавали противные звуки. Он бил сильнее, и клавиши вопили все противнее. Даже продавщица отложила роман на самом трагическом месте и сказала:

– А ну, граждане, хватит издеваться над ценным товаром.

Обратно они шли медленно. Максимка крутил в руках автомобильчик и совсем не переживал.

– Не быть тебе Рихтером, – сказал Удалов ребенку.

– Ну и слава богу, – ответил мальчик. – Меня куда больше волнует карьера Ринальдо или, по крайней мере, Пеле. Честное слово.

– А как же консерватория?

– Конечно, хорошо, когда тебе хлопают в ладоши тридцать человек, – разумно ответил Максимка. – Но когда сто тысяч кричат: «Максим чемпион!» – это звучит!

– Надо будет от рояля отделаться, – сказал Удалов, – иначе это кончится позором. Давай его в музыкальную школу пожертвуем.

– Дед, ты обалдел, – возразил мальчик. – Они же там такую липу начнут качать, что школа на первое место по России по гениям выйдет. А потом все пойдут по этапу.

– Разумно, – согласился Удалов. Он порой удивлялся здравому смыслу малыша.

– Надо олуха найти, – сказал мальчик.

И тут олух к ним подошел сам.

– Какой хороший мальчик, – сказал олух.

Был он хорошо одет, причесан-напудрен, а мерседес с голливудскими номерами, которые вводили в восторг местную милицию, ехал в десяти шагах сзади.

Порой Удалову казалось странным, как в Великий Гусляр попадали такие ответственные люди и что они там делали. Никаких минеральных богатств гуслярские окрестности не имели, баобабами похвастаться не могли, крокодилы там уже вывелись... Значит, к чему-то они готовились. То и дело по не ахти каким улицам Гусляра проносились кавалькады или отдельные джипы. Некоторые даже оседали здесь.

Профессор Минц высказал соображение, что эти люди, стараясь расширить сферу применения своих капиталов, ищут контакты с инопланетянами, которые посещают Гусляр. Но доказательств этому не было, а владельцы джипов ни в чем не сознавались.

– Мальчик играет на фортепьяно? – спросил олух.

На вид ему было от двадцати до пятидесяти лет – кожа гладкая, натянутая на лицо, ни морщинки, ни сомнения.

Не дождавшись ответа, пришелец продолжал без обиды:

– У меня тоже мальчик талантливый. Ни дня без Баха, сечешь?

Удалов молчал. Максимка тоже молчал. Оба думали.

– Но с инструментом туго. Говорят, у вас настоящий «Стейнвей», так сказать? А у нас пока дождешься, что из Австралии привезут, мальчик вырастет, в футбол играть начнет. Послушай, Удалов, продай мне рояль. Я тебе хорошие деньги дам и «Красный Октябрь» в придачу.

– Сколько? – спросил Удалов.

– Вот это мужской разговор. Получишь «Красный Октябрь» и пятнадцать долларов в придачу.

Олух сделал паузу, а его охранники захихикали из восхищения перед умом работодателя.

Другой бы на месте Удалова возмутился или даже стал бы хохотать в лицо наглому олигарху, но Удалов прожил долгую советскую жизнь, и его так просто не запугаешь.

– Значит, так, – сказал он, садясь на лавочку, мимо которой они проходили. – Три тысячи «зеленых» на бочку, и учтите – наш рояль заколдованный. Он играет не по способностям, а как положено.

– Именно это мне и нужно, – сказал олух. Ему пришлось остановиться и разговаривать с Удаловым стоя, словно перед учителем. Это ему не нравилось, но пришлось терпеть. – Тридцать долларов и «Красный Октябрь».

– Три тысячи долларов и оставь себе «Красный Октябрь».

– Вместо «Октября» импортные ролики моего размера, – добавил Максимка.

Олух смотрел на обывателей сверху и желал им смерти. Но был бессилен.

– Сорок долларов, – сказал он.

– Три тысячи.

Удалов получал удовольствие. Он торговал инопланетной штучкой и притом спасал внука от музыкального образования и наказывал Ксению, которая могла бы попросить у пришельца что-нибудь более полезное в хозяйстве, например путевку на Канарские острова.

– Сорок два.

Удалов подумал: вот мы придумываем анекдоты про «новых русских», и они в этих анекдотах выступают такими наивными и широкими душой. А на самом деле «новый русский» за десять копеек продаст родную маму. Когда-нибудь вы слышали, чтобы за «Стейнвей» в рабочем состоянии предлагали сорок долларов?

– Пошли, внучек, – сказал он, – мороженого покушаем.

Но с места не сдвинулся. Это была психическая атака.

И олух конечно же не устоял.

– Выпиши ему бабки, – приказал он секретарю в бронежилете, который сидел в мерседесе с ноутбуком на коленях.

Поговорили о деталях.

Рояль решили брать, когда Ксения отлучится на курсы аэробики. Ей хотелось в последнее время выглядеть помоложе, чтобы показать воображаемым молодым любовницам Корнелия Ивановича, насколько они уступают старой гвардии.

Подогнали кран.

В присутствии профессора Минца и Грубина Удалов пересчитал деньги – до конца стороны друг дружке не доверяли.

Мальчик Ваня, сынок олуха, уже подъехал на золотом самокате, сделанном по спецзаказу на заводе «Роллс-ройс».

Он смотрел на Максимку с презрением.

Максимка вообще на него не смотрел. Он думал о роликах.

Родители Максимки были на работе, и хорошо, потому что еще неизвестно, как бы они отнеслись к отказу от музыкальной карьеры единственного сына.

Рояль уехал в зеленом трейлере.

Удалов с мальчиком собрались снова в универмаг, чтобы не откладывать на потом покупку роликов. Деньги могли исчезнуть. Придут остальные члены семейства и всё конфискуют. Бывало. А ведь нужны не только ролики, но и новый спиннинг для дедушки.

Удалов с Максимкой, усталые, но довольные, вышли из дома и отправились через двор к улице.

И тут с неба опустилась небольшая летающая тарелочка с двумя дезинтеграторами в носовой части.

Удалов посмотрел, как из корабля выходят пришельцы, и подумал, как хорошо, что он успел доллары припрятать.

– Подарки получили? – спросил первый и самый главный пришелец с двумя хоботками, наверное генерал.

– Вы имеете в виду рояль? – наивно спросил Удалов.

– Не имеем знать название, – сказал генерал.

– Так если вы имеете в виду рояль, то мы поменялись, – сказал Удалов, – потому что у нас был вполне достойный инструмент «Красный Октябрь». Как бы пошли на улучшение.

– Это нельзя, – строго сказал генерал. – Мировой закон нераспространения передовых технологий на отсталые планеты. Могут быть использованы в дурных целях наверняка. Способность инструмента уже отменена.

– Я с вами согласен, – сказал Удалов.

– Тогда дайте адрес для конфискации.

– Не знаем мы адреса.

Разговор зашел в тупик. Летающая тарелочка реяла перед лицом Удалова и не улетала, потому что генерал с той планеты не выполнил задания своего правительства. Но что делать дальше – никто не знал, не идти же подряд по трехэтажным краснокирпичным коттеджам, что выросли по окраинам Гусляра?

Но невдомек было Удалову и пришельцам, что именно в это время неподалеку от них в одном из коттеджей разворачивались драматические события.

Все олигархи и предприниматели Гусляра, включая руководство местной мафии, и отцы города собрались в скромно обставленной саксонским фарфором гостиной.

Посреди гостиной стоял рояль.

За роялем сидел отпрыск олуха Ванечка.

Его отец, собственно олух, в белом костюме с золотой цепью вышел перед аудиторией и сказал, волнуясь:

– Мы давно, понимаешь, готовились. Даже инструмент купили. За бешеные бабки, блин.

Олух перевел дух.

Нанятый специально для этого случая профессор Вологодской консерватории (до 1990 года – музыкального училища имени Гризодубовой) открыл крышку рояля. Поставил ноты.

– Играй, – велел олух сыну.

Все заранее разразились аплодисментами, потому что олух был среди них самым богатым олигархом и контролировал общественные туалеты.

Отпрыск провел пальцами по клавишам.

Он был уже обучен нотам и потому ударял куда нужно.

Но Шопена из него не получалось. И сколько бы ни старался мальчик, рояль смог выдавить из себя лишь популярную некогда песню «Чижик-пыжик, где ты, блин, был?».

В аудитории начали шептаться, а папа рассердился и немного ругался. Женщины на всякий случай ушли из гостиной. Некоторые вазы саксонского фарфора, что понежнее, падали на пол и разбивались.

«Чижик-пыжик» грозной симфонией гремел по всему дому.

И тогда олух приказал:

– Иван, долой от машины! Профессор, иди проверь, всё ли там в порядке.

Олигархи и мафиози, которые на дух не выносили хозяина дома, стали посмеиваться и хихикать в кулаки.

Профессор сел за инструмент и принялся играть, что еще утром опробовал. Тогда получалось.

А сейчас не получилось.

Получился только «чижик-пыжик».

Тогда олух ударил профессора по голове кулаком, дал пинка под зад Ванечке и приказал охране:

– Топор!

Топор принесли в мгновение ока. Гости не расходились в ожидании редкого зрелища. Олух принялся рубить рояль «Стейнвей», гости потихоньку хлопали в ладоши. Профессор плакал. Олух рубил и сквернословил. И говорил, сквернословя, такую речь:

– Я до этого Удалова доберусь! Я из него, блин, котлеты сделаю! Он у меня пыль будет вылизывать в принадлежащих мне общественных сортирах.

Рояль взвизгивал, стонал и отчаянно сопротивлялся, даже пытался отбежать в угол.

Когда рояль уже был основательно покалечен и понял, что смерть его близка, он кинулся прочь из коттеджа и побежал вниз по улице, надеясь получить убежище у Удалова – больше он никого в том городе не знал.

И вы можете себе представить сцену во дворе дома № 16 по Пушкинской улице!

Посреди двора стоят Удаловы.

Перед носом у Корнелия Ивановича медленно летает туда и сюда тарелочка с неведомой планеты, из окон которой выглядывают милые военные слоники. Тут во двор вбегает нога рояля, за ней ползет часть клавиатуры, за которой множеством хвостов тянутся оборванные струны.

За этими жалкими остатками рояля во двор врывается известный нам олух с топором и пытается добить рояль, который прячется за Удаловым.

– Ах вот ты где мне попался! – закричал олух дурным голосом. – Ты мне что, блин, подсунул?

И в этот момент летающая тарелочка влетела в промежуток между лицом перепуганного Удалова и взъяренной рожей олуха.

И голос генерала с двумя хоботами раздался громко и сурово:

– А ну, остановитесь немедленно, неразумный дикарь!

Неразумный дикарь опешил при виде маленького слоника с двумя хоботами, а зрители – то есть гости олуха, которые его догнали, – захохотали, столпившись в воротах.

Но, опомнившись, олух обратил топор против инопланетян, представителей гуманной и развитой цивилизации.

Как обратил, так и окаменел.

И гости его потеряли дар речи на три дня.

– Мне понятно, – сказал двухxоботный генерал, – что жадность доводит местных дикарей до страшных пределов. Поэтому мне придется вынести вердикт, который вы можете опротестовать в высшем апелляционном суде Галактического Центра. Отныне вы никогда не сможете произнести ни одного дурного слова и будете с окружающими предельно вежливы. Понятно?

– Так кто меня уважать будет? – заплакал олух.

– Уважение достигается добрыми делами. Отныне вы будете стремиться совершать добрые бескорыстные поступки.

– Только не это! – зарыдал олух.

– За то, что вы пугали нашего друга Удалова и его внучонка, вы оставите ему свой топор.

– Ой! – завопил олух.

– И с этого момента чувство мести вас покинет и никогда к вам не вернется.

– Конечно, – согласился олух. – Извините.

Он протянул Удалову злополучный топор, а сам вежливо поклонился Корнелию и его внуку, а потом увел замолчавших гостей со двора.

Говорят, что недавно он, продав свой коттедж и оставив семью, уехал в индийский штат Керала, где обитает в ашраме, питается только рисом и кипяченой водой и славит Кришну.

Генерал и его спутники с тарелочки растворили в воздухе остатки рояля, попрощались с Удаловым и улетели.

Удалов поднялся к себе и хотел отнести топор в кладовку.

– Погоди, дедуля, – сказал мальчонка. – Где-то мне по телевизору сказку показывали про золотой топор.

– Нет, – сказал Удалов. – Он же белого металла, в крайнем случае серебряный.

– Надкуси, – сказал мальчик.

Удалов надкусил. И подумал: а в самом деле, ему еще не приходилось в руках держать такого тяжелого топора.

Тут к ним поднялся профессор Минц, которому хотелось узнать про историю с роялем.

– Погоди, сосед, – попросил Удалов. – Что за топор?

Минц взвесил его на ладонях и сказал:

– Скорее всего, платина.

Так Удаловы разбогатели. Оказывается, олух хранил все свои неправедно награбленные капиталы в платиновом топоре.

Летом всей семьей Удаловы поехали отдыхать в Анталью.

Там их на второй день обокрали.

Но это уже другая история.

ГОРИЛЛА В БРОНЕЖИЛЕТЕ

Глава первая

Лет двадцать назад профессора Минца упекли бы далеко и надолго, если бы он сделал то, что сделал сегодня.

Как-то он прочел в газете «Гуслярское знамя» о печальной судьбе суматранских носорогов. По сообщению агентства Рейтер, их сохранилось не более дюжины, и они не могут размножаться по очень простой причине: самцу никогда не отыскать самку в джунглях острова Суматра, и значит, им никогда не создать семьи. Вот и бродят по горам и долинам полдюжины девиц и столько же молодых носорогов, а построить семью не могут – между ними сотни миль пересеченной местности.

Эта новость потрясла профессора Минца, но тут же она дополнилась еще одним известием: на прошлой неделе в овраге у селения Мачех найдены две гниющие туши молодых носорогов, которые все же перед смертью нашли друг друга. У трупов спилены рога.

Каждому было понятно, что это дело рук браконьеров, которые продают носорожьи рога в богатые дома Гонконга и Сингапура, потому что порошок из рога носорога обладает особым действием и поднимает мужскую потенцию. По крайней мере, последние две тысячи лет китайцы в это верят.

После обеда, когда удрученный Лев Христофорович Минц, надежда российской науки, временно проживающий в Великом Гусляре, глядел в окно на струи скучного октябрьского дождика, к нему вошел сосед Корнелий Удалов и спросил:

– Ты сегодня в «Аргументах и фактах» читал?

– Что я читал?

– Как на Шереметьевской таможне тюк распаковали, а в нем двести сорок редких бразильских попугаев – все сдохли! И виноватых, как всегда, не нашли.

– Этого я ожидал, – сказал Минц так убежденно, что Корнелий оторопел. И понятно: идешь к человеку с сенсацией на языке, а он, оказывается, уже все знает.

Когда-то в детстве Удалов проходил в школе балладу поэта Николая Тихонова о синем пакете. В ней человек несется через опасности в Кремль, чтобы донести до столицы важное сообщение. Еле живой

он добирается до Кремля, там свет горит, потому что «люди в Кремле никогда не спят». Его проводят в кабинет к главному человеку. А тот вскрыл конверт...

Прочел – о френч руки обтер,
Скомкал и бросил за ковер:
«Оно опоздало на полчаса,
Не нужно – я все уже знаю сам!»

Эта сцена отложилась в памяти Удалова. И сейчас он почувствовал себя точно как тот гонец.

Поэтому стоял в дверях и ждал продолжения беседы.

– Скоро, – произнес наконец Минц, – на Земле совсем не останется диких животных, кроме ворон, крыс и воробьев.

– Вот именно! – согласился Удалов. – И людей.

Минц резко обернулся к другу и соседу.

– С этим пора кончать! – заявил он. – А то некому будет кончить.

– А что конкретно? – спросил Корнелий.

– Конкретно – поднимай народ, – сказал Минц.

– Кого?

– Кого? – Минц задумался. – Сашу Грубина поднимай, старика Ложкина, если он ко мне пойдет.

– Может и не пойти, он подозревает, что ты демократ, – сказал Удалов.

– Знаю. Кого еще? Савича попробуй позвать. Стендалю позвони на мобильник. А я буду срочно думать. Я уже начал думать.

Удалов по-военному повернулся на сто восемьдесят градусов и отправился выполнять приказание.

Не то чтобы Удалов подчинялся Льву Христофоровичу, но он ценил его ум, талант и бескорыстие, что теперь среди академиков встречается редко.

Через час в кабинете Минца собрались:

пенсионер Корнелий Иванович Удалов, бывший начальник стройконторы и знаменитый человек в масштабах нашей Галактики;

заслуженный пенсионер Ложкин Николай, склочник, профессиональный правдолюб;

провизор Никита Савич;

Александр Грубин, сосед снизу, человек сложной судьбы;

Миша Стендаль, до седин молодой корреспондент газеты «Гуслярское знамя».

Минц уже соорудил чайник и поставил на стол крекеры и македонское печенье. Из-за этого пришлось потеснить на столе научную литературу, сбросить на пол принтер и часть журналов.

Все расселись, разлили по чашкам чай, и тогда Минц произнес речь:

– Я созвал вас, господа, по делу, не терпящему отлагательств.

– Вот именно! – воскликнул Ложкин. – В наше тяжелое время, когда экономика страны лежит в разрухе, а держава в руинах, пора сказать свое решительное «нет» так называемым демократам, без исключения агентам ЦРУ!

– Если кто-то пришел сюда, чтобы меня перебивать, – заметил Лев Христофорович, – он может покинуть наш зал заседаний. Не держим.

При этом Минц посмотрел на Ложкина, а Ложкин смотрел в угол. Ему хотелось участвовать, но быть в оппозиции.

– Я тут собрал в Интернете и по прессе сумму сведений, – сказал Минц, – и пришел к выводу: если мы немедленно не остановим истребление живого мира, то есть фауны на Земле, мы останемся вообще без диких животных.

– Может, и к лучшему, – заметил Ложкин. – А то вот-вот всех перекусают, ротвейлеры вонючие!

– Не о них речь, – сказал Савич, владелец афганской борзой.

– Я не раз поднимал свой голос против истребления флоры и фауны на Земле, – продолжал Минц. – Ведь это ведет к гибели всего живого, в первую очередь человека. Но мой голос вопиющего в пустыне не был услышан. Вас это удивляет?

– Нет, – вразнобой ответили единомышленники.

– Надо защищать, понимаешь, – сказал старик Ложкин. – Детям в школах преподавать. Пускай растут с понятием.

– Когда вырастут, – сказал Грубин, запуская пятерню в поседевшую шевелюру, – нечего будет защищать.

– Средств у нас нет, – сказал Удалов. – Пока бьемся, бьемся, какой-нибудь капиталист сунет на лапу в горсовете – и нет заповедной рощи!

Это было горькое воспоминание. Городскую заповедную рощу вырубили в том месяце. Чтобы освободить площадку под казино. А то

везде есть казино – и в Вологде, и в Котласе, и в Тотьме, а в Гусляре нет казина!

Вырубили, а чины из гордома объявили, что сделано это не за взятку, а для профилактики, чтобы шелкопряд не заводился.

Ни больше ни меньше.

Тут все и заткнулись. Разве против шелкопряда попрешь?

– Займемся фауной, – сказал Минц. – У меня в этом направлении есть глобальная идея.

– Говори, друг, – сказал Удалов.

– Колитесь, Лев Христофорович, – поддержал его Стендаль.

– Подумайте, – сказал Минц, – из-за чего гибнут в первую очередь животные? Да потому, что людям что-то от них понадобилось. Жил соболь, да шкурку красивую заимел, топал себе носорог, да какому-то похотливому китайскому старцу вздумалось понежиться в постельке с любовницей. Бегал себе страус, летала райская птица – видите ли, их оперение полюбилось дамам света и полусвета. И так далее. Я прав?

– Прав, прав! – прокатилось по комнате.

– Что надо сделать, чтобы спасти животных? Усилить охрану? Да сами охранники их в первую очередь пришлепнут, потому что охотники с ними готовы поделиться, а у работников заповедников никогда не бывает достойной зарплаты.

– Утяжелить, – вмешался Ложкин.

– Что утяжелить?

– Наказание, ясное дело, – уточнил Ложкин. – Как увидел, что шкуру снимает с барана, с самого шкуру снять. Рога срезал, свои отдай!

– А если нет у меня рогов? – спросил Грубин.

– У каждого мужика есть рога, только не у всех видны.

Спорить с Ложкиным не стали. По большому счету, он был прав.

Но к делу это не относилось.

– Ассигнования нужны, – сказал Стендаль. – Об этом многие пишут. Заповедники расширять, машины им давать, компьютеры...

– Разворуют, – не согласился с ним Ложкин.

– Ну ладно, хватит споров, а то мы превратимся в Организацию Объединенных Наций. Ни шагу вперед... – сказал Минц. – Я нашел более простой и эффективный путь.

– Так говори же, друг, говори! – взмолился Удалов.

– Надо отнять у животных то, ради чего их убивают! – воскликнул Лев Христофорович, и никто его не понял.

– Как отнять? – был общий крик.

– Я попрошу конкретнее, – сказал Стендаль. – Мне же отчет в прессе надо выдавать.

– А вот в этом я не уверен, – сказал профессор. – Чёрт его знает, стоит ли начинать нашу деятельность с пропаганды и рекламы.

– А как же? – удивился Стендаль. – Кто же нас тогда финансировать будет? Откуда потечет спонсорский капитал?

– Спонсорский капитал, – сурово произнес Минц, – потечет из наших пенсий и добровольных взносов.

– Так не пойдет, – сказал Ложкин. – У меня пенсия персональная. А у вас простые.

– Многого я не попрошу, – сказал Минц. – Есть одна идея...

Ложкин с шумом отодвинул стул и тяжело пошел к выходу.

– Я думаю, что мы обойдемся малой кровью, – сказал Минц. – А Ложкина мне хотелось испытать. Испытания он не выдержал.

– А ты думал, выдержит? – спросил Удалов, и все засмеялись.

– Позвольте, тогда я изложу вам свою общую идею. Конкретизировать ее мы будем в ходе эксперимента.

Глава вторая

Странные, загадочные и зловещие события привлекли к себе внимание Интерпола и национальных служб на разных континентах.

Сегодня уже трудно определить их последовательность, но независимо от этого они сначала казались не связанными между собой, а потом некоторые связи все же обнаружились.

Пожалуй, первым по времени из событий можно считать последствия смелого замысла Федора Ассобакина, который сказал своему другу Прохору:

– Есть идея.

– Клади на стол.

– В Ханты-Мансийске газовики живут, им бабки некуда девать.

– Возьмем, – обрадовался Прохор.

– А они не отдадут.

Прохор растерялся. Не привык, чтобы ему противоречили.

– А чего? – спросил он.

– А того, – ответил Ассобакин.

И друзья отправились за Полярный круг, где вошли в преступный сговор с вертолетчиками и полетели на заповедные гнездовья диких гусей. С помощью пулеметов они отстреляли значительную часть популяции этих редеющих птиц, загрузили ими машину и вернулись к газовикам, которым и сбыли товар.

В тот же вечер весь Ханты-Мансийск употреблял гусей под водку.

Мясо оказалось странным на вкус, но это не важно, потому что в качестве закуски и невкусное мясо проходит.

Однако, помимо сомнительного вкуса, это мясо обладало странным свойством, которое проявилось только ночью, ибо от пожравших гусятины пошел такой запах гнилой рыбы, что находиться с человеком в одном помещении было невозможно.

На глазах распались семьи, даже такие, что создавались десятилетиями, возлюбленные бросали друг друга и удалялись в тайгу, погибали под укусами мошки, но не возвращались. Когда утром остатки трудового населения столицы газового края отправились на службу, то до службы никто не добрался. Вонь, вошедшая вместе с ними в автобусы, заставила водителей покинуть рабочие места.

Говорят, что один из крупных деятелей мансийского бизнеса застрелил свою секретаршу, которая принесла ему чай. Или она, или чай пахли не тем.

К девяти утра у всех, кто питался гусями, начали расти перья из ушей.

Месть газовиков и буровиков настигла Ассобакина и его друга Прохора на краю летного поля, где они делили с вертолетчиком прибыль. Мстители, задыхаясь от рвотных приступов, неправедными купюрами заткнули рты авантюристов.

С тех пор в Ханты-Мансийске не едят не только гусей, но и кур.

Большинство же населения газового края подалось в вегетарианцы.

Эта история канула бы в вечность, если бы не сотрудник заповедника Птичьи скалы, на территории которого и резвились покойные авантюристы. Он заявился для дачи показаний в горотдел милиции и в ответ на обвинения в недостатке бдительности сказал, что за несколько дней до налета грабителей на территории заповедника появился человек с мешком, который рассыпал порошок у гнездовий и на все вопросы отвечал, что работает по международной программе «Избавим Север от

насекомых». Сохранилась и фотография пришельца, изображавшая пожилого круглолицего мужчину в кепке. Но ведь таких много!

Следующим тревожным событием стала эпидемия на островах Рюкю в районе Японии. Ее источником был теплоход «Адмирал Колчак» (бывший трофейный лайнер «Матрос Дыбенко»). Этот лайнер вез российских туристов круизом от Мальдивских островов до Гавайских. В пути теплоход проходил сквозь места, где водятся редкие породы китов.

Многие профессиональные туристы-круизеры с интересом и симпатией относились к пожилому туристу из городка Великий Гусляр, оказавшемуся впервые в настоящем океане. Особенно сдружился с Корнелием Иванычем Юрий Митин, который совершал на этом теплоходе уже сорок второй круиз. Юрий Митин был пенсионером-коллекционером, и, ввиду того что его пенсия была невелика, он собирал монеты, глядя под ноги в зарубежных государствах. Наиболее перспективными ему казались города, в которых были спецфонтаны, предназначенные для того, чтобы сентиментальные туристы, не сумевшие ухлопать все свои сбережения в данном городе, кидали в них монеты. Корнелий Иванович из Великого Гусляра, как и Митин, томился безденежьем, когда единственным стоящим развлечением была бесплатная сытная кормежка.

– Слушай, Корнелий, – говаривал Митин во время долгих переходов от Мальдив до Маскарен и от Маскарен до Андаман, – что ты все за борт сыпешь? Не хочешь же ты отравить наш последний океан?

– Подрядился для Института правильного питания планктон подкармливать, – с доброй улыбкой отвечал Корнелий Иванович, сдвигая на затылок панамку и вытирая потный лоб.

Особенно активен становился Корнелий Иванович, когда на горизонте показывались фонтаны китов. Тут его даже Митин не мог оторвать от борта. И Удалов сыпал за борт, сыпал и еще раз сыпал.

Наивный Митин, поверивший сокруизнику, не знал о том, что в районе Гавайских островов проплывающее стадо редчайших полосатиков увидели с китобойного судна «Цусима-мару» и в течение двух часов перебили его, хотя в трюмы они могли вместить не больше четырех китов. Но японские китобои опасались, что если кто-то из китов останется в живых, он доведет до сведения китоохраняющих органов сообщение о зверствах японских китобоев.

С грузом китового мяса «Цусима-мару» вошла в порт на острове Рюкю, и вскоре мясо было выгружено в холодильники.

И не успел «Адмирал Колчак» возвратиться домой в Одессу, как китовое мясо поступило на рынок островов.

Стоило человеку или иному животному съесть кусочек китового мяса, как у него начинались судороги и рвота.

Санитарная инспекция Рюкю запретила употребление мяса полосатиков в пищу, а также приказала выбросить весь улов в море.

Владелец «Цусима-мару», разоренный решением медиков, решил прилюдно разоблачить их как орудие в руках конкурентов. Он велел приготовить котлету из китового мяса и прилюдно, при стечении народа, ее сжевал.

– И что вы на это скажете? – спросил он.

Толпа рукоплескала.

А капитан упал на помост и больше никогда не поднялся.

Нет, он не умер, но превратился в некое подобие кита, выброшенного волной на берег. Теперь он обитает в большом бассейне и занимается тем, что украшает его разнообразными камнями, которые приносят ему посетители, привлеченные чудесной и трагической историей этого достойного человека.

Нельзя обойти вниманием и умопомрачительную историю, связанную с коронацией эрцгерцога Мекленбургского, на которой его мантия, подбитая российским горностаем, осыпалась, как лиственница под осенним ветром. Белый мех покрыл снежным слоем весь паркет.

А невероятная история мистера Вана, главы гонконгской триады Белого можжевельника?

Об этом писали за рубежом, потому что жертвой ее стала известнейшая порномодель Запада Хуанита Маркина.

Мистер Ван заплатил ей за визит сорок тысяч долларов аванса.

Двести тысяч она должна была получить по истечении ночи любви.

Для этого был закуплен отель «Метрополитен», и если шестнадцатый этаж занимал лично мистер Ван и его гостья, то на остальных пили, гуляли и любили друг дружку его гости. И были среди них Мадонна, Майкл Джексон, Иосиф Кобзон, и обещал приехать, но не приехал Михаил Жванецкий.

Утром мистер Ван принял первую порцию снадобья из свежего рога недавно убитого суматранского носорога.

Вторую ампулу он раздавил, общаясь с друзьями.

– Сможешь? – спросил его Кеннет Ли.

– Я как зверь! – ответил мистер Ван.

И он так блеснул узкими глазами на свою будущую возлюбленную, что та ощутила желание бежать в постель немедленно, а не ждать приезда бывшего британского губернатора.

В двенадцать ноль-три она поднялась в королевские апартаменты. Музыку убавили, чтобы не беспокоила, трудился лишь большой барабан, задавая по просьбе мистера Вана нужный ему темп.

Через час двадцать минут двери апартаментов отворились и оттуда выскочила растрепанная, в расстегнутом халатике, усталая порномодель.

– Я больше не могу! – закричала она.

– Вот видишь, – сказал мистер Кеннет Ли мистеру Говарду Ли. – Он ее изнурил.

– Он меня изнурил! – кричала девица. – Сколько можно ждать, пока он совершит?

– Прошу немедленно арестовать и кинуть в подвалы китайского ЧК продавцов носорожьей приправы, – заявил Ван. – Они меня обманули, и я буду сурово мстить.

Когда охранники возмущенного мистера Вана добрались до магазина доктора Чжоу Ли, их глазам предстало страшное зрелище: толпа возмущенных мужчин уничтожала содержимое магазина, уже охваченного трепещущим пламенем. Сам доктор, кастрированный и истекающий кровью, был распят над вывеской, гласившей в нескольких каллиграфически исполненных иероглифах: «Сила и молодость настоящего мужчины».

Оказалось, что все без исключения мужчины, которые пользовались настойкой из рога суматранского носорога, полностью лишились потенции.

Глава третья

– Каковы наши достижения? – спросил профессор Минц, окидывая своих соратников орлиным взором.

За прошедший год соратники изменились. Помолодели, похудели, поздоровели. Немало стран пришлось им проехать, немало дорог пройти.

Главное – следы их деятельности были очевидны.

– Докладывай ты первый, Корнелий, – попросил Лев Христофорович.

Бронзовый, стройный, забывший о пузе Корнелий Иванович начал так:

– На той неделе чуть не попался. В заповеднике Серенгети и на склонах Килиманджаро у водопоя травил...

– Ой, Корнелий, ну как ты выражаешься! – возмутился провизор Савич. – Можно подумать, что ты и в самом деле чем-то ужасным занимался.

– С точки зрения закона, – заметил Саша Грубин, – Удалов стал международным преступником, и его должен разыскивать Интерпол.

Все засмеялись, пуще всех сам Удалов.

Хотя именно в те минуты в штаб-квартире Интерпола в Брюсселе началось совещание по делу «Зеленый шум», как условно называлась операция против загадочной банды, что орудовала в разных странах, подрывая важные отрасли промышленности и досуга, нанося колоссальный ущерб меховому бизнесу, китобоям, охотникам и рыболовам. На совещании впервые появился седой моложавый полковник из русской ФСБ, подтянутый, строгий, в контактных линзах бирюзового цвета, что придавало его лицу странный ангельский оттенок. А звали его Кимом. Господин Ким. И ни слова больше. А еще лучше – полковник Ким.

Ему и слово.

– Под видом дагестанского браконьера, – сообщил полковник, – я проник в банду Исмаилова, который держит осетровый промысел на Каспии. Именно его банда ответственна за взрыв дома пограничников в поселке Приморский, именно его люди зверски расстреляли в открытом море сотрудников нашего управления, когда мы застали их за перегрузкой черной икры в танкер «Дербент», отправлявшийся в Иран.

– Как же, – заметил вице-маршал Роджерс-Джоунс, представлявший в организации Уэльс. – Нам известен этот негодяй. Именно его икра идет на питание Ирландской освободительной армии.

– Мы вышли в море, – продолжал русский полковник, – в темную августовскую ночь. Осетры послушно шли на приманку. Им тут же вспарывали животы. Если была икра – складывали в бочки, если икры не было – осетры отправлялись за борт.

– И они тонули? – удивился представитель Люксембурга и задумал тут же кампанию по вылову дохлых осетров в Каспийском море.

Но его мечты одним ударом убил полковник Ким.

– Осетров подбирали рыбаки государственного предприятия «Дагрыба», которое контролируется племянником Исмаилова Гамлетом. Тут же их солили и везли в Москву. А в зашитых внутренностях находились автоматы для ваххабитов.

– Ну, уж это слишком! – воскликнул генерал Андан Ашрафи, представляющий в Интерполе Таджикистан, небольшую страну в центре Азии. – Откуда в Москве ваххабиты! Вот у нас ваххабиты...

– Господа, господа! – остановил дискуссию заместитель председателя сессии, скромный французский генерал де Труа Катр. – Мы отвлеклись. Наша задача – восстановить пошатнувшийся экологический баланс. Планета в опасности. Полковник Ким, продолжайте!

Ким продолжил свою речь, а тем временем в Великом Гусляре Корнелий Удалов заканчивал свой отчет.

Эти два события происходили на расстоянии трех тысяч километров одно от другого и на первый взгляд никак не были связаны.

Но с каждой секундой они сближались, ибо посвящены были одной и той же проблеме, только докладчики находились по разные стороны баррикад.

– Конечно, как вы понимаете, – продолжал Удалов, – водопой я травил без ущерба для животного мира. Меня интересовали редкие породы антилоп, которым угрожает исчезновение. Как я это сделал? На остановке автобуса я потерялся. Пошел в кусты как бы по нужде, и тут меня якобы похитил лев.

– Ну, ты, Корнелий, даешь! – воскликнул Грубин. – Ну и шутишь.

– Я не шутил. Все происходило так на самом деле, если не считать льва. В три минуты я достиг водопоя и высыпал туда содержимое пакетов «С-К» и «ПОРСА-4».

– Ясно. – Минц сверился со списком химикалий и пояснил вслух: – «С-К» вызывает неистребимую чесотку рук у каждого, кто попытается снять шкуру с антилопы, а «ПОРСА-4» делает шкуру крокодила такой мягкой, что из нее не только сумки не сделаешь, но даже паутины.

– Так и было, – сказал Удалов. – Но сразу с того места я не ушел. Я о чем подумал? Не всегда наши усилия успешны. Вот мы с вами знаем,

что кожа крокодилов мягчает, мы уверены, что у браконьера чесотка начнется. Но ведь это происходит постфактум!

– Ах, Корнелий, – возразил Минц, – мы не можем заранее заразить всех браконьеров чесоткой. Зато мы уверены, что в следующий раз они в лес не сунутся.

Удалов не согласился с Минцем:

– Все-таки мы много теряем. Может получиться, что суматранского носорога мы не спасем. Не успеем. Даже если все китайцы станут импотентами.

– И что же ты предлагаешь? – в голосе Минца звучало раздражение.

Не в первый раз они вели этот спор. И самое обидное – Удалов в нем постепенно побеждал. Хоть истребление животных замедлилось, но далеко не теми темпами, как хотелось.

– Предупреждение! Система предупреждения, вот что нам нужно. Браконьер должен быть заранее оповещен.

– А это значит, что заранее будет оповещена милиция. А она уж нас с тобой не пощадит.

– Пока она приподнимет зад, – ответил Удалов, – экологическая обстановка на планете изменится, и редкие звери будут спасены все как один.

Удалов глубоко заблуждался, о чем можно судить по выступлению полковника ФСБ из Российской Федерации. Мы с вами застаем его в тот момент, когда он говорит следующее:

– Я обратил внимание на одного российского путешественника. Назовем его туристом. Человек он, как выяснилось, некрупных доходов, накоплений, помимо пенсии, у него мало. Раньше он был у нас на контроле, так как без санкции органов выходил на контакты с инопланетными цивилизациями. Однако, когда мы доложили на самый верх, нам было приказано этого человека не трогать, так как КПСС и правительство планировали выход на межгалактическую арену с запуском ряда космических станций и превращение Галактики в большой лагерь социализма.

– Не может быть! – ахнул представитель Андорры, единственный в той стране подполковник.

– Может, – жестко ответил представитель Польши. – Еще как может.

– К счастью, большевикам не удалось выйти на галактические контакты. Именно этого человека, назовем его Корнелием Удаловым, нашей организации удалось засечь за странным занятием. Неожиданно для всех, включая собственную семью, он ударился в морские круизы и сухопутные туры. Это было похоже... как если бы мать шестерых детей вышла на панель, ничего не сказав мужу.

В зале раздались редкие смешки. Они катились от кресла к креслу по мере того, как синхронные переводчики справлялись с переводом этой незамысловатой шутки.

– Именно этот субъект был замечен и в районе города Ханты-Мансийска, – продолжал полковник Ким.

Участники совещания принялись жать на кнопки своих ноутбуков, чтобы понять, в какой Африке скрывается этот Ханты-Мансийск. Нашли и подивились тому, как близко к полюсу забираются люди, не будучи чукчами и эскимосами.

– Он рассыпал на гнездовьях гусей порошок, который делал их мясо совершенно несъедобным. В результате все гуси в заповеднике приобрели это качество.

– А почему в заповеднике? Ведь их там никто не посмел бы есть, – задумчиво произнес англичанин.

– Именно в заповеднике легче всего работать браконьеру, – объяснил глупому англичанину полковник Ким. – К тому же за пределами заповедников их давно уже истребили.

– И что же случилось?

– Гусей перебили, отвезли в Ханты-Мансийск, а переварить их никто не смог. Произошло массовое отравление горожан. Браконьеры погибли.

– Может быть, птиц лучше охранять? – спросил представитель Андорры. – Тогда бы никто не отравился, а гуси несли бы яйца.

– Вы не знаете российской специфики, – сухо заметил полковник Ким. – У нас проблемы.

– Продолжайте, коллега, – поторопил Кима председатель.

– Человек, который сыпал порошки в Ханты-Мансийске, и тот тип, который попался мне на глаза в заповеднике Серенгети, где он отравлял водопои, – тот же самый Корнелий Удалов. Двадцать лет назад мы его пожалели и пощадили. Но сегодня будем беспощадны. Он губит нашу родную Землю. Я кончил, потому что меня душат слезы.

Ким уселся на свое место и прикрыл глаза ладонью, из-под которой стал оглядывать зал беспощадным соколиным взором.

В зале поднялся шум. Говорили разное. Но в конце концов сошлись в одном: почему до сих пор Служба безопасности Российской Федерации не арестовала и не допросила такого страшного преступника?

– Очень просто, – ответил Ким, не поднимаясь с места. – Мы ищем его сообщников. Не верю я, что некий пенсионер из северного городка один ездит по земному шару и занимается террором. Нет, за его спиной стоит беспощадная организация. Вот до ее сердца мы намерены добраться и задушить беспощадно!

– И где же, вы думаете, таится это сердце? – спросил вице-маршал авиации.

– Думаю, что в Великом Гусляре.

И тогда все участники совещания принялись жать кнопки на ноутбуках, чтобы отыскать город Великий Гусляр, но далеко не всем это удалось. В отличие от Ханты-Мансийска, Великий Гусляр известен больше в литературе и искусстве, чем в географии.

И тогда самый важный вопрос задала госпожа Моника Эстергази, представляющая Венгрию:

– Но зачем, зачем ему это понадобилось?

Ким пришел в себя и ответил:

– Все не так просто. Есть и другие примеры. Я могу поведать страшную историю о том, как амбра, полученная из кашалотов Тихого океана, издавала такой запах, что парфюмерная промышленность Франции уже полгода не может прийти в себя. В Париже вынуждены были пойти на беспрецедентный шаг – закупить в Российской Федерации несколько сот ящиков духов «Красная Москва», при изготовлении которых никакая амбра не употребляется. Только попробуйте выйти вечером на Елисейские Поля. Только попробуйте!

– Десятки, сотни примеров! – поддержал Кима председатель собрания. – И далеко не сразу мы поняли, чьих это рук дело. Но постепенно нам становилось ясно: отчаянная банда уничтожает то ценное, дорогое, что радует глаза, слух и зрение элиты нашего общества. Даже черная икра Каспийского моря превратилась в мазут на второй день после вылова! Бои, которые возникли между рыбаками Исмаилова и переработчиками, были так ужасны, что осетры на ближайшие недели могут чувствовать себя в безопасности.

– Но зачем, зачем? – повторила венгерка.

– Я отвечу, – сказал председатель, человек умудренный и близкий поэтому к пенсии. – За этим заговором стоят заготовители синтетического меха.

– Я рад бы согласиться с вами, коллега, – возразил вице-маршал, – но как быть с рогом суматранского носорога?

– Фармацевтические фирмы! – воскликнула Моника Эстергази. – Это так очевидно!

– Проклятая «виагра», – поддержал ее испанец. – Кому помогает, а кому наоборот. Как я понимаю китайцев!

В этот момент загорелись экраны всех компьютеров.

«Срочное сообщение по секретной сети!»

«В Конго поймана горная горилла в бронежилете!»

– Это они? – спросил андоррец.

– Чувствую, что они, – ответил полковник Ким. – И попытаюсь найти ответ на этот вопрос...

Глава четвертая

– Ответом на твои сомнения, Удалов, станет отчет Миши Стендаля, – сказал профессор Минц. – И ты поймешь, что мы не только отвращаем от жертв, но и защищаем их при жизни. Говори, Михаил!

Миша Стендаль, хоть и перевалил за половину жизни, хоть и поредели его седеющие кудри, остался именно худеньким Мишей. И видно, суждено ему будет остаться щенком до старости.

Загорелый Миша поднялся, опираясь на туземное копье.

– Простите, – сказал он, – еще не зажили раны.

Все деликатно промолчали. Захочет человек объяснить, что за раны, – его воля.

– На восьмой день в дебрях тропического леса мне удалось выйти на небольшое стадо горных горилл. Носильщики, которые несли бронежилеты для несчастных животных, отказались идти дальше, и я был обречен на провал, если бы не сами гориллы. Когда я проснулся дождливым туманным утром, один в палатке, без еды, денег и паспорта, я услышал сдержанное бормотание. Гориллы обыскивали багаж моей экспедиции. Когда я вышел из палатки, они не испугались и не убежали, а приветствовали меня ударами кулаков по груди. Тогда я вынул из ящика бронежилет и сказал: «Это вас спасет». Обезьяны

поняли меня не сразу. Пришлось надеть бронежилет и показать, как им пользоваться. Тогда со сдержанным криком радости гориллы разобрали бронежилеты и даже вывели меня потом на тропу, чтобы я мог вернуться к людям. По договоренности с Большим вожаком стаи мы должны доставить туда еще шестьдесят бронежилетов по окончании сезона дождей.

Все захлопали в ладоши. Стендаль выполнил задание.

– Разумеется, возникнут проблемы, – сказал профессор Минц, – с закупкой бронежилетов, но мы постараемся...

Корнелий Удалов смотрел на друга недоверчиво. Никогда профессор Минц не был богат. А уж чтобы распоряжаться сотнями тысяч долларов – об этом и мечтать не приходилось. А тут – командировки, поездки, не говоря уж о бронежилетах.

– А теперь давайте поговорим, – сказал Минц, – о ближайших поездках. Во всей Америке осталось лишь несколько королевских кондоров. Не пройдет и десятилетия, как символ Америки, изображенный на ее гербе, канет в небытие! Появилась возможность замаскировать оставшихся кондоров под крупных ворон. Кто этим займется?

Вызвался провизор Савич. Он давно уж собирался в Штаты, да мешало безденежье.

– Следующая проблема касается речной выдры в озерах Швеции...

Удалов поднялся и вышел на улицу.

Он страшно устал за последние месяцы. Но, как говорит Минц, рано еще складывать оружие, потому что реальные результаты борьбы скажутся лишь через год-два, тогда и подсчитаем достижения. Если так дело пойдет и дальше, то его, Удалова, на этот срок не хватит. Пора подключать молодежь.

И в этот момент он услышал гул моторов.

Гул все усиливался, а потом появились вертолеты. Один пассажирский и два боевых, сопровождающих.

Пассажирский опустился посреди двора и сломал столь любимый Удаловым сиреневый куст.

«Акулы» остались барражировать на высоте пятидесяти метров, готовые в любой момент прийти на помощь.

Открылся люк, офицер в неизвестной униформе выбросил наружу лесенку. По ней не спеша спустились разного рода господа, большинство в штатском, но с военной выправкой.

Тогда со сдержанным криком радости гориллы разобрали бронежилеты и даже вывели меня потом на тропу.

Человек в наиболее пышной и яркой униформе, подполковник из Андорры, родившийся некогда в Одессе, первым подошел к Удалову и спросил:

– Не откажите в любезности, молодой человек, сказать, где здесь находится квартира профессора Минца?

– А зачем он вам?

– А затем, – сказал подтянутый мрачного вида человек с бирюзовыми глазами, по всему судя, наш, отечественный, чекист, – что мы должны арестовать его от имени Интерпола за подрывную деятельность против человечества.

– Вот это лишнее, – отозвался Удалов. – Не знаете о гуманизме нашего профессора, не лезьте.

– Кстати, – произнес подполковник из Андорры, – случайно не вас ли мы видели на снятых секретно фильмах?

– Меня, меня, – не дал ему договорить Удалов. Он понимал, что лучше самому принять залп, подставить свою грудь, только бы оставался на свободе профессор Минц, без которого благородное начинание тут же лопнет.

Но наш чекист уже поспешил к двери дома № 16.

Остальные толпой побежали за ним.

Боевые вертолеты опустились пониже, и дульца их пулеметов следили за Удаловым, который на всякий случай не вынимал рук из карманов.

В кабинете профессора Минца сотрудники Интерпола поставили участников совещания к стене, а тем временем начался обыск, который ничего не дал, потому что все документы хранились в голове у Льва Христофоровича.

– Что вам хочется узнать? – спросил профессор Минц. – Никаких секретов мы от общественности не имеем, никому зла не желаем.

– Так ли это? – спросил полковник Ким.

Беседа шла на английском языке, которым все, кроме Удалова, владели. Впрочем, Удалова в комнате пока не было. Он гулял под прицелом боевых вертолетов.

– Зачем же вы тогда сменили потенцию на импотенцию в роге суматранского носорога, ободрали горностаев, раздали бронежилеты гориллам, отравили мясо китов и совершили еще немало подобных преступлений?

– Если вы позволите мне сесть, – ответил профессор Минц, – то я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы. Вы тоже можете садиться, только сидячих мест на всех не хватит.

В его голосе была такая внутренняя сила, такая убежденность в своей правоте, что посетители покорно расселись, кто как мог.

– Мне надоело видеть, – сказал Минц, – как погибает наша природа.

– Экология плохая, – заметил прибежавший на шум старик Ложкин, который еще не решил, то ли присоединиться к Минцу, то ли откреститься от него с суровой критикой.

– И мы, в основном немолодые и законопослушные люди, решили, что если не остановить этот злодейский процесс, то на Земле никого не останется, кроме крыс, ворон и людей. А это скучно, не так ли?

Вице-маршал авиации вздохнул и понурился. Он не хотел оставаться в обществе ворон и крыс, не говоря уж о себе подобных.

– Мне пришла в голову светлая идея, – сказал Минц. – А что, если лишить исчезающих несчастных тварей тех качеств, из-за которых на них охотятся? Суматранский носорог гарантирует сексуальную силу – лишим его рог этого свойства! Редкие киты – лакомство, перелетные гуси – объедение! Пускай они станут невкусными и даже вредными! Ведь самим-то животным плевать на то, вкусные они или нет. Ведь вам, девушка, не столь важно, сладкая ли вы на вкус для людоеда?

Моника Эстергази хлопнулась в обморок. У нее было живое воображение, и ей представилось, как ее кушают.

– Невероятно! – заявил председатель. – Я не верю! И при чем тут шкурки горностаев?

– Как только газеты и телевидение разнесут слух о том, что мех горностаев так непрочен, что мантия облысела за несколько минут, желающих пристрелить горностая убавится.

– А бронежилеты для горилл? – спросил испанец. – Ведь их никто не ест.

– Но убивают. Еще не перевелись горе-туристы и просто бандиты. Пускай у горилл будет возможность защититься.

– Кстати, – добавил Александр Грубин, – мы тут разработали систему защиты для шимпанзе. Хотим раздать им газовые пистолеты...

– Или огнеметы, – заметил Савич.

– Вы с ума сошли! Вы тоже арестованы! – крикнул вице-маршал.

– Я? – удивился Савич. – Арестован? Вы не скажете, за что?

– Разумеется! За превышение пределов необходимой обороны животного мира.

– Попрошу пригласить адвоката, – сказал Савич. – И немедленно. Пока вы не докажете, что я в корыстных целях нанес вред человечеству, я останусь на свободе и буду бороться. К тому же учтите, что наша беседа транслируется на весь мир с помощью экологических организаций и партий «зеленых». Только попробуйте меня арестовать...

Председатель удивленно обернулся к полковнику Киму. Все же этот конфликт происходил на территории его ведомства.

Ким был в растерянности.

– Даже и не знаю... – вздохнул он. – Может быть, мы немного погодим и наладим над этими общественниками постоянное наблюдение? Будем собирать факты и контролировать их деятельность.

– А что! Неплохая мысль! – обрадовался председатель. Как любой руководитель, он всегда предпочитал, чтобы ответственность взял на себя кто-то другой. – Но учтите, коллега, что вам придется этим заняться вплотную. Вот именно – вплотную!

Полковник Ким покорно опустил лысеющую голову со слишком прямым пробором, что выдавало его скрытое тщеславие – по утрам он проводил полчаса с расческой в руке, чтобы добиться геометрической точности пробора.

Уходя, председатель поманил Кима в коридор и там жестко и требовательно произнес:

– Не спускать глаз! Я им еще не до конца поверил! В случае чего – спросим с вас строжайшим образом!

Глава пятая

Сначала улетели на большом вертолете в сопровождении «акул» члены коллегии Интерпола.

Затем Корнелий Удалов вернулся в кабинет к Минцу.

Минц был задумчив.

Корнелий подумал, что причиной задумчивости был полковник ФСБ в штатском, что сидел на диване в углу кабинета и молчал.

При полковнике заседать не было возможности.

Так что постепенно все участники операции «Зеленый шум» разошлись по домам, чтобы собраться завтра поутру.

Последним уходил Удалов.

Минц вышел его проводить.

– Лев Христофорович, – попросил его на прощание Корнелий Иванович, – главное, не выдавай ему источников финансирования. Они об этом знать не должны.

– Я постараюсь, Корнелий, – сказал Минц.

Он знал, что Удалов не имеет представления о финансировании грандиозной операции.

Дверь за Удаловым закрылась.

– Чем он так обеспокоен? – сверкнул бирюзовыми глазами полковник.

– Беспокоится, откуда у меня деньги на спасение фауны.

– Ох и копает твой Удалов! Может, ликвидировать его?

– Ким Никитич! – возмутился Минц. Даже лысина вспотела. – Попрошу не лезть в наши дела!

– Кто платит, – ответил полковник, – тот и заказывает музыку.

– Но ведь я к вам не обращался. Вы сами предложили!

– Без наших денег ваша глупая затея рухнула бы в первый день, – сказал полковник.

– Вы оказались первыми...

– У нас всюду свои люди. И неглупые люди. Они знали, куда доложить, а мы, наверху, знали, что перспективно. Вот и взыграл в нас свойственный чекистам гуманизм.

– Мы не беспризорники, – сказал Минц. – А вы не Макаренко! Если наша программа по спасению фауны закроется, вы первый вылетите с работы. Я вам это гарантирую.

Наглый полковник несколько сбавил обороты.

– Мы оба, – сказал он, – заинтересованы, чтобы все осталось шито-крыто. Вы думаете, вас друзья погладят по головке, если узнают, на чьи деньги вы спасаете своих носорогов?

– На народные!

– Без демагогии, профессор! Эти деньги народ отдал нам, его защитникам.

– А вы их пожертвовали нам, чтобы с нашей помощью проникнуть в чужие страны. Чтобы прикрепить микрофоны к китам-полосатикам, американским кондорам, суматранским носорогам и даже герцогу Мекленбургскому. Вам нужно было залезть в швейцарскую форель, пометить французских соловьев и тайских певчих сверчков!

– Вы возражаете?

– Я не возражаю, – сказал Минц, – до тех пор, пока вы не мешаете нам спасать редких животных! Я хочу, чтобы гориллы отстреливались, а носороги совокуплялись. А вы подслушивайте, только Удалова не трогайте!

– Ну и рискуете же вы, профессор, – вздохнул полковник.

– Лучше скажите, как вы проникли в Интерпол? – спросил Минц.

– Как только мы узнали, что Интерпол вами заинтересовался, мы сразу стали добиваться, чтобы меня включили в коллегию, а потом подвели этих чинуш к мысли о том, чтобы наблюдение за вами поручили именно мне. Так что пока спасайте, выручайте своих носорогов. Сколько вам нужно на текущий квартал?

– Вот вам список, – ответил Минц.

Бывает же так – все есть, и деньги, и помощники, а на сердце неладно...

Полковник пробежал глазами список и сказал:

– Впишите еще пингвинов, акул и чего-нибудь глубоководного.

– Почему? – удивился Минц. – Мы не планировали пингвинов.

– А я планировал, – сказал полковник Ким. – Мне нужно, чтобы вы получили у нас в кассе три миллиона долларов. Из них на руки два с половиной.

Минц тоже был не промах.

– Тогда я пишу заявку на три с половиной миллиона!

– Ох, уж и не знаю, удастся ли мне вам помочь!

– Постарайтесь.

Глава шестая

«Они мне дадут три миллиона, – думал Минц. – Из них два с половиной я кину на продолжение операции «Зеленый шум», а на полмиллиона построим новое здание для городской библиотеки».

Полковник Ким в то же время думал так: «Дадут не больше трех миллионов, из них я профессору отдам два с половиной, двести тысяч – генералу Петрову, а триста... триста придется перевести на мой английский счет, скоро Ваське в Оксфорд поступать, декану придется сто тысяч фунтов на лапу дать, не говоря уж о попечителях. Ну ничего, образование важнее».

Корнелий Удалов устраивался на ночь и думал: «Если я отстегну от пенсии рублей сто, заметит Ксения или не заметит? Но не отстегнуть нельзя. Ведь Лев Христофорович каждую копейку считает, недоедает, только бы спасти горилл и носорогов...»

Вскоре все они заснули.

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

Природа мудро распорядилась отношениями между различными существами на Земле. Она позволяет получать потомство от различных пород собак или людей. Но вот уже осла с лошадью скрестить полноценно не удается, потому что получается бесплодное создание мул. А кошку с собакой вам никогда не скрестить. Впрочем, это и к лучшему. Представляете себе помесь бульдога и нашей Машки? Нет, лучше не представлять – спать не будете. А если наш дворовый Васька полюбит афганскую борзую?

Так что есть закон. Внутри вида скрещиваться можно, а за его пределами – ни-ни!

И если тебе удалось с кем-то скреститься и от этого возникли дети, значит, вы с вашей возлюбленной относитесь к одному и тому же виду.

Поэтому я бы отнес к области слухов и сплетен историю, случившуюся на острове Крит больше трех тысяч лет назад. Якобы тамошняя царица полюбила белого жертвенного быка, но не духовно, а вполне плотски. То есть возжелала. Но никак она не могла войти с быком в сексуальный контакт – анатомия не позволяла. Она обратилась к изобретателю Дедалу, который скрывался на Крите, изгнанный из Афин за нехорошие дела. Тот проблему позы решил элементарно. Сколотил из дерева корову, обтянул каркас шкурой, а внутри соорудил ложе, на которое царица встала как собачка. Бык увлекся деревянной коровой, оседлал ее, и царице тоже досталось. Родился Минотавр – мальчонка с головой теленка. И почему-то хищник.

Я уверяю со всей ответственностью, что ничего подобного произойти не могло, потому что подавляющее большинство ученых относят быков и женщин к разным видам и даже отрядам млекопитающих. И если Минотавр все же получился, значит, его матерью была настоящая корова. А если он достоверно родился у царицы, значит, его папой был царь Минос или кто-то из охраны.

Так что, прежде чем начать рассказ, я хочу повторить: потомство может получиться только от особей, относящихся к одному и тому же виду. Люди и русалки – две породы одного вида. Вывод ясен.

Все началось с обычного несчастья.

Снова прорвало очистные сооружения Фабрики акварельных красок имени XIII партсъезда. Видно, их не ремонтировали со дня того самого партсъезда.

Река Гусь пошла цветными полосами, и от нее начало дурно пахнуть. Сотни рыб поплыли по ней брюхом вверх. Среди них плыла трехметровая щука, которую даже Иван Грозный поймать не сумел. А к берегу прибило русалку. Русалка чуть шевелила жабрами, которые у русалок располагаются за ушами, и почти не дышала.

Мальчишки, которые бежали из школы в противогазах, увидели почти подохшую русалку, немного покидали в нее камнями, а потом пошли домой. Но тут встретили профессора Минца, который шел гулять на набережную.

– Дядя, дядя! – закричали они. – Наши сети притащили мертвеца.

Профессор Минц не понял детской шутки, побежал к берегу и увидел русалку на последнем издыхании.

Профессор хотел было вызвать «скорую», чтобы девушку, в которой он не сразу угадал речную жительницу, отвезли в больницу, но на его крики о помощи, разумеется, никто не отозвался, и поэтому профессору пришлось взвалить русалку на плечо и потащить наверх.

К счастью, русалка была некрупной и легкой.

Наверху запыхавшегося Минца встретил его друг Корнелий Удалов.

Он стоял над откосом и с горечью наблюдал экологическую катастрофу.

Зрение Удалова в последнее время стало его подводить, и потому он крикнул Минцу:

– Брось рыбу! Нельзя ее жарить! Она химически отравлена.

– Лучше бы помог, – отозвался Минц.

Удалов понял свою ошибку и помог Минцу поднять русалку на откос, а там положить на лавочку.

На набережной было пустынно, потому что от реки сильно воняло.

– А я думал, сом, – признался Удалов.

– Нет, туристка, – отозвался Лев Христофорович.

– Если туристка, почему голая? – спросил Удалов.

Минц только что сообразил, что волочил наверх голую девушку.

– Какой ужас! – сказал он.

– И волосы зеленоватого оттенка, – сказал Удалов, который неплохо разбирается в зоологии. – И жабры за ушами.

Минц принялся снимать пиджак, чтобы накрыть тело.

– Ты еще не догадался? – спросил Корнелий.

– О чем я должен догадаться?

– Ты русалку вытащил.

– Не может быть!

– И что же ты намерен с ней дальше делать?

– В больницу, – сказал Минц, – девушке плохо.

– Не возьмут ее в больницу, – сказал Удалов.

– Но она же может погибнуть!

– Нет у нас ветеринарной лечебницы в городе. Ты же знаешь!

Из этого следует, что Удалов рассматривал русалок как некий вид пресноводных животных. Но, будучи человеком отзывчивым и добрым, он добавил:

– Давай ее домой отнесем, пускай в ванне полежит до окончания экологического бедствия.

Минц тоже понимал, что времени терять нельзя.

Они подхватили обнаженную девушку за плечи и ноги и понесли по Пушкинской улице к своему дому.

Прохожих было немного, а те, которые попадались, понимали, что Минц с Удаловым спасли купальщицу и лучше им не мешать. Спасут – считай, что купальщице повезло, а помрет – меня здесь не было.

Нести было тяжело.

Минц с трудом произнес:

– А я думал, что их больше не водится.

– Редко, – ответил Удалов, – туда, к Архангельску, еще попадаются. А в наши края только случайно заплывают, к озеру Копенгаген.

Тут, к счастью для Минца, который совсем запыхался, русалка открыла зеленые с поволокой туманные глаза и сказала низким голосом:

– Пить! Чистой воды!

– Какое счастье! Она оживает, – сказал Минц. Он боялся, что девушка не переживет этого приключения, а он себе никогда такого не простит.

– А ты идти можешь? – спросил Удалов. – Ножками идти сможешь?

– Я задыхаюсь, – ответила русалка.

– Тут всего сто метров идти, – сказал Удалов. – Потерпи, будь другом.

– Нет, – капризно ответила русалка, – лучше я умру.

Удалов отпустил ноги русалки, но она не хотела идти, поэтому обняла Минца за шею и громко прошептала:

– Дядечка, не оставляйте меня на верную погибель!

– Не бойтесь, – сказал Минц, стараясь не смотреть на высокую и обнаженную девичью грудь. – Мы вас не покинем.

– Я пошел, – сказал Удалов. – Хочешь купаться, дойдешь!

Минц попытался нести русалку один, но к тому времени он уже так выбился из сил, что не смог сделать и трех шагов.

Навстречу им шла старуха Ложкина, блюстительница нравов.

– Вот до чего ваша демократия довела! – завопила старуха. – Развратник на развратнике едет и развратникам потакает.

– Не знаете, молчали бы, – огрызнулся Удалов, но он понял, что встреча с Ложкиной может оказаться для него роковой.

Он оставил Минца с русалкой, которая покорно, хоть и неуверенно, шагала к дому № 16, а сам поспешил домой, прежде чем слухи о том, что он гуляет по улице с голой девкой, достигнут ушей супруги.

А Минц, никого более не встретив, провел девушку к себе в квартиру, где она сразу же отыскала ванну и уселась в нее, ожидая, пока Минц откроет кран. Затем она принялась командовать, какой должна быть температура воды, прохладной, но не ледяной, причем ей не нравилось, как горела и шумела газовая колонка.

Наконец воды стало достаточно, чтобы покрыть тело русалки, и ей сразу стало лучше. Но Минца она не отпускала, и его попытки накрыть ее тело простыней или купить для нее купальник были встречены вспышкой негодования.

– Дядечка! – кричала она, и Минц боялся, что прибегут соседи. – Дядечка, ты что, в моей красоте сомневаешься? Я на конкурсе фотомоделей Северной Двины второе место заняла.

Минц слабо отмахнулся от этих слов. Какие еще фотомодели? Какая Северная Двина?

– Русалок не бывает, это научный факт, – сказал он.

– Тогда дай мне полотенце, – ответила русалка. – И согрей мне кофейку. Должна признаться, что меня трясет, как город Спитак.

Каждая новая фраза все глубже загоняла ученого с мировым именем в трясину бессмыслицы.

Он протянул банное полотенце своей гостье и пошел на кухню готовить кофе. Прошло от силы полчаса, ну, может, час с того момента, как он увидел на берегу реки умирающую от отравления акварельными красками девушку неземной, нездешней красоты. И вот она уже лежит у него в ванне и говорит глупости.

Минц привык прислушиваться к здравому мнению Корнелия Удалова, но тот слишком быстро убежал, и загадка русалки не имела объяснения.

Позвать Удалова?

Не надо, сам придет.

Русалка вошла в комнату, кутаясь в махровый халат Льва Христофоровича. Он сразу почувствовал себя спокойнее.

– Ну, где твое кофе? – спросила девушка.

Зеленоватые густые волосы обрамляли низкий лоб.

Ярко-зеленые глаза поблескивали из-под густых бровей, нос был чуть приплюснутым, дикарским, губы были тоже дикарскими, зовущими.

– Не твое, а твой, – поправил русалку Минц.

– Чего?

Ее образование оставляло желать лучшего.

– Кофе мужского рода, – сказал Минц.

– Еще чего не хватало!

Она уселась за стол, открыв сильные ноги пловчихи, подула в чашку с кофе так сильно, что плеснула на скатерть, и даже выругалась так крепко, как Минц никогда себе не позволял.

Минц все еще не мог до конца поверить, что в его захламленной холостяцкой квартире сидит настоящая русалка, но в этой девушке горел некий яркий плотский огонь, чего нельзя бы ожидать от обитательницы подводной прохлады.

– Полегчало, – сказала русалка. – А ведь думала, что на этот раз не выкарабкаюсь. В который раз попадаю в экологическое бедствие, но чтобы сознание терять – такого еще не было.

– А сколько вам лет? – спросил профессор. Если в этом вопросе и содержалась задняя мысль, то такая махонькая, что на нее не стоило обращать внимания.

Но русалка обратила.

– Ах ты, старый налим! – воскликнула она без обиды, но громко. – Испугался, что несовершеннолетняя тебе попалась?

– Как вам не стыдно!

– Это мне, беззащитной водяной девушке, стыдно? Жертве домогательств некоторых старикашек?

– Может быть, вам лучше уйти? – совсем уж обиделся Минц.

– Не отделаться тебе от меня, – ответила русалка. – Река еще грязная, отравленная, и гнать меня в реку – все равно что убить собственными руками беззащитного ребенка. Кстати, я могу и общественность поднять – общественность ох как обожает вступаться за поруганных крошек!

Тут русалка расхохоталась, потому что ей понравилось смотреть на пунцовые щеки профессора.

– Спокойно, – сказала она, отсмеявшись, – подождем темноты, тогда уйду. Ты мне пока расскажи, чем занимаешься, какие у тебя успехи? Я ведь редко в гостях у интеллигентных людей бываю. Мне все, дядечка, интересно.

Минц смягчился.

Девица была наивна и избалованна, но вполне мила и дружелюбна.

– Я тут наукой занимаюсь, – смущенно сказал он. Хотя обычно не робел и готов был рассказывать о своих успехах безостановочно.

Да и было чем похвастаться. Он уже несколько лет находился в двух шагах от Нобелевской премии, и лишь интриги завистников и недоброжелателей лишали его заслуженной награды.

– А как тебя зовут? – спросила русалка.

– Львом Христофоровичем.

– Ух! Я тебя буду Левой звать. А то не выговоришь. А меня, кстати, зовут Нинелей. Красивое имя, правда? Моя мама утопиться хотела из-за одного мужика, кстати моего папаши. Да вот русалки ее поймали, откачали, она и живет до сих пор.

– Где?

– Тут секрета нет. В Штатах, на Аляске. Там экология нормальная. Она снова замуж вышла. Я так думаю, что не сегодня-завтра сама туда

подамся. Невозможно здесь от аварии до аварии крутиться. Чуть зазеваешься, уже отравили.

Сверху послышался грохот.

Русалка задрала головку.

– Не провалятся? – спросила она.

– Не должны, – сказал Минц. Но с тревогой прислушивался к звукам из верхней квартиры.

Шум исходил от Удаловых.

Случилось то, чего Корнелий Иванович больше всего опасался.

Когда он пришел домой, сначала все было тихо. А потом заявилась старуха Ложкина. Может, соли одолжить, может, маслица. Ложкины никогда бакалею не покупают, всегда можно к соседям заскочить – дело житейское. А на самом деле у Ложкина на стене висит график, разлинованный в сорок две позиции, когда, у кого и сколько занимать до субботы.

Так что сидел Удалов у телевизора, но сериалом не интересовался, а читал оттиск статьи известного ихтиоветеринара Ивана Шлотфельдта из Ганновера о физиологических особенностях русских русалок, которых он имел счастье изучать в позапрошлом году в озере Копенгаген в окрестностях русского города Гросс Гусляр.

Что-то смущало Корнелия Ивановича. Он никак не мог сформулировать беспокойства и продолжал читать так внимательно, что не услышал прихода старухи Ложкиной.

Зато, когда Ксения ворвалась в комнату, потрясая поварешкой, он сразу догадался, в чем тревога. Благо уже по дороге, встретив Ложкину, начал предчувствовать.

– Где ты эту голую прячешь? – кричала Ксения. – А ну покажи!

С криками и неправомерными действиями Ксения обыскала Удалова, залезла в чулан, под кровать, а когда не нашла, вместо того чтобы выслушать мужа, стала рыдать и собирать вещи, чтобы отъехать к покойной маме, раз жизнь с садистом и развратником не удалась.

Только когда весь завод в Ксении кончился, Удалов решил рассказать жене о находке Минца, но не посмел. Может, и к лучшему. А то бы она помчалась к Минцу с проверкой и вступила бы с русалкой в рукопашную.

Так что никто не потревожил более профессора Минца, который остался один на один с девушкой из реки.

И чем дольше он с ней оставался, тем тревожнее у него было на душе.

Девушка приклеилась к телевизору и даже взвизгивала, когда в американском боевике бились автомобили до последнего пассажира.

Но обратно в реку она не просилась, к тому же бесчеловечно было бы ее туда отправить.

Ближе к ночи, когда, поужинав, русалка задремала на диване, красиво согнув ножки в коленях и подтянув коленки к подбородку, позвонил междугородный.

– Герр Минц? – спросил голос с легким немецким акцентом. – Я вас беспокою по просьбе моего друга Корнелия. В Германии стало известно, что вы поймали русалку. Как вы относитесь к передаче этой редкой особи на исследование в институт Генетикфишвисеншафт имени Готфрида Ленца?

– Мне это не приходило в голову, – ответил Минц, непроизвольно любуясь чертами милого лица незнакомки.

– Я имею намерение вас официально предупредить, что в 1872 году в деревне Реберсдорф в герцогстве Ангальт-Цербст некая русалка по имени Маргарита выиграла процесс о содержании незаконных детей у местного пастора Шлага. По двести талеров в год на ребенка.

– Это справедливо... Кстати, а сколько это будет в рублях?

– Послушайте, сумасшедший старик! Неужели ваш друг Корнелий Удалов не поставил вас в известность о том, что средняя русалка несет одновременно от пятидесяти до шестисот сорока икринок, из каждой икринки выводится прожорливый и подвижный малек женского пола, точно повторяющий черты своего сухопутного отца?

– О нет!

– Неужели вы не слышали про мальков Миши Стендаля, который имел неосторожность полюбить русалку в озере Копенгаген и до сих пор половину зарплаты отдает на алименты?

– О нет! – воскликнул Минц еще громче.

– Не кричи, пожалуйста, – откликнулась русалка. – Если ты спать не хочешь, то подумай о других. Я же небось отравленная!

– Простите, – сказал Минц.

– Вы отдаете нам русалку? – настаивал немецкий ихтиолог.

– Только попробуй, – сказала русалка, которая, оказывается, все слышала.

– Перезвоните мне завтра, – попросил Минц. Теперь ему стало все ясно.

Положив трубку, он подошел к дивану. Русалка смотрела на него спокойно, но призывно и часто дышала.

– Пожалуйста, – сказал Минц, – у меня возраст не тот.

– Как излагаешь, дядечка! – издевательски откликнулась русалка.

– Поэтому я буду спать на кухне. Для твоего же блага.

– Ты что, храпишь, что ли?

– Почему храплю?

– А почему ты в другую комнату убегаешь для моего бла́га?

– У тебя есть девичья честь?

– Ах вот ты о чем заговорил! А я-то думала, что не будешь ко мне приставать со своими старческими ласками!

Нет, она над ним издевалась!

Русалка потеряла в глазах Минца свою девичью привлекательность. Он достал из шкафа комплект белья и кинул ей на диван, а сам отправился на кухню сооружать себе ночлег на раскладушке.

– Никуда ты от меня не денешься, – сказала из комнаты девица.

Но Минц знал, как спасется от возможных поползновений. Как чужих, так и своих – ведь он не был уверен, сможет ли устоять от соблазна, когда погаснет свет.

Память и находчивость выручили Льва Христофоровича. Пока русалка плескалась в ванне, он залез на антресоли, где лежали ненужные вещи, которые было жалко выкинуть.

Подобно сумасшедшему кроту, он закопался в переплетении лыжных палок, елочных игрушек, помятых самоваров, дырявых кастрюль, портативных центрифуг, манометров и анемометров, рваных пакетов из-под реактивов и прочих отбросов гуслярского гения.

И вот – о везение! – рука Минца натолкнулась на странную вещь – подарок археолога Янина. Несколько лет назад в Новгороде был раскопан склад поясов верности, завезенных ганзейскими купцами, которые полагали, что склонные к домострою русские люди тут же облачат в эту гадость жен на время своих деловых отлучек. Но не тут-то было. Русские бабы оказались выше подозрений, и пояса верности – изобретение европейского ума, порождение культа Прекрасной дамы и Крестовых походов – остались ржаветь в сарае, пока о них и вовсе не забыли.

С поясом в руке Минц спустился в комнату, вытер его тряпкой, смазал на кухне оливковым маслом. Пояс верности был схож со спинным панцирем гигантского муравья, в узкой перемычке были дырочки для естественных потребностей.

Не думайте, что Минц намеревался украсить этим варварским изобретением мужского шовинизма свою гостью. Нет, он сам пошел на жертву.

Прекрасная дама имела талию, а Минц давно уже ее лишился. С натугой Минц застегнул пояс и, втянув живот, замкнул его ключиком. Потом выкинул ключик за окно, в крапиву, полагая, что, если его ночью прихватит желание, ключика в крапиве ему не отыскать. Так что он спасет русалку от бесчестья, а себя – от разорения.

Подойдя на цыпочках к двери в комнату, он заглянул внутрь.

Русалка спала на диване, а может быть, делала вид, что спит.

Плед обрисовывал округлости ее тела, и девушка выглядела даже более соблазнительной, чем в обнаженном виде, ибо человеческому глазу интереснее догадываться, чем лицезреть. А излишняя открытость и обнаженность способны отвратить мужчину.

Потушив свет, Минц на цыпочках вернулся на кухню. Пояс верности жал и резал во всех местах.

Улегшись на раскладушку, Минц принялся мучиться, он ворочался, закрывал глаза, задремывал, снова просыпался... это был не сон, а забытье.

Потом вдруг появилась учительница Марья Степановна из второго класса.

– Лев, – сказала она, – я ухожу из школы. Так работать невозможно. По твоей милости я получила класс из тридцати идентичных девочек, которым самое место в колонии для малолетних преступниц. Знаешь ли ты, что лишь одна из них готовит домашнее задание и затем они размножают его на ксероксе в тридцати экземплярах! Лишь одна из них выучивает урок, и сколько бы я ни вызвала учениц к доске, выходит та же самая, переползая предварительно под партами с места на место! А уж на контрольной страшно подумать... – и добрая учительница зарыдала.

Минц проснулся. И вспомнил, что Марья Степановна учила его пятьдесят лет назад и уже тогда была женщиной в летах.

Подойдя на цыпочках к двери в комнату, он заглянул внутрь.

Он понял, что это был сон всего-навсего... И тут явился представитель мафиозной структуры. Он вытащил из кармана пачку долларов.

– Больше вам никто не даст, – сказал он. – Отдай мальков, мне братки нужны!

– С дороги! – возмущенно крикнул полковник из военкомата. – Не получишь ты наших русских ребят! Мы соберем из них отдельный стрелковый батальон. Чечня ждет квалифицированного пополнения...

И опять Минц проснулся.

Просыпаясь, сказал полковнику и мафиози:

– Мне говорили, что у нас вывелись только девочки.

Было темно. За окном надрывался соловей. Пятый час. Как там русалка?

– Нет, я не встану. – Минц ощупал чресла. Они были закованы в металл.

И тут образ нежного девичьего тела, прикрытого клетчатым одеялом, с такой силой ударил в сердце Минца, что он понял: надо искать золотой ключик от пояса.

Он проиграл борьбу.

«Хотя что сделал праведник у Толстого, когда к нему стала женщина приставать? Кажется, отрубил палец? Может, и мне отрубить палец?

Но нет, палец мы сбережем».

Минц поднялся. Он старался не шуметь. Даже если русалка откажет ему в любви, он хоть снимет этот проклятый пояс!

Минц вывалился в палисадник через открытое окно. Шлепанцы остались в комнате. Густая крапива обожгла его, как десяток плетей!

Казалось, что с него содрали кожу.

Или он уже взошел на костер, как Джордано Бруно.

Темно хоть глаз выколи.

Минц шарил руками по земле и чувствовал, как его тело краснеет и раздувается от ожогов.

А ведь повезло!

В тот момент, когда, отчаявшись, Лев Христофорович был готов оставить поиски, пальцы сомкнулись на кусочке металла!

Еще мгновение, и пояс верности глухо стукнулся о землю.

И Прекрасная дама мужского рода испустила шепотом клич свободы и любви.

Расчесывая обожженную кожу, Минц ввалился обратно в дом.

Теперь десять шагов – и наступит момент счастья!

И пускай пойдут дети! Пускай будут сложности, пускай его не поймут соседи и друзья. Зов плоти сильнее.

От вожделения даже зудеть перестало. Минц вспомнил о классической сцене: Нехлюдов соблазняет служанку Катюшу.

«А может, это моя лебединая песнь?»

Минц вошел в комнату. Его колотила дрожь.

Он нащупал путь к дивану.

Его рука протянулась к тому месту, где должно было находиться плечо русалки.

Плеча на месте не оказалось.

И вообще никакой русалки на диване не оказалось.

– Милая, – прошептал Минц, – я сдаюсь. Я больше не могу оставаться морально устойчивым.

Никто не ответил Минцу. Только настенные часы громко, как сердце испуганного зайца, отсчитывали секунды.

Минц зажег свет. Свет был слишком ярок.

Смятое одеяло лежало на диване.

Минц кинулся к туалету. Может быть, она там?

Но и в туалете ее не было.

Минц подошел к письменному столу и тяжело уселся возле него.

– Ну что ж, – сказал он, – судьба меня спасла. Она избавила меня от соблазна.

Наверное, так же говорил монах, увидев, как скрывается в пыли бричка с развратной помещицей.

Потом Минцем овладела жалость.

А что, если она так испугалась за свою девичью честь, что предпочла погибнуть в загрязненных водах реки Гусь, только не отдавать тело старику Минцу?

«Ну что ж, и в этом случае я остаюсь, к сожалению, в выигрыше».

Взгляд Минца упал на белый лист бумаги, лежащий посреди стола.

Это была записка, адресованная ему:

«Дорогой Лев Христофорович!

Спасибо за гостеприимство. Наш расчет оказался верен. Мне удалось возбудить в вас обычную мужскую похоть. И вы забыли об осторожности. Вы ворочались на своей раскладушке, натянув на нижнюю

часть живота какое-то ржавое сооружение. Когда-нибудь вы нам расскажете, что это такое.

Пока вы мучились, я изъяла у вас все рабочие тетради с расчетами, а также выгребла из компьютера все, что было возможно. Мы давно охотились за вашими изобретениями. Без них у нас возникли трудности с завоеванием мирных планет Галактики. Наши шпионы и генералы заранее благодарны вам за помощь в наших разбойничьих войнах.

Еще раз спасибо. Надеюсь, вы снова все изобретете.

На всякий случай, чтобы вы не мучились от нашей разлуки, я оставляю вам свою истинную фотографию, без камуфляжа. Посмотрите на нее, когда вас снова посетит страстное желание прижать меня к груди.

Ваша НГ № Х238–98.

Можете по старой памяти звать меня Нинелью».

Минц посмотрел на фотографию. Объемную, цветную, видно, очень похожую на оригинал.

Страшнее твари Минцу еще не приходилось видеть. Единственный глаз злобно таращился из-за шипов и бородавок.

Чтобы не видеть больше эту шпионку, Минц перевернул фотографию. На обороте было написано:

Пусть на память тебе останется

Несказанная личность моя.

Если нравится – храни, а не нравится – порви.

Минцу хотелось порвать фотографию. Но он был настоящим ученым. Он сделал над собой усилие и положил фотографию в стол.

А потом принялся подсчитывать убытки и потери и жалеть обитателей планет, пострадавших от его запоздалой чувственности.

ЖИЗНЬ ЗА ТРИЦЕРАТОПСА

Глава первая

Мне хочется внести ясность в историю, которая прогремела по всему миру и отозвалась (как всегда, лживо) в средствах массовой информации, что значительно повредило безукоризненной репутации города Великий Гусляр.

Верно сказал Корнелий Иванович Удалов:

– Лучше бы этих проклятых динозавров не было!

Но раз динозавры были, о них надо говорить правду и только правду.

Во-первых, не существует дикого горного хребта, на котором водятся белые медведи, как уверяла газета «Вашингтон пост». В окрестностях Великого Гусляра нет никаких горных хребтов, если не считать небольшого вулкана, который большую часть времени спит, а если и просыпается, то его извержения не представляют опасности для горожан.

Во-вторых, заявление газеты «Монд», что крупнейший из динозавров достигал сорока метров в длину – наглая газетная утка. Известный по публикациям в «Огоньке» бронтозавр был молодой особью, вряд ли достигавшей тридцати метров.

Также являются ложью утверждения о том, что русские ученые уже выводят динозавров из генетического материала, найденного в Великом Гусляре.

Наконец, совсем уж беззастенчивой ложью пронизан репортаж английской коммунистической газеты «Морнинг стар»: некий динозавр напал на школьниц, возвращавшихся домой по главной улице.

Во-первых, как известно, никогда ни один динозавр не ходил по главной, иначе Советской, улице Гусляра. Во-вторых, некому там было ходить.

Теперь, когда автору удалось дать отпор некоторым наиболее нахальным заявлениям средств массовой информации, он хотел бы перейти к правдивому и последовательному изложению событий.

* * *

Итак, на окраине города Великий Гусляр существует поросший соснами холм под названием Боярская Могила. Никакого боярина там не хоронили, но есть сведения, что у местного помещика Гулькина был любимый конь Боярин, которого возили на скачки в Вологду, там напоили портвейном, а на обратном пути он простудился и пал.

Гулькин, который связывал с конем большие надежды, был в расстройстве и построил мавзолей на холме, возвышавшемся аккурат за его курятником. Мавзолей со временем провалился или обвалился – никто толком не помнит, тем более что произошла революция и с Гулькиными покончили.

В холме есть пещеры, куда иногда пробираются ребята, но вообще-то лазить туда не положено, потому что своды пещеры могут рухнуть.

На этот раз в пещеру попали совсем не ребята.

К Синицкому приехал погостить племянник и влюбился в девушку, которая продавала мороженое возле рынка. Продавала она мороженое, чтобы заработать себе на высшее образование, в котором очень нуждалась, так как еще в школе побеждала на областных биологических олимпиадах. А один раз ее даже возили в Казань – в школу юного химика.

При этом Марина обладала отличной фигурой, ладными ножками и прочими девичьими атрибутами, включая буйную копну рыжих косичек. Пройти мимо нее равнодушно мог только слепец.

Но жила она в Гусляре без родителей, снимала угол у гражданки Свинюхиной и почти голодала.

Когда племянник Синицкого Аркадий увидел Марину, торгующую мороженым, что-то в его груди перевернулось. Он даже не посмел приблизиться к ней, а пошел, расстроенный своей нерешительностью, домой и поведал о своей душевной боли тетке. Тетка предупредила его, что Марина – «девушка не нашего круга».

Сама тетка когда-то приехала в Гусляр из Козлятина, где ее папа работал в милиции в чине сержанта.

На следующий день Аркадий снова пошел на площадь Землепроходцев и купил поочередно шестнадцать порций мороженого. Семнадцатую Марина ему не продала, а сказала:

– Вы обязательно простудитесь и будете меня проклинать.

– Никогда!

– Кроме того, вы не производите впечатления богатого человека.

Аркадий не знал, обижаться на эти слова или нет, но Марина разрешила все его сомнения, сообщив:

– Я через полчаса закончу.

– И что? – осторожно спросил Аркадий.

– Думайте, – предложила Марина и обернулась к следующему покупателю.

В тот день Аркадий проводил Марину до дома, и они обнаружили много общего во вкусах, настроениях и даже отношении к жизни.

На следующий день, не сказав тетке, что он встречается с «девушкой не нашего круга», Аркадий повел Марину в кино. Когда молодые

люди сидели на набережной и говорили о жизни, оказалось, что их взгляды совпадают. Наверное, не было в истории таких похожих людей, хотя они и принадлежали к разным социальным кругам.

В среду они пошли в лес. Благо, у Марины выдался выходной, а Аркадий был готов отменить все дела и заботы ради того, чтобы поговорить о ботанике и литературе.

Далеко они не ушли, а поднялись на холм Боярская Могила, чтобы с его вершины сквозь сосновые ветви полюбоваться видом города и реки Гусь, протекающей мимо.

Потом они немного посидели под сосной, и тут им захотелось целоваться, причем обоим, в чем они друг другу не посмели признаться.

На их счастье пошел дождь.

Надо было прятаться от дождя, и Аркадий вспомнил о том, что поблизости есть пещера, куда он лазил в детстве.

Конечно, Марина очень боялась пещер, потому что в них бывает темно, но дождик был холодным, а под таким дождем целоваться совершенно невозможно.

Аркадий не сразу нашел вход в пещеру – растительность вокруг изменилась, да и сам он вырос.

Вход был похож на дыру, ведущую в берлогу, и Марина даже спросила:

– А медведя там нет?

– Наивный вопрос, – сказал Аркадий. – Медведей в наших местах давно уже нет. – И он первым полез в пещеру.

Марина нагнулась, влезла в дыру, и ее подхватили сильные и нежные руки Аркадия.

– Иди сюда, садись, – сказал он.

– А змей здесь нет? – спросила Марина.

– Уползли.

– Я все равно боюсь, – прошептала девушка.

– Я с тобой! – ответил Аркадий. – Дай мне руку.

Ее пальцы нащупали в темноте его ладонь и замерли, потому что Марину ударило током.

– Ой, – сказала девушка.

Аркадий потянул ее за руку и привлек к себе.

Раз было темно, то Марина не могла должным образом сопротивляться: она же не видела, с кем борется.

– Только не целоваться, – прошептала она, как бы подсказывая Аркадию, что надо делать.

– Конечно, – сказал он.

Его губы совершенно нечаянно наткнулись на ее губы.

И они целовались, пока шел дождь. Но так как они не видели, кончился дождик или нет, то целовались почти до вечера.

Иногда, борясь больше с собой, чем с Аркадием, Марина шептала:

– Только не это! Ты же все испортишь!

Аркадий не совсем понимал, что он может испортить, но недостаток жизненного опыта и опасение обидеть девушку заставляли его остановиться. Однако ненадолго. Так что их отношения были похожи на морской берег. Ты видишь, как волна поднимается, несется к галечной полосе, но прибрежные камни останавливают, дробят ее и заставляют уползти обратно, поджав пенный хвост.

Наконец Марина устала от борьбы, в которой ее поражение было неминуемым. Поэтому она нащупала на полу пещеры камень и шутливо сказала Аркадию:

– Если мы сейчас не уйдем отсюда, я тебе нос разобью.

К этому времени их глаза настолько привыкли к темноте, что молодой человек отлично разглядел камень в тонкой руке продавщицы мороженого.

Он натужно засмеялся, но подчинился, потому что в извечной битве полов верх всегда берет мужчина, но женщина решает, когда ему предстоит победить.

Держась за руки, они вылезли из пещеры и зажмурились.

Заходящее солнце окрасило оранжевым светом стволы сосен, небо было почти белым, как десятикратно простиранная голубая рубашка, птицы уже угомонились.

Под ногами мягко пружинило одеяло сосновых иголок. Раздвинув иголки, кое-где торчали скользкие шапки маслят.

Молодые люди стали спускаться с холма. Чтобы отвлечь Аркадия от охвативших его печальных мыслей, Марина показала ему камень, который забыла выкинуть, и сказала:

– Обрати внимание, что это такое?

– Камень, – ответил Аркадий, все еще докипающий несбывшимися порывами.

– Не просто камень, – сказала Марина, в круг интересов которой входила и минералогия. – Некогда в этой местности бушевали вулканы.

– Где только они не бушевали...

Они вышли на дорожку, Аркадий хотел было еще раз поцеловать свою возлюбленную, но навстречу, разумеется, шла тетка с пустыми ведрами.

Скажите, что делать тетке с пустыми ведрами на окраине Великого Гусляра на рубеже тысячелетий?

– Но я не знала, что Великий Гусляр входил в зону вулканической активности, – сказала Марина. – Я полагала, что весь этот регион покрыт толстым слоем осадочных пород.

– Вот именно, – согласился Аркадий, проклиная тетку.

Чуткая Марина заметила его душевное неудобство и правильно истолковала:

– Ты меня совсем не слушаешь, Аркаша. Я не подозревала, что в твоем сердце есть место суевериям.

– В моем сердце все есть, – ответил Аркаша.

– Надо будет посоветоваться со Львом Христофоровичем, – сказала девушка. – Он наверняка знает.

– Это еще кто такой? – спросил юноша.

– Профессор Минц, – сказала Марина. – Без пяти минут лауреат Нобелевки. Живет у нас уже много лет.

– Что делать в этой дыре без пяти минут лауреату?

– В этой дыре ты меня встретил, – сказала Марина, обидевшись за Великий Гусляр.

– Лучше бы я тебя в Москве встретил.

– Разве в Москве ты отыскал бы такую пещеру? – рассмеялась Марина.

Аркадий не ответил. Подобно всем влюбленным на раннем этапе этой болезни, он был подозрителен и склонен к пессимизму.

На углу Пушкинской Марина попрощалась с Аркадием, и ему показалось, что она сделала это очень холодно.

Глава вторая

Расставшись с Аркадием, Марина отправилась к профессору Минцу и застала его во дворе. Новое поколение доминошников вбивало в землю крепкий старый стол, а профессор с Корнелием Удаловым

смотрели на отчаянную схватку глазами знатоков и с трудом удерживались от советов.

– Что за манера, – сказал Минц, увидев Марину и поцеловав ее в лобик, – заплетать негритянские косички. Неужели тебя из-за этого больше любят мальчишки?

– Они меня не любят, – ответила Марина. – Они ко мне пристают.

Марина отошла с пенсионерами к лавочке под кустом сирени и показала Минцу камень, подобранный в пещере.

– Откуда это? – удивился Минц.

– Так Маринка с Аркашкой Синицким в пещере от дождя прятались, – ответил за нее Удалов. – Мне старуха Ложкина говорила.

– Вот это лишнее, Корнелий, – оборвал его профессор. – Не превращайся в старую сплетницу.

Он покрутил камень в руках, понюхал его, поцарапал ногтем и сказал:

– Примерно семьдесят миллионов лет назад этот камешек был лавой. Но так как я не знаю о выходах лавы в нашем районе... Где ты его нашла?

– Я думаю, – ответил за девушку Удалов, – что там, в пещере и отколупнула.

– Если вы, дядя Корнелий, будете вмешиваться!.. – рассердилась Марина и взмахнула головой так резко, что косички взлетели нимбом вокруг нее, как лучи солнышка.

Марина давно уже раскаивалась в легкомысленном поступке – косички общим числом сорок три она заплела на спор с Эммой Кошкиной, своей злейшей подругой. Теперь Эмма носила прически от Кардена, а Марина, выиграв кассету Майкла Джексона, никак не могла решиться остричь косички, не имеющие ровным счетом никакого отношения к сюжету этой повести.

Жизнь в маленьком городке имеет свои преимущества, но и не лишена недостатков. Человеку кажется, что он незаметно встретился с одной гражданкой, а оказывается, несколько пенсионерок разнесли об этом весть раньше, чем человек возвратился домой.

– Когда-то, – задумчиво произнес профессор Минц, держа в руке камень, как принц Гамлет держал череп Йорика, – потоки расплавленной лавы неслись по улицам нашего городка, пожирая тела беспомощных динозавров.

– Ну ты перебрал, – откликнулся Удалов. – Тогда нашего городка не было, хотя я не отрицаю его исторических заслуг.

– Ты приземленный и скучный человек, – сказал Минц. Марина промолчала, но в душе согласилась с профессором.

– Словно по улицам Помпеи, – продолжал Лев Христофорович. – Не оставляя на своем пути ни одной живой души. Даже комариной... Ты что, Мариша, хочешь, чтобы я отправил образец на анализ?

– Зачем? Вы же с первого взгляда определили возраст образца и его происхождение.

– Все же оставь камешек у меня, – сказал Минц. – Я займусь им на досуге. Каждому Гусляру нужны свои Помпеи.

Марина двинулась домой, а Минц сказал ей вслед:

– Сегодня его умиляют твои косички. Завтра, когда ваше чувство будет подвергнуто первым испытаниям, лучше показаться ему коротко, но элегантно постриженной.

– Ничего вы не понимаете, дядя Лева, – сказала Марина.

Глава третья

На следующий день они не смогли встретиться, потому что Марина сначала поехала на базу за товаром, а там была налоговая инспекция, так что ей пришлось задержаться до обеда. Аркадий три раза приходил к ее месту, а оно оказывалось пустым. Беда влюбленных заключалась в том, что они не знали друг друговых адресов и телефонов. Им казалось, что в Гусляре потеряться невозможно.

Аркадий переживал больше, потому что бездельничал, а Марина переживала меньше, потому что сначала была занята на базе, а потом побежала в парикмахерскую и еще уговорила Алену постричь ее без записи. Марине хотелось сохранить хоть немножко волос, отделавшись от проклятых косичек. Ее беспокоило высказывание профессора об испытаниях, которым должно подвергнуться чувство.

Когда Марина вышла из парикмахерской, то была неуверена в себе и готова приклеить косички обратно – ведь Аркаша полюбил ее с косичками! Она сомневалась, будет ли его чувство прежним без косичек. Ведь теперь она походила на мальчика.

Она остановилась в нерешительности. Вечер еще не начался, день был влажным, предгрозовым. Сейчас бы в пещеру, спрятаться от гро-

зы, подумала Марина и испугалась такой мысли. Ну что делать – порой мы думаем не совсем то, что надо думать.

Мимо пробегал Максимка Удалов, внук Корнелия Ивановича.

– Тебя Минц обыскался, – сообщил мальчик. – Что ты с собой сделала?

– А что?

– Сама на себя не похожа. Родная собака не узнает.

– Нет у меня собаки! – огрызнулась девушка.

Мальчик убежал, а она осталась посреди улицы, потому что если даже маленькие мальчики тебя осуждают, значит, Аркаша наверняка отвернется.

Вот в таком настроении Марина отправилась к профессору.

Профессор близоруко приглядeлся к ней и сказал:

– Хоть ты и не похожа сама на себя, но эффект скорее положительный, чем отрицательный.

Этим он, конечно, ее не утешил.

– Ты не спешишь? – спросил Минц.

– Никуда я не спешу, – отозвалась скорбным голосом Марина.

– Тогда погляди на свой камень под умеренным увеличением.

Марина, которой совсем не хотелось глядеть на камни, все же склонилась к микроскопу. И увидела, что поверхность камня прорезана длинными редкими канавками и бугорками.

– Видишь?

– Вижу, – ответила Марина.

И подумала: а что если купить парик? Поеду завтра с утра в Вологду, куплю парик, а если меня выгонят с работы, то бог с ней, с работой.

– И что ты видишь?

– Парик, – нечаянно ответила Марина. – Как вы думаете, в Вологде можно купить приличный парик?

– Мода на них прошла уже в восемнадцатом веке, – ответил профессор. – Но сохранились некоторые лысые женщины, которые идут на такие ухищрения.

– Я и есть такая женщина.

– Ты глупый ребенок, – сказал профессор. – Смотри в микроскоп и докладывай мне, что ты видишь. А если твой молодой человек не дурак, он только обрадуется твоему возвращению в человеческий облик...

Итак, что же мы видим на этой картинке?

– Не знаю.

– А попробуй представить, что это органика.

– Не представляю.

– Тогда я тебе скажу, – не выдержал Минц. – Мы с тобой видим отпечаток шкуры какого-то животного, оставленный в пещере много миллионов лет назад.

– Так не бывает.

– Конечно, малый клочок шкуры... а почему тебе это кажется невозможным?

– Потому что глупо, – сказала Марина, имея в виду, конечно же, парик.

– Если мы отыскали кусок породы с отпечатком шкуры динозавра, то наше открытие может оказаться эпохальным. Мы сейчас же идем с тобой к пещере. Ты не боишься?

– Пойдемте, – сказала девушка равнодушно.

Удалов в это время как раз вышел во двор поскучать, потому что у Ксении было дурное настроение. Он с удовольствием присоединился к экспедиции.

– В истории палеонтологии открытия, подобные нашему, – рассуждал по дороге Лев Христофорович, – уже встречались. Однако чаще всего отпечатки живых организмов сохранялись в известняковых отложениях, и такая судьба ожидала животных, которые погибли, утонув в море.

Вулканический туф, с которым мы имеем дело, – не лучший материал для сохранения отпечатков такого рода, как, например, известный всем нам отпечаток археоптерикса. Он имеет совершенно иную кристаллическую решетку...

Марина несколько раз порывалась повернуть назад, но Минц брал ее за руку и стыдил. Гроза громыхала совсем близко и обрушилась на путников в тот момент, когда они стояли перед входом в пещеру.

Минц, кряхтя, полез в пещеру, за ним последовала Марина, затем в пещеру влез и Корнелий.

– Тесно, – сказал Удалов.

Минц включил фонарь, и всем стало ясно, почему тут так тесно. В пещере оказался еще один человек. Аркадий Синицкий.

– Ты чего тут делаешь? – удивился Удалов.

Минц включил фонарь, и всем стало ясно, почему тут так тесно. В пещере оказался еще один человек.

Мариша попыталась выбраться под дождь, но Удалов ее удержал.

Молодой человек закрывал глаза от света фонаря и ничего не видел.

– Вы кто? – спросил он дрогнувшим голосом.

– Известные вам лица, – сухо ответил Удалов. – Я, Лев Христофорович Минц и одна девушка.

– Какая девушка? – голос Аркадия снова дрогнул.

Марина не откликнулась. Ей хотелось спрятать голову между коленок.

Но она не успела, потому что профессор Минц резко развернул фонарь и яркий луч его уперся в остриженную голову девушки.

– Ой! – воскликнул Аркадий.

– Не узнал? – спросил Минц.

– Не то слово, – отозвался Аркадий. – Сами понимаете, она же изменилась... Стала еще лучше.

– Ты в самом деле так думаешь? – с дрожью в голосе спросила Марина.

Аркадий истово закивал.

После перекрестного допроса выяснилось, что Аркадий сидит в пещере уже третий час, потому что решил, что если Марина не знает, где его встретить, то должна вспомнить, где они уже встречались.

Минц направил луч фонаря на потолок и стены пещеры. Он возил лучом по неровным стенам, молодые люди молчали, затаив дыхание, а Удалов громко дышал. Ему хотелось дать совет, но он еще не знал какой.

– Смотри! – строго приказал Минц своему другу. Удалов стал смотреть на стену. И ничего не увидел. Молодые люди начали шептаться. Они выясняли отношения. Минц сказал:

– Боюсь, что это открытие мирового значения, но мы к нему еще не готовы.

– Объясни, – попросил Удалов.

– Ты внимательно смотри, – сказал Минц. – Вся эта стена покрыта канавками, царапинками и неровными бугорками. Что это такое?

– Что же это такое?

– Гигантский отпечаток вымершего животного, – провозгласил Минц. – Смотрите!

Он провел лучом фонаря по стене и затем пошел вдоль нее по сужающемуся ходу. До тех пор пока ширина хода позволяла ему продви-

гаться вперед, луч света выхватывал ту же структуру нее – все тот же отпечаток шкуры.

– А теперь смотрите! – воскликнул профессор и обратил луч себе под ноги. – Видите?

– Видим, – сказал Удалов. – Другая картинка, но похожая.

– А теперь вперед и чуть правее. Все посмотрели вперед и чуть правее. И увидели круглую яму. Неглубокую.

Минц посветил внутрь ямы, а Удалов вытащил оттуда пивную банку – видно, кто-то не очень давно посещал пещеру.

– Это не мы, – сказала Марина.

– Знаю, – сказал Минц. – Смотрите налево.

Слева тоже было отверстие. Тоже яма.

– Вы все еще не догадались? – спросил Минц.

Они еще не догадались. Они ждали, что скажет профессор.

– Много лет назад, – начал Минц, – в Помпее стали находить странные полости в окаменевшем пепле, который когда-то засыпал этот город шестиметровым слоем и погубил все живое. Одному из археологов пришла в голову мысль: а что будет, если заполнить такую полость гипсом?

Принесли гипс, залили полость, а когда окаменевший пепел убрали, оказалось, что это был полный и точный отпечаток погибшего человека.

Пеплу не удалось заполнить отпечаток, потому что телу потребовалось время, чтобы сгореть. Человек сгорел, а пепел затвердел. И получился как бы негатив человека – пустота на том месте, где он был. Таких негативов в Помпее десятки: люди и животные.

Минц замолчал. Луч фонарика уткнулся в стену и замер.

Все смотрели на круг света.

Неужели много миллионов лет назад на этом самом месте заживо сгорел динозавр? Громадное и добродушное существо, которое совсем не собиралось вымирать. Ему бы жить и жить, яйца откладывать, жевать папоротники – а тут вулкан, землетрясение, наводнение...

– Так что же получается? – спросил Аркадий, который первым пришел в себя. – Выходит, мы сидим в динозавре?

– Не исключено, – ответил Минц. – Вопрос лишь в том, как проверить нашу теорию.

– Проще простого, – сказал Удалов. – Надо налить в пещеру гипса, потом раздолбать холм, а что останется, то и будет динозавром!

– Ой... – прошептала Марина. – Это же первый в мире динозавр, которого человечество увидит воочию.

– Вам нравится такой вариант? – спросил Минц у Аркадия, а может быть, у самого себя. – Мне он категорически не нравится. Мы с вами совершенно не знаем, что скрывает в себе этот холм. А вдруг динозавр не одинок? А вдруг тут, за стенкой, скрывается другой динозавр? Мне кажется, что я когда-то слышал, что в холме есть пещеры. Не пещера, а пещеры.

– Ты прав, Лев, – согласился с ним Удалов. – Я в детстве даже лазил сюда, только не в эту пещеру, а в другую.

– Значит, первым делом мы должны обеспечить изучение пустот.

Изучение, а не уничтожение.

Глава четвертая

Возвращались в город двумя парами.

Первыми шли Удалов и Минц. Они обменивались идеями, которые рождались в их беспокойных головах.

Позади следовали Аркадий с Мариной.

Они не говорили о динозаврах, как будто не понимали значения этой находки. Их разговор состоял из вопросов. Ответы подразумевались.

– Ты в самом деле из-за меня сюда пришел?

– А зачем ты постриглась?

– Ты меня искал?

– Как ты догадалась?

А тем временем темнота опускалась на город, но посетить Лебедянского никогда не поздно.

Лебедянский стал мэром города совсем недавно, победив в отчаянной борьбе шестерых кандидатов, потому что был честным и обещал таковым оставаться навечно.

Еще подростком он возглавил организацию «Орленок», которая совершала походы по местам боевой славы. Правда, боевая слава давно уже обходила Великий Гусляр, но именно Толе Лебедянскому принадлежит честь открытия в гуслярских лесах братской могилы польских интервентов, замороженных там с помощью гуслярских про-

водников в начале XVII века. Еще в десятом классе средней школы Толя Лебедянский добился приезда в Гусляр делегации из Зеленой Гуры, откуда и были родом те самые ляхи.

Затем шустрый подросток пытался добиться слияния Великого Гусляра и Зеленой Гуры в один город-побратим, трижды ездил с этой целью в Польшу и один раз в Москву, где дошел до Андропова, но вся эта эпопея рухнула, когда в пылу общественной деятельности Толя завалил экзамены за восьмой класс и был оставлен на второй год, несмотря на то, что за парнишку вступилась «Эмнести интернешнл», баварская партия Зеленых и пионерская организация в Москве. После порки, ставшей известной всему городу, отец увез подростка в деревню, чтобы там он готовился к переэкзаменовке. Трижды Толя бежал из деревни, но тщетно. Его выслеживали с собаками и снова пороли. А тем временем от небрежения и раздоров в гуслярской организации «Орленок» польская могила была потеряна, город Зеленая Гура побратался с Франкфуртом-на-Одере, а о смелом подростке все позабыли.

Школу он все-таки окончил и поступил в вологодский институт культуры.

Здесь не место рассказывать о дальнейших приключениях Толи Лебедянского. Главное проявилось уже в истории с поляками: стремительное восхождение на Олимп и обязательное падение с него в долину. В чем-то Лебедянский был схож с античным героем Сизифом. Всю свою жизнь он вкатывал в гору камень своего жизненного успеха, но в последний момент тот срывался вниз, увлекая его за собой.

В год окончания института, когда уже пороть Толю было не за что, так как комсомольская работа выручала на любом экзамене, Толя влюбился в самую известную девушку на курсе, дочку второго секретаря вологодского горкома. Оленька тоже влюбилась, и студенты решили пожениться. Но за две недели до свадьбы, когда все другие юные карьеристы умерли от белой зависти, курс отправился в туристический поход. В ночь с субботы на воскресенье студенты пели у костров, выпивали, веселились, купались при луне. Толя не был приучен к алкоголю и потому потерял над собой контроль. Он пошел в кусты обсудить с лучшей подругой Оленьки некоторые детали приближающейся свадьбы. Неожиданно для самих себя Толя и Катерина кинулись друг другу в объятия. А Оленька в поисках жениха услышала стоны и вздохи в кустах и на всякий случай туда заглянула.

Так Толя остался без невесты, квартиры в Вологде и хорошего места.

К тому же, чтобы не вылететь из комсомола, он был вынужден жениться на Катерине, потому что та ждала ребенка. Не могла, коварная, дотерпеть до диплома.

У Катерины жилой площади в Вологде не было, пришлось молодым приехать к отцу в Великий Гусляр. Толя трудился в школе, преподавал обществоведение, ненавидел детей, но учился на них управлять массами.

Дети его тоже не любили, так что возвращался из школы он с газовым пистолетом и дубинкой. После нападения третьеклассников Катерина купила мужу бронежилет.

Бронежилет она купила у своего дяди – нашелся родственник в городе!

Был он сначала лейтенантом милиции, потом стал охранником у одного бизнесмена. Когда бизнесмена убили, дядя унаследовал его дело.

Катерину дядя Веня любил, купил ей джип, чтобы возить детей и бультерьера на прогулку.

Как-то он сказал Толе:

– Пора брать город в руки. А то развелось жулья – не перебить.

Толя согласился с родственником.

– Я на тебя надеюсь, – сказал дядя. – Придумай программу, понравься народу, будем толкать тебя в думу, а то и выше.

Так Толя стал сначала членом, потом замом, а вот теперь – мэром города. Честным и бедным мужем богатой и нечестной жены Катерины.

Уже в выборных чинах он ездил в Вологду на поклон.

И надо же – встретил свою бывшую невесту. Оленька временно работала уборщицей в детдоме, который спонсировал дядя Веня. А Толя привез туда подарки – старый компьютер, телевизор и мягкие игрушки.

Оленька постаралась скрыться в коридоре, но зоркий взгляд Толи ее настиг.

– Что с предком? – спросил он первым делом.

– На нищенской пенсии, – ответила Оленька.

Во взгляде ее было что-то собачье, будто не она когда-то застукала Толю, а он ее застал за нехорошим делом.

Когда мэр Лебедянский вернулся в Гусляр, его вызвал к себе дядя Веня и сказал, что намерен построить небольшой, скромный дворец на холме, поросшем соснами, который именуется почему-то Боярской Могилой.

– Сделаем, – легко согласился мэр. – Протолкнем участок через инстанции. Только придется платить.

Он проводил дядю до дверей кабинета и стал думать, как повернуть желание дяди к своей выгоде. Строительство предстоит большое, от пирога недурно бы откусить, но так, чтобы электорат продолжал считать его бескорыстным борцом за народное счастье. Недаром ведь в прошлом месяце был введен бесплатный проезд в автобусе для ветеранов Финской войны и боев на озере Хасан в 1938 году. Такой нашелся, и его фотографировали для газеты.

В шесть часов пятьдесят минут Толя Лебедянский пошел домой. Машину он отпустил – пускай люди почаще видят, как он один, без охраны, шагает по улицам города. Каждый может подойти, пожаловаться. Правда, чтобы не было провокаций, в трех шагах сзади шли два парня из ближнего окружения дяди Вени и дубинками отгоняли лишних просителей.

С шутками и улыбками.

Вечер выдался чудесный. Бывают в августе такие детские, теплые, безветренные вечера, когда даже сама природа купается в лучах заходящего солнца, а руководителям хочется быть добрыми и делать людям только хорошее.

Никто к главгору не подходил, потому что люди не очень любили, когда парни дяди Вени пускали в ход дубинки.

Идти до дома было всего минут десять, но мэр не спешил.

Он вышел на берег реки и сел на скамейку. Скамейки были недавно покрашены, и мэр гордился этим небольшим, но важным достижением.

Река спокойно несла свои воды, над ней летали стрижи, и когда из воды появлялось рыло щуки или сома, по воде расходились круги.

Сейчас бы удочку, подумал мэр, хотя еще ни разу не ловил рыбу. Все дела, дела...

В последнее время Анатолий Борисович думал вперед.

Ведь пост мэра в маленьком Гусляре – это не цель жизни. Нет. Надо стремиться к большему. Значит, будем брать Вологду, а потом

займемся Москвой. Может, снова поискать польскую могилу и выйти на международный уровень?

Не надо думать, что Лебедянский не любил денег. Он любил деньги, но еще больше любил власть и себя во власти. Он старался не смотреть в сторону Катерины, которая с благословения своего дяди распоясалась и даже в магазине отоваривалась бесплатно. Но она не знала, что верная старая лошадь – секретарша Лебедянского Марфута – обходила к вечеру точки, ограбленные Катериной, и возвращала ее долги. Об этом было известно гуслярским обывателям, и это вызывало у них добрые улыбки.

Мэр глубоко ушел в свои думы.

Охранники уныло курили в сторонке и отбивались от комаров.

Над рекой поднимался вечерний туман.

В восемь тридцать, когда начало темнеть, к скамейке подошли четыре человека.

Охранники оживились. Вытащили дубинки. Зарычали.

– Анатолий Борисович, – сказал профессор Минц. – Нам надо срочно поговорить.

Охранники придвинулись и хотели отогнать Минца, который слишком приблизился к мэру.

– Отставить! – сказал Лебедянский. Он хотел поговорить. Не важно, о чем.

Вперед выступил Удалов.

– Толик, – сказал он, – ты помнишь дядю Корнелия? Ты же с моим сыном в одном классе учился.

Это было правдой, хотя, впрочем, все в городе с кем-то учились в одном классе.

– А как же! – Толик улыбнулся загадочно, почти робко, он такую улыбку репетировал перед зеркалом. – Дядя Корнелий!.. А товарищи – с вами?

– Со мной. Дело серьезное, международное, – сказал Удалов.

– Тогда завтра, после одиннадцати. В десять у меня совещание по подготовке к отопительному сезону.

– Пять минут! – сказал Минц. – Дело в том, что мы нашли динозавра.

– Неужели? – спросил Толя. Но не улыбнулся. Потому что эти четверо не были похожи на умалишенных и в то же время очень волновались.

– Мы нашли первого в мире целого динозавра, – повторил Минц.

– И вернее всего, наш город прославится на весь мир, если мы найдем способ их восстановить.

– А что с ними случилось? – спросил Толик. – Вы кости нашли, что ли?

– Представьте себе город Помпеи, – вмешался в разговор Аркадий, – и вам все станет ясно.

На счастье просителей, Анатолий Борисович две недели как вернулся из Неаполя, где участвовал в Европейской конференции мэров малых городов. В Неаполе ему не понравилось, потому что было жарко и дорого, а итальянки, как на подбор, черные или крашеные, как в Румынии, где Анатолий Борисович тоже бывал на симпозиумах по проблемам малых городов.

– Помпеи представляю, – откликнулся мэр. – И если вы имеете в виду лупанарий, то я его посетил в составе экскурсии. Никакого впечатления он на меня не произвел.

– Ну при чем тут лупанарий! – воскликнул Минц, который в Неаполе не бывал, но знал латынь, как и все прочие языки нашей планеты. – Речь идет о трупах в пепле.

И Минц рассказал Лебедянскому о находке.

Живое воображение мэра тут же начало рисовать картины динозавров, заточенных в горе. Решили побывать в пещерах с утра. Встретиться в девять, и сразу – к горе.

Лебедянский попрощался с Минцем и Удаловым за руку, с остальными кивком и, собрав своих мрачных телохранителей, отправился домой.

Набегая одна на другую, в его голове носились мысли и образы.

Он понимал, что Минц с Удаловым не солгали. Оттиски живых динозавров ждали своего звездного часа на окраине вверенного Лебедянскому города.

Дома он велел дочке достать атлас ископаемых животных и принялся листать его, выбирая себе самых достойных динозавров. Будто можно было заказать, каких надо. Анатолию Борисовичу захотелось иметь диплодока тридцати метров длиной и тиранозавра-рекс – страшного хищника мезозойской эры.

– Ты чего это увлекся, Толик? – спросила жена Катерина, раздавшаяся в бедрах и щеках и не любившая причесываться.

Иногда Толик с ужасом думал о том часе, когда он станет президентом Российской Федерации и будет вынужден стоять на церемонии инаугурации вместе с супругой. Страшно подумать! Может, пока не поздно, отказаться от поста президента?..

– Тетя Римма звонила, – сообщила Катерина. Тетя Римма была женой дяди Вени. – Спрашивала, когда начнется строительство.

– Какое строительство? – спросил мэр, любуясь стегозавром. Надо будет раскопать стегозавра. Славный зверюга!

– Ну, коттедж на холме Боярская Могила, – напомнила Катерина. – Нам бы тоже присоседиться...

– Да ты с ума сошла! Я перед народом – как под увеличительным стеклом! Я должен быть хрустальным!

– Тогда сделай банк и запиши на мое имя, – посоветовала Катерина.

– Я тут подумал, – сказал мэр, – и решил: не лучше ли нам на холме детский городок устроить? Как у Диснея.

– Ты мне зубы не заговаривай, – предупредила мужа Катерина. – Ты что, кому-то еще холм решил продать? Сознавайся.

– Тут все в другом масштабе, – ответил муж, сдвигая брови, как на портрете Чапаева, который висел у него в кабинете. – Тут пахнет всемирной сенсацией. Если Минц прав – твой дядя будет лизать пыль с моих ног.

Последняя фраза несказанно испугала Катерину. И она поняла, что мужа надо спасать, опередив его легкомысленный поступок докладом дяде.

– Чувствую, – громко шептала она в телефонную трубку глубокой ночью, когда Толик заснул (ему, конечно же, снились динозавры в шляпах и под зонтиками), – кто-то его шантажирует. Подсовывает ему разную дребедень, чтобы разрушить его светлый образ.

Дядя приглушенно рычал по ту сторону трубки.

Глава пятая

Утром Лебедянский разбудил Минца и сам примчался за рулем своего скромного «ниссанчика». Дал такой сигнал перед домом № 16, что проснулись все, включая старика Ложкина, который не сообразил, что происходит, но, подчиняясь безусловному рефлексу, бросился к письменному столу и принялся строчить донос на некоторых лиц, которые позволяют себе будить тружеников.

– Эй! – кричал мэр города. – Вставайте! Наука не прощает бездействия.

Удалов не смог проснуться, но Минц через пять минут уже сидел в машине.

– Показывай путь, профессор! – приказал мэр. По дороге к холму он допрашивал Минца:

– Как будем доставать?

– Пока не знаю. Думаю над этой проблемой.

– Надеюсь, никому об этом еще не известно.

– Никому. Если не считать академика Буерака.

– Это еще кто такой? – удивился Лебедянский.

– Открыватель олигозавра, крупнейший специалист по «мелу» в Восточной Европе. Я не мог оставить его в неведении.

– Мог! – возразил мэр. – Этим ты погубил все наше дело! Он сейчас уже носится по Москве и кричит, чтобы посылали экспедицию.

– Вряд ли, – усомнился Минц. – Во-первых, Буераку девяносто шесть лет, и он уже второй год не выезжает в Гоби в экспедицию. Во-вторых, он живет в Израиле и не может бегать по Москве. В-третьих, Буерак глухой, и я не уверен, что он понял, о чем речь.

Слова Минца немного успокоили Лебедянского. Но, конечно же, не до конца. Все-таки нельзя выпускать из виду, что Минц – в какой-то степени лицо еврейской национальности. Такие, как он, нападают на беззащитных палестинцев.

Занятый размышлениями Лебедянский не обратил внимания на то, что за ним, не отставая и не приближаясь, едет джип «чероки» с гранатометом на крыше.

Оставив машину у обочины, мэр с Минцем поднялись на холм.

Пробравшись в пещеру, профессор зажег фонарь. Мэр был разочарован.

– Я думал... – сказал он, но не сообразил, как продолжить фразу.

Видимо, он думал, что обнаружит почти живое чудовище, а увидел обычную пещеру, не лучше других.

– Подойдите к стене, – предложил профессор, – проведите по ней пальцем... Что вы чувствуете?

– Шершавая, – признался мэр.

– Правильно, это отпечаток шкуры. Уже одного этого достаточно, чтобы наши имена были вписаны золотыми буквами в историю науки.

Даже если у Лебедянского и были сомнения по поводу динозавров, после слов профессора они пропали.

Золотыми буквами! В историю! Науки!

– И это эпохальное открытие, – строго продолжал Минц, – имело место на территории, которая находится под вашей ответственностью.

Мэр кивал. Он слушал покорно и с пониманием, которое росло в нем с каждой минутой.

– Человечество ждет, как вы сохраните народное достояние. В наше сложное и трудное время сразу найдутся люди с грязными руками, которым захочется извлечь из сенсационной находки своекорыстный интерес...

– Понимаю, – вздохнул Анатолий Борисович.

У входа в пещеру глухо выругался дядя Веня. Он бесстыдно подслушивал разговор Минца с Лебедянским. Про динозавров он ничего не понял, зато уразумел, что его названный зять и протеже намерен передать драгоценный холм под застройку кому-то другому, и вернее всего, этому плешивому профессору. Спелись! Продали! Никому нельзя верить!

И если бы Катька не позвонила и не предупредила, считай, что он лишился бы дачного участка. А ведь в этой жизни не деньги важны, а важен престиж. Вот он, Веня, уже пригласил заранее братву на новоселье. Из Тулы, из Питера, даже из Москвы!

– В тот момент, когда первое из чудовищ, – продолжал Минц, – восстановленное по помпейскому принципу, встанет на площади Гусляра, все самолеты мира полетят в нашу сторону. Спилберг заплатит любые деньги, только чтобы прикоснуться к нашему с вами открытию.

Мэр зажмурился.

Минц продолжал разливаться соловьем, потому что понимал: без поддержки Лебедянского динозавров могут погубить, уничтожить или украсть.

Веня не слышал и не хотел слушать продолжения разговора. Так и не узнав, о чем идет на самом деле беседа, он указал пальцем охраннику Ральфу то место над входом в пещеру, где порода нависала козырьком.

Ральф, идеальный охранник, тихо зарычал. Он любил стрелять из гранатомета.

Тщательно прицелившись в козырек, он выпустил гранату.

Граната вонзилась куда надо, и козырек рухнул вниз, увлекая за собой тонны породы.

Через секунду вход в пещеру перестал существовать. Клубилась лишь черная, дурно пахнущая пыль.

– К ноге! – приказал Веня охраннику.

Ральф пошел за ним к машине.

Веня не оглядывался. Он знал: не стоит оглядываться на прошлое. Даже в Библии написано, что жена Лота обернулась (поглядеть не то на Содом, не то на Иерихон) и превратилась в соляной столб.

Веня не хотел ни в кого превращаться. Ему и так было хорошо.

Глава шестая

Внутри взрыв гранаты ударил по ушам. Минцу показалось, что кто-то шлепнул его по голове тяжелым холодным мешком, полным овсяной каши.

Фонарик вылетел из руки и исчез. Пещера наполнилась пылью, воздух в ней стал такой сплющенный, что даже чихнуть удалось не сразу.

Абсолютная темнота. Абсолютная тишина. Именно так чувствует себя человек после смерти, подумал Лев Христофорович и тут же уловил слабый стон, которого сразу после смерти не услышишь.

– Кто это? – хотел спросить Минц, но вместо этого промычал неразборчиво, потому что во рту пересохло.

– Это я, – откликнулся знакомый голос. – Анатолий Лебедянский, можешь звать меня Толиком. Я здесь руковожу.

Голос в темноте дрожал и срывался. Будто бы Анатолий Лебедянский уже не был ни в чем уверен.

– Наверное, обвал, – подумал вслух Минц. – Надо же, простоять тридцать миллионов лет и рухнуть именно сейчас.

– Таких случайностей не бывает, – откликнулся мэр. – Вижу в этом злой умысел.

– Ну кому это нужно?

– Тому, кто хочет возвести чертоги на наших костях, – патетически возвестил Анатолий Борисович.

Наступила тягостная тишина. Потом ее нарушил слабый голос Лебедянского:

– Мы обречены? Что вы думаете, профессор?

Как странно мы устроены, подумал Минц. Вот и изменился тон нашего мэра. Он уже не руководит с высоты, он согласен снова стать обыкновенным человеком, отягощенным слабостями и сомнениями.

– Давайте искать фонарь, – ответил Минц. – Он упал где-то рядом, но мог откатиться. Ползите по полу и водите вокруг руками, поняли?

– Начал исполнять, – отозвался Анатолий Борисович. – Уже ползу.

Минц тоже пополз – навстречу Лебедянскому. Правда, ползать было трудно, так как в темноте они двигались зигзагами и никак не могли исследовать всю подозреваемую поверхность.

Фонаря не было.

Воздух в подземелье становился все более спертым. Возможно, им грозит удушье, о чем Минц не стал говорить Лебедянскому, чтобы тот не ударился в панику.

И когда силы и надежды уже оставляли Минца, его пальцы натолкнулись на толстую ручку фонарика.

«Теперь зажгись, – колдовал Минц, уговаривая фонарь, – только зажгись! Без тебя мы пропали!»

И фонарик зажегся. Как ни в чем не бывало. Словно лежал на полке в шкафу и ждал момента поработать.

«Спасибо», – сказал фонарю Минц.

– Теперь мы выберемся отсюда? – спросил Лебедянский. – Скажите мне правду!

– Посмотрим, – ответил Минц и принялся водить лучом фонаря по стенам.

Стены были на месте, за исключением той, в которой недавно зияла дыра наружу. Эта стена сдвинулась, сплющилась под давлением потолка.

Именно потолок и претерпел самые большие изменения. Он опустился, лишенный поддержки, косо лег, упершись углом в пол, и потому пещера уменьшилась втрое, а высота ее – в несколько раз. Теперь в ней даже выпрямиться толком было нельзя.

Минц подобрался к бывшему выходу. Он был завален настолько сильно, что и не стоило пробовать разобрать осыпь.

Лебедянский догадался, что диагноз неблагоприятен, и сразу начал канючить:

– Что же прикажете, до смерти здесь оставаться? Нет, вы мне ответьте, вы меня сюда завлекли, вы несете ответственность за мою безопасность!

– Помолчите!

– А знаете ли вы, что я вхожу в элиту области и даже всей России? Знаете ли вы... у меня же семья есть! Любимая жена, дети, теща! Неужели вы хотите оставить их сиротами? Нет, признайтесь, вы этого хотите?

Минц игнорировал стенания, водя лучом фонарика по стенам и питая слабую надежду на то, что найдет какое-нибудь другое отверстие.

Ничего не обнаружив, он принялся выстукивать стены рукояткой фонарика. А вдруг где-то рядом есть другая пещера?

Но стены отзывались одинаковым глухим звуком, показывая, что за ними нет никакой пустоты.

Минц устал и уселся у стены, вытянув вперед ноги. Фонарь он выключил.

– Зачем вы потушили свет? – рассердился Лебедянский. – Неужели не понимаете, что мне страшно?

– Мне тоже, – сказал Минц. – И к тому же обидно.

– Обидно?

– Отыскать целого динозавра, и на твоих глазах он гибнет!

– Какой еще динозавр? Куда он гибнет?

– Так нет его больше! Разрушили!

– Как вы можете думать о пустяках! Немедленно продолжайте искать выход. О динозаврах мы поговорим после.

– Боюсь, что никакого «после» не будет.

И Минц произнес эти слова таким тоном, что мэр ударился в жалкий плач.

Так прошло еще несколько минут. Дышать становилось все труднее.

Всхлипывания Лебедянского звучали все тише...

И тогда в почти полной тишине далекий и слабый, словно шуршание кузнечика, ползущего по скатерти, сороконожки, бегущей по палой листве, послышался звук: тук-тук!

Минц кинулся к стене и постучал в ответ. Пауза.

Снова стук снаружи.

Вернее, не снаружи, как сообразил Минц, а изнутри холма. То есть кто-то заточен так же, как и они?

– Что? Кто там? – спросил Лебедянский. – Меня нет!

Минц снова постучал.

И тут товарищи по несчастью поняли его. Они обрушили на стену мощную серию ударов. Минц отвечал им короткими очередями, постепенно приближаясь к тому месту, где перегородка или перемычка между камерами была самой тонкой.

Минц лихорадочно старался вспомнить азбуку Морзе, которую изучил, когда в молодости служил на флоте коком. Но кроме сигнала «SOS», ничего вспомнить не смог – память уже подводила гения.

Видно, собеседники не знали даже такого простого сигнала. Они колотили бессистемно.

Лебедянский лишь вяло стонал, а потом сообщил Минцу, что умирает, но стонать не перестал. Минц ничем не мог помочь главе города и поэтому поднял с пола осколок камня и принялся царапать им по стене, надеясь когда-нибудь процарапать в ней отверстие.

Но люди по ту сторону стенки были лучше вооружены. По крайней мере после недолгого молчания они вернулись к стене, и послышались ритмичные уверенные удары.

Это продолжалось не меньше получаса. К тому времени воздуха в пещере почти не осталось, и Минц, чтобы не тратить его понапрасну, улегся на пол и закрыл глаза.

Из забытья его вывела струя свежего воздуха.

Минц с трудом открыл глаза.

В пещере горели свечи – несколько свечей, отчего казалось, что профессор попал на елку, тем более что вокруг стоял такой суматошный и оживленный шум, будто окружающие намеревались пуститься в пляс.

– Объясните! – попытался перекричать окружающих Минц.

И тут в сиянии свечей и фонарей к нему склонилось очаровательное лицо Марины:

– Только не волнуйтесь, Лев Христофорович, все будет в порядке. Мы вас нашли.

– Как? Как вы нашли?

– Все просто, Христофорыч, – отозвался оказавшийся рядом Корнелий Удалов. – Эти голубки меня разбудили...

– Мы с Аркашей беседовали о палеонтологии, – вмешалась Марина. – А когда он меня домой провожал, то увидели, что вы с товари-

щем Лебедянским на машине в лес поехали, а за вами черного вида джип промчался и в нем известный бандит нашего города...

– Благодетель, – иронически пояснил Удалов.

– Мы – к Корнелию Ивановичу. Корнелий Иванович – пешком в лес.

– Мы пробег совершили, – сказал Удалов. – Для моего пенсионного возраста нечто невероятное! До сих пор отдышаться не могу.

– А навстречу нам джип катит...

– Когда подбежали к пещере, видим, что машина Лебедянского пустая. И это бы еще ничего, но входа в пещеру нет! Вход в пещеру завален. И никаких сомнений – дело рук Вениамина, – закончила Марина.

– Повторите! – послышался слабый голос.

Все обернулись. Анатолий Борисович приподнялся на локте, и глаза его отчаянно сверкали.

– Повторите! – взмолился он. – Вы уверены, что не клевещете на предпринимателя, основателя благотворительного фонда помощи детям матерей-одиночек?

– Что видели, о том и говорим, – грубо сказал Удалов.

– Подлец! – прошептал Толик и лег на пол, чтобы умереть. Жить ему больше не хотелось. Вернее, хотелось бы, придумай он достойную месть дяде Вене. Но пока ничего не придумывалось.

– Мы потыркались со стороны входа, – сказал Аркадий, – но безрезультатно. Здесь без трех бульдозеров ничего не сделаешь. И тогда Корнелий Иванович сообразил, что в этом холме есть другие пещеры.

– То есть другие динозавры, – пояснила Марина.

– Я их повел в соседнюю пещеру, которую с детства помню, – пояснил Удалов.

– Очень интересно, – сказал Минц. – И там тоже помпейский динозавр?

– Без сомнения, – ответил Удалов. – Рассказывать дальше?

– Конечно!

– Мы сообразили, что стенку между пещерами нам никогда не прошибить. Что делать будешь? В город бежать за ломами? А что если вы за это время задохнетесь?

– Мы были к этому близки, – признался Минц.

– И тут мы слышим – народ шагает, – сказала Марина.

– Притом многочисленный и хорошо снабженный для раскопок.

Народ, о котором шла речь, между тем начал собираться в дорогу.

Люди, спасшие Минца, подходили к нему по очереди, жали руку, желали здоровья и счастья в работе и личной жизни.

– Ну, мы пошли, – говорили они, – работа не ждет. Человек должен сам ковать свое счастье.

Один за другим люди потянулись к дырке в стене и исчезли в темноте.

– Кто же они? – спросил Минц.

– Кладоискатели, – ответил Удалов. – Отсюда километрах в десяти проходит симпозиум кладоискателей. Со всей России съехались.

– Но почему у нас? – удивился Минц.

– С каждой находки – поступление в городскую казну, – раздался голос Лебедянского. – У нас здесь открытая кладоискательская зона. Привлекаем капиталы.

– Но их-то что влечет?

– Ох, Лев Христофорыч, – вздохнул Удалов. – Забыл, что ли, про разбойника Крутояра, который зарыл под обрывом реки Гусь у Гавриловой заимки по-над Ксенькиным омутом свой сундук с драгоценностями во второй половине восемнадцатого века?

– Но это же легенда!

– Для кого легенда, а для других – трезвая реальность, – ответил Удалов. – Не читал ты в газете «Гуслярский триколор» о находке по-над Ксенькиным омутом кольца со смарагдом? Крупнейшие специалисты исследовали кольцо и постановили, что оно принадлежало поэту Гавриле Державину, которого крутояровцы ограбили в мае 1768 года, оставив ему только шапку, чтобы не застудил своего главного дарования.

– Нам повезло, что мы столкнулись с кладоискателями в лесу, – добавила Марина. – К счастью, на симпозиуме будут проходить практические занятия, и каждый, кто прибыл сюда, нес ледоруб или кирку. Так что спасли вас в мгновение ока.

Аркадий помог подняться Лебедянскому, который чувствовал себя слабым и подавленным.

Минц в последний раз кинул взгляд на пещеру, придавленную рухнувшим потолком...

– Десять негритят пошли купаться в море, один из них утоп, – пробормотал профессор.

В следующей пещере Минц остановился и стал с помощью воображения представлять себе, каким же был динозавр, испарившийся здесь пятьдесят миллионов лет назад.

Он оказался крупнее предыдущего, на спине у него был гребень – можно было угадать это по щелям, протянувшимся вереницей на потолке.

– Наверное, стегозавр, – предположил Минц. – Надо нам будет сегодня же обследовать все пещеры холма и снять его план. Как вы думаете, Анатолий Борисович, вы сможете выделить нам для этого специалистов?

– Если буду жив, – ответил мэр.

И с ним никто не стал спорить, потому что вспомнили об опасности, поджидающей всех в городе.

Потом Минц произнес:

– И все-таки интересы науки должны стоять на первом месте.

Вскоре они выбрались наружу. Минц зажмурился от света, показавшегося ему ослепительным. Лебедянский вообще потерял равновесие и чуть было не рухнул на землю.

Потом они побрели к дороге.

Но далеко уйти не смогли.

Посреди тропинки, опираясь на алюминиевые палки, стоял ветхий горбатый старик в сильных очках.

– Э, – произнес он, – молодые люди... вы не скажете, как можно пройти к динозаврам?

– Академик Буерак! – воскликнул Минц. – Какими судьбами?

Пришлось возвратиться в пещеру, потому что стыдно было сказаться усталыми, когда древний старец добрался до Гусляра, чтобы ознакомиться с открытием.

С неожиданной резвостью старик-палеонтолог полез по пещерам. Даже при слабом свете фонаря, даже в очках в шестнадцать диоптрий он умудрился сделать несколько важных открытий касательно шерсти, пластин, когтей и даже зубов помпейской породы ящеров.

В город он идти не хотел – предпочел ночевать в пещере, чтобы не отвлекаться от работы. И когда Минц стал уговаривать его отдохнуть, он ответил решительно:

– Отдых нам только снится. В моем возрасте приходится ценить каждую минуту.

Они ушли в город; академик Буерак махал им сморщенной рукой.

Глава седьмая

Лебедянский не отставал от Минца. Он полагал, что пока рядом Лев Христофорович, жизнь его почти в безопасности. Хотя угадать, на какие шаги решится дядя Веня, было трудно.

А город кипел.

Многие уже знали о покушении на Минца и Лебедянского, некоторые, особенно демократы, выражали сочувствие. Другие отводили глаза, полагая, что теперь дни мэра сочтены – раз его крыша поехала в другую сторону.

Как ни странно, хотя о подробностях покушения судачил весь Великий Гусляр, сам дядя Веня не знал, что его враг остался в живых, а жена Анатолия Борисовича Катерина не догадывалась о провале покушения, ею же и спровоцированного.

Лебедянский дошел с Минцем почти до его дома, а потом дворами, огородами и аллеями городского парка пробрался к себе. Там он отсиживался в кустах, наблюдая за входом.

Через час он перебежками добрался до подъезда и стремглав через три ступеньки вознесся на третий этаж.

Он открыл дверь своим ключом.

Дочь, светоч родительских глаз, была дома и закричала с порога:

– Ну как, откопал динозавра?

– Динозавр скоро будет, – ответил папа и, отстранив девочку, пробежал на носках в большую комнату, где Катерина сидела перед телевизором – крепкие ноги во весь диван, сигарета в зубах, стакан с джином в руке. Она вовсю пользовалась тем, что муж уже убит и больше не придется скрывать свои пагубные привычки.

– Ральфуша? – спросила она, не отрывая взгляда от телевизионного экрана. – Ты заставляешь себя ждать, кобель паршивый. Ну иди сюда, животное.

Катерина протянула могучую руку в сторону двери, и Лебедянский еле удержался, чтобы не плюнуть в нее.

Вместо этого он сделал еще шаг и перекрыл собой экран телевизора.

Нетрезвый взгляд жены медленно пополз по его некрупному телу, и судорога недовольства исказила лицо супруги мэра.

– Как же так? – спокойно спросила она. – Мне же слово дали, что с тобой покончено.

– Со мной не покончено, – так же спокойно ответил Анатолий Борисович, – как не покончено со свободолюбивым и трудолюбивым русским народом. Не выйдет!.. А с такими, как ты и твой так называемый дядя, мы поступим не только по закону, но и по справедливости.

Тут нервы Катерины не выдержали. Женщиной она была подлой, но эмоциональной, то есть склонной к слезам.

– Не убивай! – закричала она и поползла на коленях к Лебедянскому.

– Не дождешься, не убью! – воскликнул мэр. – Только признайся, что вы вместе с дядей всю эту подлость спланировали.

– Ну какое тут может быть планирование, – возразила Катерина, продолжая ползать. – Нервная женщина пожаловалась близкому родственнику на невнимание мужа – всего делов-то.

Катерина лгала, но Лебедянский узнал все, что хотел. Сомнений в том, что его убийство было организовано дядей Веней, не осталось.

Он замер, размышляя, каким должен быть его следующий ход.

Но тут дверь отворилась, и вошел охранник дяди Вени по имени Ральф.

Мать его была женщиной, а отец ротвейлером. Поэтому и внешность, и хватка у него были соответствующие. Говорил он редко и с трудом.

Ральф изумленно зарычал, увидев живого Лебедянского. Сам ведь взрывал.

Мэр понял, что второе покушение на его жизнь окажется удачным, и потому ринулся в открытое окно третьего этажа. От травм его спасло только то, что он упал на крышу джипа, в котором приехал Ральф.

Крыша прогнулась и приняла в себя Лебедянского, как в колыбель. Мэр вылез из колыбели и, прихрамывая, побежал со двора. Ральф высунулся в окно и звонко лаял ему вслед.

В несколько минут Лебедянский добежал до мэрии.

Рабочий день кончался, и в коридорах было пусто.

Задержавшиеся чиновники с удивлением глядели на главу города, который несся к своему кабинету. Ходили слухи, что его убили наемные киллеры, да вот, оказывается, слухи оказались ложными.

Миновав секретаршу, Лебедянский вбежал в кабинет и кинулся к телефону.

Он набрал прямой номер губернатора.

Номер не отвечал. Губернатор уехал на примерку костюма, который шился к приезду в область Филадельфийского симфонического оркестра.

Лебедянский раскрыл спецкнижечку и нашел телефон Кремля.

– Ждите ответа, – попросили Лебедянского. Потом музыка проиграла несколько тактов мелодии Гимна России, и другой приятный голос сообщил: – Президент Российской Федерации не может сейчас ответить на ваш звонок. После третьего гудка прошу оставить ваше послание.

Лебедянский выпрямился – все-таки разговариваешь с президентом – и доложил:

– У аппарата Лебедянский. У меня сообщение государственной важности.

В окрестностях Великого Гусляра найдены динозавры. Повторяю: не скелеты и не останки, а точные отпечатки динозавров в полный рост, что является мировой сенсацией и принесет нам с вами славу и бессмертие. Однако черные силы олигархии уже тянут свои руки к народному достоянию. Прошу вас немедленно прислать в Великий Гусляр надежные воинские части, а также охрану для меня лично. – Лебедянский задумался, все ли сказал. Он уже готов был повесить трубку, но вспомнил и закричал: – Главное – устроить заповедник.

Сохранить все для потомков! Вы меня понимаете?

Но автоответчик на это ничего не ответил.

Лебедянский опустил трубку.

И тут же телефон зазвонил.

Неужели президент так быстро вернулся?

Лебедянский схватил трубку.

– Это ты, Толик? – раздался голос дяди Вени.

– Я.

– Ты чего же меня обманываешь?

– В каком смысле?

– Мы тебя уничтожили как класс, а ты снова жужжишь? Моя станция подслушивания перехватила твой звонок президенту. Ну как тебе

не стыдно такого человека, как наш уважаемый президент, всякой чепухой беспокоить? Какие еще динозавры?

– В том холме на самом деле таятся динозавры, – решительно ответил Лебедянский. – И вы, дядя Веня, одного из них взорвали! Несмотря на то, что я отменил решение о выделении холма под строительство.

– Документ у меня на руках. И учти, до президента твой голосок не долетел.

– Пути назад нет, – отрезал Лебедянский. – Ты меня убил, а я тебя посажу.

– Ха-ха, – сказал Веня голосом голливудского гангстера. – Мертвый хватает живого.

Лебедянский бросил трубку и ринулся к двери.

За столом секретарши сидел Ральф и скалил большие желтые клыки. Он поднял пистолет с глушителем.

Мэр бросился обратно в кабинет и, повалив на бок книжный шкаф, забаррикадировал дверь. После чего кинулся к окну.

Под окном стоял Веня с мобильником у плоского боксерского уха. За его спиной высились два автоматчика.

Лебедянский заметался по кабинету, как заяц.

Дверь большого шкафа, в котором хранились архив и посуда для банкетов, приоткрылась.

– Заходи, Толик, – сказал Удалов. Лебедянский в отчаянии залез в шкаф.

Удалов закрыл дверь. В полу шкафа обнаружился люк, сквозь который пробивался слабый свет.

– Еще во времена Екатерины Великой соратники Пугачева уходили этим подземным ходом в слободу.

– Это здание такое старое?

– Дом перестраивался много раз по вкусу эпохи. Но туннель не трогали. Каждый последующий градоначальник понимал, что ход может понадобиться.

Они спускались под косым углом. Воздух становился все более затхлым, приходилось на каждом шагу прорывать головами толстую упругую паутину, ступеньки под ногами были скользкими.

К Лебедянскому возвращалась сила духа.

– Надо будет выходить на связь с Кремлем, – сказал он.

– Мы подключаем мировую общественность, – ответил Удалов. – Тише!

Они остановились. Сзади далеко, но явственно доносились шаги и голоса.

– Черт побери! – выругался Удалов. – Они нас выследили.

Пришлось бежать быстрее, потом ползти на четвереньках. Сверху срывались тяжелые холодные капли и норовили попасть за шиворот. Мэр оскользнулся и поехал считать мокрые ступеньки. Набил шишек, но терпел.

Они выскочили наружу в густых кустах возле моста через Грязнушку – речка пропала лет триста назад, но мост сохранился. Ломая кусты, выбежали на дорожку и припустили на Пушкинскую.

Как назло, погоня не отставала и видела, куда они направляются.

– Давай к Минцу! – приказал Удалов. – Я буду отвлекать. Как птица от гнезда.

Он побежал по улице, махая руками, а Лебедянский отступал задами.

Через шесть минут он влетел в полуоткрытую дверь квартирки великого ученого.

Глава восьмая

– Меня надо спасать! Срочно! – крикнул мэр с порога. Минц спокойно запер дверь.

– У нас есть три-четыре минуты, – сказал он.

– Куда бежать?

– Куда скажу, – ответил Минц и вынул из ящика письменного стола небольшой рюкзачок, сделанный из серого металла.

– Это мне?

– Надевайте. Осталось две минуты.

Мэр понял, что время шуток прошло.

Он начал натягивать рюкзачок, с какими ходят по миру европейские длинноволосые туристы.

– Слушайте меня внимательно, – сказал Минц. – На вас машина времени. Портативный вариант. Не ахайте – некогда. Машина еще не изобретена и не запатентована. Ее привез со звезд наш друг Удалов. Действие ограничено, и вообще, в таком виде она не имеет пра-

ктического применения. Но вам она пригодится. Вы нажмете вот эту кнопку, видите?

– Вижу.

– Стоп! Не нажимайте раньше времени! Я еще не настроил.

К стеклу снаружи прижался нос Ральфа. Он вынюхивал жертву.

– Вы сейчас переместитесь на неделю вперед.

– А это не опасно?

– Опаснее оставаться здесь. Вас наверняка убьют.

– Я понимаю. Но я имею в виду здоровье – перемещение не повредит моему здоровью?

– Любому руководителю низшего звена, как, впрочем, и руководителю столичного звена, не свойственно чувство благодарности... Жмите на кнопку. Вы окажетесь здесь через неделю. Время – лучшее убежище.

Руки Лебедянского дрожали. Он никак не мог попасть пальцем в кнопку.

Ральф высадил плечом стекло и прицелился.

Профессор сам нажал кнопку.

Лебедянский тихо ахнул и растворился в воздухе. Пули охранника прошили пустое пространство, в котором только что находился руководящий работник.

Ральф ввалился в окно. Он рычал. За ним последовал сам дядя Веня.

– Где он? – спросил дядя Веня. – Найду – всех перестреляю.

– Простите, но всех вы не перестреляете, – ответил профессор Минц.

Ральф кинулся было опрокидывать приборы и реторты, но Минц успел предупредить:

– Половина реактивов крайне ядовита. Некоторые могут погубить все живое в пределах трех километров, а в одной из пробирок хранится средство пострашнее атомной бомбы. Если вы мне не верите, можете продолжать разгром.

Дядя Веня обладал интуицией.

– Его здесь нет, – сказал он. – Я нутром чую. Сбежал.

Ральф тявкнул, соглашаясь с начальником.

И они ушли, оставив разбитое окно да выбоины от пуль.

Глава девятая

Удалов и Минц отправились на холм. По дороге их догнали Аркаша с Мариной. Аркаша влюбленно смотрел на спутницу и сбивался с шага.

На выезде из города их обогнал джип: в нем сидел сам дядя Веня, а также Ральф и две женщины на заднем сиденье. Потолще – супруга дяди Вени, потоньше – Катерина. Теперь, когда все поняли, что Катерина окончательно осиротела, семейство дяди Вени приютило ее.

Ральф высунул из окошка морду и оскалился.

– На дорогу смотри! – крикнула жена дяди Вени Розочка, в девичестве Аймухамедова.

– Не обращайте внимания, – сказал профессор Минц. – Они ищут мэра. Пускай разведывают.

– У нас много проблем, Лев Христофорович, – сказал Аркадий.

– И одна – главная, которую я при всей своей гениальности пока не смог решить.

– Как проявить динозавров, – сказала Марина. Она была умной девушкой.

– Вот именно.

– Надо как итальянцы, – подсказал Удалов. – Залить в пещеру гипса, обколоть его со всех сторон – и получится динозавр в полный рост.

– Боюсь, – заметил Минц, – что эта идиотская идея придет в голову кому-нибудь еще.

Удалов замолчал, обидевшись.

– Пойми, – обратился к нему профессор, – ведь как только ты разрушишь пещеру, то тем самым уничтожишь негатив динозавра... В чем прелесть фотографического негатива?

– В чем? – спросил Аркаша.

– В том, что с него можно напечатать два или больше снимков. А как только мы разрушим пещеру, у нас останется лишь гипсовая отливка. Снимок в единственном экземпляре.

Мысль Минца дошла до его спутников и огорчила их.

Только что все казалось простым. Отделаемся от разбойников, наладим охрану, объявим район заповедным, а потом по примеру итальянцев зальем дыру гипсом. И никому, кроме Минца, не пришло в голову, что главную ценность представляет даже не гипсовая отливка, а сами стены пещеры, на которых сохранился отпечаток шкуры ящера.

– Пилим горы пополам, – подал голос Аркаша. – Половинку динозавра отливаем в одной части горы, половинку в другой – вытаскиваем их, не разрушая породы, составляем, как две половинки шара – и динозавр готов.

– Идея разумная, – согласился Минц. – Но представьте себе, коллеги, во что она обойдется городу и Академии наук? Кто и откуда достанет такие деньги?

– Пускай американцы раскошелятся, – предложила Марина. – А то как войска туда-сюда посылать, они молодцы, а вот динозаврам помочь – их нету.

– Нельзя, – вдруг произнес Удалов, который молчал так давно, что все о нем забыли, – они тогда за долги всех динозавров к себе увезут. На сохранение. Я слышал, что они даже статую Свободы из Франции увезли за долги.

– Думайте! – призвал друзей Минц. – Думайте и еще раз думайте. Должен быть выход из этой ситуации.

Некоторое время они шагали молча, потом выступила со своей идеей Марина.

– А если отыскать резину, которую можно было бы вытащить из пещеры через вход? Мягкую резину.

– Проверим, – сказал Удалов. – Но пока я о такой резине не слышал.

Утренний лес помалкивал, приближалась осень. Пора птичьей влюбленности давно прошла, из яиц вывелось потомство, которое надо кормить, учить летать и защищать от хищников. Тут уж не до песен. А некоторые из птиц, может быть, уже раскаивались, что слишком много пели.

Когда друзья вышли на поляну перед холмом, где стоял джип, они увидели четыре враждебных фигуры наверху, на вершине холма, под соснами. Те стояли, подобно витязям, которые всматриваются в даль – не приближаются ли хазары.

У входа в пещеру на складном стульчике дремал академик Буерак.

Пришедшие стали ступать на цыпочках, чтобы не разбудить великого палеонтолога, но тот открыл глаза, надел очки и произнес:

– Я описал там, в горе, великолепный экземпляр трицератопса. Чудесный экземпляр. Кстати, коллеги, как вы намерены поступить дальше? Хорошо бы сделать слепки.

Голос академика почти не дрожал.

– И еще мне хотелось бы узнать, какой варвар взорвал одну из пещер? Это преступление совершено совсем недавно.

– Вы правы, Аристарх Семенович, – виновато ответил Минц, который понимал, что не будь в пещере его и мэра, динозавр остался бы цел. – Я несу ответственность.

– Ответственность – не штаны, – сказал академик. – Ее не носят, а тащат, как тяжкий крест.

Минц стоял, покорно склонив лысую голову.

– Еще один погубленный динозавр, и я вас отлучу от большой науки! – предупредил Буерак. – Где у вас здесь диетическая столовая?

От помощи он отказался и поковылял, опираясь на алюминиевые палки, к столовой номер один.

В тот день Минц с Удаловым и молодыми людьми решили обследовать по мере возможности весь холм и выяснить, сколько в нем пещер и динозавров, хотя это не означало, что динозавров ровно столько же, сколько пещер.

Когда Аркаша полез на холм, чтобы посмотреть, что за дыра виднеется за стволом нависшей над крутизной сосны, сверху раздался грозный оклик:

– Ты куда прешься, блин?

Кричал дядя Веня. Он был недоволен.

– А вам какое дело? – крикнул в ответ Удалов.

– Это мой дачный участок, – объяснил дядя Веня. – У меня сегодня строительство начинается.

– Пока не началось! – крикнула Марина.

– К тому же вы не имеете права, – сказал Удалов.

– Право сильного – его мускулы! – ответила Розочка, жена Вени.

– Вот мой Толик поперся против силы, и кранты! – добавила Катерина.

– Ваш супруг, Катерина Павловна, – крикнул Удалов, – находится в безопасности и вне пределов досягаемости криминальных элементов. Он вернется со щитом и отрядом ОМОН, поверьте моему слову.

– Чепуха! – откликнулся Веня. – Я его лично испарил.

Пока шла дискуссия, исследование холма продолжалось. Аркаша отыскал небольшую дыру, Марина залезла к нему и передала фонарь. Удалов, как бывший строитель, сел на пень и разложил на коленях

лист картона, на который начал наносить план холма и пещер с ископаемыми.

Действие этого спектакля проходило как бы в трех уровнях.

На вершине холма суетились Веня со своими спутниками. Они мерили площадку вдоль и поперек, рассуждая, в какую сторону развернуть веранду и где поставить каменную стенку, чтобы при нужде из-за нее отстреливаться.

Этажом ниже Аркаша с Мариной ползали по пещерам и ходам внутри холма, поражаясь тому, как же люди за столько веков не сообразили, что пещеры – это внутренности исчезнувших динозавров.

Наконец, у подножия холма Минц с Удаловым вели исследовательскую работу, стараясь представить, сколько же всего ящеров таится в холме.

Между «этажами» царило временное перемирие. Тем более что детали занятий соперников соседнему «этажу» не были ясны. К примеру, Минц не подозревал о том, что Аркаша с Мариной, вместо того, чтобы лезть в хвост очередного динозавра, страстно целуются в кромешной тьме, и Марине, оказывается, совсем не страшно. В то же время дядя Веня не понимал, что там рисуют на картонке пенсионеры. Вернее всего, донос на него. Но к доносам он привык. Донос – это не более чем лишний расход. Заплати – и донос ликвидируют. Сейчас не сталинские страшные годы, сейчас все гуманитарно.

Нацеловавшись, молодые люди высовывались из очередной пещеры или расщелины и сообщали в устной форме, куда и как ведут подземные ходы. Они уже научились угадывать в причудливости ходов биологические формы вымерших чудовищ. Минц с Удаловым делали выводы, заносили их на рисунки, а дядя Веня думал о том, что холм надо будет укреплять. Это усложняло работы, но Розочка была категорически настроена – коттедж должен возвышаться именно здесь и нигде кроме.

Иначе не удастся приподняться над Смушкой, Тер-Ахтиняном и авторитетом, известным под кличкой Спиртзавод.

В рабочих проблемах дядя Веня всегда брал верх, но дела хозяйственные и семейные решала Роза. У нее была цепкая житейская хватка. Недаром она в свое время засадила папу в тюрьму, потому что он не давал маме денег на мясо и масло для четверых детишек.

Веня решил залить ходы и пустоты цементом, чтобы коттедж стоял, как вкопанный.

Все три группы исследователей закончили работу примерно в одно время.

Дядя Веня с семьей, безутешной, охваченной различными подозрениями Катериной и проголодавшимся Ральфом, который, правда, сумел поймать ворону и сожрал ее с перьями, умчались на джипе. Компания Минца пошла домой пешком. Они были взволнованы. Действительность превзошла все ожидания.

Хоть дядя Веня и убеждал всех, что испепелил мэра метким выстрелом из спецоружия, уверенности в том он не испытывал. Так что, добравшись до дома, спустил с цепи Ральфа искать Лебедянского по городу. Где-то тот скрывается. И намекнул Ральфу – как найдешь, сразу загрызи! И чтобы ничего гуманитарного.

Катерина попрощалась и пошла домой пешком. Только до дома не дошла, а присела поплакать на набережной, на одной из скамеек, покрашенных по приказу ее мужа. О, как она раскаивалась в своем легкомысленном поступке!

Академик съел первое и половину второго в диетической столовой номер один, после чего его отвезли в реанимацию. Слава богу, обошлось. Он лежал в коридоре, ждал очереди на капельницу и размышлял о том, как достать трицератопса.

Глава десятая

Все крепко спали.

Кроме дяди Вени и Катерины.

Катерина тихо плакала – ей было неуютно и холодно в постели. К тому же Ральф не обращал на нее внимания, он так и не пришел на ночь.

Веня привез на вершину холма бетономешалку. Ее пришлось поднимать туда спецкраном, доставленным за два часа из Котласа специальным дирижаблем.

Бетономешалка твердо встала на вершине холма.

Веня хотел начать строительство на рассвете, потому что боялся враждебной бумаги. Но понимал, что если первый этаж к обеду будет возведен, никакой враг не посмеет выселить хозяина.

К тому времени, когда бетономешалку подняли на холм, бригада буровиков, присланная из Юрги, начала бурение штольни для заливки пустот.

Веня стоял рядом.

Он любовался собой.

Луна светила ему в затылок, периодически закрываемая несущимися облаками. Разбуженная грохотом кукушка начала предсказывать дяде Вене долгую жизнь.

Она не успела досчитать до пяти, как бетономешалка, которая весила несколько тонн, проломила потолок верхней пещеры и медленно ухнула внутрь холма. Только радиатор и передние колеса торчали наружу.

Дирижабль уже улетел, и некому было вытащить монстра из недр холма.

Дядя Веня кинулся на землю и принялся колотить кулаками по траве и сосновым иголкам. Такого поражения он еще не знал.

Из земли вылез перепуганный, весь в грязи и серой почве шофер и принялся костерить заказчика. Как назло, рядом не было Ральфа, который должен был разыскивать Лебедянского, а сам сидел на берегу реки Гусь возле краеведческого музея и выл на луну.

Профессору Минцу снился страшный сон. Человек, похожий на дядю Веню, вооруженный небольшой пушкой, стоял на гуслярской улице и ждал, когда из-за угла появится динозавр. Динозавр шел мирно, читал на ходу книжку, а если наступал на кого из прохожих, то просил прощения, да прохожие и не сердились – свой динозавр, замиренный.

И тут дядя Веня поднял пушку и выпустил в динозавра ядро.

Динозавр упал, уронив книжку, и тут на инвалидной коляске появился академик Буерак, светило отечественной палеонтологии, личный друг Кювье. Светило вопило: «Какого брахиозавра погубили, мерзавцы!» На что Минц ответил: «И их осталось восемь!»

В ужасе Минц проснулся. За окном лишь начало светать. Вороны неспокойной, крикливой стаей летели к лесу. От реки несся басовитый собачий вой. По улице шел разоренный дядя Веня и рыдал.

Профессор Минц пытался заснуть, но сон не приходил. Минц понимал, что ночной кошмар – явление пророческое. Что-то случилось с очередным динозавром.

Когда тем же утром Лев Христофорович добрался до холма и увидел торчащий из пропасти радиатор бетономешалки, то готов был рвать на себе волосы. Только волос уже давно не осталось.

Вскоре подошли Марина с Аркашей. Они не выспались, но не потому, что вы думаете, а из-за научного рвения. На рассвете они протиснулись между бетономешалкой и стенкой пещеры и выяснили, что машина раздробила голову и шею крупнейшей из живших на Земле рептилий. Урон был непоправимый.

– Сколько у нас осталось динозавров? – мрачно спросил профессор.

– Шесть, – ответила Марина. – Но один без хвоста.

– Меньше, чем негритят, – заметил профессор. Он имел в виду известное произведение Агаты Кристи, в котором все негритята по очереди погибают от руки убийцы.

– А у меня все еще нет идеи, – вздохнул Минц. – Я стар и никуда не гожусь. На свалку меня, на свалку!

Низко, чуть не касаясь вершин деревьев, в сторону города пролетел американский космический корабль многоразового использования «Челленджер».

– И чего им у нас надо? – спросил Аркаша. – Кто ему позволил?

Но разрешение у «Челленджера» было. Потому что из реанимации академик Буерак связался с американским президентом. Президент уже знал о динозаврах, но США пока не вмешивались во внутренние дела России. Буерак сказал, что ему срочно нужна инвалидная коляска с автоматическим управлением. Президент позвонил известному парализованному физику Хоукинсу и спросил, нет ли у него ненужной коляски. Хоукинс тут же согласился помочь коллеге. Чтобы не тратить времени понапрасну, коляску сразу погрузили на «Челленджер», который готовился к совместному полету с российско-китайским экипажем.

Российские ВВС дали добро – у них не оставалось выхода, и «Челленджер» повез коляску академику. В момент снижения Минц со спутниками его и увидели.

К сожалению, в памяти компьютера «Челленджера», который знает все, не оказалось плана Великого Гусляра. Поэтому, спуская на парашюте коляску, американцы промахнулись, и упакованная в жаропрочную оболочку коляска опустилась на территории дачного

кооператива «Земляничка». Обитатели его как раз собирали урожай картофеля.

В небе кружил американский корабль, и с него повторяли громкую просьбу: нашедшего коляску немедленно отвезти ее в реанимацию первой больницы.

Огородники развернули оболочку и полюбовались иностранной коляской, а потом откликнулись на просьбу. Услышав их приближение, академик выпрыгнул навстречу кооператорам из окна.

Кооператоры исчезли, и оказалось, что у коляски нет колес. Кто-то успел их снять, пока ее везли в больницу.

К счастью, как раз в это время в Великий Гусляр прибыли ученики академика Буерака, студенты и аспиранты, во главе с его семнадцатой женой Машенькой Буерак, подружкой правнучки старшего сына Буерака от четвертого брака.

Жена и ученики подняли кресло с учителем и понесли к холму.

Пока они несли коляску, снабженную небольшим атомным двигателем и автоматической рукой, которая непрестанно записывала мысли пассажира, в доме дяди Вени шло совещание основных авторитетов Вологодской области и Ямало-Ненецкого автономного округа. Для преступного мира возведение коттеджа на вершине холма стало делом чести, доблести и славы.

Никогда еще противостояние Зла и Добра в Великом Гусляре не достигало такого накала.

Цель преступного мира состояла в том, чтобы любой ценой построить на холме коттедж из красного кирпича для дяди Вени. Эти трезвые люди не верили в существование динозавров и учили историю только по книгам математика Фоменко.

Цель профессора Минца заключалась в том, чтобы прекратить уничтожение отпечатков ящеров и извлечь из пещеры хотя бы несколько чудовищ. Решение было где-то близко, вертелось возле уха, мелькало в глазах...

Цель академика Буерака, который как раз приближался к холму, была несколько иной. Он понимал, что ему осталось недолго жить на земле.

Вся медицина мира, поставленная на службу его дряхлеющему организму, не сможет удержать его на этом свете. Образ трицератопса,

созданный многочисленными исследованиями и реконструкциями академика и вызывавший столько возражений со стороны завистливой научной общественности, не имел до сих пор настоящего вещественного подтверждения. И оставался открытым вопрос, лакал ли он воду из водоемов, опускаясь на колени или просто вытягивая шею. Академика Буерака охватывал ужас при мысли о том, что сделают завистники с его научным наследием. Судьба Чарльза Дарвина, беззащитного после смерти перед лицом юных генетиков, заставляла его цепляться за жизнь. А как хотелось порой умереть и отдохнуть!

Вы можете понять великого ученого – его не столь интересовала судьба ящеров вообще, негативы которых были закованы в холме. Его интересовал именно трицератопс. Именно его желал увидеть академик Буерак и насладиться своей научной прозорливостью.

Цель Аркаши заключалась в том, чтобы завоевать сердце прекрасной Марины и, может быть, немножко прославиться в качестве первооткрывателя помпейской породы динозавров. Впрочем, благосклонность Марины была важнее славы.

Цель Марины заключалась в том, чтобы отрастить волосы. Ей казалось, что девушка с такой прической, вернее, отсутствием ее, не может завоевать сердце Аркадия.

У Анатолия Лебедянского цели не было, потому что он мчался сквозь время. Может быть, к счастью и для себя, и для окружающих.

А вот его жена Катерина металась от одиночества, оставленная всеми и ненавидящая своего дядю Веню, который все подстроил. О своей роли в этих событиях она предпочитала не вспоминать.

У Корнелия Удалова была своя цель: в очередной раз прославить родной город и Землю вообще, что ему раньше не раз удавалось.

Можете себе представить, сколько различных и противоречивых целей было у действующих лиц нашей драмы!

Ближе всех к осуществлению своей задачи был, конечно же, академик Буерак.

Несмотря на то, что материально преступный мир его подавлял, Буерак пользовался поддержкой мировой общественности, не знавшей, что престарелого академика обуял вирус тщеславия.

И пока Минц с Удаловым обсуждали, как бы вытащить динозавров, не повредив пещер, пока Аркадий с Мариной думали о взаимности, пока авторитеты искали пути в Кремль, чтобы нейтрализовать

действия исчезнувшего Лебедянского, академик, окруженный толпой учеников и влекомый супругой, уже приблизился к холму.

Его интуиция говорила:

«Вход к трицератопсу справа, под корнями вон той сосны».

– Крошка, – сказал академик, обращаясь к молодой жене.

– Я тоже по тебе истосковалась! – ответила жена, ложно истолковав слова мужа и потянувшись к нему для поцелуя.

Академик мягко отстранил тоскующую женщину и сказал:

– Не здесь и не сейчас. Сначала сделаем динозавра.

– А потом – ребеночка! – взмолилась молодая жена, которая боялась, что предыдущие жены и дети отсудят у нее дачу и квартиру, если брак не будет подкреплен младенцем.

Ученики зашикали на молодую жену.

– Несите гипс! – приказал академик.

Одни из студентов образовали живую цепочку до мастерской скульптора Разгуляй-Гуслярского, у которого академик прикупил весь запас гипса, другие, тоже цепочкой, протянулись до ручья, из которого черпали воду и передавали друг другу.

А третьи, самые приближенные, заливали жидкий гипс в отверстие пещеры. Делали это быстро, потому что гипс не должен был затвердеть раньше, чем заполнит всю полость.

Наконец молодая жена закричала:

– Есть заполнение!

Она начинала жизнь как ассистентка богатого дантиста, который не смог на ней жениться, потому что ему не позволила мама. Но некоторые слова запомнила и знала, как проходят канал зуба. Поэтому вся операция с динозавром казалась ей похожей на пломбирование.

– А вот теперь, – сказал академик Буерак, – начинается самое трудное. Вам предстоит разрушить каменную оболочку, в которой заточен наш птенчик. Сейчас моя супруга раздаст вам портативные отбойные молотки. Приступайте!

Над холмом, над лесом поднялся такой грохот, что встревожил профессора Минца, который вскочил и побежал, забыв о возрасте и болезнях, Марина и Аркадий с разных сторон кинулись к холму, а главные уголовные авторитеты расселись по своим джипам и тоже взяли курс на заповедник мертвых динозавров.

И все они опоздали.

Бодрые и шустрые ученики академика Буерака успели превратить в пыль западную часть холма. И из этой темной пыли, подобно белому Фениксу, поднимался могучий трицератопс, одно из самых причудливых созданий, порожденных фантазией небесных сфер.

Прибежавшие и приехавшие оппоненты академика толпились на краю поляны, опасаясь подойти ближе, потому что ученики Буерака продолжали обкусывать и обсверливать камень. Превращать в порошок то, что природа надежно и нежно хранила более пятидесяти миллионов лет.

– Один из них утоп, – произнес профессор Минц, – осталось, осталось...

Он обернулся к Марине.

– Пять динозавров, – сказала девушка. – Пять пещер.

– Я опять просчитался, – сказал Минц.

Он не мог даже укорить академика, потому что тот не услышал бы его за шумом отбойных молотков.

Глаза Буерака сверкали.

– Именно – вставал на колени! – кричал он.

– Кто вставал на колени? – крикнул Минц.

– Трицератопс! Смотрите! Смотрите все – вы видите мозоли на коленях! Мое гениальное предвидение оправдывается! Он часто опускался на колени во время водопоя.

Именно в этот момент научного триумфа академика Буерака на площадку перед холмом выехали тринадцать джипов вологодских и ненецких авторитетов.

Из переднего выскочил нервный дядя Веня и увидел трицератопса белого цвета. Громадное чудовище нависало над группой людей, столпившихся у холма.

Можно понять дядю Веню, который решил, что ящера сделали специально для того, чтобы не дать ему построить себе скромную виллу на вершине.

– Ральф! – закричал дядя Веня. – Огонь!

Не теряя ни секунды, Ральф оскалился и начал палить по динозавру – уникальному экземпляру мезозойской фауны – из всего имевшегося у него оружия. А оружия у него оказалось много и разного.

Надо сказать, что пальба в среде уголовников считается заразительным занятием. Вологодские и ненецкие братки дяди Вени тут же включились в пальбу. Куски гипса отлетали от динозавра. Несколько пуль попало в мозоли на его коленях.

– О нет! – закричал академик Буерак.

Движимый лишь силой духа, так как колеса его инвалидной коляски были украдены кооператорами, он взвился в воздух и с некоторым опозданием заслонил своим тщедушным телом несчастного трицератопса.

Разумеется, стрельба прекратилась.

Но не сразу.

Академик Буерак упал на землю возле останков динозавра.

Его лицо разгладилось и приобрело выражение торжественное и умиротворенное. Академик умер, завершив свой многолетний жизненный путь последним научным подвигом. Он не только разрешил все споры касательно анатомических особенностей трицератопсов, но и спас (по крайней мере, так ему казалось) ископаемое животное от рук вандалов.

– Вы убили, – кричала супруга академика, склоняясь над безжизненным телом гения, – лауреата Нобелевской премии! Нет вам прощения!

Вся атмосфера этой древнегреческой трагедии была настолько впечатляющей, что ужас охватил криминальных авторитетов.

Они задрожали и начали отступать к джипам.

Но не успели дойти до машин, потому что прозвучал голос сверху, где на бреющем полете пролетал корабль «Челленджер»:

– Ты будешь отомщен, академик Буерак! Нет пощады убийцам!

Бандиты, домушники, грабители, насильники и убийцы кинулись было в разные стороны, но не тут-то было!

«Челленджер» спустился почти к самой земле, из него выпала тонкая и прочная сеть, которая накрыла сходку, и в мгновение ока все визжащие, ревущие, угрожающие карами бандиты были связаны, спеленаты и отправлены в недра корабля.

После этого «Челленджер» вышел на высокую орбиту и с нее взял курс на малоизвестную науке десятую планету. Слышали о ней?

Может быть, вы, уважаемый читатель, не очень хорошо разбираетесь в теоретической астрономии, так что я открою вам глаза.

Вас морочат!

В Солнечной системе планетой больше, чем учат в школе. Так называемая десятая планета находится на том же расстоянии от Солнца, что и наша Земля. Увидеть ее с Земли невозможно, так как не только расстояние от светила одинаково, но и скорость обращения вокруг Солнца точно совпадает с земным. Но есть любопытная деталь: десятая планета всегда находится на той стороне нашего светила. Прячется за его лучами. Достичь ее нетрудно: поднимись с Земли и подожди, пока она к тебе прилетит.

О существовании десятой планеты известно давно, но правящие круги как в СССР, так и в США скрывали правду от народов, надеясь использовать ее в своих целях. И если кого-нибудь посещала крамольная мысль: а нет ли чего по ту сторону Солнца? – его немедленно ликвидировали. В частности, это случилось с советским писателем-фантастом Беляевым, который опубликовал, ничего не подозревая, повесть «Десятая планета». Вскоре после этого он был найден мертвым от неизвестных причин. За ним скончались редактор книги, корректор, а еще через шесть лет – директор типографии, что говорит о многом.

На сегодняшний день стоит проблема заселения десятой планеты, что делается в страшном секрете. Туда и были отправлены бандиты из Великого Гусляра. Об их судьбе и судьбе десятой планеты мы расскажем особо.

Единственный, кто не пострадал, был охранник Ральф, который в той эмоциональной суматохе исполнил свою давнишнюю мечту и окончательно превратился в собаку.

Большой рыжий пес, задрав хвост, побежал к Гусляру. В лесу собаке делать нечего.

Минц и Удалов обнажили головы.

И Минц, думая о своем, произнес:

– Один из негритят пошел гулять по саду... осталось... Сколько у нас осталось динозавров?

– Немного, – ответила Марина, – и если не принять мер, их будет еще меньше.

И тогда тревожную тишину разорвал голос профессора Минца:

– Эврика!

Глава одиннадцатая

Лев Христофорович пригласил всех к себе в кабинет.

Он был похож на знаменитого сыщика Пуаро, который сбрил усы, но не оставил привычки собирать свидетелей и подозреваемых, чтобы поведать им о работе своих серых клеточек.

Сначала он открыл дверцу холодильника и вытащил оттуда литровую бутылку воды.

– Мое открытие, в сущности, не является таковым, – сказал он. – Надо было просто вспомнить.

Он поболтал бутылкой. Все смотрели на нее, как завороженные, потому что не знали, что намерен рассказать профессор. А вдруг бутылка взорвется у него в руке или из нее полезет конфетти?

– Может быть, вам приходилось читать или слышать, – продолжал он, – что вода обладает свойством, близким к памяти?

– Ну да! – быстрее всех ответила отличница Марина. – Но я всегда думала, что это даже не фантастика, а спекуляция. На наших слабостях всегда наживаются шарлатаны.

– Вот именно, – согласился Минц. – Тем не менее вода обладает способностью запоминать чуждые ей вкрапления. Проверено, что по мере уменьшения процента содержания в ней, скажем, духов «Шанель» вода все равно сохраняет этот аромат. Даже когда в литре воды останется лишь один атом духов. Впрочем, это сложная проблема, и вам она не по зубам. И, кстати, никакого отношения к нашим заботам она не имеет.

Минц поставил бутылку на стол. Удалов сразу взял бутылку и посмотрел на свет. Он привык все проверять.

– Важно то, что вода запоминает.

– Даже если мы в это не верим? – спросила Марина.

– Милая девочка, – сказал профессор Минц. – Ученые по своей сути люди неверующие. Они стараются проверить все, что говорят им фанатики, сплетники, жулики или бывшие математики. Понятие «опыт» как критерий истины для нас всего дороже. Если я вам докажу на опыте, что вода может помнить, это предположение перейдет в область фактов.

– Я вас поняла, Лев Христофорович, – откликнулась Марина.

– Память воды – вот ключ к воссозданию динозавров. Но одно дело запомнить запах. А способна ли вода запомнить форму?

– Чепуха! – сказал Удалов.

– Совершенно с тобой согласен, – откликнулся Минц. – Обычная вода формы не запомнит. Надо ей помочь. И вот тогда я синтезировал формалгидрозол-компакт. Как вам идея?

Все согласились, что идея отличная, хоть ничего не поняли.

– Если к ста объемам воды прибавить ноль целых две сотых объема формалгидрозол-компакта, то вода приобретет свойство вспоминать и воспроизводить форму сосуда, в котором она находилась прежде... Проверим эту гипотезу.

Минц достал из спичечного коробка комок прозрачного пластика, развернул его в пакетик и велел Удалову перелить в него воду из бутылки. Затем ловко перехватил пакет вверху и завязал узелком.

Получился прозрачный пакет, полный воды.

– Смотрите, друзья! – воскликнул Минц.

Друзья смотрели, не отводя глаз.

Подумав минуты две, пакет с водой вдруг начал менять форму, задрожал, задергался, мало-помалу принялся вытягиваться кверху, становясь все более похожим на грушу. На этом он не остановился и все тянулся, пока не превратился в точную копию бутылки.

В комнате раздались аплодисменты.

На глазах у свидетелей родилось очередное великое изобретение профессора Минца.

Лев Христофорович был несколько смущен.

– Ну полно, – произнес он, – это все пустяки.

Однако было видно, что он польщен признанием.

– Итак, что мы делаем дальше? – спросил профессор.

– Если наполнить памятливой водой пещеру, – сказала догадливая Марина, – а затем воду слить и наполнить ею некий подвижный и пластичный мешок, то он примет форму динозавра.

– Ну и что? – спросил Аркадий. – Так и будем держать животное в мешке?

– Нет! – возгласил профессор. – После обработки мешок потеряет мягкость, станет твердым и прочным, то есть пустотелым динозавром! Подобный химический процесс мною тоже разработан.

С этими словами профессор побрызгал из маленького пульверизатора на мягкую бутылку с памятливой водой. Через две минуты оболочка бутылки помутнела. Минц щелкнул по ней ногтем. Оболочка отозвалась звоном, словно тонкое стекло.

Затем Минц взял с полки кусачки и одним ловким движением срезал верх горлышка.

Он опрокинул бутылку над стоявшим на рабочем столе оцинкованным тазом, и вода полилась в таз с легким приятным журчанием.

Убедившись в том, что бутылка пуста, Лев Христофорович пустил ее по кругу.

Бутылка оказалась легкой, словно была сделана из бумаги. Скорее, как подумал Удалов, материал напоминал оболочку осиного гнезда.

– Осторожнее, коллеги, – попросил Минц. – Не раздавите ее. Пока эта бутылка – единственное доказательство моей правоты.

– Нелегко будет, – сказал практичный Удалов. – Это ж сколько воды надо привезти к холму.

– Надо будет с пожарными поговорить, – предложил Аркадий. – Патриоты они или так просто в городе живут?

– Тогда не трать даром время! – сказал Минц. – Иди к пожарным.

Глава двенадцатая

К пожарным все-таки послали Марину.

Марина побаивалась этих строгих и мужественных людей.

Когда она вошла, пожарные играли в карты, а некоторые отдыхали в ожидании вызова.

– Друзья мои, – произнесла красивая девушка Марина, – от ваших действий зависит честь и слава нашего города.

Пожарные бросили играть в карты, перестали отдыхать и обернулись к Марине.

– В холме Боярская Могила заключены изображения древних динозавров, которых нет больше нигде в мире. Их надо спасти.

И далее Марина изложила суть дела, включая открытие профессора Минца.

Пожарные смотрели на Марину доверчиво и внимательно. Бывают девушки, которым хочется верить.

Особенно неизгладимое впечатление произвела девушка на лейтенанта Попова Владимира, того самого, кто получил благодарность

по области за умелые действия по организации тушения коровника в Тютькове.

А когда Марина, чтобы подкрепить свое выступление, стала показывать альбом академика Буерака «Палеонтология не для всех» и репродукцию картины Карла Брюллова «Последний день Помпеи», лейтенант Попов приблизился к ней на расстояние локтя и стал пожирать глазами. Он не очень прислушивался к содержанию ее слов, но был готов потушить ради нее вулкан Ключевская Сопка или даже зажечь что-нибудь совершенно негорючее.

После исполнения миссии в пожарной команде Марина пошла на набережную гулять с Аркадием, где она призналась в том, что ей понравился один пожарный лейтенант, но не в смысле любви, а в смысле уважения.

И тогда Аркадию этот лейтенант не понравился. И он был прав.

Потому что именно в эти минуты второй расчет лейтенанта Попова мчался по дороге к известному нам холму.

Лейтенант Попов приказал остановиться у холма и послал сержанта Чилингарова, из горных магометан, обследовать крутые склоны с целью найти вход в пещеру, где таится оболочка динозавра. Тем временем другие сотрудники пожарной команды разматывали шланги, устанавливали насос и налаживали связь с ручьем, который протекал неподалеку от холма.

Лейтенант спешил, надеясь, что, совершив подвиг и наполнив водой пещеру-динозавра, он добьется благосклонности Марины.

Весь вечер пожарный расчет качал воду из ручья в пещеру № 3, которая представляла собой внутренность уникального тиранозавра. Вода текла, но не заполняла пещеру, потому что в пещере были отверстия.

Когда стемнело, расчет потребовал соблюдения кодекса о труде, раз уж нет загорания и опасности для жизни населения.

– Слушай, лейтенант, – от имени расчета сказал Чилингаров. – Завтра с утра приедем и еще накачаем.

Несмотря на возражения лейтенанта, пожарная машина укатила.

Все пошли по домам, а холостой лейтенант Попов пошел гулять по улицам в надежде встретить Марину.

И надо же! – встретил.

Холодно расставшись с Аркадием, она как раз возвращалась домой в прискорбном настроении. В конце концов, Аркадий не имел

никакого морального права ревновать ее к совершенно безвинному лейтенанту!

И тут лейтенант встретил ее на тихой вечерней улице.

Был он невелик ростом, без фуражки, отчего его светлый хохолок взметнулся к небу, как протуберанец.

– Марина, – сказал лейтенант. – Временные неудачи нас не остановят. Как говорится, я сделал все, что мог.

– Что вы сделали? – вдруг испугалась Марина. Она ведь ни о чем лейтенанта не просила.

– Как и было задумано, – ответил лейтенант, – расчет номер два выехал на объект «Боярская Могила», где произвел учебные работы по заливанию водой существующих в холме пещер. Однако на настоящее время пещеры удалось затопить не полностью. Так что ваш профессор, о котором вы так увлекательно рассказывали, может добавлять в воду свои средства для ее затвердения.

«Господи, – поняла Марина. – Как же плохо я им все объяснила!»

– Что вы наделали! – воскликнула девушка. – Вы все погубили!

– Ничего подобного, – обиделся лейтенант. – Все, как вы объяснили!

Оставив огорченного лейтенанта на улице, Марина побежала к Льву Христофоровичу.

– Одно плохо, – заметил пребывавший там же Удалов. – Вода в ручье протекает сквозь кожевенные мастерские.

– Дубильные стоки? – вздохнул Минц.

– Если бы только! – вздохнул в ответ Удалов. Решено было идти к холму на рассвете.

Глава тринадцатая

Утром подтвердились наихудшие подозрения профессора Минца.

Оказывается, едкая вода из ручья, которую накачивали в пещеры пожарные, сожрала, смыла, стерла нежные детали шкур динозавров.

Остались лишь приблизительные формы.

– Четыре негритенка пошли купаться в море, – заметил профессор Минц.

– Четыре негритенка резвились на просторе... Сколько пещер погубили наши старательные помощники?

– Три нижних.

– И сколько осталось?

– Подозреваю, – сказал Аркадий, – что они не тронули верхнюю. Последнюю.

– Что ж, – сказал Минц. – Я проиграл битву с современностью. Пятьдесят миллионов лет отпечатки динозавров спокойно ждали своего часа в этих пещерах. И вот за три дня мы коллективно умудрились погубить почти все пещеры. Заслуживаем ли мы снисхождения в виде последнего динозавра?

– Вряд ли, – откликнулся Аркадий.

– Будем считать, что их и не было, – добавил Удалов. Но Марина не согласилась.

– В то же время, – сказала она, – Лев Христофорович совершил по крайней мере одно великое открытие и несколько небольших... А наш город избавился на время от преступного мира.

– Спасибо за комплимент, – отозвался Лев Христофорович. – Но, к сожалению, путь в пожарную команду нам закрыт. Второй раз они туда не поедут. Впрочем, я и сам их туда не пущу.

– Что же делать? – испуганно спросила Марина, которая чувствовала себя виноватой. Ну что бы этому лейтенанту влюбиться в профессора Минца, а не в нее!

– Нам поможет тот, – ответил загадочно Минц, – кого с нами нет и быть не может, кого нет ни на Земле, ни в космосе.

Сказав эту туманную фразу, Минц поспешил к городу по изученной за эти дни, протоптанной, грубо изъезженной и разбитой различными колесами лесной дороге.

– Вы что-нибудь поняли? – спросила Марина.

– Кажется, я понял, – ответил Удалов. – Оставайтесь здесь и берегите последнего динозавра пуще своего ока. И чтобы потом не оправдываться: простите, нам было некогда, мы отвлеклись, мы целовались!

– Как вам не стыдно! – воскликнула Марина.

– Если я буду не прав, – отозвался Удалов, – то вы кинете в меня камень, как только я вернусь.

Удалов оказался не прав.

Они не стали целоваться. Их любовь подверглась в тот день первому серьезному испытанию. Аркаша не мог простить Марине лейтенанта Попова, а Марина не смогла простить Аркаше подозрений, связанных с лейтенантом.

Так что они берегли пещеру, а тем временем старшее поколение – Минц с Удаловым – добежали до своего дома, где Минц включил компьютер, чтобы вычислить, каким образом удобнее всего прервать полет во времени мэра Великого Гусляра Анатолия Лебедянского.

Через сорок минут Анатолий Борисович сидел на полу посреди кабинета, по его лицу гуляла блаженная улыбка.

– Как славно! – с облегчением вздохнул Удалов. – С этими путешествиями во времени у меня всегда переживания. Боюсь, что вместо человека явится его нога или правое ухо.

– Удалов, оставь свои глупые шутки, – оборвал его Минц и обратился к Лебедянскому: – Вы должны помочь вверенному вам городу.

– Городу... да, городу! – и тут Лебедянский все вспомнил. – О нет! – закричал он. – Только не это! Где гангстеры? Где убийцы? Я хочу снова в прошлое или будущее...

– Молчать! – прикрикнул на мэра Минц. – Судьба города в ваших руках.

– А дядя Веня?

– Да отстаньте вы с вашим дядей Веней! – озлился Лев Христофорович.

– Нет больше дяди Вени!

– А где он?

– На десятой планете.

– Это далеко?

– Около миллиона километров.

– Отлично! – обрадовался Лебедянский.

– Но динозавры в опасности, – заметил Минц.

– Какие еще динозавры? – И тут Лебедянский вспомнил историю с отпечатками динозавров, из-за которой он и загремел в рюкзачок времени.

Как человек опытный, получивший пионерскую и комсомольскую закалку, он быстро приходил в себя.

– Доложите обстановку, – потребовал Лебедянский. – Каким образом удалось обезвредить преступную группу? Каково состояние первобытных ящеров на настоящий момент? Есть ли связь с Москвой? Настроение общественности? Кстати, меня никто не успел подсидеть?

Минц с Удаловым доложили обстановку, включая ситуацию с памятливой водой.

Лебедянский был огорчен. Он предполагал, что ящеров окажется так много, что в городе удастся открыть специальный музей, куда будут приезжать со всего мира. Он осознал, что надо спасать последнего динозавра. Иначе все, включая его путешествие во времени, окажется пустой затеей.

– Что ж, спасибо, товарищи, – сказал он. – Будете сопровождать меня в мэрию на предмет организации работ. Жаль, что меня в эти дни не было в городе – к несчастью, вы напортачили... Нет, нельзя вам доверять такие ответственные задачи.

Лебедянский продолжал выговаривать Минцу за плохую работу, пока они шли до мэрии.

Секретарша Лебедянского, уже украсившая его портрет черным бантом, и сотрудники, успевшие украсть из кабинета Лебедянского все авторучки, блокноты и даже настольный календарь, в ужасе разбежались по углам, понимая, что гнев начальника будет справедлив и ужасен.

Лебедянский сразу сообразил, в чем дело, и с внутренней улыбкой подумал о том, что судьба подсунула испытание его сотрудникам. Без лишних слов он прошел к себе в кабинет, мысленно подсчитал урон и принялся созваниваться с городскими службами, где также оказалось немало виноватых.

Когда через сорок минут Минц и Удалов, сопровождавшие Лебедянского, в его машине подъехали к холму Боярская Могила, туда уже подтягивалась техника. Сначала – две красные пожарные машины со шлангами и насосами, такого же цвета большая цистерна с водопроводной водой, открытая сверху и оттого похожая на кастрюлю без крышки, грузовик со штукатурами, чтобы заделать в пещере все щели и дырки, через которые могла вытечь памятливая вода, ну и, конечно же, «скорая».

Ведомые Удаловым и лично Лебедянским водопроводчики и штукатуры скоро заложили щели, пожарники принялись качать в пещеру воду из цистерны, для чего протянули наверх шланги и установили насосы.

Когда воду из цистерны перекачали наверх, Минц устлал кастрюлю тончайшей пленкой и дал сигнал, чтобы воду выпустили из пещеры наружу. Через те же шланги вода полилась обратно в кастрюлю.

И тут началось сказочное зрелище.

Вода наполнила кастрюлю, после чего Аркаша с Мариной стянули сверху края пленки и заклеили ее скотчем. Вода осталась в ней, как колбаса в оболочке. И тут же начала шевелиться, пучиться, лезть кверху, будто внутри пленки двигался некто невидимый, желавший встать и распрямиться. Пленка приняла форму груши стебельком кверху и продолжала вытягиваться.

Превращение растянулось минут на пятнадцать, но никто за это время даже не пошевелился.

Вот он стоит в открытой цистерне, свесив хвостище и подняв голову на длинной шее. Прозрачный, сверкающий, дрожащий, туго схваченный тончайшей радужной пленкой.

Профессор Минц, побледневший от торжественности момента, вытащил из кармана небольшой цилиндр. В нем хранился порошок, способный превратить гибкую пленку в твердую оболочку. После этого можно вылить воду, а пленку заполнить чем-то более прочным.

– Давай! – приказал Лебедянский. Он наконец-то убедился в том, что заслужил Нобелевскую премию как член небольшого коллектива открывателей суперпленки.

В то время как мысли Минца, Удалова и их юных друзей были заняты динозавром и мечтой сохранить его для потомства, Лебедянский, истинный руководитель, о динозавре не думал. Динозавр – это прошлое, тогда как настоящий вождь всегда смотрит вперед.

«Оборонка» отвалит миллиарды. Проблема камуфляжа отпадет сама собой.

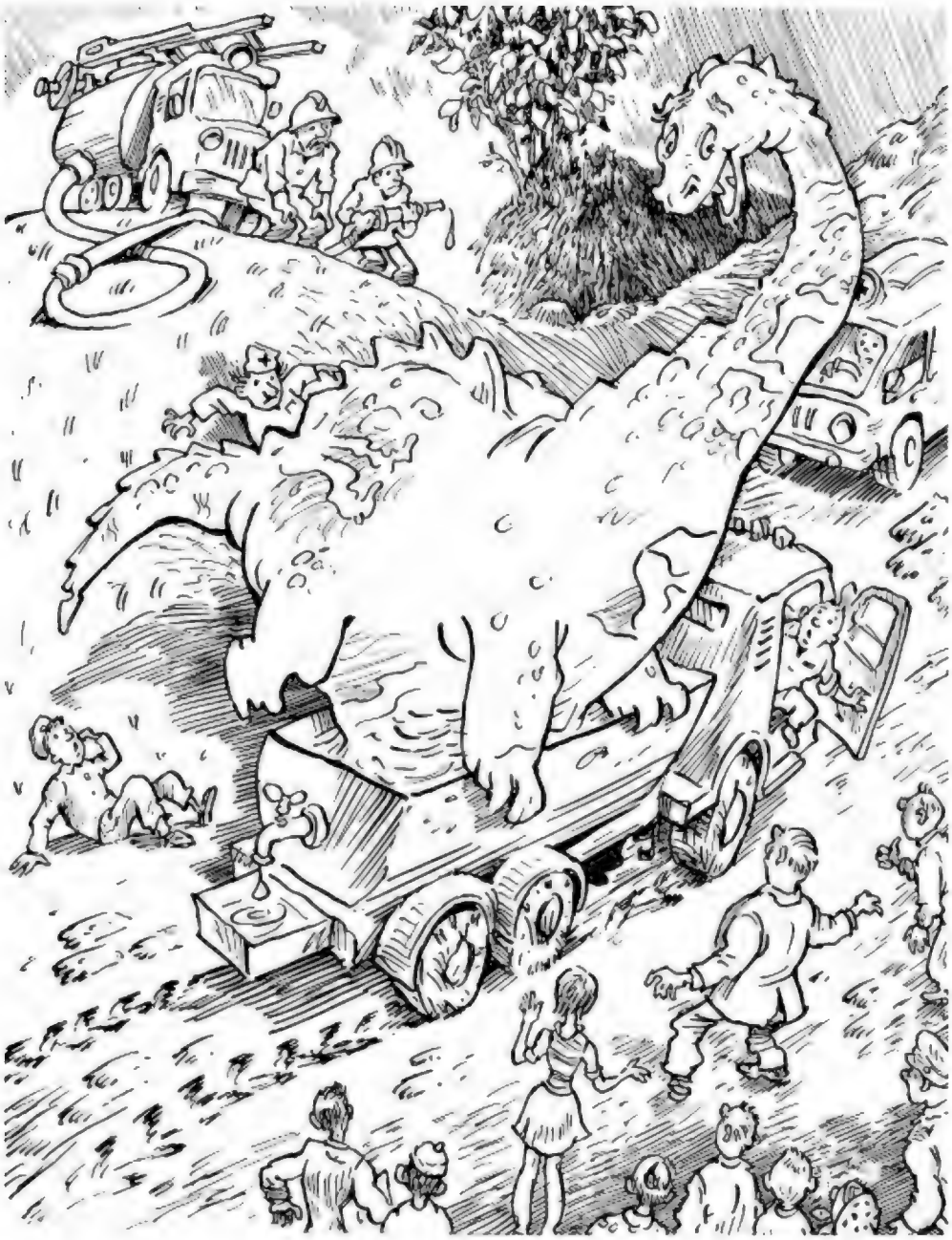
Налил в пленку жидкий танк, отвердил его, покрасил, и вот стоит сто танков. Настоящие же танки спрятаны в лесочке.

А транспорт! Налил памятливой воды в бочку, привез на место назначения, окутал пленкой Минца-Лебедянского и получай башню электропередачи, которую иначе пришлось бы тащить на трех трейлерах.

А шпионаж? Увозишь из вражеской страны бутылку лимонада. А это не лимонад! Нет, это важнейший и секретный прибор, который скопирован тайком. Домой вернулся, залил воду в пленку – вот тебе и украденный прибор...

Вот вам и метод Лебедянского-Минца!

Мэр поднял руку, чтобы дать приказ Минцу...



Вот он стоит в открытой цистерне, свесив хвостище и подняв голову на длинной шее, прозрачный, сверкающий, дрожащий, туго схваченный тончайшей радужной пленкой.

Но не успел.

Грохот моторов заполнил воздух.

Шесть, а может быть, семь зеленых вертолетов зависли над поляной.

– Всем стоять! – раздался мегафонный крик сверху. – Ни с места! Проводится федеральная операция!

Из вертолетов начали выпрыгивать люди в камуфляжной одежде и шерстяных чулках на головах.

И тогда Удалов понял: эти сначала будут действовать, а потом уж разбираться.

«Дошли мои сигналы до Москвы, – подумал Лебедянский. – Но лучше бы не доходили».

«У нас всего один динозавр, – подумал Минц. – И неизвестно, что сейчас предпримут сотрудники органов госбезопасности».

«Надо что-то делать, – подумал Аркадий. – И на все про все есть несколько секунд».

А Марина мгновенно вытащила из косметички маникюрные ножницы и легким движением полоснула по тонкой пленке.

– Ты что! – ахнул Аркадий. – Ты все погубила.

– Молчи! – приказал Лев Христофорович. – Может быть, это единственный выход!

Не успели камуфляжи окружить и положить на траву всех присутствующих, как вода вытекла из пленки и мирно заполнила цистерну. Майор крупного роста с мышцами Шварценеггера спросил:

– Кто здесь старший?

Лебедянский попытался встать.

– Лежать! – крикнул майор. – Где ваши динозавры?

– А на что вам они? – спросила Марина.

– Молчать! Мы должны вывезти динозавров в безопасное место.

– Их уже нет, – сказал Минц. – Их уничтожили.

– Кто уничтожил?

– Это долгая история, – сказал Минц.

– Расскажете. Загружайтесь в вертолет.

Героев нашей истории загрузили в вертолет. Включая Лебедянского, на которого никто не обращал особого внимания.

Водитель цистерны спросил:

– А нам что делать?

И водители других машин, а также пожарные, врачи и строители – все стали спрашивать, а им что делать, раз они только исполняли приказы.

– А вы давайте отсюда! – приказал майор. – Чтобы не мешать работам.

И тогда все уехали – и пожарные машины, и «скорая помощь», и цистерна с жидким динозавром.

Глава четырнадцатая

Минца и его друзей выпустили на следующее утро.

Впрочем, их и не допрашивали, ждали сигнала из Москвы.

Вместо сигнала из Москвы приехали специалисты. Правда, не совсем по динозаврам, а по целебным ваннам, потому что в компьютере произошла ошибка, и запрос на консультантов пошел не в Институт палеонтологии, как можно было ожидать, а в Институт бальнеологии.

Тем временем спецчасть обследовала пещеры, но, к счастью, большого вреда не нанесла.

Народу на холме и возле него скопилось множество, и до выяснения обстоятельств доступ в пещеры был закрыт.

К сожалению, профессор Чукин из Института бальнеологии отыскал все же небольшой целебный родничок как раз в той пещере, где находился отпечаток последнего динозавра. Там специалисты разместили оборудование. Говорят, что со следующего года в этой пещере будет открыт небольшой курорт.

Но это все дела грядущие. Нас же интересует, что делал профессор Минц, как только его отпустили.

Он отправился прямиком в пожарную команду, откуда привозили цистерну.

– Слушай, отец, – сказал ему водитель, – я эту воду сразу слил. Чего ей зря плескаться.

– Простите, – произнес Минц, – а цистерну вы помыли?

– Чего ее мыть, не кастрюля, небось, – ухмыльнулся водитель.

– Можно взглянуть?

– Гляди, отец, чего не поглядеть...

Минц провел ладонью по внутренней стенке цистерны и потянул на себя тонкую пленку – ту самую, в которой содержалась вчерашняя вода.

Пленка была такой тонкой, что поместилась у профессора в кулаке.

Он тяжело слез и пошел домой.

Вскоре туда же пришли и остальные, за исключением Лебедянского. Его перехватила жена Катерина, которая искала прощения.

Все были в траурном настроении, убежденные, что погиб и последний динозавр.

Минц положил на стол блестящий комок.

– Удалов, неси автомобильный насос, – приказал он.

Пленку надули во дворе, заклеив порез скотчем.

Получился динозавр.

Минц посыпал пленку порошком.

И пленка затвердела, как будто бумажная оболочка осиного гнезда.

Все стояли вокруг и наслаждались видом динозавра.

– Мы его покрасим, – сказал Удалов. – И поставим на площади.

– Нет, – возразил Аркадий, – сначала мы его наполним гипсом.

– А еще копию можно сделать? – спросила Марина.

– Хоть десять, – улыбнулся Лев Христофорович, любуясь чудовищем.

И в этот момент налетел ветер.

Его оказалось достаточно, чтобы поднять динозавра в воздух.

– Ах! – воскликнули хором все присутствующие. В общем крике звучало отчаяние.

Динозавр, все еще полупрозрачный, плыл над городом Великий Гусляр подобно аэростату воздушного заграждения во время войны.

Глядя вслед динозавру, Аркадий подумал вслух:

– Сейчас с аэродрома в Грязнухе-14 поднимут перехватчики.

– А могут просто ракетой, – ответил Удалов.

Так погибла великая находка.

Хотелось плакать.

Вытянув вперед шею, динозавр скрылся за деревьями.

– И кто нам поверит?.. – вздохнула Марина.

– Останутся первые сообщения академика Буерака, – сказал Минц. – Насколько я понимаю, он успел дать информацию о нашем открытии.

Они побрели домой. Начался дождик. В колеях быстро накапливалась вода. Под ногами хлюпало.

Дождь шел все сильнее.

Молчали.

О чем тут будешь говорить? Слишком велика была потеря энергии. Как моральной, так и физической.

На площади, у остановки автобуса, стояли под зонтиками люди.

Вместо автобуса с неба медленно опустился промокший и потому потяжелевший ящер, крупнейший из известных науке бронтозавров.

Автобус, который стремился к остановке, вынужден был затормозить.

Люди в очереди начали сердиться.

– Чья скотина? – кричали одни.

– Уберите ваше чудовище! – голосили другие.

– Мы будем жаловаться! – вопили третьи.

У нас ведь принято сначала кричать, а потом думать.

Марина опомнилась первой.

Остальные стояли, как вкопанные, не в силах поверить своему счастью.

В мгновение ока Марина сняла поясок, которым была подвязана ее французская кофта и, сделав на нем петлю, закинула на шею динозавра.

И повела его за собой.

– Осторожнее! – кричал вслед Минц.

Дождь разошелся не на шутку, и на улицах людей почти не было.

Незамеченными они пришли во двор городского музея. Там было достаточно места для динозавра.

Из окна выглянул директор.

– Уберите его! – крикнул он. – У меня нет на него ассигнований.

– Будут! – ответил Удалов.

Пока они препирались, Марина обошла ящера вокруг. Он был чудесен.

В боку его она увидела странную впадину. Совершенно квадратную, глубиной в двадцать сантиметров.

– Глядите! – крикнула она. – Что это может быть?

– Если достанете мне дополнительные ассигнования на ремонт и навес, приму животное, а нет – ведите в цирк! – кричал директор.

Минц подошел к углублению. На пленке были видны полосы и круглые шляпки гвоздей.

– Будут вам ассигнования, – сказал он. – Пошли обратно в лес!

Его спутники начали было сопротивляться, но Марина не сомневалась в мудрости профессора. В конце концов Аркаша пошел за Мариной, а Удалов за Минцем.

Дождь хлестал, как на гравюре великого японского художника Хокусая, который рисовал его струи, словно толстые неразрывные линии или стрелы, пронзающие путников.

Путники брели, наклонившись вперед и покорно принимая телом удары ливня.

Казалось, дорога никогда не кончится.

В лесу было еще хуже, потому что деревья подгадывали момент, когда под ними проходили люди, чтобы опрокинуть на них ведра холодной воды.

Минца тревожила мысль – что сказать сотрудникам госбезопасности, как объяснить свое появление. Ведь бросаясь в неожиданный поход, он совсем запамятовал о присутствии там людей в черных чулках на физиономиях.

Поляна открылась неожиданно.

Стало светлее.

Ни вертолетов, ни чекистов там не было.

Не найдя ничего, достойного государственного интереса, они улетели в Москву заниматься более серьезными делами.

Помогая старшим, молодые люди первыми проникли в пещеру.

Здесь бойцы отдыхали и ожидали дальнейших указаний.

На стенах и даже на потолке при свете фонаря можно было увидеть росписи и всевозможные граффитти. На земле были обнаружены следы горячего супа.

– Впрочем, – сказал Минц, обследуя пещеру, – нашего бронтозавра можно будет восстановить. И это радует.

Он подошел к четырехугольному выступу в стене, где находилось подбрюшие бронтозавра. Сундук, наполовину ушедший в стену, был покрыт вековой пылью, и отличить его от прочих выступов было нелегко.

Вытащить сундук из стены оказалось делом нелегким, но в конце концов друзья справились.

Марина вспомнила, как в детстве боялась читать о похождениях Тома Сойера в пещере, где таился страшный индеец. Сейчас все повторилось, только без индейца.

Замок, которым был закрыт сундук, за века заржавел и без труда бухнулся на пол.

Внутри сундук был набит рухлядью, которую давно уже сожрала моль.

Чихая и откашливаясь, они вывалили рухлядь на пол.

Боялись разочарования. Ведь не исключено, что разбойник Крутояр хранил в сундуке только дорогие одежды ограбленных современников.

К счастью, в глубине сундука отыскались ветхие мешочки, полные серебряных монеток невзрачного вида.

– Копейки, полушки и грошики, – сообщил Лев Христофорович. – Для музея представляют большую ценность, хоть навес на них не построишь.

А на самом дне обнаружились небольшие слитки золота. Аккуратные – как из-под станка.

– Из-под станка, – сказал Минц.

– Откуда? – удивилась Марина.

– Такие выдают путешественникам в Институте темпоральных исследований. Видно, один из них попал к разбойникам в лапы. Надо осторожней путешествовать. Спасибо тебе, наш неведомый коллега из будущих времен, который пожертвовал жизнью ради науки. Твое золото, полученное на путевые издержки, поможет нам построить навес для динозавра.

Они сдали золото и серебряные монетки в музей и разошлись по домам.

У всех начиналась ангина.

* * *

С тех пор прошло полгода.

Бронтозавр стоит во дворе музея. Над ним построили стеклянный купол.

В Гусляре теперь немало японских туристов. А недавно приезжал Спилберг.

Лебедянский более или менее примирился с женой, потому что развод неблагоприятно сказывается на имидже, а он собирается баллотироваться на вологодского губернатора. Раз в неделю Толик штурмует Минца, чтобы тот поделился с ним секретом пленки и памятливой

воды. ФСБ он к этому не подключает, потому что боится: в таком случае никаких надежд на Нобелевку у него не останется.

Минц уверяет, что тема еще недоработана.

Остальные живут по-старому, если не считать того, что на будущей неделе Марина выходит замуж за Аркадия.

КОСМОГРАФИЯ РЕВНОСТИ

– Нет, – твердо заявила Ксения Удалова, – за маленьким я в садик больше не ходок.

– Ну что за птица вас клюнула в одно место, мама? – сказала ее невестка Маргарита. – Мне за вас даже немного стыдно, если не сказать возмутительно.

Ксения не стала спорить, а пошла на кухню готовить щи и тихо плакать. Если такие слезы капают в щи, то они получаются хуже солянки, каждая слеза на вес чайной ложки рассола.

– Она у нас рехнулась, – сказала Маргарита своему мужу Максиму Корнелиевичу.

– Ты о ком? – спросил Максим, открывая пиво.

Он налил отцу.

Корнелий Иванович отпил и сказал:

– В мое время было только «Жигулевское» – и не больше бутылки в одни руки. Но какой напиток!

– А вчера она на рынок не пошла, – сказала Маргарита. – Я ее прошу по-человечески, вы же знаете, как я маму Ксеню уважаю, а она ноль внимания. А она говорит – на рынок не пойду, не могу даже по Краснопартизанской ходить. Как будто всю жизнь по ней не ходила.

– Возраст, – заметил Максим, – сказывается, при всем моем уважении.

Корнелий в разговор не вмешивался. Он задумался. Он лучше всех знал свою жену. С ней творилось неладное.

С точки зрения человеческого поведения объяснимое, но человек этот был особенным.

Максим решил наладить мир в семействе и произнес:

– Ладно уж, я сам в садик схожу, а ты, ма, завтра в химчистку мой костюм отнеси, лады?

– Это в какую химчистку? – спросила Ксения.

– На бывшую Серафимовича, – сказала Маргарита. – И мой серый костюм захватите.

– На Серафимовича не могу, – сказала Ксения из кухни.

И все замолчали.

Серафимовича была улицей почти соседской.

– Значит, не хочешь, ма? – спросил Максим.

– Значит, не желаете, мама? – спросила невестка.

– Не могу, видит бог, не могу, честное пионерское, – ответила Ксения с надрывом, без юмора.

– Но ведь вы еще на той неделе ходили, – вспомнила Маргарита.

– На той неделе я, можно сказать, еще на живого человека была похожа, – сообщила Ксения и громко шмыгнула носом.

В этот момент Корнелий поднялся и пошел наружу, во двор.

Никто, кроме Ксении, его ухода не заметил. С тех пор как Удалов вышел на пенсию, его многие перестали замечать. А в семье и подавно.

А Ксения сдвинулась к окну, чтобы наблюдать, как он выйдет из дома и куда завернет.

Но Удалов не появился, значит, он пошел на первый этаж – или к Грубину, или к профессору Минцу.

Ксения слушала голоса сына и невестки, голоса были громкие, и даже пронзительные, они произносили грубые и укоризненные слова, но Ксения не вдумывалась в их смысл. Она глядела на улицу, на увядающую, бурую из-за сухого лета, так и не успевшую толком пожелтеть листву. Осень в этом году выдалась некрасивая, не золото, а сплошная грязь. И жизнь у Ксении не удалась. Она, вообще-то, была несчастной женщиной.

– Вы куда? – спросила Маргарита.

– Тебя не касается, – ответила свекровь.

Ксения спустилась по скрипучей темной лестнице, легко продуваемой сквозь щели – дом был старый, считай барак, тридцатых годов, давно пора бы сносить и дать им квартиру в пятиэтажке улучшенного типа. Все, кто предшествовал Корнелию на посту директора стройконторы, и те, кто сменил его на том посту, – все построили себе виллы, коттеджи или хотя бы квартиры в элитном доме на Марксистской. Один Удалов так и остался в покосившемся доме № 16 на Пушкинской улице.

Что-то ей сегодня все было не по душе. Даже запахи на лестнице уловила, застоявшиеся, почти древние, кухонные и другие. И стекло мухами засижено так, что света не видать. Давно пора бы вымыть, а кто возьмет на себя такой труд?

Ксения спустилась на первый этаж, остановилась перед дверью к профессору Минцу. Дверь была стандартная, все слышно, только Корнелий с Минцем стояли не у двери, а в комнате, и голоса их доносились не очень внятно.

– А ты давал основания? – это Минц говорит.

– Ну какие основания! Ты меня скоро тридцать лет знаешь. Ну какие могут быть основания в нашем городишке, где каждый каждого в лицо знает?

Он засмеялся каким-то невнятным смехом. Минц тоже засмеялся.

– Не преувеличивай, Корнелий... Дыни желаешь? Мне одна женщина вчера принесла. Балует она меня.

Затем голоса отдалились и стали неразборчивыми.

Ксения вздохнула.

– Смеются, – произнесла она вслух. – Ну ладно, досмеются.

Она вышла на Пушкинскую и направилась к центру.

Вышла было к площади Землепроходцев, но тут ее словно плетью по ногам стегнули.

Дальше ни шагу!

Она и замерла.

Впереди был виден Гостиный двор. Прямо перед глазами магазин «Все для сада-огорода».

Вот именно! Этот самый магазин. Зловещая дверь приоткрыта в тягостный полумрак, откуда, как орудия пыток, выглядывают грабли...

Ксения зажмурилась от ужаса и попятилась.

Так она и пятилась метров двести, пока сообразила развернуться. Пускай они смеются над ней и осыпают ее упреками и оскорблениями. Если у женщины нет способов отстоять свою честь на дуэли или в конном строю, может быть, демонстрация слабости окажется более убедительной, чем напор силы?

И Ксения направилась к профессору Минцу.

Перед дверью к нему она остановилась и некоторое время прислушивалась – не хотелось ей встретиться там с мужем.

Ксения спустилась на первый этаж, остановилась перед дверью к профессору Минцу.

Внутри царила тишина, а потом послышался негромкий голос профессора. Он напевал известную песню «Мани-мани-мани» о власти денег. Значит, он один.

Ксения стукнула в дверь костяшкой пальца.

– Заходи, Ксения, – откликнулся из-за двери профессор.

– Здравствуй, Лев Христофорович, – сказала Ксения. – Как ты догадался, что это я скребусь?

– Дедукция, мой друг, дедукция, серые клетки моего головного мозга вычислили, что если в семье Удаловых зародилась проблема и побеседовать о ней ко мне пришел Корнелий Иванович, то неизбежно скоро заявится и другая сторона конфликта. Правда, я не думал, что так скоро. Садись, Ксения, рассказывай.

– А ведь он сознался, – ответила Ксения, но села в новое кресло, купленное в Швеции одним из почитателей профессора, который полагал, что Минц в последнее время меньше делает открытий, потому что старое кресло совсем протерлось – пружины наружу! – Если этот мерзавец признался, тогда я молчу.

– Он ни в чем не признался, – возразил Минц. – И боюсь, что Корнелию не в чем признаваться.

– Помолчи, Лев, – отрезала Ксения. – Иначе я и за тебя примусь. Позорно покрывать мужикам друг дружку.

Минц оробел.

Человек – существо многоплановое. Минц – не прост, как хронометр. И потому не всегда последователен в своих поступках. Поставьте Льва Христофоровича на подиум в том зале, где дают Нобелевские премии, и предложите прочесть нобелевскую речь без бумажки. Он это сделает спокойно. Его не смутят даже взгляды членов Шведской академии или улыбка шведского короля. Но перед кассиршей в нашем гастрономе он теряется, как школьник, в домоуправление ходит с душевным трепетом, а Ксения Удалова способна довести его до дрожи в конечностях.

Он знал, что визит Ксении – дело решенное и близкое, он знал, что Ксения потребует от него защиты от мужа, он все предугадал и предусмотрел, но ответить отказом, что было единственным разумным действием с его стороны, он не смог.

– Тогда рассказывай о симптомах, – вздохнул он. – Чаю хочешь?

– Я уже ничего не хочу.

– Говори.

– Не знаю, что здесь мой благоверный плел, но я тебе со всей ответственностью заявляю: седина в бороду, бес – в ребро. Ты меня понимаешь?

– Корнелий не производит такого впечатления.

– А ты не девица, чего тебе производить. А вот существо в юбке для него... ах, что тут говорить! Удавлюсь!

– Вот это лишнее.

– Знаю, что лишнее. Лучше его удавить, но рука не поднимается.

– Ксения, не отвлекайся.

– Хорошо, не буду. Ты ихнюю бухгалтершу видел?

– В стройконторе?

– Вот именно. Не видел? Я тебе скажу – крокодил с острова Комодо. Сухопутная тварь.

Ксения просмотрела немало познавательных программ по телевизору, и поэтому для нее крокодилы с острова Комодо были существами понятными и не чужими.

– Продолжай, – сказал Минц.

– Дальше – хуже. У нас в молочной продавщица – это раз, а на рынке в магазине «Все для сада-огорода» такая татарка, хоть чадру надевай! Дальше перечислять?

– Это все подозреваемые пассии твоего Корнелия? – спросил Минц, хотя можно бы и не спрашивать – и так все понятно.

– Ты словами не раскидывайся, – попросила Ксения. В ее глазах накапливались слезы – вот-вот покатятся вниз по алым щекам. – Ты пойми мое состояние. Он себе в детском садике одну отыскал. А ей всего-то лет шестнадцать-двадцать! Его же за развращение пора сажать. Хотя теперь эти Лолиты такие пошли, что пенсионера тащат в кровать и еще обкусывают.

– Что делают?

– Зубами по карманам шарят, – сказала Ксения. – Это так печально, чему их в школе обучают? А может быть, этому и обучают...

– Ксения, скажи, а ты не задумывалась: вдруг все эти женщины – плод твоего разгулявшегося воображения?

– Не повторяй его слова. Я покончу с ним и с собой. Лучше давай я тебе дальше перечислять буду. Вот ты думаешь, что Корнелий на

рыбалку ездит? Это глупая наивность. Он удочки в лесу под кустом прячет, а сам опушками на слободу несется, к одной молочнице.

– К молочнице?

– Ядреная такая, кровь с молоком, конечно, молочница. Я ее адрес знаю, скоро подожгу.

– Только не надо взрывать, – попросил Минц. – Все газеты напишут, что это чеченский терроризм, возьмут тебя и скажут, что ты – белая колготка.

– Окстись! У меня белых колготок и в жизни не бывало!

Ксения чуть приподняла подол юбки, чтобы показать, что ее колготки телесного, нормального цвета.

– А чего ты от меня хочешь? – спросил Минц.

– Спасения.

– Как я могу спасти тебя, Ксения?

– Со мною что-то происходит. Я выхожу на улицу, где детский сад расположен, и ноги у меня отнимаются. Не могу я ходить по Краснопартизанской. Убейте, не могу!

– Дальше, дальше! Это удивительный феномен.

– Ревность меня душит. Представляю, как он, этот старый развратник, шагает с ней в обнимку к детскому садику...

– Зачем?

– Зачем? Чтобы лобзаться в детский мертвый час. Детишки только закрыли глазенки, а он уж ее тискает в углу.

– Ох!

– Вот именно. Но когда выхожу я на площадь Землепроходцев – а это по нашей улице в другую сторону, то вижу вывеску «Все для сада-огорода» и понимаю – именно там он встречался со своей татаркой. Именно там он обменивался с ней страстными взглядами исподтишка, ты понимаешь?

– Патология, – сказал Минц.

– Для вас, может, и патология, и маммология, а мне умереть в самый раз. Ревность душит меня за это самое место.

– За какое? – удивился Минц.

– За горло, – просто ответила женщина. – Но если пойти мимо церкви Параскевы Пятницы, то там остановка автобуса. Знаешь, зачем ее там устроили?

– Зачем?

– Чтобы моему мерзавцу удобнее было по утрам с бухгалтершей встречаться. Они встречаются и сразу в автобус! Развратом заниматься.

– В автобусе?

– И в автобусе тоже.

– Сомнительно.

– Значит, ты, Лев Христофорович, недостаточно развратный. Не знаешь, на что способен некоторый самец!

– Ты о Корнелии?

– И чёрт меня дернул выйти за него замуж! – возопила Ксения так, что Корнелий, который как раз вышел на лестничную площадку, сжался от этих слов, как ежик под лапой медведя.

– И давно это случилось? – спросил Минц не без ехидства.

– Сорок лет живу на краю смерти.

– Чего же раньше не разошлась?

– Раньше, пока демократы не развалили Советский Союз, всегда был партком, куда можно было пойти и прямо сказать: жить с таким извергом я больше не в состоянии. Немедленно разлучите его с этой девкой и верните в семью. А теперь мы все, бабы, сами по себе, без партийной защиты и подмоги! Загибаемся.

Лев Христофорович достал из ящика стола план города Великий Гусляр и разложил его на столе.

– Посмотрим, – рассуждал он вслух. – Если нам надо на рынок и мы не можем ходить по Краснопартизанской, то нетрудно свернуть на Софью Перовскую...

– Ты с ума сошел! Еще двадцать лет назад он на той улице Маруське Эйнштейн подмигивал.

– Не родственница? – вдруг заинтересовался Минц.

– Ее из техникума за неграмотность вышибли. Вот и сидит она у окна и подмигивает. А мой чуть что – сразу ей в ответ подмигивает.

– Ты видала?

– Люди донесли.

– А может, за давностью лет вычеркнем улицу Софьи Перовской?

– А для меня события двадцатилетней давности кажутся совершенно живыми. Как сегодня! Не могу я на ту улицу зайти. Лучше умру.

– А как Зловонный переулок? – спросил Минц. – Он по краю идет, у реки.

– Нет, ты решил меня в могилу свести! – обиделась Ксения. – Ты что, забыл, что ли, кто там таится?

– А кто там таится?

– Она. Отравительница, Лукреция Борджия, собственного мужа уморила и попала в историю.

– Вроде бы у нас в городе таких не было.

– А Зинка? Знаешь ли ты, наивный профессор, что эта Зинка в восьмидесятом, нет, в восемьдесят седьмом чуть было в Париж с Корнелием не укатила?

– Не может быть!

– А я тоже сначала не поверила, когда мне старуха Ложкина рассказала. Но потом по его глазам все раскусила. Так что и не мечтай – Зловонным переулком я никогда ходить не стану.

Разговор этот продолжался еще более часа, и Минц по ходу его зачеркивал синим фломастером те улицы, по которым ревнивая Ксения не могла ходить, и те площади, на которых Удалов перекинулся взглядом со своей очередной жертвой. К ужасу Льва Христофоровича, на исходе этого часа обнаружилось, что и в самом деле эмоционально ущемленная Ксения Удалова по городу уже не могла передвигаться, потому что все время натыкалась на любовниц, знакомых или иных женщин Удалова, и внутреннее отвращение к этим развратницам и к мужу, который им способствовал, было столь велико, что Ксении лучше бы запереться дома и доживать свой век в полной изоляции.

– И что же будем делать, доктор? – спросила Ксения с некоторым удовлетворением и даже гордостью в голосе, потому что картина получилась убийственная и уникальная.

– Может быть... – профессор надолго задумался.

Через несколько минут его посетила конструктивная мысль.

– А как насчет крыльев? – спросил он. – Есть на это техническая возможность. Сделаем тебе крылья, моторчик на копчик, и полетишь...

– Полечу? И грохнусь? И оставлю внуков без бабушки?

– Риск есть, но небольшой.

– Нет, – отрезала Ксения. – Потому что с неба я буду видеть все места его разврата, все дома его любовниц и ухажерок. Так я на них сразу и грохнусь!

– Так...

И Минц снова надолго замолчал. Потом сказал так:

– Придется поделиться с тобой, Ксения, великой космической тайной.

– Вот это мне больше нравится, – сказала женщина. – Делись.

– Наука только-только подходит к этому рубежу, – сказал Минц. – Даже многие не верят.

– Меня это устраивает. Если дело верное.

– Дело верное, ты уж поверь моему опыту.

– Выкладывай.

– Земля под нашими ногами, с одной стороны – планета, а с другой стороны – пустота, – сказал Минц и дернул себя за ухо, потому что и самому было трудно поверить в свое гениальное открытие. – Любое материальное тело может пройти от точки «а» до точки «б», если оно получит прибор, скажем, ключ к движению в условных туннелях, которые пронзают всю Вселенную. Это как бы туннели метрополитена, но в то же время они представляют собой совершенно невероятный лабиринт.

– То есть ты хочешь, чтобы я под землю полезла? – спросила Ксения. – Без света, в грязи, а потом из подвалов вылазить, так, что ли?

– Я говорю тебе, женщина, – рассердился Минц, – что подземные ходы – это галактическая условность. Теоретически я тебе докажу это в два счета, но вот путешествовать таким образом я еще не пробовал. И никто не пробовал.

– А я попробую и сгину.

– Ты можешь не углубляться, – сказал Минц. – Постой с краю. Привыкни. Я же тебя ни к чему не принуждаю... в конце концов!

– Не кричи на пожилую женщину. И как я буду ходить?

– Как и снаружи, – ответил Минц. – Расстояния те же, наземные объекты корреспондируют подземным коммуникациям.

– А другими словами? – спросила Ксения.

– Другими словами, от твоего дома до детского сада столько же, как поверху.

– Не понимаю. Что же я, из люка вылезу, да?

– Нет, ты по земле пойдешь. Никто и не заметит.

– Что-то ты дуришь меня, старую, Христофорыч. Как же я под землей буду ходить, а наверх вылазить незаметно?

– Потому что ты будешь ходить не под землей, а под виртуальной землей. Если Вселенная – это организм, то она пронизана тончайшими сосудами, и нет им числа! Они всегда в движении, всегда в пульсации, и в то же время они статичны и стабильны, именно от их стабильности зависит в большой степени стабильность Вселенной как системы.

– Значит, я влезу...

– И вылезешь где надо. Только никому ни слова – человечество пока не готово, а милитаристские силы сразу постараются использовать мое гениальное открытие для своих корыстных целей.

– Тогда покажи.

– Эх, – вздохнул Минц, – хотел я сам сначала попутешествовать, чтобы понять, куда смогу проникнуть с помощью ключа... но если другу надо помочь, я себе другой ключ сделаю.

Сначала Ксения, конечно, опасалась и не стала лезть глубоко.

– Я во двор и обратно, – сказала она. – Только белье сниму.

Ключ был не просто ключом, а коробочкой, которую Минц повесил Ксении на шею на простой цепочке. Верх коробочки был стеклянным, на нем была нанесена карта Великого Гусляра. С помощью кнопки можно было установить стрелочку на нужной точке...

Ксения установила стрелку на улице в десяти метрах от ворот.

Потом зажмурилась.

И оказалась во внутренностях Земли.

Это были именно внутренности.

Внутренности Вселенной.

Бесконечные, запутанные сосуды и капилляры, вокруг ощущение влажности, нутряной теплоты и в то же время – сквозняки! Просто ужасно, какие сквозняки дуют в брюхе Вселенной. Освещение в сосудах было тусклым, неверным и непонятно откуда исходящим...

Стенки и пол были упругими и чуть скользкими, не то чтобы мокрыми, но особенными.

А расстояния там были такими же, как снаружи.

До химчистки от дома пять минут хода. Значит, тебе и по подземному ходу надо будет двигаться столько же минут. А это не всегда приятно. Ведь идешь снаружи, мимо домов проходишь, мимо магазинов, птиц видишь, дома и деревья. А внутри Вселенной – только стенки

ходов да непонятные звуки, хлюпы, всхлипы, будто за стенкой в другом проходе какое-то земноводное ползет на охоту за человеком.

– Так может быть? – спросила Ксения.

– Невозможно, – ответил Минц. – Ты с любым крокодилом, который туда невзначай угодил, находишься в другом измерении. Твой сосуд – это твой сосуд, ясно?

С тех пор Ксения ходила на рынок и в магазины по подземельям Вселенной.

Темновато, душновато, как в чреве кашалота. То-то Библия написала про Иону во чреве. Наверное, они знали об этих ходах.

Дошла до места, сразу свет вокруг – стоишь у химчистки, и никто не удивляется. Теперь часто люди исчезают и появляются – кому какое дело!

Зато проклятых домов и мест, где скапливались разлучницы, она теперь и в глаза не видела. Как будто их не существует. Конечно, утешение не окончательное, но существенное.

Дома установился если не мир, то перемирие. Ксения прекратила бунтовать. За первый же день переделала в городе больше дел, чем за неделю раньше. С друзьями встречалась, со знакомыми, рассказывала о семье. И ей рассказывали.

Но человек устроен так, что полного счастья достичь не удается.

Спешила Ксения по тусклому проходу и, делать нечего, начинала переживать, что сейчас делает проклятый изменщик. Пользуется ее отсутствием на этом свете. Гуляет по набережной с какой-нибудь приезжей русалкой. А как его поймаешь?

Как бы проделать в этих подземельях дырки, чтобы выглядывать, проверять мужа?

Нет, Минц подтвердил – физически нереально. И опасно – Вселенная может осерчать.

Может, телевизор поставить? Монитор, как в гастрономе, чтобы отбивные не воровали?

Не получится монитор. Нет связи между подземельями и поверхностью.

Ксения как бы смирилась, но все равно переживала. А когда приходила домой, то обнюхивала мужа, не пахнет ли от него чужой сучкой. И белье проверяла на нем – не надето ли наизнанку.

Как вы понимаете, положение изменилось к лучшему, но не принципиально.

Пока останется любовь,
С ней рядом ревность угнездится!

Так сказал японский поэт XII века.

С такими словами топала домой Ксения, несла сумку с рынка.

И тут совсем рядом услышала какой-то смутный звук, будто человеческий голос, чего, по уверению Минца, быть не могло.

Раньше бы, неделю назад, когда Ксения еще только перешла на подземное движение, она бы перепугалась, а теперь уже чувствовала себя в капиллярах Вселенной почти как дома, так что лишь заинтересовалась и стала двигаться на голос, что не сразу удалось – это ведь как по лабиринту путешествовать.

Но добралась до источника звука.

Нет, не крокодил и не привидение.

Существо неизвестного пола и национальности, даже неизвестно, с какой звездной системы, схожее с оранжевым пауком и в то же время напоминающее кенгуру, стояло на цыпочках в подземном сосуде и втыкало в потолок железную палку. С потолка капало и сыпались какие-то крошки.

– Вы что здесь делаете? – спросила Ксения, которая вовсе не испугалась.

Существо оторвалось от своей деятельности и ответило Ксении телепатическим путем:

– Не отвлекайте меня, чудовище!

– Это я – чудовище?

– А кто же еще?

И существо снова принялось долбить потолок.

– Ничего не получится, – сказала Ксения. – Мне Лев Христофорович сказал, что это виртуальный потолок, его, может, и не существует.

– Мне тоже говорили, – ответило существо. – Но я не могу больше терпеть.

– А что случилось? – спросила Ксения.

– Чует мое сердце, – ответило существо, похожее на кенгуриного паука или паучиного кенгуру, – что мой-то меня все равно обманывает. Пока я здесь передвигаюсь, он на свидания бегает.

– Ты – женщина? – спросила Ксения.

– Еще какая женщина! Даже мученица.

– А сюда как попала?

– Я так ревную, – сказала паучиная кенгуру, – что не могу ходить по районам, в которых мой мерзавец встречался со своими развратницами.

– Неужели?

Ксения посмотрела на существо и нетактично спросила:

– И что он, на тебя похожий?

– Он не похожий, он – мужчина.

– Но в принципе?

– В принципе все люди одинаково устроены – восемь конечностей, одна сумка на животе, шесть пар глаз – обыкновенно.

– Не продолжай, я поняла. Я даже думаю, что его любовницы тоже с восемью конечностями?

– Разумеется.

– Тогда беру свою мысль обратно.

– А какая у тебя была?

– А мысль была – кому такой урод нужен?

– Мне в первую очередь, – сказала паучиная кенгуру. – Я потому и хотела дырку пробить, чтобы подсматривать.

– И далеко вы живете?

– В центре Вселенной, – сказала несчастная паучиная кенгуру. – А ты чего здесь оказалась?

– По той же женской причине, – сказала Ксения. – О, как схожи судьбы жен в нашей Галактике!

Она вынула фотографию Удалова и показала ее женщине.

Та вежливо взглянула, но быстро возразила:

– Уж очень страшный урод.

– Морально – да, а физически он еще орел. Ты спешишь?

– Нет. Вот из химчистки шла.

– И я не спешу. Может, поднимемся ко мне, чайку попьем?

Ксения уже привыкла к новой знакомой. Уродство – вещь субъективная. Мы тоже кому-то не нравимся. Была бы душа благородная.

Паучиная кенгуру согласилась.

Но стоило им сделать три шага, как навстречу выползла из-за угла червячина длиной четыре метра. Она волокла за собой контейнер с лягушатами.

При виде Ксении и паучиной кенгуру она зашипела. Но несчастных женщин она не испугала. Они уже поднакопили жизненный опыт.

– Простите, – спросила Ксения, – вы случайно не несчастная жена одного развратника?

Червячина громко зарыдала и произнесла:

– Он икру черт знает с кем оплодотворяет. Я этого не вынесу!

А паучиная кенгуру тихо сказала:

– Велика Вселенная, а нашей сестре везде плохо.

И женщины пошли пить чай втроем. Им было о чем поговорить.

ХАРИЗМА

Спустившись к своему соседу Льву Христофоровичу, Удалов увидел, что на стене, напротив двери, висит нечто новенькое: портрет молодой женщины с крупными, резкими чертами лица, белозубой улыбкой, слишком большими глазами и заостренным носом.

– Нравится? – спросил Лев Христофорович, перехватив взгляд Удалова.

– Нет, – честно признался Удалов.

Удалов, конечно, рисковал. Молодая женщина могла оказаться заморской пассией профессора Минца или, того хуже, его кузиной, живущей в Израиле. Но как можно сказать о женщине лестно, если она тебе не показалась?

– Мне тоже не нравится, – ответил Минц, чем снял с Удалова напряжение. – Мне даже странно, что результат оказался именно таким. Я ждал иного. Ты чего пришел?

– Ах да! – Удалов не сразу вспомнил о цели своего визита. – Скотч у меня кончился, а котенок библиотечную книжку порвал.

Минц достал с полки катушку скотча и продолжал развивать свою мысль:

– Коллективное творчество опасно тем, что за основу свою берет идею отрицания.

– Что за портрет? – спросил Удалов.

– Я и говорю, – продолжал Минц. – Принцип, положенный в основу, неверен.

– Ну скажи, не томи!

– Ничего интересного, хотя предмет для размышлений, – ответил Лев Христофорович. – Журнальчик «TV-парк» предложил читателям составить идеальный образ телевизионной ведущей, взяв у нескольких, наиболее популярных, самую привлекательную часть лица. Вот и стали читатели присылать порезанные фотографии, изображения лбов и носов, лица, склеенные из кусочков, или просто перечисления любимых черт любимых лиц.

Шестьсот семьдесят восемь писем просмотрели сотрудники редакции и собрали лицо, сочетающее в себе лоб Петковой, нос Митковой, подбородок Котковой, уши Ветковой и так далее.

Вот и получилось.

– Уродство получилось! – тверже, чем прежде, заявил Удалов.

– Не скажи, – ответил Минц. – Ты пугаешься, а поглядываешь в ту сторону. Я ведь не просто вырезку из журнала к стене прикнопил, а изучаю реакцию населения на это странное и вроде бы непривлекательное лицо. Грубин на эту дикторшу шесть раз поглядел, ты уже четыре, даже старик Ложкин в его восемьдесят с лишним три раза взор поднял. Эта же статистика касается женщин. Тоже смотрят.

Удалов не согласился, но, когда выходил из комнаты, непроизвольно оглянулся, встретился взглядом с синтетическим портретом, чуть было не сплюнул, настолько неприятной показалась ему эта женщина, и ушел домой. Ночью он просыпался раза четыре. Потому что эта женщина являлась к нему во сне, нашептывала совершенно неприличные для его возраста предложения, и Удалов совершенно неожиданно на них соглашался. Просыпался и обнаруживал, что спит с Ксенией, а не с портретом.

Утром, прогнав сны, Удалов посмеялся над собственной старческой дуростью, пошел в стройконтору, а по дороге купил в киоске номер «TV-парка» с портретом той самой отвратительной женщины.

Над кроватью дома он, конечно, повесить ее не посмел – зато сложил и спрятал в бумажник. Чтобы в укромных местах вынимать и смотреть.

Об этом он не стал рассказывать даже Минцу, но Минц и без Удалова проводил наблюдения над людьми, и реакция населения Великого Гусляра на скомбинированную дамочку навела его на мысль, которой он далеко не сразу поделился с друзьями.

Поделился он ею с ними лишь весной, когда распускались почки и появлялись первые перелетные птицы, а многочисленные политические партии стали выдвигать кандидатов в президенты.

Тогда Лев Христофорович лично пришел в городскую газету, сохранившую старое название «Гуслярское знамя», правда, сменившую, может временно, это знамя, и предложил жаждущему хорошей отечественной сенсации новому главному редактору Михаилу Юрьевичу Стендалю соблазнительный план.

Через неделю, после тщательной подготовки, план начал осуществляться.

На первой полосе газеты были опубликованы портреты всех известных нам кандидатов в президенты, на второй странице – знаменитых политиков, на третьей – киноартистов и деятелей культуры. На четвертой странице читателю предлагалось выбрать из всех ста шестидесяти портретов самый приятный на вид лоб, самые лучшие губы, самые выразительные глаза и даже самые мужественные уши.

Редакция обещала опубликовать получившийся портрет под названием «идеальный президент».

– Ничего не выйдет, – сказал Удалов, который сидел у Минца за столом и аккуратно орудовал ножницами, порой задумываясь, порой удивляя Минца вопросами: – А одно ухо взять можно?

– Неужели настолько разные уши...

– В ухе тоже есть характер.

– Делай как знаешь.

– А что любопытно, – сказал Удалов, – что моя Ксения в комнате сидит, режет, а Максимка с женой в спальне режут.

– Весь город участвует, – ответил Минц.

Сам он не резал. Он наблюдал за экспериментом и готовил к завтрашнему дню свой весьма особенный компьютер, подаренный ему королем Таиланда за «оказанные услуги». Какие услуги – и король, и Минц молчат.

Минц шептался с компьютером, а Удалов резал, резал, остановился и вдруг услышал, как над городом несется тысячекратный шум разрезаемых газетных листов.

Население в Гусляре приблизилось к двадцати тысячам человек.

Тираж «Гуслярского знамени» достигал двух тысяч, он распространялся также и в районе. Специально для эксперимента было напечатано десять тысяч номеров, и их, надо сказать, не хватило.

Если бы не подарок таиландского короля, обработать письма с синтетическими портретами было бы невозможно.

А так на двух машинах письма свезли к дому № 16 по Пушкинской улице, где проживает инициатор эксперимента профессор Минц.

Трое суток Минц с помощью и соседей, и приходящих добровольцев вскрывал конверты и показывал портреты компьютеру.

В шесть тридцать вечера четвертого дня компьютер издал характерный звук свершения, который отозвался в любопытных сердцах многочисленных зрителей, собравшихся во дворе.

А еще через десять минут Минц вынес получившийся портрет во двор и показал народу так, как некогда палач показывал голову казненного самозванца или повитуха – новорожденного наследника престола.

– Вот он, идеальный лидер нашего государства, – сказал с крыльца Минц, держа листок перед собой и выглядывая из-под него. – Вот он – ваша воплощенная мечта, составленный вашей волей из кусков лиц самых знаменитых людей.

И тяжкий вздох разочарования прокатился по двору, вылетел на улицу и понесся к лесу.

Вечерело, лужи подмерзли, снег еще таился в тени домов и под елями.

– Провал, – сказал Удалов.

Люди уходили, унося свое разочарование.

– Мне их не жалко, – сказал Минц. – Ведь тьма всегда сгущается перед рассветом, как говорят революционеры.

– А мне жалко, – сказал Удалов. Он взял запасной лист и всмотрелся в лицо, одновременно самоуверенное и жалкое, решительное и робкое. – Такой вождь нам не нужен.

– Ты мне жалок, Корнелий, – сказал Минц. – Ты не умеешь заглядывать в будущее и пробиваться неначертанными путями. Пошли ко мне, а то простудимся.

Они вошли в кабинет к Минцу.

Минц стал варить свой фирменный желудевый кофе, который ему присылал бразильский президент, обязанный Минцу деликатным советом.

В кабинете было тепло. И светло.

Портрет идеального президента лежал на столе.

Портрет был Удалову неприятен. Но он с трудом смог оторвать от него взор и посмотрел на портрет идеальной ведущей. И тоже не получил удовольствия.

– Ох, как ты ошибаешься, Лев, – сказал Удалов.

– Операция не кончилась, – ответил Минц. – Как мы ее с тобой назовем?

– Смотря в чем она будет заключаться.

– Она будет заключаться в разноске туфелек по квартирам Золушек, – сказал Минц.

– Понял! Значит, операция называется «Золушка»!

Прежде чем начать операцию «Золушка», Минц дал городу две недели, чтобы все привыкли к жизни с новым портретом.

Удалову было трудно поверить в это, но, куда бы он ни зашел, он встречал глазами газетную страницу с портретом не известного никому синтетического человека. Никому он не нравился, никто его не любил, но отделаться от него было невозможно.

– Это называется харизмой, – объяснил Минц Удалову. – Слово это иностранное, не надо путать с химерой. Значит оно – дар божий. А дар божий или есть, или его нет. Среднего не бывает. Как в музыке. Мы с тобой что ищем в нашей Золушке? Мы ищем в ней дар божий национального лидера. А его с первого взгляда не увидишь – это область чувственная. Ты походи по домам, увидишь, что никому наш с тобой...

– Не наш с тобой. Я тут ни при чем!

– Пускай будет только мой! Мой портрет никому не мил, а вот выкинуть его никто не решается. Так что пошли.

– Куда?

– По домам. Сегодня десять бригад отправляются по домам Великого Гусляра, чтобы отыскать человека, который схож с портретом.

– А если такого нет?

– Тогда будем искать в районе.

– А если и там...

– Не беспокойся. Отправимся в область. У нас же теперь есть хрустальная туфелька.

– В каком смысле?

– В смысле обыкновенном. Будем обходить, сравнивать. Сравнивать и обходить.

Удалов посмеялся над другом.

На следующий день с утра Минц его разбудил. Была суббота, день свободный, но не очень солнечный, а так, дождь со снегом. Никак весна не разойдется.

Несмотря на ворчание Удалова, Минц, одетый надежно, тепло, но торжественно, как на зимние похороны, повел друга на площадь Землепроходцев. Там уже собрались добровольцы-поисковики «Золушки». Некоторых Удалов знал. Например, супругов Савичей, редактора Стендаля. Стендаль раздавал всем схемы участков, которые им выделялись. Минцу с Удаловым достался участок вдоль речки, от пристани до музея. А также трехэтажка-полухрущоба, построенная на месте устаревшей по дизайну церкви Николая Чудотворца XIV века.

Теперь люди стали осторожны, агитатором не назовешься, не пустят. Приходилось говорить все задание в замочные скважины. Иногда двери открывались, иногда нет. Но чаще открывались, потому что Минц с Удаловым люди пожилые и многим лично знакомые.

Затем наступал самый ответственный момент.

Минц доставал заветное изображение и задавал собравшимся вопрос, есть ли среди домочадцев человек подобной внешности.

– Нет, – отвечали ему домочадцы. – На что нам такой?

– Нет, – говорили в другом месте. – Неужели его разыскивает милиция?

– Этот человек, – терпеливо объяснял Минц, – обладает харизмой. Он – ваш политический идеал. Только вы сами за вашей тупостью и отсталостью об этом не догадываетесь.

Но люди лишь разводили руками.

И, кинув взгляд на портрет этого самого человека, как правило, висевший на стенке в большой комнате, а порой и в туалете, Минц с Удаловым покидали квартиру, чтобы постучаться в следующую.

Надо сказать, что во всем этом мероприятии был некоторый элемент игры, правила которой были выдуманы заранее, но не объяснялись, хотя соблюдались обеими сторонами.

Жильцы дома или квартиры знали, зачем к ним стучится Минц.

Они уже друг дружку осмотрели, изучили и убедились в том, что, к сожалению, харизмы в доме не наблюдается. Но все равно следова-

ло пройти процедуру попытки узнавания. Процедура заканчивалась ничем, и все расстраивались, уверенные в том, что такого человека в нашем городе нет. Может быть, он таится где-нибудь в Сочи или Воркуте, но не в нашем тихом Гусляре.

– А почему бы и нет? – спрашивал Минц. – Почему бы и нет, чёрт побери! Отсюда многие пришли на Русь. Рюрик был из наших краев, Александр Невский, Сталин здесь отбывал ссылку... Найдем, Корнелий, не грусти!

И они шли в следующий дом. И снова впустую.

В одном небольшом частном доме на набережной отец – ветеран внутренних войск – вывел на встречу с комиссией своих двоих сыновей. Были они хорошо одеты, от них пахло мужским одеколоном и похмельем. Рожи у них были толстые. Суровые. Вызывающие, но без харизмы. Минц уже собирался уходить, но тут внимание Удалова привлек стук, доносившийся со двора. Кто-то там колол дрова.

– Кто это там у вас трудится? – спросил Корнелий Иванович.

– Да так, случайный человек, – отмахнулся хозяин дома.

– Даже без прописки, – крикнул один из сыновей.

– Родственник? – спросил Минц.

– Так... – хозяин дома мялся, не желая сказать правду, потому что находился под киллерским прицелом сыновних глаз.

– Короче! – рявкнул Удалов.

– Пасынок он наш, – вздохнул хозяин дома. – Внебрачный.

Минц сделал движение пальцами, подсмотренное им в мафиозном фильме, и семья покорилась.

Через три минуты вошел пасынок без прописки.

Сравнительно молодой человек невысокого роста, заросший редкой бородкой и длинными патлами.

Не было в нем ничего общего с харизматическим портретом.

– Вот видите! – хозяин дома заметил разочарование визитеров. – А вы угрожали!

Но Минц не ушел.

Он уловил странный, неочевидный, мерцающий свет, исходивший из небольших невыразительных глаз пасынка.

– Как зовут? – потребовал Минц.

– Иванов, – ответил за пасынка хозяин. – Иванов Семен. А меня Эдуардом зовут, следовательно, Семен Эдуардович. Мой сын!

Хозяин вдруг почувствовал, что эти люди хотят чего-то такого, чем можно поживиться.

Иванов Семен молчал, опустив взор долу.

Но сыновья хозяина не отличались интуицией и, когда Минц сказал, что Иванов Семен должен пройти с ним, принялись кричать, что не допустят этого, так как дрова еще не поколоты, горох не перебран, помойная яма не выкопана, а в сарае протекает крыша.

Минц с Удаловым повели пасынка в редакцию газеты.

Пасынок с интересом смотрел по сторонам. Оказывается, родственники его не выпускали на улицу, пугали милицией и эксплуатировали нещадно.

По дороге встречались осведомленные люди и говорили:

– Нет, не похож!

– Это не харизма.

– У него голова полна вшей.

Сначала Иванова Семена привели в парикмахерскую.

Хотели было помыть и постричь, но от этой мысли пришлось отказаться. Оказалось проще и гигиеничнее побрить его, а уж потом отправить в баню.

К бане, привлеченные слухами, стали собираться господа гуслярцы.

И когда наконец в дверях показались наши герои, уже основательная группа зевак встретила их шепотом и ропотом.

– Нет! – кричали люди. – Это не он!

Но не расходились, а ждали, что скажет Иванов Семен.

Конечно, лицо Иванова Семена по прозвищу Золушка отличалось от коллективного портрета, но все же основные черты его были сохранены. Высокий лоб с залысинами был отделен от водянистых глаз жидкими бровушками. Нос был скорее утиным, нежели орлиным, подбородочек слабо очерчен, и общее выражение лица оказалось крайне печальным, даже удрученным. Весь он был стертым, неясным, ускользающим от критического взора.

Несмотря на критическое отношение к Золушке гуслярских зрителей, Минц был доволен. Жизненный опыт подсказывал ему, что выбрано правильное направление и, возможно, происходит прорыв в политике.

На беседе с Золушкой в редакции присутствовали как лично Михаил Стендаль в очках и с бородкой, похожий на Чехова средних лет,

так и провизор Савич от Союза правых сил и пенсионер Николай Ложкин, представлявший левые силы.

Сначала все сидели и молчали.

Потом несколько слов произнес профессор Минц.

– Человечество, – сообщил он, – на уровне подсознания и очень редко с помощью разума выбирает себе политических кумиров. Меня давно интересовала проблема полного несовпадения вкусов народных масс и отдельного индивидуума. Отдельный индивидуум отлично понимает, что кумир его страны никак не соответствует общечеловеческим нормам красоты или поведения. Обратимся к историческим примерам. Тамерлан был хромым и некрасивым человеком небольшого роста, Иван Грозный – толстым бородатым уродом...

– Ну какие они кумиры! – возразил Миша Стендаль. – Они же по праву престолонаследия. Их бог дал.

– Не спеши! – воскликнул Минц. – Обратимся к кумирам, которые поднялись из грязи в князи. Неужели вы думаете, что в двадцатые годы в Германии не было красивых, умных и даже порядочных политиков? Но ведь поднялся Гитлер!

И тут впервые подал голос Иванов Семен.

– Порядочных политиков не бывает, – сказал он. – А то бы они в политики не полезли.

Эта фраза заставила всех поглядеть на Иванова Семена с некоторым удивлением. Никто не ожидал такой политически отточенной фразы от пасынка без прописки.

– Мы сейчас говорим о другом! – продолжал Минц. – Лучше вы мне объясните, почему усатенький заморыш, истерик, сухоручка...

– Это Сталин был сухоручкой, – пояснил Савич.

– Нашего вождя не трожь! – обиделся на него представитель левых сил пенсионер Ложкин. – У товарища Сталина руки были на месте. Он ими любую шею мог свернуть.

– Вот именно! – подхватил Минц. – Вот они, рудименты культа личности! А чем Сталин его привлекал?

– Я думаю, что такие, как Ложкин, – заметил Стендаль, – любили Сталина, как женщины в высказывании Пушкина – то есть ушами!

– Погодите-погодите! – вмешался в спор Удалов. – Но ведь мы смотрели на фотографию и думали: какой он некрасивый!

– А он и есть некрасивый, – заметил Ложкин.

– Независимо от позиции наших левых сил, – сказал Минц, – я полагаю, что моя точка зрения вам понятна. Общественное мнение, пропаганда и прочее работают на многих кандидатов в кумиры. А кумирами становятся единицы, и ничего в них, казалось бы, нет...

– А харизма? – спросил Золушка, который за последние два часа кое-чего наслушался и кое-чем проникся.

– А что такое харизма? – задумчиво произнес Стендаль. – Этого же никто так и не сформулировал.

– Как только мы найдем харизматическую личность... – начал было Минц, но Удалов перебил его:

– У нас каждый президент – харизматический. Даже действующий.

– Не спорю. Но теперь у нас появилась возможность поставить эксперимент. Если путь, избранный нами, правилен, то мы сможем сделать из Семена Эдуардовича фигуру всероссийского масштаба. Надеюсь, что сам Семен Эдуардович не возражает.

– Может быть, псевдоним взять? – спросил на это Золушка.

– Он уже согласен, – проворчал провизор Савич. Как представитель правых сил и демократ, он подозревал, что за харизмой всегда скрывается диктатор.

– Зачем вам псевдоним? – удивился Стендаль. – У вас же хорошая русская фамилия!

– Вот именно, – заметил бывший пасынок. – Но если мы обратимся к истории, то поймем, что все себе выбирали псевдонимы погромче.

– Кто это – все? – спросил Удалов.

– Наши.

– Не понял.

– Ну, другие харизмы. Гитлер был Шикельгрубером, Сталин – Джугашвили, а Троцкий – Кацнельсоном.

– Бронштейном, – поправил Иванова Минц. Эксперимент шел слишком хорошо. У Минца даже заколодо под ложечкой.

Решили пока обойтись без псевдонима.

Золушку приглашали в дома. И Савич, и Ложкин.

Но остальная общественность сразу спохватилась. Потому что Минц и газета желали провести чистый эксперимент, а не отдавать Иванова Семена на откуп какой-то партии.

Иванов согласился, и даже согласился переночевать в кабинете редактора газеты на диване периода первых пятилеток, и попросил дать ему зеркало, чтобы привыкнуть к самому себе.

Мише Стендалю было неловко оставлять Иванова Семена на ночь в кабинете, но Иванов, который все более осваивался в своей роли, произнес с доброй улыбкой, широко раздвинувшей тонкие губы, отчего он еще более стал походить на лягушку:

– А мне надо о многом подумать. Так что ночь у меня пройдет с пользой.

Попрощались и покинули пасынка.

Как ни странно, мысли, владевшие гуслярцами в ту ночь, были схожими.

Первая очередь мыслей овладевала по дороге домой: «И какого чёрта мы ухлопали вечер? Неужели опять попались на удочку этого сумасшедшего изобретателя?»

Так же, кстати, думал и профессор Минц. С одним отличием. Вместо «сумасшедшего изобретателя» в его мыслях фигурировал этот идиот Ложкин, который, впрочем, был ни при чем.

Вторая мысль была ответом на вопрос жены, дочери или любовницы: «Где ты весь вечер шлялся?» – «Встречались на политическом собрании с одним человеком».

Третья мысль приходила в три часа ночи, когда они просыпались и долго лежали в темноте, глядя на полную луну за окном и думая: «И на что мне сдалась эта лягушка? Не видел никогда противнее рожи... хотя в ней что-то есть».

И наличие чего-то еще более раздражало.

Утром, независимо друг от друга, все вчерашние собеседники встали пораньше, тихонько почистили зубы и поспешили к редакции «Гуслярского знамени».

Но таинственность не помогла.

Город невелик, и шаги на рассветных мостовых разносятся по всей округе.

Уже на площади Землепроходцев пути их сошлись.

Некоторые улыбались и здоровались, а другие, как Ложкин, взявший с собой двух соратниц по движению и красный флаг, сделали вид, что никого не узнают.

Как вам известно, редакция выходит на узкую Советскую площадь, отороченную Гостиным двором и бывшим зданием горкома – горисполкома.

Перед горкомом стоит деревянная трибуна, покрашенная синей краской. На нее при коммунистах восходили отцы города и передовики, чтобы махать демонстрантам.

С тех пор трибуна пустовала. Иногда кто-нибудь организует санкционированный митинг, да никто на них у нас не ходит.

Но сейчас у трибуны стояли люди.

А с трибуны выступал харизматик, Золушка Иванов.

И он говорил:

– Хватит! Хватит нам топтаться на месте, совершенно не развивая экономику и топчась на месте. Нашему обществу, пережившему тяжелые времена развала Союза и предательства интересов, в частности, я должен обратить ваше внимание на порочное поведение моего так называемого отца Иванова Эдуарда, который с моими сводными братьями, не побоюсь этого слова – предателями интересов нашего Отечества и, возможно, лицами кавказской национальности, кормил меня только кроличьей тушенкой, от которой получается несварение желудка.

Небольшая толпа слушателей Иванова Семена глухо зашумела.

– Когда мы с вами пойдем к светлому будущему нашего города, не забывайте, кто стоял у нас на пути!

Харизматик поднял к небу кулак, и все его слушатели послушно подняли к небу кулаки.

– А пока попрошу вас вкладывать добровольные взносы на дело нашей партии. Членские билеты получите послезавтра!

Он щелкнул пальцами, и из-за его спины вышла хорошенькая девушка, которую Удалов отлично знал, потому что она торговала канарейками на городском рынке.

Хорошенькую девушку звали Тамаркой. Иванов Семен, обращаясь к толпе, заявил:

– Каждый, кто внесет десять рублей, получает звание рядового необученного. Водораздел лежит за пятью баксами. Это значит функционер-активист. За двадцать баксов принимаем в Центральный комитет.

– А что за партия? – крикнул из толпы Минц.

– Партия народного освобождения, Лев Христофорович, – ответил Иванов Семен. – Мы идем на выборы губернатора единым списком. Вас я приглашаю в консультанты бесплатно.

– То есть ты мне не будешь платить? – удивился Минц.

– Ни копейки с тебя, профессора, не возьму! Помогай, строй наше движение, рука об руку, полным ходом, поспешай, не болей!

– Я знаю, кто он, – тихо сказал Корнелий Иванович. – Он органчик.

– Из города Глупова? – спросил Грубин.

– Оттуда, брат, оттуда.

– А мы хотели еще кое о чем посоветоваться, – промямлил Минц.

– И не мечтай, Христофорович! Время советов безвозвратно кануло в Лету. Можно сказать, в зиму.

– В яму! – сказали хором его сводные братья, которые уже влезли за его спиной на трибуну.

Толпа, подросшая за последние минуты, дружно ахнула, умиляясь сообразительности и мудрости харизматика.

Удалов поежился. Он прожил долгую жизнь и многого навидался.

– А интересно, – тихо произнес он, – все эти харизматики хотят порядка и дисциплины?

Ему не ответили.

Минц уже пошел обратно.

Савич шагал рядом и размышлял:

– Но ведь он не красивый, не милый, не обаятельный и, может, даже не очень умный. Почему же?

– Это и есть харизма, – ответил Минц.

– И что будем делать? – спросил Грубин.

– Ничего, – сказал Минц. – Мы его породили, не нам его убивать.

Когда они вошли во двор, сверху из окна свесилась Ксения Удалова.

– Мужики, – сообщила она, – по радио передавали, что Иванова Семена утвердили кандидатом в вологодскую Думу.

– Быстро, – вздохнул Грубин.

– Бери выше, – сказал жене Удалов. – Не сегодня-завтра быть ему губернатором. Стоит ему только в телевизоре появиться.

– Уже появлялся, – сказала Ксения. – Не произвел впечатления.

– Это только первая реакция, – сказал Минц. – Будет и вторая.

Вторая реакция случилась во время обеда. Ксения занесла половник над тарелкой мужа, замерла, пошлепала губами и произнесла:

– Кого-то он мне напоминает.

– Кого же? – заинтересовался Удалов.

– Или покойную тетю Симу... либо горностая. Вот именно – горностая!

Удалов горько улыбнулся. Любовь толпы принимает странные формы.

Ему-то самому, неподвластному влиянию харизмы, Иванов Семен представлялся, правда, чем-то похожим на полководца Суворова в деревенской ссылке, готовым сейчас же ринуться на Чёртов мост...

«Чепуха мерещится», – оборвал себя Удалов.

Вечером они вышли во двор, уселись за стол для домино, но конечно же в домино не играли, а беседовали.

Понимали, что старая жизнь окончилась, а что сулит новая – догадаться было нелегко.

Над городом прошел вертолет без опознавательных знаков.

– Не время вертолетам летать, – сказал Грубин.

– Ох и не нравится мне это... – Удалов вскочил и кинулся прочь со двора.

За ним побежал Миша Стендаль.

Бежать пришлось недалеко.

Вертолет опустился на площади Землепроходцев, рядом с бетонной ладьей.

Из него выпрыгивали омоновцы в соответствующих чулках на головах.

За омоновцами вышли трое в штатском.

Удалова такими демонстрациями не запугаешь.

– Добрый вечер, – сказал он вежливо, но строго. – По какому поводу несанкционированный митинг?

Противника следует ошеломить. Ведь если ты станешь о причинах рассуждать или возражать, они тебе врежут прикладом по затылку и даже в больницу не отнесут.

А грозный, хоть и бессмысленный окрик действует.

Трое в штатском сразу почувствовали в Удалове родную душу и ответили нестройным хором:

– Имеем указание об изъятии гражданина Иванова Семена Эдуардовича.

– С какой целью? – рассердился товарищ Удалов.

– Обнаружились нарушения в регистрации в качестве кандидата.

– Ясно, – сказал хитроумный Удалов. – Выполняйте.

Но тут-то и наступила пауза. Чтобы выполнить, следовало найти.

– А где его избирательный штаб, не подскажете? – в голосе у захватчика звякнула неуверенность.

– А вреда не нанесете? – спросил Удалов.

– Владислав Борисович никому не приносит зла, – ответили штатские.

Все стало на свои места. Это были люди другого кандидата в губернаторы, богатого, но без харизмы.

Значит, зашевелились.

«А может, сдать им Иванова Семена? – подумал Удалов. – И жизнь у нас наступит нормальная, как прежде».

«Нет, так не пойдет, – ответил внутренний голос Удалова. – Мы же сами его нашли и мобилизовали. Он же не подозревал – а теперь заподозрил, а его увезут с неизвестными последствиями».

И неизвестно, чем бы окончилась внутренняя борьба в организме Удалова, если бы на том конце площади не послышалась музыка.

К ним направлялась процессия странного свойства.

Впереди шагал пасынок Иванов.

По сторонам шли братья и отец, лица их светились родственной любовью. Затем шагали десятки женщин, большей частью молодых и привлекательных. Они пели и смеялись, как дети.

Увидев издали вертолет и омоновцев возле него, Иванов Семен тут же изменил направление движения и направился к незваным гостям. Те стояли в недоумении, разглядывая Иванова, но еще не догадываясь, кого они видят.

Суть настоящего харизматика заключается в том, что он очевиден далеко не сразу. Вы должны невзлюбить его, потом приглядеться к нему, послушать его, и только потом у вас на сердце взыграет радость от встречи с избранником.

– Вы за мной? – спросил он, раздвинув в улыбке тонкие губы.

– Проходи, – рявкнул начальник омоновцев.

Но их штатский руководитель остановил коллегу.

– Погоди, погоди, – сказал он, приглядываясь к невыразительному лицу Иванова Семена. – Вы, гражданин, не намеревались баллотироваться на губернаторский пост?

– Я тебе скажу по секрету, – ответил пасынок, – я намереваюсь в президенты избираться. Такая у меня благоприятная аура.

Из толпы женщин выделилась толстая красавица восточного вида.

– Миленок ты мой, голубчик, – запела она в лицо штатскому. – Как сказал Нострадамус, быть Семену свет Эдуардычу президентом нашей Родины! У него харизма выросла до ушей!

Тут поднялся всеобщий хохот, девушки начали сестриться и брататься с омоновцами, а штатские переглянулись, и Удалов услышал такой разговор:

– Ну как, Сидоров?

– А ты как, Петровский?

– А тоже остаюсь, Семеняка!

Они перекинулись такими словами и подозвали к себе начальника омоновцев, пошептали ему что-то, и он ответил вслух:

– Я и сам хотел остаться с Ивановым Семеном. Ему нужна защита.

И он как в воду глядел.

В то же мгновение на площадь ворвались четыре тачанки, в них сидели у пулеметов парни в комиссарских шлемах-буденновках.

На середине площади тачанки развернулись, и буденновки приникли к пулеметам.

Но все впустую.

Омоновцы от бедра выпустили по тачанкам несколько гранат.

Когда дым рассеялся, подошедший Грубин спросил Удалова:

– А кто они были?

– Подозреваю... – начал было Удалов, но штатский поднялся, отряхивая пыль с брюк.

– Не надо подозревать. Я их лидера в лицо узнал. Областная ячейка партии России для русских. Им только что сообщили, что рейтинг их лидера уже пошел вниз и уступает двадцать пунктов рейтингу Иванова. Неудивительно, что решено было убрать конкурента.

– А в области тоже решили?

– И в области решили. Ждите десант из Москвы. У вас бомбоубежище есть?

– Подземный гараж горсовета.

– Сойдет. Бежим туда.

Но Иванов Семен бежать не желал. И его дамы бежать не желали. Он уже уверовал в свою харизму.

Пришлось вождя унести в подземный гараж и держать его там до рассвета, пока не кончились игольчатые, точечные и квадратно-кустовые бомбежки города.

Сначала шли самолеты из Москвы, к полуночи разорвались две бомбы из США – там уже тоже прочли результаты опросов.

Перекрытия шатались, но выдержали. Добровольцы приносили в гараж выпивку, пищу и сигареты.

На рассвете все замолкло.

Иванов Семен поднялся на площадь. Добровольцы, а их число за ночь в Великом Гусляре превысило три тысячи, уже восстановили трибуну. На трибуну и поднялся Иванов, чтобы принимать делегации из разных городов. Харизма его так окрепла, что Иванов забыл о страхе, а от пришедших на помощь танков на площади было тесно.

Делегации и отдельные люди с подарками шли вереницей.

Люди замирали, широко распахнув глаза.

Впитывая в себя образ будущего властителя Вселенной.

На площадь въехал автобус, из которого, держась за руки, цепочкой полезли слепцы.

– Это трогательно, – сказал в микрофон Золушка.

– Стой! – закричал Минц, увидев, что харизматик двинулся к первому слепцу.

Слепцы громко спрашивали:

– Где этот человек? Покажите нам этого человека!

– Семен! – призывал Минц. – Спрячься!

– Почему?

– Потому что слепцы не видят, кто харизматик, а кто просто так! Их подослали!

Но поздно!

Первый слепец уже поднял пистолет. Он не дрогнул.

Но прежде чем пуля успела достичь сердца Золушки, с неба спустилась длинная металлическая рука.

В мгновение ока Иванов Семен взлетел к редким перистым облакам.

А ошарашенные гуслярцы, включая слепцов-террористов и омоновцев, услышали потусторонний голос:

– Такой человек нужен в Галактическом Центре! Вы еще не доросли до него, земляне! Земляне... земляне...

Минц с Удаловым пошли домой.

– Может, нам повезло? – спросил Удалов.

– Ну почему – повезло? Мы с тобой сделали великое открытие. Его, боюсь, не повторить.

– И отлично!

– Почему?

– А эти самые... харизматики, они обязательно войну начинают. А так хочется мира!

ОБЫСК

Нас окружают тайны.

Нам хочется от них избавиться.

Для этого существуют специальные категории людей.

Например, сыщики пытаются понять, кто убил бабушку и кому она мешала своим храпом? Доктор допытывается, чем болен пациент и почему он помирает вовсе не от того, от чего лечили? Некоторые ученые ищут ключи к тайнам мироздания, молекуле ДНК или почерку автора «Слова о полку Игореве».

Не только детективы, но и научно-популярная литература посвящена разгадке тайн. В победе над тайной заключается исторический оптимизм и урок для преступников.

В жизни тайны раскрываются куда реже, чем наоборот.

Вы когда-нибудь видели доказательство теоремы Ферма? Вы знаете, кем был Джек-потрошитель, который убил нескольких уличных женщин в Лондоне конца XIX века? Простите, а кто разгадал тайну Атлантиды?

Кто прочел письмена этрусков?

Наконец, отыскал ли кто-то смысл жизни?

И загадку нашего посмертного существования?

Не знаете? Я тоже не знаю.

Как повезло Шерлоку Холмсу! Рядом с ним под именем Ватсона находился английский писатель Конан Дойл, который постоянно

нуждался в деньгах на любовниц и карты. Любой провал Холмса в его рассказах обретал форму великого достижения. На этих обманах выросла ложная репутация Холмса и наше убеждение в том, что он – великий сыщик.

Ничего подобного.

В наши дни также происходят загадочные явления. Природа и человек бросают нам вызовы.

Например, вы слышали, что случилось в прошлом году в городе Великий Гусляр?

Событие было спланировано и тщательно подготовлено.

Иначе как объяснишь объявление по местному радио, которое передавалось тридцать первого декабря, под Новый год, Новый век и Новый миллениум, простите за латынь.

Объявление звучало примерно так:

«Дорогие гуслярцы и гости нашего города! Приглашаем вас сегодня, в новогоднюю ночь, посетить удивительное, сказочное событие, волшебство на площади Землепроходцев. Вы не пожалеете, если в час ночи оставите на полчаса праздничный стол и, тепло одевшись, выйдете на улицу, где вспыхивают ракеты и горят шутихи. Подарки и бесплатное пиво гарантированы. Не забудьте захватить детей – для них особые подарки. Оргкомитет».

Возможно, были и другие варианты объявления, но в большинстве своем гуслярцы услышали именно приглашение на площадь и, главное, на раздачу подарков.

Сколько раз твердили нашему миру, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, но все равно мы стоим под деревом и ждем, когда эта дура-ворона разинет свою пасть.

А она уже сжевала жалкий кусочек сыра.

Если кто из жителей города не слышал объявления, соседи и родственники обязательно подсказывали. Казалось бы, услышал про подарки, молчи, рта не раскрывай, жди новогодней ночи. Чем меньше народа на площадь придет, тем больше тебе достанется.

Но не таковы жители Великого Гусляра.

Пускай, думал каждый, мне достанется только половина подарка и полкружки пива, но соседа Удалова я обязательно позову. Пойдем вместе, вместе веселее.

Такой народ живет в нашем городе.

Погода стояла приятная, даже лучше обычной. Без особой оттепели, морозец, как по Гоголю, снег по колено, кроме центральных улиц, где с утра прибирали.

А ночью высыпали на небо звезды и месяц – только и смотри, не пролетит ли черт этот месяц украсть.

Сказал добрые обобщающие слова товарищ президент, сыграли привычный старшему поколению советский гимн, помахали флагом перед Спасской башней, и с боем часов жители Великого Гусляра подняли бокалы и стали друг дружку поздравлять с удивительным праздником, миллениумом. Сколько лет фантасты писали о третьем тысячелетии. Где теперь эти фантасты? А миллениум наступает тяжелой ногой времен и твердит нам: все уже померли, а мы еще живы!

Ура!

Начали есть, выпивать, разговаривать, шуметь, но во всех домах поглядывали на часы.

Многие не могли дождаться, когда же наступит час ночи?

Некоторые спешили съесть все пораньше, а другие наоборот, тянули время, полагая, что самый главный пир развернется после получасового перерыва.

И вот ровно в час во всех домах погас свет.

На секунду.

Загорелся и снова погас.

Само собой включилось радио и сказало сладким голосом:

– Скорее, не будем тратить времени даром! Нас ждут на площади!

Телевизоры, которые показывали «голубые огоньки» по числу программ, на секунду погасли, и тут же на экранах появилось лицо пожилой дикторши Леонтьевой.

– С новым годом, малыши! – сказала она. – Побежали на улицу, в снежки играть, подарки получать.

Этого гуслярцы не выдержали.

И принялись одеваться. А некоторые брали с собой сумки.

Выйдя на улицу, на легкий трескучий морозец, под звездное небо, по которому изредка проплывали небольшие, подсвеченные луной облака, гуслярцы слышали отдаленную музыку и как будто звуки хорового пения.

Ноги сами несли их на площадь, по мере приближения к которой все громче слышались голоса и смех.

Люди спешили, чтобы им хватило подарков, дети бежали впереди, потому что ими владело нетерпение.

И вот широкий простор площади, ограниченной торговыми рядами и украшенной памятником Землепроходцам, некогда уходившим отсюда на покорение Сибири и Аляски...

Всех без исключения, кто вступал на площадь, от малых детей до профессора Минца и руководителей городской администрации, охватывало чувство причастности к общему празднику и общей сладостной судьбе.

Возникало желание веселиться долго и обязательно в коллективе.

Все население города, от младенцев до стариков, еще час назад немощных, а сейчас готовых отбросить палки и костыли, выскочить из инвалидных колясок и пуститься в пляс, скопилось на площади, просторной, но в обычное время, конечно же, недостаточной для такого количества народа. Но никто не толкался и не страдал от тесноты, всем хватило места.

Более того, кто-то успел за первый час нового тысячелетия украсить площадь павильонами и эстрадами, расставить по ней высокие новогодние елки, увешанные гирляндами цветных лампочек, даже водрузить колеса обозрения, комнаты смеха, зверинцы и небольшой музей восковых фигур, интересный тем, что, помимо изображений бывшего президента Ельцина, обезглавленной Марии Стюарт, Ивана Грозного, убивающего своего сына, космонавта Гагарина, там стояли также жители Великого Гусляра, и даже дети, узнав их, весело кричали:

– Мама, мама, смотри, Удалов стоит! Я про него в книжке читал.

– А это старик Ложкин, только он не старик.

– Мама, а как этого лысого зовут? Ну вот этого, который рядом с Кощеем Бессмертным?

– Это профессор Минц, – отвечала мама и невольно краснела, потому что Лев Христофорович как раз в этот момент проходил рядом и останавливался, не менее детей пораженный сходством себя и восковой фигуры.

На эстраде совместно танцевали Алла Пугачева и Плисецкая, кому кто нравится, а фокусник Дэвид Копперфильд, загримированный под Чарльза Диккенса, доставал из цилиндра живых кроликов, но не прятал их куда-то за кулисы, как делают его собратья, а кидал в толпу,

чтобы каждый мог взять кролика себе, ощипать и поджарить. Кролики не давались в руки и прыгали в толпе, что придавало празднику дополнительную суматоху и крикливость.

Желающие могли встать в любую очередь – кто за продуктовым набором, кто за конфетами или даже детскими игрушками, но для детей Дед Мороз раздавал подарки отдельно, и не надо было стоять в очереди, так как дедушка ловко кидал мешки с подарками подходящим к нему детям и никому ни разу не попал по головке.

Для молодежи был выделен участок площади под танцы, и молодежь этой возможностью пользовалась. А старики могли порадоваться передвижной аптеке и концерту, который давало привидение Клавдии Шульженко.

Час или два пролетели незаметно.

Усталые, но довольные гуслярцы расходились по домам, неся пакеты с подарками и волоча за уши кроликов.

За их спиной гасли огни ярмарки.

Артисты собирали инструменты, Алла Пугачева стирала грим, а Дэвид Копперфильд пересчитывал цилиндры и ворчал, что опять у него что-то украли.

После сияния площади улицы Гусляра казались слабо освещенными, темными и плохо расчищенными от снега.

Да и фонарей было даже меньше, чем обычно.

– Все познается в сравнении, – заметил Лев Христофорович Удалову, когда они свернули к себе на Пушкинскую.

– Странно, – начал было Удалов, но фраза осталась незавершенной, потому что он громко взвыл, провалившись ногой в яму и вытянувшись во весь рост.

– Ты куда? – спросил Минц.

– Здесь не было ямы! – ответил Удалов, когда друг помог ему встать.

Наблюдательный Минц согласился с Удаловым. Этой ямы не было два часа назад – они ведь шли по улице на площадь...

– Смотри-ка, – сказал старик Ложкин, догнавший соседей. – Яму выкопали. Кто это сделал?

Яма была небольшой, но свежей. Еще одна, тоже недавно выкопанная, была видна у края дороги.

– Как будто животное завелось, – сказал Ложкин. – Крупного размера.

– Это динозавр! – воскликнул Максимка-младший, внук Удалова. – Пока мы за подарками ходили, на нас динозавры напали.

Такая перспектива ему понравилась. У Максимки были счеты с некоторыми учителями, и он надеялся, что динозавры расправятся с ними в первую очередь. Хотя почему бы динозаврам бросаться именно на учителей, он не знал.

Дальше фонарей не было. Они не перегорели, а были разбиты. Осколки стекла поблескивали под луной, один из столбов упал, другой пошатнулся и торчал под острым углом.

Удалов ускорил шаги.

– А мы не слышали, – сказал он.

– Громче музыка играла, – заметил Ложкин. Он остановился, чтобы подождать жену. Жена взяла побольше подарков, и тащить их было тяжело, вот и отставала.

Они вошли во двор. Благо, недалеко от площади.

Самое удивительное – увидеть стол для домино, выкорчеванный подобно старому дубу о четырех стволах.

Под ним земля была разворочена. Там искали.

Когда? Кто?

– Искали, пока нас не было, – сказал Минц, и все с ним согласились.

– И я во всем виноват. Я не имел права не предупредить вас, сограждане, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. И я не удивлюсь, если подарки, полученные вами на площади, с наступлением утра развеются, как дым.

Ложкин, услышав эти слова, воскликнул:

– Нет, только не это!

И потащил жену с подарками к себе, на второй этаж.

– Кстати, – спросил сам себя Корнелий Иванович, – а кто финансировал мероприятие?

– Никто не сознается, – сказал Минц. – К тому же я давно хотел заметить, что мой восковой портрет является не более как злобной карикатурой.

– А мне показалось – похоже, – засмеялся Грубин и пошел к себе.

И почти тут же окно в его комнату на первом этаже распахнулось, и Грубин, высунувшись во двор, закричал:

– Они за это ответят!

Крик его стал понятен каждому, кто вошел в свою квартиру.

Все, буквально все, было перевернуто вверх дном, посуда частично перебита, мебель частично переломана, одеяла и подушки валялись на полу, их животы были взрезаны, и пух медленно кружил по комнатам.

В кабинете Минца взломщики устроили побоище. Трудно поверить, на сколько частей, клочьев и обломков были разорваны, разбиты, расколоты, раздавлены приборы, сосуды, банки с химикалиями и ценными биологическими отварами.

Но Минц не рыдал и не звал на помощь.

Он принял случившееся за печальную аксиому.

Кто-то желал покопаться в вещах всех жителей города Великий Гусляр, что само по себе невероятно. Для того чтобы сделать это незаметно, в отсутствие хозяев, похитители пошли на большие финансовые и организационные расходы. Устроить действо для всех жителей Гусляра – задача непосильная даже для городской организации ФСБ. Никакой олигарх не пошел бы на это по двум причинам: во-первых, это означало бы разорение олигарха, а, во-вторых, в Великом Гусляре ни одного олигарха пока нет.

Не меньшие расходы требуются и на то, чтобы обыскать город.

Причем сделать это за один час.

Сколько же народа в этом участвовало?

Что им было надо?

Конечно такое дело по зубам американцам. Но никто не видел столько американцев в Вологодской области за последние столетия. И вряд ли в Великом Гусляре вы отыщете нечто, так необходимое американцам, что они ухлопают на поиски его столько сил и долларов.

Конечно, рассуждал Минц, рассматривая с лупой осколки приборов в надежде найти на них отпечатки пальцев или иные следы преступников.

Не исключено, что в городе орудовали пришельцы.

Но что может соблазнить пришельцев в Великом Гусляре?

Минц думал.

Заря все не занималась...

* * *

А вдруг это были пришельцы?..

– ...А вдруг это были пришельцы? – спросила Авдюшечка, внучатая племянница Минца, приехавшая в Гусляр на зимние каникулы из Кинешмы, где она проживает со своей тетушкой.

Авдюшечка ходила пускать ракеты на музейный спуск и потому припозднилась.

Так как Лев Христофорович находился на полу, он поглядел на родственницу снизу и спросил:

– Что за дикие подошвы ты носишь? Девять сантиметров!

– Обычные прикольные бутсы, – ответила девица. – Ты знаешь, что теперь только ленивый так не носит.

Минц сдался. Он умел сражаться с двадцатью научными оппонентами зараз. Он мог отстаивать свою точку зрения в кабинете министра или даже бывшего секретаря обкома, но с Авдюшечкой он терялся. И сейчас, не в силах скрыть раздражения, старый ученый воскликнул:

– Какого черта они тебя Авдотьей назвали? Что, человеческого имени не было?

– Дед, что ты сечешь в социальной мимикрии? – ответила Авдюшечка и закурила сигару. – Интеллигенция, чувствуя свою социальную неполноценность и стараясь примазаться к трудовому народу, принялась называть младенцев сермяжными именами. Ты знаешь, в нашей тусовке уже есть два Пантелеймона, Тимофей Натанович, твоя верная слуга Авдотья Владиленовна и, что меня, дед, поражает, Акакий!

– Его папаша проходил в школе Гоголя, – ответил Минц, поднимаясь с пола. – Это единственное имя, которое он запомнил из школьной программы. Кстати, как тебе показался наш городок в новогоднюю ночь?

– Славный городишко, – ответила Авдюшка и пошла к зеркалу приводить в беспорядок подкрашенный желтым размашистый гребень на хорошенькой головке. – А что за проблемы, дед?

– Тебя ничего сейчас не удивило?

– Не.

– Совсем не удивило?

– Ну что ты вяжешься, старик! У меня в ухе рэп был воткнут. Я ничего не видала.

Эта логика сразила Минца.

Он лишь спросил:

– А в доме ничего странного?

– Надо будет завтра подмести, запустила я твою квартирку, дед.

– А тебе не кажется, что в доме и во всем городе кто-то провел тщательный и беспощадный обыск?

Авдюшка задумалась.

– А что, не исключено, – сказала девица. – Бардак царит страшный, больше чем обычно.

Наконец-то она сконцентрировала внимание настолько, что присмотрелась к разгрому в кабинете дедушки.

– Впрочем, – добавила она, – если бы ты когда-нибудь у нас побывал, то буквально бы озверел. Моя тетка весь месяц сгребает пыль и сор в угол, а первого числа выметает, сечешь?

– Странно, я видел твою тетушку сорок лет назад, в ее детстве, и она производила впечатление аккуратного ребенка.

– Люди меняются, – сказала склонная к философии Авдюшка.

– Как ты думаешь, кто бы это мог сделать? – спросил Минц у внучатой племянницы.

– А мы их видали, – ответила девушка.

– Как так видали?! – Минц был потрясен.

– Мы дворами шли, а они навстречу, – сказала Авдюшка.

– Кто они?

– Они нас увидели, погрозили нам мелким стрелковым оружием и пропустили.

– А вы?

– А мы обхохотались! Мужики здоровые...

– Но кто они были?

Авдюшка задумалась.

– Мы их всерьез не приняли, – сказала она наконец. – Пижоны как пижоны. У нас такие в Кинешме в райотделе работают.

– В каком райотделе?

Авдюшка сделала большие глаза и прошептала:

– Чекисты! Неужели тебе объяснять надо?

– Ты хочешь сказать, что это они перевернули весь наш город?

– А кому еще это нужно? – удивилась Авдюшка. – Может, у них практика на природе?

– И куда они пошли? – Минц выпрямился. Справедливое возмущение этой карательной организацией, которая и сегодня не устает

вмешиваться в дела простых гуслярских тружеников, овладело им. – Я должен их допросить.

– Ну и дела! – ахнула девушка. – Да тебя, дедуля, они сами допросят. Это их специальность.

– А вот мы посмотрим!

Минц схватил в углу половую щетку и принялся стучать ее ручкой в потолок, вызывая Корнелия Удалова. Уже десятки, а то и сотни раз в своей жизни Корнелий Иванович спускался к Минцу по такому зову.

– А ты, ребенок, – сказал Минц, – идешь с нами и показываешь, где они укрылись.

– Может, не стоит, дедуля, – сказала Авдюшка. – Ты подумай, во всей стране Новый год, люди прыгают и танцуют, водку принимают, а ты будешь чекистов гонять. Знаешь, что они сделали с Паулем Валленбергом?

– Я им не шведский гуманист, понимаешь! – совсем другим, властным, решительным голосом заговорил профессор. – Я здесь родился и вырос во дворе и в коммуналке. Я у них добьюсь правды!

Спустился Удалов. Он был расстроен и несобран.

– Ты чего? – спросил он. – А я уже ко сну начал отходить.

– И не мечтай! – оборвал его Минц.

– Что случилось?

– Многое случилось. В том числе в истории человечества и нашей личной истории. Авдюшка с друзьями их видела.

– Кого?

– Разбойников, которые перевернули вверх дном наш тихий городок.

– И где они?

– Отступают огородами в сторону реки. Там и будем их брать.

– Народ поднимать? – спросил Удалов. Он был человеком конкретного действия и быстрых решений, отчего не раз бывал бит (в переносном смысле).

– Нет, – ответил Минц. – Идем в разведку. Он обернулся к Авдюшке: – У тебя есть верные тинейджеры?

– Они все верные.

– В случае чего сможешь поднять?

– Даже на байках.

– Добро, – сказал Минц.

– Какие еще байки? – спросил Удалов.

– Мотоциклы с прибамбасами, – ответил Минц.

– Тогда пошли, – сказал Удалов. – Куда?

– Я покажу, – сказала Авдюшка.

Они шли по разоренному опрокинутому городу. Среди мусора встречались растерянные, подавленные гуслярцы, из домов доносились скорбные крики.

– Вообще-то дело безнадежное, – говорила по пути Авдюшка. – Пришьют они нас. Но я с тобой, дедуля, иду, потому что в твоих действиях есть справедливость. Хватит делать из нас безмолвных скотов! Хоть погибну со смыслом.

– Ну это ты перестань, – возразил Удалов. – Мы женщинами и детьми в бою не прикрываемся. Останешься в тылу.

Но сделать этого они не успели, потому что у замерзшей реки, под обрывом, где днем катаются на санках самые смелые из городских детей, они увидели колонну боевых машин пехоты и защитного цвета джипы командования. Колонна готовилась к отходу.

– Вот они где, голубчики, – сказал Удалов. – Как же мы их раньше не заметили.

– Не заметили, потому что мы этого не желали, – послышался голос за спиной Удалова. – Попрошу предъявить документы.

– Хорош, блин! – произнесла с вызовом Авдюшка. – Мы по своему городу документов не берем.

– А с тобой никто не разговаривает! – прикрикнул на нее солидный мужчина в штатском, которое сидело на нем как военное.

– Ребенка не трожь, – сказал Удалов. – Ребенок ни при чем.

– Как так ни при чем! – обиделась Авдюшка. – А унижение? А то, что мой си-ди плейер разломали?

– Спокойно. Соблюдать тишину и порядок, – произнес военный мужчина в штатском. – Попрошу не привлекать к нам излишнего внимания.

– Вот именно в этом и состоит наша цель, – возразил Минц. – Привлечь и разоблачить.

– Нельзя!

– Можно!

– Мы вас уничтожим! Разве не видите, на какую силу вы пытаетесь поднять свои лапки?

– Но зачем? – не выдержал Удалов. – Зачем вы это сделали?

– Ради справедливости и всеобщего согласия.

Тут военный мужчина в штатском вытащил из внутреннего кармана запеченную в пластике коричневую книжечку с гербом СССР.

– Вам ясно? – спросил он.

Минц принялся открывать книжечку, но пластик был заварен прочно, без кинжала книжечку не раскрыть.

– Вы не прошли проверки на секретность, – мягко остановил Минца военный в штатском. – Так что не ломайте ногти, стараясь раскрыть государственную тайну. Разрешите представиться: генерал-майор ФАПСИ Перепелица Максим Янович.

– ФАПСИ?

– А нас как ни называй, только в печку не суй! – засмеялся генерал.

Машины внизу прогревали моторы. Над городом взлетела одиноокая ракета.

– Это не к нам, – сказал генерал. – Это дети шутят.

– Так чего искали? – спросил Удалов.

– Если бы все так просто, заранее объявили бы в газете и купили. А то пришлось, видишь, какую операцию проводить!

– И безрезультатно? – спросила Авдюшка.

– А ты, существо немытое, заткнись, – мягко попросил генерал.

– Ах, как грубо, – сказала девушка.

– Он расстроен, – заметил Минц. – Не обижайся на него. Сотрудники органов не любят терпеть поражений. И все же меня смущает, почему они даже сейчас охраняют тайну?

– А может, и нет тайны? – сказала Авдюшка. – Деньги получили на операцию, устроили третью чеченскую войну, а теперь надо отчитываться.

– Ах, перестаньте! – возмутился генерал Перепелица. – Все куда сложнее... и проще.

Он щелкнул пальцами, и за его спиной из снежной пыли материализовался адъютант в форме с открытой папкой в руках.

– Придется вам расписаться, – сказал генерал. – Подходите по очереди.

И он сказал это так, что все прониклись важностью момента. Даже циничная Авдотьюшка поставила свою каракулю внизу листа – обязательства о неразглашении.

– А теперь, – сказал генерал, отослав адъютанта, – вы знаете, что, если проговоритесь, будете отвечать по всей строгости закона.

– Мы-то расписались, – сказал Удалов, – да вот вашей тайны не услышали.

– Как вы знаете, – начал генерал Перепелица, приставив ладонь к козырьку штатской фуражки и вглядываясь в снежную круговерть, скрывающую от глаз колонну чекистских машин, которая уже двинулась по берегу. – Как вы знаете, для нашего общества главное сегодня – согласие, память о славном прошлом, чистота нравов. Россия должна стать единым дружным коллективом. Так что сегодня становятся очень опасными попытки наших недругов внести раскол и опорочить. Вы меня понимаете?

– Пока нет, – сказал Минц.

– Я и не надеялся, – заметил генерал. – Потому что действительность превосходит самые невероятные предвкушения фантастов. Но я могу дать вам слово офицера и чекиста в том, что в город Великий Гусляр проникла кассета, на которой изображен человек, похожий на нашего президента, в обнаженном виде, находящийся в интимной связи с двумя девицами непристойного поведения, которые обучались до ареста в речном техникуме города Великий Гусляр, но успели кассету спрятать. И если мы не сумеем изъять эту клеветническую кассету в течение этой ночи, то мы можем лишиться кредитов Международного валютного фонда. Подумайте, как разумный человек, заслуживает ли государство получить миллиардные кредиты, если человек, похожий на его президента, попал в такой переплет?

– Вы не шутите? – спросил Минц.

– Он не шутит, – пискнула замерзшая Авдюшка. – Я отсюда вижу!

Она показала рукой вниз, к реке.

В конце колонны боевых машин пехоты двигался открытый «КамАЗ», в котором, как песок, были навалены видеокассеты.

– Да, – признался генерал Перепелица. – Это мы изъяли. И до утра, когда наш министр будет докладывать президенту, среди этих кассет мы должны найти нужную. Как иголку в куче елок...

Авдюшка отошла на несколько шагов назад.

– Внимание! – сказала она. – Улыбаемся!

Ослепительно блеснула вспышка.

– Ты с ума сошла! – рассердился генерал Перепелица. – Я же при исполнении! Я же фигура секретная! Ты же подписку о неразглашении давала!

Генерал кинулся за Авдюшечкой. Его адъютант, выскочивший неизвестно откуда, тоже кинулся за Авдюшечкой...

И вдруг закричал петух.

– Скорее! – воскликнул генерал, забыв об Авдюшечке.

Сопровождаемый адъютантом, он стремглав кинулся вниз, к колонне.

Грозно, но негромко урчали моторы.

Набирая скорость, колонна из органов ринулась вдоль берега и исчезла в снежной круговерти.

Остальные пошли домой.

* * *

...Под слоем снега город стал не таким страшным и растерзанным. В домах тушили свет и отходили ко сну.

Новогодние торжества прошли неудачно. Но по крайней мере они остались в прошлом.

– Ты ему поверил? – спросил Удалов.

– По крайней мере переживал он искренне, – сказал Минц. – Но как-то не похоже это на нашего президента.

– Может, они что-то другое искали? – спросил Удалов.

– Другое, – подтвердила Авдюшечка.

– А ты тоже хороша, – сделал ей выговор Лев Христофорович. – Разве можно без предупреждения генералов госбезопасности фотографировать. Твое счастье, что ему было пора уезжать, а то бы тебе досталось!

– Может быть, – согласилась Авдюшечка.

Некоторое время они шли молча, каждый думал о своем.

На подходе к дому Авдюшечка неожиданно спросила:

– А хотите узнать, чего они на самом деле искали?

– Ты знала и молчала? – грозно спросил ее двоюродный дедушка.

– Я не была уверена.

– А теперь?

– А теперь почти уверена.

Они вошли в дом, разделись.

Авдюшка велела потушить в комнате свет и направила луч из своей странного вида фотокамеры на белую стену.

– Глядите внимательно, – сказала она.

Это была групповая фотография.

Справа стоял профессор Минц. Слева – Корнелий Иванович Удалов.

Посередине – черт знает кто в штатском костюме. Костюм сидел на нем как военный мундир.

Рожа его лица была нечеловеческая, цвет кожи темно-зеленый в изморозь, глаз несколько и все разных цветов.

– Та-а-ак, – произнес профессор. – Вот, значит, какая у нас теперь госбезопасность.

– Инопланетянин! – ахнул Удалов.

– Вот именно, – сказала Авдюшечка.

– Но как ты увидела, а мы не увидели?

– Проще простого. – Авдюшка указала на фотокамеру обычного вида, лежавшую на столе между початой бутылкой шампанского, миской с салатом и разбитым микроскопом. – Это не фотокамера, а то, за чем они гонялись. Почитайте, главная ценность во Вселенной.

– Но что же это? – Минц был искренне встревожен.

Авдюшка заговорила серьезно, такой ее профессор еще никогда не видал. Не беспутная девчонка, а взрослый человек:

– Что нужнее всего для любой службы безопасности, для любого правоохранительного органа? Нужнее всего знать истинное лицо оппонента. Если бы появился аппарат, который позволяет разглядеть истинное лицо любого существа под скрывающей его личиной, который может сорвать маски, несмотря на совершеннейшие системы маскировки? Тогда бы межпланетный шпионаж и космические диверсии сошли бы на нет. И вот такой аппарат был изобретен. Не будем уточнять где, но изобретен. И когда об этом стало известно различным спецслужбам, они просто взбесились в соревновании: кто первый его раздобудет. Наконец одной из могущественнейших служб удалось узнать – аппарат спрятан свободолюбивыми силами в Великом Гусляре, на Земле. И тогда они организовали экспедицию по обыску Великого Гусляра, не считаясь с жертвами и расходами. Но нам удалось их перехитрить...

– Авдотьюшка... – простонал Минц. – Ты настоящая?

– Как тебе сказать... – улыбнулась девушка.

Тогда Удалов ловким движением схватил со стола камеру и навел ее на улыбающуюся Авдотьюшку.

Вспышка!

– Ах! – сказала Авдотьюшка.

Удалов направил луч из камеры на стену.

В одежде и башмаках Авдотьюшки стояло существо приятного розового, но абсолютно нечеловеческого облика с одним лучащимся глазом на лбу.

– Ах, зачем вам нужно было это делать! – вздохнуло существо. – Только дедушку расстраиваете.

– А где Авдотья! – взревел Минц. – Где моя внучатая племянница?

– Не беспокойся, дедуля! Авдюшка отдыхает на Кипре за счет нашей свободолюбивой планеты. И как только я покину вас, она займет мое место.

– Когда? – Минц старался перекричать треск мотоцикла.

– А вот этого вы никогда не узнаете. – Авдюшка рассмеялась хрустальным смехом. – Мы с ней так похожи!

– Эй, Авдо! – послышалось под окном. – Давай мотай к нам!

– Я побежала! – сказала Авдюшка. – Меня ребята ждут!

– Стой! – крикнул ей вслед Удалов. – А как же президент?

– Что?

– Как же человек, похожий на президента? С двумя студентками из речного?

– Ах, как вы наивны, – крикнула Авдюшка. – Он же любит свою жену! А генерал Перепелица в самом-то деле бригадир Пу-лю-бах!

Хлопнула дверь.

И через минуту под окном взревел мотоцикл. Новогодняя ночь продолжалась.

ТВОЯ РАШЕЛЬ...

Глава первая

Обычно рассказы пишут для того, чтобы читатель мог насладиться образами персонажей и пейзажами, а в конце задуматься над смыслом прочитанной истории. Иначе бы рассказы не включали в хрестоматии и не мучили бы ими невинных детей.

В рассказе должна быть мораль. Даже не очень видная снаружи.

Вы завершаете последнюю фразу и понимаете: так жить нельзя!

Небольшое произведение, к чтению которого вы сейчас приступаете, относится именно к этому роду литературы. И мораль его сводится к истине: подслушивать нехорошо.

...Все началось шестого июля. Если вы помните, день тот выдался в Великом Гусляре жарким, томительным, но не беспощадным. И если ты обнажен до трусов, искупался в озере Копенгаген, улегся в тени векового дуба на редкую зеленую траву, щуришься, глядя сквозь листву на сверкающее солнце, и, отмахиваясь веткой от оводов, испытываешь редкое ощущение счастья, то поймешь, почему Минц с Удаловым лениво перебрасывались осколками фраз, не утруждая себя грамматикой.

– А на Кипре... – начал было Корнелий Иванович.

– Там другая широта, – ответил Лев Христофорович.

Помолчали.

Минц шлепнул себя по голому пузу. С озера неслись крики купальщиц, которые изображали танец русалок при луне.

Одна из русалок с грубым хохотом выскочила из воды и понеслась к кустам, преследуемая сатиром. Она ланью перескочила через Удалова.

– Ноги, – сказал Корнелий Иванович.

– Длинные, – ответил Минц.

– Акселерация, – сказал Удалов.

– Питание, гимнастика и желание выбиться в модели, – одолел длинную фразу профессор.

– Значит, не генетика? – спросил Удалов.

– Еще какая генетика, – возразил Минц.

Они лежали головами к метровому стволу дуба, который остался напоминанием о дубраве, посаженной здесь помещиком Гулем в XIX веке. По ту сторону ствола, разложив на траве махровое полотенце с уточками, аккуратно улегся относительно молодой человек, который приехал в Гусляр, чтобы оформить наследство на теткину комнату, продать ее подороже и покинуть эту глухую провинцию. А пока не вступил в наследство, он скрывался от жары на берегу лесного озера, подобно аборигенам.

Звали молодого человека, которому суждено будет сыграть значительную роль в этой истории, Никитой Борисовичем Блестящим. Фамилия была по паспорту, но не исконная. Когда-то его дедушка

приехал с юга, принеся с собой неблагозвучную харьковскую фамилию Прохановский. Он выучился на партийного публициста, борца с генетикой и кибернетикой, стал лидером гонений на вейсманизм-морганизм и прочие бесчеловечные исчадия американской реакционной науки и членом-корреспондентом Тимирязевской Академии наук.

Никита Борисович улегся под дубом, стал смотреть на небо и отгонять веточкой оводов. До него доносились визги и вопли купальщиц, и он тоже оценил длинные и стройные ножки местной нимфы.

Два старика, один толстый и лысый, другой потоньше, помельче, но тоже лысый, что лежали по ту сторону ствола, его не интересовали, и их разговор поначалу был для него пустым. Так что он постепенно задремал.

А Минц с Удаловым продолжали беседу.

– Почему? – спросил Удалов. – Природа распорядилась?

– С раннего детства, – согласился Минц.

– Иногда вижу – в коляске, а уже руководит, – улыбнулся Удалов.

– Если наблюдать, то увидишь, – сказал Минц.

– С какого же возраста?

Минц ответил не сразу.

Удалов взял бутыль с газированной водой «Гуслярский источник». Отпил из горла, дал другу.

Длинноногая нимфа верещала в кустах, видно, ее щекотали.

– Ты затронул важную тему, Корнелий, – произнес задумчиво Лев Христофорович. – Я тоже об этом думал.

– Вот именно, – согласился Удалов.

Пока он еще не понял, о чем говорит Минц, но привык не противиться другу, потому что со временем из рассуждений Минца вырастали великие изобретения и открытия, а Удалову было приятно чувствовать себя причастным к таким делам.

– С какого момента дитя становится полководцем, развратницей или многодетной мамашей? Когда это открывается?

– Когда?

– Когда оно начинает пользоваться речью и свободно передвигаться, – сказал Минц. – Я проводил наблюдения в яслях, детских садах и школах. Это потребовало не один месяц полевых исследований.

– Чего же мне не сказал? – упрекнул его Удалов. – Мы бы с тобой вместе полевые исследования проводили.

– Скучное для непосвященного дело, – возразил Минц. – Но со временем дало свои плоды. У меня есть несколько дискет с обобщениями.

– Публиковать будешь?

– Рано, – ответил Минц. – И, можно сказать, опасно для человечества. Если мое открытие попадет в руки нечистоплотного мошенника, а еще хуже, политика, могут произойти совершенно непоправимые катаклизмы. Дай еще «Гуслярского».

– Может, искупаемся? – спросил Удалов.

Он делал вид, что очередное открытие Минца его никоим образом не интересует. Потому что заинтересованность всегда охлаждала профессора, и он мог прекратить рассказ.

– А тебе что, неинтересно? – обиделся Минц. – Ведь это не хухры-мухры!

– Интересно, Левушка, – поспешил с ответом Удалов. – Но если не хочешь, не рассказывай.

– Почему же это я не буду рассказывать?

– А может, ты подписку дал.

– Где еще я подписку дал?! – совсем уж осерчал профессор. – Кого я боюсь?

– Прокуратуру, – невинно ответил Удалов.

И тут Минц взревел так, что лежавший за деревом Никита Борисович поджал ноги.

Минц глубоко вздохнул, помолчал, переживая гневный пароксизм, а потом заговорил:

– Я задумался о том, насколько непроизводительно работает природа. Наблюдаю я ребенка, вижу – вот вам генетически обусловленный военный, офицер, а может, и генерал. Потом гляжу на малыша, лепящего пирожки из песка, – он же готовый труженик! Я вижу будущее любого малыша по его обычному поведению в детском садике.

– Ты гений, Лев Христофорович, – искренне заметил Удалов.

– Да не о гениальности речь! – возразил Минц. – А о том, какие это беды или радости может принести человечеству.

За стволом дерева Блестящий внимательно слушал. Конечно, не исключено, что старики несут чушь, – на то они и старики. Но ведь дедушка Никиты Борисовича до позднего девяностолетнего возраста сохранял ясный ум и даже говорил: «Не доведет вас до светлых высот

демократия. Насмотрелся я ее в годы Гражданской войны. Народу она не нужна!» С этими словами и помер, перед смертью позвав в дом жреца зороастрийской религии, так как все Прохановские в Харькове исконно придерживаются зороастризма.

– А какие беды? – донесся до Никиты Борисовича голос курносенького собеседника.

– Эх, не хотел я забивать тебе голову научной чепухой, – вздохнул второй старик, тоже лысый, но толстый и нахальный. – Но придется.

Глядя в небо, он продолжал:

– Природа действует расточительно и неумно. Заданность детеныша определена. Но природа растягивает взросление человеческого существа на полтора десятка, а то и более лет. Расточительно?

– Организму сложиться надо! – сказал Удалов.

– Ошибка. На деле получается наоборот. Внешние факторы не помогают природе, а нарушают ее начинания. Ну, посмотри. Мы имеем дело с талантливым скрипачом. А у родителей нет денег ему на скрипку, к тому же его папа всю жизнь играет на гармошке. И вместо нового Ойстраха мы получаем еще одного пьяненького гармониста.

– Ну, это исключение, – возразил Корнелий. – Настоящий талант превозможет.

– Ты уверен?

– Еще как!

– И какой же талант был у тебя, Корнелий, в три года от роду?

– Нормальный талант, – не нашелся, что ответить, Удалов. – И если что, я его сам загубил.

– Правильно. Природа не могла угадать, что ты станешь послом доброй воли, известным в Галактике борцом за мир и, главное, самым средним из всех жителей Млечного Пути. А вообще-то говоря, я тебя проанализировал...

– Так ты любого человека можешь проанализировать?

– Задним числом.

– И без ошибки?

– Без ошибки, но с разочарованием. Природа зря отпускает людей взрослеть самостоятельно.

– Так скажи обо мне, не томи!

– В машинисты паровоза готовила тебя природа.

– Не может быть! – воскликнул Удалов и вдруг закручинился.

Минц заметил это и спросил:

– Что с тобой?

– Ты не поверишь... Я у внука паровозик украл и всю ночь с ним в коридоре играл.

– Почему не поверить? Конечно поверю, – улыбнулся Лев Христофорович. – И я задумался, – продолжал Минц, глядя в небо, не слыша и не видя ничего вокруг. – Я задумался, нельзя ли помочь природе. Тогда люди будут счастливее. Они же будут заниматься тем делом, к которому их произвела природа.

– Не понял, – сказал Удалов и почувствовал, как ему хочется гуднуть.

– Мы должны сократить до минимума тот непроизводительный период, в ходе которого человек взрослеет, в то время как увеличиваются шансы, что он станет вовсе не тем, кем ему следовало бы стать.

Минц сорвал травинку и принялся ее грызть.

Никита Блестящий был сам слух.

– Почему надо взрослеть много лет? – задал сам себе вопрос профессор. – Надо взрослеть за три года.

– И кто же получится? Генерал мне по пояс?

– Я не так наивен, – возразил Минц. – Нам нужно, чтобы человек стал совершенно нормальным, двадцатилетним, работоспособным и даже готовым жениться.

– В пять лет жениться? Ну, тебе покажет наша милиция!

– Какая еще милиция, – заметил Минц. – Никому не нужна твоя милиция, когда все будут заниматься своим делом.

– Неужели ты уже испытал это средство? – испугался Удалов.

Беда великого ученого заключалась в том, что его изобретения и открытия далеко не всегда выполняли задуманную роль. Порой они становились катастрофически опасными для окружающих. И приходилось переизобретать изобретенное.

Удалов как представил себе шестилетних генералов, ему чуть дурно не стало.

– Все проще, – сказал профессор. – Я изготовил совершенно безвредное средство, которое ускоряет физическое развитие организма. Если дать мои порошки пятилетке, то еще через три года, а то и менее, он станет взрослым и займется своим любимым делом.

– И останется внутри дурак дураком? – предположил Удалов.

– Тебе дается три года. Так вот, за эти три года научи ребенка всему необходимому. Мы с тобой такие школы ускоренного профиля организуем, японцы будут приезжать за опытом!

– Ты меня не убедил, – сказал Удалов и закрыл глаза. Солнце пекло, но милосердно.

Глава вторая

Никита Борисович уже не ощущал жары и томления духа. Он почувствовал, что наткнулся на большое, настоящее дело.

Стараясь не шуметь и не привлекать к себе внимания, он немного оделся и отошел к другому дереву, под которым сидела мирно выпивающая компания и говорила о футболе.

Никита Борисович незаметно присоединился к компании, а потом, познакомившись с женщиной средних лет, на которую произвел положительное впечатление, спросил у нее, показывая пальцем на двух лысых друзей, заснувших под дубом:

– Это местные?

– Как же не местные? – удивилась женщина. – Разве вы их не знаете?

– А я недавно приехал, – признался Никита Борисович. – Не успел всех узнать. Да оказался рядом с вашими земляками, и чем-то они возбудили во мне подозрение. Не жулики ли они?

Вопрос был провокационный. Разумеется, Удалов с Минцем не могли произвести впечатление жуликов. Но раздраженная женщина всегда выдает на-гора куда больше информации, чем женщина, находящаяся в состоянии покоя.

– Ах! – воскликнула женщина, которую звали Вандой Савич, и была она директором универмага на пенсии, а также женой фармацевта Савича, человека в Гусляре не последнего. С Удаловым она прожила бок о бок интересную жизнь, а к Минцу, как и все старожилы Великого Гусляра, испытывала благоговение.

– Ах! – воскликнула Ванда Савич. – Как вы посмели заподозрить Минца и Корнелия Ивановича! Вы или сумасшедший, или дурак.

– Спасибо, – вежливо ответил Никита Борисович. Он был человеком воспитанным и миловидным, женщины его любили иногда платонически, а некоторые страстно, хотя он им взаимностью не отвечал. Но успех у женщин обычно воспитывает в мужчине умение владеть

собой. – Спасибо, я не дурак и не сумасшедший. Но один из ваших земляков нес какую-то псевдонаучную чушь.

– Это кто из них?

Никита показал на профессора Минца.

– Вы, молодой человек, – усмехнулась тогда Ванда, – на самом деле дурак. Потому что профессор Лев Христофорович Минц не только законная гордость нашего города, но и гордость мировой науки. Он не в состоянии нести псевдонаучную чушь, потому что его кандидатура сейчас в третий раз рассматривается Нобелевским комитетом, и лишь интриги завистников не дали ему получить заслуженную премию в позапрошлом году.

– Чего же он здесь обитает? – ухмыльнулся Никита Борисович.

– Это особый разговор, – ответила Ванда. – Могу только сказать, что и весь наш город настолько же уникальное явление в Галактике, как и Лев Христофорович.

– Разумеется, – вежливо улыбнулся Никита Борисович, не скрывая некоторого, очень легкого и простому человеку незаметного презрения и к городу, и к Минцу, и лично к Ванде Казимировне.

А зря он это сделал! Не заслужили они такого к себе отношения. И если бы Никита Борисович, милый человек, смог поглядеть в свое будущее, то от язвительных взглядов он бы наверняка отказался.

– Как хотите, – заметила Ванда Казимировна, которая поведение собеседника оценила на два с минусом, и пошла к друзьям, чтобы откушать шашлыка.

Постепенно солнце ушло за вершины деревьев, жара спала и превратилась в парное молоко, облака порозовели, купальщики стали собираться по домам.

Неудивительно, что заинтересованный Никита пошел за Минцем и таким образом попал во двор скромного двухэтажного деревянного дома № 16 на Пушкинской улице. Он выяснил, что Удалов поднялся к себе на второй этаж, а профессор Минц пошел в квартиру на первом этаже.

Так как в глубине души молодой человек уже замыслил некоторое преступление, он не стал светиться, не подошел к столу, за которым соседи Удалова играли в домино. Лишь подивился тому, что игроки сидят на таких низких скамейках, что коленки до носов достают. Он

решил, что это, наверное, национальный обычай гуслярцев, а то был не обычай, а необходимость. За много лет могучие ноги домино-стола постепенно углубились в землю по крайней мере на метр, с такой силой били по ним игроки. Вот пришлось вколотить в землю и скамейки, а то играть неудобно.

Никита пришел домой, то есть в теткину еще не проданную комнату, и уселся в углу, даже телевизор не стал включать.

Он был внутренне напряжен, как тигр, который выслеживает трепетную лань, или охотник Дерсу Узала, который выслеживает тигра.

Он дожидался темноты и лихорадочно думал. Если старик профессор и в самом деле нашел средство, как определять завтрашние наклонности людей, а потом выращивать их до нужного состояния за три года, то для умного человека открываются перспективы. Но чтобы их открыть, нужно получить от толстого старикашки две вещи: во-первых, способ определять в детишках будущие специальности, а во-вторых, средство, чтобы выращивать их быстренько в нужном направлении.

Но что для этого следует сделать?

Конечно, первым побуждением Никиты Борисовича был грабеж. «Я забираюсь к нему в кабинет, благо и решетки этот тип установить не удосужился – видно, ждет, что ему через окно Нобелевку вручат, – и вытаскиваю все записки, а потом привязываю профессора к стулу и колочу его стамеской по челюсти, пока он не скажет, где средство лежит».

Но по здравом размышлении Блестящий отказался от первоначального плана.

Слабым местом в нем было то, что он мог легко провалиться.

Тем более что стамеской наш герой пользовался только в воображении, а так был вполне цивилизованным и даже робким негодяем.

Надежнее всего пойти по пути наименьшего сопротивления со стороны Минца. То есть заставить его расстаться с тайной так, чтобы он сам не сообразил, что расстался.

Придя к такому решению, Никита Борисович немного поспал, а потом отправился в хорошую по нашим временам гуслярскую городскую библиотеку, где выписал все нужные книги по генетике, психологии детского возраста и биологии.

Он отложил первую встречу с ученым на неделю, за которую, будучи человеком неглупым и кое-как образованным, прочел немало чужих трудов и выучил множество иностранных слов.

В следующую пятницу он с раннего утра следил за профессором Минцем.

Сначала пошел за ним в булочную, потом на почту, постоял в очереди в сберкассу и окончательно настиг Льва Христофоровича, когда тот со свежими газетами в руках уселся на лавочке над рекой Гусь и принялся за чтение.

Никита Борисович сел на ту же лавочку и тоже стал читать газету.

Подходящий момент наступил, когда мимо них пробежала небольшая стайка воспитанников детского сада, которых руководительница почему-то привела на тот обрыв.

Глядя на спины детишек, на белые панамки, Никита Борисович как бы случайно, как бы бесконтрольно произнес:

– Странно наблюдать это невооруженным глазом.

Минц не обратил внимания. Он читал о событиях в Афганистане.

– Дети, дети, – громко вздохнул Никита. – Какие они разные!

Минц кивнул, но не ответил.

– А вы как думаете? – Никита перешел в наступление.

Минцу было некуда деваться.

– Угу, – сказал он. – Разные.

– И чем это объясняется?

Минц понял, что от навязчивого молодого человека угуканьем не отделаешься. Поэтому он сказал:

– Генетикой.

– Ах, как точно! – обрадовался молодой человек. – Как это славно и целенаправленно. Я вот смотрю на детей и замечаю, что они в пять лет уже готовые характеры. Не так ли?

У Никиты эти слова прозвучали со странным английским акцентом, но профессор этого не заметил. Он вдруг услышал слова единомышленника. Как славно – такой молодой, а уже думает!

– Вы совершенно правы, – сказал Минц. – Я тоже об этом размышлял и пришел к некоторым выводам.

– К каким же, если это не засекречено?

– Еще чего не хватало! Так бы я и позволил им секретить!

Случайно Никита Борисович нажал на самую чувствительную клавишу в клавиатуре минцевского сердца.

Минц не выносил секретов. И секретности. Иначе бы он, а не другие академики, изобрел водородную бомбу и получил бюст на родине героя. И жил бы он не в захудалом Великом Гусляре, а в престижной Черноголовке. Или даже в Пущине.

Но у Минца всегда был тезис: «Вы хотите меня засекретить? Скорее вы засекретите Северный полюс!» – «Уже засекретили»! – лгали соответствующие товарищи.

– Любой любознательный человек, – продолжал Минц, яростно сверкая очками на своего молодого собеседника, – может ознакомиться с результатами моих последних опытов. Было бы желание.

– У меня есть желание! – поспешил откликнуться Никита Блестящий. – Больше того, я хотел бы вам помогать, Лев Христофорович, помог бы получить наконец Нобелевскую премию!

– Вот это лишнее, – отмахнулся Минц.

Потом насторожился.

Все-таки он был проницательным человеком.

– Откуда вам известно про Нобелевскую премию, мой дорогой коллега? – спросил он.

– Ниоткуда, – нашелся Никита. – Я подумал, что вы достойны этой награды.

– Почему?

– Таковы масштабы! Человеческие и научные. Даже не зная о ваших трудах, даже не погружаясь в глубины вашего научного поиска, я всей шкурой ощущаю, что нахожусь рядом с гением. Простите меня за прямоту, Лев Христофорович.

– Лукавишь, ах лукавишь! – заявил Минц, но утешился.

Любому из нас приятно, когда его именуют гением, даже если к этому нет никаких оснований. А ведь у Минца такие основания есть.

Так Никита Борисович вошел в дом доверчивого Минца и даже фактически стал его доверенным лицом в программе «Генерал за три года!». Из чего вы можете сделать вывод, что на армию также распространились революционные идеи Минца.

Никита Борисович не спешил, тем более что передача комнаты по наследству затягивалась. Теперь он полностью уверовал в значение

открытия Льва Христофоровича, даже осунулся, стал быстрее в движениях и стройнее в талии. У него мелькали порой мысли остаться на всю жизнь рядом с Минцем, питаясь значительными ломтями с его интеллектуального стола, но потом он понял: нельзя, жизнь не ждет, она стремится вперед, самостоятельное плавание сулит собственные премии, власть и сказочное богатство.

Днем Минц со своим спутником, к ревнивой озабоченности Удалова, частенько наведывались в ближайшие детские сады или даже ясли. И проводили часы, наблюдая за детишками и записывая их игры и забавы на видеопленку.

Посторонний наблюдатель наверняка решил бы, что имеет дело с двумя сумасшедшими, в лучшем случае сумасшедшими педофилами.

– Смотри на Дарьюшку, – шептал из укрытия Минц, – сейчас она пойдет к Васе. Ведь он отобрал конфету у Венечки и намерен сам ее сожрать. Но не тут-то было...

Никита, убрав со лба мягкую черную прядь, прищуривал карий глаз и включал камеру.

Как всегда, профессор был прав.

Пятилетняя Дашенька уже подбиралась к силачу и задире Ваське.

Подслушивающее устройство на коленях у Минца запищало ее голоском:

– Васенька, ты хочешь меня стукнуть?

– Не хочу, – пробурчал Васька, который начал было разворачивать конфету, поглядывая краем глаза на дверь, куда минуту назад убежал ревущий Венечка, чтобы пожаловаться воспитательнице, но не просто воспитательнице Верочке и не Марии Павловне, а Серафиме Игнатьевне, тете Симе, которая вчера пила чай у его мамы.

В то же время Никита Борисович не спускал глаз с ловкого Ахметика, который уже забрался на дерево, нависшее над местом действия, и было видно, как ловко он смастерил арканчик, который незаметно спускал к руке Васьки.

– А за косичку хочешь дернуть? Изо всей силы? – спросила пятилетняя красотка.

– Ты реветь будешь.

– Васечка, когда ты меня бьешь или дергаешь, я только смеюсь, – ответила маленькая девочка. – Ты ведь такой сильный.

– А что тебе надо?

– А конфета шоколадная?

– Не знаю, не пробовал.

– А давай вместе попробуем? Я тебе помогу.

– Не надо мне помогать!

Дашенька уже подобралась к Ваське и погладила его по руке, в которой он сжимал конфету.

Арканчик повис над его рукой.

– Ну ударь меня, ударь, – проворковала девочка.

– Ладно, – сказал Васька, – я тебе и так дам откусить. Держи. Только сильно не кусай.

В этот момент дверь в детский сад распахнулась, и оттуда вылетел склонный к полноте Венечка, а за ним разъяренная, как Сцилла и Харибда, воспитательница тетя Сима.

– Я те покажу, как маленьких обижать!

Многие дети на всякий случай разбежались кто куда, арканчик на веревочке, свисавший с дерева, схватил конфету, которую успел отпустить Васька, но не успела как следует схватить Дашенька.

Конфета исчезла.

Васька крутил головой, стараясь сообразить, что же случилось. Венечка прыгал вокруг и кричал:

– У него в кармане, у него в кармане!

А тем временем истинный центр события сместился чуть в сторону, потому что с дерева, держа в кулаке конфету, спустился Ахметка, и зоркая Дашенька засеменила за ним, приговаривая на ходу:

– Ахметик-махметик, хочешь меня ударить?

– Выключаем камеру, – сказал Минц. – Эпизод зафиксирован. Давайте обсудим, какие генетические характеры мы видим на этой картинке...

А еще через три недели, так и не оформив комнату тети, Никита Блестящий покинул Великий Гусляр.

Сделал он это под утро, поймав на шоссе попутку до Вологды. Всего-то багажа у него был один чемодан, но чемодан был незаметно прикован к запястью тонкой стальной цепочкой, как у сверхсекретного дипкурьера. В этом чемодане к неизвестности неслась судьба Никиты, Великого Гусляра и всего человечества.

– Это трагедия? – спросил Удалов.

– Это больше, чем трагедия. Это глупейшая ошибка. Я позволил себе расслабиться, поверить какому-то проходимцу, который, как мне теперь понятно, выслеживал меня и сидел с удочкой, покачивая крючком с наживкой перед моим носом.

– Что он у тебя похитил?

– Методику – раз, методику – два, методику – три.

– А что – четыре? – спросил Удалов.

– Четыре, к сожалению, средство... назовем его, как обычно, эликсиром. Эликсир роста. Он ускоряет созревание организма в несколько раз. Так что мое открытие состоит из двуединства. Сначала ты можешь найти нужную тебе склонность или даже талант, а затем вырастить его в полевых условиях. Господин Блестящий знает теперь, по каким параметрам можно определить тот или иной талант, и имеет возможность вырастить его у себя на ферме. Или продать его мистеру Смиту.

– Или эмиру Кувейтскому, – добавил Удалов.

– Вот именно.

Друзья помолчали. Потом допили чай.

– Как его искать? – спросил Удалов.

– Найти его нелегко. Если он сам себя не выдаст.

– Начнем с милиции?

– В чем мы его обвиним?

– В краже. Многие люди видели вас вместе. Тебя в городе знают. Милиция поможет.

– Чепуха, – сказал Минц. – Он, наверное, уже принял меры.

Все-таки они подали заявление в милицию, но без пользы. Ни по старому московскому, ни по какому иному адресу Блестящего не обнаружили. Милиция предположила, что мошенник покинул пределы нашей Родины и скрывается в каком-нибудь офшорном государстве.

– Придется ждать, – сказал Минц.

– Чего будем ждать? – спросил Удалов.

– Сейчас рано говорить об этом, – сказал Лев Христофорович. – Но в моем открытии было одно слабое место, которое я не успел ликвидировать, и совершенно не представляю, как это может получиться у Никитушки.

Назвав своего недавнего помощника ласковым именем, Минц вложил в это слово определенную иронию.

А Удалов не стал расспрашивать. Если профессор чего-нибудь не желает рассказывать, то из него это никакими клещами не вытянешь.

«Где Никита? – думал Удалов. – Может быть, несется по волнам вечности, потонул вместе с чужим чемоданчиком, а может быть, связался с международной мафией...»

Наверное, Удалову приятнее было сознавать, что обманщик плохо кончил.

Но Удалов ошибался. В то время у Никиты все было в полном порядке.

Глава четвертая

Сила Никиты Блестящего заключалась в том, что он умел ждать. Было в нем что-то от кота, застывшего у мышиной норы.

Общение с мафией его пугало. Заграница пока не прельщала, потому что он не был учен иностранным языкам, а там все говорят по-иностранному. Но и в нашем государстве можно найти нужных детей в свое полное распоряжение.

Поэтому для начала Никитушка переехал в областной центр Владивосток, лежащий как бы за пределами нашей страны. А там он женился на Жанне, воспитательнице детского дома имени комиссара Левинсона.

Воспитательница была умеренно привлекательна, но дьявольски умна.

Ей можно было открыться.

И Никита ей открылся.

Он рассказал, как они будут воспитывать будущих гениев на продажу. Такая вот у него получилась плодотворная идея.

Пользуясь методикой профессора Минца, Никита за какие-нибудь три месяца с помощью жены, имевшей связи в других детских домах, отобрал для себя нескольких кандидатов на усыновление и удочерение. Ведь если растишь гения, то лучше это делать дома, под контролем.

Никита Блестящий, выступавший под дедушкиной фамилией Прохановский, на пару с женой объявили себя на местном телевидении семьей будущего. Они взяли на воспитание девятерых малышей, за что растроганный город, а также некоторые общественные организации

их сильно субсидировали, что позволило им купить дом с большим участком и обнести его высоким забором.

Так прошел год, в ходе которого супруги делились с печатью соображениями о прогрессивном воспитании и давали интервью, показывая быстро растущих и очень талантливых детей. Среди них Никита Борисович называл балерину, фотомодель, актрису, генерала, а может, и маршала авиации, футболиста для сборной России, чудо-баскетболиста, депутата от радикальной партии, шпиона экстра-класса и кого-то еще.

Никита внимательно следил за прессой, полагая, что Минц тоже трудится в этом направлении. Он не догадался, что Минц в сердцах отказался от своего открытия, решив, что человечеству рано еще с ним сталкиваться, шишек не оберешься.

Через год он полностью прекратил интервью и встречи с корреспондентами, а принялся за поиски контактов с заинтересованными лицами.

Как вы знаете, спорт у нас сильно коммерциализирован. Так что со спортивными деятелями можно было договориться проще других. На продажу у Никиты были три подростка со спортивным уклоном. Будущий чемпион мира по шахматам, футболист Вова и универсальный бегун.

В двух случаях Никите повезло.

Удалось заключить выгодные контракты.

Вову отдали в футбольную школу при швейцарском клубе «Грассхопперс» с языковым уклоном. И хотя ему было всего шесть лет, на вид он был пятнадцатилетним. Он плохо читал, но в остальном его натаскали «папа» с «мамой», недаром супруга Никиты была воспитательницей. Герман – бегун – сразу начал выступать за марафонцев Дальнего Востока, а вот с Витей – шахматистом – вышел сбой, потому что его талант еще толком не открылся, на краевом турнире по шахматам для малолеток он занял лишь четвертое место. За этакого много не дадут.

Двоих Никита отдал в армию. Правда, только на следующий год, когда они вымахали как надо и многому научились на приусадебном полигоне, который Никита устроил для малышей.

Будущее представлялось не очень ясным, но стоило рискнуть. Один из мальчиков пошел в интендантскую академию на факультет стро-

ительства коттеджей для штаб-офицеров, второй же проявил себя в особой военной науке шагистике, и равных ему в строю не было. Так что прямо из детсада его определили в Кремлевский полк, в ту роту, что встречает на аэродроме почетных иностранных гостей.

Жену свою, Жанну Львовну, Никита отправил в Пермь, чтобы она пребывала рядом с их дочкой, будущей примой Лондонского балета, а сам углубился в подготовку фотомодели Раечки, которую, как только она достигла роста сто восемьдесят восемь сантиметров, переименовали в Рашель. Не надо думать, что подготовка модели простое дело. Моделей много, а супермодель – одна. Для того чтобы получить с нее, как с оранжерейной грядки, миллион долларов, тысяч сто требуется в нее всадить. Собрав почти все деньги, полученные за спортсменов, шпиона экстра-класса и программиста Виталика, практически раздев Либерально-демократическую партию, нуждавшуюся в молодом ярком лидере, Никита Борисович рванул в Рим, чтобы там дорастить и отшлифовать Рашель-Раису. Тут и танцы, и хождение по струнке, и улыбки, и сексуальные движения, и взгляд зовущий, а также взгляд сверкающий, двенадцать микроопераций на крыльях носа и переносице, над ушами и под подбородком... впрочем, вам и не надо знать таких мелочей. Красота, а тем более элегантность требует не только выдающихся генетических данных, выявленных по методу профессора Минца, но и шлифовки.

Тем временем Никита Борисович и его жена Жанна не переставали заниматься селекцией. В детдоме в Перми Жанна отыскала дрессировщика ядовитых змей, которого она увидела, когда он, сидя в кроватке за сеткой, поймал кобру, сбежавшую из живого уголка, и задушил неокрепшими ручонками. За что детсад заплатил компенсацию в 560 фунтов стерлингов бангладешскому посольству, потому что оказалось, что кобра была получена по культурному обмену. Детсад спасло от разорения лишь то, что белый медведь Умка, отправленный в Дакку из Мурманска, околел и был съеден бедными тамилами.

Время несется быстро. Не успели супруги сдать мальчика-шахматиста в сборную Казахстана и прикарманить его суточные, как созрела на продажу фотомодель Раечка. Она была скромна и послушна, а если роптала от голода, то в номере гостиницы Никита Борисович ее больно порол. Он велел ей называть себя дядей и не позволял играть с итальянскими детьми или фотомоделями, чтобы не научилась дурному поведению.

И вот однажды случилось то, что должно было случиться.

Рашель совершила грубейшую ошибку.

Никита Борисович привел ее на окончательные переговоры с агентством «Универсаль» в Венеции. Рашель заставили шагать по подиуму, крутить попкой, приседать, раздеваться и одеваться, и все это время шел торг.

А надо сказать, что представители агентства герцог Марьяни, его заместительница сеньора Пупкина-Пукинелли из Мариуполя, а также Никита Борисович сидели за круглым столиком, выпивали и закусывали, что принято при сделках такого рода. Ведь речь шла о выплате русскому сеньору тридцати миллионов лир.

По истечении пятого часа переговоров, которые уже подходили к завершению, несчастный ребенок (а мы не должны забывать, что по земным обычным часам Раечке не было и семи годиков), проходя мимо столика, ловко наклонился и стащил с тарелки герцога Марьяни большого отварного омара. И побежал к кулисе, чтобы там быстренько этого омара скушать.

Вы бы видели, что тут поднялось!

Особо сердилась сеньора Пупкина-Пукинелли. Словно омара отняли у нее.

– Вам, Никита Борисович, – кричала она с итальянским акцентом, – таких девок привозить только на тротуари!

– Простите, извините...

Никита испугался, что куш пройдет мимо его рук, но спас положение герцог, который мило улыбнулся и, взяв изящно пальцами с тарелки второго омара, сказал по-итальянски (а Никита догадался):

– Отнеси, голубчик, своей девочке.

Никита кинулся за кулисы и отыскал свою девочку, которая доедала омара и рыдала, потому что знала, как ей достанется.

Вместо того чтобы лупить манекенщицу, Никита дал ей второго омара и сказал:

– Жри! В гостинице поговорим.

Тем вечером Никита подписал нужный контракт, остались только формальности. Он привез девицу на речном такси в гостиницу туристического типа.

В номере он достал свой старый ремень и приказал девочке:

– Снимай штаны!

– Дядечка Никита, – зарыдала манекенщица, – только не бейте меня. Я больше никогда не буду омаров лямзить! Я же с голодухи, дядечка Никита.

Но Никита был неумолим.

Он смотрел, как трясущимися длинными худыми руками почти двухметровая красавица снимает штанишки и ложится на кровать лицом в подушку, чтобы не кричать от боли.

Никита Борисович подошел к постели и занес ремень над попкой.

...Сквозь подушку Рашель промычала:

– Только шрамов не оставляйте!

– Что я, не знаю, что ли? Что, в первый раз...

И тут голос его осекся.

По очень простой причине.

За всю свою почти сорокалетнюю жизнь Никита Блестящий не видел такой совершенной, круглой, красивой попки.

Его любовь к Рашель началась именно с этого взгляда.

Из частей ее тела он сначала полюбил попку, потом ноги, а лишь затем лицо и живот.

Нет, он не ударил ремнем по попке, хотя раньше безжалостно совершал это наказание многократно. Он понял, что больше никогда в жизни не сможет этого сделать.

Некоторое время он стоял с поднятым ремнем, а потом сообразил, что с мечтой о контракте, богатстве и вилле на Женевском озере придется повременить.

– Ну что вы, дядечка? – тихо спросила девушка ростом около двух метров и возрастом семи лет. – Будете бить или как?

– Или как, – сказал Никита. – Одевайся, надо думать.

Глава пятая

Действие нашей печальной истории началось в 1998 году.

С тех пор прошло пять лет.

Наступил год 2003-й.

Великий Гусляр жил вместе со всей страной.

Профессор Минц совершил еще несколько открытий и сделал шесть или семь выдающихся изобретений.

Но наученный горьким опытом Лев Христофорович к экспериментам по определению генетических склонностей детишек и воспита-

нию из них гениев в соответствующих областях не возвращался. И надеялся, что и Никите Блестящему этого сделать не удалось.

Постепенно обида, нанесенная Никитой, забылась.

И его появление возле дома Минца в ноябре профессора по меньшей мере удивило.

Начисто пропала наглая посадка туловища и разворот плеч, даже полубаки парикмахерского типа исчезли, смененные запущенной кривой бородкой.

И одежда на Никите была хоть и иностранная, но неновая, поношенная, из благотворительного магазина в пользу жертв церебрального паралича.

– Лев Христофорович!

Фонарь светил согбенной фигуре в спину, голос дрожал, шел дождь со снегом. Минц не узнавал Никитушку.

– Я к вам, Лев Христофорович. – Передних зубов у Никитушки не было, и говорил он невнятно.

Никита шагнул на свет, и Минц узнал его.

Как бывает с людьми незлопамятными, а главное, деликатными, Минц вдруг испытал чувство вины перед молодым человеком. Он осознал, что сыграл в его жизни роковую роль, сам того не ведая, толкнул его на преступную стезю...

– Заходите, – быстро заговорил Минц. – Ну чего вы стоите на дожде, голубчик, ну как так можно, я вас чаем угощу, у меня чай славный, «Ахмад», не пробовали?

– Нет, я тут постою, – униженно бубнил Блестящий.

Лев Христофорович буквально втащил его к себе в кабинет, заставил раздеться, разуться, отдал ему свои мягкие туфли из шерсти гуанако, заварил свежий чай, и пока гость не отведал этого чая, и слушать его не желал.

А потом сам сказал:

– Рассказывайте, батенька, начинайте, я весь горю нетерпением узнать, чего же вы, пакостник такой, натворили?

– Виноват, – ответил Никита. – Во всем виноват, но должен признаться, что был подвигнут на этот проступок заботой о человечестве.

И надо вам сказать, что в тот момент Никита был искренне убежден, что руководствовался благими порывами. Хотел, оказывается,

реформировать систему образования и выращивать гениев в каждой сельской школе. Но когда поставил эксперимент на поточную ленту, оказалось, что профессор его подвел.

Удивительное дело! Еще полчаса назад, замерзая перед суровой темной коричневой дверью в дом, Никита был готов пасть в ноги и просить о помощи. И вот – полюбуйтесь! Он согрелся, напился чаю, понял, что профессор не собирается вызывать милицию или кидать в него гранату, и его настроение начало меняться, а наверх всплыла маленькая подлая мысль: виноват во всем этот профессор Минц, который подсунул ему чёрт знает что.

А по мере того как справедливый гнев против профессора усиливался и поднимался штормовой волной, до Льва Христофоровича доходил весь трагикомизм ситуации. Он давно подозревал, что так может кончиться, но одно дело подозревать, а другое – услышать и увидеть.

– Рассказывайте, дружок, рассказывайте, – попросил профессор. – Мы не сможем вам помочь, пока не поймем, что произошло.

Никита немного успокоился и начал свой рассказ.

Группа подопытных детей росла как на дрожжах. Они с Жанной еле успевали их кормить, переодевать, прятать от инспекторов средних школ и даже военруков. Пятилетние крепыши-малыши через два с половиной – три года превратились в двадцатилетних громил или березки. Готовых к тому, чтобы их продавать и использовать. Все это – проза жизни. Этим занималась Жанна, потому что с Никитой случилось несчастье. Он влюбился в девушку так, что не смог заставить себя вернуться в Пермь.

Дядечка Никита даже собирался жениться на Раечке, но потом представил, как им придется стоять рядом в храме или в ЗАГСе, и решил отложить свадьбу до лучших времен, благо Рашель была рада, что ее теперь не бьют ремнем, а наоборот, целуют каждый вечер.

Больше того, со временем, через полгода или год, она и сама полюбила своего бывшего мучителя и хозяина.

На родину они не возвращались. Жанна порой пересылала мужу деньги, предпочитая верить, что он занят сложной селекционной работой.

Никита был умеренно счастлив, потому что находился в постоянном напряжении нервов. Слишком хороша, слишком сногсшибательна

и соблазнительна была его дорогая Рашель. И не только ему, но и нескольким миллионам других мужчин хотелось дотронуться до ее округлостей. Он подумывал уже о том, не родить ли им ребеночка, – тогда, находясь в декретном отпуске, Рашель всегда будет рядом и покорна, без этих самых вздрызгов характера международной красавицы!

Но потом Никита спохватился – все-таки его возлюбленной формально исполнилось лишь восемь лет, и хоть она на вид кажется совсем взрослой дамой, время есть время, а Уголовный кодекс – это кодекс.

Так что они остались бездетными и неоформленными, что очень удручало Раечку – ей хотелось семьи. Ведь она росла без отца-матери, а теперь вроде появился дядечка, которого можно считать папой, а он отказывается от формальностей.

Рашель в отличие от Никитушки легко выучила иностранные языки с помощью телевизора, так что поползновения Никиты изолировать ее от внешнего мира ничего не дали. С девичьей изворотливостью, не боясь ремня, Рашель спускалась по водосточной трубе с пятого этажа венецианского палаццо, переплывала Большой канал, ради того чтобы потанцевать в ночном клубе для речников. Вот и бегал Никита по заведениям, искал возлюбленную и подвергался обидам от ее поклонников.

Так прошел еще год.

А потом поступило паническое письмо из Перми о том, что швейцарский клуб «Грассхопперс» разрывает контракт с их сыночком, а шахматное объединение Казахстана вычеркивает из своих рядов гроссмейстера-вундеркинда. Из армии также поступили неутешительные известия.

Но хуже всего чувствовал себя сам Никита.

– По какой же конкретно причине? – спросил Лев Христофорович, который конечно же догадывался о причине.

Понимание неизбежности трагедии, в которую суждено угодить Никите Блестящему, пришло к нему два с лишним года назад, но ввиду поспешного бегства Никиты Минц не успел ему о ней рассказать.

– По причине скорости, – сознался Никита.

– А далеко ли твоя возлюбленная модель?

– Супермодель! – воскликнул Никита. – Рашель де Грие. Она в гостинице.

Минц оделся, и они пошли в гостиницу «Гусь», благо идти до нее было недалеко.

Никита нанял себе номер полулюкс, лучше там не нашлось. Он открыл дверь и крикнул внутрь:

– Ты одета, крошка?

Никакого ответа.

Свет не горел. Никита нервно нащупал выключатель. От его мокрых грязных пальцев на обоях остались следы.

Постель была не убрана, на полу валялись кожура банана, женские колготки и всякие вещи.

– Пошли вниз, – убитым голосом сказал Никита.

Они спустились в ресторан.

Рашель они отыскали в баре.

Она сидела за стойкой. Рядом с ней взгромоздился небритый и сильно волосатый громила, настолько пьяный, что все время промахивался рюмкой мимо рта.

Разумеется, Минцу не приходилось видеть супермодель Раечку ни в действительном детстве, ни в расцвете красоты.

Но сейчас она находилась далеко за ее пределами.

Грузная, даже громоздкая дама средних лет, сильно накрашенная и кое-как завитая, покачивалась на высоком стульчике и говорила пьяному громиле:

– Вот он и сгубил мою молодость и карьеру. Понимаешь?

– Выпьем, – отвечал ей громила.

– Мне нельзя, я всегда за рулем, – возражала Рашель.

Льву Христофоровичу достаточно было одного взгляда, чтобы поставить правильный роковой диагноз.

– Пошли в номер, – печально попросил Никита.

– А бутылку возьмешь?

– Возьму.

– А Эрнеста возьмешь? – она показала на громилу.

– Нет, не возьму. У нас другой гость.

Минц вышел вперед.

– Такой старикашка? – огорчилась модель. – Тогда две бутылки.

Наконец они поднялись в номер.

– Ваш диагноз? – спросил Никита, пока Рашель откупоривала бутылку.

– Диагноз? А никакого диагноза, – возразил Минц. – Все идет своим чередом.

– Объяснись, дедуля, – попросила Рашель.

Она двигалась с трудом. В ней было два метра роста и полторы сотни килограммов веса.

Минц обернулся к Блестящему.

– Ваша дама в курсе эксперимента?

– Только в общих чертах. Так что говорите, чтобы я понял, а больше никто.

– Тогда вернемся в прошлое, – сказал Минц. – Несколько лет назад вы забрали из детского садика...

– Из детского дома.

– Не важно. Главное, что вы забрали пятилетнего ребенка. Потому что вычислили в нем гениального футболиста.

– Я не футболист! – обиделась Рашель.

– И дали ему мой эликсир, чтобы формирование таланта шло как можно быстрее. Скажем, в десять раз.

– В пять, – поправил профессора Никита.

– Развитие идет с ускорением, – сказал Минц. – Организм привыкает к средству и спешит ему помочь. Итак, через три года все ваши подопечные стали двадцатилетними по физическому развитию. Их у вас было много?

– Девять.

– И вы их распродали?

– Это не совсем так.

– Вы их с выгодой распределили? – уточнил Минц.

– Вот именно.

– А в девушку влюбились?

– Он в мой зад влюбился, – заявила Рашель, вытаскивая зубами пробку. – А я его за муки полюбила, представляете?

Женщина годилась Никите в матери, тем более что такой громадине ничего не стоило поднять его и носить на руках.

– Какие перспективы? – спросил Никита. – Это кончится?

– Это кончится, – сурово заявил Минц, – как кончается любая жизнь. Смертью от старости.

– Когда?

– При таких темпах... через несколько лет. Ускорение постоянно.

– Вы обо мне или о ком еще? – спросила Рашель.

Никита только отмахнулся от нее.

– Ну как я не сообразил! – воскликнул он, скрывая голову в ладонях.

– Я не мог вас предупредить, – заметил Минц. – Вы мне адреса не оставили.

– Но сделайте что-нибудь, профессор! – умолял Никита. – Верните мне любовь.

– И он снова над ней надругается, – сказала Рашель.

Она увидела на полке плюшевого медвежонка.

Рашель сняла медвежонка, посадила его на диван, рядом поставила стакан и стала поить медвежонка водкой. Так она играла в куклы.

– Да, – вздохнул Минц. – Процесс с ускорением.

Он принялся подсчитывать, загибая пальцы:

– Вы ее взяли из детского садика, когда ей было...

– Ей было пять лет. Через три года ей стало двадцать.

– Ах ты, мой ребеночек, – ворковала тетя Рашель, гладя медвежонка.

– Дальше процесс пошел еще быстрее, – вздохнул Минц. – Два с половиной года она набирала лет по десять в год. Ей не так еще много...

– Но мне всего тридцать пять! – рассердился Никита. – К тому же она совершенно не соблюдала диету. А я не могу ее разлюбить... верните нам счастье!

– Это липовое счастье, – заявил Минц. – Это ворованное счастье. Это наказание, а не счастье. Вы вели себя как старый сластолюбец, который в семьдесят лет соблазняет двадцатилетнюю девицу.

– Мне было тридцать! В самом расцвете!

– Ах, не говорите! А ей было семь или восемь. Педофил проклятый!

Последние слова вырвались у Минца нечаянно. Он себе никогда раньше ничего подобного не позволял.

– Но она же не виновата! – вдруг нашел аргумент сластолюбец.

– Вот именно, – сказал Минц.

Он задумался.

Рашель напевала колыбельную мишке, а Никита тем временем принялся излагать иные беды своего преступного семейства. Оказывается, через два года успешных выступлений в команде «Грассхопперс»

его сынок-футболист достиг сорокалетнего возраста и потерял скорость бега и умение бить по воротам с лету. Шахматист-вундеркинд перестал быть вундеркиндом, а старший лейтенант по интендантской части, великий пройдоха по части строительства коттеджей для командования, за два года докатился до пенсии, хотя по документам ему было чуть больше двадцати. А в армии с этим строго. Не сдал зачета по физкультуре – уходи в запас.

Что стало с балериной в Пермском театре – страшно подумать!

И все это, захлебываясь скупой слезой, Никита рассказал упрямо молчавшему Минцу.

Ему казалось даже, что за время разговора на лице у Рашели прибавилось морщин. Ужас сковал его внутренности.

– Ложитесь спать, – сказал он. – Я разделяю с вами вину. Недаром я прекратил разработки в этом направлении. Мы с вами чуть не погубили человечество.

– А выпить? – спросила Рашель.

– А выпить не будет, – сказал Минц. – Из-за выпить у вас процесс ускоряется.

– Вы вернете ей молодость? – спросил Никита.

– В какой, простите, возраст? – удивился Минц.

– Желательно, чтобы ей стало лет шестнадцать-семнадцать.

– Таких, как вы, только могила исправит, – заметил Минц. – Я могу лишь вернуть организм в нужное русло. Отныне Раиса будет стареть обычными темпами.

– А вот так дело не пойдет! – рассердился Никита. – Я буду жаловаться.

– Кому и на что?

– Найдем, кому и на что, – пригрозил Никита. – У нас тоже не без крыши.

– Эх, дитя порока! – сказал Минц. – Завтра увидимся.

Больше они не увиделись.

Назавтра в номере полулюкс, который Никита Блестящий занимал вместе с девушкой по имени Рашель де Грие, был обнаружен его холодный труп со смертельными следами женских ногтей на свернутой шее.

Самой гражданки де Грие так и не отыскали, хотя дело взял на контроль начальник городской милиции.

Минц тоже не нашел девушку, хотя ему было интересно ее отыскать, чтобы спасти от скорой старости.

Своего друга Сашу Грубина Лев Христофорович отправил в Пермь. В Перми тот отыскал безутешную вдову Жанну Блестящую и вручил ей заветный пузырек, который превращал ее подопечных вундеркиндов в нормальных людей, хотя и с опозданием. Ведь всем им было уже за сорок, и были они старше своей приемной мамы.

Даже в таком виде они отыскали в жизни пристойные уголки, потому что все были людьми талантливыми или способными. Весь день они трудятся, а вечерами порой играют в кубики или куклы и плачут по маме и папе.

Говорят (а это дело будущего), в 2005 году на могиле Никиты Блестящего найдут иссохшее тело высокой старухи без документов. Почему она пришла помирать на забытую могилу, никто не догадается.

На могильной плите, поставленной совестливым Львом Христофоровичем за собственные деньги, под выбитой надписью «Н. Б. Блестящий» кто-то напишет мелом, неровно и крупно:

ТВОЯ РАШЕЛЬ...

ЖЕРТВА ВТОРЖЕНИЯ

Глава первая

Порой мне представляется, что ты, читатель, уже знаком со всеми обитателями города Великий Гусляр, хотя этого быть не может. Там живет несколько тысяч различных людей, и даже в ЗАГСе нет ветерана, который всех бы упомнил. Другое дело – обыденное существование. Сколько раз нам приходилось слышать: «Да меня там любая собака знает!» Либо: «Да я там любую собаку знаю!»

Это элементарное преувеличение. Просто человек обычно идет на службу или в школу по одной и той же дороге, встречает на ней одних и тех же соседей и сослуживцев, да и на службе ему показывают те же самые лица. Вот ему и кажется, что он каждую собаку знает.

Хотя, что касается Лукерьи Маратовны, оснований для подобного заявления у нее было больше, чем у иных. Она была сестрой по уходу. Ставила банки, делала уколы, наблюдала завершение жизни достой-

ных людей и просто граждан. Ей приходилось принимать последний вздох, а раза три – и первый, если роженица опорожнялась, не добравшись до роддома.

Лукерья Маратовна – женщина средних лет, склонная к полноте, но именно склонная, не более. То есть многим мужчинам хочется ущипнуть ее за выпуклости. Но лицо ее не является предметом красоты – обыкновенное лицо с полными розовыми щеками, небольшим пухлым ртом, крутым подбородком, а глаза у нее небольшие, карие и настойчивые.

Лукерья Маратовна недовольна своим именем-отчеством, потому что она – жертва эпохи. Дедушка ее был членом партии ворошиловского призыва. Когда жена родила ему первенца, он как раз изучал в сети партпросвещения трагическую гибель трибуна Французской революции прогрессивного журналиста Марата, которого увидела в ванной одна аристократка, и это зрелище так повлияло на ее неуравновешенную психику, что она выхватила кинжал (аристократки редко ходят без кинжалов) и вонзила в Марата, отчего он умер. Папа Лукерьи получил имя французского журналиста, а Лукерье теперь никуда не деться от такого отчества.

Имя Лукерье тоже не нравилось. Но оно явилось следствием папиного разочарования в дедушкиных идеалах и его стремления вернуться к народу. Вернулся он к нему через доченьку Лушку.

Лукерью в школе дразнили, в детском саду дразнили, в медучилище дразнили, и даже будущий муж Ромочка – гвоздь ему в поясницу! – так умел произнести это имя, что хотелось под землю провалиться.

Теперь же, по прошествии двадцати лет брака, этот самый муж Ромочка, хоть и сохранил видимость сорокалетнего мужика, стал внутри совершенным пустотелом. Ни желаний, ни стремлений, а уж о мужских достоинствах давайте не будем говорить.

Он пребывал на небольшом чиновничьем месте, что-то куда-то перекладывал. Ему даже взяток не давали, потому что он был бессилен не только поспособствовать, но и помешать.

Лукерья трудилась – и уколы делала, и по домам ходила, и массажировала, только иголки втыкать не научилась – пальцы на концах толстоваты.

К тому же Ромочка любил посидеть в пивной, балакая с такими же, как он, недоделками, все больше о футболе и иногда о политике, если

надо было конструктивно покритиковать евреев или американских империалистов, которые чуть что – сразу бомбить! Мы бы и сами рады, да не всегда выходит.

Лукерья пробовала завести любовника, ей удавалось это на раз, если на загородном пикнике или дачной вылазке, но ничего постоянного. И сама не красавица, а вокруг слишком много знакомых, огласки, шума, сплетен. К этому она была не готова. И у Лукерьи была мечта – найти любовника постоянного, с мужскими достоинствами, одинокого, с квартирой и нуждающегося в каких-нибудь не очень серьезных уколах каждый день. Она бы ему и постирать могла, и погладить, и приготовить чего-нибудь вкусненького, как мама учила. Но нет в Гусляре такого идеала!

А жизнь пробегала мимо, не останавливаясь.

И злость брала, потому что у других женщин были и любовь, и волнения, и измены – настоящая жизнь, а не существование.

Так все тянулось до того октябрьского дня, когда Лукерья Маратовна была с визитом у Березкиных.

Помирал Матвей Тимофеевич, человек еще не старый, но настолько отягощенный болезнями, что сам удивлялся – другие так долго не живут!

Родным, хоть и немногочисленным и не очень близким, его умирание уже надоело – они все пытались столкнуть старика в больницу, но больница уже подержала его раза два и теперь вернула, потому что на таких умирающих хроников палат не напасешься.

Лукерья была в комнате одна.

Сделала укол.

Потом Матвей Тимофеевич сказал:

– Не помогут твои иголки, Луша. Конец мой приближается.

– Поживешь еще, – равнодушно ответила Лукерья и стала собирать свой чемоданчик.

Тут по комнате прошел незнакомый человек.

Лукерья хотела спросить: «А вы что здесь делаете? Сюда нельзя».

Но мужчина был какой-то полупрозрачный, бесшумный, как во сне или как привидение. Даже очертаний не разобрать.

Он склонился на секунду над стариком и прислушался.

А Матвей захрипел и принялся что-то бормотать.

Лукерье это не понравилось, она подошла к кровати и уловила последний вздох. Она пощупала пульс: чего спешить и звать родных – надо сначала убедиться, что жизнь покинула это немощное тело.

Убедилась.

Покинула.

Но Лукерью не оставляло неладное ощущение чужого присутствия.

Она даже спросила:

– Кто тут есть?

Никто не ответил, но кто-то улыбнулся.

Понимаете, совершенно беззвучно, а Лукерья почувствовала.

И этот призрак как бы влился в тело Матвея Тимофеевича.

– Еще чего не хватало! – возмутилась Лукерья Маратовна. – Пошел отсюда!

Так как никто не откликался и она понимала умом, что ей все это почудилось, Лукерья пошла в другую комнату, где племянница покойника сидела за компьютером и раскладывала пасьянс.

– Ну чего еще? – спросила эта пожилая, неустроенная и бедная женщина. – Чего он еще хочет?

– Он уже ничего больше не хочет, – сказала Лукерья. – Отмучился.

– Не очень-то он мучился, больше нас мучил, – ответила племянница и сразу пошла в спальню. Словно с утра ждала этого освобождения от обязанностей и горестей. – Теперь хоть комната отдельная будет...

Лукерья не слушала ее. Она как медсестра ко всякому привыкла. Не ее собачье дело вмешиваться.

Племянница первой открыла дверь, Лукерья все видела через ее плечо.

Матвей Тимофеевич сидел на койке с несколько растерянным и злым видом.

– Сколько можно! – воскликнул он. – Трое суток одним физиологическим раствором кормят. Так и подохнуть недолго.

Цвет лица у покойника был розовым. Глаза злобно блестели.

– Ты чего же? – обернулась к Лукерье племянница, готовая ее растерзать.

Ее больше всего возмутило даже не воскрешение дяди, а подлость медсестры, которая нарочно ввела ее в заблуждение, может, даже в сговоре с дядечкой.

Дядечка тем временем спустил с кровати костлявые голубые ноги и приказал Лукерье:

– Иди сюда, помоги до сортира добраться. Не на горшок же садиться.

Лукерья, как в тумане, подошла к покойнику. Она же у него отсутствие пульса проверила, зрачок посмотрела, профессиональных сомнений не оставалось. А он вместо этого в сортир собрался. И в самом деле, как теперь в глаза родственникам смотреть? Ведь они надеялись, что жилплощадь освободилась, лекарства не надо покупать, запахи выветрятся, поверили медсестре, а она их так подвела.

Виновато рассуждая, она вела покойника к уборной, а тот наваливался на нее, обнял костлявой рукой за шею и вдруг прошептал на ухо:

– А ты еще баба хоть куда, мягкая.

– Чего? – Лукерья решила, что ослышалась.

– А чего слышала, – ответил Матвей Тимофеевич и подмигнул ей странным потусторонним глазом.

И тут она чуть не вскрикнула – испугалась, что сочтут психованной, и потому сдержалась, – но мертвец больно ущипнул ее за бок.

Когда пришла домой, то обнаружила там синяк.

Но это было, когда пришла домой, а до этого были крики, упреки и отказ семьи оплатить ее медицинские услуги.

Глава вторая

Лукерья забыла бы об этой истории, но через шесть или семь дней она дежурила в больнице ночью, когда принялся помирать один молодой человек, который упал с водокачки от несчастной любви. Всем в городе Великий Гусляр была известна его прискорбная история. Был этот Василий юношей не очень от мира сего. Много читал, умел умножать тридцатизначные числа, любил маму, школу окончил в пятнадцать лет, университет оканчивал экстерном, на девочек не смотрел, а влюбился возвышенно и робко в некую беженку из Средней Азии по имени Пальмира, черноволосую, наглую, по национальности цыганку, которая отличалась необузданным и непостоянным нравом, особенно в отношениях с мужчинами. Эта Пальмира соблазнила Василия в пригородном лесу, встретив его за решением теоремы Ферма, когда сама собирала пустые бутылки.

Ах, как он полюбил ее!

А она смеялась и отдавалась сержанту милиции Никодимову на глазах у Василия, потому что ей нравилось дразнить беззащитного юношу.

Он худел, он бледнел, он забросил теоретическую геометрию, родная мать его не узнавала и долго не пускала в квартиру.

И когда он застал Пальмиру в объятиях дальнобойщика, то пытался наброситься на нее, но Пальмира поколотила его, а дальнобойщик с трудом вырвал Василия из ее бешеных объятий и спас ему жизнь.

– А зря, простите, спасли! – сказал ему Василий.

С трудом волоча ноги, поднялся на водокачку и бросился вниз. Так смертельно был ранен талантливый молодой ученый, может быть, надежда отечественной науки.

Его отвезли в больницу, где он умирал, изредка приходя в сознание и производя математические исчисления, а в промежутках шептал имя Пальмира окровавленными распухшими губами.

Лукерья находилась на дежурстве, когда Василий скончался.

Она услышала, как звякнул звоночек вызова из шестой палаты.

Она отложила роман Донцовой о богатой и смелой женщине и пошла в палату. По полутемному коридору не спеша шагал неизвестный мужчина, так и не надевший халата.

– Вы к кому? – спросила Лукерья, но мужчина не ответил и как раз перед ней свернул в палату № 6.

Лукерья рассердилась и кинулась вперед, чтобы схватить мужчину за рукав, но ее пальцы прошли сквозь материю.

Мужчина был нереальным.

Лукерья чертыхнулась, потому что не выносила никакой мистики и привидений, и решила, что перетрудилась.

Она вошла в палату и увидела, что Василий только что отдал богу душу.

Ей достаточно было взгляда, чтобы это понять.

Но мужчина-призрак обогнал ее и на секунду как бы слился с телом несчастного юноши.

Лукерья вытерла глаза, которые вдруг стали слезиться, и подошла к койке.

Василий был мертв. Безнадежно.

Она взяла его за руку – пульса нет.

Она тронула веко...

И тут Василий потянулся, поморщился от боли и сказал ясным голосом:

– Ох и надоело мне здесь лежать!

Лукерья отпустила его руку. Пульс крепчал.

– Ты что людей пугаешь? – спросила она.

– Так надо, – сказал на это молодой человек. И голос его был железным.

– Ты не вставай, – сказала Лукерья, – ты весь переломан. Забыл, что ли?

– Помню! – отрезал юноша. – Проведи меня в ординаторскую. Там ведь компьютер стоит, надо кое-что проверить.

И настолько Лукерья была растеряна от этого превращения, что собственноручно проводила Василия в ординаторскую.

Глава третья

А третий случай был совсем странный.

Байсуридзе был так стар, что английская королева Елизавета ко дню рождения присылала ему телеграммы.

Потому что в Лондоне полагали, что ему уже более ста десяти лет, хотя на самом деле ему еще не исполнилось и ста восьми. В доме престарелых им гордились, показывали филантропическим делегациям, получали под него кредиты на развитие геронтологии в Гусляре, но затем средства исчезали, хотя об этом – особый разговор.

Когда Байсуридзе Тимур Георгиевич из рода владетельных князей Колхиды впервые в жизни занемог, ухаживать за ним позвали Лукерью. Болезнь князя приключилась от сильного ветра. Во время приема южнокорейской делегации неожиданный порыв ветра вырвал легкого старичка из кресла-каталки и вознес к вершине одинокой сосны. Оттуда его доставали с помощью пожарной команды, и старик простудился, пока висел на ветке, вцепившись в нее ногтями и развеваясь, как вымпел в шторм.

Обязанности Лукерьи заключались не только в том, чтобы делать ему вливания глюкозы и кормить через пипетку, но и служить потенциальным якорем. Она, как женщина массивная и весомая, обязана была цепляться при ветре или сквозняке за ноги старика и держать его, чтобы он снова не улетел.

Лукерья шла в дом престарелых с утра, ее там ждали и хоть не платили, но порой снимали кино- или телепередачи. Разок ей позвонил принц Уильям из Лондона, передал привет от бабушки и просил не терять бдительности. Так что Лукерья сознательно шла на материальные потери, зато получала долю славы.

В четверг она шла в дом, как обычно, к завтраку, в восемь двадцать.

И тут ее окликнули.

Догонял Матвей Тимофеевич.

Он сильно изменился, окреп, распрямился в плечах, а в глазах появился блеск. И шагал он уверенно.

Зря надеялись родственники. Такой, как поняла Лукерья, еще всех их похоронит.

– Привет, Лушка, – сказал он. – Сходим в кино?

– Да вы чего, – ахнула Лукерья. – Как можно? Завтра наш город от злобных сплетен лопнет. А я женщина беззащитная.

– Тогда сегодня дверь не закрывай, я к тебе явлюсь с шампанским!

И притопнул, словно жеребец какой-то.

Лукерью охватило отвращение, потому что она это бодрящееся тело замечательно знала на ощупь, столько его колола и массировала, утку подкладывала, ваткой протирала. Не в кино же с ним теперь ходить?

Она отмахнулась от выздоровевшего мертвеца и поспешила к своему дедушке.

Но мысли остались. Все-таки она была медиком, а не обывательницей.

Само существование этого мужчины было нарушением законов природы. Как и возрождение к жизни юноши Василия. Лукерья знала, что недавно произошла другая драма. Неверная возлюбленная Пальмира встретила его на улице, когда он нес домой новый компьютер, полученный им в награду на Втором международном конкурсе имени Винера, и вдруг поняла, насколько была не права, изменяя такому гению. Она кинулась к нему с уговорами, но ничего из этого не вышло. Василий ее даже не заметил. Тогда Пальмира стала осаждать его дом и даже ходить за ним в вычислительный центр, где он работал до переезда в Гарвардский университет, о чем Пальмира тоже прознала. Штурмовала она юношу, штурмовала, но безрезультатно. А потом всем в городе сказала, что ночью в три часа покончит с собой. Многие смеялись, другие отмахивались. Пальмира пришла к себе в

комнату, высыпала на тумбочку жменю снотворных таблеток, легла и стала смотреть в потолок и представлять свои завтрашние похороны, на которых она будет лежать, такая красивая и уже недоступная. Смотрела, смотрела и заснула. А некоторые поверили и в три часа ночи побежали к ее общежитию при табачной фабрике, вломились в комнату, увидели таблетки на тумбочке и, вместо того чтобы разбудить девушку тихим словом, стали промывать ей желудок. Чуть на тот свет не отправили. А Василий тем временем проводил вечера и ночи с тихой и воспитанной красавицей Евдокимовой, хранительницей навигационных приборов речного техникума.

Был он решителен, весел и всегда при деле.

И совсем не похож на бывшего Василия. И эта перемена тоже смущала Лукерью.

С такими мыслями она пришла в дом престарелых к Тимуру Байсуридзе. Там царила суматоха, почти переполох, потому что пришло очередное послание от английской королевы, букет роз и двухгалло-новая, то есть очень большая, бутылка шампанского.

Все собрались вокруг бутылки, позвали механика Федю, он вскрыл шампанское, и пробкой размером с кулак Тимура Георгиевича зашибло.

Он потерял сознание и стал тихо угасать.

Лукерья сидела у его девичьей постельки и напевала колыбельную. Ей было жалко старичка и жалко город, куда английская королева не будет больше посылать телеграмм и бутылок.

Старичок приближался к последнему вздоху, когда в палату вошел почти бесплотный неузнаваемый мужчина.

Когда он приблизился к телу старика и стал всасываться в него, Лукерья воскликнула:

– Ну это слишком! Я народ позову.

Но было поздно.

Байсуридзе тихо вздохнул и отдал богу душу.

А полупрозрачный мужчина скрылся внутри старичка.

Тут старичок окончательно умер, и его смерть – а Лукерья смогла зафиксировать это – продолжалась ровно минуту. После этого Тимур Георгиевич вздохнул, открыл глаза и тихо спросил:

– Никто не заметил?

– Чего не заметил?

– Как я мертвым был.

– А вы мертвым были? – У Лукерьи в голове будто роились тараканы. Они щекотали череп изнутри.

Старичок только что был мертв, а теперь разговаривал.

– Не притворяйся, красотка, – сказал покойник без грузинского акцента.

К счастью, Лукерья не была приучена падать в обморок, так что только пошатнулась.

– Ты третий, – сказала она, взяв себя в руки.

– Это с какой колокольни глядеть, – ответил старичок, потянулся с громким скрипом и добавил: – Сосуды никуда не годятся, мышцы как бумага. Чистить и чистить... Не могли бы уж подыскать чего-то помоложе.

– Зачем? – Лукерья ничего не понимала, и поэтому ее вопросы могли показаться глупыми.

Старичок попытался сесть, но руки-ноги не повиновались.

Лукерья ему помогала, а тут вошел директор дома и принес телеграмму от английской королевы с выражением сочувствия по поводу кончины такого древнего долгожителя. Видно, начальство в суете поспешило информировать королевский дом о потере, не заглянув в палату.

Старичок сначала рассердился, потом сказал:

– Чёрт с ними, пускай вычеркивают.

Но благородно помог Лукерье вывести из обморока несчастного директора.

– Я бы, конечно, пошел тебя проводить, – сказал Тимур Георгиевич. – Но не могу вызывать излишних подозрений. Я буду постепенно в себя приходить под наблюдением врачей, пускай наблюдают, медики-педики.

И вот в этот момент в Лукерье зародилось подозрение, не подменили ли Байсуридзе, а также остальных покойников. Что-то общее чудилось ей в судьбе всех этих людей.

Но сформулировать свои подозрения она не могла. Ума не хватило.

Какие-то кубики-рубики не складывались, потому что она наблюдала явление, которому на земном языке еще нет названия.

Глава четвертая

Прошло еще несколько дней. И каждый приносил Лукерье тревожные подтверждения: что-то тут не так.

Во-первых, все покойники уже совсем выздоровели и часто встречались на улицах, а вот в поликлинику ходить не желали.

Удивительно, но Лукерье приходилось встречать пациентов и в сопровождении женщин. Ну ладно юноша Василий – у него возраст такой. А что вы скажете о Тимуре Байсуридзе, которого Лукерья застала вечером в городском парке, через который порой ходила, чтобы сократить расстояние до дома? Он сидел на лавочке, обняв одной рукой за плечи ту самую Пальмиру, простите за выражение, а в другой держал письмо от английской королевы и читал его с грузинским акцентом.

Лукерья даже замерла от изумления. Ну ведь человеку сто десять или сто двадцать! А он красотку за ухо кусает!

– Что? – спросил Матвей Тимофеевич. – Удивляешься?

Лукерья отшатнулась от него – испугалась. Подошел незаметно.

От Тимофеевича пахло мужским одеколоном «Арамис» и мужскими гормонами.

– Пошли по пиву дернем? – спросил он.

И Лукерья согласилась.

Сколько лет не соглашалась ни с одним мужчиной, а тут согласилась. Может быть, любопытство одолело, а может быть, от Матвея так несло самцом во цвете лет, что в ней дрогнуло что-то женское, нежное, податливое.

Они уселись за столик над самой рекой. Оркестр играл нечто возвышенное, быстрое, как сердце на свидании.

– Я, можно сказать, терзаюсь, – сказала Лукерья Маратовна. – Ты мне прямо в тело заглядываешь, а я твой последний вздох на днях приняла.

– Не может быть, – расхохотался Тимофеевич и в один глоток опрокинул в себя пол-литровую кружку.

– А ведь чудес не бывает, – сказала Лукерья, как ее когда-то научил Аркадий Борисович, ее наставник в гигиене и любви. – Это медицинский факт.

Матвей долго хохотал и спросил:

– А можно тебя без отчества называть, просто Лушей?

Словно до этого величал по отчеству. Смешные люди эти мужчины.

Но когда он в ответ на согласие крепко схватил ее за коленку, Лукерья вырвалась и заявила:

– В принципе, я другому отдана и буду век ему...

Слово «верна» изо рта не вылезло, не захотело. Лукерья как бы забыла Пушкина и зарделась, но в темноте не было заметно.

– Я же дурного не желаю, – сказал Матвей. – Я хочу одарить тебя любовью.

Нет, вы только подумайте! Покойный Матвей Тимофеевич таких слов и не подозревал.

И тут в мозгу Лукерьи получилось короткое замыкание.

– Ты не Матвей Тимофеевич! – твердо сказала она. И в памяти ее встал тот бестелесный мужчина, который как бы вошел в тело свежего покойника.

– А кто же я? – Матвей даже не обиделся, но глаза стали внимательные и серьезные, даже прискорбные. – Кто же я такой, если не Матвей Тимофеевич, которого ты в попу колола шприцем? Может, мне раздеться и ты тогда узнаешь?

– Ты не думай, – сказала Лукерья, – в милицию я не пойду.

– А тебе и не поверят.

– И не поверят...

Тут из кустов вышел Тимур Георгиевич, подтянутый и бодрый, несмотря на возраст. В руке была кружка пива.

– Я присоединюсь? – спросил он.

– Не помешаешь, – ответил ему Матвей. – Мы тут о мертвецах разговариваем, может, поможешь Лушке разобраться.

– Чего же не помочь, Лукерья Маратовна, если не ошибаюсь.

Он прихлебывал пиво маленькими глоточками, как гоголь-моголь. Редкие седые волосы от малейшего ветерка поднимались над головой. В остальном он был мужчина что надо.

– Мы ведь с Матвеем как братья.

– Ага, – кивнула Лукерья.

Матвей подвинул ей непочатую кружку, в голове немного шумело, и там гнездилась непривычная смелость.

– Как братья. И с Васей тоже.

– Не только с ним. Нас уже много, в одном Гусляре...

Байсуридзе замолчал и оглянулся, будто ждал подсказки.

И в самом деле, из темных кустов тонкий голос подсказал:

– Тридцать два человека.

– Видишь – тридцать два. И скоро будет еще больше.

– И зачем это?

– Внедряемся, – вмешался Матвей. – Окультуриваем Землю. Будем изменять генетический материал. Пора вам втягиваться в общую жизнь цивилизованной Галактики.

– А как вы это... окультуриваете?

– Мы никому не делаем зла, – сказал Тимур Георгиевич. – Ждем, пока кого-то схватит смерть. Неизбежная гибель. И в момент смерти наш человек входит в погибшее тело, оживляет его и существует. Ты же ведь уже догадалась?

– Догадалась, – согласилась Лукерья, допивая вторую кружку. – Как увидела, так и догадалась.

Медсестра врала, потому что даже в тот момент она не совсем догадалась. В нарушение медицинского факта кто-то в кого-то вторгался.

– А потом что будет? – спросила Лукерья.

– А потом нас станет много, мы женимся на вас, земных женщинах, вы родите хороших культурных детей, и постепенно жизнь на Земле станет все лучше и лучше.

С этими словами Матвей нежно, но крепко взялся за коленку Лукерьи, а за вторую, куда нежнее и мягче, ухватился Байсуридзе.

Ах, какая волна желания и страсти накрыла Лукерью с головой!

– Пошли к тебе, – прошептал Матвей.

– Нельзя, – прошептала Лукерья, – мой там пришел, пьяный спит. Как всегда, никакой пользы.

– Знаем, – вздохнул Байсуридзе. – Еще как знаем. Городок наш небольшой, все слухи, сплетни, как лягушки, по луже прыгают.

– Хоть бы его чёрт прибрал! – в сердцах промолвила Лукерья и осеклась, потому что до сих пор была неравнодушна к своему непутевому.

Провожал ее домой Матвей. Байсуридзе побежал на какое-то другое свидание.

– А тебя дома не хватятся? – спросила Лукерья.

– Они меня с утра отравить пытались, – ответил с кривой усмешкой Матвей, – я их всех из дома выгоню. Не хочется жить с людьми, которые желают твоей смерти. Да ты их знаешь как облупленных, одна племянница чего стоит!

Лукерья вздохнула. Она их знала.

Матвей проводил Лукерью до самой двери. Жила она в двухэтажном доме коридорной системы, бывшем бараке. Они вошли в прихожую нижнего этажа, голая лампочка в пять свечей горела под потолком.

– Один поцелуй, – прошептал Матвей, – и я уйду, как будто меня и не было.

– Нет, – одними губами ответила Лукерья, но больше звуков не издала, потому что ее губы были прижаты к зубам инопланетного мужика.

Он притиснул ее к стенке, стал хватать руками, и Лукерья чувствовала себя куском мороженого на солнцепеке – стала почти жидкой и сливочной.

Он ее лобзал, а она лобзалась в ответ.

И он все приближался и приближался к укромности ее горячего тела, и оставался уже один момент, может, два, не больше...

Но тут перед внутренним взором Лукерьи встал образ ее несчастного, никуда не годного, опостылевшего мужа. Где-то в глубинах крупного тела Лукерьи сидел органический запрет делать с другими мужчинами то, что она когда-то так сладко делала со своим супругом и чего ей так давно не хватало.

– О нет, не соблазняй меня, искуситель! – закричала Лукерья, словно была на оперной сцене.

Она изо всех сил оттолкнула от себя вошедшего в раж Матвея Тимофеевича и, перескакивая через ступеньки, помчалась к себе на второй этаж. Матвей ринулся было следом, но тут двери комнат стали открываться, и злые лица жильцов принялись искать в полумраке виновника их беспокойства.

Так что при первых же воплях Матвей убежал из дома.

Он шел по улице понурившись, словно побитый пес, и понимал, что не может злиться на эту женщину.

Впервые в жизни Матвей, или как там его кличут по-инопланетному, ощутил всепоглощающее чувство любви. А может быть, желание обладать земной женщиной.

Но что делать?

Он не знал ответа. Ему надо было посоветоваться со старшим группы, причем не раскрывая ему своего сердца, не то старший мог, под горячую руку, вообще разлучить его с Лукерьей.

А Лукерья поднялась к себе.

Ее Ромочка, как и положено, гудел, переливался пьяным храпом, свесив с дивана обутые ноги. Насосался.

Он приоткрыл глаз и сказал почти трезво:

– Обед на плите.

Словно сам его готовил.

Но Лукерье не нужен был обед. Лукерье нужна была любовь. Она готова была простить Ромочке все, только обними, приголубь!

Она нагнулась к нему.

От Ромочки несло перегаром от дешевой водки.

Лукерья преодолела отвращение и стала целовать его щеки и губы, но Ромочка отмахнулся от нее, как от большого слепня, и тем же тоном произнес:

– Насилие, а тем более педофилия преследуются по закону.

– О, Роман! – бормотала Лукерья, стараясь возбудить в нем мужчину.

– Сорок два года как Роман, – ответил ее муж и ловким движением сбросил супругу на пол. – Мы не бабники, мы алкоголики.

Лукерья лежала на полу, сил не было подняться.

И не замечала, как за этой сценой через окно наблюдает некий маленький аппаратик, вроде кинокамеры, управляемый на расстоянии.

– Хоть бы подох! – воскликнула она сквозь слезы.

– Почему? – заинтересовался Ромочка.

– Я из-за тебя хорошему человеку в любви отказала!

Ромочка немного подумал и сказал:

– Наверное, не очень он к тебе стремился.

– Очень! – И Лукерья заплакала.

– Значит, ты не очень горела.

– Горела.

– А зря отказала. Может быть, прилично заплатил бы, и мы бы с тобой мотоцикл купили, за грибами ездить.

Это была не шутка. Это была мечта ее мужа.

Лукерья пошла плакать на кухню.

Жизнь не удалась.

И никогда Земле не стать цивилизованной планетой.

Зря добрые инопланетяне стараются.

И Ромочка в той комнате заснул, захрапел.

Глава пятая

Русские женщины могут быть умом не быстры, но зато если они включатся в размышление, то могут прийти к неожиданным и парадоксальным результатам.

Лукерья всю ночь не спала, а думала.

И надумала.

Она заглянула в поликлинику, взяла направление на уколы для одной женщины, а сама пошла к Матвею Тимофеевичу домой, посоветоваться. Матвея Тимофеевича дома не было, а его племянница, раздосадованная тем, что тот не помер, как положено, стала сердиться и гнать Лукерью со двора, потому что полагала, что медсестра неправильно его лечила, раз он остался живой.

– Чему вас там учат?! – кричала она, а соседи высовывались из окон и некоторые сочувствовали. – На что народные деньги идут?!

Лукерья спорить не стала, потому что не знала, на что идут народные деньги. А пошла искать Матвея по интуиции.

Нашла недалеко, на Пушкинской, где он во дворе шестнадцатого дома играл в домино, забивал рыбу в компании со стариком Ложкиным, а также Удаловым и Грубиным – старые люди вспоминали далекое прошлое, когда и народ был добрее, и космос отзывчивее.

Лукерья остановилась в сторонке, сердце забилось, в глазах пошли круги – что-то с ней творилось, разыгрались гормоны, это она как медицинский работник понимала.

Матвей вздрогнул. У него было звериное чутье.

Он резко обратил к ней свой пронзительный взор.

Разве подумаешь, что такой мог умирать, безвольно лежа в койке?

– Ты чего? – спросил он.

– Ты играй, играй, отдыхай, – ответила, зардевшись, Лукерья. – А потом поговорим.

– Ну зачем ты так, – мягко возразил мужчина. – Ребята подождут.

Его товарищи и в самом деле готовы были подождать. Лукерья вышла с Матвеем на улицу, там было два шага до скверика у Параскевы Пятницы.

– Посидим? – спросила Лукерья.

– Не томи, – сказал Матвей. – Я ведь терпеливый, терпеливый, а могу и не дотерпеть.

– А вы, значит, можете в человека внедриться? – спросила Лукерья.

– При условии последнего вздоха, – ответил Матвей.

Лукерья глубоко вздохнула, как пловец перед прыжком с вышки, и спросила:

– А в моего мужа?

– А разве он у тебя болеет?

– Болеет, – поспешила с ответом Лукерья, – часто болеет, хроник он безнадежный.

– А что за болезнь?

– Ну что у них бывает за болезнь? Алкоголизм, конечно, – сказала Лукерья.

– Алкоголизм – это не болезнь, – возразил Матвей, – а времяпрепровождение. А ты-то чего желаешь?

– Любви, – призналась Лукерья, – ласки желаю. Во мне пропадает жена и возлюбленная, потому что он, мерзопакостный бездельник, профукивает жизнь, вместо того чтобы идти по ней со мной рука об руку.

– Красиво излагаешь, – сказал Матвей. – А я тут при чем? Могу только оказать тебе мужскую услугу – подарить тебе несколько ночей любви.

– Не понял ты меня, – вздохнула Лукерья. – Не в тебе дело. Не хочу я мужу своему изменять. Я его себе выбрала, и я его желаю.

– А я-то тут при чем? – Матвей буквально закричал.

– Но ты же мне говорил, что вы все как братья и как кто помрет, в него входите, а потом человек возрождается к жизни и любви.

– Ой ли?

– А ты на Байсуридзе погляди, – сказала Лукерья. – Английская королева ему письма из жалости писала, а сейчас он чего?

– Сейчас он себе дачу строит, – ответил Матвей.

– Я хочу, чтобы мой Ромочка тоже возродился к жизни и любви, пускай он тоже дачу построит.

– А я...

– Не кричи. Я хочу, чтобы один из ваших товарищей, которые хотят помочь нам, своим братьям и сестрам по разуму, внедрился в тело моего покойного мужа, я буду любить его и окультуриваться, сколько необходимо. Ой, как я буду его любить!

Он во дворе шестнадцатого дома играл в домино, забивал рыбу в компании со стариком Ложкиным, а также Удаловым и Грубиным.

– Остался пустяк, – вздохнул Матвей, – чтобы твой муж помер.

– Но ведь это на самом деле пустяк... в свете современной медицины.

До Матвея дошла мысль Лукерьи и испугала его. Видно, недостаточно крепкие нервы оказались у пришельца.

– Ты что, убить его хочешь? – спросил он.

И голос Матвея дрожал.

– Я не убийца и не намерена поднимать руку на законного супруга. С кем же я жить буду тогда? Нет, сделайте так, чтобы я и не заметила. То есть заметила, но только на следующий день.

– А если мы не поможем тебе, коварная женщина, – спросил Матвей, – ты откажешься от своей затеи?

– Если не поможете, – Лукерья потянулась, запрокинув руки за голову, и ее груди поднялись к солнцу, смутив взор Матвея Тимофеевича, – если откажетесь, то будете иметь дело с нашей доблестной милицией. Потому что я заготовлю заявление, как вы уничтожаете людей и в них вторгаетесь.

– И никто тебе не поверит!

– А вот это мы проверим. Посмотрим.

Лукерья поднялась.

– Мне пора, – произнесла она.

– А может, все же мной обойдемся? – сказал Матвей, но без особой уверенности.

– Я другому отдана, – классически ответила медсестра, – и буду век ему верна, понял?

Матвей подавил злобный блеск своих чужеземных глаз, а из кустов раздался негромкий начальственный голос, который не столько звучал в воздухе, как проникал в мозги:

– Предложение следует обдумать и, возможно, принять. Однако ты, женщина, тоже будешь оказывать нам некоторые услуги.

– По окультуриванию, – хихикнула Лукерья. – Пионер всегда готов!

Она пошла на уколы и в воображении строила абстрактные картины, в которых ее Ромочка с помощью культурных пришельцев сначала немножко помирает, а потом становится молодым и красивым, как Иван-дурак в русской сказке, окунувшийся в соответствующий котел.

Так и день прошел.

Глава шестая

К дому она подходила неуверенно, даже с робостью.

А вдруг Ромочка уже приболел?

Нет, лучше пускай они его завтра обработают.

И чем ближе она подходила к дому, тем более страдала от вины перед Ромочкой. И в подъезде уже искренне возмечтала, пускай Ромочка как мужчина пользы не представляет, но, главное, он должен остаться жив и здоров. Что она, изуверка, что ли?

Она открыла дверь своим ключом и прислушалась.

Ни звука.

Может, что случилось?

Она кинулась в спальный закуток. Пусто.

Она кинулась на кухню.

На кухне сидел Ромочка и пил чай из самовара – приданое Лукерьи.

Он был нормальным, обыкновенным, если не считать забинтованной головы.

– Явилась не запылилась, – заявил он. – Я тут без тебя и помереть мог, а ты бы и не заметила.

– Что случилось? – И все было забыто. И злодейство, и намерения. Ее крохотулечка приболел.

– А на меня кирпич упал, – сообщил Ромочка не без гордости. – Мало на кого падает, а на меня грохнулся.

– Как? Где?

– Ты не поверишь, прямо на кухне.

– Откуда на кухне кирпич взялся? – Лукерья начала сердиться. Она сочувствует, переживает, а он ёрничает.

– А кто банку с квашеной капустой кирпичом придавил? И на верхнюю полку поставил?

– Ну уж...

А ведь было это, три дня просила Ромочку кирпич принести для этой цели. Пришлось, как всегда, самой кирпич тащить.

– Как ты умудрился, урод?

– Как, как? Качнуло меня, о стенку задел, а ты этот кирпич криво положила – а за ним и банка с капустой.

Он указал пальцем вниз, как памятник Юрию Долгорукому в городе Москве, который таким жестом велел закладывать столицу.

А на полу расплывшейся стаей червяков воняла кислая капуста. Блестели осколки банки. Валялся кирпич с отбитым краем.

– И что? – Лукерья старалась не смотреть на сцену крушения – ей же убирать придется.

– И всё. Погиб я и умер безвозвратно. Еще держусь, но скоро кончусь...

Тут Ромочка побледнел и стал оседать. Лукерья подхватила его, дотащила до постели.

Вызвала «скорую». Пока она мчалась с соседней улицы, Роман скончался. Кровоизлияние в мозг от ушиба.

В первый миг его смерти Лукерья с внутренним содроганием увидела бесплотную тень мужчины, который как бы вошел в бездыханного Ромочку.

– О нет! – закричала она, как трагическая гречанка. – Не смейте!

Никто ее, конечно, не послушался.

Потом приехала «скорая». Доктор Матвеев – сколько раз они у покойников встречались! – констатировал кровоизлияние и сказал:

– Крепкий он у тебя. Другой бы окочурился.

– Другой бы окочурился, – повторила Лукерья, глядя на воскресающего мужа.

И показалось ей, что он ей подмигивает, что было невероятно.

Глава седьмая

Той же ночью Ромочка напал на Лукерью. Как зверь, истосковавшийся по самке в джунглях. Лукерья трепетала и повторяла:

– Ты не очень, я же отвыкшая!

А он отвечал ей:

– Голову не задевай, голову! У него же сквозная рана до мозга.

Потом спохватывался и поправлялся:

– То есть у меня эта рана. Так сказать, если раны – то мгновенной, если смерти – небольшой.

Лукерья не поправляла оправдывающегося супруга, потому что понимала, что он инопланетянин, прибывший насаждать культуру.

Утром она накормила его блинами. Бывший Ромочка любил блины, а новый, оказывается, их тоже любил. И даже пояснил Луше:

– Ведь тело-то у меня прошлое, а запросы у него прежние, тебе понятно, ласточка?

Так они и жили. Ночи были бурные, днем Лукерья буквально засыпала на ходу, иглу старикам не туда совала.

И надо сказать, что тот, кто из кустов вечером давал указание помочь несчастной женщине, правильно сообразил, что более полезного друга в Великом Гусляре им не отыскать. Лукерья точно указывала им адреса и симптомы безнадежных больных, чтобы можно было погибшего человека сразу спасти, то есть заменить в его мертвом теле жизнь на инопланетную, которая вольет в него силы.

Как-то недели через две после наступления в жизни Лукерьи простого женского счастья, когда оказывается, что муж – это Муж, а не растение в горшке, она готовила на кухне большую яичницу с колбасой из двадцати яиц. И неспроста, потому что в гости к Ромочке пришли Матвей, Тимур и еще один из их начальства.

Они уже привыкли к Лукерье.

И она смирилась с ними – пускай помогают людям, улучшают.

Говорили они по-русски, порой переходили на телепатию, но Лукерья и телепатию теперь понимала.

Занимались они бухгалтерией.

– По Тотемскому району как у нас дела? – спрашивал Матвей.

Ромочка рапортовал:

– Внедрено шестьдесят два, на подходе еще шесть.

Говорил он четко, по-военному, и Лукерье приятно было слушать, какой у нее бравый муж.

Но Матвей был недоволен. Ему было трудно угодить.

– На тридцать процентов плететесь позади графика. Мне страшно в штаб такие цифры посылать. Что они со мной сделают, а?

– Ну, тебя не тронут, – сказал Ромочка. – Ты заслуженный штаб-офицер, шесть походов прошел, две аннигиляции, весь в шрамах и медалях.

– Ну ладно, ладно, – подобрел Матвей.

Лукерья принесла им большую сковородку, они стали есть ложками, нахваливали, а Лукерья спросила:

– А ты, Ромочка, тоже весь в медалях, да?

– Он у нас еще молодой, – засмеялся Тимур.

У него морщины разгладились, волосы потемнели, приходилось красить себя в седой цвет и рисовать морщины фломастером, чтобы люди не подозревали колдовства.

– А аннигиляции проходил?

– Шла бы ты, женщина, отдыхала, чай нам завари, – рассердился почему-то Ромочка.

А Тимур сказал:

– Аннигилируем мы планету только в случае неудачи мирных способов. Или если очень сильное сопротивление. А так обычно обходимся мирным путем.

– Вот и правильно, – согласилась Лукерья и пошла ставить самовар.

Вслед ей послышался тихий смех гостей.

Пускай смеются, подумала Лукерья, с мужиков чего спросишь? Ведь эта порода человечества далеко уступает женщинам по способностям.

А из комнаты слышалось:

– По Пьяному Бору картина положительная. Шестнадцать и три.

– Не скажи, в штабе могут не одобрить. Энергичнее надо работать.

– Как, прости, энергичнее? Куда уж? Ведь люди чаще помирать не стали.

– Надо им помогать, – твердо сказал Тимур.

– Нет! – возразил Матвей. – Только в крайнем случае. И с санкции вышестоящих органов. Так мы можем все дело завалить.

– Ты нелогичен, – сказал Тимур. – Здесь присутствует наш товарищ, который получил тело, потому что мы помогли его предшественнику кирпичом по темечку...

– Ш-ш-ш! – вскинулся Ромочка. – Зачем ты так громко?

– А я думаю, что она отлично знает или хотя бы догадывается, – сказал незнакомый пришелец. – Она сама просила.

Лукерья так и замерла у самовара. Хотела его взять и в комнату нести, но руки онемели.

Одно дело нутром чуять или даже что-то подозревать. Но ведь она на самом-то деле не желала смерти настоящему Ромочке, а получается, что она соучаствовала?.. А может, шутят они? Мужики, бывает, соберутся и травят всякие байки. Надо бы пойти и прямо вопрос поставить: убили Ромочку, или случайность с кирпичом вышла?

Но никуда она, конечно, не шла. Как ты пойдешь к бандитам, хоть и с культурными целями, а они тебе скажут: да, убили, по твоей просьбе, и ты молчала, потому что твой Ромочка тебе наслаждение доставлял.

– Интересно, – услышала она голос Тимура, – как там у наших в Москве дела? Там ведь две или три дивизии работают...

– Там трупиков хватает! – ответил Ромочка. Слышно было, как он отодвинул стул и пошел на кухню.

Как увидел Лукерью, сразу понял, что она все слышала.

– Это была шутка, – сказал он. – Мы пошутили. Я сам погиб.

Но Лукерья ему уже не верила.

В глазах у нее стояли слезы.

И смотрела она на Ромочку с любовью.

Как ее понять? Да, она знала уже, не сомневалась, что смерть ее мужа – дело рук пришельцев. И неизвестно еще, сделали ли они это из сочувствия к ней или потому, что выполняли план по трупам с непонятной для Лукерьи целью.

На кухню вошел Тимур.

– Я думаю, что тебе не стоит строить иллюзии, – сказал он. – Никакие мы не культуртрегеры и не филантропы. В политике таких не бывает. Нам нужно жизненное пространство, и мы с этой целью вторгаемся на удобные для нас планеты, внедряемся в жителей, а потом, когда нас уже много и мы получаем доступ к важным объектам, то оставшихся в живых аборигенов мы уничтожаем или в лучшем случае порабощаем. Третьего не дано.

– А я? – пискнула Лукерья.

– В каждой войне есть предатели, – сказал Тимур. – Одни предают за деньги, а другие – за идею.

– А я? – Лукерья как-то сразу смирилась со своей предательской сущностью.

– Ты, будем считать, идейная, – сказал Тимур.

– Спасибо. Вы меня убьете?

– Мы тебя уже поработили, – засмеялся Матвей. – Со временем я тоже на тебе женюсь.

Все они захохотали. Но Лукерье показалось, что Ромочка смеется не так нагло, как Матвей.

Глава восьмая

Днем Лукерья на службу не пошла. Пускай сами помирают, все равно человечеству жить осталось немного.

Она пошла на почту.

Попросила там лист бумаги и конверт.

Написала сверху листа:

«Президенту Российской Федерации в собственные руки».

– Должен же кто-то мне поверить, – прошептала она.

В милицию она не пошла, не доверяла. Может, там уже пять пришельцев с погонами ходят. А вот президент вроде свой, высказывается против террора.

Она сидела и думала, как начать письмо, чтобы президент поверил.

Но додумать не успела.

Тонкая юношеская рука протянулась через ее голову. Василий взял листок и скомкал его.

– Не надо, Лукерья Маратовна, – сказал он. – Никуда вам не деться.

Лукерья вскочила, сначала испугалась, но потом взяла себя в руки и зашипела, как змея, источая яд:

– А ну мчись отсюда, физик недоделанный! Сейчас такой крик подниму, что народ вас на вилы возьмет! А ну!

– Не надо, Лукерья, – прошептал юноша. – Ну зачем так! Вы же наша союзница, вы же одна из нас!

– Неужели не убьете?

– Да что вы! Как можно!

Лукерья с размаху шлепнула ладонью Василия по щеке и пошла на улицу.

Василий трусил сзади, но подойти боялся.

Тут Лукерье встретился Михаил Стендаль, редактор газеты «Гуслярское знамя», человек неподкупный и старожил. Шел он рука об руку с Корнелием Удаловым.

– Миша! – воскликнула Лукерья. – Ты знаешь, что нас не сегодня-завтра инопланетяне покорят и истребят, как крыс?

– Не исключено, – сказал Стендаль.

– И что вы будете делать? – спросила Лукерья.

– Уйдем в партизаны, – сказал Удалов. И почему-то подмигнул.

– Вот именно, – согласился Стендаль.

А к Лукерье уже спешили Ромочка с Матвеем. Видно, Василий поднял тревогу.

– Луша, – пропел Ромочка, – ну куда ты с такой высокой температурой на улицу выбегаешь?

– Нет у меня температуры, пришелец проклятый.

И видно, этот возглас звучал забавно, все мужчины стали смеяться, а Ромочка повел домой рыдающую жену.

– Грипп наступает, – заметил Удалов. – Как дела в Европе?

– В Европу вирус уже проник, – сказал Стендаль.

– Выздоравливай, Лукерья! – крикнул Удалов.

Глава девятая

Ночью Лукерья лежала рядом с Ромочкой. Тело у него было горячее, страстное. Но он сдерживался.

– Пойми, – говорил Ромочка. – Так устроена Вселенная. Кто сильнее, тот и скушал. Завтра придет новый сатана и всех нас сожрет. Так вы, люди, истребили тасманийцев, птицу додо и морскую корову Стеллера, которые не были виноваты в том, что живут на одной с вами планете. Мы – санитары леса. Ваша цивилизация зашла в тупик и не сегодня-завтра сама себя задушит. А мы ей помогаем.

– А дальше что? – Лукерья сглотнула слезы.

– Если нас не раскусят и сопротивления не будет, то через два-три года ты будешь жить в новом, упорядоченном и счастливом мире.

– Меня кирпичом по затылку, да?

– Ты моя жена! – рассердился Ромочка. – Можно сказать, любимая туземка, наше доверенное лицо. Ты что, думаешь, нам запрещают с туземками жить? Да я имею право себе хоть десяток таких, как ты, взять!

– И намерен?

Ромочка спохватился.

– На деле я не намерен, потому что люблю тебя как настоящую жену.

– А если я поеду в Вологду?

– А там что?

– А там в милицию или армейскую часть – не знаю куда! Может, к Жириновскому в партию?

– Только не в партию, – сказал Ромочка. – Там уже все наши.

– А если я все же найду...

– Будет война, – вздохнул Ромочка. – Многие погибнут. Может, мы даже потерпим поражение и нам придется аннигилировать твою планету. А жаль. Столько усилий мы потратили.

Он положил руку ей на плечо, провел пальцами по шее.

– В конце концов, – прошептал он, – какая тебе, простой женщине, разница, кто правит Россией, если у тебя есть здоровый любимый мужик? Ты чего добьешься? И мужика лишишься, и, возможно, жизни. А уж счастья тебе не видать.

– Ах, – вздохнула женщина. – Какая мне разница! Пришельцы-мришельцы, оккупанты, шпионы, завоеватели, поработители... а ты, Ромочка, меня не оставишь?

– Если не будет приказа...

– Обними меня, любимый!

Глава десятая

Профессор Минц с Корнелием Удаловым подкрались поближе к погасшему окну на втором этаже. Они затаились за кустом орешника. Минц направил на окно невидимый обыкновенным глазом лучик зомбификсатора.

На махоньком дисплее задрожала алая искорка.

Рядом, впритык к ней, горела искорка изумрудная.

– Как славно, – сказал Удалов. – На таком расстоянии различает. Ты гений, Лев Христофорович.

Минц наклонил талантливую голову. Он привык к похвалам.

– Не будем себя тешить. Это лишь начало пути. Создать зомбификсатор могли бы по крайней мере три лаборатории на земном шаре. А вот внедрить его, заставить руководителей различных государств поверить в страшную опасность, которой подвергается Земля, – это куда труднее.

Алая искорка слилась с изумрудной.

Удалов вздохнул:

– А ведь хорошая была женщина... А теперь? Немецкая овчарка!

– Не клейми ты Лукерью, – ответил Минц. – Я почти убежден, что она и не подозревает, что находится в объятиях инопланетянина. Она верна своему мужу.

А там, на втором этаже, Лукерья воскликнула:

– Любовь ведет меня к подвигам! Ради нее я готова на многое.

– Не торопись, – ответил пришелец. – Будут тебе задания, будет тебе работка...

Минц спросил:

– Когда последний автобус на Вологду?

– Через двадцать минут.

– Тогда пошли.

– Лев, побойся бога! Мне домой надо забежать. Ксению предупредить.

– Мы позвоним ей из Вологды.

– Что за спешка?

– У нас нет ни минуты, – сказал Минц, спрятал зомби-фиксатор в карман и быстро пошел по улице.

Удалов махнул рукой и припустил за другом.

Их путешествие будет непростым, и результаты его еще неясны.

А Лукерью жалко...

НОСТАЛЬДЖИ

Старые слова вытесняются постепенно из русского языка. Оказывается, они уже не так красивы, как прежде. Подобно старой жене. Когда-то мы ею любовались, даже гладили и холили, а потом мимо прошла некая Матильда или Изольда, неся перед собой грудь как рыцарский щит. И обнаруживается, что жена вас никогда не понимала и была камнем на вашей толстой шее. А вот Матильда – она вас понимает. Матичка, ты меня понимаешь? Как важно, чтобы тебя понимали!

Был благодетель, потом – меценат, теперь – спонсор. Смена поколений. Была контора, стал офис, был шик, а стал – не догадаетесь! – гламур. Сам видел.

Еще несколько лет, и старое поколение будет разговаривать с новым через переводчиков, конечно же электронных. А все равно взаимопонимания не добьется.

К тому времени толковой молодежи и зажиточных старцев в России не останется. Разлетятся. Одни за квалифицированным медицинским обслуживанием, другие за научными перспективами, третьи в поисках личного счастья.

Некоторые полагают, что проблема утечки умов и красивых тел – это столичная боль. Ничего подобного. Просто этот процесс не всегда идет напрямик. Известно немало случаев, когда молодой программист Н. или победительница конкурса «Грудь-Гусляр-2002» уплывают в Вологду или в Москву. А уж оттуда, не найдя счастья или работы по

плечу, вылетают в Израиль или США. И там оседают. Мало кто находит, что искал. Но так устроена жизнь.

А Великому Гусляру плохо.

Ох как плохо.

В школе № 2 не осталось учителей математики, а в третьей школе исчез физкультурник. Ночной клуб «Гусиные лапки» лишился стриптизерши, в речном техникуме некому преподавать двигатели внутреннего сгорания, а фармацевту Савичу пришлось возвратиться с заслуженного отдыха, чтобы выдавать пенсионеркам валидол и престариум в таблетках.

Этот список можно продолжать почти до бесконечности, и ужас его не в конкретных проявлениях невозвращенчества, а в повсеместности явления. И если в Гусляре, вместо того чтобы получить очередное звание, старшина Пилипенко ушел в отставку и теперь разводит сахарную свеклу под городом Веллингтоном в Новой Зеландии, то из близкой к Гусляру Тотьмы сержант милиции Великанов работает вышибалой в Лас-Вегасе.

Профессор Минц редко берется за свои великие и зловещие изыскания сам по себе. Его толкает к этому большое отзывчивое сердце. То соседка по дому попросит мужа обуздать, то президенту Российской Федерации понадобится успокоить Кавказ или внедрить доброту в спортивных состязаниях – главное, чтобы был заказ. И тогда Минц включает свой могучий мозг, во всем городе падает напряжение в сети, грозы стекаются к Гусляру, беспокоятся еноты и барсуки, наблюдается колошение озимой ржи, Ходжа Эскалибур упускает нить прорицания, Даша теряет интерес к Паше, и происходит еще многое другое.

Профессор запирается в своем кабинете, забывает о времени и пространстве и только думает и думает.

В случае, о котором я спешу рассказать, толчком к деятельности ума послужило слезливое обращение Миши Стендаля.

Миша Стендаль – пожилой мальчик, корреспондент газеты «Гуслярское знамя», холостяк по необходимости, потому что в мире не отыщешь человека, более невезучего в любви. С Минцем они знакомы уже много лет и пользуются взаимной симпатией.

Миша Стендаль сидел на лавочке в сквере у церкви Параскевы Пятницы и чертил на песке сердце, пронзенное стрелой.

За этим занятием его и застал Лев Христофорович, который возвращался с рынка, купив целую сумку синеньких, то есть баклажанов. Лев Христофорович привык жить один и не тяготился одиночеством. Баклажаны некогда готовила его покойная мама, и потому всю жизнь Лев Христофорович по случаю покупал баклажаны и пытался потушить их точно так же, как это делала Эсфирь Соломоновна. И безуспешно. Хотя это его не останавливало.

– Миша! – воскликнул Лев Христофорович. – Что вас огорчило? Неужели опять неприятности по службе?

Неприятности по службе у Миши были всегда, потому что Миша не вписывался в систему ни при каком правительстве, тогда как бессменный главный редактор городской газеты Малюжкин всегда вписывался в существующую систему.

– На этот раз никаких препятствий. Все беды у меня внутри, в душе.

– Вы не больны?

– Нет, я вспомнил, как мы сидели с Алиной на этой лавочке. Луна была на исходе, Кассиопея вон там, слева, а правее ковш Большой Медведицы. И еще я помню пояс Ориона – три звезды...

– Миша, опомнитесь, почему вы так говорите?

– А потому, – ответил Стендаль, – что Алина была астрономом-любителем. Она мечтала о большом телескопе, о том, чтобы открыть астероид и назвать его моим именем... Она очень нежно ко мне относилась.

– Когда это случилось?

– Между нами стояли неодолимые препятствия, – продолжал Стендаль. – Во-первых, разница в возрасте – почти тридцать лет. Во-вторых, деньги. Ни у нее, ни у меня не было денег, чтобы всерьез заняться астрономией. В-третьих – ее несказанная красота. Мальчишки из речного техникума провожали ее до дома и просили пойти с ними в кино. Нет, наша любовь была обречена с самого начала. Хоть в тот вечер именно на этой лавочке мы с ней целовались. Честное слово! И она сказала мне, что готова пожертвовать астрономией ради моего счастья, а я сказал ей, что готов пожертвовать своим счастьем ради ее астрономии.

– А потом?

– Потом начался учебный год в пединституте, и ей пришлось уехать. Из Вологды она не вернулась. Подвернулась стипендия в Шта-

тах, и моя Алина, светлая голова, надежда российской науки, улетела в Пенсильванию. С тех пор прошло уже четыре года. И ни весточки, ни слова... Как мне вернуть ее?

– А почему вы намерены ее возвратить?

– Я сегодня понял, что я потерял. А потерял, потому что не был настойчив. Ведь человека воспитывают не только родители и школа, не только окружающая действительность...

Руки Стендаля дрожали, хотя человек он непьющий, только нервный.

– Что ж вы раньше-то думали? – спросил Минц. – Столько времени прошло. Я бы на вашем месте давно письмо ей написал...

– А она сама мне недавно прислала, – ответил Стендаль. – К Новому году поздравление. Странное такое: «Я счастлива, забыла о тебе, а ты?» Это что-нибудь означает?

– Ничего не означает, – сказал Минц, – кроме женского каприза. Она замужем?

– Я не знаю. А сегодня я брал интервью у Ходжи Эскалибура. Он деньги заплатил за интервью как за рекламу, мы отказать не могли, хотя я категорически возражаю против мистических жуликов.

– Я полностью разделяю, – согласился Минц.

– Пришел я к Ходже, а он сидит в окружении неофиток и гладит их щечки. Такое у него воспитательное действо. И когда наконец его вымажут в дегте, вываляют в перьях и изгонят из нашего города?

– Некому гнать, – сказал Минц.

Ходжа Эскалибур, вернее всего в прошлом Вася Пупкин из Тотьмы, возник в Великом Гусляре года полтора назад и стал уже одним из самых популярных персонажей в городе. Он объявил себя волшебником и прорицателем, основателем новой синтетической религии, обладателем приворотного и отворотного зелий, а также интрасенсом и экстрателепатом. В общем, что пожелаете!

Очевидно, думал Минц, этот Ходжа Эскалибур, даже имя укравший из легенд о короле Артуре, ибо так звался его заколдованный меч, стал наказанием Великому Гусляру за беспечность. Не было раньше такого жулья, образовалась пустая экологическая ниша, вот в нее и влез таракан.

Этот Ходжа Эскалибур относился ко Льву Христофоровичу с подчеркнутым почтением, раскланивался на рынке и стадионе «Речник»,

куда оба ходили на футбол, и даже делал вид, что понимает нечто в Большой Науке. Как-то, еще до того, как поклонницы купили ему «ауди», в автобусе он заговорил с Минцем на неожиданную тему. «Я полагаю, – сказал он, – что клонирование человека в ближайшие полвека обречено на неудачу. Слишком много факторов влияет на беременную женщину, чтоб учесть их экспериментатору. Вернее всего, получится урод, а вы как полагаете?»

Минц вежливо кивал, но в беседе не участвовал, а Ходжа Эскалибур на такую реакцию не обиделся. Такой был человек, любитель жизни и женщин.

Вот к этому Ходже Стендаль пошел брать интервью и взревновал.

И вспомнил о бросившей его ради высокой цели Алине.

– У них там, в Штатах, – говорил Миша и рисовал на песке профиль Алины, – колоссальные возможности для астронома. Один телескоп в Паломаре чего стоит!

Видно было, что Мишу интересовало положение с астрономией в США. Значит, интересовала и жизнь молодых астрономов.

– Знаете, что мне сообщил этот Ходжа с тусклыми глазами и маслеными губами? Он сказал, что астрономия – вчерашний день науки. Наступает эра обратной связи астрологии. Теперь не только звезды будут влиять на жизнь людей, но и люди научатся определять изменения в движениях звезд и целых созвездий.

– Этот идиот думает, – сказал Минц, – что созвездия – это такие корзиночки, в которых собрано по шесть звезд.

– Чудесно сказано! – обрадовался Миша. – Разрешите, я включу это в интервью как комментарий нобелевского лауреата?

– Нет, – ответил Минц. – Про нобелевского лауреата мы с вами вычеркиваем, потому что опять, насколько мне сообщили, секции передрались за право дать мне Нобелевку. Физики требуют, химики просят, а биологи настаивают. Сами понимаете, три премии сразу мне не получить, а Нобелевский комитет боится скандалов.

Минц закручинился. Ему давно хотелось получить Нобелевку, тем более что достоин.

– Мне бы так завершить свою жизнь, – вздохнул Миша.

Этим он еще больше расстроил Минца, потому что тот совсем не собирался завершать свою жизнь.

– Но у нас, – через некоторое время Миша вернулся к волновавшей его теме, – за последние годы много сделано для развития астрономии. Например, вы слышали о Зеленчукском центре?

– Я о многом слышал, – сказал Минц. – Ну, я буду собираться, раз уж вам помочь не в силах.

– Неужели не в силах? – горько произнес Стендаль. – А я думал, что вам это по плечу.

– Что по плечу?

– Вернуть мне мою любовь!

– Но как?

– Если бы я был изобретателем, то я бы вам подсказал. Но я просто репортер. Могу только сказать – душа моя страдает, а сердце стонет. Как в песне. И, кроме вас, некому пролить бальзам на мои раны и царапины.

Стендаль горько усмехнулся.

Минц усмехнулся ему в ответ.

У Минца на душе остался горький осадок.

И не только из-за страданий Стендаля.

Минц почувствовал за ними страдания великого народа, замечательной страны России, которую судьба ограбила, лишила миллионов лучших сынов и дочерей, покинувших ее навсегда. Вспомнился разговор, который Лев Христофорович в прошлом году имел с премьером Федерации. Тот тогда произнес: «Ох и беспокоит меня проблема эмиграции. Сагдеев как-то сказал, что одних наших академиков в Гарварде более двух десятков, а уж докторов – каждый третий. А на дружественную ли мельницу они льют воду?»

Тогда стоявший рядом генерал предложил: «Надо бы закрыть Запад». «А вот этого мы не сделаем! – ответил в сердцах премьер. – Рано...»

Как наполняется сосуд?

Сначала он полон до половины, потом почти совсем полон, потом достаточно капли, чтобы жидкость хлынула через край. Так бывает и с мыслителями.

Разговор с премьером заставил задуматься.

Беседа со Стендалем послужила последней каплей.

К тому же чисто по-человечески было жалко пожилого человека, который полюбил и лишился.

И тогда Минц, вернувшись домой, принялся мыслить.

То есть сначала он помыл и порезал баклажаны.

Затем заложил их в сотейник.

Поставил сотейник на плиту.

Добавил нужные специи.

Понюхал.

Зажег газ.

Потушил газ.

Мозг Минца начал трудиться.

Своеобразие мозга Льва Христофоровича заключается в том, что он не способен искать решения на проторенных дорожках. Ему подавай научную целину, чащобы и тупики, и чем неразрешимее задача, тем она кажется Минцу интереснее.

Итак, Лев Христофорович уселся за письменный стол и, поворошив бумаги, отыскал под их гнетом старенький, но верный компьютер. Затем он стал раскладывать на нем пасьянс. А зачем еще может пригодиться компьютер великому человеку.

Раскладывая пасьянс, Минц думал.

Ломал себе голову.

Трое суток он не покидал квартиру.

Правда, уже через несколько часов добровольного заточения сосед и друг Минца Удалов догадался, что процесс пошел, и принес Льву Христофоровичу миску Ксеньиного борща, до которого Минц был большой охотник.

Он съел борщ и не заметил.

На исходе третьего дня Минц поднял телефонную трубку и вызвал потерявшего всякую надежду Мишу Стендаля.

– Пиши письмо своей звездочетке, – сказал он. Лукавая улыбка блуждала на лице ученого. Наверное, так смотрится лев, только что скушавший антилопу.

– Какое письмо?

– Поздравь ее с Новым годом!

– Какой Новый год в июле?

– Ну поздравь ее с наступающим учебным годом.

– И что будет?

– Сначала, – Минц не мог не улыбаться, – ничего не будет, а потом будет результат.

И, повесив трубку, Минц отправился гулять. Ведь решение проблемы с эмигрантами не входило в число основных работ профессора.

Скинув тяжкий труд и оцепенение последних дней, повеселевший Лев Христофорович постучал половой щеткой в потолок и таким образом вызвал Корнелия Ивановича на прогулку.

Вскоре к ним присоединился Гаврилов, заядлый охотник и любитель побеседовать на вольные темы.

И вместо задушевной беседы близких друзей получилась общая дискуссия. Гаврилов все норовил похвастаться новой «тулкой» и перспективами истребления пернатых. Минц же животных и птиц жалел и полагал, что охота – занятие аморальное.

– Вот на Партикапое, – заметил Удалов, – убиение любого теплокровного существа карается тюремным заключением на срок до трехсот лет. Они там живут подолгу.

– А хладнокровных как, можно истреблять?

– На них и охотятся, – признался Удалов.

– А у нас нет выбора, – заявил Гаврилов. – Так что грянет сейчас первое августа, попрошу гусей и прочих съедобных птиц в пределах моего зрения не возникать.

– Варвар, – заметил Ходжа Эскалибур, подошедший бесшумно.

Все выдавало в нем проходимца.

Что было не столь ясно одураченным им гражданам.

Тем более что некоторые из его предсказаний странным образом материализовались, приворотное средство оказывало приворотное действие, а отворотное – тем более.

Но в то же время достаточно было внимательно поглядеть на его белоснежную бороду, вызывающую мысли о рекламе стирального порошка, на его выцветшие голубые глаза педофила, его слюнявые губы и тугой животик, как некоторым хотелось бежать от него подальше, а другим угодить в его сладкую паутину.

Ходжа шел с заседания инициативной группы, которая намеревалась воздвигать молельный дом, а может, стриптиз-клуб синтетического вероучения. Это, как честно и игриво заявил Великий Ходжа, будет зависеть от настроения пророка на тот самый момент.

– Птицы – это души наших предков, – заявил Ходжа Эскалибур, – я с некоторыми из них поддерживаю связь.

– И как, – язвительно спросил Гаврилов, – получается?

– Ваша бабушка рассказала мне много интересного о бурной юности твоей мамочки, – ответил Ходжа, и Гаврилов не нашелся, как бы нахамить в ответ.

– Я пошел, – заявил Гаврилов. – Пора ружье чистить.

И он ушел.

Остальные укоризненно смотрели ему вслед.

– Вот эти люди будут определять судьбу нашей планеты в ближайшие полвека, – сказал Ходжа, и никто не смог ему возразить.

Удалову скучно было гулять с прорицателем. Ему хотелось поговорить с Минцем наедине, откровенно.

– Ухожу, – догадался прорицатель. – Не буду вам мешать. Но химия не может решить проблем социальных.

Он легко пошел прочь, пристроившись за девицами из речного техникума. Он был еще ой-ой-ой!

– А ведь тебе не терпится узнать, – произнес Лев Христофорович, любуясь закатом, – чем я занимался эти дни, что изобрел и каково от этого будет человечеству.

– В некотором роде...

– Не прибедняйся. Ты сгораешь от любопытства. Но я тебе не могу ответить ничего конкретного. Успех или провал моей затеи зависит в значительной степени от того, насколько плохо работает наша почта.

– Плохо работает, – сказал Удалов. – Впятеро хуже, чем до революции.

– И нужна была вам эта революция! – в сердцах воскликнул Лев Христофорович.

– Нам не нужна, – признался Удалов. – А вы преодолели черту оседлости.

Минц надулся, впрочем несправедливо, друг не хотел обидеть его лично и еврейский народ в частности.

В любом случае через три недели – так плохо работает у нас почта – Миша Стендаль получил странную телеграмму от своей возлюбленной Алины:

ТОСКУЮ. ИЗНЫВАЮ. ПО РОДИНЕ. ЖДИ ПРИЕДУ.

Миша кинулся к Минцу.

– Что происходит? – У него руки тряслись. – Что это значит?

– Телеграмма, – ответил Минц, ознакомившись с посланием. – Ностальджи оказался эффективным.

– Какой такой ностальджи?

Через несколько дней Минца удивил Давидян, директор гостиницы «Гусь».

– Удивительное дело, – сказал он, – я получил несколько заказов на места в гостинице, желательно полулюксы, а их у меня всего два, в концах коридора.

– А ты объяви полулюксами все номера первой категории, – посоветовал Минц. – И откуда туристы?

– Из Америки.

– А конференции не намечается? Может, съезд ветеранов-ихтиологов по проблемам пресных вод?

– Да нет, Лев Христофорович. Нет у нас таких проблемов. Экология-макология замучила.

– Покажи список, – попросил Минц.

– Какой список?

– Гостей.

– Не могу, дорогой ты мой человек, его в Гусляр-ФСБ затребовали.

– Я их понимаю, – согласился Минц. – Но хоть устно скажи.

– Все из Нью-Йорка! Понимаешь?

– Я этого ожидал, – сказал Минц.

Он ушел, а Давидян сказал ему вслед:

– Какой человек! Ты ему что скажешь, а он уже ожидает.

Ходжа Эскалибур ждал его у ворот дома № 16.

– Я тут шел мимо, – сказал он, помаргивая выцветшими глазками педофила, – и решил, поздравлю Льва Христофоровича с неожиданным сенсационным успехом. Вы – находка для нашей церкви. Мы с вами станем богатейшими гуру на планете!

– Что вы имеете в виду? – спросил раздосадованный встречей Минц.

– Ностальджи, – лаконично ответил прорицатель.

– Что вы знаете о ностальджи?

– Только то, что подсказала мне интуиция и список заказов на номера в нашей городской гостинице.

– Конкретнее! – Этот псевдоволшебник вызывал у Минца, как у настоящего ученого, своего рода гадливость.

– Не морщитесь, Минц, – произнес Ходжа. – Нам все равно выгоднее сотрудничать, чем ссориться. Вы представляете, сколько неофитов я смогу привлечь в ряды моей синтетической веры с помощью вашего вируса?

– Уйдите! Я все понял, – сказал Минц.

– До встречи! – Ходжа помахал толстой ручкой и, подпрыгивая, напевая какой-то игривый псалом, пошел прочь.

А из-за угла вышел Миша Стендаль.

– Я вас дожидался, Лев Христофорович, – произнес он. – Но после услышанного я не совсем понимаю.

– И не надо.

– Надо. Эксперимент начался из-за меня и для моего счастья.

– Эксперимент начинался как куриное яйцо, – заявил профессор Минц. – Я надеюсь, он вырастет в настоящего страуса.

– Страус – это моя Алина?

– Страус – это судьба нашего государства.

– Но ведь я писал моей девушке?

– Ты писал начинающему астроному, – поправил его Минц, – одному из ученых, которые покинули нас и трудятся на благо заморской державы. В то время как мне и в голову не приходит покинуть Гусляр ради гарвардских плюшек. Патриотизм должен быть действенным.

– Поэтому к вам этот интриган Ходжа приходил?

– Поэтому.

– Не скрывайте, скажите мне, что это значит?

– Ждем самолета.

– Какого?

– Рейса из США и далее сюда.

– Когда?

– Послезавтра.

– Больше ничего не скажете?

– Потерпите, Миша. И встречайте автобус из Вологды.

Попрощавшись с журналистом, Минц прошел к себе. Он был озабочен. Ведь произошла утечка информации. Так называемый прорицатель пронюхал о ностальджи. Как это могло произойти? Где предатель? А так как предателя быть не могло, следовало искать иррациональное объяснение иррациональному событию. С этими мыслями Минц улегся спать.

Основные события разыгрались через день.

Минц ожидал их и поэтому вышел встретить рейсовый автобус из Вологды.

Автобус был полон.

Публика, которая вылезла из него на площади Землепроходцев, оказалась весьма пестрой.

В первую очередь это были местные, что ездили в область по делам, затем появились торговки с полосатыми сумками, которые привезли из Вологды и из Турции промтовары, импорт. Наконец из автобуса выбрались настоящие иностранцы.

Первой вышла женщина ослепительной красоты с грудным ребенком на руках, а второго ребенка годиком постарше держал на руках толстый, добродушного вида негр.

Молодая красавица крутила завитой головкой в поисках кого-то и, выискав в группе встречающих пожилую женщину в платке, которую Стендаль предупредил о приезде дочки, закричала:

– Мамо, моя мамо! Слезинка моя! Погляди на своих внучат!

Пожилая женщина в платке кинулась к красавице, красавица сначала отдала младенца негру, а сама потискала в объятиях женщину в платке, а потом отобрала ревущих детишек у негра и стала их совать матери, чтобы та любовалась внуками.

Миша Стендаль совершал робкие круги и пытался что-то крикнуть, но его никто не слушал.

Сам же профессор Минц обратил внимание на прочих пассажиров автобуса.

Одного из них он встречал в Гусляре лет десять назад, прежде чем математик Квадрант уехал в Штаты к своему брату. Затем, как кто-то рассказывал Минцу, математик сделал там неплохую карьеру и даже основал фирму по производству бильярдных шаров повышенной округлости.

Выйдя из автобуса, математик опустился на колени прямо посреди площади и принялся целовать асфальт, повторяя:

– О святая гуслярская земля! О, прими обратно своего блудного сына.

Два могучих ливрейных лакея вывели из автобуса под руки престарелую графиню фон Мейендорф, ту самую, которой до революции

принадлежал дворец, а ныне Дом культуры речников, приватизированный кутюрье Плюшкинайтисом под стрип-салон.

– Оу, – с тяжелым английским акцентом произнесла старушка. – Пахнет сеном и тетеревайма.

Сеном в центре Гусляра не пахло уже полвека, но кто станет спорить с наследницей миллионов ее последнего мужа Ци Байваня, босса гонконгской триады?

Семейство Мазайбергеновых, которые некогда владели большим коммунальным хозяйством в пригороде Гусляра, а ныне стали украшением Брайтон-Бич как этнографический ансамбль чукотской песни, спустились на родную землю шумно и весело, играя на бубнах и гитарах.

– Где наш олешка, где наш маральчик? – кричал Ахмет, наследник аттракциона.

Прочих возвращенцев в Гусляр Минц разглядеть не успел ввиду общего шума и суматохи, а также конфликта, имевшего место между Мишей Стендалем и семейством Алины.

Мише, полагавшему, что именно он причина приезда «новых американцев» в Гусляр, надоело ждать, пока Алина наговорится с мамашей и нацелуется с подбежавшими на шум подружками.

– Алина! – воскликнул он. – Ты помнишь наши клятвы?

– Ах, – сказала Алина, – стоило ли помнить юношеские увлечения? У меня их столько было после тебя, Маратик!

Это было выше сил!

– Не Маратик я, а Михаил, и стыдно мне перед девочкой какой-то унижаться.

– Я – девочка? – удивилась Алина. – Мама, скажи, я девочка?

– Для меня ты всегда девочка, – ответила пожилая женщина в платке. – Мишенька прав. Он так ждал тебя, так ждал, телескоп купил!

– Чего купил? – удивилась красавица.

– Телескоп, чтобы на звезды посматривать в твою честь.

– Не понимаю.

– Но ведь ты астроном! – возопил Миша.

– Я? Астроном? Ну ты даешь! С моей фигурой пропадать в астрономах?

– А как же...

– В Штатах я нашла свое счастье в элитарном эстетическом стриптизе, – гордо ответила Алина.

– Значит, наука... и значит, ты вернулась не ради науки? – Миша был потрясен.

– Нет.

– Значит, любовь ко мне...

– Любовь к тебе – а дети у меня мулатики! – рассмеялась Алина.

Она широким жестом указала на большого толстого негра, который прижимал детишек к своей широкой груди и добродушно улыбался, потому что совершенно не понимал, куда он попал и с какой целью.

– Он... он вместо меня? – Миша никак не мог понять, что же происходит. – И ты с ним это делала?

– Если ты имеешь в виду астрономию, то я этого с ним не делала, – цинично ответила Алина и стала из-за этого еще красивее.

Раздались аплодисменты. Собравшиеся вокруг, за исключением пожилых женщин, были настолько заворожены ее красотой, что готовы были простить любой цинизм.

– Я его убью! – закричал Миша.

– Он тебя сейчас убьет, – со смехом сообщила негру Алина на пристойном английском языке.

Негр поднял черные брови и отдал детей подержать своей местной теще, потом показал Мише Стендалю свой кулак.

– Это кулак чемпиона Олимпийских игр в полутяжелом весе, – объяснила собравшимся Алина. – Притом он не понимает по-русски и будет действовать в пределах допустимой самообороны.

– Остановитесь! – закричал Лев Христофорович. – Не лучше ли нам развеять недоразумение? Скажите собравшимся, что же вас привело в Великий Гусляр? Что заставило вас прилететь сюда? Любовь к Мише Стендалю?

– Только не это! – возразила красавица.

– Может, любовь к маме?

– Немножко да, а немножко нет, – сказала Алина.

– Тогда что же?

– На родину захотелось! – ответила молодая женщина. – Такая на меня ностальджи напала – мочи нет! Спать не могу, пищу принимать не могу, любовью заниматься не могу, да?

– На родину захотелось! – заявил математик Квадрант. – Я и не подозревал, что может существовать такое дикое чувство.

– И я пожелала перед смертью прикоснуться к земле моих предков, – проскрипела графиня Мейендорф на старинном, но неправильном русском языке.

Нестройно, но искренне и громко эти слова были поддержаны криками остальных пассажиров автобуса.

– Что и требовалось доказать, – сказал профессор Минц. Он был доволен, как бывал доволен академик Павлов, когда у его любимой собаки отовсюду начинала капать слюна.

...Словно Эркюль Пуаро, знаменитый сыщик, который обязательно собирал всех подозреваемых в одной комнате и вел их за собой по глухим извилинам преступного ума, Лев Христофорович Минц пригласил в тот же вечер своих друзей, а также иных заинтересованных лиц во двор своего дома. Они уселись вокруг стола, за которым уже третье поколение жильцов рубилось в домино.

Там сидели сам Минц, его ближайший друг Корнелий Удалов, репортер Миша Стендаль, а также никем не званные старик Ложкин и Ходжа Эскалибур, претендующий на звание волшебника и прорицателя.

Правда, от Ходжи была и польза: он принес с собой ящик пива и поставил его посреди стола. А за стаканами сбегал Корнелий.

Вечер был теплый, даже не дуло. Пели птицы.

– Получив просьбу Миши Стендаля о возможном возвращении на родину девушки Алины, которая уехала в Штаты изучать астрономию, я подумал: а как это сделать? Ведь невозможно изобрести приворотное зелье!

– Хотя в истории такие случаи отмечены, – вмешался наглый Ходжа Эскалибур. – Пресловутая Клеопатра широко использовала некий состав, разработанный в ее лаборатории.

– А доказательства? – воскликнул Минц, не выносивший прорицателя.

– Какие нужны доказательства, если сохранились ее портреты?

Минц замолчал, потому что аргумент сразил его наповал.

Только через минуту он собрался с духом, чтобы продолжить свой рассказ:

– Внушить любовь к определенному молодому человеку я не мог по причинам в первую очередь этическим. Ведь это было бы насилием над человеческой природой. Любовь или есть, или ее нет. Кому нужна любовь навязанная? Как ты думаешь, Миша?

– Не знаю, – промямлил Стендаль, потому что не был уверен в правоте профессора.

– Но можно обратиться к другим чувствам, свойственным каждому человеку, но дремлющим под слоем повседневности. Например, присмотримся к любви к родине. Она генетически заложена в любом человеке. Обстоятельства могут заставить его с этой родины сбежать. Но тоска по родине останется. Даже если он сам об этом не подозревает. И я подумал: если я разбужу в девушке Алине тоску по родине, скажем – ностальгию, то она захочет вернуться домой, в Великий Гусляр, и оглядеться. Дальше она – вольный человек. Вспомнит Стендаля, захочет к нему приблизиться – ее воля. Мы эту волю уважаем. А если предпочтет другого – то бог ей судья.

– Но она же замужем! – закричал Стендаль. – Она вышла замуж за боксера, представляете?

– Не представляем, – сказал Удалов. – Никогда не были боксерами.

– Я ничего дурного с этой девушкой не сделал. Она повидается с мамой, поглядит на закаты над нашей рекой, встретится с подругами и побеседует с Мишей.

– Она не хочет со мной беседовать! – расстраивался Стендаль. – Она была стриптизершей! Может, даже порнозвездой.

– У нее чудесные детишки, шоколадные, – заметил Корнелий Иванович.

– Она предала астрономию!

– Но полюбила домашнее хозяйство.

– Но когда я ставил эксперимент, – продолжал Минц, – я не мог ограничить себя одним частным случаем. Он ведь ничего не доказывал и ничего не давал народу в целом. А ведь проблема России, как и проблема Турции, а также Бангладеш – утечка мозгов и тел. Только подрастет аспирант, а его уже в Колумбийский университет приглашают, а то и на фирму. Только округлится попка у нашей красотки, как ее уже вызывают к американскому фотоаппарату или, того хуже, к похотливым американским лапам.

– Вот именно! – согласился Миша Стендаль.

– А мы испытываем недостаток.

– Еще какой! – добавил старик Ложкин, которого никто не приглашал. – Раньше всего у нас хватало, и хлеба по шестнадцать копеек, и ширпотреба, и свободы. В доме отдыха по профсоюзной путевке я каждый год отдыхал, море в ста метрах, в комнате четыре товарища, обед в две смены, чистое белье. Где все это?

– Меня уже премьер просил подумать, – сказал Минц. – С государственной точки зрения.

– И вы подумали? – спросил Стендаль. В нем проснулся журналист.

– Еще как подумал. И пришел к выводу, что надо создавать вирус, выборочно действующий на генетически трудноуловимый центр ностальгии. Если он есть и предположение мое верно, то, получив письмо, страница которого смочена слабым раствором, содержащим вирус «ностальджи», Алина станет восприимчивой к мыслям о родине, о родном городе, о людях этого города.

– Она-то приехала, – сказал Миша, – но почему другие приехали?

– Ты ключевое слово пропустил, – вмешался Удалов. – Слово «вирус». Ты только копни...

– Я уже копнул, – улыбнулся Минц. – Я провел экспресс-опросы всех приехавших. Оказывается, графиня Мейендорф – соседка Алины слева, и та часто у нее занимает соль или спички. А сосед справа – любовник математика Квадранта, который сам по себе в России никогда не был, потому что он новозеландец, и потому на него мой вирус подействовать не мог. Но он стал носителем вируса, и тот дождался своей жертвы – выходца из России.

– И все они связаны?

– Были в контакте, – сказал Минц. – Все, кто приехал. Мы можем проследить цепочки. Вирус оказался чрезвычайно вирулентным и абсолютно безвредным.

Наступила тишина, только пиво булькало в глотках и стаканах.

Слушатели переваривали сенсационную информацию.

– В завтрашний номер газеты можно? – спросил Стендаль.

Ложкин засмеялся дрожащим смехом:

– Репортер – всегда репортер. У него невесту увели, а он о статье рассуждает. Нет у них сердца, у современных журналистов, писак, извините за выражение. Развалили Союз и радуются. Вирусы им подавай!

Выступление Ложкина было бурным, но бессмысленным.

Минц попросил Стендаля не спешить. Подождать еще день-два.

– Тогда «Известия» перехватят, – расстроился Стендаль. – Ну что за жизнь! Можно сказать, я ради этой статьи пожертвовал собственным счастьем, а даже написать нельзя... – Он чуть подумал и спросил: – Лев Христофорович, нельзя ли этого негра обратно отправить? А Алина пока у своей мамы поживет?

– Он может не захотеть, – сказал Минц, и все согласились: может и не захотеть. Уедешь от такой – спохватишься, а ты уже холостяк.

Допили пиво.

Вопросы еще остались.

И главный задал Корнелий Удалов:

– А этот вирус уже весь сюда прилетел или еще по Америке шастает?

Разные люди сидели за столом, одни умнее, а другие так себе. Но все подумали об одном и том же: если так быстро вирус заразил соседей Алины, то значит, он сейчас разбегается по Америке и внедряется в кровеносную систему многих наших бывших сограждан.

Минц ответил не сразу.

Но совершенно серьезно.

– Если на той неделе прилеты продолжатся, будем рапортовать в Москву. Сами понимаете...

На том и разошлись.

Миша Стендаль пошел поближе к дому Алининой мамы. Там он стоял у забора и заглядывал в окна. Но ничего не увидел, потому что главное окно перекрывала спина боксера.

«Господи, – страдал Стендаль. – Мне было тяжко сознавать, что Алина живет в Штатах и учит астрономию. Но оставалась надежда. Теперь же оказалось, что астрономия ни при чем, а Алина возвратилась. И это еще хуже».

На следующий день из Вологды пришел автобус, полный американскими гуслярцами, включая тех, чьи предки покинули городок в XIX веке.

А во второй половине дня повадились такси. Ведь среди возвращенцев оказалось немало богачей.

Под предлогом обязательного медицинского освидетельствования Минц смог сделать анализ крови большинству репатриантов. У всех в

крови активно передвигался вирус «ностальджи», и симптомы были одинаковыми – тоска по родине и несказанная радость от встречи с ней. Как сказал Василий Голодай, писатель из Пенсильвании, а прежде механик на автобазе: «Я даже удивляюсь, чего я там торчал, бабки зарабатывал. Лучше бы коттедж на речке построил».

Потом он подумал и добавил:

– А что! Еще не поздно.

В первые дни в Гусляр приезжали компатриоты, которые жили в Нью-Йорке, на третий день появились деятели из Вашингтона и Бостона, на пятый прилетел некто Самойленко из Нью-Мехико, а на восьмой – Джонни Пукерман из Лос-Анджелеса.

Разумеется, гостиница уже в первые дни была переполнена, спали в кабинете директора и бельевой, селились у дальних родственников и забытых знакомых. Доллар в Великом Гусляре быстро потерял привлекательность и шел ниже, чем в других пунктах державы... впрочем, недолго, потому что процесс распространения вируса «ностальджи» захватывал эмиграцию и вширь и вглубь. Например, в Гусляре за старухой фон Мейендорф появились несколько кадетов, покинувших Россию в конце Гражданской, и воспитанницы Ксенинского приюта десятых годов. Многие приезжали с родными – мужьями, женами, детьми, внуками, любовниками и любовницами, а то и просто с близкими друзьями. Город шумел, город забыл о сне, восстанавливались связи полувековой давности и выяснялись обиды периода военного коммунизма.

А в палаточном городке за музеем, у памятника землепроходцам обитали уже три сотни приезжих, которые не нашли родных и близких в Гусляре.

А вот следующий шаг вируса Минц не предугадал.

Его гениальность имела ограничения, и социальные последствия его открытий бывали трагичными.

Он полагал, что вирус будет поражать лишь выходцев из Великого Гусляра. Вирус же, начав с гуслярцев и исчерпав пищевые ресурсы, стал искать, шалун, в кого бы еще внедриться. И сообразил, что самая достойная среда обитания – эмигранты из Вологодской и Архангельской областей.

Так что через две недели началось нашествие бывших русских в тихую Вологду.

А там уже и до Котласа рукой подать...

Пока дело ограничивалось Великим Гусляром, это событие не привлекало внимания зарубежной и отечественной прессы.

Но на четвертый день в выпусках новостей проскользнуло сообщение о буме в авиасообщениях США – Россия. Билеты на самолеты достать невозможно, некоторые летят через Японию, зафрахтованы два океанских лайнера...

С каждым днем число сообщений росло, и тревога начала охватывать весь мир.

Но только к исходу второй недели человечество смогло осознать масштабы события, которое быстро приобретало форму вселенской катастрофы.

За три недели США покинули один миллион триста двадцать одна тысяча выходцев из России. Причем журналистам удалось установить эпицентр события: небольшой город Великий Гусляр Вологодской области в северной России, где обитает менее двадцати тысяч человек и куда заявились из США около семисот бывших эмигрантов, родственников этих эмигрантов и внуков эмигрантов.

Радостно отреагировали на возвращение русских в Россию все газеты и телестудии России. Они подсчитывали, сколько программистов, инженеров, врачей и спортсменов примчалось по неизвестной причине обратно на родину. Они брали интервью у трапа самолета у всемирно известных куртизанок, порнозвезд, певиц, кутюрье, кинорежиссеров-анималистов и альпинистов, политических деятелей и неуловимых бандитов.

И что удивительно: каждый из них рассказывал одно и то же.

Якобы он проснулся среди ночи от неукротимого желания вернуться на родину, которой приходится переживать трудные времена.

Он не мог ни о чем другом думать. Он бросил все дела, машину и виллу в Майами-Бич, не попрощался с директором студии или фирмы и встал в очередь за билетом до России.

Вскоре громадные пространства Соединенных Штатов обезлюдели.

В игорных домах и на военных предприятиях, в вычислительных центрах и на авиационных заводах остановилась работа. Со скандалом закрылось несколько публичных домов.

А по истечении месяца поветрие перекинулось через океан и принялось безумствовать в Германии и Великобритании.

Мир охватила тревожная уверенность в том, что переманивание миллионов людей происходит по приказу из Кремля. Кремлю был объявлен бойкот, и самолеты в Москву перестали летать.

Тем временем ученые в США обнаружили в крови людей русского происхождения, которых удалось перехватить на границе, неизвестный вирус, и стало ясно, что эти люди больны. Они больны ностальгией. Они хотят домой.

Государства мира обменивались с Москвой грозными нотами, но притом следует признать, что Кремль был растерян не менее, чем Вашингтон. Ведь одно дело стенать по поводу утечки умов и тел, но совсем другое – получить их обратно в большом избытке. Ведь всех надо кормить и трудоустраивать.

А где найдешь на всех институты, заводы и ночные клубы?

Эта правдивая и жуткая история идет к своему банальному завершению. И чтобы понять, почему конец ее будет банальным, следует вспомнить повесть известного советского писателя Михаила Булгакова «Роковые яйца». Вы ее еще не читали? Там по ошибке из яиц выводятся гигантские пресмыкающиеся, и ничто не может остановить их продвижения к Москве. Читатель живет в напряжении: какой же выход отыщет писатель Булгаков? А он говорит: тут на Москву навалился мороз, очень ранний в том году, и все рептилии и прочие гады на подползе к Москве замерзли.

Правда, потом Булгаков сам признавал, что финал повести неудачен.

Но слово было сказано, пример будущим поколениям писателей преподан.

И если вы ожидаете какого-то парадоксального решения, веселой или трагической авторской находки, я должен предупредить, что вы ее не дождетесь.

Все в жизни бывает проще, чем ожидаешь.

В тот самый день, когда нашествие единоплеменников на Россию было в полном разгаре, профессор Минц стоял в хвосте длинной очереди за молоком. Ведь магазины Гусляра, как вы сами понимаете, не справлялись, и в городе начались случаи нападения на огороды, хотя до дистрофии дело пока не дошло.

Минц в те дни, не обращая внимания на прибавление числа жителей в городе, занимался уже другой, вполне специальной математиче-

ской проблемой, когда к нему, протиснувшись по улице, наполненной народом, приблизился Миша Стендаль.

– Лев Христофорович, – сказал он, – народ в ужасе. Из Москвы идут факсы. Что будем делать?

– Я сделал все, что положено сделать патриоту, – отрезал Минц. – Потерянные соотечественники возвратились. Теперь дайте им смысл в новой жизни, а то уедут.

– Как так уедут? – всполошился Стендаль. – Я ведь завтра в кино иду с Алиной и Энди.

– Кто такой еще Энди?

– Первый муж Алины, – ответил Миша. – Темнокожий боксер. Алина подает на развод, чтобы соединить свою судьбу с моей. Она уже провела последнюю ночь у моего небольшого телескопа.

– Ничего не выйдет, – сказал Минц. – Разве вы не знаете, что жизненный цикл у всей колонии популяции вируса сорок дней? А потом он исчезает. Полностью.

– И что же?

– А то, что у тебя четыре дня, чтобы завоевать сердце твоей Алины. А то улетит.

Минц отвернулся от Стендаля, потому что мысленно вновь погрузился в свои вычисления. Профессор свое сделал, невесту для Стендаля вытребовал, а побочные эффекты... на то они и побочные эффекты, чтобы о них забыть. Великим людям свойственна рассеянность.

Совершенно неожиданно, утром в пятницу, миллионы вернувшихся на родину граждан пробудились ото сна и от наваждения.

Они посмотрели вокруг и на окружающих.

Они сказали себе и окружающим:

– А какого черта я здесь делаю, если мой бизнес в Детройте без меня погиб, а на мое место в вертепе Лас-Вегаса уже взяли Ханку из Катовиц!

И все эти люди, за малым исключением, ринулись к автобусной станции. Но тут же выяснилось, что все они в знак примирения с Россией порвали в клочья свои американские паспорта и внесли свои наличные доллары в Фонд защиты матерей-одиночек.

Несчастные эмигранты стояли толпами на автобусной остановке, и многие рыдали. А коренные жители Гусляра, которые туда-сюда через океан не шастают, стояли вокруг и сочувствовали.

– Допрыгались, – с добрыми улыбками говорили они.

– Ни себе ни людям...

– Привет звездно-полосатому флагу!

И прочие фразы.

В этот момент мимо проходил Ходжа Эскалибур. А может, он проходил не случайно.

Он остановился на краю толпы, от которой исходило напряженное гудение взрослых голосов и писк детских, и стал смотреть на людей любовно, как и положено основателю секты.

– Домой хотите, болезные? – спросил он.

– Разве не видишь? – послышался в ответ общий крик.

– Значит, так, – сказал прорицатель. – Желающие улететь бесплатно в Соединенные Штаты сдают мне по обручальному колечку либо по бранзулетке соответствующей стоимости.

И оказалось, что у каждого нашлось что-то ценное.

Помощницы Ходжи Эскалибура стояли за ним и собирали подношения в корзины.

И надо сказать, что во всех других российских городах, где скопились эмигранты, голограммы Ходжи Эскалибура повторяли его слова и жесты.

Ровно в двенадцать часов Ходжа Эскалибур взмахнул руками, и все россияне, живущие в Америке, превратились в больших морских птиц типа альбатрос.

Ходжа махнул им, и птицы косяками, стаями, а то и полчищами поднялись в небо и взяли курс на Запад.

А в это время Гаврилов с товарищами возвращались с неудачной утренней охоты.

Шум сотен тысяч крыльев как ураган несся над ними.

– Гуси! – закричал Гаврилов и принялся палить по птицам.

К счастью, Ходжа издали увидел, как он поднимает ружье, и навел на него временную слепоту.

Американцы улетели. Без потерь.

Минц этого почти не заметил, потому что был углублен в новую проблему.

«Почти» не означает «совсем».

Все же Минц спросил у Корнелия:

– Куда все американцы делись?

– Их Ходжа в птиц превратил, – сказал Удалов.

– Ну вот! – рассердился Минц. – Это же совершенно антинаучно. А потому импоссибл. Гнать таких жуликов!

Ходжа Эскалибур все слышал и загадочно улыбался.

Пока не известно, волшебник он или инопланетянин. А может, и то и другое. Но людей любит и человечеству помогает.

ХРОНОСПАЙ

Максим Максимович, внук Корнелия Удалова, школьник десяти лет от роду, был недоволен содержанием учебника истории. Об этом он сообщил профессору Минцу.

– Дедушка Лева, – сказал он, – у меня масса сомнений. А у Валентины Семеновны – ни одного.

– Объясни, друг мой, – попросил профессор Минц, гениальный ученый, давно уже проживающий в достойном уединении городка Великий Гусляр.

– Я ее спрашиваю, а правда Иван Сусанин завел в лес целый польский полк интервентов? Она говорит – нет сомнений. А я думаю, чего ж это поляки по собственным следам обратно не вернулись? Тайна? Историческая загадка?

– А в самом деле... – произнес Лев Христофорович. – Что им помешало?

– Ничего!

– Может, вечер наступил? – сказал Минц. – В темноте они и погибли.

– Хорошо, – сказал юный скептик, – но сомнения остаются?

– Остаются.

– Другой пример, – сообщил Максимка. – Татаро-монгольские захватчики завоевали Русь. А Новгород не завоевали. Тоже в лесу заблудились?

– Ну, тому много причин, – сказал неуверенно Лев Христофорович.

– Вечер наступил? – Глаз у школьника был хитрый и даже насмешливый.

И ясно – детям порой надоедает, что взрослые имеют право их учить, хотя сами учились паршиво. Каждый взрослый дурак выпячивает пузо и начинает вещать, как телевизор.

– И много у тебя сомнений? – спросил Минц. Он был поумнее многих взрослых, иначе Максимка и не стал бы с ним советоваться.

– Миллион, – сказал Максимка. – И не знаю, что делать.

– Что же у тебя намечается в четверти по истории? – догадался спросить Лев Христофорович.

– Не исключено, что натяну на трешку, – ответил Максимка. – Но я ни в чем не виноват. Я даже книги исторические читаю. И если бы не было у меня сомнений, мог бы рассчитывать на четыре с плюсом.

– И чего ты от меня хочешь?

– Говорят, что вы большой ученый.

– Я с этим не спорю.

– Вам даже Нобелевскую премию обещали.

– Но, к сожалению, не решили, по какому разряду мне ее дать. Физики, химики и биологи передрались за право выдвинуть меня на эту премию.

Лев Христофорович не лукавил. И в самом деле, слухи о таких спорах и разногласиях до него докатывались.

– Так помогите. А то мне роликов не видать как своих ушей. Даже трояков в четверти предки не дозволяют. Издевательство над честным человеком.

– А как я тебе помогу?

– Сделайте приборчик, чтобы можно было заглянуть в прошлое. Одним глазком. И посмотреть, как все это случилось на самом деле. А в случае необходимости ткнуть носом в правду истории нашу Валентину.

– Во-первых, тыкать носом любимую учительницу – грех, – сказал Минц. – Во-вторых, машина времени в принципе невозможна. И если тебе скажут, что ее уже изобрели, можешь плюнуть в рожу тому человеку.

Тогда будущий историк топнул ножкой и сильно осерчал на профессора Минца, потому что решил, что старик притворяется. Нельзя придумать? А ты постарайся. Так он и сказал профессору:

– Не можете придумать, запрещено, а вы через запрещено!

Минц только усмехнулся.

Но сам крепко задумался.

Если Лев Христофорович крепко задумывался, то миру лучше всего было замереть в ужасе или в предвкушении близкого счастья.

Каких только гениальных открытий или роковых изобретений не рождалось в такие моменты в гениальной голове профессора. И если природа ставит на пути Минца препоны в виде физических запретов, он просто сметает эти запреты.

Разумеется, мы с вами знаем, что путешествие во времени невозможно. И, за редкими исключениями, оно не происходит. Профессор это знает куда лучше нас с вами. Поэтому он ищет и находит обходный маневр. Нельзя путешествовать – значит, можно подглядывать.

Нельзя подглядывать, можно принюхиваться, нельзя нюхать, можно слушать... и так далее.

Не будем углубляться в теорию и практику темпоральных перемещений и псевдоперемещений, просто представьте себе небольшой спутник Земли, который кружится с невероятной скоростью в направлении, противоположном вращению нашей планеты. Через какое-то время он исчезнет с экранов слежения, потому что вкрутится в прошлое. Прибавим скорость – спутник вообще исчезнет.

Должен вам сказать, что профессор Минц в работе над хроноспаем погубил шесть ценнейших спутников и разорил трех или четырех своих спонсоров. Но это не страшно, у него всегда найдутся новые спонсоры, которые отлично понимают, что любое изобретение Льва Христофоровича при определенной смекалке можно поставить на службу своему кошельку и общему прогрессу. Помните, как Минц изобрел краску для стен и потолка, которая ничем не отличается от обычной краски, но ее высохшая поверхность настолько скользкая, что комары не могут удержаться на стене, устают летать и покидают помещение?

Спонсор Пилигримов наладил выпуск этой краски в промышленных масштабах. Ею теперь покрывают высокие заборы кирпичных коттеджей. А в Москве уже красят деревянные поля искусственных катков. И наживают бешеные деньги.

Шесть спутников погубил профессор, но смог заглянуть в недалекое прошлое.

И сильно задумался. Вновь.

Ему бы испугаться, предусмотреть возможности своего изобретения. А он вел себя как любопытный мальчишка. Он встал утром и подумал: что важнее – убедиться в истинности прошлого или заглядывать в будущее? Ведь наша жизнь определяется ключевыми момен-

тами вчерашнего дня. Мы верим или не верим в их истинность, и это – наша жизнь. Будущего не может быть без истинного или ложного прошлого.

Ну ладно, с Иваном Сусаниным все ясно – независимо от результатов его подвига поляки все равно потерпят поражение и прах Лжедмитрия будет развеян из пушки. Но что касается других, может, не столь широко известных событий, то их истинность, по крайней мере, попортит кому-то кровь. Например... например, скажите, кто поджег берлинский рейхстаг в 1933 году, что позволило Гитлеру обвинить в поджоге коммунистов и захватить власть с последующими грустными результатами?

Конечно, изображение с микроспутника не идеальное и многое приходится домысливать, но давайте заглянем в ту самую ночь 27 февраля. В центр Берлина. Кто там крадется к рейхстагу с канистрой бензина? Неужели сам Геринг? Ну, теперь защитникам фашизма не отвертеться!

Радость Минца по поводу возможностей его открытия росла с каждой минутой.

Что нам неизвестно, но требуется узнать? Посмотрим, своей ли смертью умер Александр Македонский? А Юлий Цезарь?

Нет, куда интереснее узнать, укусила Клеопатра себя за руку ядовитой змеей или это легенда.

Значит, отправляемся в Древний Египет. Но дайте мне дату! Не дают даты. А что нам подскажет энциклопедия? Господи, в ней по крайней мере семь разных Клеопатр! И нужная нам, седьмая, – уродливее всех. Это надо же быть такой некрасивой красавицей!

Минц разочаровался в Клеопатре по прозвищу Филопатра и увлекся Клеопатрой Теа – его поразил на снимке чувственный и капризный рот царицы Египта. Затем ему захотелось узнать побольше о хорошенькой Клеопатре Первой, которая, как стало известно, приходилась женой Птолемею V.

Так и день прошел.

Минц немало узнал о нравах в Египте и Сирии на рубеже нашей эры, но ничуть не продвинулся в своих исторических открытиях.

На следующее утро Минца посетила Лика Пилигримова, предыдущая жена спонсора. Она нуждалась в деньгах, потому что после развода Пилигримов перестал ей платить алименты и даже раза два

посылал к ней киллеров. Но нужно знать Лику, чтобы понять – эти киллеры кончили свои дни в канавах, а сам Пилигримов, собрав что успел из своих миллионов, рванул на Капри.

– Привет, дедушка! – воскликнула Лика.

Она вошла в кабинет великого ученого и повела плечами мастера спорта по плаванию брассом. Потом сбросила туфли с ног женщины-штангистки и прижала Минца руками акробатки к груди кормящей неандерталки. Притом следует признать, что Лика не лишена скромной женской прелести, недаром она ведет прогноз погоды на местном телевидении.

– Чего изобрел, Лева? – спросила Лика, отпустив Минца на волю и закуривая сигару. – Мне бабки нужны до полного капута. Дай нажить миллион.

– Нет, – сказал Минц, гладя коленку своей любимой Лики. – Мое новое изобретение некоммерческое. Оно должно помочь школьникам одолеть историю.

– Поведай, не стесняйся! – взмолилась Лика. – А вдруг я чего смогу из него высосать?

– На этом экранчике, – сказал Минц, – ты можешь увидеть то, что наблюдает в данный момент мой хроноспай.

– Это еще что за чувак?

– Хроно означает на древнегреческом время. Хронос. А спай – по-английски шпион. То есть все вместе – временной шпион.

– Ага. И на разных языках, чтобы никто не догадался. И кончай меня щипать, старый греховодник!

– Я не щипал, я гладил, – поправил женщину Минц.

– И что же ты смотришь ради несчастных школьников?

– Я могу проверить любой момент прошлого, – пояснил Минц. – Стоит только настроить хроноспай на нужный объект, и мы все увидим. А знаешь, Лика, порой это даже важнее, чем заглядывать в будущее.

– Ну, не скажи. В прошлом я уже все купила и всем отдалась. А в будущем меня ждет принц в волшебном замке. Две большие разницы.

– А я полагаю, – сказал Минц, – что некоторым людям хочется узнать прошлое, а другие заинтересованы в том, чтобы его утаить.

– Это какие же люди?

– Во-первых, историки, – сказал Минц.

И тут его посетила великолепная мысль.

– А во-вторых, следователи и сыщики! И не надо будет теперь разгадывать преступления. Достаточно взглянуть на преступление с птичьего полета – и дело сделано. Можешь передавать убийцу в суд.

– Что-то ты глупое несешь, – произнесла Лика. – Кто тебе поверит?

– А верить и не надо. Пленка с этого экрана будет признана судебной уликой. В конце концов, всегда можно повторить подсматривание прямо в зале суда.

– Ловко, – сказала Лика. – Может, это поважнее, чем детские уроки истории.

– А представь себе, – все более распалялся Лев Христофорович, – что теперь будут упрощены поиски кладов! Допустим, зарыл Степан Разин сокровища персидской княжны под своим одноименным утесом. Мы с тобой заглядываем в тот момент прошлого и видим – ага, вот они, под тем лежачим камнем! И сокровища наши.

– Славно, – согласилась с Минцем Лика. – Но не очень интересно.

Хоть Лика и была на редкость корыстной женщиной, но в ней жила и другая натура, а именно – романтическая.

– Что же неинтересного? – удивился Минц. – Что может быть интереснее подвигов капитана Кидда или сокровищ Александра Македонского?

– Жизнь, – ответила Лика. – Любовь.

Она шумно вздохнула. Поднявшийся вихрь смел со стола бумаги профессора.

– Конкретнее, – потребовал Минц.

– Можно и конкретнее. Хочу проверить, была ли на самом деле та персидская княжна и правда ли, что дружки-гомосексуалисты из ближайшего окружения народного героя заставили его выбросить девушку за борт.

Минц почесал лысину.

– Главная проблема, с которой мы сталкиваемся, – сообщил он, – это определение места и времени события. Для этого мною создана поисковая система. Был бы известен год и страна – остальное микроспутник сам вычислит. Год нам известен – о нем поведал парусный мастер голландец Ян Стрейсс, попавший в Астрахань именно в те

дни и слышавший эту легенду из уст самого Степана Разина... Так что набираем...

– Вы осторожнее, Лев Христофорович! – Лика почему-то оробела перед лицом всевластия науки.

– Чего вы боитесь?

– А звук будет? – ушла от ответа Лика.

– Спутник считывает текст по губам, так что он не может передать интонацию или тембр голоса, но смысл – пожалуйста.

Вдруг небольшой дисплей загорелся зеленым сиянием, и по нему побежали полосы.

– Есть тонкая настройка! – воскликнул Минц.

Весь экран заняла ладья, обычная ладья, на каковых любил ходить в походы Степан Разин, казак и народный повстанец.

В центре сидел, подпершись могучей рукой и склонив голову, с печалью во взоре народный вождь.

У его ног, глядя преданно и любовно, примостилась несказанной красоты восточная девушка в синих шальварах и белом бюстгальтере. Ее вороные волосы волнами ниспадали из-под круглой расшитой жемчугом шляпки.

За спиной атамана и по бокам от влюбленной пары сидели казаки дикого вида. Некоторые гребли, другие чистили оружие или бездельничали. Со стороны последних и слышался ропот. Камера как бы прошлась по их лицам, отмеченным печатями различных пороков.

– Ой, – прошептала Лика. – Какая романтика.

Тем временем включился звук, и ровный бесстрастный голос машины стал озвучивать высказывания спутников Разина, тогда как Лев Христофорович и Лика имели возможность наблюдать за говорившими.

– Ох и не прав ты, атаман!

– Нас на бабу променял.

– Вчера детский приют пожалел, не ограбил, куда это годится?

– Нас на бабу променял! Забыл обо всем!

– Вот именно, забыл о ночах любви со старыми товарищами!

– Сам наутро бабой стал.

Тут не выдержал и Степан Разин.

– Последнее высказывание меня возмущает, – сказал он. – Этого со мной не будет никогда!

– И слава богу, – поддержала возлюбленного персидская княжна. – У нас со Степаном Тимофеевичем любовь!

– Этого еще не хватало!

– А кто будет холопов из неволи освобождать?

– А кто возглавит сопротивление царским сатрапам?

– И не исключено, что эта княжна – агент иноземного влияния.

Степан Разин еще более закручинился.

– Что же мне делать, братья? Возлюбленные мои?

Раздались разрозненные голоса:

– За борт ее!

– В набежавшую волну!

– И тут же – в поход на Москву!

Разин сопротивлялся.

– Во-первых, – сказал он, – княжна хороший товарищ и сладкая женщина. Во-вторых, нам дороги добрососедские отношения с Персией.

– Надо, Степа! – был ответом хоровой крик.

– Ну, если надо, – глубоко вздохнул Степан Разин, – то делать нечего. Ты хоть плавать умеешь?

– Откуда мне в гареме плавать научиться? – удивилась княжна. – Для меня фонтан был крупнейшим водоемом.

– Так ты потонуть можешь, – сказал Разин.

– Вот именно! Пускай тонет! – закричали товарищи-казаки.

– Ну, не поминай лихом, – сказал Разин и обхватил княжну обеими руками.

Княжна приникла к его губам в прощальном поцелуе. Степан стал подталкивать девушку к борту. И, когда борт был близок, он толкнул девушку, но при этом он не прекращал рыдать и мучиться.

– Ах ты, гяур вонючий! – возопила княжна и дала Степану Разину тяжелую пощечину.

В этом месте показа женщина Лика закричала:

– Так его! Всем им так будет!

Степан Разин схватился за щеку и отпрянул.

Другие казаки кинулись на девушку, желая ее утопить.

Ох и отбивалась княжна! Руками, ногами, когтями, зубами!

В конце концов казаки отступили и принялись вытаскивать пистоли и пищали.

Не ожидая расправы, персидская княжна кинулась в воду.

Она гребла одной рукой и кричала:

– Да умею я плавать, умею! Каспийское море туда и обратно переплывала. А вы поглядите, не пропало ли чего на борту, кроме чести?

Казаки сразу поверили княжне, хоть она оказалась обманщицей. Ее топили, а она не потонула.

Пока искали и друг дружке мешали, княжна вылезла на берег под высокий обрыв утеса имени Стеньки Разина. Она подняла левую руку. В ней был зажат небольшой мешочек.

– Вот, – крикнула она, – вот она, ваша разбойничья казна, ваши драгоценные камешки, отнятые у свободолюбивого и трудолюбивого персидского народа!

– Держи ее! – Казаки стали грести к берегу. Но княжна пропала.

И над голосами, стонами и ругательствами казаков поднялся голос, очевидно, принадлежавший Степану Разину:

– Чтобы никому об инциденте ни слова! Утопили, и дело с концом. Пускай о нас песни слагают. Иначе позора не оберешься.

Экран погас.

– Убедительно? – спросил профессор Минц.

– Убедительно, – вздохнула Лика. – А Непорочное зачатие показать сможете?

– Ты с ума сошла! Это же ночью было, в темноте.

И Лика согласилась со Львом Христофоровичем. Они принялись думать, на какой бы еще спорный момент истории им взглянуть. Может, на Финляндский вокзал, когда Ильич с броневика призывал к революции. Или посмотреть, своей ли смертью умер Иосиф Виссарионович Сталин.

Они так увлеклись забавной беседой, что не заметили, как вошла Ксения Удалова. Она искала своего мужа Корнелия, но ее заинтересовала беседа.

– А ну-ка, – сказала она, – шутки ради погляди, чем занимался мой Корнелий в четверг в восемь часов утра.

– Пожалуйста, – пошутил в ответ Минц. Он понимал, что ничего предосудительного в восемь утра Удалов делать не мог.

Нашли Удалова.

Оказывается, состав преступления был налицо, и Минц предал лучшего друга!

Экранчик показал, что Удалов сидит на толчке и, достав из-за сливного бачка конверт, пересчитывает заначку, отложенную на новый спиннинг.

– Именно так! – сказала Немезида-Ксения и удалилась. На ходу она с отвращением повторяла: – Отнять у семьи, ограбить внучонка! Нет такому пощады!

– Ничего, – сказала Лика, – отбрешется твой Корнелий. А вот мне куда важнее узнать – мой петушок в самом деле на стрелку ездил на той неделе или с Маргошкой забавлялся?

– Всё, – произнес тогда Минц. – Сеанс окончен, дети идут по кроваткам. Я не намерен потакать вздорным женским слабостям.

Лика ушла оскорбленная.

Со второго этажа доносились крики и звуки падения мебели – Удаловы выясняли отношения.

Изобретение профессора Минца уже начало давать горькие и даже бесполезные плоды.

Перед сном Минц еще побаловался немного в одиночестве. Ему обязательно захотелось узнать, кто поджег в прошлом году на выборах мэра детскую библиотеку. За что демократа Дудкина сняли с выборной гонки. Ведь у него дома нашли спички и книжку «Приключения Травки», которую сочли пропагандой наркомании.

Видимость была ночная, неясная, поджигали на экране библиотеку совсем иные люди во главе с известным детским поэтом-песенником Мишкой Сорокиным и председательницей фонда «Счастливое детство» Марфой Сорокиной. За их спинами с канистрой в руках маячил нынешний мэр Гусляра...

– Нет, – не поверил своим глазам Минц. – Даже наша система может давать сбой.

Пока он смеялся, оскорбленная Лика сидела в ночном клубе «Пуля Дантеса», пила кампари в компании Мишки Сорокина и ругала Минца последними словами. Мишка, как вы, может, знаете, и был петушком Лики, но нередко изменял ей, выполняя общественный долг.

Потом Минц пошел спать, думая, что завтра собственными глазами увидит последнего неандертальца, а Лика перешла в казино «Последний рейс старого фрегата», стала там пить мартини в обществе Соли Шустера и спрашивать его:

– Нет, ты скажи, интересно будет еврейскому народу увидеть, что делал ваш Моисей на Синайских горах и как он ходил вброд через Суэцкий канал? Вот обхохочешься!

Минц видел себя во сне выдирающим гадюку из слабой руки Клеопатры, очень похожей на его первую любовь Верочку Н., а Лика тем временем встречала рассвет на веранде ночной закусочной «Вокзал на троих», где исповедалась бывшему члену бюро горкома, а ныне хозяину магазина «Только для взрослых» Варамееву Г. Ф., уверяя, что завтра уже можно будет поприсутствовать на заседании Политбюро ЦК КПСС, принимавшего решение о вводе в Афганистан ограниченного контингента.

Так прошла ночь у главных героев этой смешной истории.

Минц проснулся рано.

И подумал: «Что же я такой счастливый?»

Потом вспомнил: «Я принес человечеству историческую правду! Человечество утыкает памятниками мне все населенные пункты».

«С чего начнем день?» – спросил сам себя профессор Минц.

И тут услышал над головой, на втором этаже глухой тяжелый удар. Старенький деревянный дом барачного типа содрогнулся.

«Что бы это могло быть?» – подумал Минц.

А это упал на пол Корнелий Удалов, который пытался повеситься не в силах выдерживать скандалов с женой. Но веревка была слаба для такого плотного тела и оборвалась.

А Минц подумал, что это Ксения во сне с кровати бухнулась.

И засмеялся.

Он помылся, почистил зубы и все думал о том, какую радость он несет людям.

Потом вспомнил: надо за молоком сходить.

Минц открыл дверь и вышел, но в дверях развязался шнурок, и Минц присел на карточки, чтобы его завязать.

Это Минца и спасло.

Потому что очередь из автомата, направленная ему в сердце, просвистела как раз над головой.

Это вела прицельный огонь охрана благотворительного фонда «Счастливое детство».

Рядом с ухом в косяк двери вонзились пистолетные пули, направленные рукой владельца ночного клуба «Пуля Дантеса» Мишки Со-

рокина, который когда-то украл ноты всех своих песен у композитора Шаинского.

Бутылка соляной кислоты разбилась чуть в стороне. Прицел Соли Шустера был неверен.

И тут взорвалась граната, брошенная лично мэром города, известным борцом с терроризмом, имя которого вам и без меня известно.

Так что делегации от бывшей компартии, пришедшей водрузить красное знамя над руинами рейхстага, пришлось пролежать некоторое время в пыли рядом с Минцем, потому что их всех накрыло взрывной волной.

Разумеется, от изобретения Льва Христофоровича остались лишь рожки. Даже ножек не нашли.

Самого Минца Лика вынесла с поля боя и утешала в своей однокомнатной горенке.

Минц буквально плакал.

– Я же хотел открыть им всем глаза! – повторял он.

– А ты в следующий раз раскрывай глаза родственникам Клеопатры, но в наши дела не лезь.

– Неужели людям не нужна правда?

– Нам нужна правда про соседа, – ответила Лика. – Но уже про собственного мужа никто из нас не желает знать всей правды. А правду о себе не решится опубликовать ни один человек.

– Но я готов! – закричал Минц.

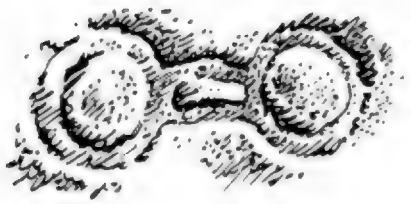
Может, он закричал оттого, что Лика мазала йодом его спину.

– Значит, не быть тебе политиком или просто великим человеком, – сказала Лика. – Жизнь у тебя была скучной и нетворческой. Ты даже не украл ничего толком.

– Может, и украл, – вяло ответил Лев Христофорович.

И только тогда он понял, к краю какой бездонной пропасти он подвел вчера человечество.

– Знать бы, кто гранату метнул, – произнес он, – сказал бы ему спасибо.



ВАС МНОГО – Я ОДНА...

По сути своей эта история забавна – в такие обычно и попадает Корнелий Иванович Удалов. Но для действующих лиц она смешной не показалась...

Смиряясь со своей участью, Удалов все же считал, что стыдно и обидно помирать в такой тесной и маленькой камере смертников, какой ему казалась спасательная капсула. А капсула эта уже выработала свой ресурс и намеревалась отключить системы жизнеобеспечения, о чем откровенно сообщила искалеченному Удалову. Однако тот не услышал угрозы, так как впадал в беспамятство. Потом он спохватился и попросил капсулу отложить казнь, потому что не успел завершить некоторые ценные мысли, касавшиеся жизни города Великий Гусляр. Словно додумав, он мог зафиксировать их на золотых скрижалях в память потомкам... Затем Удалов вновь потерял сознание, что неудивительно. А пока он находился в забытьи, капсула к собственному удивлению зафиксировала материальный объект, который вдруг очутился в пределах ее досягаемости. Оказалось, что он не только реален, но и снабжен сигнальной системой, которая сообщала: «Добро пожаловать. Мы поможем». Капсула сообщила Удалову, которому и дела уже не было до сигналов, что происхождение объекта неизвестно, конструкция полая, внутри положительная температура...

Из последних сил капсула долетела до объекта и отключилась. Но прежде, чем ей пришлось рассыпаться, она сумела передать погибающего Удалова длинным манипуляторам встреченного объекта. Манипуляторы бережно перенесли Удалова внутрь. Капсула взорвалась безопасным, но ярким фонтаном титановых искр. Объект, который мы будем далее называть «Избушкой», продолжил свой полет.

Удалов узнавал об Избушке постепенно, по мере того, как выздоравливал, хотя, как утверждала сама Избушка, бывшая разумным кораблем, шансов на выздоровление у него не было. И это было не столько последствием катастрофы, постигшей лайнер «Окружность», сколько результатом длительного путешествия в спасательной капсуле, которая рассчитана лишь на перенос человеческого тела с погибшего корабля на какой-нибудь соседний.

Придя в себя, Удалов был несколько удручен стерильной чистотой и пустотой Избушки. Серебристые, матовые стены были лишены

украшений, светильники были круглыми, мебель почти отсутствовала, а если надо, то выдвигалась из стен или пола, там же пропадала за ненадобностью. Еда, хотя Удалов далеко не сразу почувствовал в ней потребность, возникала в углублениях стола, а сами углубления появлялись как раз перед обедом. Впрочем, Удалов, когда стал передвигаться, освоил лишь центральную, главную комнату Избушки, двери в остальные помещения не открывались.

– Почему? – спросил Корнелий Иванович.

– Вам туда не нужно, – ответила Избушка. Голос у нее был негромкий, увесистый и солидный – учительский – но звучал он не снаружи, а внутри удаловской головы.

– Я горжусь вами, – сказала как-то Избушка. – В моей практике еще не встречалось такого сложного, безнадежного случая. Поздравляю вас, Корнелий Иванович.

– А шрамов не останется?

– Смешной вопрос, – заметила Избушка. – Какое вам дело до шрамов, если вам давно уже пора на пенсию.

– Вы не представляете, – улыбнулся Удалов, – какой скандал мне закатит Ксения, когда увидит неучтенные шрамы.

– Ах, как это смешно! – засмеялась Избушка. – Она их считает?

– Не сами шрамы интересуют Ксению, а личность, которая их мне нанесла.

– Я могу вам дать справку, – сказала Избушка.

Они летели к Бете Кита, возле которой Удалову можно было пересесть на рейсовый корабль, идущий к Солнечной системе.

– А вы не можете свет немного прибавить? – сказал Удалов. – Живем в полумраке, даже зеркала нет.

– Такого слова в словаре не имеется, – сказала Избушка. Разумеется, зеркала самой Избушке не нужны. Но на ней же бывают пассажиры!

– Пассажиры бывают редко, – призналась Избушка. – Нас раскидали по космическим трассам несколько лет назад, но спасать некого. Потому что почти всегда при космических крушениях никого не остается в живых. Спасти же человека и еще вернуть его в приемлемое состояние – замечательная тема для диссертации.

– Ах, вы еще и диссертации пишете! – воскликнул Удалов, которого начало тяготить пребывание в утробе. Выздоравливая, он обна-

ружил, что принципиальной разницы между спасательной капсулой и Избушкой нет, к тому же капсула была родная, земная, хоть и умственно неполноценная. А здесь ты сидишь в утробе вполне сознательного существа, а психология его – космически чуждая!

– Я ищу аналоги в вашей лексике, – ответила Избушка. – Для того чтобы спасти попавшего ко мне человека, я должна в совершенстве изучить его язык. Так что, пока вы были еще в бессознательном состоянии, я проникла к вам в мозг и изъяла из него всю информацию.

– А не повредила?

– Наш лозунг – не навреди. Ассоциация домов спасения еще не покалечила ни одного пациента. Впрочем, в вашем мозгу не обнаружилось ничего, достойного изучения или зависти.

– Обидно, – признался Удалов. Хотя хвала или хула Избушки его мало трогала. У них здесь совсем другие правила жизни.

Ему хотелось почитать или, по крайней мере, посмотреть телевизор. Ему желательно было попробовать нормальной пищи, картошечки, например, а не сиропов неясного вкуса или протертых медуз в башлыке из цветной капусты, которая вовсе не капуста, а гребешок пахотки восковой... Ему хотелось снять, наконец, липучие перчатки оттенка лягушачьего живота, которые защищали от вредных воздействий недавно восстановленную кожу.

– Хотите, я усыплю вас? – спросила Избушка. – Чтобы путешествие к родным пенатам не казалось вам таким долгим и утомительным.

– Не исключено, – отвечал Удалов. – Гуманизм ваш просто трогает до слез...

– К сожалению, не все в моих силах, – отвечала Избушка. – Ведь я, в первую очередь, дом, я место, куда стремится каждый человек, и лишь затем я целитель, утешитель и искатель смысла жизни.

– Тогда я посплю, пока не доберемся до Беты Кита, – согласился Удалов.

– А я тем временем завершу терапию, – сказала Избушка.

– А вам не бывает скучно? – спросил Удалов.

– Как можно скучать, если ты на работе? – удивилась Избушка. – Ведь я буду занята. Надо привести ваше тело в точное соответствие со стандартами красоты и здоровья.

И Удалов заснул. И спал, пока они не приблизились к нужной звезде...

Удалов очнулся от ощущения счастья, которое бывает, если ваше тело абсолютно здорово и молодо, и ни одна даже мелкая болезнь его еще не коснулась. Такого с Удаловым не было уже лет двадцать.

Свет в Избушке горел ярче, чем обычно. В стенах каюты образовались иллюминаторы, за которыми поблескивали звезды, а это означало, что скорость Избушки снизилась настолько, что можно пользоваться невооруженным глазом. Что Удалов и сделал, принявшись любоваться видами цивилизованных миров. Потом собрался привести себя в порядок перед посадкой, вычистить восстановленные зубы, причесаться, помыться, побриться... Ничего подобного он не сделал. Потому что в туалете, над умывальником висело зеркало. Лгал, оказывается, домик! И ясно, почему.

Удалов себя не узнал, потому что на него глазело существо... отдаленно похожее на человека, может, даже разумное, но, конечно же, таких на Земле не водилось. Начнем с того, что лицо и руки Удалова были покрыты не кожей, а голубоватой чешуей, глаза были подобны стрекозиным, над голой головой возвышался роговой гребень, вместо носа была дырка, а рот был подобен отверстию в почтовом ящике. Кстати, пальцев было шесть. На правой руке. Четыре – на левой...

Наверное, можно было бы увидеть еще немало любопытного, но Удалов так завопил, так забил синим хвостом, что непрочное зеркало лопнуло и осыпалось на пол крупными льдинками.

– Что случилось? – лицемерным голосом спросила Избушка. – Вы чем-то смущены? – Удалов безуспешно пытался содрать с себя чешую.

– У меня не было выхода, – сказала Избушка.

– Почему ты не сказала! Лучше смерть, чем этот маскарад!

– Постыдитесь, спасенный! Смерть всегда хуже.

– Но за что?

– Валерьянка на столике справа от вас, – сказала Избушка, – там же стакан коньяка.

– Анестезия? – мрачно спросил Удалов.

– Как можно путать амнезию и анестезию! – упрекнул Удалова домик. – Коньяк подают для забвения.

Но Удалов все равно не мог прийти в себя, даже после приема стакана коньяка – ведь стакан-то он держал в голубой лапе, а вливал жидкость в почтовый ящик.

– За что? – тупо повторял он. – Как это могло случиться?

– Странно, что внешний вид, который настолько отличается к лучшему от вашего предыдущего облика, – сказала Избушка, – вас не устраивает. Видно, вы извращенец.

– Внешний вид? – разозлился Удалов. – Хуже чем в зоопарке. Почему вы не могли мне оставить то, что было раньше?

– Там немного оставалось...

– Пускай немного... Но ведь осталось!

Стакан незаметно для Удалова вновь наполнился коньяком, но Корнелий Иванович отбросил выпивку в сторону и сказал:

– Голова должна быть незамутненной.

Этим он огорчил Избушку. Видно, ей было выгодней беседовать с пьяным Удаловым.

– Прошу объяснений, – сказало голубое, покрытое чешуей существо ростом по пояс нормальному человеку. – Иначе я вас по судам затаскаю. Вы проклянете тот день, компрачикосы, когда подняли руку на земного представителя! Знаете ли вы, что в случае угрозы любому землянину, вся наша планета от мала до велика встает на его защиту?

– Послушайте, не горячитесь, – сказала Избушка. – Уже много лет назад правительство Варанелецкой федерации разослало в разные концы нашего сектора Галактики Избушки вроде меня. В случае если кто-то из варанелецев потерпит бедствие или попадет в беду – мы ждем, мы готовы, мы всегда окажем помощь.

– Но я же не ваш... варанелец!

– Этого я не знала. И мои конструкторы этого предусмотреть не могли. Известно ли вам, уважаемый Корнелий Иванович, что в нашей Галактике насчитывается чуть больше шести тысяч различных цивилизаций? И почти все их представители устроены различно. Что нам делать?

– Что делать? – повторил вопрос Удалов. Он не знал, что делать.

– Я дом. Моя функция – защита и спасение. Я не могу никому отказать в помощи, – продолжала Избушка. – Но как я могу помочь жидкому фаримстоуну или личинке прафутеля? Как, если про эту личинку известно только, что она – фукает? Фукающий прафутель! Это же неприлично! Учтите, Удалов, я никогда в жизни не видела землянина. Я не знала, где у землянина сердце – в груди или в правом бедре.

– Ну, скажете такое! Разумеется, в груди!

– Для меня это не разумелось. Для меня было совершенным открытием, что «квас» пишется слитно, а «к вам» – раздельно... Конечно, мы могли бы отказывать в помощи чуждым существам. Но тогда мы должны отказаться от слова «гуманизм», мы должны отказаться от слова «дом», «убежище», «избушка»... И мы говорили себе: попал к нам под крышу, мы вернем тебя к жизни. Но раз вас так много, а я, Избушка, одна, то по мере лечения я превращаю вас в чудесного, красивого варанелеца! И лечу уже не уродливого землянина, а представителя высшей расы...

– А почему бы теперь меня обратно не превратить в человека?

– Я дом! Я убежище. Я тебя спасла и сделала лучше, чем прежде, но я не представляю себе, каким ты был до катастрофы. Принцип любого дома: я сделаю тебя таким, чтобы тебе было приятно и уютно находиться внутри меня.

Это заявление, хоть и несло в себе претензии на философское обобщение, Удалова не удовлетворило. Он почуял в голосе Избушки некую отстраненность, словно дому, спасшему и выходившему его, и дела не было до его дальнейшей судьбы. Хотя бы потому, что Избушка, воспитанная на фотографиях варанелецких кинозвезд, была уверена, что Удалов должен быть счастлив... Как Иван-дурак из русской сказки, прошедший кипящие воды и ставший царевичем.

– Кто поможет, кто поможет? – повторял уныло Удалов, уткнувшись чешуйчатой рожей в холодное стекло иллюминатора. А там, на подлете к межпланетному космопорту уже вспыхивали и таяли в черном небе огни реклам и бежали строчки новостей.

– Ваши врачи и помогут, – буркнула Избушка. – Мне грустно, что вы не осознали высокую абстракцию моих тезисов: настоящий дом призван не только сохранять и беречь человека, но и совершенствовать его, улучшать...

Тут Избушка качнулась, ударившись о причал. Путешествие закончилось. Удалов был тих и задумчив. Он послушно написал благодарственные слова в «Книге отзывов, жалоб и предложений» Избушки, оставил адрес районного Сбербанка на случай возникновения имущественных проблем и, закутавшись в плащ, подаренный его спасителем и мучителем, пошел на пограничный контроль.

К счастью, при виде него трехметровые рогатые пограничники вытянулись по стойке смирно и хором сказали:

– Паспорта варанелецев принципиально не проверяем...

Из чего Удалов заключил, что принадлежит отныне к могущественной, но не очень приятной расе.

Из космопорта Удалов сразу кинулся в земное посольство. Свои поймут и помогут. Посольство располагалось на тихой, запорошенной ранним снегом горбатой улице. Неба в этом районе не было видно из-за реклам. Когда он подошел к лестнице, ведущей к парадной двери, навстречу спускались два обыкновенных, милых на вид человека, из командировочных. Земляне.

При виде Удалова они замедлили шаги, а тот, забыв о собственном облике, воскликнул:

– Привет, земляки!

Его возглас прозвучал невнятно и приглушенно, потому что речевой аппарат варанелеца для наших звуков не приспособлен. Земляне замерли, а потом быстро побежали – так, чтобы между ними и чешуйчатым коротышкой оставалось не меньше двух метров.

Робот-швейцар распахнул дверь и склонился в поклоне.

– Добро пожаловать!

Внутри было прохладно и просторно. Скупо поблескивали мраморные полы и стены... Некогда это строение принадлежало местному князю Бору-Бару, который влюбился в нашу балеринку Настю и подарил особняк ей. Бору-Бару разорился и повесился, Настя решила вернуться домой, в деревню, к маме, но ей было сказано, что придется сделать дар родине – особняк. Может возникнуть вопрос, когда же это все было, если Удалов – наш с вами современник? Но ведь время движется по кривым, и от этого оно различно течет в разных местах Космоса. Таким образом оказалось, что посольство было укомплектовано торгпредами и стукачами задолго до войны Веллингтона с Наполеоном. А на некоторых других планетах, может быть, думают, что Земля еще не покинула каменный век...

Удалов, имевший некоторый опыт путешествий между звезд, знаком с этим коварным обычаем времени и потому, несмотря на то, что он живет на рубеже XXI земного века, всегда ищет на чужих планетах земляков-дипломатов. Правда, говорят, в этом таится и опасность для Министерства. Ведь иногда бумагам приходится отлеживаться по сто лет, а иногда, наоборот, они оказываются безнадежно устаревшими еще до того, как их кто-нибудь умудрится прочесть или даже написать.

Удалов спросил у робота:

– Как пройти к консулу?

– К какому консулу, ваше благородие! – удивился робот. – Вас уже посол ожидает.

И на самом деле, посол бежал по коридору навстречу Удалову, застегивая на ходу синий мидовский мундир.

– Какое счастье! – воскликнул он. – Лично! К нам! Господин варанелец собственной персоной!

Удалову не понравился посол – перед кем заискивать захотел! Роняет достоинство нашей планеты. Поэтому он сказал прямо:

– Никакой я не варанелец, а жертва ихнего заговора. Под предлогом спасения моего тела они пошли на его подмену!

– Ах, не надо шутить, – ответил посол и, подхватив Удалова под мышку, повлек к себе в кабинет, где уже стол стоял, яствами накрыт.

– Да погодите вы! – сердился Удалов, чем все более ввергал посла в тревожное состояние. – Мне нужна клиника и материальная помощь.

– Ах, помощь! – посол втащил в комнату свою элегантную, схожую с анакондой супругу, которая возвышалась над Корнелием, как Пизанская башня над землянкой. – Ах, помощь!..

Из-за пазухи мундира посол вытащил пачку кредитов. Не считая, протянул Удалову и спросил:

– Устроит?

– Спасибо.

Удалов положил деньги себе в карман и спросил:

– А что вы так суетитесь? Чем эти варанелецы вам страшны?

– Ах, оставьте ваши шутки, – сказала посольская анаконда. – Вся Галактика трепещет при одном упоминании о вашем имени, самые гордые выи склоняются униженно в поклонах, когда слышат о вашем приближении. Покоренные вами миры спешат принести вам дань – невинных девушек и белых быков, сартинций и минский фарфор... Любая девушка нашей несчастной небогатой Земли рада была бы провести хотя бы десять минут у ваших ног...

– Только не это! – Удалов принялся поднимать анаконду с пола, но в этом не преуспел, потому что анаконда подниматься не желала. Он сам в результате упал, деньги высыпались из кармана, а посол ни ему, ни жене не помогал, потому что был рад тому, что между ними установились какие-то связи.

Удалову так и не удалось доказать посланцам нашей планеты, что он скромный пенсионер из Великого Гусляра. Потому что посол с послицей глядели на него, а видели перед собой представителя самой лучшей, нахальной и агрессивной цивилизации во Вселенной, которая настолько запугала ближних и дальних соседей, что все были готовы сдаться ей в плен, хотя варанелецы никого в плен не брали. Ну, хоть бы у него какой-нибудь документ был, с печатью!

Больше того, пришлось смириться с тем, что посол устроил обед. Ведь Удалов оказался первым варанелецем, посетившим земное посольство с неофициальным визитом. Неудивительно, что пригласили повара из ресторана «Только для чистых», и Удалов ел пышных крафний и соленых дрезит. Хорошо еще, что при переделке организма Избушка и пищеварительную систему сотворила как надо. Ихнюю.

По ходу обеда посол все пытался выяснить, будут нас завоевывать варанелецы или погодят. В конце концов Удалов сдался и пригрозил вскорости завоевать Землю.

– Ну вот, – взмахнула дрожащим пальчиком анаконда, – а вы притворялись каким-то Удаловым! Я сразу догадалась – ни один землянин не смог бы жрать эту отраву, которую вы уплетаете за обе щеки.

– Марфа! – возопил посол.

Но анаконда уже не слышала его.

– Я разговариваю с повелителем, – сказала она Удалову. – И это меня волнует.

После обеда анаконда пошла показывать Удалову место его отдыха.

Ему была выделена Спальня Для Государственных Персон. Анаконда пожелала разделить ложе с гостем – она ласкала его чешуйки, повизгивала и все пыталась, как и принято у анаконд, задушить Удалова в своих объятиях. Но варанелеца так просто не задушишь – шкура у них покрепче, чем у людей, так что анаконда только оцарапала себе руки о голубые щеки Удалова.

Когда, сраженная своим поражением, жена посла удалилась, а ее муж уселся писать отчет о достигнутой дипломатической победе, Удалов тихонько поднялся с кровати, сделал несколько шагов к двери и замер в ужасе.

Попался!

На него смотрело ужасное существо, хуже любой жабы или варана. К тому же голубое. И тут до Удалова дошло, что дверь попалась

зеркальная и он увидел в ней самого себя. Удалов принялся смеяться, а потом стал рассуждать, в какую сторону двигаться, чтобы снова не угодить в лапы единоплеменников.

Он шел на цыпочках. Навстречу ему попалась миловидная девушка.

– Не бойтесь! – сказал негромко Удалов. – Я не кусаюсь...

Но девушка не дала ему возможности объяснить, что он стремится отыскать больницу, чтобы вернуться в первоначальный вид, потому что она негромко завопила:

– Керриу Фигер! О, Керриу Фигер!

Она протянула Удалову блокнот с гербом ООН на обложке и, открыв на чистой странице, прошептала:

– Автограф, короткий автограф и ни слова больше.

– Я не Керриу, – сказал Удалов.

– Мне лучше знать, кумир! – девушка была непреклонна. – Я собираю твои открытки!

– Ну с чего вы так решили? Я вообще не имею отношения к талантам, будучи человеком средним даже в масштабах моего родного города.

Девушка выскочила следом за Удаловым на темнеющую улицу.

– Где здесь больница? – спросил ее Удалов.

– Какая больница?

– Чтобы мне вернули свой облик.

– О, мой кумир! Твой облик – само совершенство.

– Да что вы все с ума, что ли, посходили! Хожу как мымра синезадая, а вы мне глупости говорите!

– Я не притворяюсь, господин моего сердца, повелитель моего взора! Вы и есть – идеал моей красоты. Как я мечтала бы обладать таким прекрасным телом!

Удалов прислонился к стене дома – такого он не мог пережить. Милая российская девчушка – ладная фигурка, серые глазки, русые косы – и хочет такого!

– Клянусь тебе, – прошептал Удалов, пока встревоженная девчушка из посольства помогала ему выпрямиться, искательно заглядывая в лягушачьи глазки, – клянусь, что я подобен тебе и даже превосхожу тебя ростом. Я жертва недоразумения и, может, даже преступления. Я мечтаю об одном – вернуться в мой город, в мой дом, в мою комнату, лечь на диван и посмотреть бразильский сериал про любовь.

– Ах, оставьте! – отмахнулась от него девчушка. – Вы меня не убедили. Не может быть на свете человека, который хотел бы носить оболочку подобную моей. Фу! Какая безобразно тонкая и гладкая кожа меня покрывает!

И она показала Удалову тонкую изящную руку.

– Я бы хотел! Я бы желал поменяться!

– Но почему? Почему?

Девушка посадила Удалова на скамеечку, села рядом и поведала ему о своих бедах... Родителей она не знает, раннего детства не помнит... Ее обнаружили пятилетним ребенком в желтой кожаной сумке из укралиновой кожи возле справочного бюро товарного терминала космопорта на планете Астергази. Если вы думаете, что девочку отдали на воспитание в семью или в детский дом, то ошибаетесь – последующие годы она провела в зоопарке. Причем на клетке была надпись: «Чудовище неизвестного вида. Не кормить, не дразнить. Возможно, плюется ядом». Это и понятно – аборигены Астергази похожи на комариков с размахом крыльев в полметра.

Девчушка озверела, одичала, в самом деле начала плеваться ядом, и конечно же, не получила никакого образования. Так прошло лет десять, и тут зоопарк с Астергази отправил на Бету Кита передвижную выставку самых удивительных уродцев. И эту выставку посетила известная Удалову анаконда, жена земного посла.

– Ах, – воскликнула она, глядя на дикую девушку в клетке. – Это же человек! Как она попала в такие унизительные условия?

В тот же день между правительствами начался обмен нотами, чуть было не произошла война. Астергазийцы стояли на своем: «Чудовище, и все тут!» Земляне грозили: «Если хоть один волос упадет с головы нашей гражданки, вам несдобровать!» В результате девчушку освободили из клетки, и последующие годы она провела в посольстве, но ни ее родителей, ни места рождения найти не удалось. Так она жила, учила иностранные языки и хорошие манеры за столом, но тосковала. По непонятной причине. Никто, даже она сама, не мог понять причин ее тоски.

Она чувствовала себя чужой среди окруживших ее лаской и заботой землян, она собирала открытки с ящерицами и лягушками, а однажды ей попался старый журнал «Варанелецкие культурные новости». И, увидев портреты тамошних певцов и танцоров, девчуш-

ка просто зашлась от счастья. К удивлению и даже насмешкам всего посольства, девчушка заявила, что на самом деле она не землянка, а самая настоящая варанелецка, что ее подменили в детстве и вообще ей облик землянки отвратителен.

Но до последнего дня ни один варанелец не почтил своим визитом земное посольство, да и на планете они встречались крайне редко. Опасаясь грязи и микробов, столь свойственных низкоорганизованным мирам, они проносились над поверхностью планеты в своих аэрокарах и военных бульдолетах. И тут – родная душа! Пришел, голубчик! И отказывается от своего счастья!

Чем дальше Удалов слушал этот скорбный рассказ девчушки, тем более он проникался к ней сочувствием. Он понимал, что столкнулся с родственной душой. Что горе у них общее и даже неизвестно, кому из них хуже.

Девушка тоже поверила Удалову, и они пошли дальше по улице, в чем-то сблизившиеся и почти родные, хоть она и была вдвое выше и втрое тоньше Корнелия Ивановича. Она решила проводить нового знакомого до больницы, хотя никакой реальной надежды на излечение Удалова у них не было. Вдруг Удалов остановился.

– Стой! – воскликнул он. – Есть идея. И ее можно опробовать.

– Какая идея?

– Бери такси, поехали в космопорт.

По дороге Удалов сообщил девчушке, что Избушка, его благодетель, спаситель и мучитель, возможно еще не улетела. Она ведь говорила на прощание, что должна заправиться и получить медикаменты. А вдруг она еще здесь? Тогда с ней можно посоветоваться о судьбе несчастной девчушки...

И в самом деле, Избушка стояла на летном поле. Люк был открыт. Избушка издали увидела Удалова и воскликнула на все летное поле:

– Чего вернулся, неблагодарный?

– Я привел человека, – ответил Удалов.

– Ну, давай, вводи внутрь меня и выкладывай, – сказал умный дом.

Они вошли, и девчушка сразу заявила:

– Я не человек. Я жертва, хотя не знаю, чего.

– Садитесь, – предложила Избушка. – Сейчас я чайку вам сделаю.

Удалов поморщился – знал он эти варанелецкие чаи – век бы их не пробовать! Но когда он увидел, с каким наслаждением девчуш-

ка всасывает кисловатую жидкость оттенка дряхлых водорослей, он окончательно убедился в том, что она не лжет.

Убедилась в том и Избушка.

– Рассказывай, дитя, – оказала она.

И девчушка повторила свой грустный рассказ.

Избушка перебивала девчушку наводящими вопросами, вздыхала...

Потом все они замолчали. Задумались. Удалов даже жалел, что пришел – время так дорого, а он прохлаждается в чужой шкуре. Так она прирастет к нему навсегда! А как же дом, семья, Ксения? Кому он такой нужен?

– Не знаю, – сказала Избушка, – почему ты, существо по всем данным высшего порядка, варанелецкая особь, попала в земную шкуру? Не знаю. Наверное, в этом есть происки врагов. И пускай ими занимаются компетентные органы. Но я должна сообщить вам, мои друзья, что если бы ко мне пришла девчушка с просьбой вернуть ей прежний первоначальный облик, я бы ответила отказом. Удалову я тоже уже ответила отказом. Создание нового тела – ох какое сложное дело!.. Но на ваше счастье каждый из вас хочет получить то, что есть у другого. А это облегчает мне задачу. У меня уже есть два тела, и если бы вы согласились поменяться ими, то положительное решение в пределах моей компетенции...

– Конечно! – закричала девчушка.

– Ни в коем случае! – твердо ответил Удалов, окинув взглядом девичье тело.

– Тогда пускай все остается как есть, – сказала Избушка.

Девчушка бросилась в ноги к Удалову и стала целовать его синие щиколотки.

Избушка сказала:

– Я дом! Я спаситель, целитель и модификатор. Соглашайся, Удалов, может быть, на Земле тебе все же легче будет жить в девичьем теле. Пусть это будет моим последним благодеянием.

– Лучше, – сказала девчушка, проявив завидную мудрость, – цапля в руках, чем воробей в небе.

Через шестнадцать часов из космической Избушки вышли те же два человека, что вошли в нее. Только внутри миловидной девчушки заключался Корнелий Иванович Удалов. А внутри голубого ящеро-

подобного варанелеца – девчушка из посольства. Они попрощались у стойки космопорта. Каждый полетел в свою сторону.

Эта история имеет продолжение. Даже два. Оба драматические, но я оставляю возможность домыслить их воображению читателя.

Представьте себе, как Удалов в образе девушки входит к себе домой и говорит супруге Ксении: «А вот и я!»

И представьте себе, как космический корабль выгружает пассажирку в порту ее родной столицы, а у трапа идет сражение с применением стрелкового атомного оружия... Потому что девушка эта оказывается, ни больше ни меньше, как принцем Сказаль-Василием, законным претендентом на престол, которого много лет назад, превратив в земного ребеночка, тайком вывезли с планеты враги и заговорщики...

А теперь принц Сказаль-Василий с лазерной шпагой в руке ведет своих сторонников на штурм дворца...

А Удалов прячется в туалете, чтобы Ксения его (то есть ее) не пришибла скалкой.

Такова жизнь...

ТУФЛИ ИЗ КОЖИ ИГУАНОДОНА

1. Время калечит

– Время не только лечит, но и калечит, – произнес Корнелий Иванович Удалов, пенсионер городского значения, глядя на подломившуюся ножку массивного стола во дворе дома № 16 по Пушкинской улице города Великий Гусляр.

Более полувека на памяти Корнелия Ивановича за этим столом сражались в домино жильцы дома. Стол казался вечным, как советская власть. Он только оседал под грузом лет.

И вот ножка подломилась.

А ведь давно уже не собираются за столом любители домино. Здесь пьют пиво. А ножка подломилась. Будто в знак протеста.

Вот в такой обстановке начинается третье тысячелетие.

Шел июнь, птиц стало меньше, а воробьев больше. Постаревший Удалов стоял посреди двора и не знал, куда ему деваться.

Обеда не намечалось, потому что Ксении позвонила Ираида из Гордома, которая по совместительству заведовала культурой, и вызвала

ее с какой-то целью. Удалову не сказали, какая такая цель, его забыли, как старика Фирса.

По двору шел незнакомый кот наглого вида: хвост трубой, глаз подбит. При виде Удалова произнес «мяу», причем так фамильярно, что Корнелия Ивановича даже покоробило.

– Мы с тобой водку не распивали, – строго сказал он коту.

Саша Грубин выглянул из окна на первом этаже и сказал:

– Минц мне сказал, что, по его расчетам, Земля проходит сквозь космическое облако, которое резко повышает интеллектуальный уровень всех живых существ, кроме человека.

– А почему человека не повышает?

– А мы уже на пределе, – ответил Грубин. – И не исключено, что профессор прав. Я порой чувствую, что мне уже некуда умнеть.

– Это опасно, – заметил Удалов. – Они захотят взять над нами верх. И может, даже поработить.

– Ну что ты думаешь так тревожно! – возразил Грубин. – Я не вижу ничего дурного в том, что кошки или собаки станут поумнее. С умным котом мне всегда легче договориться, чтобы он не кричал под окном.

– Умные люди не могут договориться, – сказал Удалов.

Во двор вошел молодой человек, Гаврилов, меломан без определенных занятий, несчастье его матери-одиночки. Она любила повторять: «Счастья было – одна ночка, и на всю жизнь я мать-одиночка».

Был Гаврилов навеселе.

Он нес сетку с батонами. Штук пять батонов.

За Гавриловым шагали три кошки.

Словно ждали, что он им отрежет по ломтю белого хлеба.

Завидев Удалова, Гаврилов усмехнулся мягкой физиономией и изобразил радость.

– Светлый день наступил! – заявил он.

– Насосался, – заметил Грубин.

– Попрошу без намеков, – сказал Гаврилов. – Жизнь подарила мне смысл. Сколько я тебе должен, дядя Корнелий?

Фамильярность не покоробила Удалова – вся непутевая жизнь Гаврилова прошла у него на виду.

– Около семидесяти рублей, – ответил Корнелий Иванович. Он знал цифру долга, потому что не терял надежды когда-нибудь долг

получить. И старался, чтобы сумма не перевалила за сто рублей. После ста долг становится безнадежным.

– Девяносто рублей, – сказал Гаврилов. – Я проценты добавлял. А теперь держи. Подставляй свои трудовые ладони.

Растерянный невероятной щедростью Гаврилова, который никому никогда еще не отдал долга, Удалов протянул сложенные лодочкой ладони. Гаврилов забрался свободной рукой в оттопыренный карман брюк и вытащил оттуда жменю стальных рублей. Высыпал деньги в ладоши Удалову и произнес:

– Это еще не все, дядя Корнелий.

Он повторил жест. Монеты были тяжелыми, груз оттягивал руки.

– Не тяжело? – спросил Гаврилов.

От него разило дорогим виски.

Икнув, Гаврилов пошел к себе.

– Пора работать, – загадочно произнес он. – Работодатели ждут в нетерпении.

Он побрел к своим дверям, кошки – на три шага сзади.

Удалов высыпал монеты на покосившийся стол.

– Явное противоречие, – заметил Грубин. – Он же не на паперти стоял. Почему отдает не бумажками, а металлом?

Удалов принялся считать монеты, двигая их по столешнице.

– Ты заметил, что кошки зашли за ним в дверь? – спросил Грубин.

Он запустил костлявые пальцы в седеющую шевелюру. Он всегда так делает, когда думает. Говорит, что это помогает.

– Пятьдесят восемь, – сказал Удалов. – Я и на это не надеялся. У тебя пожевать чего-нибудь найдется?

– Пиво есть, – сказал Грубин. – Холодное.

– А чем закусываешь?

– Заходи, – предложил Грубин. – А где Ксения?

– Ее в Гордом попросили. Какие-то женские дела, общественность.

– Что-то она с возрастом активной стала, – заметил Грубин.

Удалов зашел к нему, сел за стол, отодвинул неработающую модель вечного двигателя – у каждого из нас есть маленькие слабости!

– Экологией интересуется, – сказал о своей жене Удалов. – Живыми существами.

– Голубей и кошек она всегда подкармливала.

– Она и сейчас подкармливает. Ксения ведь только кажется суровой. У нее суровости на меня и хватает. К остальным она добрая.

Выпили пива.

– Хорошо, что теперь стоять за ним не надо, очередей нет, – сказал Удалов.

– А мне грустно, – ответил Грубин. – Может, немцу это и приятно, а для меня любая очередь была клубом и последними известиями. Какие отношения завязывались! Какая дружба! Какие конфликты. Это как коммуналка, в ней люди сближались.

– Ага, – согласился Удалов, которому пришлось много лет прожить в коммунальной квартире. – Особенно сближались утром в очереди в туалет. Или когда конфорки на плите делили.

– Нет, с тобой каши не сваришь, – сказал Грубин. – Ты видишь в прошлом только плохое. А это неверно. Ты многое забыл. Пионерские костры, утреннюю линейку, первомайскую демонстрацию...

– Самокритику на комсомольском собрании, очередь за вонючей колбасой...

Тут подошла очередь Грубина махнуть рукой.

Наша беда в том, что воспоминания, которые должны бы быть общими – ведь вместе прожили эту жизнь, – на самом деле совершенно разные. Хоть памяти и не прикажешь, организм желает различных милостей от прошлого. Одному запомнилось дурное, потому что хорошее досталось уже в наши дни, а другой высыпал из памяти под обрыв все неприятности и видит там, позади, лишь розовую лужайку в лиловеньких цветах.

– Ты мог бы хоть в мечтах попасть на Канарские острова? – кричал Удалов.

– А я ездил в Сочи по профсоюзной путевке за тридцать процентов!

– Четыре человека в палате, гуляш на обед...

Споря, Удалов увидел, как отворилось окно комнаты Гаврилова и оттуда выскочили две кошки. Они бежали странно, рядом, как лошади в упряжке, и что-то несли между собой, сжав это пушистыми боками.

– И что могло понадобиться честным кошкам от такого бездельника? – спросил Грубин.

– Он ничего не делает бескорыстно, – заметил Удалов.

– Может, зайдем, спросим?

– Сам расскажет. Со временем. Как протратится, придет занимать, тут мы его и спросим.

– Жизнь не перестает меня удивлять, – сказал Грубин. – Казалось бы, столько прожито и столько пережито. А ты пей, у меня еще пиво есть, целый ящик.

Из открытого окна комнаты Гаврилова доносилась нежная песня о любви. Пока что Гаврилов был богат и счастлив.

Тут Удалов не выдержал.

Он через весь двор – из окна в окно – крикнул:

– Гаврилов, ты на чем разбогател?

Гаврилов высунулся из окна. Он жевал. Держал в руке батон, а сам жевал.

Ответить Удалову он не смог. Рот был занят.

Потом отвернулся от окна и принялся заталкивать в рот батон. Странное поведение для молодого человека.

Не добившись ничего от Гаврилова, Удалов решил встретить Ксению.

Не то чтобы он тосковал без жены или сильно проголодался, но он не выносил нерешенных загадок.

Размышляя, Удалов вышел за ворота.

Атмосфера была душной, тяжелой, чреватой грозовым ливнем.

На сердце было одиноко.

Поднялась пыль. Давно пора заасфальтировать Пушкинскую. В Голландии или Японии даже в последней деревне пластик на улицах, а нам перед Галактикой стыдно.

Мимо Удалова медленно и чинно проследовала в скромном «Запорожце» кубическая женщина Аня Бермудская в дорогой прическе, которая в парижских салонах именуется «Продолжай меня насиловать, шалун!»

Рядом с Аней сидел ее восьмидесятилетний поклонник Ю. К. Зритель с бокалом джин-тоника, который Аня употребляла на ходу.

Они ехали к центру. Видно, там чего-то плохо лежало.

2. Бедная Раиса Лаубазанц

На улице Советской, которую в свое время не переименовали, а теперь уж никогда не переименуют, у входа в бутик «Шахэрезад» стояла Раиса Лаубазанц, в девичестве Райка Верижкина, с протянутой рукой.

– Граждане, – бормотала она, – подайте, кто сколько может, мне не хватает категорически двадцать две у. е. на приобретение сапог из кожи игуанодона. Большое спасибо, Ванда Казимировна, дай вам Бог любовника неутомимого, ой, спасибочки, Корнелий Иванович, от вас я такого не ожидала, а ты, Гаврилов, можешь идти со своим железным рублем сам знаешь куда; гражданин Ложкин, не приставайте к женщинам со своими лекциями, своей жене давайте советы, где валенки приобретать...

Раисе оставалось набрать всего шесть долларов, когда возле нее тормознул чернооконный десятиместный вседорожник «Альфа-шерман-студебеккер», совместное производство, на котором разъезжал Армен Лаубазанц с охраной. Под ним в Великом Гусляре – все химчистки.

– Только не проговорись Гамлету! – закричала, увидев родственника, Райка.

Армен зашипел на нее из вседорожника:

– Почему?

Армен никогда не вылезал из джипа, кушал в нем и спал, потому что не доверял никому, даже подругам.

– Ты же знаешь наше положение, – сказала Раиса.

– Надо было мне раньше сказать, – заметил Армен, – я бы тебе отстегнул.

– Не надо мне твоих грязных денег! – ответила Раиса. – У тебя проценты бесчеловечные. Не успеешь взять, на всю жизнь у тебя в кабале останешься.

– А разве моя кабала не греет?

Он давно подбирался к полногрудой жене младшего брата, но Раиса не продавалась.

Неожиданно хлынул июньский ливень, посыпался град, молнии прошили воздух, гром разорвал облака в клочья.

Армен захлопнул дверцу и умчался.

Над мокрой головой Раисы раскрылся голубой зонт.

Его держал в руке красивый черный Иван Иванов из Питера. Он служил агентом ФСБ по Вологодской области и расследовал убийство последнего игуанодона в зоопарке колумбийского города Картахена на реке Магдалина. Следы вели в Великий Гусляр, к мастерской по пошиву модельной обуви, принадлежавшей Армену Лаубазанцу.

– Спасибо, Иван Иванович, – сказала Раиса. – А то я бы простудилась.

Ливень бил по зонту так, что он прогибался, и дождевые струи рикошетом отскакивали в стену дома.

Иван Иванов был злобным и подлым человеком. Душа у него была такая темная, что цвет ее проникал сквозь кожу, и многие принимали Иванова за негра.

– Называй меня Ваней, – сказал агент.

И тут случилось непоправимое.

Из старенького «Запорожца», в который был втиснут двигатель «Мерседеса-700», вылезла похожая на бегемотика в черных кудряшках Аня Бермудская, директор сберкассы, живущая, по слухам, на зарплату. К ней даже детский сад водили на экскурсию по теме «Так жить можно».

Райка не обратила внимания на Бермудскую.

А зря.

Аня вошла в магазин, а за ней семенил ее покровитель Юлий К. Зритель.

Стоя под зонтиком Ивана Иванова, Раиса возобновила просьбы.

– Граждане, пожертвуйте мне несколько баксов. Нуждаюсь в вашей помощи. У меня муж ученый, в дерьме моченый, не может содержать молодую жену.

– Я могу принять участие, – прошептал негр Иванов.

– Обойдемся, – резко ответила Раиса.

И тут из бутика «Шахэрезад» вышла Аня Бермудская, неся в руках, без коробки, чтобы весь город мог наблюдать, пару туфель из кожи игуанодона.

Никогда вы не видели такого сказочного золотистого, чуть розоватого, переливающегося утренней дымкой цвета и подобной бархатистой фактуры. Раиса упала в обморок и, как спелая груша, угодила в жадные лапы негра Иванова.

Негр Иванов разрывался между любовью и долгом.

Любовь требовала, чтобы он тут же отнес к себе на явочную квартиру бесчувственную красавцу Райку, а долг призывал кинуть Раису как есть и бежать следом за Бермудской, чтобы конфисковать туфли из шкуры обитателя Красной книги.

– Не теряй времени, – прошептала бесчувственная Раиса, которая не скрывала своего презрения к мужчинам, самцам ублюдочным. Лишь в редчайших случаях она сама решала, кого из них допустить к

своему телу, и мужчины могли утешать себя близостью с красивой молодой женщиной. – Не теряй времени, уноси меня, пока я без чувств, а Бермудскую мы с тобой достанем.

Может, она сказала эти слова, а может, произнесла их беззвучно, про себя, но Иван Иванов их почти не слышал. Он был оглушен стуком собственного сердца и пульсацией крови в ушах.

И он побежал по Советской улице, неся на руках Раису Лаубазанц.

Многие встречные наблюдатели и просто зеваки принялись звонить по сотовым Армену и Гамлету Лаубазанцам, чтобы те навели порядок, но у Армена было занято, а Гамлет не отвечал, так как оголтело изобретал нечто совершенно невероятное. Раиса предпочла остаться без сознания, решив, что пускай судьба за нее все решает. Пришла в себя она только на явочной квартире Ивана Ивановича, под портретом Майка Тайсона, и принялась шептать:

– Ты – мой бык, а я – твоя Европа, понимаешь?

Иван не понимал. В школе он почти не учился, а перешел по оргнабору в училище.

В Иване Иванове начали скрестись добрые чувства любви к этой коварной аморальной женщине. Он долго наслаждался ею и после актов любви по наущению Раисы направил стопы к Ане Бермудской, чтобы конфисковать в пользу государства туфли из кожи игуанодона, но в последний момент Аня выбросила туфли в окно, под которым как раз пел серенаду Ю. К. Зритель. Зритель скрыл туфли под лестницей в детском садике, а Иван Иванов принялся допрашивать Аню Бермудскую. Аня тоже оказалась страстной женщиной, но местонахождения туфель не выдала.

В те дни над Иваном Ивановым постепенно сгущались мрачные тучи. Сам виноват.

Его ведь уже три года готовили на роль злобного диктатора-социалиста в Одной африканской республике. Ее название еще не было рассекречено. Была разработана легенда, в которой фигурировала романтическая любовь под лестницей в Университете Лумумбы, истрачены колоссальные государственные средства на подъемные, подкупные и прочие целевые расходы. Целый институт вел досье на всех диктаторов Одной африканской страны. И вдруг выяснилось, что душа Иванова под влиянием нахлынувшей любви начинает светлеть и при-

нимает нежный цвет, который влияет на цвет кожи. И применение ваксы для компенсации результатов не давало.

Вот что сделала с сотрудником простая гуслярская женщина Раиса Лаубазанц.

Однако в период, который мы описываем, любовь только назревала, как опасный фурункул, и даже сам Иванов об этом не подозревал.

Он искал туфли и заговоры.

3. Маленький лорд Блянский

Ксения возвратилась домой через полчаса.

Накрапывал дождь, но она его не замечала. Вид у этой пожилой женщины был возвышенный и взволнованный, словно она шла с удачного свидания.

– Ты где гуляла? – строго спросил Удалов, который скрывался под навесом у ворот.

– Позировала, – ответила Ксения и прошла мимо мужа, как мимо фонарного столба.

– Как так «позировала»? – поразился Удалов. – Кому может быть интересна рожа твоего лица?

Он не хотел обидеть жену, но так уж вышло.

Ксения вздрогнула, как от удара кнутом, но не обернулась.

Она уже достигла двери в дом.

Корнелий метнулся за ней и закричал:

– Отвечай немедленно!.. Пожалуйста.

– А я не лицом позировала, – сказала Ксения, взявшись за ручку двери. – Я всем телом позировала. – И улыбка Джоконды проползла по ее лицу. – Всем моим обнаженным телом.

И тут же дверью – хлоп!

Чуть нос Удалову не прищемила.

А когда он пробился к себе в квартиру, Ксения не пожелала с ним объясняться.

Так что, побродив по комнатам и ничего не добившись, Удалов спустился к профессору Минцу.

К тому самому, который говорил: «Лучше быть первым парнем в Гусляре, чем третьим академиком в Москве».

Удалов его понимал.

Понимал он и величие его интеллекта, и его человеческие слабости. К примеру, он отлично знал, что Минц никогда не признает поражений.

По одной простой причине. Он их никогда не терпит.

В конце концов не мытьем, так катаньем Минц побеждает природу, человечество, неблагоприятные обстоятельства и даже, если повезет, Ксению, жену Удалова.

Но в случае с Васей Блянским Минц чуть не проиграл.

И сказал знаменательные слова:

– Если что – уйду на пенсию.

– А как же наука? – спросил Корнелий Удалов.

– Встанут новые бойцы, – туманно ответил Лев Христофорович.

Вернее всего, Минц имел в виду Гамлета Лаубазанца, который многого достиг и еще большего достигнет в будущем.

Но Минц был охвачен грустью.

Первое поражение за первые шестьдесят лет жизни!

И главное – кто выиграл? Вот именно ребенок, мальчишка, несмышленыш. Правда, Вася был не виноват, а виновата природа, которая создала уникального ребенка.

Способности Васи проявились далеко не сразу. Его жизнь была схожа с жизнью маленького лорда Фаунтлероя. Помните, который до пяти лет не сказал ни слова. А потом вдруг за обедом на хорошем английском языке произнес: «Бифштекс недосолен». Все засуетились, понесли бифштекс на кухню, выпороли повара, а потом кто-то догадался спросить мальчика: «Почему ты молчал пять лет и вдруг сегодня заговорил?» – «Раньше бифштекс был посолен правильно».

Понимаете, на что я намекаю? На то, что любая ненормальность не кажется таковой, пока себя не проявит. Вода не течет под камень, но если вы сдвинете его хоть чуть-чуть, то она сразу потечет именно под лежачий камень.

Вася Блянский рос как положено, ходить начал, как все, зубки у него прорезались, как у остальных детей нашего городка.

Мама Васи, Тамара Блянская, которая растила сына без отца, Григория Блянского, оставившего ее ради одной шлюхи из Потьмы, мерзопакостной дряни, работала экскурсоводом в музее и водила туристов по гуслярским памятникам старины, которые большевики не успели взорвать. Порой она брала мальчика с собой, так как его не с кем было оставить. Бедность, безысходность...

Мальчик хотел помочь маме, но он был несмышленышем и фактически помочь ничем не мог.

Тамара отдала Васю в садик продленного дня, но на пятидневку отдавать не стала, потому что скучала без сынишки, и ее однокомнатная квартира без сына казалась ей пустынной.

Тамара готовила скромную пищу, а Вася баловался с игрушками.

В последнее время он полюбил играть в оловянных солдатиков, которых теперь делают из пластика.

Бульончик был уже готов, Тамара накрыла стол на кухне и позвала мальчика:

– Вась!

Никакого ответа. Только слышно, как что-то пощелкивает, постукивает и даже позвякивает.

– Ну, что ты там закопался! – раздраженно воскликнула Тамарка. – Суп остывает.

На самом-то деле ее беспокоила не температура бульона, а шестнадцатая серия «Семейных трагедий» с актером Гуськовым – кумиром некоторых провинциальных женщин.

Серия начиналась через десять минут, а сына не так легко накормить, если ты спешишь.

Вновь не дождавшись ответа, Тамара прошла в комнату и увидела, что ее сынишка сидит, ничего не касаясь и даже не двигая ручками. Перед ним на полу расставлены игрушечные армии. Солдатики, как живые, движутся по полу, причем некоторые, самые отважные, выдвигаются вперед, другие отстают, норовят дезертировать и спрятаться под диваном. Отдельные части и подразделения совершают обходные маневры, другие попадают в окружение и гибнут, не сдаваясь в плен...

Но более всего Тамару взволновали выстрелы и даже взрывчики, которые раздавались на поле боя и рвали на части военнослужащих.

Тамара, женщина трезвая и земная, постояла, замерев от ужаса, минут шесть, пока не убили одного из знаменосцев, что вызвало панику во всей дивизии, и дивизия обратилась в бегство.

Мальчик встал, пошел к двери, забыв о драматическом сражении, рассеянно врезался в мамин живот и спросил:

– Обедать когда?

– Что же ты, бездельник, с игрушками делаешь? Пожар решил устроить, террорист? – строго спросила мать и хотела было шлепнуть

ребенка, но спохватилась, что он вырос и шлепками его не перевоспитаешь. Пришлось достать из шкафа ремешок от синей юбки и выпороть сынишку как следует.

Мальчик не плакал, не просил пощады, потому что понимал, что растет без отца и должен слушаться маму.

Буквально на следующий день его пришлось пороть снова, потому что он набезобразничал во дворе.

Мать отпустила его поиграть в песочнице.

Там уже возилась Маруська из шестого подъезда и тихий татарский мальчик, имени которого никто не запомнил.

Маруську вы, может, знаете – вся в дедушку Ю. К. Зрителя, избалована до крайности. Унаследовала от дедушки страсть к блестящим металлическим вещам, в пять лет уже различает платину и палладий.

Дети играли, а тут у татарского мальчика пропал амулетик, маленький, блестящий, на тонкой цепочке. Произошло это потому, что цепочка невзначай порвалась, и амулетик упал в песок. Был он золотой, как кирпичик, размером с ноготь взрослого мужчины, и на нем была вырезана львиная морда.

Тонкая ручка Маруськи мелькнула как молния, и амулетик под названием пайцза, подаренный Чингисханом пращуру татарского мальчика, пропал с глаз – оказался надежно спрятан под сарафанчиком.

Татарский мальчик спохватился, но не был уверен, а только заподозрил Маруську и стал тыкать в нее пальцем и восклицать:

– Отдай, отдай, это семейная реликвия, она двери Сезама открывает!

А Маруська лишь хохотала, заливалась, как Шемаханская царица, даром ребенку пять лет!

– Отдай, – сказал Вася.

А Маруська заливалась еще сильнее.

Тогда Вася нахмурился, глядя на ребенка, и вдруг сарафанчик соскользнул с девочки и упал у ее ног, как подбитая птица. Следом за ним на песке оказались ее трусики, подобные убитой летучей мышке.

– Ах! – воскликнула Маруся.

Золотая пайцза тоже упала на песок, и татарский мальчик, как коршуненок, кинулся к реликвии.

– Ай! – завопила Маруська и побежала домой. Следом за ней из-под земли вырывались огоньки взрывов. Навстречу двигался де-

душка Юлий Зритель, который зашел пообедать и вдруг видит – дитя, совершенно обнаженное, несется к дому.

Юлий подхватил ребенка на руки и спросил:

– Тебя обесчестили, дитя мое?

– Они мое золото отобрали!

– Кто тебя обесчестил?

Маруська показала на мальчиков, но татарский мальчик к этому моменту уже убежал, а вот Вася остался стоять с лопаткой в руке.

– Это он! – сказала Маруська, ловко соскочила с дедовских рук и побежала к песочнице, чтобы забрать свою одежду.

– Это ты сделал? – спросил Юлий К. Зритель.

– Она пайцзу Чингисхана украла, – ответил Вася.

– Ты срывал с девушки одежды? – Надо сказать, что Юлий К. Зритель был несколько смущен, потому что не ожидал, что насильник так молод.

– Ты как ее раздел? – спросил Зритель.

– Захотел и раздел, – сказал мальчик.

Ю. К. рассмеялся – он еще не встречал таких наглых мальчиков.

– А ну, покажи, – попросил он добродушно.

Хотя знал заранее, что сейчас мальчишка будет разоблачен и он с наслаждением возьмет его за ухо, повернет ухо между пальцами и сделает мальчишке так больно, что тот завизжит на весь двор.

– Что показать?

– Раздень.

– Кого, дяденька?

И тут Зритель увидел Райку Лаубазанц, которая в тот момент в отвратительном настроении и состоянии смятенных чувств возвращалась от негра Иванова и думала о том, что жизнь не удалась, потому что туфли из кожи игуанодона достались Ане Бермудской.

Она заметила, что у песочницы стоит лысый Зритель, виновник всех ее несчастий, потому что именно он снабжал Аньку Бермудскую неправедными бабками, клейма на ней ставить негде, и по его наводке она купила заветные туфли, хотя Раиса пошла на такие унижения, что трудно представить. Но ведь Раиса молодая и красивая, а кто эта Аня? Тумба непричесанная, попрыгунчик резиновый, и что в ней некоторые мужики находят?

А лысый Зритель смотрел на Раису взглядом городского козла и мечтал о ее теле.

– А ну, покажи, – приказал Ю. К. мальчику Васе. – А ну, покажи, как ты девочек обнажаешь, ты меня понял?

– Как не понять? – отозвался мальчик и нахмурился.

И в этот момент, прямо на ходу, легкое и недлинное платье соскочило с пышного Раискиного плеча и прислонилось к земле. А затем за платьем последовал бюстгальтер телесного цвета с блестками, кружевные трусики-невидимки и наконец колготки – последнее было совсем невероятно.

Раиска сразу догадалась, чья это грязная работа!

– Держи развратника! – завопила она по-кухонному.

И тут же осеклась, потому что ослепительно сияло солнышко, пели воробьи, бабушки гуляли с внучатами, а на фоне этого великолепия Раиса Лаубазанц стояла посреди двора абсолютно нагишом.

Ноги понесли Зрителя вперед, но Раису этот старый козел, конечно, не догнал, только успел полюбоваться ею с тыла. А Вася побежал домой, где и подвергся справедливому наказанию.

Мама выпорола Васю ремешком от синей юбки.

А потом посоветовалась с соседкой Мартой Ильиничной и повела его к доктору.

Но, конечно же, не в районную поликлинику, где отсидишь в очереди, а потом даже лекарств хороших не посоветуют, а к знакомому доктору, которого ей посоветовала Ксения Удалова, к профессору с ихнего двора, Льву Христофоровичу.

Тамара вымыла сыну уши – вдруг доктор туда заглянет, а там безобразие. Потом ногти подстригла, причесала, напугала ребенка до полусмерти, он уже чувствовал, что от доктора живыми не уходят.

В новых штанишках и начищенных ботинках Вася был похож на ребенка из хорошей семьи.

Льва Христофоровича предупредили, что приведут ребенка с редкой болезнью. Он, конечно же, не практиковал и не собирался этого делать, но соседи просят – разве откажешься посмотреть мальчишку?

Мальчик робел, мамаша краснела, потому что подозревала у своего малыша некую неприличную болезнь, с которой из нормальной поликлиники тут же отправят в какой-нибудь лепрозорий.

Конечно, Ксения Удалова была тут как тут. Всех подбадривала и устраивала счастье, хотя толком не понимала, в чем провинился мальчик.

– Сделай чего-нибудь, – велела Тамара.

Сын робел, прятал взгляд и переминался с ножки на ножку. Не знал он за собой никаких прегрешений.

– И в чем же выражаются симптомы? – спросил Минц у матери.

– Он ее раздел... и в солдатики играл.

– Точнее.

– Вася, покажи дяде доктору, – взмолилась Тамара. – Покажи, как ты в солдатики играешь.

– Но тут нет солдатиков, – разумно ответил ребенок.

– Тогда раздень тетю Ксеню.

– Нельзя, – сказал мальчик. – Такой скандал будет, ты не представляешь.

– Но ведь для доктора надо! Не стесняйся, Васенька!

Тон Тамары был таким лживым, что Ксения на всякий случай продвинулась к выходу из комнаты, а Минц быстро сказал:

– Может, сыграем в шахматы?

– Я не умею, – ответил мальчик.

– А мама с тетей Ксенией во дворе погуляют.

Такая мысль мальчику понравилась.

– Пускай погуляют, – сказал он.

Пока женщины, сопротивляясь, покидали дом Минца, тот вытащил из-под стола шахматную доску и принялся расставлять на ней фигуры.

Мальчик заинтересовался, потому что никогда раньше шахмат не видал.

– Это очень интересная игра, – сказал профессор Минц. – В нее еще в Древней Индии играли. Хочешь, расскажу тебе правила?

– А какие правила?

– Выигрывает тот, у которого фигуры остались, а у противника не осталось.

Как вы понимаете, Минц отлично играл в шахматы, на уровне кандидата в мастера, хотя нигде не учился. Мальчика он провоцировал на действия. А мальчику стало скучно.

Он фыркнул, как разозленный кот, махнул ручонкой, шахматные фигуры послушно упали и покатились с доски на пол.

– Ясно, – сказал Минц. – Суд удаляется на совещание.

– Куда-куда? – спросил мальчишка.

– Ты как это делаешь? – спросил Минц.

– Не знаю, – ответил Вася. – Так получается.

– Это очень любопытно.

– А мама меня ремешком стегает, – сказал мальчик. – Знаете, от синей юбки.

– Допускаю, – сказал Минц. – Людям трудно мириться с непонятным. А если непонятное рядом, они просто звереют.

– А мама звереет?

– Ты меня не слышал, – испугался Минц. – И я ничего подобного не произносил.

– А ты, дядя, смешной, – сказал мальчик.

– Конфету хочешь? – спросил Минц.

– Хочу.

– А коробку сможешь на расстоянии открыть?

– Нет проблем! – ответил Вася словами, услышанными с экрана телевизора.

Пока мальчик ел три конфеты, которые оставались в коробке, и радовался от убежденности в том, что здесь его бить не будут, Тамара подробно рассказывала о беде своего мальчика Ксении Удаловой, а Ю. К. Зритель метался по холостяцкой квартире, лихорадочно размышляя, как украсть мальчика и использовать его дар в корыстных целях.

Если до этого момента речь здесь шла о смешном курьезе, о мальчике, глазки которого обладали даром телепортации, то есть передвижения предметов, причем в изысканной форме – разве вы слышали где-нибудь о мальчонке, который может взором раздеть на улице женщину? – то с этого момента жизнь ребенка стала предметом интереса могучих и зловещих сил. Если вам последующие события покажутся забавными, значит, вы и сами дитя и жертва нашего общества, потерявшего ориентиры морали. И противостоять этим силам не смог даже великий профессор Минц.

Почти одновременно произошло вот что.

Зритель дозвонился до Жоры-Китайчика, который давно уже искал подходы к квартире Беневоленского-Доливо.

Раиса Лаубазанц позвонила брату мужа Армену Лаубазанцу, который мечтал взять под контроль казино «Лев Толстой».

Но более всех переполошился один цыган Мыкола, который хотел дружить с чеченцем Магометовым, который не был чеченцем, но которому было выгоднее, чтобы все вокруг считали его чеченцем и немного опасались. А цыган Мыкола, который всюду совал свой перебитый нос, видел на дворе, как ребенок изгалялся над Райкой Лаубазанц. А затем поговорил с татарским мальчиком.

Но главное – некий Иван Иванов черного цвета (к тому времени он еще не успел порозоветь, а продолжал делать черные дела) проводил внешнее наблюдение за квартирой Минца Л. Х., подозреваемого в связях с так называемым Нобелевским комитетом за рубежом на предмет получения оттуда иудиных денег в сумме полумиллиона шведских крон под видом так называемой премии. Так вот, этот Иван Иванов понял, что с помощью мальчишки, которого увидел, подглядывая по долгу службы в окно к Минцу, он далеко пойдет в органах, только надо воздействовать на патриотические чувства ребенка или на чувства его матери.

Все эти силы готовы были разорвать мальчика на части, потому что каждая желала утянуть его к себе и использовать в своих корыстных интересах.

Мальчик кушал конфеты и был счастлив.

А Минц думал, как излечить мальчика, так как понимал, что иначе его судьба будет ужасна.

Профессор Минц сказал Тамаре, матери Васи Блянского:

– У мальчика не болезнь, а свойство организма. В каких-то обстоятельствах благоприятное, а в каких-то тревожное. Пока он сам особенно не понимает своих способностей и не может их контролировать. И не только в нем самом кроется опасность, но и в тех силах, которые захотят его использовать.

Миловидная, но грубоватая характером и внешностью Тамара страдала в тот день насморком, но платок забыла дома. Она старалась не шмыгать носом, хотя хотелось сморкнуться в угол неприбранного профессорского кабинета. Поэтому она не могла придать должного значения словам Льва Христофоровича. Даже его заключительным фразам.

– Многое зависит, мамаша, от вас, – произнес он. – Главное – не поддаться возможным соблазнам. Ведь вас, вероятно, будут соблазнять недобрые силы.

– Пусть попробуют, – бросила Тамара, не понимая, что силам от нее может понадобиться, кроме ее прекрасного тела.

– Чем я могу быть вам полезен? – задумчиво продолжал Минц, положив добрую мягкую ладонь на затылок доверчиво прижавшегося к нему мальчика. – Пожалуй, в моих возможностях спроектировать и с помощью моего соседа Грубина изготовить очки-фильтр. Фильтр желаний. Они не пропустят излучений из глаз Васеньки. Подумайте, хотите ли вы этого? Я бы вам настойчиво посоветовал.

– Значит, не заразный? – спросила Тамара.

Не надо представлять себе эту женщину умственно отсталой или глупой. Нет, просто она шла к доктору с конкретной внутренней задачей. Задача была выполнена, болезнь оказалась даже не болезнью.

– Будем делать очки? – спросил Минц, хотя внутренне он уже решил их изобрести, потому что, во-первых, изобретение эмоциональных очков было вызовом интеллекту ученого, а во-вторых, мальчику надо было помочь, раз его мать не могла осознать опасности, что таила для него окружающая жизнь.

Выйдя на улицу, Тамара велела мальчику идти вперед, а сама на мгновение отвернулась к стенке дома, чтобы сморкнуться. Когда она снова поглядела вперед, то увидела, что рядом с Васенькой остановился БТР, раскрашенный под тигра. Люк в нем открылся, оттуда высунулась волосатая рука и втянула внутрь мальчика прежде, чем он успел пикнуть.

Если вы подумали, что это Жора-Китайчик собрался брать квартиру Беневоленского-Доливо, то вы ошиблись. Это был цыган Мыкола, мучимый желанием угодить Магометовым. А БТР он употреблял для развозки по точкам цыганок легкого поведения, гадалок и наперсточниц из Молдавии.

Тамара не успела и подумать, кто же похитил мальчика, как мощный удар отбросил ее с тротуара и ударил о ствол осины, растущей на обочине.

Это негр Иван Иванов, сотрудник органов, кинулся вслед машине, вытаскивая на бегу гранатомет.

Внутри БТРа цыган Мыкола гладил мальчика по головке и быстро говорил:

– Ты должен мне помочь, ты обязан, романо! Скажешь чеченцу, что я твой друг!

Мальчику стало страшно, потому что в боевой машине громыхало, было душно, тесно и пахло гарью.

Но его плен продолжался недолго, потому что поперек улицы лежала баррикада, за которой залегли молодцы Жоры-Китайчика. Они открыли по БТРу беглый огонь. Очень уж был нужен Жоре молодой талант Блянского.

Сзади по БТРу пулял из гранатомета Иван Иванов.

Никто из них, кроме рыдавшей в отдалении Тамары, не понимал, какому риску они подвергают жизнь Васи.

Мальчику было страшно, он нахмурился, и люк боевой машины пехоты распахнулся на ходу.

Вася выпрыгнул из люка и побежал по улице к детскому саду. Ведь именно там он чувствовал себя в безопасности, там его кормили и устраивали ему мертвый час.

Порой гению так хочется спрятаться в толпе обыкновенных людей!

До детского сада мальчику добежать не удалось. Да и не знал он, куда бежать. Просто бежал и плакал. Если ему попадалось на пути препятствие, он его сметал взглядом, в том числе сдвинул с места грузовик, сломал забор и своротил афишную тумбу.

Следом за ним гнался вседорожник Армена Лаубазанца.

Армен кричал в матюгальник:

– Мальчик, конфетку хочешь? Мальчик, три коробки «Мишек в лесу» дам, если один небольшой сейф взломаешь! Четыре коробки! Шесть коробок!

Армену было невдомек, что мальчик не умеет считать, а конфеты «Мишки в лесу» были слишком дорогими для его мамы. Никогда их Вася не пробовал. А как нам желать того, что не пробовали?

Конечно, мальчику убежать не удалось, и охранники Армена схватили его, а затем на вседорожнике скрылись в пригороде Гусляра, в лесу, где за последние годы появился рассадник коттеджей. Коттедж – это загородная избушка, которая в нашей действительности принимает форму крепостного сооружения, имеющего генетические связи с оборонной архитектурой горной Сванетии – именно в таких

коттеджах сваны испокон веков скрывались от турецких завоевателей и отстреливались из луков, пока не приходила помощь из Абхазии.

Как-то Корнелий Удалов, уже пенсионер, был приглашен прорабом на строительство такого краснокирпичного трехэтажного коттеджа и спросил у хозяина, нет ли у него особых пожеланий. «Есть, – ответил хозяин, – сделай мне подземный ход из сауны в лес».

В один из коттеджей Армен привез мальчика, чтобы дождаться ночи. Мальчику дали гамбургер, привезенный из Вологды, поставили на видике мафиозную сказку «Тайна третьей планеты» и стали готовиться к налету на казино «Лев Толстой», которое не желало признавать крышу Лаубазанца.

А тем временем город бурлил. Вернее, в нем кипели страсти. Мальчика с неэффективной помощью милиции разыскивали по всем укромным углам, но только не там, где его можно было бы найти. Сами понимаете, у милиции свои интересы, она знает, с кем ссориться.

Мать Тамара металась по улицам в растрепанном виде, только Минц не покидал своего кабинета. С помощью друзей он готовил противоядие.

На город опустился мягкий июньский вечер, напоенный запахом сирени и липового меда.

Сонного Васю люди Армена Лаубазанца вынесли из коттеджа и уложили на сиденье вседорожника.

Подъехали к зданию казино, где прежде находилась детская библиотека.

– А ну, иди, – сказал Армен, – ломай сейф. Мальчики покажут.

Был Армен самоуверен, потому что считал себя первым в городке.

Он подтолкнул мальчика к дверце, но слишком сильно, мальчику стало больно. Мальчик Вася уже знал, что если тебе делают больно, сделай еще больнее обидчику.

Он обернулся, взглянул на Армена, и тот – чудо какое-то! – вылетел через окно наружу, весь оцарапался и сильно ушибся.

А мальчик вышел на улицу и хотел было пойти домой.

И тут подъехала черная машина «Волга» из городского управления ФСБ. Иван Иванов подхватил мальчика и сказал:

– Не беспокойся, маме мы компенсируем.

– Я хочу домой, – сказал мальчик.

– Домой нельзя, – ответил черный, как ночь, но местами розовеющий Иван Иванов. – Сейчас мы с тобой полетим в Москву. Ты должен будешь взять в посольстве США новый шифр. Ты меня понимаешь?

– Я домой хочу, – сказал мальчик.

– Поехали на аэродром, – приказал Иван Иванов шоферу.

– Не могу, – ответил шофер. – Препятствие.

И, посмотрев вперед, Иван Иванов увидел, что дорогу перегородила общественность, включая профессора Минца и Тамару Блянскую.

Он приказал гудеть, чтобы общественность ушла.

У нас времена демократические, и во всем должен быть порядок. Иван Иванов не мог давить общественность. Он высунулся из машины и стал уговаривать людей, объясняя свои поступки заботой о родине.

Тем временем мальчик, которому надоела бродячая жизнь, закричал:

– Дядя Лев Христофорович! Возьмите меня! Мы будем в шахматы играть.

– Вот именно, – смело ответил Минц и пошел к черной «Волге».

И наверное, вся эта история закончилась бы благополучно, если бы не темная тень, упавшая с неба.

Оттуда, от самых облаков, медленно опустился черный-черный вертолет. Из него вышли люди в черных костюмах и черных масках. С черными-черными автоматами и гранатометами в руках. Ботинки у них были черные-черные и начищенные до блеска.

Они выстроились в два ряда, а между ними к мальчику медленно подошел высокий мужчина с задумчивым лицом и длинной бородой. Одет он был в черный-черный халат, а на голове у него была белая-белая чалма.

– Здравствуй, мальчик, – сказал он.

Остальные замолкли, потому что испугались. Даже Иван Иванов оробел.

– Здравствуй, дядя, – сказал Вася.

– Правду ли говорят, что ты глазами можешь поджечь или взорвать что угодно?

– Да, – сказал мальчик. – Когда я играю в оловянных солдатиков, то я стреляю из оловянных пушек. Ба-бах – и нет солдатика!

– Очень хорошо, – сказал бородач. – Я хочу тебя проверить. Ты не возражаешь?

– Попробуем, – сказал малыш.

– Старик, – обернулся бородач к Удалову, – что у тебя в сумке?

– Картошка, – сказал Удалов.

– Кинь сумку вон туда.

– Зачем?

– Я не люблю повторять просьбы, – сказал бородач.

И Удалов понял, что бородач не повторяет просьб, а все люди в черном наставили на Удалова черные дула черных пистолетов и автоматов.

Удалов кинул сумку с картошкой в сторону.

– Взрывай! – приказал бородач.

Мальчик послушался бородача и нахмурился.

Раздался взрыв, не очень громкий и не очень яркий, но на месте сумки осталось черное пятно.

– Хорошо, – сказал бородач. – Отлично. Если в сумке будет тротил, страна дьявола содрогнется.

– Вах! – сказали люди в черном.

– Что ты хочешь, маленький джигит? – спросил бородач.

Мальчик прищурился.

Все на улице затаили дыхание. Мальчик был не по летам разумен.

– Как тебя зовут? – спросил мальчик.

– Обычно меня называют Усама бен Ладен, – ответил бородач. – Но что в имени тебе моем?

– У меня нет отца, – сказал мальчик. – Наш папа Гриша нас бросил.

– Как нехорошо! А ну, позови своего папу, мы ему скажем, чтобы он тебя отныне не бросал.

– Но мне не нужен такой папа, – сказал мальчик. – Я хочу, чтобы ты стал моим папой.

Бородач бен Ладен начал смеяться. Он долго громко смеялся и так заразительно, что многие на улице, несмотря на ужас, тоже засмеялись.

– Зачем тебе такой папа? – спросил бен Ладен. – За мной охотятся все армии христианского мира.

– Ты настоящий мужчина, – сказал мальчик.

– Это правильно, – подтвердил бен Ладен.

– Я буду для тебя взрывать, что прикажешь, – сказал мальчик.

Бен Ладен задумался.

– Хорошо, ты будешь у нас сын бандформирования.

– Нет, – сказал мальчик, – сначала ты женишься на моей маме.

Бен Ладен взревел от негодования, а потом спохватился и спросил:

– Кто здесь мать этого джигита?

– Я. – Тамара, смущенная, грубовато красивая, сделала несмелый шаг вперед.

Бен Ладен оглядел ее и произнес:

– А что... мне нравится.

– Я не хочу! – сказала Тамара, но по знаку бен Ладена его черные люди напялили на Тамару черную одежду, накинули черную-черную чадру и отнесли в вертолет.

– Теперь ты доволен? – спросил бен Ладен и добавил: – ...сынок.

– Полетели, – сказал малыш.

И тут из толпы вышел лысый толстый пожилой мужчина с семитской фамилией Минц, о чем бен Ладен, к счастью, не знал.

– Одну минутку, – сказал Минц. – Мальчик забыл дома очки. Они помогают ему видеть.

Минц подошел к Васеньке и надел на него очки, стекла которых испускали странное сияние. Профессор как следует застегнул ремешок на затылке ребенка.

Мальчик не возражал. Он полностью доверял профессору.

– Ну, полетели, – поторопил своих людей бен Ладен. – Нас ждут большие взрывы.

Минц смело подошел к террористу и прошептал ему на ухо несколько фраз.

Сначала бен Ладен было возмутился, потом кивнул. Подхватил на руки своего нового сына и исчез в вертолете.

Вертолет взмыл в воздух. Городок Великий Гусляр в ужасе наблюдал за его полетом.

– Гражданин Иванов, – сказал Минц, – террорист бен Ладен намерен совершить посадку у станции Пьяный Бор. Свяжитесь с вашими сотрудниками и попросите их вернуть мальчика с Тамарой.

– Как? В чем дело? Объяснись! – послышались крики.

Минц улыбнулся.

– Очень просто. В этих изобретенных мною очках Васенька становится самым обыкновенным ребенком, и очки, скажу вам, не сни-

мутся до совершеннолетия. А бен Ладену я сказал, что Вася может взрывать только картошку. И предложил ему проверить мальчика. А после проверки – пусть бен Ладен высадит свою новую жену и сына возле станции Пьяный Бор.

– И вы думаете, что он выполнит вашу просьбу?

– А почему бы и нет? Он ведь тоже сомневается...

Иван Иванов связался с постом ФСБ в Пьяном Бору. Он велел им следить за появлением черного вертолета, но ничего не предпринимать.

Через десять минут оттуда сообщили, что вертолет без опознавательных знаков опустился возле станции и оттуда выскочил мальчик в очках.

– Должна быть женщина, – сказал Иван Иванов.

– Женщины нет, – сказал сотрудник из Пьяного Бора.

И тут послышался голос мальчика:

– Мама сказала, что немножко поживет с новым мужем Беником. Но я скучать не буду. Дядя Усама дал мне чековую книжку, чтобы я меньше скучал по маме и приемному папе. А пока я поживу у дяди Минца. Мы будем играть с ним в шахматы.

– Черт побери! – воскликнул Иван Иванов. – Ведь не собьешь этот чертов вертолет, там русская гражданка на борту.

– Пускай его кто надо сбивает, – сказал Удалов.

– А ведь я мог звездочку героя получить, – тоскливо произнес Иван Иванов.

Тамара вернулась только через три месяца.

Она была довольна и в положении.

Эти три месяца стали трагикомедией профессора Минца. У него никогда не было детей. И уж тем более никогда не было извращенного вундеркинда, который научился подглядывать из-под очков.

Чего только он не переломал в доме и вокруг, кого только не настроил против профессора... Но все-таки терроризм потерял свое главное оружие.

4. Скелет в подвале

– Я так больше не могу, – взвыл Корнелий Удалов, когда уже в третий раз Ксения таинственным образом ушла из дома как раз перед обедом. Что, опять идти к Грубину, у которого только пиво на обед,

или к Минцу, который угостит тебя овсянкой из пакетика, но не от жадности, а потому что сам не обращает внимания на то, что жует и переваривает его организм?

И голодный Удалов решил проследить, что за таинственная сила увлекает из дома его ленивую жену. Неужели она на старости лет все же решила наверстать бесцельно прожитые (с точки зрения романтики) годы и завела себе любовника? Но где найдешь чистого и порядочного любовника для пожилой женщины в таком небольшом городке?

А если соседи подсмотрят?

Весь Гусляр будет хохотать!

У Корнелия был ориентир. Он знал, что посредницей в этом темном деле выступает некая Ираида из Гордома – влиятельная взяточница.

К ней в кабинет и направил Удалов свои стопы.

Перед кабинетом сидела секретарша со странным прозвищем Безделушка. Женщина грузная, в летах, цербер по призванию. Безделушка не верила, что у нее есть прозвище, так как полагала себя красавицей.

– Здравствуй, Эльвира, – сказал Удалов. – Моя жена не заходила?

– Вам к кому, гражданин? – спросила Безделушка, которая еще недели две назад на девяностолетии Ложкина уговаривала Корнелия написать воспоминания, которые в Москве произведут фурор.

– А мне, Эльвира, не к кому! – обиделся Удалов.

Он повернулся и пошел прочь.

Безделушка растерялась. Она ведь не на личной постели сидела, а за государственным столом. Разве можно задавать ей неофициальные вопросы? Нельзя.

– Постойте, гражданин! – закричала она вслед.

Удалов уже был у двери, и она крикнула еще громче:

– Да нет ее, нету! Христом Богом клянусь, за реку уехала!

И кричала она так громко, что дверь в кабинет отворилась, оттуда высунулась Ираида Тихоновна, которая, конечно же, ни за какую реку и в жизни не собиралась, и спросила:

– Что за пожар? Ты нам творческую работу срываешь.

– Да ходят тут всякие, – сказала церберша.

– Вот и не шуми.

Удалов издали, с лестницы, крикнул:

– Ираида, признавайся, где моя жена. А то я не знаю, что с тобой сделаю.

Тут только Ираида угадала, кто пришел, и певучим голоском ответила:

– А ты, Корнюша, нам не грози, грозилки выцарапаю.

Из-под ее ног вышла кошка и облизнулась.

В голове Удалова сформировалось подозрение: почему-то все тайны, связанные с Ксенией, сопровождались кошками. Мало того, что Ксения всю жизнь с ними возится – то подберет котенка, то пищу им носит, то к ветеринару заблудшего кота отвезет, то от собак защищает, – а теперь кошки вокруг так и снуют.

Интуиция подсказывала Корнелию Ивановичу, что даже если его жена спрятана в кабинете Ираиды, ему туда не пробиться. Но в этом здании должны быть другие следы Ксении.

Поэтому Удалов стал крутить головой, надеясь увидеть кошку.

Вот какая у него была интуиция.

Кошек было сразу две.

Они спускались в подвал, дверь в который была приоткрыта. Шли они деловито, так не кошки ходят, а солдаты.

Лестница в подвал была освещена слабо. Впереди показалась железная дверь, покрашенная грязной бирюзовой краской, которой обычно красят линкоры.

Кошки шагнули туда. Удалов проследовал за ними. И удивительное зрелище предстало его глазам.

Нет, не Ксения, украденная бандитами и подвергаемая пыткам.

И не сборище бомжей.

На кубическом постаменте из кирпича стоял скелет человека в естественный размер.

Правда, скелет был еще не готов, или наоборот, уже рассыпался, потому что череп существовал только наполовину – кончался переносицей.

Вокруг скелета, цветом желтого, подобно старой слоновой кости, сидели и лежали кошки различных оттенков.

Они с интересом наблюдали за тем, как известный Удалову скульптор и оформитель к праздникам Овидий Гроза (Овидий – псевдоним), человек мелкий, с бороденкой пегого цвета, которая была кусочками приклеена к щекам и подбородку, прикладывал к скелету

маленькие кусочки глины или какого иного скульптурного материала, чтобы завершить произведение, покрыв скелет мышцами и кожей.

Но самое удивительное и даже зловещее заключалось в том, что его любимая жена Ксения сидела в углу подвала на табуретке, совершенно обнаженная, если не считать купального костюма, в котором она ездила в том году на Канары. И не считала это позором или ужасом.

– О! – произнес Удалов, хотя никогда раньше так не выражался.

Тут одна из кошек высоко подпрыгнула и носом вырубила выключатель; свет погас, и остальные кошки так страшно зашипели и замяукали, что Удалов кинулся со всех ног оттуда, повторяя на бегу:

– Ксюша, ты за мной следуешь? Ксюша, зачем ты это делаешь?

Но никто, кроме кошек, ему не ответил.

А на улице моросил осенний дождик, лето уже миновало.

Мимо проехал джип старшего Лаубазанца.

На перекрестке он встретился с таким же точно джипом, в котором сидел цыган Мыкола.

Лаубазанц с нелюбовью смотрел на Мыколу через бронированное стекло.

Мыкола широко улыбнулся и громко сказал:

– Джип у тебя паршивый, никуда не годный.

Удалов переводил взгляд с джипа на джип – они были одинаковые.

– Обивка у тебя синтетическая, а у меня натуральная кожа!

Мыкола помчался дальше, а Лаубазанц начал переживать и колотить кулаком изнутри по бронированному стеклу.

Рядом с Корнелием остановился человек в черных очках.

– Любые деньги, – прошептал он, – плачу любые деньги, чтобы моя возлюбленная меня не покинула.

По голосу Корнелий узнал Ю. К. Зрителя.

– Обращайся к Минцу, Юлиан, – ответил Удалов. – Я сам, боюсь, потерял свою Ксению. Не уберег.

Голова гудела, как стадион во время футбольного матча.

Может быть, посоветоваться с Минцем?

А он высмеет. Потому что есть предел человеческой фантазии. И за этим пределом находится картинка: «В подвале Гордома Ксения Удалова в обнаженном виде позирует для Грозы, который лепит скелет без головы».

А кошки?..

Ксения ждала его дома.

Как ни в чем не бывало.

– Я тебя видел! – закричал Удалов с порога. – Ты позировала.

– Разве я когда-нибудь отрицала этот факт? – спросила Ксения.

– Но ты позировала для скелета!

– А ты подглядывал. Вот не ожидала от тебя!

– И буду подглядывать!

– И подглядывай.

На этом спор и закончился.

Тайна осталась неразрешенной. Надо было задать прямой вопрос и настоять на ответе. Последнее было труднее всего. Когда-то в молодости у Корнелия была начальница, которую всегда выпускали на пресс-конференцию или встречу с недовольными избирателями. Эта женщина выслушивала с улыбкой любой вопрос, и желательно шесть вопросов сразу, а потом отвечала на тот из них, который ей нравился. Если же вы зададите ей один вопрос и выбирать не из чего, то она вообще умудрялась ответить совсем на другой вопрос, который никто не задавал. И оставалась победительницей. И вот уже несколько раз Удалов подбирался к Ксении с решительным вопросом, но ответа не получил.

– У тебя любовник! – воскликнул он наконец.

– Не говори глупостей, – ответила Ксения.

– И что же?

– А ничего.

5. Запрет для вредителей

Примерно в это время домой возвратилась Раиса Лаубазанц.

Она была злой, как пыльная туча.

Посудите сами: туфель она не достала.

Иванов оказался никуда не годным насильником. Уж лучше бы ей достался настоящий негр.

Проблема: как убить Анну Бермудскую и завладеть ее туфлями?

Ведь перекупить не удастся. Аня заломит такую цену, что не только игуанодоны, но и мамонты сдохнут.

Ну почему некоторые люди рождаются бедными и умирают в позорной нищете?

– Это ты? – глупо спросил Гамлет. – Ты меня покормить пришла?

Бывают же такие заблуждения!

Гамлет зарос трехдневной щетиной – лица не видно. У него волосы отрастают, как сорная трава.

– Я тебя покормлю, – пригрозила Раиса, – цианистым калием. И не смейся. Может, это будет твой последний смех.

– Смешно, – ответил Гамлет. – А я тут кое-что изобрел. Думаю, в мэрии должны хорошо заплатить.

– Тебе? Заплатить? – Раиса недобро рассмеялась. – Я сегодня без туфель осталась.

– Купим завтра другие.

– Идиот! Других таких не будет. Они были из кожи игуанодона.

– Игуанодоны вымерли шестьдесят миллионов лет назад, – сказал Гамлет, который был начитан и образован.

– Один остался. Его поймали и разделали.

– Ах, чепуха! – не поверил Гамлет.

Он собрал с рабочего стола несколько небольших пластиковых табличек.

– Я решил проблему грызунов и вредителей, – сказал он. – Хочешь посмотреть?

– Нет! – сказала Раиса, но подошла к столу поближе.

При всем презрении к мужу она в глубине души понимала, что ее муж – гений, под стать самому Льву Христофоровичу Минцу, который уже объявил Гамлета своим наследником в науке. Но ей не терпелось стать богатой, жить на вилле, иметь дворецкого и домработницу, нигде не работать и ездить на «Мерсе» с шофером, который будет притом неприхотливым и послушным любовником.

– Читай вслух, – попросил Гамлет.

В отличие от классического датского принца, Гамлет Лаубазанц был брюнетом с крупным костистым носом и черными выпуклыми глазами. Датчанином его не назовешь. Но он был высок ростом и строен, а в студенческие годы играл на гитаре и умел петь. Потом увлекся Раисой и перестал петь и улыбаться, затем ушел с головой в науку и забыл о гитаре.

На табличке была нарисована мышь. Очень натурально и в масштабе один к одному.

Под мышью было написано: «Вход воспрещен».

И две маленькие скрещенные косточки.

– Это что за гадость? – спросила Раиса.

– Новое направление в науке. Мы с тобой разбогатеем.

– Кто нам заплатит?

– Ты не представляешь.

– Тогда иди и торгуй. Я буду ждать.

– Приготовь мне к приходу долму и чахохбили, – попросил Гамлет.

– Надо худеть, – ответила Раиса. – Я после обеда ничего не ем.

– А я сегодня еще не обедал.

Ответа он не дождался.

И поспешил в мэрию.

Там его знали. А Ираида Тихоновна даже питала к нему небольшие чувства.

– Хороший мальчик, – отзывалась она о Гамлете. – Он не виноват, что чернозадым родился.

Ираида Тихоновна была полной доброй женщиной, она любила кошек и даже подкармливала их семейство, что жило на помойке. Евреев она тоже критиковала за плохое отношение к Христу, хотя, как бывшая коммунистка, не смогла заставить себя поверить в Бога. Даже как руководитель отдела благоустройства три раза ходила в церковь и держала там свечку, потому что вся городская элита там стояла. Но не прониклась.

Ираида приняла Гамлета сразу. С утра было пусто и скучно.

– Ираида Тарасовна, – сказал Гамлет, который плохо запоминал некрасивые русские имена, – вы в газете жаловались и вообще умоляли покончить с мышами и прочими вредителями, которые распустились так, что многие склады опустели. Мне вот удалось решить эту проблему.

– А ты присаживайся, в ногах правды нет, и скажи мне, как у тебя вид на жительство, не истекает?

– Надо у Раисы спросить, – наивно ответил Гамлет, который доверял людям и никогда не чувствовал подвоха. Его даже на улицах редко били. Ты его колотишь, а он спрашивает: «Я вам чем-то помешал?»

– Спросим, – улыбнулась Ираида.

– Скажите, а нельзя ли заключить договор с мэрией на мое средство?

– Разве с мышами можно справиться? – удивилась Ираида. – Мыши нас с тобой переживут.

– А вы попробуйте, – сказал Гамлет. – И не будет больше грызунов на вверенных вам складах.

– То есть совсем не будет?

– Гарантирую.

Ираида Тихоновна задумалась. Кровь прилила к полным щекам и ушам.

Она заподозрила провокацию.

– А куда они денутся? – спросила она.

– Уйдут куда-нибудь.

– Ну вот, – произнесла она с облегчением. – Значит, гонишь ты мышей, пугаешь, чтобы они напали на наши детские сады и все там уничтожили. Хорош гусь! У вас на Кавказе все небось такие?

Гамлет смутился. Он не мог понять, чем ожесточил эту достойную руководящую женщину.

– Давно подозреваю, – продолжила добрая женщина, – что вы там у себя пьете кровь христианских младенцев по приказу аллаха.

– Простите, – сказал Гамлет, – я принадлежу к христианской религии.

– Так что иди, твори, выдумывай, пробуй, но только не подрывай нашу экономику.

– А можно я в порядке эксперимента у складов мои таблички повешу?

– Какие еще таблички?

Гамлет показал табличку Ираиде Тихоновне. Та прочла: «Вход воспрещен». Рядом – изображение мышки и две скрещенные косточки.

– Это и есть твое средство?

– Я его еще не испытывал в боевых условиях.

Ираида начала смеяться, потому что в самом деле ей было смешно. Она уж испугалась, что мыши не смогут навещать склады и тогда не будет оправдания исчезновению со складов дефицитных продуктов.

– А разве мыши читать умеют? – засмеялась Ираида Тихоновна.

– А им не нужно читать. Они это почувствуют.

И тут Ираида Тихоновна совсем успокоилась.

Следует сказать, что по склонности души и по должности она была чрезвычайной взяточницей, и остальные взяточники смотрели на нее с завистью и нелюбовью. Предложение Гамлета, у которого уже создалась репутация выдающегося изобретателя, ее смутило. Вчера еще

можно было списать недостачу на мышей и тараканов, а если их не станет? Тогда бдительные взоры могут обратиться к несчастной вдове!

Когда же она увидела эту идиотскую табличку, на ее душу снизошло абсолютное спокойствие.

– Иди, – сказала Ираида, – устанавливай, вешай свои цидули у любого складского помещения – есть тебе на это моя полная индульгенция.

Ираида даже послала с Гамлетом своего референта Поликарпыча, существо бессловесное, поэтическое и доверчивое.

По дороге к складу они обсудила с Гамлетом особенности его метода борьбы с грызунами.

– Я размышлял следующим образом, – рассказывал Гамлет. – Ведь главное в рекламе или в любом публичном деле – удивить зрителя, заставить его задуматься.

– Но ведь мыши неграмотные.

– Ты посмотришь, что произойдет. Схема у меня проста. Мышь увидит, что над складом, в который она намеревалась войти, висит табличка, на которой она изображена рядом с костями. Она, конечно, прочесть не сможет, но встревожится, потому что сообразит: автор таблички угрожает именно ей.

– Ну, и пойдет она дальше.

– Ничего подобного. Она примет меры, чтобы разгадать надпись.

– Странно ты рассуждаешь.

– Странно – не странно, сейчас увидишь.

6. Мышиный выкуп

Они повесили таблички на склад. По одной у входа, у окон и у дыры сзади.

Потом отошли в укромный угол у забора, откуда все видно, уселись на траву и стали ждать.

А у складов кипела работа. Приезжали и отъезжали грузовики с ящиками и кулями, заходили и выбегали работники склада. Мельтешили мелкие жулики. Но мышей не было видно.

И лишь когда люди ушли на обеденный перерыв, появились первые грызуны.

Две мышки выбрались из-под автопогрузчика и побежали к входу.

Но не вбежали в склад, а остановились, глядя на незнакомую табличку.

Они вертели головками, стараясь сообразить, что это могло означать.

Сейчас бы им задать кому-то вопрос, но на освещенной площадке, при десятках занятых людей это сделать трудно.

Гамлет и его спутник ждали.

Что предпримут мыши?

Мыши ничего не предпринимали.

И вдруг Поликарпыч услышал. Тихий голосок, совсем рядом:

– Простите, вы умеете читать?

– А как же! – ответил Поликарпыч, который неоднократно учился в школе.

– Вы не прочтете для нас вон ту табличку?

Господи, сообразил Поликарпыч. Это же мыши мысленно интересуются! Как был прав Гамлет!

Стараясь не удивляться, не шуметь и не звать на помощь Гамлета, Поликарпыч прочел вслух:

– Вход воспрещен.

– И это все?

– Это все.

– А почему? – спросил мышиный голос.

– Чтобы народное добро не транжирили.

– А как же мы будем питаться?

– В другом месте.

– Странно, – сказала мышь, – а мы думали, что люди куда больше нашего уничтожают.

– Не исключено, – ответил Поликарпыч. – Но с ними тоже будет вестись борьба.

– Табличками?

– В том числе и табличками.

– А разве люди на таблички обращают внимание?

Поликарпыч не ответил, только плечами пожал. Мышам нельзя было отказать в наблюдательности.

– Мы согласны штраф платить, – произнес мышиный голос. – Зачем нас костями пугать?

– Не я пугаю, – ответил Поликарпыч. – Я бы и на штраф согласился.

– Так вы поговорите с начальством, – попросила мышь.

И тут Поликарпыч почувствовал, что его мозг очистился от мышиного присутствия.

Он обернулся к Гамлету, но Гамлет развел руками и произнес:

– Я все слышал. Внутренним слухом.

– И что будем делать?

– Я человек деловой, – сказал Гамлет. – Я работаю не для славы, мне семью кормить надо. Знаешь, что Раиса придумала? Туфли из кожи игуанодона.

– Игуанодоны вымерли. Может, это просто ящерица игуана?

– Мне большие деньги нужны, иначе она меня оставит ради любого культуриста. Так что у меня только на Ираиду Тарасовну надежда. Договор с ней заключу.

– Не заключишь, – возразил Поликарпыч. – У меня есть задание – проверить твое средство в работе и, если оно эффективное, отобрать у тебя и уничтожить. А при необходимости и тебя ликвидировать. Ты меня уж прости, но такие у нас в мэрии нравы царят.

– Тогда ухожу я от вас, – сказал Гамлет. – Подарю мое средство кому-нибудь.

– Можно дружеский совет дам? – спросил Поликарпыч.

– От советов никогда не отказываюсь.

– Продай его мышам. Хоть что-нибудь получишь.

– Нечестно это – деньги от вредителей получать.

И тут мышь произнесла в мозгу Гамлета следующие слова:

– У нас есть дети и старики, нам тоже хочется жить в мире со всеми людьми. Мы лучше Ираиды Тихоновны, потому что берем только то, что необходимо для поддержания нашего рода. Мы не строим виллу на Кипре.

– А она строит? – не удержался Поликарпыч.

– Нам доложили, – сказала мышь.

– Соглашайся, – посоветовал Поликарпыч. – Бери зелеными.

– Даем дарами Земли, – ответила мышь. – Зеленых не держим, мы их грызем.

– И правильно, – сказал Поликарпыч. – А какие дары?

– Можем выдать крупой, включая горох.

– Не хитрите, – сказал Поликарпыч. – Некогда нам с вами прохлаждаться. Сейчас же прибиваем таблички на всех складах, и тогда вы у нас попляшете.

В головах у Гамлета и его спутника зашуршало – мыши вели совещание.

– Потерпи, – сказал Поликарпыч Гамлету. – Некуда им деваться.

– А ты уверен, что это честно? – спросил Гамлет.

– По крайней мере, гуманитарно, – ответил Поликарпыч. – У мышей тоже дети имеются.

– Есть жемчуг, – прошептал мышиный голос. – Но ограниченное количество.

– Искусственный? – спросил Поликарпыч.

Гамлет мялся рядом, мучился, как Буриданов осел.

– Китайский, – сказала мышь, – из одного ожерелья.

– Гамлет, прибивай таблички. С этим народом договориться невозможно. Так и норовят тебя облапошить.

И снова зашуршало в головах. Возобновилось совещание.

– Есть у нас заветная шкатулка, – сказала мышь. – В нее мы складываем все драгоценности, что случайно обнаружились по подполам, дырам, склепам и подземельям, а также трещинам в асфальте.

– Несите, – вздохнул Поликарпыч. – Не хотелось нам вторичное добро у вас брать, но иного не дано.

Гамлет с Поликарпычем уселись на моток электрокабеля и стали ждать.

– Чем ты эти таблички пропитываешь? – спросил Поликарпыч.

– Научная тайна, – сказал Гамлет. – Плод долгих месяцев работы.

– Но без мистики? – уточнил Поликарпыч.

– Мистики здесь нету, – ответил Гамлет. – Спросите у Минца. Он в курсе и меня консультировал.

– По логике вещей должны быть таблички и для других объектов?

Поликарпыч когда-то учился в институте, бросил, пошел в чиновники, но живость ума сохранил.

– Есть для тараканов, – сказал Гамлет, – но результаты нестабильные, потому что тараканы плохо мысли передают.

– А как же?

– У меня от табличек идет моральное излучение, – сказал Гамлет. – Думаете, почему мыши разволновались? Они ведь в коллективе неглупы, ох и неглупы.

– А еще против кого?

– Ну, против крыс, сами понимаете.

– Покажи, Гамлет, в чем разница?

Гамлет протянул руку к сумке, в которой лежали таблички, но сумки не оказалось.

– Это еще что такое?

Поликарпыч сразу догадался, в чем дело, и кинулся по следу. След был виден – сумку тащили по пыльному двору.

А вот и сумка!

Она дергалась и дрожала, разве что не стонала у стены склада, потому что некто старался втащить ее в небольшую дыру, а она не втаскивалась.

Гамлет с Поликарпычем догнали сумку и после недолгой борьбы вырвали ее из зубов стаи крыс, которые намеревались спрятать сумку с табличками в своих подземельях.

– Теперь я поверил, – произнес Поликарпыч.

– Они подслушали, – сказал Гамлет, – как мы с мышами говорили. – А может, мыши проговорились. Паника царит в мире вредителей. Что-то мыши медлят...

Но мыши не медлили. Просто им нелегко было доставить шкатулку.

Когда же Гамлет с Поликарпычем вернулись к мотку кабеля, они увидели возле него несколько мышей, которые с натугой притащили на шпагатах небольшую картонную шкатулку непритязательного вида.

– Снимайте таблички, – сказал мышиный голос.

– Погоди, – ответил Поликарпыч. – Сначала проверим.

– Без обмана, – ответила мышь. – Побрякушки, которые находятся внутри, мы и наши предки собирали много лет. И вот пригодились...

Поликарпыч открыл шкатулку и присвистнул. Она была буквально набита кольцами, серьгами, кулончиками, браслетиками и даже тонкими ожерельями. Некоторые были совсем грязные, но от всех исходило сдержанное благородное сияние золота и драгоценных камней.

– Здесь нет подделок, – сказал мышиный голос.

– Посмотрим, – ответил Поликарпыч, закрыл шкатулку и спрятал в боковой карман пиджака.

– Вы чего? – удивился Гамлет.

– Не здесь же делить, – ответил Поликарпыч.

– А где?

– Пойдем ко мне, – предложил Поликарпыч, и глаза его загорелись недобрым блеском, чего Гамлет, конечно же, не заметил.

– Зачем?

– У меня отдельная квартира, живу один, никто не заметит. К тебе ведь нельзя. Твоя Раиса если увидит, такой шум поднимет, что приедет милиция и на всякий случай у нас все отберет.

Гамлет согласился, что Поликарпыч прав. Так надежнее.

– Ты не беспокойся, – говорил Поликарпыч по дороге, – я половину возьму, а на больше не претендую. На что мне больше? Мы с тобой поровну трудились, поровну жизнью рисковали.

– Нет, я ничего, – возражал Гамлет, – я жизнью не рисковал.

Дошли до нового дома на Коминтерновской. Его еще в том году сдали, сразу строили, сразу евроремонт в нем проводили. Хороший дом получился, во весь первый этаж решетки.

– Стой здесь, – приказал Гамлету Поликарпыч. – Ни с места. Я проверю обстановку.

Он открыл подъезд спецключом, тихо закрыл за собой дверь.

Гамлет стал ждать.

Он обдумывал новое изобретение, которое денег не даст, но теоретически представляет интерес...

Потом посмотрел на часы.

Прошло сорок минут.

Может, Поликарпычу плохо стало? Или он забыл? Ведь бывает же с людьми – забывают. Гамлет проклинал свою рассеянность. Как же он забыл номер квартиры спросить? Теперь он не сможет прийти человеку на помощь.

Он еще подождал. И прежде чем уйти и спросить телефон Поликарпыча у него на службе, Гамлет нажал на кнопку «вызов».

Он угадал.

Дверь приоткрылась. В ней стоял крупного телосложения мужчина – лысый, хмурый, недобрый.

– Тебе чего? – спросил он.

– Мне к гражданину Поликарпову, – обрадовался Гамлет. – Он меня ждет.

– Ах, вот ты какой, шантажист? – спросил человек. – Мне один товарищ просил тебе сказать: его здесь нет, и он не проживает. А если ты думаешь наоборот, то лучше не соваться, потому что милиция о тебе, ваххабитская морда, уже предупреждена. Я тебя покалечу, мне ничего не будет, так как я нахожусь в пределах допустимой самообороны.

Дверь закрылась.

Гамлет понял, что проиграл.

Причем проиграл неоднократно.

Проиграл вредителям, потому что как человек чести он не имеет права пользоваться табличками от мышей.

Проиграл Поликарпычу, потому что никогда и никому не докажет, что отдал ему сказочную шкатулку со сказочными драгоценностями.

Проиграл Ираиде, потому что никогда уже она не заключит с ним никакого договора.

Проиграл собственной жене Раисе, потому что она убедится в очередной раз, какой он никчемный пустобрех. Дома жрать нечего, а он пустыми изобретениями увлекается.

И проиграл своему брату Армену, который сколько раз говорил: бросай науку, занимайся делом!

С такими печальными мыслями Гамлет пошел домой.

Но он отошел не очень далеко.

В проходном дворе от Коминтерновской к Пушкинской дорогу ему преградила большая, наглого вида крыса.

– Гамлет, – сказала она. – Положи таблички против крыс на землю. Сколько их у тебя?

– Три.

– Положи все три. Под кирпичом справа от тебя лежит выкуп. Мы не мыши, мы по мелочам не торгуемся.

Интуиция подсказала Гамлету, что крыса не лжет.

Он вынул из сумки три таблички. Потом подумал и достал все остальные – от грызунов и вредителей. Включая лис и волков.

– Берите все, я больше в это не играю.

– И правильно, – ответила крыса, – все хотят жить и кушать. Займись лучше людьми, они куда вреднее любого зверя.

Гамлет кивнул.

Несколько крыс выскочили из-под дома и утащили таблички. Слышно было, как они грызут их в подвале.

Большая крыса убежала.

Гамлет отодвинул кирпич. Под ним лежала стопка долларов. Там были разные банкноты, но большей частью стодолларовые.

– Интересно, – подумал Гамлет вслух. – И откуда они их берут?

– В казино, – ответил голос.

Гамлет пошел в пункт обмена валюты проверить, не провели ли его грызуны. Оказалось, что доллары настоящие. На десятку он купил цветов.

Раиса долго не открывала.

Гамлет решил было, что она убежала на свидание или вообще собрала чемодан.

Но тут дверь широко распахнулась.

Раиса выскочила на лестничную площадку.

Выхватила из руки Гамлета букет и звонко поцеловала его в кончик носа.

– Заходи, чего стоишь, мой герой!

В полной растерянности Гамлет вошел в квартиру.

Раиса кинулась в комнату. Там на диване валялась небольшая картонная шкатулка, а возле – кучка всевозможных драгоценностей.

– Откуда это? – воскликнул Гамлет.

– А ты не знаешь?

– Скажи, любимая!

– Мыши принесли. Я от них даже и не ожидала, а они, оказывается, у тебя дрессированные! Чего от меня таился?

– Но почему же ты решила, что от меня?

– Шутки в сторону, – рассмеялась Раиса. – Они же тебе записку оставили.

Записка была маленькой, да и вряд ли мышам было бы удобно писать на большом листе.

«Спасибо, Гамлет, – было изображено на ней мелкими буковками. – Долой несправедливость! Добро торжествует, порок наказан. Теперь мы знаем, глядя на тебя, что и среди людей встречаются порядочные мыши».

– Ну и дела, – вздохнул Гамлет. – Я был убежден, что мыши не умеют писать.

Никто ему не ответил.

Раиса сидела у зеркала и примеряла бриллиантовые серьги, которые Лидия Авскентьевна, вдова действительного тайного советника Малашевского, спрятала под половицу в день, когда в Великий Гусляр пришли большевики.

7. Поражение Поликарпыча

В дверь позвонили.

Там стоял плохой человек, Поликарпыч, в жалком виде.

– Ты зачем у меня шкатулку забрал? – кричал он на весь подъезд. – Ты не имел права у меня в квартире шуровать!

Гамлет хотел закрыть дверь, но Поликарпыч вставил ногу в щель и не отступал.

– Я ничего не знаю, – повторил Гамлет.

– Еще как знаешь. Гони половину!

– Уйдите, пожалуйста, – сказал Гамлет. – Вы вели себя со мной несправедливо.

– Да что ты понимаешь! – закричал Поликарпыч. – Я же тебе чай поставил, побежал в ванную отмывать наши находки, а ты забрался ко мне...

– Я не забирался.

– Значит, мышей подослал. А у меня мать на одну пенсию в Саратове живет. У тебя совесть есть, дитя Кавказа?

И такие крупные слезы полились по щекам Поликарпыча, что нечто жалкое и мягкое шевельнулось в душе Гамлета.

– Ну ладно, – сказал он, – подожди здесь. Я что-нибудь вынесу.

– Я с тобой пойду, сам отберу.

– Как хочешь, только учти, что Раиса дома.

Это остановило Поликарпыча на лестничной площадке.

Гамлет зашел в комнату и присел на корточки рядом с Раисой.

– И как тебе эти бранзулетки? – спросил он.

– Не отвлекай! – прикрикнула на него Раиса. – Интеллигентный ты мой, иди чаю поставь, сосиски в холодильнике.

– Ты позволишь три-четыре колечка у тебя забрать?

– Это почему? – удивилась Раиса. – Ты что, в казино намылился?

В жизни Гамлет не заходил в казино и даже в мыслях этого не держал, но Раисе давно хотелось, вот ей и показалось, что мужу тоже хочется.

– Надо, – сказал Гамлет, – это не моя часть.

Он схватил с пола несколько колечек и браслет. Он спешил, обливаясь кровью, потому что Райка успела полоснуть его по руке острыми когтями.

Он выскочил на лестницу.

Поликарпыч стоял, прислушиваясь к голосам внутри квартиры, и трепетал, потому что понимал: если Гамлет его не пожалеет, кто его пожалеет?

Гамлет выбежал на лестницу.

В жмене у него были зажаты драгоценности.

– Держи и беги, – прошептал он.

Но вы ведь знаете, как устроен русский человек, на примере одной рыбацкой старухи?

Как только Поликарпыч увидел мерцание золота, в нем взыграла обида.

– Ты что мне суешь, что за ничтожную подачку в морду тычешь?

– Бери, услышит! – умолял его Гамлет.

– Неси еще!

– Бери и уходи! – Гамлет умолял Поликарпыча.

И тут, конечно же, на сцене появилось новое действующее лицо. А именно Раиса Лаубазанц.

Нет, не появилось, а вылетело, как пробка из шампанского.

Она врезалась в Поликарпыча в тот самый момент, когда тот решил все же для начала взять то, что дают.

Ах, как бежал Поликарпыч. С криками о милиции и гражданской совести. Как угрожал он именем Ираиды Тихоновны!

И с этими криками он выбежал из подъезда и влетел в открытую дверь вседорожника, в котором Армен приехал навестить своего брата и узнать, что еще у него плохого. Почему его жена побирается у магазина-бутика?

Что за человек – брат! Не может заработать на туфли из кожи этого самого бронтозавра?

Телохранитель выставил кулаки, и Поликарпыч свалился направо. Раиса метнула вслед Поликарпычу горшок с цветами. Горшок влетел в открытую дверь вседорожника и разбился.

Армен не почувствовал удара. Не первый удар, не последний.

– Раиса, зайди ко мне, – приказал он. – Гамлет, постоишь в дверях.

Раиса не посмела противоречить.

Влезла в джип. Внутри была каюта три на три, с диваном, столом и телевизором.

– Быстро! – приказал Армен, пока телохранители убирали осколки горшка. – Что происходит?

– Сам принес, – сказала Раиса, – а сам отдал.

Армену пришлось потратить полчаса, прежде чем он получил признания Гамлета и показания Раисы.

Поликарпыча уже не смогли догнать, хотя Армен хотел его наказать.

А потом раздумал.

Знаете, почему? Потому что решил, что Поликарпыч вел себя нормально. Хотел получить максимум.

А с Гамлетом надо было что-то делать. Нельзя так вот отдавать. Нельзя. Надо постоять за себя. Даже крысы умнее и решительнее, даже мыши сражаются в стае. Что за занятие для мужчины – наука? Наукой должны заниматься старики, инвалиды или евреи.

Один из последних в Великом Гусляре живет.

Это Лев Христофорович Минц.

Говорят, выдающийся ученый, химик-мимик.

– Поехали, – приказал Армен. – А ты, Раиса, береги дом, как крепость. И цацки чтобы по счету каждый вечер мужу сдавала, даже если он тюфяк. Но мы из него человека сделаем, понимаешь?

– Не понимаю, – сказала Раиса.

Она Армену шкатулку не показала. Отнял бы. Хоть брата он любил, но деньги любил больше.

Гамлет покорно поехал на вседорожнике к профессору Минцу, и чувство у него было двойственное. С одной стороны, он радовался скорой встрече со своим кумиром, с другой – трепетал от предчувствия профессорского гнева. Ведь наверняка Армен будет вести себя нетактично, предлагать деньги и, может, даже угрожать, что немыслимо.

Вот и дом № 16 по Пушкинской улице.

Двухэтажный, деревянный, полубарачного типа, памятник сталинской эпохи.

Армен послал охранника постучать в профессорское окно на первом этаже.

Окно само открылось, это должно было насторожить Армена, но тот привык к тому, что все двери ему подчинялись, и не обратил внимания на окно.

В окне появилась довольная физиономия профессора Минца. В ней все было гладкое – голова как мяч, без единого волоска, очки круглые и глаза круглые.

– Какие гости! – произнес профессор. – Заходите, отдыхайте.

– Слушай, старик, – сказал из глубины машины Армен, – у меня братан не в форме. Характер ему нужен, железный, как у Феликса.

– Очень любопытно, – сказал Минц. – А кто будет ваш братан?

Гамлет смущенно вылез из вседорожника и подошел к раскрытому окну.

– Гамлет, принц! – воскликнул Лев Христофорович. – Какими судьбами!

– Они мною недовольны, – признался Гамлет. – И Арменчик, и Раиса, моя супруга.

– Что же ты натворил, мой юный коллега?

– Погоди, не встревай, – произнес из глубины машины Армен. – Я моего братца Гамлетика как родного люблю. Он у меня грамотный, в институте-минституте учился.

– Я знаю об этом, – согласился Минц. – И чем же я могу быть вам полезен?

– Не человек – тряпка. Если так будет продолжаться, я у него жену отберу. И он, знаешь, что сделает? Извините, скажет. Стыдно всему семейству Лаубазанцев.

– Характер дается с рождением, – защитил Минц.

– Значит, будем менять, – сказал Армен.

– Но Гамлет – прирожденный талант.

– Меня это не колышет, – возразил Армен. – Мне нужен человек с характером.

– Надо подумать, – произнес Минц. – Должен признаться, что я люблю трудные и даже невыполнимые задачи. Приходите ко мне на той неделе.

– И не мечтай, старик, – сказал Армен. – Времени нету. Над ним даже мыши смеются, сам слышал. Пускай он будет железный джигит, жестокий, как главный налоговый инспектор, суровый, как памятник Гоголю, умный, как мама товарища Ленина. А если ты не добьешься всего этого к завтрашнему утру, я тебя не пощажу.

– Простите, Лев Христофорович, – попросил за брата Гамлет. – Я, честное слово, не имею отношения к этой выходке. Но должен при-

знаться, что уважаю и даже люблю моего брата Армена, хотя он и занимается преступным бизнесом. Но такова наша судьба. Мы росли в бедной армянской семье, которая мыкалась в Краснодарском крае на положении незаконных беженцев. Это прошлое воспитало в нем умение противостоять судьбе-индейке.

– Добро, добро, – ответил Минц, – идите, гуляйте, молодые люди.

Он помахал им из окна, и окно само закрылось.

Гамлет постучал в стекло, стал знаками предлагать свою помощь, но Минц только отрицательно покачал головой.

– Завтра будем у него в девять часов утра, – сказал Армен, закрыв дверцу машины. – И я ему не позавидую, если он не сделает тебя железным Тамерланом.

Гамлет вернулся домой, его жена Раиса была любезна, но строга. Она показала ему четыре колечка и одну подвеску из опустевшей шкатулки и сказала:

– Вот что осталось после того, как я отдала все самые срочные долги зеленщику и булочнику. А также тете Матильде.

Слова Раисы были лживыми, и Гамлет, конечно же, понимал, что она просто припрятала драгоценности, чтобы часть из них послать родственникам в Заклепкино, а на другую часть купить долларов, такая она была жадная. Но вместо того чтобы показать свою осведомленность, Гамлет покраснел за свою нечестную жену, потому что испугался, что люди могут подслушать и лишить Раису уважения. Поэтому он поспешил сказать:

– Конечно, конечно, всегда надо платить зеленщику и булочнику и профсоюзные взносы.

Он не шутил и не издевался над женой, а только растерялся, а Раиса почуяла в его словах издевку и стала вопить:

– Какие еще такие профсоюзы!

Вдруг послышался громкий шорох, и из-под двуспального ложа показались мыши, несколько мышей. Они с трудом тащили в маленьких ротиках колечки и другие драгоценности, которые там обнаружили.

Они принялись кидать добычу к ногам Гамлета, поскольку полагали, что именно Гамлет владелец этих ценностей.

Райка не столько перепугалась, сколько рассердилась и стала кидаться на мышей, чтобы растоптать их ногами, а Гамлет защищал мышей и не пускал жену к грызунам.

Потом мыши благополучно убежали, а Гамлет с женой собрали с пола ценности, причем Райка все повторяла:

– Ума не приложу, как они туда закатились! Их же дома не было.

И Гамлет снова не стал возражать.

8. Обмен качествами

К Минцу поехали с утра. Райка увязалась с братьями. Ей было любопытно, как этот профессор будет ставить опыты. Может быть, и ей что-нибудь перепадет.

Гамлет натянул свежую рубашку, причесался. Остальные посмеивались, а Гамлет не сомневался, потому что верил в научную силу профессора. К тому же следует признать, что в глубине души Гамлет себя не любил именно за покладистость, безволие, соглашательство. Он видел себя изнутри и со стороны одновременно, и зрелище было не из приятных.

Он понимал, что ничего с таким характером ему в жизни не добиться и в конце концов любимая Раиска от него уйдет к любому идиоту, который сумеет приказывать, давать подзатыльники и даже время от времени ее пороть.

Профессор еще завтракал, не был готов к началу опытов, но Армен, как всегда, спешил и не любил тратить своего времени даром. Так что он велел охранникам вытащить профессора из-за стола и забросить в джип. Гамлет умолял брата вести себя сдержаннее, но тот и слышать о сдержанности не желал.

– Давай, старик, – приказал он, – быстро! Где твои капли-мапли, уколы-муколы, таблетки-маблетки?

Раиса засмеялась. Ей показалось очень забавным видеть толстого лысого профессора, зажатого между охранниками.

– Только не сердитесь, пожалуйста, – умолял его Гамлет.

– А я и не сержусь, – сказал Лев Христофорович. – Горбатого могила исправит. Или жизнь.

– Без намеков, – рассердился Армен. Он не понял, чем его пугает этот профессор, но сообразил, что пугает.

Минц только улыбнулся. Тихо, загадочно, но вежливо.

– Передо мной, – сказал он, – была поставлена трудная и невыполнимая задача: в одночасье изменить характер взрослого, сформировавшегося человека. Внедрить в него качества, которые, на взгляд его

близких, ему необходимы. Начнем с вопросов. Уважаемый господин Армен, какое качество в первую очередь необходимо вашему брату?

– Это самое! – сразу откликнулся Армен.

Все замерли, глядя на Армена.

– Решительность! Настоящий мужчина должен быть решительный. Сказал – тут же пошел и сделал. И ни одна сволочь тебя не отговорит, даже мама родная.

– А вы решительный? – спросил Минц.

– Каждый собака от Москвы до Еревана скажет: Армен – самый решительный человек в Вологодской области.

Минц вытащил из верхнего кармана брюк небольшой раструб, похожий на вороночки, которые вставляют в ухо человеку врачи ухо-горло-нос, чтобы поглядеть, нет ли мухи или муравья в твоей барабанной перепонке.

Вот это он и сделал с Гамлетом.

Гамлет замер и терпел.

Из другого кармана брюк Минц достал пультик, такой маленький пультик с экранчиком, как сотовый телефон, только еще меньше. И стал внимательно глядеть на него.

Иногда он приказывал молодому человеку:

– Правее, а теперь чуть левее... не так сильно! Вот-вот, именно так! Отлично!

Раиса склонилась, чтобы получше рассмотреть, что там, на экранчике, написано. Но не поняла – слишком мелко и нерусскими буквами.

– Вы приобретаете решительность, столь свойственную вашему брату Армену, – приговаривал Минц. – Ваше сознание наполняется умением принимать быстрые и окончательные решения. Вы это ощущаете?

– Простите, нет! – ответил Гамлет.

– И правильно, – согласился с ним профессор. – Вы почувствуете это завтра утром.

Что-то щелкнуло в приборчике профессора, и тот удовлетворенно произнес:

– Эксперимент удался. Переходим к следующему качеству. Что нам еще понадобилось?

– Чтобы виноватым не был, – сказала Раиса. – Не выношу, когда он все время извиняется. Что за бред такой! Пускай он ни в чем не будет себя винить!

– Как вы? – спросил Минц.

– Я всегда знаю, кто на самом деле виноват! – согласилась Раиса.

На этот раз профессор Минц вставил воронку в другое ухо Гамлета, в то, которое было обращено к Раисе.

– Понимаю, – сказал Армен. – Это – как уловитель будет, да? Какие волны от меня идут, он себе ловит.

– Примерно так, – согласился Минц и принялся снова глядеть на свой приборчик.

Жужжало, но негромко, Раиса поежилась, словно в салон вседорожника залетел порыв холодного ветра.

– Все, – сказал профессор. – Зафиксировано. Теперь продолжим набор качеств, необходимых, на ваш взгляд, настоящему мужчине.

– Жестокость, – сказала Раиса. – Никого жалеть не надо. А то нюни распускает.

– И кто же у нас самый жестокий? – спросил профессор.

– Грицко, – хором ответили охранники, все шестеро.

– А что, – подтвердил самый жилистый из них, с птичьим взглядом коршуна. – Жалеть – только мучения тянуть, лучше сразу – и контрольный выстрел.

– Нормально, – сказал Армен. – Поделись с моим братцем, подскажи ему, что это такое.

– Я не хочу кошек мучить, – взмолился Гамлет.

– Этого от тебя не потребуется, – заметил Минц. – Качество натуры различно проявляется в той или иной личности. Я тебе даю эти качества в пределах нормы.

– И точно, – согласился Грицко, – а то иногда на меня найдет, я со своей жестокостью просто справиться не могу. Так и кричу: «Дайте мне этого бен Ладена! Я из него котлету по-киевски сделаю!»

На этот раз воронку пришлось держать в ухе подольше – качество проникало в Гамлета с трудом. Но в конце концов справились – внедрилось.

Все вздохнули с облегчением.

– Какие еще качества нам понадобятся? – спросил Минц с легкой улыбкой.

– Деньги надо экономить, – сказала Раиса – А то у него как что появится...

– Добро бы играл или на баб тратил, – добавил Армен. – Он может пацану дать на «Лего» или нищему подарить; один раз для детского дома целый книжный магазин купил.

– Значит, я буду жадный? – с испугом спросил Гамлет, который до того в опыт не вмешивался. Только головой вертел, когда приказывали.

– Не жадный, а бережливый, – поправила мужа Раиса. – Как я.

– Ты жаба, а не человек, – сказал Гамлет. – Такого я себе не желаю.

– А можно, чтобы немножко? – спросил Армен. – Чуть-чуть бережливый, а не так, чтобы как Райка.

– Постараемся, – усмехнулся Минц. Он все время улыбался, некоторые даже чувствовали себя неловко. Над чем он посмеивается? Может, над ними?

Минц провел еще один сеанс по поводу бережливости, и тут Армен закричал:

– Хватит! А то слишком хороший получится, люди будут нас путать!

Никто не засмеялся.

И понятно. Для такого небольшого города, как Великий Гусляр, одного Армена Лаубазанца достаточно. Даже охранникам стало страшновато, когда они своим неразвитым воображением представили, что по улицам будут в двух вседорожниках разъезжать два таких человека.

– Результат когда? – строго спросил Армен.

– Вы мне должны восемьсот долларов, – произнес Минц. – Я с вас беру только за исходные материалы и прибор.

– Ты с ума сошел, старик, – возмутился Армен. – Ничего ты не получишь, раз такой невежливый. Надо ждать, пока тебе дадут, а сам никогда не проси. Стыдно за твой почтительный возраст!

– Извините, – произнес тогда Гамлет. – Мне тут крысы дали, но, боюсь, что восьмисот не наберется.

– Давай что есть, – сказал Минц.

Когда Райка увидела, что ее муж достает из кармана пачку долларов, она буквально взвыла от бешенства и кинулась зубами к руке мужа, чтобы его остановить.

Но Минц, хоть и старый человек, так ловко выхватил доллары да так быстро выскочил из вседорожника, что Раиса осталась ни с чем и принялась сверлить своего мужа, да так и сверлила до самого дома, а

Армен не вмешивался, он думу думал – как бы использовать Минца с пользой для теневого бизнеса. Но понимал, что сейчас не время для деловых предложений, потому что этот Минц оскорблен и унижен, с трудом держит себя в руках, и то только потому, что боится Арменовских киллеров. Пускай отдохнет, придет в себя. То, что Гамлет ему бабок дал, – это даже хорошо. Ученых надо прикармливать, иначе все убегут за бугор.

– А теперь, – сказал Армен, – мы поедем ко мне домой и выпьем по маленькой.

Он обернулся к Раисе и Гамлету.

Но Гамлет сказал:

– Прости, брат, голова болит... Можно я домой поеду?

– Какой ты был, такой ты и остался, – обиделся Армен, но настаивать не стал, сам тоже устал. Трудно целый город держать в руках, когда столько завистников.

Раиса сунулась было с предложением взять ее с собой и пообедать где-нибудь в ресторане, но Армен сказал:

– Лучше за мужем посмотри. Его, наверное, ломать будет.

– Может, оставишь мне Грицка? – попросила Раиса. – Боюсь, что когда Гамлетик в себя придет, начнет буйствовать.

– Знаем мы, зачем тебе Грицко нужен. Не получишь. А с завтрашнего дня, если этот еврей-профессор не обманул, он сам тебе за мужа будет.

Так что Раису с Гамлетом высадили возле их дома, и вседорожник, поднимая пыль, ускакал вдаль.

– Иди, что ли, перерожденец, – сказала Райка и подтолкнула мужа.

Он послушно пошел домой.

9. Наука торжествует

На следующее утро первым поднялся профессор Минц. Он постучал палкой половой щетки в потолок, и вскоре со второго этажа спустился его сосед Корнелий Иванович Удалов.

– Чего так рано? – спросил Корнелий.

– Сегодня хочу посмотреть, как сработала система.

– Это которую вчера Лаубазанцы пробовали?

Удалов обычно в курсе дела, чем занимается Лев Христофорович. А уж когда речь идет о таком перспективном приборе, он понимает, что

его можно использовать в деле исправления человечества, особенно если речь идет о несовершеннолетних преступниках или о неблагополучных семьях.

– Пошли, – предложил Минц, – погуляем.

– Опасаешься в одиночестве оказаться в их районе? – улыбнулся Корнелий Иванович.

– Разумеется, всяческие выбросы энергии возможны, – сказал Минц, – но, думаю, скандалов не будет. А если так, то использование моей системы будет делом сложным и деликатным.

Он больше ничего не стал разъяснять другу. Они оделись и пошли гулять по городу с таким расчетом, чтобы часам к десяти оказаться в районе дома Гамлета Лаубазанца.

Минц даже захватил сотовый телефончик, чтобы позвонить Гамлету.

А вдруг понадобится участие?

Минц мог только догадываться о том, что происходит в утренней тиши на квартире Гамлета, и, догадываясь, он рассказывал об этом Удалову, а тот слушал внимательно и верил каждому слову.

Сегодня мы знаем, что Минц в своих предположениях не ошибся...

Первым проснулся Гамлет. Но вставать не хотелось, хоть в теле ощущались бодрость и желание вмешаться в покойное течение жизни.

Он взглянул на Раису. Во сне ее лицо несло на себе выражение красивой безмятежности и доверчивости.

«Странно, – подумал Гамлет. – Я ведь знаю, что Раиса нехороший человек, и единственный выход для меня – выгнать ее из дома, расплеваться с родным братом, отправиться в Петербург, затеряться там и заняться чистой наукой. Что мне нужно? Рубашка, белье, подушка, кусок хлеба и компьютер».

Тут, правда, Гамлету пришлось прервать поток сознания, так как он вспомнил, что с его внешностью в Петербурге не так легко пройти регистрацию. Может, он нужнее в Швейцарии?

Раиса открыла глаза и потянулась.

Увидела рядом с собой Гамлета и улыбнулась ему, как не улыбалась со дня свадьбы.

– Погоди, Гамлетик, – сказала она, – я завтрак приготовлю. Ты ведь у меня гренки уважаешь с омлетом.

Гамлет беззвучно ахнул.

Раиса ланью, молодой пантерой, спрыгнула с кровати, и Гамлет залюбовался ее прекрасным сочным телом.

– Ах, – сказала она от двери, – ты меня смущаешь взглядом, буквально раздеваешь, шалунишка!

Раздевать ее и не надо было, потому что Раиса обычно спала обнаженной.

Гамлету хотелось попросить прощения за то, что он неделикатно смотрит на жену, за то, что еще не вскочил и не побежал жарить Раечке яичницу, и за то, что до сих пор не попросил у нее прощения.

Но вместо этого его язык произнес следующее:

– Раиса, кофе покрепче, мне надоело пить по утрам всякую бурду.

Это заявление привело Гамлета в ужас, хотя произнес его собственный язык. Дело в том, что бурду по утрам варил он сам, а кофе при этом экономили именно по инициативе Раисы. Готовил кофе он так: чашечку «Нестле» для Раечки и стакан напитка «Северное кофейное» для себя.

В голове у Гамлета зашуршало.

Он понял, что главный мыш залез к нему в сознание и намерен поговорить.

И вправду. Мышиный голос произнес:

– Мы тут посоветовались и решили. Будем просить вас, Гамлет Суренович, занять пустующее место мышиного короля. Нам нужен гуманный и решительный защитник интересов нашего многочисленного, свободолюбивого, но гонимого народа. Тем более что вы теперь прославитесь твердым характером, решительностью и иными королевскими качествами.

Конечно, Гамлету хотелось попросить прощения у мышей, потому что он совершенно недостоин носить такой высокий титул, но вместо этого он мысленно произнес:

– Я подумаю. Не исключено, что и приму ваше предложение. Но и вам, мои дорогие, придется кое в чем изменить свое поведение. Сократить вредительство до минимума.

– Ура! – закричал мышиный голос и исчез.

Раиса заглянула в комнату, она уже надела красивый фартук в пионах прямо на обнаженное тело, и это ей шло.

– Любимый, – произнесла она слово, которое ее язык отказывался выговорить уже два года, со дня свадьбы. – Любимый, завтрак на

столе. Или ты хочешь... – тут лукавая улыбка коснулась ее полных губ, – чтобы я принесла его в постель?

И оба они засмеялись.

Потом они сели завтракать.

Гренки были изумительные, омлет нежный. Он был приготовлен любящими руками. Гамлет это понимал и глядел на жену ласково.

– Я подумала, – сказала Раиса, – что нам этой мышиной шкатулки много. Чего мы будем беречь чужие колечки? Может, продадим и купим квартиру попросторнее?

– Погоди, – отрезал Гамлет. – Не исключено, что мы с тобой покинем этот город. Мне пора двигаться дальше, расти как ученому. Ты как полагаешь?

– Я – как ты, милый, – ответила Раиса. – Хотя жаль покидать родимый край. Он нам дал все...

И тут до них донесся тонкий многоголосый стон.

– Что это? – удивилась женщина.

– Я думаю, это мыши. Они выбрали меня королем, а я хочу уехать.

– Вот видишь, – сказала Раиса. – Мыши тоже переживают.

Зазвенел телефон.

– Ах, ну кто нарушает наш покой! – воскликнула Раиса. – Мне так хотелось побыть с тобой наедине.

– Нам предстоит еще множество счастливых дней, – сказал Гамлет. – Может быть, у человека к нам дело...

Он взял трубку.

Звонил профессор Минц.

– Доброе утро, – сказал он. – Простите за беспокойство, но мне, как вашему коллеге, хотелось бы узнать, есть ли результаты.

– Честно говоря, – ответил Гамлет, – результатов пока нет, нулевые результаты. Но я был бы рад видеть вас сейчас у себя дома. И вот Раиса улыбается, ждет вас.

Раиса кивнула. Она все поняла и не возражала. Ей профессор понравился. Солидный мужчина. Если бы не такой добрый, сильный, решительный муж, она бы соблазнила лысенького стариканчика.

А Минц внизу, на улице, отключил телефон и сказал Удалову:

– Корнелий, кажется, опыт удался, и тебе сейчас предстоит узнать его результаты.

Они направились к подъезду панельной пятиэтажки. Минц протянул руку к двери в подъезд, и тут сзади раздался оглушительный визг тормозов.

Рядом замер, покачиваясь, вседорожник.

Дверца открылась, и из него выскочил на мостовую сам Армен Лаубазанц. Охранники выползали за ним, старались построить вокруг шефа живую стену, но Армен их мягко оттолкнул и спросил:

– Ну как, профессор, навестим нашего брата?

– Я вот как раз собираюсь этим заняться, – ответил профессор, внимательно глядя на Армена, ну точно как энтомолог на только что открытого жука, которого хочется занести в Красную книгу, где и без него тесно.

Минц хотел пропустить бандита вперед, но бандит на это не попался, он стал проталкивать Льва Христофоровича в подъезд и при этом, к ужасу охраны, говорил:

– Я тут... понимаешь, хотел как бы извиниться за вчерашнее поведение. Переоценил я себя, блин. Понимаешь, я тут всю ночь базарил, ни в одном глазу. И размышлял, а правильно ли я жизнь свою выстроил? А не надо ли ее переиграть, пока не поздно?

В конце концов они втиснулись в подъезд, и разговор продолжился на лестнице.

– Это у вас с утра такое настроение? – спросил Минц.

– С утра, блин. Ты меня понимаешь?

– Попрошу не тыкать! – вдруг рявкнул профессор к вящему удивлению Удалова и замерших внизу охранников. Даже Удалов не догадался, что слова Минца – часть эксперимента. Он испытывал характер Армена Лаубазанца.

– Простите, Лев Христофорович, – спохватился Армен. – Знаете, как нелегко выдавливать из себя хама! Еще Чехов, простите, этим занимался, но не знаю, удалось ли это нашему великому композитору?

– К концу жизни, – ответил Минц. – К концу жизни наш великий писатель Чехов по капле выдавил из себя раба.

Они подошли к двери в квартиру Гамлета. Но звонить не пришлось. Дверь гостеприимно распахнулась навстречу им. В дверях стояла Раиса – улыбка до ушей, за ней улыбался Гамлет.

– Какие гости! – пропела Раиса. – Как мы рады! Мы рады, Гамлетушка?

Гамлет поцеловал жену в висок, легонько приподняв, отставил ее от двери и прошептал:

– А ну-ка, лапушка, на кухню! Мечи, что есть, на стол.

Раиса довольно пискнула и исчезла.

Остальные вошли в единственную бедную комнату Гамлета. Тот мгновенно сбросил за диван белье и жестом пригласил гостей садиться.

– Впервые вижу тебя, братан, – сказал Гамлет, – вне джипа. Что случилось? Сломалась машина? Враги уехали?

– А черт с ними – с врагами! – ответил Армен. – У меня возникли серьезные сомнения по части смысла жизни. Скажи, хорошо ли угнетать и порабощать других людей, даже если они бандиты? Ведь недаром человечество поклоняется таким людям, которые себя не жалели. Месроп Маштоц, знаешь? Какие красивые буквы придумал, все людям отдал. А скажи, мой брат, ты хороший человек? А? Талантливый! Так зачем мы с Раиской над тобой издеваемся? Смеемся, понимаешь! Ведь мы пальца твоей ноги не стоим!

В голосе Армена кипели слезы, и вокруг все тоже начали плакать, исключая Гамлета. Бывают такие трогательные обращения к народу, которые лучше звучат не на лестнице панельного дома, а с церковного амвона или с трибуны Съезда народных депутатов.

– Спокойно, братец, – сказал Гамлет. – А вы все, рассаживайтесь, сейчас Раиса вас чайком побалует, она у меня хозяйственная и добрая, даром что кажется хамоватой.

– Это я только кажусь! – откликнулась Раиса из кухни. – Извините меня.

– Я подумал, – сказал брат Армен, – что слишком долго засиделся на своем посту. Хватит. Пора заняться чем-то созидательным. Может быть, чеканкой по металлу? Помнишь, брат, как я в Доме пионеров трудился?

– Ты талант, Армен, – согласился Гамлет. – Но я не буду руководить бандой. Пустое дело.

– Но ведь у тебя теперь характер есть? – спросил Армен.

– Ой, у него такой характер! – закричала из кухни Раиса. – Я его железную руку во всем чувствую. Вот он меня сейчас коснулся, когда мимо проходил, и я поняла – меня тронул герой. Настоящий мужчина.

– Настоящий мужчина, – твердым голосом произнес Гамлет, – никогда не опустится до пошлости и угнетения.

– Как я тебя понимаю, брат! – ответил Армен.

– Нам пора, – сказал Лев Христофорович.

Гамлет проводил их с Удаловым до дверей и тихо спросил:

– Не вышел ваш эксперимент? А жаль.

– А почему ты так решил? – удивился Минц.

– Как вы видите, я не стал ни жестоким, ни решительным, ни бережливым.

– Мы с тобой себя не видим, – заметил Минц. – Нас видят окружающие.

Не оборачиваясь, Гамлет тихо произнес:

– Раиса, сейчас же поставь бутылку в шкаф. Ты пить не будешь...

– Ой, я же для гостей!

– Гости за рулем.

– Прости, Гамлет, – прошептала Раиса. В комнате звякнуло – бутылку поставили на место.

Гамлет обернулся к Минцу.

– Так на чем мы остановились?

– Давайте завтра вечерком посидим, обсудим перспективы научных исследований. Не возражаете?

– Принято! – согласился Гамлет. – И все же...

– Завтра поговорим, – заметил Минц, и они с Удаловым спустились на улицу.

У опустевшего вседорожника стояли охранники. Шесть душ. В полной растерянности, как цепные псы, которых хозяин снял с цепей, но ни на кого не натравил.

– Где тут Грицко? – спросил Удалов.

– Вон там, отошел, – сказал охранник.

Грицко, самый жестокий из охранников, отошел, потому что гладил бродячего щенка, который улегся на траву, белым мохнатым пузом кверху. Он повизгивал от счастья – так нежно почесывал его Грицко.

Грицко весело подмигнул проходившим мимо друзьям.

Минц шел впереди, Удалов на полшага сзади. Он все старался решить логическую задачу, но не выходило.

Поэтому он сдался и спросил Льва Христофоровича:

– Что же произошло?

– Сдаешься?

– Сдаюсь.

– Природа не терпит пустоты, – улыбнулся Минц. – В задачке о водоемах по трубе в бассейн «Б» вливается столько же воды, сколько утекло из бассейна «А». Помнишь?

– Помню.

– Когда я настраивал мозг Гамлета на мозг донора, чтобы добыть оттуда жестокости или решительности, то, получая это качество от бандита, Гамлет тут же отдавал ему избыток своей доброты или щедрости. Он получал решительность, а отдавал Армену сомнения. Взял у Грицко жестокость, а подарил доброту. Взамен бережливости внедрил в Раису бескорыстие. Но не целиком, не полностью... В каждом осталось что-то от прежнего.

– А ты не боялся, Христофорыч, что Гамлет станет садистом или скрягой?

– Качества еще ничего не значат. Жестокость зависит от сути человека. А по сути своей Гамлет человек хороший. Ну, впитал он в себя чужую жестокость, а в его мозгу она стала разумностью, сдержанностью...

– А другие получили от Гамлета...

– Армен впервые в жизни усомнился в том, чем он занимается, а Грицко пригрел щенка. Раиса станет неплохой подругой гению. Я надеюсь...

– Погляди! – ахнул Удалов, на минуту забывший о Гамлете и его брате. – Смотри на «Мерседес»!

Они как раз проходили мимо «Мерса», принадлежавшего Ираиде Тихоновне и купленного на ее скромную зарплату. Умеет же человек экономить!

И увидели, как шустрые крысы повесили на ручку дверцы маленькую белую табличку.

На табличке был череп, скрещенные кости, портрет Ираиды, вполне узнаваемый – с паспортной фотографии – и было написано: «Вход воспрещен».

– Очень перспективное направление в борьбе с грызунами, – сказал Минц Удалову. – Гамлет показывал мне опытные образцы. Одного не понимаю: почему крысы сами занимаются развеской?

– Погоди, – остановил его рассуждения Удалов.

Из Гордома, завершив рабочий день, вышла дама с начесом на голове, в строгом деловом английском костюме.

– Ираида, – прошептал Удалов. – Страшная фигура. Скоро ее посадят или изберут в Думу.

Невзрачная на вид женщина подошла к машине.

За ней, чуть пригнувшись, семенил чиновник Поликарпыч, молодой да ранний предатель. Он на ходу наушничал.

Ираида Тихоновна отмахнулась от осведомителя и протянула руку к дверце машины, такого скромного «Мерседеса».

И тут увидела табличку.

Она очень рассердилась и попыталась табличку сорвать, но нечто невидимое остановило ее руку. Пальцы замерли в сантиметре от таблички.

Женщина стала быстро дышать и притоптывать правой ногой.

А табличка висела. Ничто ее не брало.

Поликарпыч изогнулся, принялся царапать дверцу машины, чтобы помочь начальнице. И хоть бы что!

Ираида достала из сумочки сотовый и принялась кричать в него:

– Милиция! Срочно наряд к Гордому! Нападение на мое лицо при исполнении спецзадания.

– Пошли отсюда, – сказал Минц. – А то наряд приедет, стрелять начнут, нас с тобой ранят.

Конечно же, Лев Христофорович, как всегда, шутил, но Удалов не стал спорить и поспешил домой.

10. У нас героем становится любой

У ворот стоял Ю. К. Зритель и смотрел на Минца затравленным взором.

– Лев Христофорович, – взмолился он. – Я чувствую, что она меня покинет. Спасите.

Настроение у Минца было боевое. Ему надо было обязательно удивить мир научным подвигом, чтобы забыть об истории с мальчиком, не подвластным законам науки.

– Заходите, – сказал Минц, – и вкратце рассказывайте.

Удалов последовал за пожилым Зрителем.

– Я был убежден, – произнес Зритель, что когда оплачу ей игуанодоновые туфли, она проникнется. А знаете, что она сказала?

– Что же?

– Чтобы я не надеялся на ее милости. Что такой больной старик, как я, который мечтает о том, чтобы залезть под юбку юной красавице, не имеет права приближаться к женщине своей мечты.

– А вы приблизились? – спросил Минц.

– Я попытался. Но она, простите, женщина крепкая, плаванием занималась, на лошади катается каждое воскресенье. Она врезала мне под дых мощным коленом.

– А вы?

– Я попросил прощения, – вздохнул Зритель.

Его лысина, через которую поперек были поштучно протянуты седые волосы, покраснела и покрылась каплями пота.

– Значит, она уверена в своей красоте? – спросил Минц. И в голосе профессора прозвучало нечто подозрительное. Для тех, кто его знал. А для тех, кто не знал, ничего не прозвучало.

Задача была невыполнимой. Удалов понимал, что она невыполнима. Не давать же опытной женщине приворотное зелье!

И, как бы угадав мысли Удалова, Лев Христофорович произнес:

– Приворотное зелье в вашем случае не поможет.

– Почему? – вскинулся в надежде Ю.К. Зритель.

– Потому что это пустое суеверие.

Минц выдержал паузу и добавил:

– К тому же в вашем случае никакое зелье не сработает. Физиономия вашего лица не вызовет женской симпатии.

– А если я материально компенсирую? – спросил Зритель.

– Даже если компенсируете.

– И ничего нельзя поделать?

Тут в разговор вмешался Удалов:

– Неужели ты не понимаешь, Юлиан, что это невыполнимая задача! Нет ей решения.

– Вот именно, – задумчиво произнес Минц. – Вот именно...

Мысли его витали где-то вдали.

Ну что стоило Удалову сказать другую фразу! Но он заявил в лицо Минцу, что проблема неразрешима... Это был вызов, не принять который Минц не мог!

Наступила зловещая пауза.

Зритель переминался с ноги на ногу. Давно уже неухоженный, голодный Удалов залез в холодильник Минца и искал там съестные припасы.

По истечении двадцати минут Зритель робко спросил:

– Мне уйти?

– Ничего подобного! – ответил Минц. – Средство я выдам вам сейчас. Я давно его разработал, но не было стимула закончить. Теперь же стимул есть!

Он схватил с полки неприглядную бутылку, оттолкнув Удалова, вытащил из холодильника вторую, смешал их содержимое в миске и сунул в микровейв.

В печке зашуршало, закипело.

Запахло миндалем.

– Нормально, – сказал Минц.

Обжигаясь, он вытащил миску и поставил на стол.

– Остынет – перельем в пузырек, – сказал он. – Это средство – условно назовем его пессимизатором – воздействует на зрительный ряд объекта.

– Чего-чего? – спросил Зритель.

– Шестьсот долларов, – ответил Минц.

– Чего-чего?

– Триста сейчас, триста за вторую порцию, когда вы убедитесь в том, что средство подействовало.

– У меня с собой денег нет, – отрезал Зритель.

Он был богат именно потому, что у него никогда не было с собой денег.

– Идите, – предложил ему Минц. – Вы свободны.

– А если пятьдесят? – спросил Зритель.

Минц его не слышал.

Минц – человек, по большому счету, бескорыстный. Но в случае со Зрителем он был беспощаден. Он отлично знал, что свое громадное подпольное состояние этот немолодой жулик нажил нечестным путем. Так что пощипать его – дело святое. У Минца центрифуга шалит, электронный микроскоп молекул не различает, да и ботинки пора новые покупать.

– Семьдесят пять, – сказал Зритель.

Минц уселся за стол и сказал Удалову:

– На второй полке целая банка лечо и безалкогольное пиво.

– Пиво ты выпил, – сказал Корнелий. – Ксении опять дома нет. Это хорошо не кончится. Моего смирения не хватает.

– Это у тебя смирение? Ты ведь человек беспощадный.

– Сто пятьдесят, – произнес Зритель. Не так уж уверенно, как раньше.

– Удалов, выведи буяна. Он мне надоел.

И тогда Зритель выдохнул фразу из американского фильма:

– Принимаю ваши условия, полковник.

Он находился в расстроенном состоянии чувств, потому что сам от себя не ожидал, что сможет так дорого оценить любовь.

– А гарантии? – спросил Зритель.

– Кто может гарантировать любовь? – вздохнул Минц. – Но я надеюсь, что эффект будет положительным.

Зритель расстался с тремястами долларами, получил склянку и объяснения, пошел на квартиру, которую снимал для Ани Бермудской, а там все сделал, как велели.

Аня Бермудская вернулась поздно, глаза у нее пьяно поблескивали, и она говорила о совещании с участием товарищей из Белоруссии. Голос ее сочился томлением.

– Завтра, – сказала она, любуясь новыми туфлями, – везем белорусских гостей в лесопарк. Все глубже в лес с прекрасной незнакомкой!

– С прекрасной ли? – спросил Зритель.

Аня вздрогнула. Никогда в истории их дружбы Зрителю не приходило в голову сомневаться в ее бессмертной и несравнимой красоте.

– Ты что, сдурел, что ли? – спросила она.

– Это я так, кисочка, – оробел Ю. К. Зритель. – Проверка слуха.

Аня укоризненно покачала головой.

В ее жизни все мужчины были разложены по полочкам.

Например, где-то в Вологде существовал, но не появлялся прежний друг, нужный только, чтобы присылать открытки к праздникам. Был у нее Зритель. Зрителю было позволено восхищаться и материально способствовать. За пределами восхищения ему мало чего дозволялось. Иногда «чмок» – поцелуй на прощание. Порой робкий и страстный взгляд. Зритель был нужен, но Аня отлично понимала, что он хорош и предан, пока обращаются с ним не то чтобы презрительно, но пренебрежительно. Был у нее поклонник помоложе, друг Мыколы, гу-

слярский чеченец. Для романтики. «Ах, – восклицала Аня, – какой он хам! Он такой дикий. Вы не представляете, как больно он меня укусил!»

Никто не представлял.

Кроме этого, существовали молодые люди на природе. Аня любила пикники с коньяками и шашлыки в чаще над обрывом.

Молодые люди увлекали опьяневшую и хохочущую Аню в кусты, где наслаждались ее ласками, что делалось быстро, кое-как, а назавтра случайный союз не возобновлялся.

Утром Аня казалась старше своих лет и ненавидела человечество. Даже собственная красота оказывалась под сомнением. Лучшей подруге Елизавете Аня не раз говорила: «Какие они все сволочи! Как они наслаждаются моей красотой, как они обещают мне золотые горы! Но потом оказывается, что ни один не желает покинуть идиотку-жену и своих вонючих отпрысков».

Вот такая сложная персона скрывалась за неподвижным змеиным взглядом серых глаз госпожи Бермудской.

Аня пошла в ванную.

Она взглянула на себя в зеркало.

Что-то ее смутило.

Нет, в зеркале отразилась она, конечно же, она. Но это была не совсем она, хуже, чем она.

Человек в таких случаях проводит рукой по лицу. Аня так и сделала.

Лицо как лицо.

Приятное на ощупь.

Аня вгляделась в зеркало. Зеркало врало. Но врало так умело, что Аня усомнилась, ложь ли это.

Нет, такую женщину полюбить нельзя. Такую женщину можно разлюбить. И следует разлюбить.

– Юлиан! – решилась она. – Юлиан, ты ничего во мне не находишь?

Юлиан встретил ее в коридоре. Вид у него был обыкновенный. Вот уж кого не назовешь красавцем. И ничего, живет – не расстраивается, словно так и надо. Сам говорит: «Полюбите меня черненьким. Беленьким меня любая полюбит».

– Что произошло? – спросил он.

– Приглядись ко мне, – попросила несчастная женщина. – Я ли это?

– Как тебе сказать, – промямлил Зритель. – Все вроде на месте. И глаза твои, и родинка на подбородке.

– И это приятно?

– Странно, – отозвался Юлиан. – Вроде все на месте, но ты немного изменилась.

– К лучшему?

– Не сказал бы.

– Что произошло? – грозно спросила Аня Бермудская. – Как ты это допустил?

– А чего я допустил? – спросил Зритель, мысленно торжествуя.

– Не знаю! – возопила Аня. – Дай мне другое зеркало!

А сама уже бежала в прихожую, где тоже зеркало висит.

Но результат встречи с зеркалом в прихожей, а потом и с зеркальцем из сумочки был удручающе однообразен. Из зеркала на Аню смотрела она же, но весьма некрасивая и даже неприятная.

Аня впала в истерику, а Зритель ей посоветовал:

– Ты сходи к своим подругам, поглядись там, поговори, спроси совета. Они же всю правду тебе скажут!

Удар был рассчитан и жесток. Не было и не могло быть у Ани подруг, а если бы они были, то ничего кроме радости ухудшение облика Ани Бермудской им бы не доставило.

Вечером заплаканная, растрепанная и униженная Аня все же решила выйти на улицу, поглядеться в витрину универмага и в гладь воды пруда у церкви Параскевы Пятницы.

Но что там ночью увидишь!

А Зритель, видя, что изобретение Минца дает себя знать, трудился, бегал по городу, чтобы ни одного необработанного зеркала в Гусляре не осталось.

Ночью Аня изменила свое отношение к Зрителю, потому что поняла, что при такой личной трагедии во всем мире остался лишь один мужчина, способный ее верно любить и платить за ее забавы: Юлиан К. Зритель.

Через три дня умиротворенный Зритель сам пришел к профессору Минцу за второй порцией снадобья и с тремястами долларами в кармане.

– Ну как? – встретил его Минц.

Там сидели Минц с Грубиным, и для Саши Грубина Зритель поведал о своей победе над спесивой красоткой.

– Лев Христофорович мне сказал, что его средство изменяет отражательную способность зеркала при встрече с ним женского взгляда. Что, кстати, доказывает различие между женским и мужским взглядами. Мы, как учит Минц, требуем от своего отражения различных свойств. Женщина – красоты, а мужчина – ума и решительности. Вы меня понимаете? – Тут Зритель отвесил элегантный поклон в адрес Льва Христофоровича, хоть ему и мешало тугое пузо. И вел он себя, как неофит, то есть новообращенный, в храме Юноны или Цереры. – Моя возлюбленная привыкла к тому, что зеркало ей говорит: «Ты на свете всех прекрасней и милее». А тут зеркало ей сказало совсем иное: «Ты не очень привлекательна и совсем не молода». Крушение идеалов! Нельзя же заподозрить зеркало в измене? В сознательном безобразии?

– Кстати, именно эта сказка натолкнула меня на великолепное открытие, – признался Минц, а Зритель продолжал:

– Я намазал средством все зеркала дома. А потом побегал по городу и капнул на все зеркала, которые могли попасться ей на пути. В поликлинике, парикмахерской и женском туалете, что было труднее всего. Хотя я был почти убежден в том, что она туда долго не заглянет. Теперь Аня изменила отношение ко мне и стала куда добрее. О, как она ласкает меня!

Минц забрал у Зрителя деньги и выдал ему второй пузырек.

Зритель быстро убежал.

А Грубин сказал:

– Минц, ты – соратник в преступлении.

– В каком?

– Ты подумал об остальных женщинах города? Женщина, красивая, идет в парикмахерскую и видит, как она деградировала. Она смотрит в зеркало в туалете, а навстречу ей – страшная рожа!

– Ну уж не страшная! – возразил Минц. – Просто похуже, чем вчера.

– Ты испортил жизнь и настроение сотням женщин! Нет тебе прощения. И еще деньги за это берешь!

И тогда пристыженный Минц побежал по парикмахерским, чтобы собственноручно смывать пессимизатор.

Кое-где удалось, но в женский туалет его не пустили.

И говорят, что пока средство не стерлось, женщины старались в туалет не заходить. Держатель его Армен Лаубазанц чуть не убил смотрительницу, заподозрив ее в воровстве входной платы.

11. Тайна Ксении Удаловой

Удалов вошел к себе.

Ксения стояла посреди комнаты, одетая как на торжественный вечер, посвященный годовщине Октября.

– С ума сойти, – сказала она. – Уже без десяти, а ты еще без галстука.

И тогда Удалов понял, что кто-то сошел с ума. Может быть, и лично он.

– Какой галстук?

– На торжественное открытие, – ответила Ксения.

Она протянула мужу галстук.

Снизу гуднула машина.

– Вот и Максимка приехал, – сказала Ксения. – Наш семейный праздник.

Удалов был возмущен:

– Нет сегодня никакого семейного праздника. Я с утра в календарь глядел.

– Тогда пошли, нельзя заставлять себя ждать.

– Ксения!

– Шестой десяток как Ксения!

Снизу снова загудела машина.

Удалов сдался. Он всегда сдавался Ксении в решительные минуты.

Они спустились вниз. Вышли на улицу.

У дома стояла «девятка». В ней был Максимка, недавно отселившийся с семьей от родителей, а сзади – черная гордомовская «Волга».

Странно, но вдоль тротуара сидели кошки. Они принялись мяукать.

Ласково горели кошачьи глаза.

Ксения помахала животным полной рукой.

Из своей квартиры вышел профессор Минц.

Ему тоже нашлось место в черной «Волге».

Ехать пришлось недалеко. В бывший сквер Юных пионеров за церковью Параскевы Пятницы.

Посреди сквера всегда стояла гипсовая статуя пионера и пионерки, она со знаменем, он – с горном. У пионеров давно уже осыпались руки и частично другие части тела, вместо них обнаружились черные прутья арматуры.

Сейчас пионеров не было, вместо них на квадратном постаменте стояло нечто высокое, покрытое брезентом.

Рядом возвышалась трибуна, окруженная народом.

На трибуне располагались в ряд руководители города. И лично Ираида Тихоновна. Ксению пригласили на трибуну, она стеснялась и краснела. Ираида начала свою речь. Неожиданную для Удалова, но трогательно построенную. Ведь руководители нового поколения умеют говорить без бумажки как по бумажке.

Ираида окинула взглядом внушительную толпу жителей Великого Гусляра, что пришли в сквер на торжественную церемонию.

– Нас собрала сегодня знаменательная причина, – произнесла Ираида. – Мы желаем отдать должное одному из лучших граждан нашего города, посвятившей лучшие годы своей жизни...

Ираида рассыпала по площади кругленькие прыгающие слова, связанные в цепочки фраз. Эхо неслось над головами зевак.

Вокруг площади, в листве деревьев, даже на откосе церковной крыши маячили спокойные безмятежные морды сотен и сотен кошек. «Неужели их столько в нашем городе?» – подумал Удалов.

Ксения стояла совсем близко к Ираиде.

Сейчас Ксения тоже начнет говорить. Славить какую-то передовицу производства, хотя в наши дни передовиц производства не бывает.

– Экология, – трепетала горлом Ираида, – воспроизводство, рост экономики, забота о своем ближнем, козни окружающих нас империалистов...

Удалов потерял нить Ираидиных рассуждений.

Скорей бы все кончилось.

В толпе зевак он увидел братьев Лаубазанцев. Они скромно стояли бок о бок, как отличники на лекции.

Ираида дала знак, и вперед выступил Поликарпыч.

– Нами получено послание от наших уважаемых спонсоров, – произнесла Ираида Тихоновна. – Его зачитает мой сотрудник.

Она похлопала в ладоши, на площади тоже похлопали в ладоши, а кто-то свистнул, как на рок-концерте.

– Дорогие жители Великого Гусляра, – прочитал Поликарпыч. – Мы в течение веков живем рядом с вами, питаемся из соседних мисок, помогаем вам и терпим обычные человеческие издевательства.

По площади прокатился возмущенный гул. Удалов подумал, что всем известен секрет, а муж узнает последним.

– Но среди вас, людей, есть счастливые исключения, которые не ограничиваются тем, что готовы погладить нас по голове или почесать живот, чтобы потом наподдать ногой. Такие, не побоимся сказать, святые люди рождаются на Земле для того, чтобы уменьшить сумму ее прегрешений и улучшить карму для последующих рождений.

– Во дают! Про карму знают, – сказал незнакомый юнец с запорожским оселедцем, а его подруга отвечала:

– А чего не знать? По телевизору бормочут.

– Благородство человека определяется не единственным поступком при стрессовых обстоятельствах. В конце концов, каждый под влиянием момента может закрыть амбразуру. Но настоящий подвиг – это подвиг жизни. Это ежедневный самоотверженный труд. Именно этим людям мы так обязаны.

Удалов увидел, что сквозь толпу, как маленький ледокол, к нему движется профессор Минц.

– О чем он говорит? – трагическим шепотом встретил его Корнелий Иванович.

Минц улыбнулся, а Поликарпыч продолжал:

– Мы долго думали, можем ли мы отблагодарить персону, которая сделала для нашего племени больше всех людей на Земле, для человека, которая, как помнят старожилы, уже маленькой девочкой подбирала на улице голодных котят, перевязывала нашим старикам ушибленные ножки, зашивала порванные уши.

«Это кошки! – догадался Удалов. – Это от их имени Поликарпыч речь толкает! Ведь кошки не разговаривают!»

– Шли годы, – продолжал Поликарпыч. И сам был так растроган текстом, что прослезился. – Эта особа, несмотря на личную жизнь, на учебу и работу, никогда не забывала о наших бедах и невзгодах. Ей в жизни не повезло. Ее отдали замуж за недостойного дикаря, который

мог вышвырнуть из дома котенка и согнать беременную кошечку с дивана.

«Нет, – понял Удалов, – это не о Ксении. Уж чего-чего, но на такого мужа я не похож».

– Долгая жизнь этой персоны протянулась через несколько поколений домашних животных. Рождались, росли, спаривались, старели, дрались и дохли наши современники. И каждый мог быть уверен, что придет в дом № 16 по Пушкинской улице и найдет там заботу и внимание.

«А может, все-таки Ксения? – думал Удалов. – Адрес совпадает. Но ведь я не такой звероненавистник».

– И пускай не все удалось в жизни сделать Ксении Удаловой... – Голос Поликарпыча заметно дрожал. – Но слава и память о ней должны пережить века. Подпись: Кошки города Великий Гусляр. И дальше отпечатки лап числом две тысячи сорок четыре.

Под аплодисменты зрителей Поликарпыч сложил лист.

Ираида протянула Ксении большие ножницы.

Ксения стесненно замахала руками.

– Правильно, – сказала Ираида. – Мы поддержали инициативу, создали фонд, получили средства и приняли участие, нам и открывать.

Она подняла ножницы, как дуэлянт шпагу, и, спустившись с трибуны, шагнула к статуе, покрытой брезентом.

Площадь замерла в томительном ожидании.

Ираида разрезала красную ленточку, брезент медленно сполз со статуи и улегся, покрыв постамент.

По площади прокатился шум. Радости и восторга.

Скульптор Овидий Гроза, который, оказывается, таился под брезентом, чтобы удачнее сорвать его, распахнул руки, как статуя Юрия Гагарина на одноименной площади в Москве. Оркестр грянул что-то радостное из Паганини.

И в самом деле, Гроза превзошел себя и, возможно, самого Церетели.

Статуя изображала просто одетую в купальник полную женщину, отдаленно похожую на Ксению Удалову. В одной руке она держала котенка, в другой – мисочку, к которой котенок тянулся. Это была сама доброта, сама забота.

Пока гремели аплодисменты, Удалов, смущенный более, чем его жена, потому что ему теперь до конца дней придется ходить по городу мимо статуи Ксении, обернулся к Минцу.

– Кто это придумал?

– Кошки, – сказал Минц.

– Конкретнее.

– Они накопили денег, они вышли на Ираиду, они дали ей на лапу и помогли создать беспроигрышный фонд благотворительной котофилии.

– Ты знал, но молчал. Почему?

– А весь город знал, хотели сделать тебе сюрприз.

Ираида снова заговорила:

– От имени кошачьей общественности, – сказала она, – мне хотелось бы выразить благодарность гражданину Гаврилову.

Молодой Гаврилов сделал шаг вперед и поклонился.

Кошки замяукали, как ненастроенный симфонический оркестр.

– А он что? – спросил Удалов.

– У него оказалась особенная слюна, – признался Минц. – Он хлеб жевал три месяца без перерыва, за скромную плату. Из пережеванного мякиша статую и сделали. Вечный материал. Она переживет египетские пирамиды.

«Господи, а я ее подозревал...»

Удалов в сопровождении Минца пошел вокруг памятника, чтобы полюбоваться женой с тыла.

Там было пусто, потому что публика шумела перед памятником и возле трибуны, а некоторые уже начали танцевать под оркестр. И тут Удалов в ужасе замер.

Скульптор Овидий Гроза, который рядышком щипал себе бородку, угадал причину испуга пожилого лысенького толстяка.

– Я не виноват, – произнес он. – Это было их специальное желание. Как бы доказательство, что она им родня по духу. А ваша супруга не возражала, а Ираида Тихоновна лично была «за».

– В конце концов, все мы когда-то были такими, – улыбнулся профессор Минц.

Но чувства внутри Удалова сопротивлялись увиденному. На банкет Удалов идти отказался. Договорился с Максимкой, что тот потом подвезет мать домой.

Сам вышел на высокий берег реки Гусь и стал думать о смысле жизни.

Далеко, в сквере, играл оркестр.

«Ох, и давно же мы спим раздельно, – подумал Корнелий, – Ксения на кровати, а я на диване.

Современная наука на многое способна.

Надо будет сегодня ночью деликатно проверить, не появился ли в самом деле у Ксении пушистый кошачий хвост...»

ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ СНОВА В ПРОДАЖЕ

Умные люди говорят: никогда не возвращайся на место, где ты испытал счастье или встретил любовь. Ибо в таком случае тебя постигнет горькое разочарование.

Как-то лет двадцать назад Удалов поехал в Дальние Зубрилки на озеро Кочевое. Была у него с собой одна удочка и крючок, простите за выражение, хлипкий, как мышцы у шахматиста. И что вы думаете – клевало, словно началось великое переселение рыб или крючок был смазан рыбьим героином. За час, пока гигантская щука не откусила крючок вместе с поплавком, Удалов вытащил около шести килограммов различных рыб, включая трех подлещиков, налима, пескарей, карася в две ладони шириной и угря, а угрей в Кочевом отродясь не водилось. Мало кто из друзей в Гусляре поверил в такое везение, впрочем, Удалов и не настаивал, потому что и сам не до конца поверил своему счастью. Тут бы Удалову и почить на лаврах, но захотелось еще раз испытать удачу.

Через три недели он снова отправился на озеро Кочевое, взяв с собой три удочки, набор крючков вплоть до спецкрюка, позаимствованного у коллекционера крючков Ю. К. Зрителя и рассчитанного на крокодилов (спецзаказ, колумбийский вариант), изысканную наживку и сапоги до чресел. Занял то же самое место, напрягся и подвинул к себе поближе ведро для добычи. Он провел там целый день. Подходили местные жители и уговаривали гостя не тратить времени даром, потому что в этом месте рыба не клюет. Удалов посмеивался, но не уходил.

Ушел он, только когда стемнело, ведро оставил, забыл. Да и на что человеку пустое пластиковое ведро?

Хоть бы головастик попался!

Я привожу здесь этот пример, чтобы показать: любая принципиальная мысль отлично иллюстрируется на конкретном житейском уровне. Не столь важно, принес Удалов угря или пескаря – главное: не возвращайтесь на место счастья!

Некогда, лет тридцать назад, когда все мы были молодыми, а обуреваемые тщеславием чиновники не объявили еще Великий Гусляр родиной Снегурочки со всеми далеко идущими последствиями, в городе произошло фантастическое событие, о котором много писали и даже сняли кинофильм. В зоомагазин завезли, вернее всего по недосмотру, партию золотых рыбок. Жители Гусляра довольно быстро раскусили, что к чему, и шустро разобрали товар.

Золотые рыбки родом из Китая оказались классическими обитателями сказок и анекдотов. Они могли в умеренных пределах говорить, и каждая была способна выполнить три желания.

Неожиданное сочетание сказочных возможностей и житейских потребностей гуслярцев привело к ряду комических и трагических ситуаций. Но, к счастью, в конце концов все обошлось, потому что владельцы рыбок не обладали разнузданным воображением и их запросы находились в пределах допустимого. В те годы, должен вам сказать, жители районного центра Вологодской области за границей не бывали, американских фильмов не видали, об иностранной валюте читали только в фельетонах и верили в бессмертие советской власти. Так что их желания находили выражение в образах дозволенных и приемлемых. И чаще всего гуслярцам хотелось получить доступ к водке в больших количествах, потому что дефицит колбасы пережить было можно, а острую нехватку водки, характерную для эпохи строительства социализма в одной отдельно взятой у кого-то стране, переживали с трудом. Так что уже через полчаса после появления рыбок в Гусляре в его водопроводе вместо воды текла водка, и пока сознательные граждане не пожелали обратного, можно было набирать водку из крана ведрами, что и успели сделать самые сообразительные из жителей нашего города.

Когда рыбки, выполнив просьбы и мольбы своих временных владельцев, уплыли метать икру в Саргассово море, гуслярцы схватились за непутевые головы: что мы наделали! Мы же не то просили! Мы же остались без автомобилей и квартир, без роялей и прекрасных невест. Новое корыто – это не предел мечтаний.

Гуслярцы ощущали себя, как знатные посетители петербургского салона, спешившие на встречу с молодым и модным поэтом Мишелем Лермонтовым, который объявил заранее, что только для избранных прочтет свою новую поэму.

В назначенный час Лермонтов явился в зал, держа под мышкой тяжелый фолиант, переплетенный в кожу. Он уселся на почетное место, раскрыл фолиант, долго откашливался, а затем прочел четыре строчки:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Трудно описать разочарование, охватившее слушателей.

Лермонтов в тот вечер набрал еще две дюжины неумолимых врагов.

Но в Гусляре, как и в том салоне, пришлось смириться с событиями, сделав вид, что иного и не ожидали.

Рыбки сделали свое дело, а люди этим воспользовались.

Лермонтов прочел новую поэму, хоть и коротенькую, но ведь мы были в числе тех избранных, которым он доверил первое знакомство со своим опусом.

И Великий Гусляр погрузился в ожидание.

Тем более что фильм, посвященный этому событию, на широкий экран тогда не был выпущен, потому что как раз в то время началась отчаянная и безнадежная борьба с алкоголизмом, а фильм был признан пропагандой этой пагубной привычки.

Итак, прошло тридцать лет со дня появления рыбок и пятнадцать с начала той, уже забытой, антиалкогольной кампании.

* * *

Как и в первый раз, золотые рыбки попали в Великий Гусляр по ошибке. Есть различные мнения, кому и для чего они предназначались. Эту загадку можно решить, если выяснить, каков потолок рыбьих возможностей. К примеру, может ли золотая рыбка установить мир на Ближнем Востоке или хотя бы указать местонахождение Усамы бен Ладена. И второй важный вопрос: если в Гусляр привезли целый аквариум золотых рыбок, значит, где-то существует питомник рыбок и лежит их икра.

Когда тридцать лет назад гуслярцы загадывали свои скромные желания, силы зла не успели спохватиться...

Растянутое вступление к интересной истории понадобилось мне, чтобы подготовить читателя к тому, что приключения не повторяются, и если один раз вам что-то сойдет с рук, то вторично на милость судьбы лучше не рассчитывать.

* * *

Зоомагазин в Великом Гусляре, как и много лет назад, делит небольшое помещение с канцтоварами. Но теперь куда выгоднее торговать продуктами, чем животными. Правый угол занимают полки с кошачьим и собачьим кормом, который часто показывают по телевизору, где породистые собаки хвастаются перед обыкновенными своей блестящей шерстью и гладкостью морд, потому что предпочитают катышки, подобные козьим орешкам, обыкновенной еде.

Магазин этот приватизированный, как бы принадлежит народу в лице Оксаны Косых, проживающей на Кипре, а работают в нем сестры Трофимовы, Алена и Оля, очень похожие внешне, ибо они близнецы. Отличить их чужому человеку невозможно, но мать отличает по родинке, которая у одной из них – на правой щеке, а у другой – на левой. Впрочем, есть еще одно отличие: одна из них, Лена, беременная на шестом месяце, а вторая еще девушка.

В тот июньский день, когда все началось, возле Оли в канцтоварах стоял Мирослав Галкин, ее воздыхатель. У Лены, которая на шестом месяце, воздыхателя не было, потому что он уехал в Котлас заработать денег к свадьбе. Там и сгинул.

У дверей остановилась машина «Газель», заглянул известный девушкам шофер Никодим в коже и заклепках и от двери крикнул:

– Товар принимать будем?

Мирослав, бритый, плечистый, но не заработавший еще золотой цепи, пошел помогать. Они вдвоем занесли сначала десятилитровый бидон с мотылем, а потом большой ящик, в щелях между досок которого вырисовывались стружки и поблескивало стекло. Ящик был тяжел. На нем было немало наклеек.

– Что там? – спросила Ольга.

Алена, которая была в положении, торговала авторучками и клеевыми палочками, предположила:

– Что-нибудь межпланетное?

Как вы знаете, особенность Великого Гусляра заключается в том, что он стоит на возвышенности, не видной с Земли, но совершенно очевидной при взгляде из космоса. Это и привлекает к Гусляру инопланетян, которые совершают посадки в окрестностях города и порой общаются с наиболее любопытными, на их взгляд, туземцами. А из туземцев им более других приглянулся Корнелий Удалов, он даже неоднократно бывал за пределами Солнечной системы. Поэтому неудивительно, что если в любом другом русском городе слова Лены были бы встречены хохотом и восприняты как глупая шутка, то в Гусляре никто не удивился. Только разумная Ольга спросила:

– А накладные в порядке?

– Держи, – сказал Никодим, который, кстати, был засланным с Два-икс шпионом и таился в Гусляре в ожидании сигнала к началу вторжения. Но пока сигнала не поступало, он оставался обыкновенным простым человеком и никому вреда не делал. Когда сигнал поступит, Никодим, конечно же, станет страшен, но может быть, это случится не скоро.

Накладная была в норме.

В накладной значилось:

«Двадцать три золотые рыбки. Конфискат. Поступили с Хабаровской таможни 24 мая с. г.».

Там еще многое было написано, в том числе цена за штуку, постановление санитарного карантина и даже незаметная печать ФСБ.

В общем, дело обыкновенное, товар тоже нормальный. Хоть и любопытный. Уже много лет в магазин золотых рыбок не поступало. Может, в Архангельске они и были, или в Вологде. Но Великий Гусляр – слишком малый и тонкий периферийный сосуд в системе государственного кровоснабжения. Сюда и попугаев не завозят.

– Конфискат, – сказал Никодим. – Значит, по низкой цене. Так всегда бывает.

Посмотрели в ценник. Рыбки были оценены по шестьдесят рублей с копейками. Недорого.

– А шо, – сказал Мирослав по прозвищу Слава-шкет, – если их на щи пустить, не разоримся.

И громко рассмеялся.

За его смехом не слышен был гул негодования, что донесся из ящика.

Тем временем Никодим принес молоток и клещи, не спеша и осторожно, так как был человеком обстоятельным, иначе бы его в шпионы не взяли, и отодрал доски. В груде стружек стояла колоссальная пятидесятилитровая бутыль темно-зеленого стекла. В ней поблескивали золотые искорки-рыбки.

– У тебя аквариум был, – сказала Лена. – В кладовке.

– И точно, – согласилась Ольга и послала мужиков в кладовку за аквариумом. Аквариум был велик, из него выскочили семьей обиженные пауки. Лена принесла мокрую тряпку. У нее уже появилась округлость и солидность в движениях, свойственная будущей матери, хотя при том возникла и угрюмость, характерная для девушек, которые вовсе не собирались становиться матерями в ближайшие лет пять-шесть.

Ольга протерла аквариум, а Мирослав с Никодимом натаскали воды. Никодиму пора было ехать дальше, но что-то его задержало в магазине. А он как опытный разведчик не стал спорить со своим внутренним голосом.

Наконец подготовка аквариума была закончена.

К этому времени в магазине появились кое-какие покупатели.

Пришел старик Ложкин. Он был один из немногих гуслярцев, кто тридцать лет назад, будучи уже пожилым человеком, ветераном труда, приобрел говорящую золотую рыбку. С тех пор он ждал, не привезут ли снова золотых рыбок, но ни с кем своей надеждой не делился. Засмеют или станут дежурить у магазина, чтобы его опередить. Заглянул Корнелий Удалов, ему нужен был мотыль. Он тоже не спешил. Гражданка Гаврилова подсмотрела, какая бутыль появилась в магазине – это была бутыль ее мечты, несколько ведер огурцов можно было в ней засолить. Так что вокруг стояли свидетели.

Оля зачерпывала рыбок из бутыли сачком на длинной ручке и перекладывала их в аквариум. Рыбки сами подплывали к сачку, видно, им не терпелось очутиться в нормальных условиях существования.

И все же в то время еще никто из зрителей не подозревал, что в Гусляр вновь пожаловало чудо, которое несет в себе испытание и даже кое для кого трагедию.

Чтобы предвосхитить события, я позволю себе напомнить, что состояние дел в городе, стране и на всей планете за тридцать лет кардинально изменилось. Некоторые события и явления, которые казались чрезвычайно важными, никого уже не пугали, зато некие пустяковые

тридцать лет назад ситуации приобрели первостепенное значение. И еще ничего не случилось, но в воздухе произошло нагнетание напряжения. Мгновенно вымерли почти все комары, у одной женщины в тупике за речным техникумом чуть не случился выкидыш. Слава богу, обошлось, потому что беременность у нее была ложной. Тучи набежали со всех сторон: стемнело и едва не пошел град.

Вперед вышла Гаврилова и спросила:

– Бутыль сколько стоит?

– Бутыль, – ответил Никодим, – надо возвращать. Это государственное имущество.

– А если не возвращать?

Лена и Ольга одинаково развели руками.

Гаврилова обиделась.

И тогда Ложкин сказал:

– Парочку заверните.

– Сто двадцать один рубль, – сразу посчитала Ольга.

Ложкин принялся копаться в бумажнике. И все понимали, что даже если у него наберется рублей пятьдесят, он их постарается не отдавать. Он копался и говорил:

– Цена явно завышенная. Мне вчера по почте предлагали пять штук по двадцать два рубля.

Удалов купил одну рыбку, и Ольга дала ему банку.

– Корнелий Иванович, – сказал Ложкин. – Одолжи сотню до пенсии.

– Нет у меня сотни, – честно признался Удалов.

Он понес рыбку к выходу.

Он глядел на рыбку и вспоминал другую, которая исполнила ему три желания...

И неудивительно, что у выхода он спросил:

– Ты случайно не говорящая?

Хотя понимал, что вторично в ту же реку человек не войдет. Это еще Демокрит говорил в древнегреческие времена.

Рыбка поднялась к поверхности воды и негромко произнесла:

– Сперва надо меня покормить.

Другой на месте Удалова мог рухнуть в обморок или впасть в истерику, но жизненный опыт Корнелия Ивановича таков, что говорящие рыбы ему не в диковинку. Поэтому он спокойно ответил:

– Сейчас домой придем, покормлю.

Именно эти слова и услышал старик Ложкин, который шел сзади в надежде выпросить сто рублей у соседа. И он все понял.

Вы думаете, что Ложкин упал перед Удаловым на колени и стал просить в долг? Или вы полагаете, что он кинулся со всех своих старческих ног домой, чтобы выпросить денег у жены?

Да ничего подобного!

Ложкин развернулся и строевым шагом направился к магазину.

Там он вытащил сотню, запрятанную в правый носок, не обувшись, проскакал на одной ноге к прилавку и крикнул:

– Мне две штуки, пенсионерам скидка!

– У нас скидок нет, – заметил Мирослав.

И тут одна из рыбок в аквариуме поднялась к поверхности воды и сказала четко, так что на весь магазин было слышно:

– Нет смысла покупать две рыбки в одни руки. Три желания на владельца, хоть всех нас приобрети.

– В пакет ее! В пластиковый пакет! – сообразил Ложкин.

Ольга подчинилась, рыбка перекочевала в пластиковый пакет, и Ложкин строго сказал продавщице:

– Сейчас жену пришлю!

– Ничего не выйдет, – ответила ему рыбка, – хитрый ты больно.

Эти разговоры не прошли незамеченными. Рыбки сами провоцировали людей. Ведь в их интересах было поскорее разделаться с желаниями и уплыть в Саргассово море метать икру.

В мгновение ока выстроилась очередь, и начался общий галдеж. Ведь у нас так просто золотых рыбок не продают.

Конечно, золотую рыбку купил Саша Грубин, одна досталась корреспонденту «Гуслярского знамени» Михаилу Стендалю. Забежавшая на шум Ванда Казимировна тоже взяла – к счастью, Гаврилова ей очередь заняла; Лена, сестра Ольги, отлила одну рыбку с водой в стакан для карандашей. Мирослав, схватив одну, помчался на улицу сообщать кому следует, а Никодим сделал шаг в сторону и нажал себе на ноготь правого мизинца, где таился межпланетный сотовый, и вышел на резидента в системе. Тот велел взять сколько можно и постараться отравить остальных рыбок, чтобы не достались врагам.

Постепенно новость прокатилась по городу и вызвала к жизни круги по воде городского существования. Миша Стендаль как раз вышел

из шумящего магазинчика, когда у дверей его, столкнувшись бамперами, тормознули джип Армена Лаубазанца и джип цыгана Мыколы, совершенно одинаковые, потому что эти бандиты соперничали даже в мелочах, хотя держали совсем разные крыши. И тут же, растолкав их, затормозила черная «Волга» Ираиды Тихоновны из Гордома. Ей кто-то уже успел сообщить. Обитатели автомобилей полагали, что золотых рыбок им вынесут из магазина на подносиках, но ничего такого не произошло, потому что там как раз шел дележ последних экземпляров.

И тогда, не выдержав ожидания, Армен Лаубазанц, Мыкола и Ираида Тихоновна, посражавшись в дверях, ворвались в магазин. Первым к прилавку, всех растолкав, пробился Армен Лаубазанц и строго приказал:

– Всех мне завернуть! Слышь, что говорю?

– А ты его не слушай, – отозвался Мыкола. – Ведро неси. Я всех беру, баксами плачу.

Это была ложь, так как Мыкола контролировал всех нищих в районе, и доходы у него были в металлических рублях.

За спиной Ираиды Тихоновны стоял старшина Пилипенко-младший.

– Где товар? – спросила Ираида.

Именно в этот момент Марта Викторовна Посольская, библиотекарша из детского дома, пробиралась к выходу, прижимая к животику банку с золотой рыбкой.

– Гражданка! – приказала Ираида. – Немедленно верните товар! Есть основания подозревать, что товар продается без сертификата качества. А ну-ка, старшина, примите меры!

Старшина Пилипенко выхватил банку из рук библиотекарши, но тут произошло колебание воздуха, и банка в руках старшины опустела, а золотая рыбка тихо сказала из сумочки Марты Викторовны:

– Бежим до ближайшего крана, смочишь носовой платок и завернешь меня, чтобы не померла, ясно?

– Ясно, – пискнула библиотекарша и побежала к водопроводной колонке.

Хуже всего пришлось Лене и Оле, потому что бандиты, а также Ираида устроили в магазине обыск, хорошо еще рыбка была спрятана в стакане для карандашей, и ее не нашли.

К тому же обиженные правители Гусляра мешали друг другу и старшине Пилипенко.

Ничего не найдя, они стали требовать от девушек список покупателей, но списка Оля дать не смогла, потому что сама не заметила в толкучке и суете, кто и что купил. Да и не хотела она признаваться, подводить людей.

Так что вскоре автомобили разлетелись от магазина и помчались по улицам – Лаубазанц, Мыкола и Ираида искали покупателей, а вдруг удастся кого-нибудь поймать.

Но не удалось.

* * *

Первым загадал желание Мирослав.

Он был человеком простым, но с запросами.

– Слушай, а ты в натуре исполняешь? – спросил этот любознательный молодой человек, отойдя в сквер и усевшись там на лавочку.

– А ты испытай, – предложила рыбка.

– А шо? Испытаю.

И Мирослав принялся думать. И очень скоро придумал, потому что у него, как и у каждого молодого человека наших дней, была мечта.

– Цепь желаю, – сказал он. – Как у Мыколы.

– А кто такой Мыкола? – спросила рыбка.

– Не проблема, – ответил Мирослав. – Я про цепь.

– Металл?

– Золото, а то как.

– А вес какой?

– От пуза, – сказал Мирослав. – В кулак.

Воображение у него было развито примитивно. Но было оно бурным.

– Длина? – Рыбка Мирославу попалась серьезная, с конкретным мышлением.

Мирослав развел руками.

Рыбка была при этом недоверчивая.

– А отпустишь? – спросила она.

– Куда тебя отпустить?

– В реку.

– А сколько желаний?

– Давай так договоримся, – сказала хитрая рыбка. – Желание будет одно, но тройное. Такой цепи ни у одного крутого не найдется.

– В натуре?

– Спрашиваешь!

– Тогда давай!

– На берегу реки.

Мирослав раскинул мозгами и решил – пока не появится цепь, в воду ее не кину.

До реки было недалеко.

Мирослав зажал рыбку в кулак и сказал:

– Давай цепь!

И тут же неумолимая сила потянула его к земле.

– Кидай! – пискнула рыбка.

Рука Мирослава разжалась, и рыбка по дуге полетела в реку, легонько и мелодично смеясь на лету.

А Мирослав уселся на берегу и больше подняться не сумел.

Золотая цепь, точно повторяющая якорную по размеру звеньев и длине, обвилась вокруг шеи молодого человека, ниспадая на живот и чресла. Мирослав попытался подняться, но его зад не смог оторваться от земли, и цепь опрокинула его на траву.

В таком положении его увидела Лика Пилигримова, могучая красавица, наездница и пловчиха брассом, существо циничное и находчивое. Ей рыбки не досталось, впрочем, она до того момента и не подозревала о существовании таких крошек.

– Это что за бутафория? – спросила женщина. – Ты что думаешь, если у тебя цепь из папье-маше или детского пластика, то тебя за крутого будут держать? Бросай выкобениваться, парень, вставай!

И со всей своей недюжинной силой Лика рванула на себя золотую цепь.

К счастью для Мирослава, цепь была настолько тяжелой, что Лика не смогла ее поднять и задушить юношу. Наоборот – она, Лика, сама взлетела в воздух и брякнулась рядом с Мирославом.

– Ты что, – ахнула она, переводя дух, – приковал ее, что ли?

И тут только Мирослав смог настолько собраться с духом, что произнес:

– Кем мне быть, пруха полезла!

На своем простом языке он поведал Лике о том, как исполнилось его желание.

Лика была женщиной неглупой, поэтому она сразу задала главный вопрос:

– А еще два желания, где они?

– Тю-тю, – сказал Мирослав, поглаживая цепь, как мать гладит по головке красивого ребеночка. – Я ее отпустил.

– Ты что, кретин, что ли?

– А шо? – Мирослав не мог понять, чем он прогневил женщину, к которой питал самые добрые чувства, то есть хотел лежать с ней на сеновале. – Я – ей, она – мне.

– А еще два желания! Господи, мне столько всего не хватает!

– А ты попроси, – сказал Мирослав. – Может, она еще не уплыла?

Лика бросилась к берегу.

– Эй, – сказала она негромко. – Рыбка, ты где?

Никакого ответа.

– Слушай, – продолжала Лика уже погромче. – Отзовись. Если тебе чего надо, я тебе обеспечу, я в этом городишке не последний человек. Говори, что тебе надо.

Молчание.

Как будто Лика с рыбой разговаривает, а та молчит, как рыба.

– Ты думаешь, я верю, что ты меня не слышишь? Никуда ты не делась. Ты своих товарок поджидаешь. Думаешь, сачканула – и с концами? Фига с два! Я тебя из-под воды достану! А ну, отзывайся – и сразу за работу!

Молчание.

Но потом раздался долгий глубокий вздох, будто вздохнула корова, а не золотая рыбка.

– Стыдно? – спросила Лика.

Недалеко от берега по воде пошли круги, появился небольшой рыбий ротик, что-то золотое сверкнуло сквозь водоросли.

– Как договаривались, – сказала рыбка.

– С кретином договаривайся, не договаривайся – сделка значения не имеет. Тебе любой психиатр скажет.

– Ну я же не могу на тебя работать, – сказала рыбка. – Мой хозяин сидит под гнетом золота.

И тут рыбка замолкла и надолго, потому что по реке промчался катерок, загрохотал, завонял, надымил.

Лика обернулась к Мирославу, который покорно сидел, опутанный золотой цепью.

– Ну, давай, мыслитель, – торопила Лика. – Загадывай для меня два желания.

– А мне? – спросил мыслитель.

– А ты уже получил в валюте, – ответила Лика.

– Я лучше сам еще загадаю.

– Я те загадаю!

– А в натуре! – Мирослав, как мог, поднялся и крикнул в сторону реки: – Эй ты, золотая, блин! Давай мне второе желание.

Лика поняла, что ее могут ограбить.

Она пантерой кинулась на Мирослава и стала сильными пальцами сжимать ему челюсть. Мирослав, конечно же, сопротивлялся, хоть и был прикован, как Прометей.

– Желаю! – вопил он. – Желаю, понимаш, желаю... – И тут его охватила тупость. Ведь человеку надо за секунду, в пылу борьбы с красивой и сильной бабой придумать такое желание, чтобы все офигели. И вот – сформулировалось! Изо рта выскочили слова: – Желаю еще одну цепь, длиннее первой. Вот!

А так как цепь возникла и шлепнулась на его голову, то Мирослав исчез под грудой золота.

Но в эту груду проникла правая рука Лики, которая твердо держала молодого человека за глотку.

– Придушу, – убедительно сказала она, – если сейчас не скажешь.

– Больно!

– Повторяй.

Голос Мирослава из-под золотых цепей доносился тускло и хрипло. Он повторял за Ликой:

– Желаю подарить гражданке Леокадии Семеновне Пилигримовой шестисотый «Мерседес» серебряного цвета, дарственная прилагается...

«Мерседес» возник из небытия, как запрошено, серебряного цвета, а Лика принялась разглядывать дарственную, потому что верила в силу официальной бумаги.

– Спасибо, – сказала она груде золота.

* * *

Николай Ложкин, бодрый ветеран восьмидесяти шести лет, ворвался домой, пробежал на кухню и вывалил рыбку в большой медный таз для варенья. Залил ее водой и стал любоваться.

Зрелище было впечатляющим: золотая рыбка в золотом тазу, освещенном через раскрытое окно золотыми лучами солнца.

– Ну прямо картина Шишкина, – сказал старик.

Его жена смотрела на рыбку с печалью, потому что была лишена эстетического чувства, к тому же обладала хорошей памятью и не ждала от рыбки ничего хорошего.

Столько лет ее муж ждал возвращения золотых рыбок в Гусляр, каждый день посещал зоомагазин, писал на бумажках списки желаний, сжигал бумажки в пепельнице, жевал пепел, чтобы никто никогда не догадался, а рыбок все не привозили. И жена Ложкина надеялась, что удастся дожить благополучно, не дождавшись новых рыбок и новых переживаний.

Наверное, ее мысли вызовут у вас недоумение. В конце концов, ничего дурного предыдущие рыбки Ложкиным не сделали. Но с тех пор изменилась не только страна, изменился старик Ложкин. Если всю жизнь он был политически активным человеком, то теперь, в глубокой старости, превратился в борца за идеалы прошлого. Программой-минимум для Ложкина стала публикация его собрания сочинений, начиная с заметок в стенгазету «По бухаринскому пути», переименованную вскоре в боевой листок «Смерть наймитам!», до характеристик на соседей и даже детских сказок с измененным классовым содержанием, которые Ложкин писал по поручению домкома.

– Желания заказывать будешь? – спросила жена.

– У меня все уже разложено по полкам, – ответил муж.

Он выпрямился, приподнял острый подбородок, седая прядь косо опустилась на лоб – некогда она именовалась чубом, – грудь вылезла вперед колесом, в глазах появилось яростное выражение. Всю жизнь Ложкин провел на переднем крае обороны социализма от многочисленных недругов, но сохранил главное – жизнь, здоровье и преданность идеалам.

– Первое желание, – произнес Ложкин, – собрание сочинений. В однотомнике.

– И зачем тебе, Коля, такая слава? – вздохнула его супруга.

– Народ должен знать своих героев, – пояснил Ложкин. – А вот про два других желания тебе знать не положено.

– Может, что по хозяйству? – спросила супруга. – У нас корыто прохудилось.

– Без намеков! – взвился Ложкин. – Как мы знаем из исторического опыта, желаний всего три, а пожеланий десятки. Не зря я всю сознательную жизнь отдал идеалам.

Он обнял медный таз и понес в комнату, там поставил на подоконник, чтобы не спускать глаз с драгоценной рыбки, которая поняла, с какой целью ее будут использовать, и молчала, рта не смела открыть.

А Ложкин принялся доставать из ящика стола и раскладывать перед собой тетради, листы, листки и бумажки, письма и квитанции, из которых и складывалась его сознательная жизнь.

Еще в детском саду Ложкина научили ябедничать. Считалось, что это главная обязанность ребенка страны Советов. И первым героем этой страны был ябеда Павлик Морозов, который так наябедничал на родного папу, что папу расстреляли без всякой пощады.

В старшей группе детского садика Коля Ложкин уже так хорошо усвоил эту истину, что когда воспитательница Клава Селезнева оставила его без компота за то, что баловался и щипал девочек, он в самый разгар мертвого часа оставил свою постельку, выбрался через дыру в заборе на улицу и добежал до редакции газеты «Гуслярское знамя». А там рассказал дяде редактору, что воспитательница тетя Клава вредитель, потому что морит голодом пролетарских детей. А когда Плохиши нападут на нашу страну, наши Мальчиши-Кибальчиши будут такие слабенькие, что не смогут дать им отпор.

В иной ситуации редактор посмеялся бы и отвел мальчика обратно в садик, но как раз за день до этого в газете был арестован главный редактор за то, что подсыпал иголки в корм скоту. Неудивительно, что молодой редактор Малюжкин догадался: мальчонка не случайно пришел именно к нему. Он понял, – это и есть Главное испытание. От того, как он его вынесет, выполнит, выдюжит, зависит его судьба и жизнь.

– Молодец, хлопчик, – сказал Малюжкин. – Так держать.

Он дал ему ириску и позвонил в органы.

Когда руководство детского садика сменили, встал вопрос, принимать ли мальчика Ложкина в пионеры сейчас или погодить до положенного возраста. Приняли, написали о том в журнале «Пионер», и так возникло движение ложкинцев под лозунгом «Скажи суровую правду!»

Когда все ложкинцы сказали друг о друге суровую правду, движение истощилось.

Потом Ложкин пошел в школу.

Ходил он туда редко, потому что искал шпионов и вредителей. Их тогда в стране развелось немало.

Репутация у Ложкина была такая боевая, что когда он приходил в школу, школа пустела. Кто не успел уйти через дверь, выбрасывались через задние окна.

Порой и улицы пустели, когда по ним проходил пионер Ложкин.

Особенно когда коммунист Эрнст Тельман прислал ему барабан и палочки.

Учиться дальше Ложкин не смог, потому что трудился на выборных должностях. Но и там он большой карьеры не сделал, так как им руководила страсть к совершенству, выражавшаяся в графоманском зуде. Каждый день он писал очередной опус – клеветническое жизнеописание того или иного своего коллеги или соседа. Ему долгое время верили, придуманные заговоры пресекали, заговорщиков карали и, может быть, покарали бы весь город, если бы в один прекрасный день Ложкин не написал совершенно обоснованный донос на самого себя, в конце которого призвал всех сотрудников правоохранительных органов заняться собственными преступлениями.

Заключать под стражу Ложкина не стали, но перевели на творческую работу. Его назначили детским писателем.

Так в Великом Гусляре появился первый сказочник.

В конце тридцатых годов Ложкин выпустил первый сборник переосмысленных в духе марксизма и современной политической обстановки народных и волшебных сказок. Тираж сборника был невелик и весь вскоре исчез, но одна из сказок затерялась в письменном столе писателя, и вот теперь, готовя к изданию собрание своих сочинений, Ложкин эту сказку обнаружил.

И перечитал.

Сказка называлась...

Подвиг красной косынки

Мама сказала Карине Пионеровой, ученице седьмого класса, отличнице и общественнице:

– Отправляйся на шестой перегон и отнеси бабушке Лукерье Сидоровне пирожок с капустой и последний номер газеты «Гуслярское знамя» со стенографическим отчетом о чистке рядов партийной организации нашего района.

– Как только я завершу приготовление уроков, – ответила Карина, – я немедленно выполню твою просьбу, мама моя.

– Не задерживайся и возвращайся домой до темноты, – предупредила мама. – Есть сведения, что в наших краях появились вражеские диверсанты.

– Разумеется, мама моя, – ответила Карина.

– Если бабушке понадобятся лекарства или неотложная медицинская помощь, запиши все подробно и по возвращении домой предоставь мне подробный отчет, – попросила мама.

И она повязала на голову любимой дочке красную пионерскую косынку.

Повторяя мысленно мамино товарищеское напутствие, Карина пошла через колхозные поля гречихи, миновала свиноферму имени XI партсъезда и углубилась в лес.

В лесу было мрачновато, но Карина преодолела пессимистические настроения и запела пионерскую песню «По долинам и по взгорьям».

Дверь в будку стрелочницы Лукерьи Сидоровны была подозрительно приоткрыта.

На койке вместо больной бабушки лежал здоровый диверсант, умело замаскированный под стрелочницу. Но Карина сразу разгадала маскировку и начала задавать вопросы.

– Бабушка-бабушка, – спросила она, – а почему у тебя такие большие уши?

– Пирожки принесла? – спросил диверсант Ганс Мессершмидт, который проголодался, пробираясь в наш тыл.

– А почему у тебя, бабушка, – спросила пионерка, – такой большой нос?

– Чтоб вынюхивать измену и строчить на всех донос, вот зачем шпиону нос, – ответил диверсант. – Принесла ли ты мне свежий

номер газеты «Гуслярское знамя» с отчетом о партийном собрании нашего района?

Диверсант, конечно же, выдал себя. Откуда ему было известно о партийном собрании?

Пионерку так просто не проведешь.

– Почему у тебя такие большие стальные зубы? – спросила она.

И тут диверсант проговорился.

– Чтобы перекусывать проволоку на границе, – прошептал он.

– Нам все ясно, – сказала девочка. – А зачем тебе, бабушка, такие большие очки?

– Это не очки, а фотоаппараты, – признался диверсант, – чтобы делать снимки секретных предприятий и оборонных заводов.

– Ты разоблачена, бабушка, – сказала пионерка Красная Косынка. – Признавайся, где у тебя пистолет – под одеялом или под подушкой?

– Ну уж нет! – зарычал диверсант. – Не жить тебе на свете, как и твоей покойной бабушке, которую мне не удалось завербовать, несмотря на то, что я предлагал ей крупные суммы денег, а также отдельную квартиру в областном центре.

– Ты замучил бабушку? – ахнула Карина.

– Это было бы слишком гуманно, – расхохотался диверсант. – Я привязал твою бабушку к рельсам на перегоне. И уже слышно мне, как стучат по рельсам колеса скорого поезда, который везет на Дальний Восток комсомольцев сталинского призыва, чтобы воевать на озере Хасан и защищать ваши дальневосточные рубежи от фашистских союзников – японских милитаристов. Бабушку разрежет пополам, а поезд сойдет с рельсов. Ха-ха-ха!

Зловещий хохот матерого преступника, бывшего белогвардейца и помещика, потряс сторожку.

– Этому не бывать! – воскликнула Красная Косынка и бросилась прочь.

Она выскочила на насыпь и побежала по шпалам навстречу скорому поезду, который шел на Восток.

Вот она уже поравнялась с бабушкой, которая была привязана к рельсам.

– Не отвязывай меня, Кариночка, – из последних сил прошептала бабушка. – Пускай я погибну, а ты маши, маши красной косынкой,

зови на помощь краснокрылые самолеты и броневые машины танков. И пусть из моего старого погибшего тела вырастут алые маки и красные гвоздики.

Но тут к Карине подбежал комсомолец Миша Каганович, вырвал из ее руки красную косынку и стал махать ею, привлекая внимание машиниста. Карина же развязала бабушку и стащила ее с насыпи.

Они были спасены.

А вот Миша Каганович спастись не успел.

Его разрезало пополам колесами скорого поезда.

Погибшего комсомольца посмертно приняли в почетные пионеры первой гуслярской неполной средней школы.

Когда Миша Каганович испустил последний вздох, сзади донесся страшный вой. Это советские чекисты взяли с поличным диверсанта в бабушкиной шкуре.

Не удалась империалистическая провокация!

Карина помогла бабушке дойти до сторожки стрелочницы. Там она передала ей пирожок с капустой и свежий номер газеты «Гуслярское знамя» с отчетом о чистке партийных рядов. Бабушка сразу начала читать газету, а Кариночка поспешила домой.

Назавтра она получила «хорошо» по русскому языку.

Так поступают пионеры.

Собкор Николай Ложкин.

Вырезано из газеты «Гуслярское знамя»
от 18 октября 1938 года.

* * *

Из последующих сочинений Николая Ложкина, который прожил долгую и бессмысленную жизнь, пристрастился к игре в домино и стал получать персональную пенсию, в отечественной литературе остались письма в различные редакции, чаще всего в журнал «Знание – сила» и «Блокнот агитатора», и сообщения о различных сторонах жизни города Великий Гусляр. Случалось, его корреспонденции вызывали живейший читательский отклик.

Но это все в прошлом. А нынче Ложкин стоял посреди комнаты, положив ладонь на кипу своих произведений, и откашливался, готовясь к тому, чтобы озвучить свое первое желание. Взгляд его был прикован к маленькой золотой рыбке, которая медленно кружилась в

медном тазу, ожидая его велений, как робкая девушка ожидает слов от юноши, который вот-вот намеревается сделать ей предложение руки и сердца.

– Желаю! – громко произнес Ложкин. – Желаю иметь однотомное собрание сочинений в кожаном переплете на мелованной бумаге. С золотыми буквами на переплете. Поняла?

– Чего ж непонятного? – сказала рыбка.

Раздалась нежная мелодия, и кипа бумажек исчезла со стола. Вместо нее на столе лежал аккуратный томик с золотым обрезом и золотыми буквами на корешке. Очаровательное произведение переплетного искусства.

Подобно жадному гурману, накинувшемуся на жареного рябчика, Ложкин схватил томик и принялся его листать.

По мере перелистывания он бледнел, краснел и на его лице вырисовывались бурные, обычно скрытые чувства.

Ложкину хотелось показать эту книгу жене, но сперва ее надо было подарить некоторым нужным и приятным людям.

Он кинул взгляд на стол и только тут сообразил, что больше книг нет.

– Ах, – сказал он. – Где книжки?

– Какие книжки? – спросила рыбка.

– Остальные.

– Мне была велена одна книга, – жестко возразила рыбка. – Я ее изготовила. Надеюсь, претензий нет.

– Какая одна! – возмутился Ложкин. – Мечи остальные.

– Какой тираж нужен?

– Такой тираж, чтобы в каждом книжном магазине нашего государства мой однотомник стоял. Где Толстой, там и я, где Шолохов, там и Ложкин!

– Большой тираж, – вздохнула рыбка. – Нелегкое поручение.

– Сделаешь или нет?

– Придется сделать.

– Так давай!

– Все!

– Что все?

– Сделано.

– Где книги?

– В магазинах. Как просил. Во всех книжных магазинах государства, рядом с произведениями Льва Толстого.

– А почему не вижу?

– Так они же в магазинах!

– А мои где? Где моя доля?

– Можете пойти в магазин и купить.

– Не говори глупостей. Что же, я должен собственные книги по магазинам покупать? А ну, чтобы сейчас же на столе было десять моих книг!

– Сейчас, – ответила рыбка.

Она вздохнула.

На столе появилась стопка книг в кожаных переплетах.

– Ну то-то, – утешился Ложкин. – А теперь переходим к следующим желаниям.

– Каким желаниям? – спросила рыбка.

– Моим.

– Любопытно, – сказала рыбка. – И какие же в тебе кипят желания?

– Я намерен вернуть обратно великий могучий Советский Союз не только в гимне, как уже сделано, но и в остальных апсектах.

– Аспектах, – поправила Ложкина рыбка.

– Неважно. Главное, чтобы ликвидировать эту самую демократию и порнографию на экранах телевизоров. Чтобы всех пидарасов в тюрьму упечь, чтобы воспевали, а не злобно критиковали, чтобы восславить партию, которая ведет к горизонтам, чтобы всюду колбаса была по два двадцать и никаких тебе Канарских островов, чтобы...

– Все ясно, Ложкин, – сказала рыбка. – Придется тебе подождать следующего раза.

– Не понял! – прогремел Ложкин.

– А чего тут непонятного, если ты все желания уже заказал и исполнил.

– Ничего подобного! Не жуль, а то задушу! Я у тебя только однотомное сочинение попросил, а все остальное еще впереди.

– Первое желание было – изготовить однотомник.

– Правильно.

– Второе желание – изготовить массовый тираж, чтобы твоя книжка в любом книжном магазине рядом со Львом Толстым стояла.

– Ну уж нет – это то же самое первое желание.

– Обращайтесь в суд, – сказала рыбка. – Даже в Страсбургский по правам человека. Желаний было два.

– Я тебя затаскаю по судам!

– А третьим желанием ты попросил десять книг на этом столе тебе выдать. Вот ты и получил...

– Ни в коем случае! Это было одно желание! Я тебя никуда не выпущу, пока не исполнишь! Какая мерзавка! И я знаю, в чем дело – тебя купили!

– Чего шумишь? – крикнула из кухни жена. – Опять не то пожелал?

– Враги! – откликнулся Ложкин. – Всюду враги. Обманули, ввели в заблуждение. И не удалось мне возродить нашу славную державу!

– Ну вот, а корыто худое, – сказала жена.

– В следующий раз, – откликнулся Ложкин. – Еще не вечер.

Он был историческим оптимистом.

Сунул руку в медный таз, чтобы придушить рыбку, но его опередила большая черная ворона, которая успела снизиться на подоконник, выхватить рыбку клювом и унести в небеса.

– Туда тебе и дорога, провокатор! – крикнул вслед Ложкин.

И уселся листать свой однотомник. Все-таки кое-чего мы добились. А ворона несла рыбку к себе в гнездо, и путь ее лежал через речку. И в тот момент внутренний голос подсказал ей:

– Раскрой клюв, раскрой клюв, раскрой клюв, тебе говорят!

Ворона раскрыла клюв, и рыбка, немного помятая, но здоровая, упала в воду.

* * *

Зоомагазин опустел.

Владельцы рыбок поспешили загадывать желания, а Лена с Олей остались одни. Даже Никодим уехал, а верный Мирослав скрылся с рыбкой.

– Может, Слава будет просить у рыбки моей руки? – спросила Оля.

– Глупости, – возразила Лена. – Зачем ему через рыбку это делать, когда ты ждешь не дождешься, чтобы он напрямки тебя попросил.

– Но ведь не просит, стесняется.

– А может, не хочет?

По этому обмену репликами вы можете понять, что Оля еще наивна и оптимистична, а Лена ни в жизнь, ни в мужчин не верит. Ее молодость миновала, так толком и не начавшись.

– Ты его не знаешь, – сказала Оля. – Он совсем не такой плохой, как тебе кажется.

– Мне не кажется, я знаю, – отозвалась Алена. – Он на Армена пашет. А Армен – нашего магазина крыша. Вот твой Славик и следит, чтобы мы не заработали больше, чем положено.

Это был не первый разговор на эту тему. И развивался он по стандарту.

– Прежде чем Славика обвинять, ты бы о своем Бореньке вспомнила! Сделал тебе ребеночка – и с концами! В восемнадцать будешь ты матерью-одиночкой.

Бывает же такое в жизни: Лена детей терпеть не могла, даже в детстве со сверстниками не играла в песочек. И надо же – стала жертвой нескольких ночей любви. И решила: бог с ним, с Борькой, рожу ребеночка, Борька от меня никуда не денется – женится как миленький, испугается общественного мнения. Алена никому не сказала, что подзалетела, даже от сестры скрыла. И когда уже никаких сомнений не оставалось, то сообщила радостную весть Бореньке, в которого была влюблена, как дикая кошка. Вы не поверите, но Боренька вовсе не обрадовался. И не поспешил жениться на юной возлюбленной. А сказал примерно следующее:

– Учти, денег на аборт у меня нет и не будет. Проси у своей мамаши.

Это был непереносимый удар, потому что и у самой Лены денег не было ни копейки, у нее все Боренька отнимал, чтобы прилично одеться. И у Оли не было, она только что туфли купила фирмы «Габор», а у мамы просить – проще сразу повеситься.

Лена проплакала всю ночь, а потом что сделала? Вы думаете, взяла денег в кассе магазина? Заняла их у друга детства? Ничего подобного. Она пришла к твердому выводу, что Боренька так среагировал на ее слова от свойственного мужикам чувства робости, нерешительности и стеснительности, хотя в том Бореньку обвинить было невозможно. И она стала ждать, когда Боренька придет к ней со словами: «Я все понял! Побежали в ЗАГС. Как мы назовем нашего малыша?» Через два месяца пустого ожидания, когда ни о каком аборте и речи быть не

могло, Боренька уехал из Великого Гусляра. На заработки и поиски счастья.

А животик Алены принял такие очертания, что даже мама догадалась: это не избыточный вес.

Пороть Алену было поздно и негигиенично. Дом был залит маминими слезами, которая всю жизнь пахала, как проклятая, выращивая двух дочек без отца-беглеца, и лишь сестра Оля оставалась спокойной. И знаете, почему? Оля обожает и маленьких, и больших детей. Она мечтала даже пойти после восьмого класса работать уборщицей в детский садик, но там так мало платят, что о туфлях фирмы «Габор», которые Оля тоже любила, нельзя было и подумать. Вот и работали сестрички рядом до этого знаменательного дня и опомнились в пустом магазине с одной рыбкой на двоих.

– У нас три желания, – сказала Оля. – Как будем делить? Я предлагаю по одному желанию личному, а одно общее. Не возражаешь?

– Не верю я в сказки, – ответила Алена.

– А может, тебе загадать колясочку для маленького? – спросила Оля.

Лена отрицательно покачала головой. Она была куда мудрее сестры и понимала, что загадывать колясочку – все равно что колоть паровозом орехи.

– Я подумаю, – сказала Лена, хотя в ее сознании желание уже начало материализоваться.

Вы догадываетесь?

Я тоже догадался с самого начала. Лена решила вернуть себе Бореньку. А почему бы и нет? Но она не спешила говорить об этом вслух. Надо бить наверняка.

– И я пока подумаю, – сказала Оля, но вместо того чтобы просто думать, она достала листок бумаги и принялась записывать в столбик приходящие в голову желания. Как значительные, так и пустяковые.

Столбик у нее получился примерно такой:

Чтобы Мирослав вел себя прилично и не приставал.

Дубленка.

Поступить в техникум.

Встретить такого парня, чтобы все лопнули от зависти, а он бы ей цветы покупал.

Чтобы Мирослав не матерился.

Чтобы с Ленкой было по отдельной комнате.

Чтобы у Ленки родился ребеночек и они его вместе воспитывали, без мужиков, от которых никакой пользы.

Чтобы в третьем квартале не было недостачи.

Новый стильный купальник, чтобы ничего не закрывал.

...У Ольги все возникали новые желания, но ни одно из них не было главным или страстным. Если бы все исполнить, это был бы кайф, а если выбирать, то неизвестно какое.

Но Алена была готова к первому и единственному желанию, которое свойственно будущим матерям.

– Я загадаю, хорошо? – спросила она.

– Давай, сестра, – произнесла Ольга.

И Алена, зажмурившись, произнесла. Тихо и внушительно, словно колдовала:

– Пускай Борис немедленно вернется ко мне!

Ольга только ахнуть успела.

И посреди магазина стоял Боренька, эгоистичная душонка, отец нашего ребенка, ни дна ему, ни покрышки.

Несмотря на то, что день был в полном разгаре, Боренька был одет лишь в трусы в цветочек и шлепанцы – на плечах полотенце, щеки в алой губной помаде, взгляд утомленный и обалдевший.

– Это что происходит? – спросил он грозно, вместо того чтобы броситься на шею своей возлюбленной.

– Боря, – ахнула Алена, которая глазам своим не верила. – Ты почему пришел в таком виде?

– Я пришел? – удивился Боря. – Я пришел? Я попал в ловушку! Мне это снится.

Если вы думаете, что соблазнитель Боря был героем, молодцем вроде купца Калашникова, то вы ошибаетесь. Боря был невысок ростом, склонен к полноте, но руки и ноги у него оставались тонкими и голубоватыми, несмотря на все попытки загореть.

– Что творится, где Римма? – кричал он. – Кто посмел вырвать ее из моих объятий?

– Ты дома, – сказала Алена. – Ты вернулся ко мне и своему будущему ребенку. Успокойся и иди одеваться.

– Какой дом? – возмутился Боренька. – Мой дом в Вологде, я пребываю сейчас на берегу в оздоровительном комплексе «Северное сияние».

– И рядом с тобой новая возлюбленная? – строго спросила Ольга, которая поняла, какую глупую ошибку совершила ее сестра.

– Какого черта! – Боря топнул ногой. – Как ты меня затянула в омут мещанской жизни?

– Это золотая рыбка, – призналась Алена, – как в сказке. Я ей загадала желание, чтобы ты вернулся. Я думала, что ты будешь рад...

Голос ее колебался, словно оборванная скрипичная струна. Она уже поняла, что совершила глупую ошибку.

И свидетельством тому стали ее слова:

– И аборт уже поздно делать.

– Какие рыбки? – спросил Боря. – Повторите, какие рыбки? Где они? Кто выдает желания?

Вялой рукой Алена показала ему на банку, в которую они с сестрой пересадили рыбку из карандашного стакана.

Боря резко обернулся к рыбке.

– Понятно, – сказал он плотоядным голосом. – Сколько у нас осталось желаний?

– Два, – скучно бросила Алена.

– А ну, – приказал Боря. – Прошу вас, девочки, отойти и не мешать мужчине.

– Это наши общие желания! – воскликнула Оля.

Боря уже не видел ее.

Он бормотал зачарованно:

– Сначала надо... надо квартиру и машину... нет, сначала надо виллу на Кипре. Нет, сначала надо дворец в Баварии... начнем с дворца в Баварии...

Если бы кричать сразу, может быть, рыбка не сообразила бы и выполнила его преступную волю, но пока он бормотал, пришла в себя Ольга и поняла, что нельзя терять ни секунды. Она закричала страшным голосом:

– Рыбка, у меня срочное желание! Чтобы этот тип, чтобы Борис Глебкин исчез навсегда с наших глаз, чтобы мы его никогда не видели и он бы никогда не вернулся в Гусляр. Пускай он живет... в Патагонии или на острове Пасхи, но чтобы даже не помнил наших имен...

– С удовольствием, – произнесла золотая рыбка.

На месте Бори возникло завихрение воздуха и шуршание, словно в отдаленной галактике столкнулись две звездочки.

И нет Бори. Отправился в Патагонию.

Будто не было никогда.

– Ну что ты наделала! – зарыдала Алена. – Я же никогда теперь его не увижу!

– А ты хочешь его видеть?

– Не знаю.

– Ты что, не поняла, в каком он виде и с какими желаниями?

– Я все понимаю, – прошептала Алена. – Но все же он – отец ребенка. Мне без отца этот ребенок и вовсе не нужен. Жизнь они мне на пару поломали! С обрыва, что ли, сброситься?

– Не стоит он того, чтобы бросаться, – сказала Ольга, имея в виду Бориса.

– Я знаю! – диким голосом возопила Алена. – Отдай мне последнее желание! Оля, Оленька, ты же меня любишь! Отдай мне желание!

Оля не успела ответить, как послышался голосок рыбки, которая уже близко к сердцу принимала страдания девушек.

– Если она снова будет своего Бореньку возвращать, я отказываюсь.

– Нет, – сказала сквозь слезы Алена, – не буду я его возвращать.

– Тогда скажи, чего хочешь, а я не буду спешить с исполнением, – сказала рыбка, – если твое решение разумно, я его выполню.

Ольга кивнула.

– Я хочу, чтобы я больше не была беременной, – сказала Алена. – Пускай я снова стану девушкой.

– Ой! – воскликнула Ольга. – Но ведь ребеночек уже есть!

– Вот именно, – сказала рыбка. – Я могу сделать тебя снова девушкой, но совершенно не представляю, куда денется младенец из твоего живота.

– На помойку! – крикнула Алена.

– Это жестоко, – сказала рыбка. – У меня, например, рождается около тысячи икринок, и я ни одну из них не подумаю выбросить на помойку.

– Тогда я утоплюсь.

– Не следует этого делать, – сказала рыбка.

– Я все равно утоплюсь!

– Но куда мы денем младенца?

– Ой, – вмешалась в их нервную беседу Оля, – а нельзя мне этого ребеночка взять?

– Как так взять?

– Перенеси его в меня, – попросила Ольга. – Я его уже заранее люблю. Я всегда его любила, я всех маленьких детей люблю, я его рожу, я его кормить буду, я его в школу отведу, ну пожалуйста!

– Но если у тебя свои будут?

– А он что, разве будет не мой?

– В какой-то степени твой.

– Никто не догадается, – сказала Оля, – мы же с Аленой на одно лицо!

Рыбка спросила у Алены:

– А ты как к этому относишься?

– Мне до лампочки, – отозвалась Алена. – Пускай в приюте поживет.

– Приют – это мой живот, – сообщила Ольга. – Выполняйте желание!

Произошло помутнение атмосферы, шуршание звездных скоплений, возникла космическая мелодия, Алена мгновенно похудела и настолько потеряла в весе, что ей пришлось схватиться за угол прилавка, чтобы не упасть, зато ее сестра качнулась вперед и уперлась руками в стену, ибо у нее мгновенно вырос живот.

– Какое счастье, – сказала Ольга, придя в себя.

– Какое счастье, – сказала Алена, придя в себя.

Когда сестры отдышались, они понесли банку с рыбкой к реке, а по дороге рыбка их предупредила:

– Вам надо приготовиться к тому, что даже дома Ольгу теперь будут называть Аленой и наоборот.

– Я понимаю, – сказала Алена.

Она не могла сдержать жестокой улыбки. Теперь у нее на всю жизнь будет жестокая улыбка.

– И Ольге придется пережить все моральные неприятности, связанные со статусом матери-одиночки, – сказала рыбка.

– Первые шесть месяцев Алена за меня отработала, – сказала Ольга и поцеловала сестру в щеку.

Алена посмотрела на сестру и в первый, но далеко не в последний раз позавидовала ей.

Забегая далеко вперед, надо сказать, что когда через три месяца Ольга родила маленького Сережу, врачи, что обследовали ее, констатировали редчайший случай непорочного зачатия. И когда через бол-

тливых медсестер эта новость распространилась в Гусляре, у Ольги появились поклонницы, которые полагали, что она – святая женщина. Но это уже другая история.

* * *

Если задуматься, то ситуация возникла глупая. Невероятная и даже не фантастическая, потому что любая фантастика ищет объяснений, а тут – сплошные нелепости. И когда впоследствии компетентные лица старались разобраться в накладных и понять, как могло случиться, что в торговую сеть вторично попали говорящие золотые рыбки, то выяснилось: накладные составлены непрофессионально, неразборчиво и просто неграмотно. Всегда у нас так – большое дело делаем, а простую бумажку составить не умеем.

Неудивительно, что в поступках затронутых событиями людей также прослеживались нелепости.

Возьмем Армена Лаубазанца.

Он, как голодный кот, ходил вокруг банки с рыбкой, но, будучи опытным бандитом, не спешил высказывать желания. И после часа раздумий позвонил по межгороду в село Санаин, где живет его дедушка Ашот, мудрый человек.

Армен объяснил дедушке, в чем проблема.

– Желания клубятся в моей голове, – сообщил он, – но не могу выбрать принципиальное.

– Буду думать, – ответил дедушка.

Он перезвонил внуку через двадцать минут и сказал:

– Самое важное – вернуть Арарат в Армению. Добром турки нам эту великую гору не отдадут. Значит, не зря Господь послал тебе золотую рыбку. Требуй от нее возвращения Арарата. А уж потом будем думать о семейном благополучии.

– Я хочу тогда, – заглянул в будущее Армен, – организовать экспедицию на Арарат, чтобы найти там Ноев ковчег.

– Молодец, – сказал дедушка. – Но сначала верни его в Армению.

Счастье – это уверенность в себе. Так учил Заратустра. Счастье снизошло на Армена. Он выпил квасу и сообщил рыбке:

– Мое первое желание: пусть Арарат вернется из Турции на родину.

– Слушаюсь, – проговорила золотая рыбка, махнула хвостиком и ушла в глубину банки.

В следующий момент посреди комнаты образовался склонный к полноте мужчина средних лет. Был он лыс, но над ушами колосились черные кудри. Взгляд у него был яростный, сверкающий, в одной руке он держал шампур с недоеденным шашлыком, в другой – шелковую салфетку.

– Это что за безобразие! – воскликнул мужчина. – Ты хочешь, чтобы я шашлыком подавился? Я же тебя по судам затаскаю...

И только тут человек сообразил, что его куда-то перенесло.

– Где я? – спросил он.

– А ты кто такой? – спросил Армен.

– Кто такой? Ты что, не знаешь меня? Меня весь Конотоп знает. Я Арарат Мкртчян! А ты – ничтожный похититель моего времени!

– А ты где? – упавшим голосом спросил Армен.

– Как где? На курорте Анталия, в гостинице пятизвездочной «Ататюрк», тебе что, не сказали?

– Значит, ты в Турции?

– Слушай, – Мкртчян стал нервно осматриваться. – Мне все это не нравится. Где гостиница? Где моя девушка Ксения? Кто меня похитил?

– Тебя не похитили, – сказал Армен. – Тебе хотели как лучше сделать. Тебя хотели из Турции вернуть... – Тут Армен обернулся к банке с рыбкой и зашипел: – Ты что, посмела издеваться, да? Ты зачем товарища от обеда оторвала? Какое ты право имела?

– Я точно выполнила пожелание, – сказала рыбка. – Ты просил вернуть Арарата из Турции, просил, да?

– Я гору просил! Я просил границу передвинуть, а не человека от обеда отрывать.

– Ты сказал, что имеешь в виду гору, а не конкретного человека? – спросила рыбка.

– Я сказал, что каждый нормальный человек знает! А этого самого Арарата кто знает?

– Меня мама знает, – обиделся Мкртчян, – меня Ксения знает, меня сотрудники по предприятию знают. Не обижай меня и немедленно отправь обратно! А то я милицию вызываю.

– Этот вызовет, – сказала рыбка. – Я в людях разбираюсь.

Мкртчян превышал Армена размерами и надвигался на него, как слон на зайца, намереваясь проткнуть насквозь шампуром.

Конечно, тут бы самое время позвать охрану, но охрана уехала на обед, Армен сам ее отправил, чтобы не было лишних свидетелей.

– Стой! – закричал испуганный Армен. – Все нормально! Рыбка, слушай мою команду! Немедленно верни Арарата в Турцию на то место, откуда он сюда приперся!

И в последнее мгновение Мкртчян успел протянуть Армену шампур с остывшим шашлыком. Может быть, пошутил, а может быть, в самом деле догадался, что Армен искренне переживает свою ошибку.

Было пусто и тихо.

Какой же я был идиот, что стал слушаться деда. Дед давно из ума выжил, а я, как дурак, его всерьез принял. Какой еще Арарат? А что если бы гора к нам переехала или граница подвинулась? Только один международный скандал и никакой человеческой радости. Ах, какой я идиот!

И тут зазвонил телефон.

И конечно же, звонил дедушка из Санаина, выживший из ума националист, тоскующий по былой славе армянского государства. Тот самый, который заставил молодого человека добывать из Турции Мкртчяна. Ну, сейчас я ему все объясню!

И Армен все объяснил старому деду. Все высказал и даже собственное отношение к некоторым выжившим из ума старикашкам.

И выслушав его, мудрый старик переспросил:

– Значит, ты этого туриста Арарата вновь в Турцию отослал?

– Разумеется, охота мне была по судам отдуваться!

– Грустно, – сказал дедушка.

– А мне как грустно! Два желания истратил и как был на исходной позиции, так на ней и стою.

– А кто виноват?

– Ты, дед, виноват! – не выдержал Армен. – Глупый совет дал, а теперь мне расхлебывать.

– Нет, – сказал дедушка. – Не я глупый совет дал, а ты две непростительные глупости совершил.

– Ну уж!

– Почему ты рыбке задание не конкретизировал, а? Почему ты не подумал, что она разбирается в географии, как моя третья жена? Мог же сказать, что гора такая существует?

– А кто мог предположить, что в Турции отдыхает армянин с таким дурацким именем?

– Это не дурацкое имя, это патриотическое имя. Его отец мечтал о горе, как твой отец мечтал о романтике, когда твоего брата Гамлетом назвал. Разве Гамлет – это дурацкое имя?

– Гамлет – это другое дело, – возразил Армен, но прозвучало это неубедительно.

– А про твою вторую глупую ошибку сказать? – спросил дедушка.

– Как хочешь.

– Сколько путевка в Турцию стоит?

– Пятьсот долларов, – сразу ответил Армен.

– Что тебе помешало попросить у рыбки миллион долларов, а тысячу из них отдать этому Арарату, чтобы он снова в Турцию полетел и еще в выгоде остался?

Наступила долгая пауза. Армен молчал, молчал, а потом бросил трубку.

– Эй, наивный мальчик, что ты не отвечаешь? – спросил дедушка.

В трубке зазвучали короткие гудки.

– Интересно, – сказал сам себе дедушка, – как этот идиот загубит последнее желание?

Еще не успело рассеяться помутнение воздуха, вызванное желаниями Армена Лаубазанца, как наступила пора следующего неудачного желания.

На этот раз жертвой его стал сам Никодим, инопланетный шпион, опытный человек, законченный негодяй. Вот уж от кого ошибок нельзя было ожидать.

Но именно черная инопланетная душа Никодима и вызвала к жизни последующие события.

Сперва Никодим, затолкав золотую рыбку в водонепроницаемый карман кожаной куртки и наполнив его водой из-под крана, снова вышел на связь с начальством. Там, в пункте Два-икс созвездия Кита, шло секретное совещание.

– Ну и как? Получил? Отравил? Уничтожил? – загалдели акулы космических злодейств.

– Рыбка получена, – ответил Никодим. – И готова к употреблению.

Пункт Два-икс включил все компьютеры, чтобы решить, как лучше всего использовать нежданное везение в интересах межзвездной вражды.

А Никодим стал ждать.

И думать, может, и ему что-нибудь обломится от этого счастья?

Резиденту на Земле бывает тоскливо и одиноко. Годами приходится таиться в чужом облике, вдали от семьи и друзей. И далеко не всегда материально он может компенсировать потери в бесцельно прожитых годах. И вот сейчас у Никодима (настоящего его имени вам никогда не выговорить) появилась возможность натянуть нос спецслужбам, скрыть от них дополнительные возможности...

– Сколько всего желаний? – спросил Центр.

Никодим готов был сказать – одно. И тут же испугался, что голос его выдаст. Но и лишить себя возможности короткого счастья он не желал.

– Два, – выговорил он.

– Два... – понеслось через пространство... – Два! Два! Два! Два! 0010 0010 0010...

Величайшие злобные умы Черных галактик мечтают об удушении всех свободолюбивых цивилизаций. Землю они, к сожалению, относят именно к их числу. Значит, намереваются ее истребить. Но не сразу и так, что Верховный совет галактики, который пресекает все случаи геноцида, ни о чем не должен догадаться.

Они ждут своего часа...

И вот, дождавшись, они велят Никодиму подготовиться к исполнению желания злобных сил.

А он, выслушивая приказ, думает совсем о другом.

И загадывает основное и страшное вселенское желание между делом, не задумываясь:

– Пусть отныне, – говорит он золотой рыбке, у которой от ужаса начинают осыпаться чешуйки, – жители Земли перестанут размножаться, пускай они потеряют интерес друг к другу – девушки к юношам, а мужчины к женщинам. Пускай они с удивлением будут читать о Ромео и Джульетте и хохотать над проблемами Отелло. Пускай Лейла и Меджнун, Тинатин и Тэриел станут для них пустым звуком. Пускай с сегодняшнего дня не будет больше зачато ни одного человеческого ребенка. И пускай через девять месяцев из роддома № 1 выйдет последняя мать с новорожденным младенцем. Далее – пустота.

– О, нет! – воскликнула рыбка.

Но что она может поделать! Ведь рыбка не более чем исполнитель.

– А второе мое желание заключается в том, чтобы уже рожденные дети потеряли желание учиться и способности к обучению. Чтобы

человеческий род пресекся в ближайшие десятилетия, и последние представители его будут неучами, не способными сидеть у компьютера или подниматься в небо. Это будет раса ничтожеств!

– О, нет! – закричала рыбка.

Но что она могла поделать.

А Никодим даже не заметил, что он совершил, как он погубил земную цивилизацию. Он думал лишь о себе. О третьем личном пожелании:

– Пускай сюда прибудет моя супруга, – произнес Никодим, – со всеми нашими детишками. Пускай они побудут со мной хоть немного, я так о них тоскую!

Никодим искренне полагал, что он сделал так много для своей родины, что даже если там узнают о его инициативе, то строго наказывать не станут.

Беда заключалась вот в чем.

За годы работы на Земле Никодим постепенно забыл, что внешне он теперь отличается от своей жены и детей. Ведь государство пошло на невероятные расходы, чтобы превратить его физиологически в человека. Конечно, Никодим мог бы попросить рыбку придать жене человеческий облик, но ведь у него оставалось лишь одно желание. Превратишь – а как обратно превращать? Не станет же он мириться с тем, что жена станет уродливой, как все земные женщины. О нет, только не это! Достаточно того, что он сам невероятен и отвратителен для иксового глаза.

И вот легкомыслие инопланетного агента привело к тому, что земля на площади Землепроходцев вскипела, вспучилась, поднялась холмом, и наружу медленно выполз червь, вернее червиха, длиной в шестнадцать метров и диаметром в три. По всем меркам она была первой красавицей на Два-икс, и когда вышедший навстречу Никодим увидел ее, у него дыхание перехватило от эстетического благоговения. Как же он смог прожить все эти годы в окружении уродов!

Никодим побежал через всю площадь к червихе, к прекрасному инопланетному насекомому с криком:

– Наша лапонька приехала!

И все их детишки, что извивались на спине матери, подобно живым волосам горгоны Медузы, в ужасе от необычного зрелища – бегущего к ним человека – заметались и стали скручиваться в кольца.

Но мать всегда мать.

Она распахнула свою желтую пасть, в которую, хоть и с трудом, но мог бы уместиться рейсовый автобус, смела с площади оранжевым языком бегущего к ней Никодима, включая его кожаный костюм и сапоги, и проглотила резидента целиком, практически не пережевывая, как она делала обычно с пролетающими мимо стрекозами.

Никодим пролетел внутрь жены, скользнул вниз по пищеводу и окунулся непутевой головой в кипящий желудочный сок.

Вот и пришел конец агенту.

Хотя черное дело он успел совершить.

Вернее сказать, хотя он совершил по одному черному делу во всех трех желаниях.

Во-первых, лишил Землю стремления размножаться.

Во-вторых, отнял у молодых землян страсть к знаниям.

В-третьих, не только сам погиб, но и оставил после себя неутешную ядовитую вдову длиной в шестнадцать метров, которая в ярости и растерянности свивала и развивала кольца на площади и никак не могла сообразить, кто и почему ее сюда приволок.

* * *

Именно об этом шел разговор вокруг чуть покосившегося могучего стола для игры в домино во дворе дома № 16 по Пушкинской.

Сидели там Корнелий Удалов, который сберег свою золотую рыбку и не спешил реализовать ее возможности, потому что как опытный космический путешественник, межпланетный психолог и просто поживший на свете человек знал, что вскоре ему придется пожертвовать своими желаниями, чтобы спасти город от последствий чужих необдуманных порывов.

Напротив него, опершись локтем о стол, находился великий ученый профессор Минц, который также понимал, что ничего хорошего от рыбок ждать не приходится. Не созрела еще Россия для того, чтобы пользоваться золотыми рыбками.

Третьим в этой интеллигентной компании оказался недавно поселившийся в Великом Гусляре жулик, пройдоха, религиозный мракобес, но в то же время веселый озорной человек и неплохой волшебник Ходжа Эскалибур. Его только в последнее время стали принимать в порядочном обществе, и он нередко приходил в него в сопровожде-

нии юных неофиток, то есть девиц, которые презрели учебу, родительскую ласку и прочие достижения цивилизации ради того, чтобы сидеть у ног волшебника и пророка и глядеть на него бездумными телячьими глазами.

На этот раз он пришел в одиночестве.

Слишком серьезным было дело.

И никто, кроме этих трех джентльменов, не отдавал себе отчета в том, чем история с золотыми рыбками может аукнуться для города и всей нашей планеты.

Тридцать лет назад желания были локальными, потому что сама цивилизация Советского Союза была замкнутым явлением.

Теперь же все изменилось.

Распахнулись психологические ворота.

Мир стал единым.

– Ничего доброго я не жду, – сказал Минц. – Потому что народ у нас эгоистичный и каждый тянет одеяло на себя.

– И не понимает, – подхватил Удалов, – того, что мир – это сплошной сообщающийся сосуд. Где в одном месте убыло, в другом прильется. И если ты пожелал отхватить двойной дачный участок, это означает, что у твоих соседей станет меньше соток.

– Пример наивный, – сказал Минц, – но верно передает суть человеческих отношений. Тем более, если ты станешь этому захватчику объяснять, что нельзя отнимать сотки у соседа, он ответит: «Это ваши проблемы», что стало самым популярным высказыванием в мещанской среде.

– Наша обязанность быть монитором, – заметил волшебник Эскалибур. – И как только мы заметим тревожные тенденции, немедленно принимать меры.

Его черные, блестящие, выпуклые глаза сверкали при этом так зазывно и лукаво, что казалось, будто он рассуждает о веселой выпивке или танцульках. А не о судьбах нашей планеты.

Он материализовал несколько бутылок пива «Сибирская симфония», и Удалов подумал: ну зачем такому пройдохе золотые рыбки, он же сам почище их может колдовать.

– А вот и не так, – перехватил его мысли волшебник. – Я могу решать проблемы житейские, бытовые, но никого мне не сделать владычицей морскою или даже сватьей бабой Бабарихой.

– Вот именно, – подтвердил профессор Минц, занятый своими мыслями.

И тут внимание мудрецов Великого Гусляра привлекла Тася.

Тася живет через два дома, ей семнадцать лет, она не то чтобы красива, но чертовски мила, всегда лохмата, всегда курноса и губаста. Куда она идет – не столь важно, но если сказать правду, то к своей тетке, чтобы та сшила ей нечто рискованное. Если у тебя нет денег, чтобы одеваться в парижских бутиках, да, впрочем, и бутиков в Гусляре еще не завелось, то всегда остается надежда на тетушку современных взглядов.

Тася была девушкой воспитанной, и она вежливо поздоровалась с дедушками и дяденькой, которые сидели за столом и пили пиво.

Дедушки и дядя тоже с ней поздоровались.

Пройдя несколько шагов, Тася замедлила шаги и потом приостановилась.

Что-то было неладно.

Мужчины на нее неправильно смотрели.

В семнадцать лет хорошенькая девушка отлично знает, как мужчинам полагается на нее смотреть. И она, хоть, может быть, вслух возражает против таких наглых взглядов, понимает, что они – своего рода комплименты. И пока взгляды несутся к ней со стороны половозрелых мужчин, у нее еще все впереди.

А Тася, миновав мужчин за столом, вдруг поняла, что они на нее смотрят не так. Равнодушно смотрят. Как Лидия Семеновна в поликлинике на профилактике.

Она обернулась.

Никакой реакции. Флюиды до нее не долетели.

Тася пожала плечами и быстро пошла дальше, подчеркнуто раскачивая бедрами.

Никаких взглядов.

А через минуту и мужчины сообразили, что происходит нечто неладное.

– Видно, я совсем старым стал, – сказал Минц. – Гляжу на это лолитское создание, и ничто во мне не трепещет.

– Это пиво виновато, – сказал Удалов.

– Пиво ли? – произнес Ходжа Эскалибур. – Мне на возраст жаловаться рано. Еще второй тысячи лет не разменял.

– Климат, – сказал Минц. – Совершенно испортился климат.

За воротами заиграла музыка.

Они повернули головы.

У дома напротив остановилась кавалькада в составе двух иномарок и туристической пролетки. Именно в ней сидели жених с невестой.

Жених спрыгнул с пролетки.

Гости стали хлопать в ладоши.

Жених протянул руки к невесте.

– Ты что? – строго спросила невеста. – Платье помнешь.

– И то правда, – сказал жених и первым пошел в дом.

– Невесту забыл! – крикнули из толпы родственников.

– Да ладно, – отмахнулся жених. – Выпить хочется.

– Как выпить, так без меня! – возмутилась невеста, спрыгнула с пролетки и, подобрав подол, ринулась в дом.

За ней потянулись зрители и свидетели.

Минц нахмурился.

– Неладно, – сказал он. – Не нравится мне это.

Со стороны площади Землепроходцев послышался страшный рев, земля вздрогнула. Именно в этот момент самка с планеты Два-икс заглотнула своего любимого мужа.

– Разгул желаний, – произнес Ходжа Эскалибур. – Мы стоим на краю пропасти.

Во двор вошел Максимка-младший, внук Удалова.

– Вас отпустили на каникулы? – спросил дедушка.

– Отпустили, – ответил Максимка, вынул из ранца учебник «Родная речь» и принялся на ходу вырывать из него страницы. Страницы летели позади него, как стая чаек.

– Ты что делаешь? – испугался Удалов.

– Так ведь нас отпустили! – сказал Максимка.

– Это не означает, что вас не призовут в школу в будущем учебном году, – сказал дедушка.

– Черта с два! – ответил внучек. – Не видать им меня больше там, как своих ушей.

Он продолжал рвать учебник, и Удалов не выдержал, вскочил, выхватил остатки книжки у ребенка, дал ему подзатыльник. Не успел еще Максимка зареветь, как профессор Минц спросил:

– И чем ты намерен отныне заниматься?

– В спецназ пойду, – ответил ребенок. – Буду террористов мочить.

– Славный мальчик, – заметил Ходжа. – Наверное, он будет решать национальный вопрос.

– Мальчик переутомился, – сказал Удалов и потащил сорванца домой.

Переутомился крошка, ничего страшного. С другими что-то происходит, но с нашими отпрысками дурного быть не может.

По детским воплям и мужскому крику было понятно, как они взбираются по лестнице на второй этаж.

Минц отпил из горлышка.

– Не может ли поведение ребенка, – сказал он, – быть связано с преступными или легкомысленными желаниями наших сограждан?

– Я вас не понимаю, коллега, – ответил Ходжа Эскалибур.

Минц слегка поморщился. В устах Ходжи Эскалибура слово «коллега» несло несколько издевательский оттенок. Минц был естественником, трезвым профессором и скептиком. Ходжа Эскалибур, появившись в Великом Гусляре, начал создавать какую-то языческую секту, соблазнять своих юных жриц, строить трехэтажный коттедж из вишневого датского кирпича, давать объявления в городскую газету о сеансах черной и белой магии и печатать гороскопы, которые совершенно не сбывались, но в которые верил весь город. Может быть, Ходжа Эскалибур был жуликом, а может быть, ловким фокусником, а может быть, там что-то было нечисто, но он так ловко умел втереться в доверие к достойным людям, что отделаться от него было невозможно. Даже Минца он смог обаять, причем совершенно нестандартным образом. Он стал ходить на стадион «Речник» и болеть за местную футбольную команду, причем всегда оказывался на соседнем с Минцем месте. А вы не представляете себе, как сближает совместное лицезрение спортивных состязаний. Люди высокого ранга смотрят теннис или даже делают вид, что играют в теннис, а вот демократы духа всегда идут на стадион болеть за футболистов.

Кстати, с Удаловым Эскалибур сблизился еще проще, потому что, когда в том месяце Удалов приехал на озеро Копенгаген порыбачить, то увидел на своем любимом и постоянном месте черноглазого мошенника. При виде Удалова он освободил место и уселся неподалеку. И надо вам сказать, что у Удалова, как всегда, не клевало, а у Эскалибура клевало сказочно. Настолько, что Удалову захотелось поднырнуть

под его поплавок и поглядеть, нет ли там, на дне, большого ведра со стерлядью, судачатами, подлещиками и иными редкими обитателями озера.

– Если желаете, – сказал Эскалибур, – могу уступить место. По-моему, мне незаслуженно везет.

Конечно же, Удалов стал отказываться, но потом дал себя уговорить и перешел на пригорок Эскалибура.

И знаете, что произошло? Удалову стало везти.

Если бы у Корнелия Ивановича и на новом месте не клевало, то никаких добрых чувств в его сердце не возникло бы. Но когда он легко вытащил налима длиной в сорок шесть сантиметров, то в его душе шевельнулось что-то хорошее. Можете ли вы поверить: не успел Корнелий Иванович насадить нового червя и забросить крючок в воду, как поплавок нырнул, словно клюнул крокодил, а ведь существует легенда, что некогда они в озере водились и даже не боялись морозов, а зимой дышали через лунки.

Но это был не крокодил.

Это был небольшой поджарый осетр. А уж эта рыба встречается в наших водоемах куда реже крокодилов.

– Удалов, ты гений рыболовства, – искренне воскликнул Эскалибур.

И Удалов предпочел ему поверить...

– Мне хотелось бы провести дополнительную проверку, – сказал Минц.

– Я бы предпочел подождать, пока обстоятельства станут яснее, – не согласился Ходжа.

– Почему? – спросил вернувшийся Удалов.

– Желания, – сказал волшебник, – в любом случае ведут к неприятностям. Не бывает безвредных желаний. Но их последствия не всегда очевидны.

– Не все желания вредные, – возразил Удалов. – Если ты желаешь хорошего для других, это ничего, кроме хорошего, не дает.

– Минц, объясните дяде Корнелию, насколько он наивен, – посоветовал волшебник.

– Мы столкнулись здесь с двумя школами мысли. Удалов представляет собой христианскую мораль. Воздаяние, самопожертвование, доброе дело и грех...

– Сейчас меня определят в кришнаиты, – улыбнулся волшебник.

– Скорее я назову вас буддистом, – сказал Минц. – Любое желание опасно, любое ведет к беде, и цель человеческого существования – достичь отсутствия желаний, то есть нирваны.

– Какой еще ванны, – обиделся Удалов, который решил, что волшебник над ним смеется. – Я хочу людям помочь.

– А людям нельзя помогать, – сказал волшебник. – Люди от этой помощи обязательно погибнут.

Удалов в отчаянии развел руками.

– Это садизм какой-то!

– Это жизнь, – возразил волшебник. – Мы можем проверить исполнение всех желаний, какие были загаданы в этом городке. И я вам гарантирую, что в конечном счете ни одно из них до добра не доведет.

– Спорю! – вскинулся Удалов. – Спорю на миллион долларов.

– Хотите их попросить у золотой рыбки? – спросил волшебник.

– Неважно!

– Важно. Потому что тогда вы становитесь в стройные ряды просителей. Не ожидал я этого от вас, Корнелий Иванович.

– Но ведь я же ради правды, и даже справедливости!

– Не спешите расставаться с чужим миллионом, – остановил его волшебник, – ведь я его у вас еще не потребовал. Я бесплатно докажу вам свою правоту.

– Сейчас? Немедленно? – спросил Минц.

– Пожалуй, спешить не стоит, – откликнулся Эскалибур. – Ведь последствия могут проявляться не сразу. Но в любом случае я могу их предсказать. Это моя специальность.

– Начинайте, – потребовал Удалов.

– Я уже окинул наш город мысленным взором и понял, что в нем исчезла любовь. Я имею в виду любовь плотскую, которая всегда ведет к поддержанию вида. Отменены все свадьбы и свидания, разорваны все фотографии, и отправились на помойку эротические издания. В городе творится нечто несусветное, хотя никто толком не сообразил, что надвигается гибель земной цивилизации. В то же время дети и подростки потеряли тягу к знаниям, вскоре полностью опустеют школы и техникумы, и репетиторы останутся без работы. Затем остановятся институты и заводы, люди начнут забывать достижения науки и техники, хотя бы потому, что они им не понадобятся.

– Чье это желание? – спросил Минц.

– Это желания неизвестного мне пока инопланетянина, который выполняет задание своего злодейского центра. Он таится среди нас и тихо посмеивается.

– Надо его немедленно найти и изобличить! – воскликнул Удалов.

– Пока он этого не захочет, ничего у вас, Корнелий Иванович, не выйдет.

– Но это же опасно!

– Еще как опасно. Из всех опасных желаний это, пожалуй, самое опасное.

– Это желание – исключение, – сказал Удалов. – Мы постараемся вывести его на чистую воду.

– Тогда пойдемте по городу, – предложил Ходжа Эскалибур. – Проведем блиц-опрос граждан. И я в каждом конкретном случае докажу вам, что исполнение желаний приведет к беде. И правы буддисты, которые учат, что чем меньше мы будем желать, тем дольше проживем на белом свете.

* * *

На первый взгляд, Великий Гусляр выглядел как обычно.

Город как город. Ездят машины, снуют торговцы, бегут купаться дети, мамаши с колясками стоят у фруктовых киосков... Владельцы золотых рыбок не спешат со своими достижениями, но если знаешь, что искать, и если у тебя развита интуиция, то сможешь отличить вчерашний город от Места исполнения желаний.

Друзья вышли на высокий берег реки Гусь.

Впереди поблескивало нечто массивное.

Вокруг происходило движение людей.

Обнаружилось, что там лежит задавленный до полусмерти золотыми цепями будущий бандит Мирослав, а возле, пользуясь его неподвижностью, трое или четверо жителей из соседних домов пытаются ножовками отпилить куски золота, чем причиняют Мирославу неудобство и даже боль.

Мародеры стали огрызаться при приближении зрителей, потому что решили, что Минц с товарищами включатся в грабеж.

– Уйди! – кричали они.

– Убьем!

– Долой!

– Спокойно, – ответил им волшебник Эскалибур.

Мародеры захохотали.

Мирослав устало плакал.

– Пойдем отсюда, – прошептал Удалов. Он давно жил в городе и был уверен, что не надо злить плохих мальчиков, потому что они могут тебя побить.

Но Эскалибур не боялся бандитов.

– Замри! – приказал он.

Бандиты замерли, как в детской игре.

– Спасибо, – прошелестел губами Мирослав.

– Сейчас мы освободим вас от цепей, – сказал волшебник.

– Век буду Бога молить, – откликнулся на это предложение молодой человек.

С помощью легких пассов волшебник освободил шею и грудь Мирослава от невероятного груза и сказал, обращаясь к Удалову:

– Как вы видите, это пример горьких последствий неверно загаданных желаний.

– Я не хотел, – ответил Мирослав. – Я думал, как красивше, понимаешь? Я хотел цепь носить.

– Бросай ее, – сказал волшебник, – иди в народ, работай, будут у тебя честно заработанные цепи.

– Не цепи, – резонно возразил Мирослав, – а цепочки.

– И что ты будешь делать? – спросил Минц.

– Вы, граждане, пока посторожите золотишко, – ответил Мирослав, – а я за тачкой сбегаю. У нас в сарае где-то стояла.

И он, прихрамывая и клоня голову набок, умчался.

– Вот видите, – произнес Ходжа Эскалибур, – последствия ужасны и необратимы.

– Разрешите сказать фаталисту, – попросил профессор Минц. – Я убежден, что в споре не правы обе стороны. За исключением нескольких особых желаний, порожденных, вернее всего, иноземным мозгом, все остальные ничего не меняют. Да, молодой человек возжелал золотую цепь особого размера. Не случись золотой рыбки, он все равно со временем купил бы или отнял у кого-то свою золотую безделушку. Рыбки – это лишь ускоритель, катализатор естественных процессов.

– Точка зрения не хуже других ложных точек зрения, – заметил волшебник. – Обратите свои взоры на Коровий спуск.

На Коровьем спуске, не справившись с управлением дорогой и быстроходной машиной, врезалась в дерево Лика, могучая красавица, ограбившая Мирослава.

Лика вылезла из автомобиля и, глядясь в зеркальце, вытирала кровь с царапины на щеке, притом грубо высказывалась, подобно современным писателям, полагающим почему-то, что некоторые мысли без помощи мата выразить невозможно. А ведь это не так. Без помощи мата нельзя выразить лишь катастрофическое отсутствие мыслей.

– Вот еще одно желание, которое привело к дурному результату. Приобретя автомобиль, эта прелестная женщина не подумала, что им еще надо научиться управлять, – сказал волшебник.

– Но не было бы желания... – начал свое возражение Удалов.

– Не было бы – завела бы нового любовника, и все точно так же повторилось бы через две недели.

У зоомагазина, куда они попали после всех приключений, наши друзья встретили старика Ложкина. По слабости зрения и от большого волнения Ложкин оттолкнул Удалова, ворвался в магазин и принялся кричать:

– Прошу, требую, настаиваю наконец на том, чтобы мне, как ветерану войны и труда, немедленно выдали новую запасную рыбку, потому что выданный мне экземпляр оказался провокатором! Вы меня слышите?

Оля с Леной, которые как раз пили чай за прилавком, стали улыбаться, и беременная Оля сказала:

– Да их в десять минут не осталось, Николай Иванович. Даже если вы партизанским отрядом в войну командовали, все равно для вас рыбки не найдется.

– Тогда закажите в области, пускай со склада пришлют.

– Прости, сосед, – спросил Удалов, – а ты все желания испробовал?

– Кто мне позволит! – взъярился Ложкин. – Провокаторы! Все было подстроено.

– Да, – вздохнул Удалов. – Даже самый главный наш революционер остался без кардинального желания. А я на него так надеялся!

Ходжа Эскалибур, пока шел обмен репликами с Ложкиным, внимательно приглядывался к сестрам.

В отличие от их собственной матери, он точно знал, у кого из них на какой щеке есть родинка.

– А ну-ка, – сказал он, – какими желаниями вы воспользовались?

– Ах, это неважно! – отмахнулась Лена.

– А мне кажется, что это пока самое важное, с чем мне пришлось здесь столкнуться, – сказал Ходжа так, что его друзья насторожились, а Ложкин, видя, что на него не обращают внимания, кинулся прочь, чтобы побывать в мэрии и поговорить с начальством. Он был искренне убежден, что начальство наверняка обеспечило себя резервом и ему, как почетному ветерану, должны запасную рыбку выдать. Ведь цель у него совершенно благородная: вернуть к жизни Советский Союз.

– И я тоже так думаю, – сказал Минц.

Ведь мать или мужа всегда можно провести, но провести чужого дядю Минца слишком сложно.

И, немножко поплакивая, девицы рассказали о том, что поменялись нерожденным младенцем.

Это сообщение прибавило остроты к спору Удалова с Эскалибуром.

– Девушки сами уладили все свои проблемы, – сказал Удалов. – Раньше был нежеланный младенец, а теперь у него будет любящая мать. И Боря улетел в Патагонию. Может быть, там его исправит тяжелый труд на ферме.

– Чепуха, – отмахнулся Эскалибур. – Когда младенец родится, обездоленная мать захочет вернуть его себе обратно, а мать приемная, разумеется, этого не захочет – она же мучилась, рожала! В семье возникнет неразрешимый конфликт... А еще хуже будет, если Ольга раскается и скажет себе: «И зачем мне этот чужой ребенок?»

На этот спор Минц ответил так:

– А ничего не изменилось и не изменится. Потому что кто из сестер даст жизнь ребенку – не столь важно. Он все равно родится. И в той же самой семье. От перемены мест слагаемых, как учит элементарная арифметика, сумма не меняется.

Как и положено в интеллигентных спорах в нашей стране, до истины никто еще ни разу не докопался, ибо суть российского спора состоит не в достижении истины, а в доказательстве своей правоты. Помните, как на заре Средневековья монах Тертуллиан произнес: «Верую, ибо нелепо»? Подобно этому, у нас сейчас говорят: «А пошел ты со своими аргументами!» Менталитет разнится, но словосочетания близки.

И тут позиции спорщиков подверглись неожиданному испытанию.

Они как раз поравнялись со скромным зданием детского дома № 1, который размещался в бывших амбарах купцов Косорыловых. Оказалось, что амбары только что отремонтированы, покрашены в нежные цвета, а крыша совсем новая и зеленая.

– Что скажешь? – воскликнул Удалов голосом победителя при Марафоне. – Это сделала рыбка, которую перехватила библиотекарша! Эта Марта себе ни копейки из желаний не возьмет. Есть женщины в русских селеньях. Их лозунг – твори добро! А ты, Эскалибур, проси прощения за то, что оклеветал русских людей.

– Ох, не уверен я в благополучном исходе этой затеи, – вздохнул волшебник.

И как в воду глядел, мерзавец!

Черная «Волга» выползла из-за угла и приостановилась у ворот детдома. За ней подъехала «Газель», и из машины высыпали человек шесть блюстителей порядка в камуфляже и черных масках. Все они ринулись в детский дом.

– Что это? – ахнул Минц, который хоть и прожил семьдесят лет в нашей державе, не всегда понимал действия властей.

Из черной «Волги» вылезла Ираида Тихоновна, за ней – верный Поликарпыч.

Удалов хотел было ринуться в дом, чтобы помочь слабым, но волшебник придержал его за локоть.

– Наше время не наступило, – проговорил он.

Ираида не видела мужчин, отделенных от нее вековым дубом, на котором Косорылов, основатель рода купцов, вешал за ноги должников из ясачного племени кожухов и почти все это племя истребил.

Люди в черных масках вытащили из детского дома пожилого сутулого мужчину в очках – директора, а также слабую хрупкую библиотекаршу.

За ними из дверей высыпали детишки – все в новых костюмчиках и крепкой красивой обуви. Возможно, это и было второе желание Марты Викторовны.

Молодцы в масках кинули работников детдома к ногам Ираиды.

– Ну как, – спросила она, – будете признаваться или пойдем по этапу?

– Я не понимаю, в чем нас обвиняют? – спросил директор.

– А ты обернись, жулик, обернись! – прогремела Ираида. – Что ты сделал с нашим детским домом?

И она широким жестом указала на отремонтированный фасад.

– А что? – пискнула Марта Викторовна. – Разве это некрасиво? Мы же пять лет у вас денег просили...

– И я вам их не дала, – ответила Ираида. – Так признавайтесь, на какие такие шиши-барыши вы провели капитальный ремонт здания?

– Но вы же знаете, – прошептала библиотекарша. – Это золотая рыбка... А на второе желание мы детишкам обновки сообразили.

– А третье? – рявкнула Ираида.

– Третье мы обдумываем.

– Пожалуй, мы проведем компьютеризацию старших классов, – предложил директор. Он уже не замечал, что стоит перед городским начальством на коленях. Он надеялся, что теперь-то недоразумение рассеется.

– Сначала вы пойдете под суд, – сказала Ираида. – Потому что у вас нет документов, финансовой отчетности и даже планов проведения работ. Вы будете о своих якобы золотых рыбках нашему народному суду очки втирать. Золотых рыбок не бывает.

– Но вы же знаете, – сказала библиотекарша, – вы сами у меня рыбку просили.

– Молчать!

– А средства уже три раза выделялись, но куда-то делись, – сказал директор.

– Клевета! Увести арестованных!

Но даже могучим молодцам это сразу не удалось, потому что воспитанники детдома преградили дорогу власти и начали кричать, плакать и даже угрожать.

Волшебник с трудом удерживал Удалова.

Ираида подняла руку, призывая к молчанию.

– Поступило предложение от моего помощника господина Поликарпова, – произнесла она. – Пускай он его озвучит. Мы ведь гуманисты!

– По предложению Ираиды Тихоновны вы немедленно передаете в ее личное пользование так называемую золотую рыбку, а мы с ней соглашаемся забыть о ваших преступлениях.

Тут дети принялись кричать, что им обещаны компьютеры и без компьютеров им не на чем играть и раскладывать пасьянс.

– Дети хотят учиться, – сказал директор.

Но к его изумлению дети закричали, что они вовсе не хотят учиться и никогда не будут больше учиться, что нет у них к этому охоты...

– Вот именно, – произнес Минц, которому такие детские крики весьма не нравились. – Дети нашей страны потеряли страсть к знаниям!

– Нет, – отрезала библиотекарша, – никакой рыбки вы не получите!

– Тогда вы отправитесь прямиком в тюрьму, которая давно по вам плачет, – заявила Ираида. – В вашем распоряжении три минуты, чтобы принять решение.

– Можно потрачу желание? – спросил Удалов. – Так хочется!

– Не жалко? – блеснул черным глазом волшебник.

– Не все вам, волшебникам, побеждать в спорах.

– Давай, – сказал Минц, у которого рыбки не было, но равнодушным к событиям он, конечно же, не оставался. – Дерзай, Корнелий!

Удалов приоткрыл клапан верхнего кармана, в котором таилась баночка с заветной рыбкой, и быстро пошептался с ней.

– Будет сделано, – ответила рыбка и захихикала. Ведь у рыбок есть элементы свободы воли и своеобразное чувство юмора.

Близко поднеся часы к глазам, Ираида уставилась на циферблат.

Она не заметила, как рядом тормознула машина на воздушной подушке. Из машины вышел стройный офицер Фельдъегерской службы, красавец мужчина, он помог встать на ноги библиотекарше и директору, отряхнул им коленки белой перчаткой и вручил директору пакет с сургучной печатью.

– Это еще что такое! – не разобравшись, рявкнула Ираида. – Да я вас!..

И осеклась, напоровшись на официальный взгляд фельдъегеря.

И фельдъегерь сказал:

– Во исполнение государственной программы заботы о сиротках, Президент Федерации выделил ассигнования на капитальный ремонт Гуслярского детского дома № 1. И лично просит вас, Ираида Тихоновна, не мешать этому благородному делу.

После этого фельдъегерь протянул Ираиде другой пакет и добавил:

– Вам же вручается повестка в суд ввиду возбуждения против вас уголовного дела по разбазариванию средств на ремонт детского дома.

Дети кричали и прыгали, потому что поняли: им купят компьютеры для детских игр.

Фельдъегерь уехал, и куда-то исчезла Ираида Тихоновна.

На что волшебник сказал:

– Ничего хорошего из этого не получится.

– Почему? – возмутился Удалов.

– Потому что Ираида Тихоновна, как и положено, фигура непотопляемая. Ей и три президента не страшны. Отбрешется, откупится, оправдается, но детскому дому этого не простит. Подберется к нему и сменит нелюбимых сотрудников.

– Ну, это мы еще посмотрим! – возразил Удалов. – Пока что ремонт есть, компьютеры будут, справедливость восторжествовала!

– Ну, что это за справедливость, – вздохнул волшебник, – если для ее торжества нужны золотые рыбки?

– А я полагаю, – завершил очередную порцию споров Минц, – что ничего от этого не изменилось. В конце концов, все равно ремонт бы сделали и компьютеры купили. А Ираида как была на своем сытном месте, так и осталась...

И они отправились дальше, завершая путешествие по городу, в котором ажиотаж по поводу золотых рыбок уже утихал.

Посреди сквера у Параскевы Пятницы бил фонтан. Только не водяной, а пивной. Кто хотел, подходил и черпал ведрами. Вокруг фонтана ходила чья-то невеста в белом платье и спрашивала, не видел ли кто Васю. А Васю не видели. Он ушел играть в футбол.

Громадный, страшного вида червь, лежавший в кустах, открывал и закрывал пасть, словно ему нечем было дышать.

– Пришелец? – предположил Удалов. – В «Бреме» такого нету.

Из пасти чудовища с трудом вывалился Никодим в кожаном костюме, попорченном желудочным соком чудовища. Он прильнул губами к морде червя.

– Ах, вот кто во всем виноват! – закричал Удалов. – Вы – инопланетянин?

– Отстаньте, – попросил Никодим, – я еще переживаю сладость свидания с супругой и детьми.

– Вы резидент? – еще строже спросил Удалов.

– Да отстаньте, туземец!

– Вы решили погубить Землю? Планету, которая дала вам хлеб и кров?

– Она все равно погибнет, – отмахнулся Никодим. – Население ее настолько примитивно и эгоистично, что ему и жить не следует. И чем скорее это случится, тем скорее я вернусь домой.

– А зачем этот червяк вас кушал? – спросил волшебник.

– Это не червяк, – откликнулся Никодим. – Это моя жена. Я ее вызвал сюда на свидание.

– Личное желание? – спросил Удалов.

– Да!

– И ваше начальство об этом предупреждено?

– Это вас не касается.

– Зато вас касается. Если вы сейчас же не отмените те безобразные желания, которые приказали выполнить золотым рыбкам, мы будем вынуждены информировать ваш Центр.

– Ха-ха-ха! – засмеялся Никодим, но не очень уверенно.

– Боюсь, что там у вас строгие правила для предателей.

– Я не предатель. Я вашу Землю лишил чувства плотской любви, я лишил подрастающее поколение стремления учиться! Я выполнил задание на все триста процентов.

– Может быть, вы нас и погубите, – заметил волшебник, – но мне кажется, что все три желания у вас истрачены. А как вы намерены возвращать домой супругу?

– Как? – растерялся Никодим.

Оказывается, даже крупные агенты могут совершать ошибки.

– И ваша жена останется здесь в качестве вещественного доказательства вашего преступления! – сказал профессор Минц.

Никодим только тряс головой и ничего не мог придумать в ответ.

А Минц продолжал:

– К тому же вреден ей воздух нашей планеты. Вам это известно?

– Это так? – обернулся Никодим к жене.

– Я задыхаюсь, – ответила она на одном из космических языков.

– Что делать? – заплакал Никодим. – Помогите мне! Я улечу и никогда больше не вернусь сюда.

– Что делать? – волшебник обернулся к Удалову.

– Но у меня только два желания осталось, – сказал Удалов.

– Решай. Твои желания или судьба планеты, – заметил Ходжа Эскалибур.

И Удалов сказал рыбке:

– Чтобы и следа от Никодима и всей его вредной деятельности на нашей планете не осталось.

Лопнул пузырь воздуха.

Исчез агент, и его семья исчезла.

А девушка в белом, которая бегала вокруг пивного фонтана, закричала:

– О, мой возлюбленный! Груди мои полны страсти! Пальцы ждут прикосновения!

С другой стороны площади, так и не переодевшись снова в черный костюм, в футбольной форме мчался с распростертыми руками ее жених Вася.

– И дети наши будут учить теорию относительности, – заметил Удалов.

Они пошли обратно, на Пушкинскую.

Когда вошли во двор, Минц спросил:

– Корнелий, а что ты будешь делать с последним своим желанием?

– Надо будет какой-нибудь пустячок завести, – улыбнулся Корнелий Иванович.

– Отдай желание Ксении, – посоветовал Минц.

– Вряд ли это приведет к добру, – заметил волшебник. – Если надо что-нибудь купить или сделать, то лучше за свои деньги, в крайнем случае меня попросишь. Но к рыбкам, умоляю, не обращайся, пойми: себе дороже.

Удалов отмахнулся от слов волшебника, но не пропустил их мимо ушей. Он и сам побаивался возможных последствий. Мало ли что пожелает Ксения – чувства ее бывают необузданны.

– Лучше потрать желание на себя, – предложил Минц. – Все равно это не изменит твоей жизни.

Удалов пожал плечами. Он не мог придумать ничего достойного.

– Может, пройтись по экологии? – спросил он. – Экология у нас паршивая.

– Экология не может быть паршивой, как не может быть паршивой история или математика. Экология – это наука, а ты имеешь в виду природу.

– Хотя и природа паршивой быть не должна, – добавил волшебник.

– Ну, я имел в виду рыб в озере Копенгаген и в речке Гусь. Совсем мало осталось. Пусть вернутся крокодилы в наши водоемы.

– Вот и представь себе, – сказал волшебник, – что появятся в озере крокодилы. И первым делом сожрут всех рыб.

– Ну, уж не всех!

– Затем примутся за рыбаков.

– Устроим там заповедник. Никаких рыбаков...

– Значит, крокодилы возьмутся за купальщиков, и когда погибнут первые дети из оздоровительного лагеря, тебя, Удалов, выловит милиция.

– А потом, – добавил Минц, – твои крокодилы выберутся на берег и начнут охотиться на грибников.

– Кончайте пугать! – Удалов уже не настаивал на крокодилах.

– Найди что-нибудь безвредное, – сказал Минц.

– Знаю! Кассету с кинофильмом «Волга-Волга». Ее давно в торговой сети нет.

– Надо подумать, – сказал волшебник. – Какой может быть вред от нарушения пространства и времени... с помощью одной кассеты.

– Масса вариантов, – сказал Минц. – Неограниченное поле для локальных возмущений.

– Придумал, – воскликнул Удалов. – Я желаю, чтобы вы, рыбки, исполнили самое ценное для себя желание и немедленно отправились метать икру в Саргассово море.

– Ты отдаешь желание нам? – послышался рыбий голос.

– Этого ведь еще никто не делал? – спросил Удалов.

– Ну, вы гений! – сказал волшебник. – Даже я до такого догадаться не смог.

– И это не принесет вреда? – хитро спросил Удалов.

– Принесет, но не нам, а вернее всего, рыбьему племени.

– Помолчите, люди, – попросила рыбка. – Мы проводим телепатическое селекторное совещание.

– Ох, чего мы сейчас увидим, – с некоторым страхом в голосе прошептал Лев Христофорович.

Удалов хлопнул себя по карману.

– Ушла, – сказал он, – вместе с баночкой.

– Значит, все они ушли.

– А что же они загадали? – спросил Минц.

– Справки получите у Нептуна, – ответил Ходжа Эскалибур.

...Они еще постояли на дворе.

Город удовлетворенно затихал.

Все желания, которые можно было выполнить, уже были выполнены. Если кто чего и не успел спросить, то уже никогда и не спросит.

Некоторые пожилые люди полагают, что Великий Гусляр, как и вся Россия, стал хуже, и народ в нем испортился, и нравы никуда не годятся.

Чепуха все это!

Тридцать лет назад водки не хватало, сейчас – долларов.

Как тридцать лет назад посещение города золотыми рыбками в его жизни ничего не изменило, так и завтра ничего не изменится. Прав, пожалуй, Лев Христофорович.

Даже новый писатель Ложкин не прославится и не разбогатеет.

А вот космического шпиона Никодима с треском уволят со службы. Не ставь личное выше служебного долга!

Но это не наши проблемы.

Главное я вам забыл сказать!

Ведь Удалов пожелал золотым рыбкам самим загадать себе желание.

Вот этого делать не следовало!

Представляете, что эти мерзавки загадали?..

На этом рукопись обрывается.

ГЕНИЙ ИЗ ГУСЛЯРА

Талант, независимо от его выражения и масштаба, не имеет никакой связи с человеческими качествами и уж тем более с умом. Мы же заблуждаемся, полагая, что если человек талантлив в перестановке с места на место шахматных фигурок, то он уже вправе судить об истории, хотя никогда ее прежде не изучал, зато отлично умеет складывать два и два в любой степени. Но мы должны верить его предположению, что Гомера не существовало, потому что в то время русский князь Навуходоносор завоевывал столицу государства ацтеков в северной Антарктиде. У меня был знакомый трубач, который так и не смог одолеть средней школы, отчего ни ему, ни школе хуже не стало.

Мой школьный товарищ как-то сказал мне доверительно: «Ты у нас талантливый, но не умный». Сначала я хотел обидеться, полагая, что эти качества как-то связаны между собой, как некие сосуды, и я оказался рабом неизбежности: если в сосуде ума прибавляется, то в сосуде таланта убавляется. А потом пожил еще немного и догадался, что в высказывании товарища есть лишнее противопоставление. Можно быть талантливым и умным, что случается, а можно быть умным, но бесталанным. Или талантливым и глупым (именно этого мне и хотелось).

Если продолжить мое открытие дальше, то нетрудно прийти к выводу, что гений и злодейство совместимы. Еще как! И гений в теле злодея – это явление опасное для всего человечества. Впрочем, не надо замахиваться на Ленина или Сальери. Достаточно представить себе талантливого, но бессовестного художника, который, допустим, полагает, что может скупить на корню столичную элиту и она ему даст небесплатное право уставить город своими чугунными и бетонными чудовищами.

Всеобщая совместимость несовместимых, казалось бы, качеств дает возможность гениям, которые не наделены другими выдающимися качествами, вести незаметный образ жизни и делать свои дела или делишки совершенно незаметно для окружающего мира.

Так случилось с Алешей Куплингом, существом совершенно бесцветным и даже робким. Подобно покорителю австралийской пустыни Людвигу Лейхардту, он был близорук, страдал запущенной формой дисклексии, то есть путал слова «трамвай» и «троллейбус», «правое» и «левое». В школе он учился средне, потому что все время думал. Учителя в школе, как вы знаете, не приветствуют работу мысли. Им кажется, что если ребенок думает, значит, катится в моральную пропасть. О хорошем думать не будешь. То есть, опять же, в поисках несуществующих связей между явлениями они сочетали мышление с обязательным развратом. Сами не мыслили и в других не допускали.

А Леша изобретал. Не то чтобы сознательно изобретал, но мысленно ставил вещи рядом и смотрел, как они функционируют.

Порой Леша изобретал что-нибудь особенное и сам того пугался, так как у него была развита интуиция, а интуиция ему говорила: не спеши высовываться, у тебя отнимут твою игрушку. Будут думать, как на тебе заработать. Люди завистливы и жестоки.

Это ему, кстати, всегда говорила мать, женщина простая, одинокая и некрасивая, но многодетная.

«Все мужики сволочи, – говорила она, – но бабы не лучше, потому что на каждого паршивого мужика найдется баба еще паршивее. Мужик еще на человека похож, может пропить что ни попадя, а баба экономит, в копилку прячет, ни с кем не делится. Я сама такая, вот и мучаюсь. Мужики со мной на все идут, но не до конца, не до честного гражданского брака».

Когда Леша окончил техникум, он стал работать водопроводчиком, неплохим, скажу вам, был специалистом. Потом легко перешел на починку телевизоров. И хоть изобретательская фантазия в нем била ключом, житейски он был совершенно лишен воображения. Поэтому пользовался такой популярностью среди клиентов. Понимаете почему? Верно. Если он знал, что цена сломавшейся детали четырнадцать копеек, то никогда не говорил клиенту неправду.

– Как же так? – удивлялся клиент. – Вчера у меня был настоящий мастер из ателье и сказал, что полетел координатор тонкой настройки и его можно достать только за тридцать два доллара.

– Ваш мастер дурак или подлец, – отвечал Леша.

Постепенно у его коллег набухали гроздья гнева. Созревшие плоды этого гнева выразились в жестоком нападении на Лешу как-то поздним вечером, когда он возвращался очень довольный собой, потому что был у старухи Монаковой и не только починил ей безнадежный «Рекорд», но и сделал его цветным, так, между делом, бесплатно. Старуха осталась благодарно плакать, а Леша шел переулком Ильича, когда из-за угла выросли мастера телевизионных дел числом четыре человека и сделали из Леши распухшую котлету.

Леша лежал дней пять, не велел тетке, с которой тогда жил, вызывать врача, потому что это помешало бы ему думать. А придумал он нужную для избитых больных вещь – антигравитацию. Так что, если бы ему удалось достать двуокись селена и желчь девственной зайчихи, он бы в домашних условиях этой антигравитации, конечно, добился. А так она осталась лишь в расчетах и в голове Леши.

Такое не раз случалось в Лешиной биографии.

Леша лежал, размышлял и никак не мог понять, почему ему приходят в голову такие очевидные вещи, а другим они не приходят. И потом сам догадался, что виной тому его бедность и леность. Два каче-

ства, которые, с одной стороны, не давали ему продвинуться в жизни, а с другой – побуждали к активным мыслям.

Получался замкнутый круг, или, если хотите, тупик.

«Как жаль, что я не талантливый и не очень умный, – рассуждал несчастный Алексей. – К тому же слабый, трусливый, подслеповатый и совсем некрасивый. С этим надо что-то делать».

Он понимал, что женская любовь – это сексуальное стремление обеспечить надежного и генетически достойного отца своим будущим детям. Он мог бы воздействовать на воображение любой гуслярки, но полагал это стыдным. «Она должна сама меня полюбить!»

Но как полюбишь, если он и на людях не бывает, а все думает или ходит на службу. И он придумал такую штуку: надо купить автомобиль.

Сами понимаете, откуда у такого человека, который вынужден перейти из мастеров в разнорабочие, чтобы его больше не били коллеги, могут быть деньги на машину?

Пришлось Леше снова сесть и снова думать.

Мысли его крутились вокруг ржавой оболочки «москвича», который второй год гнил на соседнем дворе и из которого ребята вытащили уже все, что могло быть вытащено.

Потом, кое-что придумав, Леша пошел на тот двор, чтобы договориться с владельцем о продаже. И тут ему сказали, что владелец Смирнов на той неделе помер. А наследником у него числится государство.

Тут и государство подоспело. В лице сержанта Пилипенко.

– Посоветуйте, Серафим Дмитрич, – взмолился Леша, испугавшись, что добыча ускользнет из его цепких рук.

– Чего грустишь? – спросил сержант.

– Да вот, хотел машину купить.

– Зачем она тебе?

– Чтобы ездить на ней по городу.

– Не получится, – возразил Пилипенко. – Там внутри пустота, торричеллиева. Проходил в школе?

– Ничего я не проходил в школе, – осторожно пошутил Леша. – Я всегда мимо школы проходил, а зайти забывал.

Пилипенко над шуткой посмеялся. Голос у него был добродушный. Тогда Леша пошел дальше. Он спросил:

– Значит, есть надежда получить этот кусок металла?

– Почему не помочь молодому человеку, – отозвался Пилипенко.

– Просто так хотите помочь?

– Просто так у нас не бывает. А вот получать выговоры за то, что на моем участке металлолом валяется, мне надоело. Бери и увози с глаз долой.

– А справку дадите? – совсем уж осмелел Леша.

– Справка немалых денег стоит, – ответил Пилипенко, не спросив, правда, какая справка понадобилась Леше.

– Сколько?

– Сто.

– После получки.

– Да ты с ума сошел!

– Я вас на ней месяц катать буду.

Пилипенко скептически поглядел на автомобиль и произнес:

– Лучше полсотни сейчас. – Пилипенко был убежден, что машина никогда не поедет.

И еще он спросил:

– Ты ее на металл, да?

– «Мерседес» знаешь? – спросил Леша. – Моя тачка его обставит.

Они посмеялись немного, и Леша нашел сорок рублей. А справку дали о передаче автомобиля номер такой-то по доверенности гражданину такому-то на девяносто девять лет.

Леша позвал двоих товарищей по техникуму, они перетащили металлолом к нему в сарай, благо дом у него был барачного типа и у каждой квартиры свой сарай. Повезло.

И Леша пошел в сарай думать.

Не думайте, что он думал без перерыва. Нет, он ходил на работу и успевал еще на свидание с учительницей Вероникой Павловной, которая раньше работала в библиотеке, но там очень мало платили. Лешу она не стеснялась и все время делала ему замечания. И внешне и внутренне она была похожа на библиотекаршу, то есть на кролика в очках. Именно эту Веронику Павловну, которая, несмотря на свои двадцать лет, категорически требовала, чтобы ее величали по отчеству, Леша обещал катать на машине, когда он ее починит.

– Ах, – ответила в лучших традициях дворянской жизни Вероника Павловна, – неужели вы думаете, что мое отношение к вам изменится

в лучшую сторону, если вы станете автовладельцем, тем более что вам наверняка придется пожертвовать добрым именем.

– Я не буду ничем жертвовать, – парировал Леша. – Мне даже интересно.

– Что вам интересно? – спросила Вероника Павловна, которая была заинтересована в дружбе с Лешей, потому что понимала, что ее жизнь прошла впустую и она не сделала ничего великого и даже не посадила дерева и не родила сына. Хотя ей никто не мешал сажать деревья.

– Мне интересно побеждать, – признался Леша. – Только никому об этом не рассказывай.

– Почему? – Вероника Павловна была польщена доверием Леши, и ей хотелось поддержать беседу.

Она придержала указательным пальчиком дужку очков – такая у нее была привычка.

– Отнимут, – ответил ущербный сын одинокой матери.

Больше он ничего не сказал; они пошли в кино и стали там смотреть фильм, который уже давно продавали на кассетах. Им это было не важно, потому что их радовала сама физическая приближенность.

А Леша между тем уединялся с машиной в сарае и что-то с ней совершал, к усмешкам окружающих. Правда, окружающие машину не видели и поэтому преувеличивали ее плачевное состояние.

Сначала, где-то к концу октября, Леша признался сам себе, что никакие антикоррозийные смеси и средства ему не помогут. А если что эффективное изобрели в Японии, то нам оно не по карману.

Значит, пришлось самому изобрести восстановитель для металла.

В принципе, как потом признавался изобретатель, идея была не нова и исполнение тоже не отличалось особой сложностью. Но, к сожалению, смесь, которой покрывали ржавчину, была страшно вонючей, и, хоть Леша закрывал дверь в сарай и терпел внутри, миазмы вылезали во двор, что приводило к скандалам.

Вероника не смогла с ним больше встречаться, потому что не выносила чесночной вони, а именно этим и отличался восстановитель Куплинга. Назовем его так, не ошибемся.

Может, вам интересно узнать, как рассуждал Леша, изобретая восстановитель для металлов? Он попросту воспользовался памятью мо-

лекул. Любое вещество, включая металлы, помнит свою форму в тот момент, когда его изготовили.

Надо только напомнить молекулам, заставить их шевелиться.

Сами понимаете, для такой задачи духами «Ландыш» не обойдешься.

Леша и сам не ожидал такого эффекта. Когда восстановитель завершил свое действие, перед изобретателем стоял кузов автомобиля со всеми прочими металлическими частями, новенький, будто только что с завода.

Краску изготовить было еще легче; понадобилось, правда, сходить пару раз в хозяйственный магазин. Главное – добиться, чтобы краска на машине, как только она вспомнит, какого была цвета и пожелает восстановиться, имела бы из чего восстанавливаться.

Итак, еще через два дня и уже без первоначального зловония в сарае стояла совершенно новенькая, только что покрашенная машина, правда, пока без колес и уж конечно без электроники и других необходимых для автомобиля штучек.

К каждой штучке требовался самостоятельный подход. И вот Леша достал у строителей тачку, которую давно уже не использовали, и перевез на ней шесть старых шин со свалки.

Знаете почему?

Правильно. Здесь действует общий закон филологии, о котором вы не слышали, потому что я его только что сформулировал, отчего он не стал хуже других общепризнанных законов.

Сначала человек учит, скажем, английский язык. И он дается человеку с трудом. Второй язык выучить чуть легче, потому что хоть что-то, но останется из предыдущего.

Третий язык выучить – как семечки пощелкать.

Шестой можно освоить за обедом. И так далее...

Так и в случае с Лешей. Первый восстановитель был сложен, и изобретать его пришлось больше двух недель. Эйнштейн столько времени не потратил на специальную теорию относительности! Зато восстановитель эмалевой краски получился у Леши через четыре дня. А восстановитель для погубленных временем и дорогами автомобильных шин изобрелся сам собой, между обедом в городской столовой и рассветом. Ночь, правда, была бессонной, зато проблема, волновавшая всех автомобилистов и защитников окружающей среды, была решена.

Любая шина имеет молекулярную память и помнит, какой она вышла из ворот завода. Пощекочите эту память, и шина начнет превращаться обратно в новенькую резину. Только подавай сырье! А уж сырья у нас сколько угодно.

После того как с кузовом было покончено, пришлось браться за движок и решать сложные задачи. Но ведь вы читаете этот правдивый рассказ не потому, что сами хотите придумать велосипед или даже автомашину (вы предпочли ее купить), а для рассуждения о человеческих характерах и судьбах.

Главное, что двигатель внешне выглядел как самый обычный. На самом деле в нем было много движущихся частей, там был компьютер как компьютер, который, впрочем, нельзя было назвать компьютером, потому что компьютер был Леше не по карману. Назовем его двигателем внутреннего потребления. Бензин в нем, понятное дело, участвовал – без бензина что у нас поедет? Но карбюратор был только нарисован.

Сделав машину, Леша поехал на ней по городу. Машин в Гусляре не очень много, и люди знают, кто на чем и кто на ком ездит. Не успеешь ты верблюда завести, как завтра об этом уже весь город будет судачить. А попробуй купить верблюда в Москве, никто даже вопроса не задаст, правда, на стоянке вас обдерут как липку.

Леша заехал за Вероникой Павловной, гуднул под окном, и когда она выбежала, протирая очки, на улицу, он приоткрыл дверцу с ее стороны и крикнул:

– Тачка подана!

– Ты с ума сошел! – сказала Вероника Павловна, словно бы осуждая милого друга, а на самом деле радуясь его достижению, потому что она знала, что в основном машина состоит из изобретений и придумок Леши.

– Мое доброе имя в безопасности, – сообщил Леша.

Она засмеялась, и машина поехала по разным улицам, потому что хоть Леша и привык таиться и не высовываться, но когда тебе двадцать пять лет и ты везешь по городу любимую девушку, трудно не гордиться собой.

– Тр-р-р-р-р! – раздался милицейский свисток.

Сержант Пилипенко остановил машину.

– Позвольте ваши документы, – сказал он водителю.

Леша достал его справку – других документов у него не было.

– Это не подойдет, – сказал сквозь усы сержант Пилипенко. – Это на право распоряжения, а мне нужно на право вождения, понимаешь?

– Но вы же справку дали!

– А если ты задавишь старушку? А если ты искалечишь собаку? А ну, давай домой, и чтобы без прав больше не выезжать!

– Я же умею, – сказал Леша. – Она мне как своя.

– Вижу, что своя! И чтобы техосмотр прошел. Справку мне принесешь.

Видя, что молодой человек достаточно расстроен и готов даже отдать машину сержанту, чтобы только не позориться на глазах у своей девушки, Пилипенко смилостивился.

– Хорошо ты ее в порядок привел, – сказал он. – Никогда бы не поверил. Много сменил?

– Практически все сменил, – признался Леша.

– А краску где достал?

– Ребята дали.

– А ты знаешь, что у твоей машины раньше под капотом ничего не оставалось?

– Я заменил.

– А где украл?

– Я не позволю оскорблять Алексея! – взвилась вдруг Вероника Павловна. – Как вы смеете! Я буду жаловаться на вас Василию Борисовичу!

Василий Борисович был завотделом в гороно, и вряд ли сержант его очень боялся, но ведь в нашей жизни порой не так важно, что ты сказал, а КАК ты это сказал.

Сержант хотел засмеяться, но сглотнул слюну и смеяться не стал. Потому что глаза Вероники Павловны, увеличенные линзами, были похожи на глаза тигрицы, готовой к прыжку.

– Значит, так, – сказал он, – чтобы были права и все прочее, а то примем меры.

Он даже козырнул на прощание, но не Леше, а его спутнице.

– Поехали, – сказала Вероника Павловна, когда сержант ушел. – Ты чего стоишь посреди дороги? Не переживай, он твоего пальца не стоит.

А Леша ответил невпопад. Он спросил:

– Какого пальца?

Вероника Павловна, сама конкретный человек, думала около минуты, какой из пальцев ее Лешеньки ей менее других жалко потерять.

– Обойдется, – сказала она наконец.

Лешенька не знал, хорошо ли поступила Вероника Павловна. Но она его защитила, не испугалась. И это было приятно. Но сделала это без его разрешения и помимо его воли, как всегда делала мама и делает тетка. Это настораживало, потому что Леше не хотелось попасть в новую неволю. Он жаждал свободы.

И, как назло, тетка Эльвира стояла с сумками у входа на рынок.

Ах, как хотелось Леше зажмуриться и потерять тетку из вида! Но воспитание не позволило.

– Тетя, – сказал он, – садись, подвезем.

– Ай! – воскликнула тетя, которая еще не видела машину в действии. – Это она?

Вероника Павловна решила, что это о ней, а не о машине Лешенька рассказывал нечто трогательное своей тете. Поэтому она покраснела и, опустив очи долу, ответила:

– Да, это я.

Тут тетя растерялась и только тогда заметила, что Леша не один.

– А это что еще за самозванство? – спросила она.

– Это Вероника Павловна. Моя знакомая.

«Ах, знакомая! – подумала Вероника. – Ты у меня попляшешь! Я уже готова отдаться тебе душой и телом, а ты проводишь свободное время со знакомыми женщинами легкого поведения! Я для тебя лишь одна «знакомая»»!

Ничего этого, разумеется, не было. И слово «знакомая» не было в устах Леши оскорбительным. А выводы Вероники Павловны были ошибочными и неожиданными – такое ведь субтильное существо! Все детство читала книжки под одеялом с фонариком, а с плохими детьми не водилась. И вот Леша, сам того не замечая, попался этой девушке тогда, когда она созрела для настоящей любви, даже, скажем, страсти. А значит, и для ревности.

Вероника Павловна резким и неловким движением вывалилась из машины и с трудом удержалась за край дверцы. Но сделала вид, что движение было сознательным и гордым.

– Добро пожаловать, – сказала она тете Эльвире, будто приглашала ее войти в пылающую топку и разделить участь революционера Лазо. – Садитесь, катайтесь, место свободно!

Может показаться, что случайное слово тетки не основание для того, чтобы подавить зарождающееся чувство. Но Вероника Павловна не имела никакого сексуального опыта, хотя знакомые девушки неоднократно говорили ей, что все мужики сволочи. А это запоминается.

Вероника Павловна, понурившись, пошла прочь, а тетка этого не заметила, потому что была женщиной бедной, жадной и эгоистичной. Из таких женщин никогда и не получаются богатые женщины, они вечно хватают через край. А тетя Эльвира всю жизнь хватала через край.

– На бензине разоришься, – заметила тетка.

– Не разорюсь.

– Знаешь, сколько он теперь стоит?

– А мне это до лампочки, – ответил Леша.

Он думал, не сделать ли машине воздушную подушку, потому что дороги в Великом Гусляре по сей день остаются посредственными. Когда-то давно, именно не доходя ста верст до Великого Гусляра, татаро-монгольские орды сказали хану Батыю: «Дальше не пойдем, однако. Все ноги коням переломаем, а сами в лужах потопнем».

Лужи тогда и в самом деле были бездонными, в одной из них когда-то скрылся град Китеж со всеми обитателями. Потом лужи немного подсохли. Экология ухудшилась, и лужи измельчали – так люди говорят. Когда костромской мещанин Иван Сусанин завел в северные леса полк поляков, как раз стояла оттепель, и лужи открылись ото льда. Поляки сделали плоты из деревьев и перебрались дальше, на север. Сгинули они в районе Северного полюса, который с тех пор и именуется полюсом. Там поляки шли юзом.

– А запчасти? – спросила тетка.

– Запчасти не понадобятся.

Тут Леша заметил, что Вероники Павловны в машине нет, и спросил тетку:

– А Вероника Павловна, здесь сидела?

Великие люди бывают рассеянными. Но рассеянность происходит не от недостатка ума, а от его избытка. Он настолько плотно забивает мозги талантливого человека, что изгоняет впечатления от простых вещей.

– Здесь ее не сидело, – ответила тетка. – У тебя прав нет.

Тетка разрывалась. Душевно. С одной стороны, приятно, когда дома есть автомобиль: и подбросят тебя куда надо, и перед соседями гордость поднимается.

С другой стороны, тетка боялась всего, чего надо бояться и чего бояться не следует.

– Украдут, – сказала она.

– Зачем? – удивился Леша. – Она же не ценная.

– А на вид ценная. Да, впрочем, голубчик, сейчас всё воруют, что непрочно стоит. Надо на нее замок поставить. Только денег нет.

– Замок, – задумчиво повторил Леша. Но оказалось, что они приехали домой, и развить эту мысль ни тетке, ни ему не удалось.

Лешенька захлопнул машину и потом оглянулся. Он только теперь сообразил, что, восстанавливая автомобиль, не подумал о ключах и запорах.

И может быть, он ушел бы домой, но, оглянувшись, увидел, что неподалеку стоит и смотрит на него молодой человек из воинственного клана Лаубазанцев. В клане были разные люди, в том числе талантливый ученый Гамлет Лаубазанц и раскаявшийся глава семьи, который держал все общественные туалеты в городе. Но встречались и темные люди.

Адика Лаубазанца недавно исключили из школы, потому что он прогулял четыре месяца подряд и отказался представить справку из поликлиники или хотя бы записку от мамы. Впрочем, мама так и не догадалась, что сын уже беспризорник. Школа его больше не привлекала, но Адик Лаубазанц часто приходил в школу, потому что влюбился в Веронику Павловну, которая была некогда его учительницей-мучительницей, без жалости и снисхождения. Вероника Павловна полагала, что любое снисхождение к ученикам в конечном счете отрицательно сказывается на их академических достижениях. В последнее время Вероника Павловна обращала излишнее внимание на Лешу Куплинга, и Адику хотелось его побить. Но он еще не решил, бить или не бить, когда увидел, что Леша вывел из сарая совершенно новую машину, пусть «москвич», но в полном порядке. Это было неправильно и несправедливо. Конечно, Адик понимал, что через какое-то время он заработает на настоящий мерс, но пока у него и велосипеда не было. И вдруг сосед по двору, ничтожный и тихий, совершает

сразу два преступления против Адика. Во-первых, он претендует на его любимую женщину, а во-вторых, на машину, которой у Адика нет.

Вот под взглядом этого молодого человека Леша и почувствовал, что машину придется охранять.

Поэтому он сделал что-то под щитком управления, но что – нам неизвестно.

После чего он пошел домой, а Адик – к своей подруге Эсти.

И хоть мне некогда отвлекаться от основного рассказа, придется потратить несколько минут на эту персону, потому что она будет играть некую роль в дальнейших событиях. Эсти – это сокращение. На самом деле у этой девушки нет имени, а есть только прозвище, сокращенно СТ, а развернуто – Саблезубая Тигрица. Вот именно. Причем прозвище приклеилось к ней еще в детском возрасте, когда она пришла в Великий Гусляр из леса и сообщила нашедшим и пригревшим ее людям, что она воспитана тиграми и потому за себя не отвечает. То есть сначала семейство тигров убежало из передвижного цирка и обнаружило, прижившись в здешних лесах, что у них не будет детей. Чтобы не умереть бездетными, тигры украли девочку, причем проявили определенный гуманизм – младенца они утащили из Дома ребенка, того самого места, где матери-развратницы бросают своих детей, чтобы не искать настоящего отца. Утащив из Дома ребенка в Вологде несчастную крошку, они ее выкормили тигриным молоком, а потом научили бесстрашно охотиться на кур и глухарей. Леса за Вологдой пока еще дикие, а тигры были уссурийские, которые морозов не боятся.

Вот и вся история.

Когда девочке пришла пора идти в школу, тигры поняли, что им самим, за неграмотностью, ребенка на аттестат зрелости не вытянуть и университетского образования девочке не дать. А хотелось. И порой, долгими зимними вечерами, тигры высказывали надежды на то, как выучится их дочка и станет защищать диких животных.

Девочка, как дитя природы, придя в Гусляр, честно рассказала о своем прошлом. И ей почти никто не поверил. Даже когда она стала доказывать делом свои способности. Например, лазала на деревья, совершала прыжки и зубами перекусывала глотку свирепым собакам.

Девочка прижилась в цыганском таборе, что надолго застрял на окраинах Гусляра, и стала настолько цыганкой, что люди, желающие

все на свете упростить и разложить по полочкам, уверились в том, что она и первоначально была цыганкой и врунишкой. И это было заблуждением.

Эсти попала в тот же класс, что и Адик. И училась у той же Вероники Павловны. Только у Эсти было одно качество – она училась лучше всех. Оставаясь притом совершенно неукротимым и даже злобным существом. А когда ей приходилось плохо, например перед дракой с пятью мальчишками возле клуба речников, она обещала привести своих родителей.

Ах, вы бы видели, как хохотали над ней эти глупые подростки, как тянули к ней свои наглые лапы! А нужны-то им были только ее золотые сережки и колечки.

Двоих Эсти одолела, четверо ее скрутили, и тут Адик Лаубазанц, который случайно проходил мимо, увидел, как измываются над ребенком, кинулся в драку, и ему тоже пришлось туго.

Тогда Эсти свистнула в два пальца.

А через три минуты на кое-как освещенную площадку перед клубом, откуда все посторонние отошли, чтобы не ввязываться, прыгнули два уссурийских тигра. Не больше и не меньше.

– Только не калечить! – крикнула Эсти, увидев папу и маму.

И тогда тигры стали поспешно разбрасывать подростков во все стороны, закидывать их на деревья и окунать в канаву. И кому пришлось хуже всех? Конечно же Адику Лаубазанцу.

И было ей тогда тринадцать лет, ростом она была невелика, кудри курчавые, черные, взгляд ожесточенный. Смелый поступок Адика она запомнила на всю жизнь. И какой бы плохой он ни был, какие бы преступления и гнусности ни совершал, она всегда найдет ему оправдание и выручит, как может, из беды. Пока суть да дело, она писала за него контрольные. Но он сдуру влюбился во взрослую тетку, Веронику Павловну, и перестал ходить в школу.

Вот и вся история.

Свистеть Эсти умела бесподобно. Она могла передразнить любую птицу или даже насекомое, но могла и испугать прохожего до судорог.

Поэтому она и в других уважала умение свистеть. Как-то Вероника Павловна позвала ее на переменке, а Эсти спросила:

– Вы что, свистнуть не могли?

– Я не умею свистеть, – ответила Вероника Павловна.

Никто, кроме нее, не умел так отвечать. После такого ответа хотелось одного: спрятать голову под кустом и долго плакать. Если она говорила, что не умеет свистеть, это означало, что любой свистун недостоин того, чтобы дышать чистым воздухом. Правда, на Эсти это не подействовало, и она продолжала дышать и свистеть.

В этот день Адик вышел на улицу и свистнул.

Эсти, которая играла в шахматы с профессором Минцем, сделала ему мат на шестом ходу и, не прощаясь, ушла к Адику.

– Какие дети! – сказал Минц своему другу Корнелию Удалову.

– Мало их пороли, – ответил за Удалова старик Ложкин, который сам в шахматы играл плохо, но любил, чтобы хорошие шахматисты проигрывали.

– Тебе чего? – спросила Адика Эсти.

– Леша Куплинг тачку починил.

– Я видела, – сказала Эсти.

– Пошли, я тебя покатаю, – сказал Адик.

– Не попадешься? – спросила Эсти.

– В случае чего твоих предков позовем.

– А вот это видал?

– Чего я только не видал.

Был осенний зябкий неуютный день. Тетка Эльвира стала варить суп, вегетарианский, невкусный, смертельно надоевший. А Леша пошел к себе в комнатку подумать. Ему хотелось поговорить с Вероникой Павловной или даже ее увидеть. Но денег не только на видеофон-мобильник, а даже на простой сотовый у него, конечно, не было. Тогда Леша включил свою интуицию, и она ему подсказала, что биополе все же существует и потому телепатия практически достижима. Но, как ее включить, пока он не знал.

Он лежал с закрытыми глазами, и, если бы сейчас во дворе разорвалась полутонная фугасная бомба, он бы не услышал.

А на дворе Адик смело прошел к машине, которая стояла незапертая, потому что Леша забыл сделать для нее ключи.

Адик открыл ее и сел за руль.

Эсти села с другой стороны.

– Поехали кататься? – спросил Адик.

– Поехали, – ответила девушка.

Машина заурчала, зажигание схватило безупречно. Двигатель работал бесшумно, фары работали как часы. Все работало.

Они выехали на Пушкинскую.

– Как мерс! – сказал Адик. – Поедем к твоим?

– По лесу она не проедет, – сказала Эсти. – Может, вернем машину?

Это не значит, что она чего-нибудь боялась, но Эсти знала, что машину сделал Леша, а к Леше неравнодушна Вероника Павловна. Эсти же была влюблена в Веронику Павловну чистой подростковой любовью.

– Сейчас мимо дядиного дома проедем, – сказал юноша, – пускай посмотрит, пускай голову поломает, где я машину достал.

– Или украл, – заметила Эсти.

Другой за такие слова досталось бы по затылку, но Эсти Адик тронуть не смел. Ее давно уже в городе никто тронуть не смел.

Адик хотел повернуть в переулок Космодемьянских, ныне улицу Косьмы и Демьяна, но руль не повернулся, и машина промчалась мимо поворота. Тогда Адик решил свернуть в следующий переулок, но машина, вместо того чтобы повернуть налево, круто взяла направо, прямо на площадь Землепроходцев.

Адик хотел уйти с той площади – слишком людное место, – но руль сам повернул так, чтобы машина наехала прямо на сержанта Пилипенко, который еле успел отскочить.

Машина замерла.

– А ну, вылезать! – по-отечески строго сказал сержант. – Воруем автомашины? Я же твоего дядю предупреждал: если кто из вашего семейства пойдет в бандиты – всех выпишу из города!

– Он только покататься, – сказала Эсти. – Христом богом клянусь. Только меня покатать и на место поставить. Дядя Леша сам разрешил.

Тогда Пилипенко включил свой милицейский мобильник и позвонил Леше, на его обыкновенный телефон. И сказал:

– Приходи, примешь машину. Акт составим.

– Адик Лаубазанц катается? – спросил уверенно Леша.

– Плохо он кончит.

– Пускай обратно едет, – сказал Леша.

– Я тебе машину отыскал и вернул. Будем акт составлять, и штраф с его дяди возьму.

И тут нервы Адика не выдержали. Он представил себе, как его дядя сделает из него свинячью отбивную.

– Пустите, дяденька! – завопил он и выскочил из машины.

А свою подружку Эсти он забыл в машине.

Тогда сержант Пилипенко вытащил ее за шиворот и поставил у своей ноги.

– С тебя, конечно, взятки гладки, – произнес он. – Но будешь проходить у меня свидетелем.

Дело в том, что слово «взятка» недаром соскочило с языка сержанта Пилипенко-младшего, сына покойного старшины Пилипенко-старшего. Он был взяточником и надеялся недурно поживиться, припугнув семейство Лаубазанцев.

Но тут автомашина Леши сделала круг по площади и не спеша покатила к себе домой, так сказать, на конюшню. Без водителя.

Пилипенко побежал было за пустой машиной, не догнал ее и отпустил Эсти, потому что у него не осталось вещественных доказательств.

А машина, останавливаясь на красный свет, не задавив ни одного пешехода, ни разу ни с кем не столкнувшись, добралась до дома Куплинга, который уже ждал ее у подъезда.

– Добро пожаловать, глупышка, – приветствовал ее Леша.

Он забрался под щиток управления и достал оттуда фотографию сержанта Пилипенко, которую тот когда-то подарил тетке Эльвире в знак ухаживания.

Оставив машину у подъезда, Леша включил человекоискатель, и, когда Адик повел ее по улицам города, она пользовалась любой возможностью, чтобы отыскать в городе сержанта Пилипенко – такое ей дал задание ее хозяин.

Вот она его и отыскала.

А потом сама вернулась домой, потому что в ней включилась другая программа – возвращения.

Леша погладил машину, и ей это было приятно.

Некоторые люди в городе видели, как Пилипенко поймал на площади малолетних хулиганов, и по Гусляру покатились дикие слухи о том, что Куплинг сделал себе машину из ворованных частей, а Лаубазанцы ее украли, потому что это их специальность.

Слухи об этом дошли до дяди Претория Лаубазанца, и он чуть было не выпорол юношу.

Но, перед тем как выпороть, дотошно его допросил.

И узнал, что машина у дяди Леши странная – совсем новая, скорости не переключаются, как в мерседесе, движок бесшумный, сама перед милицией останавливается.

И тогда дядя Лаубазанц бить племянника не стал, а велел обеспечить постоянное наблюдение за машиной и Куплингом.

Преторий Лаубазанц был человеком мудрым и знал, что рано или поздно любой преступник расколется и чем-нибудь себя выдаст. А так как Адик с мамашей жили в одном дворе с Лешей, обеспечить наблюдение оказалось нетрудно.

Впрочем, события разворачивались так быстро, что мучиться не пришлось. Три дня Адик смотрел за тем, как машина выезжает со двора. Дальше наблюдение подхватывала Эсти.

Именно ей принадлежало странное наблюдение или даже открытие.

– Адик, – сказала она, когда друзья сидели на земле, спиной к навесу автобусной остановки, и курили. – Адик, он не заправляется.

– Как так не заправляется? – удивился Адик.

– За три дня он ни разу не подъехал к заправке. Я своим глазам сначала не поверила, а потом пошла к Кольке на заправку, и он подтвердил: «Ни разу Леша твой на заправку не заезжал».

– Значит, у него дома цистерна стоит?

– Скажи лучше – нефтяная скважина.

– А что? Без нефтяной скважины теперь редко кто обходится. Особенно в нашем государстве. Пошли поглядим, что у нее внутри, – сказал Адик.

Это была хорошая идея, но осуществить ее удалось только ночью.

Адику даже свистеть не пришлось. Эсти уже ждала его на улице.

Машина Куплинга стояла под фонарем, так настояла тетя Эльвира. Она обещала всю ночь выглядывать наружу. Но сама крепко спала.

Адик отвинтил крышку от бака.

Понюхал. Потом взял веточку с земли и сунул ее внутрь. Вытащил. Еще раз понюхал.

– Нет, не бензин, – сказал он.

Девочка тоже понюхала веточку, потерла ее пальцами, снова понюхала.

– У меня нюх звериный, – сказала она. – Никакого бензина. А палочка мокрая. Значит, бак полон воды.

– Вот гад! – возмутился Адик.

Он теперь сильно не любил Лешу. По разным причинам. Унижение занимало среди них не последнее место.

– А чего ты сердишься? – спросила Эсти.

– На воде ездит! Это ж надо!

– А разве можно на воде ездить?

– Изобретатель!

В это единое слово Адик вложил все презрение простого человека к выкрутасам интеллигента.

– Большие деньги можно зарабатывать, – озвучила Эсти мысли Адика.

– А может, это не просто вода, – произнес Адик, – а спецвода. Она только кажется водой.

– Где же он ее берет? – спросила Эсти.

– Наверное, скважину прорыл. Выкопал и качает. А никто ее от воды отличить не может. И мы в дураках, а он в Москве секрет продаст.

Эсти отрицательно покачала головой.

– Так не бывает, – сказала она.

Наверху открылось окно, и тетка Эльвира, которая вдруг проснулась от предчувствий, высунулась и завопила на весь двор:

– Ты у меня только поугоняй, поугоняй!

Пришлось бежать.

Эсти пошла в лес, она ночами порой ходила повидаться с родителями, иногда и поохотиться с ними, а Адик решил, что пора отдать свой секрет старшим. Он все же был членом семьи и понимал, что, если утаишь, а потом все откроется, наказывать будут его.

Дядя Преторий Лаубазанц принимал ванну, но племянника, который сказал, что у него срочные новости, к дяде пропустили.

Дядя считал, что с подопечными надо быть строгим, но нельзя доводить детей до отчаяния. Пускай на что-нибудь надеются. Весь город знал, что Леша собрал машину из консервной банки, а это было неправильно, это нарушало порядок. У человека должна быть машина соответственно его положению и бабкам, в смысле деньгам. А Леша был бедный. Лешу надо было поставить на место.

И вы можете себе представить, какая буря поднялась в справедливой душе дяди Претория, когда Адик заявил, что машина – обманка. Никакой машины нет, а есть детская игрушка, которая ездит на воде. Ха-ха, как говорят французы!

Эти презрительные слова не означали, что дядя Преторий не заинтересовался. Еще как заинтересовался. Он всегда гордился тем, что его нюх не подводит. Почуял – значит, было что чуять. И нет ничего удивительного в том, что он на следующее утро лично явился к сараю Леши Куплинга, который там кое-что изобретал, чтобы сгонять на машине к озеру Копенгаген. Машины надо испытывать в сложных условиях.

– Значит, ездим? – спросил дядя Преторий, не поздоровавшись.

Его живот навис над Лешей, который сидел на корточках рядом с машиной, и закрыл солнце и небо.

– Ездим, – вякнул из-под дяди Леша.

Ему бы сейчас сказать, как Диоген римскому солдату: «Отойдите, вы мне солнце загораживаете». Но Лешенька из школьной программы помнил, как печально закончилось все для Архимеда.

– Слухи ходят, – сказал дядя, – что машина у тебя неполноценная.

– Неполноценная, – согласился Леша.

– Шутки с водой позволяешь.

– Разве это шутки? – ответил Леша.

– Специальная вода, говоришь?

– Кому как.

– Замена бензину?

– Это вам Адик сказал?

– Какой Адик? Какой такой Адик? Ты мне мою семью не задевай. Мой Адик в школу ходит, ученым-мученым будет, не то что мы с тобой, необразованные...

Дядя Преторий задумался, не слишком ли он нажал на необразованность Леши. И принял решение.

– О присутствующих не говорят, понимаешь?

Леша понял, что Архимеда из него не получится. Поэтому поднялся и отошел шага на два.

«Как же, – подумал он, – этот Адик догадался, что у меня в баке вода налита? Ведь никто об этом не знал... А может, это Эсти?» Эсти ему давно нравилась, то есть занимала его. Не зря ведь Миша Стен-

даль о ней статью написал «Взращенная свободной». Правда, центральные органы ее не заметили. Может, это и к лучшему. Если бы Эсти не понравилось, что ее изучают, могла получиться трагикомедия.

– Покатаемся? – спросил дядя Преторий.

– Я за вами заеду, – ответил Леша.

– И не обманешь?

– Вас разве обманешь?

– Ты прав, юноша. Старого Лаубазанца еще никто не обманул. Я у себя на дворе буду в шахматы играть. Старость не радость, ходы стал забывать, понимаешь?

Туша дяди Претория ушла, а Леша занялся машиной дальше. Многое еще в ней надо и хотелось улучшить и подтянуть. Жаль, что с деньгами плохо. И бедным человеком быть плохо.

Когда он выехал со двора, то увидел Веронику Павловну. Вероника Павловна шла из школы, усталая, хоть и провела всего два урока. Вероника Павловна была преподавательницей, потому что ее мама была преподавательницей, и бабушка была учительницей, а тетя Зоя – воспитательницей в яслях. Но эту работу Вероника Павловна не выносила, учеников боялась, а коллег не жаловала. Да и они ей платили тем же. Все время приходилось о них думать, переживать и беспокоиться. Ведь нелюбовь тоже требует нервного напряжения, и кровь Вероники Павловны всегда была накачана адреналином, как у спринтера или домушника.

Вот и сейчас Вероника Павловна шла к Адику Лаубазанцу, чтобы поговорить с его родительницей. Растила Адика мать-одиночка Вилена Макбетовна, но ей помогали все остальные Лаубазанцы. Помощи не хватало, потому что Вилена, женщина крутозадая и вялая, все ждала, что к ней возвратится неверный и легкомысленный Хачик. А Хачик уже жил в Аргентине и преподавал там танго в ночных кабаре. Он был сказочно красив, женщины вешались ему на шею, но он не верил в бесплатную любовь. Поэтому уже построил себе небольшую гасиенду и проводил сиесту на кондиционированной веранде.

Вам может показаться, что в этой истории слишком много недействующих, но задействованных лиц. Я говорю о них больше, чем надо, а потом забуду.

Так вот, обещаю вам, что никого из них не забуду. Я уверен, что всем найдется место на этих страницах.

Леша кратко гуднул, чтобы Вероника Павловна поняла, что это именно он. Вероника поняла это задолго до того, как он гуднул, и сердце ее странно заколотилось. С трудом она сделала вид, что ничего стоящего ее внимания не происходит. Мало ли кто ездит по нашим улицам? Честной девушке прохода нет!

– Подвезти? – спросил Леша, хотя ехал навстречу Веронике Павловне.

– Дойду сама.

– Может, скажешь, что ты на меня рассердилась? Или мне это показалось?

– Вам ничего не показалось, лицемер! – отрезала Вероника Павловна. – Я не желаю быть членом вашего гарема. Я думала... я ждала каждый день встречи с вами. Я думала, что я одна в вашем сердце, но вы сами признались в том, что я для вас не больше чем одна из знакомых, которых вы меняете, как загрязненные перчатки.

К этому времени машина остановилась и поехала задом, чтобы не отставать от Вероники Павловны.

– Я ничего не понимаю, – взмолился Леша. – Но у меня нет гарема. Вы можете проверить у меня в комнате.

– Гаремы у себя в комнате не держат, – сказала Вероника Павловна. – И не надо издеваться надо мной. Какой еще гарем в комнате!

Обиделась Вероника Павловна несусветно и принялась, окончательно разминувшись с Лешей, рассуждать, как честная девушка может отомстить такому донжуану и гаремному типу.

А когда такая целеустремленная девица, которая в унижении черпает высокое достоинство и потому должна быть унижена, стремится к мести, считай, что месть уже случилась, и ужасная.

Расстроенный Леша подъехал ко двору, в котором играл в шахматы дядя Преторий.

Он смотрел на доску, а за его спиной полукругом стояли клевреты, которые при каждом его ходе начинали цокать языками и восхищаться, что такой умный человек почтил своим присутствием их ничтожный двор. А напротив дяди Претория сидел совсем ничтожный человек Игнат Матвеевич, кандидат в мастера по шашкам, и совершал зевок за зевком. Дело в том, что он был должен дяде Преторию шестьсот долларов и не мог расплатиться иначе, как проигрывая ему

по десять партий на дню. Уговор был обратный обычному. Награждался десятью долларами не выигравший, а проигравший, так что дядя Преторий был уверен, что на ближайшие дни у него будет постоянный достойный соперник, который всегда будет повержен после отчаянной борьбы.

Лешенька сказал машине:

– Подожди, дорогая.

Машина тихо ответила:

– Только недолго, дорогой.

И хоть мы с вами знаем, как работает магнитофон, впечатление было оглушительное. Сам Леша поддавался очарованию мягкого голоса. Поэтому ответил:

– Не беспокойся.

– Ах, кто к нам пожаловал, – обрадовался дядя Преторий. – Ты, оказывается, слово умеешь держать?

– Вы хотели покататься, – сказал Леша.

– Подожди, успеешь. Давай сначала в шахматы сыграем.

– А мне хотелось...

– А ну, Игнат, вали отсюда, не мешай.

Игнат встал и тихо сказал:

– Минус восемьдесят.

– Нет, семьдесят, в восьмой партии ты чуть было ничью не сделал, а ты ведь знаешь, как я этого не люблю.

Игнат был чуть горбат, податлив и азартен.

Леша смотрел на него и думал: «Неужели я тоже таким же буду? И сходство есть».

– На что играем? – спросил кто-то из клевретов, желая угодить патрону.

– Да, кстати! – Дядя Преторий был сама невинность. – Так просто даже Каспарян не играет. Он тоже деньги берет. Сколько хочешь с меня взять?

– А вы, если выиграете, машину отнимете? – спросил Леша.

– Слово нехорошее – «отнимете»! Я еще ни у кого ничего не отнял.

– А если я выиграю?

Толпа клевретов покатилась со смеху, поднимая тучи осенней пыли. Сухая осень выдалась в этом году.

– Если выиграешь, проси что хочешь, любое желание.

– Нормально, – сказал Леша.

Он сел на еще теплый стул, оставшийся от Игната Матвеевича.

– Один из спорщиков, – произнес он, – всегда дурак, а другой подлец.

– Кто подлец? – удивился дядя Преторий.

– Это поэт Лермонтов сказал. В книге «Герой нашего времени».

– Про вас, Преторий Иваныч! – воскликнул кто-то из клевретов.

– Почему подлец? – настаивал дядя Преторий, покачиваясь на крепком стуле.

– Потому что знает, но спорит. А дурак не знает, а спорит.

– Лермонтов в шахматы играл? – догадался дядя Преторий.

– Играл.

И тут дядя Преторий хитро улыбнулся и заметил:

– Плохо играл, если Мартынов его пристрелил. Не надо было жульничать.

«Ой-ой-ой! – подумал Леша. – Придется быть осторожным!»

Не думайте, что Леша наивный и рассеянный гений. Ничего подобного. Тверже всего он усвоил жизненные уроки мамы, куда тверже, чем заветы Эйнштейна. Он отлично знал, что его заманили сюда, чтобы отобрать машину. Он даже мог угадать и воспроизвести ход мыслей своего оппонента. Одно дело – подослать Адика, который сам необразованный и учиться не желает. Другое дело – поставить машину, вызвать нужных людей, которые, конечно, не будут кричать, что машина на воде ходить не будет. Такие люди и в Христа камнями бросали, знаем мы таких недоверчивых. Настоящий большой, умный и богатый человек должен ходить, расставив локти и уши. Чтобы больно толкаться и внимательно слушать. Если два ребенка догадались, что этот Леша сделал машину, которая ходит на воде, как на бензине, если люди, с которыми он посоветовался, сообщили, что этот Леша уже ходил – и не раз – к пресловутому профессору Минцу, который в нашем городе главный ученый с мировым именем, если отбившийся от рук член семьи Гамлет Лаубазанц сказал про Лешу: «Куплинг далеко пойдет, меня обойдет, всех нас еще научит», значит, машину надо отбирать по возможности тихо, скромно, без драки и обид. Если захочет, этот Леша себе новую машину построит.

Леша все понимал, но понимал также, что такого противника, как Преторий Лаубазанц, лучше обезоружить. То есть использовать про-

тив него его же оружие. Он хочет обыграть Лешу в шахматы, он даже свидетелей собрал, хоть и послушных, но все же свидетелей, чтобы много людей видели, как он машину у Леши выиграет. А надо сделать так, чтобы эти свидетели увидели, как он Леше желание проиграл.

Поэтому Леша сел напротив грузного, одновременно лысого и черно-курчавого бандита и стал ждать его хода. Потому что такие люди, как Преторий, всегда берут себе белые фигуры. Они где-то прослышали, что у белых всегда преимущество, как у футболистов на своем заводском поле. Преторий пошел королевской пешкой. Просто.

Но никогда не надо недооценивать противника.

Смотри, ему уже подсовывают записочки со следующими ходами. А пишет их несчастный Игнат Матвеевич, что стоит в заднем ряду клевретов.

Конечно, Преторий Лаубазанц и его клевреты не подозревали, что у Леши, как особого изобретателя, память тоже особенная, да еще Леша ее себе улучшил, начертив мнемоническую супер схему. Что это означает? Ничего особенного. Это принцип узелка на платке, который завязывает себе дедушка, чтобы вспомнить, что надо купить зубной порошок. Это запоминание телефона с помощью схожих цифр. Например, этот номер состоит из года рождения папы плюс номер квартиры Зойки...

Мнемоническая схема – это способ сразу находить связи между цифрами и номерами. Мозг находит им, пустым загогулинам, объяснения и связывает в систему. Данная суперсхема была нужна Леше позарез. Ведь ему теперь приходилось столько запоминать самому, что иначе бы голова лопнула. Хорошо богачам, у них есть компьютеры. Но ведь, как мы знаем, Леша Куплинг страшно бедный человек, и тетя у него бедная, и даже девушка, которая ему нравится, тоже бедная.

Как только дядя Преторий сделал свой третий ход, партия, сыгранная Лилиенталем на турнире в Вологде в 1925 году, а затем неудачно повторенная Анандом в Тепловицах много лет спустя, потому что вспыльчивому Ананду захотелось обязательно завершить ее на тридцать втором ходу, легла в мозгу Леши как на ладони. И как бы Преторий ни суетился, ему не уйти от потери качества.

Качество Преторий потерял, как и предсказано, а в безнадежном уже положении Игнат Матвеевич принялся падать в обморок, но клевреты не дали ему этого сделать, потому что начали его бестолково бить, чтобы дядя Преторий сам их не побил.

– Ничья? – спросил Преторий жалким голосом.

– Ничего подобного, – ответил Леша. – Как только у меня появится желание, я немедленно вам позвоню.

– А разве ты у меня выиграл?

– Спросите у своих друзей.

– Они промолчат.

– Кто-нибудь проговорится. Если вы их смогли купить, то я их куплю и подавно.

Преторий смирился.

Поник, стал старше, проводил Лешу до ворот и спросил:

– А она у тебя и в самом деле на воде ходит?

– В самом деле.

– Ну, тогда до свидания, – сказал Преторий и не заметил сам, что у него в голосе звучит угроза.

Но Леша это заметил, учел и пошел со двора осторожно, оглядываясь.

Оттуда он поехал за город.

Сначала по шоссейке, потом свернул на проселок, тот самый, что вел когда-то к усадьбе помещика Гулькина, то есть адмирала Гуля, который и назвал озеро словом «Копенгаген».

Когда проселок пересек заросшую мелким ельничком просеку, Леша резким движением повернул туда машину, и она начала было прыгать по пням и бурелому, что ей не нравилось.

– Больно! – сказала она.

– Знаю, что больно, – сказал Леша. – А ты попробуй полетай.

Машине нелегко было взлететь. Ничего ее к этому не влекло, кроме боли в днище, в которое молотили ветви и тыкались пни.

Так что через несколько метров машина подобрала колеса, благо Леша снабдил колеса рычагами для убирания, и полетела в полуметре над поверхностью земли.

– Молодец, – сказал Леша, – умничка.

– Знаю, – ответила машина. – Слышали. Не повторяйся.

Леша усмехнулся.

– Ох и разбогатеем, – сказала машина.

При всех своих достоинствах она оставалась совершенно неразумным существом и несла околесицу. На уровне среднего обывателя. Проблема обогащения волновала ее куда больше, чем ее создателя,

хотя деньги ей были не нужны и даже вредны. Если Леша разбогатеет на самом деле, он, конечно же, сменит «москвича» на кадиллак.

Пока же машина послушно понесла нашего героя в лес, практически без дорог, не касаясь колесами неровной земли, к озеру Копенгаген.

Леша развеселился от исполненного желания, даже принялся петь песни недалекого детства и покрикивать на машину. В тот момент ему тоже стало казаться, что он скоро разбогатеет, что жизнь не такая уж дурная и неблагодарная скотина, что среди людей встречаются приличные, что Вероника Павловна перестанет сердиться на Лешу неизвестно из-за чего. И такое настроение шло от уверенности в своих силах. Он не заметил даже, как спугнул с лежки двух мирно дремавших уссурийских тигров, родителей Эсти, которые были убеждены, что уж на чем на чем, но на автомобиле никто к ним в чащобу не заберется.

В изумлении тигры глядели на автомобиль на воздушном матрасе и на его пассажира, знакомого им по рассказам Эсти юношу Куплинга.

Так как скорость автомобиля была относительно невелика, то движимые любопытством тигры последовали за автомобилем и увидели, как он остановился на берегу чистого ручья, что впадает в озеро Копенгаген.

Машина опустилась на колеса, Леша выскочил из нее на траву и сказал:

– Пришла пора подзаправиться.

Он вытащил небольшое ведро и поставил его под хрустальную ледяную струю воды.

Потом отвинтил крышку бака и осторожно залил в него воду, чем очень удивил тигров: им приходилось видеть, как заправляют машины, но всегда на это шел бензин. А тут – вода...

При этом Леша напевал, поглядывая на небо, кашлял и всякими способами привлекал к себе внимание.

Простодушным кошкам было невдомек, что на самом деле Леша не был уверен, что его действия видны окружающим животным, в первую очередь тиграм. А в его расчеты это входило. Если тигры увидят, как он заливает бак водой, они сообщат об этом Эсти, как, впрочем, и о его полете на машине над просекой.

Наконец машина была заправлена.

Леша дал газ – впрочем, точнее будет сказать: «Леша дал пар» – и полетел над просекой дальше от города, в сторону Пьяного Бора – небольшой станции на железной дороге в Вологду.

Глубокой ночью страшный тигриный рык пронесся над окраиной города Великий Гусляр. Но никто из его жителей не испугался, потому что человек ко всему привыкает – и к хорошему, и к дурному. Лишь к холоду, как утверждал великий полярник Амундсен, привыкнуть нельзя, хотя можно научиться терпеть его. Вот это был мудрец! Погиб по-глупому, кинулся на маленьком самолете к Северному полюсу в поисках пропавшего без вести итальянского дирижабля, командиром которого был адмирал Нобиле, посланный в полет самим Муссолини. В общем, разбился, пропал Амундсен, известный, в частности, тем, что открыл Южный полюс нашей планеты.

На тигриный рык откликнулась небольшого роста худенькая девочка-подросток, которая, как была в трусиках и майке с надписью «I LOVE FREEDOM», выскочила в окошко и побежала по мокрой холодной траве к лесу.

Там ее ждала приемная мать.

Она выругала девочку за то, что та бегает босиком – ты что, простудиться хочешь? – потом подставила свою широкую теплую спину и понесла ее в чащу, где была лежка. Осеннее убежище.

Мать рассказала Эсти о странном поведении автомобилиста Куплинга.

– А что это за родничок такой? – спросила Эсти.

На рассвете мама отвезла ее на себе в самую чащу.

– Как же он на машине сюда попал?

– А он по воздуху летел, – ответила мать.

Тигры не очень разбираются в типах машин. Даже самые умные из них не отличат «феррари» от «хонды». Это их национальная трагедия.

Эсти вздохнула. Спорить с матерью было опасно, поэтому Эсти научилась терпеть, если тигры несли чепуху.

Эсти посмотрела на родник, отпила, попробовала, понюхала – вода как вода, даже не газированная. О чем она и сообщила тигрице.

Та страшно зарычала. И понятно почему. Как-то Эсти принесла им газированной воды – лимонада, думала побаловать стариков. Мать чуть не померла из-за этих пузырьков: оказывается, тигровая душа газа не принимает.

– А отсюда он куда полетел?

– В ту сторону.

– А в той стороне у нас...

– Пьяный Бор, – уверенно сказала тигрица. – Я там была. Вывеску читала.

Мамаша лукавила. Читать она, конечно, не умела. Это прерогатива разумных существ, то есть людей. Видно, затаилась под каким-нибудь вагоном и подслушала разговоры.

Хорошо еще, что ее не заметили и не подстрелили. Ведь люди и тигры – враги еще со времен каменного века.

Когда Эсти днем вернулась в город, она увидела Веронику Павловну, которая сидела в сквере у церкви Параскевы Пятницы и писала в блокнот печальные стихи.

– Вам может быть интересно, – сказала тигриная воспитанница, – что ваш Леша ездит в лес на машине и заправляет ее водой из родника.

– Из какого родника? – Вероника Павловна так подпрыгнула, что полностью себя выдала.

Но Эсти и виду не подала, что знает о любви Вероники Павловны к Леше Куплингу.

– Он на просеке, у озера Копенгаген, – ответила Эсти, – вам не найти.

– Почему ты решила, что я собираюсь его искать? – возмутилась Вероника Павловна. Она и на самом деле не собиралась искать ничего, связанного с этим недостойным человеком, Лешей Куплингом.

Беда в том, что к тому времени Вероника Павловна полностью забыла о том, почему она возненавидела Лешу. И это понятно: потому что причина ненависти была ничтожна. Причина забылась, а ненависть осталась и продолжала зреть.

– Почему ты одна зашла так далеко в лес? – провела отвлекающий маневр Вероника Павловна. – Ты же знаешь, что в твоем возрасте опасно гулять одной по лесу. Мало ли кто там водится... или туда заходит.

– Я с мамой встречалась, – сказала девушка.

– Ага. – Вероника Павловна наморщила свой круглый лобик. Что она слышала о судьбе этой девочки? О ее нелегкой судьбе? Дочь леса...

Впрочем, это сейчас не важно.

Вероника теперь поняла, что ее бывший возлюбленный затеял какую-то авантюру. И ей стало страшно за него. Ведь он такой беззa-

щитный! Его чистотой и непорочностью могут воспользоваться плохие люди...

Но другая сторона мозга Вероники пустилась в спор: «Еще чего не хватало! Беззащитный! Да он защищеннее любого тигра! Он сам его растерзает... Но при чем тут тигры? Это же родители Эсти!»

Вероника Павловна шла по Пушкинской. Она уже забыла о встрече с Эсти, настолько была эмоционально взбаламучена.

И именно в таком состоянии ее встретил дядя Преторий, который также был удручен, ибо не смог раскусить Куплинга. Он не привык к поражениям. Даже министры щелкали и лопались орешками на его крупных желтых зубах.

– Ах, моя несравненная! – пропел дядя Преторий, завидев Веронику Павловну. И все в нем дрогнуло и поплыло при виде этого создания. Остренький носик между больших кругляков очков, прикрывавших половину личика, казался ему точеным, светлые водянистые глазки, увеличенные диоптриями, виднелись ему голубыми очами, не очень густые и чуть подкрученные на бигуди волосы представлялись ему золотыми кудрями, а заячий прикус маленького рта был в его воображении зовущими устами Клеопатры.

Вероника Павловна замерла как кролик перед медведем. Она боялась больших и тяжелых мужчин, инстинктом она трепетала при мысли, что можно попасть под такого мужчину, как под троллейбус.

– Как у нас дела на ниве просвещения? – спросил дядя Преторий, лаская ее шоколадным взором.

– Спасибо.

– Как успехи моего племянника Адика?

– Кстати, я давно хотела с вами поговорить, так как его мама не очень любезна.

– Говори, ангел, говори, я буду любезный, – заверил ее Преторий Лаубазанц.

– Не сейчас, – ответила Вероника Павловна, отступая на шаг перед Преторием. – Сейчас мои мысли заняты совсем другим, и я должна уйти.

– Ни в коем случае! Я по глазам вижу, что вам плохо, что вы находитесь в переживаниях. Так поделитесь со старым больным человеком!

И тут Веронику Павловну прорвало. Искреннее желание толстого громады помочь ей открыло шлюзы для ее чувств.

– Среди нас живут люди, которые недостойны этого! – воскликнула она, и слезы, брызнув из глаз, полились изнутри по стеклам очком и стали капать со стекол на щеки и на ворот.

– Вы об Алексее Куплинге? – сразу догадался проницательный Лаубазанц. – Именно он заставил скорбеть ваше чувствительное сердце?

– Как вы догадались? – ахнула Вероника Павловна.

– Такие люди встречаются не часто, – признался дядя Преторий. – Мне о нем рассказывал племянник. Они, понимаешь, в одном дворе живут. Рассказывай, что еще натворил наш Куплинг?

– Он ездит в машине, которая работает на воде, а не на бензине. Причем катает на ней своих любовниц. Я знаю наверняка, не возражайте.

– Зачем возражать, если весь город знает, что Куплинг катает на своей машине любовниц.

– Вы об этом знаете?

– Как дважды два четыре.

– Я так и думала, – сказала Вероника Павловна поникшим голосом.

Бывает же так: она сама выдумала дикую историю о девушках, которых Леша якобы катает на машине, и оказывается, это правда! Достойный доверия пожилой человек подтвердил ее догадку. Какой ужас!

– Это надо прекращать, – сказала она.

Дядя Преторий нежно взял ее ручку в свою мягкую потную ладонь и легонько сжал.

– Я вам сочувствую, – сказал он. – Такое чувство, такое чувство, и такая утрата! А что мы еще знаем о его машине?

– Он только что на ней в лес уехал, – поведала Вероника Павловна. – Там заправил ее водой из ручья, из родника, и полетел дальше.

– Как так «полетел»?

– Эсти, тигриная дочка, от своей матери узнала.

– Тигры не разговаривают, – заметил Лаубазанц.

– Смотря с кем.

– Они ни с кем не разговаривают.

– Но она же ее дочка.

– Приемная не считается.

– Если вы мне не верите, то давайте разойдемся. – Веронике Павловне эта сцена показалась вдруг нелепой. Ну зачем она обсуждает своего любимого Лешеньку с этим «троллейбусом»?

– Я тебе верю, крошка, – сказал Лаубазанц. – Где этот родник? Где этот источник?

– А зачем вам? – вдруг заподозрила неладное Вероника Павловна.

– Очень просто, – ответил Лаубазанц. – Ты что, не понимаешь, как это опасно? Ты разве не понимаешь, какой может быть пожар?

– Какой пожар? Там же вода!

– Ах вода! Обыкновенная вода! Неужели ты веришь, что обыкновенная вода может в карбюраторе нагреваться? Это спецвода, понимаешь? Это такая опасная жидкость, что уже многие леса погублены на нашей несчастной планете! А твой Леша не понимает, какой опасности он подвергается сам и подвергает своих близких. Ты белочек любишь?

– Люблю.

– Все белочки сгорят от этой так называемой воды. Мы должны немедленно поставить ограждение. Как родник называется?

И он навис над Вероникой Павловной так угрожающе близко, что она поняла: если она не вспомнит сейчас названия родника, то он ее все же задавит. Дыхания не хватало. В глазах потемнело...

– На просеке... у озера Копенгаген...

– Точнее! – рявкнул Лаубазанц.

Но голос Адика донесся из-под его локтя.

– Я знаю. Там один родник, из него потом ручей получается и течет прямо в озеро Копенгаген. По просеке.

– Тогда действуем, – сказал дядя Преторий.

И он потопал толстыми ногами к своему дому, где стоял его джип.

Специальный джип с большим сиденьем для водителя.

Раньше этот джип принадлежал одному премьеру небольшой африканской державы. Но после того как его восемьдесят жен растерзали его за неверность с французской гувернанткой, они продали джип на аукционе, и дядя Преторий полюбил свой автомобиль.

Он первым подбежал к нему и сказал:

– Скоро на воду перейдешь.

Джип зарычал. В отличие от машины Леши Куплинга, джип умел только рычать и пускать вонючие газы, которыми некогда африканский диктатор подавлял демократические демонстрации.

Негодование джипа объясняется просто: среди автомобилей существует суеверие, что со временем люди изобретут новое топливо, пить которое для порядочной машины и противно, и унизительно.

Разумеется, среди таких подозреваемых на первом месте стоит водопроводная вода.

– Поехали! – приказал дядя Преторий Веронике Павловне.

– Еще чего не хватало! – откликнулась она и залезла в джип. На заднее сиденье. Там она скорчилась и думала пересидеть, но оказалось, что на полу дремлет небольшой крокодил – в намордник, правда, и на цепочке.

– Это от мальчишек, – сказал Лаубазанц. – Лезут и лезут. В прошлом году приемник украли, представляешь?

Вероника Павловна пискнула, но ответить не смогла. Язык онемел, как будто она его отлежала.

Адик сидел рядом с дядей и указывал дорогу.

Крокодил храпел.

Вероника Павловна думала о судьбе предателей. Потому что судьба превратила ее в предательницу. Теперь эти люди убьют Лешеньку, и она останется невенчанной вдовой. Но тут она вспомнила, что Леша тоже изменник, потому что катает на своей машине неизвестных развратных девиц. И об этом знает уже весь город.

Даже всепроходящий джунглевый джип не смог добраться до родника.

Последние несколько сот метров прошли по просеке пешком.

Крокодил вырвался из машины, ему захотелось на свежий воздух, и он добежал до родника первым. Потом он старался залезть в него, но вода оказалась холодной. Крокодил бегал кругами по лужайке, а Адик прыгал через него, как ребенок через скакалку. Но никто, кроме него, не смеялся.

Дядя Преторий стоял на коленях над родником, с трудом склонялся вперед и зачерпывал хрустальную воду. Закидывал в раскрытый рот пригоршни воды и кривился от холода и счастья.

– Вы заплатите Леше много денег? – спросила Вероника.

– Сколько попросит. Хочет тысячу, получит тысячу...

Удивившись выражению лица девушки, дядя Преторий поправился:

– Я баксы имел в виду. Богатым человеком станет.

Из кустов за каждым движением дяди Претория наблюдали строгие узкие глаза. И когда он произнес последнюю фразу, на полянку у родника вышли три человека скромного восточного вида.

– Разрешите представиться, – сказал первый из них. – Мы представители мятежной республики Негри Симбалан, расположенной на территории Индонезии. В нашей борьбе за независимость мы испытывали недостаток дешевого топлива. И как только нам стало известно, что в городе Великий Гусляр научились ездить на воде вместо бензина, мы приехали, чтобы купить или отнять у вас этот секрет.

– Не выйдет! – рассердился дядя Преторий. – Не те времена, чтобы ездить с угрозами по моей родине. Крока, куси! – И он снял с крокодила намордник.

Крокодил кинулся на пришельцев, те вытащили автоматы и стали стрелять по крокодилу. Из него лилась кровь, но он не сдавался и рвал их зубами. Брюки – в клочья!

Не прошло и двух минут, как представители мятежной республики побежали прочь, а Адик сказал:

– Знаю я их, вьетнамцы это, на рынке у нас кроссовками торгуют. Дрянь кроссовки.

– Адик, беги за ветеринаром, – приказал дядя. – Не переживу, если животное, которое рисковало жизнью ради меня, погибнет от потери крови.

– На джипе? – с надеждой спросил Адик.

– Обойдешься, – ответил дядя.

До джипа дошли пешком. Дядя сел в машину, посмотрел на Веронику Павловну и спросил:

– А тебе что, особое приглашение?

Вероника залезла в джип, на этот раз на переднее сиденье, потому что не знала, нет ли там, сзади, еще какого-нибудь удава.

Далеко гнаться за Лешей не пришлось. Как только вылезли на дорогу, что вела к Пьяному Бору, увидели, что навстречу не спеша катит Леша Куплинг в своем блестящем «москвиче».

В этот момент сердце Вероники Павловны чуть не разорвалось от двух противоречивых желаний. Ей захотелось предупредительно закричать: «Берегись, Леша!» И в то же время она торжествовала, потому что этот мерзавец наконец-то попался. И получит то, что заслужил. Хотя неясно было, что же он заслужил.

Но все проблемы решил за нее дядя Преторий.

Совместно со своим джипом, который понял, кого надо хватать, и развернулся поперек дороги.

Леша покорно вылез из машины.

Вероника Павловна готова была и расцеловать, и облить его слезами, и разорвать на части – такова реакция женщины на бедного человека, причем бедного не только карманом, но и духовно.

Преторий подозвал его. Сам он остался сидеть за рулем, лишь живот вывалился наружу.

– Значит, ездим, воду тратим? – спросил он ласково.

– А вы уже знаете? – спросил Леша.

– Мы всё знаем.

– И что вы предлагаете?

– Как что? Совместное предприятие, – ответил добрый дядя Преторий. – Ведь если тебя придушить, унесешь с собой в могилу секрет этого топлива. Что, вода особенная, да?

– Желательно чистая, – сказал Леша.

– Тоже правильно, – согласился дядя Преторий. – И что у нас главнее – двигатель или топливо?

– Двигатель, – честно ответил изобретатель.

– А водопроводную воду можно?

– Нежелательно, – сказал Леша.

– Ты как желаешь – в долю войти или отступного получить?

– Я бедный человек, – сказал Леша. – Я готов получить наличными.

– Сколько?

– Это не телефонный разговор, – криво усмехнулся Леша.

Дядя Преторий не понял иронии и спросил:

– Где ты тут видишь телефон?

– Я не вижу телефона.

Они помолчали.

В лесу было тихо. Так тихо, что они услышали отдаленное мычание раненого крокодила, которого Адик тащил к ветеринару.

Притом никто не знал, что по кровавым следам крокодила идут два уссурийских тигра.

– Сколько? – спросил дядя Преторий, отведя Лешу в сторону.

Леша еще не видел Веронику Павловну и не подозревал, что она принимает участие. А Вероника боялась высунуться из джипа, сидела скорчившись, лишь краем глаза выглядывала в окошко.

– А сколько предложите?

Разговор принимал цикличную форму.

В Лешину задачу входило вырваться из заколдованного круга.

– Пять миллионов, – сказал он.

– Пять миллионов чего?

– Пять миллионов евро, – ответил Леша.

– Это сколько будет?

– Это будет много, – сказал Леша.

– А может, две тысячи баксов, а?

Леша пошел обратно к своей машине.

– Я тебя убью, – сказал дядя Преторий.

– И останешься с пустыми руками, как некий царь Додон. Его в темечко клюнули.

– Попрошу без этого, – рассердился дядя Преторий.

Сердился он впустую, потому что, даже если бы он предложил миллиард долларов, сделка бы ему не удалась.

Из кустов вышли еще два человека, в галстуках из Парижа, в итальянской обуви и костюмах, сшитых на заказ в Панаме у того самого портного.

Никакого оружия у них не было, да и не могло быть, потому что первым делом они показали Леше ладони, как показывает хороший мальчик ладошки маме перед обедом: «Видишь, как я их чисто вымыл, с мылом».

– Рады познакомиться, – сказали они одновременно Леше. Претория они игнорировали и, судя по всему, умели обращаться с людьми разного полета.

– Вы нас не узнаете? – спросил тот, кто был в синем костюме.

– Мы из Газпрома, – сказал второй – тот, кто был в коричневом костюме.

Издали донесся жуткий предсмертный вой крокодила.

– Нам стало известно, – сказал первый, – что вы, молодой человек, решили одурачить научную общественность.

– И не исключено, что в корыстных целях, – сказал второй.

– Провести за нос!

Оба засмеялись.

Они вообще чувствовали себя легко и непринужденно, словно за их спинами в кустах таилось с полдюжины телохранителей.

Впрочем, так оно и было.

– Как всем известно, на воде без подогрева машины не ездят. Так что мы намерены вас разоблачить.

– Не надо, – сказал Леша, – пожалуйста, не надо!

– Придется, – вздохнул первый.

– Начнем с бака, – сказал второй.

Он вытащил из чемоданчика большой шприц с длинной иглой и, пока его спутник отвинчивал пробку, подготовил шприц к работе.

Затем запустил иглу шприца в бензобак и набрал в шприц жидкости. Его спутник раскрыл свой чемоданчик, и в нем оказалось множество пробирок. Первый человек из Газпрома стал брызгать из шприца по пробиркам, и вода в них принимала различный цвет. Это было даже красиво.

Остальные стояли или сидели вокруг и в основном молчали, потому что понимали серьезность дела, которым занимались представители крупнейшей российской компании.

Даже дядя Преторий осознал, что открытие Леши Куплинга в первую очередь задевает интересы нефтяных и газовых монополий, что именно это открытие может начать или кончить мировую войну, вызвать или погасить волну терроризма. Его интересы оказались сразу третьестепенными, хотя он и корил себя за то, что сначала пожадничал и не дал Леше хотя бы долларов пятьсот, наивно полагая, что такой бедный человек, как Куплинг, тут же поддастся на уловку. У него даже ботинок хороших нет. И пока представители Газпрома измеряли параметры воды, он шепнул на ухо Леше:

– С меня хоть тысячу баксов мог получить, а они с тобой договор подпишут и ничего не дадут. Вот увидишь, что ничего не дадут.

Леша только пожал плечами. Он с интересом следил за действиями газовщиков.

– Вода, – произнес наконец первый газовщик.

– Течет вода обыкновенная, – засмеялся второй. – Что и требовалось доказать.

– Но ведь ездит! – завопил дядя Преторий. Казалось бы, в его интересах молчать, ждать, пока проверяльщики уедут, и взять свое. Но вот не смог, не удержался.

– А как она ездит, мы проверим, – сказал первый газовщик, тот, что был в синем костюме. – А где ключи?

Леша покорно – видно, смирился перед силой бедный человек – достал ключи зажигания и протянул газовщику.

Газовщик в коричневом костюме уселся на место водителя.

Включил зажигание.

Машина заурчала.

Потом поехала по проселочной дороге, что вела в Пьяный Бор.

Проехала метров сто, развернулась и вернулась к удрученной группе людей, что ожидали ее.

По сигналу газовщика в коричневом костюме его товарищ в синем костюме достал мобильник и набрал номер.

– Пост ГАИ на въезде в Пьяный Бор? – спросил он. – Мимо вас час назад проезжал «москвич» желтого цвета с номерами Вологодской области. Проезжал? Куда направился? Ясно.

Газовщик сказал товарищу:

– Как мы и ожидали.

– Продолжай, – посоветовал его товарищ.

Коричневый костюм набрал другой номер.

Сначала сказал пароль:

– «Шеф-эрджент без очереди». У вас был час назад «москвич» желтого цвета с вологодскими номерами?.. Ясно, крошка.

Он спрятал мобильник, и его товарищ за него сказал:

– Что и требовалось доказать. Купил канистру бензина.

Затем он обернулся к робко стоявшему у дороги Леше Куплингу.

– А ведь старших обманывать плохо. Денежек захотелось?

– Захотелось, – хрипло сказал Леша и сглотнул слюну.

– С этого моржа хотел взять? – газовщик показал на дядю Претория, который пока ничего не понимал, но чутьем чуял, что его морочат.

Леша кивнул.

Газовщик открыл радиатор и стал смотреть внутрь.

– Есть! – воскликнул он через две минуты.

И заливисто захохотал.

Его товарищ тоже посмотрел туда и тоже засмеялся, затем пригласил к смотринам всех остальных.

Свидетели столпились вокруг машины, даже Адик подошел, потому что теперь, когда крокодила сожрали, ему некого было вести к ветеринару.

– Смотрите и запоминайте, больше такого фокуса вам в жизни не увидеть. Из бензобака никуда вода не поступает, а при движении по капельке выливается на дорогу. А тут вот спрятан гениально простой и специально выкованный бензиновый бак сложной формы, чтобы вписывался среди иных деталей мотора или их заменял. Из него обычный бензин поступает в двигатель. Видите?

– Разве тут догадаешься? – обиделся дядя Преторий. – Разве нормальному человеку в голову придет? Нормальный человек думает – гениальное изобретение, а оказывается, жулик, да?

– Машину заберете? – обреченно спросил Леша.

– Не только не заберем, – ответил газовщик, – а пожелаем тебе дальнейших творческих успехов, но желательно на честном поприще. А вот перед тобой наши ворота открыты. Если захочешь поработать в настоящем конструкторском бюро, приходи, Алексей! Такой бак придумать, сделать двойное снабжение, так что самих нас временно ввел в заблуждение! Но любой шпион делает маленькую ошибку, и его ловят.

– А какую ошибку я сделал? – спросил Леша.

– Зачем ездил заправляться в Пьяный Бор? Мы тебя заподозрили и сразу с ними связались.

– Я слышал. – Алеша почесал затылок, а дядя Преторий громко фыркнул, выразив этим свое презрение.

– Надо было заправляться где-нибудь далеко...

– Но у меня бензиновый бак небольшой, – ответил Леша, – далеко не поедешь.

– А в общем, тебя, конечно, пороть надо, – сказал синий костюм, – но голова у тебя работает. Катай девушек на своей машине.

– Нет у меня больше девушек, – вздохнул Леша.

Остальные стали собираться.

Сначала ушли в кусты газовщики, оттуда донеслось басовитое жужжание, и над вершинами деревьев поднялся вертолет без опознавательных знаков.

Затем Адик с дядей забрались в джип, джип страшно зарычал, призывая к мести за крокодила, и они уехали. И сквозь шум мотора доносились крики дяди Лаубазанца:

– Кого обманывал! Меня обманывал! Через час весь город будет над тобой смеяться. Нет тебе пощады! Всю жизнь быть тебе нищим!

И наступила тишина.

Вероника Павловна вышла из кустов, куда она спрыгнула перед тем, как дядя Преторий, совсем забыв о своем увлечении, умчался к своим важным делам в городе.

– Спасибо, – просто сказал ей Лешенька.

– А я так боялась, так трусила, ты не представляешь!

– Но ты все сделала гениально, – похвалил ее Леша. – Этот боров так и не догадался, как ты ловко им управляла и привезла его сюда. Молодец! Порошок у тебя?

– Конечно.

– Я рисковал, – сказал Леша, – но я не мог оставить его при себе. Они могли меня обыскать.

– А меня?

– Тебя вряд ли.

– Правильно, я бы их хуже тигров исцарапала.

Тонкими пальчиками учительница достала спрятанный за лифчик пластиковый пакет.

– Зубной порошок? – спросила она.

– Пойми... – начал виновато Леша.

– Только не надо оправдываться. Самое трудное позади.

– А что было самым трудным?

– Самым трудным было ревновать тебя. Временами я начинала в самом деле верить в твои измены.

Лешенька отвинтил пробку бака с водой и засыпал туда зубной порошок.

– Прости за беспокойство, – произнес он, словно оправдывался перед возлюбленной, которой пришлось ради него пойти на такие жертвы.

Правда, Лешенька не учитывал простой и древней истины – ничего нет приятней для любящей женщины, чем идти на риск и жертвы ради любимого. Вспомните, например, Клеопатру или Надежду Крупскую. В груди Вероники Павловны бушевала радость и даже гордыня. Она смогла спасти гениального Лешеньку! Без нее он бы погиб.

– Без тебя я бы погиб, – сказал Лешенька. – Сколько бы я ни объяснял, ни оправдывался – они бы мне не поверили, они бы разломали машину, чтобы добраться до истины, они бы мне голову оторвали. Слишком большие деньги стоят за этим. А мы с тобой небогаты.

– Разве это так важно? – проворковала Вероника Павловна. – Мне сладок с тобою и рай в шалаше.

– Это Пушкин?

– Нет, это я сама сочинила, – покраснела Вероника Павловна. – Но первую строчку я забыла.

Лешенька засыпал порошок в бак с водой и сказал:

– Теперь у нас с тобой полный бак топлива. Причем такого, что стакана хватит на сто километров. На воде ездить нельзя, но превратить воду в бензин нетрудно.

– Нетрудно, если ты гений, – сказала Вероника Павловна.

– Но уже сегодня надо мной, над моей неудавшейся хитростью, над моим липовым изобретением будет хохотать весь город. Ты переживешь такое унижение?

– Я буду хохотать вместе со всеми, – ответила Вероника Павловна, – но потом ты будешь катать меня в Сочи и обратно. На стакане бензина.

– Пускай смеются, – повторил Леша. – Это был единственный выход. Коль меня осмеивают, то не подозревают в способности что-нибудь изобрести. И я в безопасности.

Они поехали в Гусляр, а по дороге Вероника Павловна думала, как жаль, что они небогаты. Как бы Лешеньке сейчас пошел кожаный пиджак. И ей тоже... Зато бензин у них бесплатный и машина как новенькая.

Чета уссурийских тигров, облизываясь, смотрела на них с пригорка.

– Ты чего-нибудь поняла? – спросил тигр у тигрицы.

– Когда высший дух решил посмеяться, он придумал людей, – ответила тигрица. – Представляешь, люди будут хохотать над Лешей, а он намерен по этому поводу радоваться.

– А почему они будут хохотать, ты поняла?

– Потому что кто-то из них дурак, – прямодушно ответила тигрица.

КСЕНИЯ БЕЗ ГОЛОВЫ

Ксения Удалова поехала на дачу к Малютке Скуратовой, школьной подруге.

Москвичу или человеку из иного мегаполиса может показаться смешным, что гуслярцы, жители такого небольшого городка, заводят дачи.

А ведь еще лет сорок назад на баржеремонтном предприятии и в горсовете стали выделять садовые участки. В то время дачи были ничтожными, мелкими, а садовые участки давали никакие урожаи.

В наши дни все изменилось.

Садовые участки – шесть соток – украсили могучие яблони и сливы, а домики большей частью покосились. Зато ближе к Великому Гусляру новые гуслярцы построили себе ряд коттеджей. Для неосведомленных: коттедж – это трехэтажная крепость из красного кирпича с бойницами на первых двух, с соляриями на третьем, гаражом и сауной в подвалах и подземным ходом в лес.

У Малютки, женщины крупной, за что ее еще во втором классе прозвали так уменьшительно, дача была первого поколения – то есть финский домик из отходов производства. Зато поспели в большом количестве яблоки, мелкие и кислые, на базар не отвезешь – никто не купит, но друзьям и родственникам можно подарить.

Сначала ее дочка с зятем собирали, собирали – не собрали, потом жена первого мужа с детьми собирала – не собрала, вот и наступила очередь Ксении Удаловой. Потому что если не собрать, то пойдут яблоки под снег.

Ксения чувствовала себя обязанной Малютке, привезла с собой колбасы, кекс, пива в бутылках – по стоимости куда больше, чем все яблоки скуратовского сада.

Сам сбор фруктов разочаровал: яблоки были червивыми, побитыми (те, которые упали) и поклеванными птицами (которые остались).

Но потом подружки славно посидели, употребили пиво, поболтали о болезнях и внуках, провели время до самой темноты, и тут Ксения спохватилась: последний автобус до Великого Гусляра отходит в двадцать пятьдесят! Не успеешь на него – другого пути в город уже нет. Корнелий сойдет с ума, если жена пропадет на всю ночь, и не столько от ревности, сколько от страха, что ее растерзали какие-нибудь звери. Хотя со зверями вокруг Гусляра туго. Истребили.

Тут еще дождик зарядил – все-таки конец августа, начинаются осенние непогоды.

Малютка делала вид, что готова проводить Ксению до остановки, а Ксения, хоть и хотела бы идти до автобуса не одна, отказалась от проводов, потому что понимала: ей-то потом ехать в автобусе, в тепле

и на свету, в коллективе пассажиров, а вот Малютке топать в десятом часу в опасном одиночестве по пустому поселку.

Поцеловались, Малютка проводила подругу до калитки, Ксения уравновесила сумки – обе были килограммов по восемь. Но русской женщине таскать сумки привычно, даже по глинистой дорожке, даже под дождем, даже два километра. Ведь яблоки хоть и дрянь, но бесплатные, можно и на варенье пустить, и на сок, и на компот.

Ксения шла под дождем и жалела, что не взяла с собой зонтик. Но в какой руке зонтик нести? В третьей?.. Она все надеялась на попутку, однако до самой шоссейки попутки не появилось – разъехались уже дачники.

Идти было утомительно, и Ксения несколько раз останавливалась, чтобы перевести дух, тем более руки оттянула.

Половину пути она прошла. Повернула за угол – теперь оставалась одна улица, но длинная, и почти все фонари побиты. И зачем люди бьют фонари?

Сзади послышались шаги.

Это были шаги как во сне, в кошмаре. Будто чувствуешь, что кто-то тебя догоняет, чтобы задушить, и хочется верить, что это лишь твое воображение... а шаги все ближе!

Ксения пошла быстрее. Под ногами скользило, хлюпало, когда сапог попадал в лужу.

Надо бы обернуться и увидеть, что следом семенит всего лишь безобидная старушка, но повернуть голову – выше твоих сил.

Ксения ускорила шаги, а шаги сзади, как привязанные, тоже застучали чаще. Только бы не сбиться на бег, подумала, но дыхание уже рвалось из груди так, что стало ясно: стоит побежать, и сердце разорвется.

Шаги приближались. Неотвратимо.

Ксения потеряла равновесие, схватилась за острую верхушку штакетника, и калитка на заросший участок, над которой тяжело нависали грозди спелой рябины, растворилась, приглашая Ксению спрятаться там, как яблоня из сказки.

Ксения послушалась.

Усыпанная листьями тропинка, что вела к даче, отражала свет одинокого фонаря, светившего над верандой.

«Сейчас подожду здесь, – сказала себе Ксения, – он пройдет мимо, и я пойду себе спокойно...»

Ах, как устроен человек! В нем существует не одна, нет, не одна, а по крайней мере три-четыре успокоительные системы. Надо только отыскать зацепку для успокоения. А для этого человеку дано воображение. Оно выстроит схему или нарисует картину, куда более убедительную, чем сама жизнь...

И когда, уже дойдя до чужой веранды, Ксения услышала, как скрипнула калитка (это входящий человек толкнул ее, полуоткрытую, плечом), у нее подкосились ноги. От полной неожиданности.

Не могло этого быть! Ведь самый худший вариант мы не рассматриваем – у нас есть целый ряд утешительных картин!

Он обозначился темным силуэтом. И в этом силуэте, в движениях, в постановке плеч, наклоне кепки, прижавшей голову, в хромоте, как у бродячей собаки, была такая слепая, безжалостная угроза, что Ксении захотелось одного: сжаться в комочек, уползти в кусты орешника за углом домика и проснуться только утром, под солнцем, проснуться от детских голосов и птичьего щебета.

Ксения кинулась в кусты. А преследователь не стал ломиться за ней следом. Словно бывал здесь не раз, он взял правее и пошел узкой тропинкой так, чтобы перехватить Ксению.

К счастью – а то бы умерла от страха, – Ксения не знала, что в руке у преследователя тяжелая палка.

Чуть не столкнувшись с ним, Ксения увидела слева приоткрытое окно – кажется, жильцы еще не покинули свой дом и в этот вечер, возможно, пошли в гости к соседям.

Пожилая, грузная, малоподвижная Ксения ни за что бы не смогла влезть в окно, открытое на уровне груди. Но это в обыденной жизни. А тут – нога на кирпичную завалинку, животом о подоконник и головой вниз. Так – через окно – и ввалилась в комнату, ударившись о ножку кровати.

Тут было темно, но сразу стало еще темнее: силуэт преследователя закрыл просвет окна.

На четвереньках (чтобы подняться, уже нет ни сил, ни времени) Ксения двинулась к двери в соседнюю комнату. Глаза уже совсем привыкли к темноте, и она все видела, как кошка.

Бух! Это преследователь влез в окно и направился следом за Ксенией. Он явно не спешил: знал, видно, что из следующей комнаты

выхода нет. Тут Ксения вскочила на ноги и кинулась к окну, но оно оказалось заперто.

Вот он стоит в двери и лениво поводит головой, высматривая Ксению. И еще бормочет себе под нос:

– Ну где этот долбаный выключатель – что я, шарить должен?

И тут Ксения поняла: жизнь ее кончилась. По его голосу поняла: кончилась.

Вспыхнул свет (лампочка под бумажным абажуром) – такой яркий, что Ксения зажмурилась. А потом встретилась взглядом с тяжелыми тупыми глазами убийцы.

Он глядел на Ксению, но, казалось, ее не видел. Или действительно не видел. Посмотрел в угол комнаты, затем, пройдя пару метров, за шкаф... И Ксения инстинктивно поняла: случилось чудо! И чтобы оно продержалось еще немного времени, не лопнув, как воздушный шарик, ей надо быть неподвижной и неслышной.

– Где ты, зараза?.. Куда... – он шагнул к окну и стал дергать шпингалет, – куда проскочила?

Он дошел до двери, потом одним прыжком развернулся. Ксения уже успела разглядеть его: плотная приземистая скотина, бритая голова, низкий лоб. И глаза – будто пробуравленные, чтобы стрелять из них, как из пистолетов.

Точно разочарованный лев, упустивший антилопу, он стал шуровать по комнатам, открывал ящики комода, отодвигал кровати. Но жертвы нигде не было.

Ксения стояла почти не дыша. Она ждала. Потому что затеплилась необъяснимая надежда: он скоро уйдет. Он ее не видит.

Словно она и вправду стала невидимая.

Проклиная Ксению, будто она его жестоко обидела, и поколотив на кухне посуду, бандит наконец ушел. Всё, тишина!

Вскоре Ксения потушила свет, села на продавленный диван и стала дрожать – из нее все тепло вышло. Потом, даже не думая, что делает, взяла плед, лежавший рядом, развернула его, накрылась и, подобрав ноги в сапогах, задремала. И, сколько длилось забытье, она не знала.

Потом ее как ударило! За дверью послышался шум.

Ксения присела и так оставалась, будто завороженная.

– У нас гости были, – пропел детский голос.

– Кто не запер, когда уходили? – возмутился мужской голос.

– Ты же и не запер! – ответил женский голос.

В передней комнате зажегся свет. Потом ребенок зажег свет в комнате, где на диване, как истукан, сидела Ксения.

– Смотри, мама! – крикнул ребенок. – Яблоки!

Ксения проследила за его взглядом и увидела, что одна из ее сумок с яблоками лежит посреди комнаты. Часть яблок высыпалась на пол.

– Не только гости, но и подарки, – засмеялся отец.

– Яблоки плохие, – сказала мать, – у нас лучше.

Они говорили, спорили. Они стояли в двух метрах от Ксении и нарочно ее не замечали. Словно хитрили.

Тут уж ей стало совсем неловко. Она поднялась с дивана. Диван заскрипел. Хозяева, как по команде, повернулись к нему.

– Что это? – насторожилась мать.

Ей не ответили.

Теперь Ксения выпрямилась. Сразу скрипнули половицы.

– Кто здесь? – спросил отец.

Ксения устала трепетать. Как только она заметила просвет между членами семейства, тут же кинулась вперед.

Конечно, они почувствовали движение воздуха и в удивлении обернулись. Но почему-то Ксению не увидели.

Она выбежала наружу, под дождь, в темноту. Никто ее не преследовал.

Зря, подумала, не взяла сумку! Не столько яблок жалко, как сумки, почти новой... И, переваливаясь как утка, побежала. А шагов через двадцать натолкнулась на свою вторую сумку с яблоками, совсем плохонькую.

При страшном невезении бывает и везет.

Ксения подняла сумку и торопливо засеменила к автобусной остановке. Сеял дождь, и она промокла как цуцик.

Последний автобус, если верить расписанию, уже ушел. Но – опять везение: как раз тут он и появился, сверкая теплыми огнями, уютный и большой. Номер 45, «Пьяный Бор – Великий Гусляр».

Автобус притормозил, но тут же снова стал набирать скорость. Ксения кинулась за ним и на бегу замолотила в дверь. Видно, водитель Ксению не заметил, однако на стук среагировал.

Она поднялась по ступенькам, втащила за собой сумку.

– Спасибо! – крикнула водителю.

В автобусе – только парочка целующихся подростков. Сначала они на Ксению и не посмотрели, но потом парень сказал:

– Ну и дела! Тетка без головы.

Ксения уселась, а парочка вновь принялась целоваться...

Такое стечение обстоятельств – дождь, темнота, почти пустой автобус – и привело к тому, что Ксения до самого дома не догадывалась, что стала невидимой. Представляете: раза три за дорогу она посмотрела на часы, часы были на невидимой руке, но Ксения их видела, а отсутствия руки не замечала. Так и доехала до Гусляра.

Невидимая Ксения спокойно дошла по ночному Гусляру до своего дома, и если ей встретились два-три обывателя, то они не удивились ее внешнему виду – начисто отсутствовала лишь голова. Но когда она подходила к своему подъезду, к нему же подходил сварливый старик Ложкин, который гулял с собачкой Пушком, беспородным истериком.

Именно эта собачонка и подняла страшный шум, когда увидела, что Ксения явилась домой без головы.

Ложкин не стал собаку одергивать, так как считал ее умной и сторожевой, а сторожить, по его понятию, означало «подавать сигналы по инстанциям».

Сам же он видел плохо, поскольку страдал редкой в наши дни болезнью – куриной слепотой.

Он решил было, что это, верно, не Ксения, а кто-то воровской специальности. Лезет, замаскировавшись.

– Ты куда! – начал кричать. – Ты чего по нашим сараям лазишь?

На шум открылось окно на втором этаже. У этого окна уже давно сидел Корнелий Иванович Удалов, супруг Ксении, который сильно переживал, куда делась благоверная.

– Чего там? – подал голос сверху. – Это ты, Ксюша?

Ответить Ксения не смогла, потому что Ложкин стал оттеснять ее от дома, защищая собственность. Собачка продолжала истерично лаять. Удалов пытался понять, что там, внизу, происходит. И тут из подъезда выскочил профессор Лев Христофорович Минц – в атласном халате, подарке магараджи Вайсуробада, которого Минц избавил от тараканов. Профессор уже давно временно поселился в Великом Гусляре, чтобы в тишине и покое ставить опыты и совершать гениальные открытия. Хотя надо сказать, что ни покоя, ни тишины он тут не нашел.

Итак, выскочив из подъезда на крики и лай, Лев Христофорович увидел Ксению Удалову без головы и кистей рук, Ложкина с собачонкой и Удалова, пытающегося спрыгнуть со второго этажа.

– Спокойно! – сразу оценил ситуацию профессор, которому приходилось наблюдать людей в самых различных обличьях. – Ксения, советую вам немедленно идти домой и ложиться спать.

– Я только сначала душ приму, – ответила Ксения, – а то простужусь. Окоченела вся.

Даже испытанному жизнью Льву Христофоровичу было нелегко слышать голос, который возникал из некой глубины – то есть оттуда, где кончалось тело Ксении Удаловой.

– А ты, Корнелий, – приказал профессор ее мужу, – немедленно, не глядя на Ксению, спускайся ко мне, поговорить надо.

– Ну я пошла? – спросила Ксения.

– Завтра в восемь утра быть у меня! – велел Минц.

А Ложкин тем временем крикнул:

– Так дело не пойдет! Я сейчас милицию вызову.

– Не вызовешь, – спокойно возразил Минц. – Тебе спать пора: врачи прописали.

И тогда во дворе воцарился покой.

Но вскоре, уже дома, вскрикнул Корнелий Иванович: на плохо освещенной лестнице он увидел свою жену без головы. Однако усталая Ксения на то не прореагировала – мало ли из-за чего кричит ее муж! Он уж скоро пятьдесят лет кричит. И прошла в квартиру.

– Что с ней случилось? – спросил Удалов Минца. – Ей оторвало голову? Это не опасно?

– Голова на месте. Но невидимая! – прошептал профессор. – Теперь так: осторожненько, чтобы не травмировать жену, загляни в ванную, проверь, вся ли Ксения невидимая или только частями. Понял?

– Как не понять!

– Кажется, она в каком-то шоке и потому сама не понимает, в чем ее беда... Если к утру не придет в себя, будем искать пути к излечению.

– Думаешь, опасно?

– Я тебе не отвечу, друг, пока не догадаюсь, чем же вызвано это заболевание. Иди домой, загляни в ванную, а потом тихонько ложись спать и делай вид, что ничего не произошло.

И в этот момент страшный, пронзительный, подобный воплю смертельно раненной серны крик потряс ночной Великий Гусляр. Замолк оркестр на эстраде городского парка, перестали целоваться влюбленные, взлетели стаи заснувших было ворон, заверещали сторожевые сигналки иномарок. Это Ксения Удалова, войдя к себе домой, мимоходом посмотрела в зеркало и ужаснулась: головы на привычном месте не было!

Нет, не удалось дотянуть до утра.

Удалов подхватил рыдающую жену и увлек ее в квартиру Минца, в его кабинет.

– Значит, он шел за тобой? – повторил Минц за соседкой.

– Шел и молчал.

– И если ты быстрее, то и он быстрее?

– А еще дождь ледяной, буквально ледяной.

– И что ты испытывала?

– Как что? Ужас испытывала.

– Как во сне? Как кошмар?

– Во сне – это еще детские штучки. Хуже! Я думала, что умираю. Что уже умерла, безвозвратно.

– А когда увидела...

– Он был такой... как я и боялась! Именно такой. Человек-смерть.

– И ты поняла...

– В тот момент мне некуда было бежать: ни щелочки, ни окошечка, ни дырочки – ничего. Дверь одна, а он на меня от двери идет. Свет зажег и идет.

Удалов всхлипнул – он переживал за жену. Но Минц вел себя совсем иначе:

– Великолепно! Исключительно! О таком можно только мечтать! Я всегда утверждал и пытался вколотить эту свою мысль в головы оксфордских так называемых мудрецов, что организм при достижении определенного уровня страха уходит в мир эскапизма.

– Чего-чего? – не поняла Ксения. Она была напугана, подавлена и очень хотела спать.

Минц продолжал:

– Психологически затравленный индивидуум убегает от действительности. Чтобы спастись. Он может перелететь в другую точку

времени или пространства, он может, оказывается, стать невидимым. Это же – открытие века! Мы с тобой, Ксения, наверное, прославимся.

– А можно мне вернуться обратно в свой прежний вид? – робко спросила Ксения.

– Зачем это тебе?

– Завтра у внука в детском садике День примирения и согласия.

– Обойдутся, – сказал Минц. – Несовместимые по важности события. И прошу тебя, Ксения, не выступать!

– Слушай, Лев, – подал голос Удалов, – а когда это пройдет?

– Пройдет, пройдет, не беспокойся. Но в наших интересах сделать так, чтобы прошло не очень скоро.

– Ой, почему? – испугалась Ксения.

– Потому что мы должны тебя замерить, все вычислить и, главное, понять, что же такое невидимость.

– И что это такое?

– Вот это нам и нужно выяснить. А если повезет и природа подарит нам день-другой, то надо будет выделить в тебе чистое вещество. Скажем, «невидимий».

– Во мне нечистых вещей не бывает! – горячо откликнулась Ксения. И потом поинтересовалась: – А можно без анализов обойтись? Уж очень я утомилась.

– Можно, но не нужно, – ответил профессор. – Мы несем ответственность перед наукой. Сейчас сделаем анализ крови, и пойдешь баиньки.

Ксения вздохнула и позволила Льву Христофоровичу взять кровь из вены и из трех пальцев по очереди. Потом она побрела спать, а Минц конечно же остался у центрифуги и электронного микроскопа. И не сомкнул глаз до самого утра.

Супруги поднялись к себе в квартиру, Ксения стала раздеваться перед сном, и тут Корнелий возблагодарил судьбу за то, что остальные члены семьи уже спят. Зрелище было не для слабонервных.

Рубашка гуляла при свете ночника до тех пор, пока Ксения со свойственным женщинам легкомыслием не уселась на табуреточку у трюмо, чтобы перед сном помазать себя увлажняющим кремом. Уселась, глянула в зеркало, и тут пальцы ее ослабли. Она переползла к постели и на ходу тихо завыла:

– Гаси свет, гаси свет, негодяй! Прекрати издеваться над женщиной.

В темноте стало полегче. А когда зашла луна, то стало совсем хорошо. И спали они подобно небесным созданиям, пока их не разбудили утренние птицы. Тут все началось снова.

За ночь Ксения забыла о своем недостатке. Спокойно отправилась в ванную, из которой в тот момент выходил ее внук, Максимка-младший.

Внук увидел бабушкин халат в розочках, который плыл по воздуху сам по себе и напевал песню из бабушкиного детства:

Нас утро встречает прохладой,
Нас блеском встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Веселому пенью гудка?

– Мама! – крикнул внук и зарыдал. – Бабуся голову потеряла! И ноги тоже!

– Голову твоя бабуся давно потеряла, – откликнулась из своей комнаты невестка. – Забыла, что обещала с утра в домовую кухню за кефирчиком сбегать!

Но мальчик продолжал рыдать, поэтому невестке пришлось выйти в коридор, где она и лишилась чувств. В общем, когда Ксения явилась к профессору Минцу лечиться от невидимости, в ее доме царила полная разруха.

Вся закутанная и очкастая, она являла собой зрелище устрашающее.

– Профессор! – заголосила прямо с порога. – Признавайся, я теперь обречена?

– Против каждого яда есть противоядие, – сказал Минц.

Тихонько вошел Удалов и присел на стул в углу.

– Я убежден, – продолжал Минц, подготавливая документацию, – что мы победим эту болезнь.

– Все-таки болезнь? – спросил Удалов.

– Любое ненормальное состояние организма мы зовем болезнью, хотя на самом деле тут вовсе не болезнь. Это защитная реакция. Я убежден, что в отдаленном прошлом, в конце кайнозоя, когда наши еще примитивные предки были беззащитны перед страшными хищ-

никами, эволюция сделала человеку подарок: в момент смертельной опасности он становился невидимым!

– Так чего же он потом снова видимым стал? – спросил Корнелий. – Гулял бы себе!

– Невидимость имеет недостатки, – возразил Лев Христофорович.

– Имеет, – согласилась Ксения.

Невидимость ей уже надоела, тем более что пока оставалось неясным, как ее использовать в хозяйстве.

Минц продолжал:

– Мне удалось выделить несколько молекул активного компонента. Сейчас мы поместим его в питательный раствор, и надеюсь, что через несколько дней получим достаточно вещества, чтобы начать работу над антидотом, то есть лекарством от невидимости.

– Ты с ума сошел, Лев Христофорович! – воскликнул Удалов. – На что ты обрекаешь нашу семью?

– Можно подумать, что это я запугал твою жену чуть не до смерти! – обиделся Лев Христофорович. – Если ты мне не доверяешь, то можешь отправить Ксюшу в Москву или даже в Токио.

– А помогут?

– Кто знает! Наука с этим еще не сталкивалась... Но скорее всего, вокруг этого дела, то есть Ксении, столкнутся интересы крупных финансовых и политических группировок. Ее разберут на атомы и забудут собрать обратно.

– Шантаж! – подвел итог дискуссии Удалов. – Пошли, Ксения, домой. Нет в мире правды!

Минц пожал плечами и крикнул им вслед:

– Вернетесь ко мне – куда вам еще деваться, бедные вы мои!

Но Удаловы его уже не слушали...

Когда в дом приходит горе, то семья зачастую как бы закукливается, отгораживается от внешнего мира и старается пережить беду в изоляции. Так и Удаловы. Даже Минц, считавший себя другом Удалова, не мог понять, что семья ищет спасения в самой себе. Поэтому, проводив взглядом несчастных соседей, он принялся рассуждать далее.

Возможно ли, чтобы всемогущая природа ограничилась только изобретением невидимости для своих беззащитных фаворитов? Или природа придумала что-то еще? Например: жертва, спасаясь от хищника, мгновенно перемещается в пространстве. Скажем, так: пещерный лев

или саблезубый тигр кидается на человека, который прижался к стене пещеры, но вдруг жертва исчезает, и когти смыкаются в пустоте! А жертва в этот момент уже вкушает дикую редиску в двух километрах от пещеры.

Забавно? Но почему бы природе не пойти и на такой эксперимент?

Теперь стоит задуматься над тем, почему впоследствии человек утерял такие чудесные способности. Пропали ли они совсем или...

Поток плодотворных размышлений профессора был прерван стуком в дверь. Минц давно собирался починить звонок, но руки никак не доходили, потому и крикнул привычно:

– Заходите, всегда открыто!

Корреспондент «Гуслярского знамени» Михаил Стендаль, очкастый, сутулый, теперь уже поседевший, но, как всегда, рассеянный, начал с упрека:

– Лев Христофорович! Весь город шумит, а вы – молчок.

– Михаил, я тебя не понимаю! – удивился профессор.

– Страдания Ксении Удаловой – ваша работа?

– Это работа матушки-природы.

– Без шуток, Лев Христофорович! Правда ли, что Ксения Удалова стала невидимой вся или... или только частями тела?

– Спрашивай у нее.

– Она не отвечает.

– М-да, вопрос деликатный, – заметил Минц. А потом понял, что в любом случае феномен Удаловой уже не утаить. И тогда пусть выгоду извлечет Миша Стендаль, а не какие-то приезжие писаки. Эти тут же налетят!

И он доступно разъяснил сотруднику «Гуслярского знамени» теорию эволюции человека, с поправками на то, что удалось понять прошедшей ночью:

– Именно способность становиться невидимым позволила неандертальцу или кроманьонцу выжить в тех тяжелых условиях!

Но Мишу Стендаля так легко не проведешь.

– Лев Христофорович, а что же Ксения все ходит и ходит невидимой? – спросил он. – Если так будет продолжаться, то это приведет к трагедии. У нее же нервная система не выдержит. Вот у древних, кажется, было проще: исчез – появился, исчез – появился, и без проблем. А Ксения?

– Может быть... Может быть, тело нашей Ксении не приспособлено к таким превращениям?

Стендаль ушел, торопясь передать в редакцию сенсационный материал, а Минц глубоко задумался.

Минц сидел дома и думал, а Ксения, закутанная и в черных очках, сходила в магазин.

Но по городу уже поползли слухи о случившемся с ней несчастье. Люди подходили, пытались заглянуть под очки, тыкали пальцами в ее одежду. И в конце концов внимание народа Ксении надоело. Когда в очереди за детским кефиром какая-то незнакомая старуха принялась уговаривать: «Покажи личико!» – Ксения одним движением сорвала с себя черные очки, платок, развязала шарф и обернула к старухе черный провал вместо головы.

– Убивают! – завопила старуха и кинулась прочь.

В мигом собравшейся толпе сначала посмеялись, а потом стали смотреть на Ксению-без-головы с подозрением: не заразная ли она, а может, это влияние радиации?

– Ну что, нагляделись? – спросила у народа Ксения.

Корнелий Удалов, отправившийся следом за женой в магазин, подошел к Ксении, но не для того, чтобы вмешаться, а лишь подстраховать ее. Ибо взволнованная Ксения опасна в первую очередь самой себе.

А старуха, которая убежала с криками, Удалову не понравилась. Он полагал, что всех старух в городе знает в лицо. Поэтому и пошел за ней сразу.

Тем временем к Ксении протиснулась Ванда Казимировна Савич и сказала:

– А я тебя буквально не узнала. Только потом узнала – по пальто. Я всегда считала, что сидит оно на тебе, как на корове седло. Но теперь лица нет – и проблемы с одеждой у тебя тоже нет.

– Давай не будем суетиться, Ванда, – ответила Ксения. – Завидуешь мне, так бы и сказала.

– Это почему я должна завидовать несчастному уроду? – удивилась Ванда Казимировна.

Ксения усмехнулась, обозначив на невидимом лице невидимую улыбку:

– Уроду не уроду, но теперь я в любую заграничную группу могу внедриться. В любой поезд или автобус, даже на любой самолет. Ты

денежки выкладываешь, в очереди за визой мучаешься, на пограничном контроле унижаешься, а я, как тень невидимая, проскользну на любые Гавайские острова, поняла?

– Тебя определят! – возмутилась Ванда Казимировна, но как-то смущенно, потому что Ксения задела чувствительную струну в ее сердце.

С тех пор как рухнула Советская империя и наступила демократия, супруги Савичи открыли для себя иностранный мир. Они побывали в ряде круизов и съездили на автобусе по странам Бенилюкса. В наступающем году планировали Таиланд. Ванде удалось в жизни кое-чего поднакопить, но она слишком верила в незыблемость советских рублей, и, когда рубли растворились в реке истории, положение Савичей пошатнулось. Теперь круизы давались ой как нелегко!

Ванда Казимировна почувствовала, что идея Ксении, рожденная в ходе их сегодняшней дискуссии, вполне плодотворна. Но теперь плоды достанутся не Савичам, а Ксении, которую раньше даже в Париж пряником нельзя было выманить!

– Поймают, разоблачат! – продолжала свое Ванда Казимировна, шагая рядом с товаркой.

А Ксения, нанеся сокрушительный удар по самолюбию Ванды, успокоилась и сказала вполне по-доброму:

– Ты не расстраивайся. Лев Христофорович у меня анализ крови взял, хочет вывести невидимое вещество, и тогда его будут в аптеках продавать.

– Чепуха! – откликнулась Ванда. – Такого вещества быть не может.

– Почему это?

– Потому, что тогда каждый террорист, любой бен Ладен сможет невидимость в аптеке купить, и наступит гибель всему человечеству.

– Это как?

– А так! Он в Кремль войдет, как к себе домой, дверь в кабинет президента ногой откроет.

– Ты что такое несешь? Замолчи сейчас же! – Ксения даже перепугалась, будто это она подвергла опасности жизнь президента нашей державы.

– То-то! – Ванда почувствовала, что взяла реванш. – Отказываешься от своих слов?

– Конечно, конечно!

Ксения была готова даже все покупки отдать Ванде. Ведь в ней жила неистребимая боязливость и нежелание связываться с властью. Но как отказаться от обсуждения самого события – ее невидимости? Тем более когда уже весь город об этом трезвонит.

Но трезвонил не только город.

Затрезвонил телефон в кабинете директора ЦРУ, то есть американского разведывательного управления, которое так гордится тем, что ему известно все – ну, может быть, за исключением того, что еще не успело случиться.

Незнакомая нам старуха, которую даже Удалов не знал в лицо, нырнула в глубокий овраг за речным техникумом и вытащила из кармана мобильник.

Движения ее стали резкими, уже сугубо мужскими, но осторожными. Слова же, тем более сказанные на английском языке, еле-еле долетали до слуха Корнелия Удалова. Но он был горд: все же выследил подозрительную старуху!

«Как обидно устроена жизнь, – подумал Удалов. – Раньше, в годы молодости, мы все верили в шпионов, выслеживали их и подозревали всех вокруг. Но тогда, как теперь стало понятно, шпионы жили только в нашем воображении, а военные тайны мы берегли для того, чтобы враги в холодной войне не догадались, как мы от них отстали. Теперь же, – продолжал размышлять Удалов, – я вижу настоящего американского шпиона, и он докладывает своему начальству о настоящем секрете. Что делать? Бежать в районную милицию, раз наш отдел ФСБ до конца месяца закрыт на учет? В милиции ведь сочувствия не дождешься! В лучшем случае отыщется шустрик, который постарается внедриться в американскую сеть, чтобы и ему что-то от щедрот противника перепало».

Но Удалов был не из тех, кто капитулирует.

– Эй! – крикнул он с обрыва. – Прекратите связь!

– Экскьюз ми, – быстро проговорил шпион в трубку, – дзере из интерфиренс. – Потом он посмотрел на Удалова и спокойно спросил: – Вы ко мне?

Удалов кивнул:

– Именно! Не вмешивайтесь в наши внутренние дела! Отстаньте, наконец!

– Это не ваше внутреннее дело, – почти без акцента ответил шпион. – Это проблема всего человечества, и вы, Корнелий Семенович, отлично об этом осведомлены.

– Я – Иванович.

– Простите, компьютер ошибся.

Шпион вскарабкался на верхушку обрыва и присел рядом с Удаловым на поваленное дерево.

– Войдите в мое положение, – начал он. – Я готовлюсь к зимней сессии в Академии языка и литературы восемнадцатого века, и вдруг – вот буквально час назад – мне приказывают из Вашингтона лететь сюда. В богом забытый городишко на краю северной тайги! Зачем? Мне сообщают: там открыли невидимость. Проверь и пресеки, но, конечно, лучше бы купить. Много не обещай – русские так мало зарабатывают, что у них каждый доллар на счету... Конечно, я не поверил про невидимость, но вертолет, зафрахтованный совершенно официально, уже ждал меня у дверей общежития. Закурить не найдется?

Шпион снял маску старухи, и под ней оказалось милое интеллигентное лицо литературоведа в очках.

– Невидимость – это моя жена, – сказал Удалов.

– Сочувствую, – вздохнул шпион. – Потому что спокойная жизнь у вас кончилась. Мы работаем оперативно, но это не значит, что ваше ФСБ не спохватится и через полчаса не увезет вашу жену в концлагерь.

– Времена не те.

– Времена всегда те. Когда речь идет о безопасности государства. Я бы на вашем месте эвакуировал жену подальше.

– У меня вся надежда на профессора Минца, – честно признал Удалов. – Это мой друг.

– Как же, как же, он у меня есть в разработке. Гений вчерашних дней, опасности для мира уже не представляет.

– Это как сказать.

– У нас свежие данные.

Удалов уже был готов сказать шпиону, что не сегодня-завтра Минц выделит чистое вещество невидимости и заодно вернет Ксению в вещественное состояние, но тут спохватился. Все-таки чужой человек, еще сделает Ксюше какую-нибудь гадость! Понятно: какое им там, в США, дело до переживаний простого русского человека?

– И что вам еще сообщили из Вашингтона? – спросил Удалов, чтобы переменить тему беседы.

– Там встревожены. В любой момент этот секрет может попасть в руки террористов. Тревога в Вашингтоне была бы не так велика, если бы невидимость открыли в Швейцарии или Чехии, где существуют нормы морали.

– А у нас что, морали не существует?

– У отдельных лиц она есть, но лишь по отношению к близким. За пределами семьи мораль продается и покупается.

– Ну, это вы слишком! – обиделся Удалов. – Русский народ издавна известен своим бескорыстием, открытостью натуры, честностью и отзывчивостью.

Шпион посмотрел на Удалова так странно, что тому расхотелось продолжать, и он замолчал. А шпион заговорил:

– Ну, Удалов, даешь! Как будто из советских времен вывалился без перемен... Я помню, как в мои юные годы, на закате Советской империи, наши таможенники обычно не досматривали вашего брата, потому что знали: русские ничего дурного провезти не посмеют. Вы гордились своей невинностью, потому что с детской колыбели до гроба были перманентно напуганы. Вы отлично умели воровать внутри страны, но вовне оказывались как бы во враждебном вакууме, под микроскопом. Вы ждали провокаций и старались остаться хрустально чистыми, чтобы вас снова удостоили права съездить за рубеж и привезти оттуда шмотки или проигрыватель. Когда же удерживающие инстанции приказали долго жить, к нам кинулся непуганый народ. А непуганый русский хуже гунна. Он может пройти по миру с саблей и при этом еще посмеет кричать, что он честный, благородный и готов отдать последнюю рубашку.

Не то чтобы Удалов внутренне возражал шпиону, но слушать такое от чужестранца неприятно. В своем кругу, среди друзей-соотечественников, Корнелий Иванович мог бы выступить куда категоричнее и суровее.

А шпион все продолжал:

– Я могу предположить, как будут развиваться события дальше. Сначала на это нежданное открытие постарается наложить лапу мелкая доморощенная мафия. Воришки, которым захочется безнаказанно лазить по квартирам. Затем появятся акулы покрупнее, а за их спина-

ми будут маячить организации вроде моей. И тогда произойдет крушение обыденных законов жизни. Окажется, что никакой интимности в человеческих отношениях уже нет. Разве будет не любопытно поприсутствовать – за умеренное вознаграждение, конечно, – при первой брачной ночи топ-модели или какой-нибудь вашей подружки?

– Можно и запереться, – неуверенно возразил Удалов. – На задвижку.

– Кто сможет, а кто и нет. Зато выследить неверную жену станет проще простого. И возникнет могучий бизнес – бизнес подглядывания.

– Зато появятся и средства обороны, – опять возразил Удалов. – Например, спреи. Ты заподозрил неладное – сразу нажимаешь на кнопку, и под слоем краски невидимость оказывается фикцией.

– Надо еще заподозрить! – усмехнулся шпион. – А то забрызгаешь весь гостиничный номер – вовек не расплатишься!

Удалов с печалью поглядел на молодого человека в очках и произнес голосом умудренного жизнью пенсионера:

– А ведь мы с вами обсуждаем пустяки, частности. Главное – приведет ли это открытие к войне? Или, наоборот, подтолкнет человечество к миру?

– С одной стороны... – промолвил шпион. Помолчал и добавил: – Но с другой...

– А я думаю так, – заговорил Удалов твердо, – в общем и целом, добра ждать не приходится. Ведь любое великое изобретение, которое вроде бы должно было облагодетельствовать человечество, превращалось в бедствие, по крайней мере поначалу.

– Смотря в чьих руках, – покачал головой шпион. – Ну, я пошел, надо докладывать в ЦРУ, а то еще, не дай бог, выследят меня ваши контрразведчики, и не видать мне магистерской... э, по-вашему, кандидатской диссертации.

Он раскланялся и пошел прочь.

Удалов глядел ему вслед, и было ему грустно. Все угрожает человечеству!

Тут над обрывом появились два человека в серых пальто. Один из них показал шпиону красную книжечку. Шпион принялся нервно протирать очки.

«Попался, голубчик!» – сказал про себя Удалов, поднялся и пошел в другую сторону. Ему не хотелось выступать свидетелем.

В тот момент Удалов не знал, что Лев Христофорович Минц, движимый тревожными мыслями, решился на кардинальный шаг.

Он объявил по Интернету (а тем, у кого не было компьютера, – голосом через окно), что намерен провести срочное заседание Гуслярской академии наук.

Пусть читателя не смущает существование Академии наук в скромном районном центре Вологодской области. Везде есть свои академии и академики. Везде есть свои университеты. Был бы техникум, а уж название университету мы придумаем.

Но учтите, что Великий Гусляр – не самый обыкновенный райцентр. События, которые там происходят, отзываются эхом в различных уголках Галактики, а некоторые персонажи нашей эпопеи, в первую очередь Корнелий Удалов, известны даже на Альдебарановых планетах.

А уж о профессоре Минце и говорить не приходится! Он до сих пор не получил Нобелевской премии только потому, что различные нобелевские комитеты никак не могут решить, в какой из наук ему эту премию присуждать.

Однако даже такие бескорыстные и талантливые люди, как Минц, имеют слабости. И Льву Христофоровичу не хватало человеческого внимания. Раньше, то есть до распада державы, Минца регулярно звали на семинары и конференции и даже приглашали в страны народной демократии, а вот теперь напрочь о нем забыли. Правда, остались иностранные коллеги, но для них адрес Минца всегда был за семью печатями, а нынче стал вовсе неизвестен. Понятно, что в таком вакууме Минц существовать не мог.

И тогда он создал свою собственную Академию наук.

На заседания собирались крайне редко, раз в квартал, для перевыборов и довыборов. А если к тому моменту созревало какое-нибудь открытие или подрастал местный гений, всё обсуждали открыто.

Президентом Академии был сам Минц Лев Христофорович. Подрастали вице-президенты и действительные члены. Один из братьев Лаубазанцев, например.

И была у Льва Христофоровича мечта: выпестовать в Великом Гусляре новый мозговой центр, который сможет вывести Землю из опасного кризиса...

Когда Корнелий Удалов прибежал к Минцу и рассказал ему о сцене в магазине, где Ксения подверглась разоблачению, и о своем споре с американским шпионом, Минц задумчиво произнес:

– В воздухе сгущается туман опасности. И в самом деле, если я не приму меры, человечество может погибнуть.

– Ты лучше скажи, – поинтересовался Удалов, – как у тебя дела с концентратом невидимости? Смог ли ты отыскать и выделить это вещество?

– Вот именно это меня и огорчает, – ответил Минц.

– Почему же?

– Если какой-то захудалый американский агент уже рассуждает о конце света, значит, опасность близка. Американцы всегда первыми успевают к концу света.

– И что же ты им противопоставишь?

– Надо вернуть средства производства народу, как учил Карл Маркс.

– Объяснись.

– Невидимость – народу! Вот каким должен быть наш лозунг.

– Ты думаешь, народу это надо?

– Народу многое надо, невидимость в том числе.

– Миллион лет прожили без этого...

– Ты забыл, что случилось с твоей женой?

И Удалову пришлось замолчать.

Минц с помощью Удалова обзвонил, оповестил других академиков (числом девятнадцать) и велел им без опоздания явиться в помещение кружка «Юный алхимик» при аптеке номер один. Руководил кружком провизор Савич, потому и ключи хранились у него.

Минц наказал Удалову проверить, в каком состоянии его жена, а потом бежать на заседание.

Лев Христофорович обладал удивительной интуицией. Он догадался, что подходы к аптеке могут быть перекрыты, и не хотел рисковать здоровьем и жизнью Корнелия Ивановича.

Сам же Минц перебежками вышел к служебному входу в аптеку и затаился за какой-то кучей хлама.

Сумерки выдавали засаду, вернее, несколько засад.

Они, засадчики, не обращали внимания на прочих академиков – им нужен был Минц, потому что у него с собой должен быть секрет

невидимости и даже, очевидно, сама жидкость. А ведь на международном криминальном рынке уже установилась цена: грамм концентрата невидимости – джип «широкий».

Академики, оживленно переговариваясь, заняли места в комнате. Минц не появлялся. Удалов, как и было договорено, подошел к окну и опустил штору.

Ответом ему был разочарованный вопль бандитов, сбежавшихся в Гусляр с разных сторон света. А Минц ползком двинулся к служебному входу и через минуту уже стоял на трибуне.

Его появление встретили сдержанными аплодисментами: гусляр-ские академики народ серьезный и знаками внимания не разбрасываются.

– Времени у нас в обрез, – начал профессор. От его потной лысины поднималось легкое сияние. – По моим расчетам, они придут в себя и начнут штурм через две с половиной минуты.

По залу прокатилось шуршание – шуршали авторучки, мозговые извилины, блокноты и мелкая компьютерная техника.

– Как вы все знаете, – продолжил Минц, – наша соотечественница Ксения Удалова в результате сильного испуга стала невидимой. С этим диагнозом она обратилась ко мне, и я немедленно приступил к работе. Мне удалось выделить чистое вещество – реагент, вызывающий невидимость в человеческом организме. Однако мало кто догадался, что невидимость – явление временное. Да и трудно представить себе иную ситуацию. Будь так, за время человеческой эволюции невидимые люди растеряли бы друг друга... Но представители бандитских, государственных и иностранных структур, которые изготовились сейчас, чтобы пойти на штурм нашего здания, не могут поверить в эфемерность невидимости... Теперь вот что. Мой концентрат будет действовать от часа до двух часов, это зависит от особенностей организма. Однако прежде чем осаждающие убедятся в том, что их усилия тщетны, они могут наломать дров и перебить нас как кроликов. Есть лишь один выход. Передо мной девятнадцать пилюль – по числу членов нашей академии. Каждый из вас немедленно – повторяю, немедленно! – проглатывает одну пилюлю. И становится невидимым на ближайший час. Невидимым он выйдет из этого дома...

Со звоном разлетелось стекло – кто-то с улицы кинул в него булыжник.

– ...и невидимым вернется домой. Понятно?.. А ну, быстро ко мне! Быстро принимаем пилюли! Запивать не надо! Удалов, ты – первый, чтобы пропали сомнения.

Удалов проглотил пилюлю.

Разлетелось еще одно окно. В нем появилась рожа местного авторитета.

Провизор Савич кинул пилюлю в рот и протянул другую своей жене Ванде... Последним был Минц. И вовремя! Потому что в разбитые окна и взломанную дверь ворвались журналисты, бандиты и разведчики.

На их глазах последний человек из тех, кто находился в зале, а именно профессор Минц, растворился в воздухе. А ворвавшиеся стали шарить по комнате, под столами и стульями и страшно ругаться, употребляя неподобающую лексику.

Тем временем невидимыми тенями, на цыпочках, избегая столкновений с противником, гуслярские академики выбрались на улицу. Им бы постоять, посудачить, тем более что в умах царило полное смятение. Ведь даже если вы настоящий академик и семи пядей во лбу, с подобной ситуацией вам еще не приходилось сталкиваться. Впереди целый час. Иди куда хочешь. Ты невидим. Придумывай любую проказу, любой розыгрыш, даже месть или преступление – все, что угодно. У тебя час в запасе...

Но невидимый Минц, который стоял неподалеку от группы невидимых академиков, тихим, но настойчивым голосом сказал:

– Это было единственное спасение для вещества – ведь мы не можем отправить его в Москву, чтобы его там исследовали как положено. Я даже и не знаю, хорошо это или плохо. Ибо все исследования обычно кончаются тем, что приходят трехзвездные генералы, забирают материалы, взрывают лабораторию и начинают разработку невидимых танков... До встречи, друзья!

И тут наступило отчуждение.

У каждого внутри стали отстукивать часы – собственные часики. И каждый направился, куда его влекли ноги. Одни медленно, размышляя на ходу, другие – набирая скорость и переходя на бег.

Бежали по улицам невидимые академики.

Поставьте, уважаемый читатель, себя на место академиков. Как использовать дар?

Я убежден, что почти каждый из вас растерялся бы и даже побрел домой, как это сделал Корнелий Удалов. Его куда более беспокоила судьба Ксении, чем собственные способности.

Что возникает в человеке в тот момент, когда ему предложили свободу выбора? Желание облагодетельствовать мир или свести с ним счеты?

Обычно в человеке сосуществуют обе тенденции. Но следует отметить, что среди бандитов, агентов, резидентов и киллеров, которые окружили Гуслярскую академию, а теперь носились по улицам, еще надеясь поймать невидимок, благодетелей не встретилось. Их хозяев влекла нажива и жажда власти...

Провизор Савич, прихрамывающий грузный старик, всегда жовиальный и улыбчивый, мирно проводящий в круизах свои пенсионные годы совместно с супругой Вандой, устремил шаги к дому для престарелых, где в комнате номер 32 на первом этаже проживала Шурочка, некогда хохотушка и школьная звездочка. Жизнь у Шурочки не сложилась, она ее прокоротала в одиночестве, так и не вышла замуж, хотя люди ее поколения шептались, что ей делал предложение руки и сердца сам Семиструнов, впоследствии достигший в Москве великих высот (в чине генерал-майора он до самой смерти управлял главным оркестром Дома железнодорожных войск). Но это всё сплетни. И в этих сплетнях имя Савича не встречалось.

Савич прошел сквозь приоткрытые ворота, которые никто не охранял, миновал тополиную аллею и вошел в главный корпус.

Тут Савичу не приходилось бывать лет двадцать, но он знал, в какой комнате живет Шурочка. Благо она, здешняя старожилка, считалась ветеранкой-комсомолкой, за что ей и полагалась отдельная комната.

Комната номер тридцать два. Окно в сад. У окна Шурочка и просиживала целыми днями. Она сочиняла стихи и думала о прошлом.

Савич подозревал, что состоял частью этих воспоминаний, и сейчас, пользуясь невидимостью, хотел в этом, по крайней мере, убедиться.

Дверь в комнату, крашенная белой масляной краской, открылась легко и почти без скрипа, будто от дуновения сквозняка. Шурочка даже не обернулась.

Савич остановился, прижавшись спиной к скользкой поверхности голландской печки. Ему казалось, его сердце бьется так громко, что

сейчас сбегутся нянечки. Но все было тихо, только где-то далеко в конце коридора загремели посудой.

Савич осмотрелся. Небольшая комнатка была обставлена скудно. Справа – комод с четырьмя выдвигающимися ящиками. Слева – деревянная кровать, рядом тумбочка. Кресло, хоть и не новое, но еще, видать, крепкое. Вот, пожалуй, и все. Если не считать небольшого стола, вроде ломберного, прислоненного к дальней стенке у окна. На нем граненый графин, в который вставлена бумажная роза.

К комоду Савич и направил свои осторожные шаги.

Он правильно рассудил, что бумаги должны быть в верхнем ящике, так как старой женщине труднее было бы доставать их снизу. Она только накрыла их полотенцами и салфетками.

Нет, ничем она их не накрыла. Видно, недавно доставала. И тот конверт, ради которого Савич и пришел сюда, лежал поверх остальных бумаг. Почти не пожелтел...

Шурочка, старушка с лицом как печеное яблочко, обернулась к нему. Савич замер. Он слышал, как грохочет сердце. Неужели она не услышит этого грохота?

Шурочка нахмурилась. Потом равнодушно возвратилась к созерцанию осеннего пейзажа.

Двумя пальцами Савич приподнял конверт. Вытащил из него листок, истертый прикосновениями. Ему не надо было разворачивать и читать его. До последнего дня на этом свете Никита Савич будет знать, что там написано, до последней буквы!

Он пришел унести, украсть этот листок. Он не должен оставаться в этой богадельне, в этой нищей комнате. Ничто не должно напоминать...

– Никита, – вдруг произнесла Шурочка. И потом:

Я совсем ослепла,
Волосы как из пепла,
Душа у меня седая,
Я всех по шагам гадаю.

Она улыбнулась туманно и даже загадочно.

Савич стоял, замерев в неудобной позе, будто аист, собравшийся покинуть гнездо.

– Забирай письмо, забирай, – сказала Шурочка. – Тени прошлого собирай.

Только тут Савич сообразил, что Шурочка говорит стихами. Когда он учился в мединституте, то проходил по психиатрии, что есть такое нарушение психики. То есть больной говорит в рифму.

Неужели она и на самом деле ослепла? А он и не знал. Тогда Шурочке действительно не нужно это письмо.

Но она спросила:

И что ж ты, грешил и грешил,
А теперь нас ограбить решил?

– Я стал невидимым, – признался Савич, – поэтому и пришел. Иначе бы не решился.

Шурочка рассмеялась:

Ах, судьба у тебя такая!
Не знал, что я стала слепая.
И видна ли твоя личина,
Для меня теперь не причина.

Савичу было неприятно слышать эти странные стихи. Но письмо он взял. А потом услышал:

Погоди, прежде чем ты его разорвешь,
Может, ты его вслух прочтешь?

Савич кивнул. Он уж хотел прочесть строчки, которые помнил наизусть, но тут в полуоткрытую дверь заглянула немолодая толстая санитарка и спросила:

– Ты опять сама с собой, батьковна, лясы точишь? Поосторожнее. Так можно и рехнуться.

Савича она, конечно, не видела и, к счастью, не заметила письма, которое витало в воздухе возле комода.

Шурочка поторопила:

Читай, мой бывший дорогой.
Женился вовсе на другой.

– «Дорогая Шурочка, – начал читать Никита Савич, но осекся. – Дорогая Шурочка, – продолжил после паузы. – Мои чувства к тебе остаются неизменными, и обещания я рад бы выполнить всем сердцем...»

«Господи, – подумал Никита, – каким же я был мерзавцем! Нет, не мерзавцем, а запутавшимся несчастным юношей, который не имел жизненного опыта и пошел на поводу...»

Шурочка произнесла громко, с пафосом:

Завершается наша жизнь.
Говори, не таись!

– «Мои родители категорически высказываются за мою женитьбу на Ванде, потому что они уже дали обещание. А я не могу пойти против их воли... Но свадьба лишь только формальность. Как только она произойдет, я тут же начну с тобой встречаться снова, и мы будем неразлучны. Считай, что я вынужден жизнью на временное отступление, и, пожалуйста, говори всем, что это произошло по твоей инициативе. Потому что брошенная девушка может оказаться позорным явлением в небольшом городке. И еще лучше, если о наших отношениях временно забудут».

Савич замолчал. А Шурочка посоветовала со смехом:

Пока ты возмущен и разозлен,
Прожуй записку, словно ты шпион!

Очень противным был ее смех.

– Я сам знаю! – сердито сказал Савич. – Но каждый имеет право на ошибку!

Твоим ошибкам оправданья нет,
Ведь я ждала тебя почти что сорок лет.

Выслушав это, Савич буркнул:

– Не стоит идти на преувеличения ради рифмы. – И сунул записку в карман. Он не думал как-то раньше, что эта дурочка могла заподозрить его в корысти.

– Иди, Никитушка, жаль мне, что я тебя не вижу даже.

– Помолчи! – прошептал Савич, потому что за спиной послышался голос санитарки:

– Так! У нас посетителей быть не должно... Ох, это вы?..

Савич обернулся и по глазам этой толстухи понял, что он уже не невидимка, а бывший директор аптеки.

– Вы что у нас делаете, Никита Николаевич? – узнала его санитарка.

Савич нелепо принялся охлопывать себя ладонями, проверяя, видим он или невидим. Но тут вполне разглядел собственную руку. Всё! И стал проталкиваться к двери. А Шурочка вслед ему продекламировала:

Я вам не спутница и не подруга,
А просто девка из чужого круга.
Со мною ты по кустикам гулял,
А ихний папа кафедру марксизма возглавлял...

Савич бежал по коридору, и ему казалось, что из всех дверей этой юдоли скорби несутся слова: «Он вернулся, он пришел, он письмо унес!»

Совсем иной целью задался Миша Стендаль. Ничего он не намеревался красть, а наоборот – хотел дать.

Давно хотел дать, но не хватало смелости.

И если не удастся использовать такой уникальный момент, то грош ему, Стендалю, цена.

Бывает, в прошлом у человека случилась некая мелочь, будто бы и не стоящая внимания, однако врезавшаяся в память, как топор в мокрое полено – не вытащишь и трактором.

Стендаль старался не думать о Сеньке Косом и месяцами о нем не вспоминал. Но вдруг увидит его краем глаза на улице, услышит где-то его пронзительный голос – и все возвращается. В памяти.

Стендаль почти бегом пересек площадь Землепроходцев, ныне снова ставшую Базарной, и остановился перед входом в Гуслярпромстройбанк.

Редкие посетители поднимались по широкой, подвергшейся евроремонту лестнице и, миновав охранников в синих мундирах, проходили в дверь за темным стеклом.

Стендаль замер. А если его спросят, кто он и куда?.. И рассмеялся: он же невидимый!

Он смело поднялся по лестнице, в дверях столкнулся с незнакомым толстяком в блестящем плаще, какие носили разведчики в фильмах про войну, и проскользнул внутрь. И ощутил спокойствие, потому что уверился в своей невидимости.

Чтобы пройти за длинную стойку, надо было поднять доску на краю этой стойки, рядом с девицей в роговых очках, дядя которой раньше

работал в Сельхозуправлении. А вот как его, того дядю, звали и как эту девицу зовут? Странно, ведь за тридцать лет работы в городской газете Стендаль худо-бедно познакомился с половиной жителей города.

Впрочем, узнал в конце концов, вспомнил! Кажется, ее Викторией зовут. Да, Виктория Королькова!.. Эта Виктория оторвала взгляд от компьютера и поглядела на Стендаля. Вернее, сквозь него. Но что-то ее смутило. Почудилось, будто кто-то замер рядом. Колыхание воздуха, запах...

– Господин! Э?.. – окликнула Виктория невидимку и растерянно улыбнулась.

«Не надо было на ланч копченую колбасу есть!» – обругал себя Стендаль, когда уже за спиной Виктории миновал стойку с дощечкой и оказался во внутренних помещениях банка.

Вот и дверь с табличкой: «Вице-президент Косых Семен Аркадьевич». Он самый.

Стендаль прижался спиной к стене, пропуская молодого человека с бритым затылком, который толкнул эту дверь картонной коробкой, прижатой к животу. Стендаль последовал за ним.

Они прошли мимо секретарши, не обратившей на них никакого внимания, и оказались в обширном кабинете Сеньки Косого.

Молодой человек бухнул картонный ящик на длинный полированный стол.

Сенька Косой, когда-то курчавый и поджарый, а теперь лысый и грузный, громко распорядился:

– Вываливай!

Кроме него в комнате были еще трое – чем-то на него похожие, при галстуках и одеколонном запахе.

Бритый вывалил из ящика на стол кучу пачек. Пачки были зелеными. Доллары. Как в кино.

– Начнем считать! – приказал Сеня. – У нас двадцать минут. Чтобы найти недостачу. Пока не приехал инкассатор, иначе нам всем хана!

И началось. Пальцы шевелились так быстро и согласно, что конечно же Миша Стендаль не мог уследить за их движениями. Только громкое шуршание.

«Что же я? Чего смотрю! – подумал Миша. – Сейчас – вот еще несколько минут, и я стану видимым! Охрана меня пристрелит. Нужно

все сделать немедленно! Одна минута! Пятьдесят девять, пятьдесят восемь, пятьдесят семь... Я его ненавижу?»

Пожилой лысый Сеня был занят пересчетом денег.

«Нет! – решил Стендаль. – Этого я так ему не оставлю!»

Решительным движением он рванулся к вице-президенту, но по пути сшиб бритоголового сотрудника. Тот матюгнулся, сочтя виноватым своего соседа справа. А Стендаль не счел возможным ударить в лицо ничего не подозревавшего человека и крикнул:

– Иду на вы!

Все замерли. Так и застыли с долларами в лапках.

Стендаль ударил кулаком Сеньку по носу.

– Ты что! – заорал Сенька. – Больно же!

Он прижал к носу обе ладони, и на них показалась кровь. Далее она заструилась на подбородок, на манишку и к тому же запачкала сверкающую поверхность стола.

Никогда еще Стендаль не бил человека по лицу. Впрочем, еще никогда ему не приходилось быть невидимым. Но торжества он не испытывал, хотя и знал, что поступил правильно. Поэтому сказал:

– С дороги!

Звуку его голоса безропотно подчинились все.

Стендаль пошел прочь из кабинета, и затем ему повезло: он вновь обрел свой облик, когда уже проходил мимо Виктории.

Девица ахнула, потому что человек возник совсем рядом – внезапно, из воздуха. Спокойно вышел из-за стойки, пересек полупустой зал и скрылся за входной дверью.

Тут же к Виктории подбежал начальник охраны и завопил:

– Он тут проходил?

А Стендаль уже шагал через площадь...

...Сорок лет назад Сенька Косой бил кулаками Верочку из второго подъезда, а два его помощника стояли рядом и хохотали. И тогда Миша Стендаль, сжимаясь от страха, подбежал к ним и сказал:

– Сеня, не надо, а?

Верочка плакала. Сенька оттолкнул ее, оттолкнул специально так, чтобы она упала на битый кирпич. Потом повернулся к Стендалю:

– Тебе больше всех нужно? – И как следует врезал ему по лицу.

Он расквасил Мише нос, а помощнички довершили дело. Стендаль не ходил в школу два дня, а маме сказал, что сам упал. Ну а Верочка?

Верочка убежала, но с тех пор обходила Стендаля стороной. Через несколько лет она сказала ему: «Я так боялась, что ты снова будешь за меня заступаться! Мне тогда не жить, и тебе не жить!»

Вот с тех самых пор Стендаль лелеял месть...

Теперь он уселся на скамейку на противоположной стороне площади и с удовольствием наблюдал, как к банку подкатила «скорая». Через несколько минут вывели Сеньку с забинтованным лицом.

И Мише Стендалю вдруг стало грустно. Потому что, да, справедливость восторжествовала, но восторжествовала лишь наполовину. Ведь никто не видел, как он, Миша Стендаль, через сорок лет отомстил гаду. Никто не видел!

Гаврилов, мужчина в расцвете лет, выскользнул из здания Гусляр-ской академии и, миновав бандитов и кордоны прессы, невидимо остановился под облетевшим ясенем, посаженным еще последним городским головой, который возжелал было превратить Великий Гусляр в цветущий рай заморских деревьев. Теперь Гаврилов размышлял, как ему использовать этот временный дар, и мысли его были об одном – вернее, об одной: невесте Татьяне, девушке вдвое его моложе, однако серьезной, завершившей образование в речном техникуме и желавшей, по ее словам, создать семейную ячейку. Гаврилов же, ранее претерпевший узы неудачного брака, теперь к жизни относился с опаской. Вот и не торопился с оформлением отношений, в ответ на что Татьяна не соглашалась на интимную связь.

В общем, стоя под опавшим ясенем, Гаврилов вытащил мобильник и набрал номер Татьяны.

Та откликнулась сразу.

– Как ваше заседание? – спросила она.

– Ну... уже закончилось.

– И что решили?

– Решили?.. – И тут Гаврилову пришла в голову идея. Она, эта идея, и заставила его на время замолчать.

– Ну так что? – заторопила Татьяна. – Что случилось?

– Да нет, ничего, – ответил Гаврилов, быстро соображая.

– Ты ко мне придешь?

– Ты одна?

– У меня Дарьюшка.

Ох! Дарьюшкой звалась та нежелательная подруга, которая не уставала твердить, что Татьяна заслуживает куда лучшей участи, чем сорокалетний, без перспектив и достатка жених Гаврилов. Сама Дарьюшка уже два раза неудачно вила семейное гнездо, но вылетала из него без морального удовлетворения. И хоть она твердила, что заботится об устройстве Татьяниного счастья, однако, по сути, делала все, чтобы Татьяна осталась ее истинной подругой, то есть одинокой женщиной.

– Тогда я потом зайду, – сказал Гаврилов, узнав, что у Татьяны сейчас эта самая Дарьюшка.

Как-то нехорошо, лживо он это сказал, поэтому Татьяна заподозрила неладное.

– А как Академия заседала? Что решили с женщиной без головы?

Татьяна имела в виду Ксению.

– А, все чепуха! – как отрезал Гаврилов и отключил мобильник.

Дарьюшка вопросила спокойно:

– Чем-то он недоволен?

В полной руке она держала чашку с чаем. Мизинец же был отставлен далеко в сторону, для изящества.

– Нет, – промолвила Татьяна. – Он лукавит. И дело чести догадаться, почему мужчина лукавит.

Татьяна была разумной и рассудительной не по летам. А Гаврилов тем временем спешил именно к ней.

Он взбежал на второй этаж и минуты две восстанавливал дыхание. Отдышался, достал ключ (у него был ключ от квартиры возлюбленной) и осторожно, беззвучно открыл дверь. Женские голоса, доносившиеся из комнаты, смолкли. Неужели его услышали?.. Но нет, разговор возобновился.

Так же осторожно Гаврилов вошел в комнату и остановился у притолоки.

Вот они, подружки! Справа на диване сидит белокурая, в аккуратно завитых локонах, пай-девочка. Это Танечка, голубоглазое чудо. Напротив, на единственном стуле – ее злая подружка, курносая, склонная к пышноте брюнетка. Это Дарьюшка.

Гаврилов застыл в дверях, стараясь никак не выдать себя. А женщины вновь заговорили.

– Меня смутил этот телефонный звонок, – сказала Татьяна. – Как бы ему не навредили.

– Ничего с твоим сокровищем не случится! – отмахнулась Дарьюшка. – Они, наверное, все пошли пиво хлестать. Ты же знаешь этих мужиков!

– Коля не такой, – тихо возразила Татьяна и слегка дунула на кончик локона. Локон закачался, как елочная игрушка. – Коля никогда пиво не хлещет.

– Значит, в карты режется.

– Нет! – с намеком на раздражение ответила Татьяна. – Мой Гаврилов – счастливое исключение среди мужчин.

– Еще бы! – вздохнула Дарьюшка, и это вышло у нее так противно, что Гаврилов еле удержался, чтобы не запустить в нее вазой, которая стояла на столе. – Он свою жизнь уже прожил в разврате и беспутстве, а теперь ему, конечно, хочется чего-то свеженького, нежного. Вот как ты, моя подруга. Учти, он надругается над тобой, а потом бросит.

– Как ты только смеешь, Дарья! Что ты о нем знаешь!

– А что ты знаешь? Может, он за твоей квартирой охотится?

– У него квартира получше моей. Мы уже договорились, что будем жить у его мамы.

– И ты в это поверила?

– Я верю каждому слову, каждому вздоху моего Гаврилова. Он хрустальный человек.

– Неужели ты так полюбила этого недостойного типа?

– Не смей называть его типом!

И тут уж не выдержали нервы у Гаврилова. Он набрал горлом воздуха и крикнул, вторя Татьяне:

– Не смей называть меня типом!

– Ах! – дуэтом воскликнули женщины.

И увидели: в проеме двери образовался, словно из небытия, сам Гаврилов, поскольку именно в этот момент к нему вернулось его обличье.

Шок прошел, и Татьяна гневно сказала:

– Ты подслушивал! Да?

– Нет, чесслово, я только что вошел! – ответствовал Гаврилов и уже сам был готов поверить в свои слова.

– Ну, тогда я пошла! – вскочила Дарьюшка.

Поднялась и Татьяна.

– Я провожу тебя, – обратилась она к подружке. А потом кивнула Гаврилову: – Ты подождешь? Я вернусь через пять минут и напою тебя чаем.

– Конечно...

Гаврилов присел на диван. Кажется, все хорошо? Ведь Татьяна, его невеста, все говорила добровольно?

А Татьяна вывела подругу на лестницу и зашептала горячо:

– Спасибо, Дашка! Ты отлично мне подыграла.

– Теперь он меня возненавидит!

– На полчаса. Мужчины непостоянны и забывчивы. Это мы, женщины, помним даже то, что следует забыть.

– Ну как же ты догадалась, что он заявится к тебе невидимкой? Нет, ты гений, Танька!

– Не надо быть гением. Слушай! Ксения Удалова разгуливает по Гусляру без головы – это раз. Гаврилов еще вчера мне проговорился, что ихний президент, то есть президент самозваной Академии, Минц, уже выделил невидимый концентрат, а наши городские бандиты носятся по городу на джипах и перестреливаются, чтобы заполучить это средство. Это два. Три: даже из Америки приехали шпионы. И четыре: тут звонит Гаврилов и начинает крутить хвостом по телефону. Это при его-то подозрительности, при его ревности! Значит, умной женщине ничего не стоит догадаться, что Гаврилов получил эту невидимость и намерен меня, его любимую, с помощью невидимости проверить на вшивость.

– И ты угадала!

– Не угадала, а вычислила. Это две большие разницы.

– И что?

– А то! Теперь он, страдалец, полюбит меня втрое больше. По крайней мере, сейчас он готов кефир из моих туфель лакать.

Женщины рассмеялись, и Татьяна поспешила наверх, к жениху.

Можно рассказать еще несколько историй из жизни местных невидимок. Некоторые истории забавны, другие скучны, но они ничего не изменили в жизни гуслярцев. Тем более что невидимость вышла кратковременной – час, не более. Негаданное счастье? Поэтому и поспешные решения вышли непродуманными. В общем, оказалось, что и не нужно было становиться невидимкой: пользы немного.

Помимо случаев, о которых поведано выше, некоторые гуслярские академики вели себя еще банальнее. А почему? Их подвела фантазия.

Супруги Синявские сразу, не сговариваясь, отправились выслеживать собственную дочку, ушедшую на свидание. Выследили. И стали видимыми как раз в тот момент, когда оказались всего в двух шагах от дочки, жарко целовавшейся с неким Николаем. Представляете состояние дочки-подростка? Справа – возмущенный папа, а слева – возмущенная мама! И вопят они так, будто она, дочка, украла у Николая что-то драгоценное или сама ему нечто драгоценное отдала. Но ведь она ничего не украла и отдавать тоже ничего не собиралась!..

Далее. Погосян-младший увидел американского шпиона и сразу предложил себя для опытов. За наличные. Шпион повел его, держа за невидимый локоть, к оперативному вертолету, и возле него капрал Скудетски стал отсчитывать Погосяну фальшивые доллары, которые изготавливаются специально для африканских операций – в местах, где дикари различают цвета, но не знают цифр... На тридцатой пачке двадцатидолларовых купюр к Погосяну вернулся видимый облик, и американские шпионы тут же с криками стали отнимать у него доллары. Но наконец-то набежали бандиты из бригады Костолома, доллары забрали себе, шпионам накостыляли, а вертолет конфисковали. Тяжба ЦРУ с Костоломом – особая история.

Тем временем Ксения Удалова тоже пришла в себя.

Известно, что женщины быстро забывают неприятности, если у них есть другие заботы. Вот Ксения и собралась на пасеку к Трофимычу, пока он лучший мед не распродал местным богачам.

Удалов ее одну ни за что бы не отпустил, но его сморил сон – уж очень он переволновался за последние часы.

Ксения не стала беспокоить мужа. Она вышла на окраину слободы, туда, где совхозный сад и кооперативные пасеки. По осени тут все пустовало. Но Трофимыч оставался на пасеке до первых морозов, потому что ценил свежий воздух...

Когда с трехлитровой банкой в сумке она вышла от Трофимыча, уже стало темнеть. И только закрылась калитка, сзади послышались мягкие шаги и сопение.

Ксения обернулась и увидела: за ней спокойно идет большой бурый медведь. Мед!

Ксения кинулась бежать. Медведь побежал за ней. Он рычал и был явно недоволен.

Ксении кинуть бы этот чёртов мед, но она не догадалась. А когда медведь ее настиг – взмыла к низким лиловым облакам. То есть освоила спонтанную левитацию.

Потом она опустилась во дворе своего дома, где из окна второго этажа на нее глядел пораженный муж, а из окна первого этажа – профессор Минц.

– Ах! – воскликнул Удалов.

– Ничего особенного! – сказал Минц, глядя, как Ксения неловко опустилась на землю, стараясь не разбить банку с медом. – Лишь только в твоей жене пробудились атавистические способности – например, обретать невидимость при встрече со смертельной опасностью, – ее организм стал и дальше вспоминать, какими же еще способностями обладали его далекие предки. Если первое – невидимость, то второе – левитация.

– Это пройдет? – спросил Корнелий Иванович.

– И довольно быстро. Но мы с тобой не знаем, какие еще способности запрятаны в этой скромной оболочке.

Так сказал Минц. А Ксения покуда пребывала в трансе. Вместо того чтобы войти в дверь, она медленно взлетела ко второму этажу и решительным жестом отодвинула от открытого окна своего супруга. Потом ступила на подоконник.

И двор опустел.

ОРЕЛ

Странный гость заявился к профессору Минцу.

Он вошел не постучавшись, прошел, не поздоровавшись, к правой стене и уселся на продавленный диван.

Он был немолод, одет в форму старшего лейтенанта войск ФАПСИ, но без фуражки. Поэтому было видно, что его седые волосы перехвачены на затылке резинкой, и оттуда свисает жидкая седая косица.

– Здравствуйте, – сказал Лев Христофорович, поднимая лысую голову от микроскопа. – Чем обязан визиту?

Лейтенант закинул ногу на ногу, погляделся в начищенный, зеркальный носок сапога, поправил седой ус и заговорил:

– Разрешите сначала ознакомить вас со старинным анекдотом, то есть забавным случаем из жизни.

– Я вас слушаю.

– В самом начале двадцатого века в петербургском Смольном институте благородных девиц ввели курс домашнего хозяйства. Решили таким образом приблизить институток к практической жизни. Для начала классная дама Зинаида Федоровна Врангель повела девиц вниз, на кухню. Там они остановились у длинного мраморного разделочного стола, на котором лежала ощипанная курица. «Кто из вас, барышни, скажет мне, что это за птица?» – спросила баронесса. Когда никто не вызвался с ответом, она обратилась к ближайшей девушке: «Княжна Шаховская, помогите нам». Княжна долго морщила выпуклый лобик и в конце концов решилась: «Наверное, это орел!» Видно, о существовании других крупных птиц она не подозревала. «Ах, – рассмеялась баронесса Врангель. – Какая забавная наивность! Ну кто же не знает, что у орла две головы?»

Закончив рассказ, пожилой лейтенант немного посмеялся. Минц ему вежливо кивал, потому что анекдот показался ему забавным.

– Вы заметили, насколько глубоко в сознании народа проникла убежденность о реальном существовании двуглавого орла? – спросил лейтенант.

– Это же не народ, а лишь институтки, – заметил Минц.

– Только не спорьте со мной! – взмолился лейтенант. – Со мной все спорят. Каждое мое трезвое предложение встречают в штыки. И здесь, и в Кремле, и в Вашингтоне. Мне надоело советовать. Я отдохну, а вы пока поставьте чай.

С этими словами пожилой лейтенант повалился на бок, подтянул острые колени к подбородку и смежил веки.

Минц не поверил лейтенанту. Тот не спал, а присматривался к профессору. Не зря он приехал так далеко, из Москвы, явно – с важным делом. Но при чем тут баронесса Врангель?

Минц прошел на кухню и поставил чайник на огонь.

– Вам покрепче? – спросил он.

– Зеленый, жасминовый, как вы любите, – ответил гость.

«Ага, – подумал Минц, – они собрали сведения о моих привычках. Значит, дело серьезное».

– Вы голодный? Могу сделать бутерброд.

– Ни в коем случае, – сказал лейтенант. – Я на диете. Нас не подслушивают?

– Вам лучше знать, – откликнулся Минц.

– Правильно. Вашу комнату мы проверили.

Он вскочил, живо перешел к столу, схватил чашку и принялся жадно, обжигаясь и пыхтя, глотать жасминовый чай.

– Слушайте меня внимательно, – сказал лейтенант. – Мы проверили личные дела шестидесяти академиков и сотен аспирантов, мы связались с Казанью и Темрюком. И оказалось, что только вы сможете помочь нашей необъятной родине.

– Чем же?

– Именно принимая во внимание ваши научные достижения и многосторонность вашего таланта, было решено обратиться к вам.

– Говорите понятнее, – потребовал Минц. – К тому же вы не представились.

– Я не могу представиться, я на службе. А когда мы на задании, то не представляемся. Достаточно того, что я вас знаю.

– Да, это уже немало, – согласился Минц. – Продолжайте.

– Недавно, если вы читаете газеты, к нам с визитом был господин Ширак. Это президент Франции.

– Как же, как же, встречались, – заметил профессор, но лейтенант пропустил эти слова мимо ушей.

– В частной беседе с президентом, – продолжал лейтенант, – Ширак обратил внимание на то, что двуглавых орлов в природе не существует. «Вот наш галльский петух, – сказал он, – это реальность. На любой ферме такой найдется. А вот двуглавых орлов нет и не было!» Казалось бы, шутка, да? Шутка?

– Не знаю.

– А вот не совсем шутка, потому что разговор шел о стабильности и перспективах нашей экономики. Запад ставит под сомнение темпы развития отечественной промышленности. И тут в иносказательной форме этот самый французский Ширак как бы издевается: мол, говорит, нет на самом деле вашего прогресса и стабильности, и все у вас, русские господа-товарищи, не больше как вранье и выдумка.

– Ну, вряд ли он это имел в виду.

– Да ты бы ему в глаза заглянул! Только загляни. Сплошное издевательство.

– Что же ответил ему президент?

– Президент умело перевел разговор на другую тему. Но по окончании встречи с французом вызвал помощников и дал им задание

подумать, нельзя ли перевести наш герб в разряд реальности. Любой ценой. И тем посрамить западных критиканов. Ясно?

– А я тут при чем?

– Когда мы, советники и разведчики, отчаялись найти человека или организацию, способную создать двуглавого орла, именно президент сказал с присущей ему проницательностью: «А вот заглянули бы вы в районный центр Великий Гусляр и постарались бы встретиться со славным человеком, оригинальным мыслителем, профессором Минцем Львом Христофоровичем».

– А почему вас для этого выбрали? – поинтересовался Минц.

– Чем я хуже других? – обиделся пожилой лейтенант. – У нас разные есть. От генерала до поэта.

– Нет, – вздохнул Минц, – на поэта вы не похожи.

– Короче! – посланник президента был суров. – Будем делать орла или будем ваньку валять?

– Спокойно, – возразил Лев Христофорович. – Вы мне делаете предложение?

– От имени государства. Вы обязаны помочь нам создать имидж надежности в партнерстве, вы поможете России вступить в содружество европейских государств.

– А как же вы представляете мою роль?

– Вы выведете двуглавого орла.

– Из кого?!

– Да хоть из курицы!

– А вы пробовали вывести орла из курицы?

– У меня другие способности. Я занимаюсь пиаром, а не курицами.

– И сколько? – спросил Минц.

Ему не очень понравился пожилой лейтенант, хотя, как известно, Лев Христофорович терпим к людям – при условии, что они регулярно моются.

– Мы гарантируем вам личную благодарность президента, кроме того, вам будут компенсированы расходы.

Минц поглядел в окно. Белым снегом, крупными хлопьями летели под дуновением ветра лепестки отцветающих яблонь. Природа пробудилась после зимней спячки и готовилась дать жизнь новому поколению плодов и ягод. «Я же, – думал Минц, – уже никогда не стану молодым. И не нужны мне ни деньги, ни почести, ни личное посла-

ние президента. Но что остается человеку, если жизнь его подходит к завершению? Работа. Именно работа. Иначе совсем худо. И никто не должен догадываться, что и работа тебе не очень интересна». Еще лет десять назад Лев Христофорович с внутренним восторгом встретил бы вызов, брошенный ему администрацией президента. Еще бы – вывести двуглавого орла в качестве государственного герба! Прорыв в генетике!

– Список нужных мне приборов, реактивов, материалов и прочего я отправлю вам по факсу, – проговорил Минц, не отрывая взгляда от яблочных лепестков. – О размере гонорара сообщу особо. К какому сроку вам нужны результаты?

– Они были нужны вчера, – отозвался лейтенант. – А размеры гонорара определять не вам.

Он расплел седую косичку и принялся заплетать ее вновь.

– Орел вырастет через год, – сказал Минц. – Так и скажите в Кремле.

Лейтенант достал мобильник и набрал номер.

Он не успел ничего сказать, как из мобильника послышался голос:

– Мы слышали. И я попросил бы вас, Лев Давыдыч, не ставить условий профессору. Он нужен державе. А вот вас нетрудно заменить.

Голос был знакомым, и профессор ответил ему:

– Спасибо за внимание.

Пожилой лейтенант поднялся.

– Какие будут указания? – спросил он.

– Отыщите мне срочно орлиное яйцо с двумя желтками. Но оно должно быть свежим, так сказать, живым, прямо из гнезда.

– Слушаюсь.

– Только без жестокостей по отношению к орлам.

– Разумеется, будьте уверены.

С этими словами лейтенант ушел, а к Минцу заглянул его сосед Корнелий Удалов и поинтересовался:

– Кто к тебе на шестисотом «мерсе» приезжал?

– Работу предложили.

– Трудную? – Друг знал, что спросить.

– Не знаю. Но в пределах разумного.

– Что платить будут?

– Обещали добавить к пенсии. И письмо президента.

– Почетно, – сказал Удалов. – У нас в городе ни у кого такого письма еще нет. А подробнее?

Когда через три недели в Кордильерах на высоте шести тысяч метров над уровнем моря орнитолог Хосе Мария Бенвенуто, выполняя, подобно сотням орнитологов в десятках стран, секретное задание Российской академии наук, отыскал орлиное яйцо с двумя желтками, он готов был плясать от счастья. Профессор Минц очень бы расстроился, узнав, что в отличие от него, российского ученого, зарубежные участники операции получили многотысячные премиальные. Так у нас часто бывает: все пророки обитают за пределами отечества.

Многие иностранные разведки сбились с ног, стараясь понять, что за каверзу задумал Кремль, почему вдруг так остро понадобилось орлиное яйцо с двумя желтками. Не удивительно, что в самолете, который вез в Россию термостат с орлиным яйцом, помимо наших охранников и разведчиков набилось полсотни иностранных шпионов. Но уже в Шереметьеве-2 их отсекли от яйца, а вечером отвели в Большой театр на «Лебединое озеро», после чего развезли по домам.

А профессор Минц, получив яйцо и инкубатор, принялся внимательно изучать развитие зародыша. Наверное, читатели уже догадались, какой путь избрал наш гуслярский гений: он решил во много раз сократить путь эволюции, использовав метод, именуемый в среде физиологов методом «сиамского близнеца».

За несколько часов до того, как два орленка должны были вылупиться из одного яйца, Лев Христофорович извлек младенцев из скорлупы и сшил их нижние части тела, отсекши все лишнее – ноги, хвосты, крылья...

В результате возник птенчик нужной конфигурации. Оставалось закрепить плоды операции и вырастить птенца до нужной кондиции.

Когда слух о том, что во дворе у Минца живет двуглавый орленок, разнесся по городу, люди стали ходить туда и глядеть на Символенка. Орла Минц назвал Символом, но пока он не подрос и выглядел как типичный гадкий орленок, его кликали именно так.

Сначала Минц полагал, что придется держать во дворе приемную орлицу, но на второй день из Москвы прилетел десант орнитологов – они привезли с собой несколько крупных птиц на выбор. Из них следовало выделить кормилицу Символенку. Среди птиц были две гусыни, индюшка, пингвиниха, крупная курица и ворона. Остановились

на гусыне Светке. Другие птицы либо отказывались кормить двухголового урода, либо приходили в ужас. Пингвиниха даже хлопнулась в обморок, чего раньше за птицами этой породы не наблюдалось.

Гусыня, по причине крайней неразвитости, полагала, что обзавелась двумя птенцами. Она считала их по желтым глоткам. А так как в пище недостатка не было, она с работой справлялась удовлетворительно. Правда, предпочла бы кормить Символенка вегетарианской пищей, но раз тот от нее отказывался, совала в клюв желательную ему еду, хотя сама зажмуривалась от отвращения и, наверное, думала: «Ну и уродов я высидела!»

Наступила осень. Правительство настояло, чтобы орленка перевезли в Москву, в специальный Институт прикладной геральдики под личным патронажем Герольдмейстера Российской Федерации, а Минц перешел к другим заботам. Он думал, что Москва о нем забыла, и не очень расстраивался, но к Новому году получил личное благодарственное письмо президента, а почтальон Дуся принесла ему пенсию на двадцать рублей больше, чем раньше, – персонально прибавили.

О дальнейших событиях Лев Христофорович и Удалов узнали лишь весной, частично из телевизионных новостей, частично из газет.

Как всем известно, пребывание в Кремле Символенка, который уже стал Символом, держалось в глубокой тайне. И понятно почему: в Москве готовились к приезду президента Франции Ширака и еще трех разных президентов, которые должны были решать насущные вопросы, связанные с международной репутацией нашего государства.

Когда высокие гости направлялись в зал заседаний, где должны были эти насущные вопросы обсуждать, президент страны провел их через Государственный зал, посреди которого возвышался хрустальный терем. В нем на золотом суке сидел крупный двуглавый орел и в упор рассматривал иностранных гостей.

– Что это? – воскликнул президент Франции.

– Это наш геральдический орел, – со знакомой всему миру лукавой улыбкой ответил российский президент. – Как бы символ России. С пятнадцатого века им обладаем.

– Этого быть не может! – возразил президент Италии. – Двуглавых орлов не бывает.

– Нигде не бывает, – согласился глава России, – но у нас они водятся.

– Наверное, это какая-то шутка, чучело анимированное, – предположил президент Франции.

Он вспомнил о своем легкомысленном прошлогоднем заявлении и понял, что русские тут обштопали французов.

Обиженный орел открыл клюв и издал пронзительней клекот, от которого задрожали стекла.

– Мы можем выпустить его в зал, – сказал русский президент. – Но надо будет закрыть окна. Мы дорожим орлом, он – птица редкая, и если улетит, наши экологи нам этого не простят. Только учтите, что вам всем придется надеть бронежилеты и противогазы, потому что наш Символ – птица нервная и очень сильная. Он может разодрать барана.

И тогда гости стали просить русского президента, чтобы он не выпускал орла наружу. И так верят.

Президенты, взволнованно переговариваясь и отдавая должное русской науке и русской смекалке, прошли в зал заседаний и вскорости подписали очень нужные России международные документы. А вот что касается сохранности орла и опасения, что экологи не простят, если с ним что-нибудь случится, – тут президент словно в кофейную гущу смотрел.

Случилось.

Прежде чем что-то случилось, к Минцу пожаловал новый гость. Был он мал ростом, скромен в манерах, облачен в синий костюм на шесть размеров больше, чем требовалось, на голове – зеленая, расшитая тюбетейка.

Войдя в дверь, он протянул вперед маленькие толстые руки и схватил ладонями кисть профессора. Сжал ее мягко, но крепко и требовательно.

– Благодетель нашего народа, – пропел он с текучим среднеазиатским акцентом, – драгоценный Минц-ага, не откажи в любезности...

– Что? – испугался добрый профессор. – Неужели у вас случился падеж барашков? Неужели налетела саранча? Я немедленно сажусь за изготовление сыворотки.

– Не беспокойся, Лев Христофорович, – перебил его гость. – Не в этой мелочи дело. Речь идет о национальной гордости Кзылкумстанского народа.

– Может, чаю хотите? – спросил Минц.

– Не перебивай меня, дорогой, время не ждет, – сказал человек в тюбетейке. – Слушай сюда внимательно.

Он присел на продавленный диван, вытер рукавом запачканные носки ботинок, пошевелил губами, молясь, и заговорил:

– Наш вождь и учитель Кзылкумхаджи был на совещании дружественных государств в Москве. И знаешь, что он увидел в Кремле?

– Царь-пушку? – почему-то предположил Лев Христофорович.

– Не говори глупостей, профессор-мофессор. Он увидел там символ русской империи, благородную птицу о двух головах, орел называется. Эта птица сидит во дворце, в хрустальном доме, иностранные президенты приезжают, видят, какая в России есть птичка и говорят: «Вах! Такую страну Россию уважать будем. Нигде птицы орел о двух головах нет, а в Кремле есть!» Понимаешь?

– Понимаю, – согласился профессор Минц.

Он смотрел за окно. Там косо, под ветром, летели лепестки яблонь. Наступила очередная весна. Профессор Минц внутренне сжался. Сейчас ему будут предлагать работу. Интересно, кто у них там? Тянитолкай? Это еще не худший вариант. Только бы не дракон!

– Ты наш герб видел? – спросил кзылкумстанец.

– Не приходилось, – вздохнул профессор.

– Тогда смотри.

Гость вытащил из кармана большую монету. На ней был изображен герб страны. В печали Минц принялся считать головы орла. Потому что герб Кзылкумстана представлял собой орла с несколькими головами.

– Сколько их? – нервно спросил он.

– Надо знать, – строго ответил гость. – Семь областей содержится в нашей республике. Семь голов у смелого орла, который мысленно реет над нашей державой. Лживые завистливые соседи говорят, что нет такой птицы! Как не бывает двуглавый русский орел. Теперь есть русский орел. Где же Кзылкумстанский орел? Я тебя спрашиваю, где?

Минц не смог ответить на этот вопрос.

– Тогда садись и делай, понимаешь?

– Не могу. Это выше моих сил.

– А двуглавый ниже твоих сил?

– Двуглавый – на пределе реальности.

– Я киллеров пришлю, не жить тебе, Минц.

– Я старый человек. Я говорю правду. Наука не сможет изготовить или вывести семиглавого орла.

– А в Японии сможет?

– И в Японии не сможет.

– Ты врешь, гяур!

– Можете пытать меня и даже убить.

– А золотом хочешь? Килограмм золота?

– Не поможет.

– Ну, тогда... – посланец сделал паузу, готовясь к смелому заявлению. – Тогда мы присвоим тебе звание Героя социалистического труда Кзылкумстана.

– Простите. Не смогу.

– Поклянись прахом твоей мамы!

– Клянусь!

– Дети есть?

– От первого брака, в Гватемале живет. Дочь.

– Поклянись именем дочери!

– Ну, клянусь, клянусь!

– Похоже на правду, – сказал гость, поднялся и пошел прочь.

С порога обернулся и погрозил Минцу пальцем. Минц не шевельнулся.

Наступила зловещая тишина. Профессор понимал, что Кзылкумстан не успокоится, пока не выведет своего урода.

Так и случилось.

В ночь на первое мая неизвестными лицами было совершено дерзкое ограбление Большого кремлевского дворца. Но в первые дни даже правительственное телевидение не знало, что же украли злоумышленники. Почему по всей стране была объявлена операция «Вихрь» и все милиционеры отозваны из отпусков.

Лишь через неделю в прессу начали просачиваться обрывки разноречивой информации. Якобы украден символ державы – не то флаг, не то герб. Не исключено, что основная ценность хранилища Кремля – ноты государственного гимна. Совершенно невозместимая потеря!

А когда эти слухи доползли до Великого Гусляра, Минц сказал Удалову:

– Птичку жалко. Погубят они птичку.

К счастью, дело обернулось совсем иначе.

На самом деле агенты державы Кзылкумстан совершили дерзкое нападение на Кремль, но не похитили ничего, кроме двуглавого орла. Казалось бы, бессмысленное преступление, никуда не ведущее и не дающее Кзылкумстану никаких дивидендов.

Но те, кто так рассуждал, не знали, что похищенного орла уже поджидал в столице Кзылкумстана Дарвазе тайно выписанный из Кашмира доктор Ашир Пахлави, ведущий специалист по пластической хирургии, любимец Усамы бен Ладена, изменивший внешность сотням исламских боевиков.

На этот раз перед ним стояла задача невероятной сложности.

Ему было сказано, что в качестве исходного материала для работы он заполучит живого двуглавого орла, похищенного у русских. Этого орла вывел один русский еврей, который якобы похваляется тем, что никто иной в мире этого бы сделать не сумел. А вот если Пахлави сможет превратить двуглавого орла в семиглавого, ему гарантирован танкер, полный лучшей нефти.

И для орла Символа наступили страшные, болезненные и даже отвратительные дни.

По приказу кашмирского доктора на секретную базу возле Дарваза привозили целыми стаями разных хищных птиц. Доктор Пахлави отрезал у них головы и вживлял их русскому орлу.

О, как кричал и клекотал от боли русский орел Символ, как он рвался из зажимов – ни один наркоз ему не помогал.

На следующий день после операции Символ приходил в себя и, переступая желтыми ногами, шел к зеркалу, установленному в клетке. Зрелище было ужасным: две больших здоровых родных головы и пять голов или головок поменьше, полудохлых, сонных, на вялых шейках.

Орел пытался оживить их бодрыми криками и движениями, но ему это не удавалось. Он совал пять своих голов под крылья и дремал, чтобы время в неволе проходило быстрее.

Орел ждал смерти.

Содержали его в Дарвазском зоопарке, в клетке, где раньше жили страусы. Поверх клетки натянули камуфляж, взятый с вертолетной базы, чтобы орла не отыскала русская разведка. А она старалась. В Москве ожидали одного иностранца, которому следовало показать Символа.

Измученный бесконечными операциями почти семиглавый орел был обречен сдохнуть в клетке, если бы не ураган Сильва, который прорвался в Центральную Азию с Тихого океана, где он потопил малайский авианосец «Пенанг».

Ураган с такой силой ударил по зоопарку, что сорвал камуфляж с орлиной клетки.

Именно в этот момент, что было не более как счастливым совпадением, над Дарвазом пролетал косяк диких гусей, в составе которого случайно оказалась гусыня Светка, бывшая кормилица орла.

Женское, хоть и гусиное, сердце – не камень.

Образ несчастного орленка запечатлелся в нем, как вырезанный на мраморе. И вы можете представить себе, какие чувства охватили гусыню, когда она увидела внизу, на земле, изуродованного дополнительными головами, но все же легко узнаваемого Символа.

Гусыня спикировала на проволочную крышу клетки и стала рвать ее клювом. Вряд ли она справилась бы с этой задачей, но на помощь ей пришли прочие гуси, а изнутри бился и клевал проволоку оживший при виде кормилицы орел.

Местная охрана, спрятавшаяся в укрытии от дождя и бури, не заметила, как птицы совместно разорвали проволоку, и орел, гордо подняв все семь голов, устремился за гусями на юг.

Но недолго летели они все вместе.

Гусиное общественное мнение резко возражало против предпочтения, которое Светка оказывала хищному уроду.

Да и соседние стаи не щадили чувств гуслярских гусей. Особенно возмущали птиц пришитые к Символу мелкие головы ястребов и петуха.

Гусыня тоже их не выносила. Ее не смущало то, что у Символа были две настоящих головы. Но эти добавки!

– Знаешь что, мой милый, – сказала она приемышу на птичьем, нам непонятном языке. – В Африке тебя сразу заклюют.

– Заклюют! – откликнулись другие гуси. – И мы не будем возражать. Таким уродам нет места среди живой природы.

– Что же делать? – спросил несчастный уродец.

– Возвращаться домой, – ответила гусыня. – Там отыщем профессора Минца. Не может быть, чтобы он отказал птицам в помощи.

– Нельзя, – сказал орел. – Начинается зима, вот-вот ударят морозы. Нам что же, погибать?

– Лучше погибнуть на родине, символом которой ты являешься, – сказала Светка, – чем бесславно погибнуть на чужбине.

И убежденный ее настойчивыми словами орел взял курс за гусыней на Родину.

А тем временем в суверенном Кзылкумстане в день рождения Кзылбаши при стечении массы народа должен был быть представлен ему и гостям символ суверенитета.

Но символ пропал.

Он в эти минуты летел над долиной Волги, направляясь на север.

Странную пару встречали ветры, пугала непогода и обстреливали охотники. Кстати, случайным выстрелом была убита одна из лишних голов орла. Так, шестиглавым, он опустился во двор дома № 16 по Пушкинской улице Великого Гусляра.

Профессор Минц, движимый интуицией, выбежал во двор и прижал путешественника к груди.

Гусыня Светка стояла в стороне. Она сделала свое дело.

– Кто это натворил? – возмутился профессор. – Какой идиот его изуродовал?

Гусыня сдержанно загоготала. Она тоже так думала.

Когда Минц пригласил орла к себе в кабинет, Светка пошла за ним, у Минца рука не поднялась ее остановить.

Вот она и торчала в комнате, пока Минц обследовал орла, а потом принялся ампутировать лишние головы, благо они, не вынеся долгого пути из Кзылкумстана, и сами уже отмирали.

Пришедший Удалов посоветовал Минцу заодно отрезать орлу и вторую голову, но натолкнулся на яростное сопротивление как друга, так и птиц.

Поэтому после операции и перевязки Символ остался двухголовым.

А когда он немного окреп, Минц отпустил орла на волю. Орел с гусыней провели зиму в пустом коровнике на окраине Гусляра. А Минц с Удаловым подкармливали влюбленных птиц.

По весне Светка снесла три яйца. Из них в апреле вывелись некрасивые, но многообещающие птенцы орлиного племени, а один – гусиного. И все двухголовые.

Отсюда и пошло славное племя двуглавых орлов, которые кружат над просторами России.

ЖЕЛТОЕ ПРИВИДЕНИЕ

Мы делаем вид, что не верим в нечистую силу. Правда, некоторые теперь перестали стесняться и пытаются построить свою жизнь соответственно астрологическому прогнозу, придуманному на кухне гражданином Сидорчуком с помощью ножниц и клея. Даже ни единого своего слова в такой прогноз вставлять не нужно. Все уже сказали до тебя умные люди.

Лично я в привидения не верю, астрологией не интересуюсь и знаю, что любому загадочному событию найдется простое житейское объяснение. Хотя не всегда его примет суеверная общественность.

В случае с привидением, которое преследовало моего друга Корнелия Удалова, объяснение оказалось, с одной стороны, банальным, с другой – никакого объяснения до сих пор не найдено. Возможно, и не найдут.

Смешная ли это история?

Для кого смешная, а кому плакать хочется.

Истоки ее лежат в прошлом году, когда Совет по контактам высшего уровня планеты Икссигреком (это не шутка, так переводится ее название на русский язык, и, вернее всего, это не настоящее название, а попытка ввести нас с вами в заблуждение) решил распространить свое благое влияние на нашу недостойную и отсталую планету. При этом Совет старался следовать законам космического сообщества и не демонстрировать своего вмешательства в нашу внутреннюю жизнь. Как известно, Совет никогда не вмешивается в дела отдаленных планет, тем более тех, где и не подозревают о его существовании. Если же обстоятельства складываются так, что вмешательство становится необходимым, Совет проводит свои операции целенаправленно, точечно и всегда принимает меры, чтобы количество смертей среди мирного населения не превышало неких величин.

Сказано – сделано.

Однако для того, чтобы операция по превращению Земли в счастливую планету прошла как можно безболезненнее и, главное, с минимальными потерями для работников разведуправления, на которых и возлагается задача внедрения, наблюдения, размягчения и подготовки, в центр был доставлен обитатель планеты Земля, выбранный наугад компьютером, когда он гулял возле своего дома.

Дальнейшая беседа с этим опытным образцом или, как он назывался в официальных документах, информантом Н., проходила под наблюдением приборов и фиксировалась с возможной точностью. Так как эти записи сохранились, мы можем представить их на суд читателей:

8 часов 22 минуты утра по местному времени. При беседе присутствуют старший следователь и два консультанта, имена которых не называются из соображений безопасности.

Вопрос: Известно ли вам, где вы находитесь?

Ответ: А мне до лампочки.

(Пауза ввиду некоторых сложностей с переводом.)

Вопрос: Вы верите, что мы вам желаем добра?

Ответ: А вы кто такие?

Вопрос: Сейчас один из ваших новых друзей войдет в комнату. И вы скажете нам, нравится ли вам его внешний облик.

(После появления в помещении консультанта № 2 абориген упал в обморок, и его откачивали около часа. Затем дружеский разговор продолжался.)

Вопрос: Означает ли ваша реакция, что внешний облик нашего друга произвел на вас нежелательное впечатление?

Ответ: Прошу выдать мне пистолет или как он у вас называется.

Вопрос: С какой целью?

Ответ: Я его на месте пристрелю. А если он не сбежит, то сам застрелюсь.

Вопрос: Неужели мы вам кажемся некрасивыми?

Ответ: Пистолет мне! Я буду отстреливаться!

Вопрос: Означает ли это, что и на Земле есть существа, вид которых вам неприятен?

Ответ: Еще бы!

Вопрос: Кто же?

Ответ: Клавка.

Вопрос: Чем же она неприятна?

Ответ: Тридцатку отняла.

Вопрос: А относительно нашего облика?

Ответ: Еще противней.

Вопрос: Мы купили для вас по вашей просьбе напиток под названием «Столичная». Желаете ли вы его употребить?

Ответ: Немедленно.

Вопрос: Вы не устали?

Ответ: Да с чего бы?!

Вопрос: Вы представляете собой среднего жителя этой планеты?

Ответ: Выдающегося, но среднего.

Вопрос: Нам любопытно ваше мнение. Если существуют предметы неприятные, что вы с ними делаете?

Ответ: Уничтожаю.

Вопрос: Кого, например?

Ответ: Таракана! Кота Ваську. Клавку. Ну и, конечно, «Столичную».

Вопрос: А что вы делаете с предметами, которые вам приятны?

Ответ: Уничтожаю.

Вопрос: Что же вы уничтожаете из приятных предметов?

Ответ: Селедку. «Столичную» и «Херес».

Вопрос: Вы нам составите список?

Ответ: Если найдется еще бутылка «Столичной», всё составим.

Вопрос: А есть ли предметы, до которых нормальный человек не дотрагивается. Скажем, не замечает их, не реагирует на них?

Ответ: Да уж естественно.

Вопрос: Как вы относитесь к лимонам?

Ответ: Никак...

Вопрос: А к цветам? К ромашкам, например?

Ответ: Да хоть бы их и не было!

Вопрос: Какие еще растительные или живые существа в доме вы не замечаете и не трогаете?

Ответ: Если не замечаю, то и не знаю, как называются.

Вопрос: Куриное яйцо?

Ответ: Не пудри мне мозги. Где вторая бутылочка?

Вопрос: А если яблоко?

Ответ: Пускай живет... Молодец, что бутылку принес. Задавай вопросы. А если хочешь, пускай твой кореш приходит, которого я забоялся. Больше не буду. Даже угощу водочкой.

Вопрос: Тогда мы продолжим перечислять животных и растения, скажем, в широком смысле живых существ, к которым вы равнодушны. Бабочка?

Ответ: Тут же раздавлю. И не надейся.

Вопрос: Честный ответ! Вы пейте, пейте, мы пока продолжим расспросы...

По окончании беседы информант по фамилии Н. был сброшен с корабля в Тихий океан. Он не заметил этого броска, летел вниз и пел песню, очевидно, ритуального характера.

Проблемы маскировки и подготовки научно-исследовательского персонала к высадке на Землю и пребыванию там продолжались с учетом совершенно искренних показаний информанта Н.

Таково начало этой космической эпопеи. Беседа с безвестным алкашом стала первым источником или, скажем, истоком этой грустной истории, имевшей место в Великом Гусляре в прошлом году.

Вторым истоком этой истории стала Ксения Удалова, которая прочла в популярном журнале, что лимоны можно выводить в комнатных условиях, причем если это делать без химических удобрений, то они вырастут совершенно безопасными для здоровья.

Молодое лимонное деревце, практически росточек, Ксения не без труда достала в Тотьме у одной женщины, которая их разводила.

Лимон рос как на дрожжах. А Ксения о нем заботилась по книге, которую ей дали переписать в школе у Максимки-младшего, потому что там все учителя и даже уборщицы выращивали лимонные деревья.

Никто не заметил, как лимон цвел, но в пятницу к вечеру завязались зеленые плоды, а на следующей неделе лимоны уже достигли размеров грецкого ореха, и женщины, которые их разводили, принялись ходить друг к дружке в гости, чтобы сказать:

– Нет, Ксения, не удались у тебя плоды, не удались. Мои раза в полтора крупнее.

– Ну уж ты скажешь! – возмущалась Ксения. – Что у меня, глаз нету? Твои рядом с моими – зеленый горошек.

Корнелий Удалов тоже удивлялся. Предполагал, что Ксения раздобыла особенные удобрения, но стесняется признаться, потому что ухнула на них всю заначку на евроремонт чулана.

Трагедия произошла в конце следующей недели, когда лимоны пожелтели и выглядели как на рекламе.

Корнелий пришел домой. Никого не было. Поставил чайник.

Пока заваривал, глядел на лимонное дерево, на котором образовалось четыре крупных лимона, и мысленно рассуждал о том, что зима выдалась трудной, азербайджанцы уже дней пять как не завозят бананов и манго. Хорошо было при советской власти. Не было никаких мангов, и не надо было на эту тему переживать. Главное, чтобы не было перебоев с морковкой.

А что теперь?

Теперь я сижу, переживаю, что лимонов в магазине временно нет, а на меня с ветки глазеет этот желтопузый, нагло так глазеет, будто в душу лезет.

Усмехнувшись своим странным ощущениям, Удалов непроизвольно подошел к деревцу и сорвал лимон. Чтобы не глазел.

Лимон оторвался с трудом, деревце раскачивалось, не отдавая плода, Удалов даже рассердился. В конце концов, лимоны для того и придуманы природой, чтобы люди их ели.

Лимон вздрагивал в руке, словно животное, будто хотел выпрыгнуть. Удалову даже смешно стало – пригрезится же такое. Чай заварился.

Перед тем как порезать лимон, Удалов положил его на блюдце и полил кипятком. Это способствует выделению аромата.

Лимонное дерево зашуршало, забормотало листвой, лимон мелко задрожал на блюдце.

Удалов отогнал неприятное видение, тем более что хотелось чаю, а от ошпаренного лимона по комнате разносился жгучий аромат, напоминавший о давних командировках, станционных буфетах, случайном взгляде попутчицы или доброй ласке гостиничной горничной. Все бывало в жизни...

Удалов взял ножик поострее и, примерившись, принялся отрезать от лимона тонкие ароматные колечки. Отрезал три штуки и остановился. Лимон, который бешено сопротивлялся первому удару ножа, вдруг замер, словно умер.

Сравнение было неправильным, потому что растения не могут жить и умирать, как люди, это уже давно доказано наукой. Удалов кинул колечко лимона в чай.

Почему-то было ему неловко, словно он сделал нечто плохое, хотя, как вы понимаете, ничего такого Удалов не сделал.

Но у чая был неприятный привкус, словно в него капнули аммиака. Удалов добавил сахара, потом кинул в чашку еще колечко лимона. Но

удовольствия не было. И уж как он ждал этого чая, как стремился к нему, и даже предвкушал удовольствие, а вот тебе – не получилось. Так в жизни случается: стремишься, предвкушаешь, а девица оказалась ничем не лучше других.

В таком настроении Удалов поднялся из-за стола и услышал внутренний голос:

– Убийца!

Голос этот был тих, но внятен. Будто некто стоял в той же комнате, но не хотел, чтобы его услышали посторонние.

– Что вы сказали? – спросил Удалов. Только не мысленно, а вслух.

– Убийца, – повторил голос.

И вдруг к нему присоединились другие голоса. Как будто за стеной идет какое-то совещание и все там не одобряют оратора, даже перебивают его, чтобы поскорее сходил со сцены.

– Вы ко мне? – спросил Удалов вслух.

– Ты его зарезал. Обварил кипятком и зарезал. Садист проклятый!

Удалов отмахнулся от чепухи, которая так настойчиво лезла в голову, и пошел прочь, так и не напившись чаю.

Вернулся он уже к вечеру. А когда подходил к дому, то в сердце заколотилось неприятное предчувствие, словно дома его поджидали враги.

И не удивительно, что, увидев Ксению, которая на кухне варила солянку, он сразу сказал:

– Пора твои лимоны снимать. Подари их в детский садик.

– Еще чего не хватало! Мое лимонное дерево отправится на выставку достижений.

Она вошла в комнату, намереваясь, видно, поведать мужу о том, какой будет эта выставка, и тут увидела на столе следы его преступления: лежавший на блюдце частично порезанный лимон и недопитую чашку с чаем, в которой плавали кружочки лимона.

– Ты что же наделал, мерзавец?! – возопила она. – Я же на первый приз шла, я этой Куртеповой наверняка нос бы утерла, у нее же шесть штук, и маленькие, а у меня было четыре, зато какие гиганты!

Она принялась рыдать, и, что удивительно, лимонное дерево вторило несчастной женщине, правда, эти вторичные рыдания слышал лишь растерянный Удалов.

– Ну не знал я! – пытался он перекричать ревущую в голос Ксению. – Ты же мне никогда про выставку не говорила. Я же думал, что это для еды, а не для выставки, понимаешь?

– Убийца! – кричала Ксения, ну точно как невидимый голос.

– Ничего, – сказал тогда Удалов, – мы купим лимон в магазине и привяжем его на ниточку.

Эти слова совсем уж расстроили Ксению, и она убежала из дома к своей злейшей подруге жаловаться на неудавшуюся жизнь и мужа-убийцу. А подруга станет кивать головой, внешне сочувствовать, а внутренне торжествовать по поводу чужого горя.

Удалов остался дома, тихонько поужинал вчерашними щами – сегодня Ксения приготовить солянку не успела.

Потом он сидел, смотрел сериал по телевизору и чувствовал на себе тяжелый укоризненный взгляд лимонного дерева.

– Не хотел я никого убивать, – сказал он по окончании серии дереву. – Просто думал чайку попить. На то и лимон, чтобы с ним чай пить.

На что дерево замахало ветвями и, будь у него ноги вместо корней, наверняка бы кинулось на Удалова, чтобы растерзать. А так он остался жив и временно невредим.

Позвонила Ксения и сообщила, что ночевать останется у Софьи. Так бывало редко, только в моменты больших семейных разлук.

Ну и пожалуйста.

Корнелий Иванович постелил себе на диване – не хотелось оставаться в одиночестве на супружеском ложе. И вскоре пожалел об этом, потому что диван, как вы знаете, стоит в большой комнате, а кадка с лимонным деревом находится там же, в углу.

Как только Удалов закрыл глаза, ему стал сниться странный сон. Будто лимонное дерево подошло к нему и сказало:

– Мы отомстим тебе за чрезмерную жестокость. Вся Земля, которая могла породить такое чудовище, как ты, содрогнется от ужаса и боли.

Удалов открыл глаза и увидел, что лимонное дерево быстренько убегает от него к кадке. Вот оно сунуло корни внутрь и замерло, будто и не вылезало. То есть сон продолжался.

Удалов на всякий случай ущипнул себя за бедро, и было больно. Значит, это уже не сон. Хотя говорят, что порой сон сильнее любой

пытки: тебе кажется, что ты щиплешься, а на самом деле ты спишь неподвижно.

Удалов унял беспокойство сердца и постарался заснуть снова.

И тут услышал негромкие частые шаги. Кто-то вошел в комнату.

Освещение в ней было ночное – от луны и уличного фонаря. Разобрать детали невозможно, а в целом картину наблюдать нетрудно.

– Кто там? – спросил Удалов.

Вошедший не отозвался, а направился к дивану, словно покатился к нему. И ясно почему – при большом круглом тяжелом теле у этого существа были тонкие ручки и ножки, которые с трудом удерживали груз своего хозяина.

Но странно: Удалов отчетливо увидел, что это тело окружено слабым сиреневым сиянием, по которому проскакивали небольшие яркие искорки.

– Ты убил меня, Удалов, – прошелестело привидение.

Удалов уже понял, что имеет дело с привидением, хотя в привидения не верил. И над верующими посмеивался.

Больше того, Удалов понял, чье это привидение.

К нему заявился, возможно с мстительными целями, дух ошпаренного им и порезанного ножиком лимона. Правда, в потустороннем виде лимон был во много раз крупнее, чем в жизни.

– Я сплю, и это недоразумение, – быстро и хрипло проговорил Удалов.

– Нет, ты не спишь, – ответило привидение лимона. – Ты трепещешь. Потому что нет предела твоей жестокости. Мне пришлось при подготовке к экспедиции много читать про историю человечества, и я убежден, что сожжение живьем Жанны д'Арк и истребление китов-полосатиков в Беринговом море не идет в сравнение с твоей мерзопакостной сутью.

– Я думаю, что мне все это снится, – возразил Удалов, – потому что привидений не бывает. Тем более желтых привидений. В форме лимона.

– Это почему же? – спросило привидение.

– Потому что, если я тебя нечаянно загубил, ты должен прийти ко мне в своем истинном обличии. Ведь ты инопланетянин, не так ли?

– Это почему же? – повторил вопрос лимон.

– Потому что не бывает говорящих лимонов. Лимон – это плод. А привидение – это остаточное явление разумного существа. Я правильно говорю?

Удалов увлекся беседой с привидением и уже не так боялся незваного гостя.

– Ах, – вздохнул лимон.

Он стоял теперь неподвижно и скорее был похож на очень большой воздушный шар в форме лимона, наверху его находилась выпуклость, какие всегда бывают у лимонов на обоих концах тела. Но эта выпуклость была слишком мала, чтобы казаться головой, хотя глаза непроизвольно искали какой-нибудь головы. Ведь привидение беседовало, хоть и мысленно. Также не хватало чего-то, если посмотреть на нижнее завершение лимонного привидения. Там тоже была выпуклость, обращенная вниз, которая, вернее всего, указывала на пол лимона. Хотя не исключено, что у лимонов пол различается совсем иначе, чем у людей.

– Чего уставился? – недовольно проговорило привидение. – Не покажусь я тебе в истинном виде, хотя бы потому, что это запрещено нам всем, участникам экспедиции на Землю. Мы давали подписку о неразглашении.

– Ну, теперь тебе уже ничего не грозит, – сказал Удалов. – Хуже тебе не будет.

– Не скажи, – возразило привидение. – Меня еще не похоронили. Мой прах покоится в холодильнике на нашем корабле. И мне не известно, решат ли его везти домой.

– Ну, считай, что ты жизнью пожертвовал ради благородного дела.

– Ради чего? Ты не думаешь, Удалов, что эксперимент может теперь провалиться? Да и какой может быть разговор о благородстве, когда встречаются две такие чуждые цивилизации. Что бы там ни говорили политики, всё просто: или мы вас перебьем, или вы нас уничтожите.

И когда Удалов хотел возразить, потому что сам он относился к сторонникам галактической дружбы и верил в братство по разуму, хотя редко с ним сталкивался, привидение лимона начало дрожать, словно от холода.

– Это у меня посмертные конвульсии. Сам не знаю, что у меня происходит с этим телом.

Лимон хотел было уйти в то место, где пришельцы находятся сразу после смерти, но Удалов остановил его.

– Подождите минутку, – попросил он. – Мне хотелось бы узнать, что привело вас на Землю. Что это за странная идея превращаться в лимон и стоять на подоконнике. Вы бы спросили, что вам нужно, а мы бы вам все добровольно рассказали.

– Во-первых, мы не имеем права спрашивать, – ответил дрожащий лимон, – нас живо исключат из числа цивилизованных планет и, может, даже распылят. Поэтому мы пошли по единственно доступному пути. Мы расставили агентов по всей Земле в виде вещей, либо обычных и незаметных дома, либо тех, которых люди не должны уничтожать.

– Там не только лимоны, говоришь?

– Не задавайте глупых вопросов!

– Какого чёрта это вам понадобилось! Ученые, вокруг пальца крученые!

Удалов, как был в одних трусах, поднялся с дивана и смело пошел к привидению лимона.

Привидение почувствовало, что его не боятся, и само стало отступать.

– Ты один такой, болезный? – спросил Удалов.

– Ах, если бы так... – зарыдал лимон и растворился в воздухе.

Удалов остался перед деревом, которое заметно поникло.

– Неужели вы к нам тайно прилетели и замаскировались только из любви к науке? – спросил он.

– Мы простые исполнители воли нашего начальства, – ответило дерево. – Нам сказали: приедете, посмотрите, запомните, получите гонорар – и домой, к Новому году. А теперь оказалось, что у нас потери до половины личного состава! Мы-то думали, что вы безобидные, а вы оказались садистами хуже нас! Теперь ждем эвакуации.

– И что же вас останавливает?

– Никто не знает, как эвакуировать наши привидения. Кто мог предположить, что после смерти наши замаскированные товарищи станут призраками, которые даже пощупать нельзя?

– Да, – вздохнул Удалов, – провалилось ваше вторжение.

– Ох как провалилось!

– Может, чайку попить? – сказал Удалов. – Все равно уже не спится.

Вы бы слышали, как зарыдало лимонное дерево, как стало прятать лимоны в своих редких ветвях.

Удалов засмеялся.

– Все вы, агрессоры, таковы, – сказал он. – Как вас прижмешь, сразу в кусты.

– Вы не так нас поняли, Корнелий Иванович, – сказал один из лимонов. – Смерть не страшна, мы не раз с ней встречались в бою. Она всегда над нами кружится. Но это смерть на родине, с красивой могилой и памятью потомков. А тут, оказывается, мы сначала превращаемся в какие-то кислые фрукты, а потом и вовсе в привидения, обреченные скитаться над вашей провинциальной Землей.

– Сами виноваты, – ответил Удалов и пошел спать.

Не первые агрессоры в истории Вселенной оказываются жертвами своей изворотливости.

Но не спалось. Удалов вертелся, вертелся, а потом спросил:

– А как же вы сообразили лимонами нарядиться?

– А мы специально информанта с Земли забрали и допросили. Он сообщил, что люди не трогают лимоны, яблоки и ряд других произведений природы.

– А что же мы трогаем?

– Вы трогаете напиток под названием «Столичная». Поэтому вы не найдете ни одного нашего агента, замаскированного под бутылку с напитком «Столичная».

– Умники, – сказал Удалов и заснул.

Удалов спал и не подозревал о том, что творится в ближайших окрестностях нашей планеты.

А тем временем на корабле-разведчике, гигантской матке шпионажа, царила тревога. Прибывшие лимоны (а их привезли из разных домов) поведали о страшной кончине своего собрата. Правда, руководители экспедиции отмахнулись от информации, будто от лимона осталось привидение.

Привидений не бывает!

И тут на пульте, который фиксировал положение и состояние всех агентов, погас агент номер такой-то, который наблюдал за квартирой профессора Минца, приняв вид куриного яйца. Смерть его, как оказалось, была еще ужасней, чем кончина лимона. Так называемый профессор пробил ему затылок и выпил его мозг, не говоря об остальном теле. Это было невероятно, но факты – упрямая вещь.

Через полчаса пришла страшная весть из Пьяного Бора. Гражданка Фаронова разбила молотком скорлупу группы агентов, изображавших собой грецкие орехи. Потом измельчила тела агентов и кинула их в тесто.

Я не буду сейчас и здесь отвлекать ваше внимание на страшные детали издевательств и смертей агентов. Но постарайтесь представить себе мирную сцену на берегу реки Гусь, где турист Садовников, влюбленный в туристку Маню, сорвал ромашку и стал обрывать у нее лепестки, бормоча при этом какие-то земные заклинания типа: «Любит – не любит, плюнет – поцелует...»

Как вы понимаете, цветком ромашки прикинулся один из лучших агентов планеты... Его вопли доносились до капитанского мостика корабля. «Убивают! – взывал он. – Правая рука ушла, левая рука оторвана, правая нога исчезла...»

На борту корабля началось срочное совещание.

Да, теперь можно открыть карты: собирались они захватить Землю, поработить и колонизировать, на месте наших свалок и помоек устроить оранжереи, с улиц наших городов изгнать джипы и мерседесы, а вместо них соорудить пешеходные дорожки, прерываемые клумбами и фонтанами, жестко запретить несчастным людям жечь костры в заповедных лесах, отстреливать благородных оленей, глушить лососей и карпов динамитом, ездить в поезде без билета, грабить детские приюты и переходить улицу на красный свет светофора. Грядущая судьба Земли, и в первую очередь жителей Великого Гусляра, должна была стать ужасной.

Однако этим их дьявольская изворотливая жестокость не ограничивалась. Они намеревались запретить нам всевозможные удовольствия и развлечения, вплоть до запретов хватать кошек за хвост и бить головой о стенку или колотить своих жен, а взамен не оказывать нам никакой продовольственной и материальной помощи. К тому же в недавно опубликованных секретных планах этих так называемых цивилизованных колонизаторов был пункт: заставить всех взрослых жителей Земли трудиться!

Их планы были сорваны бессознательным, инстинктивным сопротивлением всех обитателей Великого Гусляра, выбранного там в качестве полигона.

Когда тридцать шесть из тридцати восьми тщательно внедренных агентов были замучены, затравлены и укокошены гуслярцами, оставшиеся кинулись к кораблю вторжения, стоявшему на опушке леса и глядевшему на Великий Гусляр.

Разумеется, этот наблюдательный пункт номер один был отлично виден из города, хотя далеко не сразу жители его догадались о том, что смотрят на произведение инопланетной технологии.

И ведь как раз в те дни в городе шла обычная и довольно мирная подготовка к Рождеству, недавно ставшему общенародным праздником вместо дня рождения товарища Сталина. Сама Ираида Тихоновна подписала ассигнования на возведение на площади Землепроходцев новогодней елки номер один, как и в прошлые годы. Однако она сказала Поликарпычу:

– Ты уж постарайся, сэкономь. Глубоко в лес не углубляйся, от дорог не отходи. Каждый лишний метр – это убыток для нашей городской и без того небогатой казны.

В этом заявлении была не столько забота о городе, как беспокойство о собственном кармане, потому что Ираида Тихоновна отлично знала, что любой сбереженный в бюджете города рубль – это ее личная прибыль. Знал об этом и Поликарпыч, ее верный адъютант, получавший пять копеек с каждого начальственного рубля.

Поэтому Поликарпыч, взяв грузовик, поехал к лесу, чтобы найти приличную и крупную, но не очень далеко спрятанную в зарослях елку.

И неожиданно для себя увидел ее прямо на опушке леса.

– Смотри, – сказал он Гене, шоферу. – Как сам бог ее нам послал.

– А я еще летом здесь гулял по грибы, – признался Гена, – вон тот дуб помню, я под ним мухомор видел, а елки, да такой прямой, да такой густой – не припомню.

Он остановил машину поближе к елке, достал пилу и топор, и они с Поликарпычем пошли наверх, к ели, раскинувшей густые лапы над проплешинами в мокром снегу – зима выдалась, как всегда, мокрая и оттепельная.

Они стали сначала пилить ель, и пилилось плохо.

Ствол был плотный, не поддавался, пила в конце концов сломалась. Взялись за топор и справились с елью лишь через полчаса.

Потом еще пришлось тащить ее к машине. Уже темнело, пошел липкий снег, подул тревожный ветер.

Создавалось ложное впечатление, что ель попискивает изнутри, будто населенная визгливыми муравьями.

Вдвоем они с трудом доволокли елку до машины и втащили в кузов. Потом перекурили, отдышались и поехали ставить елку на площади. А игрушки развешивали уже люди из Гуслярэнерго.

Так погиб корабль, погибли известные всей тамошней планете агенты, капитаны и воины. И не смогли донести до дома правду о провале миссии Дружбы и Воссоединения.

Но ничего в природе не пропадает втуне.

И, несмотря на полную антинаучность предположений о привидениях, обнаружилось, что существо, погибшее во время исполнения особого задания и принявшее для этого форму, привычную для землян и совершенно необычную для агентов, превращается в привидение именно такого, чуждого вида. Не бывает привидений и быть не может, но возможны привидения лимонов, ромашек (очень нежное и трогательное привидение), куриных яиц или летучих мышей (одна жила на школьном чердаке и занималась наблюдениями, пока ее не сожрала кошка). И неудивительно, что в ночь под Рождество елка, стоявшая посреди площади в Великом Гусляре, начала передвигаться вдоль Гостиного двора, а потом попыталась взлететь к звездам, отчего сорвались и пропали в снегу блестящие гирлянды и шары. Правда, свидетели этого были пьяны, и никто им не поверил.

Когда на планете Икссигреком соскучились по новостям от разведэкспедиции, то сначала пропажу своих товарищей объяснили обычными происками соперников и завистников. И не стали объявлять о пропаже.

Через месяц послали секретную группу, которая полетала вокруг Земли, но никого не нашла.

Когда же прошло еще полгода и не осталось никаких сомнений в гибели экспедиции, новая спасательная группа принялась шарить по Земле и сконцентрировала усилия в районе Великого Гусляра. Сначала им ничего не удавалось найти, а потом один из спасателей, прибывший на Землю в своем обычном облике, отправился в гости к Корнелию Удалову, к которому имел рекомендательные емэйлы от высших чинов в Галактическом центре.

Утром, когда Удалов вышел делать зарядку во двор, к нему обратился голос из кустов:

– Простите за беспокойство, Корнелий Иванович, не хотели мы тебя тревожить, да нужда заставила.

– Да вы выходите, выходите, – ободрил гостя Удалов. – Может, чайку с дороги или чего покрепче?

– Не сейчас, – возразил инопланетянин. – У нас беда. Пропала целая экспедиция. Бесследно. Должна была скрытно и деликатно изучать жителей вашей планеты. И пропала.

– А как она выглядела?

– Точно сказать не сможем, но ее члены должны были изображать из себя живых существ, которые близки и привычны вам, людям.

– А почему нельзя в обычном виде? Мы же не кусаемся.

– Ну, как вам объяснить? Некоторые люди думают, что мы кусаемся.

Ветви сиреневого куста немного разошлись, и показался полупрозрачный паук двухметрового роста, настолько страшный и ядовитый на вид, что Удалов зажмурился и отскочил метра на три.

– Понимаешь теперь? – спросил паук.

– Понимаю, – Удалов пришел в себя и задумался.

Не то чтобы он испугался паукообразного гостя, и не таких приходилось встречать, но странная мысль посетила его.

– Ты не очень спешишь? – спросил он пришельца.

– У меня впереди вечность, – признался пришелец.

– Тогда ты затаись до ночи, я тебе кое-что покажу.

Паук провел остаток дня, прилепившись к потолку на лестнице. Слава богу, никому не пришло в голову смотреть на этот потолок.

Ночью, как раз когда в Гусляре появлялись странные привидения, Удалов вышел на лестницу и предупредил:

– Сейчас начнется.

– Чего начнется? – спросил паук.

– Ты смотри, только не шуми. Мне неохота из-за тебя с соседями цапаться.

И в этот момент, распространяя вокруг себя сиреневое сияние, на лестничную площадку вышло надбитое с макушки куриное яйцо. За ним появился тот самый лимон. Шурша крыльями, прилетел попу-

гайчик, которого сожрала кошка Ложкиных, и затем летучая мышь, которую слопала кошка Гавриловых...

На этом наблюдение закончилось, потому что с легким треском и негромким шумом на лестницу рухнул с потолка гигантский полупрозрачный паук.

Это упал от страха в обморок бригадир второго ранга, герой многих галактических сражений с непроизносимым именем.

И, увидев его, все привидения Великого Гусляра, включая почти невидное привидение горохового стручка, кинулись к пауку с криками:

– Так вот ты где скрывался! Мы погибаем, а помощь не идет! Где был наш Чапаев на белом коне?

Последние слова показывают, как глубоко и серьезно готовились агенты к работе в Великом Гусляре.

К счастью, паук не помер. И увез с собой целый корабль привидений, которые хотели одного – загробного успокоения, что свойственно любому призраку.

МАРСИАНСКОЕ ЗЕЛЬЕ

Предисловие

Мне приходится пойти на нарушение хронологии, поместив повесть «Марсианское зелье» в конец книги [вступление написано в 1997 году, книга: Великий Гусляр. Сборник – М.: «Хронос», «АРМЭ», 1997г], тогда как она была написана одной из первых, куда раньше большинства рассказов и всех иных гуслярских повестей. Однако в дни, когда я писал повесть, мне и в голову не приходило, что я еще не раз вернусь в Великий Гусляр. Так что определенные последствия событий, описанных в ней, настолько радикальны, что, допустим, Александр Грубин больше уже не имеет права участвовать в рассказах. Отныне его пути и пути Великого Гусляра разошлись.

Признаюсь, что я сам эту действительность, созданную мной, долго игнорировал. Может, по причине того, что повесть в полном виде более десяти лет я не мог опубликовать и она как-то переместилась на далекую периферию памяти.

Не будучи целиком напечатана у нас, повесть, первоначально называвшаяся «Рыцари на перекрестке», вышла между тем в Польше и Германии, затем по ней был снят Майоровым кинофильм «Шанс», и лишь сравнительно недавно ее опубликовали полностью в Минске. В том не было никаких политических мотивов – просто повести не очень везло.

Кинофильм «Шанс» снимался в том же калужском дворе, что и «Золотые рыбки», но актер, игравший Корнелия Удалова, сменился, как сменились и другие актеры, игравшие основных персонажей. Мне это казалось странным и противоестественным, но кино есть кино.

Чтобы не переписывать давно написанную повесть, я счел лучшим сдвинуть ее в пределах сборника таким образом, чтобы Грубин после нее уже больше нам не встретился. А если встретился, то без упоминания его возраста.

Ведь, судя по всему, Грубин сейчас трудится в Москве в Академии наук вместе со своей прекрасной молодой женой, а Елена Сергеевна переселилась за Уральский хребет.

Глава первая

Корнелий Удалов не решился один идти с жалобой в универмаг. Он спустился вниз, позвал на помощь соседа. Грубин, услыхав просьбу, долго хохотал, но не отказал и даже был польщён. Отодвинул микроскоп, закатал рисовое зёрнышко в мягкую бумагу, положил в ящик стола. Потом шагнул к трёхсотлитровому самодельному аквариуму и взял наброшенный на него чёрный пиджак с блеском на локтях. Пиджаком Грубин спасал тропических рыбок от говорящего ворона. Ворон их пугал, болтал клювом в воде.

– Ты, Корнелий, не робей, – говорил Грубин, надевая пиджак поверх голубой застиранной майки. – В ракетостроении перекосов быть не должно.

Ворон забил крыльями, запросился на волю, но Грубин его с собой не взял, напротив – сунул в шкаф, запер.

Удалов подхватил большой прозрачный мешок, в котором покоилась оказавшаяся дефектной красная пластиковая ракета на жёлтой

пусковой установке, купленная в подарок сыну Максимке, пониже надвинул соломенную шляпу и первым направился к двери.

Грубин, превосходивший Корнелия ростом на три головы, шагал размашисто, мотал нечёсаной шевелюрой, посмеивался и громко рассуждал.

Удалов шёл мелко, потел и боялся, что его увидят знакомые.

Жена Удалова, Ксения, крикнула им вслед со двора:

– Без замены не являйся!

– Ну-ну, – сказал Грубин негромко.

Они пошли по улице.

Двухэтажный, большей частью каменный, некогда купеческий, а теперь районный центр, город Великий Гусляр к концу июня раскалился от затяжной засухи. Редкие грузовики, «газики» и автобусы, проезжавшие по Пушкинской улице, тянули за собой длинные конусы жёлтой пыли и оттого напоминали приземлившихся парашютистов.

Был второй час дня и самая жара. На улицах показывались только те люди, которым это было крайне необходимо. Потому Корнелий и выбрал такое время, а не вечер. Он даже пожертвовал обеденным перерывом: надеялся, универмаг пуст и не стыдно будет поднимать разговор из-за пустяковой игрушки.

Миновали аптеку. Грубин поздоровался с сидевшим у открытого окна провизором Савичем.

– Не жарко? – спросил Савич, поглядев на Грубина поверх очков. Сам Савич был потный и дышал ртом.

– Идём на конфликт! – громко известил Грубин. – Вменяем иск против государства!

Удалов уже жалел, что позвал Грубина. Он дёрнул соседа за полу пиджака, чтобы тот не задерживался.

– И вы тоже, товарищ Удалов? – Провизор обрадовался случаю отвлечься. – У вас опять неприятности?

Удалов буркнул невнятное и прибавил ходу. Головой повертел, чтобы поглубже ушла в шляпу, и даже стал прихрамывать: хотел быть неузнаваемым.

Грубин догнал его в два шага и сказал:

– Правильно он тебе намекнул. Я давно задумываюсь, как с помощью материализма объяснить, что половина всех невезений в городе падает на тебя?

– Архив покрасить пора, – уклончиво сказал Корнелий.

Грубин удивился и посмотрел на церковь Параскевы Пятницы, в которой размещался районный архив.

– Твоё дело, – сказал Грубин. – Ты у нас начальник.

По другую сторону улицы стоял Спасо-Трофимовский монастырь, отданный после революции речному техникуму. Дюжие мальчики на велосипедах выезжали оттуда и катили на пляж. Монастырь в отличие от Параскевы Пятницы был хорошо покрашен, и купола главного собора сверкали, как стеклянные адские котлы, наполненные лавой.

– Мне твоя жена говорила, – продолжал Грубин, – что тебе в десятом классе на экзамене тринадцатый билет по истории достался и ты медаль не получил. Правда?

– Я бы её и так не получил, – возразил Удалов.

А сам подумал: «Зря Ксения такие сплетни распространяет. Это дело старое, счёты с Кастельской, тогдашней историчкой. Если бы можно жизнь повторить сначала, выучил бы всё про Радищева». Сколько лет прошло, не думал тогда, что станет директором стройконторы, а видел перед собой прямую дорогу вдаль.

– Я жизнью удовлетворён, – произнёс Удалов твёрдо, и Грубин хохотнул, глядя сверху. То ли не поверил другу, то ли был сам не удовлетворён.

Универмаг находился в бывшем магазине купца Титова. Купец перед самой Первой мировой получил потомственное дворянство и герб с тремя кабанами: Смелость, Упорство, Благополучие. Теперь кабаны с герба осыпались, а рыцарская шляпа с перьями над щитом осталась. И купидоны по сторонам.

У входа в универмаг сидели в ряд обалдевшие от жары бабки из пригородного совхоза. Сидели с ночи – поддались слухам, что будут давать трикотажные кофточки по низким ценам.

Удалов отвернулся от бабок и боком постарался вспрыгнуть на три ступеньки. Он хотел сделать это легко, спортивно, но споткнулся о верхнюю ступеньку и упал животом на прозрачный пакет с пластиковой ракетой.

Грубин только ахнул.

Бабки очнулись и зашептались. Ракета жалобно скрипнула и распалась, как пустой гороховый стручок. Пусковая установка жёлтого цвета сплющилась в квадратную лепёшку.

Корнелий, не смея обернуться, вскочил, взглянул дико на останки ракеты, закинул мешок за спину и, пригнувшись, вбежал в полутьму магазина.

– Ну, что я говорил? – спросил у бабок Грубин.

Те оробели от дикого вида и значительного роста Грубина и затихли.

– Задача осложняется, – объяснил им Грубин и поспешил за Корнелием в нутро магазина.

Удалов передвигался по магазину медленно, будто по колено в воде. Свободной рукой растирал ушибленный бок. Так дошёл до прилавка с игрушками, остановился и подождал, прислушиваясь, пока не подошёл Грубин.

– Плохо дело, – сказал Грубин. – Может, пойдём домой?

– Жена, – прошептал Корнелий.

Шурочка Родионова, продавщица игрушек, ждала обеденного перерыва и читала переводную книгу Зенона Косидовского «Библейские сказания». Шурочка собиралась быть археологом и три года занималась в историческом кружке у Елены Сергеевны Кастельской, которая была тогда директором музея. Школу Шурочка окончила хорошо, но в Вологду в институт поступать не поехала: с деньгами плохо. Пошла на год в продавщицы, хотя от планов не отказалась, читала книги и учила английский язык. К девятнадцати годам стала Шурочка так хороша, что многие мужчины, у которых не было детей, ходили в универмаг покупать игрушки.

Шурочка слышала шум у дверей, но не отвлеклась, читала комментарий про ошибки автора. Только когда Грубин с Удаловым подошли вплотную, она подняла голову, поправила золотую чёлку и сказала: «Пожалуйста».

А мысленно ещё оставалась вблизи города Иерихона на Ближнем Востоке и переживала его трагедию.

Обоих посетителей она знала. Один, маленький, толстый, – Удалов, директор стройконторы. Второй – длинный, колючий, лохматый – заведовал пунктом вторсырья у рынка и принимал пустые бутылки.

– Здравствуйте, – сказали посетители.

Удалов поморщился и вытащил из-за спины большой прозрачный мешок с жалкими остатками пластиковой ракеты.

– Ой! – воскликнула Шурочка. – Что же у вас случилось?

– Замените! – произнёс Удалов. – Брак!

– Как же так?

Шурочка положила книжку на прилавок и забыла об Иерихоне.

– Не видите, что ли? – всё так же сердито спросил Удалов.

Шурочка не знала, что говорит он строго от робости и сознания своей неправоты. Она обиделась и отвечала:

– Я вам, гражданин, такого не продавала. Я сейчас заведующую позову. Ванда Казимировна!

Корнелий совсем оробел и сказал:

– Ну-ка, дайте мне жалобную книгу!

Он хотел отодвинуть шляпу на затылок, но не рассчитал, шляпа слетела и шмякнулась на пол. Удалов пошёл за шляпой.

– Вы нас поймите правильно, – разъяснил Грубин. – Брак заключался в ракете раньше, чем случился инцидент.

Пришла заведующая Ванда Казимировна, женщина масштабная, решительная и жена провизора Савича.

– Такое добро, – сказала она Грубину с намёком, – надо в утиль-сырьё нести, а не в универмаг.

Бабки от входа пришли на разговор, и одна сказала:

– Чем торгуют! Постыдились бы.

Другая спросила:

– Кофточки сегодня будут давать?

– Спокойствие, – сказал Грубин. – Я вам всё покажу.

Он вынул из мешка две половинки ракеты, сложил их в стручок и показал заведующей:

– Трещину видите в хвостовой части? Вот с этой трещиной нам товар и продали.

Трещин в хвостовой части было несколько, и найти нужную было нелегко.

Шурочка совсем обиделась.

– Они издеваются, что ли? – спросила она.

– Алкоголики, – сказала одна из бабок.

– Вот чек, – сказал, подходя, Корнелий. Шляпу он держал под мышкой. – Только вчера покупали. У меня чек сохранился. Пришёл домой, вижу – трещина.

– Какая там трещина! – возмутилась заведующая. – Шурочка, не расстраивайся. Мы им на работу сообщим. Это не ракета, а результат землетрясения.

– Вы не обращайте внимания, что ракета расколота, – произнёс Грубин. – Это потом уже случилось. А землетрясений у нас не бывает. Людям доверять надо.

И в этот момент в Великом Гусляре началось землетрясение.

Глухой шум возник на улице. Земля рванулась из-под ног. Дрогнули полки. Стопки тарелок, будто выпущенные неопытным жонглёром, разлетелись по магазину, чашки и чайники, хлопая о прилавки, разбивались гранатами-лимонками, целлулоидные куклы и плюшевые медведи поскакали вниз, цветастые платки и наволочки воспарили коврами-самолётами, стойки с костюмами и плащами зашатались – казалось, пожелали выйти на улицу вслед за бабками, убежавшими из универмага с криками и плачем. Разбившиеся пузырьки с духами и одеколоном окутали магазин неповторимым, фантастическим букетом запахов. С потолка хлопьями посыпалась известка.

Грубин одной рукой подхватил прозрачный мешок с остатками ракетной установки, другой поддержал через прилавок Шурочку Родионову. Он единственный не потерял присутствия духа. Крикнул:

– Сохранять спокойствие!

Корнелий вцепился в шляпу, будто она могла помочь в эти жуткие секунды. Быстрое его воображение породило образ разрушенного стихией Великого Гусляра, развалины вдоль засорённых кирпичами улиц, бушующие по городу пожары, стоны жертв и плач бездомных детей и стариков. И он, Корнелий, идёт по улице, не зная, с чего начать, чувствуя беспомощность и понимая, что как руководитель стройконторы он – основная надежда засыпанных и бездомных. Но нет техники, нет рабочих рук, царят отчаяние и паника.

И тут над головой рёв реактивных самолётов – белыми лилиями распускаются в небе парашюты. Это другие города прислали помощь. Сборные дома, мосты и заводы спускаются медленно и занимают места, заранее запланированные в Центре, сыплется с неба дождём калорийный зелёный горошек, стукаются о землю, гнутся, но не разбиваются банки со сгущённым молоком и сардинами. Помощь пришла вовремя. Корнелий поднимает голову выше и слушает наступившую мирную тишину.

И в самом деле наступила мирная тишина.

Подземное возмущение окончилось так же неожиданно, как и началось. Тяжёлое, катастрофическое безмолвие охватило универмаг и давило на уши, как рёв реактивного самолёта.

– Покинуть помещение! – оглушительно крикнул Грубин. Он бросил на пол мешок, взял одну из половинок ракетного стручка, вторую сунул Удалову и повлёк всех за собой раскапывать дома и оказывать помощь населению.

Корнелий послушно бежал сзади, хоть ничего перед собой не видел – скатерть опустилась ему на голову и сделала его похожим на бедуина или английского разведчика Лоуренса.

К счастью, раскапывать никого не пришлось. Стихийное бедствие, поразившее Великий Гусляр, не было землетрясением.

Метрах в двадцати от входа в универмаг мостовая расступилась, и в провал ушёл задними колёсами тяжелогружёный лесовоз. Ещё не улёгшаяся пыль висела вокруг машины и, подсвеченная солнцем, придавала картине загадочный, неземной характер.

– Провал, – сказал обыкновенным голосом Удалов, стаскивая с головы скатерть и аккуратно складывая её.

Провалы в городе случались нередко, так как он был стар и богат подземными ходами и подвалами царских времён.

– Опять не повезло тебе, Корнелий! – Грубин бросил в досаде на землю половинку ракеты. – Теперь тебе не до замен. Мостовую ремонтировать придётся.

– Квартал, кстати, кончается, – ответил Корнелий. Он обернулся к заведующей и добавил: – Я, Ванда Казимировна, вашим телефончиком воспользуюсь. Надо экскаватор вызвать.

Из пылевой завесы вышел бледный, мелко дрожащий от пережитого шофёр лесовоза. Он узнал Удалова и обратился к нему с претензией.

– Товарищ директор, – заявил он, – до каких пор мы должны жизнью рисковать? А если бы я стекло вёз? Или взрывчатку?

– Ну уж, взрывчатку! – сказал Грубин. – Кто тебе её доверит?

– Кому надо, тот и доверит, – обиделся шофёр. Увидев Шурочку, перестал дрожать, подтянулся.

– Провал как провал, – сказал Удалов. – Не первый и не последний. Сейчас вытащим, дыру засыплем, всё будет как в аптеке. Сходили бы до милиции, пусть поставят знак, что проезда нет. А автобус пустят по Красноармейской.

Глава вторая

Елена Сергеевна прищурилась и отсыпала в кастрюлю ровно полстакана манки из синей квадратной банки с надписью «Сахар». Молоко вздыбилось, будто крупа жестоко обожгла его, но Елена Сергеевна успела взболтнуть кашу серебряной ложкой, которую держала наготове.

Ваня втащил на кухню танк, сделанный из тома «Современника» за 1865 год и спичечных коробков.

– Не нужна мне твоя каша, – сказал он.

– Подай соль, – велела Елена Сергеевна.

– Посолить забыла, баба? – спросил Ваня.

Елена Сергеевна не стала дожидаться, пока Ваня развернёт танк в сторону чёрного буфета, сама широко шагнула туда, достала солонку и при виде её вспомнила, что уже сыпала соль в молоко. Елена Сергеевна поставила солонку обратно.

– Баба, – заныл Ваня противным голосом, – не нужна мне твоя каша. Хочу гоголь-моголь.

На самом деле он не хотел ни того ни другого. Он хотел устроить скандал.

Елена Сергеевна отлично поняла его и потому ничего не ответила. За месяц они с Ваней надоели друг другу, но дочь заберёт его только через две недели.

Елена Сергеевна обнаружила, что к шестидесяти годам она охладела к детям. Она утеряла способность быть с ними снисходительной и терпимой. После скандалов с Ваней она успокаивалась медленней, чем внук.

А ведь Елена Сергеевна сама попросила дочь прислать Ваню в Великий Гусляр. Она устала от одиночества долгих сумерек, когда неверный синий свет вливается в комнату, в нём чернеют и разбухают старые шкафы, которые давно следовало бы освободить от старых журналов и разного барахла.

Раньше Елена Сергеевна думала, что на пенсии она не только отдохнёт, но и сможет многое сделать из того, что откладывалось за делами и совещаниями. Написать, например, историю Гусляра, съездить к сестре в Ленинград, разобрать на досуге фонды музея и библиотеку, там всё время сменялись бестолковые девчонки, которые через месяц

выходили замуж или убегали на другую работу, где платили хотя бы на десятку больше, чем в бедном зарплатой городском музее.

Но ничего не вышло. История Великого Гусляра лежала на столе и почти не продвигалась. У сестры болели дети; и, вместо того чтобы не спеша обойти все ленинградские музеи и театры, Елене Сергеевне пришлось возиться по хозяйству.

В музее появился новый директор, ранее руководитель речного техникума. Директор рассматривал своё пребывание в музее как несправедливое наказание и ждал, пока утихнет гнев высокого районного начальства, чтобы вновь двинуться вверх по служебной лестнице. Директор был Елене Сергеевне враждебен. Её заботы о кружках и фондах отвлекали от важного начинания: сооружения памятника землепроходцам, уходившим в отдалённые времена на освоение Сибири и Дальнего Востока. Землепроходцы часто уходили из Великого Гусляра – города купеческого, беспокойного, соперника Архангельска и Вологды.

– Баба, а в каше много будет комков? – спросил Ваня.

Елена Сергеевна покачала головой и чуть улыбнулась.

Комки, конечно, будут. За шестьдесят с лишним лет она так и не научилась варить манную кашу. Если бы удалось начать жизнь сначала, Елена Сергеевна обязательно подсмотрела бы, как это делала покойная мама.

Кто-то стукнул в окно.

Ваня забыл о танке и побежал открыть занавеску. Он никого не увидел – в окно стучали знакомые, прежде чем войти в калитку, обогнуть дом и постучать со двора.

Елена Сергеевна убавила огонь и решила, что успеет открыть дверь, прежде чем каша закипит. Она быстро прошла в тёмные сени. От каждого шага, сухого и короткого, взвизгивали половицы.

За дверью стояла Шурочка Родионова, повзрослевшая и похорошевшая за весну и остригшая косу, чтобы казаться старше.

– Вытри ноги, – сказала Елена Сергеевна, любуясь Шурочкой.

Шурочка покраснела; у неё была тонкая, персиковая кожа, Шурочка легко краснела и становилась похожей на кустодиевских барышень.

Шурочка поздоровалась, вытерла ноги, хоть на улице было сухо, и прошла на кухню за Еленой Сергеевной.

Девушка была взволнована и говорила быстро, без знаков препинания:

– Такое событие Елена Сергеевна грузовик ехал по Пушкинской и провалился народу видимо-невидимо думали землетрясение и Удалов из стройконторы говорит засыпать будем и там подвал а директора музея нет уехал в область на совещание по землепроходцам и надо остановить это безобразие там могут быть ценности.

– Погоди, – сказала Елена Сергеевна. – Я вот тут Ваню кормить собралась. Садись и повтори всё медленнее и логичнее.

Когда Шурочка говорила, она из молодой и красивой женщины превращалась в ученицу-отличницу, в старосту исторического кружка.

Елена Сергеевна положила кашу в тарелку и посыпала её сахарным песком.

Ваня хотел было потребовать малинового варенья, но забыл. Он был заинтригован неожиданным визитом и быстрой речью гостьи. Он послушно сел к столу, взял ложку и смотрел в рот Шурочке. Как во сне, зачерпнул ложкой кашу и замер, беззвучно шевеля губами, повторяя рассказ Шурочки слово за словом, чтобы стало понятнее.

– Значит ехал грузовик по Пушкинской, – говорила Шурочка чуть медленнее, но всё равно без знаков. – И сразу провалился задними колёсами думали землетрясение все из магазина выскочили а там подвал...

– Где именно? – спросила Елена Сергеевна.

– Недалеко от угла Толстовской.

– Там когда-то проходил Адов переулок. – Елена Сергеевна прищурилась и представила себе карту города в промежутке между пятнадцатым и восемнадцатым веками.

– Правильно, – обрадовалась Шурочка. – Вы нам ещё в кружке рассказывали там Адов переулок был и кузнецы работали ширина два метра и упирался в городскую стену я так и сказала Удалову из стройконторы а он говорит что квартал кончается и он обязан сдать Пушкинскую они её три месяца асфальтировали а то премии не получат.

– Безобразие! – возмутилась Елена Сергеевна. – Ваня, не дуй в ложку... Мне не с кем его оставить.

– Так я посижу, Елена Сергеевна, – сказала Шурочка. – Без вас они засыплют, а вас даже Белосельский слушается.

– Я власти не имею, – сказала Елена Сергеевна. – Я в отставке.

– Вас весь город знает.

– Я сейчас.

Елена Сергеевна прошла в маленькую комнату и скоро вернулась. Она причесалась, заколола седые волосы в пучок на затылке. На ней было тёмное учительское платье с отложным, очень белым воротничком, и Шурочка снова почувствовала робость, как пять лет назад, когда она в первый раз пришла в исторический кружок. Елена Сергеевна, в таком же тёмном платье, повела их наверх, в первый зал музея, где стоял прислонённый к стене потёртый бивень мамонта, висела картина, изображающая повседневный быт людей каменного века, а в витрине под стеклом лежали в ряд черепки и наконечники стрел из неолита, найденные у реки Гусь дореволюционными гимназистами.

– Так ты посидишь немного? – спросила Елена Сергеевна.

– Конечно, я сегодня с обеда свободна.

Елена Сергеевна спустилась с крыльца, молодо процокала каблучками по деревянной дорожке двора, прикрыла калитку и пошла по Слободской к центру, через мост над Грязнухой, что испокон веку делит город на Гусляр и Слободу.

За мостом по правую руку стоит здание детской больницы. Раньше там был дом купцов Синицыных, и в нём сохранились чудесные изразцовые печи второй половины восемнадцатого века. По левую руку – церковь Бориса и Глеба, шестнадцатый век, уникальное строение, требует реставрации. За церковью – одним фасадом на улицу, другим на реку – мужская гимназия, ныне первая средняя школа. За гимназией – широкая и всегда ветреная площадь, наполовину занятая газонами. Здесь до революции стояли гостиные ряды, но в тридцатом, когда ломали церкви, сломали заодно и их, хотя можно было использовать ряды под колхозный рынок. Теперь здесь стоит, вглядываясь в даль, бронзовый землепроходец.

По ту сторону площади – двухэтажный музей, памятник городской архитектуры восемнадцатого века, охраняется государством.

Но Елена Сергеевна переходить площадь не стала, а у продовольственного свернула на Толстовскую.

На углу встретился провизор Савич, давнишний знакомый.

– Ты слышала, Лена, – сообщил он, отдуваясь и обмахиваясь растрёпанной книжкой, – грузовик провалился?

– А куда, ты полагаешь, я иду? – спросила Елена Сергеевна. – Обследовать финифтяную артель?

– Ну уж, Леночка, – ответил мягко Савич, – не надо волноваться. Если мне не изменяет память, это третий провал за последние годы?

– Четвёртый, Никита, – сказала Елена Сергеевна. – Четвёртый. Я пойду, а то как бы они чего не натворили.

– Разумеется. Если б не такая жара, я бы сам посмотрел. Но обеденный перерыв короток, а моё брюхо требует пищи. Я так и полагал, что тебя встречу. Тебя всё в городе касается.

– Касалось. Теперь я на пенсии. Передай привет Ванде Казимировне.

– Спасибо, мы всё к вам в гости собираемся...

Но последних слов Елена Сергеевна уже не слышала. Она быстро шла к Пушкинской.

Савич поправил очки и побрёл дальше, размышляя, есть ли в холодильнике бутылка пива. Он представил запотевшую тёмно-зелёную бутылку, шипение освобождённого напитка, зажмурился и заспешил.

На Пушкинской, не доходя до универмага, стояла толпа. Толпа казалась неподвижным, неживым телом, и только мальчишки кружились вокруг неё, влетая внутрь и снова выскакивая, как пчёлы из роя. По улице не спеша шёл гусеничный экскаватор. Вблизи толпа распалась на отдельных людей, большей частью знакомых – учеников, друзей, соседей и просто горожан, о которых ничего не знаешь, но здороваешься на улице.

Елена Сергеевна пронзила толпу и оказалась у провала. Асфальт расходился трещинами, прогибался, будто был мягким, как резиновый коврик, и обрывался овальным чёрным колодцем. По другую сторону колодца стоял лесовоз – его уже вытащили из ямы. Брёвна лежали на мостовой рядком.

У провала спорили два человека. Один из них был низок ростом, агрессивен, и лицо его было скрыто под соломенной шляпой. Второй – баскетбольного роста, с нечёсаной шевелюрой, в чёрном пиджаке, надетом прямо на голубую майку, – отступал под натиском низенького, но сопротивления не прекращал.

– Для меня это скандал и безобразие, – уверял низкий.

Елена Сергеевна сразу поняла, что это и есть директор стройконторы.

– Мы окончили асфальтирование участка, рапортовали и ожидаем заслуженной премии – не лично я, а коллектив, – а ты что мне советуешь?

Низенький сделал шаг вперёд, и длинный отступил, рискуя свалиться в пропасть.

– Корнелий, ты забыл о науке, о славе родного города, – протестовал он, балансируя над провалом.

– А люди премии лишатся?.. Эй, Эрик! – Это низенький увидел экскаватор. – Давай сюда, Эрик!

– Подождите, – произнесла Елена Сергеевна.

– А вы ещё по какому праву? – спросил низенький, не поднимая головы. – Давай, Эрик!

– Вот что, Корнелий, – сказала тогда Елена Сергеевна, которая наконец узнала, кто же скрывается под соломенной шляпой. – Сними шляпу и подними голову.

Кто-то в толпе хихикнул. Экскаваторщик заглушил мотор и подошёл поближе.

– Где тут яма, – спросил он, – которая представляет исторический интерес?

Директор стройконторы послушно снял шляпу и поднял вверх чистые голубые глаза неуспевающего ученика.

Он уже всё понял и сдался.

– Здравствуйте, Елена Сергеевна, – сказал он. – Я вас сразу не узнал.

– Дело не в этом, Корнелий.

– Правильно, не в этом. Но вы войдите в моё положение.

– А если бы на Красной площади такое случилось? – спросила строго Елена Сергеевна. – Ты думаешь, Удалов, что правительство разрешило бы вызвать экскаватор и засыпать провал, не дав возможности учёным его обследовать?

– Так то Красная площадь...

– Так его! – пришёл в восторг Грубин. – Я сейчас мигом всё осмотрю.

– Кстати, если не исследовать, куда ведёт провал, – добавила Елена Сергеевна, – то не исключено, что завтра произойдёт катастрофа в десяти метрах отсюда, вон там, например.

Все испуганно посмотрели в направлении, указанном Еленой Сергеевной.

Грубин присел на корточки и постарался разглядеть, что таится в провале. Но ничего не увидел.

– Фонарь нужен, – сказал он.

– Фонарь есть. – Из толпы вышел мальчик с длинным электрическим фонарём. – Только меня с собой возьмите.

– Здесь мы не шутки шутить собрались. – Грубин отобрал фонарь у мальчика. – Я пойду, а, Елена Сергеевна?

– Подождите. Нужно, чтобы туда спустился представитель музея.

– Так там нет никого. А вы отсюда будете контролировать.

Рядом с Еленой Сергеевной возник человек с фотоаппаратом.

– Я готов, – сказал он. – Я работаю в районной газете, и моя фамилия Стендаль. Миша Стендаль. Я окончил истфак.

– Так будем стоять или будем засыпать? – спросил экскаваторщик. – Простой получается.

– Идите, – согласилась с Мишей Елена Сергеевна.

– Тогда и я пойду, – сказал вдруг экскаваторщик. – Мне нужно посмотреть, куда землю сыпать. Да и физическая сила может пригодиться.

И на это Елена Сергеевна согласилась.

Удалов хотел было возразить, но потом махнул рукой. Не везёт, так никогда не везёт.

– Здесь неглубоко, – сказал Грубин, посветив фонариком вглубь.

Он лёг на асфальт, свесил ноги в провал и съехал на животе в темноту. Ухнул и пропал.

– Давайте сюда! – прилетел через несколько секунд утробный подземный голос.

Толпа сдвинулась поближе к краям провала, и Елена Сергеевна сказала:

– Отойдите, товарищи. Сами упадёте и других покалечите.

– Сказано же, – оживился Удалов, – осадите!

Экскаваторщик спрыгнул вниз и подхватил Мишу Стендаля.

– Ну, как там? – крикнул Удалов.

Он опустился на колени, крепко упёршись пухлыми ладошками в асфальт, и голос его прозвучал тихо, отражённый невидимыми стенами провала.

– Тут ход есть! – отозвался снизу чей-то голос.

– Там ход есть, – повторил кто-то в толпе.

– Ход...

И все замерли, замолчали. Даже мальчишки замолчали, охваченные близостью тайны. В людях зашевелились древние инстинкты кладоискателей, которые дремлют в каждом человеке и только в редких деятельных натурах неожиданно просыпаются и влекут к приключениям и дальним странствиям.

Глава третья

Сверху провал представлялся Милице Фёдоровне Бакшт чернильной кляксой. Она наблюдала за событиями из окна второго этажа. Пододвинула качалку к самому подоконнику и положила на подоконник розовую атласную подушечку, чтобы локтям было мягче. Подушечка уместилась между двумя большими цветочными горшками, украшенными бумажными фестончиками.

Очень старая сиамская кошка с разными глазами взмахнула хвостом и тяжело вспрыгнула на подоконник. Она тоже смотрела на улицу в щель между горшками.

В отличие от остальных Милица Фёдоровна хорошо помнила то время, когда улица не была мощёной и звалась Елизаветинской. Тогда напротив дома Бакштов, рядом с лабазом Титовых, стоял богатый дом отца Серафима с резными наличниками и дубовыми колоннами, покрашенными под мрамор. Дом отца Серафима сгорел в шестидесятом, за год до освобождения крестьян, и отец Серафим, не согласившись в душе с суровостью провидения, горько запил.

Отлично помнила Милица Фёдоровна и приезд губернатора. Тот был у Бакштов с визитом, ибо обучался со вторым супругом Милицы Фёдоровны в пажеском корпусе. Хозяйка велела в тот вечер не жалеть свечей, и его высокопревосходительство, презрев условности, весь вечер провёл у её ног, шевеля бакенбардами, а господин Бакшт был польщён и вскоре стал предводителем уездного дворянского собрания.

Память играла в последние годы странные шутки с Милицей Фёдоровной. Она отказывалась удерживать события последних лет и услужливо подсовывала образы давно усопших родственников и приятелей мужа и даже куда более давние сцены: петербургские, окутанные дымкой романтических увлечений.

В годы революции Милица Фёдоровна была уже очень стара, и за ней ходила компаньонка из монашек. С тех лет ей почему-то врезалось в память какое-то шествие.

Перед шествием молодые люди несли чёрный гроб с белой надписью «Керзон». Кто такой Керзон, Милица Фёдоровна так и не сподобилась узнать.

И ещё помнился последний визит Любезного друга. Любезный друг сильно сдал, ходил с клюкой, и борода его поседела. Задерживаться в городе он не смог и вынужден был покинуть гостеприимный дом вдовы Бакшт, не исполнив своих планов.

Появление провала на Пушкинской отвлекло Милицу Фёдоровну от привычных мыслей. Она даже запамятовала, что ровно в три к ней должны были прийти пионеры. Им Милица Фёдоровна обещала рассказать о прошлом родного города. Задумала этот визит настойчивая соседка её, Шурочка, девица интеллигентная, однако носящая короткие юбки. Милица Фёдоровна обещала показать пионерам альбом, в который её знакомые ещё до революции записывали мысли и стихотворения.

Шурочку Милица Фёдоровна разглядела среди людей, окруживших провал. На зрение госпожа Бакшт не жаловалась: грех жаловаться в таком возрасте.

Потом Милица Фёдоровна задремала, но сон был короток и непрочен. Нечто необъяснимое волновало её. Нечто необъяснимое было связано с провалом. Ей привиделся Любезный друг, грозивший костлявым пальцем и повторявший: «Как на духу, Милица!»

Когда Милица Фёдоровна вновь открыла глаза, у провала уже командовала известная ей Елена Сергеевна Кастельская, худая дама, работавшая в музее и приходившая лет десять – пятнадцать назад к Бакшт в поисках старых документов. Но Милице Фёдоровне не понравились сухость и некоторая резкость в обращении музейной дамы, и той пришлось уйти ни с чем. При этом воспоминании Милица Фёдоровна позволила улыбке чуть тронуть уголки её сухих поджатых

губ. Раньше губы были другими – и цветом, и полнотой. Но улыбка, та же улыбка, когда-то сводила с ума кавалергардов.

Тут Милицу Фёдоровну вновь сморила дремота. Она зевнула, смежила веки и отъехала на кресле в угол, в уютную полутьму у печки.

Сиамская кошка привычно прыгнула ей на колени. «В три часа придут... В три часа...» – сквозь дремоту думала Милица Фёдоровна, но так и не вспомнила, кто же придёт в три часа, а вместо этого опять увидела Любезного друга, который был разгневан и суров. Взор его пронзал трепетную душу Милицы Фёдоровны и наэлектризовывал душный, застойный воздух в гостиной – единственной комнате, оставленной после революции госпоже Бакшт.

Глава четвертая

За те полчаса, что было открыто влиянию жаркого воздуха, подземелье почти не проветрилось. Вековая прохлада наполняла его, как старое вино. Миша Стендаль опёрся на протянутую из тьмы квадратную ладонь экскаваторщика, прижал к груди фотоаппарат и сиганул туда, в неизвестность.

В провале стояла тишина. Тяжёлое дыхание людей металось по нему и глохло у невидимых стен.

В голубом овальном окне над головой обрисовывался круглый предмет, превышающий размером человеческую голову. Из предмета донёсся голос:

– Ну как там?

Голос принадлежал маленькому директору стройконторы, которого так ловко поставила на место старуха Кастельская из музея. Предмет был соломенной шляпой, скрывавшей лицо Удалова.

– Тут ход есть, – ответил другой голос, в стороне, неподалёку от Миши.

По темноте елозил луч фонарика. Грубин начал исследования.

– Там ход... ход... – шелестом донеслись голоса в толпе наверху. Голоса были далеки и невнятны.

Миша Стендаль сделал шаг в сторону хода, но наткнулся на спину экскаваторщика. Спина была жёсткая.

Глаза начали привыкать к темноте. В той стороне, куда двигался Грубин, она была гуще.

– Пошли, – сказал экскаваторщик.

Миша по-слепому протянул вперёд руку, и через два шага пальцы упёрлись во что-то – испугались, отдёрнулись, сжались в кулак.

– Тут стена, скользкая, – прошептал Миша. Шёпот был приемлемее в темноте.

Толстые, надёжные брёвна поднимались вверх, под самый асфальт. Комната получалась длинная, потолок к углу провалился. Дальняя стена, у которой стоял Грубин и шарил лучом, была кирпичной. Кирпичи осели, пошли трещинами. Посреди стены – низенькая, перетянутая, как старый сундук, железными ржавыми полосами дверь.

Грубин уже изучил дверь: замка не было, кольцо кованое, но за него тяни не тяни – не поддаётся.

– Дай-ка мне, – сказал экскаваторщик.

– Нет, – возразил Миша Стендаль. – На это мы не имеем права. У нас нет открытого листа. Надо хотя бы сфотографировать.

Миша Стендаль читал незадолго до этого книгу про то, как была открыта в Египте гробница Тутанхамона. Там тоже были дверь и исследователи перед ней. И момент, вошедший в историю.

– Мы не на раскопках, – возразил Грубин. – Там, может, тоже земля. И конец нашему путешествию.

– Чего уж! – сказал Эрик. – Директорша велела посмотреть, так мы посмотрим. Всё равно Удалов своего добьётся. Засыплет, и поминай как звали – у него план.

Экскаваторщик присмотрелся к двери.

– Ты фонарь держи покрепче. Не дрожи рукой. Сюда, левее.

Он стал похож на хирурга. Грубин ассистировал ему. Миша Стендаль – студент-практикант, человек без пользы делу.

– Она внутрь открывается, – сказал экскаваторщик. Нашёл место, то самое, единственное, в которое надо было упереться плечом, и нажал.

Дверь заскрипела жутко, ушла в темноту, кирпичи зашуршали, оседая, и экскаваторщик – бережёного бог бережёт – прыгнул назад, чуть не сбив Мишу с ног. Фонарь погас – видно, Грубин отпустил кнопку, – в подвале возникла грозная тишина, и все были оглушены звоном в ушах.

– Что случилось? – спросил голос сверху. Голос был близок до странности. Вроде бы за эти минуты трое исследователей ушли далеко от людей, а тут, в трёх метрах, Удалов задаёт вопросы голосом тревожным, но обычным.

– Полный порядок, – сказал экскаваторщик. Он бодрился и о прыжке своём уже позабыл. – Свети прямо, – приказал он.

Грубин послушался и посветил.

Экскаваторщик закрыл спиной большую часть двери – всматривался, а Миша Стендаль почувствовал обиду. Он был наиболее исторически образован и морально чувствовал себя вправе руководить поисками. Но экскаваторщик этого не чувствовал, и как-то случилось, что впереди был он. Миша даже сделал шаг, хотел оттеснить экскаваторщика и дать какое-нибудь пусть зряшное, но указание. Тут экскаваторщик обернулся и посмотрел на Мишу. Глаз его, в который попал луч фонаря, засветился жёлто и недобро.

Миша ощутил внутреннее стеснение и приостановил дыхание. Там, за дверью, могли таиться сундуки с золотом и жемчужными ожерельями, серебряные кубки, украшенные сценами княжеской охоты на буйтуров, булатные мечи-кладенцы и скелет неудачливого грабителя – глазницы черепа чёрные, пустые... А экскаваторщик сейчас выхватит острый, чуть зазубренный от частого употребления кинжал и вонзит под сердце Стендалю.

Экскаваторщик отнял у Грубина фонарь: так ему было удобнее.

– Тоже комната, товарищи, – сказал он.

Скорчившись вдвое, он перешагнул высокий порог и пропал во тьме.

Грубин с Мишей стояли и ждали.

Изнутри голос произнёс:

– Давайте за мной. Не оступитесь.

Вторая комната оказалась меньше первой. Луч фонаря, не успев достаточно расшириться, упёрся жёлтым блюдцем в противоположную стену, порезав по пути светлым лезвием странные предметы и, что совсем непонятно, осветив пыльные гнутые стёкла – бутыли, колбы и крупные сосуды тёмного стекла. Луч метался и позволял глазам по частям обозреть комнату – кирпичную, сводчатую, длинный стол посреди, – а дальний конец комнаты обвален и видится мешаниной кирпичей и железа.

– Типография, – сказал Грубин. Помолчал. Подумал. – Может, здесь печаталась «Искра». Или даже «Колокол».

– Печатного станка нету, – резонно заметил экскаваторщик.

– Отойдите, – сказал Миша. – Ничего не трогайте. У меня вспышка. Сделаем кадры.

Послушались. В руках у Миши была техника. Его спутники технику уважали.

Миша долго копался, готовил в темноте аппарат к действию. Эрик помогал, светил начавшим тускнеть фонариком. Потом вспыхнула лампа. Ещё раз.

– Всё? – спросил экскаваторщик.

– Всё, – кивнул Стендаль.

– На свет вынуть придётся, – сказал Эрик. Он вернул фонарь Грубину, подхватил бутыль покрупнее и понёс к выходу.

– Какого времени подвал? – спросил Грубин.

– Трудно сказать, – ответил Миша. – Вернее всего, не очень старый.

– Жаль, – произнёс Грубин. – Второе расстройство за день.

– А первое?..

– Первое, когда думал, что землетрясение началось. Так вы уверены, товарищ Стендаль?

– Посуда довольно современная. И книги...

Миша подошёл к столу, распахнул книгу в кожаном переплёте.

– Ну, скоро? – спросил Эрик. – Там уже заждались.

– Наверху посмотрим, – решил Грубин. Подхватил ещё одну бутыль и колбу.

Миша шёл сзади с книгами в руках.

Шляпа Удалова отпрянула от провала. Зажмурившись от дневного, неистового сияния, Эрик протянул ему бутыль. Миша стоял в трёх шагах сзади. Столб света, спускавшийся в провал, показался ему вещественным и упругим. Экскаваторщик, озарённый светом, был подобен скульптуре человека, стремящегося к звёздам. Бутыль надёжно покоилась у него на ладонях.

Вместо шляпы в провал спустились сухие руки Елены Сергеевны. Она приняла бутыль. Миша поднял вверх тяжёлые фолианты.

– Вот так-то, – проговорил кто-то в толпе осуждающе. – А он засыпать хотел.

Удалов сделал вид, что не слышит. Он взял у Стендаля книги и положил их на асфальт. Рядом уже стояла бутыль, обросшая плесенью. Сквозь разрывы плесени проглядывала чёрная жидкость. Другие сосуды тоже встали рядом.

Удалову было холодно. Он даже застегнул верхнюю пуговицу синей шёлковой рубашки. Удалова мучила совесть. Когда он вызвал

экскаватор для засыпки провала, он действовал в интересах родного города. Его буйное воображение уже подсказывало страшные картины, торопившие к принятию мер и будившие энергию. Одна картина представляла собой автобус с пассажирами, едущий по Пушкинской улице. Автобус ухнул в провал, и только задний мост торчит наружу. А рядом иностранный корреспондент щёлкает неустанно своим аппаратом, и потом в обкоме или даже в ЦК смотрят на фото в иностранной газете и говорят: «Ну уж этот Удалов! Довёл-таки до ручки городское хозяйство в своём древнем городе!» И качают головами.

Была другая картина – куда более трагичная. Малое дитя в школьном передничке бежит с прыгалками по мостовой. И вокруг летают бабочки и певчие птицы. И ребёнок смеётся. И даже Удалов, наблюдающий за этой картиной, смеётся. И вдруг – чёрной пастью провал. И отдалённый крик ребёнка. И только осиротевшие прыгалки на растерзанном трещинами асфальте. И мать, несчастная мать ребёнка, которая кричит: «Ничего мне не надо! Дайте мне только Удалова! Дайте его мне, я разорву его на части!..»

Пока не приехал экскаватор, Удалов неустанно боролся со своим воображением и всё оглядывался, не бежит ли ребёнок с прыгалками, не виден ли иностранный корреспондент, которому здесь делать нечего.

Удалов верил, что в провале ничего не обнаружится. Сколько их было на его памяти, и ничего не обнаруживалось. Он и причуды Кастельской не принял всерьёз. Просто не стал воевать с общественностью. Накладно. Всё равно засыплем. Все провалы – и тот, у архиерейского дома, и тот, что был на строительстве бани, и тот, у мясокомбината, – все они вызывали оживление в районном музее, даже в области. Но Удалову и городским властям никакой радости – провал не запланируешь. В провале есть что-то постыдное для хозяйственного работника – стихия мелкого порядка, пакостная стихия.

Теперь у ямы стояли бутыли. И книги. И были они не только прошлым – будущим тоже. Будущим, в котором имя Удалова будут склонять работники культуры вплоть до Вологды и корить за узкоглядство. Он даже слово такое знал – «узкоглядство». Так что надо было спасать положение и руководить.

– Много там добра? – спросил Удалов, приподнимая шляпу и показывая щенячий лоб с залысинками.

– Целая лаборатория, – ответил из-под земли экскаваторщик, который уже забыл о своей первоначальной задаче – переметнулся.

– Стоит законсервировать находку, – отозвался Миша из-за спины экскаваторщика. – Пригласить специалистов из области.

– Ошибка, – трезво рассудил Удалов. – Специалисты у нас не хуже областных. У нас есть, товарищи, Кастельская!

Последнее слово он произнёс громко, будто ждал аплодисментов. И удивительное дело – есть такая особенная интонация, которую знают люди, поднаторевшие в речах, и эта интонация заставляет присутствующих сложить ладони одна к другой и бессознательно шлёпнуть ими.

При слове «Кастельская» в толпе раздались аплодисменты.

Удалов потаённо улыбнулся. Он овладел толпой. Положение спасено. Подвал будет засыпан.

Елена Сергеевна в любом другом случае на такой ход не поддалась бы. Отшутилась бы, съязвила – она это умела делать. Но тут, пока стояла и ждала, что найдут, пока смотрела на принесённые вещи, поняла – нет смысла начинать войну с Удаловым. Вещи были не бог весть какими древними.

– Сейчас мы, товарищи, под наблюдением Елены Сергеевны спасём культурные ценности и отправим их в музей. Правильно?

– Правильно, – сказали слушатели.

– Ну, где у нас культурная ценность номер один?

Корнелий посмотрел на большую бутыль и поймал себя на жгучем желании наподдать ногой по ценности номер один. Даже захотелось сказать народу, что все эти штуки – дореволюционная самогонная мастерская. Но Удалов сдержался.

Исследователи подземелья, прослушав речь Удалова, пошли снова в дальнюю комнату выносить остальные вещи. Удалов послал гонцов в универмаг за обёрточной бумагой. Елена Сергеевна присела на корточки и подняла одну из книг. Осторожно, поддев ногтем, открыла ржавые застёжки переплёта и перевернула первый лист.

Зрители склонились над книгой и шевелили в два десятка губ, разбирая её название.

Глава пятая

Милица Фёдоровна проснулась. Её томило предчувствие. В виске по-молодому тревожила-билась жилка. Что-то произошло за минуты

сна. Каретные часы Павла Буре показывали три. Альбом в сафьяновом переплёте лежал на столе, был приготовлен для чего-то. Сквозь стекло, с улицы, прилетали обрывки голосов. Надо было вернуться к окну. Тогда мысли проснутся, как проснулось тело, и всё станет на места. Потревоженная кошка удивилась резвости движений хозяйки. Портреты знакомых, акварели и жёлтые фотографии взирали на Милицу Фёдоровну равнодушно или враждебно. Одни умерли давно, другие не простили госпоже Бакшт завидного долголетия.

Розовая подушечка ждала на подоконнике. Милица Фёдоровна упёрла острый локоток и выглянула между горшками. На улице мало что изменилось. Толпа поредела. Перед Еленой Сергеевной Кастельской стояли на асфальте какие-то предметы и бутыли старинного вида. Сама же музейная дама на корточках, в непристойной возрасту позе, листала трёпаную книгу.

Значит, подвал не пуст. В подвале оказались находки. Милица Фёдоровна заставила себя задуматься. В мозгу вздрогнули склеротические сосуды, живее побежала кровь, и по дому разнёсся тихий треск – будто заводили бронзовым ключиком старые часы.

Куда вёл ход из того подвала? Ведь не с улицы заходили в него?.. К отцу Серафиму? Нет, дом его, пока не сгорел, стоял в глубине, за кустами персидской сирени. Может, в дом, соседний с бакштовским, по той же стороне? И того быть не могло – там испокон веку был лабаз. Может, во флигель? Там были зелёные ставни с прорезями в виде сердец. И что-то ещё связано с флигелем...

– Милица! – Мужской голос возник от двери, голос знакомый и вечно молодой. – Не пугайтесь. Вы узнаёте меня?

– Я не пугаюсь, друг мой, – ответила Милица Фёдоровна, стараясь обернуться. Ответила степенно и тихо. – Я отвыкла пугаться. Подойдите к свету.

Старик подошёл поближе к окну. Он тяжело опирался на суковатую палку из самшита. Борода седая, в желть, недавно подстрижена. Грубый запах одеколона «Шипр», запах дешёвой парикмахерской, разнёсся по комнате, чужой другим, обжившимся здесь запахам. Те, родные – нафталиновый, ванильный, шерстяной, камфарный, – толкали пришельца, гнали его, но шипровый нагло занял самую середину комнаты.

– Простите, Милица, – сказал старик. – Я сейчас из парикмахерской.

– Давно у нас, Любезный друг? – спросила Милица Фёдоровна. Она протянула старику тонкую, изящную, хоть и опухшую подагрически в суставах руку.

Старик опёрся покрепче о палку, нагнулся и поцеловал пальцы.

– Сдал я, – сознался он, распрямляясь. – Сильно сдал.

– Садитесь, Любезный друг, – предложила Милица Фёдоровна. – Там стул есть.

– Спасибо. Я с чёрного хода пришёл. Задами. Не хотел встречать людей.

– Надолго к нам?

– Не скажу, Милица. Сам не знаю. Если то дело, что ранее не совершил, удастся – может, задержусь. А то помирать придётся.

– Не говорите о смерти, – запротестовала Милица. – Она может услышать. Мы слишком слабо связаны с жизнью. Нить тонка.

– Пустое, – проговорил Любезный друг. – Вами, Милица, движет любопытство. Это значит – вы ещё живы.

– Там странное, – сказала Милица Фёдоровна. – Провалилась мостовая. Волнуются, бегают.

– Суета сует, – сказал старик. – Сколько я вас не видел? Лет пятьдесят.

– Вы опять за своё.

– Я прям и неделикатен. И жизнь меня ожесточила. Пятьдесят лет – большой срок.

Милице Фёдоровне не хотелось расспрашивать гостя о том, что произошло с ним за эти годы. Для неё они протекли однообразно. Одиноко. Иногда голодно. Последнее время – лучше. Соседи выхлопотали старухе пенсию. Нет, лучше не расспрашивать. Пусть будет встреча, хоть и долгожданная, без времени, вне его пут и шагов.

Старик осмотрелся. Портреты узнали его. Он их признал тоже. Кивнул вежливо. Те в ответ закивали, взмахнули бакенбардами, бородами, усами, многократно улыбнулись знаменитой улыбкой Милицы, пожали обнажёнными плечами, качнули локонами и кудрями...

Милица смотрела на него, узнавала то, что уже скрылось под сетью морщин. Предчувствия и сны указывали верно – Любезный друг пришёл.

– Откройте форточку, – попросила Милица, стесняясь своей немощи. – Мне душно. А встаю редко. Весьма редко.

Старик встал, подошёл к окну. Был он высок и до форточки достал, не поднимая вверх руки. Взглянул, открывая форточку, на улицу, вниз, увидел дыру в асфальте и книги рядом. И бутыли с ретортами.

– О боже! – сказал он. Сказал, как человек, к которому смерть пришла за час до свадьбы.

Старик вцепился в раму, и узловатые пальцы заметно побелели. Ноги не держали его.

– Что с вами? – спросила Милица, не поняв причины смятения. – Вам плохо?

Старик не смотрел на неё.

– Ничего, – ответил он. – Это пройдёт. Всё пройдёт.

– Кстати, – проговорила успокоенная Милица Фёдоровна, которой знакомы по себе были приступы слабости и удушья, – куда бы мог вести ход из этого подвала?

– Куда?

– Ну конечно. Я сначала подумала – не в дом ли отца Серафима? Вы помните отца Серафима? Он страшно пил, когда дом у него сгорел. Нет, думаю, не туда. Тот дом в глубине стоял. Ещё колонны были покрашены под мрамор. И лабаз рядом. Зачем лабазу такой подвал?.. Может, в лабаз?

– Не в лабаз, – прохрипел старик. – Не в лабаз. Какой ещё лабаз? Ход к вам шёл во флигель. Господи, несчастье-то какое.

«Правильно, – резонно подумала Милица Фёдоровна. – Конечно, выход из подвала должен быть под флигелем». Но она такого не помнит. Совсем не помнит. Запамятовала. А может, и не знала о подвале.

А Любезный друг сердился. Глаза его увеличивались, росли и гневались. И он взлетел под потолок, и оттуда грозил сухим пальцем, и говорил беззвучно...

Это Милице Фёдоровне уже снилось. Она задремала. Старик не взлетал и не грозил пальцем. Он стоял, прислонившись лбом к стеклу, и тяжко стонал.

Глава шестая

Елена Сергеевна задерживалась. Шурочка отвечала на Ванины вопросы, и было это подобно клубку – ниточка тянулась, вопрос за вопросом, и смысла в них не заключалось. За беготнёй Шурочка чуть не забыла – обещала с пионерами пойти на экскурсию к старухе Бакшт.

Кукушка нехотя выползла из деревянных ходиков и два раза скрипнула, не раскрывая клюва. На третий раз её не хватило. Стрелки стояли на трёх без пяти. А Елены Сергеевны всё не было.

В магазине Шурочку отпустили после обеда. Там не хватятся. Но пионеры ждут.

– Пошли погуляем, Ванечка, – сказала Шура, подлизываясь. (Ванечка мог и не пожелать.) – Может, бабушку найдём.

Шурочка убедила Ваню надеть панаму. Ваня потащил за собой танк на спичечных коробках – согласился гулять на таких условиях.

На мосту через Грязнуху Шурочку с Ваней обогнали знакомые из речного техникума. Дюжие мальчики на велосипедах. Ехали с купания и потому были бодры. Увидев Шурочку, стали делать вид, что Ваня – её сын, отчего очень развеселились. Шурочка обиделась на грубые шутки, Ваня испугался, захотел вниз к речке – посидеть на берегу. Он бил каблуками по булыжникам и упирался. Речникам надоело шутить на жаре, они нажали на педали. Один отстал, обернулся, сказал, что купил два билета в кино, на девять, и будет ждать. Шурочка почти не слушала. Она уговаривала Ваню.

– Ванечка, – говорила она, – пойдём к бабушке. Я тебе конфетку дам, «Золотой ключик».

– Нельзя мне конфеты... – канючил Ваня. – Я хочу ананас. У меня коренной зуб болит...

– А мы сейчас посмотрим твой зуб, – послышался добрый голос сзади. – И, может, даже вырвем его с корнем.

Провизор Савич поравнялся с ними. Он возвращался с обеда в аптеку.

– Я за Елену Сергеевну посидеть взялась, – сказала Шурочка. – А она не идёт.

Савич посмотрел на внука Елены Сергеевны и пожалел, что нет с собой конфеты или другого предмета, которые обычно дарят детям. У него детей не было, а могли бы быть внуки.

– Я хочу золотую рыбку поймать, – сообщил Ваня, не испугавшись доктора.

– Золотая рыбка достаётся трудом, мальчик, – произнёс Савич. Он не умел говорить с детьми.

– Я буду с трудом, – согласился Ваня.

Шурочка воспользовалась разговором и сдвинула Ваню с места. Савич шёл рядом и старался по-свойски говорить с ребёнком, но отвечал невпопад. Провизор в это время думал о жизни, которая не удалась.

От снесённых торговых рядов осталась башня с часами. Сначала её использовали как каланчу, а потом пристроили четырёхэтажный дом для исполкомовцев и прикрепили электрические часы, что висят на столбах в больших городах, – круглые и неточные. Часы показывали десять минут четвёртого.

– Ой! – испугалась Шурочка. – Нас пионеры ждут. Мы побежали...

Ваня бежать согласился: Савич ему надоел.

Шурочка с Ваней побежали к школе, и за ними по пустой горячей мостовой запрыгал танк, сделанный из тома «Современника» и спичечных коробков. Один из коробков вскоре оторвался и остался лежать на мостовой. Провизор поднял его. Повертел рассеянно в пальцах. На коробке было изображено дерево без листьев и написано: «Себялюбивый человек засыхает, словно одинокое бесплодное дерево. Тургенев».

Шурочка увлекла Ваню в переулок. У новой кирпичной школы стоял дуб. Дуб был очень стар. Завуч школы любил повторять древнее предание о том, как землепроходец Бархатов, перед тем как уйти открывать левые притоки Амура, посадил дуб в родном городе. Завуч сам это предание и выдумал. Новому директору музея оно нравилось. Он надеялся найти ему документальное подтверждение.

В тени дуба маялись шесть пионеров из исторического кружка. Летом кружок не занимался, но Шурочка разыскала его активных членов, оставшихся в городе, и уговорила пойти к старухе Бакшт.

Стояла жара, и пионеры беспокоились. Они любили историю, но им хотелось купаться.

Золотая чёлка Шурочки Родионовой прилипла ко лбу. Рядом семенил дошкольник.

Пионеры зашевелились и достали записные книжки.

– Пошли, ребята, – сказала Шурочка, – а то опоздаем.

Пионеры нехотя выползли на солнцепёк.

Путь их лежал мимо провала, и потому начало экскурсии пришлось отложить ещё на несколько минут. Пионеры влились в толпу у ямы, через минуту были уже в курсе всех событий, и Шурочка, даже если захотела бы увести их в дом к Бакшт, не смогла бы этого сделать.

Удалов под наблюдением Елены Сергеевны заворачивал в обёрточную бумагу принесённые вещи. Эрик с Грубиным вынимали из подземелья последние предметы, Миша Стендаль принимал их, складывал на асфальт.

Пахло одеколоном «Шипр». Запах испускал высокий костлявый старик с желтоватой, недавно подстриженной бородой. Старик нервничал, ломал корявые пальцы.

Провизор Никита Савич, обогнавший Шурочку, увидел Ваню и вернул ему спичечный коробок.

– Баба, – сказал Ваня, – пошли домой.

– Ты что тут делаешь? – удивилась Елена Сергеевна. – Где Шурочка?

– Я здесь, – откликнулась Шурочка. – Я беспокоиться начала, куда вы пропали, но потом пошла с Ваней и вспомнила: у меня экскурсия и пионеры ждут, и мы пошли в школу и зашли к вам.

Ваня тем временем заинтересовался дыркой в земле, подошёл поближе, нагнулся и свалился в провал.

Толпа ахнула.

Но с Ваней ничего страшного не случилось. В этот момент кверху поднимался стул. Ваня встретился с ним на полпути, упал на него и через несколько секунд уже вернулся на поверхность.

Однако его падение послужило завязкой других событий.

К провалу бросились провизор Савич; старик, пахнувший одеколоном «Шипр»; Миша Стендаль и Удалов, который понял, что его видение оказалось вещим. Четверо столкнулись над провалом и помешали друг другу подхватить ребёнка. Удалов, самый несчастливый, натолкнулся на старика, потерял равновесие и кулём свалился вниз.

В замешательстве, вызванном возвращением Вани и исчезновением Удалова, старик с палкой неожиданно подхватил одну из бутылей, отбросил самшитовую палку и, взмётывая колени, побежал по улице.

Елена Сергеевна прижимала к груди ничуть не испуганного Ваню. Она этого не видела.

Провизор Савич хотел было крикнуть: «Стой!» – но счёл неудобным. Только Миша Стендаль, быстро сообразивший, что к чему, бросился вслед. Старик нырнул за угол.

За углом был двор. Во дворе стояла бутыль. Старик прислонился к стенке. Он дышал редко, втягивая воздух, как чай – с хлюпаньем.

– Возьмите, – сказал он. – Я пошутил. Только не разбейте.

Стендаль всё-таки сделал шаг к нему, не к бутылке. Бутыль сама не уйдёт.

– Не трогайте меня, – произнёс старик строго. – Возьмите бутыль и идите обратно.

В глазах старика вспыхнули яростные огни, и Стендаль не посмел ослушаться.

Он обнял бутыль, тяжёлую и согревшуюся под солнцем. Повернулся и шагнул за угол. И встретил остальных преследователей. Он шёл быстро, решительно, и никто не подумал, что преступник не задержан. Люди послушно последовали за бутылью. Так и вернулись к провалу.

Тем временем Грубин и экскаваторщик вытащили Удалова, у которого была повреждена рука. Первую помощь ему оказали в аптеке.

Добычу понесли в музей. Идти недалеко, и помощников достаточно: впереди шла Елена Сергеевна, вела за руку Ваню и несла одну из книг, потоньше прочих, порастрёпанней. За ней Миша Стендаль с двумя бутылями. Тёмная жидкость полоскалась в них и раскачивала Мишу. Фотоаппарат бился между бутылями и стучал в грудь.

Потом шли пионеры с Шурочкой во главе. Каждому досталось по находке. Последним шёл экскаваторщик Эрик и нёс стул.

Музей был заперт по случаю выходного дня. Но сторожиха вышла с ключами – она хранила верность старому директору, хотя и дотошной, но образованной.

Елена Сергеевна прошла прямо в кабинет директора. Там всё и сложили частично на пол, частично на кожаный диван для посетителей из области.

Когда все ушли, Елена Сергеевна уложила Ваню на диван, подвинув находки, а сама провела ещё час, проглядывая книги и разбирая надписи на бумажках, приклеенных к бутылям костяным клеем. Потом две малых бутылки заперла в сейф, а с собой взяла потрёпанную тетрадку.

Ваня всё время хныкал, требовал мороженого. Елена Сергеевна была задумчива, вспоминала прочитанное, недоуменно покачивала головой.

...Удалову Савич наложил шины и спросил, дойдёт ли он сам до больницы сделать рентген. Но Удалову стало совсем худо. Он лежал

в комнате, где делают лекарства. Обе молоденькие помощницы Савича ему сочувствовали, и одна принесла воды, другая приготовила шприц – сделать обезболивающий укол. Но Удалова это внимание не трогало. Его мутило от аптекарского запаха, который ни девушки, ни провизор не замечали, привыкли. Грубин рассматривал химикалии, запоминая на будущее, что есть в наличии: может, когда-нибудь пригодится.

Савич позвонил по телефону, и приехала «скорая помощь». Приехала с опозданием – пришлось объезжать по переулкам: провал мешал движению.

Удалов всё порывался отдать распоряжения, но голос ему отказывал. Ему казалось, что он говорит, но окружающие слышали только невнятные стоны и послушно кивали, чтобы успокоить больного. Корнелию, отуманенному уколом и дурнотой, чудилось, как не засыпанный вовремя провал начинает осыпаться с краёв и поглощать дома. Вот уполз внутрь универмаг, и через чёрный ход выскакивают продавщицы во главе с Вандой Казимировной. И пытаются спасти некоторые товары из ювелирного отдела. За универмагом – Корнелий увидел это явственно – уползает в глубь земли церковь Параскевы Пятницы (слава богу, что хоть покрасить не успел), архивные материалы, сметённые катаклизмом, вырываются из узких окон и взлетают белыми лебедями в гуслярское небо. А навстречу архиву в пропасть едет речной техникум. Толстостенные монастырские здания сопротивляются земному тяготению, гнутся на краю. Дюжие мальчики, взявшись за канаты, стараются помочь своим общежитиям и классным комнатам, но всё без толку – как нитки, рвутся канаты, бегут врассыпную мальчики, и монастырь, вплоть до золотых куполов, проваливается в бездну.

Тут Корнелий Удалов потерял сознание.

Грубин проводил носилки с Удаловым до «скорой помощи», попрощался с провизором и его помощницами, велел врачам активнее бороться за жизнь и здоровье больного, потом пошёл домой.

Первое дело было самым тяжёлым – рассказать жене соседа о беде.

Грубин постучал к ней в дверь.

– Ну как? – спросила Ксения Удалова, не оборачиваясь. Она была занята у плиты, готовила обед. – Обменяли?

– Корнелий в больницу попал, – без подготовки сказал Грубин.

– Ах!

Жена Корнелия уронила кусок мяса мимо кастрюли, прямо в помойное ведро.

– Что с ним? Я не переживу... – прошептала она.

– Ничего страшного, – смягчил удар Грубин, – руку вывихнул. Максимум – трещина в кости.

Жена Корнелия смотрела на Грубина круглыми злыми глазами – не верила.

– А почему домой не пришёл? – спросила она.

– Ему в больницу пришлось идти. Может срастись неправильно. Но врачи обещают – всё обойдётся.

Жена Корнелия всё не верила. Она сняла фартук, бросила на пол, и фартук мягко опустился вниз, храня форму её объёмистого живота. Она наступала на Грубина, как пума, у которой хотят отнять котёнка, будто Грубин во всём виноват. Мысли её были сложными. С одной стороны, она не верила Грубину, думала, что хочет успокоить, а в самом деле Удалову плохо, очень плохо. Но тут же, зная мужа, она предполагала заговор: пребывание Удалова в пивной или, того хуже, в вытрезвителе. Такого с Удаловым не случалось, но случиться должно было обязательно в силу его невезучести.

– Где он? – требовала она.

И Грубин не верил глазам своим. Ещё вчера вечером была она добра к нему, стучалась в холостяцкую комнату, звала пить чай.

– В городской больнице, – сказал Грубин быстро, мотнул шевелюрой, шмыгнул к себе, двери захлопнул и прислушался – не рвётся ли?

Не рвалась. Выскочила во двор и побежала к больнице. Грубин снял чёрный пиджак, постоял немного, держа его на вытянутой руке. От пиджака веяло жаром, исходил пар. В шкафу скреблись.

– Погоди. – Грубин положил проветренный пиджак на аквариум. Достал ключик, отворил шкаф.

Ворон вышел на пол, застучал когтями, разминаясь, расправил крылья, поглядел зло на аквариум и по-куриному протрусил к старому кожаному креслу с вылезающими пружинами.

Кресло, как и многое другое в комнате Грубина, досталось ему почти задаром, через лавку вторсырья, которой он заведовал. Любая вещь, кроме микроскопа, стоявшая, лежавшая либо валявшаяся в углу, была добыта им по случаю и могла похвастаться длительной историей.

Взять, к примеру, кресло. Пружины его были сломаны от излишнего пользования, торчали опасно. Один подлокотник был начисто лишён кожи, второй – цел. Очевидно, владелец любил опираться на локоть. Ещё были два пореза на сиденье, будто кто-то вспарывал кресло саблей, да сквозные отверстия в спинке. Может быть, стреляли в спину сидевшему. Картину дополняли всевозможные пятна, от чернильных до яичных, разбросанные в различных местах.

Ворон метко вспрыгнул на кресло, чтобы не напороться на обломок пружины, нахохлился.

Ворон был обижен недоверием.

– Хочешь погулять? – спросил Грубин.

Он подошёл к окошку и открыл его.

Ворон ещё с минуту крепился, обижался. Потом прыгнул на подоконник. И улетел.

– Ну ладно. – Грубин заткнул за пояс голубую майку. Идти на рынок, открывать лавку, принимать от населения бутылки и вторичное сырьё не хотелось. День вышел увлекательный.

Грубин поднял ногу, повозил ею о другую, стаскивая ботинок. Повторил операцию со вторым ботинком. Со двора в комнату плыли истома и медовый запах лип. Грубин улёгся на кровать с никелированными шарами на спинке, но спать не стал – смотрел, как на захламлённом верстаке крутится, поскрипывает вечный двигатель. Маленький, опытная модель. Двигатель крутился второй месяц, только в плохую погоду отсыревал, и его приходилось тогда подталкивать рукой.

Грубин был доволен жизнью. Она ничего не требовала от него, но оставляла время для невинных удовольствий и рукоделий.

Глава седьмая

Шурочка подвела пионеров к комнате Милицы Фёдоровны Бакшт. С ними увязался Миша Стендаль. Пришлось и его взять. Постучала осторожно. Знала, что у старухи слух хороший. Если не спит, откроет. Прислушалась. Ей показалось: за дверью голоса, шёпот, шаги. Потом стихло.

– Сейчас, – сказала за дверью Бакшт. – Входите.

Всё в комнате как прежде: та же застойность замкнутого воздуха, те же акварели и гравюра на выцветших обоях, банки с дремучими цветами на подоконнике, в углу фикус в расползшейся кадке. Милица

Фёдоровна сидит за круглым столом. На скатерти, тёмно-зелёной, чуть тронутой молью, альбом в красном сафьяновом переплёте с золотыми застёжками в виде львиных голов.

Милица Фёдоровна выглядела странно. Она будто утеряла долю своей царственности, обмякла, сломалась. Редкие белоснежные волосы, сквозь которые просвечивала розовая сухая кожа, чуть растрепались на висках, чего никогда ранее не было. Пергаментные щёки были в пятнах, тёмных, почти красных.

– Извините, – сказала Шурочка. – Мы к вам пришли, как договаривались. Вы нам рассказать обещали.

– Помню. – Бакшт кивнула. – Пусть дети войдут.

Дети вошли, поздоровались. Старуху Бакшт они раньше не видели и удивились, что бывают такие старые люди. Голова Милицы Фёдоровны совсем ушла в плечи, руки распухли и лежали на столе будто чужие, неживые. Нос спустился к верхней губе, и даже на нём были глубокие морщины. Только глаза, большие, серые, в тёмных ресницах, разнились от остального.

– Садитесь, – предложила Милица Фёдоровна. – Ведите себя тихо и не курите.

– Не курю, – сказал Стендаль, потому что Шурочка посмотрела на него строго.

– Я не могу уделить вам время, коего вы бы желали, – продолжала старуха. – Посмотрите мой альбом. Подойдите к столу, не робейте.

В комнате произошло движение, воздух качнулся, запахи шафрана, камфары, ванили перемешались между собой, и к ним прибавился выскочивший из-за ширмы запах одеколона «Шипр».

Стендаль потянул носом, посмотрел на ширму. Из-под неё были видны носки мужских сапог. Знакомые носки. Сапоги принадлежали старику-похитителю. Но Миша ничего резкого предпринимать не стал. Пока дети склонялись над альбомом, начал незаметно передвигаться к ширме.

– На этой фотографии, – говорила размеренно старуха, – изображена я в форме сестры милосердия.

– До революции? – спросил рыженький пионер.

– Да, в Севастополе.

Значение этих слов ускользнуло от пионеров. Шурочка удивилась. Она этот альбом раньше не видела. Средних лет женщина в длинном

белом платье и наколке на голове стояла на фоне мешков с песком, окружавших старинную пушку. По обе стороны её – офицеры в высоких фуражках. Лицо одного было чем-то знакомо...

– Кто это? – спросила Шурочка.

– Один знакомый. Не помню уж сейчас, как его звали, – сказала Бакшт. – Кажется, Лёвочкой.

Стендаль продолжал движение к ширме. Он наступал на носки и только потом опускал пятки. Пока его движение не было замечено.

– А тут стихи поэта Полонского. Вы, очевидно, не знаете такого. Это был отличный поэт. Сам государь император высоко о нём отзывался.

Стихи были посвящены хозяйке дома.

Милица Фёдоровна начала читать их на память, и пионеры следили за ней по тексту. Читала она правильно.

До ширмы оставалось метра полтора. Носки зашевелились и отступили вглубь. Облезлая серая кошка выскочила из-под ширмы и бросилась на грудь Стендалю. Миша от неожиданности отскочил. Чуть не свалил фикус.

– Господи! Что происходит? – закричала молодым голосом Милица Фёдоровна.

– Кошка, – объяснил Стендаль.

– Вернитесь немедленно сюда, – велела Милица Фёдоровна. – В ином случае я буду вынуждена указать всем на дверь.

– Я ничего... – смутился Стендаль. – Мне показалось.

– Миша! – строго произнесла Шурочка.

В комнате наступил мир. Стендаль вернулся к столу.

Он тоже стал смотреть альбом, но глазом косил на ширму. Кошка улеглась старухе на колени и тоже косила глаза – на Мишу. Как бы угрожала.

– А теперь обратимся к моей молодости, – сказала Бакшт. Она торопилась, волновалась. Говорила громко.

На следующей странице была нарисована акварелью девушка в платье с глубоким вырезом на груди.

– Это я, – сказала Милица Фёдоровна. – В бытность мою в Санкт-Петербурге. А эти стихи написал мне в альбом Александр Сергеевич Пушкин. Он танцевал со мной на балу у Вяземских.

Пионеры, Шурочка и Стендаль замерли как поражённые громом. Старуха сказала эти слова так просто, что не оставалось места для недоверия. Страница была испещрена быстрыми летучими буквами. И внизу была подпись: «Пушкинъ».

В этот момент из-за ширмы быстро вышел старик с желтоватой бородой и, в два шага достигнув двери, исчез за нею, унеся с собой настойчивый одеколонный запах. Никто не заметил его. Даже Стендаль. Только сиамская кошка проводила его разными глазами: один – красный, другой – голубой.

Глава восьмая

Вечер, пожалев измученный жарой и происшествиями город, выполз из-за синего леса, отогнал солнце к горизонту и принялся играть красками заката. Пыль отсвечивала розовым, дома порозовели, зазолотились стёкла. Лишь провал оставался чёрным на сизом асфальте. Вокруг уже было надёжное ограждение: верёвки на столбиках. Всё смягчилось – и воздух, и люди. Кто шёл в кино или просто погулять, останавливались у провала, распространяли различные слухи о сказочных находках, сделанных в нём.

Рассказывали об одном экскаваторщике, унёсшем втихомолку золотую цепь в два пуда весом, и хвалились знакомством с ним. Указывали на следователя, что гулял с женой по Пушкинской, уверяли, что не гуляет, а выслеживает. Экскаваторщику сильно завидовали, но надеялись, что его поймают и дадут по заслугам.

Удалов лежал у окна в небольшой палате. Боль в руке утихла. Грубин угадал – оказалась трещина. Хоть в этом повезло. Обещали завтра отпустить домой. Прибегала жена. Сначала беспокоилась, сердилась, потом оттаяла, принесла из дома пирог с капустой. Перед уходом постояла у окна, подержала мужа за здоровую руку.

Прибегал сын Максимка, приводил друзей из школы, хвастался отцом в больничном окошке.

Проходившие люди кивали, здоровались. Удалову внимание надоело, он отодвинулся от окна, подогнув ноги и переложив подушку на середину кровати. Он не знал, что его имя также склоняют в связи с сокровищем. Одни говорили, что Удалов пострадал, задерживая человека с золотой цепью. Другие – что старался убежать вместе с преступником для дележа добычи, но оступился.

Пришёл к провалу и провизор Савич. Посмотрел в непроглядную глубину и решил всё-таки зайти в гости к Елене. Давно не был. Домой ему идти не хотелось.

Пока Савич добрался до Кастельской, наступили сумерки. Первые фонари зажелтели по улицам. В окне Елены горел свет. Она читала. Савич вдруг оробел.

Напротив, у автобусной остановки, стояла скамейка – чугунные ножки в виде лап. Савич сел, сделал вид, что поджидает автобус, а сам повторял мысленно речь, которую произнёс бы, если бы набрался храбрости и вошёл к Елене.

Он сказал бы: «Елена, сорок лет назад мы не закончили разговора. Я понимаю, дело прошлое, время необратимо. Где-то на перекрёстке мы избрали не ту дорогу. Но если, Елена, ошибку нельзя исправить, в ней стоит хотя бы признаться».

Темнело медленно, и небо на западе было зелёным. Дюжий мальчик из речного техникума не дождался Шурочку на девятичасовой сеанс, продал лишний билет и пошёл один. И пил с горя лимонад в буфете.

Удалов поужинал без аппетита и задремал, обдумывая один план.

Старухе Милице Фёдоровне Бакшт не спалось. Она достала трость, с которой выходила в собес или на рынок, накинула кашемировую шаль с розами тёмно-красного цвета и пошла погулять. По пути раздумывала, не совершила ли ошибки, показав автограф Пушкина пионерам. Но дело шло о её женской чести – Любезному другу надо было уйти незамеченным.

Грубин проснулся, покормил рыбок, потушил свет и отправился проведать соседа, Корнелия Удалова.

Ванда Казимировна, директор универмага и супруга Савича, съела в одиночестве остывший ужин, взгрустнула и стала мучиться ревностью.

Совсем стемнело. Над лесами собралась гроза, и зарницы вырывались из-за гребёнки деревьев, будто злоумышленник сигналил фонарём.

Удалов шептался с Грубиным, стоявшим под окном больницы. Удалов решил убежать и ждал удобного момента. Назавтра ему вновь собирались делать рентген и процедуры – он их боялся. Было и другое соображение. Кончался квартал – надо срочно покончить с провалом и другими недостатками. Удалов сильно рассчитывал на премию.

Сторожиха музея проверила, заперты ли все двери-окна. Посидела на лавочке под отцветшим кустом сирени, но комары скоро прогнали её в дом. Она вздохнула, перекрестилась на здание городского архива и ушла.

На реке было тихо, и её лента с чёрными полосками заснувших барж была чуть светлее синего неба.

Во двор музея вошёл старик с тяжёлой палкой. Запах одеколона отпугивал комаров, те кружили, кричали комариными тонкими голосами, сердились на старика, но сесть не осмеливались. Старик медленно поднялся по лестнице на крыльцо, не спешил, утихомиривая скрип ступенек. Прислушался у двери, рассеянно водя пальцем по стеклянной вывеске «Городской музей».

Из парка долетало буханье барабана – играли вальс «На сопках Маньчжурии». Никого.

Старик вынул из кармана отмычку и принялся елозить ею в солидном музейном замке. Замок долго сопротивлялся – старый был, надёжный, – но поддался, оглушительно щёлкнул. От замочного звука заахали, замельтешили окрестные собаки. Старик поглядел на дверь сторожки – нет, сторожиха не обеспокоилась. Старик снял замок, положил осторожно на перила и потянул на себя дверь, обшитую коленкором. Тянул и ждал скрипа. При скрипе замирал, потом снова на полвершка оттягивал дверь на себя. Наконец образовалась щель. Старик просунул вперёд палку, потом сам проскользнул внутрь с ловкостью, неожиданной для своего возраста. Прикрыл за собой дверь. Прислонился к ней широкой сгорбленной спиной и долго хрипел – отдыхал от волнения.

Сначала старик сделал ошибку – отправился в музейные фонды. Он знал расположение комнат. В темноте спустился вниз, в полуподвал, поработал отмычкой над фондовой металлической дверью – торопился и потратил на открывание минуты три. Анфилада фондовых комнат тонула во тьме. Старик вынул из кармана тонкий, с авторучку, фонарик и, прикрывая его ладонью от окон, медленно прошёл по комнатам.

Портреты уездных помещиков в золотых багетах глядели со стен, разрозненные гарнитуры, впритык друг к другу, заполняли комнаты. В шкафах таились выцветшие сарафаны, купеческие платья и мундиры городовых. Керосиновые лампы с бронзовыми и фарфоровыми

подставками тянули к потолкам пыльные фитили, и давно остановившиеся позолоченные часы – пастух и пастушка – поблёскивали под случайно упавшим лучом фонарика.

В фондах не было того, что искал старик. Он вышел, закрыл за собой дверь – запирать не стал: времени нет – и остановился в задумчивости. Куда они могли всё спрятать? Потом крякнул: как же раньше не догадался? И поспешил, постукивая палкой, в кабинет директора на втором этаже.

На этот раз он не ошибся. Три бутылки и колба стояли на столе, рядом с макетом памятника землепроходцам. И две книги. Ещё книги и пустые реторты лежали на чёрном кожаном диване.

Движения старика приобрели силу и уверенность. Он ощупывал бутылки, светил им фонариком в бока, угадывая жидкость по цвету. Одну бутыль раскупорил и понюхал. Сморщился, как от доброго табаку, чихнул и заткнул снова резиновой пробкой. Перебрал книги на диване. Одну реторту, с порошком на дне, положил осторожно за пазуху. Ещё раз пересмотрел бутыли и книги.

Никак не мог найти чего-то крайне нужного, ценного, ради чего пришёл сюда в такой час.

Старик тяжело вздохнул и остановился в задумчивости у сейфа. Сейф вызывал в нём подозрения. Двух бутылок не хватало. Старик с минуту постоял, раздумывая: почему пропали именно те две бутыли? Ему вдруг захотелось, чтобы их в сейфе не оказалось, ибо если они отделены от остальных, значит, кто-то разгадал, хотя бы частично, его секрет.

Сейф сдался через двадцать минут. На верхней полке его лежали музейные важные дела, ведомости членских взносов, печать и менее нужные бумаги. На нижней полке – две небольшие бутыли. Старик угадал, и правильность догадки его не обрадовала. Тем более что отсутствовала одна вещь, наличие которой было необходимо для успеха предприятия. И он начал догадываться, куда она могла деться.

Старик медленно и грустно спустился по лестнице, утопив бутыли в обширных карманах. Забыл, что находится в музее нелегально, широко распахнул входную дверь. Дверь взвизгнула петлями. Старик не слышал визга. Он думал. Дверь гулко захлопнулась. Внизу под лестницей поджидала перепуганная сторожиха, прижав к губам милицейский свисток.

Старик не сразу заметил сторожиху. Из задумчивости его вывел свист, короткий, захлебнувшийся, – сторожиха оробела и не смогла толком дунуть. Рука дрожала, свисток молотил по зубам.

– Ты что здесь делаешь? – спросил старик, всё ещё думая о другом. – Ты зачем здесь? – повторил он с пристрастием.

– Батюшки! – Сторожиха отступила назад, топча музейную клумбу. – Туда же нельзя. Музей закрыт.

– А я в музей не собираюсь, – сказал старик. Он пришёл в себя, вспомнил, где он и почему здесь.

– Батюшки... – повторила сторожиха. – Неужто это вы? По голосу узнала. Дитём была, а по голосу узнала.

– Обозналась, – сказал старик. – Я приезжий. Хотел с достопримечательностями ознакомиться. Хожу. Смотрю.

– Да чего же от меня скрываться? – обиделась сторожиха. – Я хоть и дитём была, но помню, как сейчас помню.

– Ладно, – сказал старик. Он уже спустился по лестнице и стоял на дорожке, высясь над сторожихой. Карманы оттопыривались, и жидкость явственно булькала в бутылях.

Сторожиха, смущённая встречей, растерянная, уже не злилась. С горечью решила, что старик пьёт и спиртное носит в карманах.

– Может, переночевать негде? – спросила она.

Старик помягчел.

– Не беспокойся, старая, – сказал он. – Лето сейчас. Комар меня не берёт. Добро всякое кто сегодня приносил в музей?

– Старая директорша. Елена Сергеевна. Они потом ещё долго здесь просидели.

– Чего с собой унесла?

– С внуком она была, с Ваней. На пенсии она теперь.

– Книжка была у неё? Старая.

– Она зачастую с книжками ходит.

– Она уходила – книжка была у неё?

– Была, была. Конечно была, как не быть книжке.

– Давно ушла?

– Ещё светло было...

– Куда пошла?

– Домой к себе, на Слободскую...

Глава девятая

Удалов уже совсем собрался бежать из больницы, но тут кончился девятичасовой сеанс в кино, по улице пошли люди, с разговорами и смехом. Зажигали спички, прикуривали. Луны не было – из-за леса натянуло грозовые тучи. Грубин прижался к стене. Удалов присел за подоконником. В палате уже было темно, свет выключен, больные спят.

– Миновали, – прошептал наконец Грубин, давая сигнал.

Последним прошёл киномеханик, звеня ключами от кинобудки.

Можно было начинать бегство. Удалову очень хотелось, чтобы прошло оно незаметно и благополучно. Если его поймают сейчас и вернут, будет немало смеха и издевательских разговоров. Но утра ждать нельзя. Утром в больнице наберётся много врачей и персонала. Не отпустят. Удалов опёрся на здоровую руку и сел на подоконник.

Сзади скрипнула дверь. Сестра. Удалов зажмурился и прыгнул вниз, в руки Грубину. Больную руку держал кверху, чтобы не повредить. Так и замерли под окном скульптурной группой.

Перед носом Корнелия шевелились грубинские пышные волосы. Удалов зажмурился, ожидая сестринского крика. И ему уже чудилось, как зажигаются во всех больничных окнах огни, как начинают суетиться по коридорам нянечки и медсёстры и все кричат: «Убежал! Убежал! Обманул доверие!»

– Ай! – простонал Корнелий.

Грубин ткнул ему головой в рот, чтобы хранил молчание.

В палате было тихо. Может, сестра не заметила, что одного пациента не хватает. А может, и не сестра это была, а кто-нибудь из ходячих больных пошёл в коридор. Корнелий тяжело вздохнул, обмяк и попросил:

– Подожди минутку, передохну. Я всё-таки больной человек.

И тут они услышали тяжёлые неровные шаги. Шаги приближались неумолимо и сурово, будто передвигается не человек, а памятник. По самой середине улицы, не скрываясь, прошёл высокий старик с палкой. Прошёл, неровно и скупо освещённый редкими фонарями, и только тень его ещё некоторое время удлинялась и покачивала головой у ног Удалова.

Остался запах одеколона, странное бульканье, исходившее от старика, да постук палки.

– Подозрительный старик, – сказал Удалов шёпотом. Старика он испугался и потому теперь хотел его унизить. – У провала вертелся, помнишь? Меня в пропасть толкнул.

– Ты сам толкнулся. Нечего уж... – отозвался справедливый Грубин.

– И не извинился, – добавил Удалов. – Человека довёл до больницы, до травмы, а не извинился. Травма моя бытовая, и по бюллетеню платить не будут. Надо с него взыскать.

– Кончай, Корнелий, – увещевал Грубин. – Чего возьмёшь со старика.

– Я ему иск вчиню, – решил Удалов. Теперь он понял, кто во всём виноват.

Удалов вскочил и, неся впереди больную руку как ручной пулемёт, мелко побежал по улице вслед за стариком. Бежал негромко: ему хотелось узнать, где живёт старик, но говорить с ним сейчас, на тёмной улице, не стоило. У старика палка. А Удалов вне закона. Беглец.

Грубин вздохнул и догнал Корнелия. Он шёл рядом и отговаривал. Намекал, что такая погоня может отразиться на здоровье. Удалов отмахивался. От друга и от злых комаров.

Шурочка уже три раза сказала Стендалю, что ей пора домой, но не уходила. Ей и в самом деле пора было домой. Стендаль отвечал: «Нет, посидим ещё». Он неоднократно ходил на угол, где стояла мороженщица, и приносил Шурочке эскимо. И снова разговаривал о поэзии, чудесных совпадениях, планах на будущее, преимуществах журналистской жизни, маме, оставшейся в Ленинграде, любви к животным, долголетии и всё прерывал себя вопросом: «Посидим ещё?»

Шурочке было чуть зябко от предчувствий, но, когда стало совсем поздно, она встала и сказала:

– Я пошла. Мама будет ругаться.

– Завтра вы свободны? – спросил Стендаль.

– Не знаю, – сказала Шурочка. – Ты меня не провожай.

Она боялась, что дюжие мальчики из техникума увидят Стендаля с ней и побьют Мишу.

И тут раздались шаги. Шаги были тяжёлые, с палочным приступком. По улице, направляясь к мосту через Грязнуху, шёл старик с палкой. Знакомый запах одеколона сопровождал его.

Стендаль почувствовал, как всё внутри него напружинилось. Старик был тайной. В нём было нечто зловещее.

– Идём, – сказал Стендаль. – Этого человека упускать нельзя.

...Милица Фёдоровна Бакшт в задумчивости гуляла куда дольше, чем положено в её возрасте. Попала даже на Слободу, чего не случалось уже лет тридцать. Она брела домой в ночи, пора бы спать, слабые ноги онемели, и проносившиеся с рёвом автобусы пугали, заставляли прижиматься к стенам домов. Может, уже и не дойти до дома, до фикуса и шафранной полутьмы. Кошка послушно семенила сзади, стараясь не отставать, и глаза её горели тускло, как в тумане.

Крупная женщина обогнала Милицу Фёдоровну, но не посмотрела в её сторону. Женщину Милица Фёдоровна знала плохо – видела раза два из окна, когда та выходила из универмага.

Савич узнал жену по походке. Когда-то этот перезвон каблуков его пленял, казался лёгким, элегантным. Потом прошло – осталось умение угадать издали, среагировать. И сейчас среагировал. Понял, что жена мучается ревностью, разыскивает его. В два прыжка перемахнул через улицу и спрятался за калиткой во дворе Кастельской. Ванда Казимировна задержалась перед окном, заглянула, увидела, что Кастельская одна. Сидит за столом, читает. Савича там нет. Успокоилась и пошла дальше, к мосту, медленнее, как бы прогуливаясь.

Савич собрался было вернуться на улицу, но только сделал движение, как снова послышались шаги. С двух сторон. Одни – тихие, шаркающие, будто человек не двигается с места, а устало вытирает ноги о шершавый половик. Другие – тяжёлые, уверенные. Савич остался в тени. Калитка дёрнулась под ударом, распахнулась. Задрожал заборчик. Высокий старик с палкой ворвался во двор, чуть не задел Савича плечом, обогнул дом и – раз-два-три! – взгромоздился по ступенькам к двери. Постучал.

Савич выпрямился. Старика он где-то видел. Старик ему не понравился. Было в нём нечто агрессивное, угрожающее Елене. Савич хотел подойти к старику, задать вопрос, но удержался, боялся попасть в неудобное положение: сам-то он что здесь делает?

Пока Савич колебался, произошли другие события. Во-первых, дверь к Елене открылась, и старик, не спрашивая разрешения, шагнул внутрь. Во-вторых, в калитку вбежал молодой человек в очках. Он тащил за руку очаровательную Шурочку Родионову, подчинённую Ванды. Молодые люди остановились, не зная, куда идти дальше. Тут же перед калиткой обозначились ещё две фигуры: одна держала перед

собой вытянутую вперёд белую толстую руку; вторая была высока, и лохматая её голова под светом уличного фонаря казалась головой горгоны Медузы. Удалов заметался перед калиткой, а Грубин вытянул жилистую шею, заглянул в окно Кастельской и сказал:

– Он там.

Удалов тут же устремился во двор, обогнал, не видя ничего перед собой, Шурочку с её спутником и принялся барабанить в дверь.

– Что-нибудь случилось? – спросил Савич, выйдя из темноты.

– Не знаю, – искренне ответил Грубин. – Может быть.

– Я ж тебе говорил, – сказал Миша Стендаль Шурочке и тоже подошёл к крыльцу.

Первым вбежал в комнату Удалов. Хотел даже поздороваться, но слова застряли в горле. Старик прижал Елену Сергеевну в углу и старался отнять у неё растрёпанную тетрадь в кожаной обложке. Елена Сергеевна прижимала тетрадь к груди обеими руками, молчала, смотрела на старика пронзительным взором.

– Ах ты!.. – сказал Удалов. Он выставил вперёд загипсованную руку и с размаху ткнул ею старика в спину.

Старик сопротивлялся.

На помощь Удалову подоспел Савич: им двигал страх за судьбу некогда любимой женщины.

Старик охал, рычал, но не сдавался.

Уже и Грубин, и Удалов, и Стендаль, даже Шурочка отрывали его, тянули, а он всё сопротивлялся, поддаваясь, правда, понемногу совместным усилиям противников.

Бой шёл в пыхтении, вздохах, кряканье, но без слов. А слова прозвучали от двери.

– Прекратите! – произнёс старческий голос. – Немедленно прекратите.

В дверях, опираясь на трость, стояла вконец утомлённая Милица Фёдоровна Бакшт. У ног её, сжавшись пантерой, присела старая сиамская кошка.

Старик отпустил тетрадь и отступил под тяжестью насевших на него врагов. Повёл плечами, стряхнул всех и как ни в чём не бывало сел на стул.

– Как дети, – сказала Милица Фёдоровна. – Дайте стул и мне. Я устала.

– Любезный друг, – сказала Милица Фёдоровна, – вы вели себя недостойно. Вы позволили себе поднять руку на даму. Извинитесь.

– Прошу прощения, – проговорил старик смущённо.

Елена Сергеевна ещё не пришла в себя. Прижимала к груди тетрадь, не садилась.

– Мой друг не имел в мыслях дурного, – продолжала Милица Фёдоровна. – Однако он взволнован возможной потерей.

– Мне он с самого начала не понравился, – сказал Удалов. – Милицию надо вызвать.

– Справимся, – сказал Стендаль.

– Так разговора не получится, Елена Сергеевна, – сказал старик.

– Ну-ну, – возразил Удалов. Он был смел: с ним была общественность. – Я руку из-за вас сломал.

– Сам прыгнул, – сказал старик без уважения.

– Любезный друг, – произнесла старуха Бакшт, – боюсь, что теперь поздно ставить условия.

Затем она обернулась к Удалову и Стендалю.

– Мой друг не повторит прискорбных поступков. Я ручаюсь. – В голосе её звучала нестарушечья твёрдость.

Удалову стало неловко. Он потупился. Стендаль хотел возразить, но Шурочка дёрнула его за рукав.

– Я полагаю, – продолжала Бакшт, – что наступило время обо всём рассказать.

– Да, стоит объясниться, – согласилась Елена Сергеевна.

Она положила злополучную тетрадь на стол, на видное место.

– Что вы знаете? – спросил старик у Елены Сергеевны.

– То, что написано здесь.

Старик кивнул. Опёрся широкими ладонями о набалдашник палки. Был он очень стар. Неправдоподобно стар.

– Ладно, – сказал он. – Суть дела в том, что я родился в тысяча шестьсот третьем году.

Удалов хихикнул. Засмеялся негромко, поглаживая курчавые ростки вокруг лысины, Савич. Заразился смехом, прыснул Стендаль. Широко улыбался Грубин. Шурочка тоже улыбнулась, но осеклась, согнала улыбку, вспомнила альбом старухи Бакшт.

Сама Бакшт не смеялась.

...Ванда Казимировна заглянула в окно, увидела мужа весёлым, в компании. Это переполнило чашу её терпения. Она вошла в дом. Она была в гневе. Топнула мускулистой ногой, прерывая веселье, и спросила, обращаясь большей частью к мужу:

– Смеётесь? Веселитесь?

Савич опал с лица. Хотел встать, извиниться, хотя и не был виноват. Но и тут порядок навела старуха Бакшт.

Она сказала громко и строго:

– Кто хочет смеяться, идите в синематограф. А вы, мадам, садитесь и не мешайте разговору.

Удивительно, но всем расхотелось смеяться. И Ванда Казимировна села на свободный стул рядом с Шурочкой и притихла.

Старик будто ждал этой паузы. Он произнёс размеренно:

– Я родился в тысяча шестьсот третьем году.

На этот раз никто его не перебил, никто не улыбнулся. Стало ясно, что старик не врёт. Что он в самом деле родился так давно, что он – чудо природы, уникум, судьба которого таинственным и чудесным образом связана с провалом на Пушкинской улице.

– Отец мой был беден. Мать умерла от родов. Жили мы здесь, в городе Великий Гусляр, на Вологодской улице. Отец был сапожником, крестили меня в Никольской церкви, что и поныне возвышается на углу улиц Красногвардейской и Мира. Окрестили Алмазом. Ныне имя редкое и неизвестное.

Старик закашлялся. Кашлял долго, сотрясал большое, видно, совсем уже пустое внутри тело.

– Испить не найдётся, Елена Сергеевна? – спросил старик.

Шурочка сбегала на кухню, принесла стакан холодного молока. Старик выпил молоко, вытер не спеша усы синим платком.

– Мальчиком отдали меня в услужение купцу Томиле Перфирьеву, человеку скаредному, нечистому на руку. Бил он меня нещадно. Но рос я ребёнком сильным, хотя мясо видал лишь по большим церковным праздникам. Помню, были слухи о поляках, которые взяли Москву. До нас поляки, правда, не добрались, но было великое смятение.

Старик говорил медленно, стараясь вобрать в современные, понятные слушателям слова события семнадцатого века. Будто сам уже не очень верил в то, что были они. И сам себе казался лживым – что за дело этим людям до бестолкового шума базарной площади, до заика-

ющегося дьяка с грамотой в руках, до затоптанной нищенки и тройного солнца – зловещего знамения! Было ли такое или подсмотрено в кино через триста лет?

– Кому скучно, может уйти, не настаиваю, – сказал вдруг зло старик. Ему почудились насмешки на лицах.

Никто не ответил. Провизор Савич понимал, что надо требовать доказательств, потому что иначе получается кошмар. Нереальность подчёркивалась тем, что в одной комнате, впервые за много лет, оказались Ванда и Елена.

Старик молчал, смотрел пронзительно, и утихал скрип стульев, шевеление, перегляды.

– Уличил я как-то хозяина в обмере, и это случилось на людях. Шрамы эти до сего дня не совсем сгладились – избил он меня. Ничего, отдышался, но кличку приобрёл – Битый. Так звали. Получается – Алмаз Битый. Правда, я имя неоднократно менял, и в советском паспорте написано Битов. Но это не так важно. Подрос я, убежал из Великого Гусляра, и начались мои многолетние странствия. Сначала пристал я к торговым людям, что шли в Сибирь. Молодой я ещё был и многое принял на себя. Если рассказывать, получится длинный роман со многими приключениями.

Дошёл я с казаками до земли камчатской, бывал и в Индии, а когда вернулся в Россию, было мне уже под пятьдесят, обладал я некоторой известностью как отважный и склонный к правде человек, и если кто из вас имеет доступ к архивам, то сможет найти там, коли уцелели после многих пожаров, столбцы, в которых упомянуто о моих делах и походах. Было вокруг угнетение и чванство, обиды и скорбь. И тогда я подался на юг, в Запорожскую Сечь. Стал я полковником запорожского войска и думал, что завершу жизнь в походах и боях, но случилось однажды такое событие...

Старец Алмаз прервал речь, помолчал с полминуты.

Слушатели заинтересовались, поддались гипнозу сухих фраз, за которыми вставали события, правдивые потому, что говорилось о них так кратко и сдержанно.

– Вам такого имени, как Брюховецкий, Ивашка Брюховецкий, слыхать не приходилось? И вам, Елена Сергеевна? Это понятно. Человек этот канул в Лету и известен только историкам-специалистам. А ведь в моё время имя его на Сечи, да и во всей Руси, было весьма

знаменитым. Для людей он был гетманом запорожским, для меня прямым начальником.

Вызывает этот Брюховецкий меня к себе и говорит: «Есть к тебе, Алмаз Федотович, тайное и срочное дело. Порадовал меня царь грамотой, велел охрану выслать, старца Мелетия встретить и до безопасных мест проводить. Я-то людей послал, да они пощипали того старца, всё, что при нём было – шесть возов да грамоты заморские, – себе взяли. Теперь царь гневается. Где, спрашивает, награбленное? Второй день у меня подьячий Тайного приказа Порфирий Оловенников сидит, списки награбленного показывает, требует вернуть. Грозит... Выручай, Алмаз. Что делать?» Я сразу понял: юлит Ивашка Брюховецкий, потому как не иначе грабители с ним щедро поделились. А расставаться с добром кому захочется. Я и спрашиваю: «Грамотки где? Вряд ли царь стал Оловенникова, хитрого человека, к тебе посылать из-за шести возов. Грамотки покажи». Брюховецкий поотнекивался – вроде не знает, где грамоты, слыхом не слыхивал. Потом вспомнил вроде, принёс. Я попросил разобраться. Брюховецкий спорить не стал. Сказал только – с утра призовёт, чтобы всё было ясно. И вернулся я к себе домой...

«По-моему, я встречала эту фамилию – Брюховецкий», – думала Елена Сергеевна. Разогнала воздух перед лицом – надымили курильщики.

Стендалю стало скучно. Он вертелся на стуле, шуметь не осмеливался, кидал взгляды на Шурочку. Удалов баюкал руку – видно, ныла. Грубин слушал внимательно – представлял спесивого гетмана, у которого под дверью сидит московский подьячий из приказа тайных дел.

– Я позвал одного писаря, грека, не помню, как его звали. С ним мы грамотки разобрали. И были они любопытные – в них восточные патриархи признавали власть Алексея Михайловича беспредельной. А Никона, русского патриарха, ставили ниже царя. Грамоты были куда как важны – подьячий не зря тратил время. Царь хотел с Никоном покончить, да не смел своей властью патриаршего сана лишить. Послов в Иерусалим, в Антиохию слал, тамошних патриархов задабривал, помощи просил. Был среди бумаг один список – очень меня заинтересовал. Список был с грамоты самого Никона. Честил в ней Никон царя и бояр, звал к правде, жаловался на произвол царский, грозил войной. Очень эта грамота соответствовала моему душевному состоянию – я много лет справедливости искал, и вот она, писцами

переписанная, справедливость, великим человеком высказанная, который против царя и бояр идёт. Я тогда в патриаршей политике не разбирался, решил – буду жив, увижу старца, попрошу, чтобы направил меня на путь истинный.

Утром пришёл к Ивашке Брюховецкому и советую ему: «Ты, – говорю, – отдай чего-то из взятого, пустяк отдай. Но вот эти четыре грамоты, патриархами написанные, обязательно возврати. И от тебя царь отступится. Скажи, всё у казаков забрал, в церковь сложил, а церковь возьми и сгори». Ивашка меня пытает: «А обойдётся ли?» – «Обойдётся», – говорю.

Так Брюховецкий и сделал. Подьячий, как увидел патриаршие грамотки, в лице цветом восстановился – за этим и ехал.

Старик разговорился, голос окреп; он взмахивал палкой, словно булавой либо саблей, забыл о слушателях – не до них было. События обрастали плотью, пыльные имена превращались в людей.

– Я стремился в Москву. Но попал туда только года через два-три, когда уже к Москве подъезжали через Грузию, по Волге, царём созванные восточные патриархи, чтобы судить Никона. Брюховецкий тогда в Москву поехал, к царю на поклон. И удалось мне через подставных людей с Никоном связь установить. В то время грозила ему ссылка простым монахом-чернецом в северный монастырь, но старик не сдавался, борьбу конченой не считал. По-современному говоря, были у него ещё большие связи в верхах. За них держался. А с другой стороны, обратил своё внимание к народу. Может, и не от большой любви – а что делать? Бой-то проигран. Меня Никон пригрел в одном монастыре, старцем Сергием называли. Но саблю я ещё в руках держать мог. Сидение в монастыре томило меня, хотя Никон обнадёживал: надвигаются, говорил, времена. Послужишь ты ещё, Алмаз, правому делу...

Вы уж потерпите, – сказал вдруг старик миролюбиво Стендалю, который вынул записную книжку и что-то своё стал писать в ней. – Мне недолго осталось. Сейчас к делу перейду. Без этого, что рассказал, вам моя позиция и судьба останутся неясными.

– Я ничего, я конспектирую, – смутился Стендаль и закрыл книжечку.

– С юга, с Волги, пришли вести: поднялся Стенька Разин. Он Долгорукому смерть брата своего Ивана простить не мог. Смелый был

человек. И хоть Прозоровский, астраханский воевода, ему прощение за старые дела от царского имени высказал, он всё равно по Волге пошёл, царя решил скинуть. Как на подворье у нас об этом заговорили, понял я: не сегодня-завтра меня к Никону призовут. Был тогда Никон простым монахом, опозоренный, в Ферапонтовом монастыре, в наших вологодских местах заточён. Но в монастыре его знали, опасались, что он мог ещё властью пользоваться. Призвал меня, сказал: «Ты, казак Алмаз, иди к Степану Тимофеевичу на Волгу. Без меня, – говорит, – Степану с царём не совладать. Он сам это знает. Слыхал я, есть среди его стругов один, чёрным бархатом обит, и пустил Степан слух, что в этом струге я плыву. Так поезжай туда, посмотри, вроде как мой посол будешь». Благословил меня Никон, и ушёл я на Волгу. Я и в Астрахани был, когда Прозоровского с раската кинули, и Царицын брал, и под Симбирском с войском стоял. Всё было. Только, конечно, рясу-то скинул и, хоть звали меня по-прежнему старцем Сергием, дрался я по-казачьи. Тогда-то с Милицей я и познакомился.

Алмаз указал узловатым пальцем на старушку, дремавшую в углу с кошкой на коленях.

Все послушно обернулись к ней.

– Была она тогда и сейчас есть – персидская княжна, про которую известную песню сложили. Будто её Степан Тимофеевич за борт в Волгу кидал.

– Ой! – удивилась Шурочка Родионова. – Я думала, что это – сказка.

– Не будите её, – сказал Алмаз. Да никто и не собирался будить Милицу Фёдоровну. – В песне говорится, что Степан Тимофеевич её за борт кинул, так неправда это. Грозился, клялся даже, чтобы ревнивых казаков успокоить. Но ведь не бандитом он был. Был он к тому времени государственным деятелем, армию вёл за собой.

Инцидент, правда, был, признаю. Я тогда на том же струге, что и Степан, находился. Мы спорили с ним сильно. Расхождения у нас были. А тут пришли некоторые руководители. Сказали: Симбирск скоро, там законная супруга ожидает; нехорошо, коли с княжной появитесь, для морального состояния войск. И Степан Тимофеевич согласился. Девка по-русски ни слова не знала. Только глазищами вертела, казаков с ума сводила. Степан выругался, велел её мне, как человеку надёжному, взять ночью, перевезти на чёрный никоновский

струг. Там она и была. А в Симбирске мы её в доме одном поселили. И ты, кудрявый, не скалься. Если всё будет как надо, завтра вы её не узнаете. Первая красавица в Персии она была. Первой красавицей и здесь будет.

Старик уморился, перевёл дыхание. Воздух проходил в лёгкие тяжело, громко. Старик вынул пачку «Беломора», закурил.

Вокруг заговорили, но слова были будничные, никто о рассказанном не упоминал, не знал ещё, как и что надо будет сказать.

Шурочка принесла напиться Ванде Казимировне. Елена накинула шаль на плечи Милице Фёдоровне, чтобы та не замёрзла.

За окном были тишь, темень, прохлада. Собака вдали брехала лениво, сонно. Будто комар её укусил, вот и отругивала его.

– Дальше рассказывать – одна печаль, – сказал старик. – Восстание, как вы знаете, было подавлено. В Арзамасе князь Долгорукий двести виселиц поставил. На каждой по полсотне людей погибло. Вот и считайте... Но меня при том не было. Я с двумя сотнями казаков на север пошёл, к Ферапонтову монастырю. Узнал меня Никон, обрадовался, да поосторожничал. Мы его уговаривали: возьмём Кириллов монастырь – там казна большая, пушки – и на Волгу, на помощь Степану спешить надо. Да не осмелился Никон. Остался... А нам возвращаться поздно было. К тому времени Степана с Фролом уже в Москву везли. Казаков я отпустил – пусть каждый как может счастья ищет. А сам хотел в лес уйти. Да был один, князь Самойла Шайсупов, приставленный к Никону царём... У Шайсупова соглядатаи, всюду свои люди. Донесли. Поймали меня неподалёку от монастыря, заковали – и в Москву, как самого опасного государева преступника. Я царю – как подарок. Если сознаюсь – конец Никону, что на наш приход да на зазывные речи не донёс. Никона и так уже в крепость, в Кириллов монастырь, в строгость перевели. А мои показания были бы ему могильным камнем. Привезли меня в Москву, и тут случилось непредвиденное происшествие, которое к сегодняшнему дню имеет отношение.

Глава одиннадцатая

Руки Сергию завязывали подле кистей верёвками, обшитыми войлоком, ноги стягивали ремнями и поднимали тело на воздух. Палач наступал ногой на конец ремня, тянул, разрывал тело, суставы выво-

рачивались из рук, и потом палач бил по спине кнутом изредка, в час ударов тридцать, и от каждого удара будто ножом вырезана полоса. Разжигали железные клещи накрасно, хватали за рёбра...

Старец Сергий от наветов отказывался. Фрола Разина, его признавшего, встретил глазами пустыми, а чернецам, которые его у бывшего патриарха Никона видели входящим и выходящим, противные слова говорил. Старец Сергий силён ещё, но после пыток сдал, голова болталась, язык распух, и говорить он не мог.

Алексей Михайлович, мучаясь одышкой и страхами, перешёл ночью из дворца в подвал Тайного приказа. Нёс с собой бумажку, на которой собственной рукой записал вопросы для старца.

«За что вселенских Стенька побить хотел? Они по правде ли извергли Никона, и что он им приказывал?» – повторял про себя государь слова записки. «О Кореле. Грамоту от него за Никоновой печатью к царскому величеству шлют из-за рубежа». Это о шведах. Шведы ненадёжны, вредны, Котошихина, беглого бунтовщика, спрятали, печатные дворы держат, в курантах про вора Стеньку печатают и ложные известия о Никоне сообщают. Старец знать про это должен.

Дьяк Данило Полянский шёл сзади, на полшага, держал свечу, чтобы государю не удариться головой о притолоку. В переходе было смрадно, вонюче, стрелец у дверей в пыточную засуетился, открывал, пятился, и оттого государю было ещё тошней. Полянский сказывал, что старец Сергий молчит. Худо. А ещё людишки, верные вроде, твердят, что Сергий не Сергий вовсе, не старец, а казачий полковник.

Ступеньки в подвал склизкие, грязные, могли бы и помыть, всё-таки государь ходит, да не стал государь говорить Полянскому, твердил слова вопросов, и слова улетали, запутывались в разных тревожных мыслях, и горело внутри, пекло – видно, напустили порчу немчины, лекари. Горько было царю на людскую неблагодарность, на вражду, местничество, злобу, наветы.

– Лестницы бы вымыли, – сказал вдруг государь Полянскому, хотя говорить уже раздумал.

Мимо камор шли в пыточную. За решётками шевелились тени, бледные руки лезли из тряпья, и цепи звенели, будто отбивали зубную дробь.

Старец Сергий висел на дыбе безжизненно. Седые волосы, в грязи и крови, колтуном торчали вбок, будто боярский сын набекрень надел

шапку. Подьячий, что вёл допрос, вскочил из-за стола, но царь в его сторону не посмотрел. Подошёл к Сергию, заглянул в лицо. Палач, чтобы удобнее государю было, шустро отбежал, отпустил верёвку, и Сергий ногами стал на пол, только ноги пошли в сторону – не держали.

– Что сказал? – спросил царь, глядя на старца, столь нужного для спокойствия и торжества власти.

– Молчит, – ответил подьячий тихо. Боялся царского гнева.

Язык Сергия, распухший, чёрный, вылезал изо рта, не помещался. Глаза закатились – не закрывались.

– Мне он живой нужен, – произнёс вдруг царь обыкновенно, будто без гнева, а с тоской.

И даже Полянский дрожь почувствовал. Тишайший государь был весьма озабочен, и это многим могло стоить жизни.

– Пусть поутру его дохтур осмотрит, зелье даст. И не пытать, пока сам не кончу.

Алмаза окатили водой, втащили бесчувственного в камору, кинули на пол. До утра дохтура звать не стали. Старик крепкий.

Алмазу казалось, что он в пустыне. Жарко и больно ногам, ободранным о камни. И озёра лишь манят, а оказываются вихрями, бьющими по обожжённой коже. Потом ласковая прохлада коснулась лба. Вода холодная – зубы ломило – сама влилась в рот. Стало легко и блаженно.

– Вам лучше? – спросил тихий нежный голос, будто прохлада в пустыне.

– Да, – ответил Алмаз. Открыл глаза.

В теле была боль, ломота, но была она не так важна, и голова стала ясней. Голос звучал где-то внутри, будто кто-то пальчиком гладил по темени. Рядом, на куче прелой соломы, лежал маленький человек, ниц распростёршись, и касался исхудалыми руками Алмаза, во тьме зрачки его светились по-кошачьи.

– Нечистая сила, – сказал Алмаз. – Изыди...

– Тише, – произнёс голос в голове у Алмаза. И рот у маленького человека не открывался, сжат был, губы в струночку. Только глаза зеленью светятся. – Тише, – голос покоил, нежил, – услышат – придут. Снова казнить примутся. Я добра желаю. Немощен я, измучен, ноги переломаны.

Темь в каморе стояла, но Алмаз увидал: ноги соседа на соломе распластались, неживы. Кровь изо рта запеклась на щеке. У Алмаза страх миновал. Язык тяжёл, но ворочается.

– Пей, – беззвучно сказал сосед, протянул ладошку, а в ней вода, как на листе роса. Не было зла и порчи в малом человеке.

Алмаз наклонил голову, слизал росу.

– На дыбе был? – спросил сосед.

– Не жить мне, – отозвался Алмаз. – Сам государь поутру примется.

– Бунтовщик ты? Со Стенькой разбойничал?

– Не важно, – сказал Алмаз. Было в нём подозрение, не дьяками ли тайными человек подставлен.

– Не опасайся, – сказал человек. – Я твои мысли знаю. Считай, что дохтур я. Из фрязинской земли. В колдовстве меня обвинили. Огнём пытали, ноги ломали. Я секрет знаю, как уйти отсюда, да ног нет.

Алмаз долгую жизнь прожил, многого нагляделся. Дохтур так дохтур. На фрязинских землях, на немецких чудес много. И сам Алмаз до Индии ходил, Турцию видел, но в чудеса само собой верил.

– Ты мне о себе расскажи, – молил сосед. – Хоть не словами. Думай – я пойму.

Зеленоватые глаза заглядывали в душу, высматривали, что скрыл; а скрыл Алмаз в рассказе немногое, лишь то, что касалось патриарха Никона. Это пускай сосед читает сам – нечистой ли силой, просто колдовством.

Порой сосед просил повторить, подробности выспрашивал, интересовался, будто не обречён, как и Алмаз, на неминуемую смерть. Доволен оказался. Говорил, что надежда в нём появилась, повезло ему, что сосед Алмаз. Не надеялся уже, веру потерял. Смерть близка.

Бежать из Тайного приказа некуда, это Алмаз понимал. Никто отсюда не скрылся ещё. Может, малый человек ума лишился? А может, слово знает?

– Нет, – возразил сосед. – Слова не знаю. Но вижу сквозь стены. Как ни пытай, не отвечу, не понять тебе.

Алмаз не спорил. Секретные и странные вещи признавал, но сам колдунов и тайных людей бежал. Может, и сквозь стены зрит человек. Дано ему.

– Здесь стена в одном месте тонка, – сообщил человек. – В один кирпич. Дверь заложена. В старые времена ход был в другое подзе-

мелье, но, видно, после пожара забыли, замуровали. Под Кремлём в разных местах ходы и подвалы вырыты, многие и не найдёшь. Давно здесь государи живут, а государям надо тайны иметь, тайники и пыточные места.

За решёткой прошёл стрелец. Заглянул в темноту, ничего не увидел. Окликнул:

– Старец Сергий, а старец Сергий, живой ты?

Алмаз промычал нераздельно, простонал.

– Живой, – сказал стрелец. – С утра дохтура приведут. Равно как к боярину. – Стрелец рассмеялся. – Как к боярину, – повторил. Пошёл дальше.

– Как же мы кирпичи разберём? – спросил Алмаз.

– Тише, не говори языком, – прозвучал как бы внутри головы голос соседа. – Ты думай, я всё угадаю.

– Тяжко, привычки нет.

– Я кирпичи ещё со вчера расшатал. Ты меня вытащишь, понесёшь. Кирпичи на место положишь. Может, не сразу спохватятся.

– Согласен я, – сказал Алмаз, потому что был человеком трезвым и понимал: не убежишь ночью – новые пытки, а там и смерть, покажется она благостной, долгожданной, как невеста.

– Жди, – услышал он голос внутри.

Человек, опираясь на локти, поволочил безжизненное тело к дальней стене, и от боли его, что передавалась нечаянно Алмазу, мутило, ибо ложилась она на боль Алмаза.

– Сюда ползи, только не шуми, – был приказ оттуда.

И Алмаз подобрался, рукой нащупал тело рядом. Тот подхватил руку, поднёс к стене. Один кирпич уже вынут был. Второй шатался.

– Ты сильнее, – слышал Алмаз мысли. – Вынимай их. Раствор старый, крошится. Я перекладывать буду.

Снова прошёл стрелец, топотал сапогами: озяб в подвале.

– Караула ждёт, – объяснил ему сосед. – Думает о том, как бы согреться. Думает, что ты за ночь отойдёшь, дохтура не надо будет. И тебе легче. Добрый человек.

Алмаз кивнул, согласился.

Алмаз кирпичи вынимал из стены, сосед перекладывал их в сторону. Ощупал дыру – узка, но пробраться можно. Сосед подтолкнул в спину: давай, мол, – угадал, о чём Алмаз подумал. Алмаз пропол в

дыру. Оттуда шёл холод и мрак, пыточные камеры Тайного приказа рядом с ним тёплым раем казались. Руки упёрлись в ледяную жижу. Плечи схватило болью, сил не было тело протащить. Человек сзади подталкивал, да был немощен, без пользы помогал. Своё дыхание Алмаз слышал – как отдаётся хрипом по длинному невидимому ходу, шумит, словно домовой в печи.

– Давай, давай ещё, поднатужься, немного осталось. Там воля!..

Слова человека, уговоры в голове стучали, как кровь, и Алмаз елозил руками по жиже, тянул непослушное тело своё, и оно перевесило, голова упала в вонь и лёд, и от того прибавилось силы – от отвращения и жути. Отдохнул самую малость, выпростал из дыры ноги и приподнялся, чтобы лицо отвратить от жижи.

– Меня возьми, не забудь... – умолял человек.

Но Алмаз и не помышлял оставить в беде товарища, тот ему дорогу к воле показал, а Алмаз никогда людей не предавал. И видно, человек угадал его мысли, затих и ждал покорно, пока Алмаз, отдохнувши, протянет к нему в дыру руки и вытянет, немощного, бессильного, невесомого, в чёрный ход.

Алмаз поднялся во весь рост, морщась от боли и злобы на свои непослушные члены. Свод был низок, пришлось пригнуться, и холодные капли падали ожогами на израненную спину. Человека Алмаз взял на руки, словно младенца; на закорках нести не мог, хоть сподручней, – поротая спина саднила. Через несколько шагов переложил было под мышку, чтобы рукой одной впереди шарить. Да это и не нужно оказалось – человек подсказывал, куда идти, где поворачивать, словно кошка во тьме дорогу различал, и Алмаз уже не удивлялся – сил не было на думы: слушался, шёл, спотыкался, скользил по грязи.

Прошли подземную палату, потолок вверх ушёл, распрямиться можно. Рукой сбоку ощупал – ящики, ларцы, сундуки. Видно, богатства затерянные.

– Нет, – сказал человек, – это книги, столбцы, грамоты. Старые. От царя Ивана Васильича остались.

– Не слыхал, чтобы царь книгами баловался.

– Интересовался. Тут большие богатства спрятаны. Государственные тайны. Их многие уже ищут, да не найти. Ходы с земли не видны.

Далеко сзади, усиленный ходами, будто боевыми трубами, пришёл шум, сбивался в кучу, разделялся на голоса.

– Нас хватились, – сообщил человек. – Теперь не найдут. Пока решатся в ходы сунуться да пока по ним проплутают, мы далеко будем.

Вышли они населённым летучими мышами и крысами, полузаваленным мусором подземным ходом, что кончался на том берегу Москвы-реки, у Кадашевской слободы. Куча брёвен да камни – всё, что осталось от часовенки, – скрывали древний ход. Рассветало. Мальчишка гнал из ночного коней, а навстречу, чуть видная в тумане, шла баба с вёдрами к озерку у Болота. Слева были сады, и там перекликались сторожа – берегли царское добро. Из тумана вылезали, словно копья, колокольни кадашевских церквей. Было мирно, и даже собаки не лаяли, не беспокоили людей в такую обычную ночь.

– Пойдём берегом, – сказал человек. – Знаю, где лодка.

Тут только Алмаз увидел толком спутника. Боль в нём, избитом и истерзанном, была великая. Сквозь рубище смотрели кровоподтёки и синяки, руки были исцарапаны, словно кто-то с них кожу сдёргивал, да и на лике целы были одни глаза. Глаза под утренней синевой потеряли кошачий блеск и нутряной свет – были синими, словно воздух, и бездонными, и были в них мысль и мука.

– Ты уж потерпи, – попросил человек. – Донеси меня.

– Неужто, – сказал Алмаз и даже улыбнулся: подумал, что и сам, видно, страшен и непотребен.

– Что правда, то правда, – подтвердил человек.

Алмаз уже привычно взял его под мышку – перебитые ноги болтались почти до земли, рассекали высокую прибрежную траву.

Лодка была в положенном месте. Человек снова прав. И вёсла, забытые либо нарочно оставленные, лежали в уключинах.

Через час добрались до леса, а там пролежали весь день, упрятав в камышах лодку.

Алмаз набрал ягод, сыроежек – поел; спутник от всего отказался, только пил воду, но не из реки, как Алмаз, а из своих ладоней, как в Тайном приказе, когда поил этой водой-росой своего соседа.

Потом снова они шли, обходили деревни, шли и ночью и лишь ко второму утру, чуть живые, добрались до яра, в котором стояло, прикрытое пожелтевшими ветками, нечто невиданное, схожее со стругом либо ковчегом, и Алмаз тогда оробел и лишился чувств от бессилия и конца пути.

Очнулся Алмаз внутри ковчега, на мягкой постели, при солнечном свете, хоть и был ковчег без окон. Был Алмаз гол и намазан снадобьями и зельями. Спутник его, в иное переодетый, ковылял вокруг на самодельных костылях, посмеивался тонкими губами, бормотал по-своему, был рад, уговаривал Алмаза, что он не нечистая сила, а странник. Но Алмаз слушал плохо, тяжко – его тело отказывалось жить и переносить такие муки, била его горячка, и разум мутился.

– Что ж, – услыхал он в последний раз, – придётся прибегнуть к особым мерам.

Может, и так сказал странник – снова было забытьё, словно глубокий сон, и во сне надо было удержаться за борт ладьи, а не удержишься – унесёт волжская волна, ударит о крутой утёс. Но Алмаз удержался, и, когда очнулся вновь, всё в том же ковчеге, человек сказал ему:

– Опасался я, что сердце твоё не выдержит. Но ты сильный человек, выдержало сердце.

Был человек уже без костылей, бегал резво. Видно, немало времени прошло.

– Нет, – улыбнулся он, опять мысль Алмаза угадал, – один день всего прошёл. Погляди на себя.

Человек протянул Алмазу круглое зеркало, и на Алмаза глянуло молодое лицо, чем-то знакомое, чем-то чужое, и подумал сначала Алмаз, что это портрет, писаный лик, но человек всё смеялся и велел в зеркало смотреть.

И тогда Алмаз понял, что стал молодым...

– ...Ну вот и всё, – закончил старик и снова потянулся к пачке за папиросой. – Он улетел к своим. Я тогда понятия не имел, кто он такой, что такое, откуда. Объяснение воспринял для себя самое простое – дух, вернее всего, божий посланник. Оставил он мне все снадобья, которыми мне молодость вернул, взял с меня клятву, что тайну сохраню, ибо рано ещё людям о таком знать. И улетел. Ещё велел пользоваться зельем, ждать его, обещал через сто лет вернуться и меня обязательно найти. Я больше ста лет ждал. Не вернулся он. Может, что случилось. Может, прилетит ещё. Один раз я нарушил его завет. Был в Симбирске, разыскал подругу свою Милицу и вернул ей молодость. А с тех пор как себя молодил, так и к ней приезжал, где бы она ни была. И всё. Хотите казните меня за скрытность, хотите – хвалите. Но скоро триста лет будет, а ведь даже Милица по сей день не знала,

почему с ней волшебство такое происходит. Думала, моя заслуга. А уж какая там...

Старик замолчал. Устал. Возвращались в двадцатый век слушатели, переглядывались, качали головами, и не было недоверия. Уж очень странная история. Да и зачем старику ночью рассказывать сказки людям, которые в сказки давно не верят.

Милица всё дремала на кресле, кошка – на коленях. Голова склонилась к морщинистым рукам.

– Если так, то пришельцы – не миф, – произнёс Стендаль.

Он первым нарушил тишину, что наступает после окончания длинного доклада, прежде чем слушатели соберутся с мыслями, начнут посылать на трибуну записки с вопросами.

– Ну что же теперь? Дадите мне выпить мою долю? – спросил старик. – Я всё как на духу рассказал. Мне молодость не для шуток, для дела нужна. И за Милицу прошу. Она мне верит.

– Я и не спала, – проговорила вдруг Милица Фёдоровна. – И всё, что Любезный друг здесь говорил, могу клятвенно подтвердить. Мы с Любезным другом монополию на напиток не желаем. Правда?

Старик кивнул.

– Может, кто-нибудь из присутствующих здесь дам и кавалеров захочет присоединиться к нам?

Глава двенадцатая

Человеку свойственно совершать ошибки.

И раскаиваться в них.

И чем дольше он живёт, тем больше накапливается этих ошибок и тем горше сознание того, что далеко не все из них можно исправить.

Как только человек осознаёт, что есть связь между причиной и следствием, он догадывается, что не надо было пожирать разом коробку шоколадных конфет, растянул бы удовольствие на два дня и живот бы не болел. Это ошибка ещё дошкольная. А помните, как вы засиделись у телевизора, глядя уже известный мультфильм, не выучили стихотворение Некрасова, получили двойку и лишились похода в зоопарк. Казалось бы, пустяк, а помнишь об этом всю жизнь.

Дальше – хуже. Накапливается неисправимость глупых слов, легкомысленных поступков, упущенных возможностей и несостоявших-

ся свиданий. И в какой-то момент все эти ошибки складываются в жизнь, которая пошла по неверному пути.

А где тот перекрёсток, где тот поворот на жизненной дороге, после которого неправильное течение жизни стало необратимым? Где тот проклятый момент, после которого уже ничего нельзя исправить?

Некоторые даже и не догадываются, что совершили роковую ошибку, другие – догадываются, но смиряются и стараются отыскать утешение в том, что ещё осталось. Но есть люди, которые всю жизнь маются, вновь и вновь возвращаясь к роковому моменту и втуне изыскивая возможность исправить неисправимое. Нелюбимая жена уже родила тебе троих сорванцов, а любимая, но покинутая Таня живёт с ненавистным ей Васей, и вы лишь раскланиваетесь на улице, так и не простив друг друга. Друг Иванов, решивший плюнуть на тёплое и спокойное место и шагнувший в новое, ненадёжное дело, уже стал министром или академиком, а ты так и сидишь на этом тёплом месте. По радио рассказывают о боксёре Н., который только что с триумфом вернулся из дальней зарубежной поездки, ввергнув там в нокаут известного всем Билли Джонса, а ты вспоминаешь, как бросил боксёрскую секцию, где подавал куда больше надежд, чем Н., бросил, потому что поленился ездить через весь город на двух трамваях.

И вот из всех жизненных разочарований и ошибок вырастают великие и пустые слова: «Если бы».

Вот если бы я женился на любимой, но не имевшей жилплощади Тане!

Вот если бы я вместе с другом Ивановым пожертвовал зарплатой и премиальными ради интересной работы!

Вот если бы я не бросил секцию бокса!

Вот если бы...

Миллион лет назад первый питекантроп превратился в человека. Прожил свою относительно короткую жизнь и перед смертью сказал:

– Вот если бы начать жизнь сначала.

С этого и пошло.

Короли и рыцари, епископы и землепашцы, писатели и художники – неустанно и безрезультатно твердили волшебные слова: «Если бы...»

По мере роста культурного уровня человечества оно изобрело буквы и начало писать книги. И если приглядеться к истории мировой

литературы, окажется, что значительная часть её посвящена той же проклятой проблеме: «Если бы...»

Некий доктор Фауст даже продал свою бессмертную душу ради молодости. А Дориан Грей возложил старение на собственный портрет. Если заглянуть поглубже, то окажется, что даже древний мифологический персонаж Гильгамеш занимался поисками эликсира молодости. И лишь чешский писатель Чапек эту проблему разрешил положительно, описав биографию дамы, которая, пользуясь средством Макропулоса, прожила, не старея, лет шестьсот. Но ведь это всё художественная литература, фантастика, вымысел. А вот если бы... И представьте себе ситуацию. В небольшом городке поздним вечером нескольким самым обыкновенным людям, прожившим большую часть жизни и неудовлетворённым тем, как они её прожили, предлагают воспользоваться случаем и начать всё сначала.

Разумеется, никто, кроме наивного Грубина, всерьёз слова старика не принял. Не было для этого никаких оснований. И, отвергнув нелепую возможность, улыбнувшись и глубоко вздохнув, наши герои готовы были уже разойтись по домам. Но никто не разошёлся.

«Это чепуха, – подумал каждый. – Это совершенно невероятная чепуха».

И именно крайняя нелепость чепухи сводила с ума. Если бы старик предложил, допустим, разгладить морщины на челе или излечить от гастрита, все бы поняли – простой знахарь, мошенник. Но ни один знахарь не посмеет предложить молодость. Даром, за компанию с ним. Никакого псевдонаучного объяснения, кроме дикой истории о космическом пришельце и царе Алексее Михайловиче, старик не предложил. И ни на чём не настаивал. Сам спешил принять.

И пока тикали минуты, пока люди старались переварить и как-то увязать со своим жизненным опытом происходящие события, в каждом просыпался и начинал стучаться, просясь на волю, проклятый вопрос: «А что, если бы...»

И была долгая пауза.

Её прервал старик Алмаз. Неожиданно и даже громко он сказал:

– Итак, средство состоит из трёх частей. Порошок у меня в кармане. Растворитель в бутылках, что я взял в музее. Добавки составляются из разных снадобий, и рецепт на это заключён в тетради.

Старик Алмаз взял тетрадь со стола и помахал ею как веером: становилось душно от многолюдного взволнованного дыхания.

Елена Сергеевна постукивала по столу ногтями, старалась разогнать внутреннее смятение, звон в ушах. Сквозь тугой, вязкий воздух пробился к ней внимательный взгляд. Подняла голову, встретилась глазами с Савичем и поняла, что он не её видит, а видит сейчас Леночку Кастельскую, которую любил так неудачно. И Елена Сергеевна поняла, что Савич скажет «да». В нём это «если бы» ворошилось долгие годы, спать не давало.

Елена Сергеевна чуть перевела взгляд, посмотрела на Ванду Казимировну. Но странно, та смотрела не на мужа, а в синь за окном. Улыбалась своим потаённым мыслям. И Елена Сергеевна вспомнила, какой яркой, крепкой была Ванда, пока не расползлась от малоподвижной жизни и обильной пищи.

– Формально вы не имеете права на пользование находкой. Она – собственность музея, – сказал Миша Стендаль. – Тем более что вы совершили кражу. У государства.

– И это карается, – вмешался Удалов.

– Уже говорили, – сказала старуха Бакшт. – Не ведите себя как российские либералы. Они всегда много говорили в земстве и в дворянском собрании. Ничего из этого не получилось.

Елена Сергеевна пыталась угадать в старухе черты прекрасной персиянки, но, конечно, не угадала – старческая маска была надёжна, крепка и непрозрачна.

– Нет, так не пойдёт, – возразил Стендаль. – Необходимо подключить власти и общественные организации.

– Правильно, – согласился Удалов, недовольный тем, что его сравнили с царским либералом. – Что скажут в райкоме? В Академии наук? Потом уж в централизованном порядке будет распределение...

– Сколько времени это займёт? – невежливо перебил его старик.

– Сколько надо.

– Год?

– Может, и год. Может, и два.

– Нельзя. У меня дела. Милице тоже ждать негоже. Помрёт.

Милица прискорбно склонила голову, кивнула согласно.

– Чепуху говорите, товарищ Удалов, – вмешался Савич, которому хотелось верить в эликсир. – Вы что думаете, придёте в райком или

даже в Академию наук и скажете: в этой банке находится эликсир молодости, полученный одним вашим знакомым в семнадцатом веке от марсианского путешественника. А знаете, что вам скажут?

– Температуру скажут измерить! – хихикнула Шурочка Родионова. Вообще-то, она молчала, робела, но тут представила себе Удалова с градусником и осмелилась.

– Если бы ко мне пришёл такой человек, – сказал Савич, – я бы его постарался немедленно изолировать.

Удалов услышал слово «изолировать» и замолчал. Лучше промолчать. В любом случае он своё возражение высказал. Надо будет – вспомнят.

Грубин не удержался, вскочил, принялся шагать по комнате, перешагивая через ноги и стулья.

– Русские врачи, – сказал он, – прививали себе чуму. Умирали. В плохих условиях. Нам же никто умирать не предлагает. Зато перед наукой и человечеством можем оказаться героями.

Голос Грубина возвысился и оборвался. Он пальцами, рыжими от частого курения, старался застегнуть верхнюю пуговицу пиджака, скрыть голубую майку – ощущал разнобой между высокими словами и своим обликом.

– Это не смешно, – сказал Савич хмыкнувшему Удалову.

– К научным организациям мы обратиться не можем, – продолжал, собравшись с духом, Грубин. – Над нами начнут смеяться, если не хуже. Отказаться от опыта мы не имеем права. По крайней мере, я не имею права. Откажемся – бутылки либо затеряются в музее, либо товарищ Алмаз Битый поставит опыт сам по себе, и мы ничего не узнаем.

– Если получится, – произнёс Савич, которому хотелось верить, – то мы придём к учёным не с пустыми руками.

– С метриками и паспортами, – добавил Грубин, – в которых наш возраст не соответствует действительному.

– Кошмар какой-то! – сказала Ванда Казимировна. – А если это яд?

– Первым буду я, – ответил старик Алмаз.

– И я, – поддержала Милица Фёдоровна. – Для меня это не в первый раз.

– Мы никого не заставляем, – сказал Грубин. – Только желающие. Остальные будут контрольными.

– Разрешите мне, – поднял руку Миша Стендаль. – А что будет, если я соглашусь участвовать?

– Младенцем станешь, – сказала Шурочка Родионова. – И я тоже. Увезут нас в колясках.

– А действует сразу? – спросил Удалов. Он не хотел выделяться, но думал о возвращении домой, к супруге.

– Нет, действует не сразу, – объяснил Алмаз. – Действует по-разному, но пока организмом не впитается, несколько часов пройдёт. К утру ясно станет. Каждый вернётся к расцвету физической сущности. Потому молодым пользы нет. Только добро переводить.

Алмаз почувствовал, что общее мнение склоняется в его пользу. Человеческое любопытство, страсть к новому, проклятое «если бы», нежелание оказаться трусливее других – все эти причины способствовали стариковским идеям. И он поспешил поставить на середину стола бутыль, и велел Елене принести стаканы, другую посуду и ложку столовую, и ещё спросил соли, обычной, мелкого помола, и мелу или извести, а сам листал тетрадь, вспоминал – спешил, пока кто-нибудь из людей не спохватился, не высказал насмешки, так как насмешка в таких случаях страшнее хулы и сомнения. Стоит кому-то решить, что сказочность затеи никак не вяжется с тихой комнатой и временем, в котором живут эти люди, и тогда отберут бутыли, отнесут их в музей, положат в сейф. А если так, погибнет дело, ради которого проделал Любезный друг столь долгий путь, да и жизнь его, от которой мало осталось, вскоре завершится. Этого допускать было нельзя, потому что старик, проживя на свете свои первые триста лет, только-только начал входить во вкус человеческого существования.

Пока шли приготовления, и были они обыденны, как приготовления к чаю, начались тихие разговоры – по двое, по трое. Иногда раздавался смешок, но он был без издёвки, нервный, подавленный.

Алмаз Федотович отсыпал в миску весь порошок, чтобы на всех хватило. Потом откупорил бутылки с растворителем, слил содержимое в одну, примерился и плеснул в миску тёмной жидкости. Начал столовой ложкой размешивать порошок, тщательно, деловито и умело, доставая рукой из кармана штанов пакетики и свёртки.

– Это всё добавки, – пояснил он, – купил в аптеке. Ничего сложного, даже аспирин есть – для усиления эффекта.

– Потом надо будет всё зафиксировать для передачи учёным, – напомнил Грубин.

– Не забудем, – согласился старик, для которого общение с учёными оставалось далёким и не очень реальным. Одна мысль занимала его – только бы успеть приготовить всё, выпить, а дальше как судьбе угодно.

– Лист бумаги попрошу, – сказал Грубин Елене Сергеевне. – Начнём запись опыта. Никто не возражает?

– Зачем это? – спросил Удалов.

– Передадим в компетентные органы.

– А если кто не желает?

– Тогда оставайтесь как есть. Нам наблюдатели тоже нужны.

Удалов хотел ещё что-то сказать, но Грубин не дал ему слова – остановил поднятой ладонью, взял лист, шариковую ручку и написал крупными буквами: «12 июля 1979 года. Г. Великий Гусляр Вологодской области. Участники эксперимента по омоложению организма».

Написал себя первым:

«1) Грубин Александр Евдокимович, 1935 года рождения».

Затем следовал старик Алмаз:

«2) Битый Алмаз Федотович, 1603 года рождения; 3) Бакшт Милица Фёдоровна».

– Вы когда родились?

– Пишите приблизительно, – сказала Милица Фёдоровна. – В паспорте написан 1872 год, но это неправда. Пишите – середина XVII века.

Грубин написал: «Середина XVII в.».

В действиях Грубина были уверенность, деловитость, и потому все без шуток, а как положено ответили на вопросы.

И таблица выглядела так: «4) Кастельская Елена Сергеевна, 1918 г. рожд.; 5) Удалов Корнелий Иванович, 1933; 6) Савич Никита Николаевич, 1919; 7) Савич Ванда Казимировна, 1923; 8) Родионова Александра Николаевна, 1960; 9) Стендаль Михаил Артурович, 1956».

– Итого девять человек, – сказал Грубин. – Делю условно на две группы. Первая – те, кто участвует в эксперименте. Номера с первого по седьмой. Вторая – контрольная. Для сравнения.

– Простите, – сказал Миша. – Я тоже хочу попробовать.

– Количество эликсира ограничено, – отрезал Грубин. – Я категорически возражаю.

В глазах Грубина зажёгся священный огонь подвижника, свет Галилея и Бруно. Он руководил экспериментом, и Удалову очень хотелось оказаться в контрольной группе. Изменения в старом друге были непонятны и пугали.

– Вы готовы? – спросил Грубина Алмаз, поворачиваясь к нему всем телом и взмахивая листком как знаменем. – Можно разливать? – Старик сильно притомился от волнения и физических напряжений. Его заметно шатало.

– Помочь? – спросила Елена Сергеевна и, не дожидаясь ответа, разлила жидкость из миски по стаканам и чашкам.

Семь сосудов стояли тесно посреди стола, и кто-то должен был первым протянуть руку.

Старик размашисто перекрестился, что противоречило научному эксперименту, но возражений не вызвало, провёл рукой над скоплением чашек и выбрал себе голубую с золотым ободком.

– Ну, – сказал он, внимательно оглядев остальных, – с Богом.

Зажмурился, вылил содержимое чашки в себя, и кадык от глотков заходил под дряблой кожей, а жидкость булькала. Потом поставил пустую чашку на стол, перевёл дух, сказал хрипло:

– Хорошее зелье. Елена, воды дай – запить.

И сразу тишина в комнате, возникшая, когда старик взял чашку со стола, окончилась, все зашевелились и потянулись к столу, к стаканам, будто в них было налито шампанское...

Глава тринадцатая

Следующим поднял чашку Грубин. Понюхал, шевельнул ноздрями, покосился на часы. Старик поднёс чашку Милице Фёдоровне, и та, кивнув, словно получила стакан обычной воды, стала пить маленькими осторожными глотками.

Грубин выпил быстро, почти залпом.

– Ну и как? – спросил Удалов. Он держал чашку здоровой рукой, на весу.

– Ничего особенного, – ответил Грубин. Поставил чашку на стол и тут же стал записывать, повторяя вслух: – Опыт начат в 23 часа 54 минуты. Порядок приёма средства следующий. Номер один – Битый Алмаз, номер два – Бакшт Милица, номер три – Грубин Александр. – Он поднял голову и строго приказал другу: – Ну!

Удалов всё не решался. Странное видение посетило его. Ему казалось, что он находится на большой площади, края которой теряются в тумане. Перед ним стоят бесконечным рядом старики и старухи – ветераны труда и войны, абхазские долгожители, пенсионеры из разных республик. И все эти люди глядят на Удалова с надеждой и настойчивостью. Тут же и Грубин, который медленно катит громадную бочку, стоящую на тележке. А Шурочка Родионова держит в руках поднос с небольшими рюмками. Серебряным черпаком Грубин разливает из бочки зелье по рюмочкам. Удалов берёт рюмочки с подноса и медленно шествует вдоль строя стариков. Каждый пенсионер, получив рюмочку, говорит: «Спасибо, товарищ Удалов» – и выпивает зелье.

Мгновенная трансформация происходит с выпившим. Разглаживаются морщины, выпрямляется стан, густеют волосы, и неистовым сверканием наполняются глаза. И вот уже молод пенсионер и готов к новым трудам и подвигам. Но ещё много желающих впереди – тысячи и тысячи ждут приближения Корнелия. Рука немеет от усталости. А надо всех обеспечить зельем, потому что все достойны.

– Корнелий, – донёсся, словно сквозь туман, голос Грубина. – Расплескаешь.

Корнелий пришёл в себя. Рука с чашкой дрогнула и рискованно наклонилась. Удалов смущённо улыбнулся.

– Я задумался.

– О чём? Время идёт.

– Надо Ксении отнести. А то как же получится – я молодой, а она в годах останется?

– Разберёмся, – ответил Грубин. – Я тебя уже отметил. Как принявшего.

– Закусить бы, – попытался оттянуть пугающий момент Удалов, но понял – невозможно. И быстро выпил то, что было в чашке.

Зелье было горьковатым, невкусным, правда, на спиртовой основе.

Савич поднял чашку со стола и мысленно уговаривал Елену тоже выпить, не раздумать. И, не смея сказать о том вслух, не спускал с Елены взгляда.

Этот взгляд, разумеется, перехватила Ванда Казимировна, которая умела угадывать взгляды мужа. До того момента она сомневалась, участвовать ли в этом дурацком распитии, так как долгая хозяйственная деятельность научила её не верить в чудеса. Но взгляд Савича

выдал его с головой и родил сомнения. Скорее это были сомнения в собственном здравом смысле, который питался упорядоченностью вселенной. Но если вселенная допускает глупости в виде космических пришельцев, здравый смысл начинает шататься. История с зельем была невероятна, но, в принципе, не более невероятна, чем привоз в универмаг тысячи пар мексиканских сапог со шпорами. Поэтому проблема, стоявшая перед Вандой Казимировной, была лишь проблемой выбора: что опаснее – испортить себе желудок неизвестным пойлом или отдать в руки разлучницы Елены горячо любимого Савича, собственность не менее ценную, чем финский спальный гарнитур «Нельсон».

И Ванда Казимировна, морщась, выпила это пойло до дна, обогнав и Савича, и, уж конечно, Елену, которую она всегда обгоняла, а потом, уже победив и не глядя на них, пошла на кухню смыть водой неприятный привкус во рту.

– Ну, Лена, – произнёс Савич негромко, потому что неловко было на виду у всех подгонять к молодости Елену Сергеевну, но на помощь неожиданно пришёл старик Алмаз.

– Директорша, – сказал он добродушно, – неужели тебе не хочется снова по лужам пробежать, на траве поваляться? Молодая была, наверное, не сомневалась?

– Зачем всё это? – спросила Елена Сергеевна, словно просыпаясь.

И тут всё чуть не испортила простодушная Шурочка, которая воскликнула:

– Вы же мне подружкой будете, то есть ровесницей. Это так интересно.

И Елена Сергеевна отставила поднесённую было ко рту чашку.

– Я не так сказала? – испугалась Шурочка.

– Ты всё правильно сказала.

– Елена Сергеевна, вы нас задерживаете, – напомнил Грубин.

– Уж полночь, – добавил Удалов. – Пустой бутылочки не найдётся? Я бы Ксюше отлил.

Он поднялся и сам пошёл на кухню, в дверях столкнулся с Вандой Казимировной. Та увидела, что и Савич, и Елена Сергеевна так и не выпили зелья.

– Никитушка, – удивилась Ванда Казимировна. – Ты что же, решил меня одну оставить? Ведь я тебя брошу. На что мне старик? – И засмеялась.

И тогда Савич отхлебнул, стараясь ни на кого не смотреть, словно совершал какое-то предательство. Профессионально отметил возможные компоненты снадобья и потому ещё более разуверился в его действенности. И может, не стал бы допивать, но тут увидел, что Алмаз крупными шагами подошёл к Елене, сам взял её чашку, поднёс ей к губам, как маленькому ребёнку. Вот-вот скажет: «За маму, за папу...» Вместо этого Алмаз произнёс, улыбаясь почти лукаво:

– Выполни мою личную просьбу. Я ведь тоже хочу с тобой завтра на равных увидеться. Сделай милость, не откажи.

И был старик убедителен настолько, что Елена улыбнулась в ответ. В её улыбке Савич увидел то, чего не заметил никто, – то давнее прошлое, ту лёгкость милого доброжелательства, умение согласиться на неприятное, чтобы другому было приятно. И Савич, видя, как Елена пьёт зелье, с облегчением, камень с плеч, одним глотком допил, что было в чашке.

Вошёл Удалов с пыльной бутылкой из-под фруктовой воды «Буратино», отлил туда зелья из кастрюли сколько оставалось. Начал затыкать бумажкой.

– Всё, – проговорил Грубин. – Эксперимент закончен.

И тут заскрипели, зажужжали, готовясь к бою, старые настенные, тёмного дерева часы.

– Ноль ноль три, – сказал Грубин с последним ударом и занёс свои слова на бумагу.

– Ура! – вдруг провозгласил Савич, ощутивший подъём сил. Он покосился на Ванду. Та только улыбнулась. – Ура!!! – опять крикнул Савич так громко, что Елена Сергеевна невольно шикнула на него:

– Потише, Ваню разбудишь.

От крика очнулась Бакштина кошка. Она дремала у ног хозяйки, старчески шмыгая носом. Кошка открыла глаза, один – голубой, другой – красный, метнулась между ног собравшихся и, чтобы вырваться, спастись, прыгнула вверх, плюхнулась на стол, заметалась по скатерти, опрокидывая пустые стаканы и чашки, толкнула бутыль с оставшейся жидкостью.

Бутыль рухнула на пол, сверкнула и разлетелась в зелёные осколки.

– Обормоты! – только и смог сказать старик.

Кошка спрыгнула со стола, села рядом с лужей, поводя кончиком хвоста, а затем начала лакать чёрную жидкость.

– Всё, – сказал Грубин и утёрся рукавом пиджака.

– Как же теперь? – спросила Шурочка. – А нельзя восстановить?

– Если бы можно, все молодыми ходили бы, – ответил старик. – У нас такой техники ещё нет.

– А по чему будете восстанавливать? – спросил Грубин Шурочку, будто она была во всём виновата. – По пробке?

– Тем более возрастёт ваша ценность для науки, – сказал Миша Стендаль, защищая Шурочку. – Вас будут изучать в Москве.

Миша совсем разуверился в событиях. Даже кошка показалась ему частью большого розыгрыша.

– У вас порошок остался, – напомнил Грубин старику, без особой, правда, надежды.

– Порошок – дело второе, – ответил тот. – Одним порошком молод не будешь. Пошли, что ли? Утро уже скоро.

...Ночь завершалась. На востоке, в промежутке между колокольнями и домами, небо уже принялось светлеть, наливаться живой, прозрачной синевой, и звёзды помельче таяли в этой синеве. По дворам звучно и гулко перекликались петухи, и уж совсем из фантастического далёка, из-за реки, принёсся звон колокольчика – выгоняли коров.

Предутренний сон города был крепок и безмятежен. Скрип калитки, тихие голоса не мешали сну, не прерывали его, а лишь подчёркивали его глубину.

Елена Сергеевна стояла у окна и слушала, как исчезали, удаляясь, звуки. Чёткие каблучки Шурочки; неровная, будто рваная, поступь Грубина; почти неслышные шаги Милицы; звучное, долгое, как стариковский кашель, шарканье подошв Алмаза; деликатный, мягкий шаг Удалова; переплетение шагов Савича и его жены.

Шаги расходились в разные стороны, удалялись, глохли. Ещё несколько минут, как отдалённый барабан, доносился постук стариковской палки. И – тихо. Предутренний сон города крепок и безмятежен.

Глава четырнадцатая

Удалов поднял руку к звонку, но замешкался. Появилось опасение. Он покопался в карманах пижамы, раздобыл чёрный бумажник. В нём, в отделении, лежало круглое зеркальце. Удалов подышал на зеркальце, потёр его о штанину и долго себя разглядывал. Свет на

лестнице был слабый, в пятнадцать свечей. Удалову казалось, что он заметно помолодел.

Удалов думал, дышал, возился у своей двери.

Жена Удалова, спавшая чутко и одиноко, пробудилась от шорохов и заподозрила злоумышленников. Она подошла босиком к двери, прислушалась и спросила в замочную скважину:

– Кто там?

Удалов от неожиданности уронил зеркальце.

– Я, – сказал он. Хотя сознаваться не хотелось.

– Кто «я»? – спросила жена. Она голоса мужа не узнала, полагая, что он надёжно прикован к больничной койке.

– Корнелий, – ответил Удалов и смутился, будто ночью позволил себе побеспокоить чужих людей. В нём зародилась отчуждённость от старого мира.

Жена охнула и раскрыла дверь. Тут же увидела на полу осколки зеркальца. Осколки блестели, как рассыпанное бриллиантовое ожерелье.

– Кто тебя провожал? – произнесла она строго. Она мужу не доверяла.

– Я сам. – Корнелий огорчился. – Плохая примета. Зеркало разбилось.

– Ты, значит, под утро стоишь себе на лестнице и смотришься в зеркало? Любуешься? Хорош гусь. А я тебе должна верить?

– Не кричи, пожалуйста, – сказал Удалов. – Максимку разбудишь.

– Максимка спит, наплакавшись без отца. Одна я...

Жена правдиво всхлипнула.

– Важное задание, – попытался остановить её Удалов. – Меня даже из больницы выпустили. Опыт проводили.

– Опыт? Ночью? Предупреждала меня мама – за Корнелия не выходи! Намаешься! Не послушалась я, дура.

– Ксюша, дай в дом войти.

– Зачем тебе в дом? Нечего тебе дома делать.

– Опыт мы проводили. Уникальный опыт. Омолаживались.

– Значит, омолаживался?

– Я принял и тебе принёс. Видишь? – Удалов здоровой рукой вытащил из кармана пижамы заткнутую бумажкой бутылку из-под фруктовой воды «Буратино».

– Издеваешься? – Чуткий нос Ксении уловил лёгкий запах спиртного, доносившийся то ли от Удалова, то ли от бутылки, в которой вздрагивала тёмная жидкость. – Я тебе ужин грею, в больницу бегу, переживаю, а он, видите ли, омолаживаться навострился. С кем омолаживался, мерзавец?

– Там целая группа была, – оправдывался Удалов громким шёпотом. – Коллектив. Ты не всех знаешь. У Грубина спроси.

– И Грубин твой туда же! Ему что, его дело холостяцкое. А у тебя семья. – Ксения сделала паузу, которая вселила в Удалова надежду на прощение, но надежды оказались ложными. – Была семья да нет!

И с этими словами Ксения хотела закрыть дверь. Удалов успел вставить ногу в шлёпанце, чтобы осталась щель. Ноге было больно.

– Ксюша, – зашептал он быстро. – Ты тоже молодой станешь. Гарантирую. Марсианское средство. Мы в Москву поедем, на испытания.

Ксения ловко ударила носком по ноге Удалова, выбила преграду и захлопнула дверь. Дверь была нетолстая, и Удалов слышал сквозь неё, как громко дышит жена.

– Ксюша, – сказал он. – Если ты возражаешь, я без тебя в Москву поеду. Мне только переодеться.

Ксения всхлипнула.

– Пойми же, неудобно в пижаме в Академию наук.

– Академия наук! – в эти слова Ксения вложила всё своё возмущение моральным падением Корнелия. – Туда только в пижаме и ходят!

– Ещё не поздно, – сказал Удалов. – Мы будем бегать по лужам и плести венки, ты слышишь?

– Уйди! – загремел из-за двери голос Ксении. В нём было столько гнева, что Удалов понял – прощения не будет. – Уезжай с ней в Академию наук, на Черноморское побережье. Уходи, а то я так закричу, что весь дом проснётся!

И Удалов, сжимая в руке бутылку с Ксюшиной долей зелья, быстро на цыпочках сбежал с лестницы. Он знал, что Ксения, скажи он ещё слово, выполнит свою угрозу.

А Ксения, стоявшая, прижав к двери ухо, услышала, как удаляются шаги Корнелия. Кляня мужа, Ксения полагала, что он будет покорно стоять у двери. А он ушёл. Значит, все её подозрения были оправданны. И, задыхаясь от боли и обиды, она кинулась в комнату, распах-

нула шкаф и стала выхватывать оттуда носильные вещи Корнелия. Потом отворила окно.

Удалов остановился в нерешительности.

Будь ситуация иной, он бы вёл себя по правилам. Вымаливал прощение. Но жизнь изменилась, и в ней появились перспективы. Ксения этих перспектив не поняла и оказалась по большому счёту недостойна молодости. «Ну и пожалуйста, – думал Удалов, – стану молодым, разведусь с Ксенией, сына отберу, будет он мне как младший брат. Снимем комнату, будем жить дружно, женимся. К примеру, на Шурочке Родионовой. Характер у неё хороший, мирный».

И в этот момент из окна второго этажа на него начали сыпаться вещи.

Удалову попало ботинком по голове. Белыми птицами летели рубашки, чёрным орлом спускался сверху пиджак, тускло сверкающим снарядом пролетел возле уха портфель и, не взорвавшись, ударился о траву. Копьём пронзила темноту любимая удочка.

Последним аккордом прозвучало рыдание Ксении. Хлопнуло, закрываясь, окно. Удалов был изгнан из дома. Навсегда.

Что-то надо было предпринять.

Удалов хотел было собрать с земли вещи, но мешала бутылка, зажатая в руке.

Выкидывать её было неразумно. В ней находилось ценное лекарство. На спиртовой основе. Удалов подумал, что, когда раздавали чашки, ему вроде бы досталась самая маленькая. Он вытащил бумажную затычку и выпил зелье. Так надёжнее.

Удалов выкинул бутылку в крапиву и негромко сказал:

– Тебе предлагали, ты отказалась, – имея в виду Ксению.

Затем собрал в охапку вещи, пиджак и брюки повесил на загипсованную руку и побрёл со двора.

Рубикон был перейдён. Но что за местность лежит за ним, было неизвестно.

Хотелось уйти подальше от дома, туда, где его поймут. К Грубину нельзя. Грубин будет смеяться. В больницу тоже нельзя, там Ксения подняла панику и будут неприятные разговоры. Оставалась Елена Сергеевна, бывшая учительница. Она всё знает, она должна понять.

По голубой рассветной улице брёл Корнелий Удалов в полосатой больничной пижаме. Он искал убежища.

Глава пятнадцатая

Елена Сергеевна устроила Удалова в маленькой комнатке, где выросли её дети, где сейчас спал Ваня. Она поставила ему раскладушку, и Удалов непрестанно благодарил её, конфузился и не знал, куда деть развешанные на гипсовой руке носильные вещи.

За время бега по городу Удалов как-то забыл о надвигающемся омоложении. Он находился в состоянии восторженном и нервном, но причиной тому были, скорее всего, уход от жены и бессонная ночь.

– Я ничего, – говорил он. – Вы не беспокойтесь, мне одеяла не надо и простыни не надо, я по-солдатски, как Суворов. Вы сами идите спать, уже утро скоро. Я-то на бюллетене. Мне и подушки не надо.

А сам думал, что следовало бы захватить из дома простыни. Бог знает, сколько ещё придётся ночевать по чужим углам. Но и эта, казалось бы, печальная мысль наполняла его грудь щекотным чувством мужской свободы.

Елена Сергеевна не послушалась Удалова. Постелила простыню и дала одеяло, подушку с наволочкой. И ушла.

Удалов, лишь голова его коснулась подушки, заснул праведным сном и заливисто всхрапывал, отчего Елена Сергеевна заснуть никак не могла.

Елена Сергеевна понимала, что в её жизни появилась возможность помолодеть. Физически помолодеть. Как умная и образованная женщина, она даже представляла себе, как это произойдёт, что с ней случится. Очевидно, состав старика стимулирует работу желёз внутренней секреции. Значит, в оптимальном варианте разгладятся морщины, усилится кровообращение и так далее. Елена Сергеевна старалась остаться на сугубо научной почве, обойтись без чудес и сомнительных марсиан. Но было страшно. Хотя бы потому, что диалектически каждому действию соответствует противодействие. За омоложение организму придётся расплачиваться. Но чем? Не сократят ли любители экспериментов себе жизнь, вместо того чтобы продлить её? Всё-таки правильно, что медики сначала все опыты ставят на мышах.

Удалов разнообразно похрапывал и бормотал во сне. Кстати, когда произойдёт омоложение? Старик сказал: проснётесь другими людьми. Мучителен ли этот процесс?

Елене Сергеевне захотелось убедиться в том, что ещё ничего не произошло. Она босиком подошла к шкафу, зажгла лампу на столе

рядом и присмотрелась. Никаких изменений. Правда, покраснели веки, но это потому, что день был долог и утомителен.

Елена Сергеевна потушила свет, вернулась в кровать. И постаралась заснуть. За окном уже почти рассвело, и часа через три проснётся Ваня.

Ей показалось, что она так и не спала. На мгновение провалилась в темноту, а уже Ваня трясёт её за плечо:

– Баба, вставай!

Елена Сергеевна не открывала глаз. Знала, что Ваня сейчас протопает в сени, где стоит горшок, и засядет там минут на десять. За эти минуты надо окончательно проснуться, встать, накинуть халат и вымыться. И ещё зажечь плиту.

Елена Сергеевна мысленно проделала все утренние дела, и тут же, по мере того как просыпался мозг, очнулись другие мысли, вылезли на поверхность.

Существовала необходимость посмотреть в зеркало. Подойти к шкафу и посмотреть в зеркало. Почему? Ах да, старик, сказочные истории, разбитая бутылка. Елена Сергеевна сбросила одеяло, села. Шкаф с зеркалом стоял неудобно, боком, зеркало казалось узкой щелью, голубой от неба, отражённого в нём.

Надо было встать и сделать два шага. И оказалось, что это трудно. Даже страшно. И, глядя не отрываясь на голубую щель, Елена Сергеевна сделала эти два шага...

В том невероятном, даже ужасном, что произошло с Еленой Сергеевной, пока она спала, не было никакой науки, никакого ровным счётом гормонального воздействия. И не разглаживались морщины, и не усиливалось кровообращение. А было чудо, антинаучное, необъяснимое, от которого никуда не денешься и которое влечёт за собой множество осложнений, неприятностей и тяжёлых объяснений. Первой неприятностью, думала Елена Сергеевна, глядя в зеркало, узнавая себя, знакомясь с собой заново, станет встреча с Ваней, который в любой момент может выйти из сеней. Ребёнок остался без бабушки. Кто она ему теперь? Мать? Нет, она слишком молода для матери. Сестра? Елена Сергеевна провела рукой по лицу, дивясь забытому ощущению свежести и нежности своей кожи.

Ваня вошёл в комнату и подбежал к Елене Сергеевне. Остановился, положил медленно и задумчиво в рот палец и замер.

Замерла и Елена Сергеевна. Она ощущала глубокий стыд перед внуком. Она мечтала о том, чтобы чудо кончилось и она проснулась. Это был тот сон, прерывать который очень жалко, но прервать необходимо для блага других. Елена Сергеевна больно ущипнула себя за ухо.

Ваня заметил её движение и сказал, не вынимая пальца изо рта:

– Какая ты сегодня красивая, бабушка! Даже молодая. А чего щиплешься?

– Милый! – сказала Елена Сергеевна. – Узнал меня!

– Конечно узнал, – басом ответил Ваня, – ты же в бабушкином халате.

Она схватила Ваню, прижала к себе – каким лёгким он стал за ночь! Подняла к потолку и закружилась с ним по комнате.

Ваня хохотал, радовался и, чтобы использовать бабушкино хорошее настроение, кричал сверху:

– Ты мне купи велосипед!.. Ты мне купишь велосипед?

Развевался в кружении старенький халат. Елена Сергеевна крепко и легко переступала сухими стройными ногами, пушистые молодые волосы закрывали глаза, взвихряясь от движения.

Опустив Ваню на пол, Елена Сергеевна вспомнила вдруг, что у неё в доме гость – Удалов. Спит ещё, наверное, подумала она. Каков он? Елена осторожно приоткрыла дверь в маленькую комнату.

Кровать была смята. Одеяло свесилось на пол. Пиджак висел на спинке стула. Сброшенным коконом лежал на полу белый гипсовый цилиндр – оболочка сломанной руки.

Удалова не было.

Глава шестнадцатая

Старуха Бакшт задремала, не раздеваясь, в кресле. Это было вредно в её возрасте, но она не хотела упустить возвращение молодости. Она совсем запамятовала прошлое омоложение, а будет ли ещё одно, не знала.

Дремота была нервной, с провалами, разрозненными снами и возвращением к полутьме комнаты, тусклой лампе под абажуром с кистями.

Беспокоилась кошка, царапала ширму...

Случилось всё незаметно. Казалось, на минуту прикрыла глаза и в быстролётном кошмаре полетела вниз, к далёкой земле, домикам с

острыми крышами, открыла глаза, чтобы прервать страшный полёт, и встретила в зеркале взгляд двадцатилетней красавицы Милицы. И было неудобно в тесном старушечьем платье. Жало в груди и в бёдрах, и было стыдно за это платье и за собственную недавнюю старость.

– Господи, – сказала Милица Бакшт, – как я хороша!

И она одним прыжком – тело повиновалось, летело – достала дверь, накинула крючок, чтобы кто не вошёл, и, торопясь, смеясь и плача, сдёрнула, разорвала старушечьи обноски, зашвырнула высокие, раздутые суставами ботинки за ширму, сорвала с волос нелепый чепец. И встала перед зеркалом, нагая, прекрасная.

Помолодевшая, неузнаваемая кошка вскочила на стол и тоже любовалась и собой, и хозяйкой.

Милица Фёдоровна Бакшт сказала ей тягучим, страстным шёпотом:

– Вот такой любил меня Александр Сергеевич. Саша Пушкин.

Стало душно, и мешали устоявшиеся запахи. На цыпочках подбежала Милица к окну и растворила его. Взлетела пыль, и клочья жёлтой, ломкой бумаги, налепленной бог весть когда на рамы, бабочками-капустницами расселись по комнате. Скрип окна был слышен далеко по рассветному городу, но никто не проснулся и никто не увидел голубую от рассветного воздуха обнажённую красавицу в окне на втором этаже старого дома.

– «Я помню чудное мгновенье...» – пропела тихо Милица.

И замерла, ибо заглушённый чувствами и острыми ощущениями, но живучий голос старухи Бакшт проснулся в ней и обеспокоился, не простудится ли она с непривычки. Надо беречь себя. Ещё столько лет впереди. Но беззаботная молодость взяла верх.

– Ничего, – сказала Милица самой себе. – Ничего со мной не случится. Мне же не сто лет. – Накинула халатик, засмеялась в голос и добавила: – Куда больше.

Захотелось есть. Где-то были коржики. Сухие уже.

Милица распахнула буфет. Взвизгнула, возмутившись, дверь, привыкшая к деликатному обхождению.

С коржиком в кулаке красавица заснула, свернувшись клубком в мягком кресле. И не видела снов, потому что спала крепко и даже весело.

В ночь, описываемую в повести, все герои её, как никогда прежде, ощутили власть зеркал. Верили они в то, что станут моложе, или от-

носились к этому скептически, всё равно старались от зеркал не отдаляться.

Грубин также извлёк из-за шкафа зеркало, пыльное, сколотое на углу. Он зеркала презирал и никогда в них не смотрелся, даже при бритье и причёсывании. Но всё-таки Грубин был прежде всего исследователем, участником эксперимента и потому счёл своим долгом этот эксперимент пронаблюдать.

До утра оставалось часа три, и следовало провести их на ногах, чтобы меньше клонило ко сну. Грубин подключил вечный двигатель к патефону – крутить ручку – и поставил пластинку. И патефон, и пластинки были старыми, добытыми на работе среди старья и утиля. Если бы не вечный двигатель, Грубин бы музыку и не слушал – уж очень утомительно прокручивать тугую патефонную ручку. Подбор пластинок также был случаен. Одна была старой и надтреснутой. На ней некогда популярные комики Бим и Бом рассказывали анекдоты. Про что, Грубин так и не узнал за шипением и треском. Была также песня «Из-за острова на стрежень» в исполнении Шаляпина, но без начала.

Под могучий бас певца Грубин принялся вырезать на рисовом зерне «Песнь о вещем Олеге». Он занимался этим натужным делом второй год и дошёл лишь до третьей строфы. Он уже понял, что последним строкам места не хватит, но работу не прекращал, потому что был самолюбив и полагал себя способным превзойти любого умельца.

Работа шла медленно, под микроскопом. Грубин устал, но увлёкся. Зеркало стояло прямо перед ним, чтобы можно было время от времени бросать на него взгляд в ожидании изменений.

В комнате было не шумно, но и не тихо. Приглушённо гремела пластинка. Грубин мурлыкал под неё различные песни, жужжала микродрель, ворон тёрся о скрипучую ножку стола, возились под кроватью мыши, сонно всплёскивали золотые рыбки.

Надвигался рассвет.

Грубин кончил изображать букву «х» в слове «волхвы», и тут что-то кольнуло в сердце, произошло мгновенное затуманивание сознания, дурнота. Почувствовав неладное, Грубин взглянул в зеркало. Он опоздал.

Он был уже молод. Худ по-прежнему, по-прежнему растрёпан и дик глазами, но молод так, как не был уже лет двадцать пять.

– Дела... – сказал Грубин. – Волхвы проклятые...

Он был недоволен. Подготовленный эксперимент не удался.

Потом Грубин успокоился, пригляделся поближе и даже сам себе приглянулся.

– Так, – произнёс он и уселся размышлять.

Грубин чувствовал себя сродни тому человеку, что выиграл по облигации десять тысяч рублей. Вот они, деньги, лежат, принесённые из сберкассы, толстая пачка из красных десятирублёвок. Их слишком много, чтобы купить новый костюм или погасить задолженность по квартирной плате. Их так много, что вряд ли можно истратить сразу на какую-нибудь одну крайне ценную вещь. Правда, дома немало расходов, срочных и неотложных, на которые можно пустить часть выигрыша. Но в том-то и заключается психологическая каверза круглой суммы, что дробить её на мелкие части унизительно и непристойно. Купить дом? Поехать в круиз вокруг Европы? А зачем новый дом? Зачем ему Европа? А что потом? И начинает охватывать безысходная жуть. Деньги давят, гнетут и порабощают свободного человека.

Двадцать пять лет жизни получил Грубин. Молодость получил Грубин. На что истратить эти свалившиеся с неба годы? Написать на рисовом зерне «Слово о полку Игореве»? И о том сообщат в журнале «Огонёк»? Да, три года, пять лет можно истратить на такое занятие. И, только подумав об этом, Грубин ощутил всю его бессмысленность, да так явственно, что выхватил из-под микроскопа исписанное зёрнышко и метко запустил им в открытую форточку. И нет зёрнышка. Склюют его куры, не прочтя написанного стихотворения. Что делать!

Ещё два часа назад Грубин, не обладая молодостью, мог рассуждать спокойно и мудро: если он получит эти годы, то потратит их на творческую изобретательскую деятельность. Не будет ничего менять в образе жизни, лишь удлинит её.

А сейчас, поглядывая в зеркало на двадцатилетнего косматого молодого человека, Грубин осознавал, что преступно предоставить жизни течь по старому руслу. Если жизнь даётся человеку дважды, надо начать её сызнова. И начать красиво, гордо, с учётом всех совершённых когда-то ошибок. И подняться до высот. Правда, как он это сделает, Грубин не придумал, но томление, терзавшее его сердце, не позволяло дальше сидеть в пыльной комнате перед пыльным зеркалом. Надо действовать.

И Грубин начал свои действия с того, что открыл шкаф и вытащил оттуда чистую праздничную рубашку, запасную майку и полосатые носки. Одежда, употребляемая им ранее, казалась уже неприятной, а главное – нечистой. Удивительно, как Грубин мог не замечать этого раньше.

Глава семнадцатая

Савич проснулся не сразу.

Сон отступил, играя воображением. Чудилось, что он молод, крепок, строен и преследует по кустам кудрявую нимфу. Вот-вот он настигнет её, пальцы уже дотронулись до атласной кожи. Нимфа оборачивается, совсем не страшась преследователя, даже улыбается и неожиданно для себя спотыкается о розовый куст, что позволяет Савичу дотянуться до её плеч и схватить надёжно, повелительно. Нимфа задыхается от беззвучного смеха, готова уже сдаться, и губы её раскрываются для нежного поцелуя. Савич запутывает пальцы в густых кудрях нимфы и думает: на кого же похожа эта хозяйка сказочного леса? Ладно, потом разберёмся, решает он и прижимает к себе трепещущее тело.

– Ай! – кричит нимфа пронзительно. – На помощь! Милиция!

И Савич немедленно проснулся.

Глаза его, открывшись, не сразу привыкли к рассветному полумраку в комнате, и потому ему показалось, что сон продолжается, потому что в его сильных руках билась, как золотая рыбка, прекрасная нимфа. Только дело происходило не в лесу, а в его собственной постели, что было ещё удивительней.

– Оставьте меня! – кричала прекрасная нимфа знакомым голосом.

Разумеется, Савич, будучи человеком воспитанным и мягким, прекратил обнимать нимфу и постарался сообразить, что же происходит.

– Хулиган! – кричала нимфа, путаясь в одеяле и стараясь соскочить с широкой постели.

И Савич понял – кричит и волнуется его собственная жена Ванда Казимировна, директор универмага, помолодевшая лет на сорок.

Его рука совершила короткое путешествие к собственной голове и обнаружила, что голова покрыта густыми встрёпанными волосами. И другая рука метнулась к животу и обнаружила, что толстого, мягкого живота нет, а есть на том месте впадина.

И Савич сразу всё вспомнил и осознал.

– Ванда, – сказал он, схватив нимфу за локоть и стараясь не допустить, чтобы она в одной ночной рубашке бежала за милицией. – Вандочка, это я, Никита. Мы с тобой стали молодыми.

Нимфа ещё продолжала вырываться, сопротивляться, но сопротивление на глазах теряло силу, потому что Ванда Казимировна была женщиной быстрого, решительного ума – иначе не удержишься на посту директора универмага.

Она оглянулась и присмотрелась к Никите.

Она узнала его.

Она протянула руку к зеркалу с ручкой, что лежало на тумбочке у кровати, и посмотрелась в него.

– Так, – сказала она медленно. – Значит, не врал старик.

Савич любовался её гибким, упругим, плотным телом. Именно эта девушка, уверенная в себе, яркая и властная, заставила его забыть скромную Елену.

– Так, – повторила Ванда Казимировна, и изящным движением рыси, выходящей на охоту, она соскочила с кровати, пробежала, стуча босыми пятками, к окну и опустила плотную штору, что забыли опустить вчера, после волнений сумасшедшей ночи.

Стало почти совсем темно.

– Ты что? – спросил Савич. – Зачем?

– Никитушка, – послышался совсем близко страстный шёпот, – мальчик мой.

Горячие руки нимфы обвили шею Савича, пылающее девичье тело прижалось к нему.

– Ну что ты... – сказал Савич, понимая, что сходит с ума от вспыхнувшей страсти. – Разве можно, так сразу...

Глава восемнадцатая

Тщательно умытый холодной водой, с чищенными белыми зубами, в полосатых носках и свежей белой рубашке шёл Грубин по рассветным улицам Великого Гусляра и радовался прохладному воздуху, прозрачным облакам над рекой, гомону ранних птиц, скрипу телег, съезжавшихся на базар, и далекому гудку парохода.

Он не знал, куда и зачем идёт. Он нёс в себе секрет и радость, хотел поделиться ими с другими людьми, сделать нечто хорошее, что достойно отметило бы начало новой жизни.

Остановился у провала. Заглянул через загородку вглубь, в темноту, из которой возникла столь недавно его новая жизнь, и даже присвистнул, дивясь собственному везению. Не пошёл бы Удалов в универмаг, не испугался бы одиночества, сидел бы Грубин сейчас дома и, ни о чём не подозревая, пилил бы себе «Песнь о вещем Олеге». Грубину даже гадко стало от мысли, что существуют люди, грабящие себя и человечество столь бездарным способом. И он пожалел на мгновение, что не выкинул заодно и микроскоп, но потом сообразил: микроскоп ещё может пригодиться для дела. Для настоящего дела.

Окно на втором этаже было распахнуто, и на подоконнике среди горшков с цветами сидела элегантная сиамская кошка и умывалась.

– Милая, – сказал ей Грубин, – уж не Бакштин ли ты зверь?

Тут Грубина посетила мысль о том, что чудесное превращение произошло не только с ним одним. Ведь этой же ночью помолодели и его друг Удалов (а как же с его женой?), и Елена Сергеевна, и старуха Бакшт, которой он помог доплестись ночью до дома. И сзади, вспомнил он, семенила старая сиамская кошка. Теперь на подоконнике сидит молодая сиамская кошка, и также с разными глазами. Маловероятно, что в Великом Гусляре есть две сиамские кошки с разными глазами, тем более в одном доме.

– Кис-кис... – позвал Грубин. – А где твоя хозяюшка?

Кошка ничего не ответила.

Грубин поискал, чем бы привлечь внимание старухи. Уж очень его терзало любопытство: что с нею произошло за ночь, сколько лет ей удалось скинуть? А вдруг на неё и не подействовало? Грубину стало искренне жаль бабушку, находящуюся на пороге смерти.

Грубин подошёл к стенду со вчерашней газетой, оторвал пол-листа, свернул в тугой комок и сильно запустил в открытое окошко.

Кошка сиганула в ужасе с подоконника, задев горшок с настурциями, горшок свалился внутрь и произвёл значительный шум.

– Ах! – вскрикнул кто-то в комнате.

Грубину стало неловко и захотелось убежать, и он сделал бы это, если бы в окне не показалась прелестная, сказочной красоты девушка. Длинные волосы цвета воронова крыла спадали волнами на её плечи, глаза были огромны и лучезарны, нос прям и короток, губы полны и смешливы.

– Ах! – сказала девушка, увидав, что с улицы на неё восторженно глазеет косматый молодой человек в белой рубашке. Она смущённо запахнула старенький халатик и вдруг захохотала звонко, не боясь разбудить всю улицу. – Глупец... – смеялась она. – Этот горшок простоял сто лет. Но мне его не жалко. Вы же Грубин. Поспешите ко мне в гости, и мы будем пить кофе.

– Бегу, – ответил Грубин, сделал стойку на руках и на руках же пошёл через улицу к двери, потому что у него были сильные руки и когда-то он имел первый разряд по гимнастике.

Милица угощала гостя соленьями, коржиками, повидлами – кушаньями вкусными, домашними, старушечьими. Забывала, где что лежит, и смеялась над собой. Многолетние запахи комнаты умчались в открытое окно, будто только того и ждали.

В комнате было солнечно и прохладно.

– Сначала выкину всю эту рухлядь, – говорила Милица. – Вы мне поможете, Александр Евдокимович? Я давно собиралась, но, когда так стара и немощна, приходится мириться с вещами. Они с тобой старились и с тобой умрут. Теперь всё иначе. Я неблагодарная, да?

– Почему же? – удивился Грубин. – У меня вообще никогда вещей не было. А это правда, что Степан Разин вас чуть не кинул в реку?

– Не помню. Только по рассказам Любезного друга. Я думаю, что не стал бы.

– Наверное, не хотел, – сказал Грубин, стесняясь в присутствии такой красавицы своей неприглядности и лохматого вида. – Его казаки заставили.

– Ревновали, – поддержала его Милица.

Она, проходя по комнате, не забывала поглядеть в зеркало. Очень себе нравилась.

Грубин отчистил ногтем застарелое пятно на брюках, отхлебнул крепкого кофе из старинной чашечки и заел коржиком. Есть он тоже стеснялся, но очень хотелось. Милица, как ящерка, за столом усидеть не могла. Она вскакивала, поправляла что-то в комнате, составляла на пол горшки с цветами, потом распахнула комод и вывалила на пол платья, салопы, пальто, платки. На минуту комнату окутал нафталиновый чад, но его быстро вытянуло на улицу.

– Это выкинуть и это выкинуть, из этого ещё что-то можно сделать. А когда откроются газетные киоски, вы мне купите модный журнал?

– Конечно, хоть сейчас пойду.

Грубина удивляло, что в Милице начисто нет прошлого. Будто она никогда не ходила в старухах. Сам он груз лет ощущал. Не сильно, но ощущал в душе. А Милица словно вчера родилась на свет.

– Я вам нравлюсь? – спросила она.

– Как? – Грубину давно никто не задавал таких вопросов.

– Я красивая? Я привлекательная женщина?

– Очень.

– Вы пейте кофе, я ещё налью... Я за ширму пойду и примерю платье. Вы не возражаете?

Грубин не возражал. Он был в трансе, в загадочном сладком сне, в котором поят горячим кофе с коржиками.

Из-за ширмы Милица, роняя вещи и шурша материей, продолжала задавать вопросы:

– Александр Евдокимович, вы бывали в Москве?

– Вы меня Сашей зовите, – предложил Грубин. – А то неудобно.

– Очень мило, мне нравится этот современный стиль. А знаете, несмотря на то что мы с Александром Сергеевичем Пушкиным, поэтом, были очень близки, он всегда обращался ко мне по имени-отчеству. Интересно, правда? И вас тоже Сашей зовут.

Грубин мысленно проклял себя за невоспитанность. Даже не так поразился знакомству Милицы Фёдоровны, ибо знакомство было давним и ничего удивительного при её возрасте и красоте в этом не было.

– Надо будет, Милица Фёдоровна, – сказал он официальным, несколько обиженным голосом, – пойти к Елене Сергеевне. Посоветоваться.

– Правильно, Сашенька, – засмеялась серебряным голосом из-за ширмы Милица. – А вы меня будете называть Милой? Мне так больше нравится. Ведь мы живём в двадцатом веке.

– Конечно, – ответил Грубин.

Он продолжал ещё обижаться, и это было приятно – обижаться на столь красивую женщину.

– Я только кое-что подгоню по себе. Ничего не годится, ну ровным счётом ничего. Потом поедем.

– Чего уж ехать. Десять минут пешком.

– А вы, Сашенька, инженер?

– Почему вы так решили? У меня образования не хватает. Я в конторе работаю.

Грубин говорил неправду, но эта неправда относилась к прошлому. Он знал, что с сегодняшнего дня он уже не руководит точкой по сбору вторичного сырья. Он скорее инженер, чем старьёвщик. Прошлое было его личным делом. Ведь Мила тоже была старухой-домохозяйкой. А это ушло.

Милица вышла из-за ширмы, неся на руках платье. Она разложила его на столе, оттеснив Грубина на самый край, достала ножницы и задумалась.

– От моды я отстала. Придётся будить Шурочку.

– Да, Шурочка, – вспомнил Грубин. – Она за вас обрадуется.

Глава девятнадцатая

Грубин остановился за дверью Родионовых, позади Милицы. Та позвонила.

– Они рано встают. Я знаю, – сказала Милица.

– Вам кого? – спросила, открыв, женщина средних лет, чертами лица и голосом весьма схожая с Шурочкой, из тех женщин, что сохраняют стать и крепость тела на долгие годы и умеют рожать таких же крепких детей. Более того, отлично умеют с ними обращаться, не создавая лишнего шума, волнений и не опасаясь сквозняков.

За ней стояли двое парнишек, также схожих с Шурочкой чертами лица.

– Вы к Шурочке? – спросила женщина. – Из магазина?

– Здравствуйте, – произнесла весело Милица. – Вы меня не узнаёте?

– Может, видела, – согласилась Шурочкина мать. – Заходите, чего в коридоре стоять. Шурка вчера под утро прибежала. Я на неё сердитая.

– Спасибо. Мы на минутку. – Милице было радостно, что её не узнали.

– Ваша дочь здорова? – спросил из полутьмы коридора Грубин.

– А что с ней станется? Шура! К тебе пришли!

Женщина уплыла по коридору, и за ней, как утята, зашлёпали Шурочкины братья.

– Она меня не узнала! – объявила торжественно Милица Фёдоровна. – А я только позавчера у неё соль занимала.

Шурочка, заспанная, сердитая после домашнего выговора, выглянула в коридор, приняла при плохом освещении Милицу за одну из своих подруг и спросила:

– Ты чего ни свет ни заря? Я ещё не проснулась.

– Не узнала! – воскликнула Милица. – И мама твоя не узнала. А его узнаёшь? Пойдите сюда, Сашенька.

Грубин неловко ухмыльнулся и переступил раза два длинными ногами.

– Мамочки мои родные! – ахнула Шурочка. – Товарищ Грубин! Неужели в самом деле подействовало?

– Как видите, – ответил Грубин и повернулся, медленно и нескладно, как у портного.

– А как остальные?

Шурочка говорила с Грубиным, а на Милицу даже не смотрела.

– Остальные? – Грубин хихикнул и подмигнул Милице. – Про всех не скажу, а вот одна твоя знакомая рядом стоит.

– Какая знакомая?

Шурочка наморщила лоб, поправила чёлку, приглядываясь пристально к Милице. Но всё равно угадать не смогла.

– То ли меня разыгрываете, то ли я совсем дурой стала.

– Я твоя соседка, Бакшт, – прошептала Милица. – И ты мне нужна. Как сверстница.

– Ой, мамочки! – вырвалось у Шурочки. – Этого быть не может, я сейчас умру, если вы меня не разыгрываете.

– Полно, душечка, – сказала Милица. – У меня на стенке висят акварели. Я там очень похожа. Пошли, время не ждёт. Надо уходить,

а я без платья. Не в салопе же мне ходить по улицам. Мне придётся сообразить что-нибудь из обносков.

– Чудеса, да и только, – говорила Шурочка. – Пойдёмте на свет.

Тут она от волнения совсем перестала выговаривать знаки препинания.

– Мы сейчас у меня какое-нибудь платье возьмём, – предложила она, входя в комнату с Бакшт и подводя её к окну, чтобы разглядеть получше. – Конечно это вы и я отсюда вижу что на акварели это тоже вы но с товарищем Грубиным меньше изменений теперь наука сделает громадный шаг вперёд и стариков вообще не будет а с платьем мы что-нибудь придумаем моё возьмёте вы тут подождите а я утащу одно наверное подойдёт чего возиться только чтобы мама не увидела...

И Шурочка испарилась, исчезла, только слова её ещё витали несколько секунд в комнате.

– Ну вот, – сказала Милица. – Разве она не прелесть?

– Вы обе прелесть, – ответил Грубин, смутился и подошёл к окну.

Он вдруг вспомнил, что Мила как-никак персидская княжна и была знакома с Александром Сергеевичем Пушкиным.

Глава двадцатая

Савич сидел за столом, слушая, как щебечет Ванда. Он уже всё осознал и готов был себя убить. И Ванду, разумеется, тоже. Не прожив и часа молодым, он уже изменил Елене вновь. И снова с Вандой. Как же это могло случиться?

Он же специально пил зелье для того, чтобы жизнь пошла по иному пути.

– Никитушка, – Ванда подкралась сзади и поцеловала его в затылок, – я так соскучилась по твоим кудрям, лет тридцать их не видала. Тебе кофе со сливками?

– Всё равно, – сказал Савич.

– Сейчас гренки будут готовы. Ах ты мой донжуанчик! А я просыпаюсь – в кровати насильник. С ума можно сойти. А никому не расскажешь. Вот бы покойная мама смеялась!

Ванда носилась по комнате легко, как настоящая нимфа. Правда, теперь Савич уже понимал, что для нимфы она слишком крепка телом и широка в бёдрах. Впрочем, кто их видел, этих нимф?

– Пей, мой мальчик. – Чашка кофе исходила ароматным паром, гренки были золотыми – и на них ещё пузырилось масло. – Колбаски порезать?

«Какой нежной она может быть, – подумал Савич. – А я уже и забыл. Надо отдать Ванде должное, она меня любит. А какой стала Елена? Может, ещё не поздно? Я ничего ей не скажу. В конце концов, ничего не произошло. Мы с Вандой официально расписаны, и она имеет право на супружеские отношения».

Оправдание было неубедительным.

Ванда уселась напротив, в халатике, волосы чернокрылой сумятицей над белым лбом, глаза сверкают, щёки розовые, словно намазаны румянами. И такая в ней была сила здоровья, такая бездна энергии. Глаза её вдруг затуманились, грудь высоко поднялась, и голос стал низким и страстным.

– Мальчик мой, – произнесла она. – Иди ко мне.

«Съест, – подумал Савич, – ей только дай волю, она съест. А в моём возрасте это опасно для сердца. В каком возрасте? Что я несу?»

– Пора идти, – сказал Савич, стараясь не глядеть в глаза жены.

– Куда идти?

– К Елене Сергеевне. Ведь мы не одни были. С другими тоже произошло.

– А какое нам дело до других? – Ванда обежала стол, наклонилась над Савичем, губами щекотала ухо.

– Ванда, не сходи с ума, – остановил её Савич. Так бы он сорок лет назад не сказал. Не имел жизненного опыта. – Мы с тобой в коллективе. В любую минуту они могут прийти сюда, чтобы проверить.

Ванда выпрямилась.

– Ой, Никитушка. Ты что имеешь в виду?

– Ты же понимаешь – надо осознать.

– Осознаю. К Елене спешишь?

– При чём тут Елена?

– А при том. Что я, не видела, как ты на неё вчера вечером глядел? Думал, я старой останусь, а вы с ней молоденькими – и сразу любовь закрутите. Что, разве не так? Я ваши шашни сразу раскусила.

– У меня таких мыслей и в помине не было.

Но слова прозвучали неубедительно. Савич был как школьник, отрицающий перед мамой очевидное прегрешение.

Ванда криво усмехнулась. Полные розовые губки сложились в презрительную гримасу.

– А я уж решила... я уж думала, что ты меня увидел и понял.

– Понял?

– Понял, что тебе от меня никуда не деться. Тогда я тебя почти не знала – девчонкой была. А сейчас я тебя как облупленного знаю. Не решишься ты ни на что. Даже если она красивее, чем раньше, стала.

– А чего я испугаюсь?

– Всего. Общественности. Моих когтей. Ответственности – всего испугаешься, мой зайчик.

– Ванда, ты забываешься. – Савич тоже поднялся: ему неудобно было спорить сидя. – Ты позволяешь себе инсинуации. Мы с тобой скоро сорок лет женаты, и я ни разу не давал тебе повода...

– Помолчи... Это я не давала тебе дать повод. И контроль над тобой стоил мне нервов и усилий. Каждую девочку в аптеке под контролем держала!

– Я и не подозревал, что ты так низко пала.

– Почему же низко? Я семью берегла. Я ведь тоже могла бы другого найти, получше тебя. Но я человек твёрдый. Нашла – держу. Мужья, мой милый, на дороге не валяются. Их надо хранить и беречь. Даже таких паршивеньких, как ты...

– Ванда!

Слова жены были обидны. Но Савич со всем своим многолетним опытом общения с Вандой вдруг понял, что дальнейшая перепалка не в его пользу. Он может услышать о себе совсем неприятные слова – а кому это хочется слышать?

– В сущности, мы ничего с тобой не знаем, – сказал он. – Возможно, средство подействовало только на нас. А остальные остались...

– Вряд ли, – усомнилась Ванда, но такая версия ей понравилась.

Она тут же направилась к шкафу одеваться.

– Да, это было бы смешно, – предположила Ванда, доставая платье.

– Это было бы смешно, – невесело повторил Савич, глядя, как жена надевает платье.

Платье было безнадёжно, невероятно велико. Но Ванда не сразу заметила это, а подойдя к трюмо, стала примерять рыжий парик, который обычно носила, чтобы прикрыть поредевшие и поседевшие во-

лосы. Парик никак не налезал на пышные молодые волосы, и Савич спросил:

– Ванда, зачем ты это делаешь?

– Что делаю?

– Тебе парик не нужен. У тебя теперь свои волосы лучше.

– Ага, – сказала Ванда рассеянно, продолжая натягивать парик.

– Чепуха какая-то, – удивился Савич. – Свою красоту прятать.

– Не красоту, – ответила Ванда. – Красота при мне останется.

Савич тоже достал свой костюм и стал думать, как его подогнать, – он ведь на человека вдвое более толстого.

Ванда кинула на мужа взгляд и расхохоталась.

– Мы тебе, Никитушка, джинсы купим.

– А пока?

– Пока? – Но Ванда уже смотрела в зеркало, рассуждая, что делать с её платьем. Потом предложила: – Может, тебе подушку подложить?

Глава двадцать первая

Уже собирались уходить, как Милица ахнула:

– Самое главное забыла!

Она вытащила из комода шкатулку, вытрясла из неё на стол всякую старую дребедень, среди дребедени отыскался толстый медный ключ.

– Сейчас будет сюрприз, – сказала она. – Господа, прошу следовать за мной.

Они пересекли двор и остановились перед вросшим в землю, покосившимся сараем, почти скрытым за кустами сирени.

– Сашенька, – попросила Милица, – откройте дверь. Я думаю, вам это будет очень интересно.

Грубин потрогал тяжёлый ржавый замок. Замок лениво качнулся.

– Его давно не открывали? – спросил он.

– Как-то я сюда заглядывала, – ответила Милица. – После революции. Не помню уж зачем.

Ключ с трудом влез в скважину. Грубин нажал посильнее. Ключ повернулся.

– Не ожидал, – сказал Саша, вынимая дужку.

– Но он же был смазан, – сообщила Милица.

– А что там? – не выдержала Шурочка.

– Идите, – сказала Милица. – Я надеюсь, что всё в порядке.

Саша Грубин шагнул внутрь. Поднялась пыль, закружилась в солнечных лучах. Тёмные углы сарая были завалены мешками и ящиками. Середину занимало нечто большое, как автомобильный контейнер, покрытое серым брезентом.

– Смелее, Саша, – велела Милица. – Я себя чувствую Дедом Морозом.

Брезент оказался лёгким, сухим. Он послушно сполз с невероятного сооружения – белого, с красными кожаными сиденьями автомобиля. Большие на спицах колёса, схожие с велосипедными, несли грациозное, созданное с полным презрением к аэродинамике, но с оглядкой на карету тело машины. Множество чуть потускневших бронзовых и позолоченных деталей придавало машине совсем уж неправдоподобное ощущение старинного канделябра.

– Ой! – Шурочка прижала руки к груди. – Что это такое?

– Мой последний супруг, – сообщила Милица, – присяжный поверенный Бакшт, выписал мне это из Парижа. А полицейский исправник страшно возражал, потому что все свиньи и обыватели боялись. Даже у губернатора такого не было.

– Она бензиновая? – спросил Грубин, не в силах оторвать взора от совершенства нелепых линий этого мастодонта автомобильной истории.

– Нет. Вы видите этот котёл? Он паровой. А сюда нужно класть дрова. У меня они есть, вон в том углу.

– Паровоз? – спросила Шурочка.

– И вы думаете, что она поедет? – спросил Грубин. – Она не поедет.

Ему очень хотелось, чтобы машина поехала.

– Сашенька, я пригласила вас сюда, – объяснила Милица, – именно потому, что вы единственный талант из моих знакомых. Я не ошибаюсь в людях.

– Да, Саша, – поддержала Милицу Шурочка, – у Милицы Фёдоровны большой жизненный опыт.

– Глупенькая, – сказала прекрасная персидская княжна, – при чём здесь жизненный опыт? Разве хоть одну женщину любили за жизненный опыт?

– Но ведь любовь – это не главное?

– Милая моя девочка, вы ещё слишком мало прожили, чтобы так говорить. Сначала столкнитесь с любовью по-настоящему, а потом делайте выводы. Я убеждена, что лет через сто вы меня поймёте. – И Милица рассмеялась, словно зазвенели колокольчики.

Грубин даже задохнулся от этого серебряного смеха.

– Трудитесь, Саша, – напомнила, отсмеявшись, Милица.

И Грубин продолжал трудиться. Он выяснил, как работает машина, загрузил котёл, положил под него хорошо просохшие за сто лет поленца, разжёг их, залил котёл водой. Вскоре из высокой медной позолоченной трубы пыхнуло дымом, и ещё через несколько минут старая, но совсем не состарившаяся паровая машина господина Бакшта медленно выехала из сарая. Девушки принялись протирать тряпками её металлические части.

В багажном отделении Милица обнаружила чёрный цилиндр, который водрузила на голову Грубину, и деревянный ящик с дуэльными пистолетами, хищными и красивыми, как пантеры.

– Спрячьте их, – испугалась Шурочка. – А то они выстрелят.

– Они слишком стары, чтобы стрелять, – сказала Милица. – К тому же мой муж никогда их не заряжал.

– Вы не знаете, – настаивала Шурочка. – Если в первом действии на стене висит ружьё, то в четвёртом оно обязательно выстрелит.

– Ах, помню, – улыбнулась Милица. – Мне об этом говорил Чехов.

И Шурочка совсем не удивилась.

Глава двадцать вторая

Елена Сергеевна убрала за ухо светлую прядь, прищурилась и отсыпала в кастрюлю ровно полстакана манки из синей квадратной банки с надписью «Сахар». Молоко вздыбилось, будто крупа жестоко обожгла его. Но Елена Сергеевна успела взболтнуть кашу серебряной ложкой, которую держала наготове.

Движения были вчерашними, привычными, и любопытно было глядеть на собственные руки. Они были знакомыми и чужими.

– Не нужна мне твоя каша, – сказал по привычке Ваня. – Ты посолить забыла, баба.

– А я и в самом деле забыла посолить, – засмеялась Елена Сергеевна.

В дверь постучали. Вошёл незнакомый молодой человек большого роста. Он наполнял пиджак так туго, что в рукавах прорисовывались бицепсы и пуговицы с трудом удерживались в петлях.

– Простите, – произнёс он знакомым глуховатым голосом. – Извините великодушно. У вас не заперто, и я себе позволил вторгнуться. Утро доброе.

Он по-хозяйски присел за стол, отодвинул маслёнку и сказал:

– Чайку бы, Елена.

Елене Сергеевне пришлось несколько минут вглядываться в лицо гостя, прежде чем она догадалась, что это Алмаз Битый.

– Угадала? – спросил Алмаз. Он где-то раздобыл новые полуботинки и джинсы. – Как сказал, так и вышло. Проснулась и себя не узнала. И хороша, ей-богу, хороша. Не так хороша, как моя Милица, но пригожа. Теперь замуж тебя отдадим.

– Не шутите, – сказала Елена Сергеевна, указывая на замершего в изумлении Ваню. – В моём возрасте...

Алмаз засмеялся.

На улице послышался странный рокот. Заскрипели тормоза, закрякал клаксон.

– Есть кто живой? – спросила, заглядывая в окно, чернокудрая красавица. – Ой, да вас не узнать! Мы к вам в гости. И на автомобиле.

Глава двадцать третья

– Вот и Милица! – произнёс Алмаз, легко поднимаясь из-за стола. – Я же говорил, что хороша. Правда, Елена?

Елена не ответила. Среди вошедших увидала молодого Савича, и было это ещё невероятнее собственной молодости. Будто уходил Никитка всего на неделю, не больше, была пустая размолвка и кончилась.

Вокруг, как на школьном балу, мелькали и дёргались смеющиеся лица. Ванда хохотала громче других, притопывала, будто хотела пойти в пляс.

Грубин схватил Елену за руку, показывал другим, как свою невесту, уговаривал Шурочку познакомиться с бывшей учительницей, а Шурочка конфузилась, потому что знала – прочие куда старше её и солиднее, просто сейчас притворяются равными её возрасту.

Савич замер в углу, пялил глаза и шевелил губами, словно повторял: «Средь шумного бала, случайно...» И когда Алмаз, подойдя к Елене, положил ей руку на плечо, Никита сморщился, как от зубной боли.

Елена заметила и улыбнулась.

– Я тебя, Лена, такой отлично помню, – сказала Ванда.

– И я тебя, – согласилась Елена. И подумала, что у Ванды склонность к полноте.

«Пройдёт несколько лет – растолстеет, расплывётся, станет сварливой... Ну и чепуха в голову лезет, – оборвала себя Елена. – Она же теперь всё знает, будет следить за собой».

– Я тебе чай помогу поставить. Буду за мужика в доме, – предложил Алмаз.

– Хорошо, – согласилась Елена. Мелькнуло желание, чтобы вызвался помочь ей Савич.

Никита и вправду сделал движение к ней, но тут же кинул взгляд на Ванду, остался. Привычки, приобретённые за тридцать лет, были сильнее воспоминаний.

«Ну и бог с тобой, – подумала Елена, выходя в сени. – Всегда ты был тряпкой и, сколько ни дай тебе жизней, тряпкой и останешься. И не нужен ты мне. Просто удивилась в первую минуту, как увидела».

Ваня помогал Елене с Алмазом разжечь самовар, задавал вопросы, почему все сегодня такие молодые и весёлые.

Алмаз удивлялся, как ребёнок всех узнал. Даже в прекрасной персидской княжне – старуху Милицу. Алмаз нравился Ване своими сказочными размерами и серьёзным к нему, Ване, отношением.

Вежливо постучался и вошёл в дом Миша Стендаль. Он был приглажен, респектабелен и немного похож на молодого Грибоедова, пришедшего просить руку княжны Чавчавадзе.

– Елена Сергеевна дома? – спросил он Елену Сергеевну.

Ваня восхитился невежеством гостя, ткнул пальцем бабушку в бедро и сказал:

– Дурак, бабу не узнал.

– Сенсация, – сказал тихо Стендаль. – Сенсация века.

Он схватился за переносицу, будто хотел снять грибоедовское пенсне.

– Ох-хо! – рявкнул Алмаз. – Разве это сенсация? Вот в той комнате сенсация!

Стендаль поглядел на Алмаза как на отца Нины Чавчавадзе, давшего согласие на брак дочери с русским драматургом.

– И вы тоже? – спросил он.

– И я тоже. Иди-иди. И Шурочка там.

– А я камеру не взял, – огорчился Стендаль. – Вам уже сколько лет?

– Шура! – гаркнул Алмаз. – К тебе молодой человек!

Миша отступил к двери и приоткрыл её. И сразу в кухню ворвался разноцветный водопад звуков. Мишу встретили как запоздавшего дорогого гостя на вечере встречи однокашников.

– Молодой человек! Молодой человек! – хохотала Милица. – Маска, я тебя знаю, теперь угадай, кто я.

– Покормить нас надо, – сказал Алмаз, прикрывая дверь за Мишей. – Такая орава. Картошка у тебя, Елена, есть?

– Сейчас принесу, – отозвалась Елена.

– Я сам, – сказал Алмаз. – Во мне сила играет.

Он достал из чулана мешок и выжал его раза три как гирю, отчего Ваня зашёлся в восторге.

Алмаз заглянул в большую комнату, прервал на минутку веселье, скомандовав:

– Михаил, возьми вот десятку и сходи, будь ласков, в магазин. Купишь колбасы и так далее к чаю. Остальным вроде бы не стоит излишне по улицам бродить. Чтобы без этой, без сенсации.

– Я с тобой пойду, – сказала Шурочка. – Ты что-нибудь не то купишь. Мужчины всегда не то покупают.

Грубин протянул Мише ещё одну десятку.

– Щедрее покупай, – велел он. – «Белую головку», может, возьмёшь. Всё-таки праздник.

– Ни в коем случае, – сказала Шурочка. – Я уж прослежу, чтобы без этого.

В голосе её прозвучали сухие, наверное, подслушанные неоднократно материнские интонации.

– Возьмите шампанского, – велела Елена Сергеевна.

– У меня есть деньги, – сказал Миша Грубину. – Не надо.

Шурочка с Мишей ушли, забрав все хозяйственные сумки, что нашлись в доме. Алмаз почистил картошку споро и привычно.

– Где вы так научились? – спросила Елена Сергеевна. – В армии?

– У меня была трудная жизнь. Как-нибудь расскажу. Где только я картошку не чистил.

Елене Сергеевне показалось, что за дверью засмеялся Савич.

Дверь на улицу была полуоткрыта. Шурочка с Мишей, убегая, не захлопнули. В щель проникали солнечные лучи, косым прямоугольником ложились на пол, и Елена отчётливо видела каждую щербинку на половицах.

Залетевшая с улицы оса кружилась, поблёскивая крыльями, у самой двери, будто решала, углубиться ли ей в полутьму кухни или не стоит.

Вдруг оса взмыла вверх и пропала. Её испугало движение за дверью. Освещённый прямоугольник на полу расширился, и солнце добралось до ног Елены.

В двери обозначился маленький силуэт. Против солнца никак не разглядишь, кто это пришёл. Елена Сергеевна решила было, что кто-то из соседских детей, хотела подойти и не пустить в дом – ведь не было ещё договорено, как вести себя.

Маленькая фигурка решительно шагнула от двери внутрь, солнце зазолотило на миг светлый мальчишеский хохолок на затылке. Ребёнок сделал ещё шаг и, вдруг размахнувшись, по-футбольному наподдал ногой в большом башмаке ведро с чищеной картошкой. Ведро опрокинулось. Наводнением хлынула по полу вода, утекая в щели. Картофелины покатились по углам.

– Как я тебе сейчас! – сказал угрожающе Ваня.

Но вошедший мальчик его не слушал. Он бегал по кухне и давил башмаками картофелины. Те с хрустом и скрипом лопались, превращались в белую кашу. Мальчик при этом озлобленно плакал, и, когда он попадал под солнечный луч, уши его малиновели.

– Кто отвечать будет? – вскрикивал мальчик, пытаясь говорить басом. – Кто отвечать будет?

Алмаз медленно поднялся во весь свой двухметровый рост, не спеша, точно и ловко протянул руку, взял ребёнка за шиворот, поднял повыше и поднёс к свету. Ребёнок сучил башмаками и монотонно визжал.

– Поди-ка сюда, Елена, – позвал Алмаз, поворачивая пальцем свободной руки личико мальчика к солнцу. – Присмотрись.

Мальчик зашёлся от плача, из широко открытого рта выскакивали отдельные невнятные, скорбные звуки, и розовый язычок мелко бился о зубы.

– Узнаёшь? – спросил Алмаз. И, когда Елена отрицательно покачала головой, сказал: – Прямо скандал получается. То ли я дозу не рассчитал, то ли организм у него особенный.

– Это Удалов? – предположила Елена, начиная угадывать в белобрысой головке тугое, щекастое мужское лицо.

– А кто отвечать будет? – бормотал мальчик, вертясь в руке Алмаза.

– Вы Корнелий? – спросила Елена, и вдруг ей стало смешно. Чтобы не рассмеяться некстати над человеческим горем, она закашлялась, прикрыла рукой лицо.

– Не узнаёте? – плакал мальчик. – Меня теперь мать родная не узнает. Отпусти на пол, а то получишь! Кто отвечать будет? Я в милицию пойду!

Гнев мальчика был не страшен – уж очень тонка шея и велики полупрозрачные под солнцем уши.

– Грубин! – крикнул Алмаз. – Где твой гроссбух? Записать надо.

– Это жестоко, Алмаз Федотович, – сказала Елена.

Грубин уже вошёл. Стоял сзади. Вслед за ним, не согнав ещё улыбок с лиц, вбежали остальные. И Удалов взрыдал, увидев, насколько молоды и здоровы все они.

– Не повезло Корнелию, – сказал Грубин.

Когда Корнелий говорил, что пойдёт в милицию, угроза его не была пустой. В милицию он уже ходил.

Глава двадцать четвертая

Удалов проснулся оттого, что в глаз попал солнечный луч, проник сквозь сомкнутое веко, вселил тревогу и беспокойство.

Он открыл глаза и некоторое время лежал недвижно, глядел в требующий побелки потолок, пытался сообразить, где он, что с ним. Потом, будто кинолента прокрутилась назад, вспомнил прошлое – от прихода к Елене Сергеевне к ссоре с женой, рассказу старика и злосчастному провалу.

Он повернулся на бок, раскладушка скрипнула, зашаталась.

В углу, у кафельной печи, на маленькой кровати посапывал мальчик Ваня.

Удалов приподнял загипсованную руку, и, к его удивлению, гипс легко слетел с неё и упал на пол. Рука была маленькой. Тонкой! Детской! Немощной!

Сначала это показалось сном. Удалов зажмурился и приоткрыл глаза снова, медленно, уговаривая себя не верить снам. Рука была на месте, такая же маленькая.

Удалов спрыгнул на пол, еле удержался на ногах. Со стороны могло показаться – он исполняет дикий танец: подносит к глазам и бросает в стороны руки и ноги, ощупывает конечности и тело и притом беззвучно завывает.

На самом деле Удалову было не до танцев – таким странным и нервным способом он осознавал трагедию, происшедшую с ним за ночь по вине старика и прочей компании.

Ваня забормотал во сне, и Корнелий в ужасе замер на одной ноге. Удаловым внезапно завладел страх, желание вырваться из замкнутого пространства, где его могут увидеть, удивиться, обнаружив вместо солидного мужчины белобрысого мальчика лет восьми. Разобраться можно будет после.

Детскому, неразвитому тельцу было зябко в спадающей с плеч майке и пижамных штанах, которые приходилось придерживать рукой, чтобы не потерять.

Удалов выгреб из-под кровати ботинки и утопил в них ноги. Ботинки были не в подъём тяжелы, и пришлось намотать концы шнурков под коленками. Хуже всего было с полосатыми штанами. Подгибай их, не подгибай – они слишком обширны и смешны...

Чувство полного одиночества в этом мире овладело Корнелием.

Вновь зашебаршился в постельке Ваня. За стеной вздохнула во сне Кастельская.

Удалов подставил стул к окну, переполз на животе подоконник и ухнул в бурьян под окном...

Удалов долго и бесцельно брёл по пустым, прохладным рассветным улицам Гусляра. Когда его обгоняли грузовики или автобусы, прижимался к заборам, нырял в подъезды, калитки. Особо избегал пешеходов. Мысли были туманными, злыми и неконкретными. Надо было кого-то привлечь, чтобы кто-то ответил и прекратил издевательство.

Наконец Удалов укрылся в сквере у церкви Параскевы Пятницы, в которой помещался районный архив. Он отдышался. Он сидел под кустами, невидный с улицы, и старался продумать образ действий. Проснувшиеся с солнцем трудолюбивые насекомые жужжали над ним и доверчиво садились на плечи и голову. Которых мог, Удалов давил. И думал.

Низко пролетел рейсовый Ан-2 на Вологду. Проехала с базара плохо смазанная телега – в мешках шевелились, повизгивали поросята.

Удалов думал. Можно было вернуться к Елене Сергеевне и пригрозить разоблачением. А вдруг они откажутся его признать? Было ли всё подстроено? А если так, то зачем? Значит, был подстроен и провал? С далеко идущими целями? А может, всё это – часть громадного заговора с участием марсиан? Началось с Удалова, а там начнут превращать в детей районных и даже областных работников, может, доберутся и до центральных органов? Если пригрозить разоблачением, они отрекутся или даже уничтожат нежелательного свидетеля. Кто будет разыскивать мальчика, у которого нет родителей и прописки? Ведь жена Ксения откажется угадать в нём супруга. Может, всё же побежать в милицию? В таком виде?.. Вопросов было много, а ответов на них пока не было.

Удалов прихлопнул подлетевшую близко пчелу, и та перед смертью успела вогнать в ладонь жало. Ладонь распухла. Боль, передвигаясь по нервным волоконцам, достигла мозга и превратилась на пути в слепой гнев. Гнев лишил возможности рассуждать и привёл к решению неразумному: срочно сообщить куда следует, ударить в набат. Тогда они попляшут! У Удалова отняли самое дорогое – тело, которое придётся нагуливать много лет, проходя унизительные и тоскливые ступеньки отрочества и юности.

Удалов резко поднялся, и пижамные штаны спали на землю. Он наклонился, чтобы подобрать их, и увидел, что по дорожке, совсем рядом, идёт мальчик его же возраста, с оттопыренными ушами и кнопочным носом. На мальчике были синие штанишки до колен на синих помочах, в руках сачок для ловли насекомых. Мальчик был удивительно знаком.

Мальчик был Максимкой, родным сыном Корнелия Удалова.

– Максим! – сказал Удалов властно. – Поди-ка сюда.

Голос предал Удалова – он был не властным. Он был тонким.

Максимка удивился и остановился.

– Поди-ка сюда, – повторил Удалов-старший.

Мальчик не видел отца за кустами, но в зовущем голосе звучали взрослые интонации, которых он не посмел ослушаться. Оробев, Максимка сделал шаг к кустам.

Удалов вытянул руку навстречу сыну, ухватился за торчащий конец сачка и, перебирая руками по древку (ладонь болела и саднила), приблизился к мальчику, будто взобрался по канату.

– Ты чего здесь в такую рань делаешь? – спросил он, лишив сына возможности убежать.

– Бабочек ловить пошёл, – ответил Максимка.

Если бы при этой сцене присутствовал сторонний наблюдатель, могущий при этом воспарить в воздухе, он увидел бы, как схожи дети, держащиеся за концы сачка.

Но наблюдателей не было.

– А мать где?

В душе Удалова проснулись семейные чувства. В воздухе ему чудился аромат утреннего кофе и шипение яичницы.

– Мать плачет, – сказал просто Максимка. – У нас отец сбежал.

– Да, – сказал Удалов.

И тут только осознал, что сын не принимает его за отца, беседует как с однолеткой. И вообще, нет больше прежнего Удалова. Есть ничей ребёнок. И вновь вскипел гнев. И ради удовлетворения его приходилось жертвовать сыном.

– Снимай штаны, – приказал он мальчику.

Не поддерживаемые более пижамные штаны Удалова опять упали, и он стоял перед пойманным сыном в длинной майке, подобной сарафану или ночной рубашке.

– Уйди, – сказал мальчик нерешительно своему двойнику. Его ещё никогда не грабили, и он не знал, что полагается говорить в таких случаях.

Удалов-старший вздохнул и ударил сына по носу остреньким жёстким кулачком. Нос сразу покраснел, увеличился в размере, и капля крови упала на белую рубашку.

– А я как же? – спросил мальчик, который понял, что штанишки придётся отдать.

– Мои возьмёшь. – Удалов показал себе под ноги. – Они большие. И трусы снимай.

– Без трусов нельзя, – отказался мальчик.

– Ещё захотел? Забыл, как тебе от меня позавчера попало?

Максимка удивился. Позавчера ему ни от кого, кроме отца, не попадало.

Белая рубашка доставала Максимке только до пупа, и он прикрылся поднятыми с земли, свёрнутыми в узел пижамными брюками.

– Из этих брюк мы тебе три пары сделаем, – сказал подобревший Удалов, натягивая синие штанишки. – А теперь беги. И скажи Ксении, чтоб не беспокоилась. Я вернусь. Ясно?

– Ясно, – ответил Максим, который ничего не понял. Прикрываясь спереди пижамными штанами, он побежал по улице, и его беленькие ягодицы жалобно вздрагивали на бегу, вызывая в отце горькое, сиротливое чувство.

Глава двадцать пятая

Дежурный лейтенант посмотрел на женщину. Она робко облокотилась о деревянный шаткий барьер. Слёзы оставили на щеках искрящиеся под солнечным светом соляные дорожки.

– Сына у меня ограбили, – сказала она. – Только что. И муж скрылся. Удалов. Из стройконторы. Среди бела дня, в сквере.

– Разберёмся, – успокоил лейтенант. – Только попрошу по порядку.

– У него рука сломанная, в гипсе, – сказала женщина.

Она смотрела на лейтенанта требовательно. По соляным руслам струились ручейки слёз.

– У кого? – спросил лейтенант.

– У Корнелия. Вот фотокарточка. Я принесла.

Женщина протянула лейтенанту фотографию – любительскую, серую. Там угадывалась она сама в центре. Рядом были полный невыразительный мужчина и мальчик, похожий на него.

– Средь бела дня, – продолжала женщина. – Я как раз к вам собралась, соседи посоветовали. А тут прибегает Максимка, без штанов. Синие такие были, на помочах...

Женщина широким движением сеятеля выбросила на барьер светлые в полоску пижамные штаны.

Лейтенант посмотрел на неё как обречённый.

– Может, напишете? – спросил он. – Всё по порядку. Где, кто, что, у кого отнял, кто куда сбежал – только по порядку, и не волнуйтесь.

Говоря так, лейтенант подошёл к графину с кипячёной водой, налил воды в гранёный стакан, дал ей напиться.

Женщина пила, изливая выпитое слезами, писать отказывалась и всё норовила рассказать лейтенанту яркие детали, упуская целое, ибо целое ей было уже известно.

Минут через десять лейтенант наконец понял, что два трагических события в жизни семьи Удаловых между собой не связаны. Муж пропал вечером, вернее, ночью: пришёл из больницы, сослался на командировку и исчез в пижаме. Сына ограбили утром, только что, в скверике у Параскевы Пятницы, и ограбление было совершено малолетним преступником.

Разобравшись, лейтенант позвонил в больницу.

– Больной Удалов на излечении находится? – спросил он.

Подождал ответа, поблагодарил. Потом подумал и задал ещё вопрос:

– А вы его выписывать не собирались?.. Ах так. Ночью? В двадцать три? Ясно.

Потом обратился к Удаловой.

– Правильно говорите, гражданка, – сказал он ей. – Ушёл ваш супруг из больницы. В неизвестном направлении. Медперсонал предполагал, что домой. А вы думаете, что нет?

– Так и думаю, – ответила Удалова. – И ещё сына ограбили. Оставили пижаму.

Лейтенант разложил пижамные штаны на столе.

– От взрослого человека, – сказал он. – А вы говорите – ребёнок.

– Я и сама не понимаю, – согласилась Удалова. – И мальчик такой правдивый. Тихий. Смирный. И штаны с помочами были. Синие. Вот как на этом.

Гражданка Удалова показала на мальчика в синих штанишках, вошедшего тем временем в помещение милиции и робко отпрянувшего к двери при виде Удаловой.

Ксения не узнала своего мужа. Не узнала она и штанов, принадлежавших ранее Максиму, ибо они пришлись Корнелию в самый раз.

– Так вы свою жалобу напишете? – спросил лейтенант.

– Напишу. Всё как есть напишу, – сказала Ксения. – Только домой сбегаю и там напишу. Кормить сына надо.

При таком свидетельстве заботы жены о доме Корнелию захотелось плакать слезами раскаяния, но он удержался – не смел обратить на себя внимание.

– Тебе чего, мальчик? – спросил лейтенант, когда Удалова ушла писать заявление и кормить сына.

Удалов, почёсывая ладонь, подошёл к барьеру. Голова его белым курганчиком возвышалась над деревянными перилами, и ему пришлось встать на цыпочки, чтобы начать разговор с дежурным.

– Не тебе, а вам, – поправил Удалов. Когда себя не видел, как-то забывал о своих истинных размерах.

– Ну, вам, – не стал спорить лейтенант. – Говори, пацан.

– Дело государственной важности, – произнёс Удалов и оробел.

– Молодец, – одобрил лейтенант. – Хорошо, когда дети о большом думают. Погляди, старшина, мы в его возрасте только футболом интересовались.

Старшина, сидевший в другом углу, согласился.

– Я поближе хочу, – сказал Удалов. – За барьер.

– Заходи, садись. И начинай, а то у меня дежурство кончается. Домой пора. Жена ждёт, понимаешь?

Удалов это понимал. И кивнул головой сокрушённо.

Мальчик в слишком больших башмаках, завязанных, чтобы не упали, под коленками шнурками, вскарабкался на стул.

Лейтенант смотрел на мальчика с сочувствием. У него детей не было, но он их любил. И хоть дело мальчика касалось какой-нибудь малой несправедливости, обижать его лейтенант не хотел и слушал как взрослого.

– Существует заговор! – начал Удалов. – Я ещё не знаю, кто его финансирует. Но может оказаться, что и не марсиане.

– Во даёт! – Старшина поднялся со стула и подошёл поближе.

– Шпиона видел? – ласково спросил лейтенант.

– Да вы послушайте! – воскликнул мальчик, и глаза его увлажнились. – Говорю, заговор. Я сам тому доказательство.

Лейтенант незаметно подмигнул старшине, но мальчик заметил это и сказал строго:

– Попрошу без подмигиваний, товарищ лейтенант. Они сейчас обсуждают дальнейшие планы. Со мной разделались, а что дальше, страшно подумать. Возможно, на очереди руководящие работники в районе и области.

– Во даёт! – повторил старшина совсем тихо.

Он подумал, что жизнь ускоряет темпы, и если следить за прессой, то увидишь, что в западных странах психические заболевания приняли тревожный размах. Теперь подбираются к нам. А мальчика жалко.

– Ну а как тебя зовут, мальчик? – спросил лейтенант.

– Удалов, – ответил мальчик. – Корнелий Удалов. Мне сорок пять лет.

– Та-ак, – произнёс лейтенант.

– Я женат, – продолжал Удалов, и лопоухое личико порозовело. – У меня сын, Максимка, в школу ходит.

Тут Удалова посетили воспоминания о преступлении против собственного ребёнка, и он ещё ярче зарделся.

– Та-ак, – протянул лейтенант. – Тоже, значит, Удалов.

Неожиданно во взоре его появилась пронзительность.

И он спросил отрывисто:

– А штаны с тебя в парке сняли?

– Какие штаны?

– А мамаша твоя с жалобой приходила?

– Так она же меня не узнала! – взмолился Удалов. – Потому что я не сын, а муж. Только меня превратили в ребёнка, в мальчика. Я про это и говорю. А вы не верите. Если бы я был сын, то меня бы она узнала. А я муж, и она меня не узнала. Понятно?

– Во даёт! – в очередной раз удивился старшина и начал продвижение к двери, чтобы из другой комнаты позвонить в «скорую помощь».

– Ты лучше к его мамаше сходи. Она адрес оставила, – сказал лейтенант, понявший замысел старшины. – Погоди, мальчика сначала в детскую комнату определим.

– Нет! – закричал Удалов. – Я этого не перенесу! У меня паспорт есть, только не с собой. Я вам такие детали из своей жизни расскажу! Я стройконторой руковожу!

Лейтенант печально потупился, чтобы не встречаться взглядом с заболевшим мальчиком. Ну что он мог сказать, кроме общих слов

сочувствия? Да и эти слова могли ещё более разволновать ребёнка, считающего себя руководителем стройконторы Удаловым.

Старшина сделал шаг по направлению к мальчику, но тот с криками и плачем, с туманными угрозами дойти до Вологды и даже до Москвы соскочил со стула, затопал тяжёлыми ботинками, вильнул между рук старшины, увернулся от броска лейтенанта и выскользнул за дверь, а затем скрылся от преследователей среди куч строительного мусора, накопленного во дворе реставрационных мастерских.

Научный склад мышления – явление редкое и не обязательно свойственное учёным. Он предусматривает внутреннюю объективность и желание добиться истины. Удалов не обладал этим складом, потому что стать мальчиком, когда внутренне подготовился к превращению в полного сил юношу, слишком обидно и стыдно. Поэтому воображение Удалова, богатое, но неорганизованное, подменило эксперимент заговором, и заговор этот рос по мере того, как запыхавшийся Корнелий передвигался по городу, распугивая кур и гусей. И чудилось Корнелию, что заговорщики в чёрных масках подкрадываются к системе водоснабжения и отрава проникает в воду, пиво, водку и даже в капли от насморка.

Просыпается утром страна, и обнаруживается – нет в ней больше взрослых людей. Лишь дети, путаясь в штанах и башмаках, выходят с плачем на улицы. Остановился транспорт – детские ножки не могут достать до тормозных педалей. Остановились станки – детские ручки не могут удержать тяжёлую деталь. Плачет на углу мальчик – намеревался сегодня выходить на пенсию, а что теперь? Плачет девочка – собралась сегодня выйти замуж, а что теперь? Плачет другая девочка – завтра её очередь лететь в космос. Плачет второй мальчик – вчера только толкнул штангу весом в двести килограммов, а сегодня не поднять и двадцати.

Мальчик-милиционер двумя ручками силится поднять палочку-регулировочку. Девочка-балерина не может приподняться на носки. Мальчик-бас, оперный певец, пищит-пищит: «Сатана там правит бал!»

А враги хохочут, шепчутся: «Теперь вам не взобраться в танки и не защитить своей страны от врагов...»

И тут, по мере того как блёкла и расплывалась страшная картина всеобщего помоложения, Удалова посетила новая мысль: «А вдруг уже

началось? Вдруг я не единственная жертва старика? А что, если все – и Кастельская, и друг Грубин, и даже подозрительная старуха Бакшт, – все они стали детьми и с плачем стучатся в дверь Кастельской?»

Новая мысль поразила Удалова своей простотой и очевидностью, подсказала путь дальнейших действий, столь нужный.

К дому Кастельской Удалов подкрадывался со всей осторожностью и к играющим на тротуаре детям приглядывался с опаской и надеждой – любой ребёнок мог оказаться Еленой Сергеевной или Сашей Грубиным. Да и вообще детей в городе было очень много – более, чем вчера. Это своё наблюдение Удалов также был склонен отнести на счёт сговора старика с марсианами, а не за счёт хорошей погоды, как это было на самом деле.

Но стоило Удалову войти в сени, как все иллюзии разлетелись.

Пострадал лишь он.

Глава двадцать шестая

Перед Удаловым стояла чашка с какао, батон, порезанный толсто и намазанный вологодским маслом. На тарелке посреди стола горкой возвышался колотый сахар. В кастрюле дымилась крупная картошка.

О Корнелии заботились, его жалели очаровательные женщины, угощали шампанским (из напёрстка), мужчины легонько постукивали по плечику, шутили, сочувствовали. Здесь, по крайней мере, никто не ставил под сомнение действительную сущность Удалова. Он весь сжался и чувствовал себя подобно одинокому разведчику в логове коварного врага. Каждый шаг грозил разоблачением. Удалов улыбался напряжённо и сухо.

– И неужели никакого противоядия? – шептала Милица Грубину, тот глядел на Алмаза, Алмаз разводил над столом ладонями-лопатами.

Может, где-то на отдалённой звезде это противоядие давно испытано и продаётся в аптеках, а на Земле пока в нём необходимости нет. Алмаз Удалова особо не жалел – получил человек дополнительно десять лет жизни. Потом поймёт, успокоится. Другому бы это счастье, спасение.

– В дозе ошибки не было? – спросил Грубин.

– Не было, – сказал Алмаз.

Грубин листал тетрадь, шевелил губами, снова спросил:

– А ошибиться вы не могли?

– Сколько всем, столько и ему, – сказал Алмаз.

– А если он сам? – спросила Шурочка.

– Я только свою чашку выпил, – проговорил быстро Удалов.

– «А косточку я выкинул в окошко», – весело процитировала Шурочка. Она быстро свыклась с тем, что Удалов – мальчик, и только. И общалась с ним как с мальчиком.

– Я ж говорю, что не пил. – Удалов внезапно заплакал. Убежал из-за стола, размазывая кулачками слёзы.

Елена Сергеевна укоризненно поглядела на Шурочку, покачала головой.

Алмаз заметил это движение, ухмыльнулся: укоризна Елены Сергеевны была от прошлого, с нынешним девичьим обликом вязалась плохо.

– Я только Ксюшину бутылочку выпил. Маленькую. Она меня из дома выгнала! – крикнул Удалов от двери.

Грубин продолжал листать тетрадь старика. Его интересовал состав зелья, хотя из тетради, записанной множество лет назад, узнать что-либо было трудно.

Савич искоса поглядывал на Елену, порой приглаживал волосы так, будто гладил лысину. Савич был растерян, так как ещё недавно, вчера ночью, дал овладеть собой иллюзии, что, как только он помолодеет, начнёт жизнь снова, откажется от Ванды, придёт к Елене и скажет ей: «Перед нами новая жизнь, Леночка. Давай забудем обо всём, ведь мы нужны друг другу». Или что-то похожее.

Теперь же вновь наступили трудности. Сказать Елене? А Ванда? Ну кто мог подумать, что так произойдёт? И кроме того, они ведь связаны законным браком. И Савич чувствовал раздражение против старика Алмаза, поставившего его в столь неловкое, двусмысленное положение.

А Елена тоже посматривала на Савича. Думала о другом. Думала о том, что превращение, происшедшее с ними, – обман. Не очевидный, но всё-таки самый настоящий обман. Ведь никто из них, за исключением, может быть, старухи Милицы, почти впавшей в детство и потерявшей память, не стал молодым. Осталась память о прошлом, остались привычки, накопленные за много лет, остались разочарования, горести и радости – и никуда от них не деться, даже если тебе на вид лет восемь, как Удалову.

Вот сидит Савич. В глазах у него обида и растерянность. Но обида эта и растерянность несвойственны были Савичу-юноше. И возникли они давно, постепенно, от постоянного ощущения неудовлетворённости собой, своей работой, своей квартирой, характером своей жены. И даже жест, которым Савич поглаживает волосы, пришёл с лысиной, с горестным недоверием к слишком быстрому и жестокому бегу времени.

Если сорок лет назад можно было сидеть вдвоём на лавочке, целоваться, глядеть в звёздное небо, удивляться необыкновенности и новизне мира и своих чувств, то теперь этого сделать будет нельзя. Как ни обманывай себя, не избавишься от спрятанного под личиной юноши тучного, тяжело дышащего лысого провизора.

Омоложение было иллюзией, но вот насколько она нужна и зачем нужна, Елена ещё не разобралась. Пока будущее пугало. И не столько необходимостью жить ещё несколько десятков лет, сколько вытекающими из омоложения осложнениями житейскими.

– Семь человек приняли эликсир, – сказал деловито Грубин, захлопывая тетрадь. – Все здорово помолодели. Один даже слишком.

Удалов громко всхлипывал в маленькой комнате. Даже Ваня пожалел его, взял мяч и пошёл туда, к грустному мальчику.

– Всё-таки процент большой, – сказал Савич.

– Но главное – эксперимент удачен. И это раскрывает перед человечеством большие перспективы. А на нас накладывает обязательства. Ведь бутыль-то разбилась.

– Нам вряд ли поверят, – сказал Савич. – Уж очень всё невероятно.

– Обязательно поверят, – возразил Грубин. – Нас девять человек. У нас, в конце концов, есть документы, воспоминания, люди, которых мы можем представить в качестве свидетелей. Ведь мы-то, наше прошлое куда-то делись. Нет, придётся признать.

– Не признают, – вмешался Удалов, вошедший тем временем в комнату, чтобы избавиться от общества Вани с мячиком. – Я правду скажу: я уже ходил в милицию. Не поверили. Чуть было маме не отдали, то есть моей жене. Пришлось бежать.

Удалов виновато поведал историю своих похождений. Он уже понял, что стал жертвой ошибки, жертвой своего исключительно злокачественного невезения.

– Эх, Удалов, Удалов! – сказал наконец Грубин. – И когда ты станешь взрослым человеком?

– Лет через десять, – хихикнула Шурочка.

– Шурочка! – остановила её Елена.

– Вам бы только издеваться, – сказал Удалов. – А я без работы остался и без семьи. Как мне исполнять свои обязанности, семью кормить, отчитываться перед руководящими органами?

– Да, – сказал Грубин. – Дело нелёгкое. И в милицию теперь не пойдёшь за помощью. Им Удаловы так голову закрутили – чуть что, сразу вызовут «скорую помощь» и санитаров со смирительной рубашкой. Да и другие органы, верно, предупреждены. Надо в Москву ехать. Прямо в Академию наук. Всем вместе.

– Уже? – спросила Милица. – Я хотела пожить в своё удовольствие.

– В Москве для этого возможностей больше, – сказал Алмаз. – Только уж обойдитесь без меня. Я потом подъеду. Вернуться надо к своим делам.

– Да как же так? Без вас научного объяснения не будет.

– А моё объяснение меньше всего на научное похоже.

– Что за дела, если не секрет? – заинтересовалась вдруг Елена.

– Спрашиваешь, будто я по крайней мере до министра за триста лет дослужился. Разочарую, милая. В Сибири я осел, в рыбной инспекции. Завод там один реку портит, химию пускает. Скоро уже и рыбы не останется, когда-нибудь, будет времени побольше, расскажу, какую я борьбу веду с ними четвёртый год. Но возраст меня подводил, немощь старческая. Теперь уж я их замотаю. Попляшут. Главный инженер или фильтры поставит, или вместо меня на тот свет. Я человек крутой, жизнью обученный. Вот так.

Алмаз положил руку на плечо Елены, и та не возражала. Рука была тяжёлая, горячая, уверенная. Савич отвернулся. Ему этот жест был неприятен.

– Учиться вам надо, Алмаз Федотович, – сказала Милица. – Тогда, может, и министром станете.

– Не исключено, – согласился Алмаз. – Но сначала я главного инженера допеку. И всех вас приглашу на уху. Добро?

Грубин опустился тем временем на колени и заглянул под стол. Он увидел, что в том месте, где на пол пролился эликсир, из досок за ночь поднялись ветки с зелёными листочками. Пол тоже помолодел.

– А в Москву ехать на какие деньги? – спросил Грубин из-под стола.

Глава двадцать седьмая

Никто уже не сомневался, что в Москву ехать надо. Слово такое появилось и овладело всеми: «надо». Жили люди, старели, занимались своими делами и никак не связывали свою судьбу с судьбами человечества. И даже когда соглашались на необычный эксперимент, делали это по самым различным причинам, опять же не связывая себя с человечеством.

Но когда обнаружилось, что таинственный эликсир и в самом деле действует, возвращает молодость, оказалось, что на людей свалилась ответственность, хотели они того или нет. Да и в самом деле, что будешь делать, если в руки тебе даётся подобный секрет? Уедешь в другой город, чтобы тихо прожить жизнь ещё раз?

Раньше Алмаз так и делал. Хоть и проживал очередную жизнь не тихо, а в смятении и бодрствовании, но к людям пойти, поделиться с ними тайной не мог, не смел – погубили бы его, отняли тайну, передрались бы за неё. Так предупреждал пришелец. Но то был один Алмаз. Теперь семь человек.

Слово «надо», коли оно не пришло извне, а родилось самостоятельно, складывается из весьма различных слов и мыслей, и нелегко порой определить его истоки. Грубин, например, с первого же момента рассматривал всё как чисто научный эксперимент, так к нему и относился. Когда же помолодел и осознал тщету предыдущей жизни, то в нём проснулся настоящий учёный, для которого сущность открытия лежит в возможности его использования.

Удалов внёс свою лепту в рождение необходимости, потому что был уверен, что в Москве хорошие врачи. Если придётся к ним попасть, вылечат от младенчества, вернут в очевидный облик. Его «надо» было чисто эгоистическим.

Савич готов был ехать куда угодно – его ничто не удерживало в Гусляре. В аптеку путь закрыт – кому нужен юный провизор, который вчера был солидным мужчиной предпенсионного возраста? О том, чем он будет заниматься, Савич не думал – его главные проблемы были личными. Что делать с двумя девушками, на одной из которых за последние сорок лет он дважды женился, а другую дважды бросил? Увидев молодую Елену, Савич испытал раздражение против себя и понял, что вчера был совершенно прав, надеясь связать свою новую жизнь именно с Еленой. Когда тебе двадцать – в самом деле

двадцать, – ты можешь не разглядеть за соблазнительной девичьей оболочкой вульгарность, грубость и даже – Савич не боялся этого слова – пошлость. Но с сорокалетним опытом совместной жизни пришло и полное осознание прежней ошибки. Теперь оставалось сделать один лишь шаг – честно рассказать обо всём Елене, прекрасной, тонкой, понимающей, и добиться её взаимности. Ведь была же эта взаимность сорок лет назад? Ведь страдала Лена, когда он оставил её! Теперь должно наступить искупление и затем – счастье.

Но, размышляя так, Савич сам себе не верил. Он всей шкурой ощущал, что у него неожиданно появился соперник, который не даст возможности не спеша осмотреться, всё обсудить и принять нужные меры. Этот бывший старик был нахален и, видно, привык забирать от жизни всё, что ему приглянулось. А у Елены совершенно нет опыта обращения с подобными субъектами. И осмотрительность Савича, которую Елена может ложно истолковать, также работает против него – с каждой минутой шансы Савича тают.

Елена Сергеевна также была в растерянности, но Савич не занимал в её мыслях главного места. Она поняла, что возврата к прошлой жизни нет, надо искать выход, но ведь вся старая жизнь с её требованиями и обязанностями оставалась. Оставалась дочь, которая вернётся из отпуска за Ваней, оставались должности в общественных организациях и незавершённые дела, оставались друзья и знакомые, от которых придётся отказаться. И отъезд в Москву, хоть и был бегством, оказывался наиболее разумным выходом из тупика. А что касается Никиты, конечно же, шок от появления молодого, курчавого, милого и доброго Никитушки был велик. И был бы больше, если бы рядом не оказалось Ванды Казимировны с её хозяйскими повадками и взглядом женщины, которая Никитушкой владеет. Да и неудивительно – она же была первой, кто увидел Савича помолодевшим, и, наверное, уж успела принять меры, чтобы оставить его за собой. Да и взгляд Никиты, виноватый и растерянный, выдавал его с головой. Ясно было, что вчера он решился принять участие в опыте, потому что мечтал изменить жизнь. Сегодня же он вновь колеблется. И хорошо – всё было решено сорок лет назад, зачем же начинать снова эту волынку?

Так Елена Сергеевна утешала себя, потому что нуждалась в утешении. Оказывается, её чувство к Савичу не совсем испарилось за эти

годы – да и много ли сорок лет в жизни человека? Кажется, только вчера она выслушивала клятвы в вечной верности и только вчера они с Никитой обсуждали свои совместные планы на жизнь.

И неудивительно, что Елена тянулась к Алмазу. Бывают мужчины, которых надо утешать. Значительно реже встречаются такие, которые сами могут тебя защитить и утешить. Алмаз не просил жалости, да и нелепо было бы его жалеть. Вот он, думала Елена, незаметно глядя на Алмаза, может взять тебя на руки и унести, куда пожелает, потому что знает, как хочется иногда женщине не принимать решений.

Алмаз перехватил этот несмелый взгляд и широко улыбнулся.

– Нашёл тебя, – сказал он, поднимая бокал шампанского. – Теперь не упущу.

Ванда Казимировна, не спускавшая глаз с мужа и Елены, насторожённая, как кошка перед мышиной норой, с радостью отметила эти слова. «Плохо твоё дело, мой зайчик», – подумала она о муже.

А если так, то можно поехать в Москву. Взять отпуск в магазине за свой счёт и прокатиться. Тысячу лет там не была. Заодно надо будет и приодеться. Ведь когда ты солидная пожилая дама, то подчиняешься одной моде, чтобы всё было из дорогого материала и с драгоценностями. Когда тебе двадцать, надо менять стиль. В Москве театры, концерты, может быть, придётся сверкать. Правда, для этого требуются средства. И значительные. Доехать, устроиться и там пожить. А почему и не пожить? Сорок лет накапливала. Можно позволить, накопления есть. Надо будет взять сберкнижку, которая хранится в сейфе, в универмаге.

– У меня совершенно нет сбережений, – призналась Милица. – Знаете, я как-то все свои жизни прожила без сбережений. Это так неинтересно – сберегать.

– И в поклонниках отказа не было, – сказал Алмаз.

– Не только в поклонниках – в мужьях, – поправила его с улыбкой Милица.

И поглядела, расширив глазищи, на Сашу. Тому показалось, что острые чёрные ресницы вонзаются ему в сердце. И ему стало стыдно, что у него тоже нет никаких сбережений. Последние он истратил на детали для вечного двигателя.

– Но в Москву попасть мечтаю, – сказала Милица. – Меня всегда тянуло в столицу.

Миша Стендаль поправил очки и приобрёл сходство с Грибоедовым, прибывшим на первую аудиенцию к персидскому шаху. Он решился:

– Деньги достать можно.

– Откуда? – сокрушённо произнёс Грубин. – Нам даже занять не у кого. Если я к своей двоюродной сестре приду, она меня с лестницы спустит. Решит, что я авантюрист.

– А ты ей паспорт покажи, – пискнул от двери Удалов, но никто не обратил внимания на его слова.

– Может, у тебя, Ванда Казимировна? – спросил Грубин. – Ты же директор.

– Нет, – сказала Ванда не задумываясь, – мы только что гарнитур купили. Савич, подтверди.

– Купили, – сказал Савич и расстроился, потому что жене не поверил, но не посмел оспорить её слова. Сам он свободных денег не имел, да и не нуждался в них. Зарплату сдавал домой, получал рубль на обед и когда нужно – на книгу.

«Так мы и не стали молодыми», – подумала Елена. Ванда когда-то была мотовкой, хохотушкой, цены деньгам не знала и знать не желала. А привыкла к деньгам постепенно. И сидит сейчас в юной Ванде пожилая директорша, которая не любит расставаться с копейкой. Так что молодость наша – только видимость.

– У меня есть шестьдесят рублей, – проговорила Елена.

– Не тот масштаб, – сказал Грубин.

– Может, отложим отъезд? – спросил Савич.

– Нельзя, – ответил Грубин. – Вы же знаете.

Он вылез из-под стола с букетиком зелёных листьев, что выросли за ночь в том месте пола, куда пролилось зелье. Листья он намеревался исследовать, попытаться определить состав жидкости.

– Вы же знаете, – сказал Грубин, – с каждой минутой следы эликсира в нашей крови рассасываются. День-два – и ничего не останется. На основе чего будут работать московские учёные? Любая минута на учёте. Или мы выезжаем ночным поездом, либо можно вообще не ехать.

– Вот я и говорю, – продолжил Стендаль. – Деньги достать можно, и вполне официально. Я начну с того, что наши события произошли именно в городе Великий Гусляр. А кто знает о нашем городе? Исто-

рики? Статистики? Географы? А почему? Да потому, что Москва всегда перехватывает славу других городов. Я сам из Ленинграда, хотя уже считаю себя гуслярцем. И что получается? В Кировском театре почти балерин не осталось – Москва переманила. Команда «Зенит» успехов добиться не может – футболистов Москва перетягивает. А почему метро в Ленинграде позже, чем в Москве, построили? Все средства Москва забрала. А о Гусляре и говорить нечего, даже и соперничать не приходится. А почему бы не посоперничать? Обратимся в нашу газету!

– Правильно, Миша, – поддержала его Шурочка. – А раньше Гусляр, в шестнадцатом веке, Москве почти не уступал. Иван Грозный сюда чуть столицу не перенёс.

– Красиво говоришь, – сказал Алмаз. – Город добрый, да больно мелок. Даже если здесь совершенное бессмертие изобретут, всё равно с Москвой не тягаться.

– Газета добудет нам денег, – продолжал Стендаль, – опубликует срочно материал. И завтра утром мы отбываем в Москву. И нас уже встречают там. Разве не ясно? И Гусляр прославлен в анналах истории.

– Ну-ну, – сказал Алмаз. – Попробуй.

Стендаль блеснул очками, обводя взглядом аудиторию. Остановил взгляд на Милице.

– Милица Фёдоровна, вы со мной не пойдёте?

– Ой, с удовольствием, – согласилась Милица. – А редактор молодой?

– Средних лет, – сдержанно ответил Стендаль.

– Тогда я возьму мой альбом. Там есть стихи Пушкина.

Глава двадцать восьмая

Плёнка, которую принёс с птицефермы фотограф, никуда не годилась. Её стоило выкинуть в корзину, пусть мыши разбираются, где там несушки, а где красный уголок. Так Малюжкин фотографу и сказал. Фотограф обиделся. Машинистка сделала восемь непростительных опечаток в сводке, которая пойдёт на стол к Белосельскому. Малюжкин поговорил с ней, машинистка обиделась, её всхлипывания за тонкой перегородкой мешали сосредоточиться.

Степан Степанов из сельхозотдела, консультант по культуре, проверял статью о художниках-земляках. Пропустил ляп: в очерке сообщено, что Рерих – баталист. Малюжкин поговорил со Степановым, и тот обиделся.

К одиннадцати половина редакции была обижена на главного, и оттого Малюжкин испытывал горечь. Положение человека, имеющего право справедливо обидеть подчинённых, возносит его над ними и лишает человеческих слабостей. Малюжкину хотелось самому на кого-нибудь обидеться, чтоб поняли, как ему нелегко.

День разыгрался жаркий. Сломался вентилятор; недавно побелённый подоконник слепил глаза; вода в графине согрелась и не утоляла жажды.

Малюжкин был патриотом газеты. Всю сознательную жизнь он был патриотом газеты. В школе он получал плохие отметки, потому что вечерами переписывал от руки письма в редакцию и призывал хорошо учиться. В институте он пропускал свидания и лекции и подкармливал пирожками с повидлом нерадивых художников. Каждый номер вывешивал сам, ломал, волнуясь, кнопки и долго стоял в углу – глядел, чем и как интересуются товарищи. Новое полотнище, висящее в коридоре, было для Малюжкина лучшей, желанной наградой, правда, наградой странного свойства – со временем она переставала радовать, теряла ценность, требовала замены.

Иногда вечерами, когда институт таинственно замолкал и лишь в коридорах горели тусклые лампочки, Малюжкин забирался в комнату профкома, где за сейфом старились пыльные рулоны прошлогодних стенгазет, вытаскивал их, сдувал пыль, разворачивал на длинном столе, придавливал углы тяжёлыми предметами, приклеивал отставшие края заметок и похож был на донжуана, перебирающего коллекцию дарёных фотографий с надписями «Любимому» и «Единственному».

И теперь, дослужившись к вершине жизни до поста редактора городской газеты, Малюжкин уходил из редакции последним, перед уходом перелистывая подшивки газеты за последние годы.

Перед Малюжкиным стоял литсотрудник Миша Стендаль. Вид его был неряшлив, очки запылились.

– Что у тебя? – спросил Малюжкин.

– Важное дело.

– Важное дело здесь. – Малюжкин показал на недописанную передовицу о подготовке школ к учебному году. – К сожалению, не все понимают.

Малюжкин прижал палец к губам, затем им провёл по воздуху и упёр в стенку. Из-за стены шло всхлипывание. Стендаль понял, что машинистка снова допустила опечатки.

– Итак? – произнёс Малюжкин, склонный к красивым словам.

– Итак, поверить мне трудно, но я принёс настоящую сенсацию.

– Сенсация сенсации рознь, – заметил Малюжкин.

Само слово «сенсация» имело неприятный оттенок, связывалось в уме с унизительными эпитетами.

– Только без дешёвых сенсаций, – сказал Малюжкин. – В одной центральной газете напечатали про снежного человека – и что? – Малюжкин резко провёл ребром ладони по горлу, показывая судьбу редактора. – Ну, ты говори, не обижайся.

– У нас есть возможность стать первой, самой знаменитой газетой в мире. Интересует?

– Посмотрим.

Машинистка за стеной перестала всхлипывать – прислушивалась.

– Но в любом случае, – продолжал Малюжкин, – передовую заканчивать придётся. Ты же за меня её дописать не сможешь?

Малюжкин прикрыл на несколько секунд глаза и чуть склонил седеющую голову благородного отца. Ждал лестного ответа.

– Передовицу – в корзину, – сказал невежливо Стендаль. – На первую полосу другое.

Малюжкин терпеливо улыбнулся. Он умел угадывать нужное, своевременное. По виду Стендаля понял – блажь. И мысли переключил на завершение передовой.

– Вчера, – начал Стендаль, – в нашем городе произошло величайшее событие, сенсация века. Впервые удачно произведён эксперимент по коренному омоложению человеческого организма.

Торжественные слова, как рассчитывал Стендаль, легче проникают в мозг Малюжкина, но тот, слыша их, не вникал в смысл, а старался приспособить к делу, к передовой. «Впервые в стране произведён эксперимент, – повторял мысленно Малюжкин, – по полному охвату подрастающего поколения сетью восьмилетнего обучения». Внешне Малюжкин продолжал поддерживать беседу со Стендалем.

– В больнице, говоришь, эксперимент? – переспросил он. – Там у нас способная молодёжь.

Из собственной фразы в передовицу пошли слова «способная молодёжь». Надо было подыскать им нужное обрамление.

– Нет, не в больнице. На частной квартире.

– Не бегай по кабинету, садись.

Бегающий в волнении Стендаль, машущий руками Стендаль, протирающий на ходу очки Стендаль мешал Малюжкину сосредоточиться.

– Несколько человек, – продолжал Стендаль, присаживаясь на краешек стула и продолжая двигать ногами, – получили возможность овладеть секретом вечной молодости.

Обрамление для «способной молодёжи» нашлось: «Способная молодёжь получила возможность овладеть секретом науки». Малюжкин мысленно записал эту фразу.

– Да-да, – произнёс он вслух. – Как же, читал.

– Где? – Стендаль даже перестал двигать ногами. – И ничего не сказали?

– Где? – удивился Малюжкин. – «Наука и жизнь» писала. – Редактор был уверен, что во лжи его не уличить. «Наука и жизнь» уже писала обо всём. – В Штатах опыты производились. У нас тоже – на собаках.

– Ясно, – сказал Стендаль. Понял, что редактор невнимателен. – И вы могли бы! – неожиданно крикнул он.

Малюжкин забыл все фразы для передовой. Испугался. Машинистки за стеной ахнули.

– И вы могли бы стать молодым! – кричал Стендаль. – Каждый может стать молодым! Вчера старик, сегодня юноша. Понимаете?

– Спокойно, – приказал Малюжкин. – Ты нервничаешь, Цезарь, значит, ты не прав. – Малюжкин указал пальцем на перегородку и продолжал шёпотом: – За стеной люди, понял? Пойдут сплетни. А ты не проверил, а кричишь. Свидетели есть? Проверка была?

– Я сам свидетель, – сказал Стендаль, также переходя на шёпот, наклоняясь через стол.

Они сидели как заговорщики, обсуждающие план ограбления банка.

– И ещё свидетель есть, – пролепетал Стендаль. – Позвать?

– Ну-ну, – согласился Малюжкин. Передовицу всё равно придётся придумывать снова.

Стендаль высунулся в окно, крикнул:

– Мила, будьте любезны, поднимитесь! Комната пять, я вас встречу.

Стоило Стендалю отойти, как Малюжкин вернулся к передовой. Стендалю это не понравилось. Схватил лист, разорвал, бросил в корзину.

– Ты с ума сошёл, – зашипел Малюжкин. Обида завладела им.

– Сейчас придёт женщина, – сообщил Стендаль. – Ей минимум двести лет. Она была знакома с Александром Сергеевичем Пушкиным.

Стендаль убежал.

«Женщины... – думал Малюжкин, склоняясь над мусорной корзиной. – Везде женщины, все знакомы или с Пушкиным, или с Евтушенко, а верить никому нельзя».

За дверью послышался голос Стендаля:

– Сюда, Милица, главный ждёт вас.

– Спасибо, – засмеялся серебряный голос в ответ.

«Театр, – подумал Малюжкин. – Показуха». Дверь распахнулась, и возникло чудо. Вошла шамаханская царица, прекрасная девушка в сарафане с альбомом в руках. Этой девушки раньше не было и быть не могло. Эту девушку можно было увидать однажды и всю жизнь питаться воспоминаниями.

– Здравствуйте. – Девушка протянула Малюжкину руку. Она держала её выше, чем принято, и потому рука оказалась поблизости от губ редактора.

Малюжкин неожиданно для себя поцеловал тонкую атласную кисть и сел, заливаясь краской.

– Я тоже сяду? – спросила девушка.

– Очень приятно, – ответил Малюжкин. – Познакомиться очень приятно. Садитесь, ради всего святого. – Редактору хотелось говорить очень красиво, хотя бы как говорили герои Льва Толстого. – Крайне польщён, – закончил он.

– Мишенька, наверное, про меня рассказал, – улыбнулась девушка, и из её глаз вылетели острые сладкие стрелы. – Меня зовут Милицей Бакшт, я живу в этом городе более ста лет.

– Не может быть, – сказал Малюжкин, приглаживая волосы на висках, – я бы запомнил ваше чудесное лицо.

По редакции уже прошёл слух о появлении неизвестной красавицы. Думали, что из киногруппы, снимающей в городе историко-революционный фильм. Все мужчины пошли в коридор покурить. Курили рядом с дверью главного.

– А вы меня узнать и не можете, – сказала Милица. – Я ещё вчера была древней старухой с клюкой. Ужасное зрелище, вспоминать не хочется. Вы меня понимаете?

– О да, – проговорил Малюжкин.

Милица гибко вскочила со стула, повернулась кругом, сарафан взметнулся и обнажил стройные ноги, и тут же она согнулась, оперлась на воображаемую палку, скривила спину, зашаркала, еле переставляя ноги, и руками двигала с трудом.

Смешно и радостно стало Малюжкину, и он сказал:

– Вы актриса, вы талантливая актриса, вам надо сниматься.

Машинистки, услышавшие эти слова через стенку, вынесли в коридор подтверждение новости: незнакомка была киноактрисой, главный её хвалит.

Степанов вспомнил две картины, в которых он эту киноактрису видел. И многие согласились.

– Очень похоже, – подтвердил Стендаль. – Примерно так это и выглядело. Я сам помню.

– Вы верите мне? – спросила Милица, садясь снова на стул, и глаза её настолько приблизились к лицу редактора, что тот ощутил головокружение.

– Вам верю во всём, в большом и в малом.

– Вы ему паспорт покажите, Мила, – посоветовал Стендаль.

– Не надо, – возразил Малюжкин. – Не надо никакого паспорта. Сейчас Миша подготовит материал, и вы не уходите, ради бога, не уходите. Вы расскажете мне всё как было, что, как, когда. Сейчас же в номер.

– Вместо передовой, – напомнил Стендаль, который был ещё молод и легко верил в добро.

– Вместо передовой, – подтвердил Малюжкин.

– Мишенька, – сказала Милица, – он, по-моему, в меня влюбился. Он рассудок теряет. Что же теперь делать? Вы в меня влюблены?

– Кажется, да, – произнёс тихо редактор, не смея отрицать, но и не желая, чтобы сотрудники услышали об этом.

– Ну, я готовлю материал и в номер? – спросил Миша.

– Конечно. А вы... – в голосе Малюжкина проявилась жалкая просьба, – а вы посидите здесь, со мной? А?

– Посижу, конечно, посижу. Ведь ты недолго, Миша?

– Да я здесь же, на подоконнике, напишу. У меня вчерне всё готово.

– Ну вот, – улыбнулась Милица. – Мы с вами знакомы и теперь будем разговаривать. Разве не чудесно, что я вчера была старухой, а сегодня молода?

– Чудесно, – согласился Малюжкин. – У вас чудесные зубы.

– Фу, это говорят только некрасивым девушкам, чтобы их не обидеть. – Милица засмеялась так звонко, что машинистки нахмурились.

– Нет, что вы, у вас красивые руки, и волосы, и нос, – сказал Малюжкин. Он хотел было продолжить перечисление, но тут зазвонил телефон, и редактор, не желавший ни с кем разговаривать, всё-таки поднял трубку и сказал резко, чтобы отвязаться: – У меня совещание.

Трубка забулькала отдалённым человеческим голосом, и Малюжкин, не положивший её вовремя, стал слушать. Миша подмигнул Милице, считая, что дело сделано, а та подмигнула в ответ, ибо была довольна своей красотой.

– Да, – ответил вежливым голосом Малюжкин. – Конечно. В завтрашнем номере, товарищ Белосельский. Я сам этим займусь, лично. Я отлично понимаю. Наше упущение, товарищ Белосельский.

Голос в трубке всё урчал, и понемногу лицо Малюжкина собиралось в обычные деловые морщины, а волосы, завернувшиеся было в тугие цыганские завитки, на глазах распрямлялись и ложились организованно по обе стороны пробора.

– Отразим, разумеется, будет сделано, – закончил он разговор и повесил трубку. – Вот, – сказал он, глядя на Милицу, и потрогал пальцем кончик носа. – Такие дела. Передовица идёт о прополке. Ясно, Стендаль? О прополке, а не о подготовке школ. Со школами ещё не горит. Наше упущение. Самим следовало догадаться. Позовите ко мне Степанова. Одна нога здесь, другая там. Пусть захватит график прополки.

– Как же? – спросил Стендаль. – А статья?

– Да-да, – сказал Малюжкин. – Очень приятно было познакомиться. Всегда рад. Иди же, Стендаль! Время не ждёт. В газете главное – сохранять спокойствие. Ясно?

В голосе Малюжкина была настойчивость. Стендаль не смог ослушаться. Вышел в коридор и нашёл Степанова. Степанов задавал вопросы, касающиеся девушки, но Стендаль не отвечал.

– Пошли, – произнёс он. – Передовую будете писать. Зайдите в отдел, возьмите данные по прополке. Одна нога здесь, другая там. Так сказал шеф.

– Я же в самом деле омолодилась, – говорила Милица редактору, когда Стендаль вернулся в кабинет.

Малюжкин поднял на Стендаля обиженные глаза – его отвлекали от дела.

– Завтра чтобы быть на работе вовремя, – велел он Мише.

– Но мне же Александр Сергеевич Пушкин стихи в альбом писал! – повторяла Милица. – Личные стихи. Только мне. И нигде их не печатали.

– Очень любопытно, – сказал Малюжкин. – Оставьте альбом, посмотрим. Поместим в рубрике «Из истории нашего края». Хорошо? Значит, по рукам. Молодцы, что стихи разыскали!

И Малюжкину, переключившемуся на прополку, казалось, что он хорошо обошёлся с посетителями.

– Вы не волнуйтесь, мы стихов не затеряем, понимаем ценность, девушка.

– Вы звали? – спросил Степанов, глядя на Милицу Бакшт.

Малюжкин проследил за взглядом вошедшего сотрудника, что-то забытое шевельнулось в сердце.

– Сюда, Степанов, садись. Данные по прополке захватил? Звонили, надо срочно. Так что понимаешь.

– Ну, мы пошли, – сказал печально Стендаль.

– Конечно, конечно... – сказал Малюжкин, вожделенно глядя на графики в руке Степанова. Малюжкин любил газету и любил газетную работу. Обида прошла. – Не задерживайся! – крикнул он вслед Стендалю и забыл о нём.

Хлопнула дверь за посетителями. Колыхнулись тюлевые занавески на окне.

Степанов пожалел, что девушка ушла, в такую жару писать о прополке не хотелось. Хотелось на пляж. Он подвинул к себе раскрытый альбом в сафьяновом переплёте. Почерк на желтоватой странице был знаком. Рядом той же рукой был нарисован профиль только что заходившей девушки.

– Это её альбом? – спросил Степанов.

Малюжкин удивился, но ответил:

– Её. Говорит, Пушкин писал. – И он хихикнул. – В «Красном знамени» все агрегаты простаивают, а в сводке завышают. А? Каковы гуси?..

Конечно, это был почерк Пушкина. Или изумительная совершенная подделка, которой место в музее Пушкина в Москве.

«Оставь меня, персидская княжна...» – прочёл Степанов.

– «Оставь меня, персидская княжна...» – прочёл он ещё раз, вслух.

– Потише, – предупредил Малюжкин. – Не отвлекайтесь стихами.

Степанов не слышал: он шевелил губами, разбирал строки дальше. Этого стихотворения он не знал. И никто не знал. Степанов был первым в мире пушкинистом, читающим стихотворение, которое начиналось словами: «Оставь меня, персидская княжна...»

– Это же открытие! – воскликнул он. – Мировой важности, надо писать в Москву. Завтра прилетит Андроников.

– Что вы, сговорились, что ли? – возмутился Малюжкин. – Давай по-товарищески, Степан. Кончим передовицу – звоним Андроникову, Льву Толстому, Пушкину, выпиваем по кружке пива – что угодно! Послушай начало: «Полным ходом идёт прополка на полях колхозов нашего района». Не банально?

Но Степанов не слышал, так же как за несколько минут до этого Малюжкин перестал слышать и видеть Милицу Бакшт.

Степан Степанович Степанов был одержим Пушкиным. Он был одержим упорной надеждой узнать о великом поэте всё и, изучая каждое слово, сказанное им, распорядок каждого дня его жизни, терпеливо ждал, когда судьба смилостивится и подарит ему открытие в пушкинистике, открытие случайное, находку, ибо закономерные открытия там уже все сделаны.

Прошло тридцать лет с тех пор, как Степан Степанов, отыскав на чердаке старого дома первое издание «Евгения Онегина», стал солдатом маленькой интернациональной армии пушкинистов. Степан

Степанович постарел, обрюзг, страдал печенью, одышкой, похоронил жену, вырастил дочь Любу, и та уже выходит замуж, но открытие не давалось.

Ни сам Пушкин, ни его родственники, ни друзья декабристы не бывали в Великом Гусляре и не оставили там дневников, записных книжек и устных воспоминаний. Но Степанов искал, посещал забытые пыльные чердаки, за бешеные деньги покупал редкие издания, поддерживал переписку с Ираклием Андрониковым и пастором Грюнвальдом в Швейцарии, изучил два европейских языка, не продвинулся по службе, а открытие всё медлило, не приходило.

И вот неизвестные строки Пушкина, сами, без всяких усилий со стороны Степанова, оказавшиеся перед ним.

Степанов грузно поднялся со стула, держа на вытянутой руке альбом в сафьяновом переплёте, и подошёл к окну, к свету, чтобы под солнцем убедиться в том, что счастье в самом деле посетило его, что одно из решающих открытий в пушкинистике второй половины двадцатого века сделано именно им.

– Сядь, – догнал его голос Малюжкина. – Послушай: «Однако в отдельных хозяйствах темпы прополки недостаточно высоки». Или, может, написать просто «невысоки»? Или «низки»?

– Кто та девушка? – спросил Степанов.

– Какая девушка?

– Девушка, которая к тебе приходила. С Мишей Стендалем.

– Так ты у неё и спроси. Почему у меня? Не знаю я никакой девушки.

Малюжкин тоже был одержимым человеком. Он был одержим желанием сделать газету самой лучшей в области.

– Так, – сказал Степанов, стряхнул пепел с мятых брюк, с трудом стянул на обширном животе расстегнувшуюся пуговицу и, громко запев: «Оставь меня, персидская княжна...», ушёл из кабинета главного редактора, убыстряя шаги, протопал по коридору и выскочил на улицу.

Малюжкин посмотрел ему вслед и обиделся до слёз.

Глава двадцать девятая

Милица со Стендалем доплелись до пивного ларька, у которого под разноцветными пляжными зонтиками стояли шаткие столики с голубым пластиковым верхом.

Миша отстоял в очереди, поставил на столик две кружки с шапками тёплой пены. Он был разочарован в жизни и в идеалах.

– Что же, не оценили нас? – спросила Милица.

– Я совершил тактическую ошибку, – признал Стендаль, не зная ещё, в чём она заключалась.

– Сначала я ему понравилась, – произнесла Милица.

Стендаль пил пиво, морщился.

– Придётся прямо в Москву, – сказал он. – И Великий Гусляр останется никому не известным, заштатным городком. И они будут кусать себе локти. Пускай кусают.

– Немного он всё-таки прославится, – сказала Милица. – Я же здесь жила. – Она улыбалась. Она шутила, хотела развеселить Стендаля. – Всё уладится.

– И никто не верит, – сказал Стендаль. – Даже в милиции Удалову не поверили. А мне в газете. Что мы, проходимцы, что ли? Вот Грубин побежал опыты ставить, чтобы ничего не упустить. И вы тоже не только о себе думаете. Ведь правда?

– Ага, – подтвердила прекрасная Милица. – Смотрите, тот смешной дядька бежит.

По площади бежал, вертел головой мягкий, колышущийся мужчина, голый череп которого выглядывал из войлочного венца серых волос, как орлиное яйцо из гнезда. У мужчины были толстые актёрские губы и нос римского императора времён упадка. Под мышкой он держал большой альбом.

Весь он, от нечищеных ботинок, за что его журил Малюжкин, до обсыпанного пеплом пиджака, являл собой сочетание неуверенности, робости и фантастической целеустремлённости.

– Мой альбом несёт, – сказала Милица.

– Это Степан Степанов, – сказал Миша Стендаль. – Они спохватились. Они поняли и разыскивают нас. Сюда! – махал рукой Стендаль, призывая Степанова. – Сюда, Степан Степаныч!

Степанов протопал к столику. Очень обрадовался.

– А я вас ищу, – сказал он, придавливая к земле стул, – вернее, вашу спутницу. Я уж боялся, что не найду, что мне всё почудилось.

– Вас Малюжкин всё-таки прислал? – спросил утвердительным тоном Стендаль.

– Какой Малюжкин? Ни в коем случае. Он, знаете, резко возражал. Он не осознаёт. Девушка, откуда у вас этот альбом?

– Это мой альбом, – ответила Милица.

Степанов подвинул к себе кружку Стендаля, отхлебнул в волнении.

– А вы знаете, что в нём находится? – спросил Степанов, сощурив и без того маленькие глазки.

– Знаю, мне писали мои друзья и знакомые: Тютчев, Фет, Державин, Сикоморский, Пушкин и ещё один из земской управы.

– Пушкин, говорите? – Степанов был строг и настойчив. – А вы его читали?

– Конечно. У вас, Мишенька, все в редакции такие чудаки?

– Если Степаныч не убедит главного, никто этого не сделает, – сказал Миша, в котором проснулась надежда.

– И не буду, – сказал Степанов. – А вы знаете, девушка, что это стихотворение нигде не публиковалось?

– А как же! – удивилась Милица. – Он же мне сам его написал. Сидел, кусая перо, лохматый такой, я даже смеялась. Я только друзьям показывала.

– Так, – проговорил Степанов задыхаясь, допивая стендалевское пиво. – А если серьёзно? Откуда у вас, девушка, этот альбом?

– Объясни ему, – попросила Милица. – Я больше не могу.

– Альбом – это только малая часть того, что мы пытались втолковать Малюжкину, – начал Стендаль, подвигая к себе кружку Милицы. – Дело не в альбоме.

– Не сходите с ума, – произнёс Степанов, – дело именно в альбоме. Ничего не может быть важнее.

– Степан Степаныч, вы же знаете, как я вас уважаю. Никогда не шутил над вами. Послушайте и не перебивайте. Вы только, пожалуйста, дослушайте, а потом можете звонить, если не поверите, в сумасшедший дом или вызывать «скорую помощь».

Когда Стендаль закончил рассказ о чудесных превращениях, перед ним и Степановым стояла уже целая батарея пустых кружек. Их покупала и приносила Милица, которой скучно было слушать, которая жалела мужчин, была добра и неспесива. Продавщица уже привыкла к ней, отпускала пиво без очереди, и никто из мужчин, стоявших под солнцем, не возражал. И странно было бы, если бы возразил, – ведь раньше никто из них не видал такой красивой девушки.

– А альбом? – спросил Степанов, когда Миша замолчал.

– Альбом заберём в Москву. Как вещественное доказательство. Как только соберём деньги на билеты.

– К Андроникову?

– Там придумаем, может, и к Андроникову.

– Он его получит от меня, – сказал Степанов. – Я еду с вами.

– Как можно? – удивился Стендаль. – Неужели вы нам не верите?

– Я буду предельно откровенен, – ответил Степанов, поглаживая сафьяновый переплёт. – Мне хотелось бы встретиться, чтобы развеять последние сомнения, с Еленой Кастельской. Имею честь быть с ней знакомым в течение трёх десятилетий. Если она ваш рассказ подтвердит, сомнения отпадут.

– Вы её можете не узнать, ей сейчас двадцать лет. Как и мне.

– А я задам ей два-три наводящих вопроса. К примеру, кто, кроме неё, голосовал в прошлом году на депутатской комиссии за ассигнования на реставрацию церкви Серафима. Я тоже не лыком шит.

– Вы голосовали, – сказала Милица. – Пива ещё хотите?

– Я, – сознался Степанов и очень удивился. – Спасибо. Пойдём?

– А не кажется ли вам, – спросил осмелевший и преисполнившийся оптимизмом Стендаль, – что всё это сказочно, невероятно, таинственно и даже подозрительно?

– Послушайте, молодой человек, – ответил с достоинством Степанов, – на моих глазах родились телефон и радио. Я собственными глазами видел фотокопию пушкинского письма, обнаруженного недавно в небольшом городе на Амазонке. Почему я не должен доверять уважаемым людям только потому, что чувства мои и глаза отказываются верить реальности? Человеческие чувства ненадёжны. Ими не постигнешь даже элементарную теорию относительности. Разум же всесилен. Обопрёмся на него, и всё станет на свои места. В таком случае стихотворение получает хоть и необычное, но объяснение, а это лучше, чем ничего.

Глава тридцатая

– Елена Сергеевна, – произнёс от двери Стендаль, пропуская Милицу и Степанова вперёд, – скажите, кто, кроме вас, голосовал в прошлом году на депутатской комиссии за срочные ассигнования на реставрацию церкви Серафима?

– Степанов, – ответила Елена Сергеевна.

– Узнал, – сказал Степанов. – Я бы и без того узнал. Вы вообще мало изменились. Здравствуйте, Елена Сергеевна. Поздравляю с перевоплощением.

– Степан Степанович, как я рада! – воскликнула Елена. – Хоть живая душа. А то мы очутились в каком-то ложном положении.

– По ту сторону добра и зла, – сказал Алмаз Битый с полу.

Он строил вместе с Ваней подвесную дорогу из ниток, спичечных коробков и различных мелких вещей. Ноги Алмаза упирались в стену, ему было неудобно лежать, но иначе не управишься.

Степанов заполнил комнату объёмистым телом, положил на стол альбом.

– Весьма сочувствую, – сказал он. – Только что был свидетелем очередной неудачи наших юных друзей в редакции. Одно дело мечтать о журавле в небе, лёжа на диване, другое – догадаться, что это именно он опустился к тебе на подоконник, и протянуть руку.

– Битый, – представился Алмаз, поднимаясь с пола, как молодой дог: медленно подбирая под себя и распрямляя могучие члены. – Один из виновников происшедшего. Но не раскаиваюсь.

– Как же, как же, – согласился Степанов. – С вашей стороны благородно было поделиться таким интересным секретом.

– Не хотел я сначала, – сказал Алмаз. – Думал, произойдут от этого только неприятности.

– А сейчас? – спросила Елена.

– Сейчас поздно раскаиваться. Но кто мне ответит, нужна ли людям вечная молодость? К ней тоже привыкнуть надо.

– А вы привыкли?

– Не сразу. Настоящая молодость бывает только один раз. Пока ты не знаешь, что последует за ней.

– Это правильно, – согласилась Елена.

– Но ты не расстраивайся, – сказал Алмаз. – Я тебя увезу в Сибирь. Дело найдётся. Вот вы, – обратился он к Степанову, – вы уже всё о наших приключениях знаете, согласились бы сейчас, если бы зелье сохранилось, присоединиться к нам?

– Не знаю, – произнёс медленно Степанов. – Нет, наверное. Меня вполне устраивает мой возраст. Может, только чтобы похудеть немного. Лишний вес мешает.

– Ну, это ничего, – сказал Стендаль. – В Москве устроим вас в Институт питания. Станете Аполлоном. У нас будут большие связи в медицинском мире. И вообще, все великие открытия сначала вызывали возражения, столкновения, споры и так далее. Может быть, в Москве, когда мы явимся с рецептом вечной молодости, хотя и с неполным рецептом, нам не все поверят. И даже те, кто поверит, поверят не сразу.

– Но я же поверил. Больше того, зная о ваших временных финансовых затруднениях, согласен пойти навстречу. Человек я одинокий, и есть у меня кое-какие сбережения. Потом, будете при деньгах, отдадите.

– Вот это правильно, – одобрил Алмаз.

– Степан Степаныч – пушкиновед, – сказал Стендаль. – Он нас признал, когда с альбомом ознакомился.

– Да, я интересуюсь творчеством Александра Сергеевича.

– Милица с ним была знакома, – сказал Алмаз.

– Знаете, как-то трудно поверить, – сознался Степанов. – Хоть я и поверил.

– А мне лично с Пушкиным сталкиваться не приходилось. Хотя был в то время в Петербурге. Я в январе тридцать седьмого возвращался в Россию из Парижа и должен был в Санкт-Петербурге встретить одного человека, передать ему письма и деньги. А человека я того знал ещё с совместного пребывания на Дворцовой площади в двадцать пятом...

– Вы имеете в виду декабрьское восстание? – спросил Степанов.

– Конечно.

– С ума сойти, – сказал Степанов.

Глава тридцать первая

Пока взрослые разговаривали со Степановым, Удалов страдал. Он страдал по утерянной зрелости, страдал от того, что стал сиротой, что никто не принимает его всерьёз, даже те, кто знает о его действительном возрасте и положении. Играть с Ванечкой в мячик и кубики было унизительно и глупо, а когда Алмаз, не желая дурного, походя сунул ему книжку «Серебряные коньки» и сказал: «Почитал бы, Корнелий, чего маешься бездельем?» – Удалов понял, что единственное место на свете, где он может рассчитывать на человеческое участие, – это собственный дом. Но и дома мало шансов на прощение.

С книжкой в руке Удалов вышел во двор. Там стоял самовар, то есть машина господина Бакшта, и из-под неё торчали длинные ноги Саши Грубина, который проверял подвеску. Удалов подошёл к ногам и подумал, что ботинки у Грубина старые, он их видел тысячу раз, а ноги новые. Как будто новый Грубин у старого отобрал ботинки.

– Саша, – позвал Удалов. – Поговорить надо.

Голос его был тонкий, не слушался, и Грубин из-под машины не сразу сообразил, кто его зовёт. Но потом сообразил.

– Сейчас, – сказал он. – Погоди, Корнелий.

Корнелий встал на цыпочки и заглянул внутрь машины.

На красном кожаном сиденье лежал открытый ящик с двумя старинными пистолетами. В Удалове вдруг проснулось желание бабахнуть из пистолета по всем врагам. Он потянулся к пистолету, размышляя, кто у него главный враг, но тут рука Грубина перехватила его пальцы.

– Нельзя тебе, – сказал старый друг Саша. – Мал ещё.

– И ты, Брут?

– Шучу, – спохватился Грубин, хотя, в общем, и не шутил.

– Всё ясно, – сказал Удалов и пошёл прочь.

– Корнелий, ты куда? – крикнул Грубин. – Не делай глупостей!

– Я уже сделал главную глупость. Не бойся.

Его маленькая фигурка скрылась за воротами. Грубин хотел было побежать следом, остановить, может быть, утешить, но вспомнил, что машина ещё не приведена в порядок, и остался.

А Удалов брёл по улице, как старый человек, остановился перед небольшой лужей. Детское тело готово было перепрыгнуть через лужу, но умудрённый долгой жизнью мозг отказал ему в этом. И Удалов осторожно обошёл лужу. Грустные видения вставали перед его мысленным взором. Ему казалось, что он сидит за одной партой с сыном Максимкой и пытается списать из его тетрадки решение задачи, потому что сам давно забыл все правила математики, а сын закрывает тетрадку ладошкой и зло шепчет: «Надо было в своё время учиться». А учительница в образе Елены Сергеевны говорит: «Удалов-младший, выйди из класса и без отца не возвращайся». – «Нет у меня отца, – отвечает Корнелий. – Есть только супруга». И весь класс хохочет.

Нечто знакомое привлекло внимание Удалова. Оказывается, он проходил мимо здания бани, которое возводилось силами его конто-

ры. Над возведением бани трудилась бригада Курзанова и работала с большим отставанием от графика. Удалов поднял голову, рассчитывая увидеть каменщиков, кладущих кирпичи второго этажа, но каменщиков не увидел. Это его встревожило. Обеденный перерыв ещё не наступил. Следовало разобраться.

Удалов обогнул стройку и вошёл во двор, засыпанный стройматериалами.

Он увидел, что вся бригада собралась вокруг большого ящика, на котором разложена газета. Бригадир Курзанов держит в руке карандаш, уткнув его в газету, и руководит разгадыванием кроссворда. Все остальные строители помогают советами.

Эта картина возмутила Удалова. Прижимая ручонками к груди книгу «Серебряные коньки», мальчик подошёл к строителям и строго спросил:

– В чём дело, Курзанов? Почему бригада простаивает?

– А ведь перерыв, – не поднимая головы, ответил бригадир.

– Какой перерыв в одиннадцать тридцать? – рассердился Удалов.

Удивлённый командирскими интонациями в детском голосе, бригадир поднял голову и увидел мальчика.

– Пошёл отсюда, – сказал он добродушно. – Не мешай.

Удалов не сдавался. Он поднял руку вверх, как бы призывая к вниманию, и сказал так:

– Товарищи, неужели вы забыли, что мы с вами принимали повышенные обязательства? Вот ты, Курзанов, бригадир. Как ты посмотришь в глаза общественности, которая доверила тебе возведение очень нужного объекта? А ты, Тюрин? Сколько раз ты клялся на собраниях исправиться и прекратить прогулы? А ты, Вяткин, неужели приятно, что тебя склоняют ввиду твоей лени?

Реакция строителей была острой. Они даже отступили на несколько шагов перед мальчиком, который отчитывал их, размахивая детской книжкой. Особенно смущала информированность ребёнка.

– Мальчик, ты чего? – спросил Курзанов.

– Что, не узнаёшь своего начальника? – Удалов продолжал наступать на строителей. – Думаешь, если я сегодня плохо выгляжу, то, значит, можно лясы точить? Вы учтите, моё терпение лопнуло. Я принимаю меры!

Вот этих, последних слов Удалову, пожалуй, не следовало произносить. Уж очень они не соответствовали его внешнему виду. Кто-то из строителей засмеялся. За ним – другие.

И дальнейшая речь Удалова утонула в хохоте. Хохот был добродушный, не злой.

– Иди, мальчик, – вымолвил наконец Курзанов. – Тебе в школу надо. А ты прогуливаешь.

И только тогда Удалов как бы взглянул на себя со стороны и понял, что никогда ему не доказать этим лентяям, что он их начальник. Но отступать было нельзя – стройка находилась под угрозой срыва. И когда строители, всё ещё посмеиваясь, вернулись к разгадыванию кроссворда, Удалов понял, что надо делать. Он решительно поднялся по лесам на второй этаж, нашёл там ведро с раствором, мастерок и принялся сам класть кирпичи в стену.

Руки ему не повиновались, кирпичи казались тяжёлыми, как будто были отлиты из свинца, трудно было набрать и донести до стены сколько нужно густого раствора. Но кирпич за кирпичом ложился на место – недаром в молодости Удалов поработал каменщиком.

Строители всё это видели. Но сначала они лишь улыбались, хотя сноровка мальчика их удивляла.

Но прошло пять минут, десять. Пошатываясь от усталости, обливаясь слезами, мальчик продолжал класть кирпичи.

– Психованный какой-то, – проговорил наконец Тюрин.

– Что-то он мне знакомый, – сказал бригадир.

– А может, это удаловский сын? – спросил Вяткин. – Максимка?

– Похож, – согласился Тюрин. – Вот и про нас всё знает.

– Может, пойдём поработаем? – предложил Вяткин.

– И вообще, сколько можно прохлаждаться? – разгневался бригадир Курзанов. – Мы же обязательства давали как-никак.

И он первым поднялся на леса, подхватил под локотки безнадёжно уморившегося Удалова и отставил в сторону.

И через минуту уже кипела работа.

Все забыли о настырном мальчике.

Удалов подобрал книжку и потихоньку ушёл.

Конечно, плохо быть мальчиком, но всё же он победил целую бригаду и личным примером показал им путь. Главное – решительность. Она должна помочь и в разговоре с Ксенией.

Глава тридцать вторая

Подобное же испытание в эти минуты выпало на долю Ванды Казимировны.

Она подошла к универмагу в тот момент, когда перед ним разгружали машину.

– Что привезли? – спросила она у шофёра.

– Детскую обувь, – ответил шофёр, любуясь крепконогой красивой девушкой в очень свободном платье. – А ты здесь работаешь, что ли?

– Работаю, – подтвердила девушка и направилась к главному входу.

Этого шофёра Ванда знала, он приезжал в универмаг лет пять. И вот не узнал.

С каждым шагом настроение её портилось. Магазин, такой родной и знакомый, куда более важный, чем дом, магазин, с которым связаны многие годы жизни, трагедии и достижения, опасности и праздники, именно её трудом ставший лучшим универмагом в области, – этот магазин Ванду не замечал.

Она шла торговым залом, огибая очереди и останавливаясь у прилавков. Она знала каждого из продавцов, кто замужем, а кто одинок, кто честен, а кто требует надзора, кто работящ, а кто уклоняется от труда, у кого язва, а у кого ребёнок на пятидневке. И все эти люди, что вчера ещё радостно или боязливо раскланивались с Вандой, теперь скользили по ней равнодушными взглядами, как по обыкновенной покупательнице. Магазин её предал! Уходя от Елены, когда там шёл разговор со Степановым, Ванда сказала мужу, что пойдёт домой, соберётся в дорогу. Савича она с собой звать не стала, а он и не напрашивался. Ему сладко и горько было оставаться рядом с Еленой. Ему казалось, что ещё не всё кончено, надо найти нужное слово и сказать его в нужный момент. Ванда же, стремясь скорее в универмаг, была убеждена, что ни нужного момента, ни нужного слова не будет. Так что уходила почти спокойно. Цель её была проста – зайти к себе в кабинет, взять сберкнижку из сейфа, снять с неё деньги, чтобы в Москве не было недостатка. И если будет возможность, оформить отпуск за свой счёт.

Сложность и даже безнадёжность её положения стали очевидными только в самом магазине. Когда оказалось, что её не узнала ни одна живая душа. Это было более чем обидно. Именно в этот момент в голове Ванды Казимировны впервые прозвучала мысль, которая бу-

дет мучить её в следующие часы: «И зачем мне нужна эта молодость? Жили без неё».

Вопрос об отпуске за свой счёт уже не стоял. Оставалось одно: проникнуть в собственный кабинет и изъять сберегательную книжку.

Пришлось хитрить. Ванда смело зашла за прилавок галантерейного отдела, и, когда её остановила Вера Пушкина, она сказала ей: «Я к Ванде Казимировне». Мимо склада и женского туалета Ванда поднялась в коридорчик, где были бухгалтерия и её кабинет. К счастью, кабинет был пуст. И открыт.

Ванда быстро прошла в угол, за стол, вынула из сумочки ключи и в волнении – ведь не каждый день приходится тайком вскрывать свой собственный сейф – не сразу нашла нужный. И в тот момент, когда ключ послушно повернулся в замке, Ванда услышала рядом голос:

– Ты что здесь делаешь?

Испуганно обернувшись, Ванда увидела, что над ней нависает громоздкое тело Риммы Сарафановой – её заместительницы.

– Сейф открыла, – глупо ответила Ванда.

– Вижу, что открыла, – сказала Римма, перекрывая телом пути отступления. – Давай сюда ключи.

– Ты что, не узнала? – спросила Ванда, беря себя в руки.

– Кого же я должна узнать?

– Так я же Ванда, Ванда Казимировна. Твоя директорша.

– Ты Иван Грозный, – сказала Римма. – И ещё Бриджит Бардо.

– Ну как же! – в отчаянии сопротивлялась Ванда. – Платье моё?

– Твоё.

– И туфли мои?

Римма посмотрела вниз.

– Вроде твои.

– Кольцо моё? – Она сунула под нос Римме руку.

Кольцо еле держалось на пальце.

– Кольцо её, – сказала Римма. – Тебе велико.

– Я и есть Ванда. Глаза мои?

– Не скажу, – ответила Римма. – Я сейчас милицию вызову. Она и разберётся, чьи глаза.

– Римма, девочка, я же всё про тебя знаю. И про Васю. И где ты дачу строишь. Хочешь скажу, какие у тебя шторы в большой комнате?

– Ключи, – повторила железным голосом Римма.

Ванда была вынуждена сдать ключи. Но сама ещё не сдалась.

– Омолаживалась я, – сказала она, чуть не плача. – Опыт такой был. И Никитушка мой омолодился. Со временем и тебе устроим.

Римма была в сомнении – уж очень ситуация была необычной. В самом деле, платье Вандино и глаза вроде бы Вандины, а в остальном – авантюристка. Римма привыкла верить своим глазам, они её ещё никогда не обманывали. И хоть эта девушка напоминала Ванду, Вандой она не была.

Ванда в отчаянии подыскивала аргументы, хотела было показать паспорт, но сообразила, что паспорт будет козырем против неё. Там есть год рождения и фотокарточка, которая ничего общего с ней не имеет.

Тут её осенила светлая мысль.

– Простите, Римма Ивановна. Я вас обманула.

– И без тебя знаю.

– Я племянница Ванды Казимировны. Я из Вологды приехала.

– А Ванда где?

– А Ванда болеет. Грипп у неё.

– Дома лежит? – спросила Римма и потянулась к телефонной трубке.

– Нет, – быстро сказала Ванда. – Тётя в поликлинику пошла.

– В какую?

– В третью.

– К какому доктору?

– Семичастной.

– В какой кабинет?

– В шестой.

– А откуда ты знаешь кабинет, если из Вологды приехала?

Ванда поняла, что терпение Риммы истощилось. Никакой надежды получить обратно ключи и сберкнижку нет. Оставалось одно – бежать.

– А вот и тётя! – закричала она, глядя поверх плеча Риммы.

Та непроизвольно оглянулась.

Ванда нырнула ей под руку и кинулась наружу. Кубарем слетела по служебной лестнице во двор. Выбежала двором в садик и спряталась за церковью Параскевы Пятницы. Только там отдышалась.

Всё погибло. Даже домой опасно возвращаться. Римма может и милицию вызвать, сказав, что какая-то авантюристка обокрала Ванду

Казимировну, сняла с неё кольцо и старалась вскрыть сейф. С Риммы станется. Хотя за что Римму винить? Она же Вандины интересы охраняет.

Ванда Казимировна стояла в кустах, где недавно Удалов напал на своего сына Максимку, и горько рыдала. Много лет так не рыдала.

– Господи, – повторяла она. – Зачем мне эта молодость? В свой кабинет зайти нельзя! Подчинённые не узнают.

Она ещё долго стояла там, тщетно придумывая, как ей перехитрить Римму. Но ничего не придумала. И пошла дворами и переулками к Елене, потому что помнила – Савич оставлен там без присмотра.

Глава тридцать третья

Солнце клонилось к закату, тени стали длиннее, под кустом сирени собрались, как всегда, любители поиграть в домино.

Во двор вошёл мальчик с книжкой «Серебряные коньки» в руке. Мальчик был печален и даже испуган. Он нерешительно остановился посреди двора и стал глядеть наверх, где были окна квартиры Удаловых.

В этот самый момент кто-то из играющих в домино спросил громко:

– Как там, Ксения? Не нашёлся ещё твой?

Из открытого окна на втором этаже женский голос произнёс сурово и холодно:

– Пусть только попробует явиться! За всё ответит. Его ко мне с милицией приведут. Лейтенант такой симпатичный, лично обещал.

– Ксения! Ксюша! – позвал Удалов, остановившись посреди двора.

Доминошники прервали стук. Из окна напротив женский голос помог Удалову:

– Ксения, тебя мальчонка спрашивает. Может, новости какие?

– Ксения! – рявкнул один из игроков. – Выгляни в окошко.

– Ксюша, – мягко сказал Удалов, увидев в окне родное лицо. – Я вернулся.

– Что тебе? – спросила Ксения взволнованно.

– Я вернулся, Ксения, – повторил Удалов. – Я к тебе совсем вернулся. Ты меня пустишь?

Доминошники засмеялись.

– Ты от Корнелия? – спросила Ксения.

– Я не от Корнелия, – сказал мальчик. – Я и есть Корнелий. Ты меня не узнаёшь?

– Он! – закричал другой мальчишеский голос. Это высунувшийся в окно Максимка, сын Удалова, узнал утреннего грабителя. – Он меня раздел! Мама, зови милицию!

– Хулиганьё! – возмутилась Ксения. – Сейчас я спущусь.

– Я не виноват, – сказал Корнелий и не смог удержать слёз. – Меня помимо моей воли. Я свидетелей приведу.

– Смотри-ка, как на Максимку твоего похож, – удивился один из доминошников. – Как две капли воды.

– И правда, – подтвердила женщина с того конца двора.

– Я же муж твой, Корнелий! – плакал мальчик. – Я только в таком виде не по своей воле.

Корнелий двинулся было к дому, чтобы подняться по лестнице и принять наказание у своих дверей, но непочтительные возгласы сзади, смех из раскрытых окон – всё это заставило задержаться. Мальчик взмолился:

– Вы не смейтесь. У меня драма. У меня сын старше меня самого. Это ничего, что я внешне изменился. Я с тобой, Ложкин, позавчера «козла» забивал. Ты ещё три «рыбы» подряд сделал. Так ведь?

– Сделал, – сказал сосед. – А ты откуда знаешь?

– Как же мне не знать? Я же с тобой в паре играл. Против Васи и Каца. Его нет сегодня. Это всё медицина. Надо мной опыт произвели, с моего, правда, согласия, и может, даже очень нужный для науки, а у меня семья.

Ксения тем временем спустилась во двор. В руке она держала плетёную выбивалку для ковров. Максимка шёл сзади с сачком.

– А ну-ка, – велела она, – подойди поближе.

Корнелий опустил голову, приподнял повыше узкие плечики. Подошёл. Ксения схватила мальчишку за ворот рубашки, быстрым, привычным движением расстегнула лямки, спустила штанишки и, приподняв ребёнка в воздух, звучно шлёпнула его выбивалкой.

– Ой! – вскрикнул Корнелий.

– Погодила бы, – сказал Ложкин. – Может, и в самом деле наука!

– Он самый! – радовался Максимка. – Так его!..

Неожиданно рука Ксении, занесённая для следующего удара, замерла на полпути. Изумление её было столь очевидно, что двор за-

мер. На спине мальчика находилась большая, в форме человеческого сердца, коричневая родинка.

– Что это? – спросила Ксения тихо.

Корнелий попытался в висячем положении повернуть голову таким образом, чтобы увидеть собственную спину.

– Люди добрые, – сказала Ксения, – клянусь здоровьем моего сыночка, у Корнелия на этом самом месте эта самая родинка находилась.

– Я и говорю, – раздался в мёртвой тишине голос Ложкина, – прежде чем бить, надо проверить.

– Ксения, присмотрись, – сказала женщина с другой стороны двора. – Человек переживает. Он ведь у тебя невезучий.

Корнелий, переживавший позор и боль, обмяк на руках Ксении, заплакал горько и безутешно. Ксения подхватила его другой рукой, прижала к груди – почувствовала родное – и быстро пошла к дому.

Глава тридцать четвертая

Савич истомился. Он то выходил во двор, к Грубину, который возился с автомобилем, то возвращался в дом, где было много шумных людей, все разговаривали, и никому не было дела до Савича. Он вдруг понял, что двигается по дому и двору не случайно – старается оказаться там, где Елена может уединиться с Алмазом. Её очевидная расположенность к Битому и его откровенные ухаживания всё более наполняли Савича справедливым негодованием. Он видел, что Елена, ради которой он пошёл на такую жертву, в самом деле не обращает на него никакого внимания, а старается общаться с бывшим стариком. И это когда он, Савич, почти готов ради неё разрушить свою семью.

Поэтому, когда Савич в своём круговращении в очередной раз подошёл к комнате, где Елена собиралась в дорогу, он застал там Алмаза, обогнавшего его на две минуты. И, остановившись за приоткрытой дверью, услышал, как Алмаз говорит:

– Хочу сообщить тебе, Елена Сергеевна, важную новость. Не помешаю?

– Нет, – ответила Елена. – Я же не спешу.

– Триста лет я прожил на свете, – сказал бывший старик, – и все триста лет искал одну женщину, ту самую, которую полюблю с первого взгляда и навсегда.

– И нашли Милицу, – добавила Елена.

И хоть Савич не видел её, он уловил в голосе след улыбки.

– Милица – моя старая приятельница. Она не в счёт. Я о тебе говорю.

– Вы меня знаете несколько часов.

– Больше. Я уже вчера вечером всё понял. Помнишь, как уговаривал тебя выпить зелья. Если бы дальше отказывалась, силком бы влил.

– Вы хотите сказать, что в пожилой женщине...

– Это и хотел сказать. И второе. Я тебя в Сибирь увезу. Если хочешь, и Ванечку возьмём.

– А что я там буду делать?

– Что хочешь. Детей учить. В музей пойдёшь, в клуб – мало ли работы для молодой культурной девицы?

– Это шутка? – вдруг голос Елены дрогнул.

Савич весь подобрался, как тигр перед прыжком.

– Это правда, Елена, – сказал Алмаз.

В комнате произошло какое-то движение, шорох.

И Савич влетел в комнату.

Он увидел, что Елена стоит, прижавшись к Алмазу, почти пропав в его громадных руках. И даже не вырывается.

– Прекратите! – закричал Савич. И голос его сорвался. Он закашлялся.

Елена сняла с плеч руки Алмаза, тот обернулся удивлённо.

– Никита, – удивилась Елена. – Что с тобой?

– Ты изменила! – сказал Никита. – Ты изменила нашим словам и клятвам. Тебе нет прощения.

– Клятвам сорокалетней давности? От которых ты сам отказался?

– Я ради тебя пошёл на всё! Буквально на всё! Я не позволю этому случиться. Приезжает неизвестный авантюрист и тут же толкает тебя к сожительству.

– Ну зачем ты так, аптека? – сказал Алмаз. – Я замуж зову, а не к сожительству.

– Будьте вы прокляты! – с этим криком Савич выбежал из комнаты и кинулся во двор.

Он должен был что-то немедленно сделать. Убить этого негодяя, взорвать дом, может, даже покончить с собой. Весь стыд, вся растерянность прошедших часов слились в этой вспышке гнева.

– Ты что, Никита? – спросил Грубин, разводивший в машине пары. – Какая муха тебя укусила?

– Они! – Савич наконец-то отыскал человека, который его выслушает. – Они за моей спиной вступили в сговор!

– Кто вступил?

– Елена мне изменяет с Алмазом. Он зовёт её в Сибирь! Это выше моих сил.

– А ты что, с Еленой хотел в Сибирь ехать? – не понял Грубин.

– Я ради неё пошёл на всё! Чтобы исправить прошлое! Ты понимаешь?

– Ничего не понимаю, – сказал Грубин. – А как же Ванда Казимировна?

– Кто?

– Жена твоя, Ванда.

– А она тут при чём? – возмутился Савич.

Взгляд его упал на открытый ящик с пистолетами. И его осенила мысль.

– Только кровью, – сказал он тихо.

– Савич, успокойся, – велел Грубин. – Ты не волнуйся.

Но Савич уже достал из машины ящик и прижал его к груди.

– Нас рассудит пуля, – произнёс он.

– Положи на место! – крикнул Грубин. В этот момент из дома вышел Алмаз. За ним – Елена. Неожиданное бегство Савича их встревожило. Никита увидел Алмаза и быстро пошёл к нему, держа ящик с пистолетами на вытянутых руках.

– Один из нас должен погибнуть, – сообщил он Алмазу.

– Стреляться, что ли, вздумал? – спросил Алмаз.

– Вот именно.

– Не сходи с ума, Никита, – сказала Елена учительским голосом.

– Ой, как интересно! – Как назло, во двор выбежали Милица с Шурочкой. – Настоящая дуэль. Господа, я буду вашим секундантом.

Милица подбежала к Савичу, вынула один из пистолетов и протянула его Алмазу.

– Они же убьют друг друга! – испугалась Шурочка.

– Не бойся, – засмеялась Милица, – пистолетам по сто лет. Они не заряжены.

– Ну что, трепещешь? – спросил Савич.

– Чего трепетать. – Алмаз взял пистолет. – Если хочешь в игрушки играть, я не возражаю. Давненько я на дуэли не дрался.

– Вы дрались на дуэли? – спросила Елена.

– Из-за женщины – в первый раз.

Милица развела дуэлянтов в концы двора и вынула белый платочек.

– Когда я махну, стреляйте, – распорядилась она.

– Это глупо, – сказала Елена Алмазу. – Это мальчишество.

– Он не отвяжется, – ответил Алмаз тихо.

Савич сжимал округлую, хищную рукоять пистолета.

Всё было кончено. Чёрная речка, снег, секунданты в чёрных плащах.

– Ну, господа, господа, не отвлекайтесь, – потребовала Милица и махнула платком.

Алмаз поднял руку и нажал курок, держа пистолет дулом к небу – не хотел рисковать. Курок сухо щёлкнул.

– Ну вот, что я говорила! – воскликнула Милица. – Никто не пострадал.

– Мой выстрел, – напряжённо произнёс Савич.

Он целился, и рука его мелко дрожала. Нажать на курок было трудно, курок не поддавался.

Наконец Савич справился с упрямым курком. Тот поддался под пальцем, и раздался оглушительный выстрел. Пистолет дёрнулся в руке так, словно хотел вырваться. И серый дым на мгновение закрыл от Савича его врага.

И Савичу стало плохо. Весь мир закружился перед его глазами.

Поехал в сторону дом, трава медленно двинулась навстречу. Савич упал во весь рост. Пистолет отлетел на несколько шагов в сторону.

Алмаз стоял, как прежде, не скрывая удивления.

– Надо же, – удивился он. – Сто лет пуля пролежала.

Елена кинулась к нему.

– Антон Павлович Чехов говорил мне, – сказала Милица, вытирая лоб белым платочком, – что если в первом действии на стене висит ружьё...

Но договорить она не успела, потому что во двор вбежала Ванда и, увидев, что Савич лежит на земле, быстрее всех успела к нему, подняла его голову, положила себе на колени и принялась баюкать мужа, как маленького, повторяя:

– Что же они с тобой сделали? Мы их накажем, мы на них управу найдём.

Савич открыл глаза. Ему было стыдно. Он сказал:

– Я не хотел, Вандочка.

– Я знаю, лежи.

И тут появилась ещё одна пара. Ксения тяжело вошла в ворота, неся на руках Корнелия Удалова.

– Что же это получается? – спросила она. – Где это видано?

Удалов тихо хныкал.

– Помирились? – спросил Грубин.

– По детям стреляют. Куда это годится? – сказала Ксения. – Глядите. Отсюда пуля прилетела. Штаны разорваны. На теле ранение.

Все сбежались к Удалову. Штаны в самом деле были разорваны, и на теле был небольшой синяк.

Ксения поставила Удалова на траву и принялась всем показывать круглую пулю, которая ударилась в Удалова на излёте.

– Ну и невезучий ты у нас, – произнёс Грубин.

Удалов отошёл в сторону, а Ксения, отбросив пулю, вспомнила, зачем пришла.

– Кто у вас главный? – спросила она.

– Можно считать меня главным, – сказал Алмаз.

– Так вот, гражданин, – заявила Ксения. – Берите нас в Москву. Чтобы от молодости вылечили. Была я замужней женщиной, а вы меня сделали матерью-одиночкой с двумя детьми. С этим надо кончать.

Глава тридцать пятая

Шурочка и Стендаль проводили машину до ворот. Они бы поехали вместе со всеми, но машина была так перегружена, что Грубин боялся, она не доедет до станции. И без того, помимо помолодевших, в ней поместились два новичка – Ксения и Степан Степанович, люди крупные, грузные.

Грубин вёл автомобиль осторожно, медленно, так что мальчишки, которые бежали рядом, смогли сопровождать его до самой окраины. Люди на улицах смотрели на машину с улыбками, считали, что снимается кино, и даже узнавали в своих бывших горожанах известных киноартистов. Машину увидел из своего окна и редактор Малюж-

кин. Он узнал среди пассажиров Милицу и Степанова, открыл окно и крикнул Степанову, чтобы тот возвращался на работу.

– Считайте меня в командировке, – ответил Степанов.

Малюжкин обиделся на сотрудника и захлопнул окно. Его никто не понимал.

Уже начало темнеть, когда машина въехала в лес. Разговаривали мало, все устали и не выспались. Удалов задремал на коленях у жены.

Лёгкий туман поднялся с земли и светлыми полосами переползал дорогу. Фары в машине оказались слабыми, они не могли пронзить туман и лишь высвечивали на нём золотистые пятна. Уютно пыхтел паровой котёл, и дым из трубы тянулся за машиной, смешиваясь с туманом.

Лес был тих и загадочен. Даже птицы молчали. И вдруг сверху, из-за вершин елей, на землю опустился зелёный луч. Он был ярок и тревожен. В том месте, где он ушёл в туман, возникло зелёное сияние.

– Стой, – сказал Алмаз.

Грубин затормозил.

– Чего встали? – спросила Ванда. – Уже сломалась?

Но тут и она увидела зелёное сияние и осеклась.

В центре сияния материализовалось нечто тёмное, продолговатое, словно веретено. Веретено крутилось, замедляя вращение, пока не превратилось в существо, схожее с человеком, хрупкое, тонкое, одетое в неземную одежду.

Существо подняло руку, как бы призывая к молчанию, и начало говорить, причём не видно было, чтобы у существа шевелились губы. Тем не менее каждое его слово явственно доносилось до всех пассажиров автомобиля.

– Алмаз, ты узнаёшь меня? – спросило существо.

– Здравствуй, пришелец, – сказал Алмаз. – Вот мы и встретились.

– Я бы не хотел с тобой встречаться, – ответил пришелец.

Ксения привстала на сиденье и, не выпуская из рук Удалова, обратилась к пришельцу:

– Мужчина, отойдите с дороги. Мы спешим, нам вот в Москву надо, от молодости лечиться.

– Знаю, – сказал пришелец. – Молчи, женщина.

И в голосе его была такая власть, что даже Ксения, которая мало кому подчинялась, замолчала.

– Ты нарушил соглашение, – произнёс пришелец, обращаясь к Алмазу. – Ты помнишь условие?

– Помню. Я хотел жить. И пожалел этих людей. Они были немолоды, и им грозила смерть.

– Когда ты поделился средством с Милицей, – сказал пришелец, – я не стал принимать мер. Но сегодня ты открыл тайну многим. И вынудил меня отнять у тебя дар.

– Я понимаю. Но прошу тебя о милости. Погляди на Милицу, она молода и прекрасна. И если ты лишишь её молодости, она завтра умрёт. Погляди на Елену – мы с ней хотели счастья. Погляди на Грубина, он же может стать учёным.

– Хватит, – прервал его пришелец. – Ты зря стараешься вызвать во мне жалость. Я справедлив. Я дал тебе дар, чтобы ты пользовался им один. Земле ещё рано знать о бессмертии. Земля ещё не готова к этому. Люди сами должны дойти до такого открытия.

– Не о себе прошу... – начал было Алмаз, вылезая из машины и делая шаг к пришельцу.

Но тот не слушал. Он развёл в стороны руки, в которых заблестели какие-то шарики, и от них во все стороны побежали молниевые дорожки. В воздухе запахло грозой, и зелёный туман, заклубившись, поднявшись до вершин деревьев, окутал машину и Алмаза, замершего перед ней.

Грубин, уже догадавшись, что произошло, успел лишь поднять глаза к Милице, что стояла за его спиной, и встретить её ясный взгляд, полный смертельной тоски. И протянул к ней руку. А Алмаз, который хотел в этот последний момент быть рядом с Еленой, сделать этого не успел, потому что странная слабость овладела им и заставила опуститься на землю.

Было очень тихо.

Зелёный туман смешался с белым и уполз в лес.

Постепенно в сумерках голубым саркофагом вновь образовался автомобиль, и в нём, склонившись друг к другу, сидели и лежали бесчувственные люди.

– Как грустно быть справедливым, – произнёс пришелец на своём языке, подходя к машине.

Он увидел толстую пожилую женщину, Ксению Удалову, которая держала на коленях курносого полного мужчину её лет. Он вгляделся

во властное и резкое лицо другой немолодой женщины, Ванды Казимировны, которая даже в беспамятстве крепко обнимала лысого рыхлого Савича. Степан Степаныч, разумеется, не изменился. Он сидел на заднем сиденье, закрыв глаза и прижимая к груди бесценный альбом с автографом Пушкина.

И вдруг пришелец ахнул.

Он протёр глаза. Он им не поверил.

За рулём машины сидел, положив на него голову, курчавый юноша Саша Грубин. И, протянув к нему тонкую руку, легко дышала прекрасная персидская княжна.

Взгляд пришельца метнулся дальше.

Елена Сергеевна была так же молода, как десять минут назад.

– Этого не может быть, – произнёс пришелец. – Это невозможно.

– Возможно, – ответил Алмаз, который первым пришёл в себя и подошёл сзади. Он тоже был молод и уже весел. – Есть, видать, вещи, которые не поддаются твоей инопланетной науке.

– Но почему? Как?

– Могу предположить, – сказал Алмаз. – Бывают люди, которым молодость не нужна. Ни к чему она им, они уже с юных лет внутри состарились. И нечего им со второй молодостью делать. А другие... другие всегда молоды, сколько бы лет ни прожили.

Люди в машине приходили в себя, открывали глаза. Первым опомнился Удалов. Он сразу увидал, что его детский костюмчик разорвался на животе в момент возвращения в прежний облик. Он провёл рукой по толстым щекам, лысине и затем громко поцеловал в щёку свою жену.

– Вставай, Ксюша! – воскликнул он. – Обошлось!

Эти слова разбудили Савичей.

Ванда принялась радостно гладить Никиту, а тот глядел на жену и думал: «Как дурной сон, буквально дурной сон».

– Ничего, Саша, – проговорил Удалов, протягивая руку, чтобы утешить Грубина. – Обойдёмся и без этих инопланетных штучек.

Очнувшийся Грубин, смертельно подавленный разочарованием, обернулся к Удалову, и тот, увидев перед собой юное лицо старого друга, вдруг закричал:

– Ты что, Грубин, с ума сошёл?

Но Грубин на него не смотрел, он искал глазами Милицу, боясь её найти. И нашёл.

А Милица, встретив восторженный взгляд Грубина, поглядела на свои руки и, когда поняла, что они молоды и нежны, закрыла ими лицо и зарыдала от счастья.

– Вылезай, Елена, – сказал Алмаз, помогая Елене выйти из машины. – Хочу познакомить тебя со старым другом. Помнишь, я тебе рассказывал, как мы из тюрьмы бежали?

– Очень приятно, – сказал пришелец, который всё ещё не мог пережить своего поражения. – Я думаю, вы собираетесь создать семью?

– Не знаю. – Елена посмотрела на Алмаза, а тот произнёс уверенно:

– В ближайшие дни.

И тут они услышали возмущённый крик Савича:

– Что же получается? Все остались молодыми, а я должен стать старым. Это несправедливо! Я всю жизнь хотел стать молодым! Я имею такое же право на молодость, как и остальные.

– Пойдём, мой зайчик, пойдём, – повторяла Ванда, стараясь увести его прочь. – Это у тебя нервное, это пройдёт.

– Пошли, соседи, – предложил Удалов. – А то дотемна в город не успеем вернуться.

– Елена, – рыдал Савич, – все эти годы я тебя безответно любил!

– Ты мне только попробуй при живой жене! – Ванда сильно дёрнула его за руку, и Савич был вынужден отойти от машины.

– Извините, – сказал пришелец. – Я полетел.

– До встречи, – попрощался Алмаз.

Пришелец превратился в зелёное сияние, потом в луч. И исчез.

Елена посмотрела вслед уходящим к городу. Савич всё оглядывался, норовил вернуться. Удаловы шли спокойно, обнявшись.

– Ну что ж, – сказал Алмаз, – по местам! А то к поезду не успеем.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Вступление к 12 тому серии «Взрослая фантастика». Возвращение в Гусляр. – М.: «Хронос», 1996. Полное собрание сочинений Булычева.

ВСТУПЛЕНИЕ

Судьба рассказов, включенных в эту книгу, весьма различна, и о некоторых я хотел бы сказать несколько слов.

Один из первых рассказов, если не первый, где появляется профессор Лев Христофорович Минц, назывался «Разлюбите Ложкина!». К сожалению, рассказ не был напечатан, и за прошедшие годы я о нем забыл. И вот при большой разборке старых бумаг я наткнулся на странно знакомые странички. Я продолжал раскопки подобно антропологу Лики, отыскавшему коренной зуб обезьяночеловека, и нашел еще две страницы. Затем, также в лучших традициях антропологии, я начал восстанавливать животное по черепу, вписывать недостающие страницы, стараясь вспомнить, что было там написано. Так что один из рассказов этой книги – реконструкция.

Примерно к тому же периоду относится также не опубликованный ранее рассказ «Съедобные тигры». Он мне попался целиком, и я вспомнил, как пытался опубликовать его в начале и середине 70-х годов, а мне возвращали рукопись с жестоким приговором: «Это не социалистический реализм. Мы не публикуем рассказов о людоедстве». Честное слово, так и было. Сделав круг по немногочисленным изданиям, которые меня печатали, рассказ вернулся домой.

И третий рассказ, также не увидевший в свое время света, – это «Возвышение Удалова».

Я тогда не работал в кино, но попробовал написать его в форме литературного сценария, не зная еще, как это делается, хотя представлял я его себе как кинофильм. Может, поэтому я не настаивал на его публикации. А те люди, которым я его показал, объяснили мне, что «Возвышение Удалова» не имеет отношения к фантастике, так как является на деле сатирой на нашу светлую действительность. Может быть. Но ведь сатира – составляющая часть фантастики.

Все остальные рассказы были напечатаны в различных журналах или газетах, и некоторые, за неимением экземпляров дома, нам с издателями пришлось разыскивать по подшивкам в библиотеках. Кстати,

среди них и единственный приснившийся мне рассказ «По примеру Бомбара». Я его увидел во сне относительно к себе самому и вполне натурально.

Готовя сборник к изданию, я практически не правил рассказы, за исключением случаев, когда мне встречались очевидные ошибки или анахронизмы.

К сожалению, нескольких рассказов я отыскать не смог. Помню название «Подледный лов крокодилов на озере Копенгаген». Помню даже финал рассказа – как гуслярцы возвращаются домой в междугородном автобусе, а крокодилы шевелятся в мешках и сетках. Помню еще рассказ о том, как профессор Минц изобрел универсальные лекарства, каждое из которых помогало от всех болезней, начинающихся на ту или иную букву. Например, было лекарство от бронхита, безумства, бруцеллеза, бубонной чумы и так далее. Рассказ кончался трагически. А чего еще можно было от такого рассказа ожидать?

Так что если вы у себя на сеновале или в сундуке отыщете какой-либо из моих утерянных рассказов, верните их по моему адресу.

Еще одно предупреждение: рассказы написаны с большими промежутками, без внутренней связи. Порой герои стареют, заводят внуков, а иногда игнорируют бег времени. Так что я расположил рассказы в этом сборнике не по хронологии написания, а по внутреннему смыслу...

ТИТАНИЧЕСКОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Последняя по времени серия гуслярских историй была написана в 1988 году, за относительно короткое время, и в них изменилось не только настроение, но даже и адрес изданий, для которых они предназначались.

Как и положено добропорядочному фантасту, я всю жизнь печатался в тонких научно-популярных изданиях и журналах, а мои возможности определялись зачастую вкусами милейших людей, которые в этих журналах работали, а также их пристрастиями или беспристрастностью. Прорыв гласности заставил меня (и весь Гусляр) двинуться на освоение новых полей деятельности. Новые же поля деятельности также оказывались открытыми для фантастики. Так что гуслярские истории последних лет переместились на страницы газет.

Преимущество этих рассказов над теми, что печатались в течение двадцати предыдущих лет, заключается в их гражданственности. Не-

достаток в том, что фантастика в них отступает на второй план перед фельетонной (в широком смысле этого слова) тематикой.

Любители фантастики чаще всего были этим недовольны и в очередной раз во мне разочаровывались. Мне пришлось выслушать жестокую критику в адрес рассказа «Звездное небо», в котором из политических соображений на какой-то отдаленной планете решено считать небо твердым и потому властителя планеты – уникальным. Критики уловили сходство персонажа рассказа с академиком Лысенко и правильно сделали. Меня же интересовало не сходство и не различие, а проблема отношений власти и людей науки.

Далеко не все рассказы последних лет я осмелился включить в этот сборник, но познакомить читателя с их образцами было интересно. В конце концов, Великий Гусляр расположен не в созвездии Кита, а в Вологодской области, так что перестройка на него распространяется, а заботы гуслярцев мало чем отличаются от наших с вами забот. Тем более теперь летающие тарелочки стали приземляться не только в Великом Гусляре, но даже в Воронеже. А завтра их станет больше. Чем хуже с колбасой, тем лучше с мистикой и тарелочками, как частным ее выражением.

СОБЛАЗН

Инопланетяне появлялись в Гусляре неисчислимое множество раз. Все к ним привыкли, и, возможно, в далеком космосе уже тоже привыкли, что на Земле есть Великий Гусляр, открытки с его видами продаются на Альдебаране, хотя о Москве там и представления не имеют.

Отношения с инопланетянами в Гусляре были различными, но редко конфликтными. Чаще мы им помогали, изредка они нам помогали. До какой-то степени это происходило от того, что в годы «раннего Гусляра» иные отношения советских людей с инопланетянами считались негуманными и недопустимыми.

Однако теперь времена изменились, и мы с вами можем допустить, что среди инопланетян есть отдельные неблагородные существа. Инопланетянин Коко, действующий в этом рассказе, относится к такой вот малой доле инопланетян. Создавая бессмертный образ космического провокатора, я руководствовался заботой о будущем Земли – надо же предупредить наивного и доверчивого землянина, что

он постоянно рискует подвергнуться какой-то форме инопланетного порабощения. Перспективы дружеских встреч и жарких объятий с братьями по разуму маловероятны. Если я иду по лесу и наступаю на муравейник, я вряд ли догадываюсь, что погубил лучших его представителей. А существа, пересекшие Галактику, чтобы попасть на Землю, – неужели они ближе к нам, чем мы к муравьям?

Так что Коко – еще не худший из пришельцев.

О ЛЮБВИ К БЕССЛОВЕСНЫМ ТВАРЯМ

Для меня интересен вопрос о границах фантастики. Я их понимаю широко и вижу фантастику порой там, где ее видеть и не принято. Для меня вся литература мира делится на две равные по масштабам категории – литература реалистическая и литература фантастическая. Фантастика не жанр, не подвид литературы – это мировоззрение. Так что мне кажется допустимым фантастическое произведение, в котором либо ничего фантастического не произошло, либо это фантастическое может быть объяснено, при желании, вполне обыденными причинами. Мастером такой фантастики был Александр Грин. Большинство его новелл для меня пограничные явления – фантастики там нет, но фантастическое отношение к миру наличествует.

Мне кажется важным и интересным определить тонкую ниточку границы между реальностью и фантастикой как момент пробуждения, когда сон еще продолжается, еще сюжет его развивается и требует твоего в нем участия, и в то же время обыденность вторгается в сон звуками и самим приближением, и ты понимаешь – сон уже достиг предела.

Никакой фантастики в рассказе нет. И вернее всего, бегемот в самом деле сбежал из цирка. Но мне хотелось, чтобы фантастика проявлялась не в сюжете, а глубже, в ощущении.

РАЙОННЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ ПО ДОМИНО

Игра в домино, как знак гуслярского двора, свободного времяпрепровождения, бессмысленного, но объединяющего, была заявлена в первых же рассказах. Но потом постепенно играли на дворе все реже. Может, потому, что отъехали главные орлы и умельцы – Кац, Погосян и Василь Васильич, а из вновь прибывших подросток Гаврилов и профессор Минц не были игроками...

Почему-то игра в домино, как зрелище, увлекала кинорежиссеров, ставивших фильмы на гуслярские темы. Леонид Горовец в первых вариантах сценария «Недостойного богатыря» предлагал все действие закрутить вокруг районных соревнований по домино, а в его же короткометражном фильме «Родимое пятно» в кадре проезжает трамвай, на борту которого художником картины написано: «Привет участникам великогуслярских межрайонных соревнований по домино!» Правда, трамвай проезжает далеко и быстро, так что прочесть надпись зритель не в состоянии.

В обоих гуслярских фильмах А. Майорова доминошные баталии отражены. Лишь стол для этой благородной игры устанавливался в разных концах калужского двора, да состав играющих менялся.

Что касается меня, то за последние несколько лет о домино в гуслярских рассказах я почти не упоминал – до самого последнего времени.

А вернул меня к домино, как ни странно, великий фантаст Евгений Замятин. В разговоре с Максимом Горьким он рассказал ему о таком фантастическом сюжете: летит к Земле космический корабль, лететь еще долго... Но тут несчастье – оказывается, случилась авария, и теперь корабль не вернется на Землю.

Потеряв управление, он начал падать на звезду. Пройдет несколько месяцев – и он погибнет. Так что же будет делать его экипаж? И Замятин предположил: сначала они будут ужасно переживать, а потом вернутся к обыденным занятиям.

И тогда я подумал, что перед потопом люди находят время для того, чтобы починить забор или сварить компот, который не успеют съесть.

Порой это происходит из-за великого слова «авось». Авось обойдется, авось пронесет... Порой – от отрешенности; помните, как у Толстого: «Не пропадать же щам!» Порой – от того, что иного выхода нет, а существующий порядок вещей настолько незыблем, что даже когда вокруг рушатся небеса, можно игнорировать эту мелочь и продолжать вышивать гладью. В конце концов все на свете условно. Ведь мы с вами знаем, что умрем. Может быть, довольно скоро. Однако это не означает, что знание такого рода заставляет все человечество усесться, бессильно опустив ладони на колени, и ждать смерти.

Человек по натуре слеп. Пророки предупреждают его, мудрецы и юродивые срывают голоса на перекрестках. А человек лишь отмахивается от голосов, как от комара.

Раньше я бы об этом писать не стал. Не только потому, что наш с редактором внутренний цензор не допустил бы таких мыслей на страницы наших оптимистических изданий. Но и потому, что проблема эта не казалась достаточно актуальной. Впереди было открытое пространство, плоскость, по которой предстояло двигаться нашему обществу...

А потом все рухнуло, покатилось под откос... Должно быть страшно. И страшно. Но вышивка гладью не закончена А может быть, вышивка гладью важнее конца света?

И тогда я вспомнил слова Замятина, об игре в домино, о трамвае, который проезжал в фильме Леонида Горовца. И я написал рассказ, действие которого происходит в Великом Гусляре в дни конца света при условии, что моим героям обязательно надо успеть успешно провести районные соревнования по домино.

Рассказ был опубликован в «Советском экране». Я сделал это сознательно, втайне надеясь, что найдется молодой режиссер, которого такая фантасмагория заинтересует.

Мои ожидания оправдались. Из Свердловска с просьбой отдать ему сценарий для «Дебюта» позвонил Михаил Борщевский. Правда, он решил сделать не просто фильм, а рок-оперу. Сначала я удивился и испугался, а потом стало интересно – почему бы не попробовать?

Борщевский сам написал сценарий, снял фильм, и я его увидел. Фильму, к сожалению, как и прочим творениям, увидевшим свет в «Дебюте», не удалось пробиться на настоящий экран, даже на телевизионный. Фильм мне понравился, но меня смущало решение режиссера снабдить весь фильм документальным фоном – кадрами из хроники времен второй мировой войны. Поэтому события завтрашнего дня иллюстрируются в фильме кадрами бомбежки Дрездена и пожара Варшавы. Можно понять молодого режиссера Борщевского, для которого бомбардировка Дрездена – такая же абстракция, как наступающая третья мировая война, но меня столь очевидное повторение событий прошлого несколько смущало.

Впрочем, по возрасту мне уже положено отставать от жизни. Что я и делаю.

Содержание:

ВЕЛИКИЙ ГУСЛЯР т.II

ПЛОДЫ ВНУШЕНИЯ 6
НОВЫЙ СУСАНИН 14
НОВОЕ ПЛАТЬЕ РЭКЕТИРА 50
ПРИШЕЛЬЦЫ НЕ К НАМ 63
ПЕРЕРОЖДЕНЕЦ 77
ОТЦЫ И ДЕТИ 98
ОТРАЖЕНИЕ РОЖИ 106
ЛЕКАРСТВО ОТ ВСЕГО 115
ИДЕАЛЬНАЯ КРЫСА 115
КОМПРОМИСС 117
СМЕРТЬ В ЗЕРКАЛЕ 121
ШКУРКА ВРЕМЕНИ 123
РОКОВАЯ СВАДЬБА 140
РАЗЛЮБИТЕ ЛОЖКИНА! 189
ЖЕНСКОЙ ДОЛЕ ВОПРЕКИ 200
ВИРУСЫ НЕ ОТСТИРЫВАЮТСЯ 206
...НО СТРАННОЮ ЛЮБОВЬЮ 221
РАЗГОВОР С УБИЙЦЕЙ 228
ЛЯЛЬКИ 238
ЗВЕЗДЫ ЗОВУТ! 254
СКАНДАЛ 275
МЕЧТА ЗАОЧНИКА 287

ДЕВОЧКА С ЛЕЙКОЙ **310**
КЛИН КЛИНОМ **330**
ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ СЕРИЯ **340**
ГОЛОВА НА ГРЕНАДИНЕ **353**
ЦЕНА КРОКОДИЛА **368**
ШПИОНСКИЙ БУМЕРАНГ **382**
ЧЕГО ДУША ЖЕЛАЕТ **391**
АЛИСА В СТРАНЕ ФАНТАЗИЙ *Повесть* **409**
ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ВУНДЕРКИНДА **445**
ГОРИЛЛА В БРОНЕЖИЛЕТЕ
ГЛАВА ПЕРВАЯ 463
ГЛАВА ВТОРАЯ 467
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 471
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 477
ГЛАВА ПЯТАЯ 482
ГЛАВА ШЕСТАЯ 484
ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ **485**
ЖИЗНЬ ЗА ТРИЦЕРАТОПСА *Повесть*
ГЛАВА ПЕРВАЯ 498
ГЛАВА ВТОРАЯ 503
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 505
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 511
ГЛАВА ПЯТАЯ 517
ГЛАВА ШЕСТАЯ 520
ГЛАВА СЕДЬМАЯ 527
ГЛАВА ВОСЬМАЯ 531
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ 533
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ 537
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ 546
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ 548

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ 550
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ 557

КОСМОГРАФИЯ РЕВНОСТИ 562

ХАРИЗМА 576

ОБЫСК 593

ТВОЯ РАШЕЛЬ...
ГЛАВА ПЕРВАЯ 608
ГЛАВА ВТОРАЯ 614
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 621
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 622
ГЛАВА ПЯТАЯ 626

ЖЕРТВА ВТОРЖЕНИЯ
ГЛАВА ПЕРВАЯ 634
ГЛАВА ВТОРАЯ 638
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 640
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 644
ГЛАВА ПЯТАЯ 649
ГЛАВА ШЕСТАЯ 653
ГЛАВА СЕДЬМАЯ 654
ГЛАВА ВОСЬМАЯ 657
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ 659
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ 660

НОСТАЛЬДЖИ 661

ХРОНОСПАЙ 684

ВАС МНОГО – Я ОДНА... 696

ТУФЛИ ИЗ КОЖИ ИГУАНОДОНА *Повесть*
1. ВРЕМЯ КАЛЕЧИТ 709
2. БЕДНАЯ РАИСА ЛАУБАЗАНЦ 713
3. МАЛЕНЬКИЙ ЛОРД БЛЯНСКИЙ 717
4. СКЕЛЕТ В ПОДВАЛЕ 732
5. ЗАПРЕТ ДЛЯ ВРЕДИТЕЛЕЙ 736

6. МЫШИНЫЙ ВЫКУП ... 740
7. ПОРАЖЕНИЕ ПОЛИКАРПЫЧА ... 748
8. ОБМЕН КАЧЕСТВАМИ ... 753
9. НАУКА ТОРЖЕСТВУЕТ ... 757
10. У НАС ГЕРОЕМ СТАНОВИТСЯ ЛЮБОЙ ... 765
11. ТАЙНА КСЕНИИ УДАЛОВОЙ ... 772

ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ СНОВА В ПРОДАЖЕ ... 777

ГЕНИЙ ИЗ ГУСЛЯРА ... 829

КСЕНИЯ БЕЗ ГОЛОВЫ ... 869

ОРЕЛ ... 904

ЖЕЛТОЕ ПРИВИДЕНИЕ ... 917

МАРСИАНСКОЕ ЗЕЛЬЕ *Повесть*

Предисловие ... 932
ГЛАВА ПЕРВАЯ ... 933
ГЛАВА ВТОРАЯ ... 940
ГЛАВА ТРЕТЬЯ ... 947
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ... 949
ГЛАВА ПЯТАЯ ... 954
ГЛАВА ШЕСТАЯ ... 957
ГЛАВА СЕДЬМАЯ ... 964
ГЛАВА ВОСЬМАЯ ... 967
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ... 972
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ ... 976
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ ... 982
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ ... 990
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ ... 997
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ... 1001
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ ... 1005
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ ... 1007
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ ... 1011
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ ... 1012
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ... 1016

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ 1018
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ 1021
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ 1023
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ 1024
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ 1028
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ 1032
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ 1037
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ 1041
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ 1045
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ 1054
ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ 1057
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ 1059
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ 1063
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ 1066
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ 1068
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ 1072

ПРИЛОЖЕНИЕ: 1077

Вступление к 12 тому серии «Взрослая фантастика».
Возвращение в Гусляр. – М.: «Хронос», 1996.
Полное собрание сочинений Булычева.

Кир Булычёв

ВЕЛИКИЙ ГУСЛЯР
ТОМ II

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Том 308

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010 не требуется знак информационной продукции, так как данное издание классического произведения имеет значительную историческую, художественную и культурную ценность для общества

Компьютерная верстка, обработка иллюстраций
Е. Гезенцвея

Дизайн обложки, подготовка к печати
А. Яскевича

Гарнитура Гарамонд Премьер Про
13 кегль

Сдано в печать 14.10.2024
Объем 67 печ. листов
Тираж 2000 экз.
Заказ №

Бумага
Сыктывкарская книжная кремовая офсетная 60 г/м^2

ООО «СЗКЭО»
Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: knigi@szko.ru
Интернет-магазин: www.сзкэо.рф

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А,
www.pareto-print.ru

Кир Булычёв (1934–2003) — советский и российский писатель, переводчик, сценарист и востоковед. Свой творческий псевдоним Игорь Всеволодович Можейко составил из имени жены Киры Сошинской и девичьей фамилии матери — Марии Булычёвой. Можейко родился в Москве; в детстве мальчик любил читать, особенно ему нравились произведения писателей-фантастов. После школы он поступил в Московский государственный институт иностранных языков и, окончив его, был на два года командирован в Бирму. Позднее Можейко поступил в аспирантуру Института Востоковедения АН СССР и остался там работать. Он защитил кандидатскую и докторскую диссертации по истории Бирмы, занимался переводами и писал историко-географические очерки для различных журналов. В научных кругах Игорь Всеволодович был известен своими публикациями по истории Юго-Восточной Азии. Фантастические рассказы и повести писатель публиковал исключительно под псевдонимом: в научной среде художественная литература считалась несерьёзной, и Можейко опасался столкнуться с осуждением коллег. Тем не менее, огромный успех он снискал именно как писатель-фантаст: его сочинения о необъятном космосе, далёком будущем и чудесах техники потрясали воображение и стали необычайно популярны ещё при жизни автора. Особенно Булычёв любил писать циклы, например, о космическом докторе Владиславе Павлыше, об очаровательной девочке из будущего Алисе и о чудесном городе Великий Гусляр, в котором реальность тесно переплетается с фантастикой. Данное издание — второй том сочинений о Великом Гусляре. В него вошло сорок два рассказа и четыре повести Булычёва. О Великом Гусляре Булычёв писал на протяжении нескольких десятилетий. Перемены, произошедшие за это время в жизни как самого автора, так и целой страны, не могли не отразиться на гуслярских рассказах. Изменения претерпела и тематика рассказов Булычёва, и само его понимание фантастики. И всё же в Гусляре читателей по-прежнему ждут знакомые герои, инопланетные формы жизни, игра в домино и многие другие приметы гуслярской фантасмагорической реальности.

Тексты сборника проиллюстрированы тремя советскими и российскими художниками. Евгений Тихонович Мигунов (1921–2004) — выдающийся мультипликатор, мастер книжной графики; он часто работал совместно с писателями-фантастами. Булычёвских героев он изображал более сорока лет. Кира Алексеевна Сошинская (1933–2022) — архитектор по образованию, писательница и жена Кира Булычёва. Виктор Михайлович Минеев –– талантливый художник, занимавшийся оформлением различных журналов и проиллюстрировавший множество произведений мировой литературы.